

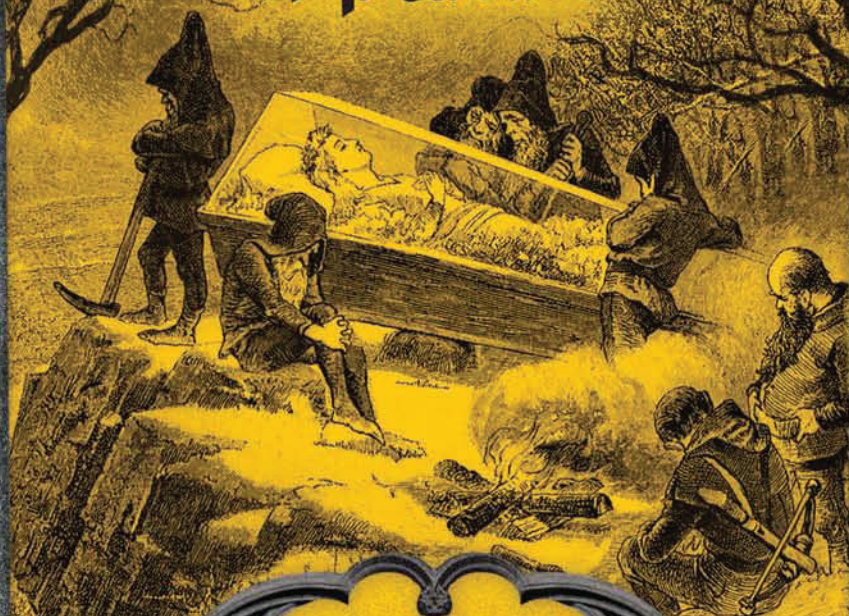
Яков
Гримм

Вильгельм
Гримм

Настоящие сказки братьев Гримм

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г 84

Гримм Я., Гримм В.

Г 84 Настоящие сказки братьев Гримм. Полная версия / Я. Гримм, В. Гримм. – М.: Алгоритм, 2017. – 912 с.: илл. – (Подарочные издания. Иллюстрированная классика)

ISBN 978–5–906979–68–1

*Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!*
(Сказка о заколдованном дереве. Якоб и Вильгельм Гримм)

Впервые в России: полное собрание сказок, собранных братьями Гримм в неадаптированном варианте для взрослых!

Многие известные сказки в оригинале заканчиваются вовсе не счастливо. Дело в том, что в братья Гримм писали свои произведения для взрослых, поэтому сюжеты неадаптированных версий «Золушки», «Белоснежки» и многих других добрых детских сказок легко могли бы лечь в основу сценария современного фильма ужасов.

Сестры Золушки обрезают себе часть ступни, чтобы влезть в хрустальную туфельку, принц из сказки про Рапунцель выкалывает себе ветками глаза, а «добрые» родители Гензеля и Гретель отрубают своим детям руки и ноги. Таких сказок вам еще не доводилось читать... В этом издании впервые публикуются все, включая самые мрачные и пугающие истории оригинального сборника братьев Гримм.

Издание дополнено гравюрами и иллюстрациями XIX века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978–5–906979–68–1

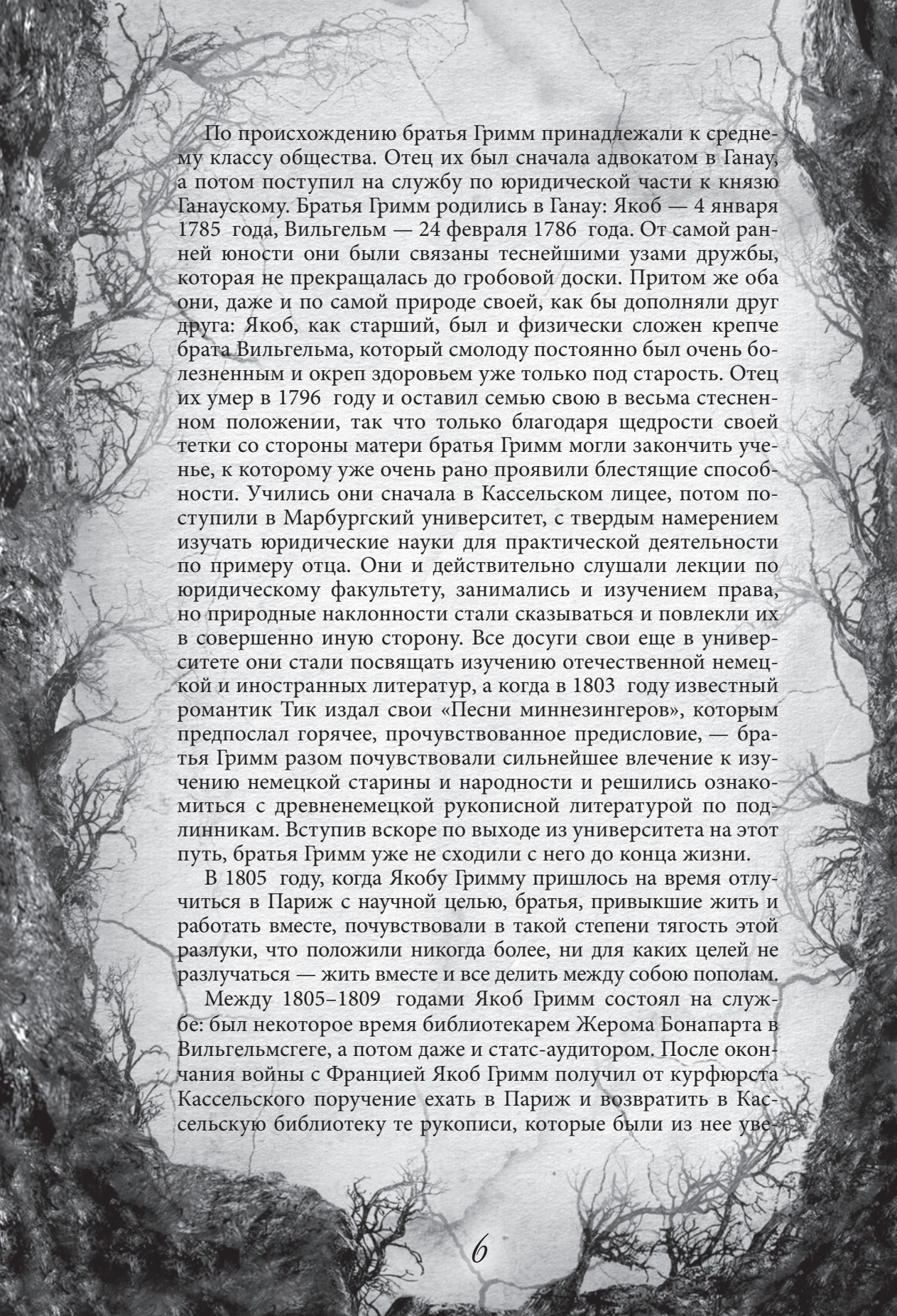
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие Братья Гримм и их сказки

Минуло много лет с той поры, как «Детские и домашние сказки» братьев Гримм впервые вышли в свет. Издание было самое скромное и по внешности, и по объему: в книжке было всего 83 сказки вместо 200, печатаемых в настоящее время. Предисловие, предпосланное сборнику братьями Гримм, было подписано 18 октября принопамятного 1812 года. Книжка была оценена по достоинству в эту эпоху немецкого самосознания, в эту эпоху пробуждения горячих националистических стремлений и пышного расцвета романтики. Еще при жизни братьев Гримм их сборник, постоянно ими дополняемый, выдержал уже 5 или 6 изданий и был переведен почти на все европейские языки.

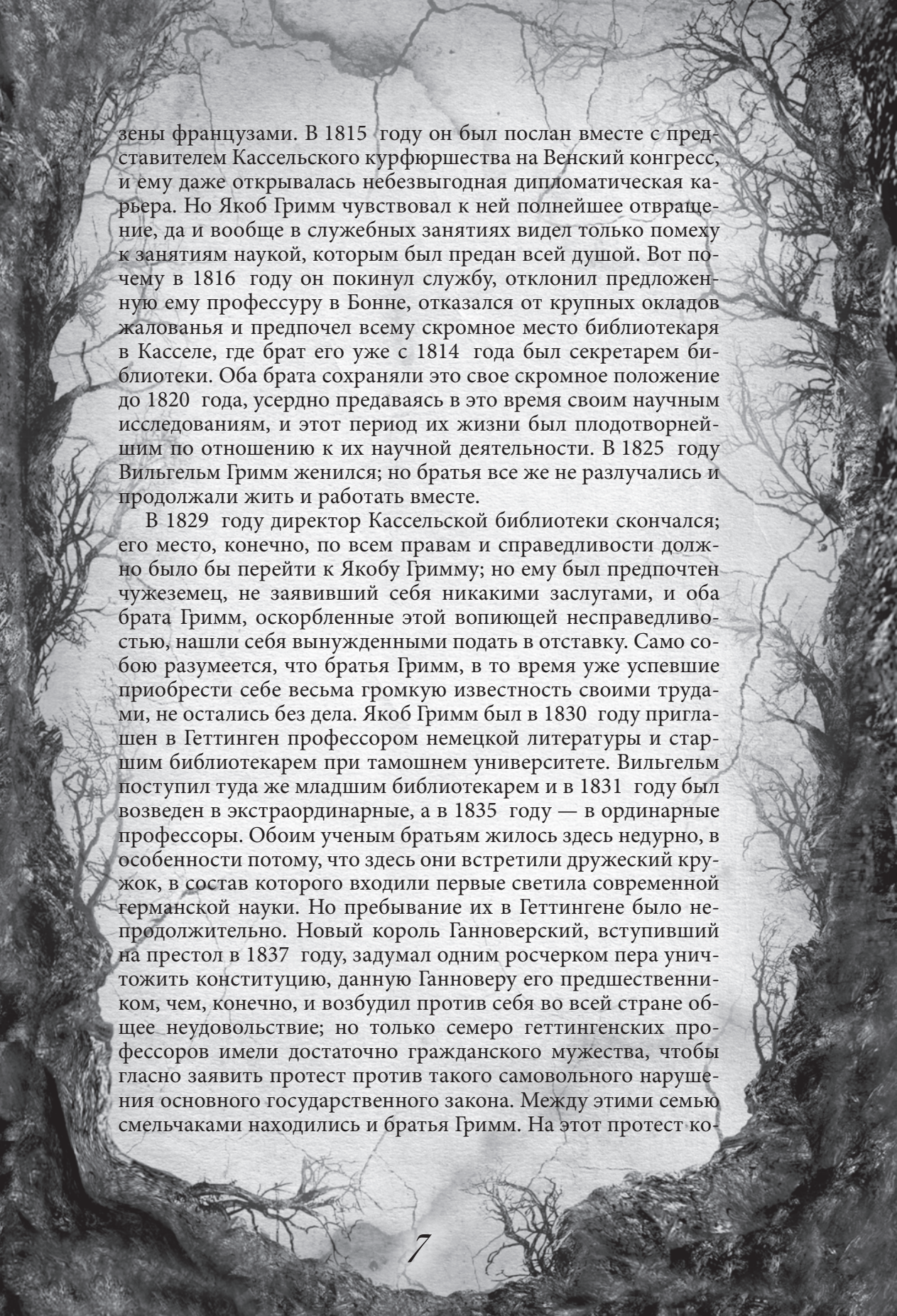
Этот сборник сказок был почти первым, юношеским трудом братьев Гримм, первой их попыткой на пути ученого собирания и ученой обработки памятников древней немецкой литературы и народности. Следуя этому пути, братья Гримм позднее добились громкой славы светил европейской науки и, посвятив всю жизнь своим громадным, поистине бессмертным трудам, оказали косвенным образом весьма сильное влияние и на русскую науку, и на изучение русского языка, старины и народности. Имя их пользуется и в России громкой, вполне заслуженной известностью, произносится и нашими учеными с глубоким уважением... Ввиду этого мы признаем, что здесь далеко не излишним будет помещение краткого, сжатого биографического очерка жизни и деятельности знаменитых братьев Гримм, которых немцы справедливо называют «отцами и родоначальниками германской филологии».

По происхождению братья Гримм принадлежали к среднему классу общества. Отец их был сначала адвокатом в Ганау, а потом поступил на службу по юридической части к князю Ганаускому. Братья Гримм родились в Ганау: Якоб — 4 января 1785 года, Вильгельм — 24 февраля 1786 года. От самой ранней юности они были связаны теснейшими узами дружбы, которая не прекращалась до гробовой доски. Притом же оба они, даже и по самой природе своей, как бы дополняли друг друга: Якоб, как старший, был и физически сложен крепче брата Вильгельма, который смолоду постоянно был очень болезненным и окреп здоровьем уже только под старость. Отец их умер в 1796 году и оставил семью свою в весьма стесненном положении, так что только благодаря щедрости своей тетки со стороны матери братья Гримм могли закончить ученье, к которому уже очень рано проявили блестящие способности. Учились они сначала в Кассельском лицее, потом поступили в Марбургский университет, с твердым намерением изучать юридические науки для практической деятельности по примеру отца. Они и действительно слушали лекции по юридическому факультету, занимались и изучением права, но природные наклонности стали сказываться и повлекли их в совершенно иную сторону. Все досуги свои еще в университете они стали посвящать изучению отечественной немецкой и иностранных литератур, а когда в 1803 году известный романтик Тик издал свои «Песни миннезингеров», которым предпослал горячее, прочувствованное предисловие, — братья Гримм разом почувствовали сильнейшее влечение к изучению немецкой старины и народности и решились ознакомиться с древненемецкой рукописной литературой по подлинникам. Вступив вскоре по выходе из университета на этот путь, братья Гримм уже не сходили с него до конца жизни.

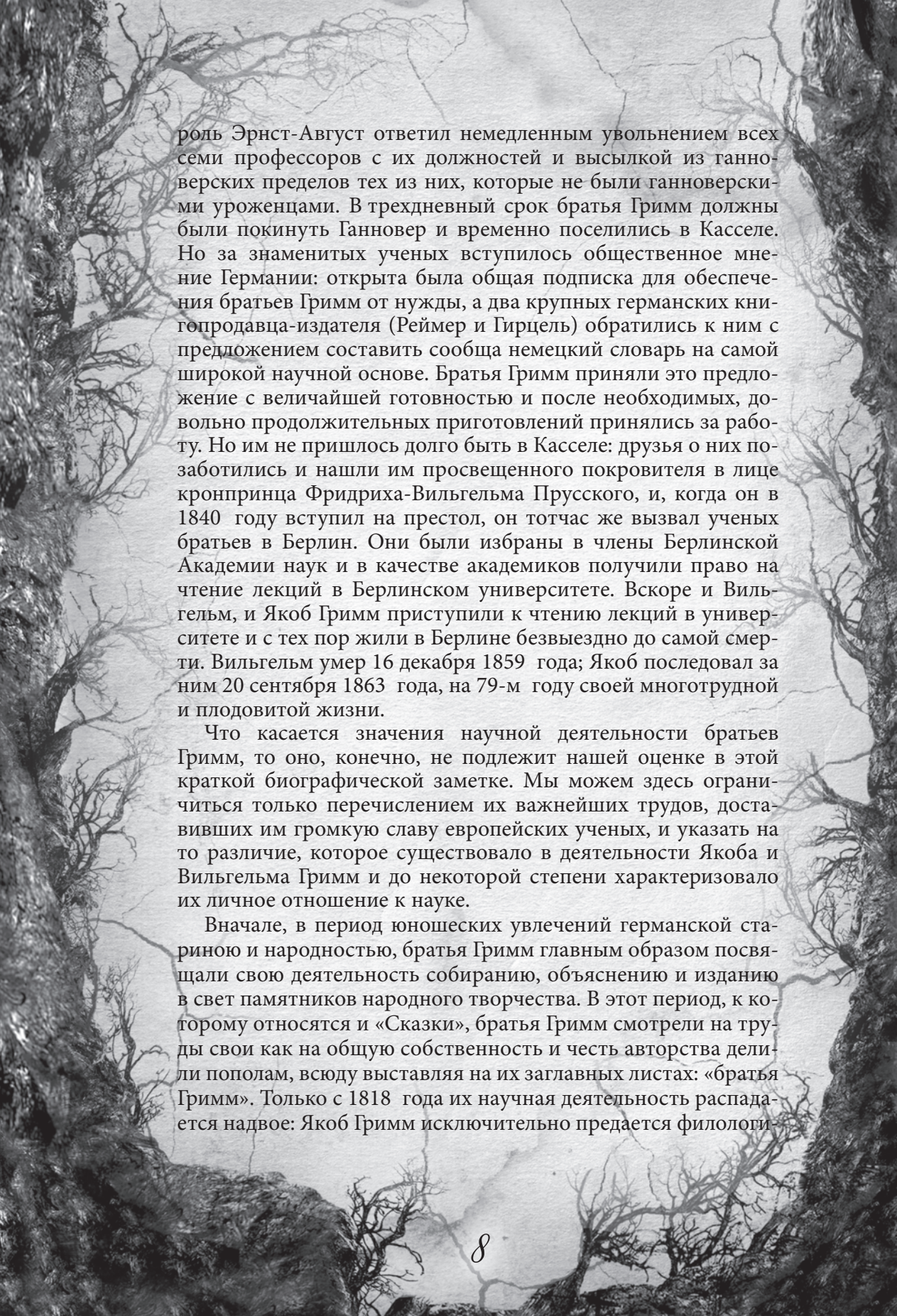
В 1805 году, когда Якобу Гримму пришлось на время отлучиться в Париж с научной целью, братья, привыкшие жить и работать вместе, почувствовали в такой степени тягость этой разлуки, что положили никогда более, ни для каких целей не разлучаться — жить вместе и все делить между собою пополам.

Между 1805–1809 годами Якоб Гримм состоял на службе: был некоторое время библиотекарем Жерома Бонапарта в Вильгельмсгеге, а потом даже и статс-аудитором. После окончания войны с Францией Якоб Гримм получил от курфюрста Кассельского поручение ехать в Париж и возвратит в Кассельскую библиотеку те рукописи, которые были из нее уве-

зены французами. В 1815 году он был послан вместе с представителем Кассельского курфюршества на Венский конгресс, и ему даже открывалась небезвыгодная дипломатическая карьера. Но Якоб Гримм чувствовал к ней полнейшее отвращение, да и вообще в служебных занятиях видел только помеху к занятиям наукой, которым был предан всей душой. Вот почему в 1816 году он покинул службу, отклонил предложенную ему профессию в Бонне, отказался от крупных окладов жалованья и предпочел всему скромное место библиотекаря в Касселе, где брат его уже с 1814 года был секретарем библиотеки. Оба брата сохраняли это свое скромное положение до 1820 года, усердно предаваясь в это время своим научным исследованиям, и этот период их жизни был плодотворнейшим по отношению к их научной деятельности. В 1825 году Вильгельм Гримм женился; но братья все же не разлучались и продолжали жить и работать вместе.

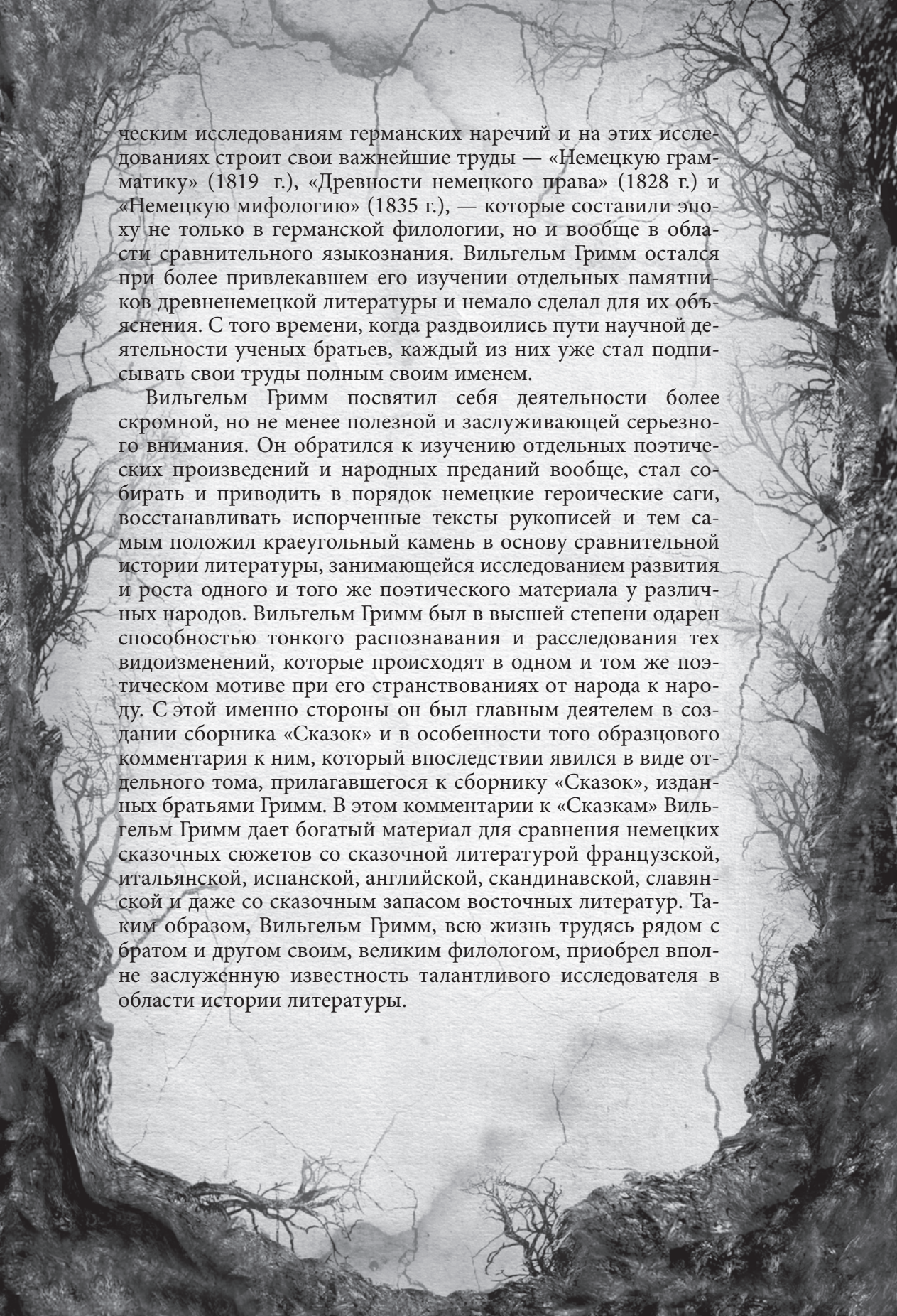
В 1829 году директор Кассельской библиотеки скончался; его место, конечно, по всем правам и справедливости должно было бы перейти к Якобу Гримму; но ему был предпочтен чужеземец, не заявивший себя никакими заслугами, и оба брата Гримм, оскорбленные этой вопиющей несправедливостью, нашли себя вынужденными подать в отставку. Само собою разумеется, что братья Гримм, в то время уже успевшие приобрести себе весьма громкую известность своими трудами, не остались без дела. Якоб Гримм был в 1830 году приглашен в Геттинген профессором немецкой литературы и старшим библиотекарем при тамошнем университете. Вильгельм поступил туда же младшим библиотекарем и в 1831 году был возведен в экстраординарные, а в 1835 году — в обычные профессора. Обоим ученым братьям жилось здесь недурно, в особенности потому, что здесь они встретили дружеский кружок, в состав которого входили первые светила современной германской науки. Но пребывание их в Геттингене было непродолжительно. Новый король Ганноверский, вступивший на престол в 1837 году, задумал одним росчерком пера уничтожить конституцию, данную Ганноверу его предшественником, чем, конечно, и возбудил против себя во всей стране общее неудовольствие; но только семеро геттингенских профессоров имели достаточно гражданского мужества, чтобы гласно заявить протест против такого самовольного нарушения основного государственного закона. Между этими семью смельчаками находились и братья Гримм. На этот протест ко-

роль Эрнст-Август ответил немедленным увольнением всех семи профессоров с их должностей и высылкой из ганноверских пределов тех из них, которые не были ганноверскими уроженцами. В трехдневный срок братья Гримм должны были покинуть Ганновер и временно поселились в Касселе. Но за знаменитых ученых вступилось общественное мнение Германии: открыта была общая подписка для обеспечения братьев Гримм от нужды, а два крупных германских книгопродавца-издателя (Реймер и Гирцель) обратились к ним с предложением составить сообща немецкий словарь на самой широкой научной основе. Братья Гримм приняли это предложение с величайшей готовностью и после необходимых, довольно продолжительных приготовлений принялись за работу. Но им не пришлось долго быть в Касселе: друзья о них позаботились и нашли им просвещенного покровителя в лице кронпринца Фридриха-Вильгельма Прусского, и, когда он в 1840 году вступил на престол, он тотчас же вызвал ученых братьев в Берлин. Они были избраны в члены Берлинской Академии наук и в качестве академиков получили право на чтение лекций в Берлинском университете. Вскоре и Вильгельм, и Якоб Гримм приступили к чтению лекций в университете и с тех пор жили в Берлине безвыездно до самой смерти. Вильгельм умер 16 декабря 1859 года; Якоб последовал за ним 20 сентября 1863 года, на 79-м году своей многотрудной и плодотворной жизни.

Что касается значения научной деятельности братьев Гримм, то оно, конечно, не подлежит нашей оценке в этой краткой биографической заметке. Мы можем здесь ограничиться только перечислением их важнейших трудов, доставивших им громкую славу европейских ученых, и указать на то различие, которое существовало в деятельности Якоба и Вильгельма Гримм и до некоторой степени характеризовало их личное отношение к науке.

Вначале, в период юношеских увлечений германской стариной и народностью, братья Гримм главным образом посвящали свою деятельность собиранию, объяснению и изданию в свет памятников народного творчества. В этот период, к которому относятся и «Сказки», братья Гримм смотрели на труды свои как на общую собственность и честь авторства делили пополам, всюду выставляя на их заглавных листах: «братья Гримм». Только с 1818 года их научная деятельность распадается надвое: Якоб Гримм исключительно предается филологии

ческим исследованиям германских наречий и на этих исследованиях строит свои важнейшие труды — «Немецкую грамматику» (1819 г.), «Древности немецкого права» (1828 г.) и «Немецкую мифологию» (1835 г.), — которые составили эпоху не только в германской филологии, но и вообще в области сравнительного языкознания. Вильгельм Гримм остался при более привлекавшем его изучении отдельных памятников древненемецкой литературы и немало сделал для их объяснения. С того времени, когда раздвоились пути научной деятельности ученых братьев, каждый из них уже стал подписывать свои труды полным своим именем.

Вильгельм Гримм посвятил себя деятельности более скромной, но не менее полезной и заслуживающей серьезно внимания. Он обратился к изучению отдельных поэтических произведений и народных преданий вообще, стал собирать и приводить в порядок немецкие героические саги, восстанавливать испорченные тексты рукописей и тем самым положил краеугольный камень в основу сравнительной истории литературы, занимающейся исследованием развития и роста одного и того же поэтического материала у различных народов. Вильгельм Гримм был в высшей степени одарен способностью тонкого распознавания и расследования тех видоизменений, которые происходят в одном и том же поэтическом мотиве при его странствованиях от народа к народу. С этой именно стороны он был главным деятелем в создании сборника «Сказок» и в особенности того образцового комментария к ним, который впоследствии явился в виде отдельного тома, прилагавшегося к сборнику «Сказок», изданных братьями Гримм. В этом комментарии к «Сказкам» Вильгельм Гримм дает богатый материал для сравнения немецких сказочных сюжетов со сказочной литературой французской, итальянской, испанской, английской, скандинавской, славянской и даже со сказочным запасом восточных литератур. Таким образом, Вильгельм Гримм, всю жизнь трудясь рядом с братом и другом своим, великим филологом, приобрел вполне заслуженную известность талантливого исследователя в области истории литературы.

Король-лягушонок, или Железный Тенрих

В старые годы, когда стоило лишь пожелать чего-нибудь и желание исполнялось, жил-был на свете король; все дочери его были одна краше другой, а уж младшая королевна была так прекрасна, что даже само солнышко, так много выдавшее всяких чудес, и то дивилось, озаряя ее личико.

Близ королевского замка был большой темный лес, а в том лесу под старой липой вырыт был колодец. В жаркие дни заходила королевна в темный лес и садилась у прохладного колодца; а когда ей скучно становилось, брала она золотой мячик, подбрасывала его и ловила: это была ее любимая забава.

Но вот случилось однажды, что подброшенный королевной золотой мяч попал не в протянутые ручки ее, а пролетел мимо, ударился оземь и покатился прямо в воду. Королевна следила за ним глазами, но, увы, мячик исчез в колодце. А колодец был так глубок, так глубок, что и дна не было видно.

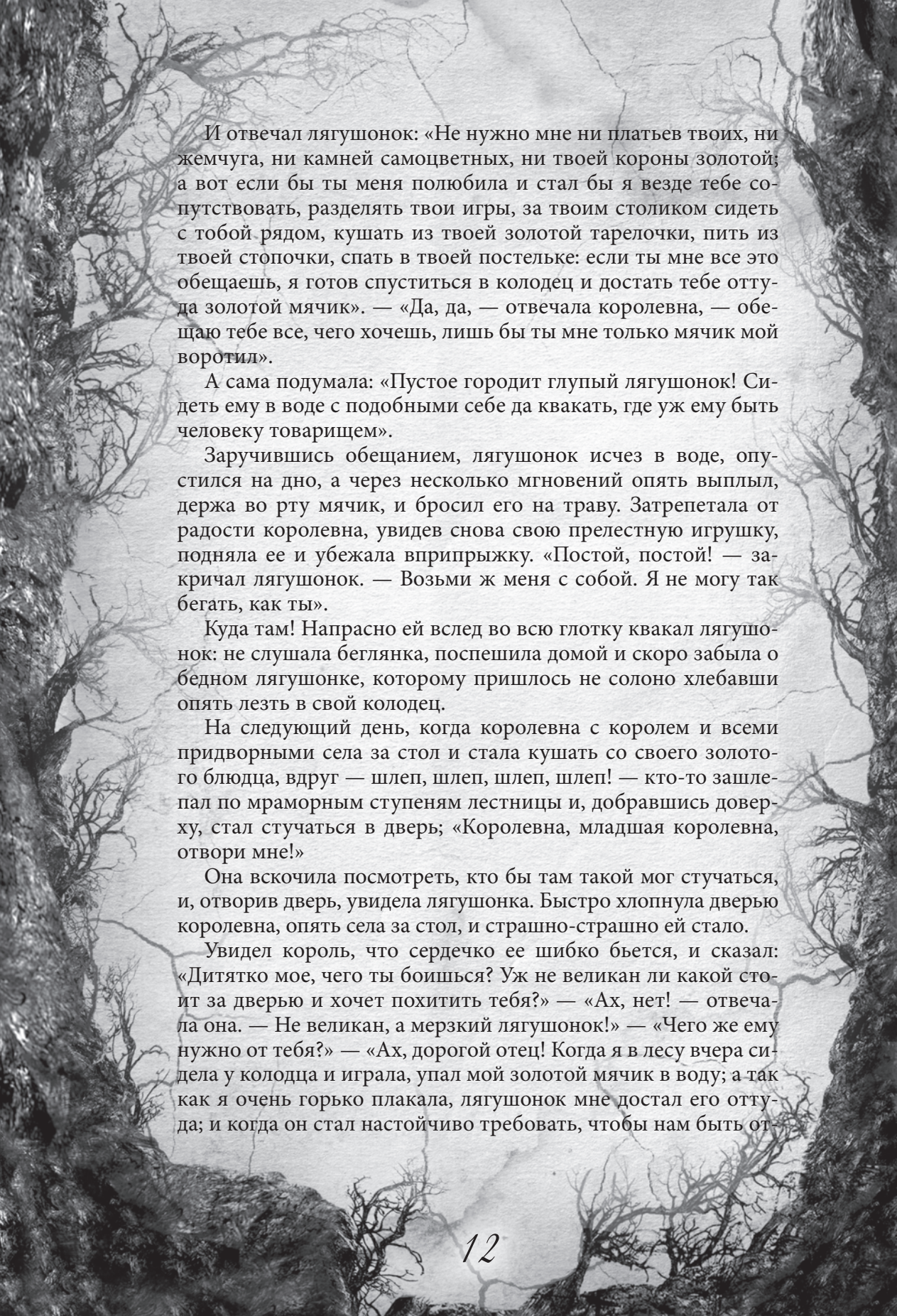
Стала тут королевна плакать, плакала-рыдала все громче да горестней и никак не могла утешиться.

Плачет она, заливаясь, как вдруг слышит чей-то голос: «Да что с тобой, королевна? От твоего плача и в камне жалость явится». Оглянулась она, чтобы узнать, откуда голос ей звучит, и увидела лягушонка, который высунул свою толстую уродливую голову из воды. «Ах, так это ты, старый водошлеп! — сказала девушка. — Плачу я о своем золотом мячике, который в колодец упал». — «Успокойся, не плачь, — отвечал лягушонок, — я могу горю твоему помочь; но что дашь ты мне, если я тебе игрушку достану?» — «Да все, что хочешь, милый лягушонок, — отвечала королевна, — мои платья, жемчуг мой, камения самоцветные, а еще в придачу и корону золотую, которую ношу».

«Король-лягушонок, или Железный Генрих».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Успокойся, не плачь, – отвечал лягушонок, –
я могу горю твоему помочь!...»*

И отвечал лягушонок: «Не нужно мне ни платьев твоих, ни жемчуга, ни камней самоцветных, ни твоей короны золотой; а вот если бы ты меня полюбила и стал бы я везде тебе сопутствовать, разделять твои игры, за твоим столиком сидеть с тобой рядом, кушать из твоей золотой тарелочки, пить из твоей стопочки, спать в твоей постельке: если ты мне все это обещаешь, я готов спуститься в колодец и достать тебе оттуда золотой мячик». — «Да, да, — отвечала королевна, — обещаю тебе все, чего хочешь, лишь бы ты мне только мячик мой воротил».

А сама подумала: «Пустое городит глупый лягушонок! Сидеть ему в воде с подобными себе да квакать, где уж ему быть человеку товарищем».

Заручившись обещанием, лягушонок исчез в воде, опустился на дно, а через несколько мгновений опять выплыл, держа во рту мячик, и бросил его на траву. Затрепетала от радости королевна, увидев снова свою прелестную игрушку, подняла ее и убежала вприпрыжку. «Постой, постой! — закричал лягушонок. — Возьми ж меня с собой. Я не могу так бегать, как ты».

Куда там! Напрасно ей вслед во всю глотку квакал лягушонок: не слушала беглянка, поспешила домой и скоро забыла о бедном лягушонке, которому пришлось не солоно хлебавши опять лезть в свой колодец.

На следующий день, когда королевна с королем и всеми придворными села за стол и стала кушать со своего золотого блюда, вдруг — шлеп, шлеп, шлеп, шлеп! — кто-то зашлепал по мраморным ступеням лестницы и, добравшись доверху, стал стучаться в дверь; «Королевна, младшая королевна, отвори мне!»

Она вскочила посмотреть, кто бы там такой мог стучаться, и, отворив дверь, увидела лягушонка. Быстро хлопнула дверью королевна, опять села за стол, и страшно-страшно ей стало.

Увидел король, что сердечко ее шибко бьется, и сказал: «Дитяtko мое, чего ты боишься? Уж не великан ли какой стоит за дверью и хочет похитить тебя?» — «Ах, нет! — отвечала она. — Не великан, а мерзкий лягушонок!» — «Чего же ему нужно от тебя?» — «Ах, дорогой отец! Когда я в лесу вчера сидела у колодца и играла, упал мой золотой мячик в воду; а так как я очень горько плакала, лягушонок мне достал его оттуда; и когда он стал настойчиво требовать, чтобы нам быть от-

ныне неразлучными, я обещала; но ведь никогда я не думала, что он может из воды выйти. А вот он теперь тут за дверью и хочет войти сюда».

Лягушонок постучал вторично и голос подал:

Королевна, королевна!
Что же ты не открываешь?!
Иль забыла обещастья
У прохладных вод колодца?
Королевна, королевна,
Что же ты не открываешь?

Тогда сказал король: «Что ты обещала, то и должна исполнить; ступай и отвори!»

Она пошла и отворила дверь.

Лягушонок вскочил в комнату и, следуя по пятам за королевной, доскакал до самого ее стула, сел подле и крикнул: «Подними меня!» Королевна все медлила, пока наконец король не приказал ей это исполнить. Едва лягушонка на стул посадили, он уж на стол запросился; посадили на стол, а ему все мало: «Придвинь-ка, — говорит, — свое блюдо золотое поближе ко мне, чтоб мы вместе покушали!»

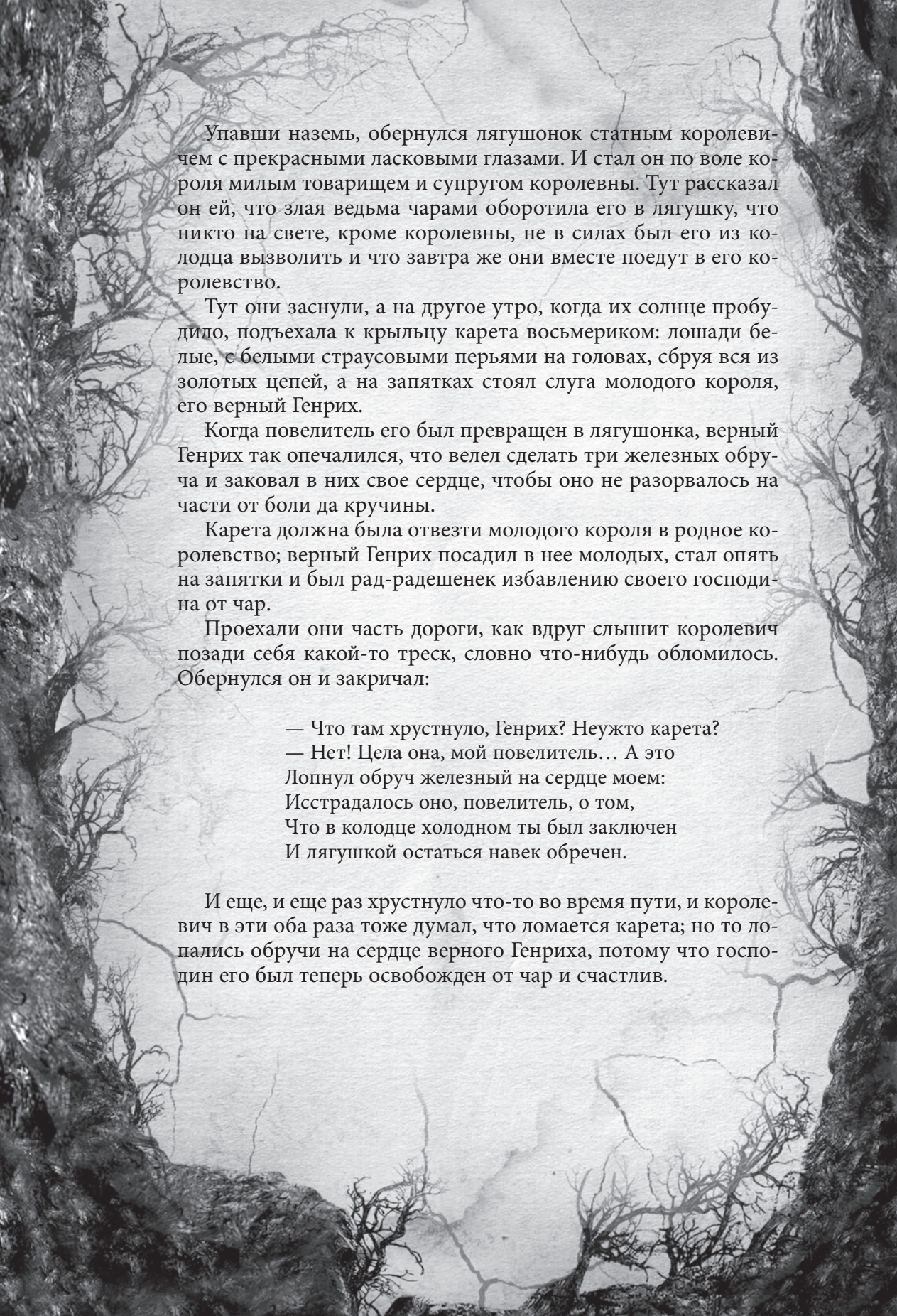
Что делать?! И это исполнила королевна, хотя и с явной неохотой. Лягушонок уплетал кушанья за обе щеки, а молодой хозяйке кусок в горло не лез.

Наконец гость сказал: «Накушался я, да и притомился. Отнеси ж меня в свою комнатку да приготовь свою постельку пуховую, и ляжем-ка мы с тобою спать». Расплакалась королевна, и страшно ей стало холодного лягушонка: и дотронуться-то до него боязно, а тут он еще на королевниной мягкой, чистой постельке почивать будет!

Но король разгневался и сказал: «Кто тебе в беде помог, того тебе потом презирать не годится».

Взяла она лягушонка двумя пальцами, понесла к себе наверх и ткнула в угол.

Но когда она улеглась в постельке, подполз лягушонок и говорит: «Я устал, я хочу спать точно так же, как и ты: подними меня к себе — или я отцу твоему пожалуюсь!» Ну, уж тут королевна рассердилась до чрезвычайности, схватила его и бросила, что было мочи, об стену. «Чай теперь уж ты успокоишься, мерзкая лягушка!»

Упавши наземь, обернулся лягушонок статным королевичем с прекрасными ласковыми глазами. И стал он по воле короля милым товарищем и супругом королевны. Тут рассказал он ей, что злая ведьма чарами оборотила его в лягушку, что никто на свете, кроме королевны, не в силах был его из колодца вызволить и что завтра же они вместе поедут в его королевство.

Тут они заснули, а на другое утро, когда их солнце пробудило, подъехала к крыльцу карета восьмериком: лошади белые, с белыми страусовыми перьями на головах, сбруя вся из золотых цепей, а на запятках стоял слуга молодого короля, его верный Генрих.

Когда повелитель его был превращен в лягушонка, верный Генрих так опечалился, что велел сделать три железных обруча и заковал в них свое сердце, чтобы оно не разорвалось на части от боли да кручины.

Карета должна была отвезти молодого короля в родное королевство; верный Генрих посадил в нее молодых, стал опять на запятки и был рад-радешенек избавлению своего господина от чар.

Проехали они часть дороги, как вдруг слышит королевич позади себя какой-то треск, словно что-нибудь обломилось. Обернулся он и закричал:

— Что там хрустнуло, Генрих? Неужто карета?

— Нет! Цела она, мой повелитель... А это

Лопнул обруч железный на сердце моем:

Истрадалось оно, повелитель, о том,

Что в колодце холодном ты был заключен

И лягушкой остаться навек обречен.

И еще, и еще раз хрустнуло что-то во время пути, и королевич в эти оба раза тоже думал, что ломается карета; но то лопались обручи на сердце верного Генриха, потому что господин его был теперь освобожден от чар и счастлив.

Дружба кошки и мышки

Кошка познакомилась с мышкой и столько пела ей про свою великую любовь и дружбу, что мышка наконец согласилась поселиться с ней в одном доме и завести общее хозяйство. «Да вот к зиме нужно бы нам наготовить припасов, а не то голодать придется, — сказала кошка. — Ты, мышка, не можешь ведь всюду ходить. Того гляди, кончишь тем, что в мышеловку угодишь».

Добрый совет был принят и про запас куплен горшочек жиру. Но не знали они, куда его поставить, пока наконец после долгих рассуждений кошка не сказала: «Я не знаю места для хранения лучше кирхи: оттуда никто не отважится украсть что бы то ни было; мы поставим горшочек под алтарем и примемся за него не прежде, чем нам действительно понадобится».

Итак, горшочек поставили на хранение в верном месте; но немного времени прошло, как захотелось кошке отведать жирку, и говорит она мышке: «Вот что я собиралась тебе сказать, мышка: звана я к сестре двоюродной на крестины; она родила сынка, белого с темными пятнами — так я кумой буду. Ты пусти меня сегодня в гости, а уж домашним хозяйством одна позаймись». — «Да, да, — отвечала мышь, — ступай себе с богом; а если что вкусное скушать доведется, вспомни обо мне: я и сама бы не прочь выпить капельку сладкого красного крестинного винца».

Все это были выдумки: у кошки не было никакой двоюродной сестры, и никто не звал ее на крестины. Пошла она прямехонько в кирху, пробралась к горшочку с жиром, стала лизать и слизала сверху жирную пленочку. Потом прогулялась по городским крышам, осмотрелась кругом, а затем растянулась на солнышке, облизываясь каждый раз, когда вспоминала о горшочке с жиром.

Только ввечеру вернулась она домой. «Ну, вот ты и вернулась, — сказала мышь, — верно, весело денек провела». —

«Да, недурно», — отвечала кошка. «А как звали новорожденного?» — «Початочек», — коротко отвечала кошка. «Початочек?! — воскликнула мышь. — Вот так удивительно странное имя! Или оно принято в вашем семействе?» — «Да о чем тут рассуждать? — сказала кошка. — Оно не хуже, чем Крошкочрад, как зовут твоих крестников».

Немного спустя опять одолело кошку желание полакомиться. Она сказала мышке: «Ты должна оказать мне услугу и еще раз одна позаботиться о хозяйстве: я вторично приглашена на крестины и не могу отказать, так как у новорожденного отметина есть: белое кольцо вокруг шеи».

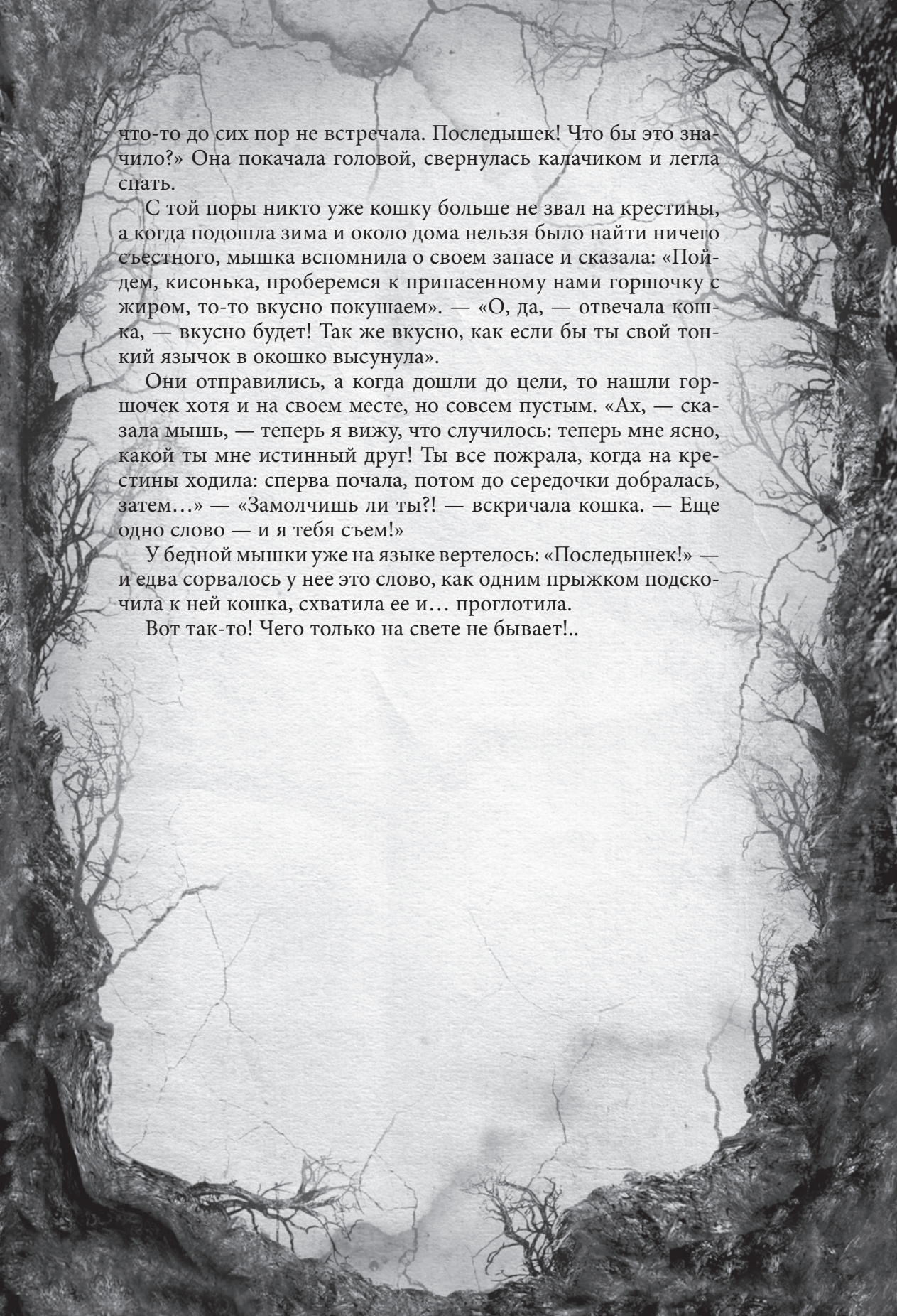
Добрая мышь согласилась, а кошка позади городской стены проскользнула в кирху и съела с полгоршочка жиру. «Вот уж именно ничто так не вкусно, как то, что сама в свое удовольствие покушаешь», — сказала она, очень довольная своим поступком.

Когда она вернулась домой, мышь опять ее спрашивает: «Ну, а как этого детеныша нарекли?» — «Середочкой», — отвечала кошка. «Середочкой?! Да что ты рассказываешь?! Такого имени я отродясь не слыхивала и бьюсь об заклад, что его и в Святцах-то нет!»

А у кошки скоро опять слюнки потекли, полакомиться захотелось. «Бог любит троицу! — сказала она мышке. — Опять мне кумой быть приходится. Детеныш весь черный, как смоль, и только одни лапки у него беленькие, а на всем туловище ни одного белого волоска не найдется. Это случается в два года раз: ты бы отпустила меня туда». — «Початочек, Середочка... — отвечала мышь. — Это такие имена странные, что меня раздумье берет». — «Ты все торчишь дома в своем темно-сером байковом халате и со своей длинной косицей, — сказала кошка, — и причудничаешь: вот что значит днем не выходить из дому».

Мышка во время отсутствия кошки убрала все комнатки и весь дом привела в порядок, а кошка-лакомка дочиста вылизала весь горшочек жиру. «Только тогда на душе и спокойно, когда все съешь», — сказала она себе и лишь поздней ночью вернулась домой, сытая-пресытая.

Мышка сейчас же спросила, какое имя дали третьему детенышу. «Оно тебе, верно, тоже не понравится, — отвечала кошка, — малютку называли Последышек». — «Последышек! — воскликнула мышь. — Это самое подозрительное имя. Я его

что-то до сих пор не встречала. Последышек! Что бы это значило?» Она покачала головой, свернулась калачиком и легла спать.

С той поры никто уже кошку больше не звал на крестины, а когда подошла зима и около дома нельзя было найти ничего съестного, мышка вспомнила о своем запасе и сказала: «Пойдем, кисонька, попробемся к припасенному нами горшочку с жиром, то-то вкусно покушаем». — «О, да, — отвечала кошка, — вкусно будет! Так же вкусно, как если бы ты свой тонкий язычок в окошко высунула».

Они отправились, а когда дошли до цели, то нашли горшочек хотя и на своем месте, но совсем пустым. «Ах, — сказала мышь, — теперь я вижу, что случилось: теперь мне ясно, какой ты мне истинный друг! Ты все пожрала, когда на крестины ходила: сперва почала, потом до середочки добралась, затем...» — «Замолчишь ли ты?! — вскричала кошка. — Еще одно слово — и я тебя съем!»

У бедной мышки уже на языке вертелось: «Последышек!» — и едва сорвалось у нее это слово, как одним прыжком подскочила к ней кошка, схватила ее и... проглотила.

Вот так-то! Чего только на свете не бывает!..

Дитя Марии

На опушке большого леса жил дровосек со своею женой, и было у них единственное дитя — трехлетняя девочка. Были они так бедны, что даже без хлеба насущного сиживали и не знали, чем прокормить ребенка.

Однажды поутру дровосек, подавленный своими заботами, отправился на работу в лес. Стал он там рубить дрова, как вдруг появилась перед ним прекрасная высокая женщина с венцом из ярких звезд на голове и сказала: «Я — Дева Мария, мать младенца Христа. Ты беден, обременен нуждою. Принеси мне свое дитя: я возьму его с собою, буду ему матерью и стану о нем заботиться».

Послушался ее дровосек, принес дитя свое и вручил его Деве Марии, которая и взяла его с собой на небо.

Хорошо там зажило дитя: ело пряники сахарные, пило сладкое молоко, в золотые одежды одевалось, и ангелы играли с ним.

Когда же девочке исполнилось четырнадцать лет, позвала ее однажды к себе Дева Мария и сказала: «Милое дитя, предстоит мне путь неблизкий; так вот, возьми ты на хранение ключи от тринадцати дверей Царства небесного. Двенадцать дверей можешь отпирать и осматривать все великолепие, но тринадцатую дверь, что вот этим маленьким ключиком отпирается, запрещаю тебе отпирать! Не отпирай ее, не то будешь несчастною!»

Девочка обещала быть послушною, и затем, когда Дева Мария удалилась, она начала осматривать обители небесного Царства.

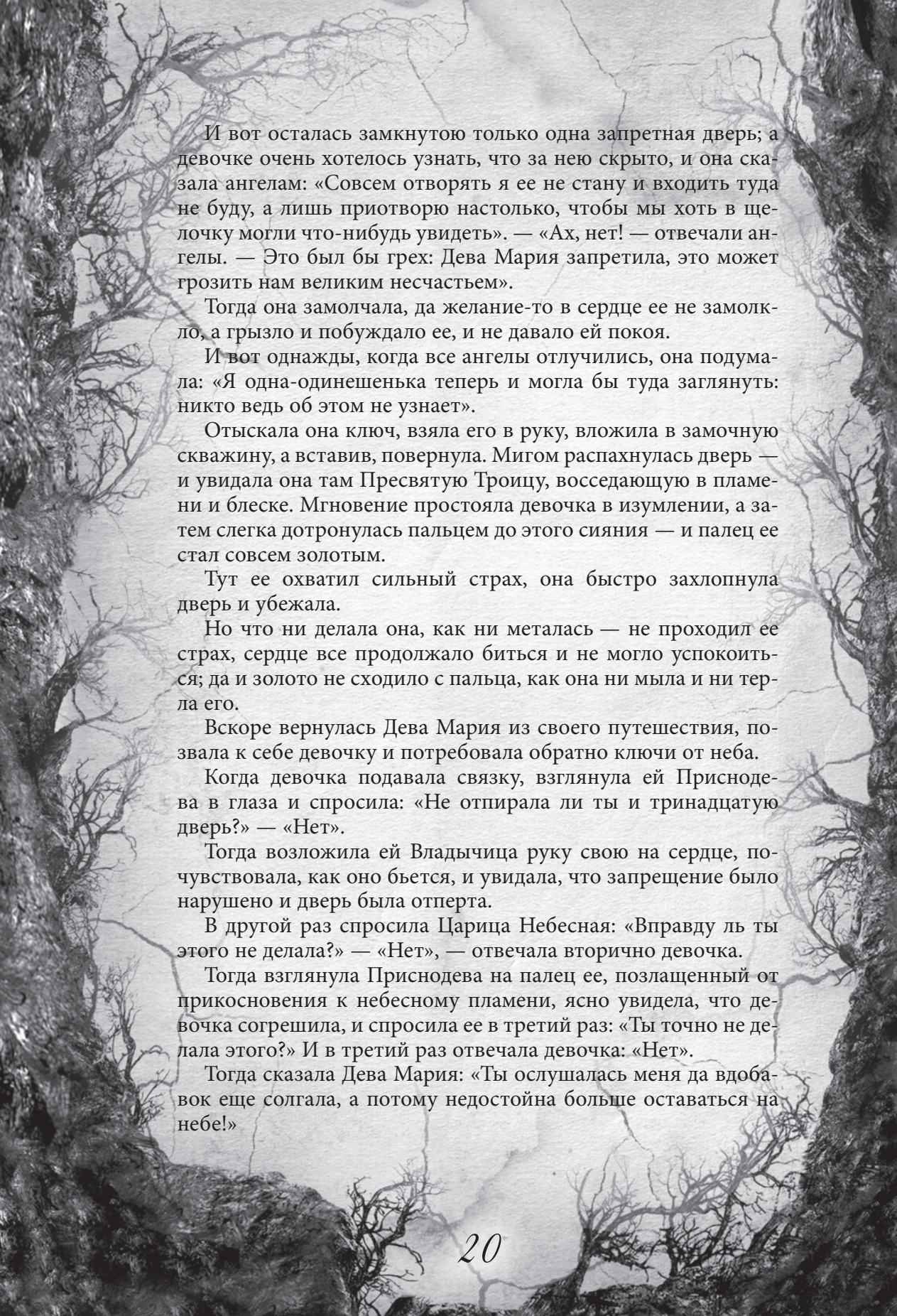
Каждый день отпирала она по одной двери, пока не обошла все двенадцать обителей. В каждой сидел апостол в великом сиянии — и девочка радовалась всей этой пышности и великолепию, и ангелы, всюду ее сопровождавшие, радовались вместе с нею.

«Дитя Марии».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...и Дева Мария сошла на землю с ее новорожденного
дочерью на руках и обомли сыночками по сторонам...»*

И вот осталась замкнутою только одна запретная дверь; а девочке очень хотелось узнать, что за нею скрыто, и она сказала ангелам: «Совсем отворять я ее не стану и входить туда не буду, а лишь приотворю настолько, чтобы мы хоть в щелочку могли что-нибудь увидеть». — «Ах, нет! — отвечали ангелы. — Это был бы грех: Дева Мария запретила, это может грозить нам великим несчастьем».

Тогда она замолчала, да желание-то в сердце ее не замолкло, а грызло и побуждало ее, и не давало ей покоя.

И вот однажды, когда все ангелы отлучились, она подумала: «Я одна-одинешенька теперь и могла бы туда заглянуть: никто ведь об этом не узнает».

Отыскала она ключ, взяла его в руку, вложила в замочную скважину, а вставив, повернула. Мигом распахнулась дверь — и увидала она там Пресвятую Троицу, восседающую в пламени и блеске. Мгновение простояла девочка в изумлении, а затем слегка дотронулась пальцем до этого сияния — и палец ее стал совсем золотым.

Тут ее охватил сильный страх, она быстро захлопнула дверь и убежала.

Но что ни делала она, как ни металась — не проходил ее страх, сердце все продолжало биться и не могло успокоиться; да и золото не сходило с пальца, как она ни мыла и ни терла его.

Вскоре вернулась Дева Мария из своего путешествия, позвала к себе девочку и потребовала обратно ключи от неба.

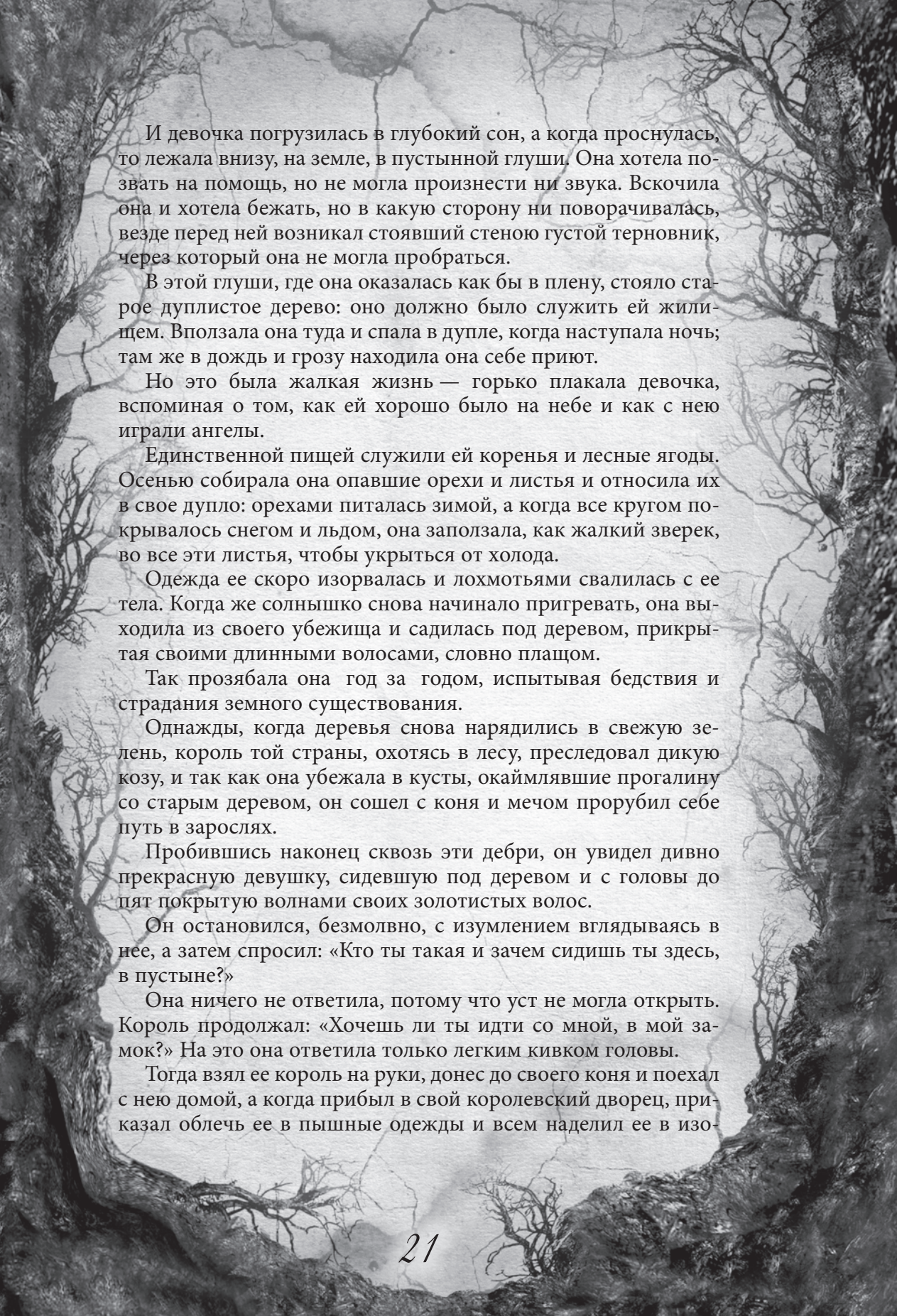
Когда девочка подавала связку, взглянула ей Приснодева в глаза и спросила: «Не отпирала ли ты и тринадцатую дверь?» — «Нет».

Тогда возложила ей Владычица руку свою на сердце, почувствовала, как оно бьется, и увидала, что запрещение было нарушено и дверь была отперта.

В другой раз спросила Царица Небесная: «Вправду ль ты этого не делала?» — «Нет», — отвечала вторично девочка.

Тогда взглянула Приснодева на палец ее, позлащенный от прикосновения к небесному пламени, ясно увидела, что девочка согрешила, и спросила ее в третий раз: «Ты точно не делала этого?» И в третий раз отвечала девочка: «Нет».

Тогда сказала Дева Мария: «Ты послушалась меня да вдобавок еще солгала, а потому недостойна больше оставаться на небе!»

И девочка погрузилась в глубокий сон, а когда проснулась, то лежала внизу, на земле, в пустынной глуши. Она хотела позвать на помощь, но не могла произнести ни звука. Вскочила она и хотела бежать, но в какую сторону ни поворачивалась, везде перед ней возникал стоявший стеною густой терновник, через который она не могла пробраться.

В этой глуши, где она оказалась как бы в плену, стояло старое дуплистое дерево: оно должно было служить ей жилищем. Вползала она туда и спала в дупле, когда наступала ночь; там же в дождь и грозу находила она себе приют.

Но это была жалкая жизнь — горько плакала девочка, вспоминая о том, как ей хорошо было на небе и как с нею играли ангелы.

Единственной пищей служили ей корни и лесные ягоды. Осенью собирала она опавшие орехи и листья и относила их в свое дупло: орехами питалась зимой, а когда все кругом покрывалось снегом и льдом, она заползала, как жалкий зверек, во все эти листья, чтобы укрыться от холода.

Одежда ее скоро изорвалась и лохмотьями свалилась с ее тела. Когда же солнышко снова начинало пригревать, она выходила из своего убежища и садилась под деревом, прикрытая своими длинными волосами, словно плащом.

Так прозябала она год за годом, испытывая бедствия и страдания земного существования.

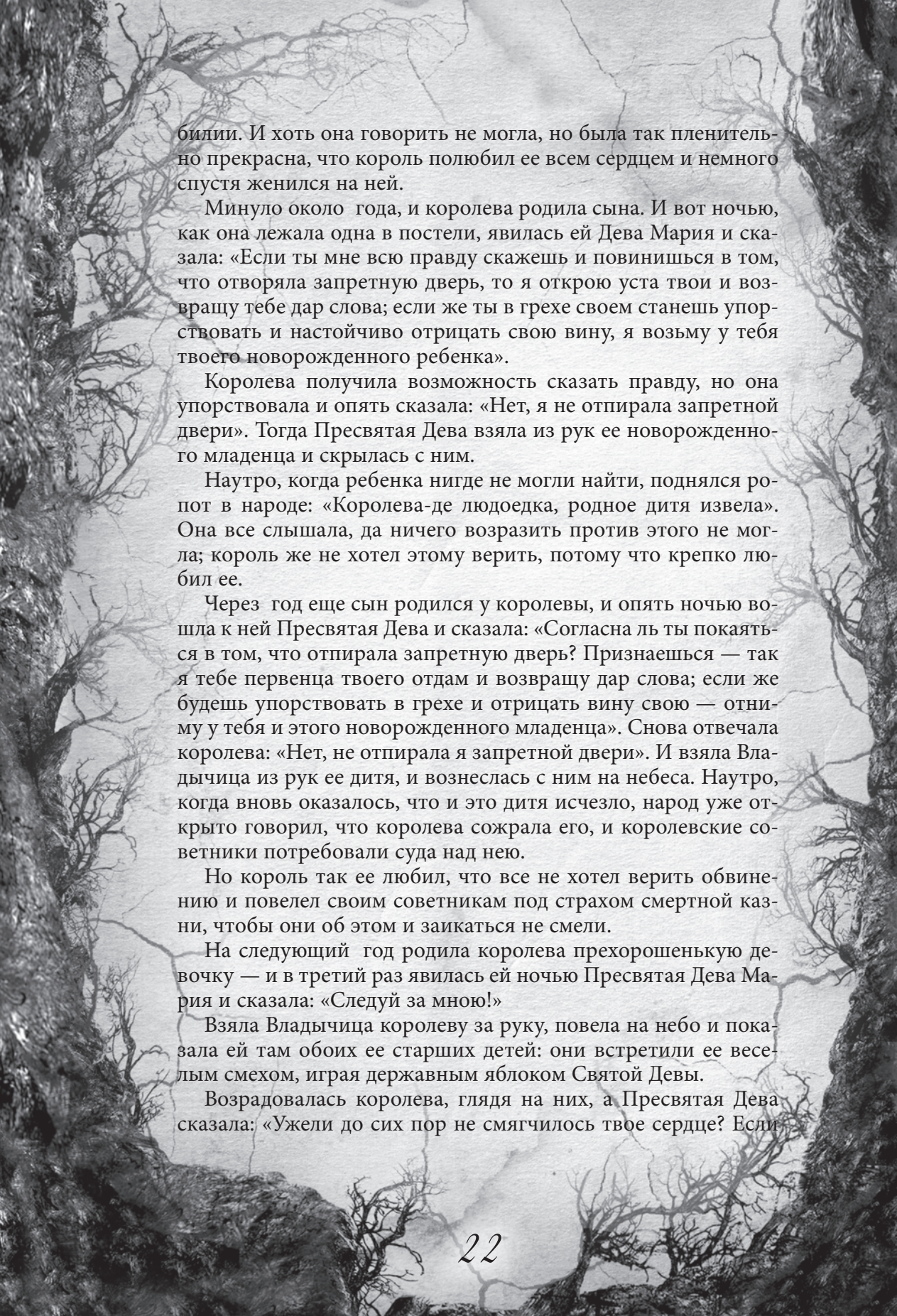
Однажды, когда деревья снова нарядились в свежую зелень, король той страны, охотясь в лесу, преследовал дикую козу, и так как она убежала в кусты, окаймлявшие прогалину со старым деревом, он сошел с коня и мечом прорубил себе путь в зарослях.

Пробившись наконец сквозь эти дебри, он увидел дивно прекрасную девушку, сидевшую под деревом и с головы до пят покрытую волнами своих золотистых волос.

Он остановился, безмолвно, с изумлением вглядываясь в нее, а затем спросил: «Кто ты такая и зачем сидишь ты здесь, в пустыне?»

Она ничего не ответила, потому что уст не могла открыть. Король продолжал: «Хочешь ли ты идти со мной, в мой замок?» На это она ответила только легким кивком головы.

Тогда взял ее король на руки, донес до своего коня и поехал с нею домой, а когда прибыл в свой королевский дворец, приказал облечь ее в пышные одежды и всем наделил ее в изо-

бии. И хоть она говорить не могла, но была так пленительно прекрасна, что король полюбил ее всем сердцем и немного спустя женился на ней.

Минуло около года, и королева родила сына. И вот ночью, как она лежала одна в постели, явилась ей Дева Мария и сказала: «Если ты мне всю правду скажешь и повинись в том, что отворяла запретную дверь, то я открою уста твои и возвращу тебе дар слова; если же ты в грехе своем станешь упорствовать и настойчиво отрицать свою вину, я возьму у тебя твоего новорожденного ребенка».

Королева получила возможность сказать правду, но она упорствовала и опять сказала: «Нет, я не отпирала запретной двери». Тогда Пресвятая Дева взяла из рук ее новорожденного младенца и скрылась с ним.

Наутро, когда ребенка нигде не могли найти, поднялся ропот в народе: «Королева-де людоедка, родное дитя извела». Она все слышала, да ничего возразить против этого не могла; король же не хотел этому верить, потому что крепко любил ее.

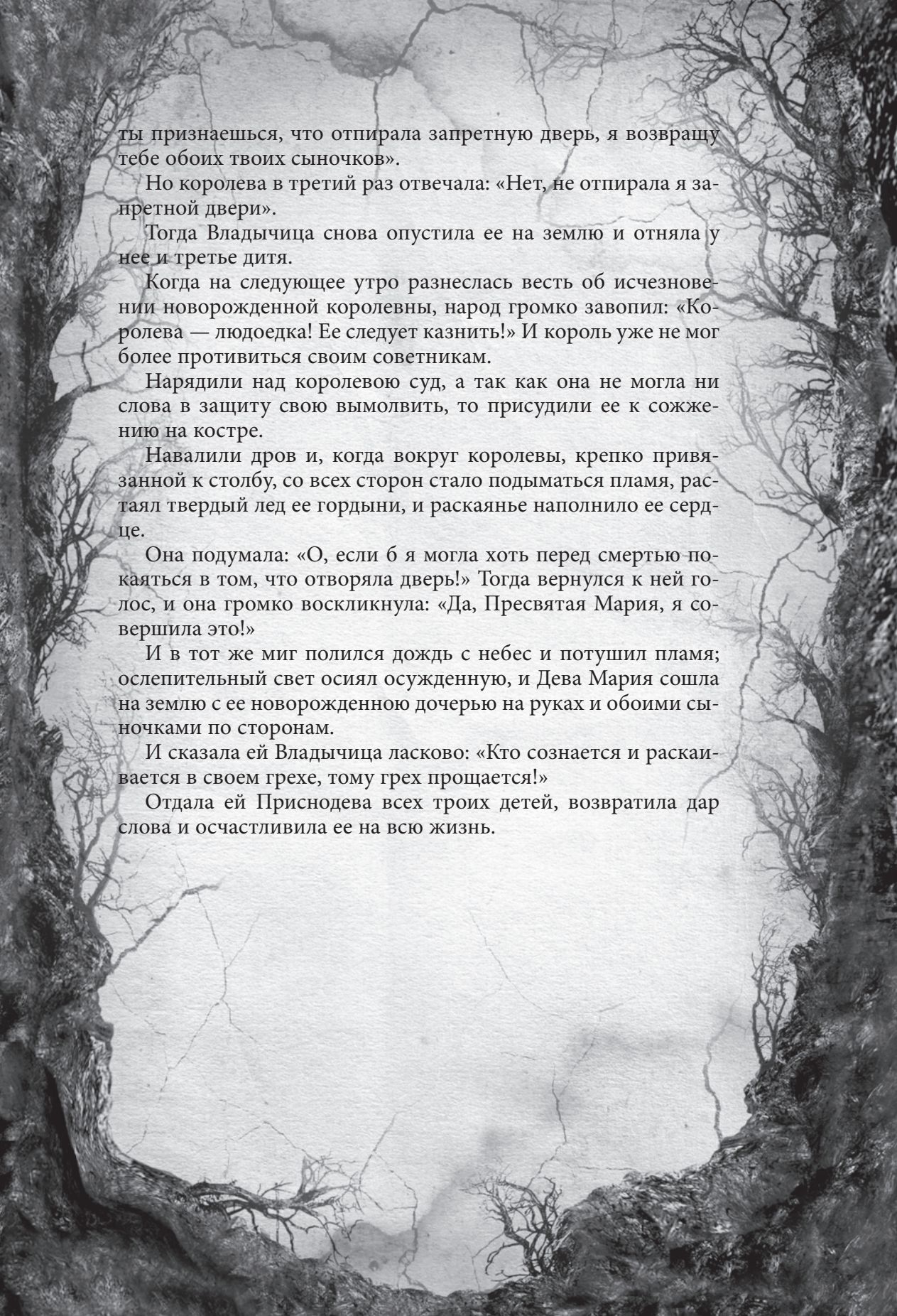
Через год еще сын родился у королевы, и опять ночью вошла к ней Пресвятая Дева и сказала: «Согласна ль ты покаяться в том, что отпирала запретную дверь? Признаешься — так я тебе первенца твоего отдам и возвращу дар слова; если же будешь упорствовать в грехе и отрицать вину свою — отниму у тебя и этого новорожденного младенца». Снова отвечала королева: «Нет, не отпирала я запретной двери». И взяла Владычица из рук ее дитя, и вознеслась с ним на небеса. Наутро, когда вновь оказалось, что и это дитя исчезло, народ уже открыто говорил, что королева сожрала его, и королевские советники потребовали суда над нею.

Но король так ее любил, что все не хотел верить обвинению и повелел своим советникам под страхом смертной казни, чтобы они об этом и заикаться не смели.

На следующий год родила королева прехорошенькую девочку — и в третий раз явилась ей ночью Пресвятая Дева Мария и сказала: «Следуй за мною!»

Взяла Владычица королеву за руку, повела на небо и показала ей там обоих ее старших детей: они встретили ее веселым смехом, играя державным яблоком Святой Девы.

Возрадовалась королева, глядя на них, а Пресвятая Дева сказала: «Ужели до сих пор не смягчилось твое сердце? Если

ты признаешься, что отпирала запретную дверь, я возвращу тебе обоих твоих сыночков».

Но королева в третий раз отвечала: «Нет, не отпирала я запретной двери».

Тогда Владычица снова опустила ее на землю и отняла у нее и третье дитя.

Когда на следующее утро разнеслась весть об исчезновении новорожденной королевны, народ громко завопил: «Королева — людоедка! Ее следует казнить!» И король уже не мог более противиться своим советникам.

Нарядили над королевой суд, а так как она не могла ни слова в защиту свою вымолвить, то присудили ее к сожжению на костре.

Навалили дров и, когда вокруг королевы, крепко привязанной к столбу, со всех сторон стало подыматься пламя, растаял твердый лед ее гордыни, и раскаянье наполнило ее сердце.

Она подумала: «О, если б я могла хоть перед смертью покаяться в том, что отворяла дверь!» Тогда вернулся к ней голос, и она громко воскликнула: «Да, Пресвятая Мария, я совершила это!»

И в тот же миг полился дождь с небес и потушил пламя; ослепительный свет осиял осужденную, и Дева Мария сошла на землю с ее новорожденною дочерью на руках и обоими сыночками по сторонам.

И сказала ей Владычица ласково: «Кто сознается и раскаивается в своем грехе, тому грех прощается!»

Отдала ей Приснодева всех троих детей, возвратила дар слова и осчастливила ее на всю жизнь.

Сказка о том, кто ходил страху учиться

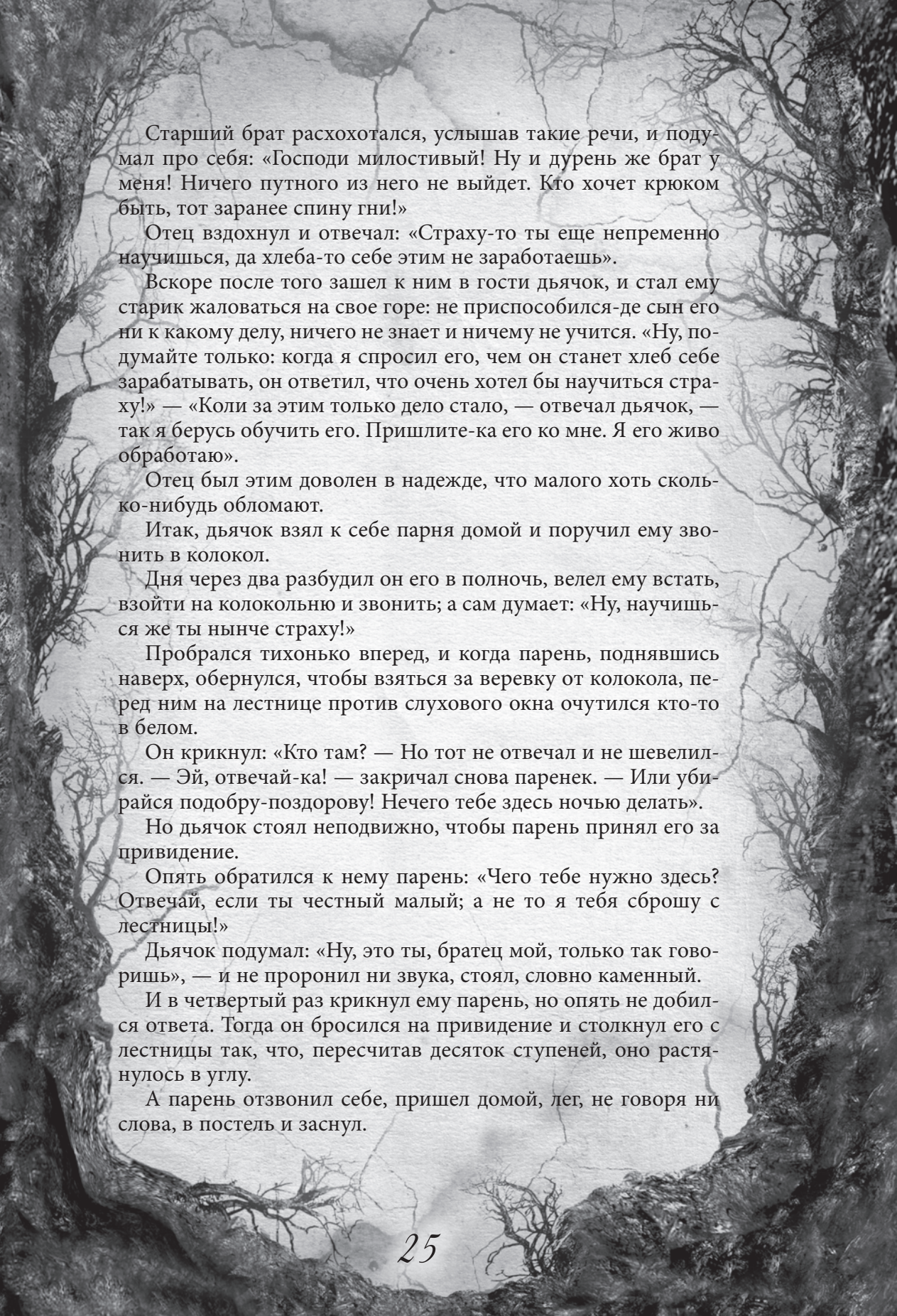
дин отец жил с двумя сыновьями. Старший был умен, сметлив, и всякое дело у него спорилось в руках, а младший был глуп, непонятлив и ничему научиться не мог.

Люди говорили, глядя на него: «С этим отец еще не оберется хлопот!»

Когда нужно было сделать что-нибудь, все должен был один старший работать; но зато он был робок, и когда его отец за чем-нибудь посылал позднюю порой, особенно ночью, и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места, он отвечал: «Ах, нет, батюшка, не пойду я туда! Уж очень боязно мне».

Порой, когда вечером у камелька шли рассказы, от которых мороз по коже продирали, слушатели восклицали: «Ах, страсти какие!» А младший слушал, сидя в своем углу, и никак понять не мог, что это значило: «Вот затвердили-то: страшно да страшно! А мне вот ни капельки не страшно! И вовсе я не умею бояться. Должно быть, это также одна из тех премудростей, в которых я ничего не смыслю».

Однажды сказал ему отец: «Послушай-ка, ты, там, в углу! Ты растешь и силы набираешься: надо ж и тебе научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы добывать себе хлеб насущный. Видишь, как трудится твой брат; а тебя, право, даром хлебом кормить приходится». — «Эх, батюшка! — отвечал тот. — Очень бы хотел я научиться чему-нибудь. Да уж коли на то пошло, очень хотелось бы мне научиться страху: я ведь совсем не умею бояться».

Старший брат расхохотался, услышав такие речи, и подумал про себя: «Господи милостивый! Ну и дурень же брат у меня! Ничего путного из него не выйдет. Кто хочет крюком быть, тот заранее спину гни!»

Отец вздохнул и отвечал: «Страху-то ты еще непременно научишься, да хлеба-то себе этим не заработаешь».

Вскоре после того зашел к ним в гости дьячок, и стал ему старик жаловаться на свое горе: не приспособился-де сын его ни к какому делу, ничего не знает и ничему не учится. «Ну, подумайте только: когда я спросил его, чем он станет хлеб себе зарабатывать, он ответил, что очень хотел бы научиться страху!» — «Коли за этим только дело стало, — отвечал дьячок, — так я берусь обучить его. Пришлите-ка его ко мне. Я его живо обработаю».

Отец был этим доволен в надежде, что малого хоть сколько-нибудь обломают.

Итак, дьячок взял к себе парня домой и поручил ему звонить в колокол.

Дня через два разбудил он его в полночь, велел ему встать, взойти на колокольню и звонить; а сам думает: «Ну, научишься же ты нынче страху!»

Пробрался тихонько вперед, и когда парень, поднявшись наверх, обернулся, чтобы взяться за веревку от колокола, перед ним на лестнице против слухового окна очутился кто-то в белом.

Он крикнул: «Кто там? — Но тот не отвечал и не шевелился. — Эй, отвечай-ка! — закричал снова паренек. — Или убирайся подобру-поздорову! Нечего тебе здесь ночью делать».

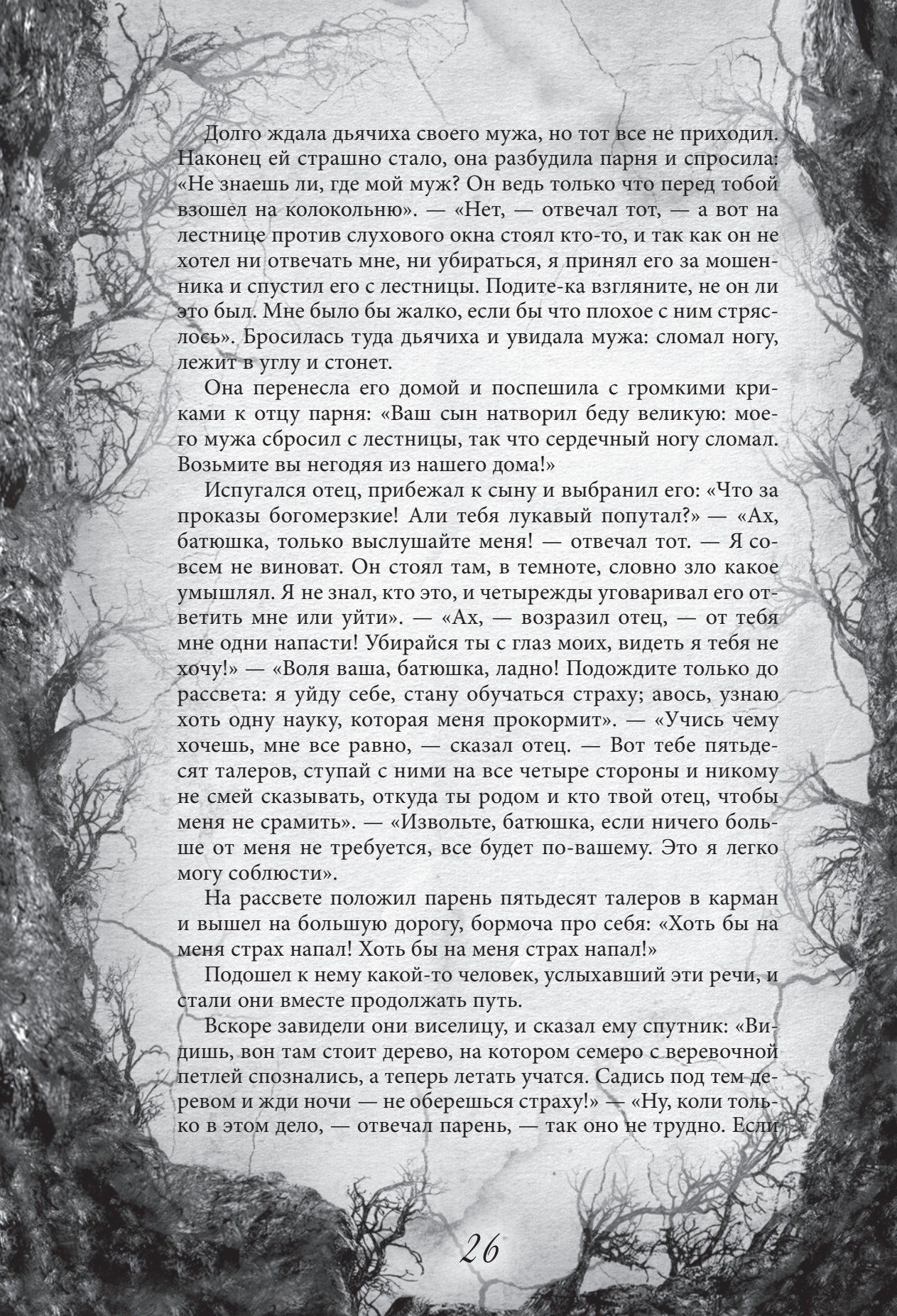
Но дьячок стоял неподвижно, чтобы парень принял его за привидение.

Опять обратился к нему парень: «Чего тебе нужно здесь? Отвечай, если ты честный малый; а не то я тебя сброшу с лестницы!»

Дьячок подумал: «Ну, это ты, братец мой, только так говоришь», — и не проронил ни звука, стоял, словно каменный.

И в четвертый раз крикнул ему парень, но опять не добился ответа. Тогда он бросился на привидение и столкнул его с лестницы так, что, пересчитав десяток ступеней, оно растянулось в углу.

А парень отзвонил себе, пришел домой, лег, не говоря ни слова, в постель и заснул.

Долго ждала дьячиха своего мужа, но тот все не приходил. Наконец ей страшно стало, она разбудила парня и спросила: «Не знаешь ли, где мой муж? Он ведь только что перед тобой взошел на колокольню». — «Нет, — отвечал тот, — а вот на лестнице против слухового окна стоял кто-то, и так как он не хотел ни отвечать мне, ни убираться, я принял его за мошенника и спустил его с лестницы. Подите-ка взгляните, не он ли это был. Мне было бы жалко, если бы что плохое с ним стряслось». Бросилась туда дьячиха и увидала мужа: сломал ногу, лежит в углу и стонет.

Она перенесла его домой и поспешила с громкими криками к отцу парня: «Ваш сын натворил беду великую: моего мужа сбросил с лестницы, так что сердечный ногу сломал. Возьмите вы негодяя из нашего дома!»

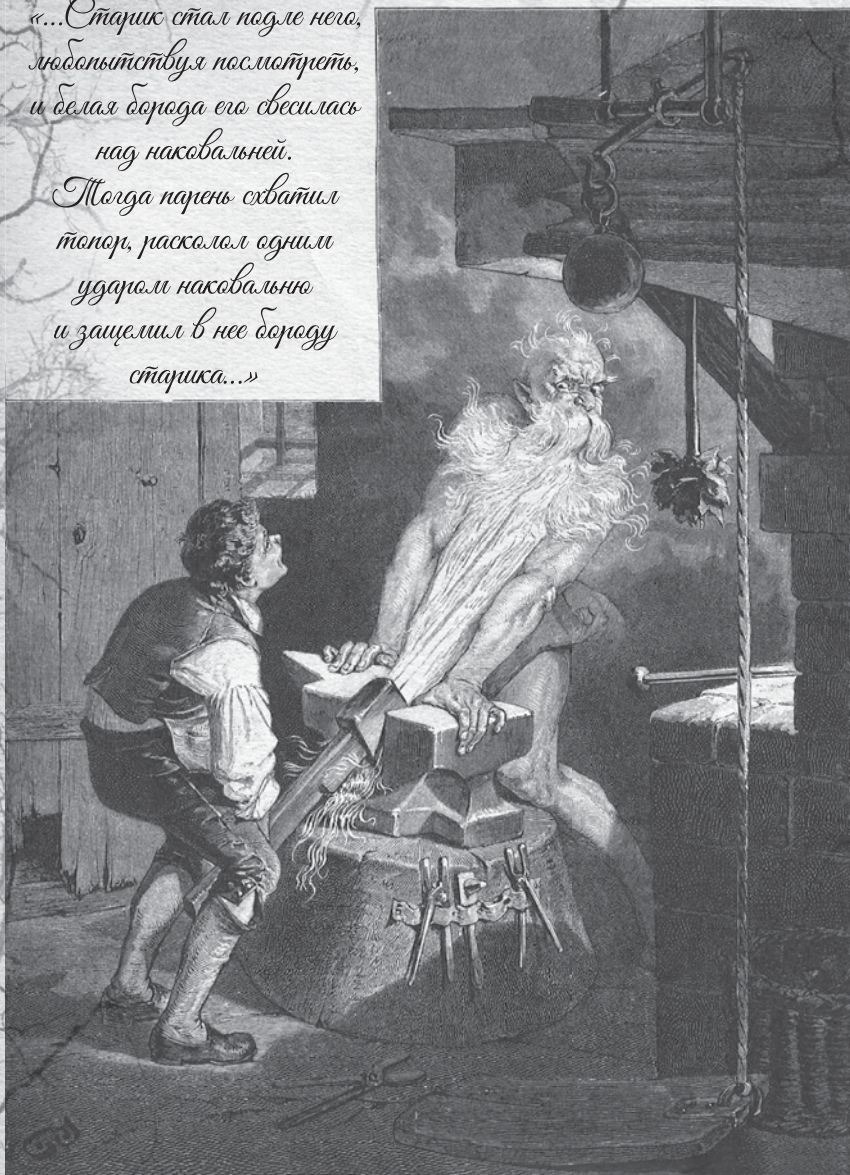
Испугался отец, прибежал к сыну и выбралил его: «Что за проказы богомерзкие! Али тебя лукавый попутал?» — «Ах, батюшка, только выслушайте меня! — отвечал тот. — Я совсем не виноват. Он стоял там, в темноте, словно зло какое умышлял. Я не знал, кто это, и четырежды уговаривал его ответить мне или уйти». — «Ах, — возразил отец, — от тебя мне одни напасти! Убирайся ты с глаз моих, видеть я тебя не хочу!» — «Воля ваша, батюшка, ладно! Подождите только до рассвета: я уйду себе, стану обучаться страху; авось, узнаю хоть одну науку, которая меня прокормит». — «Учись чему хочешь, мне все равно, — сказал отец. — Вот тебе пятьдесят талеров, ступай с ними на все четыре стороны и никому не смей сказывать, откуда ты родом и кто твой отец, чтобы меня не срамить». — «Извольте, батюшка, если ничего больше от меня не требуется, все будет по-вашему. Это я легко могу соблюсти».

На рассвете положил парень пятьдесят талеров в карман и вышел на большую дорогу, бормоча про себя: «Хоть бы на меня страх напал! Хоть бы на меня страх напал!»

Подошел к нему какой-то человек, услышавший эти речи, и стали они вместе продолжать путь.

Вскоре завидели они виселицу, и сказал ему спутник: «Видишь, вон там стоит дерево, на котором семеро с веревочной петлей спознались, а теперь летать учатся. Садись под тем деревом и жди ночи — не оберешься страху!» — «Ну, коли только в этом дело, — отвечал парень, — так оно не трудно. Если

«...Старик стал подле него,
любопытствуя посмотреть,
и белая борода его свесилась
над наковальней.
Тогда парень схватил
топор, расколол одним
ударом наковальню
и зацепил в нее бороду
старика...»

«Сказка о том, кто ходил страху учиться».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

я так скоро научусь страху, то тебе достанутся мои пятьдесят талеров: приходи только завтра рано утром сюда ко мне».

Затем подошел к виселице, сел под нею и дождался там вечера. Ему стало холодно, и он развел костер, но к полуночи так посвежел ветер, что парень и при огне никак не мог согреться.

Ветер раскачивал трупы повешенных, они стукались друг о друга. И подумал парень: «Мне холодно даже здесь, у огня, — каково же им мерзнуть и мотаться там наверху?»

И, так как сердце у него было сострадающее, он приставил лестницу, влез наверх, отвязал висельников одного за другим и спустил всех семерых наземь. Затем он раздул хорошенько огонь и рассажал их всех кругом, чтобы они могли согреться.

Но они сидели неподвижно, так что пламя стало охватывать их одежды. Он сказал им: «Эй, вы, берегитесь! А не то я вас опять повешу!» Но мертвецы ничего не слышали, молчали и не мешали гореть своим лохмотьям.

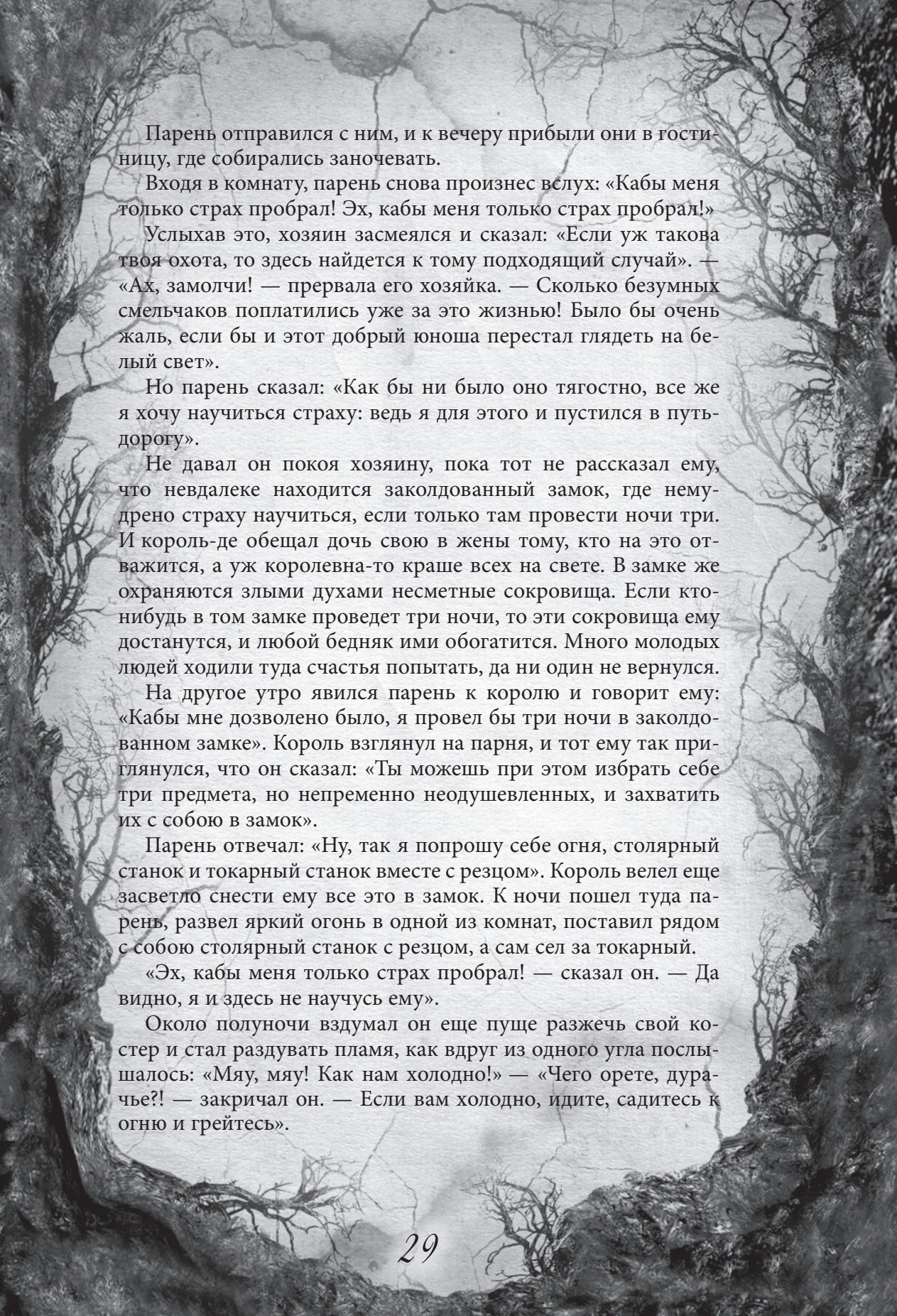
Тут он рассердился: «Ну, если вы остерегаться не хотите, то я вам не помощник, а мне вовсе не хочется сгореть вместе с вами». И он снова повесил их на прежнее место. Потом он подсел к своему костру и заснул.

Поутру пришел к нему встреченный человек за деньгами и спросил: «Ну что, небось, знаешь теперь, каков страх бывает?» — «Нет, — отвечал тот, — откуда же было мне узнать это? Эти ребята, что там наверху болтаются, даже рта не открывали и так глупы, что позволили гореть на теле своим лохмотьям».

Тут увидел прохожий, что пятьдесят талеров ему на этот раз не придется получить, и сказал, уходя: «Таких я еще не видел!»

Парень тоже пошел своей дорогой, бормоча по-прежнему: «Ах, если б меня страх пробрал!»

Услыхал это извозчик, ехавший позади него, и спросил: «Кто ты таков?» — «Не знаю», — отвечал малый. А извозчик продолжал: «Откуда ты?» — «Не знаю». — «Да кто твой отец?» — «Не смею сказать». — «Что такое бормочешь ты себе под нос?» — «Я, видишь ли, хотел бы, чтобы меня страх пробрал, да никто меня не может страху научить», — отвечал парень. «Не мели вздора! — сказал извозчик. — Ну-ка, отправимся со мною: я тебя как раз к месту пристрою».

Парень отправился с ним, и к вечеру прибыли они в гостиницу, где собирались заночевать.

Входя в комнату, парень снова произнес вслух: «Кабы меня только страх пробрал! Эх, кабы меня только страх пробрал!»

Услыхав это, хозяин засмеялся и сказал: «Если уж такова твоя охота, то здесь найдется к тому подходящий случай». — «Ах, замолчи! — прервала его хозяйка. — Сколько безумных смельчаков поплатились уже за это жизнью! Было бы очень жаль, если бы и этот добрый юноша перестал глядеть на белый свет».

Но парень сказал: «Как бы ни было оно тягостно, все же я хочу научиться страху: ведь я для этого и пустился в путь-дорогу».

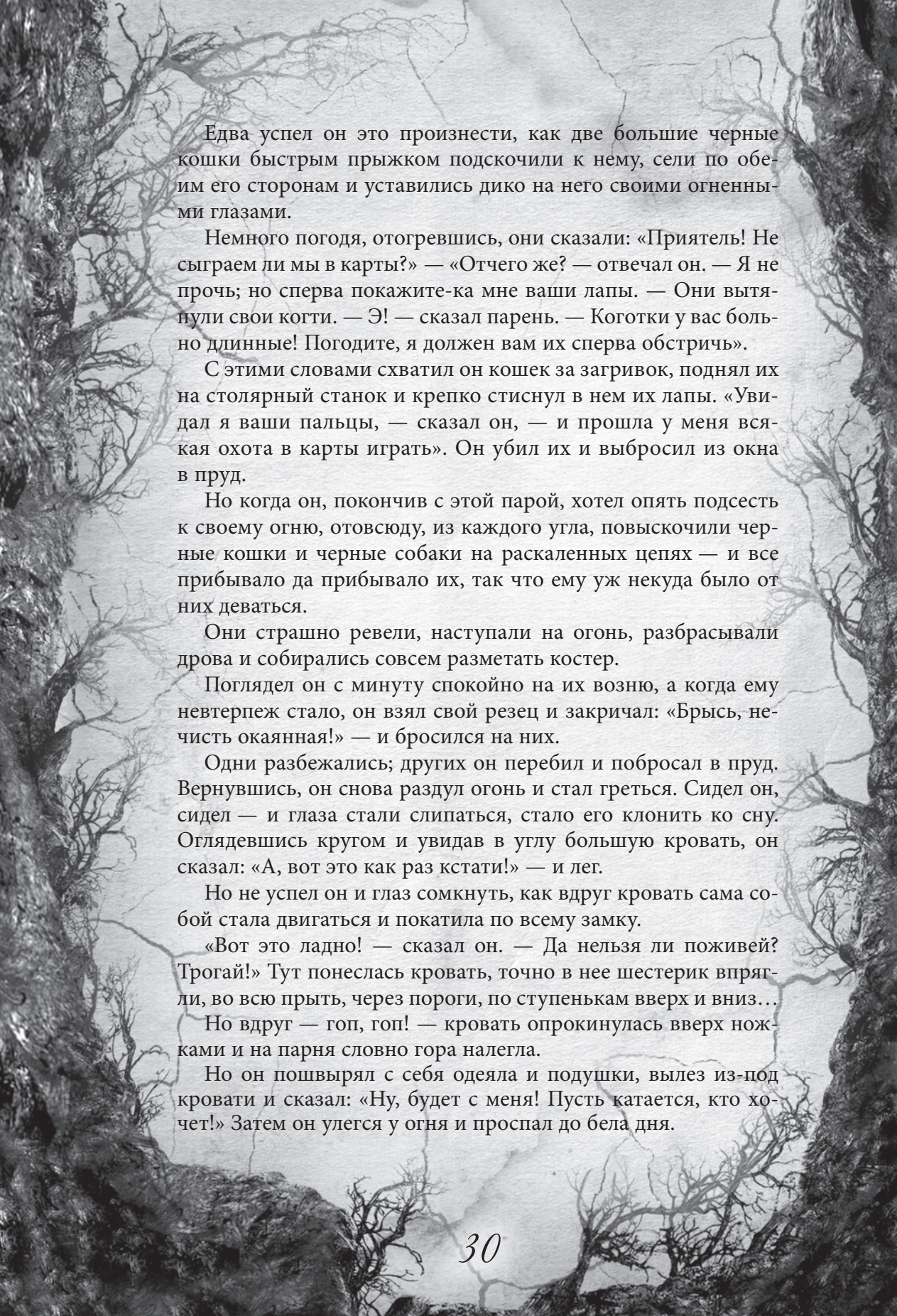
Не давал он покоя хозяину, пока тот не рассказал ему, что невдалеке находится заколдованный замок, где нелегко страху научиться, если только там провести ночи три. И король-де обещал дочь свою в жены тому, кто на это отважится, а уж королева-то краше всех на свете. В замке же охраняются злыми духами несметные сокровища. Если кто-нибудь в том замке проведет три ночи, то эти сокровища ему достанутся, и любой бедняк ими обогатится. Много молодых людей ходили туда счастья попытать, да ни один не вернулся.

На другое утро явился парень к королю и говорит ему: «Кабы мне дозволено было, я провел бы три ночи в заколдованном замке». Король взглянул на парня, и тот ему так приглянулся, что он сказал: «Ты можешь при этом избрать себе три предмета, но непременно неодушевленных, и захватить их с собою в замок».

Парень отвечал: «Ну, так я попрошу себе огня, столярный станок и токарный станок вместе с резцом». Король велел еще засветло снести ему все это в замок. К ночи пошел туда парень, развел яркий огонь в одной из комнат, поставил рядом с собою столярный станок с резцом, а сам сел за токарный.

«Эх, кабы меня только страх пробрал! — сказал он. — Да видно, я и здесь не научусь ему».

Около полуночи вздумал он еще пуще разжечь свой костер и стал раздувать пламя, как вдруг из одного угла послышалось: «Мяу, мяу! Как нам холодно!» — «Чего орете, дурачье?! — закричал он. — Если вам холодно, идите, садитесь к огню и грейтесь».

Едва успел он это произнести, как две большие черные кошки быстрым прыжком подскочили к нему, сели по обеим его сторонам и уставились дико на него своими огненными глазами.

Немного погодя, отогревшись, они сказали: «Приятель! Не сыграем ли мы в карты?» — «Отчего же? — отвечал он. — Я не прочь; но сперва покажите-ка мне ваши лапы. — Они вытянули свои когти. — Э! — сказал парень. — Коготки у вас больно длинные! Погодите, я должен вам их сперва обстричь».

С этими словами схватил он кошек за загривок, поднял их на столярный станок и крепко стиснул в нем их лапы. «Увидал я ваши пальцы, — сказал он, — и прошла у меня всякая охота в карты играть». Он убил их и выбросил из окна в пруд.

Но когда он, покончив с этой парой, хотел опять подсесть к своему огню, отовсюду, из каждого угла, повыскачили черные кошки и черные собаки на раскаленных цепях — и все прибывало да прибывало их, так что ему уж некуда было от них деваться.

Они страшно ревели, наступали на огонь, разбрасывали дрова и собирались совсем разметать костер.

Поглядел он с минуту спокойно на их возню, а когда ему невтерпех стало, он взял свой резец и закричал: «Брысь, нечисть окаянная!» — и бросился на них.

Одни разбежались; других он перебил и побросал в пруд. Вернувшись, он снова раздул огонь и стал греться. Сидел он, сидел — и глаза стали слипаться, стало его клонить ко сну. Оглядевшись кругом и увидав в углу большую кровать, он сказал: «А, вот это как раз кстати!» — и лег.

Но не успел он и глаз сомкнуть, как вдруг кровать сама собой стала двигаться и покатила по всему замку.

«Вот это ладно! — сказал он. — Да нельзя ли поживей? Трогай!» Тут понеслась кровать, точно в нее шестерик впрягли, во всю прыть, через пороги, по ступенькам вверх и вниз...

Но вдруг — гоп, гоп! — кровать опрокинулась вверх ногами и на парня словно гора налегла.

Но он пошвырял с себя одеяла и подушки, вылез из-под кровати и сказал: «Ну, будет с меня! Пусть катается, кто хочет!» Затем он улегся у огня и проспал до бела дня.

Поутру пришел король и, увидав его распростертым на земле, подумал, что привидения убили его и он лежит мертвый. «Жаль доброго юношу!» — сказал король.

Услыхал это парень, вскочил и ответил: «Ну, до беды еще не дошло!»

Удивился король, обрадовался и спросил, каково ему было. «Превосходно, — отвечал тот, — вот уже минула одна ночь, а там и две другие пройдут».

Пошел парень к хозяину гостиницы, а тот и глаза таращит: «Не думал я увидеть тебя в живых. Ну что, научился ли ты страху?» — «Какое там! — отвечал парень. — Все напрасно! Хоть бы кто-нибудь надоумил меня».

На вторую ночь пошел он спать в древний замок, сел у огня и затянул свою старую песенку: «Хоть бы страх меня пробрал!» Около полуночи поднялся там шум и гам, сперва потише, а потом все громче и громче; затем опять все смолкло на минуту, и наконец из трубы к ногам парня вывалилось с громким криком полчеловека. «Эй! — закричал юноша. — Надо бы еще половинку! Этой маловато будет».

Тут снова гомон поднялся, послышался топот и вой — и другая половина тоже выпала. «Погоди, — сказал парень, — вот я для тебя огонь маленько раздую!»

Сделав это и оглянувшись, он увидел, что обе половины успели срастись — и на его месте сидел уже страшный-престрашный человек. «Это, брат, непорядок! — сказал парень. — Скамейка-то моя!»

Страшный человек хотел его оттолкнуть, но парень не поддался, сильно двинул его, столкнул со скамьи и сел опять на свое место.

Тогда сверху нападало один за другим еще множество людей. Они достали девять мертвых ног и две мертвые головы, расставили эти ноги и стали играть, как в кегли.

Парню тоже захотелось поиграть. «Эй, вы, послушайте! — попросил он их. — Можно ли мне присоединиться к вам?» — «Можно, коли деньги у тебя есть». — «Денег-то хватает, да шары ваши не больно круглы».

Взял он мертвые головы, положил их на токарный станок и обточил их кругом. «Вот так, — сказал он, — теперь они лучше кататься будут. Валяйте! Теперь пойдет потеха!»

Поиграл парень с незваными гостями и проиграл немного; но как только пробил полночь, все исчезло. Он улегся и спокойно заснул.

Наутро пришел король осведомиться: «Ну, что с тобой творилось на этот раз?» — «Проиграл в кегли, два талера проиграл!» — «Да разве тебе не было страшно?!» — «Ну, вот еще! — отвечал парень. — Позабавился, и только. Хоть бы мне узнать, что такое страх!»

На третью ночь сел он опять на свою скамью и сказал с досадой: «Ах, если бы только пробрал меня страх!»

Немного погодя явились шестеро рослых ребят с гробом в руках. «Эге-ге, — сказал парень, — да это, наверное, братец мой двоюродный, умерший два года назад! — Он поманил пальцем и крикнул: — Ну, поди, поди сюда, братец!»

Гроб был поставлен на пол, парень подошел и снял крышку: в гробу лежал мертвец. Дотронулся парень до его лица: оно было холодное, как лед. «Погоди, — сказал он, — я тебя маленько согрею!»

Подошел к огню, погрел руку и приложил ее к лицу мертвеца, но тот был холоден по-прежнему.

Тогда он вынул его из гроба, сел к огню, положил покойника себе на колени и стал тереть ему руки, чтобы восстановить кровообращение.

Когда и это не помогло, пришло ему в голову, что согреться можно хорошо, если вдвоем лечь в постель; перенес он мертвеца на свою кровать, накрыл его и лег рядом с ним.

Немного спустя покойник согрелся и зашевелился. «Вот видишь, братец, — сказал парень, — я и отогрел тебя».

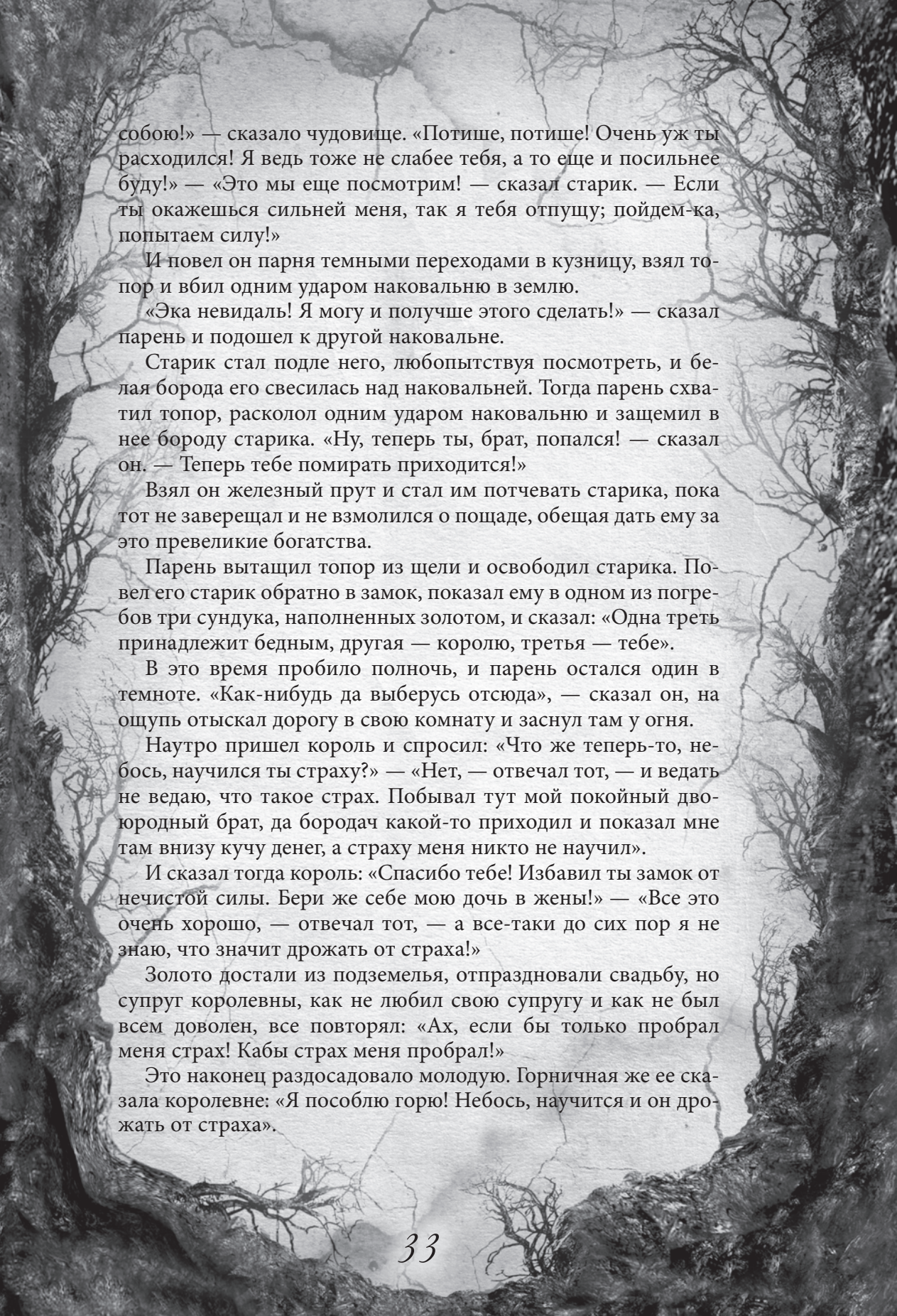
Но мертвец вдруг поднялся и завопил: «А! Теперь я задушю тебя!» — «Что? Задушишь?! Так вот какова твоя благодарность?! Полезай же опять в свой гроб!»

И парень поднял мертвеца, бросил его в гроб и закрыл его крышкой; тогда вошли те же шестеро носильщиков и унесли гроб.

«Не пробирает меня страх, да и все тут! — сказал парень. — Здесь я страху вовеки не научусь!»

Тут вошел человек еще громаднее всех прочих и на вид совершенное страшилище: это был старик с длинной белой бородой.

«Ах ты, тварь этакая! — закричал он. — Теперь-то ты скоро узнаешь, что такое страх: готовься к смерти!» — «Ну, не очень спеши! — отвечал парень. — Коли мне умирать приходится, так без меня дело не обойдется». — «Тебя-то уж я прихвачу с

собою!» — сказала чудовище. «Потише, потише! Очень уж ты расходился! Я ведь тоже не слабее тебя, а то еще и посильнее буду!» — «Это мы еще посмотрим!» — сказал старик. — Если ты окажешься сильнее меня, так я тебя отпущу; пойдем-ка, попытаем силу!»

И повел он парня темными переходами в кузницу, взял топор и вбил одним ударом наковальню в землю.

«Эка невидаль! Я могу и получше этого сделать!» — сказал парень и подошел к другой наковальне.

Старик стал подле него, любопытствуя посмотреть, и белая борода его свесилась над наковальней. Тогда парень схватил топор, расколол одним ударом наковальню и защемил в нее бороду старика. «Ну, теперь ты, брат, попался! — сказал он. — Теперь тебе помирать приходится!»

Взял он железный прут и стал им потчевать старика, пока тот не заверещал и не взмолился о пощаде, обещая дать ему за это превеликие богатства.

Парень вытащил топор из щели и освободил старика. Повел его старик обратно в замок, показал ему в одном из погребов три сундука, наполненных золотом, и сказал: «Одна треть принадлежит бедным, другая — королю, третья — тебе».

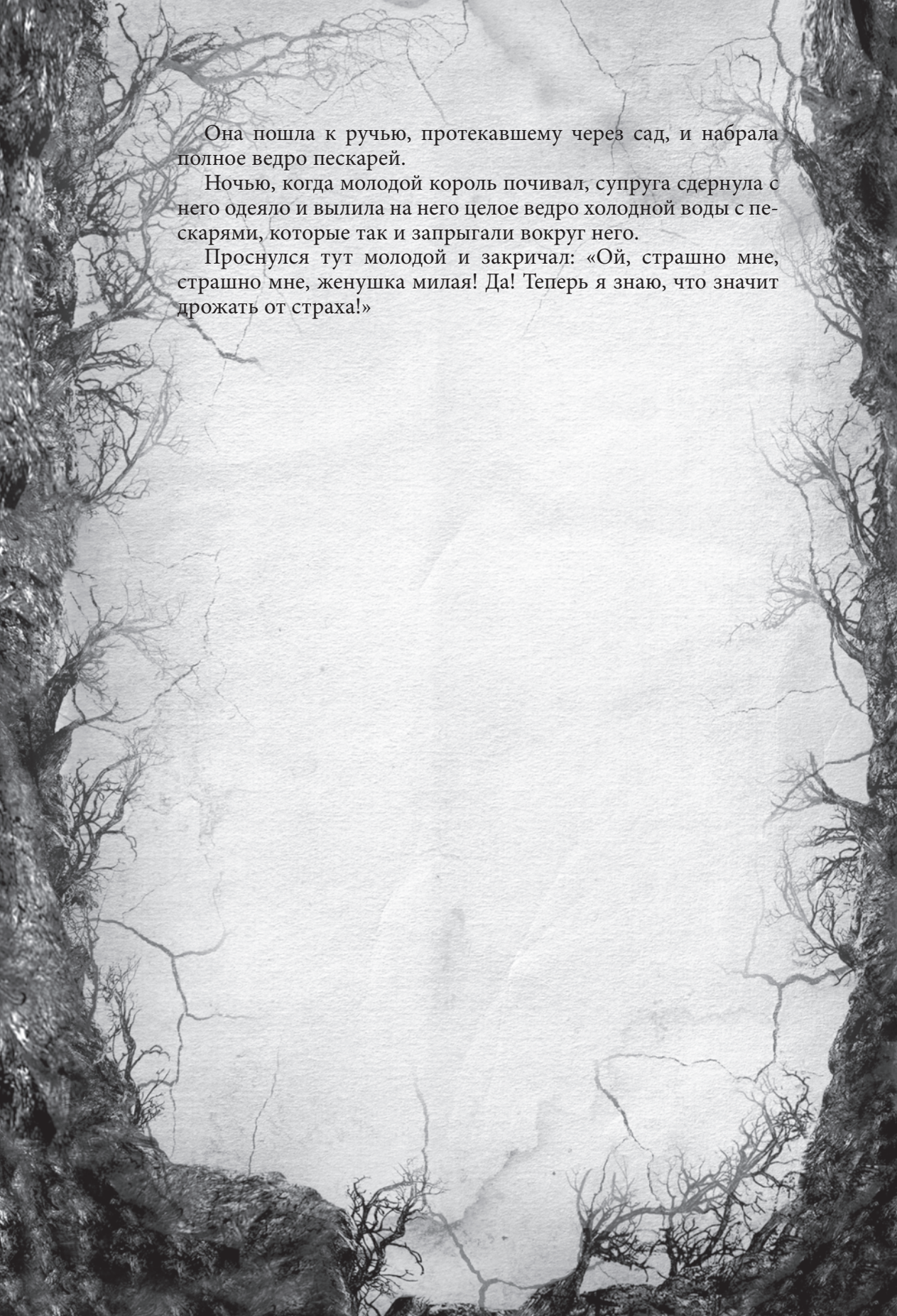
В это время пробил полночь, и парень остался один в темноте. «Как-нибудь да выберусь отсюда», — сказал он, на ощупь отыскал дорогу в свою комнату и заснул там у огня.

Наутро пришел король и спросил: «Что же теперь-то, небось, научился ты страху?» — «Нет, — отвечал тот, — и ведать не ведаю, что такое страх. Побывал тут мой покойный двоюродный брат, да бородач какой-то приходил и показал мне там внизу кучу денег, а страху меня никто не научил».

И сказал тогда король: «Спасибо тебе! Избавил ты замок от нечистой силы. Бери же себе мою дочь в жены!» — «Все это очень хорошо, — отвечал тот, — а все-таки до сих пор я не знаю, что значит дрожать от страха!»

Золото достали из подземелья, отпраздновали свадьбу, но супруг королевны, как не любил свою супругу и как не был всем доволен, все повторял: «Ах, если бы только пробрал меня страх! Кабы страх меня пробрал!»

Это наконец раздосадовало молодую. Горничная же ее сказала королевне: «Я пособлю горю! Небось, научится и он дрожать от страха».

Она пошла к ручью, протекавшему через сад, и набрала полное ведро пескарей.

Ночью, когда молодой король почивал, супруга сдернула с него одеяло и вылила на него целое ведро холодной воды с пескарями, которые так и запрыгали вокруг него.

Проснулся тут молодой и закричал: «Ой, страшно мне, страшно мне, женушка милая! Да! Теперь я знаю, что значит дрожать от страха!»

«Сказка о том, кто ходил страху учиться. Вторая ночь в замке».

Художник – Герман Фогель. 1894 г.

*«...Тогда сверху напало один за другим еще множество людей.
Они достали девять мертвых ног и две мертвые головы, расставили
эти ноги и стали играть, как в кегли...»*

Волк и семеро маленьких козлят

Жила-была старая коза, и было у нее семь козляток, и она их любила, как всякая мать своих деток любит.

Однажды пришлось ей в лес собираться за кормом, и вот она созвала всех своих козлят и сказала: «Милые детки, надо мне в лесу побывать, так вы без меня берегитесь волка! Ведь он, если сюда попадет, съест вас всех и со шкурой, и с шерстью. Этот злодей часто прикидывается, будто он и не волк, но вы его сейчас узнаете по грубому голосу и по его черным лапам».

Козлятки отвечали: «Милая матушка, уж мы поостережемся, и вы можете идти, о нас не тревожься».

Тогда старая коза заблеяла и преспокойно тронулась в путь. Немного прошло времени после ее ухода, как уж кто-то постучался в дверь их домика и крикнул: «Отомкнитеся, милые детушки, ваша мать пришла и каждому из вас по гостинцу принесла».

Но козляточки по грубому голосу поняли, что это пришел к ним волк, и крикнули ему: «Не отомкнемся мы, ты не наша мать! У той голосок тонкий, ласковый, а у тебя голос грубый! Ты — волк!»

Тогда волк сбегал к лавочнику, купил у него большой кусок мела, съел его — и голос стал у него тоненький.

Вернулся опять к той же двери, постучал в нее и крикнул: «Отомкнитеся, милые детки, ваша мать пришла, всем вам по гостинцу принесла».

Но он оперся своими черными лапами о подоконник, дети это увидали и закричали: «Не отомкнемся, у нашей матери не черные лапы, как у тебя! Ты — волк!»

Тогда волк побежал к пекарю и сказал: «Я себе повредил ногу, вымажь мне ее тестом». И когда пекарь исполнил его желание, волк побежал к мельнику и сказал: «Осыпь мне лапы белой мучкой».

Мельник подумал: «Верно, волк затеял какую-то плутню», — и стал было отговариваться, но волк сказал: «Если ты этого не сделаешь, то я тебя съем».

Тогда мельник струхнул и выбелил ему лапу мучицей. Таковы-то бывают люди!

Вот и пошел злодей в третий раз к той же двери, постучался и сказал: «Отомкнитесь, детушки, ваша милая матушка воротилась и каждому из вас принесла по гостинчику из леса».

Козляточки закричали: «Сначала покажи нам, какая у тебя лапа, чтобы мы могли знать, точно ли ты наша милая матушка!»

Тогда показал он им лапу в окошко, и когда они увидели, что она белая, то поверили его речам и отомкнули дверь. А вошел-то — волк!

Козляточки перепугались — прятаться пометались. Один прыгнул под стол, другой забился в постель, третий залез в печку, четвертый убежал на кухню, пятый спрятался в шкаф, шестой — под корыто, седьмой — в футляр для часовых гирь. Однако же волк всех их разыскал и очень с ними не чинился: одного за другим заглотнул он своею пастью и только младшего никак не мог найти в часовом футляре.

Накушавшись досыта, он преспокойно убрался из дома, растянулся на большом лугу под деревом и начал засыпать.

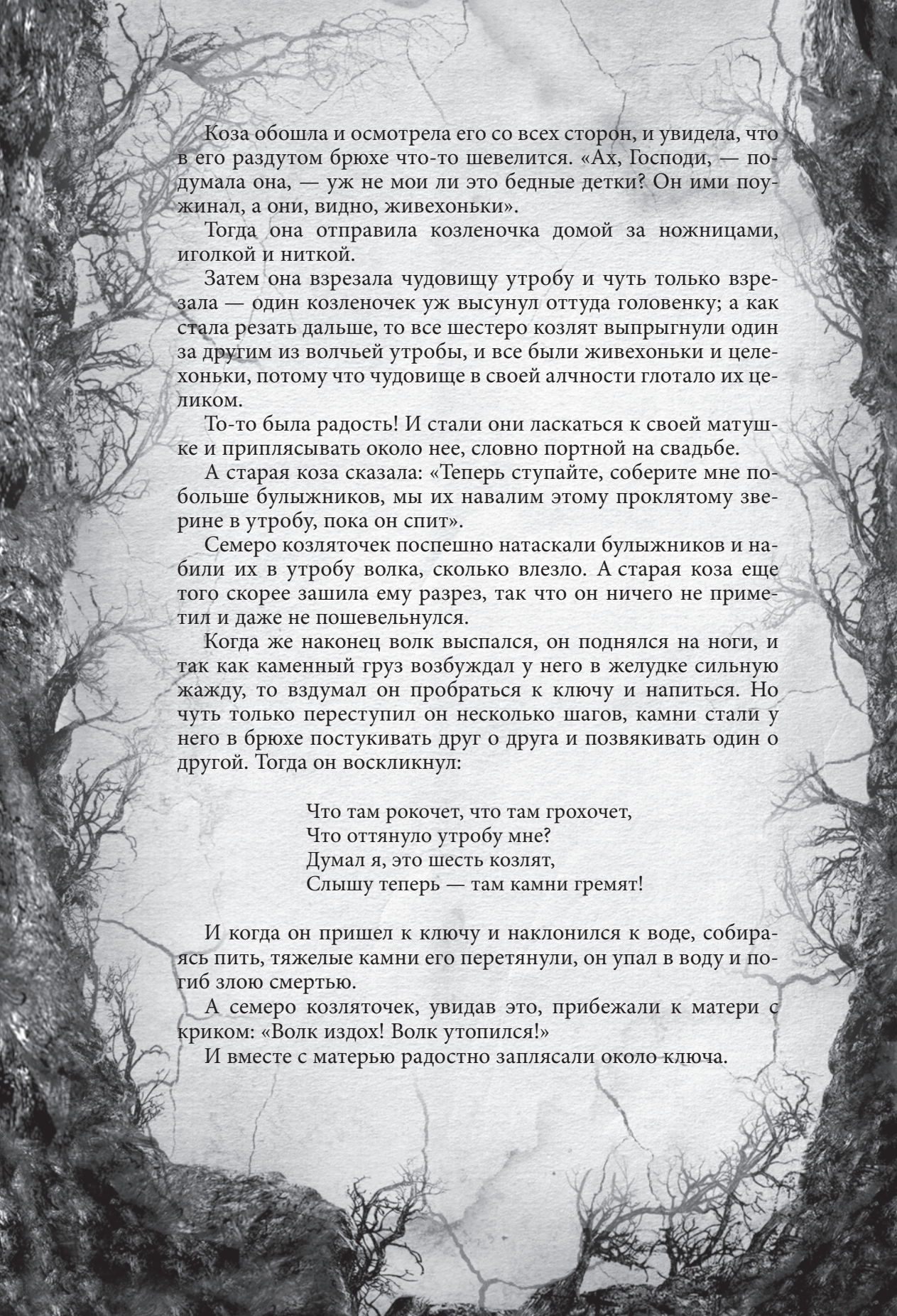
Вскоре после того вернулась старая коза из лесу домой. Ах, что она там увидела! Домовая дверь открыта настежь: стулья, скамейки опрокинуты, корыто в щепы разбито, одеяло и подушки из постели повыбросаны.

Стала она искать своих деток, но нигде их найти не могла. Стала она их перекликать по именам, но никто не откликался.

Наконец, когда она дошла до младшего, тоненький голосок прокричал ей: «Милая матушка, я забился в часовой футляр».

Она тотчас добыла оттуда свое дитя и услышала рассказ о том, как приходил волк и сожрал всех остальных козлятков. Можете себе представить, как она оплакивала своих бедных детушек!

Наконец старая коза в великой печали своей пошла из дому, и младший козленочек побежал за ней следом. Чуть только они вышли на луг, коза увидела, что волк лежит враспяхку у дерева и так храпит, что над ним ветви от его храпа колышутся.

Коза обошла и осмотрела его со всех сторон, и увидела, что в его раздутом брюхе что-то шевелится. «Ах, Господи, — подумала она, — уж не мои ли это бедные детки? Он ими поужинал, а они, видно, живехоньки».

Тогда она отправила козленочка домой за ножницами, иголкой и ниткой.

Затем она взрезала чудовищу утробу и чуть только взрезала — один козленочек уж высунул оттуда головенку; а как стала резать дальше, то все шестеро козлят выпрыгнули один за другим из волчьей утробы, и все были живехоньки и целехоньки, потому что чудовище в своей алчности глотало их целиком.

То-то была радость! И стали они ласкаться к своей матушке и приплясывать около нее, словно портной на свадьбе.

А старая коза сказала: «Теперь ступайте, соберите мне побольше булыжников, мы их навалим этому проклятому зверине в утробу, пока он спит».

Семеро козляточек поспешно натаскали булыжников и набили их в утробу волка, сколько влезло. А старая коза еще того скорее зашила ему разрез, так что он ничего не приметил и даже не пошевелинулся.

Когда же наконец волк выпался, он поднялся на ноги, и так как каменный груз возбуждал у него в желудке сильную жажду, то вздумал он пробраться к ключу и напиться. Но чуть только переступил он несколько шагов, камни стали у него в брюхе постукивать друг о друга и позвякивать один о другой. Тогда он воскликнул:

Что там рокочет, что там грохочет,
Что оттянуло утробу мне?
Думал я, это шесть козлят,
Слышу теперь — там камни гремят!

И когда он пришел к ключу и наклонился к воде, собираясь пить, тяжелые камни его перетянули, он упал в воду и погиб злою смертью.

А семеро козляточек, увидав это, прибежали к матери с криком: «Волк издох! Волк утонул!»

И вместе с матерью радостно заплясали около ключа.

Верный Иоганн

Жил-был однажды старый король, и заболел он, и пришло ему в голову: «Видно, лежу я на смертном одре и не подняться уж мне с него». Тогда сказал он: «Позовите ко мне моего неизменно верного Иоганна!»

Этот Иоганн был его любимым слугой и так назывался потому, что всю жизнь служил королю верой и правдой.

Когда же тот явился к постели больного, король сказал ему: «Вернейший Иоганн, я чувствую, что мой конец приближается, и нет у меня никакой иной заботы, кроме заботы о сыне: он еще совсем юноша и не всегда сумеет жить по разуму, и если ты мне не пообещаешь наставить его всему, что он должен знать, да не захочешь быть ему опекуном, то мне не придется закрыть глаза спокойно».

Тогда отвечает верный Иоганн: «Я его не покину и буду служить ему верой и правдой; хотя бы пришлось за то поплатиться жизнью».

На это король сказал: «Ну, значит, я могу умереть спокойно и с миром. — И затем продолжал: — После моей смерти ты должен показать ему весь замок — все покои, залы и подвалы и все сокровища, какие в них хранятся; но самого крайнего покоя в длинном коридоре ты ему не показывай — того, в котором сокрыто изображение королевны с золотой крыши. Как только он увидит это изображение, он воспламенится к королевне страстной любовью; пожалуй, еще в обморок упадет да из-за нее во всякие опасности полезет. От всего этого ты обязан его оберечь».

Верный Иоганн еще раз поклялся старому королю, что исполнит его завет, и тот стал мало-помалу затихать, склонился головой на подушку и скончался.

Когда старого короля схоронили, верный Иоганн рассказал молодому королю о том, в чем он поклялся его отцу на смертном одре, и добавил: «Все обещанное ему я выполню до-

бросовестно и буду тебе так же верно служить, как служил ему, хотя бы это стоило мне жизни».

Когда же обычное время траура миновало, верный Иоганн сказал королю: «Ну, теперь пора тебе осмотреть все, что ты унаследовал; я покажу тебе весь замок твоего отца».

И он повел его всюду, вверх и вниз, и показал ему все богатства и все дивные покои замка; не показал только одного покоя, в котором было сокрыто изображение королевны с золотой крыши.

А это изображение было так поставлено, что если отворить дверь, оно прямо бросалось в глаза; притом оно было так превосходно сделано, что его можно было принять за живое существо, и надо было сознаться, что во всем свете ничего не было ни милее, ни прекраснее этого женского образа.

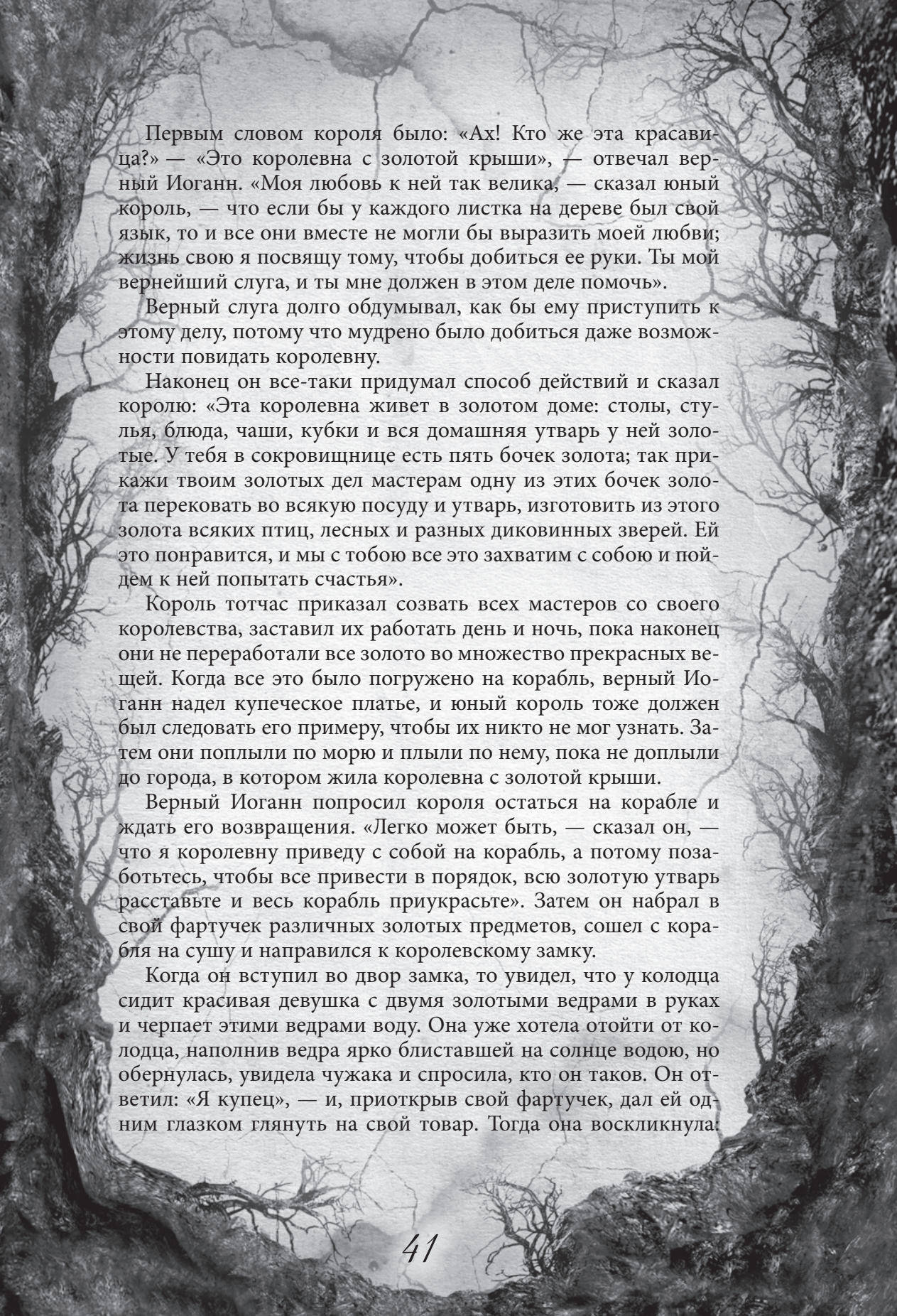
Юный король не мог, конечно, не заметить, что верный Иоганн все проходит мимо одной двери, и спросил: «Отчего же ты мне эту не отпираешь?» — «За этой дверью, — отвечал Иоганн, — есть нечто такое, чего ты можешь испугаться».

Но король сказал ему: «Я весь замок видел, а потому желаю знать, что там за дверью!» Он подошел к двери и хотел ее отворить силою.

Тогда верный Иоганн стал его удерживать и сказал: «Я отцу твоему перед его кончиною обещал, что ты не увидишь скрытое в этом покое; я знаю, что и тебя, и меня это могло бы повести к великим бедствиям». — «О, нет! — отвечал юный король. — Если я не проникну в этот покой, то я, наверно, погибну: я и день, и ночь буду жить в вечной тревоге, пока своими глазами не увижу того, что там скрыто. С места не сойду, так и знай, пока ты мне не отомкнешь этой двери!»

Тогда верный Иоганн увидел, что решение короля непреклонно, и с великою скорбью и тяжкими вздохами выискивал в толстой связке заветный ключ. Отомкнув дверь, он поспешил войти первый и думал прикрыть изображение, чтобы оно не бросилось в глаза юному королю, но все было напрасно! Король приподнялся на цыпочки и глянул ему через плечо. И как только увидел он изображение красавицы-королевны, которое было прекрасно и притом все блистало золотом и драгоценными камнями, так и грянулся в обморок.

Верный Иоганн поднял его, снес на постель и стал тревожиться: «Вот стряслась беда! Господи Боже, что из этого выйдет?!» И стал помаленьку отпаивать короля вином, пока тот совсем не пришел в себя.

Первым словом короля было: «Ах! Кто же эта красавица?» — «Это королева с золотой крыши», — отвечал верный Иоганн. «Моя любовь к ней так велика, — сказал юный король, — что если бы у каждого листка на дереве был свой язык, то и все они вместе не могли бы выразить моей любви; жизнь свою я посвящу тому, чтобы добиться ее руки. Ты мой вернейший слуга, и ты мне должен в этом деле помочь».

Верный слуга долго обдумывал, как бы ему приступить к этому делу, потому что мудрено было добиться даже возможности повидать королеву.

Наконец он все-таки придумал способ действий и сказал королю: «Эта королева живет в золотом доме: столы, стулья, блюда, чаши, кубки и вся домашняя утварь у ней золотые. У тебя в сокровищнице есть пять бочек золота; так прикажи твоим золотых дел мастерам одну из этих бочек золота перековать во всякую посуду и утварь, изготовить из этого золота всяких птиц, лесных и разных диких зверей. Ей это понравится, и мы с тобою все это захватим с собою и пойдем к ней попытать счастья».

Король тотчас приказал созвать всех мастеров со своего королевства, заставил их работать день и ночь, пока наконец они не переработали все золото во множество прекрасных вещей. Когда все это было погружено на корабль, верный Иоганн надел купеческое платье, и юный король тоже должен был следовать его примеру, чтобы их никто не мог узнать. Затем они поплыли по морю и плыли по нему, пока не доплыли до города, в котором жила королева с золотой крыши.

Верный Иоганн попросил короля остаться на корабле и ждать его возвращения. «Легко может быть, — сказал он, — что я королеву приведу с собой на корабль, а потому позаботьтесь, чтобы все привести в порядок, всю золотую утварь расставьте и весь корабль приукрасьте». Затем он набрал в свой фартучек различных золотых предметов, сошел с корабля на сушу и направился к королевскому замку.

Когда он вступил во двор замка, то увидел, что у колодца сидит красивая девушка с двумя золотыми ведрами в руках и черпает этими ведрами воду. Она уже хотела отойти от колодца, наполнив ведра ярко блиставшей на солнце водою, но обернулась, увидела чужака и спросила, кто он таков. Он ответил: «Я купец», — и, приоткрыв свой фартучек, дал ей одним глазком глянуть на свой товар. Тогда она воскликнула:

«Ах, какие славные золотые вещи!» — и ведра поставила на землю, и стала весь товар перебирать, штука за штукой.

Тут она сказала: «Это все нужно показать королевне, которая так любит всякие золотые вещи! Она у вас все сейчас скупит». И она взяла его за руку и повела вверх по лестнице замка, потому что она была прислужницей королевны.

Когда сама королевна взглянула на товар, то она осталась им очень довольна и сказала: «Это все так прекрасно сработано, что я у тебя сразу все скуплю». Но верный Иоганн отвечал: «Я только слуга богатого купца, и то, что у меня здесь захвачено с собою, ничтожно в сравнении с тем, что находится у моего господина на корабле! То уж точно можно назвать и самым дорогим, и самым художественным из всего, что когда-либо было сделано из золота».

Она было захотела, чтобы ей все принесли в замок, но он отвечал: «На это много бы пришлось тратить дней, да, признаться, у вас в замке, пожалуй, не нашлось бы и места расставить столько сокровищ». Это, конечно, еще более возбудило ее любопытство и желание, так что она наконец сказала: «Веди меня на корабль, — я сама хочу видеть сокровища твоего господина».

Тогда верный Иоганн повел ее к кораблю и был рад-радешенек, а король, увидев ее, убедился в том, что ее красота была еще выше красоты ее изображения. Он просто думал, что у него сердце разорвется на части!

Вот она вошла на корабль, и король ввел ее в каюту, а верный Иоганн остался на палубе около кормчего и приказал отчалить: «Поставьте все паруса — пусть корабль мчится по волнам, как птица по воздуху». А король-то между тем показывал ей в каюте всю золотую утварь, каждую штуку отдельно — блюда, чаши и кубки, птиц золотых, лесного и всякого диковинного зверя.

Много часов прошло в этом обзоре, и в великом своем удовольствии она и не заметила, что корабль давно уже плыл по морю.

Когда королевна осмотрела последнюю вещь, она поблагодарила купца и собралась домой; но, приблизившись к борту корабля, увидела себя вдали от берега: корабль на всех парусах летел в открытом море. «Ах! — воскликнула она в испуге. — Меня обманули, меня похитили, и я попалась в руки купца! О, лучше уж умереть!»

«Верный Иоганн».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Случилось, однако же, что в то время, когда они мчались
в открытом море, верный Иоганн, сидевший на носу корабля
и кое-что намуравывавший на скринке, увидел у себя над головою
в воздухе трех веронов, которые летели вслед
за кораблем с родины королевны.*

*Тогда он перестал играть и стал прислушиваться,
о чем они между собою переговаривались
(он хорошо разумел их язык)...»*

Король взял ее за руку и сказал: «Я не купец, а король, и по роду своему не ниже тебя. И если я решился похитить тебя хитростью, так это лишь по чрезмерной любви к тебе. Впервые увидав твое изображение, я даже в обморок упал!» Когда королева с золотой крыши это услышала, она утешилась и ощутила в сердце склонность к нему, и охотно согласилась быть его супругой.

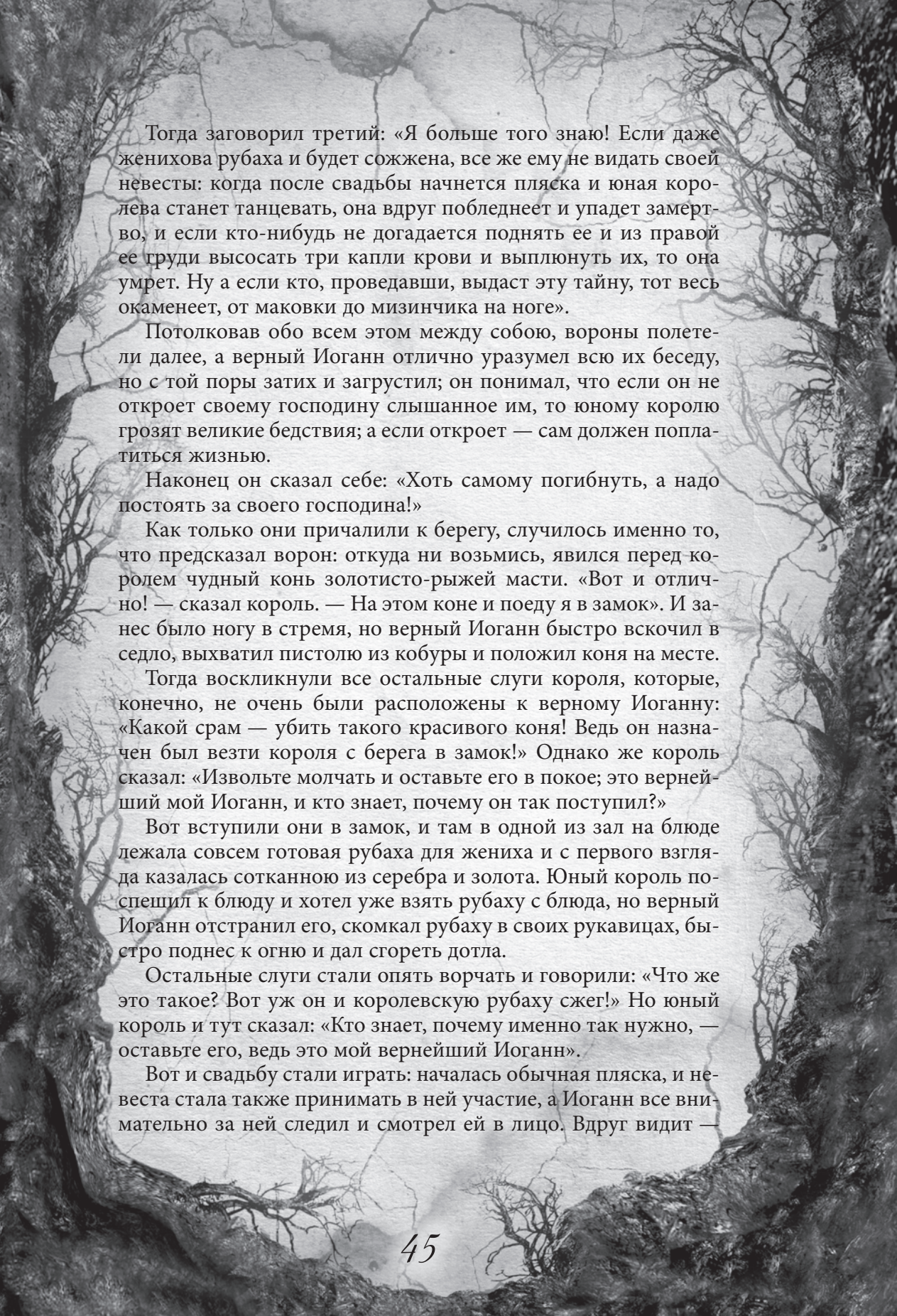
Случилось, однако же, что в то время, когда они мчались в открытом море, верный Иоганн, сидевший на носу корабля и кое-что наигрывавший на скрипке, увидел у себя над головою в воздухе трех воронов, которые летели вслед за кораблем с родины королевы. Тогда он перестал играть и стал прислушиваться, о чем они между собою переговаривались (он хорошо разумел их язык).

Один ворон воскликнул: «Эге, вот он и везет к себе королеву с золотой крыши». — «Да, — сказал другой, — везет-то везет, да довезет ли?» Третий вступился: «А все же она у него в руках и сидит у него в каюте». Тогда опять первый повел речь: «А что проку? Чуть они причалят к берегу, ему навстречу выбежит конь золотисто-рыжей масти, и король захочет на него сесть, и если ему это удастся, то конь взмахнет с ним вместе на воздух и никогда ему не видать больше своей суженой».

Второй ворон спросил: «А разве спасенья нет?» — «О, да! Вот если другой вместо короля успеет вскочить на коня, вытащит из кобуры пистолю и насмерть убьет рыжего коня, тогда юный король спасен. Да кто это ведать может? И если даже проведает и скажет королю, то окаменеет от пальцев ноги до колена».

Тогда заговорил второй ворон: «Я, пожалуй, и больше этого знаю. Если конь и будет убит, юный король все же не добьется руки своей невесты. Когда они вместе вступят в замок, там на блюде будет лежать богатая свадебная рубаша для жениха, на вид златотканая, а на самом-то деле — сплошная смола да сера! Как он ее на себя наденет, так она и прожжет его до мозга костей!»

Третий ворон вступился: «Неужели и спасенья нет?» — «Как не быть? — отвечал второй. — Стоит только кому-нибудь, надев рукавицы, схватить эту рубашу и швырнуть ее в огонь — и она сгорит, а юный король будет спасен! Да что в том проку? Ведь тот, кто это ведает да королю скажет, окаменеет от колен до самого сердца».

Тогда заговорил третий: «Я больше того знаю! Если даже женихова рубаха и будет сожжена, все же ему не видать своей невесты: когда после свадьбы начнется пляска и юная королева станет танцевать, она вдруг побледнеет и упадет замертво, и если кто-нибудь не догадается поднять ее и из правой ее груди высосать три капли крови и выплюнуть их, то она умрет. Ну а если кто, проведавши, выдаст эту тайну, тот весь окаменеет, от маковки до мизинчика на ноге».

Потолковав обо всем этом между собою, вороны полетели далее, а верный Иоганн отлично уразумел всю их беседу, но с той поры затих и загрустил; он понимал, что если он не откроет своему господину слышанное им, то юному королю грозят великие бедствия; а если откроет — сам должен поплатиться жизнью.

Наконец он сказал себе: «Хоть самому погибнуть, а надо постоять за своего господина!»

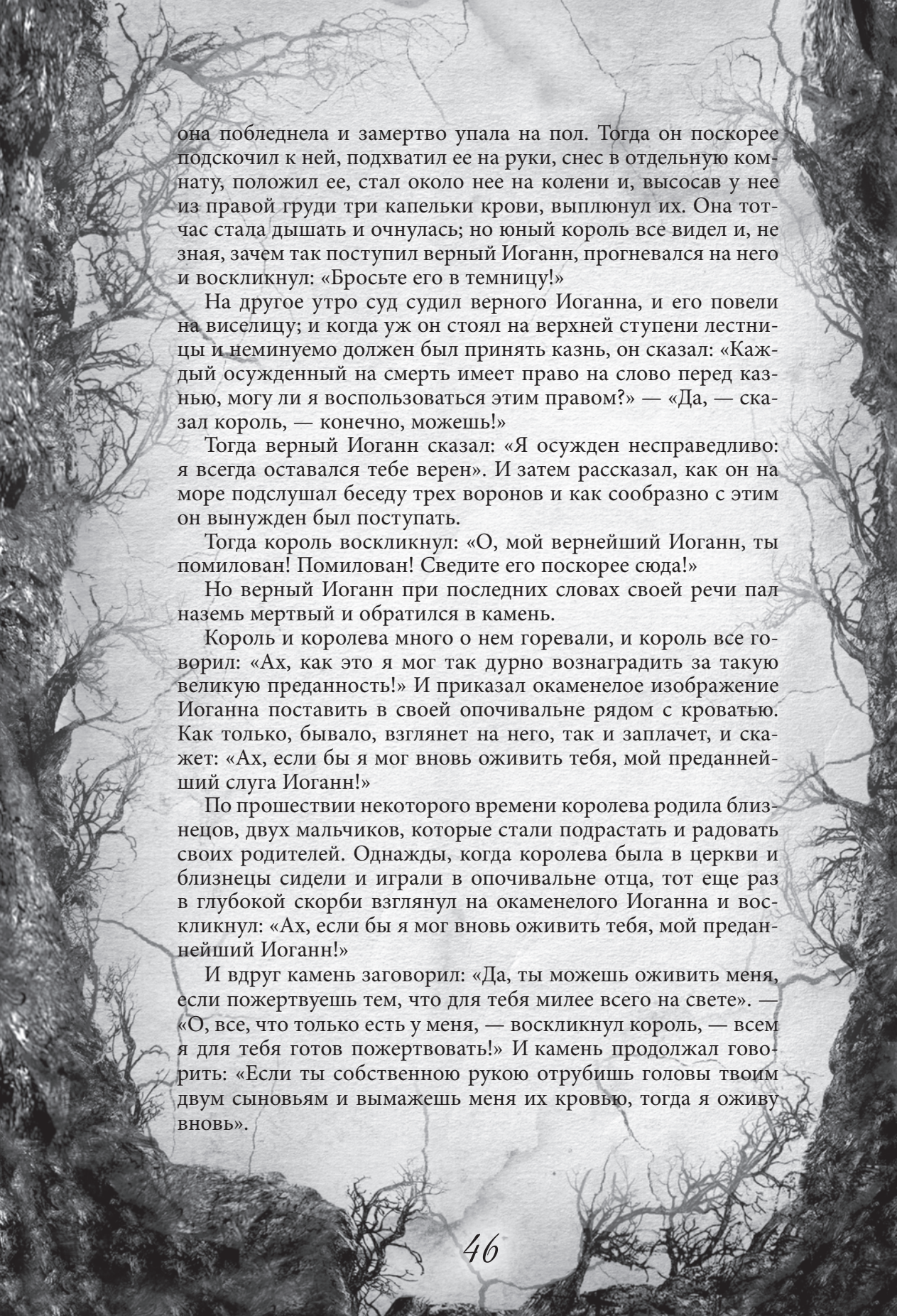
Как только они причалили к берегу, случилось именно то, что предсказал ворон: откуда ни возьмись, явился перед королем чудный конь золотисто-рыжей масти. «Вот и отлично! — сказал король. — На этом коне и поеду я в замок». И занес было ногу в стремя, но верный Иоганн быстро вскочил в седло, выхватил пистолю из кобуры и положил коня на месте.

Тогда воскликнули все остальные слуги короля, которые, конечно, не очень были расположены к верному Иоганну: «Какой срам — убить такого красивого коня! Ведь он назначен был везти короля с берега в замок!» Однако же король сказал: «Извольте молчать и оставьте его в покое; это вернейший мой Иоганн, и кто знает, почему он так поступил?»

Вот вступили они в замок, и там в одной из зал на блюде лежала совсем готовая рубаха для жениха и с первого взгляда казалась сотканною из серебра и золота. Юный король поспешил к блюду и хотел уже взять рубаху с блюда, но верный Иоганн отстранил его, скомкал рубаху в своих рукавицах, быстро поднес к огню и дал сгореть дотла.

Остальные слуги стали опять ворчать и говорили: «Что же это такое? Вот уж он и королевскую рубаху сжег!» Но юный король и тут сказал: «Кто знает, почему именно так нужно, — оставьте его, ведь это мой вернейший Иоганн».

Вот и свадьбу стали играть: началась обычная пляска, и невеста стала также принимать в ней участие, а Иоганн все внимательно за ней следил и смотрел ей в лицо. Вдруг видит —

она побледнела и замертво упала на пол. Тогда он поскорее подскочил к ней, подхватил ее на руки, снес в отдельную комнату, положил ее, стал около нее на колени и, высосав у нее из правой груди три капельки крови, выплюнул их. Она тотчас стала дышать и очнулась; но юный король все видел и, не зная, зачем так поступил верный Иоганн, прогневался на него и воскликнул: «Бросьте его в темницу!»

На другое утро суд судил верного Иоганна, и его повели на виселицу; и когда уж он стоял на верхней ступени лестницы и неминуемо должен был принять казнь, он сказал: «Каждый осужденный на смерть имеет право на слово перед казнью, могу ли я воспользоваться этим правом?» — «Да, — сказал король, — конечно, можешь!»

Тогда верный Иоганн сказал: «Я осужден несправедливо: я всегда оставался тебе верен». И затем рассказал, как он на море подслушал беседу трех воронов и как сообразно с этим он вынужден был поступать.

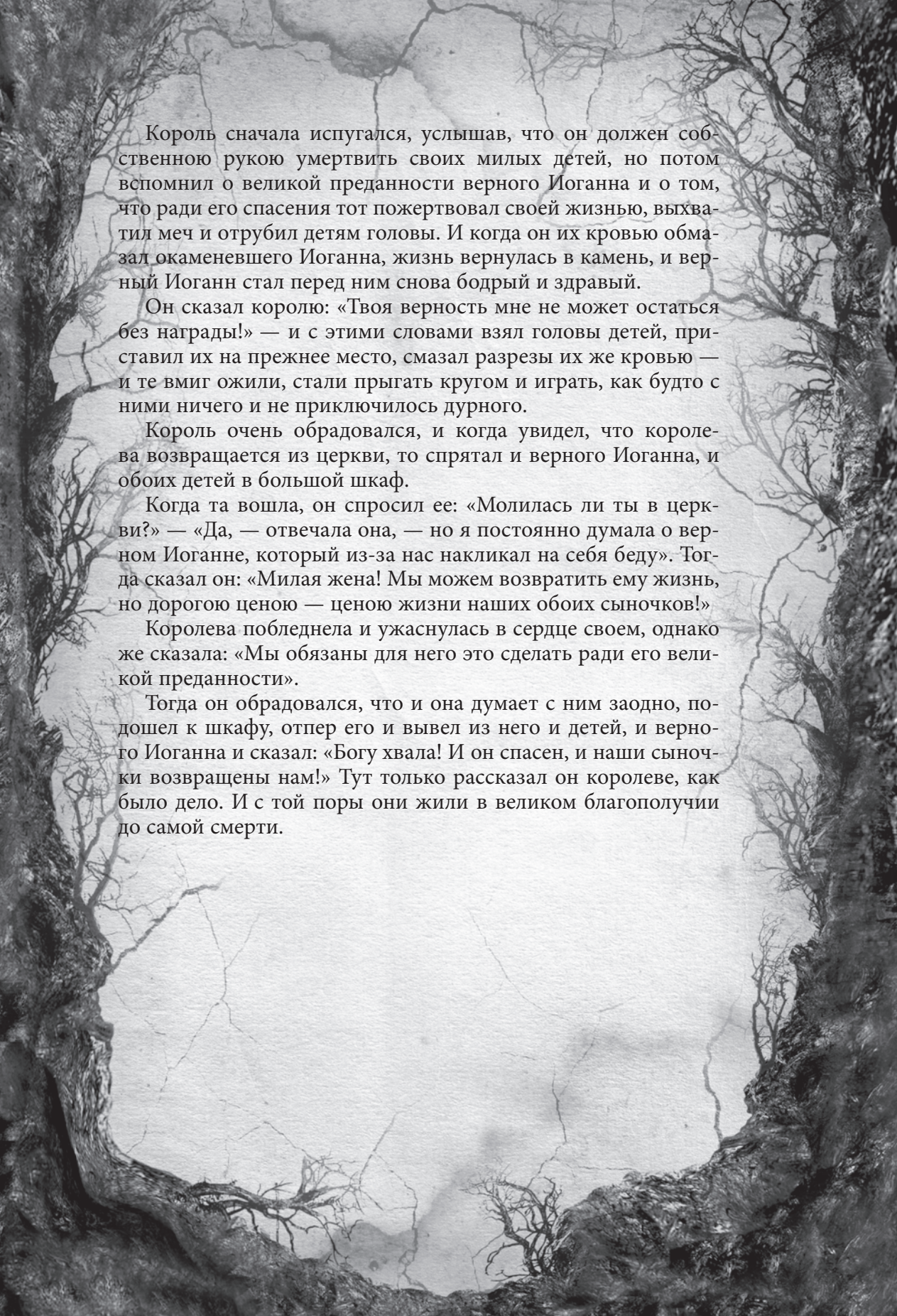
Тогда король воскликнул: «О, мой вернейший Иоганн, ты помилован! Помилован! Сведите его поскорее сюда!»

Но верный Иоганн при последних словах своей речи пал наземь мертвый и обратился в камень.

Король и королева много о нем горевали, и король все говорил: «Ах, как это я мог так дурно вознаградить за такую великую преданность!» И приказал окаменелое изображение Иоганна поставить в своей опочивальне рядом с кроватью. Как только, бывало, взглянет на него, так и заплачет, и скажет: «Ах, если бы я мог вновь оживить тебя, мой преданнейший слуга Иоганн!»

По прошествии некоторого времени королева родила близнецов, двух мальчиков, которые стали подрастать и радовать своих родителей. Однажды, когда королева была в церкви и близнецы сидели и играли в опочивальне отца, тот еще раз в глубокой скорби взглянул на окаменелого Иоганна и воскликнул: «Ах, если бы я мог вновь оживить тебя, мой преданнейший Иоганн!»

И вдруг камень заговорил: «Да, ты можешь оживить меня, если пожертвуешь тем, что для тебя милее всего на свете». — «О, все, что только есть у меня, — воскликнул король, — всем я для тебя готов пожертвовать!» И камень продолжал говорить: «Если ты собственной рукою отрубишь головы твоим двум сыновьям и вымажешь меня их кровью, тогда я оживу вновь».

Король сначала испугался, услышав, что он должен собственною рукою умертвить своих милых детей, но потом вспомнил о великой преданности верного Иоганна и о том, что ради его спасения тот пожертвовал своей жизнью, выхватил меч и отрубил детям головы. И когда он их кровью обмазал окаменевшего Иоганна, жизнь вернулась в камень, и верный Иоганн стал перед ним снова бодрый и здоровый.

Он сказал королю: «Твоя верность мне не может остаться без награды!» — и с этими словами взял головы детей, поставил их на прежнее место, смазал разрезы их же кровью — и те вмиг ожили, стали прыгать кругом и играть, как будто с ними ничего и не приключилось дурного.

Король очень обрадовался, и когда увидел, что королева возвращается из церкви, то спрятал и верного Иоганна, и обоих детей в большой шкаф.

Когда та вошла, он спросил ее: «Молилась ли ты в церкви?» — «Да, — отвечала она, — но я постоянно думала о верном Иоганне, который из-за нас накликал на себя беду». Тогда сказал он: «Милая жена! Мы можем возвратить ему жизнь, но дорогою ценою — ценою жизни наших обоих сыночков!»

Королева побледнела и ужаснулась в сердце своем, однако же сказала: «Мы обязаны для него это сделать ради его великой преданности».

Тогда он обрадовался, что и она думает с ним заодно, подошел к шкафу, отпер его и вывел из него и детей, и верного Иоганна и сказал: «Богу хвала! И он спасен, и наши сыночки возвращены нам!» Тут только рассказал он королеве, как было дело. И с той поры они жили в великом благополучии до самой смерти.

Удачная торговля

Однажды мужик стащил свою корову на базар и продал ее там за семь талеров.

На обратном пути он должен был проходить мимо одного пруда, из которого далеко кругом разносилось кваканье лягушек: «Ква, ква, ква, ква!» — «Ну да, — стал он говорить сам себе, — мелют по-пустому: семь талеров я выручил, а не два!»

Подойдя к самой воде, он и лягушкам крикнул: «Глупое вы зверье! Небось лучше меня знаете? Семь талеров, а не два!»

А лягушки-то все на своем: «Ква, ква, ква!» — «Ну, коли вы не верите, так я вам сочту».

Вытащил деньги из карманов и пересчитал все семь талеров, раскладывая по двадцать четыре гроша на каждый.

Однако же лягушки не сошлись с ним в счете и опять тянули ту же песню: «Ква, ква, ква!»

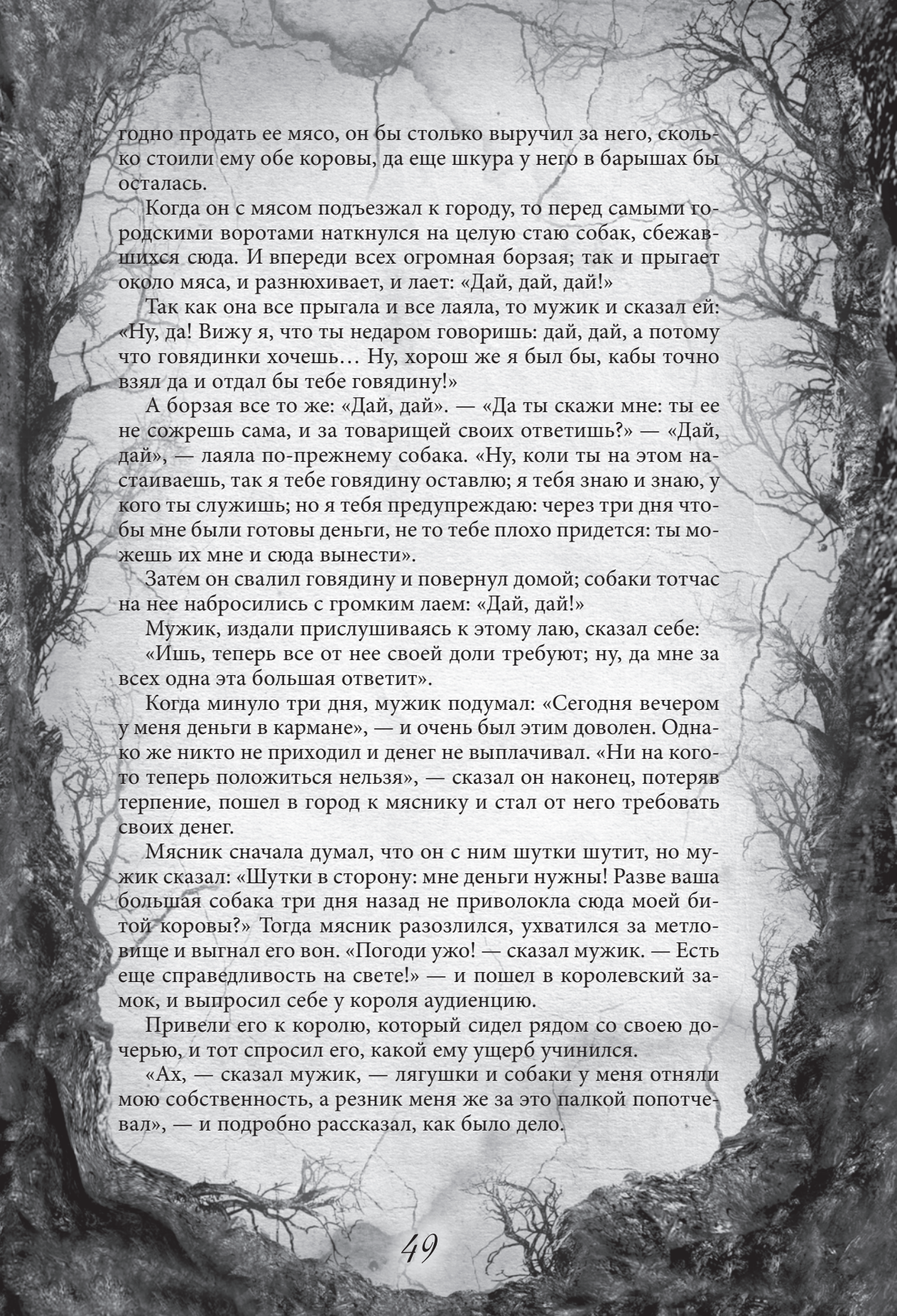
«Коли так, — крикнул мужик, разгневавшись, — коли вы полагаете, что знаете дело лучше меня, так нате же, считайте сами!» — и швырнул им деньги всей кучей в воду.

Он постоял на берегу некоторое время и намерен был обождать, пока они справятся со счетом и возвратят ему деньги, но лягушки настаивали на своем, продолжая по-прежнему голосить: «Ква, ква, ква», — да и денег тоже ему не возвращали.

Подождал он еще немало времени, пока не наступил вечер и не понадобилось ему идти домой; тогда он выругал лягушек и крикнул им: «Ах, вы, водошлепницы! Ах, вы, толстоголовые, пучеглазые! Рыло-то у вас широко, и кричать вы горазды, так что от вас в ушах трещит, а семи талеров пересчитать не умеете! Или вы думаете, что так я вот тут буду стоять и дожидаться, пока вы со счетом справитесь?»

И пошел прочь от пруда, а лягушки-то ему вслед: «Ква, ква, ква», — так что он и домой пришел раздосадованный.

Сколько-то времени спустя выторговал он себе корову, заколол ее и стал рассчитывать, что если бы ему удалось вы-

годно продать ее мясо, он бы столько выручил за него, сколько стоили ему обе коровы, да еще шкура у него в барышах бы осталась.

Когда он с мясом подъезжал к городу, то перед самыми городскими воротами наткнулся на целую стаю собак, сбежавших сюда. И впереди всех огромная борзая; так и прыгает около мяса, и разнюхивает, и лает: «Дай, дай, дай!»

Так как она все прыгала и все лаяла, то мужик и сказал ей: «Ну, да! Вижу я, что ты недаром говоришь: дай, дай, а потому что говядинки хочешь... Ну, хорош же я был бы, кабы точно взял да и отдал бы тебе говядину!»

А борзая все то же: «Дай, дай». — «Да ты скажи мне: ты ее не сожрешь сама, и за товарищей своих ответишь?» — «Дай, дай», — лаяла по-прежнему собака. «Ну, коли ты на этом настаиваешь, так я тебе говядину оставлю; я тебя знаю и знаю, у кого ты служишь; но я тебя предупреждаю: через три дня чтобы мне были готовы деньги, не то тебе плохо придется: ты можешь их мне и сюда вынести».

Затем он свалил говядину и повернул домой; собаки тотчас на нее набросились с громким лаем: «Дай, дай!»

Мужик, издали прислушиваясь к этому лаю, сказал себе:

«Ишь, теперь все от нее своей доли требуют; ну, да мне за всех одна эта большая ответит».

Когда минуло три дня, мужик подумал: «Сегодня вечером у меня деньги в кармане», — и очень был этим доволен. Однако же никто не приходил и денег не выплачивал. «Ни на кого-то теперь положиться нельзя», — сказал он наконец, потеряв терпение, пошел в город к мяснику и стал от него требовать своих денег.

Мясник сначала думал, что он с ним шутки шутит, но мужик сказал: «Шутки в сторону: мне деньги нужны! Разве ваша большая собака три дня назад не приволокла сюда моей битой коровы?» Тогда мясник разозлился, ухватился за метловище и выгнал его вон. «Погоди уж! — сказал мужик. — Есть еще справедливость на свете!» — и пошел в королевский замок, и выпросил себе у короля аудиенцию.

Привели его к королю, который сидел рядом со своею дочерью, и тот спросил его, какой ему ущерб учинился.

«Ах, — сказал мужик, — лягушки и собаки у меня отняли мою собственность, а резник меня же за это палкой попотчевал», — и подробно рассказал, как было дело.

Королевна, услышав его рассказ, не выдержала — расхохоталась громко, и король сказал ему: «Рассудить твоего дела я не могу; но зато ты можешь взять дочь мою себе в жены; она еще отродясь не смеялась, только вот сегодня ты ее рассмешил, а я обещал ее тому в жены, кто сумеет ее рассмешить. Ну, вот и благодари Бога за свое счастье!» — «О, да я вовсе и не желаю на ней жениться!» — отвечал мужик. — У меня дома уж есть одна жена, да и ту одну мне девать некуда. Если я на твоей дочке женюсь да домой вернусь, так что же мне — по уголкам их, что ли, расставлять прикажешь?»

Тут король не на шутку прогневался и сказал: «Ты грубиян!» — «Ах, господин король!» — возразил мужик. — Вестимое дело: на свинке не шелк, а щетинки!» — «Ладно, ладно, — отвечал король, — я тебе другую награду назначу. Теперь проваливай, а денька через три возвращайся, тогда тебе все пятьсот отсыпят сполна».

Когда мужик стал выходить из замка, один из стражи королевской сказал ему: «Ты королевну нашу рассмешил, так уж, верно, получишь за это хорошую награду». — «Кажись, что не без того, — отвечал мужик. — Пять сотен мне будут выплачены». — «Слышь-ка, мужик!» — сказал солдат. — Удели мне малую толику. Ну, куда тебе такая уйма денег!» — «Ну, разве уж для тебя — куда ни шло! Получай двести! Так-таки заявись к королю денька через три и прикажи тебе именно столько выплатить».

Еврей-ростовщик, случившийся поблизости и подслушавший их разговор, побежал за мужиком вслед, ухватил его за полу платья и говорит: «Ай-ай-ай, что вы за счастливчик такой! Я вам деньги разменяю, я вам их мелочью выплачу, куда вам с этими битыми талерами возиться?» — «Мойше, — сказал мужик, — триста еще есть на твою долю, только выплати их мне сейчас мелкой монетой: дня через три король тебе их уплатит».

Ростовщик обрадовался барышу и выплатил мужику всю сумму стертыми слепыми грошами — такими, что три гроша двух хороших не стоят.

По прошествии трех дней мужик согласно приказу короля явился пред его ясные очи.

«Ну, снимай с него платье долой, — сказал король, — он должен получить свои пять сотен сполна». — «Ах, — сказал мужик, — эти пять сотен уже не принадлежат мне: две сотни

«Удачная торговля».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...И точно: явились к королю и солдат, и еврей-рестовщик
и стали требовать своей доли в награде мужика,
и получили надлежащее количество ударов...»*

подарил я солдату вашей стражи, а за три сотни ростовщик уже уплатил мне мелочью — так по справедливости мне уж ничего получать не следует».

И точно: явились к королю и солдат, и еврей-ростовщик и стали требовать своей доли в награде мужика, и получили надлежащее количество ударов. Солдату это было дело знакомое, и он вынес свою порцию ударов терпеливо; а ростовщик все время жалобно кричал: «Ай, вей мир! Ай, какие крепкие галеры!»

Король, конечно, посмеялся проделке мужика, и так как гнев-то его прошел, он сказал: «Так как ты свою награду потерял еще ранее, нежели получил ее, то я тебя награжу иначе: ступай в мою казну и возьми себе денег, сколько хочешь».

Мужик не заставил себе этого дважды повторять и набил в свои глубокие карманы, сколько влезло. Потом пошел в гостиницу и стал считать деньги. Ростовщик туда же за ним приполз и слышал, как тот ворчал себе под нос: «А ведь этот плут-король все же провел меня! Дай он мне денег сам, так я бы, по крайности, знал, что у меня есть. А теперь, как я могу наверно знать, сколько я наудачу в карман насыпал?» — «Ай-ай, — залепетал про себя ростовщик, — да он непочтительно смеет говорить о нашем государе! Побегу и донесу на него, тогда и я награду получу, и он будет наказан».

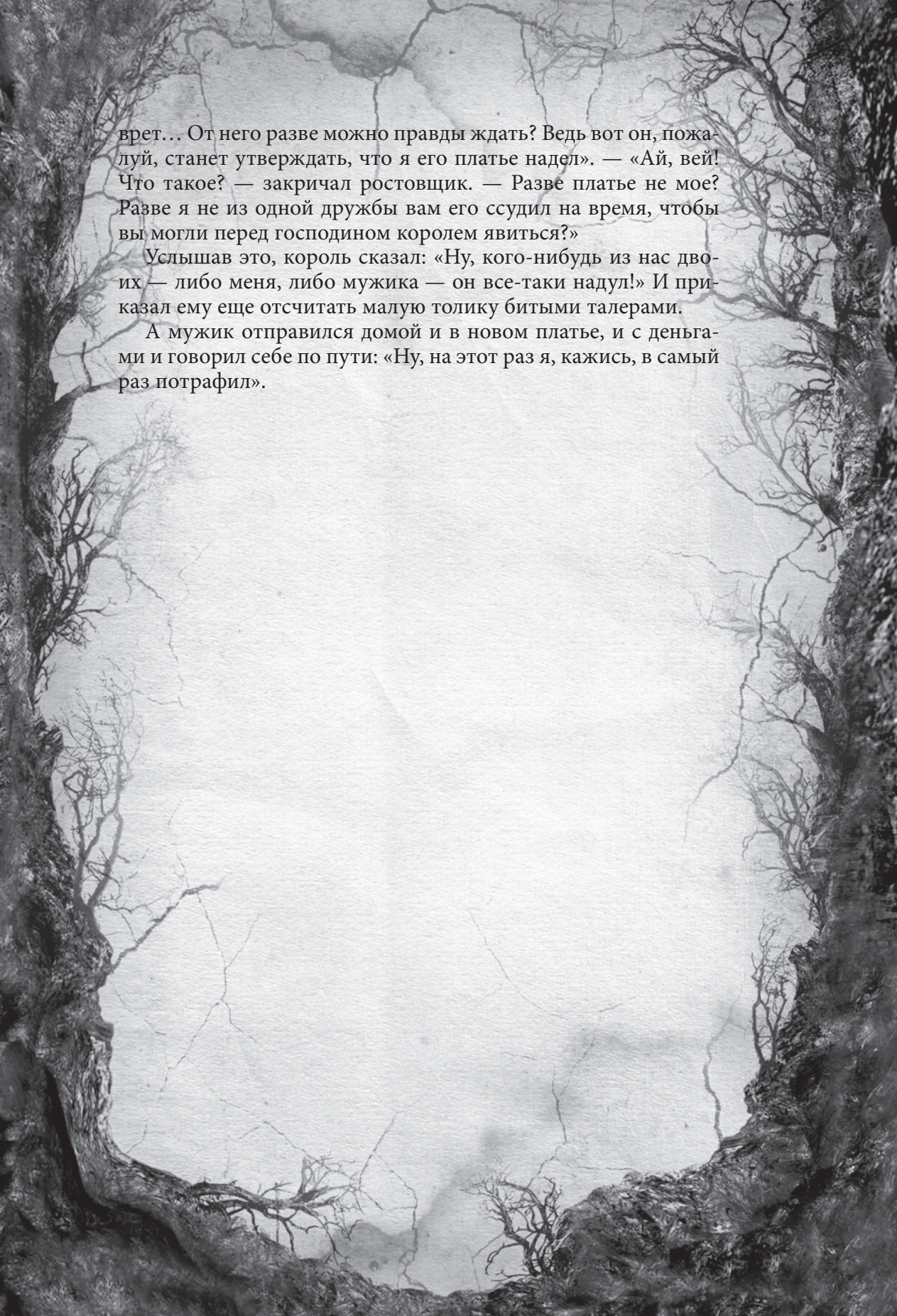
И точно, когда король услышал о речах мужика, то пришел в ярость и приказал пойти и привести провинившегося.

Ростовщик побежал к мужику. «Пожалуйте, — говорит, — тотчас к господину королю; как есть, так и ступайте». — «Нет, уж я лучше знаю, как к королю идти следует, — отвечал мужик. — Сначала я велю себе сшить новое платье. Или ты думаешь, что человек, у которого так много денег в кармане, может идти к королю в каком-нибудь старье?»

Ростовщик увидал, что мужик заупрямился и без нового платья к королю не пойдет; а между тем, пожалуй, и гнев у короля пройдет: тогда ни ему награды, ни мужику наказания не будет. Вот он и подъехал к мужику: «Я вам из одной дружбы могу на короткое время чудесное платье ссудить; отчего человеку не услужить по душе!»

Мужик на это не возражал, надел платье и пошел в замок.

Король потребовал у мужика отчета в тех непочтительных речах, о которых донес ему ростовщик. «Ах, — сказал мужик, — ведь уж известное дело: этот тип что не скажет, то со-

врет... От него разве можно правды ждать? Ведь вот он, пожалуй, станет утверждать, что я его платье надел». — «Ай, вей! Что такое? — закричал ростовщик. — Разве платье не мое? Разве я не из одной дружбы вам его ссудил на время, чтобы вы могли перед господином королем явиться?»

Услышав это, король сказал: «Ну, кого-нибудь из нас двоих — либо меня, либо мужика — он все-таки надул!» И приказал ему еще отсчитать малую толику битыми талерами.

А мужик отправился домой и в новом платье, и с деньгами и говорил себе по пути: «Ну, на этот раз я, кажись, в самый раз потрафил».

Необыкновенный музыкант

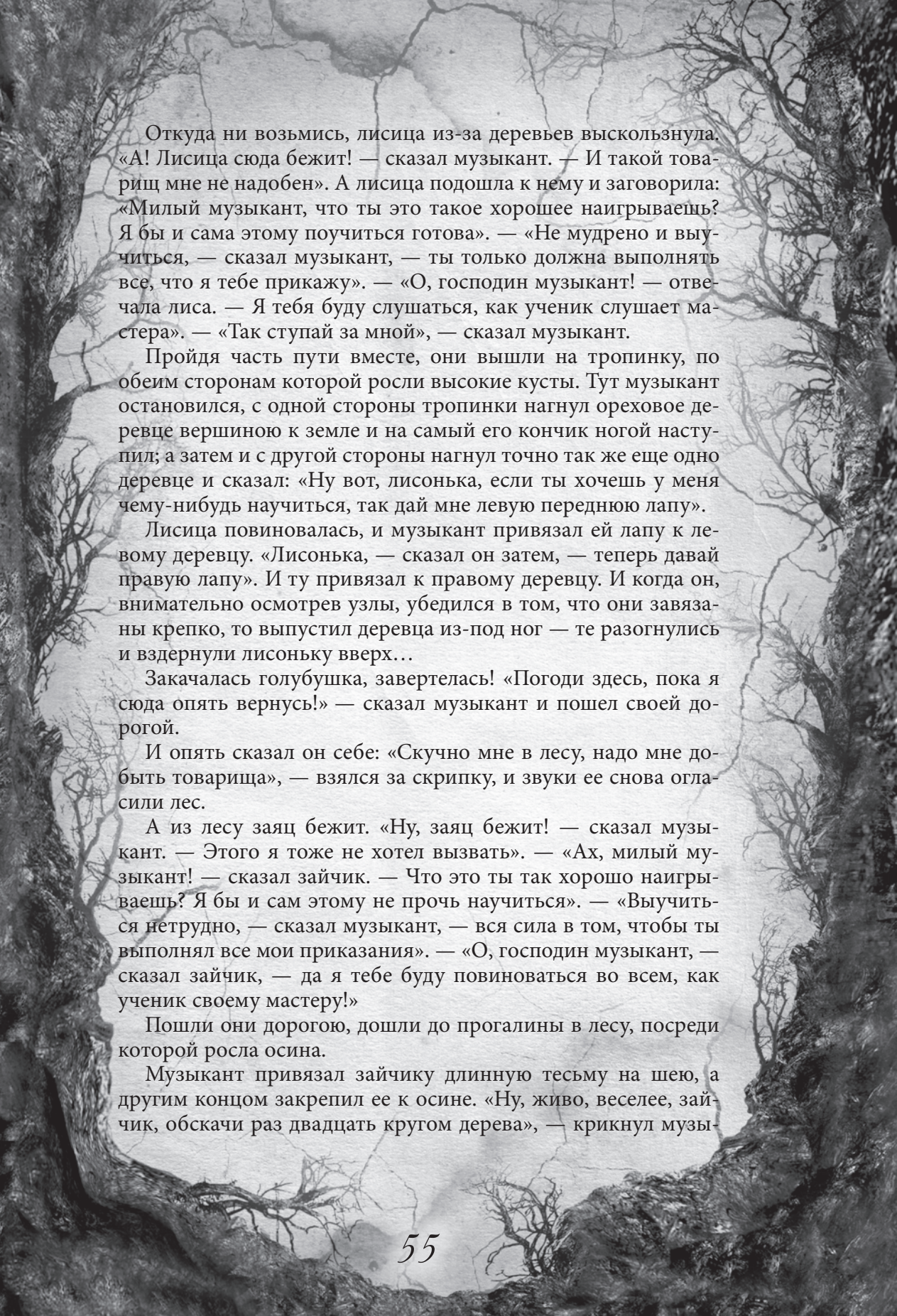
Жил-был необычный музыкант, и случилось ему однажды одному-одинешеньку идти по лесу, и думал он всякие думы, а когда он все уже передумал, то сказал сам себе: «Скучно мне здесь в лесу одному — дай-ка я себе какого-нибудь товарища добуду». И вытащил из-за спины скрипку и заиграл на ней так, что гул пошел меж деревьев.

Немного времени прошло, видит, бежит к нему волк из чащи. «Ах, волк ко мне бежит! Такого товарища мне не надо», — сказал музыкант. Однако же волк приблизился к нему и сказал: «Любезный музыкант, что ты это такое хорошее наигрываешь? Я бы и сам хотел такой музыке научиться». — «Мудрено ли научиться? — ответил музыкант. — Ты только должен все то делать, что я тебе прикажу». — «О, да я тебе, как ученик мастеру, во всем буду послушен», — отвечал волк.

Музыкант велел ему за собою следовать, и когда они прошли часть пути вместе, то пришли к старому дубу, который был внутри пуст, а посредине дал трещину. «Вот, смотри, — сказал музыкант, — если хочешь научиться играть на скрипке, то клади передние лапы в эту трещину».

Волк повиновался, а музыкант быстро ухватился за камень и одним ударом так крепко забил ему обе лапы в трещину, что тот должен был тут и остаться, как пленник на привязи. «Подожди здесь, пока я опять сюда не приду», — сказал музыкант и пошел своей дорогой.

Несколько времени спустя опять сказал он себе: «Мне здесь в лесу скучно — авось я себе другого товарища добуду», — взялся за скрипку, и опять ее звук раздался в лесу.

Откуда ни возьмись, лисица из-за деревьев выскользнула. «А! Лисица сюда бежит! — сказал музыкант. — И такой товарищ мне не надобен». А лисица подошла к нему и заговорила: «Милый музыкант, что ты это такое хорошее наигрываешь? Я бы и сама этому поучиться готова». — «Не мудрено и выучиться, — сказал музыкант, — ты только должна выполнять все, что я тебе прикажу». — «О, господин музыкант! — отвечала лиса. — Я тебя буду слушаться, как ученик слушает мастера». — «Так ступай за мной», — сказал музыкант.

Пройдя часть пути вместе, они вышли на тропинку, по обеим сторонам которой росли высокие кусты. Тут музыкант остановился, с одной стороны тропинки нагнул ореховое деревце вершиною к земле и на самый его кончик ногой наступил; а затем и с другой стороны нагнул точно так же еще одно деревце и сказал: «Ну вот, лисонька, если ты хочешь у меня чему-нибудь научиться, так дай мне левую переднюю лапу».

Лисица повиновалась, и музыкант привязал ей лапу к левому деревцу. «Лисонька, — сказал он затем, — теперь давай правую лапу». И ту привязал к правому деревцу. И когда он, внимательно осмотрев узлы, убедился в том, что они завязаны крепко, то выпустил деревца из-под ног — те разогнулись и вздернули лисоньку вверх...

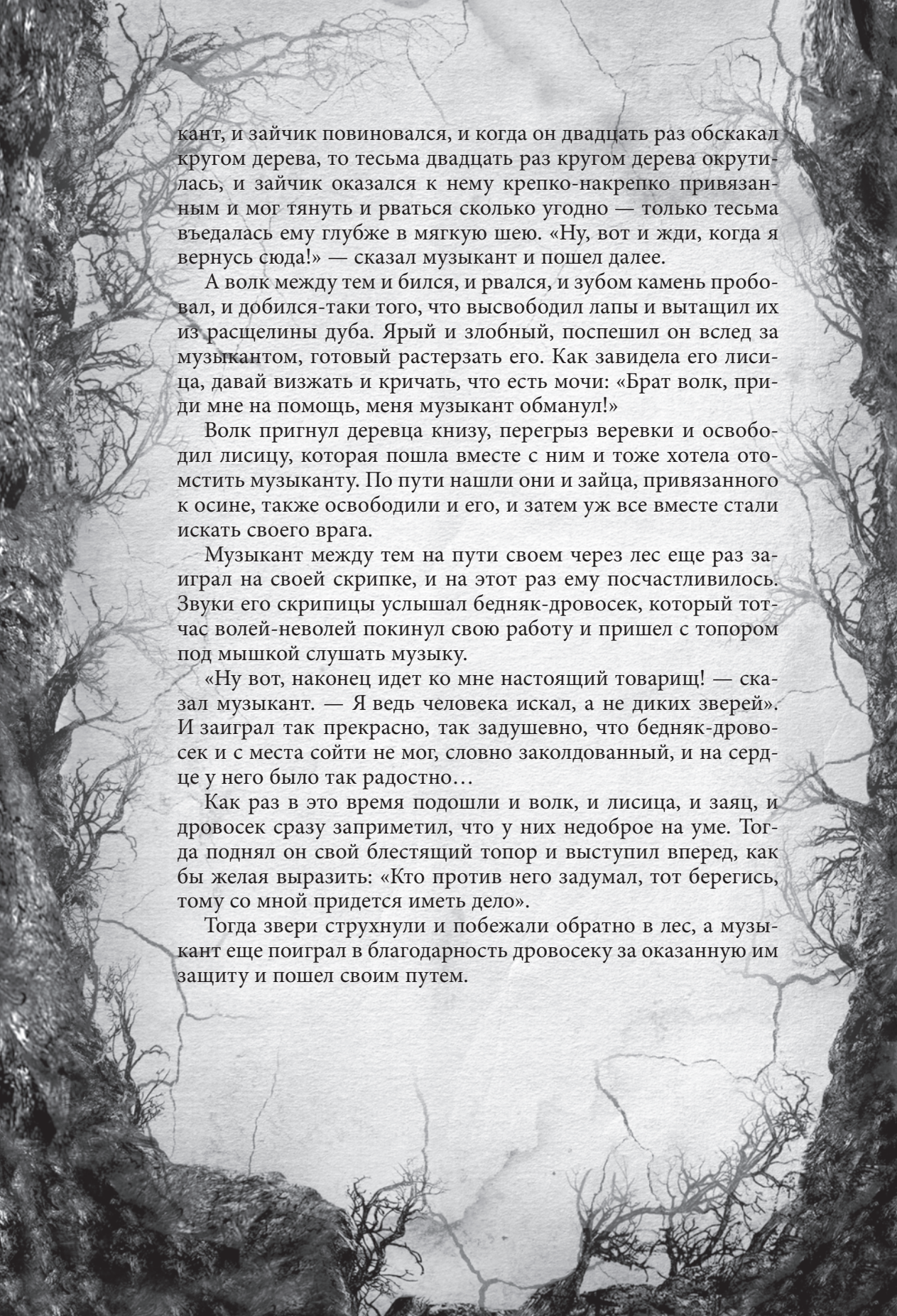
Закачалась голубушка, завертелась! «Погоди здесь, пока я сюда опять вернусь!» — сказал музыкант и пошел своей дорогой.

И опять сказал он себе: «Скучно мне в лесу, надо мне добыть товарища», — взялся за скрипку, и звуки ее снова огласили лес.

А из лесу заяц бежит. «Ну, заяц бежит! — сказал музыкант. — Этого я тоже не хотел вызвать». — «Ах, милый музыкант! — сказал зайчик. — Что это ты так хорошо наигрываешь? Я бы и сам этому не прочь научиться». — «Выучиться нетрудно, — сказал музыкант, — вся сила в том, чтобы ты выполнял все мои приказания». — «О, господин музыкант, — сказал зайчик, — да я тебе буду повиноваться во всем, как ученик своему мастеру!»

Пошли они дорогою, дошли до прогалины в лесу, посреди которой росла осина.

Музыкант привязал зайчику длинную тесьму на шею, а другим концом закрепил ее к осине. «Ну, живо, веселее, зайчик, обскочи раз двадцать кругом дерева», — крикнул музы-

кант, и зайчик повиновался, и когда он двадцать раз обскакал кругом дерева, то тесьма двадцать раз кругом дерева окрутилась, и зайчик оказался к нему крепко-накрепко привязанным и мог тянуть и рваться сколько угодно — только тесьма въедалась ему глубже в мягкую шею. «Ну, вот и жди, когда я вернусь сюда!» — сказал музыкант и пошел далее.

А волк между тем и бился, и рвался, и зубом камень пробовал, и добился-таки того, что высвободил лапы и вытащил их из расщелины дуба. Ярый и злобный, поспешил он вслед за музыкантом, готовый растерзать его. Как завидела его лисица, давай визжать и кричать, что есть мочи: «Брат волк, приди мне на помощь, меня музыкант обманул!»

Волк пригнул деревца книзу, перегрыз веревки и освободил лисицу, которая пошла вместе с ним и тоже хотела отомстить музыканту. По пути нашли они и зайца, привязанного к осине, также освободили и его, и затем уж все вместе стали искать своего врага.

Музыкант между тем на пути своем через лес еще раз заиграл на своей скрипке, и на этот раз ему посчастливилось. Звуки его скрипки услышал бедняк-дровосек, который тотчас волей-неволей покинул свою работу и пришел с топором под мышкой слушать музыку.

«Ну вот, наконец идет ко мне настоящий товарищ! — сказал музыкант. — Я ведь человека искал, а не диких зверей». И заиграл так прекрасно, так задушевно, что бедняк-дровосек и с места сойти не мог, словно заколдованный, и на сердце у него было так радостно...

Как раз в это время подошли и волк, и лисица, и заяц, и дровосек сразу приметил, что у них недоброе на уме. Тогда поднял он свой блестящий топор и выступил вперед, как бы желая выразить: «Кто против него задумал, тот берегись, тому со мной придется иметь дело».

Тогда звери струхнули и побежали обратно в лес, а музыкант еще поиграл в благодарность дровосеку за оказанную им защиту и пошел своим путем.

Двенадцать братьев

Жили да были король с королевой; жили они в полном согласии и прижили двенадцать человек детей — и все были мальчуганы.

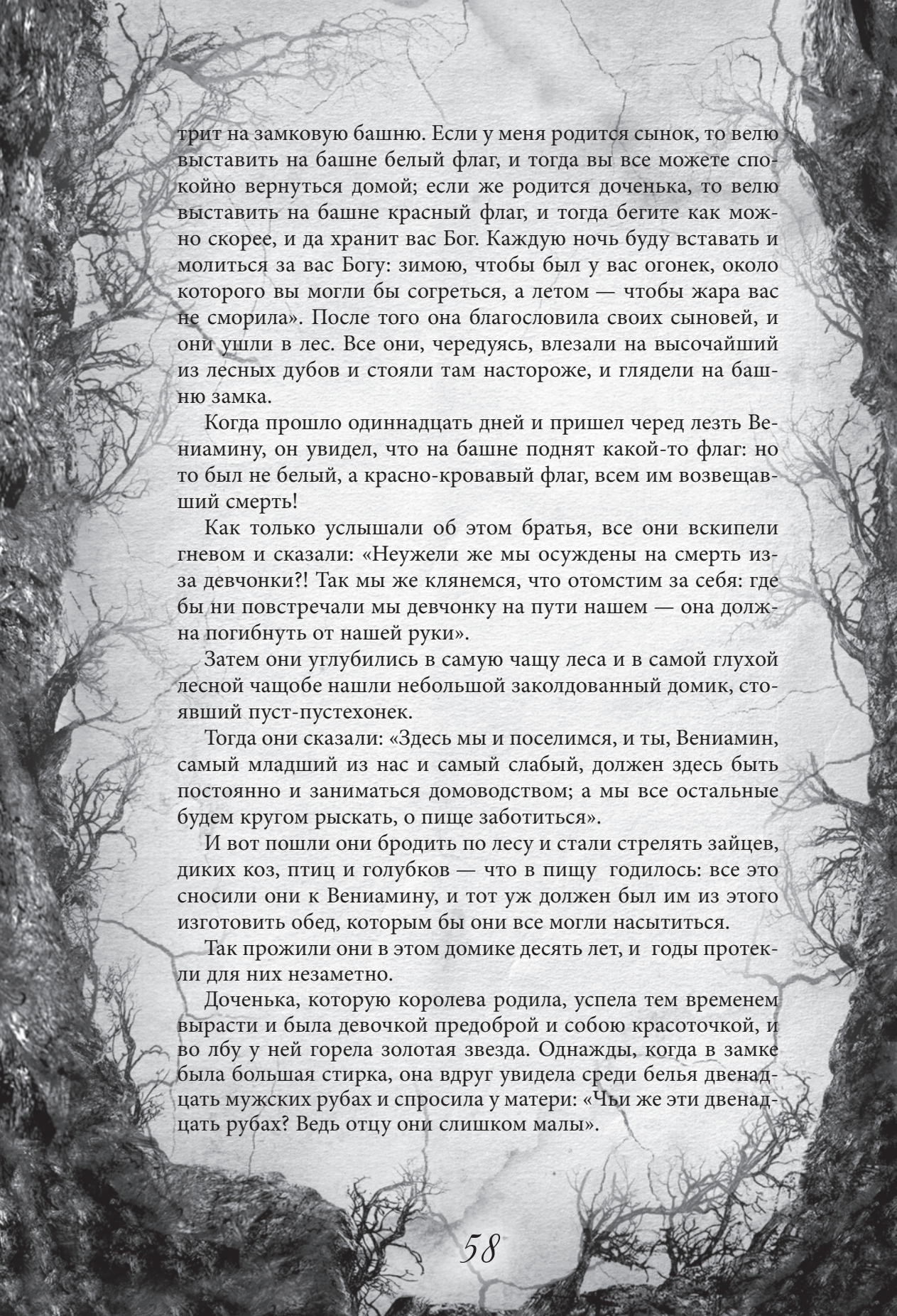
Вот король и говорит королеве: «Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочкой, то всех двенадцать мальчишек велю убить, чтобы и богатства у нее было больше, и все наше королевство ей одной принадлежало».

Он так и велел заготовить двенадцать гробов, которые были наполнены стружками, и в каждый даже небольшое покойницкое изголовьице положено; по его приказу эти гробы были поставлены в особую запертую комнату, ключ от которой король отдал королеве и никому не велел о том рассказывать.

И вот мать стала по целым дням горевать, так что меньшой сын, который был постоянно при ней (она его по Библии и назвала Вениамином), спрашивал ее: «Милая матушка, отчего ты такая грустная?» — «Милое мое дитятко, — отвечала она, — не смею я тебе этого сказать». Однако же он не отставал от нее с вопросами до тех пор, пока она не пошла, не отперла комнаты и не показала ему двенадцать готовых гробов, наполненных стружками. И сказала ему мать: «Дорогой мой Вениамин, эти гробы отец ваш приказал приготовить для тебя и для твоих одиннадцати братьев, потому что он решил: если у меня родится девочка, то всех вас он велит умертвить и в этих гробах похоронить».

Говорила она все это и плакала; а сын утешал ее и сказал: «Не плачь, милая матушка, мы уж как-нибудь сами о себе подумаем и сами от него уйдем».

А она отвечала ему: «Ступай ты со своими одиннадцатью братьями в лес, и пусть один из вас всегда стоит настороже на самом высоком дереве, какое в лесу найдется, и пусть смо-

трет на замковую башню. Если у меня родится сынок, то велю выставить на башне белый флаг, и тогда вы все можете спокойно вернуться домой; если же родится доченька, то велю выставить на башне красный флаг, и тогда бегите как можно скорее, и да хранит вас Бог. Каждую ночь буду вставать и молиться за вас Богу: зимою, чтобы был у вас огонек, около которого вы могли бы согреться, а летом — чтобы жара вас не сморила». После того она благословила своих сыновей, и они ушли в лес. Все они, чередуясь, влезали на высочайший из лесных дубов и стояли там настороже, и глядели на башню замка.

Когда прошло одиннадцать дней и пришел черед лезть Вениамину, он увидел, что на башне поднят какой-то флаг: но то был не белый, а красно-кровавый флаг, всем им возвещавший смерть!

Как только услышали об этом братья, все они вскипели гневом и сказали: «Неужели же мы осуждены на смерть из-за девчонки?! Так мы же клянемся, что отомстим за себя: где бы ни повстречали мы девчонку на пути нашем — она должна погибнуть от нашей руки».

Затем они углубились в самую чащу леса и в самой глухой лесной чащобе нашли небольшой заколдованный домик, стоявший пуст-пустехонек.

Тогда они сказали: «Здесь мы и поселимся, и ты, Вениамин, самый младший из нас и самый слабый, должен здесь быть постоянно и заниматься домоводством; а мы все остальные будем кругом рыскать, о пище заботиться».

И вот пошли они бродить по лесу и стали стрелять зайцев, диких коз, птиц и голубков — что в пищу годилось: все это сносили они к Вениамину, и тот уж должен был им из этого изготовить обед, которым бы они все могли насытиться.

Так прожили они в этом домике десять лет, и годы протекли для них незаметно.

Доченька, которую королева родила, успела тем временем вырасти и была девочкой предоброй и собою красоточкой, и во лбу у ней горела золотая звезда. Однажды, когда в замке была большая стирка, она вдруг увидела среди белья двенадцать мужских рубаш и спросила у матери: «Чьи же эти двенадцать рубаш? Ведь отцу они слишком малы».

«Двенадцать братьев. Девочка в заколдованном лесу».

Художник – Герман Фогель. 1894 г.

*«...И сгустилась бедная девочка одна-единешенька в диком лесу,
и когда стала оглядываться кругом, то увидела рядом старуху,
которая ей и сказала: “Дитя мое, что ты это наделала?
Зачем ты сорвала эти двенадцать белых лилий? Ведь эти цветы
были твои братья, и вот теперь они навек обратились в веронев...”»*

Тогда мать с великою скорбью отвечала ей: «Милое дитя-тко, эти рубахи твоих двенадцати братьев». — «Да где ж эти двенадцать братьев? Я о них еще никогда не слыхала». Мать отвечала: «Единому Богу известно, где они теперь. Бродят где-нибудь по миру».

Затем взяла девочку за руку и, открыв заветную комнату, указала ей на двенадцать гробов со стружками, с изголовьями. «Эти гробы, — сказала она, — были предназначены для твоих братьев; но они тайно ушли еще до твоего рождения».

И рассказала ей, как было дело.

Тогда девочка сказала: «Милая матушка, не плачь, я пойду и отыщу моих братьев».

И вот она взяла с собою двенадцать рубах и ушла из замка, и прямо вошла в большой дремучий лес.

Шла она целый день, а под вечер пришла к заколдованному домику. Вошла в домик и встретила в нем мальчика, который спросил ее: «Откуда идешь и куда?» — и немало был удивлен тем, что она была так хороша и наряжена в королевское платье и во лбу у нее горела звезда.

Тогда она отвечала: «Я королевская дочь и ищу моих двенадцать братьев, и пойду хоть на край света белого, пока не найду их». При этом указала она на двенадцать рубах, которые принадлежали королевичам-братьям.

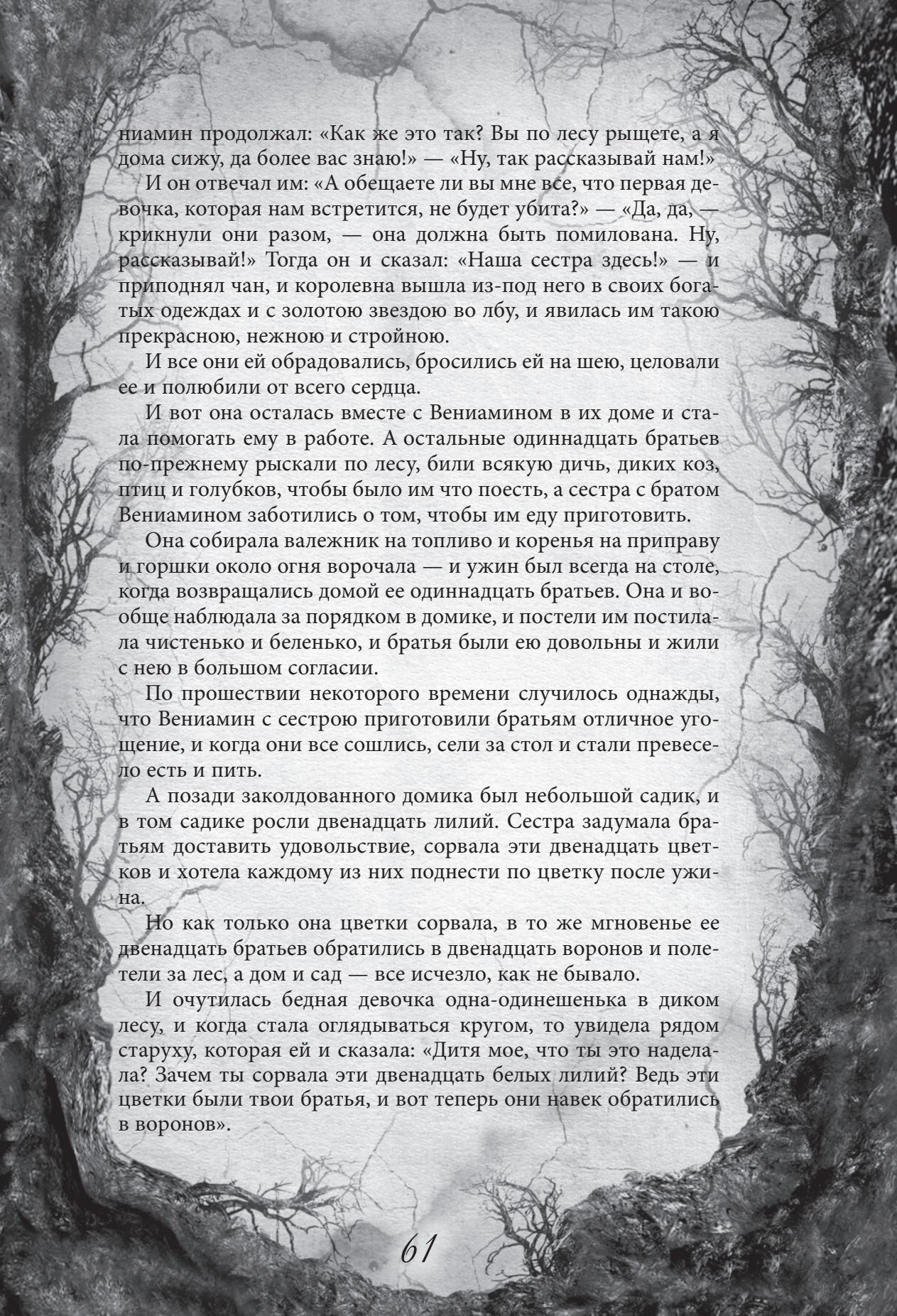
Тогда Вениамин увидел, что это их сестра, и сказал: «Я — Вениамин, твой младший брат».

И она стала плакать от радости, и Вениамин тоже, и они целовались и миловались от всего сердца.

Затем он сказал: «Милая сестрица, тут есть некоторое препятствие... Ведь мы пообещали, что каждая девочка, с которой мы встретимся, должна будет умереть, ибо мы из-за девочки должны были покинуть наше родное королевство». А она на это: «Так что же? Я охотно умру, если смертью своею смогу освободить моих двенадцать братьев из ссылки». — «Нет, — отвечал он, — ты не должна умереть; садись вот под этот чан и сиди, пока не придут остальные одиннадцать братьев; уж я с ними как-нибудь улажусь».

Так она и сделала.

С наступлением ночи вернулись и остальные братья с охоты, и ужин им был готов. И когда они сидели за столом, то спросили: «Что слышно новенького?» Вениамин отвечал: «Неужто вы ничего не знаете?» — «Нет», — отвечали те; а Ве-

ниамин продолжал: «Как же это так? Вы по лесу рыщете, а я дома сижу, да более вас знаю!» — «Ну, так рассказывай нам!»

И он отвечал им: «А обещаете ли вы мне все, что первая девочка, которая нам встретится, не будет убита?» — «Да, да, — крикнули они разом, — она должна быть помилована. Ну, рассказывай!» Тогда он и сказал: «Наша сестра здесь!» — и приподнял чан, и королева вышла из-под него в своих богатых одеждах и с золотой звездой во лбу, и явилась им такою прекрасною, нежною и стройною.

И все они ей обрадовались, бросились ей на шею, целовали ее и полюбили от всего сердца.

И вот она осталась вместе с Вениамином в их доме и стала помогать ему в работе. А остальные одиннадцать братьев по-прежнему рыскали по лесу, били всякую дичь, диких коз, птиц и голубков, чтобы было им что поесть, а сестра с братом Вениамином заботились о том, чтобы им еду приготовить.

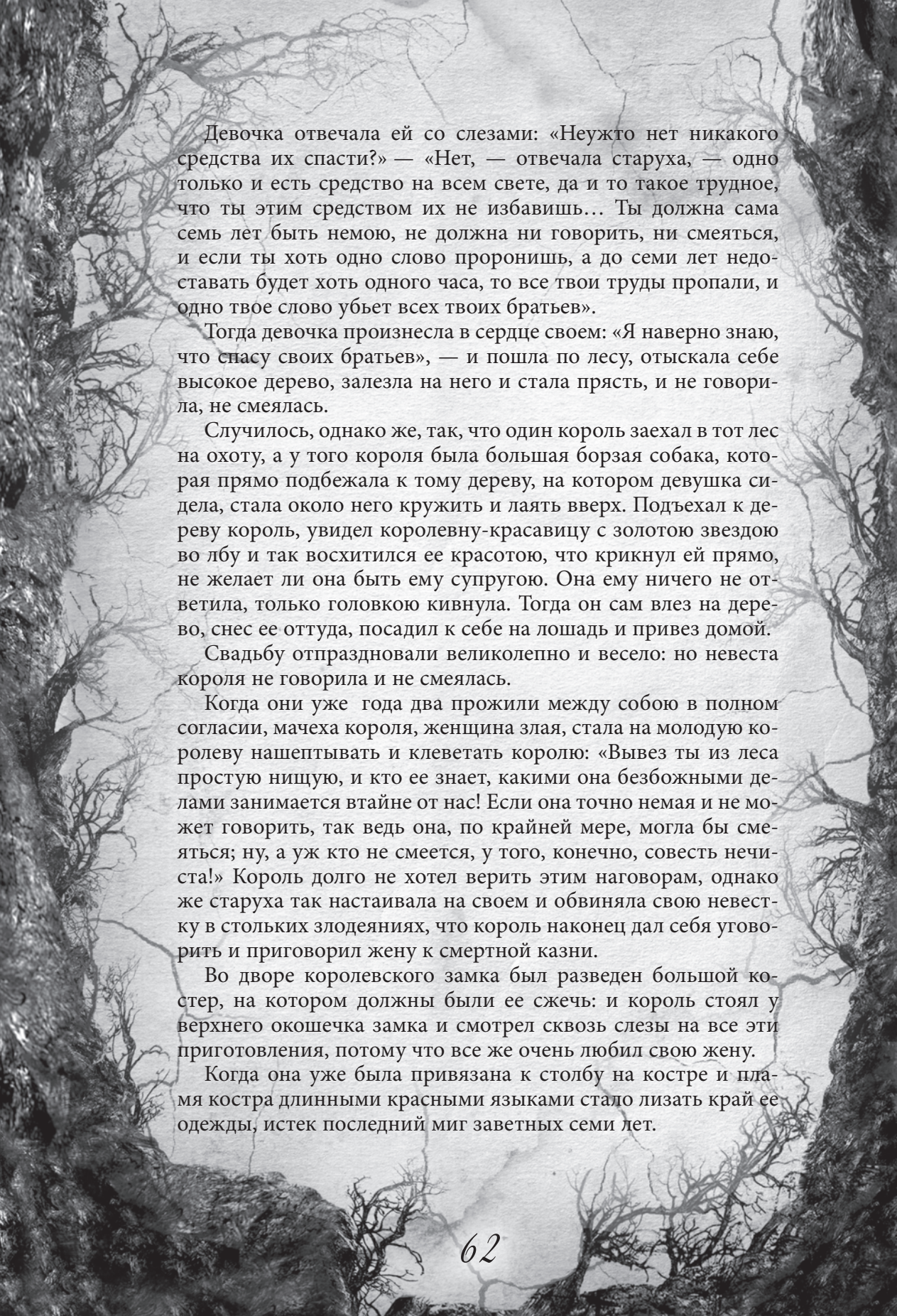
Она собирала валежник на топливо и коренья на приправу и горшки около огня ворочала — и ужин был всегда на столе, когда возвращались домой ее одиннадцать братьев. Она и вообще наблюдала за порядком в домике, и постели им постилала чистенько и беленько, и братья были ею довольны и жили с нею в большом согласии.

По прошествии некоторого времени случилось однажды, что Вениамин с сестрою приготовили братьям отличное угощение, и когда они все сошлись, сели за стол и стали превесело есть и пить.

А позади заколдованного домика был небольшой садик, и в том садике росли двенадцать лилий. Сестра задумала братьям доставить удовольствие, сорвала эти двенадцать цветков и хотела каждому из них поднести по цветку после ужина.

Но как только она цветки сорвала, в то же мгновение ее двенадцать братьев обратились в двенадцать воронов и полетели за лес, а дом и сад — все исчезло, как не бывало.

И очутилась бедная девочка одна-одинешенька в диком лесу, и когда стала оглядываться кругом, то увидела рядом старуху, которая ей и сказала: «Дитя мое, что ты это надела? Зачем ты сорвала эти двенадцать белых лилий? Ведь эти цветки были твои братья, и вот теперь они навек обратились в воронов».

Девочка отвечала ей со слезами: «Неужто нет никакого средства их спасти?» — «Нет, — отвечала старуха, — одно только и есть средство на всем свете, да и то такое трудное, что ты этим средством их не избавишь... Ты должна сама семь лет быть немою, не должна ни говорить, ни смеяться, и если ты хоть одно слово проронишь, а до семи лет недоставать будет хоть одного часа, то все твои труды пропали, и одно твое слово убьет всех твоих братьев».

Тогда девочка произнесла в сердце своем: «Я наверно знаю, что спасу своих братьев», — и пошла по лесу, отыскивала себе высокое дерево, залезла на него и стала пряхь, и не говорила, не смеялась.

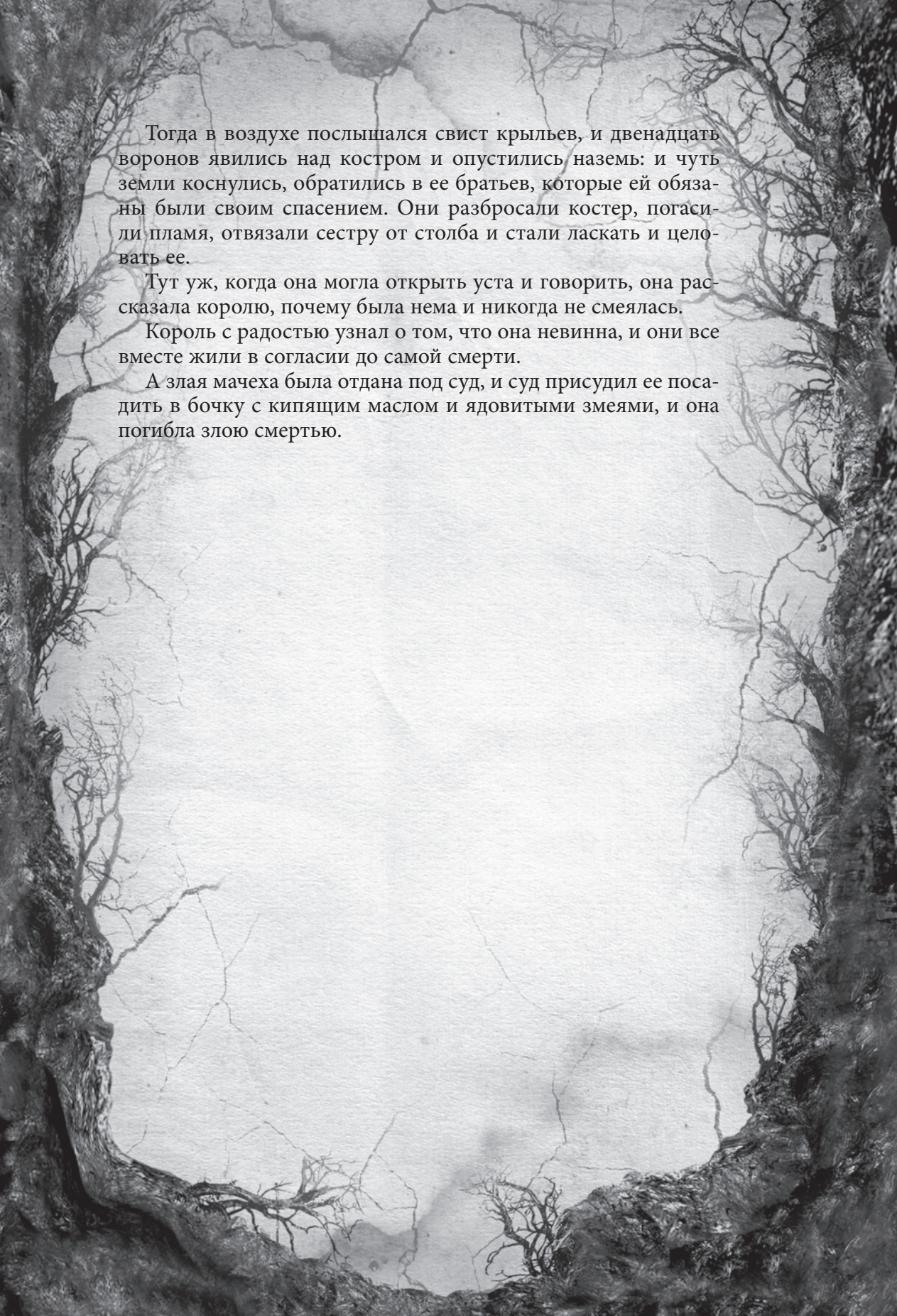
Случилось, однако же, так, что один король заехал в тот лес на охоту, а у того короля была большая борзая собака, которая прямо подбежала к тому дереву, на котором девушка сидела, стала около него кружить и лаять вверх. Подъехал к дереву король, увидел королевну-красавицу с золотою звездою во лбу и так восхитился ее красотою, что крикнул ей прямо, не желает ли она быть ему супругою. Она ему ничего не ответила, только головкою кивнула. Тогда он сам влез на дерево, снес ее оттуда, посадил к себе на лошадь и привез домой.

Свадьбу отпраздновали великолепно и весело: но невеста короля не говорила и не смеялась.

Когда они уже года два прожили между собою в полном согласии, мачеха короля, женщина злая, стала на молодую королевну нашептывать и клеветать королю: «Вывез ты из леса простую нищую, и кто ее знает, какими она безбожными делами занимается втайне от нас! Если она точно немая и не может говорить, так ведь она, по крайней мере, могла бы смеяться; ну, а уж кто не смеется, у того, конечно, совесть нечиста!» Король долго не хотел верить этим наговорам, однако же старуха так настаивала на своем и обвиняла свою невестку в стольких злодеяниях, что король наконец дал себя уговорить и приговорил жену к смертной казни.

Во дворе королевского замка был разведен большой костер, на котором должны были ее сжечь: и король стоял у верхнего окошечка замка и смотрел сквозь слезы на все эти приготовления, потому что все же очень любил свою жену.

Когда она уже была привязана к столбу на костре и пламя костра длинными красными языками стало лизать край ее одежды, истек последний миг заветных семи лет.

Тогда в воздухе послышался свист крыльев, и двенадцать воронов явились над костром и опустились наземь: и чуть земли коснулись, обратились в ее братьев, которые ей обязаны были своим спасением. Они разбросали костер, погасили пламя, отвязали сестру от столба и стали ласкать и целовать ее.

Тут уж, когда она могла открыть уста и говорить, она сказала королю, почему была нема и никогда не смеялась.

Король с радостью узнал о том, что она невинна, и они все вместе жили в согласии до самой смерти.

А злая мачеха была отдана под суд, и суд присудил ее посадить в бочку с кипящим маслом и ядовитыми змеями, и она погибла злою смертью.

Сброд оборванцев

Жили-были на белом свете петушок с курочкой. Вот и сказал петушок курочке: «Теперь самое время орехам зреть; пойдем на гору и насладимся ими досыта, пока их белка все к себе не перетаскала». — «Ладно, — отвечала курочка, — потешим утробушку».

И пошли они на гору, и так как день был светлый, то они и оставались там до самого вечера.

И, право, уж не знаю — наелись ли они чересчур плотно или высокомерие их обуяло, но только не захотелось им возвращаться домой пешком, и петушку пришлось смастерить небольшую повозку из ореховой скорлупы.

Когда повозка была готова, курочка сейчас в нее уселась и говорит петушку: «А ну-ка, впрягайся да вези меня». — «Еще что выдумала, — сказал петух, — да я лучше пешком домой пойду, чем впрягаться стану. Нет, между нами такого уговора не было. Кучером еще, пожалуй, готов быть и на козлах сидеть, а чтобы на себе тащить — не согласен!»

Между тем, пока они спорили, татараторила на них утка: «Ах вы, воришки, да кто вам позволил в мой орешник на горе ходить? Ужо вот поплатитесь за это!» — и с раскрытым клювом налетела на петушка. Однако же петушок, не будь промах, клюнул утку в брюхо, а затем уж так храбро напал на нее со своими шпорами, что она стала просить пощады и охотно обязалась в виде наказания тащить на себе повозку.

Тут уж петушок взобрался на козлы кучером и давай погонять: «Утка, валяй во все лопатки!»

Проехав часть пути, повстречали они еще двоих путников: булавку и иголку.

Те крикнули: «Стой, стой!» — и стали говорить, что вот, мол, сейчас стемнеет, тогда им и шагу нельзя ступить далее.

да и грязно, мол, очень по дороге — так нельзя ли им тоже в повозке примоститься, а то они в портняжной гостинице у ворот застоялись и около пива запоздались.

Петушок, видя, что они ребята тощие, места много не займут, взял их обеих в повозку, только с тем уговором, чтобы они ни ему, ни его курочке на ноги не наступали.

Поздно вечером приехали они к гостинице, и так как им не хотелось дальше ехать ночью, да и утка еле на ногах держалась и то на один бок, то на другой валилась, то и завернули в гостиницу.

Хозяин гостиницы сначала стал было ломаться да говорить, что у него, дескать, в доме места нет, да и то подумал, что приезжие — народ не важный; потом, однако же, сдался на их сладкие речи, на обещания, что вот, мол, ему достанется яичко, которое курочка дорогой снесла, да, кроме того, и утку он тоже может удержать при себе, а та, мол, каждый день по яичку кладет...

Сдался — и впустил их ночевать.

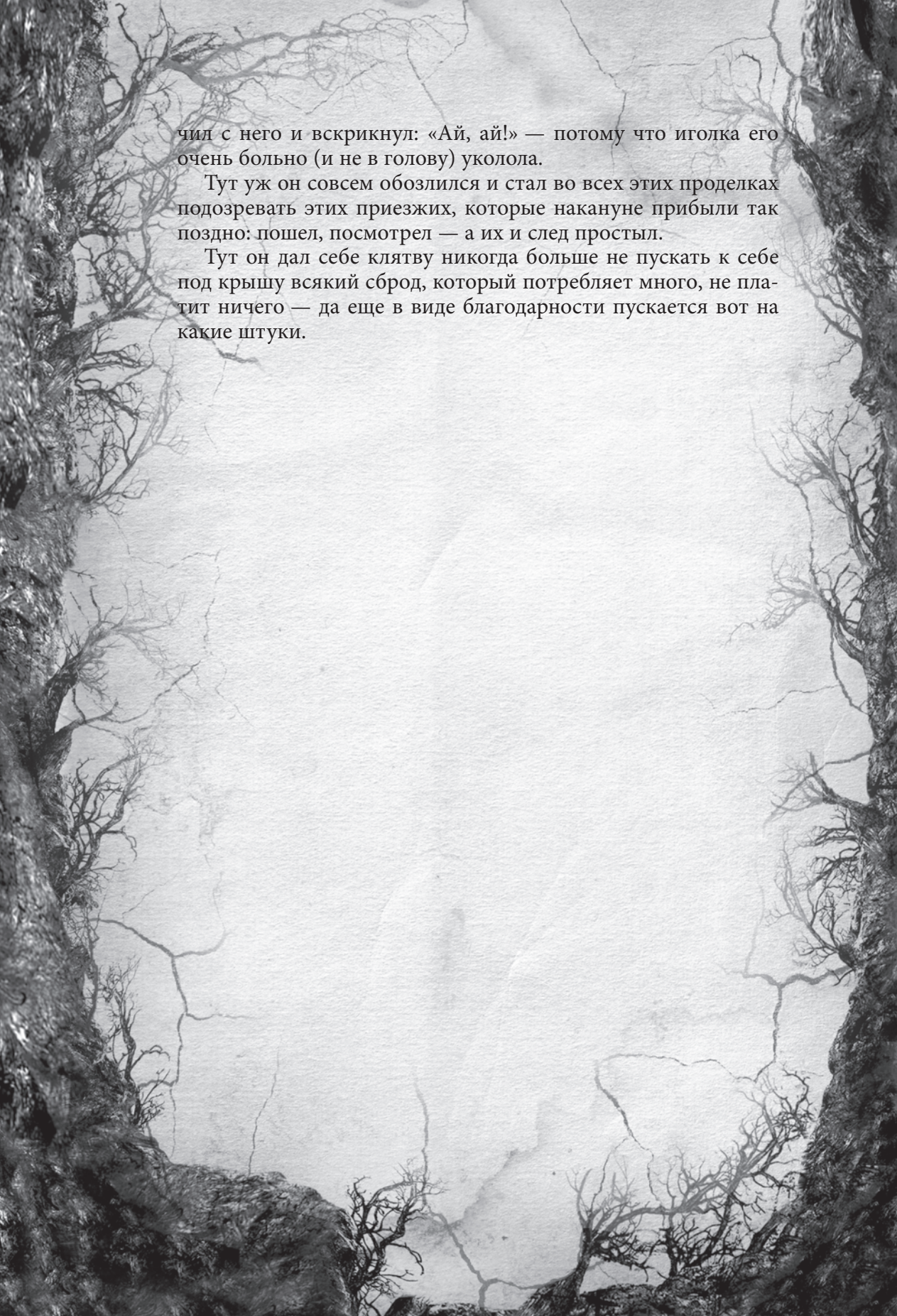
Они, конечно, велели себе подать ужин и этому ужину оказали надлежащую честь.

Ранешенько утром, когда еще только чуть брезжилось и все еще спали, петушок разбудил курочку, достал яичко, проклевал его, и они вместе им позавтракали, а яичные половинки бросили на очаг.

Потом пошли к иголке, которая еще спала, взяли ее за ушко и загнали в подушку хозяйского кресла; наконец добрались и до булавки, взяли ее да и прикололи к полотенцу хозяина, а сами, как ни в чем не бывало, давай бог ноги!

Утка спала под открытым небом во дворе, услышала, как они улизнули, и тоже приободрилась; разнюхала какой-то ручеек и поплыла по течению его — и откуда прыть взялась! Не то что повозку тащить!

Только уж часа два спустя протер себе хозяин глаза на своей пуховой перине, умылся и только хотел было утереться полотенцем, как булавка царапнула его по лицу и провела красный рубец от уха до уха. Пошел он в кухню и хотел было трубочку закурить; но чуть только подошел к очагу — обе яичные скорлупы как прыгнут ему в глаза... «Да что же это сегодня все моей голове достается!» — сказал он про себя и с досадой опустил на дедовское кресло, но тотчас же вско-

чил с него и вскрикнул: «Ай, ай!» — потому что иголка его очень больно (и не в голову) уколола.

Тут уж он совсем обозлился и стал во всех этих проделках подозревать этих приезжих, которые накануне прибыли так поздно: пошел, посмотрел — а их и след простыл.

Тут он дал себе клятву никогда больше не пускать к себе под крышу всякий сброд, который потребляет много, не платит ничего — да еще в виде благодарности пускается вот на какие штуки.

«Сброд оборванцев».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Поздно вечером приехали они к гостинице, и так как им не хотелось дальше ехать ночью, да и утка еле на ногах держалась и то на один бок, то на другой валилась, то и завезли в гостиницу...»

Братец и сестрица

Братец взял сестрицу за руку и сказал: «С той поры, как матушка скончалась, нет у нас ни на час радости; мачеха бьет нас каждый день, а когда мы к ней приходим, она нас гонит от себя пинками прочь. Кормит она нас одними оставшимися от стола черствыми корками, и собачонке под столом живет куда лучше: той все же, хоть изредка, она швырнет лакомый кусочек. Боже сохрани, кабы наша матушка об этом знала! Пойдем, станем вместе бродить по белу свету».

И пошли, и шли целый день по лугам, по полям и камням; и когда шел дождь, сестричка приговаривала: «И небо, и сердца наши заодно плачут!»

Вечером пришли они в большой лес и были так утомлены своею скорбью, голодом и дальним путем, что забрались в дупло дерева и уснули.

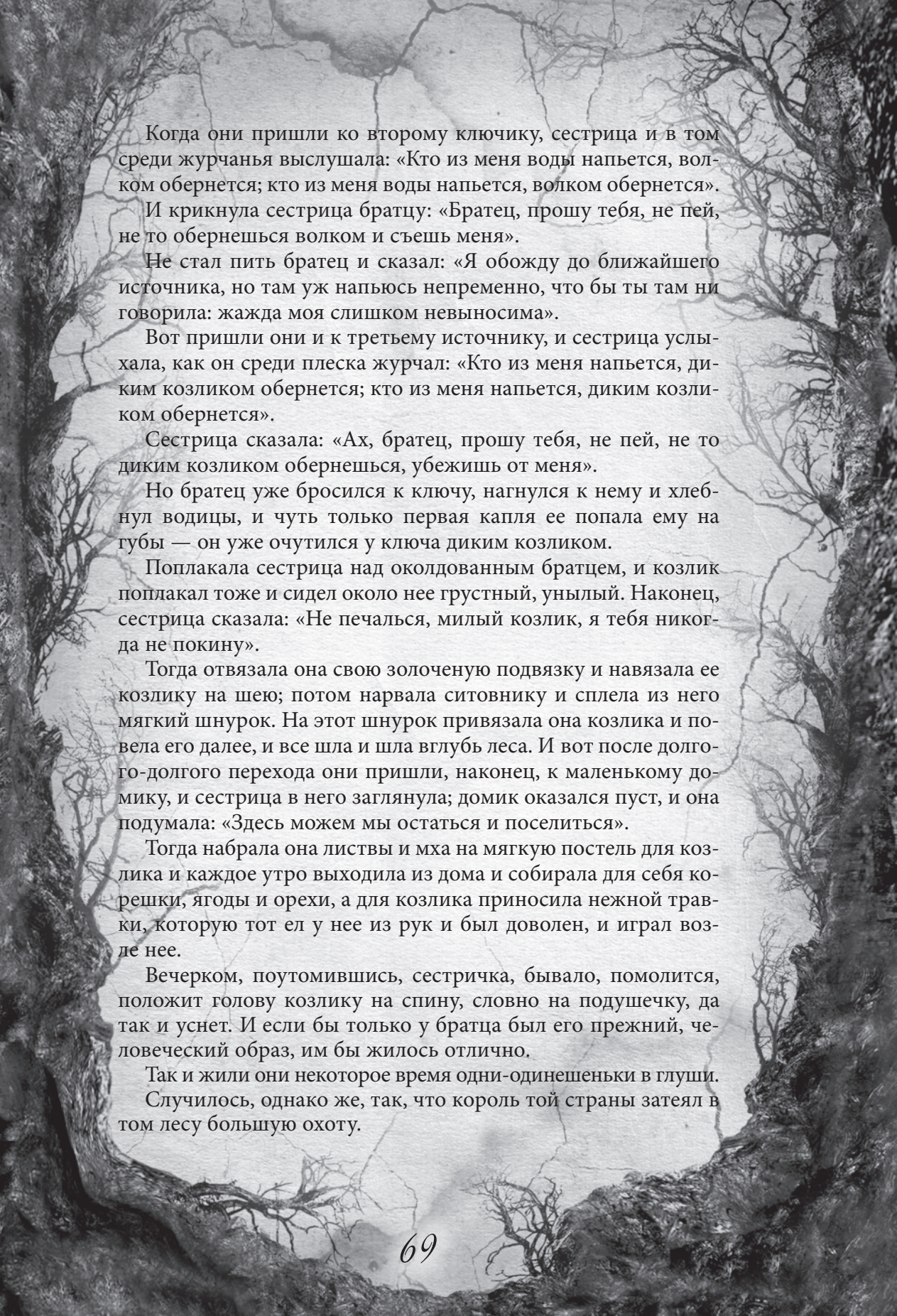
На другое утро, когда они проснулись, солнце стояло уже высоко на небе и горячо пригревало дупло. Тогда братец сказал: «Сестрица, мне пить хочется, и если бы я знал тут поблизости ключик, я бы сейчас туда сбегал и напился; мне кажется, я тут слышал журчание поблизости». Он встал, взял сестрицу за руку, и они пошли разыскивать ключик.

А злая мачеха их была ведьмой и видела, как дети ушли из дому, и сама невидимой, как все ведьмы, прокралась за ними следом и все ключи в лесу заколдовала.

Вот и нашли они ключик, который так и блестел, попрыгивая на камнях, и братец хотел уж из него напиться; однако же сестрица прослышала, как ключик среди плеска журчал: «Кто из меня изопьет водицы, в тигра обратится! Кто из меня изопьет водицы, в тигра обратится!»

Тогда сестрица воскликнула: «Прошу тебя, братец, не пей, не то оборотишься лютым зверем и меня растерзаешь».

Братец не стал пить, хотя и мучила его невыносимая жажда, и сказал: «Я подожду до ближайшего источника».

Когда они пришли ко второму ключику, сестрица и в том среди журчання выслушала: «Кто из меня воды напьется, волком обернется; кто из меня воды напьется, волком обернется».

И крикнула сестрица братцу: «Братец, прошу тебя, не пей, не то обернешься волком и съешь меня».

Не стал пить братец и сказал: «Я обожду до ближайшего источника, но там уж напьюсь непременно, что бы ты там ни говорила: жажда моя слишком невыносима».

Вот пришли они и к третьему источнику, и сестрица услышала, как он среди плеска журчал: «Кто из меня напьется, диким козликом обернется; кто из меня напьется, диким козликом обернется».

Сестрица сказала: «Ах, братец, прошу тебя, не пей, не то диким козликом обернешься, убежишь от меня».

Но братец уже бросился к ключу, нагнулся к нему и хлебнул водицы, и чуть только первая капля ее попала ему на губы — он уже очутился у ключа диким козликом.

Поплакала сестрица над околдованным братцем, и козлик заплакал тоже и сидел около нее грустный, унылый. Наконец, сестрица сказала: «Не печалься, милый козлик, я тебя никогда не покину».

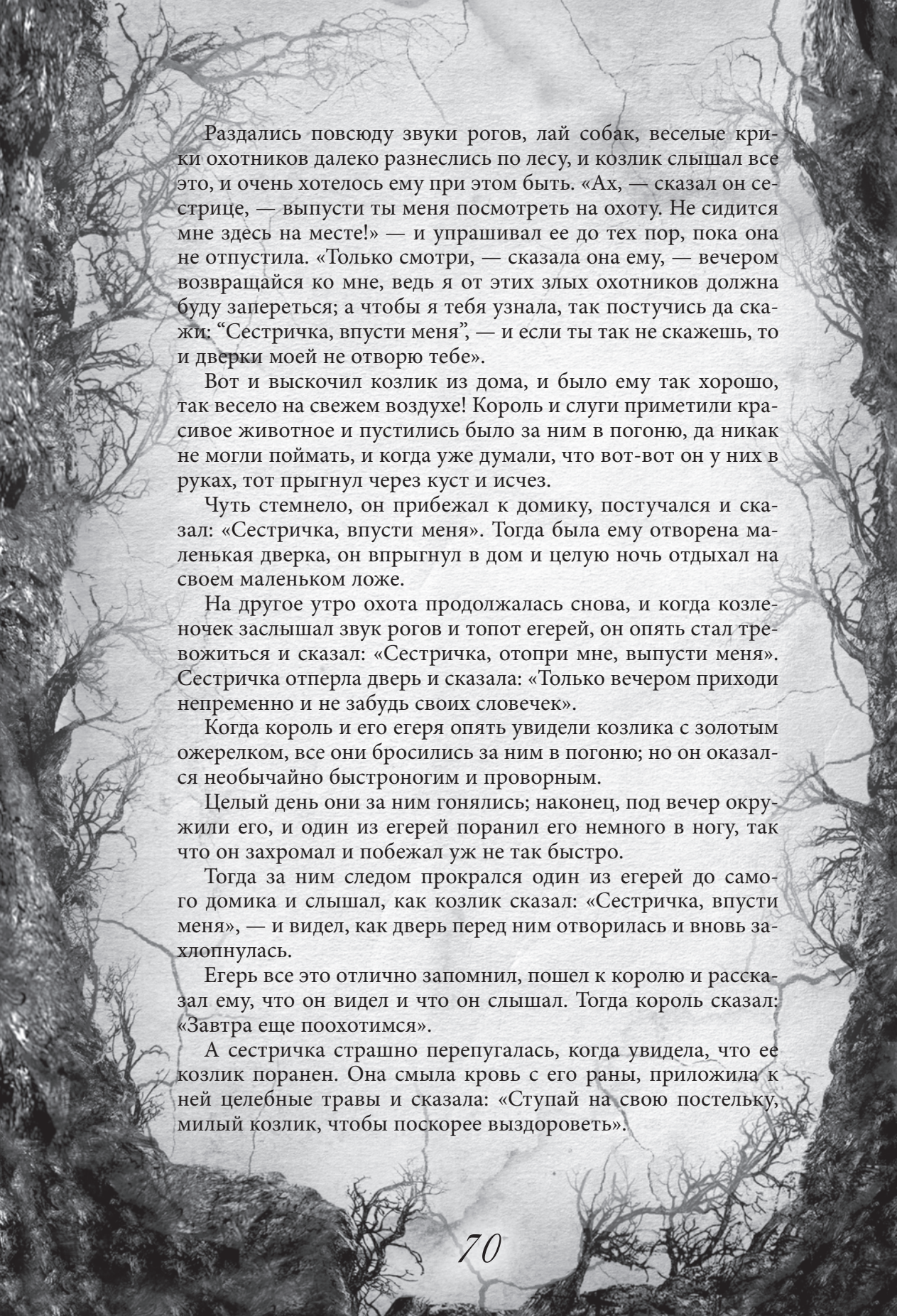
Тогда отвязала она свою золоченую подвязку и навязала ее козлику на шею; потом нарвала ситовнику и сплела из него мягкий шнурок. На этот шнурок привязала она козлика и повела его далее, и все шла и шла вглубь леса. И вот после долго-долго-долгого перехода они пришли, наконец, к маленькому домику, и сестрица в него заглянула; домик оказался пуст, и она подумала: «Здесь можем мы остаться и поселиться».

Тогда набрала она листвы и мха на мягкую постель для козлика и каждое утро выходила из дома и собирала для себя корешки, ягоды и орехи, а для козлика приносила нежной травки, которую тот ел у нее из рук и был доволен, и играл возле нее.

Вечером, поутомившись, сестричка, бывало, помолится, положит голову козлику на спину, словно на подушечку, да так и уснет. И если бы только у братца был его прежний, человеческий образ, им бы жилось отлично.

Так и жили они некоторое время одни-одинешеньки в глуши.

Случилось, однако же, так, что король той страны затеял в том лесу большую охоту.

Раздались повсюду звуки рогов, лай собак, веселые крики охотников далеко разнеслись по лесу, и козлик слышал все это, и очень хотелось ему при этом быть. «Ах, — сказал он сестрице, — выпусти ты меня посмотреть на охоту. Не сидится мне здесь на месте!» — и упрашивал ее до тех пор, пока она не отпустила. «Только смотри, — сказала она ему, — вечером возвращайся ко мне, ведь я от этих злых охотников должна буду запереться; а чтобы я тебя узнала, так постучись да скажи: “Сестричка,пусти меня”, — и если ты так не скажешь, то и дверки моей не отворю тебе».

Вот и выскочил козлик из дома, и было ему так хорошо, так весело на свежем воздухе! Король и слуги заметили красивое животное и пустились было за ним в погоню, да никак не могли поймать, и когда уже думали, что вот-вот он у них в руках, тот прыгнул через куст и исчез.

Чуть стемнело, он прибежал к домику, постучался и сказал: «Сестричка,пусти меня». Тогда была ему отворена маленькая дверка, он впрыгнул в дом и целую ночь отдыхал на своем маленьком ложе.

На другое утро охота продолжалась снова, и когда козленочек слышал звук рогов и топот егерей, он опять стал тревожиться и сказал: «Сестричка, отопри мне,пусти меня». Сестричка отперла дверь и сказала: «Только вечером приходи непременно и не забудь своих словечек».

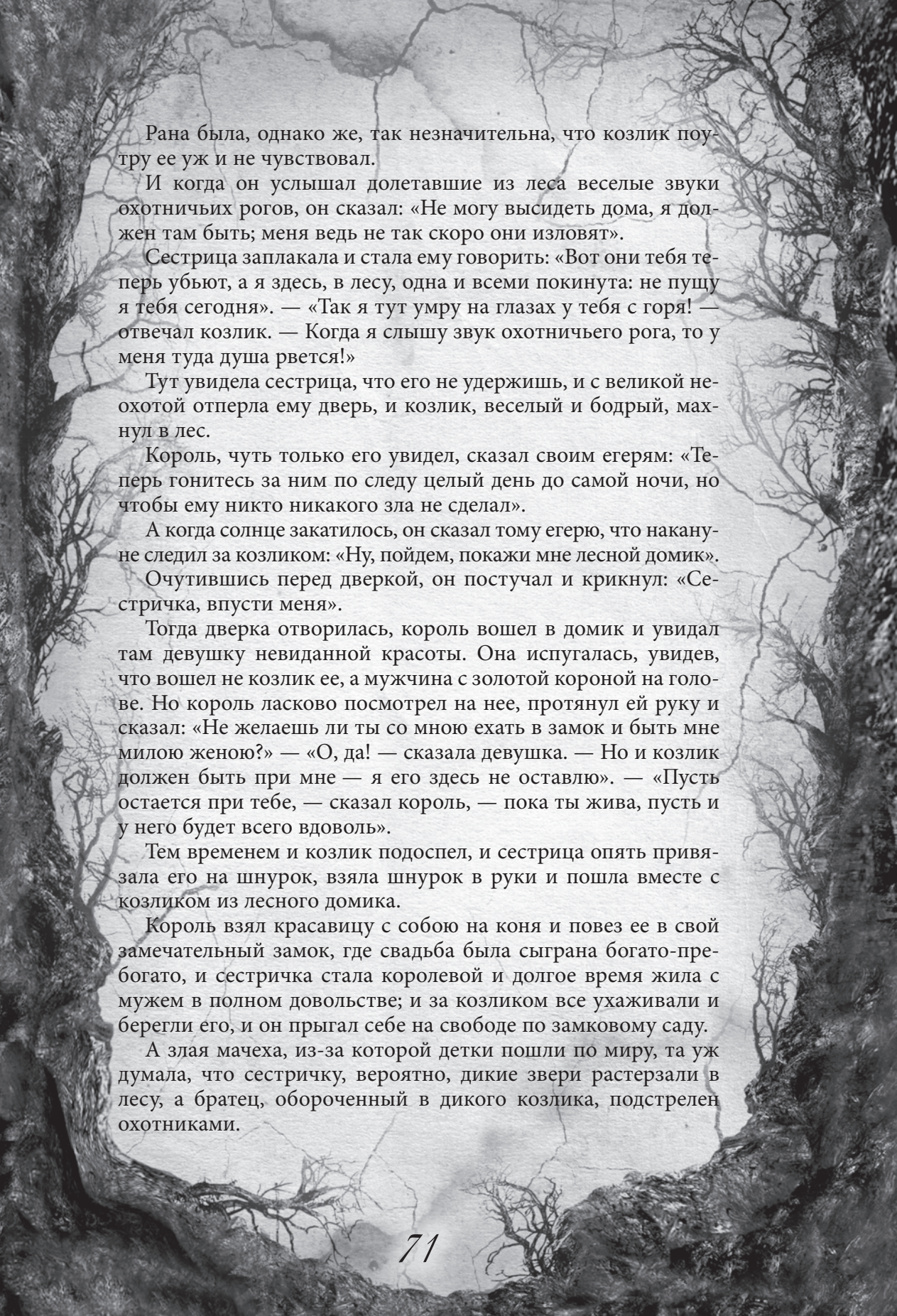
Когда король и его егеря опять увидели козлика с золотым ожерелком, все они бросились за ним в погоню; но он оказался необычайно быстроногим и проворным.

Целый день они за ним гонялись; наконец, под вечер окружили его, и один из егерей поранил его немного в ногу, так что он захромал и побежал уж не так быстро.

Тогда за ним следом прокрался один из егерей до самого домика и слышал, как козлик сказал: «Сестричка,пусти меня», — и видел, как дверь перед ним отворилась и вновь хлопнулась.

Егерь все это отлично запомнил, пошел к королю и рассказал ему, что он видел и что он слышал. Тогда король сказал: «Завтра еще поохотимся».

А сестричка страшно перепугалась, когда увидела, что ее козлик поранен. Она смыла кровь с его раны, приложила к ней целебные травы и сказала: «Ступай на свою постельку, милый козлик, чтобы поскорее выздороветь».

Рана была, однако же, так незначительна, что козлик поу-
тру ее уж и не чувствовал.

И когда он услышал долетавшие из леса веселые звуки
охотничьих рогов, он сказал: «Не могу высидеть дома, я дол-
жен там быть; меня ведь не так скоро они изловят».

Сестрица заплакала и стала ему говорить: «Вот они тебя те-
перь убьют, а я здесь, в лесу, одна и всеми покинута: не пущу
я тебя сегодня». — «Так я тут умру на глазах у тебя с горя! —
отвечал козлик. — Когда я слышу звук охотничьего рога, то у
меня туда душа рвется!»

Тут увидела сестрица, что его не удержишь, и с великой не-
охотой отперла ему дверь, и козлик, веселый и бодрый, мах-
нул в лес.

Король, чуть только его увидел, сказал своим егерям: «Те-
перь гонитесь за ним по следу целый день до самой ночи, но
чтобы ему никто никакого зла не сделал».

А когда солнце закатилось, он сказал тому егерю, что накану-
не следил за козликом: «Ну, пойдем, покажи мне лесной домик».

Очутившись перед дверкой, он постучал и крикнул: «Се-
стричка,пусти меня».

Тогда дверка отворилась, король вошел в домик и увидел
там девушку невиданной красоты. Она испугалась, увидев,
что вошел не козлик ее, а мужчина с золотой короной на голо-
ве. Но король ласково посмотрел на нее, протянул ей руку и
сказал: «Не желаешь ли ты со мною ехать в замок и быть мне
милою женою?» — «О, да! — сказала девушка. — Но и козлик
должен быть при мне — я его здесь не оставлю». — «Пусть
остается при тебе, — сказал король, — пока ты жива, пусть и
у него будет всего вдоволь».

Тем временем и козлик подрос, и сестрица опять привя-
зала его на шнурок, взяла шнурок в руки и пошла вместе с
козликом из лесного домика.

Король взял красавицу с собою на коня и повез ее в свой
замечательный замок, где свадьба была сыграна богато-пре-
богато, и сестричка стала королевой и долгое время жила с
мужем в полном довольстве; и за козликом все ухаживали и
берегли его, и он прыгал себе на свободе по замковому саду.

А злая мачеха, из-за которой детки пошли по миру, та уж
думала, что сестричку, вероятно, дикие звери растерзали в
лесу, а братец, обороченный в дикого козлика, подстрелен
охотниками.

Когда же она услышала, что они так счастливы и что им живется хорошо, то зависть и вражда вновь заговорили в ее сердце и не давали ей покоя, и стала она только о том думать, как бы их обоих снова сделать несчастными.

Родная-то дочка мачехи, дурная, как смертный грех, да притом еще и одноглазая, стала попрекать свою мать и говорила: «Мне бы следовало быть королевой, а не той девчонке». — «Сиди да молчи, — сказала старая ведьма, убажая ее, — придет время, так уж я воспользуюсь».

По прошествии известного времени королева родила славного мальчугана, а король-то как раз в это время на охоте был...

Вот старая ведьма и приняла на себя внешность королеввиной служанки, вошла в комнату, где лежала родильница, и сказала: «Пожалуйста, ванна для вас готова, она вам будет полезна и придаст вам новых сил; пожалуйста скорее, пока не остыла вода».

Дочка была у ней тут же под рукою; вместе снесли они ослабевшую королеву в баню и опустили ее в ванну; затем заперли дверь накрепко и убежали оттуда. А в бане развели такой адский огонь, что прекрасная юная королева должна была неминуемо там задохнуться.

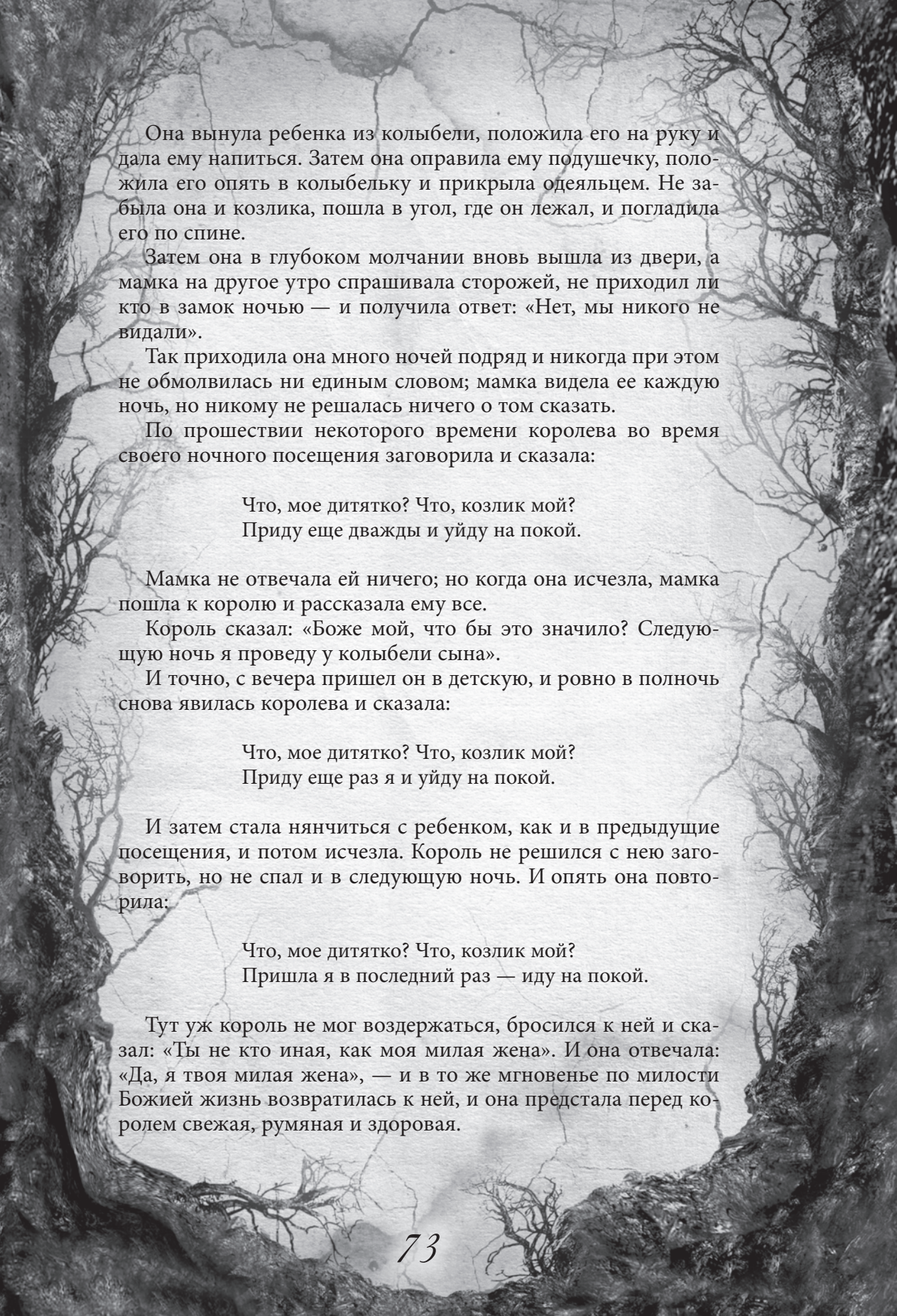
Когда это было сделано, старая ведьма взяла свою дочку, надела на нее чепец и положила ее в постель на место королевы. Она придала ей и образ, и внешность королевы, только как она была крива на один глаз, так и осталась; а для того, чтобы король этого не заметил, ведьмина дочка должна была лежать на том боку, на который была кривоглаза.

Вечеру, когда король вернулся и услышал, что у него родился сынок, он обрадовался от всего сердца и захотел подойти к постели и взглянуть на свою милую жену.

Тогда старая ведьма поспешила крикнуть: «Ради Бога, опустите занавеси, королева еще не должна смотреть на свет, и притом ей нужен покой».

Король отошел от кровати и не знал, что на ней лежала не его жена, а другая, подставная, королева.

В самую полночь, когда все спало, мамка, которая сидела в детской у колыбельки и одна только не спала во всем доме, увидела, что дверь открылась и настоящая королева вошла в детскую.

Она вынула ребенка из колыбели, положила его на руку и дала ему напиться. Затем она оправила ему подушечку, положила его опять в колыбельку и прикрыла одеяльцем. Не забыла она и козлика, пошла в угол, где он лежал, и погладила его по спине.

Затем она в глубоком молчании вновь вышла из двери, а мамка на другое утро спрашивала сторожей, не приходил ли кто в замок ночью — и получила ответ: «Нет, мы никого не видали».

Так приходила она много ночей подряд и никогда при этом не обмолвилась ни единым словом; мамка видела ее каждую ночь, но никому не решалась ничего о том сказать.

По прошествии некоторого времени королева во время своего ночного посещения заговорила и сказала:

Что, мое дитяtko? Что, козлик мой?
Приду еще дважды и уйду на покой.

Мамка не отвечала ей ничего; но когда она исчезла, мамка пошла к королю и рассказала ему все.

Король сказал: «Боже мой, что бы это значило? Следующую ночь я проведу у колыбели сына».

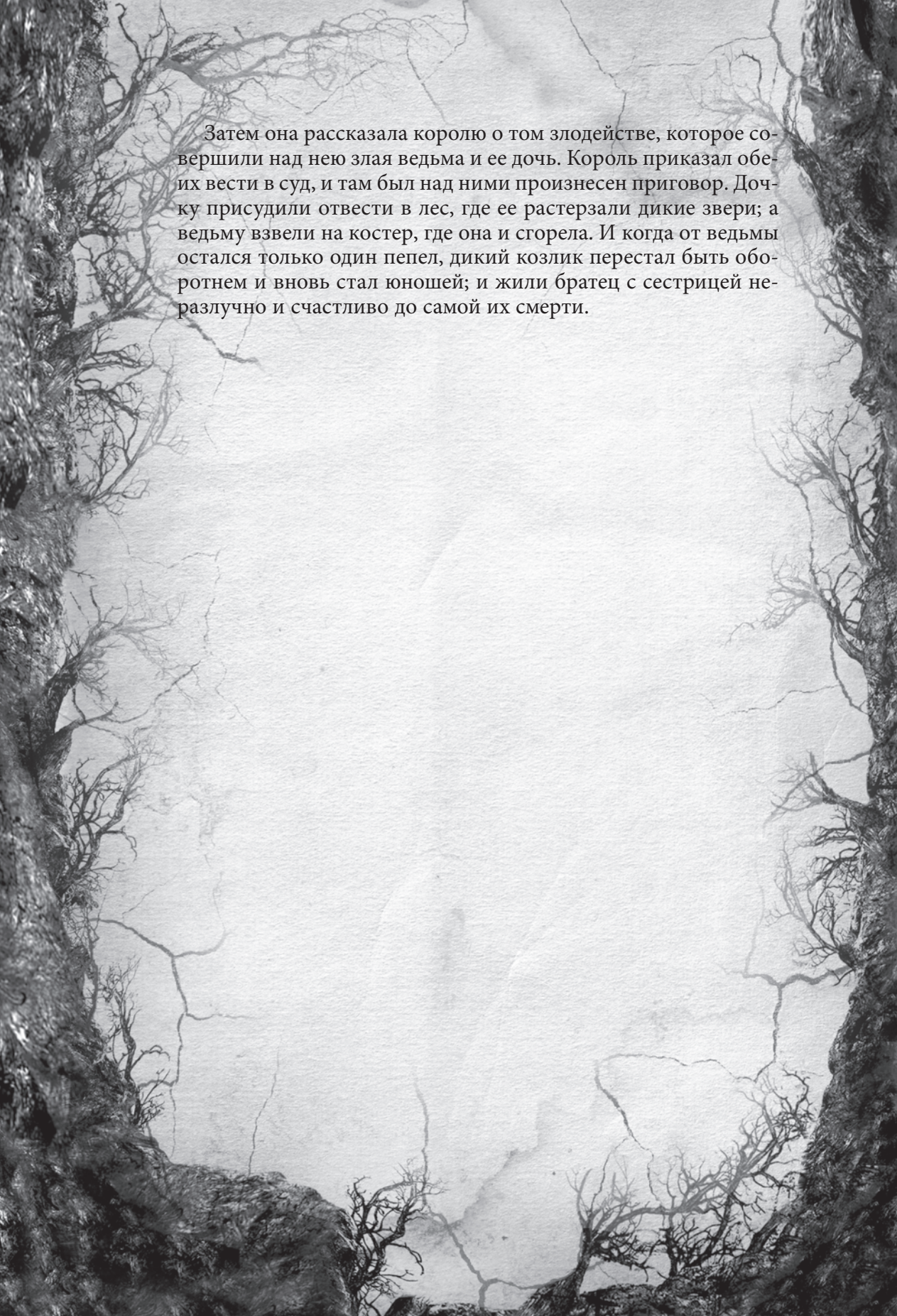
И точно, с вечера пришел он в детскую, и ровно в полночь снова явилась королева и сказала:

Что, мое дитяtko? Что, козлик мой?
Приду еще раз я и уйду на покой.

И затем стала нянчиться с ребенком, как и в предыдущие посещения, и потом исчезла. Король не решился с нею заговорить, но не спал и в следующую ночь. И опять она повторила:

Что, мое дитяtko? Что, козлик мой?
Пришла я в последний раз — иду на покой.

Тут уж король не мог воздержаться, бросился к ней и сказал: «Ты не кто иная, как моя милая жена». И она отвечала: «Да, я твоя милая жена», — и в то же мгновение по милости Божией жизнь возвратилась к ней, и она предстала перед королем свежая, румяная и здоровая.

The background of the page is a dark, atmospheric illustration. It features several gnarled, leafless trees with intricate branch structures. The trees are rendered in dark, textured tones, possibly charcoal or dark ink, against a lighter, misty, and slightly grainy background. The overall mood is somber and mysterious, fitting the dark narrative of the text.

Затем она рассказала королю о том злодействе, которое совершили над нею злая ведьма и ее дочь. Король приказал обеих вести в суд, и там был над ними произнесен приговор. Дочку присудили отвести в лес, где ее растерзали дикие звери; а ведьму взвели на костер, где она и сгорела. И когда от ведьмы остался только один пепел, дикий козлик перестал быть оборотнем и вновь стал юношей; и жили братец с сестрицей неразлучно и счастливо до самой их смерти.

«Братец и сестрица».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...В самую полночь, когда все спало, малюка, которая сидела в детской у колыбельки и одна только не спала во всем доме, увидела, что дверь отворилась и настоящая королева вошла в детскую...»

Колокольчик

Где-то далеко, в тридесятом царстве, жили-были муж с женою, которые уже много лет сряду тщетно желали иметь детей; наконец, жена получила возможность надеяться, что Бог исполнит ее желание.

В задней части их дома было небольшое оконце, из которого виден был превосходный сад, переполненный самыми лучшими цветами и растениями.

Но он был обнесен высокой стеной, и никто не смел в него входить, потому что он принадлежал волшебнице, которая обладала обширной властью, и все ее боялись.

Однажды жена стояла у этого оконца и глядела в сад, и увидела грядку, на которой росли прекрасные репчатые колокольчики, такие свежие и красивые, что у нее глаза разгорелись.

И она почувствовала непреодолимое желание отведать салат из луковиц садовых колокольчиков.

Желание с каждым днем возрастало, и так как она знала, что их нельзя было добыть, то она совсем упала духом, поبلеднела и загрустила.

Тогда муж перепугался и спросил: «Да что с тобой, милая женушка?» — «Ах! — отвечала она. — Если мне нельзя будет поесть салата из луковиц садовых колокольчиков, что растут в саду позади нашего дома, то я не выживу». Муж, который очень ее любил, сказал себе: «Я не допущу смерти своей жены и добуду этих луковиц, чего бы мне это ни стоило».

В сумерки перелез он через стену в сад волшебницы, торопливо накопал полную пригоршню луковиц и принес своей жене. Та тотчас сделала себе салат и поела с большим наслаждением.

Но это кушанье ей так понравилось, что на другой день ей еще более захотелось его поесть. Ради ее успокоения пришлось мужу опять лезть в сад.

И он в сумерки опять спустился туда, но лишь только перебрался через стену, как очень испугался, потому что очутился лицом к лицу с волшебницей. «Как дерзаешь ты, — сказала она, гневно на него глянув, — перелезать в мой сад? Это тебе не пройдет даром!» — «Ах! — сказал он. — Смените гнев на милость; из нужды на это решился: моя жена увидела ваши колокольчики из окошка и таким загорелась желанием, что, кажется, тут бы ей и смерть пришла, кабы не дать ей салата покушать».

Тогда волшебница поунялась в гнев и сказала ему: «Коли это так, как ты говоришь, я тебе позволю взять сколько хочешь луковиц, но только с одним условием: ты должен мне отдать того ребенка, который у твоей жены родится. Ей будет у меня хорошо, и я буду о нем заботиться, как родная мать».

С перепугу он на все согласился, и когда его жене Бог дал дочь, тотчас явилась волшебница, назвала ребенка Колокольчиком и унесла к себе.

Колокольчик была прелестнейшая девочка. Когда ей минуло двенадцать лет, волшебница заключила ее в башню среди леса, и в той башне не было ни двери, ни лестницы, только на самом верху маленькое окошечко.

Когда волшебница хотела попасть в башню, то подходила к ней и кричала снизу:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз!

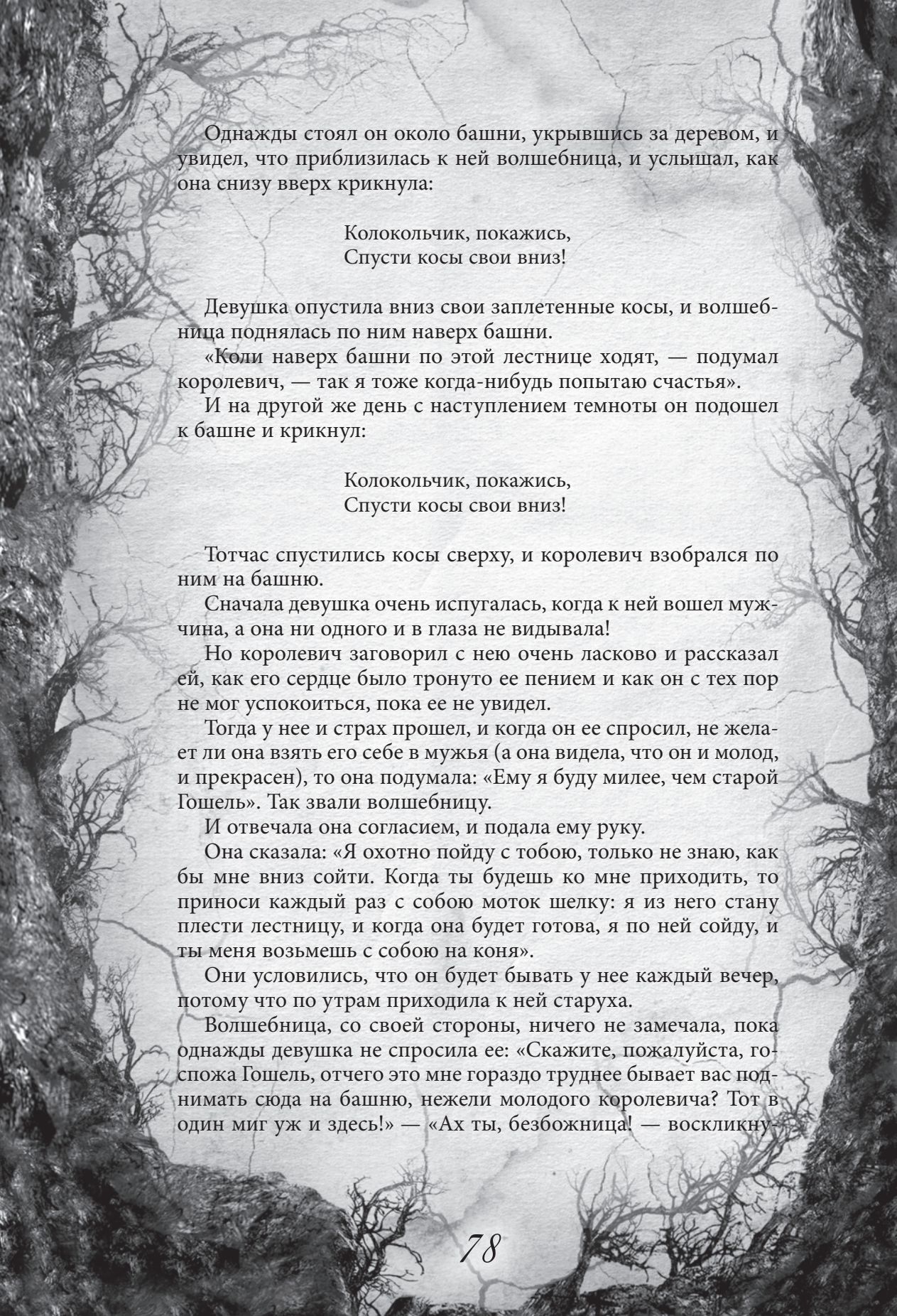
А волосы у девушки были чудные, тонкие, как золотая пряжа. Заслышав голос волшебницы, она распускала свои косы, обвивала их вверху около оконного затвора, и тогда ее волосы золотистой волной падали на двадцать локтей ниже окна, и волшебница по ним взбиралась наверх.

Года два спустя случилось однажды тем лесом проезжать королевичу, и путь ему лежал мимо той башни. И услышал он в той башне пение, которое было так приятно, что он приостановился и стал прислушиваться.

Это пела затворница — в своем уединении она старалась скоротать время, потешаясь своим милым голоском.

Королевич хотел было взобраться на ту башню и стал искать вход в нее, но дверей никаких не оказалось.

Он поехал домой; однако же это пение так тронуло его сердце, что он каждый день ходил в лес и все прислушивался.

Однажды стоял он около башни, укрывшись за деревом, и увидел, что приблизилась к ней волшебница, и слышал, как она снизу вверх крикнула:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз!

Девушка опустила вниз свои заплетенные косы, и волшебница поднялась по ним наверх башни.

«Коли наверх башни по этой лестнице ходят, — подумал королевич, — так я тоже когда-нибудь попытаю счастья».

И на другой же день с наступлением темноты он подошел к башне и крикнул:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз!

Тотчас спустились косы сверху, и королевич взобрался по ним на башню.

Сначала девушка очень испугалась, когда к ней вошел мужчина, а она ни одного и в глаза не видывала!

Но королевич заговорил с нею очень ласково и рассказал ей, как его сердце было тронуте ее пением и как он с тех пор не мог успокоиться, пока ее не увидел.

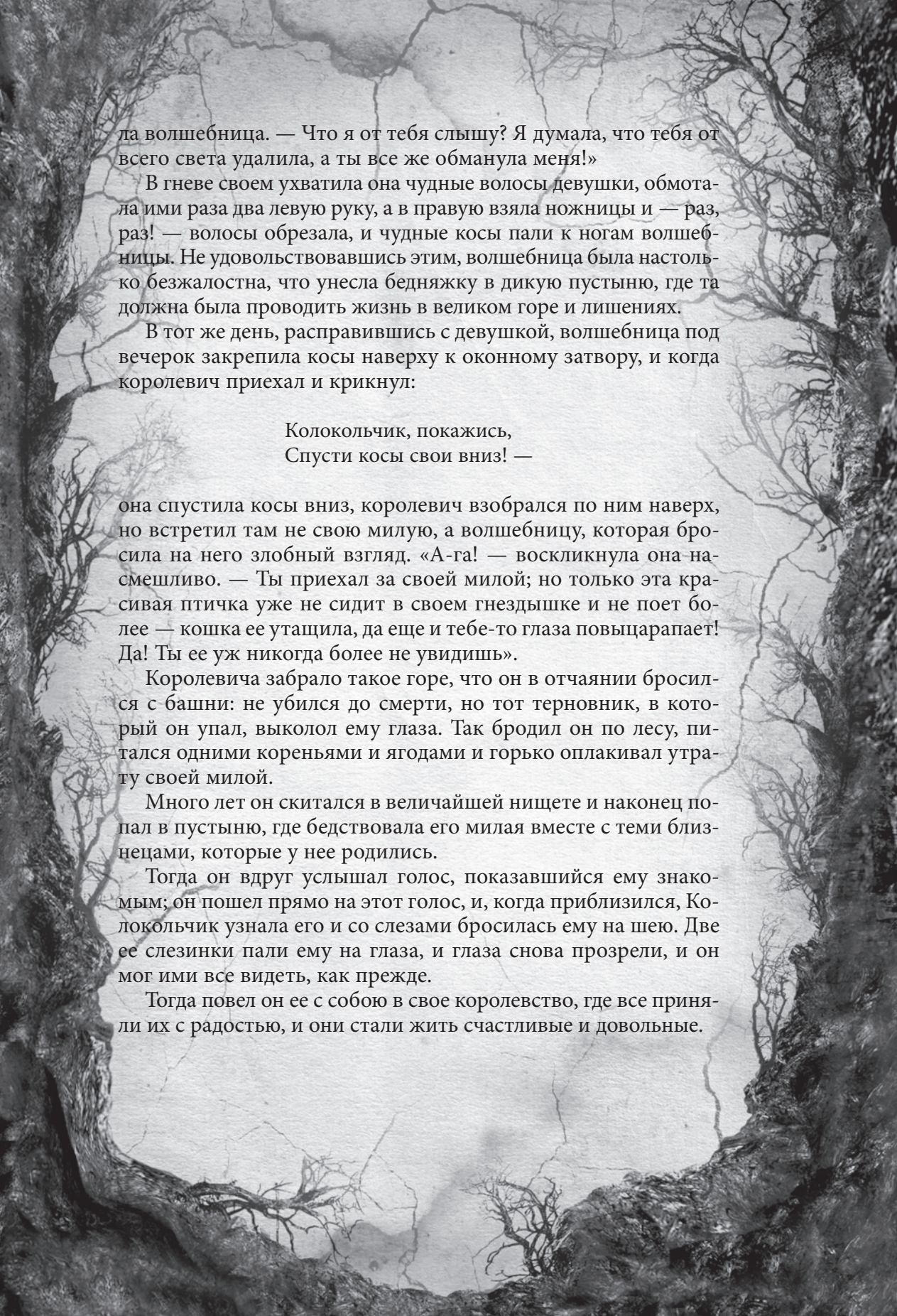
Тогда у нее и страх прошел, и когда он ее спросил, не желает ли она взять его себе в мужья (а она видела, что он и молод, и прекрасен), то она подумала: «Ему я буду милее, чем старой Гошель». Так звали волшебницу.

И отвечала она согласиём, и подала ему руку.

Она сказала: «Я охотно пойду с тобою, только не знаю, как бы мне вниз сойти. Когда ты будешь ко мне приходить, то приноси каждый раз с собою моток шелку: я из него стану плести лестницу, и когда она будет готова, я по ней сойду, и ты меня возьмешь с собою на коня».

Они условились, что он будет бывать у нее каждый вечер, потому что по утрам приходила к ней старуха.

Волшебница, со своей стороны, ничего не замечала, пока однажды девушка не спросила ее: «Скажите, пожалуйста, госпожа Гошель, отчего это мне гораздо труднее бывает вас поднимать сюда на башню, нежели молодого королевича? Тот в один миг уж и здесь!» — «Ах ты, безбожница! — воскликну-

ла волшебница. — Что я от тебя слышу? Я думала, что тебя от всего света удалила, а ты все же обманула меня!»

В гнев своем ухватила она чудные волосы девушки, обмотала ими раза два левую руку, а в правую взяла ножницы и — раз, раз! — волосы обрезала, и чудные косы пали к ногам волшебницы. Не удовольствовавшись этим, волшебница была настолько безжалостна, что унесла бедняжку в дикую пустыню, где та должна была проводить жизнь в великом горе и лишениях.

В тот же день, расправившись с девушкой, волшебница под вечерок закрепила косы наверху к оконному затвору, и когда королевич приехал и крикнул:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз! —

она спустила косы вниз, королевич взобрался по ним наверх, но встретил там не свою милую, а волшебницу, которая бросила на него злобный взгляд. «А-га! — воскликнула она насмешливо. — Ты приехал за своей милой; но только эта красивая птичка уже не сидит в своем гнездышке и не поет более — кошка ее утащила, да еще и тебе-то глаза повыцарапает! Да! Ты ее уж никогда более не увидишь».

Королевича забрало такое горе, что он в отчаянии бросился с башни: не убился до смерти, но тот терновник, в который он упал, выколол ему глаза. Так бродил он по лесу, питался одними кореньями и ягодами и горько оплакивал утрату своей милой.

Много лет он скитался в величайшей нищете и наконец попал в пустыню, где бедствовала его милая вместе с теми близнецами, которые у нее родились.

Тогда он вдруг услышал голос, показавшийся ему знакомым; он пошел прямо на этот голос, и, когда приблизился, Колокольчик узнала его и со слезами бросилась ему на шею. Две ее слезинки пали ему на глаза, и глаза снова прозрели, и он мог ими все видеть, как прежде.

Тогда повел он ее с собою в свое королевство, где все приняли их с радостью, и они стали жить счастливые и довольные.

Три человечка в лесу

Жил-был муж, у которого умерла жена; и жила-была жена, у которой умер муж. И у вдовца осталась дочка, и у вдовы — дочка же. Девушки были между собой знакомы и вместе хаживали на прогулки и затем заходили в дом к вдове.

И стала вдова говорить дочери вдовца: «Слышь-ка, скажи своему отцу, что я за него хочу выйти замуж и что ты тогда каждое утро в молоке хоть купайся и вина пей вволю, а моей дочке и водицы будет полно».

Девушка пошла домой и рассказала своему отцу, что говорила вдова. Вдовец сказал: «Что же мне делать? Женишься — нарадуешься, да женишься же — и наплачешься». Наконец, не зная, на что решиться, он снял с себя сапог и сказал дочке: «Возьми этот сапог (у него в подошве дыра), ступай на чердак, повесь сапог на большой гвоздь и налей в сапог воды. Коли вода в нем удержится — я возьму себе вторую жену; не удержится — не возьму».

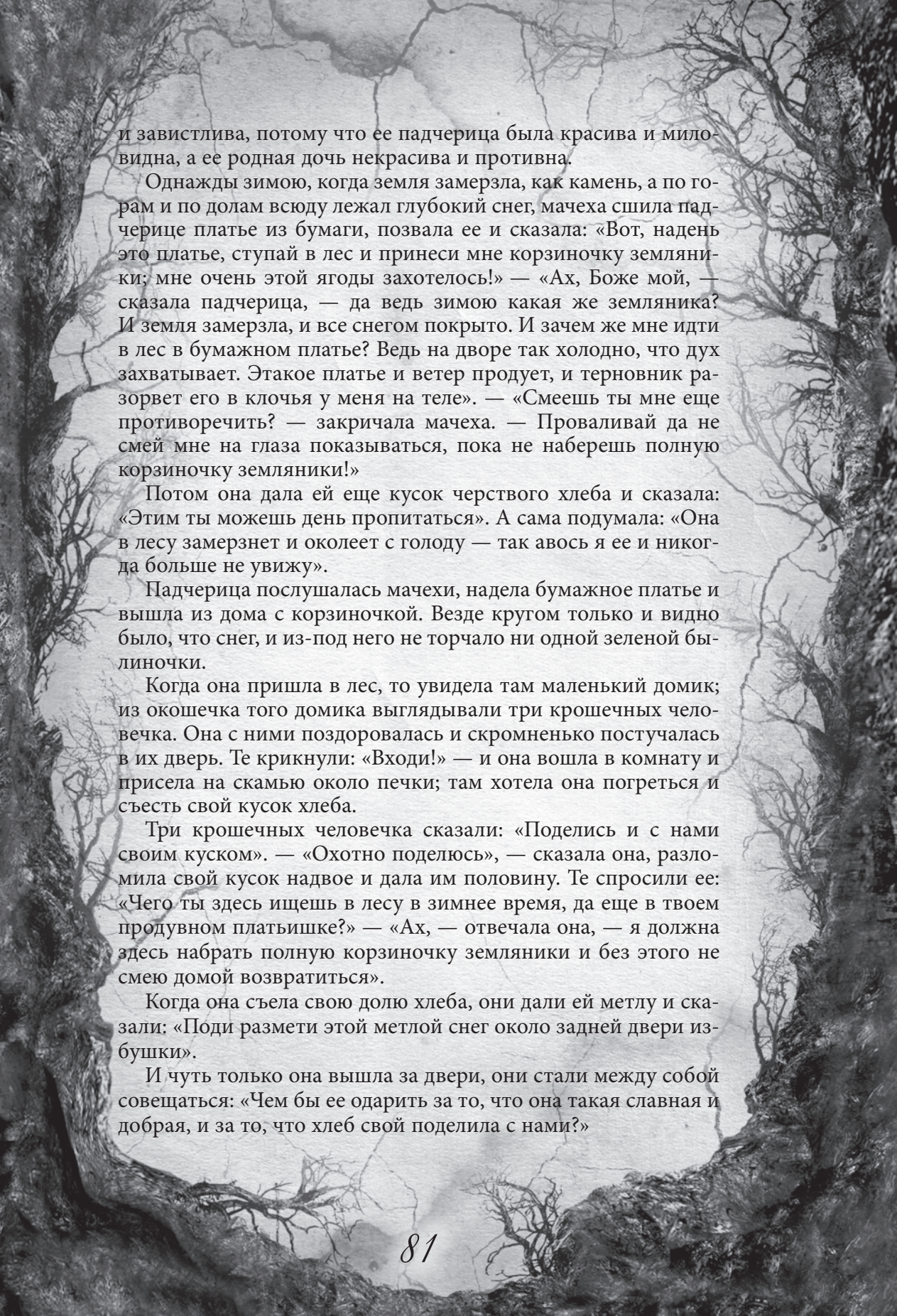
Девушка поступила так, как ей было приказано; но от воды подошва разбухла, и дыру затянуло, и сапог оказался полон водой до краев. Дочь доложила об этом отцу. Тот сам взобрался наверх, и когда увидел, что она сказала правду, то пошел он к вдове, посватался за нее и сыграл свадьбу.

На другое утро после свадьбы, когда обе девушки встали, перед вдовцовой дочкой стояло молоко для мытья и вино для питья, а перед вдовьей дочкой — вода для мытья и вода для питья.

На следующее утро вода для питья и вода для мытья стояла одинаково и перед вдовцовой, и перед вдовьей дочкой.

На третье утро вода для мытья и вода для питья стояла перед вдовцовой дочкой, а молоко для мытья и вино для питья — перед вдовьей дочкой; так притом и осталось.

Мачеха падчерицу возненавидела и не знала, как бы ей со дня на день все хуже жизнь испортить. Притом же была она

и завистлива, потому что ее падчерица была красива и мило-видна, а ее родная дочь некрасива и противна.

Однажды зимою, когда земля замерзла, как камень, а по горам и по долам всюду лежал глубокий снег, мачеха сшила падчерице платье из бумаги, позвала ее и сказала: «Вот, надень это платье, ступай в лес и принеси мне корзиночку земляники; мне очень этой ягоды захотелось!» — «Ах, Боже мой, — сказала падчерица, — да ведь зимою какая же земляника? И земля замерзла, и все снегом покрыто. И зачем же мне идти в лес в бумажном платье? Ведь на дворе так холодно, что дух захватывает. Этакое платье и ветер продует, и терновник разорвет его в клочья у меня на теле». — «Смеешь ты мне еще противоречить? — закричала мачеха. — Проваливай да не смей мне на глаза показываться, пока не наберешь полную корзиночку земляники!»

Потом она дала ей еще кусок черствого хлеба и сказала: «Этим ты можешь день пропитаться». А сама подумала: «Она в лесу замерзнет и околеет с голоду — так авось я ее и никогда больше не увижу».

Падчерица послушалась мачехи, надела бумажное платье и вышла из дома с корзиночкой. Везде кругом только и видно было, что снег, и из-под него не торчало ни одной зеленой былинки.

Когда она пришла в лес, то увидела там маленький домик; из окошечка того домика выглядывали три крошечных человечка. Она с ними поздоровалась и скромненько постучалась в их дверь. Те крикнули: «Входи!» — и она вошла в комнату и присела на скамью около печки; там хотела она погреться и съесть свой кусок хлеба.

Три крошечных человечка сказали: «Поделись и с нами своим куском». — «Охотно поделюсь», — сказала она, разломив свой кусок надвое и дала им половину. Те спросили ее: «Чего ты здесь ищешь в лесу в зимнее время, да еще в твоём продувном платишке?» — «Ах, — отвечала она, — я должна здесь набрать полную корзиночку земляники и без этого не смею домой возвратиться».

Когда она съела свою долю хлеба, они дали ей метлу и сказали: «Поди размети этой метлой снег около задней двери избушки».

И чуть только она вышла за двери, они стали между собой совещаться: «Чем бы ее одарить за то, что она такая славная и добрая, и за то, что хлеб свой поделила с нами?»

Тогда первый сказал: «Я одарю ее тем, что она день ото дня хорошеет станет».

Второй сказал: «Я одарю ее тем, что у нее за каждым словом по червонцу будет выпадать изо рта».

Третий сказал: «А я добьюсь того, что приедет король и возьмет ее в супруги».

Между тем девушка выполнила то, что ей приказали три человечка: размела снег метлою позади избышки, и что же там оказалось? Зрелая земляника, которая так и выставляла из-под снега свои темно-красные ягоды!

Рада-радешенька, она набрала этих ягод полную корзиночку, затем поблагодарила маленьких человечков и каждому из них пожала руку, и побежала домой, чтобы вручить мачехе то, что та желала от нее получить.

Когда она вошла в дом и пожелала мачехе «добрый вечер», у нее вдруг вывалился червонец изо рта.

Затем она стала рассказывать обо всем, что с нею в лесу случилось, и что ни слово, то у ней из уст выпадали червонец за червонцем, так что вскоре вся комната была ими усеяна.

«Подумаешь, какая важность, что она так деньгами швыряет!» — сказала мачехина дочка. Но на самом деле она втайне завидовала падчерице и тоже захотела непременно сходить в лес за земляникой.

Мать отсоветовала ей: «Не ходи, милая доченька, и холодно-то, и простудиться можешь». Но так как та все настаивала на своем, то мачеха наконец уступила, сшила дочке славную шубу, которую та должна была надеть, и дала ей с собою ломоть хлеба с маслом и пирожное про запас.

Дочка пошла в лес и прямо к маленькому домику. Те же три крошечных человечка по-прежнему смотрели в окошечко, но она им не поклонилась и, не поклонившись им и даже не удостоив их взглядом, вошла в избу, присела к печке и стала уписывать свой хлеб с маслом и свое пирожное.

«Поделись с нами!» — крикнули ей человечки, но она им отвечала: «Мне и самой-то мало, так как же я еще другим делить стану?»

Когда она весь свой запас съела, они сказали ей: «Вот тебе метла, поди-ка размети нам почище снег перед задней дверкой». — «А и сами разметете, — отвечала мачехина дочка, — я вам не служанка».

«Три человечка в лесу».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Тогда первый сказал:

“Подарю ее тем, кто она день это дня хорошесть станет”.

Второй сказал:

*“Подарю ее тем, кто у нее за каждым словом по червонцу будет
выпадать изо рта”.*

Третий сказал:

“А я добьюсь того, кто придет король и возьмет ее в супруги”...»

Когда она увидела, что они ничего не хотят ей подарить, она пошла из избушки вон.

Тогда стали маленькие человечки между собою сговариваться: «Чем бы нам ее одарить за то, что она такая неприветливая и сердце у нее такое злое и завистливое, что на нее никто не угодит?»

И первый из них сказал: «Я одарю ее тем, что она день ото дня будет становиться безобразней».

Второй сказал: «Я одарю ее тем, что у нее при каждом слове будет выпадать изо рта жаба».

Третий сказал: «Я одарю ее тем, что она умрет позорною смертью».

А мачехина дочка искала-искала в лесу земляники, ничего не нашла и злая-презлая возвратилась домой.

И чуть только открыла рот, чтобы рассказать матери обо всем, что в лесу с ней случилось, как стали у нее за каждым ее словом выскакивать изо рта жабы, да так много и так часто, что она всем скоро опостылела.

Вот и стала мачеха еще более злиться на свою падчерицу, которая день ото дня становилась красивее, и все думала о том, как бы ей причинить какое-нибудь лютое горе.

Наконец, взяла она котел, поставила его на огонь и стала в нем кипятить шерстяную пряжу.

Когда пряжа прокипятилась, она взвалила ее на плечи бедной девушки, дала ей в руки топор и послала ее на реку: пусть, мол, там прорубь прорубит и всю пряжу выполощет.

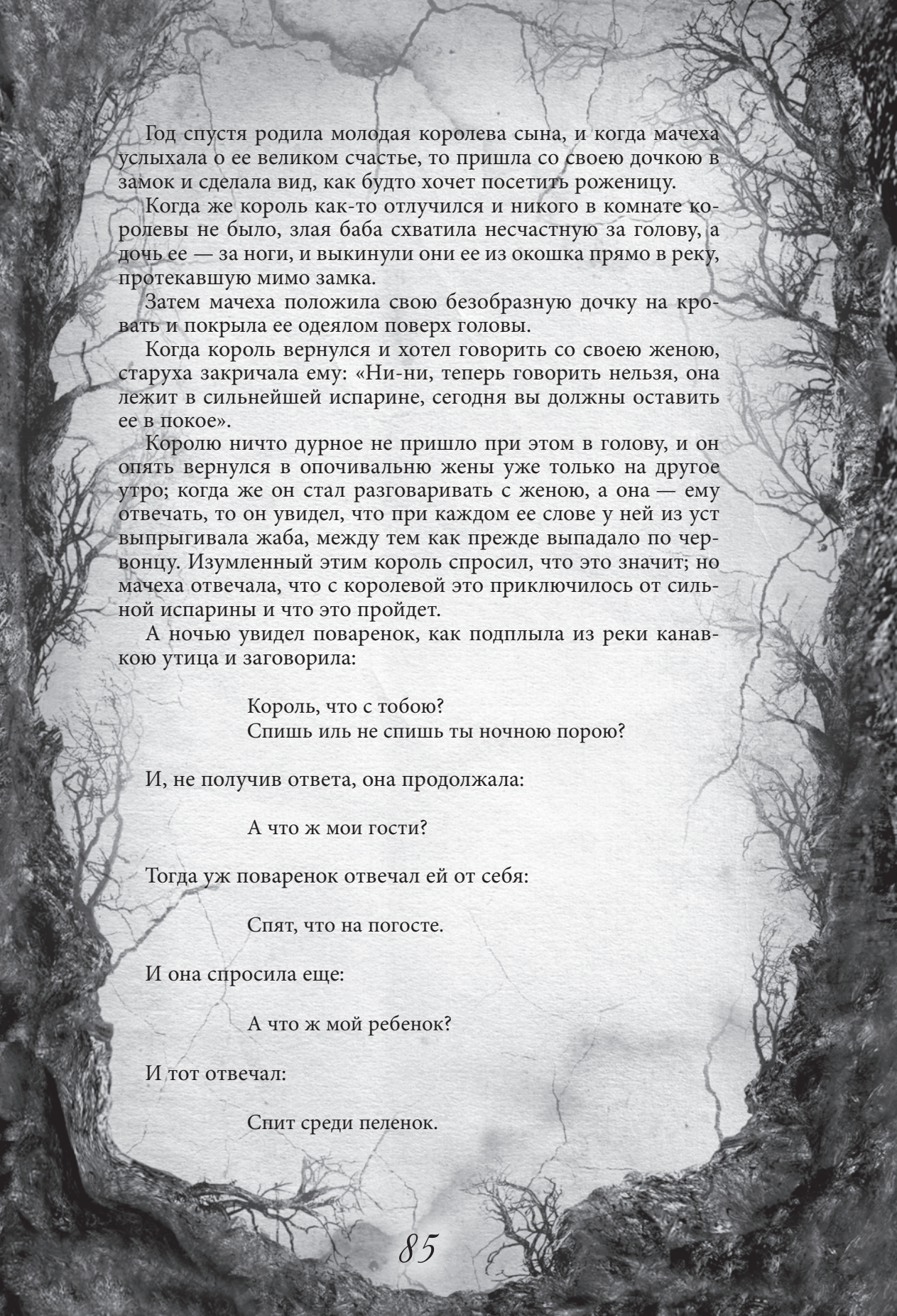
Падчерица была послушна, пошла на реку и стала прорубать дыру во льду.

И когда прорубала, откуда ни возьмись подкатила к тому месту великолепная карета, в которой сидел сам король.

Карета остановилась, и король спросил: «Дитя мое, кто ты и что ты там делаешь?» — «Я бедная девушка и полощу шерстяную пряжу».

Тогда король над нею сжалился и, видя притом, какая она красавица, сказал ей: «Не хочешь ли ты со мною поехать?» — «О да, от всего сердца желаю», — отвечала она, обрадованная тем, что могла бежать с глаз долой от своей мачехи и сестрицы.

И вот она села в карету и уехала с королем, и когда она приехала в королевский замок, ее свадьба с королем была отпразднована великолепно, сообразно с теми достоинствами, какими одарили падчерицу маленькие человечки в лесу.

Год спустя родила молодая королева сына, и когда мачеха услышала о ее великом счастье, то пришла со своею дочкою в замок и сделала вид, как будто хочет посетить роженицу.

Когда же король как-то отлучился и никого в комнате королевы не было, злая баба схватила несчастную за голову, а дочь ее — за ноги, и выкинули они ее из окошка прямо в реку, протекавшую мимо замка.

Затем мачеха положила свою безобразную дочку на кровать и покрыла ее одеялом поверх головы.

Когда король вернулся и хотел говорить со своею женою, старуха закричала ему: «Ни-ни, теперь говорить нельзя, она лежит в сильнейшей испарине, сегодня вы должны оставить ее в покое».

Королю ничто дурное не пришло при этом в голову, и он опять вернулся в опочивальню жены уже только на другое утро; когда же он стал разговаривать с женою, а она — ему отвечать, то он увидел, что при каждом ее слове у ней из уст выпрыгивала жаба, между тем как прежде выпадало по червонцу. Изумленный этим король спросил, что это значит; но мачеха отвечала, что с королевой это приключилось от сильной испарины и что это пройдет.

А ночью увидел поваренок, как подплыла из реки канавкою утица и заговорила:

Король, что с тобою?
Спишь иль не спишь ты ночью порою?

И, не получив ответа, она продолжала:

А что ж мои гости?

Тогда уж поваренок отвечал ей от себя:

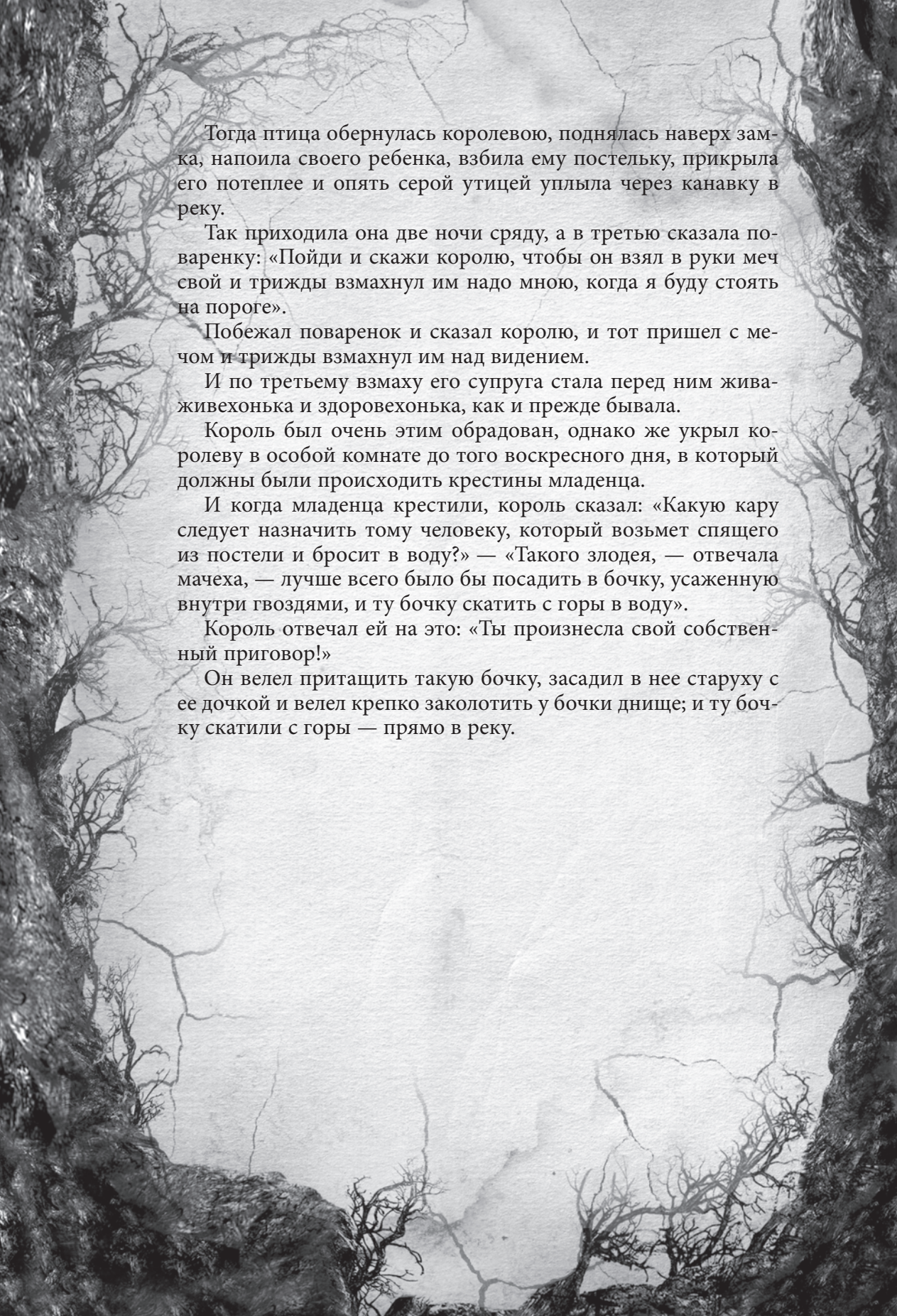
Спят, что на погосте.

И она спросила еще:

А что ж мой ребенок?

И тот отвечал:

Спит среди пеленок.

Тогда птица обернулась королевою, поднялась наверх замка, напоила своего ребенка, взбила ему постельку, прикрыла его потеплее и опять серой утицей уплыла через канавку в реку.

Так приходила она две ночи сряду, а в третью сказала поваренку: «Пойди и скажи королю, чтобы он взял в руки меч свой и трижды взмахнул им надо мною, когда я буду стоять на пороге».

Побежал поваренок и сказал королю, и тот пришел с мечом и трижды взмахнул им над видением.

И по третьему взмаху его супруга стала перед ним жива-живехонька и здоровехонька, как и прежде бывала.

Король был очень этим обрадован, однако же укрыл королеву в особой комнате до того воскресного дня, в который должны были происходить крестины младенца.

И когда младенца крестили, король сказал: «Какую кару следует назначить тому человеку, который возьмет спящего из постели и бросит в воду?» — «Такого злодея, — отвечала мачеха, — лучше всего было бы посадить в бочку, усаженную внутри гвоздями, и ту бочку скатить с горы в воду».

Король отвечал ей на это: «Ты произнесла свой собственный приговор!»

Он велел притащить такую бочку, засадил в нее старуху с ее дочкой и велел крепко заколотить у бочки днище; и ту бочку скатили с горы — прямо в реку.

Три пряжи

Жила-была на свете девица-ленивица и прясть не охотница, и как бы мать ее к тому ни принуждала, а заставить прясть не могла.

Наконец, и до того дело дошло, что мать однажды не вытерпела, рассердилась и побила дочку, а та стала голосом плакать.

Как раз в это время ехала мимо королева, и когда услышала плач, приказала лошадей остановить, вошла в дом и спросила мать, за что она так бьет свою дочь, что ее крики слышны даже на улице.

Матери совестно было обнаружить лень своей дочери, и поэтому она сказала: «Да вот никак ее от пряжи не отбить — все хочет прясть да прясть, а я-то бедна и не могу для нее постоянно иметь лен наготове».

Тогда королева отвечала: «Я более всего люблю прясть и более всего бываю довольна, когда кругом меня шуршат колеса самопрялок: отпустите вашу дочь со мною в мой замок — там у меня льну довольно, может себе прясть, сколько душе угодно».

Мать была радешенька, и королева увезла ее дочку с собою. По приезде в замок королева повела девушку вверх и показала ей три комнаты, снизу доверху полнешеньких чудеснейшего льна. «Вот перепряди мне весь этот лен, — сказала королева, — и когда перепрядешь, я тебя отдам замуж за моего старшего сына; не посмотрю я и на то, что ты бедна — твое неутомимое старание заменит тебе приданое».

Бедная девушка перепугалась: она не могла и подумать перепрясть такую силу льна, хотя бы она над ним и триста лет просидела и работала бы с утра и до вечера не покладая рук.

Оставшись одна, она стала плакать и так три дня просидела, пальцем не шевельнувши.

На третий день пришла королева и очень удивилась, увидевши, что еще ничего не напрядено; но девица извинялась тем, что она все очень скучала по дому матери своей и потому не начала еще работать. Королева ее выслушала, но, уходя от нее, сказала: «С завтрашнего дня ты должна начать работать».

Когда девица опять осталась одна, то уж решительно не знала, что ей делать, и в горе подошла к окошку.

Вдруг видит, входят во двор три бабы: у одной нога широкая-преширокая и приплюснутая, у другой нижняя губа такая большая, что на подбородок отвисла, а у третьей большой палец на руке огромный!

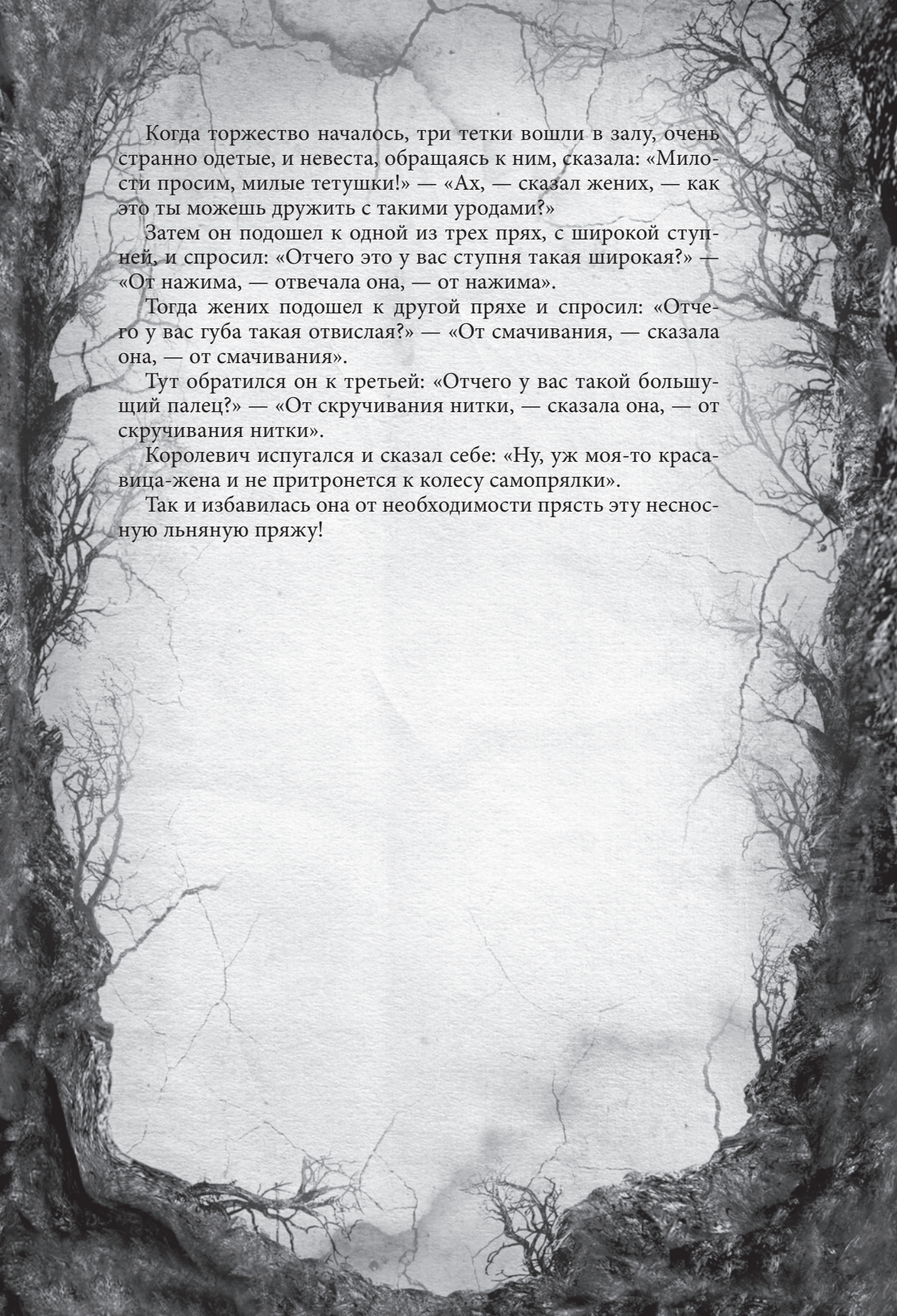
Они остановились перед окном, взглянули вверх и спросили девушку, о чем она горюет? Она стала жаловаться им на свою беду, и тогда те предложили ей свою помощь и сказали: «Если ты нас к себе на свадьбу пригласишь, нас не постыдишься и назовешь своими тетушками да за стол с гостями посадишь, то мы тебе твой лен напрядем, и притом в самое короткое время». — «От души буду вам рада, — отвечала девица, — входите же скорей и сейчас принимайтесь за работу».

Тогда впустила она этих трех диковинных баб к себе и в первой комнате со льном устроила им выемку, в которой они уселись и принялись пряхсть. Одна тянула нитку из кудели и вертела колесо, другая смачивала нить, третья скручивала нитку и постукивала пальцем о стол, и как ни стукнет, так и падает наземь известное количество пряжи, и притом самой тонкой.

От королевы она укрывала своих трех прях, и когда та приходила, указывала ей только на грудку пряжи, так что та не знала, как и расхвалить ее. Когда первая комната опустела, принялись за вторую, а там и за третью — и ту скорехонько опростили.

Затем три бабы-пряхи распрощались с девицей и сказали ей: «Не забудь только обещанного нам — в том твое счастье».

Когда девица показала королеве пустые комнаты и громадную кучу пряжи, та стала готовить свадьбу, и жених заранее радовался, что жена у него будет такая искусная и старательная, и нахвалиться ею не мог. «У меня есть три тетки, — сказала девица королеве, — и я от них много добра видела, так я и не могу забыть о них в счастье; а потому позвольте их пригласить на свадьбу и посадить с нами за один стол». Королева и жених сказали: «Почему бы нам это не позволить?»

Когда торжество началось, три тетки вошли в залу, очень странно одетые, и невеста, обращаясь к ним, сказала: «Милости просим, милые тетушки!» — «Ах, — сказал жених, — как это ты можешь дружить с такими уродами?»

Затем он подошел к одной из трех прях, с широкой ступней, и спросил: «Отчего это у вас ступня такая широкая?» — «От нажима, — отвечала она, — от нажима».

Тогда жених подошел к другой пряхе и спросил: «Отчего у вас губа такая отвислая?» — «От смачивания, — сказала она, — от смачивания».

Тут обратился он к третьей: «Отчего у вас такой большущий палец?» — «От скручивания нитки, — сказала она, — от скручивания нитки».

Королевич испугался и сказал себе: «Ну, уж моя-то красавица-жена и не притронется к колесу самопрялки».

Так и избавилась она от необходимости прясть эту несносную льняную пряжу!

Тензель и Третель

В большом лесу на опушке жил бедный дровосек со своею женою и двумя детьми: мальчишку-то звали Гензель, а девчоночку — Третель.

У бедняка было в семье и скудно, и голодно; а с той поры, как наступила большая дороговизна, у него и насущного хлеба иногда не бывало.

И вот однажды вечером лежал он в постели, раздумывая и ворочаясь с боку на бок от забот, и сказал своей жене со вздохом: «Не знаю, право, как нам и быть! Как будем мы детей питать, когда и самим-то есть нечего!» — «А знаешь ли что, муженек, — отвечала жена, — завтра ранешенько выведем детей в самую чашу леса; там разведем им огонек и каждому дадим еще по кусочку хлеба в запас, а затем уйдем на работу и оставим их там одних. Они оттуда не найдут дороги домой, и мы от них избавимся». — «Нет, женушка, — сказал муж, — этого я не сделаю. Невмоготу мне своих деток в лесу одних оставлять — еще, пожалуй, придут дикие звери да и растерзают». — «Ох ты, дурак, дурак! — отвечала она. — Так разве же лучше будет, как мы все четверо станемдохнуть с голода, и ты знай строгай доски для гробов».

И до тех пор его пилила, что он наконец согласился. «А все же жалко мне бедных деток», — говорил он, даже и согласившись с женою.

А детки-то с голоду тоже заснуть не могли и слышали все, что мачеха говорила их отцу. Третель плакала горькими слезами и говорила Гензелю: «Пропали наши головы!» — «Полно, Третель, — сказал Гензель, — не печалься! Я как-нибудь ухитрюсь помочь беде».

И когда отец с мачехой уснули, он поднялся с постели, надел свое платьишко, отворил дверку, да и выскользнул из дома.

Месяц светил ярко, и белые голыши, которых много валялось перед домом, блестели, словно монетки. Гензель нахло-

«Гензель и Гретель в лесу».

Художник – Герман Фогель. 1892 г.

*«...Когда же они проснулись, кругом была темная ночь.
Гретель стала плакать и говорить: "Как мы из лесу выйдем?"
Но Гензель ее утешал: "Погоди только немножко, пока месяц
взойдет, тогда уж мы найдем дорогу"..."»*

нился и столько набрал их в карман своего платья, сколько влезть могло.

Потом вернулся домой и сказал сестре: «Успокойся и усни с Богом: он нас не оставит». И улегся в свою постельку.

Чуть только стало светать, еще и солнце не всходило — пришла к детям мачеха и стала их будить: «Ну, ну, подымайтесь, лентяи, пойдем в лес за дровами».

Затем она дала каждому по кусочку хлеба на обед и сказала: «Вот вам хлеб на обед, только смотрите, прежде обеда его не съешьте, ведь уж больше-то вы ничего не получите».

Гретель взяла хлеб к себе под фартук, потому что у Гензеля карман был полнехонек камней. И вот они все вместе направились в лес.

Пройдя немного, Гензель приостановился и оглянулся на дом, и потом еще и еще раз.

Отец спросил его: «Гензель, что ты там зеваешь и отстаешь? Изволь-ка прибавить шагу». — «Ах, батюшка, — сказал Гензель, — я все посматриваю на свою белую кошечку: сидит она там на крыше, словно со мною прощается».

Мачеха сказала: «Дурень! Да это вовсе и не кошечка твоя, а белая труба блестит на солнце». А Гензель и не думал смотреть на кошечку, он все только потихонечку выбрасывал на дорогу из своего кармана по камешку.

Когда они пришли в чащу леса, отец сказал: «Ну, собирайте, детки, валежник, а я разведу вам огонек, чтобы вы не озябли».

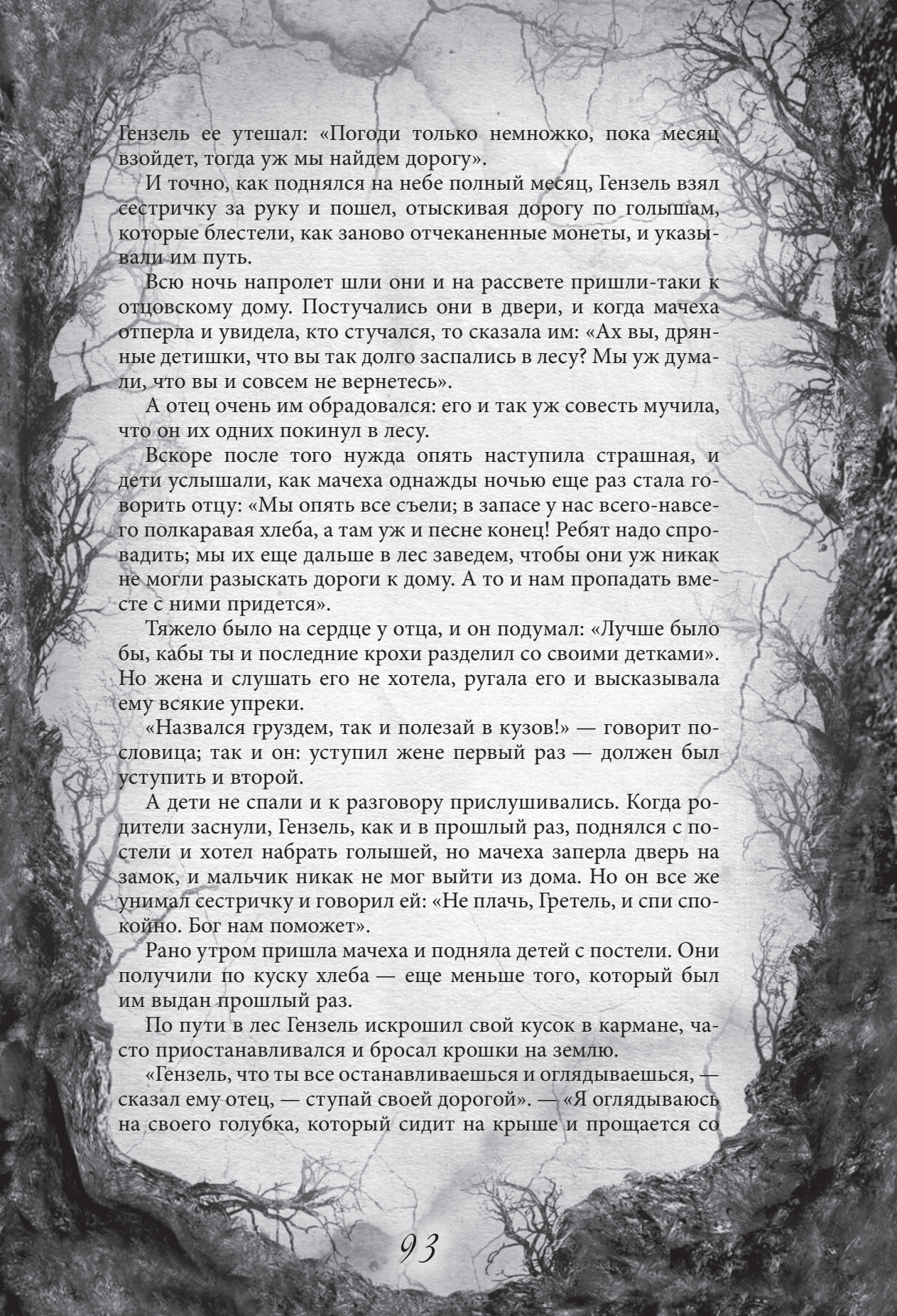
Гензель и Гретель натаскали хворосту и навалили его горагорой. Костер запалили, и когда огонь разгорелся, мачеха сказала: «Вот, прилягте к огоньку, детки, и отдохните; а мы пойдем в лес и нарубим дров. Когда мы закончим работу, то вернемся к вам и возьмем с собою».

Гензель и Гретель сидели у огня, и когда наступил час обеда, они съели свои кусочки хлеба. А так как им слышны были удары топора, то они и подумали, что их отец где-нибудь тут же, недалеко.

А постукивал-то вовсе не топор, а простой сук, который отец подвязал к сухому дереву: его ветром раскачивало и ударило о дерево.

Сидели они, сидели, стали у них глаза слипаться от усталости, и они крепко уснули.

Когда же они проснулись, кругом была темная ночь. Гретель стала плакать и говорить: «Как мы из лесу выйдем?» Но

Гензель ее утешал: «Погоди только немножко, пока месяц взойдет, тогда уж мы найдем дорогу».

И точно, как поднялся на небе полный месяц, Гензель взял сестричку за руку и пошел, отыскивая дорогу по голышам, которые блестели, как заново отчеканенные монеты, и указывали им путь.

Всю ночь напролет шли они и на рассвете пришли-таки к отцовскому дому. Постучались они в двери, и когда мачеха отперла и увидела, кто стучался, то сказала им: «Ах вы, дрянные детишки, что вы так долго заспались в лесу? Мы уж думали, что вы и совсем не вернетесь».

А отец очень им обрадовался: его и так уж совесть мучила, что он их одних покинул в лесу.

Вскоре после того нужда опять наступила страшная, и дети слышали, как мачеха однажды ночью еще раз стала говорить отцу: «Мы опять все съели; в запасе у нас всего-навсего полкаравая хлеба, а там уж и песне конец! Ребят надо спровадить; мы их еще дальше в лес заведем, чтобы они уж никак не могли разыскать дороги к дому. А то и нам пропадать вместе с ними придется».

Тяжело было на сердце у отца, и он подумал: «Лучше было бы, кабы ты и последние крохи разделил со своими детками». Но жена и слушать его не хотела, ругала его и высказывала ему всякие упреки.

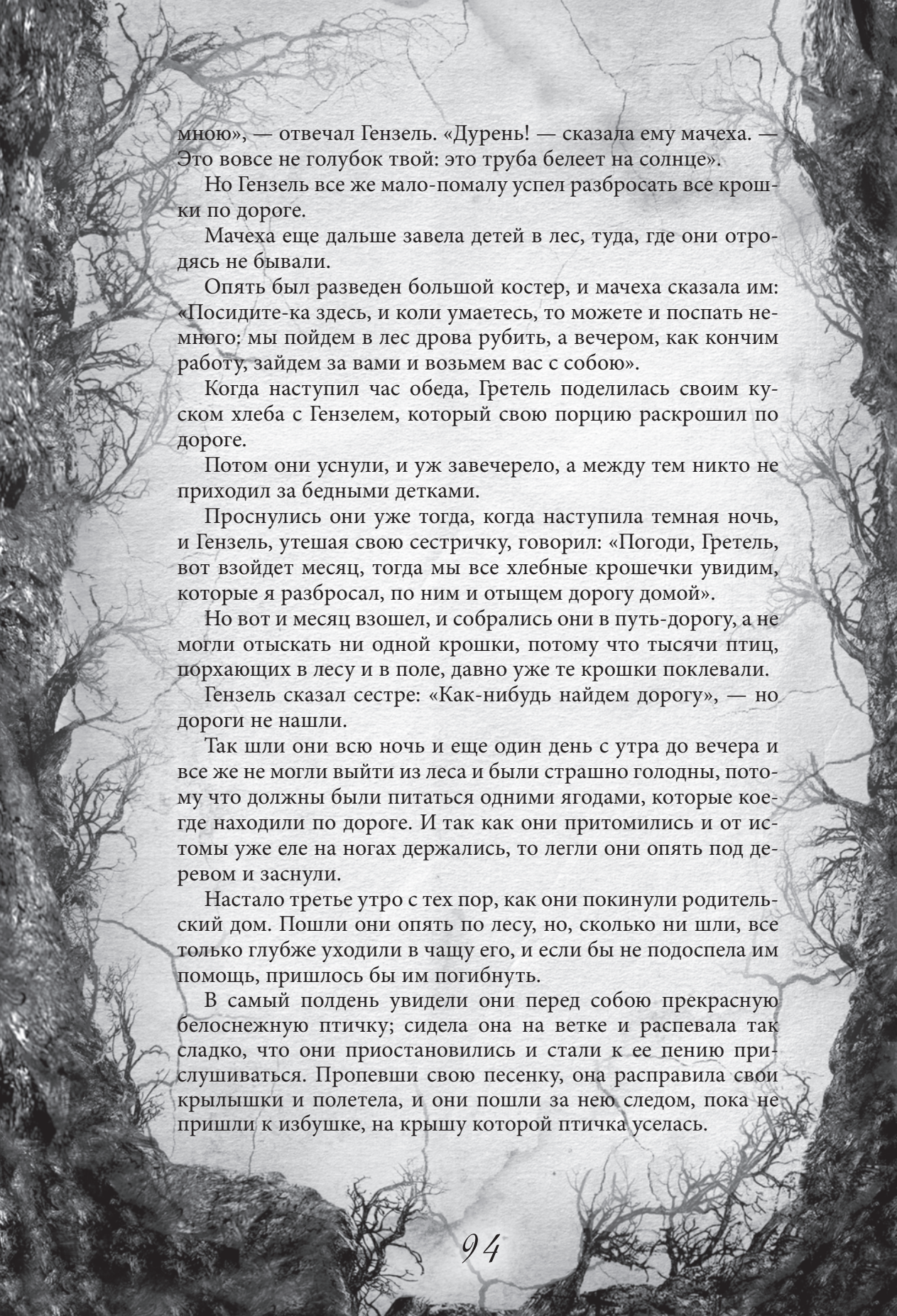
«Назвался груздем, так и полезай в кузов!» — говорит пословица; так и он: уступил жене первый раз — должен был уступить и второй.

А дети не спали и к разговору прислушивались. Когда родители заснули, Гензель, как и в прошлый раз, поднялся с постели и хотел набрать голышей, но мачеха заперла дверь на замок, и мальчик никак не мог выйти из дома. Но он все же унимал сестричку и говорил ей: «Не плачь, Гретель, и спи спокойно. Бог нам поможет».

Рано утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Они получили по куску хлеба — еще меньше того, который был им выдан прошлый раз.

По пути в лес Гензель искрошил свой кусок в кармане, часто приостанавливался и бросал крошки на землю.

«Гензель, что ты все останавливаешься и оглядываешься, — сказал ему отец, — ступай своей дорогой». — «Я оглядываюсь на своего голубка, который сидит на крыше и прощается со

мною», — отвечал Гензель. «Дурень! — сказала ему мачеха. — Это вовсе не голубок твой: это труба белеет на солнце».

Но Гензель все же мало-помалу успел разбросать все крошки по дороге.

Мачеха еще дальше завела детей в лес, туда, где они отродясь не бывали.

Опять был разведен большой костер, и мачеха сказала им: «Посидите-ка здесь, и коли умаетесь, то можете и поспать немного; мы пойдем в лес дрова рубить, а вечером, как кончим работу, зайдем за вами и возьмем вас с собою».

Когда наступил час обеда, Гретель поделилась своим куском хлеба с Гензелем, который свою порцию раскрошил по дороге.

Потом они уснули, и уж за вечерело, а между тем никто не приходил за бедными детками.

Проснулись они уже тогда, когда наступила темная ночь, и Гензель, утешая свою сестричку, говорил: «Погоди, Гретель, вот взойдет месяц, тогда мы все хлебные крошечки увидим, которые я разбросал, по ним и отыщем дорогу домой».

Но вот и месяц взошел, и собрались они в путь-дорогу, а не могли отыскать ни одной крошки, потому что тысячи птиц, порхающих в лесу и в поле, давно уже те крошки поклевали.

Гензель сказал сестре: «Как-нибудь найдем дорогу», — но дороги не нашли.

Так шли они всю ночь и еще один день с утра до вечера и все же не могли выйти из леса и были страшно голодны, потому что должны были питаться одними ягодами, которые кое-где находили по дороге. И так как они притомились и от истомы уже еле на ногах держались, то легли они опять под деревом и заснули.

Настало третье утро с тех пор, как они покинули родительский дом. Пошли они опять по лесу, но, сколько ни шли, все только глубже уходили в чащу его, и если бы не подросла им помощь, пришлось бы им погибнуть.

В самый полдень увидели они перед собою прекрасную белоснежную птичку; сидела она на ветке и распевала так сладко, что они приостановились и стали к ее пению прислушиваться. Пропевши свою песенку, она расправила свои крылышки и полетела, и они пошли за нею следом, пока не пришли к избушке, на крышу которой птичка уселась.

Подойдя к избушке поближе, они увидели, что она вся из хлеба построена и печеньем покрыта, да окошки-то у нее были из чистого сахара.

«Вот мы за нее и примемся, — сказал Гензель, — и покушаем. Я вот съем кусок крыши, а ты, Гретель, можешь себе от окошка кусок отломить — оно, небось, сладкое». Гензель потянулся кверху и отломил себе кусочек крыши, чтобы отвечат, какова она на вкус, а Гретель подошла к окошку и стала обглаживать его оконницы.

Тут из избушки вдруг раздался пискливый голосок:

Стуки-бряки под окном —
Кто ко мне стучится в дом?

А детки на это отвечали:

Ветер, ветер, ветерок.
Неба ясного сынок! —

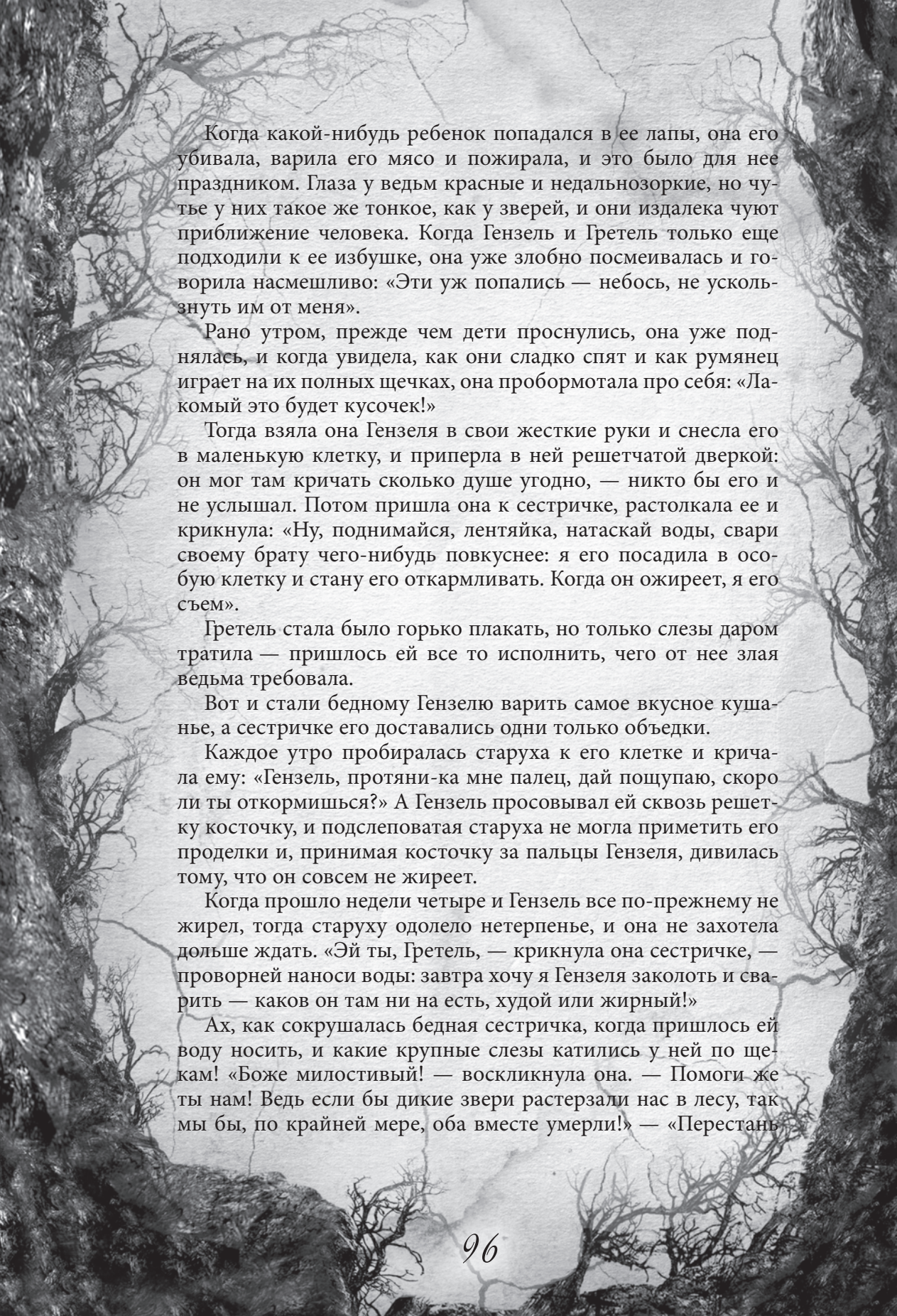
и продолжали по-прежнему кушать.

Гензель, которому крыша пришлась очень по вкусу, отломил себе порядочный кусок от нее, а Гретель высадила себе целую круглую оконницу, тут же у избушки присела и лакомилась на досуге — и вдруг распахнулась настежь дверь в избушке, и старая-престарая старуха вышла из нее, опираясь на костыль.

Гензель и Гретель так перепугались, что даже выронили свои лакомые куски из рук. А старуха только покачала головой и сказала: «Э-э, детушки, кто это вас сюда привел? Войдите-ка ко мне и останьтесь у меня, зла от меня никакого вам не будет».

Она взяла деток за руку и ввела их в свою избушечку. Там на столе стояла уже обильная еда: молоко и сахарное печенье, яблоки и орехи. А затем деткам были постланы две чистенькие постельки, и Гензель с сестричкой, когда улеглись в них, подумали, что в самый рай попали.

Но старуха-то только прикинулась ласковой, а в сущности была она злою ведьмою, которая детей подстерегала и хлебную избушку свою для того только и построила, чтобы их приманивать.

Когда какой-нибудь ребенок попадался в ее лапы, она его убивала, варила его мясо и пожирала, и это было для нее праздником. Глаза у ведьм красные и недальнозоркие, но чутье у них такое же тонкое, как у зверей, и они издали чуют приближение человека. Когда Гензель и Гретель только еще подходили к ее избушке, она уже злобно посмеивалась и говорила насмешливо: «Эти уж попались — небось, не ускользнуть им от меня».

Рано утром, прежде чем дети проснулись, она уже поднялась, и когда увидела, как они сладко спят и как румянец играет на их полных щечках, она пробормотала про себя: «Лакомый это будет кусочек!»

Тогда взяла она Гензеля в свои жесткие руки и снесла его в маленькую клетку, и приперла в ней решетчатой дверкой: он мог там кричать сколько душе угодно, — никто бы его и не услышал. Потом пришла она к сестричке, растолкала ее и крикнула: «Ну, поднимайся, лентяйка, натаскай воды, свари своему брату чего-нибудь повкуснее: я его посадила в особую клетку и стану его откармливать. Когда он ожиреет, я его съем».

Гретель стала было горько плакать, но только слезы даром тратила — пришлось ей все то исполнить, чего от нее злая ведьма требовала.

Вот и стали бедному Гензелю варить самое вкусное кушанье, а сестричке его доставались одни только объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к его клетке и кричала ему: «Гензель, протяни-ка мне палец, дай пощупаю, скоро ли ты откормишься?» А Гензель просовывал ей сквозь решетку косточку, и подслеповатая старуха не могла заметить его проделки и, принимая косточку за пальцы Гензеля, дивилась тому, что он совсем не жиреет.

Когда прошло недели четыре и Гензель все по-прежнему не жирел, тогда старуху одолело нетерпенье, и она не захотела дольше ждать. «Эй ты, Гретель, — крикнула она сестричке, — проворней нанося воды: завтра хочу я Гензеля заколоть и сварить — каков он там ни на есть, худой или жирный!»

Ах, как сокрушалась бедная сестричка, когда пришлось ей воду носить, и какие крупные слезы катились у ней по щекам! «Боже милостивый! — воскликнула она. — Помоги же ты нам! Ведь если бы дикие звери растерзали нас в лесу, так мы бы, по крайней мере, оба вместе умерли!» — «Перестань

пустяки молоть! — крикнула на нее старуха. — Все равно ничто тебе не поможет!»

Рано утром Гретель уже должна была выйти из дома, повесить котелок с водою и развести под ним огонь.

«Сначала займемся печеньем, — сказала старуха, — я уж печь затопила и тесто вымесила».

И она толкнула бедную Гретель к печи, из которой пламя даже наружу выбивалось.

«Полезай туда, — сказала ведьма, — да посмотри, достаточно ли в ней жару и можно ли сажать в нее хлеба».

И когда Гретель наклонилась, чтобы заглянуть в печь, ведьма собиралась уже притворить печь заслонкой: «Пусть и она там испечется, тогда и ее тоже съем».

Однако же Гретель поняла, что у нее на уме, и сказала: «Да я и не знаю, как туда лезть, как попасть в нутро?» — «Дурица! — сказала старуха. — Да ведь устье-то у печки настолько широко, что я бы и сама туда влезть могла», — да, подойдя к печке, и сунула в нее голову.

Тогда Гретель сзади так толкнула ведьму, что та разом очутилась в печке, да и захлопнула за ведьмой печную заслонку и даже засовом задвинула.

Ух, как страшно взвыла тогда ведьма! Но Гретель от печки отбежала, и злая ведьма должна была там сгореть.

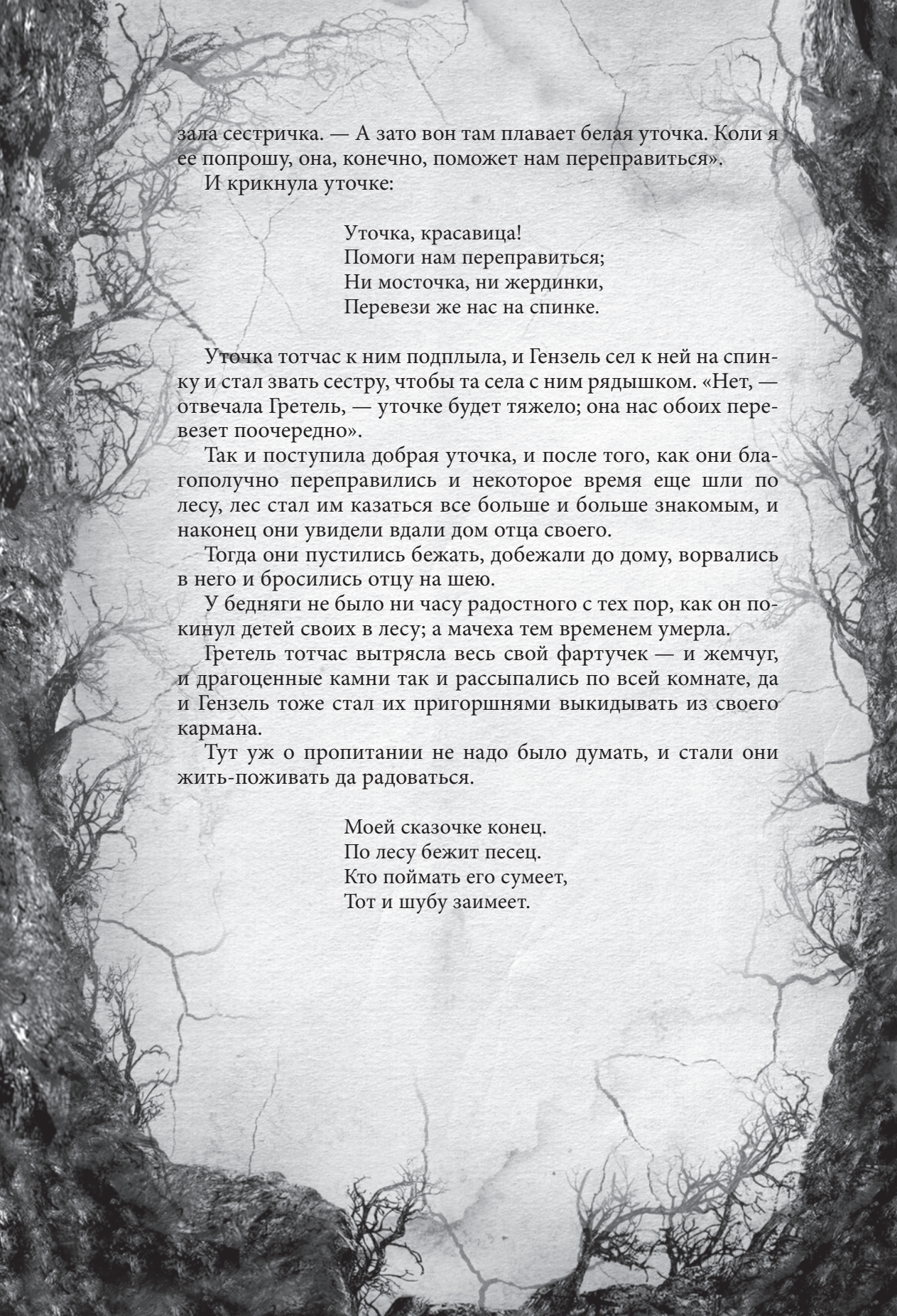
А Гретель тем временем прямехонько бросилась к Гензелю, отперла клетку и крикнула ему: «Гензель! Мы с тобой спасены — ведьмы нет более на свете!»

Тогда Гензель выпорхнул из клетки, как птичка, когда ей отворяют дверку.

О, как они обрадовались, как обнимались, как прыгали кругом, как целовались! И так как им уж некого было бояться, то они пошли в избу ведьмы, в которой по всем углам стояли ящики с жемчугом и драгоценными камнями. «Ну, эти камешки еще получше голышей», — сказал Гензель и набил ими свои карманы, сколько влезло; а там и Гретель сказала: «Я тоже хочу немножечко этих камешков захватить домой», — и насыпала их полный фартучек.

«Ну, а теперь пора в путь-дорогу, — сказал Гензель, — что бы выйти из этого заколдованного леса».

И пошли — и после двух часов пути пришли к большому озеру. «Нам тут не перейти, — сказал Гензель, — не вижу я ни жердинки, ни мосточка». — «И кораблика никакого нет, — ска-

зала сестричка. — А зато вон там плавает белая уточка. Коли я ее попрошу, она, конечно, поможет нам переправиться».

И крикнула уточке:

Уточка, красавица!
Помоги нам переправиться;
Ни мосточка, ни жердинки,
Перевези же нас на спинке.

Уточка тотчас к ним подплыла, и Гензель сел к ней на спинку и стал звать сестру, чтобы та села с ним рядышком. «Нет, — отвечала Гретель, — уточке будет тяжело; она нас обоих перевезет поочередно».

Так и поступила добрая уточка, и после того, как они благополучно переправились и некоторое время еще шли по лесу, лес стал им казаться все больше и больше знакомым, и наконец они увидели вдали дом отца своего.

Тогда они пустились бежать, добежали до дому, ворвались в него и бросились отцу на шею.

У бедняги не было ни часу радостного с тех пор, как он покинул детей своих в лесу; а мачеха тем временем умерла.

Гретель тотчас встрясла весь свой фартучек — и жемчуг, и драгоценные камни так и рассыпались по всей комнате, да и Гензель тоже стал их пригоршнями выкидывать из своего кармана.

Тут уж о пропитании не надо было думать, и стали они жить-поживать да радоваться.

Моей сказочке конец.
По лесу бежит песец.
Кто поймать его сумеет,
Тот и шубу заимеет.

«Гензель и Гретель».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«... Каждое утро пробиралась старуха к его клетке и кричала ему:

*“Гензель, протяни-ка мне палец, дай пощупать,
скоро ли ты отскормишься?”*

*А Гензель просовывал ей сквозь решетку косточку, и подслеповатая
старуха не могла прилечь его поделки...»*

Три змеиных листика

В некотором царстве жил да был такой бедняк, которому нечем было прокормить даже своего единственного сына.

Тогда сказал ему сын: «Милый батюшка, вам так плохо живется — я вижу, что я вам в тягость; лучше уж вы отпустите меня, и я пойду, попытаюсь сам заработать себе на хлеб». Тогда отец его благословил и с великою грустью простился с ним.

А как раз около этого времени один могущественный король вел войну с соседним государством; юноша поступил к нему на службу и отправился на войну.

И когда войска сошлись и произошло сражение, он подвергался большой опасности: кругом него так и сыпало свинцовым горохом, многие из его товарищей погибли.

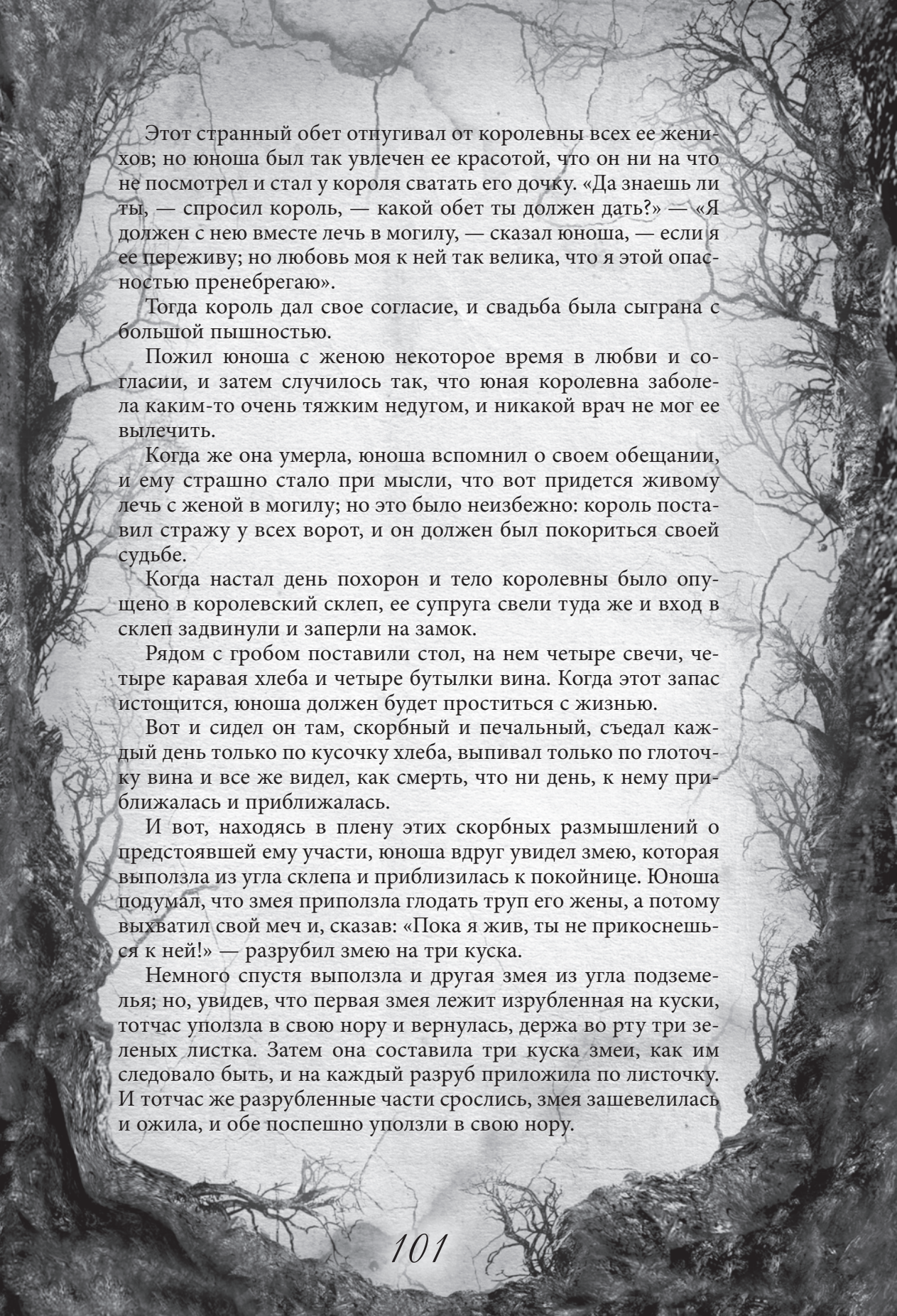
А когда и главный военачальник был убит, то все уже собирались обратиться в бегство; но юноша выступил вперед, ободрил их своею речью и воскликнул: «Не дадим нашему отечеству погибнуть!»

Тогда последовали за ним и все другие, он двинулся вперед и побил врага.

Король, узнав, что он ему обязан победою, возвысил его над всеми, наградил большими богатствами, и стал он в королевстве первым сановником.

У короля была дочка, очень красивая, но и причудница большая. Она дала обет, что выберет себе в супруги и повелители только того, кто обещает ей вместе с нею живым лечь в могилу, если она умрет прежде своего мужа. «Коли он меня точно любит, — говорила она, — так на что ему и жить после моей смерти?»

Зато и она изъявляла готовность поступить точно так же в случае смерти мужа и говорила, что она вместе с ним сойдет в могилу.

Этот странный обет отпугивал от королевны всех ее женихов; но юноша был так увлечен ее красотой, что он ни на что не посмотрел и стал у короля сватать его дочку. «Да знаешь ли ты, — спросил король, — какой обет ты должен дать?» — «Я должен с нею вместе лечь в могилу, — сказал юноша, — если я ее переживу; но любовь моя к ней так велика, что я этой опасностью пренебрегаю».

Тогда король дал свое согласие, и свадьба была сыграна с большой пышностью.

Пожил юноша с женою некоторое время в любви и согласии, и затем случилось так, что юная королевна заболела каким-то очень тяжким недугом, и никакой врач не мог ее вылечить.

Когда же она умерла, юноша вспомнил о своем обещании, и ему страшно стало при мысли, что вот придется живому лечь с женой в могилу; но это было неизбежно: король поставил стражу у всех ворот, и он должен был покориться своей судьбе.

Когда настал день похорон и тело королевны было опущено в королевский склеп, ее супруга свели туда же и вход в склеп задвинули и заперли на замок.

Рядом с гробом поставили стол, на нем четыре свечи, четыре каравае хлеба и четыре бутылки вина. Когда этот запас истощится, юноша должен будет проститься с жизнью.

Вот и сидел он там, скорбный и печальный, съедал каждый день только по кусочку хлеба, выпивал только по глоточку вина и все же видел, как смерть, что ни день, к нему приближалась и приближалась.

И вот, находясь в плену этих скорбных размышлений о предстоявшей ему участи, юноша вдруг увидел змею, которая выползла из угла склепа и приблизилась к покойнице. Юноша подумал, что змея приползла глотать труп его жены, а потому выхватил свой меч и, сказав: «Пока я жив, ты не прикоснешься к ней!» — разрубил змею на три куска.

Немного спустя выползла и другая змея из угла подземелья; но, увидев, что первая змея лежит изрубленная на куски, тотчас уползла в свою нору и вернулась, держа во рту три зеленых листка. Затем она составила три куска змеи, как им следовало быть, и на каждый разруб приложила по листочку. И тотчас же разрубленные части срослись, змея зашевелилась и ожила, и обе поспешно уползли в свою нору.

Листочки остались на полу, и несчастному юноше, который все это видел, пришло в голову, что, может быть, чудодейственная сила листьев, оживившая змею, может точно так же воздействовать и на человека.

Вот он и поднял листья, и один из них приложил к устам покойницы, а два других — к ее очам. И чуть только приложил, кровь стала снова обращаться в ее жилах, и румянец вновь заиграл на побледневших щеках.

Она вздохнула глубоко, открыла глаза и сказала: «Ах, Боже мой! Где это я?» — «Ты у меня в объятьях, милая женушка!» — отвечал ей юноша и рассказал ей, как все произошло и как он ее снова пробудил к жизни.

Потом он дал ей немного вина и хлеба, и когда она опять почувствовала себя окрепшею, то поднялась из гроба, и они вместе пошли к двери склепа и стали стучать и кричать настолько громко, что стража услышала наверху и доложила королю.

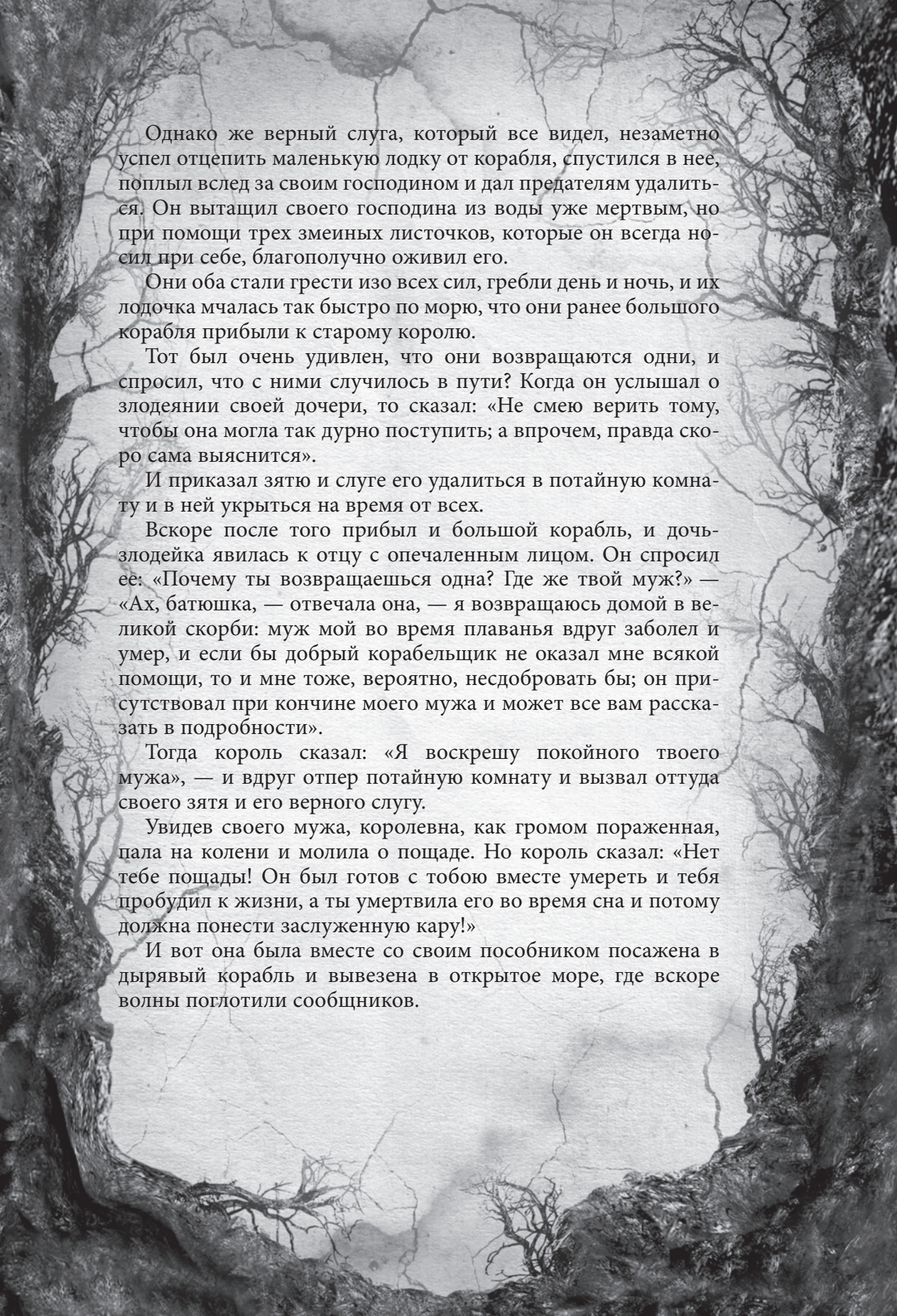
Король сам спустился в подземелье и отворил дверь его, и, увидав дочь и зятя живыми и здоровыми, от души порадовался тому, что они избавились от великого бедствия.

А юноша захватил с собою из склепа три змеиных листка, отдал их своему слуге и сказал: «Спрячь их поближе и во всякое время носи при себе: кто знает, может быть, они нам еще и в другой раз пригодятся».

А надо сказать, что в королевне, которую юный супруг вновь пробудил к жизни, вдруг произошла резкая перемена: казалось, что в сердце ее иссякла разом всякая любовь к мужу.

Когда он спустя некоторое время задумал навестить своего старика-отца и вместе с женою сел на корабль, чтобы ехать за море, королевна, позабыв всю его любовь и преданность и то, что он ее спас от смерти, стала выказывать явную склонность к корабельщику.

И вот однажды, когда юный супруг ее уснул, она этого корабельщика призвала, и они вдвоем, ухватив спящего юношу за голову и за ноги, выкинули за борт корабля в море. Когда это злодейство совершилось, она сказала корабельщику: «Вернемся обратно и скажем отцу, что муж в дороге умер. А тебя я уж так перед отцом распишу и выхваляю, что он меня выдаст за тебя замуж и тебе передаст со временем свой королевский венец».

Однако же верный слуга, который все видел, незаметно успел отцепить маленькую лодку от корабля, спустился в нее, поплыл вслед за своим господином и дал предателям удалиться. Он вытащил своего господина из воды уже мертвым, но при помощи трех змеиных листочков, которые он всегда носил при себе, благополучно оживил его.

Они оба стали грести изо всех сил, гребли день и ночь, и их лодочка мчалась так быстро по морю, что они ранее большого корабля прибыли к старому королю.

Тот был очень удивлен, что они возвращаются одни, и спросил, что с ними случилось в пути? Когда он услышал о злодеянии своей дочери, то сказал: «Не смею верить тому, чтобы она могла так дурно поступить; а впрочем, правда скоро сама выяснится».

И приказал зятю и слуге его удалиться в потайную комнату и в ней укрыться на время от всех.

Вскоре после того прибыл и большой корабль, и дочь-злодейка явилась к отцу с опечаленным лицом. Он спросил ее: «Почему ты возвращаешься одна? Где же твой муж?» — «Ах, батюшка, — отвечала она, — я возвращаюсь домой в великой скорби: муж мой во время плаванья вдруг заболел и умер, и если бы добрый корабельщик не оказал мне всякой помощи, то и мне тоже, вероятно, несдобровать бы; он присутствовал при кончине моего мужа и может все вам рассказать в подробности».

Тогда король сказал: «Я воскрешу покойного твоего мужа», — и вдруг отпер потайную комнату и вызвал оттуда своего зятя и его верного слугу.

Увидев своего мужа, королевна, как громом пораженная, пала на колени и молила о пощаде. Но король сказал: «Нет тебе пощады! Он был готов с тобою вместе умереть и тебя пробудил к жизни, а ты умертвила его во время сна и потому должна понести заслуженную кару!»

И вот она была вместе со своим пособником посажена в дырявый корабль и вывезена в открытое море, где вскоре волны поглотили сообщников.

Белая змея

Много лет тому назад жил на свете король и мудростью своею во всем царстве славился. Ничто не оставалось ему неизвестным, и казалось, что вести о сокровеннейших делах как бы сами собою доносились к нему отовсюду.

Но у того короля был странный обычай: за каждым обедом, когда со стола уже все было убрано и никто, кроме его самого, за столом не оставался, доверенный слуга должен был подавать ему еще одно блюдо. Но блюдо это было закрыто, и сам слуга этот не знал, что было на блюде, да и никто не знал, потому что король не вскрывал блюда и не отвеживал его, пока не оставался один-одинешенек в комнате.

Долго так шло дело, и случилось однажды, что любопытство вдруг одолело слугу в то время, когда он уносил блюдо с королевского стола, да так одолело, что он против него устоять не мог и снес блюдо к себе в комнату.

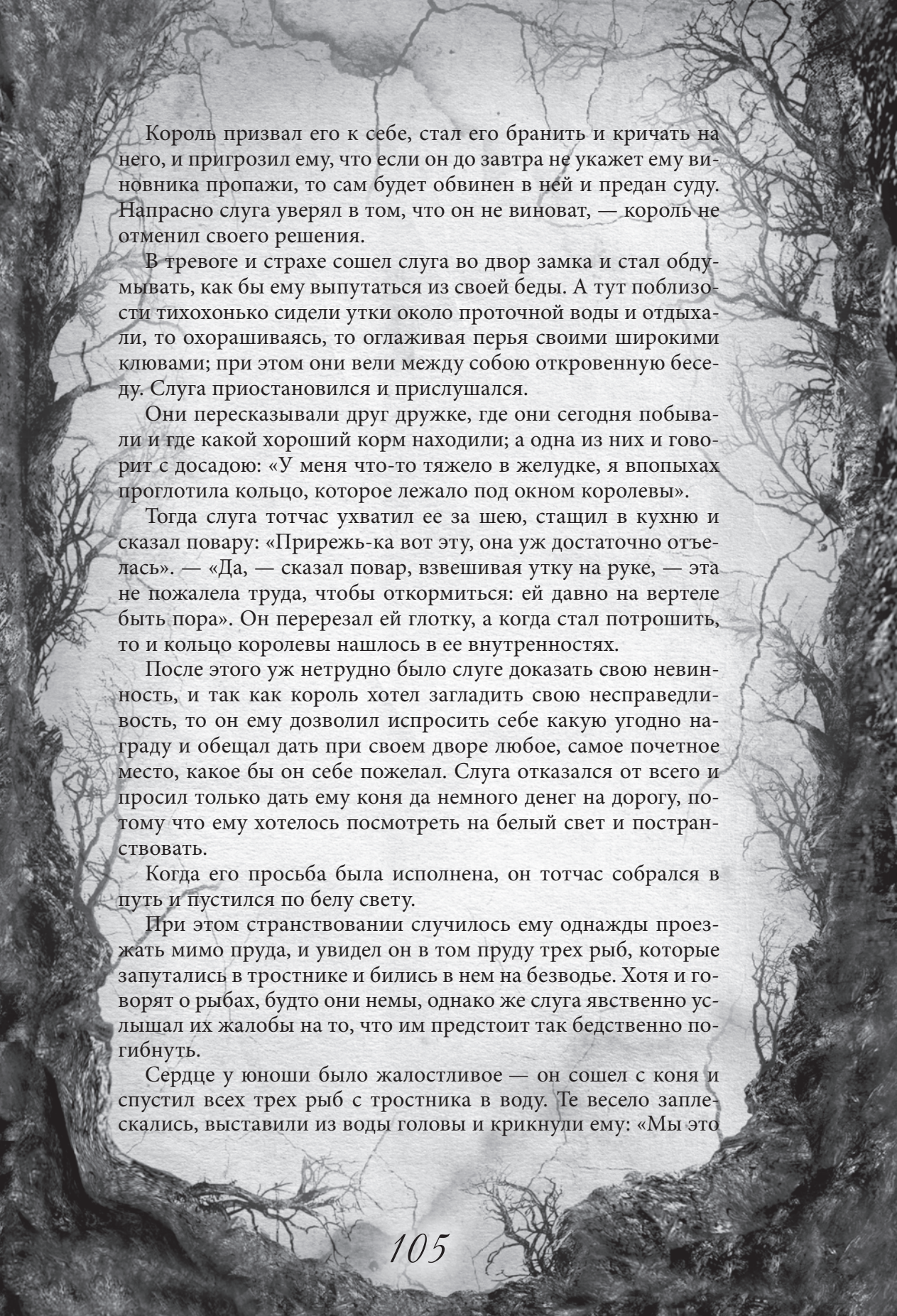
Тщательно притворив дверь, он приподнял крышку блюда и увидел, что на блюде лежит белая змея. Едва взглянул он на нее, как уж не мог воздержаться, чтобы ее не отведать; отрезал кусочек и сунул в рот.

И чуть только коснулся он этого кушанья языком, как услышал за окном какое-то странное насвистывание многих тоненьких голосков.

Он подошел к окну и стал прислушиваться, и тут узнал, что это воробьи, которые между собой разговаривали и друг дружке рассказывали обо всем, что они в поле и в лесу видели.

Отведав мяса белой змеи, слуга получил способность понимать язык животных.

Вот и случилось, что как раз в этот самый день у королевы пропало ее самое дорогое кольцо, и подозрение в краже пало именно на доверенного слугу, который всюду имел доступ.

Король призвал его к себе, стал его бранить и кричать на него, и пригрозил ему, что если он до завтра не укажет ему виновника пропажи, то сам будет обвинен в ней и предан суду. Напрасно слуга уверял в том, что он не виноват, — король не отменил своего решения.

В тревоге и страхе сошел слуга во двор замка и стал обдумывать, как бы ему выпутаться из своей беды. А тут поблизости тихохонько сидели утки около проточной воды и отдыхали, то охорашиваясь, то оглаживая перья своими широкими клювами; при этом они вели между собою откровенную беседу. Слуга приостановился и прислушался.

Они пересказывали друг дружке, где они сегодня побывали и где какой хороший корм находили; а одна из них и говорит с досадою: «У меня что-то тяжело в желудке, я впопыхах проглотила кольцо, которое лежало под окном королевы».

Тогда слуга тотчас ухватил ее за шею, стащил в кухню и сказал повару: «Прирежь-ка вот эту, она уж достаточно отъелась». — «Да, — сказал повар, взвешивая утку на руке, — эта не пожалела труда, чтобы откормиться: ей давно на вертеле быть пора». Он перерезал ей глотку, а когда стал потрошить, то и кольцо королевы нашлось в ее внутренностях.

После этого уж нетрудно было слуге доказать свою невинность, и так как король хотел загладить свою несправедливость, то он ему дозволил испросить себе какую угодно награду и обещал дать при своем дворе любое, самое почетное место, какое бы он себе пожелал. Слуга отказался от всего и просил только дать ему коня да немного денег на дорогу, потому что ему хотелось посмотреть на белый свет и постранствовать.

Когда его просьба была исполнена, он тотчас собрался в путь и пустился по белу свету.

При этом странствовании случилось ему однажды проезжать мимо пруда, и увидел он в том пруду трех рыб, которые запутались в тростнике и бились в нем на безводье. Хотя и говорят о рыбах, будто они немые, однако же слуга явственно слышал их жалобы на то, что им предстоит так бедственно погибнуть.

Сердце у юноши было жалостливое — он сошел с коня и спустил всех трех рыб с тростника в воду. Те весело заплескались, выставили из воды головы и крикнули ему: «Мы это

тебе припомним и отблагодарим тебя за оказанную нам помощь!»

Он поехал далее, и немного спустя ему показалось, будто он слышит у ног своих, в песке, чей-то голос. Стал юноша прислушиваться и расслышал, как муравьиный царек жаловался: «Кабы нам как-нибудь избавиться от этих людей и их неуклюжих животных! Вот хотя бы эта глупая лошадь — давит себе моих муравьев своими тяжелыми копытами без всякой жалости». Юноша тотчас свернул с дороги на боковую тропинку, и муравьиный царек крикнул ему вслед: «Мы это тебе припомним и в долгу у тебя не останемся».

Дорога привела его к лесу, и в том лесу увидел он старого ворона и ворониху, которые выбрасывали из гнезда своих птенцов, приговаривая: «Прочь отсюда, негодные! Нам уж вас не накормить теперь досыта. Довольно вы подросли — сами, чай, теперь можете прокормиться». Бедные птенчики лежали лежмя на земле, трепыхались, похлопывали своими крылышками и кричали: «Бедные мы, беспомощные! Как можем мы себя пропитать, коли еще летать не умеем? Одно и осталось нам — околеть здесь с голода». Тогда добрый юноша сошел с коня, заколол его своим мечом и подкинул его тушу вороньятам на пропитание. Те налетели на тушу, насытились и крикнули ему вслед: «Мы это тебе припомним и в долгу у тебя не останемся!»

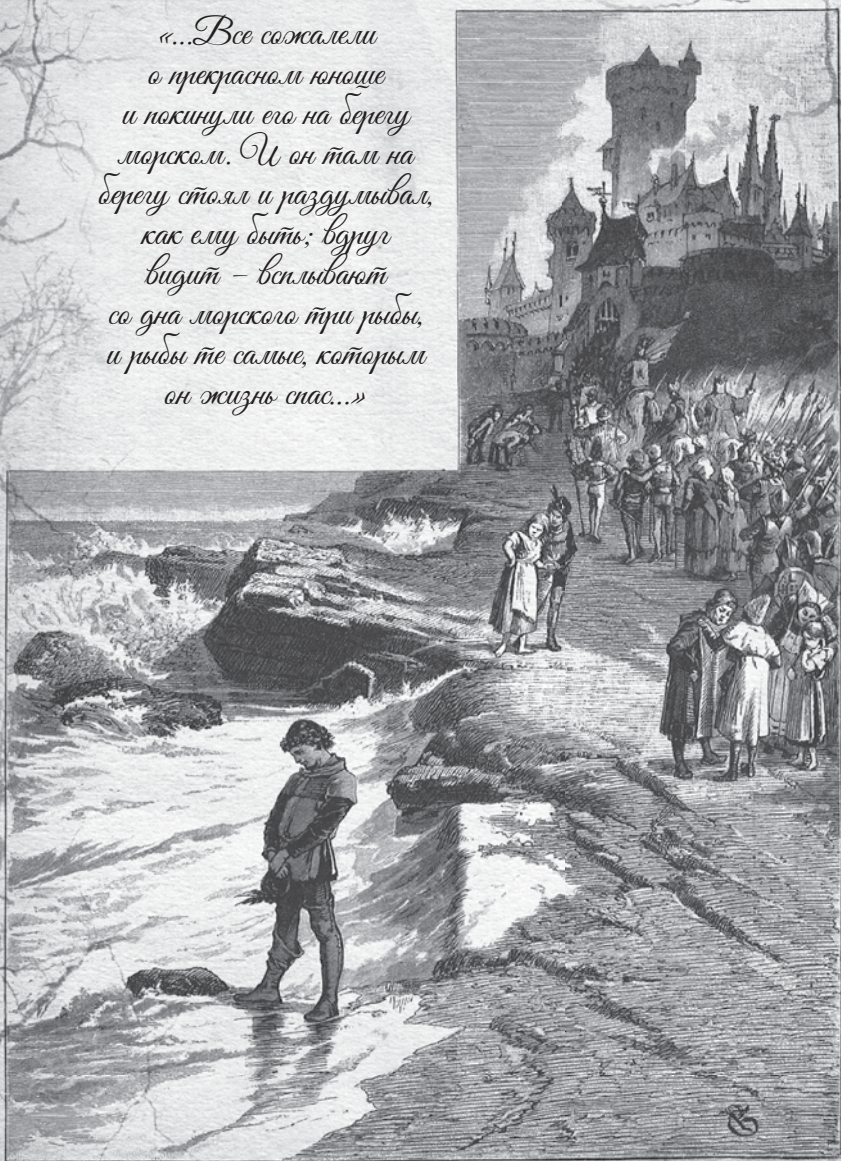
Пошел добрый молодец пешком, шел да шел и пришел в большой город.

В том городе на улицах было шумно, и народ всюду теснился толпами, и разъезжал кто-то по улицам на коне и выкрикивал, что вот, мол, королевна ищет супруга, и кто хочет за нее свататься, тот должен выполнить мудреную задачу, а коли ее не выполнит, то должен за это поплатиться жизнью. Многие, мол, уже пытались ту задачу выполнить, однако же лишь напрасно жизнь свою утратили.

Но юноша, увидев королевну, был до такой степени ослеплен ее красотой, что позабыл обо всех опасностях, явился к королю и заявил о своем желании — свататься за королевну.

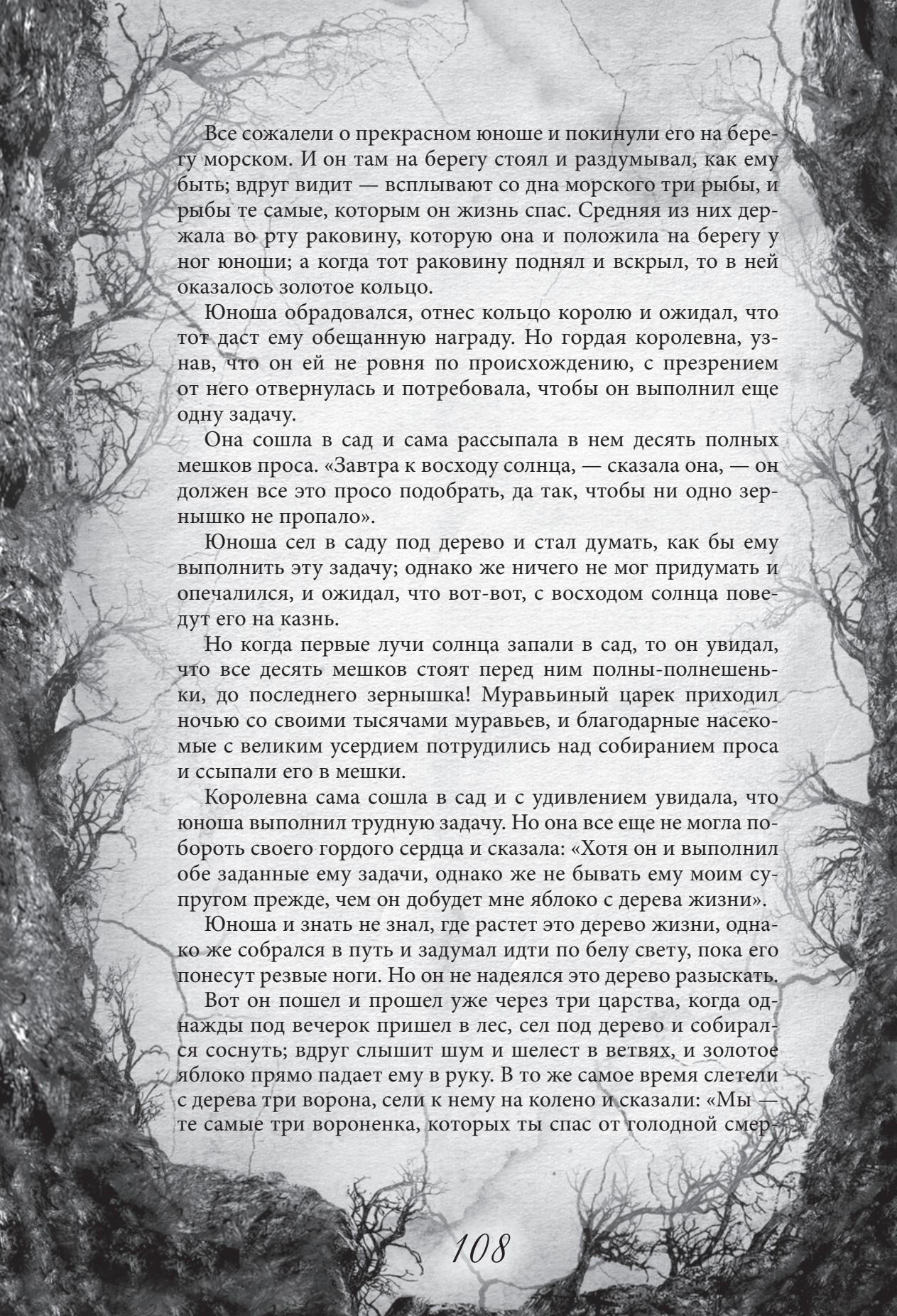
Вот и повели его к морю и бросили при нем золотое кольцо в волны. Затем король приказал ему это кольцо достать со дна морского и к своему приказу добавил: «Если ты за ним нырнешь и выплывешь без кольца, то тебя опять будут сбрасывать в воду до тех пор, пока ты не погибнешь в волнах».

«...Все сожалели
о прекрасном юноше
и покинули его на берегу
морском. И он там на
берегу стоял и раздумывал,
как ему быть: вдруг
видит – всплывают
со дна морского три рыбы,
и рыбы те самые, которым
он жизнь спас...»

«Белая змея».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Все сожалели о прекрасном юноше и покинули его на берегу морском. И он там на берегу стоял и раздумывал, как ему быть; вдруг видит — всплывают со дна морского три рыбы, и рыбы те самые, которым он жизнь спас. Средняя из них держала во рту раковину, которую она и положила на берегу у ног юноши; а когда тот раковину поднял и вскрыл, то в ней оказалось золотое кольцо.

Юноша обрадовался, отнес кольцо королю и ожидал, что тот даст ему обещанную награду. Но гордая королевна, узнав, что он ей не ровня по происхождению, с презрением от него отвернулась и потребовала, чтобы он выполнил еще одну задачу.

Она сошла в сад и сама рассыпала в нем десять полных мешков проса. «Завтра к восходу солнца, — сказала она, — он должен все это просо подобрать, да так, чтобы ни одно зернышко не пропало».

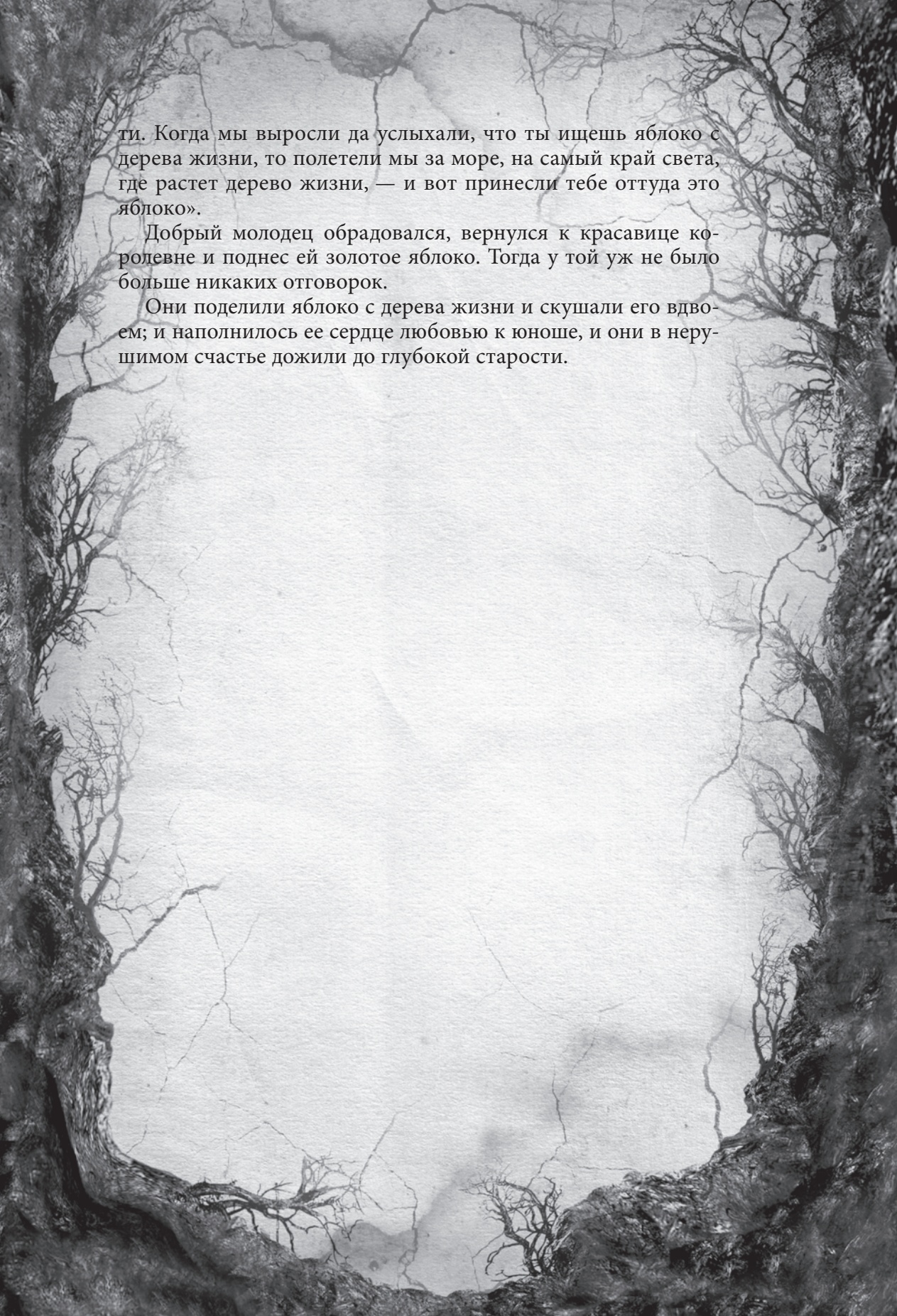
Юноша сел в саду под дерево и стал думать, как бы ему выполнить эту задачу; однако же ничего не мог придумать и опечалился, и ожидал, что вот-вот, с восходом солнца поведут его на казнь.

Но когда первые лучи солнца запали в сад, то он увидел, что все десять мешков стоят перед ним полны-полненьки, до последнего зернышка! Муравьиный царек приходил ночью со своими тысячами муравьев, и благодарные насекомые с великим усердием потрудились над собиранием проса и ссыпали его в мешки.

Королевна сама сошла в сад и с удивлением увидела, что юноша выполнил трудную задачу. Но она все еще не могла побороть своего гордого сердца и сказала: «Хотя он и выполнил обе заданные ему задачи, однако же не бывать ему моим супругом прежде, чем он добудет мне яблоко с дерева жизни».

Юноша и знать не знал, где растет это дерево жизни, однако же собрался в путь и задумал идти по белу свету, пока его понесут резвые ноги. Но он не надеялся это дерево разыскать.

Вот он пошел и прошел уже через три царства, когда однажды под вечерок пришел в лес, сел под дерево и собирался соснуть; вдруг слышит шум и шелест в ветвях, и золотое яблоко прямо падает ему в руку. В то же самое время слетели с дерева три ворона, сели к нему на колени и сказали: «Мы — те самые три вороненка, которых ты спас от голодной смер-

ти. Когда мы выросли да услышали, что ты ищешь яблоко с дерева жизни, то полетели мы за море, на самый край света, где растет дерево жизни, — и вот принесли тебе оттуда это яблоко».

Добрый молодец обрадовался, вернулся к красавице королевне и поднес ей золотое яблоко. Тогда у той уж не было больше никаких отговорок.

Они поделили яблоко с дерева жизни и скушали его вдвоем; и наполнилось ее сердце любовью к юноше, и они в нерушимом счастье дожили до глубокой старости.

Соломинка, уголек и боб

В одной деревне жила бедная старушка; и набрала она однажды целое блюдо бобов, и собиралась их варить. На очаге своем она вздула порядочный огонек, а чтобы он разгорался повеселее, подкинула в огонь пучок соломы.

Когда она стала ссыпать бобы в горшок, один боб незаметно соскользнул с блюда, упал на пол и очутился там рядом с соломинкой; а тут еще к ним обоим выскочил и раскаленный уголек из печки.

Тогда соломинка повела речь и сказала: «Милые друзья, откуда это вы сюда пожаловали?»

Уголь отвечал: «Я, по счастью, ускользнул от огня, и если бы я этого не добился, то гибель моя была бы неизбежна: пришлось бы в золу перегореть».

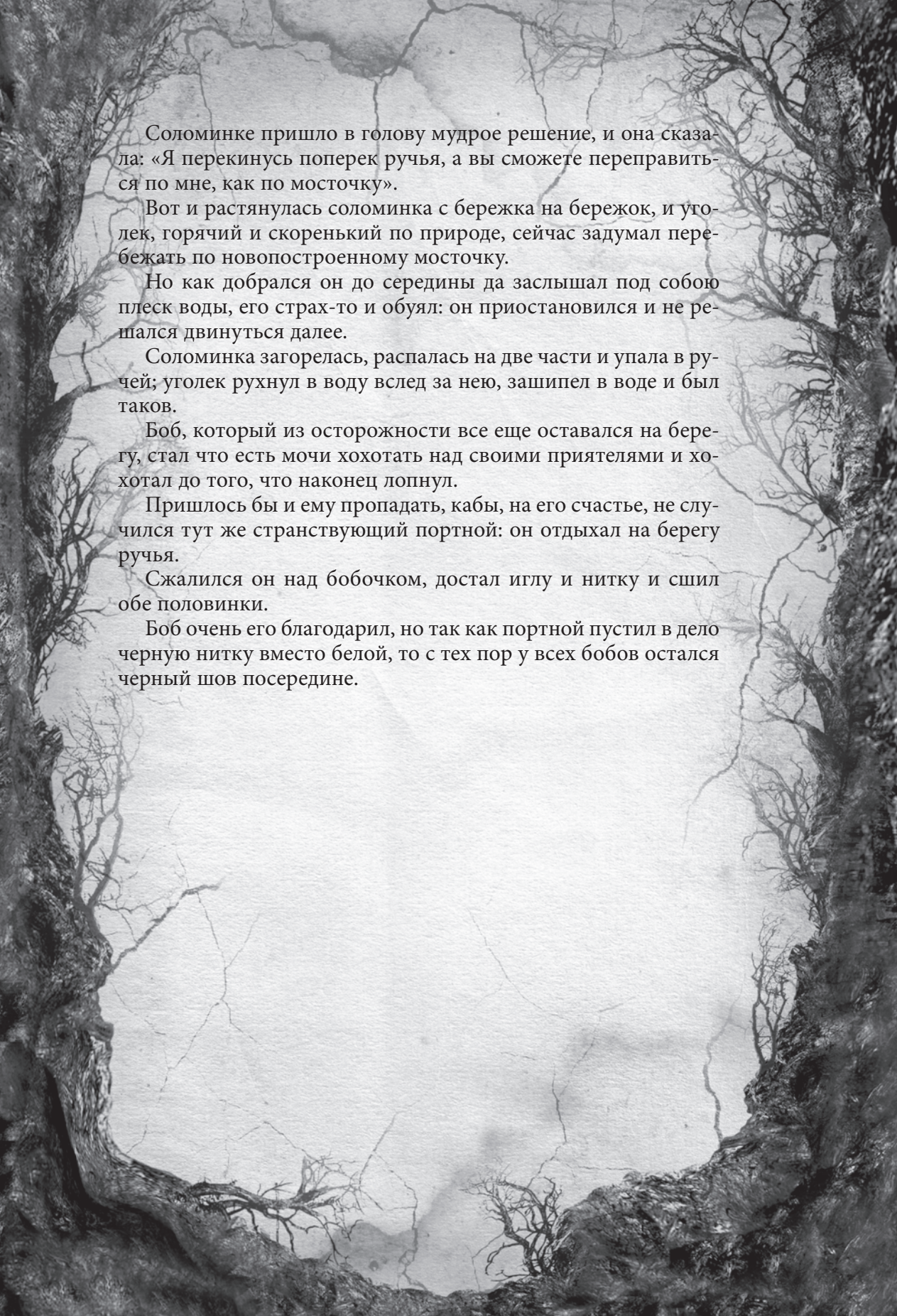
Боб добавил: «Да вот и я тоже кое-как уцелел; и если бы старуха засадила меня в горшок, пришлось бы и мне развариться в кашу, как и всем моим землякам». — «И мне тоже повезло, — сказала соломинка, — всех моих братьев старуха сожгла и на ветер дымом пустила — с полсотни соломинок разом захватила в горсть да и прикончила. А вот мне-таки посчастливилось — проскользнула у нее между пальцев».

«А что нам теперь делать?» — спросил у товарищей уголек.

«По-моему, — отвечал боб, — так как нам удалось избежать гибели, то мы и должны действовать заодно, как добрые товарищи; а чтобы нас здесь опять не постигло какое-нибудь несчастье, нам следует всем вместе выселиться отсюда и перебраться в иную страну».

Это предложение понравилось остальным приятелям, и они собрались все вместе в путь-дорогу.

Вскоре, однако же, подошли они к маленькому ручью, а так как через него не было перекинуто ни мостика, ни дощечки, то они и не знали, как им переправиться.

Соломинке пришло в голову мудрое решение, и она сказала: «Я перекинусь поперек ручья, а вы сможете переправиться по мне, как по мосточку».

Вот и растянулась соломинка с бережка на бережок, и уголек, горячий и скоренький по природе, сейчас задумал перебежать по новопостроенному мосточку.

Но как добрался он до середины да слышал под собою плеск воды, его страх-то и обуял: он приостановился и не решился двинуться далее.

Соломинка загорелась, распалась на две части и упала в ручей; уголек рухнул в воду вслед за нею, зашипел в воде и был таков.

Боб, который из осторожности все еще оставался на берегу, стал что есть мочи хохотать над своими приятелями и хохотал до того, что наконец лопнул.

Пришлось бы и ему пропадать, кабы, на его счастье, не случился тут же странствующий портной: он отдыхал на берегу ручья.

Сжалился он над бобочком, достал иглу и нитку и сшил обе половинки.

Боб очень его благодарил, но так как портной пустил в дело черную нитку вместо белой, то с тех пор у всех бобов остался черный шов посередине.

О рыбаке и его жене

Рыбак с женою жили в дрянной лачужке у самого моря. Рыбак ходил каждый день на море и удил рыбу. Так и сидел он однажды за ужением и все смотрел на блестящие волны — сидел да посиживал.

Вдруг удочка его погрузилась на дно глубоко-глубоко, и когда он ее стал вытаскивать, то выволок вместе с ней и большую камбалу.

И сказала ему рыбина: «Слышь-ка, рыбак, прошу тебя, отпусти меня на волю: я не настоящая камбала, я — замороженный принц. Ну, что тебе в том, что ты меня съешь? Я тебе не по вкусу придется; лучше брось меня опять в воду, отпусти меня на простор». — «Ну, — сказал рыбак, — напрасно ты и столько слов потратила; я бы и без того, конечно, отпустил на свободу такую рыбину, которая по-нашему говорить может». И с этими словами он отпустил рыбину в воду, и пошла камбала на дно, оставляя следом по себе в воде кровавую струйку. Посмотрел рыбак, да и поплелся к жене в свою лачужку.

«Что же, муженек, — сказала жена, — или ты сегодня ничего не поймал?» — «Нет, — сказал рыбак, — я сегодня изловил камбалу, и она мне сказала, что она не камбала, а замороженный принц; ну, я и отпустил ее опять в море». — «Так разве же ты себе у нее ничего не выпросил?» — сказала жена. «Нет, да и чего же мне у нее просить?» — «Ах, — сказала жена, — да ведь нам же так скверно живется в этой лачужке, и вони, и грязи у нас вдоволь; выпросил бы нам у нее избушку получше. Ступай-ка да вызови ее из моря: скажи ей, что нам нужна изба понаряднее, и она, наверно, даст нам ее». — «Ах, — сказал рыбак, — ну что я там еще пойду шляться!» — «Да ведь ты же ее изловил и опять на волю выпустил — она для тебя, наверно, все сделает».

Не хотелось рыбаку идти, но не хотелось и жене перечить — и поплелся он к морю.

Когда пришел он на море, море потемнело, и волны уже не так блестели, как утром. Подошел он и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

Приплыла к нему камбала и сказала: «Ну, что ж тебе надобно?» — «Да вот, — сказал рыбак, — я-то тебя сегодня изловил, так жена-то моя говорит, будто я должен у тебя что-нибудь себе выпросить. Не хочет, вишь, она больше жить в лачужке, в избу хочет на житье перейти». — «Ну, ступай, — сказала камбала, — все тебе будет».

Пошел рыбак домой и видит — жена-то его уж не в лачужке, а на месте лачужки стоит нарядная изба, и его жена сидит перед избою на скамье.

И взяла его жена за руку, и сказала ему: «Войди-ка сюда да посмотри — теперь нам жить-то будет гораздо лучше».

И вошли они в избу: в избе просторные сени и большая комната, и покойчик, в котором их кровать стоит, и чулан с кладовою, и везде-то полки, и на полках-то всякого добра наставлено, и оловянной, и медной посуды — все необходимое. А позади дома небольшой дворик с курами и утками и маленький садик с зеленью и овощами. «Посмотри-ка, — сказала жена, — разве это не хорошо?» — «Да, — сказал рыбак, — мы теперь заживем припеваючи». — «А вот посмотрим», — сказала жена. После этого они поужинали и пошли спать.

Так прошло недели с две, и сказала жена: «Слышь-ка, муженек, изба-то нам уж очень тесна, а двор и сад слишком малы; твоя камбала могла бы нам и побольше дом подарить. Я бы хотела жить в большом каменном замке; ступай-ка к камбале, проси, чтобы подарила нам каменный замок». — «Ах, жена, жена! — сказал рыбак. — Нам и в избе хорошо. Ну, как мы будем жить в замке?» — «Ах, что ты понимаешь? Ступай к камбале: она все это может сделать». — «Нет, жена! — сказал рыбак. — Камбала только что дала нам избу; не могу я к ней сейчас же опять идти: ведь она, пожалуй, может и разгневаться». — «Да ступай же! — сказала жена. — Она все это может сделать и сделает охотно. Ступай!»

У рыбака куда как тяжело было на сердце, он и идти не хотел; он сказал самому себе: «Этак делать не следует!» — и под конец все же пошел.

Когда он пришел к морю, море изрядно потемнело, стало иссиня-серым и не было уже таким светлым и зеленоватым, как прежде, однако же еще не волновалось. Тогда он подошел и сказал:

Рыба, рыба, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего еще она хочет?» — спросила камбала. «Да вот, — сказал рыбак не без смущения, — она хочет жить в большом каменном замке». — «Ступай к ней, вон она стоит перед дверьми», — сказала камбала. Повернул рыбак к дому, стал подходить — и видит перед собою большой каменный дворец, а жена его стоит на крыльце и собирается войти во дворец; и взяла его за руку и сказала: «Войдем со мною вместе».

Вошли и видят, что полы все в замке выстланы мраморными плитами и везде множество слуг, которые отворяли перед ними двери настежь; и стены-то все блестели, обитые прекрасными обоями, а в покоях везде и стулья, и столы золоченые, и хрустальные люстры спускаются с потолка, и всюду ковры разостланы; всюду столы ломятся от яств и самых лучших вин. А позади замка большой двор с конюшнею и коровником; и экипажи в сараях стоят самые лучшие. Был там сверх того большой и прекрасный сад с красивейшими цветами и плодовыми деревьями, и парк тянулся, по крайней мере, на полмили от замка, полный оленей, диких коз и зайцев, и всего, чего душа пожелает.

«Ну-ка, — сказала довольная жена, — разве все это не прекрасно?» — «О да! — сказал рыбак. — На этом мы и остановимся, и станем жить в этом чудесном замке; теперь у нас всего вдоволь». — «А вот посмотрим да подумаем», — сказала жена. С этим они и спать легли.

На другое утро жена проснулась первая, когда уж совсем рассвело, и из своей постели стала осматривать благодатную страну, которая простиралась кругом замка.

«О рыбаке и его жене».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...» *«Что же, муженек, – сказала жена, –
или ты сегодня ничего не поймал?»* –

*«Нет, – сказал рыбак, – я сегодня изловил камбалу,
и она мне сказала, что она не камбала, а замороженный принц;
ну, я и спустил ее опять в море ...»*

Муж все еще спал и не шевелился, и она, толкнув его локтем в бок, сказала: «Муженек, вставай да глянь-ка в окошко. Надумалось мне — отчего бы нам не быть королем да королевой над всю эту страну? Сходи ты к рыбине, скажи, что хотим быть королями». — «Ах, матушка, — сказал рыбак, — ну, как это мы будем король да королева? Я никак не могу королем быть!» — «Ну, коли ты не можешь быть королем, так я могу быть королевой. Ступай к рыбине, скажи, что хочу быть королевой». — «Ах, жена! Ну, где ж тебе быть королевой? Я этого ей и сказать не посмею!» — «А почему бы не сказать? — крикнула жена. — Сейчас же ступай — я должна быть королевой!»

Пошел рыбак от жены и был очень смущен тем, что его жена задумала попасть в королевы. «Не следовало бы так-то, не следовало бы!» — думал он про себя. И не хотел идти к морю, однако пошел-таки. И когда пришел к морю, море было свинцово-серое и волновалось, и воды его были мутны. Стал он на берегу и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего там еще хотите?» — спросила камбала. «Ах, — сказал рыбак, — да ведь жена-то хочет королевой быть!» — «Ступай домой, будет по воле ее», — сказала камбала.

Пошел рыбак домой — и видит, что замок разросся и стал гораздо обширнее, и ворота у замка большие, красивые; а у входных дверей стоит стража, и везде кругом много солдат с барабанами и трубами. Вошел во дворец, видит — везде мрамор да позолота, и бархат, и большие сундуки с золотом. Открылись перед ним настежь и двери залы, где весь двор был в сборе, и увидел он жену свою на высоком золотом троне с алмазами, в большой золотой короне, а в руках у нее скипетр из чистого золота с драгоценными камнями, а по обе стороны ее по шести девиц в ряд, одна другой красивее.

Стал он перед женою и сказал: «Ну вот, женушка, ты теперь и королевой стала!» — «Да, — сказала она, — я теперь королева!»

Постоял он против нее, помялся, поглазел на нее и сказал: «А что, женушка, небось хорошо в королевах-то быть? Чай, теперь уж ничего не пожелаешь!» — «Нет, муженек, — сказала жена с тревогою, — соскучилась я быть королевой и не хочу больше. Поди, скажи рыбине, что я вот теперь королева, а хочу быть кайзером». — «Ах, женушка! Ну, на что тебе быть кайзером!» — «Муж! Ступай к рыбине: хочу быть кайзером!» — «Ах, да нет же! — отвечал рыбак. — Кайзером она не может тебя сделать, и я ей об этом и слова замолвить не посмею; ведь королей-то много, а кайзер-то один! Наверно знаю, что не может она тебя кайзером сделать — и не может, и не может!» — «Что такое? Я королева, а ты мой муж — и смеешь мне перечить? Сейчас пошел туда! Могла меня рыбина королевой сделать, сможет сделать и кайзером! Слышишь, хочу быть кайзером! Сейчас пошел к рыбине!»

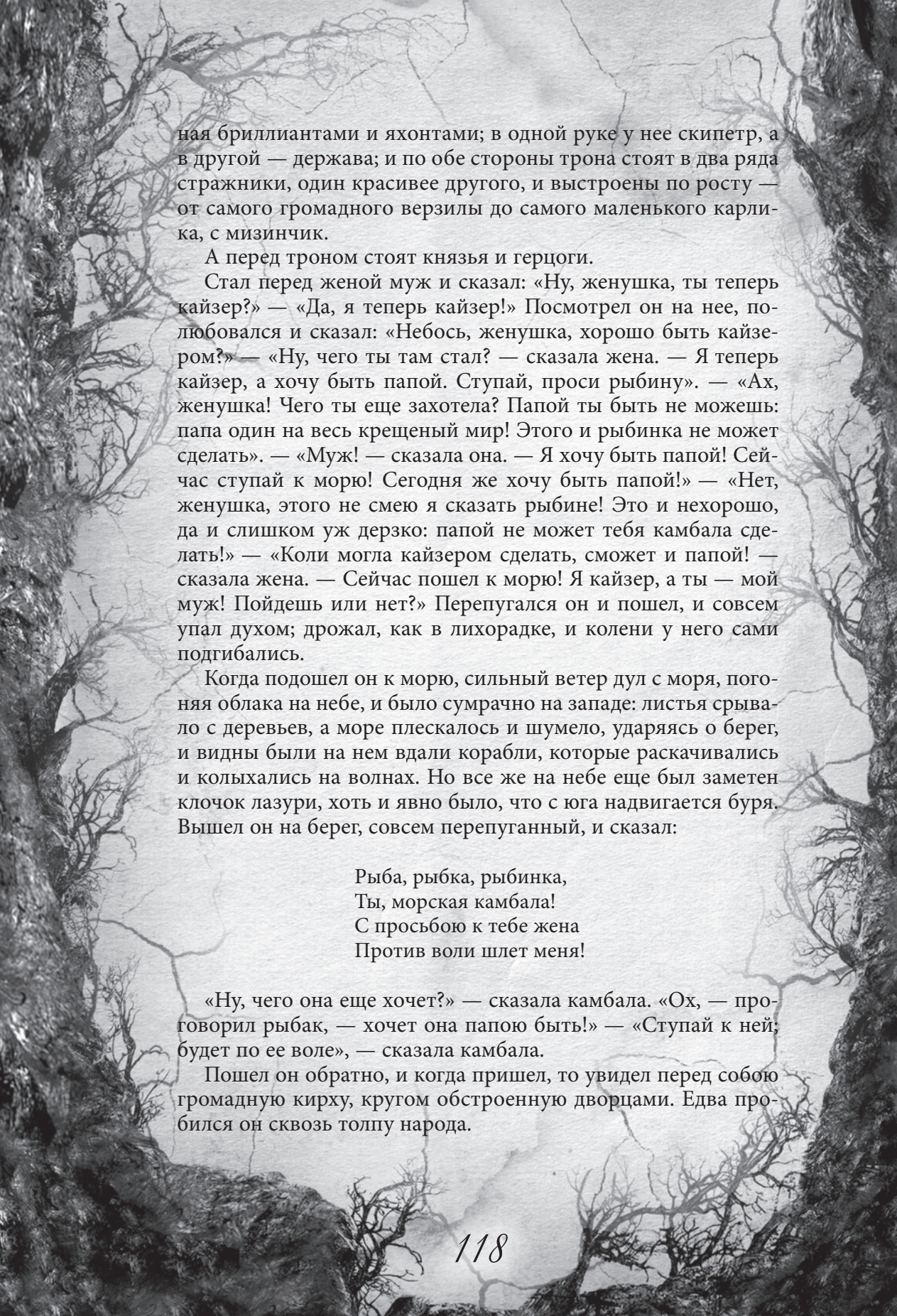
Вот и должен он был пойти. И, идучи к морю, он крепко тревожился и все думал про себя: «К плохому дело идет! Кайзером быть захотела — уж это совсем бессовестно! Надоест она своей дурью рыбинке!»

В этих думах подошел он к морю; а море-то совсем почернело и вздулось, и ходили по нему пенистые волны, и ветер свистал так, что рыбаку было страшно. Стал он на берегу и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего она еще хочет?» — сказала камбала. «Ах, камбала-матушка! Жена-то теперь кайзером быть хочет!» — «Ступай к ней, — сказала рыбка, — будет по ее воле».

Пошел рыбак домой — и видит перед собой громадный замок, весь из полированного мрамора, с алебастровыми статуями и золочеными украшениями. Перед входом в замок маршируют солдаты, в трубы трубят и бьют в барабаны; а внутри замка бароны и графы, и герцоги расхаживают вместо прислуги: они перед ним и двери отперли (и двери-то из чистого золота!). И когда он вошел в залу, то увидел жену свою на троне высоком-превысоком, из литого золота; на голове у нее золотая корона в три локтя вышиной, вся усыпан-

ная бриллиантами и яхонтами; в одной руке у нее скипетр, а в другой — держава; и по обе стороны трона стоят в два ряда стражники, один красивее другого, и выстроены по росту — от самого громадного верзилы до самого маленького карлика, с мизинчик.

А перед троном стоят князья и герцоги.

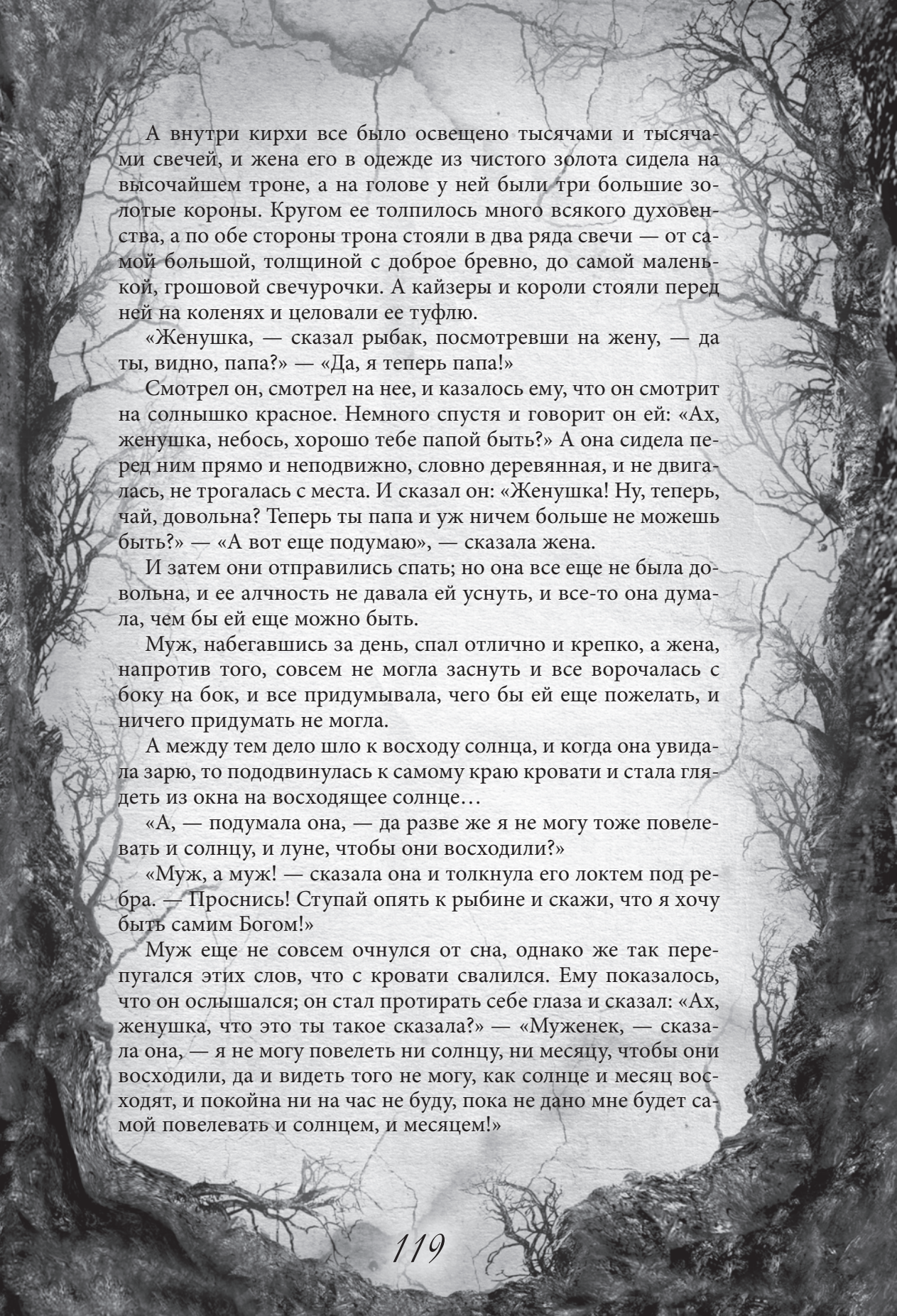
Стал перед женой муж и сказал: «Ну, женушка, ты теперь кайзер?» — «Да, я теперь кайзер!» Посмотрел он на нее, любовался и сказал: «Небось, женушка, хорошо быть кайзером?» — «Ну, чего ты там стал? — сказала жена. — Я теперь кайзер, а хочу быть папой. Ступай, проси рыбину». — «Ах, женушка! Чего ты еще захотела? Папой ты быть не можешь: папа один на весь крещеный мир! Этого и рыбки не может сделать». — «Муж! — сказала она. — Я хочу быть папой! Сейчас ступай к морю! Сегодня же хочу быть папой!» — «Нет, женушка, этого не смею я сказать рыбине! Это и нехорошо, да и слишком уж дерзко: папой не может тебя камбала сделать!» — «Коли могла кайзером сделать, сможет и папой! — сказала жена. — Сейчас пошел к морю! Я кайзер, а ты — мой муж! Пойдешь или нет?» Перепугался он и пошел, и совсем упал духом; дрожал, как в лихорадке, и колени у него сами подгибались.

Когда подошел он к морю, сильный ветер дул с моря, погоняя облака на небе, и было сумрачно на западе: листья срывало с деревьев, а море плескалось и шумело, ударяясь о берег, и видны были на нем вдали корабли, которые раскачивались и колыхались на волнах. Но все же на небе еще был заметен клочок лазури, хоть и явно было, что с юга надвигается буря. Вышел он на берег, совсем перепуганный, и сказал:

Рыба, рыбка, рыбка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего она еще хочет?» — сказала камбала. «Ох, — проговорил рыбак, — хочет она папою быть!» — «Ступай к ней; будет по ее воле», — сказала камбала.

Пошел он обратно, и когда пришел, то увидел перед собою громадную кирху, кругом обстроенную дворцами. Едва пробился он сквозь толпу народа.

А внутри кирхи все было освещено тысячами и тысячами свечей, и жена его в одежде из чистого золота сидела на высочайшем троне, а на голове у ней были три большие золотые короны. Кругом ее толпилось много всякого духовенства, а по обе стороны трона стояли в два ряда свечи — от самой большой, толщиной с доброе бревно, до самой маленькой, грошовой свечурочки. А кайзеры и короли стояли перед ней на коленях и целовали ее туфлю.

«Женушка, — сказал рыбак, посмотревши на жену, — да ты, видно, папа?» — «Да, я теперь папа!»

Смотрел он, смотрел на нее, и казалось ему, что он смотрит на солнышко красное. Немного спустя и говорит он ей: «Ах, женушка, небось, хорошо тебе папой быть?» А она сидела перед ним прямо и неподвижно, словно деревянная, и не двигалась, не трогалась с места. И сказал он: «Женушка! Ну, теперь, чай, довольна? Теперь ты папа и уж ничем больше не можешь быть?» — «А вот еще подумаю», — сказала жена.

И затем они отправились спать; но она все еще не была довольна, и ее алчность не давала ей уснуть, и все-то она думала, чем бы ей еще можно быть.

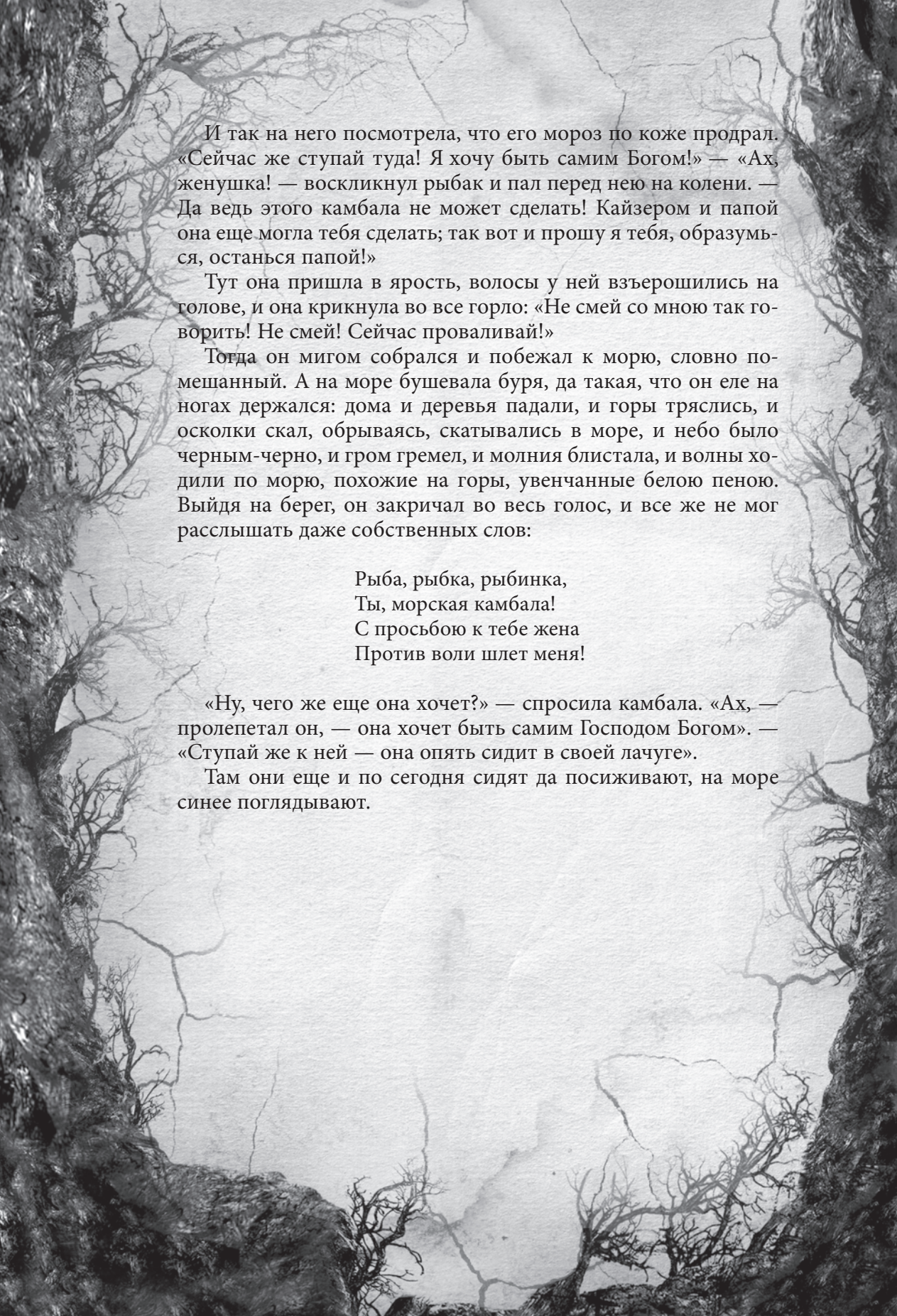
Муж, набегавшись за день, спал отлично и крепко, а жена, напротив того, совсем не могла заснуть и все ворочалась с боку на бок, и все придумывала, чего бы ей еще пожелать, и ничего придумать не могла.

А между тем дело шло к восходу солнца, и когда она увидела зарю, то пододвинулась к самому краю кровати и стала глядеть из окна на восходящее солнце...

«А, — подумала она, — да разве же я не могу тоже повелевать и солнцу, и луне, чтобы они восходили?»

«Муж, а муж! — сказала она и толкнула его локтем под ребра. — Проснись! Ступай опять к рыбине и скажи, что я хочу быть самым Богом!»

Муж еще не совсем очнулся от сна, однако же так перепугался этих слов, что с кровати свалился. Ему показалось, что он ослышался; он стал протирать себе глаза и сказал: «Ах, женушка, что это ты такое сказала?» — «Муженек, — сказала она, — я не могу повелеть ни солнцу, ни месяцу, чтобы они восходили, да и видеть того не могу, как солнце и месяц восходят, и покойна ни на час не буду, пока не дано мне будет самой повелевать и солнцем, и месяцем!»

И так на него посмотрела, что его мороз по коже продрал. «Сейчас же ступай туда! Я хочу быть самым Богом!» — «Ах, женушка! — воскликнул рыбак и пал перед нею на колени. — Да ведь этого камбала не может сделать! Кайзером и папой она еще могла тебя сделать; так вот и прошу я тебя, образумься, останься папой!»

Тут она пришла в ярость, волосы у ней взъерошились на голове, и она крикнула во все горло: «Не смей со мною так говорить! Не смей! Сейчас проваливай!»

Тогда он мигом собрался и побежал к морю, словно помешанный. А на море бушевала буря, да такая, что он еле на ногах держался: дома и деревья падали, и горы тряслись, и осколки скал, обрываясь, скатывались в море, и небо было черным-черно, и гром гремел, и молния блистала, и волны ходили по морю, похожие на горы, увенчанные белою пеною. Выйдя на берег, он закричал во весь голос, и все же не мог слышать даже собственных слов:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего же еще она хочет?» — спросила камбала. «Ах, — пролепетал он, — она хочет быть самым Господом Богом». — «Ступай же к ней — она опять сидит в своей лачуге».

Там они еще и по сегодня сидят да посиживают, на море синее поглядывают.

Храбрый портняжка

Жарким летним днем сидел один портняжка, скрестив ноги, на своем столе у окошка; он был в очень хорошем настроении и работал иглою что было мочи.

А тут как раз случилось, что шла баба по улице и выкрикивала: «Сливовое варенье, сливовое варенье!» Этот крик портняге очень по нутру пришелся; он выставил свою головенку в окошко и тоже крикнул: «Сюда ступай, тетка! Тут есть на твой товар покупатель».

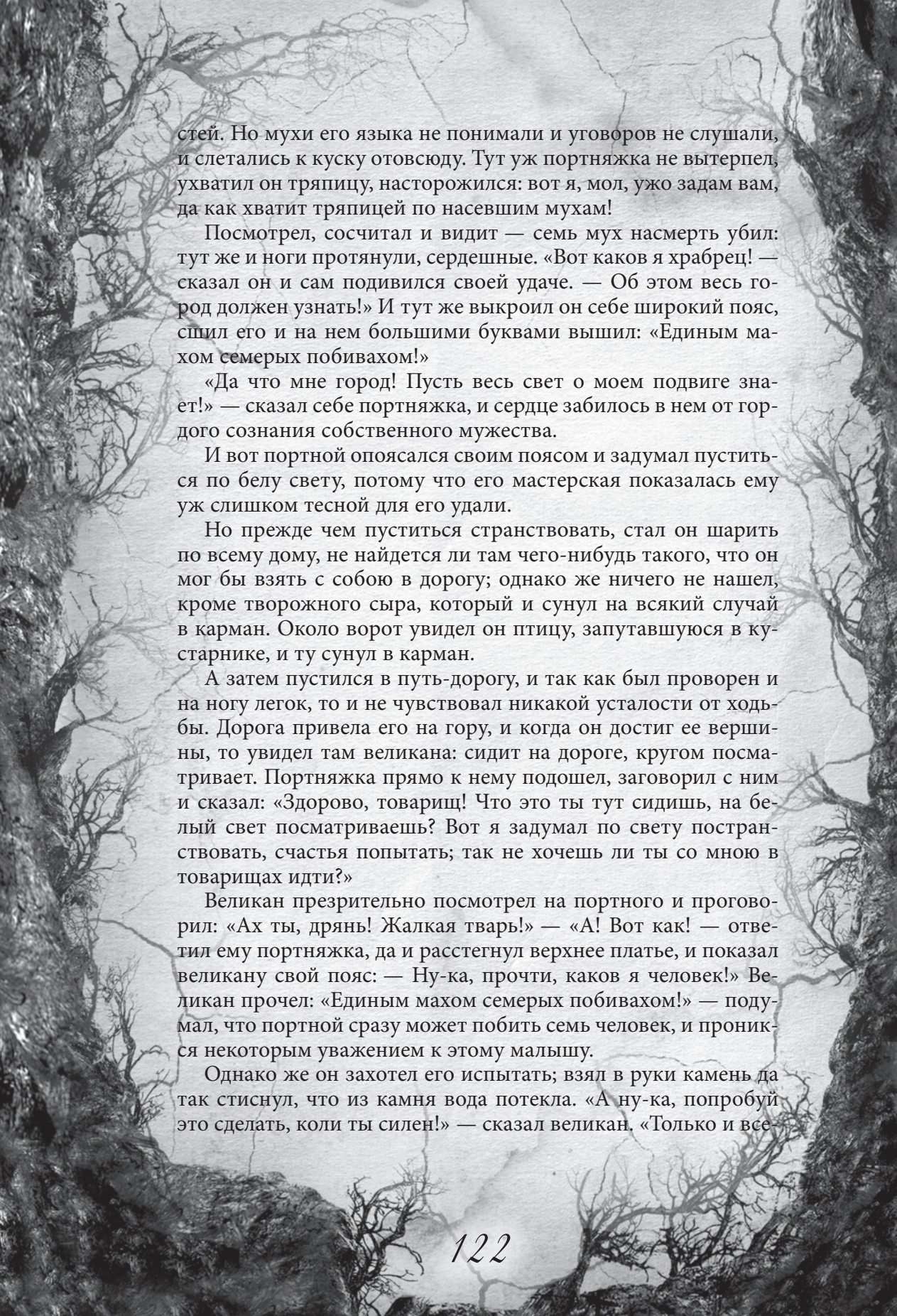
Поднялась баба на три лестницы со своим тяжелым коробом к портняжке в каморку и должна была перед ним все горшки с вареньем выставить. Он их все осмотрел и все понюхал, и сказал наконец: «Кажись, хороша штука! А ну-ка, тетка, отвесь мне этого добра лота с четыре, а то, пожалуй, и всю четверть фунта».

Торговка, которая, судя по его зазыву, надеялась порядочно сбыть ему своего товара, отвесила ему потребное количество, однако же вышла от него очень недовольная и с ворчанием.

«Ну, вот теперь мы это съедим во славу Божию, — весело воскликнул портняжка, — а как съедим, так и силы подкрепим». Затем достал хлеб из шкафа, открыл себе ломоть во весь каравай и намазал варенье на ломоть. «Это будет на вкус недурно, — сказал он, — да вот я только дошью сначала жилет, а потом уж и примусь за ломоть».

Положил он лакомый кусок поближе к себе, стал опять шить, но, желая поскорее шитье окончить, спешил и делал стежки все больше и больше.

А между тем запах лакомого куска почувяли мухи, которых великое множество сидело по стенам; запах их приманил, и они слетелись на кусок туча-тучей. «Эге! Вас-то кто сюда звал?» — сказал портняжка и стал отгонять непрошенных го-

стей. Но мухи его языка не понимали и уговоров не слушали, и слетались к куску отовсюду. Тут уж портняжка не вытерпел, ухватил он тряпицу, насторожился: вот я, мол, ужо задам вам, да как хватит тряпицей по насевшим мухам!

Посмотрел, сосчитал и видит — семь мух насмерть убил: тут же и ноги протянули, сердешные. «Вот каков я храбрец! — сказал он и сам подивился своей удаче. — Об этом весь город должен узнать!» И тут же выкроил он себе широкий пояс, спил его и на нем большими буквами вышил: «Единым махом семерых побивахом!»

«Да что мне город! Пусть весь свет о моем подвиге знает!» — сказал себе портняжка, и сердце забилось в нем от гордого сознания собственного мужества.

И вот портной опоясался своим поясом и задумал пуститься по белу свету, потому что его мастерская показалась ему уж слишком тесной для его удали.

Но прежде чем пуститься странствовать, стал он шарить по всему дому, не найдется ли там чего-нибудь такого, что он мог бы взять с собою в дорогу; однако же ничего не нашел, кроме творожного сыра, который и сунул на всякий случай в карман. Около ворот увидел он птицу, запутавшуюся в кустарнике, и ту сунул в карман.

А затем пустился в путь-дорогу, и так как был проворен и на ногу легок, то и не чувствовал никакой усталости от ходьбы. Дорога привела его на гору, и когда он достиг ее вершины, то увидел там великана: сидит на дороге, кругом посматривает. Портняжка прямо к нему подошел, заговорил с ним и сказал: «Здорово, товарищ! Что это ты тут сидишь, на белый свет посматриваешь? Вот я задумал по свету постранствовать, счастья попытать; так не хочешь ли ты со мною в товарищах идти?»

Великан презрительно посмотрел на портного и проговорил: «Ах ты, дрянь! Жалкая тварь!» — «А! Вот как! — ответил ему портняжка, да и расстегнул верхнее платье, и показал великану свой пояс: — Ну-ка, прочти, каков я человек!» Великан прочел: «Единым махом семерых побивахом!» — подумал, что портной сразу может побить семь человек, и проникся некоторым уважением к этому малышу.

Однако же он захотел его испытать; взял в руки камень да так стиснул, что из камня вода потекла. «А ну-ка, попробуй это сделать, коли ты силен!» — сказал великан. «Только и все»

«Храбрый портняжка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...И тут же вынул он себе широкий пояс, сшил его и на нем большими буквами вышил: "Единым махом семерых побиваюм."...»

го? — сказал портной. — Помилуй, да это у нас пустяками считается!» Выхватил из кармана творожный сыр и стиснул его вместе с камнем так, что сок на землю закапал. «Что? Небось, это почище твоего будет?»

Великан и сам не знал, что ему сказать, и поверить не мог, что этот человечиска обладал такою силою.

И вот поднял великан с земли камень и швырнул его вверх с такою силою, что его едва видно стало, и сказал: «Ну-ка, ты, малявка, подкинь-ка так!» — «Недурно брошено, — сказал портной, — однако же твой камень все же на землю пал; а вот я тебе брошу камень так, что он никогда больше на землю не падет!»

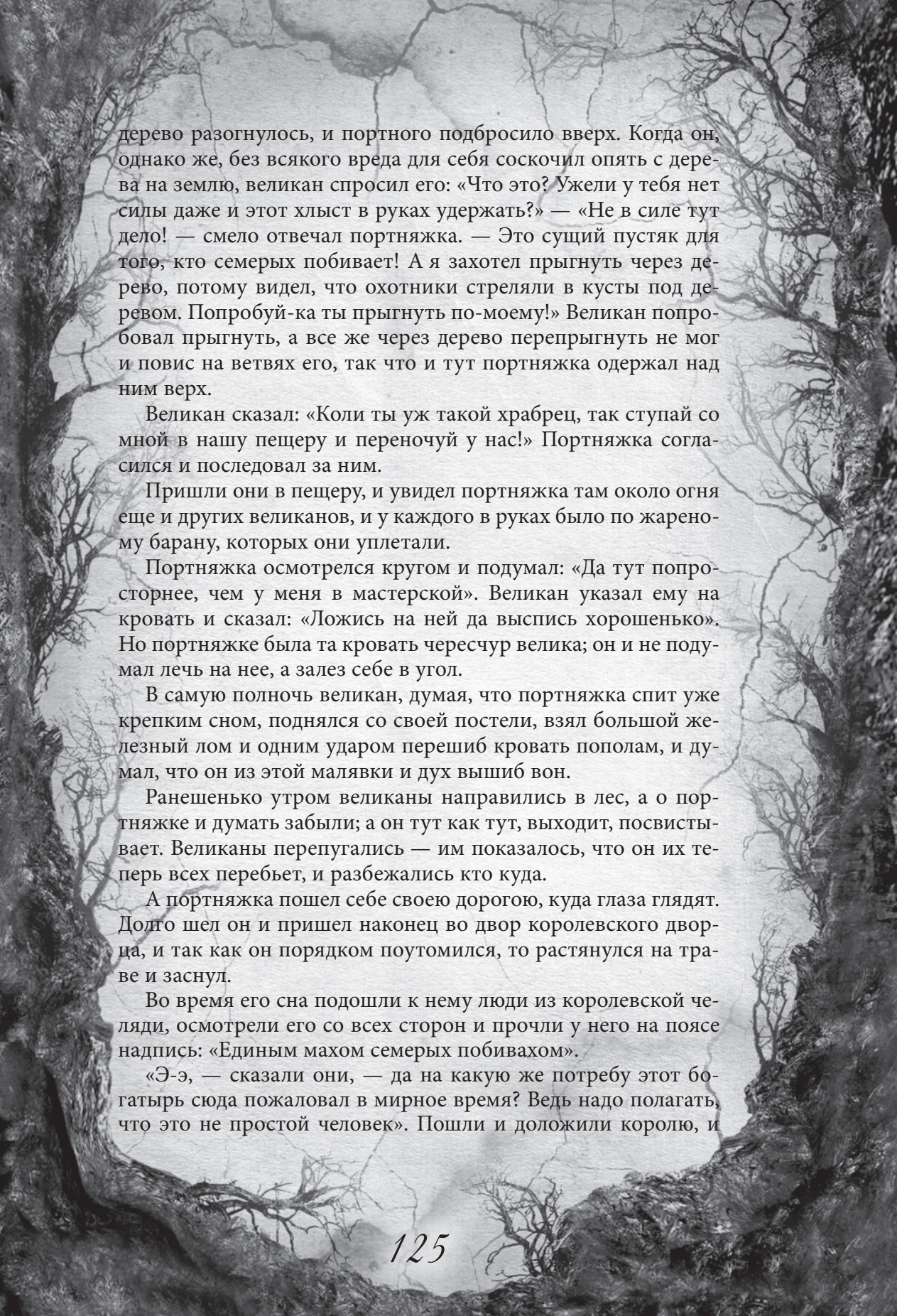
Сунул руку в карман, выхватил оттуда птицу и швырнул ее в воздух. Птица, радешенька, что на свободу вырвалась, взвилась высоко-высоко и не вернулась более. «Что? Каково, товарищ?» — спросил портной. «Бросаешь ты недурно, — промолвил великан, — а вот посмотрим, можешь ли ты снести порядочную тяжесть?»

Он подвел портняжку к мощному дубу, который был срублен и лежал на земле, и сказал: «Коли ты силен, так помоги мне вытащить это дерево из леса». — «Изволь, — сказал портной, — только ты ствол-то на плечи себе взвали, а я понесу на себе сучья и ветви — ведь это, чай, потяжелее ствола будет».

Великан взвалил себе ствол дуба на плечи, а портной сел верхом на одну из ветвей, и великану, который никак не мог оглянуться назад, пришлось тащить на себе все дерево да сверх того еще и портного... А портной ехал себе на ветке, насвистывая веселую песенку: «Вот как шли наши ребята да направо из ворот», — стараясь этим выказать, что ему эта ноша — сущие пустяки.

Великан, протащив страшную тяжесть на порядочное расстояние, выбился из сил и сказал: «Слышь, я сейчас дерево сброшу!» Портной тотчас спрыгнул с ветки, ухватился за дерево обеими руками, словно бы нес его, и сказал великану: «Дивлюсь я на тебя! Ты такой верзила, а не можешь этакого дерева снести!»

Пошли они и дальше, дошли до вишневого дерева; великан ухватил его за вершину, около которой были самые зрелые ягоды, нагнул, дал портному поддержать ее в руках и стал угощать его ягодами. Но у портняжки не было силенки удерживать дерево за вершину, и когда великан его выпустил из рук,

дерево разогнулось, и портного подбросило вверх. Когда он, однако же, без всякого вреда для себя соскочил опять с дерева на землю, великан спросил его: «Что это? Ужели у тебя нет силы даже и этот хлыст в руках удержать?» — «Не в силе тут дело! — смело отвечал портняжка. — Это сущий пустяк для того, кто семерых побивает! А я захотел прыгнуть через дерево, потому видел, что охотники стреляли в кусты под деревом. Попробуй-ка ты прыгнуть по-моему!» Великан попробовал прыгнуть, а все же через дерево перепрыгнуть не мог и повис на ветвях его, так что и тут портняжка одержал над ним верх.

Великан сказал: «Коли ты уж такой храбрец, так ступай со мной в нашу пещеру и переночуй у нас!» Портняжка согласился и последовал за ним.

Пришли они в пещеру, и увидел портняжка там около огня еще и других великанов, и у каждого в руках было по жареному барану, которых они уплетали.

Портняжка осмотрелся кругом и подумал: «Да тут попросторнее, чем у меня в мастерской». Великан указал ему на кровать и сказал: «Ложись на ней да выпишь хорошенько». Но портняжке была та кровать чересчур велика; он и не подумал лечь на нее, а залез себе в угол.

В самую полночь великан, думая, что портняжка спит уже крепким сном, поднялся со своей постели, взял большой железный лом и одним ударом перешиб кровать пополам, и думал, что он из этой малявки и дух вышиб вон.

Ранешенько утром великаны направились в лес, а о портняжке и думать забыли; а он тут как тут, выходит, посвистывает. Великаны перепугались — им показалось, что он их теперь всех перебьет, и разбежались кто куда.

А портняжка пошел себе своею дорогою, куда глаза глядят. Долго шел он и пришел наконец во двор королевского двора, и так как он порядком поутомился, то растянулся на траве и заснул.

Во время его сна подошли к нему люди из королевской челяди, осмотрели его со всех сторон и прочли у него на поясе надпись: «Единым махом семерых побивахом».

«Э-э, — сказали они, — да на какую же потребу этот богатырь сюда пожаловал в мирное время? Ведь надо полагать, что это не простой человек». Пошли и доложили королю, и

выразили при этом такое мнение, что на случай войны этот пришелец мог бы очень и очень пригодиться и что отпускать его ни под каким видом не следует.

Королю этот совет пришелся по нутру, и он послал к портняжке одного из своих придворных, которому и дал такое поручение: «Поди, обожди, пока он выпится, и, когда проснется, предложи ему поступить в мое войско на службу».

Посланный стал около спящего незнакомца, обождал, пока тот начал потягиваться и наконец продрал глаза, тогда он передал ему то, что поручил передать король. «Вот-вот, я для этого-то и пришел сюда, — отвечал придворному портняжка, — и готов поступить к королю на службу». Тут его с почестями приняли на службу, и ему отведено было особое жилье.

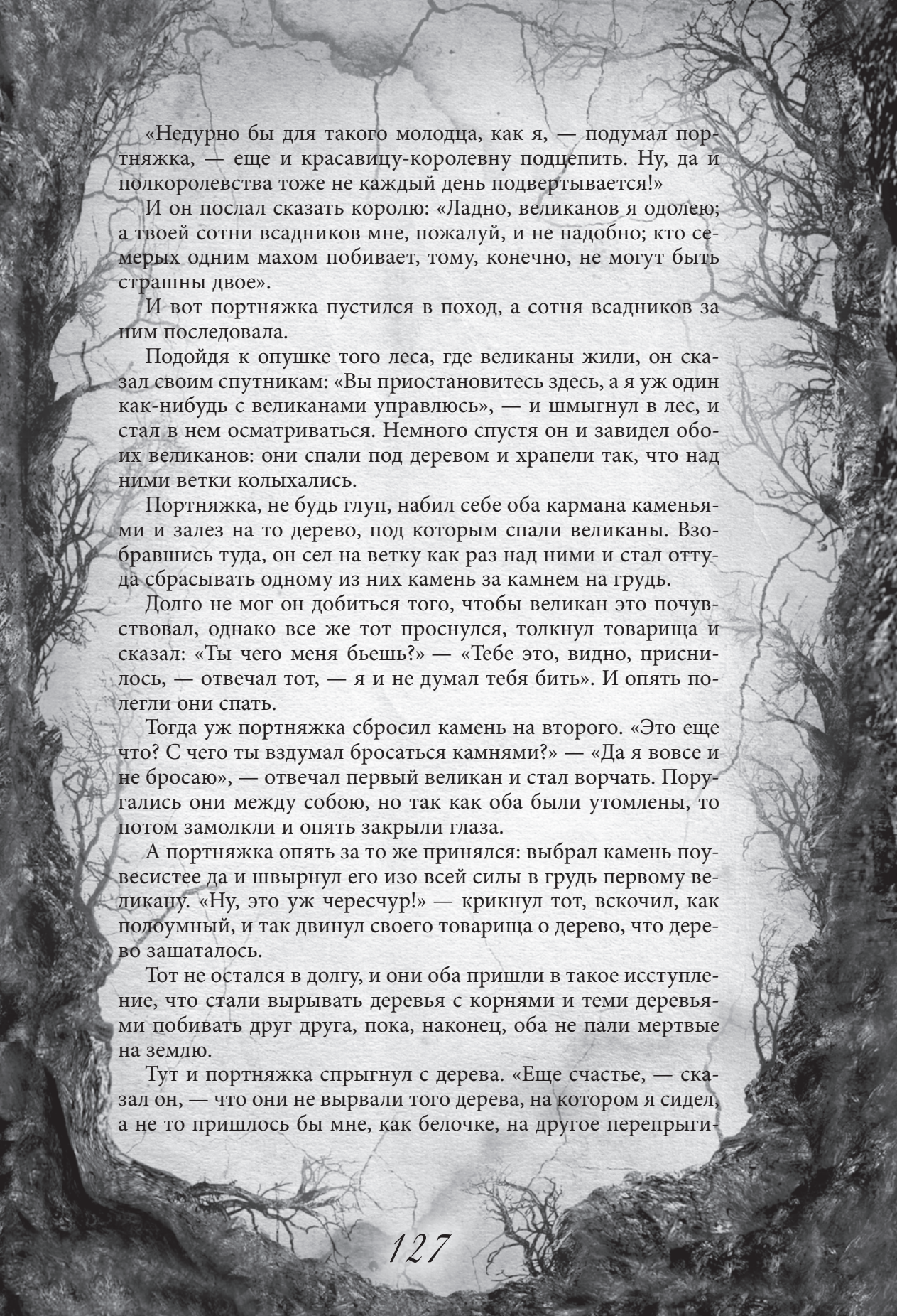
Все ратники королевские были очень недовольны прибытием портняжки и желали от души, чтобы он провалился в тридевятое царство. «Чего тут ждать хорошего? — говорили они между собою. — Ведь, чего доброго, коли мы с ним поссоримся да он на нас накинется, так от каждого взмаха семерых как не бывало! Где же тут нашему брату с ним тягаться?»

Тогда они решили все вместе идти к королю и просить у него об отставке. «Где уж нам, — сказали они, — выстоять рядом с таким удалцом, который одним махом семерых побивает!»

Король очень опечалился тем, что из-за этого одного он должен лишиться стольких верных слуг; он пожалел, что польстился на его службу, и стал подумывать, как бы ему от этого удальца избавиться. Однако же он не решился прямо дать ему отставку: «Чего доброго, он еще и меня убьет, и всю рать мою перебьет, да на мое место королем сядет».

Долго он так и этак дело обдумывал и придумал, наконец, как ему следует действовать.

Послал король к портняжке и приказал ему сказать: «Уж коли ты такой богатырь, так я тебе вот что предложу. В одном из лесов в моем королевстве поселились два великана и огромный наносят вред своими хищениями, убийствами, опустошениями и поджогами. Никто к ним и подойти не смеет, не подвергая свою жизнь величайшей опасности. Вот если ты этих обоих великанов одолеешь и убьешь, то я отдам тебе мою единственную дочь в супруги и полкоролевства моего в приданое». При этом король предлагал, чтобы сотня всадников за ним следовала и оказывала бы ему во всем поддержку.

«Недурно бы для такого молодца, как я, — подумал портняжка, — еще и красавицу-королевну подцепить. Ну, да и полкоролевства тоже не каждый день подвертывается!»

И он послал сказать королю: «Ладно, великанов я одолею; а твоей сотни всадников мне, пожалуй, и не надобно; кто семерых одним махом побивает, тому, конечно, не могут быть страшны двое».

И вот портняжка пустился в поход, а сотня всадников за ним последовала.

Подойдя к опушке того леса, где великаны жили, он сказал своим спутникам: «Вы приостановитесь здесь, а я уж один как-нибудь с великанами управлюсь», — и шмыгнул в лес, и стал в нем осматриваться. Немного спустя он и завидел обоих великанов: они спали под деревом и храпели так, что над ними ветки колыхались.

Портняжка, не будь глуп, набил себе оба кармана камнями и залез на то дерево, под которым спали великаны. Взобравшись туда, он сел на ветку как раз над ними и стал оттуда сбрасывать одному из них камень за камнем на грудь.

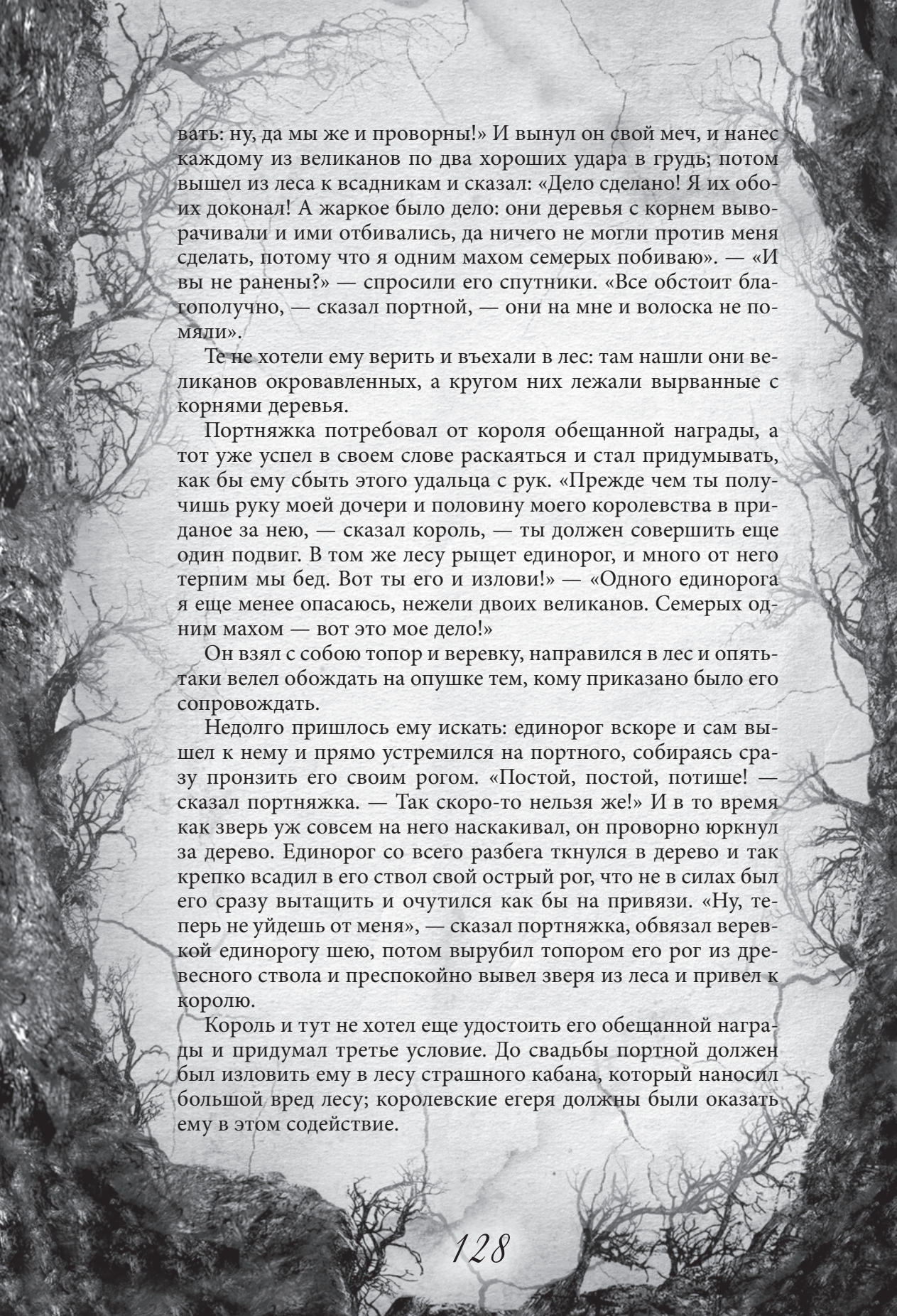
Долго не мог он добиться того, чтобы великан это почувствовал, однако все же тот проснулся, толкнул товарища и сказал: «Ты чего меня бьешь?» — «Тебе это, видно, приснилось, — отвечал тот, — я и не думал тебя бить». И опять легли они спать.

Тогда уж портняжка сбросил камень на второго. «Это еще что? С чего ты вздумал бросаться камнями?» — «Да я вовсе и не бросаю», — отвечал первый великан и стал ворчать. Поругались они между собою, но так как оба были утомлены, то потом замолкли и опять закрыли глаза.

А портняжка опять за то же принялся: выбрал камень поувесистее да и швырнул его изо всей силы в грудь первому великану. «Ну, это уж чересчур!» — крикнул тот, вскочил, как полоумный, и так двинул своего товарища о дерево, что дерево зашаталось.

Тот не остался в долгу, и они оба пришли в такое исступление, что стали вырывать деревья с корнями и теми деревьями побивать друг друга, пока, наконец, оба не пали мертвые на землю.

Тут и портняжка спрыгнул с дерева. «Еще счастье, — сказал он, — что они не вырвали того дерева, на котором я сидел, а не то пришлось бы мне, как белочке, на другое перепрыги-

вать: ну, да мы же и проворны!» И вынул он свой меч, и нанес каждому из великанов по два хороших удара в грудь; потом вышел из леса к всадникам и сказал: «Дело сделано! Я их обоих доконал! А жаркое было дело: они деревья с корнем выворачивали и ими отбивались, да ничего не могли против меня сделать, потому что я одним махом семерых побиваю». — «И вы не ранены?» — спросили его спутники. «Все обстоит благополучно, — сказал портной, — они на мне и волоска не помяли».

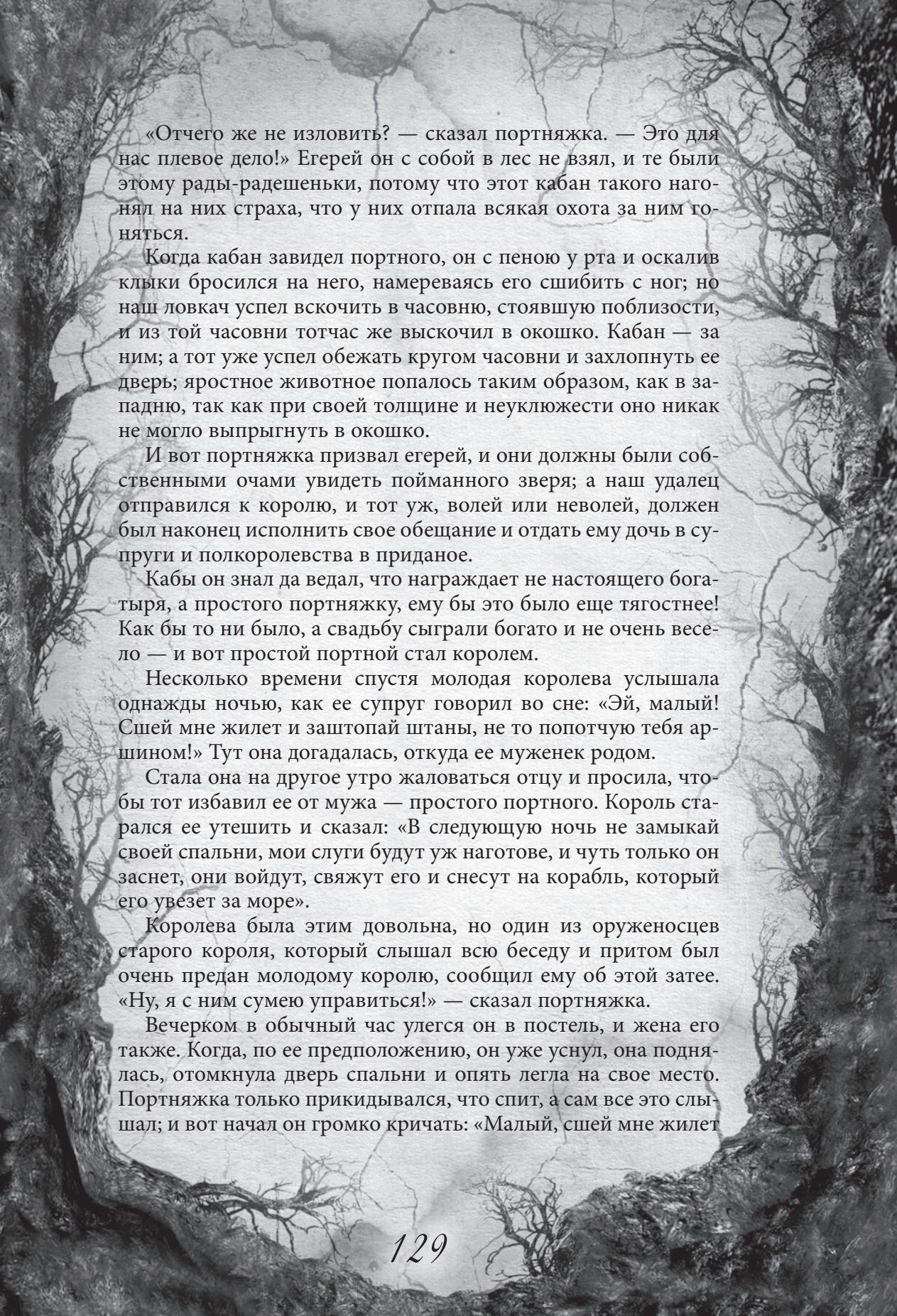
Те не хотели ему верить и въехали в лес: там нашли они великанов окровавленных, а кругом них лежали вырванные с корнями деревья.

Портняжка потребовал от короля обещанной награды, а тот уже успел в своем слове раскаться и стал придумывать, как бы ему сбыть этого удалыца с рук. «Прежде чем ты получишь руку моей дочери и половину моего королевства в приданое за нею, — сказал король, — ты должен совершить еще один подвиг. В том же лесу рыщет единорог, и много от него терпим мы бед. Вот ты его и излови!» — «Одного единорога я еще менее опасаясь, нежели двоих великанов. Семерых одним махом — вот это мое дело!»

Он взял с собою топор и веревку, направился в лес и опять-таки велел обождать на опушке тем, кому приказано было его сопровождать.

Недолго пришлось ему искать: единорог вскоре и сам вышел к нему и прямо устремился на портного, собираясь сразу пронзить его своим рогом. «Постой, постой, потише! — сказал портняжка. — Так скоро-то нельзя же!» И в то время как зверь уж совсем на него наскакивал, он проворно юркнул за дерево. Единорог со всего разбега ткнулся в дерево и так крепко всадил в его ствол свой острый рог, что не в силах был его сразу вытащить и очутился как бы на привязи. «Ну, теперь не уйдешь от меня», — сказал портняжка, обвязал веревкой единорогу шею, потом вырубил топором его рог из древесного ствола и преспокойно вывел зверя из леса и привел к королю.

Король и тут не хотел еще удостоить его обещанной награды и придумал третье условие. До свадьбы портной должен был изловить ему в лесу страшного кабана, который наносил большой вред лесу; королевские егеря должны были оказать ему в этом содействие.

«Отчего же не изловить? — сказал портняжка. — Это для нас плевое дело!» Егерей он с собой в лес не взял, и те были этому рады-радешеньки, потому что этот кабан такого нагонял на них страха, что у них отпала всякая охота за ним гоняться.

Когда кабан завидел портного, он с пеною у рта и оскалив клыки бросился на него, намереваясь его сшибить с ног; но наш ловкач успел вскочить в часовню, стоявшую поблизости, и из той часовни тотчас же выскочил в окошко. Кабан — за ним; а тот уже успел обежать кругом часовни и захлопнуть ее дверь; яростное животное попалося таким образом, как в западню, так как при своей толщине и неуклюжести оно никак не могло выпрыгнуть в окошко.

И вот портняжка призвал егерей, и они должны были собственными очами увидеть пойманного зверя; а наш удалец отправился к королю, и тот уж, волей или неволей, должен был наконец исполнить свое обещание и отдать ему дочь в супруги и полкоролевства в приданое.

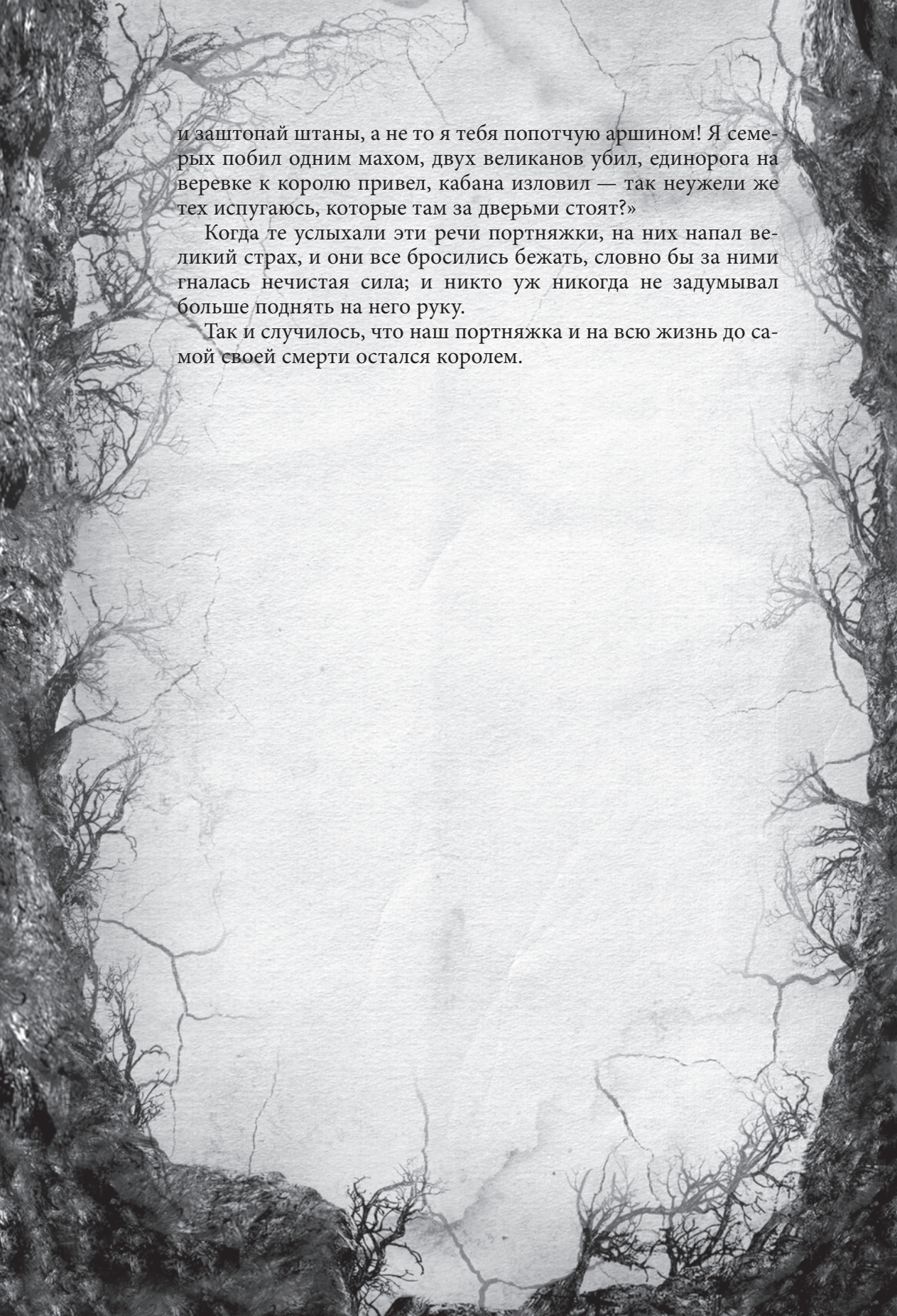
Кабы он знал да ведал, что награждает не настоящего богатыря, а простого портняжку, ему бы это было еще тягостнее! Как бы то ни было, а свадьбу сыграли богато и не очень весело — и вот простой портной стал королем.

Несколько времени спустя молодая королева услышала однажды ночью, как ее супруг говорил во сне: «Эй, малый! Сшей мне жилет и заштопай штаны, не то попотчую тебя аршином!» Тут она догадалась, откуда ее муженек родом.

Стала она на другое утро жаловаться отцу и просила, чтобы тот избавил ее от мужа — простого портного. Король старался ее утешить и сказал: «В следующую ночь не замыкай своей спальни, мои слуги будут уж наготове, и чуть только он заснет, они войдут, свяжут его и снесут на корабль, который его увезет за море».

Королева была этим довольна, но один из оруженосцев старого короля, который слышал всю беседу и притом был очень предан молодому королю, сообщил ему об этой затее. «Ну, я с ним сумею управиться!» — сказал портняжка.

Вечером в обычный час улегся он в постель, и жена его также. Когда, по ее предположению, он уже уснул, она поднялась, отомкнула дверь спальни и опять легла на свое место. Портняжка только прикидывался, что спит, а сам все это слышал; и вот начал он громко кричать: «Малый, сшей мне жилет

и заштопай штаны, а не то я тебя попотчую аршином! Я семерых побил одним махом, двух великанов убил, единорога на веревке к королю привел, кабана изловил — так неужели же тех испугаюсь, которые там за дверьми стоят?»

Когда те услышали эти речи портняжки, на них напал великий страх, и они все бросились бежать, словно бы за ними гналась нечистая сила; и никто уж никогда не задумывал больше поднять на него руку.

Так и случилось, что наш портняжка и на всю жизнь до самой своей смерти остался королем.

«Храбрый портняжка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Мот не остался в доме, и они оба пришли в такое исступление,
что стали вырывать деревья с корнями и теми деревьями побивать
друг друга, пока наконец оба пали мертвые на землю...»*

Замарашка

Случилось как-то, что жена одного богатого человека заболела, и когда она почувствовала, что ее конец близок, то подозвала к своей постели единственную дочку и сказала: «Милое дитя, будь всегда доброю и Бога не забывай, тогда он тебе будет помощник; а я с того света на тебя смотреть стану и всегда духом буду с тобою». Затем она закрыла глаза и почил.

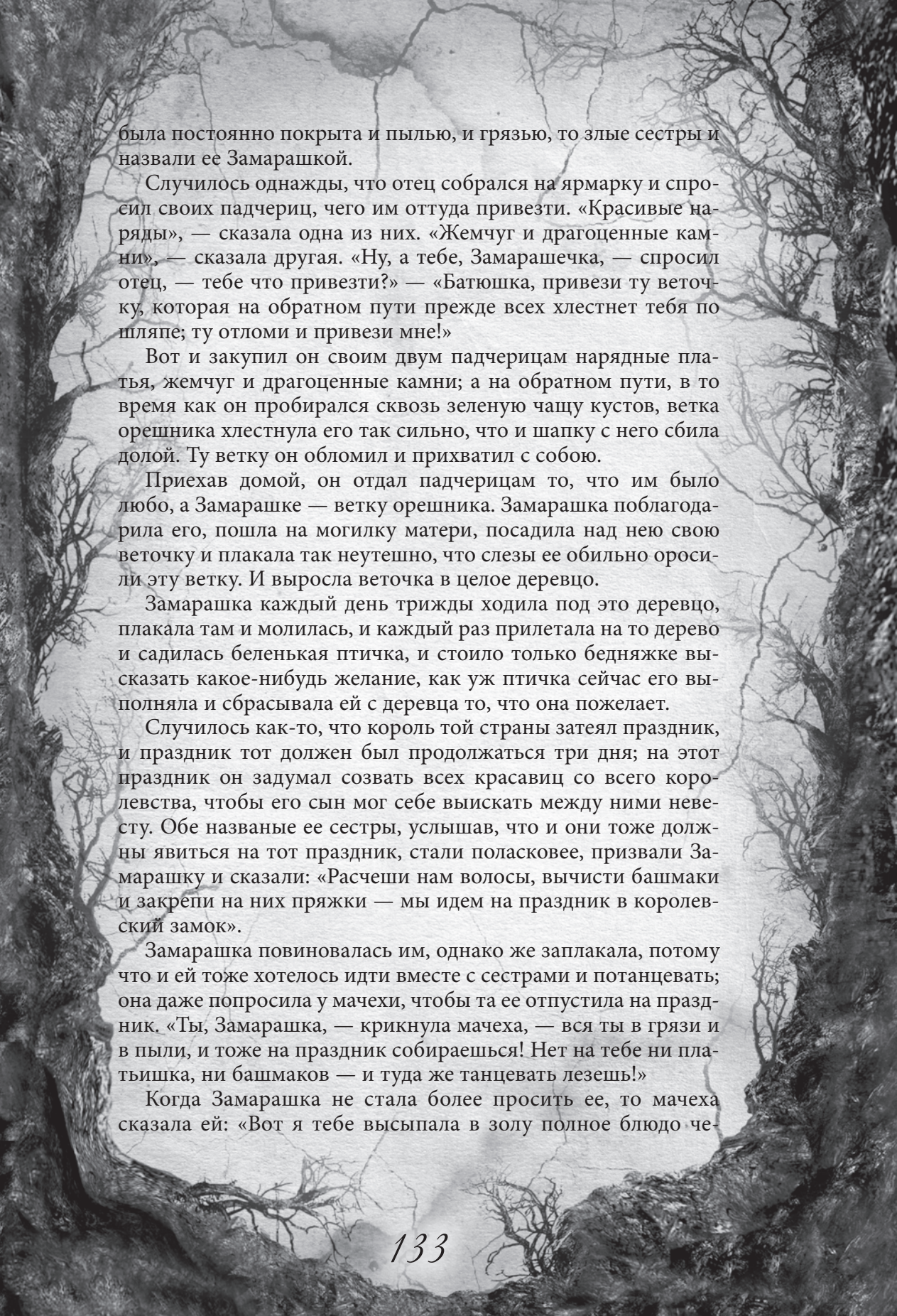
Дочка каждый день ходила на могилку матери и постоянно была ко всем добра, и Бога не забывала. Пришла зима, прикрыла могилку снежным пологом, и чуть только снег растаял от весеннего солнца, отец сиротки женился на другой женщине.

Мачеха ввела в дом своих двух дочерей, белолицых и красивых с виду, но злых и бессердечных. Тогда наступила тяжелая година для бедной падчерицы. «Неужели эта дура будет у нас в комнатах сидеть! — заговорили мачехины дочери. — Кто хочет хлеба есть, тот поди-ка заработай его: прочь отсюда, судомойка!»

Они отняли у нее хорошие платья, напялили на нее старое серое платьишко и обули ее в деревянные башмаки. «Гляньте-ка на эту гордячку, как она вырядилась!» — заговорили они, стали смеяться и отвели бедняжку в кухню.

Там должна она была с утра до вечера нести на себе всю черную работу, вставать рано, до света, воду носить, огонь разводить, стряпать и мыть. Сверх того названные сестрицы старались всякими способами ее огорчать, осмеивали ее, высыпали в золу горох и чечевицу, приготовленные для кушанья, так что бедная сиротинка должна была выбирать их из золы по зернышку.

Вечеру, утомившись от работы, она не имела даже кровати, на которую могла бы лечь: она должна была рядом с очагом ложиться в золу и на ней спать. И так как она от золы

была постоянно покрыта и пылью, и грязью, то злые сестры и называли ее Замарашкой.

Случилось однажды, что отец собрался на ярмарку и спросил своих падчериц, чего им оттуда привезти. «Красивые наряды», — сказала одна из них. «Жемчуг и драгоценные камни», — сказала другая. «Ну, а тебе, Замарашечка, — спросил отец, — тебе что привезти?» — «Батюшка, привези ту веточку, которая на обратном пути прежде всех хлестнет тебя по шляпе; ту отлomi и привези мне!»

Вот и закупил он своим двум падчерицам нарядные платья, жемчуг и драгоценные камни; а на обратном пути, в то время как он пробирался сквозь зеленую чащу кустов, ветка орешника хлестнула его так сильно, что и шапку с него сбила долой. Ту ветку он обломил и прихватил с собою.

Приехав домой, он отдал падчерицам то, что им было любо, а Замарашке — ветку орешника. Замарашка поблагодарила его, пошла на могилку матери, посадила над нею свою веточку и плакала так неутешно, что слезы ее обильно оросили эту ветку. И выросла веточка в целое деревцо.

Замарашка каждый день трижды ходила под это деревцо, плакала там и молилась, и каждый раз прилетала на то дерево и садилась беленькая птичка, и стоило только бедняжке высказать какое-нибудь желание, как уж птичка сейчас его выполняла и сбрасывала ей с деревца то, что она пожелает.

Случилось как-то, что король той страны затеял праздник, и праздник тот должен был продолжаться три дня; на этот праздник он задумал созвать всех красавиц со всего королевства, чтобы его сын мог себе выискать между ними невесту. Обе названные ее сестры, услышав, что и они тоже должны явиться на тот праздник, стали поласковее, призвали Замарашку и сказали: «Расчеши нам волосы, вычисти башмаки и закрепи на них пряжки — мы идем на праздник в королевский замок».

Замарашка повиновалась им, однако же заплакала, потому что и ей тоже хотелось идти вместе с сестрами и потанцевать; она даже попросила у мачехи, чтобы та ее отпустила на праздник. «Ты, Замарашка, — крикнула мачеха, — вся ты в грязи и в пыли, и тоже на праздник собираешься! Нет на тебе ни платьишка, ни башмаков — и туда же танцевать лезешь!»

Когда Замарашка не стала более просить ее, то мачеха сказала ей: «Вот я тебе высыпала в золу полное блюдо че-

чевицы, и если ты через два часа сумеешь эту чечевицу из золы повысить, тогда, пожалуй, ступай вместе с сестрами на праздник!»

Бедная сиротка сошла по черной лестнице в сад и крикнула во весь голос: «Голубки-голубочки, милые дружочки, и вы все, пташечки поднебесные, слетайтесь сюда, помогите мне, бедной, собрать чечевички:

Те, что годны, в горшочек,
А негодны — в зобочек».

И слетелись на зов ее к окошку кухни сначала два белых голубка, а потом турманы мохноногие, а затем и целые стаи всяких пташечек поднебесных и опустились на золу. И стали голубки кивать головками и начали клевать: пик, пик, пик, пик; и другие тоже: пик, пик, пик, пик — и собрали все годные зерна в блюдо. И часу не прошло, как у них все было готово, и они улетели опять в то же окошко.

Принесла Замарашка блюдо к мачехе с радостью и думала, что вот и ей будет дозволено отправиться с сестрами на праздник.

Но мачеха сказала ей: «Нет, Замарашка, у тебя и платьев не припасено, и танцевать ты не можешь, над тобой только смеяться станут». Когда бедняжка стала плакать, мачеха сказала: «Вот если ты мне два блюда чечевицы в час времени из золы выберешь дочиста, тогда, пожалуй, пойдешь». А сама думала: «Где же ей это сделать?»

Но когда она высыпала ей два блюда чечевицы в золу, девушка вышла черным крыльцом в сад и крикнула: «Голубки-голубочки, милые дружочки, и вы все, пташки поднебесные, слетайтесь сюда, помогите мне, бедной, собрать чечевички:

Те, что годны, в горшочек,
А негодны — в зобочек».

И слетелись на зов ее к окошку кухни сначала два белых голубка, а потом турманы мохноногие, а затем и целые стаи всяких пташек поднебесных и опустились на золу. И стали голубки кивать головками и поклевывать: пик, пик, пик, пик; и другие тоже: пик, пик, пик, пик — и собрали все годные зерна в два блюда. И получаса не прошло, как у них все уже было готово, и все они опять улетели в окошко.

Понесла бедняжка оба блюда к мачехе и радовалась, что вот ей будет дозволено отправиться на праздник с сестрами. Но мачеха сказала ей: «Напрасно ты стараешься: ты не пойдешь с нами; у тебя и нарядов нет, и танцевать ты не умеешь; нам бы пришлось краснеть за тебя».

Повернулась к бедняжке спиной и поспешно удалилась со своими двумя горделивыми дочками.

Оставшись одна-одинешенька в доме, Замарашка пошла на могилу матери под ореховое деревцо и воскликнула:

Встряхнись, встрепенись ты, мое деревцо,
Просыпь на меня злато-серебрецо.

Тогда птичка кинула ей серебряное платье с золотом и туфельки, расшитые шелками и серебром.

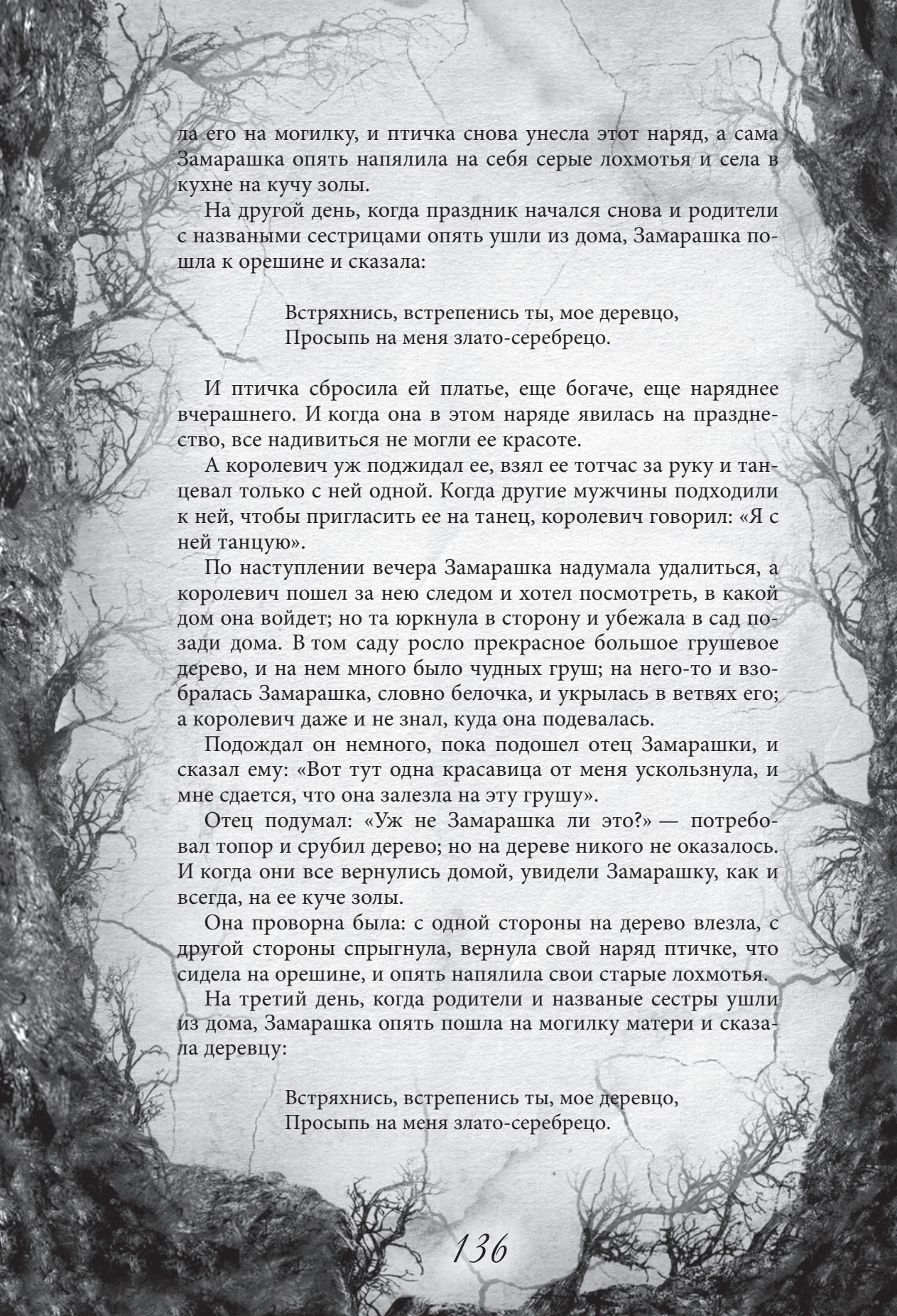
Девушка поскорее оделась и поспешила на праздник. А названные сестры ее и мачеха, ничего об этом не зная, подумали, что это какая-нибудь чужая королевна — такой красавицей была она в своем платье, разукрашенном золотом. Замарашка им и в голову не пришла: они думали, что она сидит себе дома да выбирает чечевички из золы.

Сам королевич вышел красавице навстречу, взял ее за руку и все с ней танцевал. Да так и не захотел ни с кем больше танцевать, и руки ее из своей руки не выпустил, и когда подошел к ней кто-нибудь из мужчин, королевич говорил: «Я сам с ней хочу танцевать».

Так и проплясала она до самого вечера. А когда захотела домой вернуться, то королевич сказал ей: «Я пойду с тобою и провожу тебя». Ему смерть как хотелось посмотреть, чья она дочь и из какого дома родом. Но она от него ускользнула и взобралась на голубятню.

Обождал немного королевич, видит, отец Замарашки идет, и говорит ему: «Вот туда на голубятню взобралась одна красавица!» Отец подумал: «Уж не Замарашка ли?» — потребовал топор да багор и надвое рассек голубятню, а в ней ничего не оказалось. А когда они домой вернулись, Замарашка по-прежнему лежала в своем грязном платишке на золе, а около нее на трубе тускло горела маленькая масляная лампа.

Замарашка была проворна: она с одной стороны взобралась на голубятню, а с другой спустилась и мигом под орешинной очутилась; там скинула она свой богатый наряд, положи-

да его на могилку, и птичка снова унесла этот наряд, а сама Замарашка опять напялила на себя серые лохмотья и села в кухне на кучу золы.

На другой день, когда праздник начался снова и родители с названными сестрицами опять ушли из дома, Замарашка пошла к орешине и сказала:

Встряхнись, встрепенись ты, мое деревцо,
Просыпь на меня злато-серебрецо.

И птичка сбросила ей платье, еще богаче, еще наряднее вчерашнего. И когда она в этом наряде явилась на празднество, все надивиться не могли ее красоте.

А королевич уж поджидал ее, взял ее тотчас за руку и танцевал только с ней одной. Когда другие мужчины подходили к ней, чтобы пригласить ее на танец, королевич говорил: «Я с ней танцую».

По наступлении вечера Замарашка надумала удалиться, а королевич пошел за нею следом и хотел посмотреть, в какой дом она войдет; но та юркнула в сторону и убежала в сад позади дома. В том саду росло прекрасное большое грушевое дерево, и на нем много было чудных груш; на него-то и взобралась Замарашка, словно белочка, и укрылась в ветвях его; а королевич даже и не знал, куда она подевалась.

Подождал он немного, пока подошел отец Замарашки, и сказал ему: «Вот тут одна красавица от меня ускользнула, и мне сдается, что она залезла на эту грушу».

Отец подумал: «Уж не Замарашка ли это?» — потребовал топор и срубил дерево; но на дереве никого не оказалось. И когда они все вернулись домой, увидели Замарашку, как и всегда, на ее куче золы.

Она проворна была: с одной стороны на дерево влезла, с другой стороны прыгнула, вернула свой наряд птичке, что сидела на орешине, и опять напялила свои старые лохмотья.

На третий день, когда родители и названные сестры ушли из дома, Замарашка опять пошла на могилку матери и сказала деревцу:

Встряхнись, встрепенись ты, мое деревцо,
Просыпь на меня злато-серебрецо.

Тут птичка сбросила ей платье, такое великолепное и так ослепительно блиставшее, что такого еще никто не видал; а к этому платью и туфли чистого золота.

Когда она явилась на празднество в этом наряде, все ей дивились, как чуду.

Королевич только с ней и танцевал, а если подходил к ней кто-нибудь другой, он говорил: «Я с ней танцую».

Когда наступил вечер, Замарашка хотела уйти, и королевич по-прежнему хотел идти за ней следом; но она так быстро от него ускользнула, что он не поспел за ней.

Однако же он заранее пустился на хитрость: велел вымазать всю лестницу смолою. Как сбегала Замарашка с лестницы, одна ее туфелька и пристала к ступеньке. Королевич туфельку поднял, и туфелька та была маленькая, хорошенькая и вся золотая.

На следующее утро пришел королевич с этой туфелькой к отцу Замарашки и сказал ему: «Моей супругой будет только та, которой этот золотой башмачок придется впору».

Услышав это, обрадовались обе названные сестрицы, потому что ноги у них были красивые.

Старшая пошла с башмачком в особую комнату и стала его примерять при матери. Стала примерять и видит: никак не влезает в башмак ее большой палец, потому что башмак ей мал. Вот мать и подала ей нож, и говорит: «Отрежь палец-то! Ведь коли будешь королевой, не придется тебе пешком ходить!»

Послушалась дочка матери, срезала палец, втиснула ногу в башмак, прикусила губу от боли и вышла к королевичу. Тот взял ее себе в невесты, посадил на коня и повез к себе домой.

Пришлось им проезжать мимо могилки; а на орешине сидят два голубка и воркуют:

Гули, гули, гулюшки,
Весь башмак-то в кровушке:
Ножке, видно, нет в нем места!
Это не твоя невеста.

Королевич глянул на ногу невесты и увидал, как кровь из башмачка текла.

Он тотчас повернул коня, вернул старшую дочку родителям и сказал, что это не настоящая его невеста: пусть, мол, другая сестра примерит башмачок.

Пошла эта сестра в особую комнату, и когда стала надевать башмачок, то пальцы-то у нее влезли в него, но пятка была слишком велика. Тогда мать подала ей нож и сказала: «Отруби кусок от пятки! Будешь королевой, не придется тебе больше пешком ходить!»

Дочь отрубила часть пятки, втиснула кое-как ногу в башмачок, скрыла боль нестерпимую и вышла к королевичу. Тот ее, как невесту, посадил на своего коня и поехал с ней.

Но когда они проезжали мимо орешины, то сидели на ней два голубка и ворковали:

Гули, гули, гулюшки,
Весь башмак-то в кровушке:
Ножке, видно, нет в нем места!
Это не твоя невеста.

Посмотрел королевич невесте на ногу и увидел, как кровь текла из башмачка и покраснелся от нее белый чулочек.

Повернул он своего коня обратно и привез эту невесту к родителям в дом. «Эта тоже не настоящая! — сказал он. — Нет ли у вас еще одной дочки?» — «Нет, — сказал отец, — а вот только еще от моей первой, покойной жены осталась такая маленькая, дрянненькая Замарашечка — уж та-то, конечно, тебе не невеста».

Королевич захотел ее непременно видеть; но мачеха отвечала: «Да нет же, она такая грязная, что ее никак и показать не смеем».

А королевич все настаивал на своем, и должны были, наконец, позвать к нему Замарашку.

Та сначала вымыла чистенько лицо и руки, потом вышла и поклонилась королевичу, который подал ей золотой башмачок. Она тут же присела на скамеечку, скинула свой деревянный башмак и сунула ногу в туфельку, которая по ее ноге пришлась, как облитая, и как она поднялась со скамеечки и королевич глянул ей в лицо, то он тотчас узнал в ней ту красавицу, с которой танцевал, и воскликнул: «Вот она, настоящая-то невеста!»

Мачеха и обе названные сестры перепугались и побелели от досады; а королевич взял Замарашку к себе на коня и повез ее к себе в замок. Когда они проезжали мимо орешины, два белых голубка ворковали:

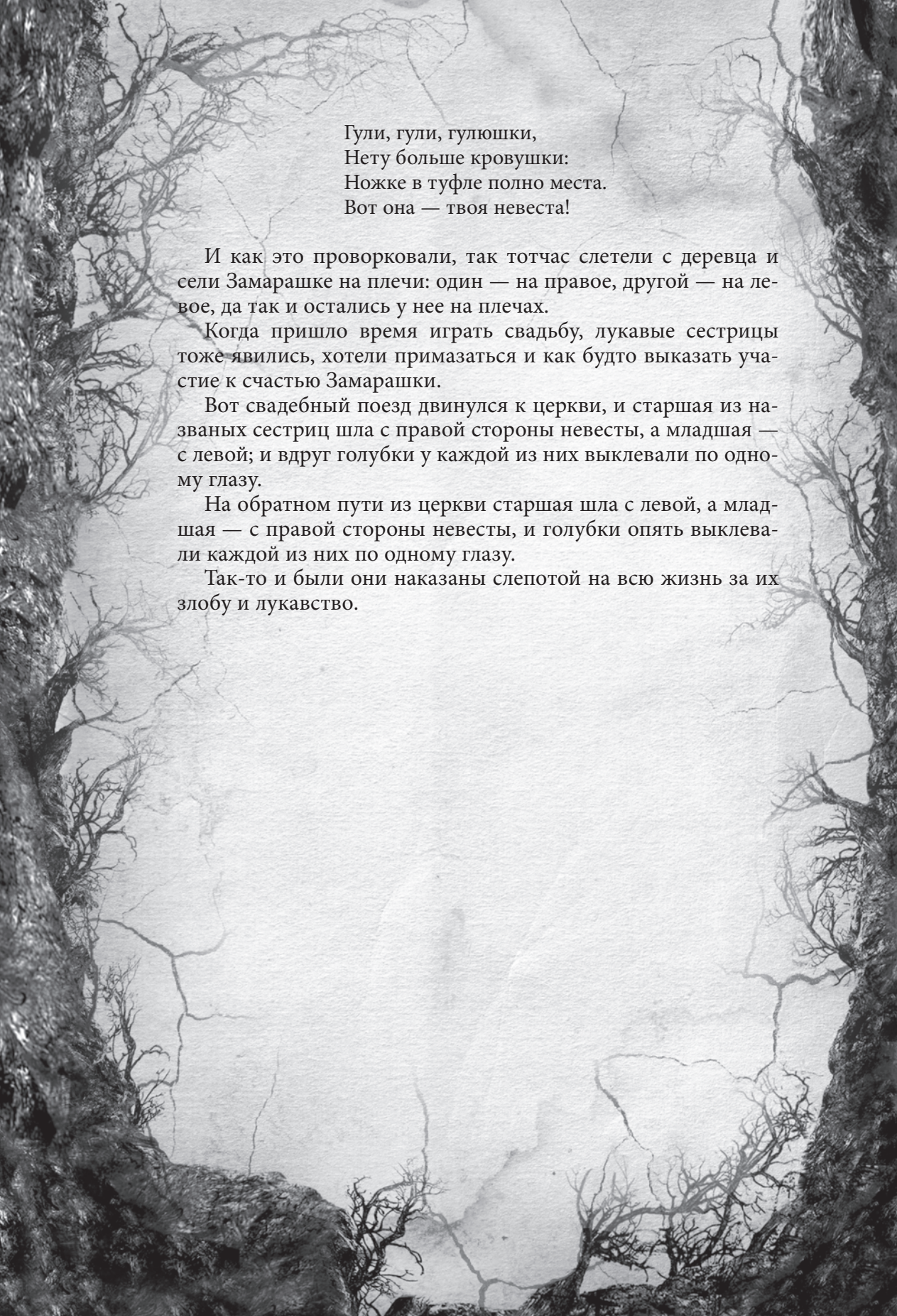
«Замарашка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Однако же Принц заранее пустился на хитрость:

велел вымазать всю лестницу смолою.

*Как сбегала Замарашка с лестницы, одна ее туфелька
и пристала к ступеньке. Королевич туфельку поднял, и туфелька
та была маленькая, хорошенькая и вся золотая...»*

Гули, гули, гулюшки,
Нету больше кровушки:
Ножке в туфле полно места.
Вот она — твоя невеста!

И как это проворковали, так тотчас слетели с деревца и сели Замарашке на плечи: один — на правое, другой — на левое, да так и остались у нее на плечах.

Когда пришло время играть свадьбу, лукавые сестрицы тоже явились, хотели примазаться и как будто выказать участие к счастью Замарашки.

Вот свадебный поезд двинулся к церкви, и старшая из названных сестриц шла с правой стороны невесты, а младшая — с левой; и вдруг голубки у каждой из них выклевали по одному глазу.

На обратном пути из церкви старшая шла с левой, а младшая — с правой стороны невесты, и голубки опять выклевали каждой из них по одному глазу.

Так-то и были они наказаны слепотой на всю жизнь за их злобу и лукавство.

Загадка

Жил-был однажды королевич, которому полюбилось скитаться по белу свету, и скитался он один со своим верным слугою. И случилось однажды, что попал он в дремучий лес, и когда наступил вечер, он нигде не мог сыскать себе приюта и не знал, где придется ему провести ночь.

Тут увидел он девушку, которая направлялась к маленькой избушке; подойдя поближе, он заметил, что девушка была молодая и красива.

Он вступил с нею в разговор и сказал: «Голубушка, не могли ли я у вас в избушке приютиться на ночь с моим слугою?» — «О да, — отвечала девушка печально, — конечно, вы могли бы там приютиться, да я-то вам не советовала бы; лучше и не заходите туда». — «Почему бы так?» — спросил королевич. «А потому, — отвечала со вздохом девушка, — что моя мачеха чернокнижница — и чужих не жалует».

Тут понял королевич, что он подошел к жилью ведьмы; но так как темнота уже наступала, идти дальше было нельзя, да притом он был и не из трусливых, вот он и вошел в избу.

Старуха сидела в кресле у огня и глядела своими красными глазами на пришельцев.

«Добрый вечер, — пробурчала она и потом добавила ласково: — Присядьте-ка да отдохните».

Она вздула уголья, на которых кипятила что-то в небольшом горшочке.

Дочка же предупредила обоих — и королевича, и его слугу, — чтобы они ничего не пили и не ели, потому что ее мачеха варит одни только отравы.

И вот они спокойно проспали до утра.

Когда уж они изготавились к отъезду и королевич сидел уж на коне, старуха сказала: «Погодите маленько, я попотчую вас на прощанье добрым питьецом».

Пока она за тем питьем ходила, королевич уж успел отъехать, и слуга его, подтягивающий подпруги у своего седла, оставался один у домика, в то время как злая ведьма вернулась с питьем.

«Вот, снеси-ка это своему господину», — сказала она; но и договорить не успела, как бутылка в ее руках разлетелась вдребезги, ядовитое пойло брызнуло на коня и оказалось таким вредоносным, что конь тотчас пал мертвый.

Слуга побежал за господином, рассказал ему о случившемся, однако же не захотел седла бросить вместе с лошастью и побежал назад к избушке, чтобы снять седло с палого коня.

Когда же он к нему подошел, то на нем уж сидел ворон и починал его. «Кто знает, попадется ли нам сегодня что-нибудь лучше этого ворона», — сказал себе слуга. Он убил ворона и прихватил его с собою.

И еще целый день пробирались они по лесу, и все никак не могли из него выбраться.

Только уже при наступлении вечера наткнулись они на постоялый двор и вошли туда. Слуга отдал битого ворона хозяину и приказал его приготовить на ужин.

А они и не знали, что попали в разбойничий вертеп, и вот, когда стемнелось, пришли двенадцать разбойников, чтобы ограбить и убить заезжих гостей.

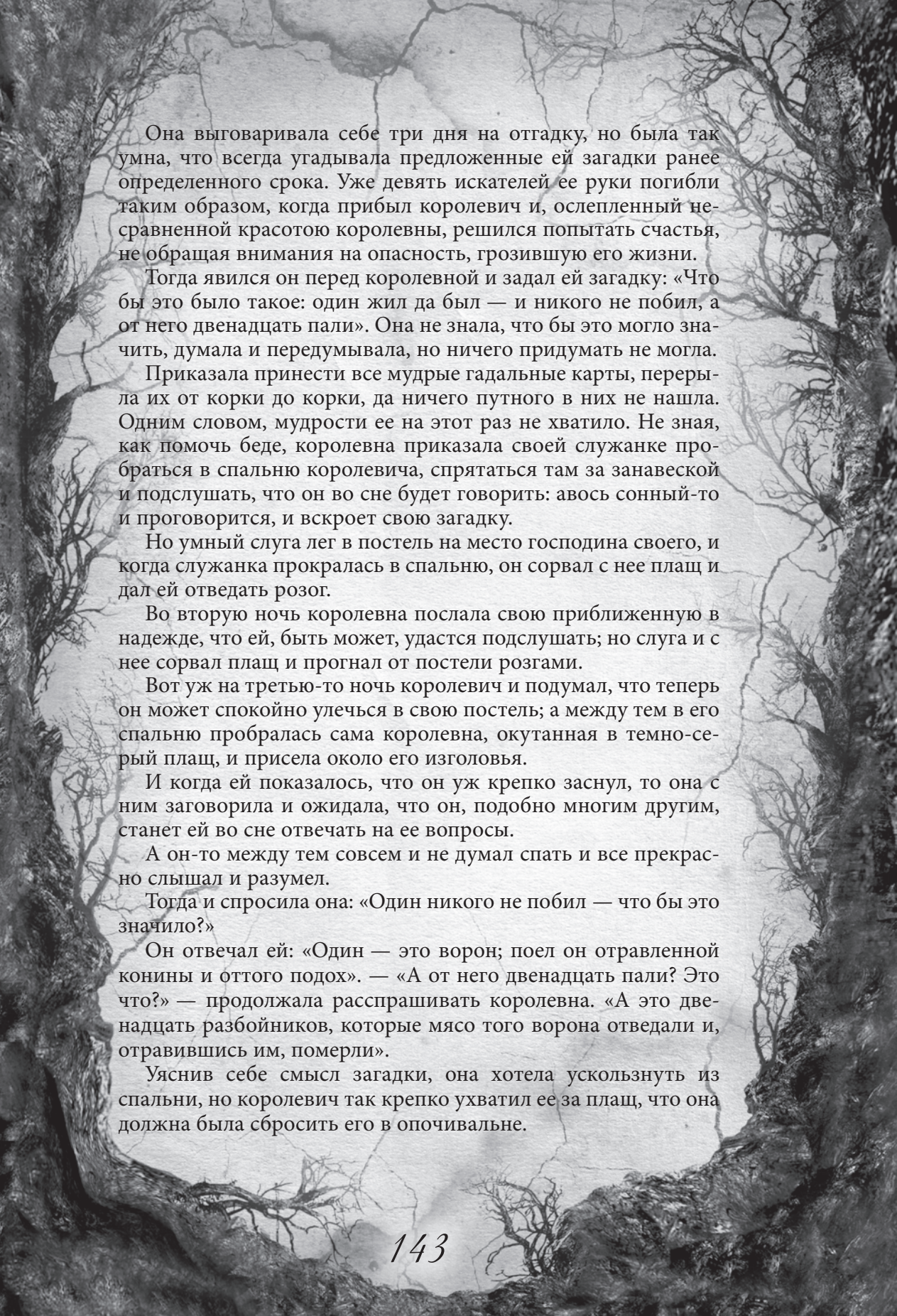
Но прежде чем приняться за дело, они сели за стол, и хозяин с ведьмою присели к ним же и принялись за миску с хлебкой, в которую нарублено было кусками мясо ворона.

И чуть только они проглотили кусочек-другой этого мяса, как все разом пали мертвые, потому что ворон-то успел уж поесть отравленной конины.

Во всем доме осталась тогда только одна дочка хозяина, девушка честная и ни к каким злодействам не причастная.

Она открыла королевичу все двери в доме и показала ему накопленные богатства.

Но королевич не захотел ничего взять из тех сокровищ и поехал далее со своим слугою. После долгих странствований приехали они в город, в котором жила прекрасная собою и горделивая королевна, и приказала она объявить всенародно, что изберет себе в мужа того, кто загадает ей такую загадку, которую бы она не могла разгадать: а если разгадает — голова тому долой!

Она выговаривала себе три дня на отгадку, но была так умна, что всегда угадывала предложенные ей загадки ранее определенного срока. Уже девять искателей ее руки погибли таким образом, когда прибыл королевич и, ослепленный несравненной красотой королевны, решился попытать счастья, не обращая внимания на опасность, грозившую его жизни.

Тогда явился он перед королевной и задал ей загадку: «Что бы это было такое: один жил да был — и никого не побил, а от него двенадцать пали». Она не знала, что бы это могло значить, думала и передумывала, но ничего придумать не могла.

Приказала принести все мудрые гадальные карты, перерыла их от корки до корки, да ничего путного в них не нашла. Одним словом, мудрости ее на этот раз не хватило. Не зная, как помочь беде, королевна приказала своей служанке пробраться в спальню королевича, спрятаться там за занавеской и подслушать, что он во сне будет говорить: авось сонный-то и проговорится, и вскроет свою загадку.

Но умный слуга лег в постель на место господина своего, и когда служанка прокралась в спальню, он сорвал с нее плащ и дал ей отвечат розог.

Во вторую ночь королевна послала свою приближенную в надежде, что ей, быть может, удастся подслушать; но слуга и с нее сорвал плащ и прогнал от постели розгами.

Вот уж на третью-то ночь королевич и подумал, что теперь он может спокойно улечься в свою постель; а между тем в его спальню пробралась сама королевна, окутанная в темно-серый плащ, и присела около его изголовья.

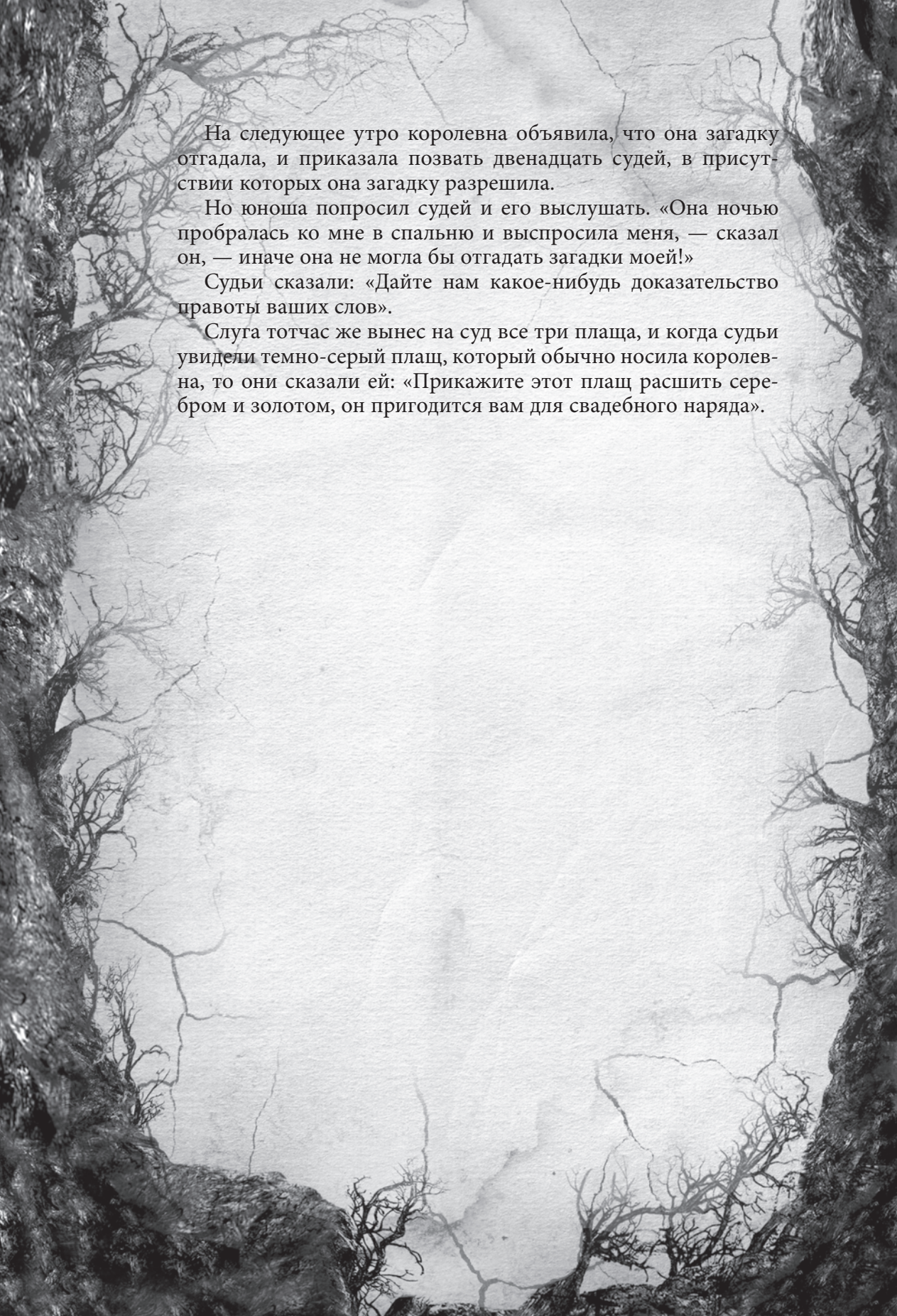
И когда ей показалось, что он уж крепко заснул, то она с ним заговорила и ожидала, что он, подобно многим другим, станет ей во сне отвечать на ее вопросы.

А он-то между тем совсем и не думал спать и все прекрасно слышал и разумел.

Тогда и спросила она: «Один никого не побил — что бы это значило?»

Он отвечал ей: «Один — это ворон; поел он отравленной конины и оттого подох». — «А от него двенадцать пали? Это что?» — продолжала расспрашивать королевна. «А это двенадцать разбойников, которые мясо того ворона отведали и, отравившись им, померли».

Уяснив себе смысл загадки, она хотела ускользнуть из спальни, но королевич так крепко ухватил ее за плащ, что она должна была сбросить его в опочивальне.

На следующее утро королева объявила, что она загадку отгадала, и приказала позвать двенадцать судей, в присутствии которых она загадку разрешила.

Но юноша попросил судей и его выслушать. «Она ночью пробралась ко мне в спальню и выпросила меня, — сказал он, — иначе она не могла бы отгадать загадки моей!»

Судьи сказали: «Дайте нам какое-нибудь доказательство правоты ваших слов».

Слуга тотчас же вынес на суд все три плаща, и когда судьи увидели темно-серый плащ, который обычно носила королева, то они сказали ей: «Прикажите этот плащ расшить серебром и золотом, он пригодится вам для свадебного наряда».

О мышке, птичке и жареной колбасе

днажды подружились мышка, птичка и жареная колбаса, повели и хозяйство на общий счет и зажили в мире и согласии, и даже достатком их Бог не обидел. Птичка приняла на себя такой труд: каждый день улетала она в лес и принашивала оттуда вязанку валежничку. Мышка воду носила, печь растопляла и стол накрывала, а жареная колбаса готовила.

Кому хорошо живется, тому все большего и большего хочется. Так-то и случилось.

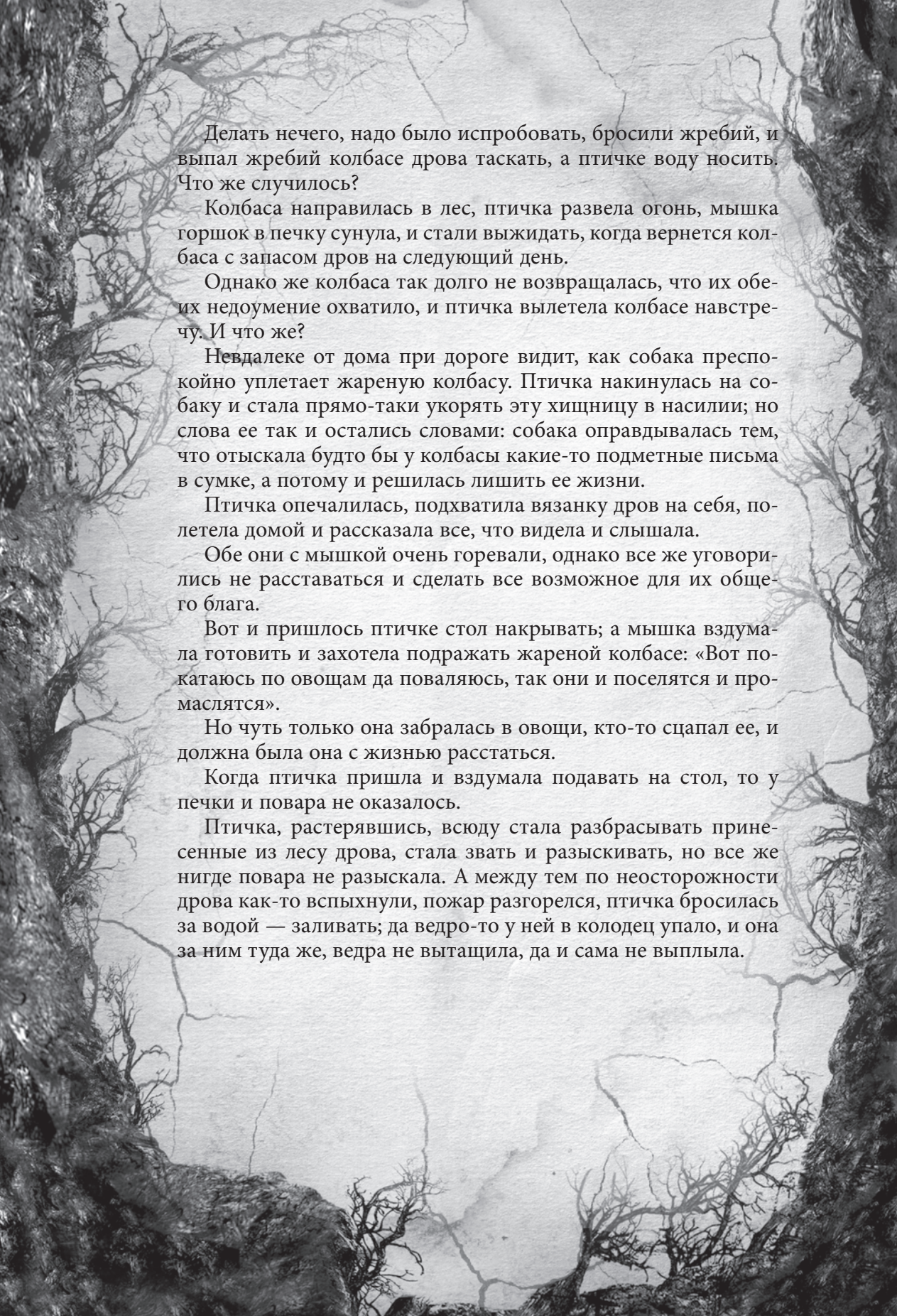
Встретила однажды птичка по пути в лес другую птицу и рассказала ей, как ей живется, и похвалялась своим житьем.

А встречающая птица и скажи ей, что хвастаться нечем: что она, мол, больше всех работает, а те двое там живут в холе да на воле. Ведь вот, например, мышь: печь затопила, воды натаскала — и ушла себе в свою каморку спать, пока ее не позовут стол накрывать. А колбаса? Та и вовсе все дома торчит, за кушаньем присматривает, а как наступит обеденное время, так ей стоит только раза четыре по каше или по овощам перекатиться — смотришь, они и жирны, и солонь, и совсем готовы, хоть на стол подавай...

Вот прилетела птичка домой, сбросила с себя свою вязанку, сели они все за стол, а после стола завалились спать и проспали до самого утра. Чем бы, кажется, не житье?

На другой день птичка заупрямилась и не захотела больше дров таскать, ссылаясь на то, что уж довольно она у своих товарищей в слугах была да в дурах — не хотят ли они, мол, с нею делом поменяться и попытать свои силы на ее работе.

И как ни упрасивали ее мышка и колбаса, птичка все же настояла на своем!

Делать нечего, надо было испробовать, бросили жребий, и выпал жребий колбасе дрова таскать, а птичке воду носить. Что же случилось?

Колбаса направилась в лес, птичка развела огонь, мышка горшок в печку сунула, и стали выжидать, когда вернется колбаса с запасом дров на следующий день.

Однако же колбаса так долго не возвращалась, что их обоих недоумение охватило, и птичка вылетела колбасе навстречу. И что же?

Невдалеке от дома при дороге видит, как собака преспокойно уплетает жареную колбасу. Птичка накинулась на собаку и стала прямо-таки укорять эту хищницу в насилии; но слова ее так и остались словами: собака оправдывалась тем, что отыскивала будто бы у колбасы какие-то подметные письма в сумке, а потому и решила лишить ее жизни.

Птичка опечалилась, подхватила вязанку дров на себя, полетела домой и рассказала все, что видела и слышала.

Обе они с мышкой очень горевали, однако все же уговорились не расставаться и сделать все возможное для их общего блага.

Вот и пришлось птичке стол накрывать; а мышка вздумала готовить и захотела подражать жареной колбасе: «Вот покатаюсь по овощам да поваляюсь, так они и поселятся и промаслятся».

Но чуть только она забралась в овощи, кто-то сцапал ее, и должна была она с жизнью расстаться.

Когда птичка пришла и вздумала подавать на стол, то у печки и повара не оказалось.

Птичка, растерявшись, всюду стала разбрасывать принесенные из лесу дрова, стала звать и разыскивать, но все же нигде повара не разыскала. А между тем по неосторожности дрова как-то вспыхнули, пожар разгорелся, птичка бросилась за водой — заливать; да ведро-то у ней в колодец упало, и она за ним туда же, ведра не вытащила, да и сама не выплыла.

Арминианская сатира на жадность.

Гравюра. Художник неизвестен. 1618 г. 5 глав демона обозначены как: «алчность», «глупость», «обман», «предательство», и «непонимание», 4 руки и 4 ноги, 2 из них дьявола придатков, меч правосудия разбит у его ног.

«Однако же колбаса так долго не возвращалась, что их обоих недоумение охватило, и птичка вылетела колбасе навстречу. И что же? Недалеке от дома при дороге видит, как собака беспокойно улетает жареную колбасу...»

Тоспожа Метелица

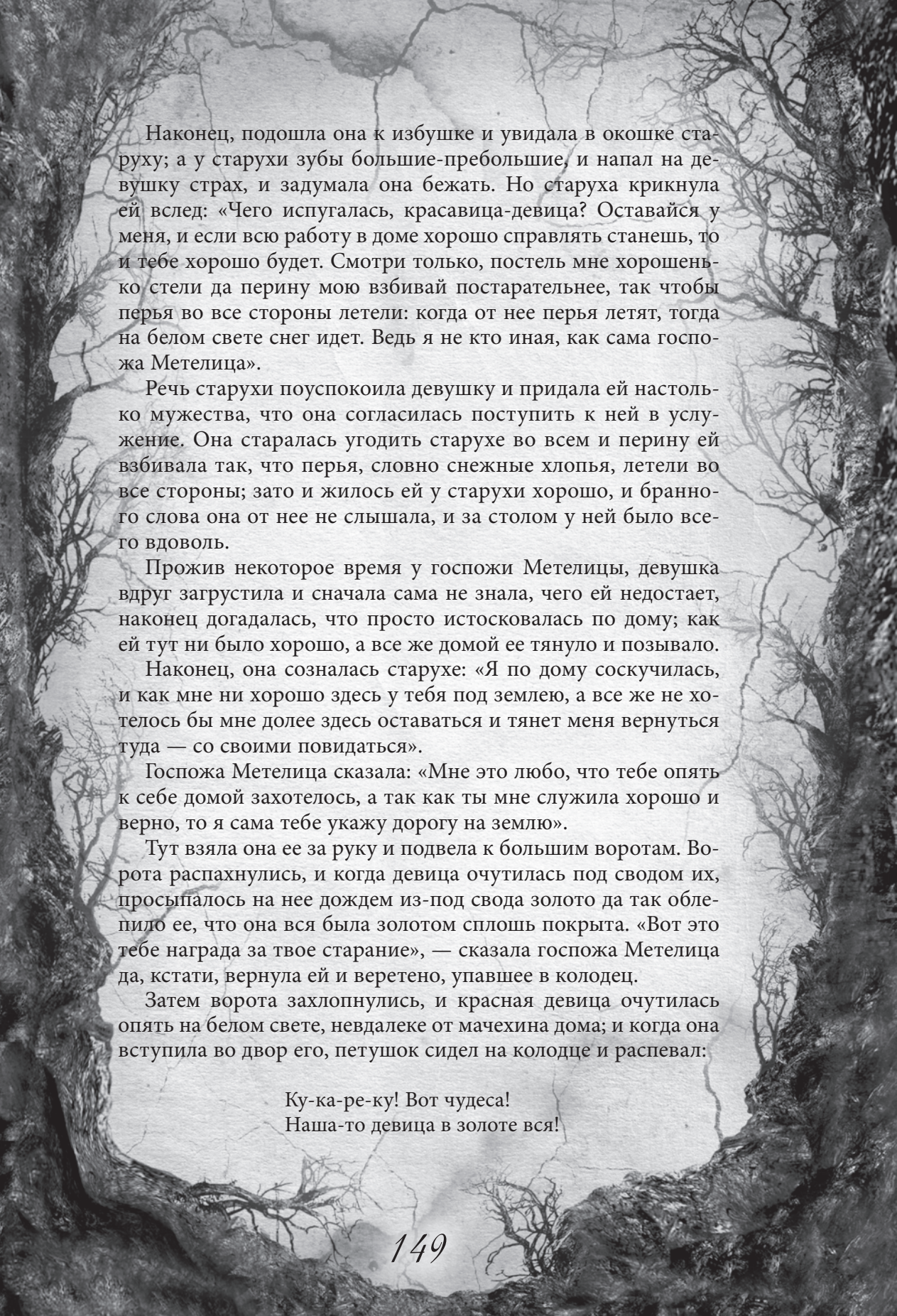
У одной вдовицы были две дочери-девицы; одна-то была и красива, и прилежна; а другая и лицом некрасивая, и ленивая. Но эта некрасивая да ленивая была вдовице дочь родимая, а к тому же она ее и любила, а на другую всю черную работу валила, и была у ней та в доме замарашкой. Бедняжка должна была каждый день выходить на большую дорогу, садиться у колодца и пряхсть до того много, что кровь выступала у нее из-под ногтей.

Вот и случилось однажды, что веретено у ней было все перепачкано кровью; девушка наклонилась к воде и хотела веретено обмыть, а веретено-то у нее из рук выскользнуло и упало в колодец. Бедняжка заплакала, бросилась к мачехе и рассказала ей о своей невзгоде. Та ее так стала бранить и такою выказала себя безжалостною, что сказала: «Умела веретено туда уронить, сумей и достать его оттуда!»

Пришла девушка обратно к колодцу и не знала, что ей делать, да с перепугу-то прыгнула она в колодец — задумала сама оттуда веретено добыть. Она тотчас потеряла сознание, а когда очнулась и снова пришла в себя, то увидела, что лежит на прекрасной лужайке, что на нее и солнышко весело светит, и цветов кругом великое множество.

Пошла девушка по этой лужайке и пришла к печке, которая была полнешенька хлебами насажена. Хлебы ей крикнули: «Вынь ты нас, вынь скорее, не то сгорим: мы давно уже испеклись и готовы». Она подошла и лопатой повынимала их из печи.

Затем пошла она дальше и пришла к яблоне, и стояла та яблоня полнешенька яблок, и крикнула девушке: «Обтряси ты меня, обтряси, яблоки на мне давно уж созрели». Стала она трясти яблоню, так что яблоки с нее дождем посыпались, и трясла до тех пор, пока на ней ни одного яблочка не осталось; сложила их в кучку и пошла дальше.

Наконец, подошла она к избушке и увидела в окошке старуху; а у старухи зубы большие-пребольшие, и напал на девушку страх, и задумала она бежать. Но старуха крикнула ей вслед: «Чего испугалась, красавица-девица? Оставайся у меня, и если всю работу в доме хорошо справлять станешь, то и тебе хорошо будет. Смотри только, постель мне хорошенько стели да перину мою взбивай постарательнее, так чтобы перья во все стороны летели: когда от нее перья летят, тогда на белом свете снег идет. Ведь я не кто иная, как сама госпожа Метелица».

Речь старухи поуспокоила девушку и придала ей настолько мужества, что она согласилась поступить к ней в услужение. Она старалась угодить старухе во всем и перину ей взбивала так, что перья, словно снежные хлопья, летели во все стороны; зато и жилось ей у старухи хорошо, и бранного слова она от нее не слышала, и за столом у ней было всего вдоволь.

Прожив некоторое время у госпожи Метелицы, девушка вдруг загрустила и сначала сама не знала, чего ей недостает, наконец догадалась, что просто истосковалась по дому; как ей тут ни было хорошо, а все же домой ее тянуло и позывало.

Наконец, она созналась старухе: «Я по дому соскучилась, и как мне ни хорошо здесь у тебя под землею, а все же не хотелось бы мне долее здесь оставаться и тянет меня вернуться туда — со своими повидаться».

Госпожа Метелица сказала: «Мне это любо, что тебе опять к себе домой захотелось, а так как ты мне служила хорошо и верно, то я сама тебе укажу дорогу на землю».

Тут взяла она ее за руку и подвела к большим воротам. Ворота распахнулись, и когда девица очутилась под сводом их, просыпалось на нее дождем из-под свода золото да так облепило ее, что она вся была золотом сплошь покрыта. «Вот это тебе награда за твое старание», — сказала госпожа Метелица да, кстати, вернула ей и веретено, упавшее в колодец.

Затем ворота захлопнулись, и красная девица очутилась опять на белом свете, невдалеке от мачехина дома; и когда она вступила во двор его, петушок сидел на колодце и распевал:

Ку-ка-ре-ку! Вот чудеса!
Наша-то девица в золоте вся!

Тогда вошла она к мачехе в дом, и так как на ней было очень много золота, что и мачеха, и сестра приняли ее весьма ласково.

Рассказала им девица все, что с нею приключилось, и когда мачеха услыхала, как она добыла себе такое богатство, то задумала и другой своей дочке, злой и некрасивой, добыть такое же счастье.

Она свою дочку усадила прясть у того же колодца; а чтобы на веретене у дочки кровь была, та должна была она уколоть себе палец и расцарапать руку в колючем терновнике. Затем та бросила веретено в колодец и сама за ним туда же спрыгнула.

И очутилась она точно так же, как прежде сестра ее, на прекрасной лужайке, и пошла той же тропинкой далее.

Пришла к печке, и закричали ей хлебы: «Вынь ты нас, вынь скорее, не то сторим: мы давно уж совсем испеклись». А лентяйка им отвечала: «Вот еще! Стану ли я из-за вас пачкаться!» — и пошла далее.

Вскоре пришла она и к яблоне, которая крикнула ей: «Обтряси ты меня, обтряси поскорее! Яблоки на мне давно уж созрели!» Но лентяйка отвечала: «Очень мне надо! Пожалуй, еще которое-нибудь яблоко мне на голову грохнется», — и пошла своей дорогой.

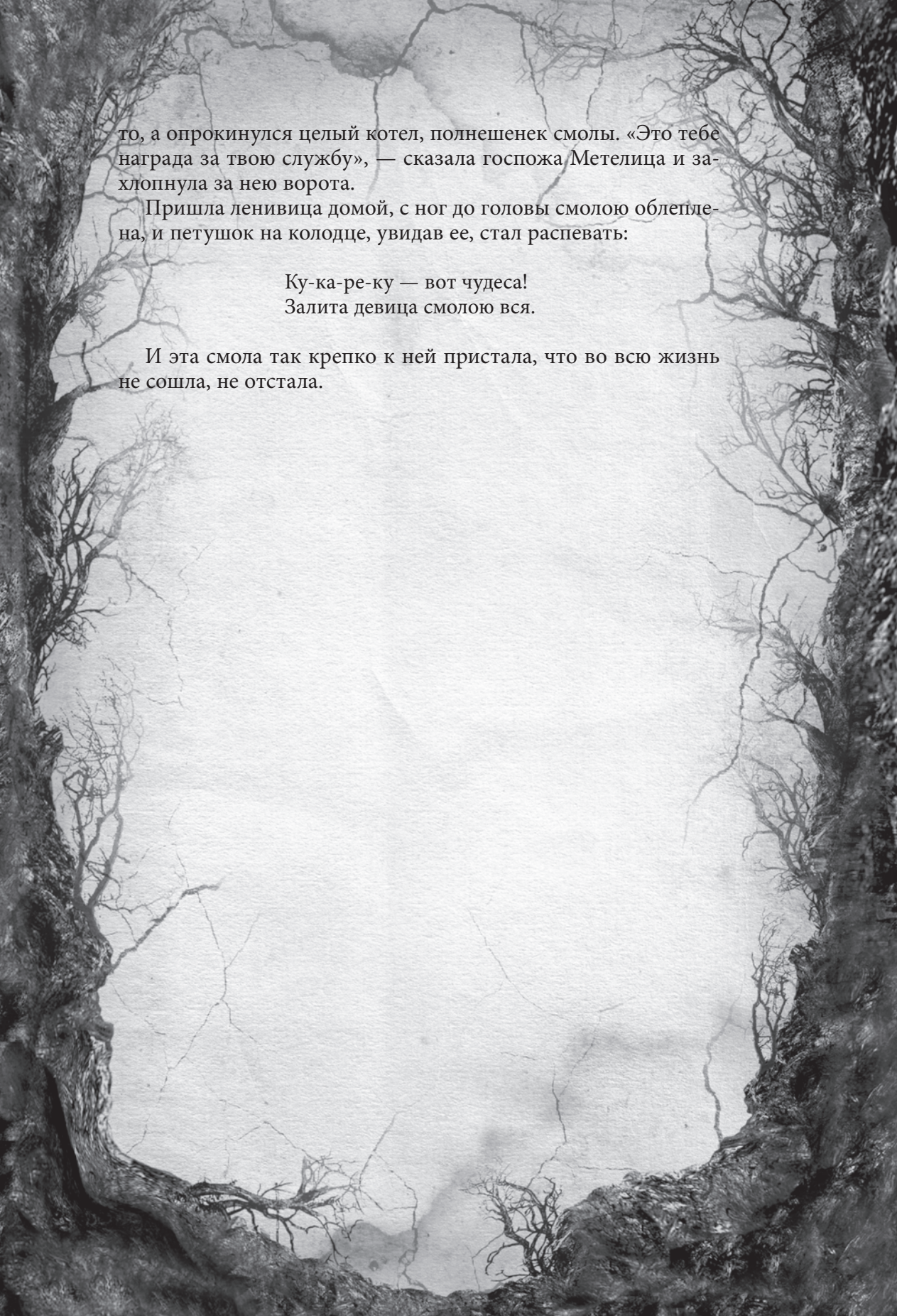
Придя к дому госпожи Метелицы, она ее не испугалась, потому уж слыхала от сестры о ее больших зубах, и тотчас поступила к ней на службу.

В первый-то день она еще кое-как старалась переломить свою лень и выказала некоторое рвение, и слушалась указаний своей госпожи, потому что у ней из головы не выходило то золото, которое ей предстояло получить в награду; на другой день она уже стала разлениваться, на третий — еще того более; а там уж и вовсе не хотела поутру вставать с постели.

И постель госпожи Метелицы она постилала не как следовало, и не вытряхивала ее так, чтобы перья летели во все стороны.

Вот она вскоре и прискучила своей хозяйке, и та отказала ей от места. Ленивица обрадовалась этому, думала: вот сейчас на нее золотой дождь просыплется!

Госпожа Метелица подвела ее к тем же воротам, но когда ленивица под ворота стала, на нее просыпалось не золо-

то, а опрокинулся целый котел, полнешенек смолы. «Это тебе награда за твою службу», — сказала госпожа Метелица и захлопнула за нею ворота.

Пришла ленивица домой, с ног до головы смолою облепленная, и петушок на колодце, увидав ее, стал распевать:

Ку-ка-ре-ку — вот чудеса!
Залита девица смолою вся.

И эта смола так крепко к ней пристала, что во всю жизнь не сошла, не отстала.

Семь воронов

У одного отца было семь сыновей, а дочери-то ни одной, хоть он и очень желал бы иметь дочку; наконец, явилась надежда на то, что семья должна будет еще увеличиться, и жена родила ему дочку. Радость по поводу ее рождения была очень велика; но ребеночек-то был и маленький, и хилый, так что родители даже вынуждены были поспешить с крещением.

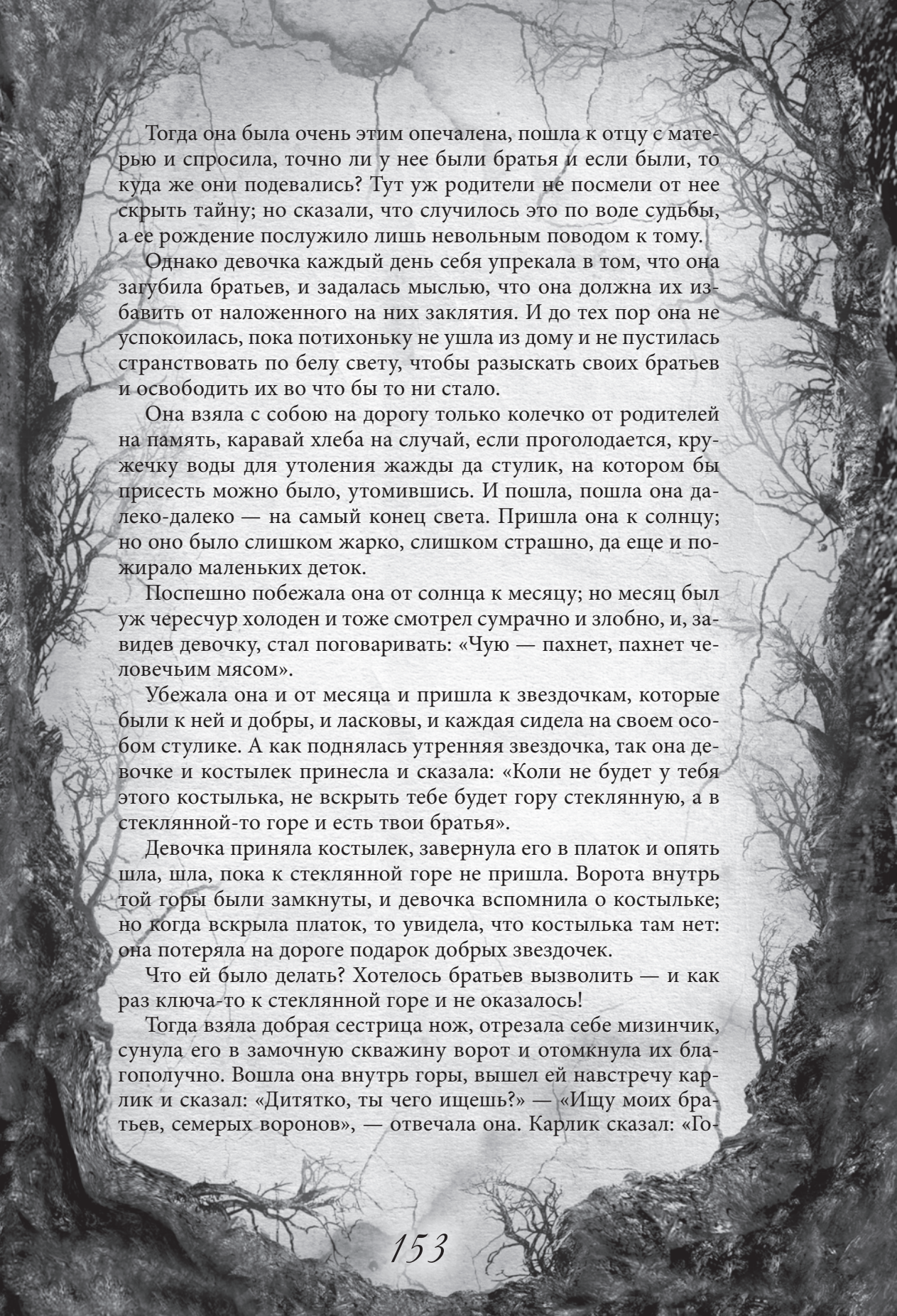
Отец поскорее послал одного из мальчиков к ближайшему роднику за водою для крещения; и остальные шестеро вслед за посланным побежали, и так как каждому хотелось первому зачерпнуть воды, то оказалось, что кружка упала в воду. Это их так озадачило, что они стояли у воды и никто из них не решился первым вернуться домой.

Подождал-подождал их отец, наконец потерял всякое терпение и сказал: «Верно, они, негодяи, заигрались там да и забыли о деле». Он стал опасаться того, что, пожалуй, девочка умрет у него на руках некрещеная, и в досаде своей проговорил: «А чтоб им всем воронами быть!»

И едва только произнес это слово, как услышал вдруг свист крыльев у себя над головою, глянул вверх и видит — низко-низко летят над ним семь черных воронов. Пролетели и скрылись.

Родители уж никак не могли снять с них заклятия, и как ни горевали об утрате своих семерых, однако же милая дочка их, которая вскоре окрепла и стала день ото дня хорошееть, служила им немалым утешением в горе.

Она и знать не знала о том, что у ней были братцы, потому что родители опасались при ней об этом и упоминать; однако же случилось как-то, что посторонние люди при ней однажды проговорились: дочка-то, мол, и очень у них хороша, а все-таки она была виною несчастья своих семи братьев.

Тогда она была очень этим опечалена, пошла к отцу с матерью и спросила, точно ли у нее были братья и если были, то куда же они подевались? Тут уж родители не посмели от нее скрыть тайну; но сказали, что случилось это по воле судьбы, а ее рождение послужило лишь невольным поводом к тому.

Однако девочка каждый день себя упрекала в том, что она загубила братьев, и задалась мыслью, что она должна их избавить от наложенного на них заклятия. И до тех пор она не успокоилась, пока потихоньку не ушла из дому и не пустилась странствовать по белу свету, чтобы разыскать своих братьев и освободить их во что бы то ни стало.

Она взяла с собою на дорогу только колечко от родителей на память, каравай хлеба на случай, если проголодается, кружечку воды для утоления жажды да стулик, на котором бы присесть можно было, утомившись. И пошла, пошла она далеко-далеко — на самый конец света. Пришла она к солнцу; но оно было слишком жарко, слишком страшно, да еще и пожирало маленьких деток.

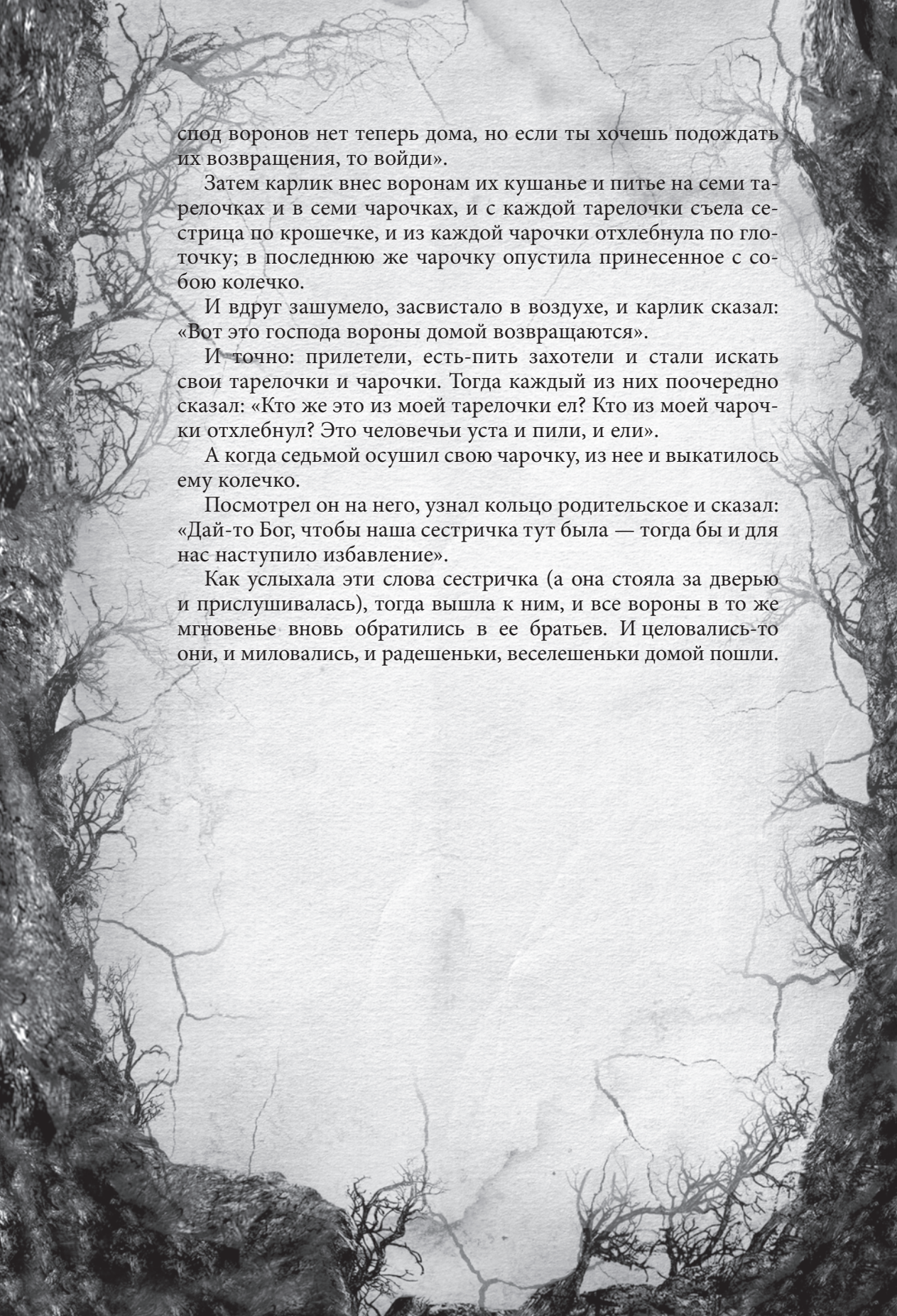
Поспешно побежала она от солнца к месяцу; но месяц был уж чересчур холоден и тоже смотрел сумрачно и злобно, и, увидев девочку, стал поговаривать: «Чую — пахнет, пахнет человечьим мясом».

Убежала она и от месяца и пришла к звездочкам, которые были к ней и добры, и ласковы, и каждая сидела на своем особом стулике. А как поднялась утренняя звездочка, так она девочке и костылек принесла и сказала: «Коли не будет у тебя этого костылька, не вскрыть тебе будет гору стеклянную, а в стеклянной-то горе и есть твои братья».

Девочка приняла костылек, завернула его в платок и опять шла, шла, пока к стеклянной горе не пришла. Ворота внутри той горы были замкнуты, и девочка вспомнила о костыльке; но когда вскрыла платок, то увидела, что костылька там нет: она потеряла на дороге подарок добрых звездочек.

Что ей было делать? Хотелось братьев вызволить — и как раз ключа-то к стеклянной горе и не оказалось!

Тогда взяла добрая сестрица нож, отрезала себе мизинчик, сунула его в замочную скважину ворот и отомкнула их благополучно. Вошла она внутрь горы, вышел ей навстречу карлик и сказал: «Дитятко, ты чего ищешь?» — «Ищу моих братьев, семерых воронов», — отвечала она. Карлик сказал: «Го-

спод воронов нет теперь дома, но если ты хочешь подождать их возвращения, то войди».

Затем карлик внес воронам их кушанье и питье на семи тарелочках и в семи чарочках, и с каждой тарелочки съела сестрица по крошечке, и из каждой чарочки отхлебнула по глоточку; в последнюю же чарочку опустила принесенное с собою колечко.

И вдруг зашумело, засвистало в воздухе, и карлик сказал: «Вот это господа вороны домой возвращаются».

И точно: прилетели, есть-пить захотели и стали искать свои тарелочки и чарочки. Тогда каждый из них поочередно сказал: «Кто же это из моей тарелочки ел? Кто из моей чарочки отхлебнул? Это человечесьи уста и пили, и ели».

А когда седьмой осушил свою чарочку, из нее и выкатилось ему колечко.

Посмотрел он на него, узнал кольцо родительское и сказал: «Дай-то Бог, чтобы наша сестричка тут была — тогда бы и для нас наступило избавление».

Как услыхала эти слова сестричка (а она стояла за дверью и прислушивалась), тогда вышла к ним, и все вороны в то же мгновенье вновь обратились в ее братьев. И целовались-то они, и миловались, и радешеньки, веселешеньки домой пошли.

«Семь воронов».

Художник – Владимир Сверчков. Витраж. 1872–1876 гг.

*«...И вдруг зашумело, зашвистало в воздухе, и карлик сказал:
“Вот это господа вороны до мой возвращаются”...»*

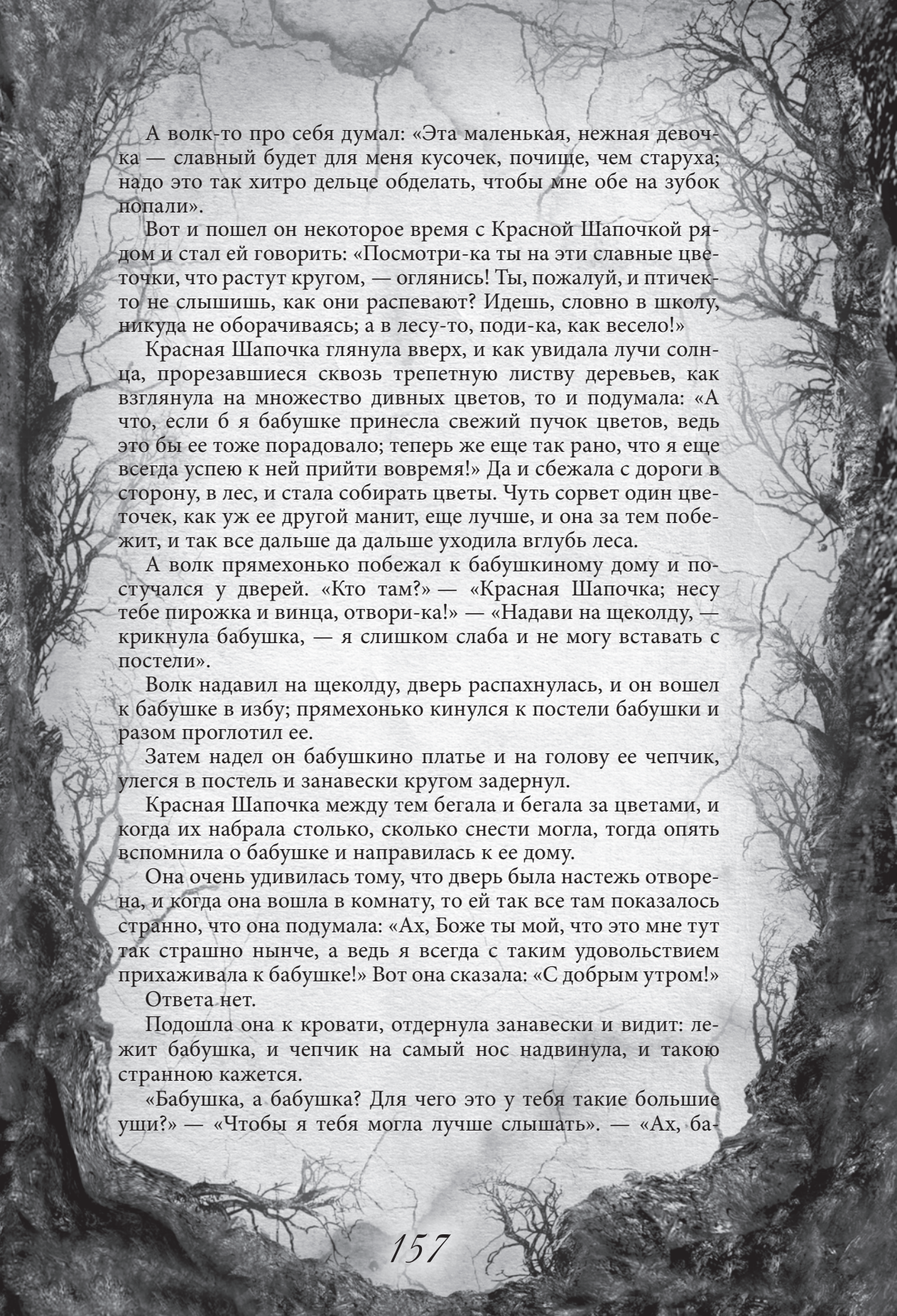

Красная шапочка

Ух, какая это была маленькая, славная девчурочка! Всем-то она была мила, кто только видел ее; ну а уж всех-то милее и всех дороже была она бабушке, которая уж и не знала, что бы ей подарить, своей любимой внученьке.

Подарила она однажды ей шапочку из красного бархата, и так как ей эта шапочка была очень к лицу и она ничего другого носить не хотела, то и стали ее звать Красной Шапочкой. Вот однажды ее мать и сказала ей: «Ну, Красная Шапочка, вот возьми этот кусок пирога и бутылку вина, снеси бабушке; она и больна, и слаба, и это ей будет на пользу. Выходи из дома до наступления жары, и когда выйдешь, то ступай умненько и в сторону от дороги не забегай, не то еще, пожалуй, упадешь и бутылку расшибешь, и бабушке тогда ничего не достанется. И когда к бабушке придешь, то не забудь с ней поздороваться, а не то чтобы сначала во все уголки заглянуть, а потом уж к бабушке подойти». — «Уж я все справлю, как следует», — сказала Красная Шапочка матери и заверила ее в том своим словом.

А бабушка-то жила в самом лесу, на полчаса ходьбы от деревни. И чуть только Красная Шапочка вступила в лес, повстречалась она с волком. Девочка, однако же, не знала, что это был за лютый зверь, и ничуть его не испугалась. «Здравствуй, Красная Шапочка», — сказал он. «Спасибо тебе на добром слове, волк». — «Куда это ты так рано выбралась, Красная Шапочка?» — «К бабушке». — «А что ты там несешь под фартучком?» — «Кусок пирога да вино. Вчера у нас матушка пироги пекла, так вот посылает больной и слабой бабушке, чтобы ей угодить и силы ее подкрепить». — «Красная Шапочка, да где же живет твоя бабушка?» — «А вот еще на добрую четверть часа пути дальше в лесу, под тремя старыми дубами; там и стоит ее дом, кругом его еще изгородь из орешника. Небось, теперь будешь знать?» — сказала Красная Шапочка.

А волк-то про себя думал: «Эта маленькая, нежная девочка — славный будет для меня кусочек, почище, чем старуха; надо это так хитро дельце обделать, чтобы мне обе на зубок попали».

Вот и пошел он некоторое время с Красной Шапочкой рядом и стал ей говорить: «Посмотри-ка ты на эти славные цветочки, что растут кругом, — оглянись! Ты, пожалуй, и птичек-то не слышишь, как они распевают? Идешь, словно в школу, никуда не оборачиваясь; а в лесу-то, поди-ка, как весело!»

Красная Шапочка глянула вверх, и как увидала лучи солнца, прорезавшиеся сквозь трепетную листву деревьев, как взглянула на множество дивных цветов, то и подумала: «А что, если б я бабушке принесла свежий пучок цветов, ведь это бы ее тоже порадовало; теперь же еще так рано, что я еще всегда успею к ней прийти вовремя!» Да и сбежала с дороги в сторону, в лес, и стала собирать цветы. Чуть сорвет один цветочек, как уж ее другой манит, еще лучше, и она за тем побежит, и так все дальше да дальше уходила вглубь леса.

А волк прямехонько побежал к бабушкиному дому и постучался у дверей. «Кто там?» — «Красная Шапочка; несу тебе пирожка и винца, отвори-ка!» — «Надави на щеколду, — крикнула бабушка, — я слишком слаба и не могу встать с постели».

Волк надавил на щеколду, дверь распахнулась, и он вошел к бабушке в избу; прямехонько кинулся к постели бабушки и разом проглотил ее.

Затем надел он бабушкино платье и на голову ее чепчик, улегся в постель и занавески кругом задернул.

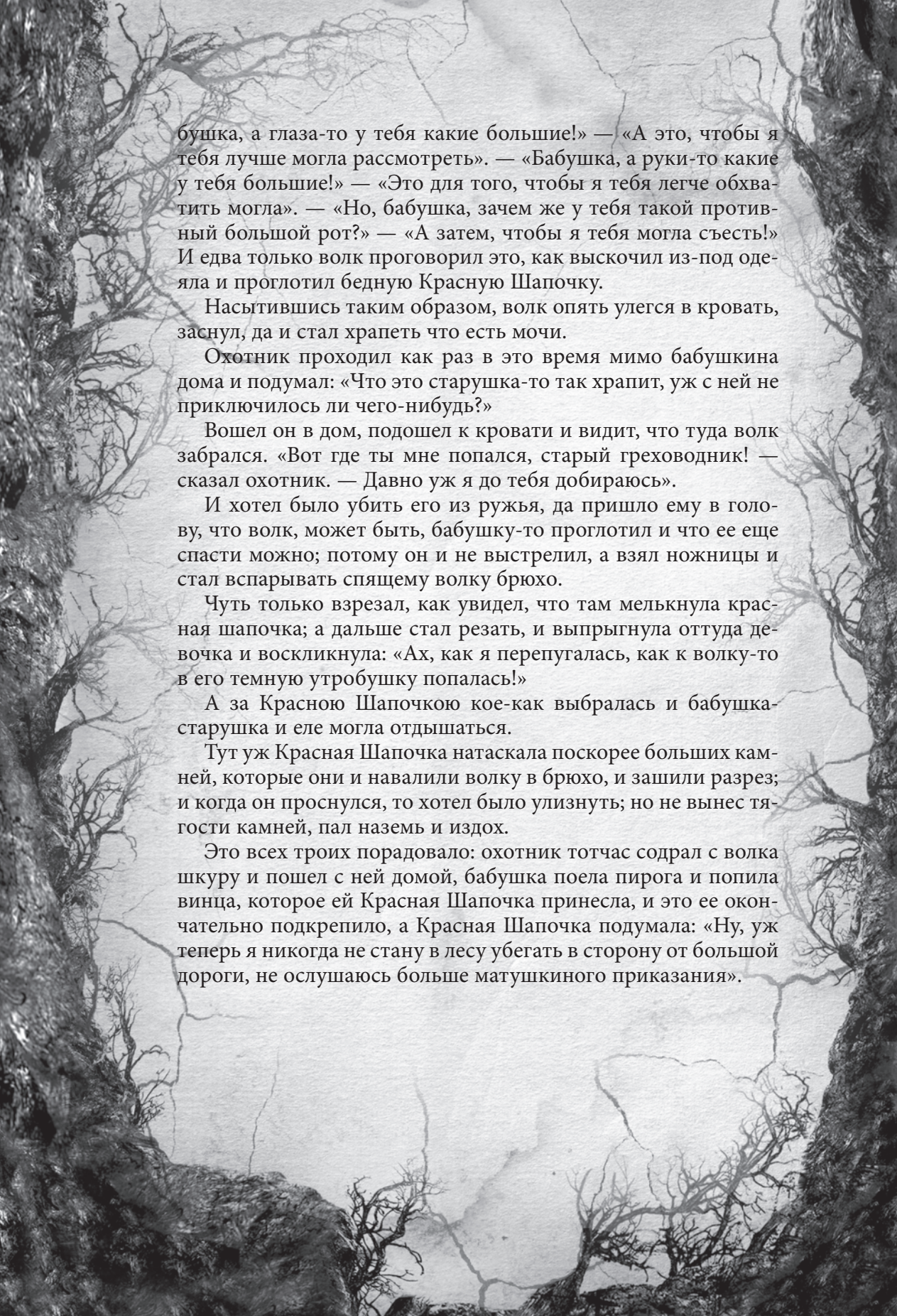
Красная Шапочка между тем бегала и бегала за цветами, и когда их набрала столько, сколько снести могла, тогда опять вспомнила о бабушке и направилась к ее дому.

Она очень удивилась тому, что дверь была настежь открыта, и когда она вошла в комнату, то ей так все там показалось странно, что она подумала: «Ах, Боже ты мой, что это мне тут так страшно нынче, а ведь я всегда с таким удовольствием прихаживала к бабушке!» Вот она сказала: «С добрым утром!»

Ответа нет.

Подошла она к кровати, отдернула занавески и видит: лежит бабушка, и чепчик на самый нос надвинула, и такую странною кажется.

«Бабушка, а бабушка? Для чего это у тебя такие большие уши?» — «Чтобы я тебя могла лучше слышать». — «Ах, ба-

бушка, а глаза-то у тебя какие большие!» — «А это, чтобы я тебя лучше могла рассмотреть». — «Бабушка, а руки-то какие у тебя большие!» — «Это для того, чтобы я тебя легче обхватить могла». — «Но, бабушка, зачем же у тебя такой противный большой рот?» — «А затем, чтобы я тебя могла съесть!» И едва только волк проговорил это, как выскочил из-под одеяла и проглотил бедную Красную Шапочку.

Насытившись таким образом, волк опять улегся в кровать, заснул, да и стал храпеть что есть мочи.

Охотник проходил как раз в это время мимо бабушкина дома и подумал: «Что это старушка-то так храпит, уж с ней не приключилось ли чего-нибудь?»

Вошел он в дом, подошел к кровати и видит, что туда волк забрался. «Вот где ты мне попался, старый греховодник! — сказал охотник. — Давно уж я до тебя добираюсь».

И хотел было убить его из ружья, да пришло ему в голову, что волк, может быть, бабушку-то проглотил и что ее еще спасти можно; потому он и не выстрелил, а взял ножницы и стал вспарывать спящему волку брюхо.

Чуть только взрезал, как увидел, что там мелькнула красная шапочка; а дальше стал резать, и выпрыгнула оттуда девочка и воскликнула: «Ах, как я перепугалась, как к волку-то в его темную утробушку попалась!»

А за Красною Шапочкою кое-как выбралась и бабушка-старушка и еле могла отдышаться.

Тут уж Красная Шапочка натаскала поскорее больших камней, которые они и навалили волку в брюхо, и зашили разрез; и когда он проснулся, то хотел было улизнуть; но не вынес тяжести камней, пал наземь и издох.

Это всех троих порадовало: охотник тотчас содрал с волка шкуру и пошел с ней домой, бабушка поела пирога и попила винца, которое ей Красная Шапочка принесла, и это ее окончательно подкрепило, а Красная Шапочка подумала: «Ну, уж теперь я никогда не стану в лесу убегать в сторону от большой дороги, не послушаюсь больше матушкиного приказания».

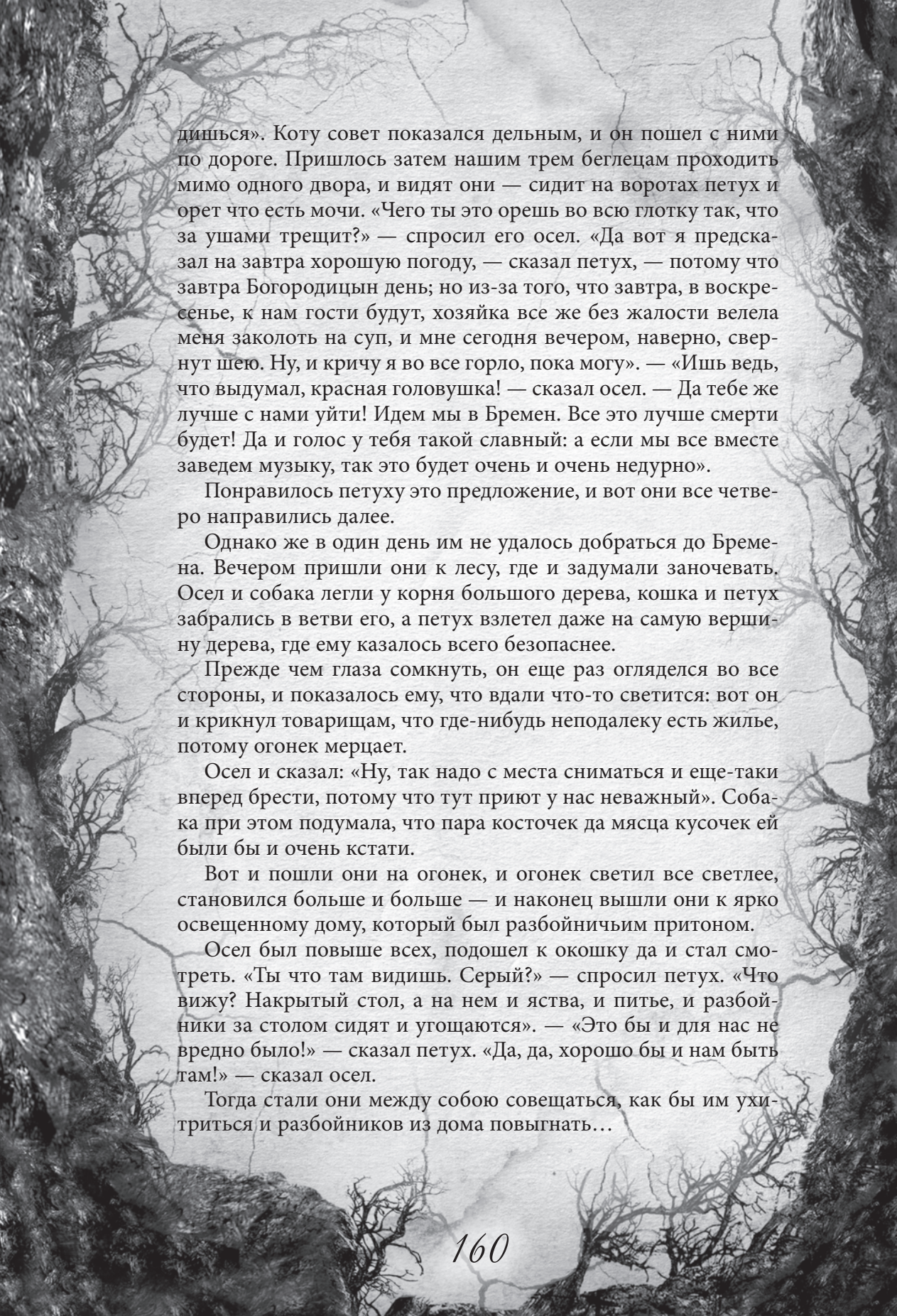

Бременские уличные музыканты

У одного хозяина был осел, который уж много лет сряду таскал да таскал кули на мельницу, да наконец-таки обессилел и начал становиться к работе непригодным. Хозяин стал соображать, как бы его с корму долой сбыть; но осел вовремя заметил, что дело не к добру клонится, убежал от хозяина и направился по дороге в Бремен: там, мол, буду я городским музыкантом.

Прошел он сколько-то по дороге и наткнулся на легавую собаку, которая лежала на дороге и тяжело дышала: видно было, что бежала издалека. «Ну, что ты так запыхалась, Хватайка?» — спросил осел. «Ах, постарела ведь я да ослабла и к охоте негодна становлюсь, — отвечала собака, — так хозяин-то мой убить меня собирался! Ну, я и удрала из дому! Да вот только не знаю, чем мне будет теперь хлеб заработать?» — «А знаешь ли, что я придумал? — сказал осел. — Иду в Бремен и собираюсь там быть уличным музыкантом. Пойдем вместе, поступай тоже в музыканты. Я стану на лютне играть, а ты в медные тарелки бить». Собака согласилась с удовольствием, и пошли они далее.

Немного прошли, повстречали на дороге кота; сидит хмурый такой, пасмурный. «Ну, тебе что не по нутру пришлось, Усатый?» — спросил осел. «Небось, не очень развеселишься, когда до твоей шкуры добираться станут! — отвечал кот. — Из-за того, что я стар становлюсь и зубы у меня притупились и что я охотнее сижу за печкой да мурлычу, чем мышей ловлю, хозяйка-то моя вздумала меня утопить. Я, конечно, от нее-таки улизнул и вот теперь и не знаю: куда голову приклонить?» — «Пойдем с нами в Бремен. Ведь ты ночью вон какую музыку разводишь — значит, и в уличные музыканты приго-

дишься». Коту совет показался дельным, и он пошел с ними по дороге. Пришлось затем нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, и видят они — сидит на воротах петух и орет что есть мочи. «Чего ты это орешь во всю глотку так, что за ушами трещит?» — спросил его осел. «Да вот я предсказал на завтра хорошую погоду, — сказал петух, — потому что завтра Богородицын день; но из-за того, что завтра, в воскресенье, к нам гости будут, хозяйка все же без жалости велела меня заколоть на суп, и мне сегодня вечером, наверно, свернут шею. Ну, и кричу я во все горло, пока могу». — «Ишь ведь, что выдумал, красная головушка! — сказал осел. — Да тебе же лучше с нами уйти! Идем мы в Бремен. Все это лучше смерти будет! Да и голос у тебя такой славный: а если мы все вместе заведем музыку, так это будет очень и очень недурно».

Понравилось петуху это предложение, и вот они все четверо направились далее.

Однако же в один день им не удалось добраться до Бремена. Вечером пришли они к лесу, где и задумали заночевать. Осел и собака легли у корня большого дерева, кошка и петух забрались в ветви его, а петух взлетел даже на самую вершину дерева, где ему казалось всего безопаснее.

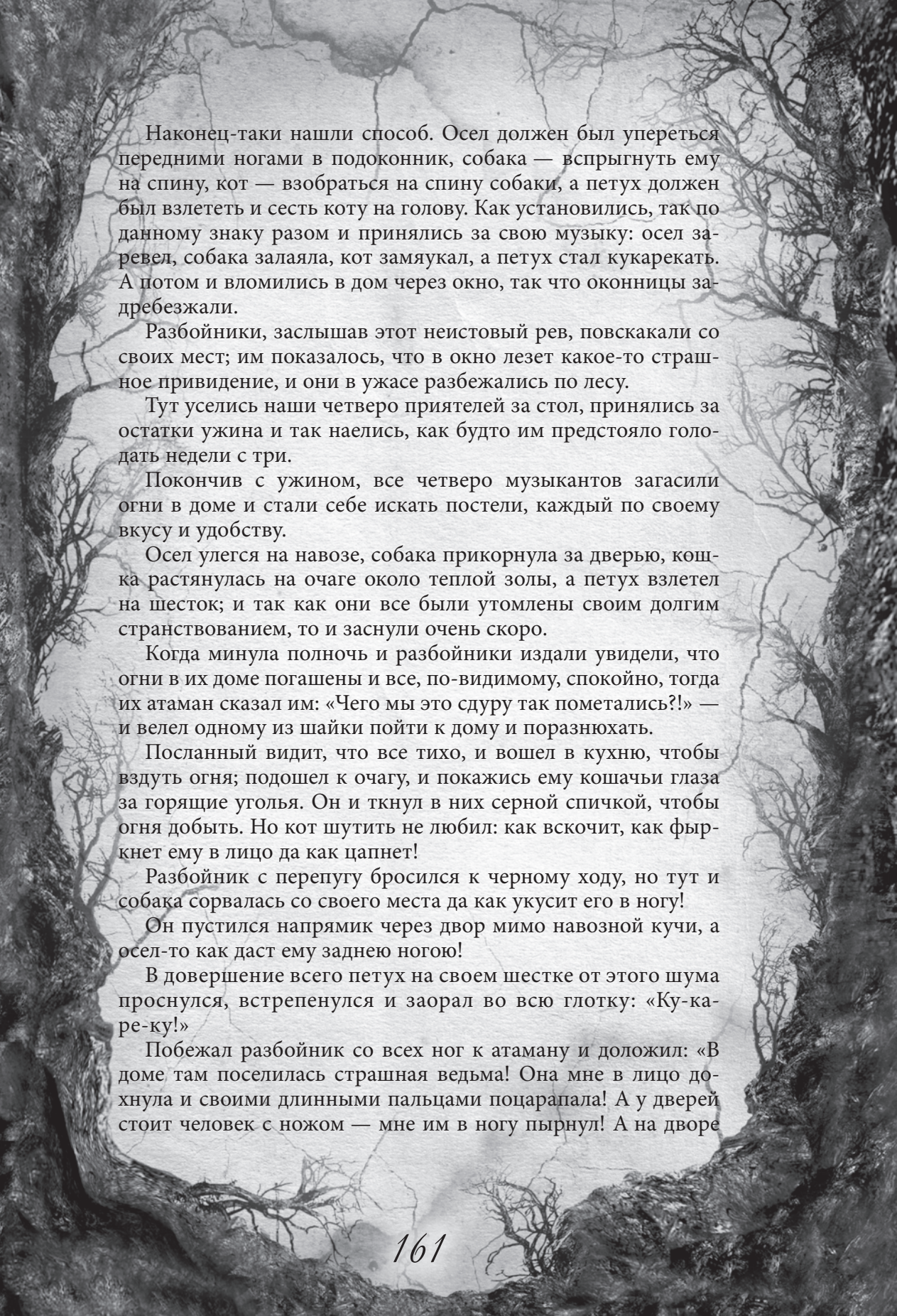
Прежде чем глаза сомкнуть, он еще раз огляделся во все стороны, и показалось ему, что вдали что-то светится: вот он и крикнул товарищам, что где-нибудь неподалеку есть жилье, потому огонек мерцает.

Осел и сказал: «Ну, так надо с места сниматься и еще-таки вперед брести, потому что тут приют у нас неважный». Собака при этом подумала, что пара косточек да мясца кусочек ей были бы и очень кстати.

Вот и пошли они на огонек, и огонек светил все светлее, становился больше и больше — и наконец вышли они к ярко освещенному дому, который был разбойничьим притоном.

Осел был повыше всех, подошел к окошку да и стал смотреть. «Ты что там видишь. Серый?» — спросил петух. «Что вижу? Накрытый стол, а на нем и яства, и питье, и разбойники за столом сидят и угощаются». — «Это бы и для нас не вредно было!» — сказал петух. «Да, да, хорошо бы и нам быть там!» — сказал осел.

Тогда стали они между собою совещаться, как бы им ухитриться и разбойников из дома повыгнать...

Наконец-таки нашли способ. Осел должен был упереться передними ногами в подоконник, собака — вспрыгнуть ему на спину, кот — взобраться на спину собаки, а петух должен был взлететь и сесть коту на голову. Как установились, так по данному знаку разом и принялись за свою музыку: осел заревел, собака залаяла, кот замяукал, а петух стал кукарекать. А потом и вломились в дом через окно, так что оконницы задребезжали.

Разбойники, заслышав этот неистовый рев, повскакали со своих мест; им показалось, что в окно лезет какое-то страшное привидение, и они в ужасе разбежались по лесу.

Тут уселись наши четверо приятелей за стол, принялись за остатки ужина и так наелись, как будто им предстояло голодать недели с три.

Покончив с ужином, все четверо музыкантов загасили огни в доме и стали себе искать постели, каждый по своему вкусу и удобству.

Осел улегся на навозе, собака прикорнула за дверью, кошка растянулась на очаге около теплой золы, а петух взлетел на шесток; и так как они все были утомлены своим долгим странствованием, то и заснули очень скоро.

Когда минула полночь и разбойники издали увидели, что огни в их доме погашены и все, по-видимому, спокойно, тогда их атаман сказал им: «Чего мы это сдуру так пометались?!» — и велел одному из шайки пойти к дому и поразнюхать.

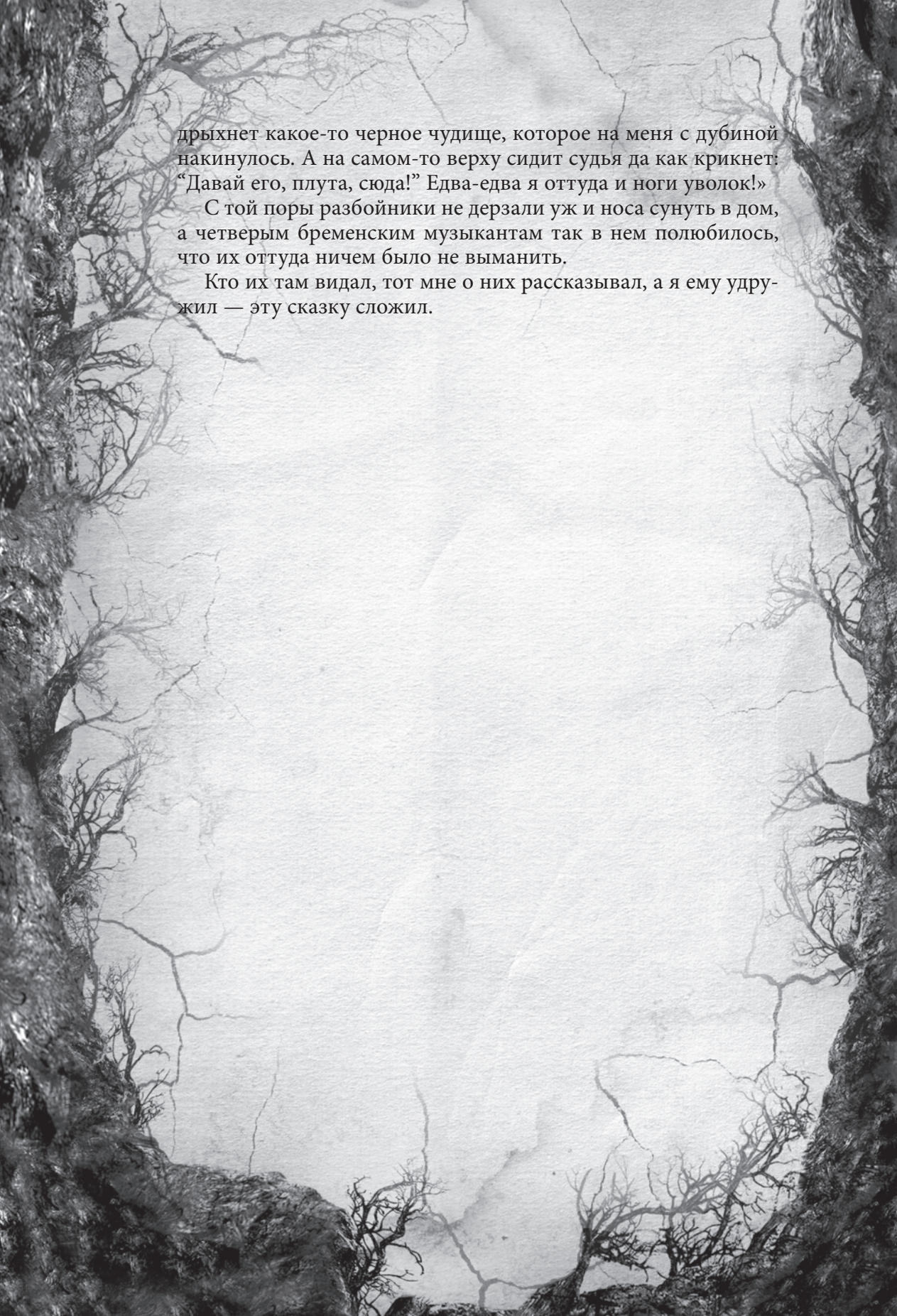
Посланный видит, что все тихо, и вошел в кухню, чтобы вздуть огня; подошел к очагу, и показись ему кошачьи глаза за горящие уголья. Он и ткнул в них серной спичкой, чтобы огня добыть. Но кот шутить не любил: как вскочит, как фыркнет ему в лицо да как цапнет!

Разбойник с перепугу бросился к черному ходу, но тут и собака сорвалась со своего места да как укусит его в ногу!

Он пустился напрямик через двор мимо навозной кучи, а осел-то как даст ему заднею ногою!

В довершение всего петух на своем шестке от этого шума проснулся, встрепнулся и заорал во всю глотку: «Ку-каре-ку!»

Побежал разбойник со всех ног к атаману и доложил: «В доме там поселилась страшная ведьма! Она мне в лицодохнула и своими длинными пальцами поцарапала! А у дверей стоит человек с ножом — мне им в ногу пырнул! А на дворе

дрыхнет какое-то черное чудище, которое на меня с дубиной
накинулось. А на самом-то верху сидит судья да как крикнет:
“Давай его, плута, сюда!” Едва-едва я оттуда и ноги уволок!»

С той поры разбойники не дерзали уж и носа сунуть в дом,
а четверым бременским музыкантам так в нем полюбилось,
что их оттуда ничем было не выманить.

Кто их там видал, тот мне о них рассказывал, а я ему удру-
жил — эту сказку сложил.

«Бременские уличные музыканты».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Осел должен был упереться передними ногами в подоконник, собака прыгнуть ему на спину, кошка взобраться на спину собаки, а петух должен был взлететь и сесть кошке на голову.

Как установились, так по данному знаку разом и принялись за свою музыку: осел заревел, собака залаяла, кот замыкал, а петух стал кукарекать...»

Поющая косточка

В одной стране стряслась большая беда: появился в ней кабан, который взрывал поля у поселян, скот побивал и встречным людям живот своими клыками вспарывал. Король той страны обещал большую награду тому, кто избавит его королевство от этого бедствия: однако же зверь был настолько велик и силен, что никто не решился даже подойти к лесу, в котором он рыскал.

Наконец, король объявил, что если кто-нибудь этого кабана изловит или убьет, то он за такого удальца выдаст замуж свою единственную дочку.

Вот и вызвались на это смелое дело два брата — дети бедняка, жившего в той стране. Старший из них был хитер и себе на уме и пошел на это из тщеславия, а младший, человек простой и недалекий, решился на него по доброте сердечной.

Король сказал братьям: «Чтобы вам было легче разыскать зверя, ступайте в лес с двух противоположных сторон».

Вот и вошли они в лес — старший с полуночи, а младший с полудня. И после того как младший прошел уже некоторое пространство по лесу, к нему вдруг подошел человек, а в руке у него было черное копьё. Человек сказал: «Это копьё я даю тебе, потому что у тебя сердце простое и доброе; с этим копьём смело выступай против кабана — от него тебе зла не приключится».

Поблагодарил молодец человека, взял копьё на плечо и бесстрашно пошел вперед.

Немного прошло времени, как он уж увидел зверя, который на него и устремился, но молодец выставил свое копьё вперед, и кабан в слепой ярости так сильно наскочил на это копьё, что оно ему вонзилось в самое сердце.

Тогда молодец взвалил убитое чудовище себе на плечи, повернул к выходу из леса и собирался отнести свою добычу прямо во дворец к королю.

Придя к окраине леса, он увидел там дом, в котором люди веселились: пили вино и плясали.

И старший брат его зашел туда же, думая, что кабан-то от него не уйдет, а вот он сначала выпьет для храбрости!

Когда же он увидел младшего брата, который выходил из леса, нагруженный своею добычею, то его завистливое и злое сердце стало его мутить.

Он крикнул брату: «Заверни-ка сюда, милый братец, отдохни да подкрепиись кубком вина».

Младший брат, ничего дурного не подозревая, зашел и рассказал брату о добром человеке, который дал ему копьёцо в руки — кабану на погибель.

Старший брат задержал его до вечера, и вышли они вместе. Когда же они, уже в потемках, пришли к мосточку, перекинутому через ручей, старший пустил младшего брата вперед и, чуть только дошли до середины мосточка, нанес ему такой удар, что юноша сразу же пал мертвый.

Убийца похоронил своего брата под мостом, затем взял кабана и принес его к королю, которому заявил, что он сам убил этого зверя; после того король выдал за него замуж свою единственную дочь. А так как младший брат не возвращался, то старший сказал: «Верно, кабан вспорол ему живот клыками». И все ему поверили.

Но от Бога ничто не остается скрытым, а потому и это темное дело должно было также всплыть наружу.

Много лет спустя случилось однажды, что какой-то пастух гнал свои стада через этот мосток и увидел: под мостком в песке лежит беленькая косточка.

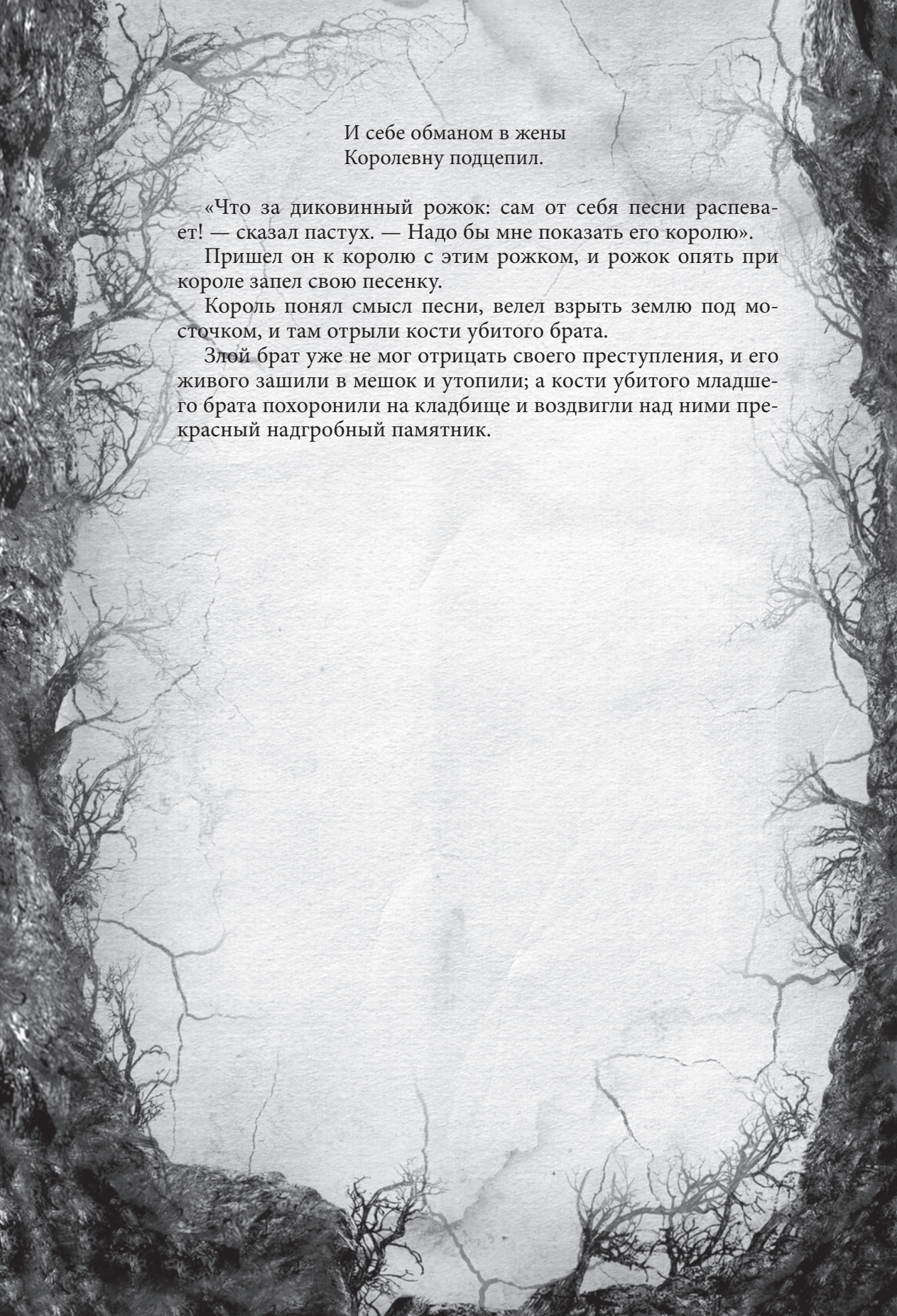
Он и подумал, что из этой косточки мог бы выйти отличный наконечник для дудки.

Сошел под мосток, поднял косточку и вырезал из нее наконечник для своего рожка.

И чуть только он в первый раз приложил тот рожок к губам, косточка, к великому изумлению пастуха, сама от себя запела.

Вот что он услышал:

Ах, мой милый пастушок!
Ты послушай-ка, дружок:
Меня брат мой здесь убил,
Под мосточком схоронил.

И себе обманом в жены
Королевну подцепил.

«Что за диковинный рожок: сам от себя песни распевает! — сказал пастух. — Надо бы мне показать его королю».

Пришел он к королю с этим рожком, и рожок опять при короле запел свою песенку.

Король понял смысл песни, велел взрыть землю под мосточком, и там отрыли кости убитого брата.

Злой брат уже не мог отрицать своего преступления, и его живого зашили в мешок и утопили; а кости убитого младшего брата похоронили на кладбище и воздвигли над ними прекрасный надгробный памятник.

Церт с тремя золотыми волосками

Одна бедная женщина родила сыночка, и так как он родился в рубашке, то и было ему предсказано, что он уже на четырнадцатом году получит королевскую дочку в жены.

Случилось так, что вскоре после этого сам король прибыл в ту же деревню, и никто не знал, что он король.

Стал он у людей расспрашивать, что новенького, и ему рассказали: «Родился на этих днях ребенок в рубашке; а уж кто так-то родится, тому во всем удача! Вот ему уж и вперед предсказано, что на четырнадцатом году король ему свою дочь отдаст в жены».

Король, человек недобрый, на это предсказание прогневался, пошел к родителям ребенка, прикинулся ласковым и сказал: «Бедняки вы горемычные, отдайте мне вашего ребенка, я уж о нем позабочусь».

Сначала-то родители отказывались, но так как чужак предлагал им за ребенка чистое золото, да притом же они еще подумали: «Это ведь счастливчик родился, у него и так во всем удача будет», — то под конец согласились и отдали ему ребенка.

Король сунул ребенка в ящик и поехал с ним путем-дорогою, пока не приехал к омуту; туда и бросил он этот ящик и подумал: «Вот я и избавил дочку от непрошеного жениха».

А ящик-то не потонул и стал корабликом плавать по поверхности воды — и внутрь его не прошло ни капельки.

Поплыл он по воде и приплыл в окрестности королевской столицы, к мельнице; у мельницы на плотине он и застоялся.

Работник с той мельницы, который, по счастью, стоял на плотине и тот ящик заметил, подтянул его багром к берегу и

думал в нем найти большие сокровища, а вместо того, вскрыв ящик, увидел в нем славного мальчугана, крепенького и здорового.

Он принес его к мельнику с мельничихой, а так как у них детей не было, они очень этому мальчугану обрадовались и сказали: «Бог нам его послал!» И затем воспитали маленького найденыша, и он стал у них расти во всякой добродетели.

Случилось, что однажды во время грозы завернул на их мельницу король и спросил у мельника с мельничихой, не сын ли их этот взрослый паренек. «Нет, — отвечали они, — это найденыш; лет четырнадцать тому назад его в ящике к нашей плотине принесло, а наш работник его из воды вытащил».

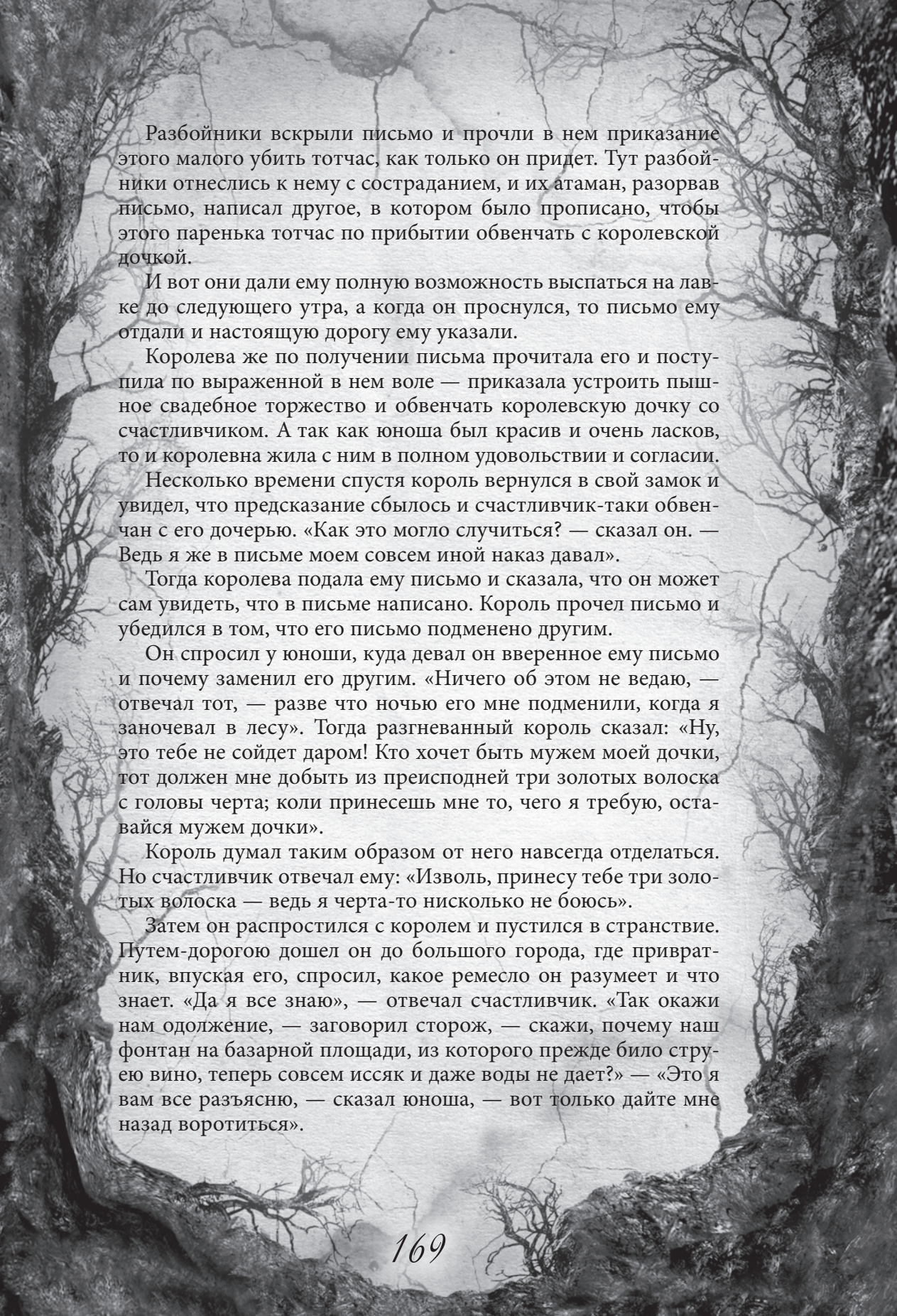
Тут король увидел, что это не кто иной, как тот же счастливчик, которого он в воду швырнул, и сказал: «А что, милые, не снесет ли ваш паренек от меня письмецо к королеве — я бы ему два золотых за это дал?» — «Отчего же, коли твоей милости угодно», — ответили добрые люди и приказали пареньку изготовиться.

Тогда король написал королеве письмо, в котором было написано: «Как только малый принесет к тебе это мое письмо, приказываю его немедленно убить и схоронить, и все это чтобы было выполнено до моего возвращения домой».

Пошел парень с этим письмом, да заплутал, и проплутал до вечера, и попал в большой лес. В темноте увидел он небольшой огонек, пошел на него и прибыл к избушке.

Когда он вошел в избушку, там сидела старушка у огня одна-одинешенька. Она испугалась, увидевши паренька, и спросила его: «Откуда идешь и куда путь держишь?» — «Иду с мельницы, — отвечал он; — а путь держу к королеве — письмо ей передать должен; да вот заблудился в лесу, так нельзя ли мне здесь переночевать?» — «Ах ты, бедняга! — сказала ему старушка. — Ведь ты зашел в разбойничий притон, и когда разбойники вернутся, они тебя убьют». — «А кто бы ни пришел, — сказал юноша, — я не боюсь; да и притом я так притомился, что все равно не могу идти дальше». Вытянулся на лавке, да и заснул.

Вскоре после того пришли разбойники и спросили гневно, что это за чужой мальчуган тут разлегся. «Ах, — сказала старушка, — это невинное дитя — в лесу, вишь, заблудился, и я его впустила сюда из сострадания: а послан он с письмом к королеве».

Разбойники вскрыли письмо и прочли в нем приказание этого малого убить тотчас, как только он придет. Тут разбойники отнеслись к нему с состраданием, и их атаман, разорвав письмо, написал другое, в котором было прописано, чтобы этого паренька тотчас по прибытии обвенчать с королевской дочкой.

И вот они дали ему полную возможность выспаться на лавке до следующего утра, а когда он проснулся, то письмо ему отдали и настоящую дорогу ему указали.

Королева же по получении письма прочитала его и поступила по выраженной в нем воле — приказала устроить пышное свадебное торжество и обвенчать королевскую дочку со счастливым. А так как юноша был красив и очень ласков, то и королевна жила с ним в полном удовольствии и согласии.

Несколько времени спустя король вернулся в свой замок и увидел, что предсказание сбылось и счастливчик-таки обвенчан с его дочерью. «Как это могло случиться? — сказал он. — Ведь я же в письме моем совсем иной наказ давал».

Тогда королева подала ему письмо и сказала, что он может сам увидеть, что в письме написано. Король прочел письмо и убедился в том, что его письмо подменено другим.

Он спросил у юноши, куда девал он вверенное ему письмо и почему заменил его другим. «Ничего об этом не ведаю, — отвечал тот, — разве что ночью его мне подменили, когда я заночевал в лесу». Тогда разгневанный король сказал: «Ну, это тебе не сойдет даром! Кто хочет быть мужем моей дочки, тот должен мне добыть из преисподней три золотых волоска с головы черта; коли принесешь мне то, чего я требую, оставься мужем дочки».

Король думал таким образом от него навсегда отделаться. Но счастливчик отвечал ему: «Изволь, принесу тебе три золотых волоска — ведь я черта-то нисколько не боюсь».

Затем он распростился с королем и пустился в странствие. Путем-дорогою дошел он до большого города, где привратник, впуская его, спросил, какое ремесло он разумеет и что знает. «Да я все знаю», — отвечал счастливчик. «Так окажи нам одолжение, — заговорил сторож, — скажи, почему наш фонтан на базарной площади, из которого прежде било струю вино, теперь совсем иссяк и даже воды не дает?» — «Это я вам все разъясню, — сказал юноша, — вот только дайте мне назад воротиться».

Затем пошел он далее и пришел к другому городу; и тут привратник спросил его, какое он ремесло понимает и что знает. «Да я все знаю», — отвечал юноша. «Так сделай одолжение, объясни ты нам, почему одно дерево в нашем городе, на котором в былое время росли золотые яблоки, теперь даже и листьев на себе не носит?» — «Это я вам все разъясню, — сказал юноша, — подождите только моего возвращения».

И пошел далее, и пришел к большой реке, через которую ему надо было переправиться. Тут перевозчик спросил его, какое ремесло он понимает и что знает. «Да я все знаю», — сказал юноша. «Так сделай одолжение, скажи мне, почему я должен век свой тут взад и вперед переезжать и никак от этого избавиться не могу?» — «Ты это узнаешь, — отвечал юноша, — дай только мне назад вернуться».

Чуть только переправился он через реку, как наткнулся на вход в преисподнюю.

В самой преисподней стены были черны от сажи и копоти; а самого-то черта дома не было, и только его мать сидела на своем просторном кресле. «Чего тебе?» — спросила она у юноши и на вид показалась ему совсем не злой. «Да вот надо бы мне раздобыться тремя золотыми волосками с головы черта, — отвечал юноша, — а не то придется мне с женой расстаться». — «Ну, ты уж очень многого захотел, — сказала она, — ведь если черт вернется да найдет тебя здесь, так тебе несдобровать; но мне тебя жаль, и я посмотрю, не могу ли я тебе чем помочь».

Она оборотила его мурашом и сказала: «Заползи в складки моего платья, там тебе ничего не приключится дурного». — «Это все так, — сказал юноша, — но мне этого мало; мне бы надо было еще вот что узнать: почему фонтан, который прежде вином бил, теперь иссяк и даже воды не дает? Почему дерево, на котором в былое время росли золотые яблоки, теперь даже и листьев на себе не носит? И еще: почему один перевозчик должен все ездить взад и вперед от берега к берегу и никак от этого избавиться не может?» — «Мудреные ты задал мне вопросы, — отвечала она, — однако посиди смирненько да тихонько, да прислушайся к тому, что станет отвечать черт, когда я у него буду выдергивать три золотых волоска».

С наступлением вечера и черт вернулся домой. Едва вступил он в преисподнюю, как уж почуял, что воздух в ней не тот. «Чую, чую я здесь человеческое мясо, — сказал он. — Тут что-нибудь не так».

*«...Немного прошло времени,
а уж он и заснул, и захрипел.
Тогда старуха выскочила у него в голове
золотой волосок,
вытвала его и положила в сторонке...»*

«Черт с тремя золотыми волосками».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

И пошел он заглядывать по всем уголкам и закоулкам — и нигде ничего не нашел. А его мать давай его бранить: «Только-только выметено все и в порядок приведено, а ты мне опять все испортишь! Нанюхался там человечьего мяса, так оно тебе везде и чудится. Садись и ешь свой ужин».

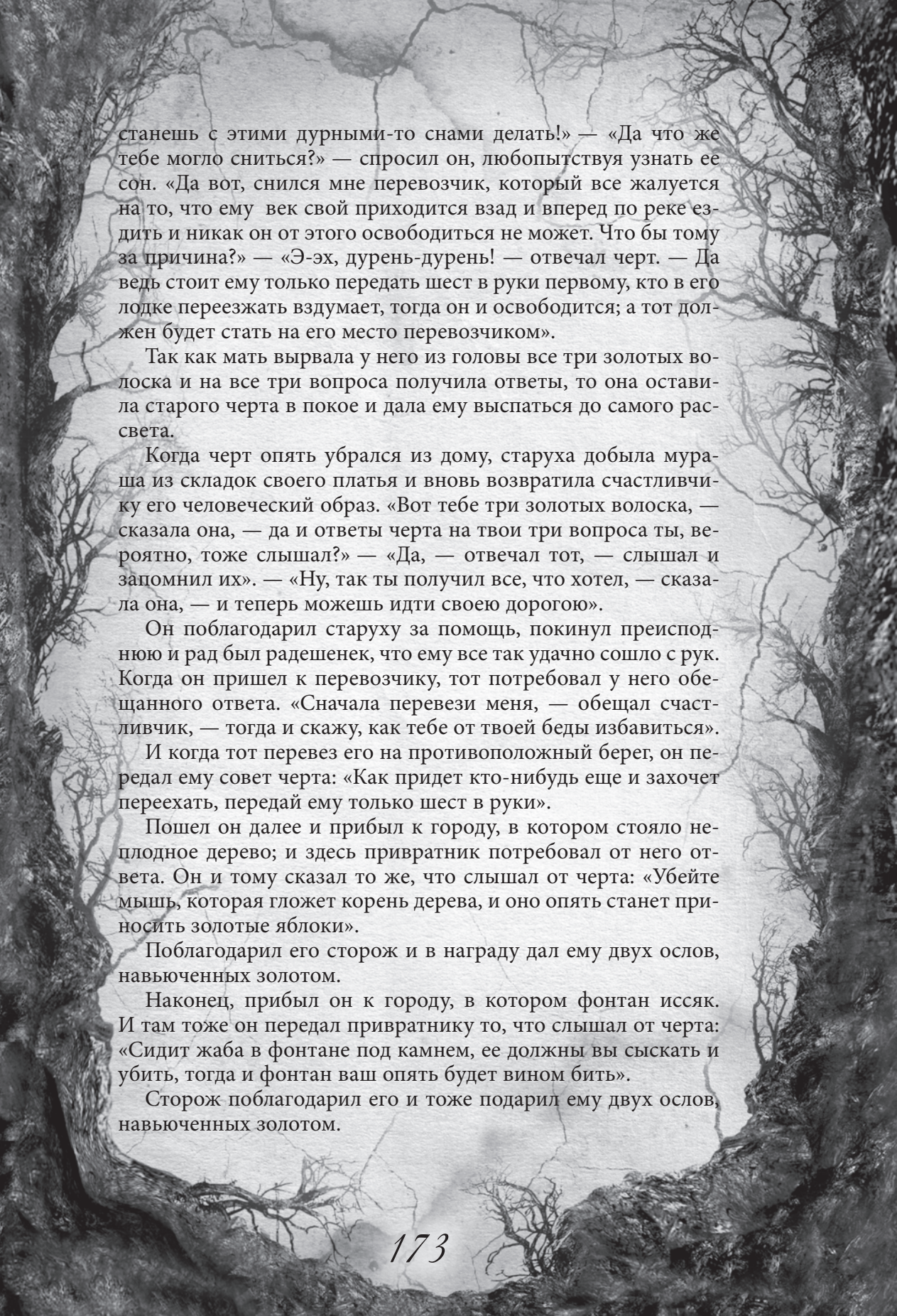
Когда он наелся и напился, то почувствовал утомление, положил матери голову на колени и попросил, чтобы она у него в голове поискала.

Немного прошло времени, а уж он и засопел, и захрапел. Тогда старуха выискала у него в голове золотой волосок, вырвала его и положила в сторонке. «Ай-ай! — крикнул черт. — Что это с тобой?» — «Да вот приснился мне такой нехороший сон, — отвечала ему мать, — что я тебя и ухватила за волосы». — «Что же такое тебе приснилось?» — спросил черт. «Приснилось мне, что фонтан на базарной площади, из которого некогда струей било вино, вдруг так иссяк, что теперь из него и воды не добыть... Что бы этому за причина?» — «Эх, кабы они только знали! — отвечал черт. — В том фонтане сидит под одним камнем жаба; и если они ту жабу убьют, так вино-то опять из него струей бить станет».

Стала опять у него мать в голове перебирать, и перебирала, пока он совсем не заснул и не захрапел так, что окна дрожали. Тогда вырвала она у него второй золотой волосок. «У-у! что это ты делаешь?» — гневно крикнул черт. «Не посетуй на меня! — отозвалась мать. — Ведь это я во сне». — «Да что тебе там опять приснилось?» — «А вот приснилось, что в некотором царстве стоит дерево, и на том дереве прежде, бывало, золотые яблоки росли, а теперь и листьев нет. Что бы этому могло быть причиной?» — «Э-э, кабы они знали да ведали! — отвечал черт. — У того дерева корень гложет мышь; стоит только ту мышь убить, и на дереве опять будут расти золотые яблоки; а если ей еще дадут глотать тот корень, так дерево и совсем засохнет. Но только ты, пожалуйста, не тревожь меня больше своими снами; а если потревожишь, я тогда с тобой по-свойски расправлюсь!»

Матери удалось его опять успокоить, и она снова стала перебирать у него в волосах, пока он не заснул и не стал храпеть. Тогда она ухватила и третий золотой волосок и вырвала его.

Черт вскочил, закричал во всю глотку и хотел с нею круто обойтись, но она еще раз его умаслила и сказала: «Что ты

станешь с этими дурными-то снами делать!» — «Да что же тебе могло сниться?» — спросил он, любопытствуя узнать ее сон. «Да вот, снился мне перевозчик, который все жалуется на то, что ему век свой приходится взад и вперед по реке ездить и никак он от этого освободиться не может. Что бы тому за причина?» — «Э-эх, дурень-дурень! — отвечал черт. — Да ведь стоит ему только передать шест в руки первому, кто в его лодке переезжать вздумает, тогда он и освободится; а тот должен будет стать на его место перевозчиком».

Так как мать вырвала у него из головы все три золотых волоска и на все три вопроса получила ответы, то она оставила старого черта в покое и дала ему выспаться до самого расвета.

Когда черт опять убрался из дому, старуха добыла мураша из складок своего платья и вновь возвратила счастливику его человеческий образ. «Вот тебе три золотых волоска, — сказала она, — да и ответы черта на твои три вопроса ты, вероятно, тоже слышал?» — «Да, — отвечал тот, — слышал и запомнил их». — «Ну, так ты получил все, что хотел, — сказала она, — и теперь можешь идти своею дорогою».

Он поблагодарил старуху за помощь, покинул преисподнюю и рад был радешенек, что ему все так удачно сошло с рук. Когда он пришел к перевозчику, тот потребовал у него обещанного ответа. «Сначала перевези меня, — обещал счастливчик, — тогда и скажу, как тебе от твоей беды избавиться».

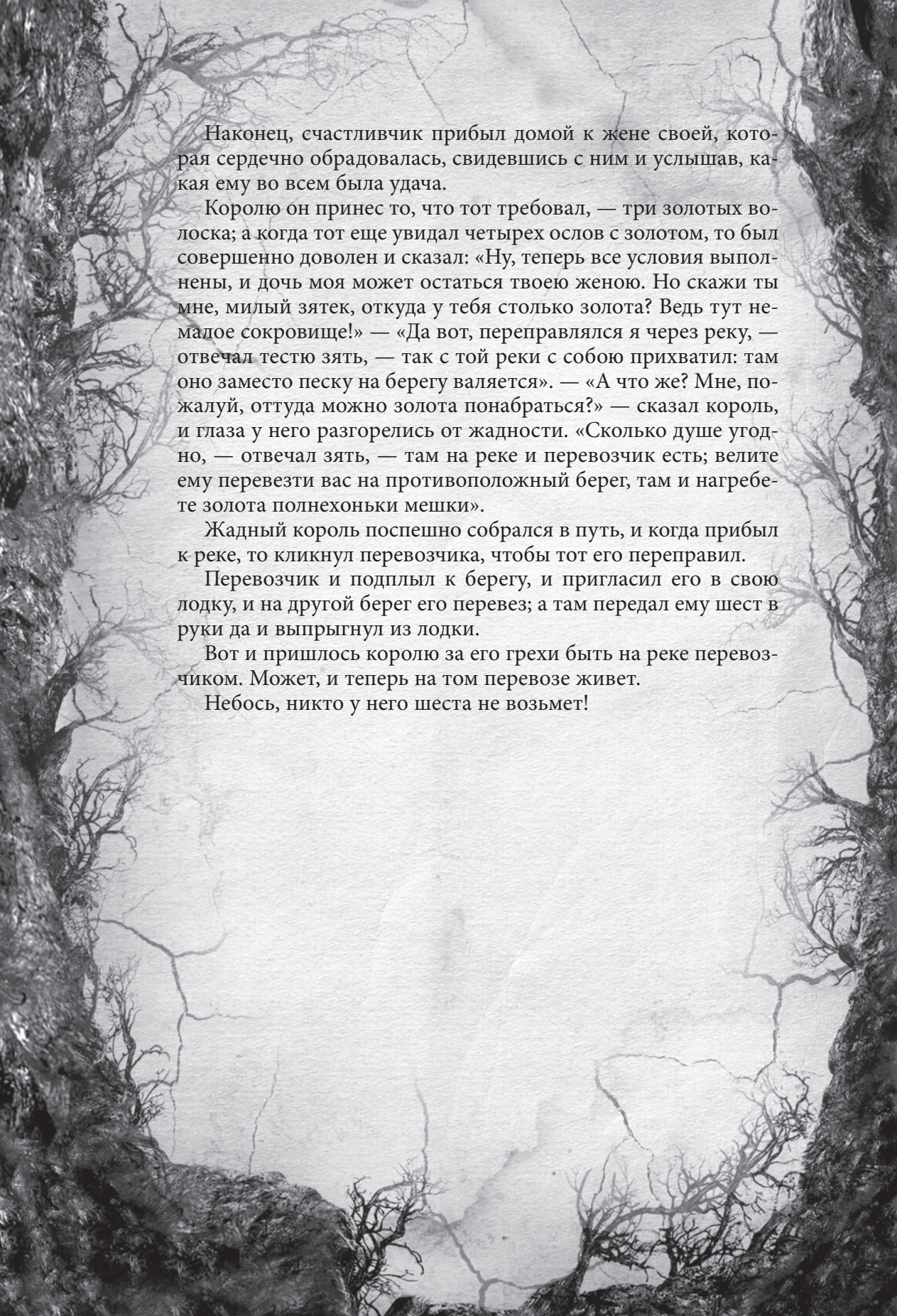
И когда тот перевез его на противоположный берег, он передал ему совет черта: «Как придет кто-нибудь еще и захочет переехать, передай ему только шест в руки».

Пошел он далее и прибыл к городу, в котором стояло неплодное дерево; и здесь привратник потребовал от него ответа. Он и тому сказал то же, что слышал от черта: «Убейте мышь, которая гложет корень дерева, и оно опять станет приносить золотые яблоки».

Поблагодарил его сторож и в награду дал ему двух ослов, навьюченных золотом.

Наконец, прибыл он к городу, в котором фонтан иссяк. И там тоже он передал привратнику то, что слышал от черта: «Сидит жаба в фонтане под камнем, ее должны вы сыскать и убить, тогда и фонтан ваш опять будет вином бить».

Сторож поблагодарил его и тоже подарил ему двух ослов, навьюченных золотом.

Наконец, счастливчик прибыл домой к жене своей, которая сердечно обрадовалась, свидевшись с ним и услышав, какая ему во всем была удача.

Королю он принес то, что тот требовал, — три золотых волоска; а когда тот еще увидел четырех ослов с золотом, то был совершенно доволен и сказал: «Ну, теперь все условия выполнены, и дочь моя может остаться твоею женою. Но скажи ты мне, милый зятек, откуда у тебя столько золота? Ведь тут немалое сокровище!» — «Да вот, переправлялся я через реку, — отвечал тестю зять, — так с той реки с собою прихватил: там оно вместо песка на берегу валяется». — «А что же? Мне, пожалуй, оттуда можно золота понабраться?» — сказал король, и глаза у него разгорелись от жадности. «Сколько душе угодно, — отвечал зять, — там на реке и перевозчик есть; велите ему перевезти вас на противоположный берег, там и нагребете золота полнехоньки мешки».

Жадный король поспешно собрался в путь, и когда прибыл к реке, то кликнул перевозчика, чтобы тот его переправил.

Перевозчик и подплыл к берегу, и пригласил его в свою лодку, и на другой берег его перевез; а там передал ему шест в руки да и выпрыгнул из лодки.

Вот и пришлось королю за его грехи быть на реке перевозчиком. Может, и теперь на том перевозе живет.

Небось, никто у него шеста не возьмет!

Вошка и блошка

Вошка да блошка в одном доме вместе живали и пиво в яичной скорлупке варили. Вошка в ту скорлупку попала и обожглась. А блошка перепугалась да кричать стала. Тут и скажи ей дверка: «Чего ты раскричалась, блошка?» — «Да ведь вошка-то обожглась!»

И стала дверка скрипеть. А метелочка в углу стала ей выговаривать: «Что ты скрипишь, дверочка?» — «А как же мне не скрипеть?

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась...»

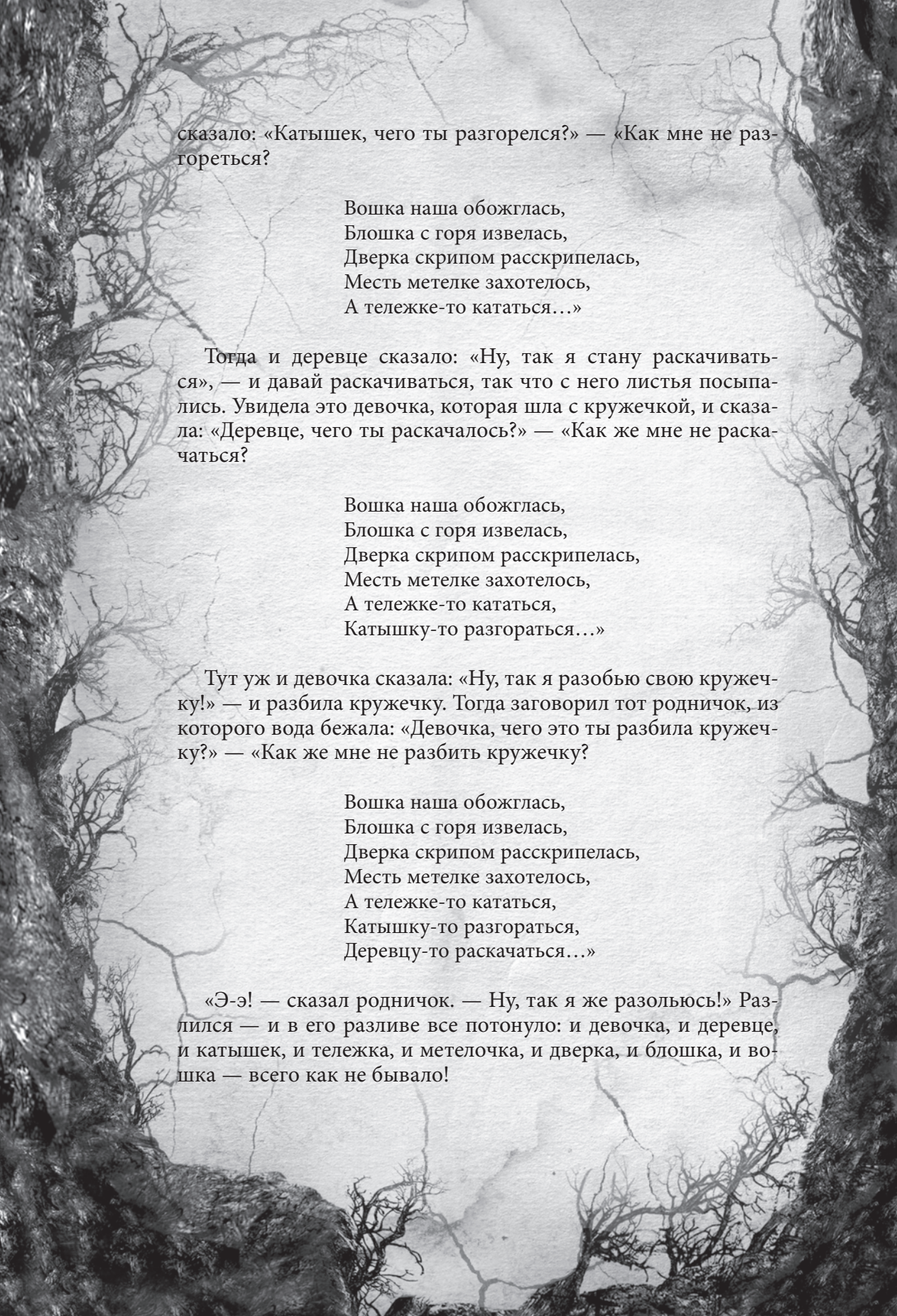
Тогда и метелочка принялась мести что есть мочи. А мимо-то катилась тележка и говорит: «Чего ты так метешь, метелочка?» — «А как же мне не мести?

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась,
Дверка скрипом раскрипелась...»

Тогда сказала тележка: «Ну, так я стану кататься», — и покати-лась что есть мочи. Тогда заговорил катышек навозца, мимо которого тележка катилась: «Чего ты, тележка, катаешь-ся?» — «Как мне не кататься?

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась,
Дверка скрипом раскрипелась,
Месть метелке захотелось...»

Тогда сказал катышек: «Ну, так я же разгорюсь!» — и стал гореть ярким пламенем. А около катышка стояло деревце и

сказало: «Катышек, чего ты разгорелся?» — «Как мне не разгореться?

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась,
Дверка скрипом раскрипелась,
Месть метелке захотелось,
А тележке-то кататься...»

Тогда и деревце сказало: «Ну, так я стану раскачиваться», — и давай раскачиваться, так что с него листья посыпались. Увидела это девочка, которая шла с кружечкой, и сказала: «Деревце, чего ты раскачалось?» — «Как же мне не раскачаться?

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась,
Дверка скрипом раскрипелась,
Месть метелке захотелось,
А тележке-то кататься,
Катышку-то разгораться...»

Тут уж и девочка сказала: «Ну, так я разобью свою кружечку!» — и разбила кружечку. Тогда заговорил тот родничок, из которого вода бежала: «Девочка, чего это ты разбила кружечку?» — «Как же мне не разбить кружечку?

Вошка наша обожглась,
Блошка с горя извелась,
Дверка скрипом раскрипелась,
Месть метелке захотелось,
А тележке-то кататься,
Катышку-то разгораться,
Деревцу-то раскачаться...»

«Э-э! — сказал родничок. — Ну, так я же разольюсь!» Разлился — и в его разливе все потонуло: и девочка, и деревце, и катышек, и тележка, и метелочка, и дверка, и блошка, и вошка — всего как не бывало!

Девушка без рук

дин мельник жил да жил и все беднел и беднел, и осталась у него всего-навсего мельница да позади мельницы большая яблоня. Пошел он однажды в лес за дровами, и вышел ему навстречу старик, которого он никогда еще не видывал, и сказал: «Ну, чего ты там трудишься над рубкою дров? Я тебя богачом сделаю, обещаю тебе только отдать то, что стоит у тебя за мельницей». — «Что бы это могло быть? — подумал мельник. — Не что иное, как моя яблоня».

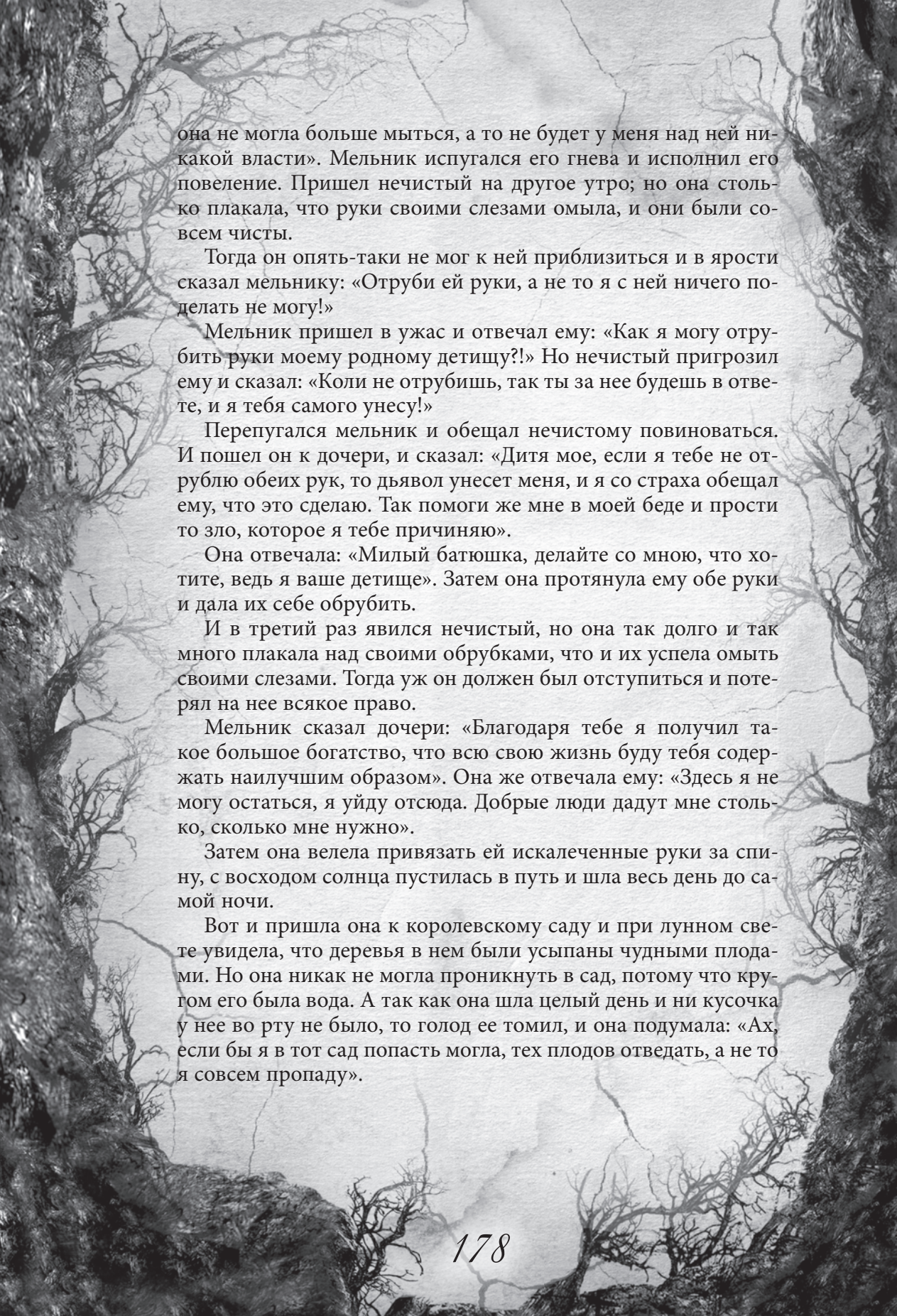
И согласился, и договор подписал с незнакомцем. А тот злобно засмеялся и сказал: «Через три года я приду к тебе и унесу то, что мне принадлежит», — да с тем и ушел.

Когда же мельник пришел домой, жена вышла ему навстречу и сказала: «Скажи-ка мне, хозяйинушка, откуда это взялось у нас в доме нежданное богатство? Все ящички, все шкатулки разом наполнились, а между тем никто ничего сюда не вносил, и я не знаю, как это могло случиться».

Он отвечал ей: «Богатство у нас получилось от одного незнакомца, который мне повстречался в лесу и посулил большие сокровища, а я ему за это передал по уговору то, что у нас позади мельницы стоит: ведь эту большую яблоню мы ему, конечно, можем отдать за его сокровища». — «Ах, муженек, — в испуге ответила мельничиха, — да ведь это, верно, сам дьявол был! И не яблоня у него была на уме, а наша дочка: она в ту пору была за мельницей и подметала двор!»

Мельникова дочка была девушка и собой красивая, и богобоязненная; и все эти три года она прожила без греха и в страхе Божьем. Когда же миновало условное время и наступил тот день, в который нечистому предстояло ее унести, она умылась чистехонько и мелом очертила кругом себя круг.

Бес явился ранешенько, но не мог к ней близко подойти. В гневе он сказал мельнику: «Убери от нее всю воду, чтобы

она не могла больше мыться, а то не будет у меня над ней никакой власти». Мельник испугался его гнева и исполнил его повеление. Пришел нечистый на другое утро; но она столько плакала, что руки своими слезами омыла, и они были совсем чисты.

Тогда он опять-таки не мог к ней приблизиться и в ярости сказал мельнику: «Отруби ей руки, а не то я с ней ничего поделать не могу!»

Мельник пришел в ужас и отвечал ему: «Как я могу отрубить руки моему родному детищу?!» Но нечистый пригрозил ему и сказал: «Коли не отрубишь, так ты за нее будешь в ответе, и я тебя самого унесу!»

Перепугался мельник и обещал нечистому повиноваться. И пошел он к дочери, и сказал: «Дитя мое, если я тебе не отрублю обеих рук, то дьявол унесет меня, и я со страха обещал ему, что это сделаю. Так помоги же мне в моей беде и прости то зло, которое я тебе причиняю».

Она отвечала: «Милый батюшка, делайте со мною, что хотите, ведь я ваше детище». Затем она протянула ему обе руки и дала их себе обрубить.

И в третий раз явился нечистый, но она так долго и так много плакала над своими обрубками, что и их успела омыть своими слезами. Тогда уж он должен был отступить и потерять на нее всякое право.

Мельник сказал дочери: «Благодаря тебе я получил такое большое богатство, что всю свою жизнь буду тебя содержать наилучшим образом». Она же отвечала ему: «Здесь я не могу остаться, я уйду отсюда. Добрые люди дадут мне столько, сколько мне нужно».

Затем она велела привязать ей искалеченные руки за спину, с восходом солнца пустилась в путь и шла весь день до самой ночи.

Вот и пришла она к королевскому саду и при лунном свете увидела, что деревья в нем были усыпаны чудными плодами. Но она никак не могла проникнуть в сад, потому что кругом его была вода. А так как она шла целый день и ни кусочка у нее во рту не было, то голод ее томил, и она подумала: «Ах, если бы я в тот сад попасть могла, тех плодов отведать, а не то я совсем пропаду».

«Девушка без рук».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...И вдруг явился ангел с небес, запер шлюзы и воду,
так что рев вокруг сада обсох, и она могла перейти его посуху.
Вот и направилась она в сад, и ангел пошел за нею следом...»*

И стала она на колени, и обратилась к Господу Богу с молитвою. И вдруг явился ангел с небес, запер шлюзом воду, так что ров вокруг сада обсох и она смогла перейти его посуху.

Вот и направилась она в сад, и ангел пошел за нею следом. Увидала она плодовое дерево и на нем чудные груши; но все они были сочтены.

Подошла она к дереву и съела одну грушу прямо с дерева, не срывая, чтобы утолить свой голод, и ни одной не тронула более.

Садовник это видел, но так как около безручки стоял ангел, то он испугался и подумал, что эта девушка — не человек, а дух какой-нибудь, и промолчал, и не посмел ни заговорить с этим духом, ни закричать. Когда же она съела грушу, то насытилась и укрылась в кустах.

Король, которому сад принадлежал, на другой день сошел в сад, стал считать груши на дереве и одной недосчитался; он спросил садовника, куда она девалась: и под деревом ее не видеть, и на дереве нет.

Садовник ему отвечал: «Прошлою ночью приходил сюда какой-то дух без рук и грушу прямо с дерева съел, не срывая».

Король сказал: «Как же этот дух перешел через воду? И куда он ушел, съевши грушу?»

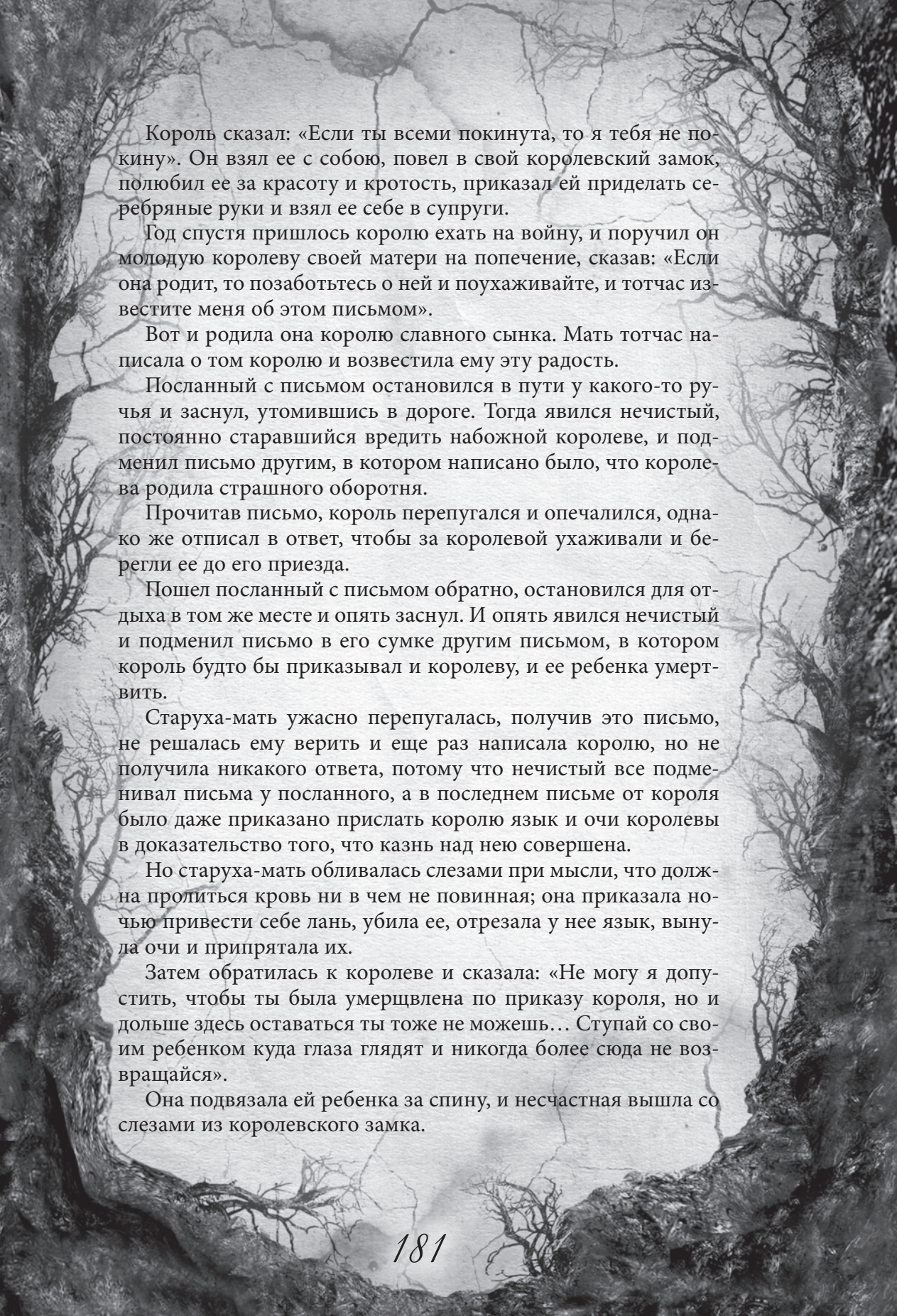
Садовник отвечал: «Сошел кто-то с неба в белоснежной одежде, запер шлюз, и воду остановил, и дал этому духу перейти через ров посуху. А так как тот, что в белой одежде был, вероятно, ангел, то я побоялся его расспрашивать или закричать. Когда же дух съел грушу, он опять удалился».

Король сказал: «Ну, коли это так было, как ты говоришь, так я с тобою нынешнею ночью останусь стеречь сад».

Чуть стемнелось, пришел король в сад и привел с собою священника, который должен был вступить с духом в беседу. Все трое уселись под деревом и стали прислушиваться.

В самую полночь выползла безручка из куста, подошла к дереву и опять прямо с ветки, не срывая, съела еще одну грушу; а рядом с нею стоял ангел в белоснежном одеянии.

Тогда выступил священник из-под дерева и спросил: «От Бога ты ниспослан или из мира пришел? Дух ты или человек?» Она отвечала: «Я не дух, я — несчастная, всеми покинутая, кроме Бога».

Король сказал: «Если ты всеми покинута, то я тебя не покину». Он взял ее с собою, повел в свой королевский замок, полюбил ее за красоту и кротость, приказал ей приделать серебряные руки и взял ее себе в супруги.

Год спустя пришлось королю ехать на войну, и поручил он молодую королеву своей матери на попечение, сказав: «Если она родит, то позаботьтесь о ней и поухаживайте, и тотчас известите меня об этом письмом».

Вот и родила она королю славного сына. Мать тотчас написала о том королю и возвестила ему эту радость.

Посланный с письмом остановился в пути у какого-то ручья и заснул, утомившись в дороге. Тогда явился нечистый, постоянно старавшийся вредить набожной королеве, и подменил письмо другим, в котором написано было, что королева родила страшного оборотня.

Прочитав письмо, король перепугался и опечалился, однако же отписал в ответ, чтобы за королевой ухаживали и берегли ее до его приезда.

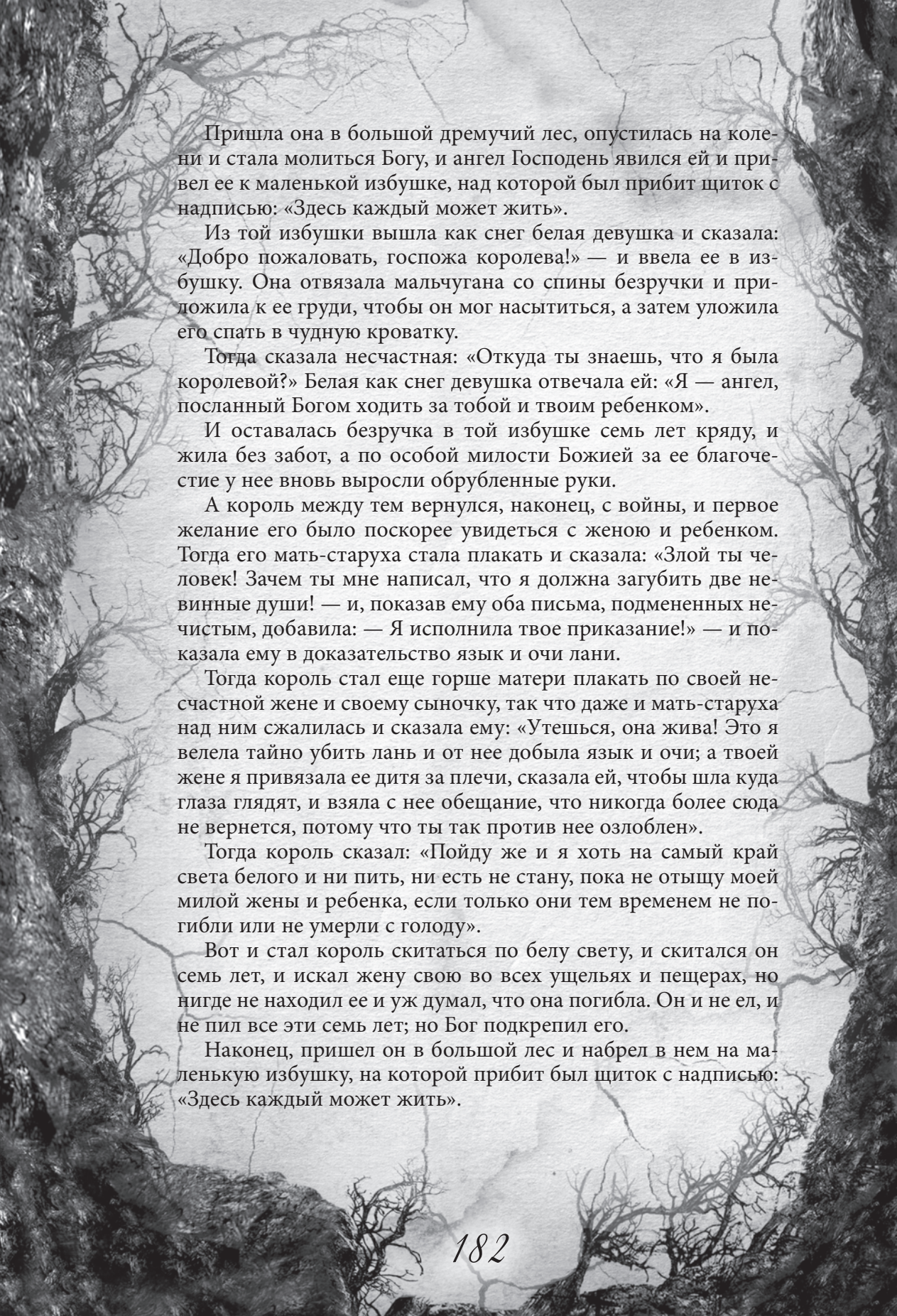
Пошел посланный с письмом обратно, остановился для отдыха в том же месте и опять заснул. И опять явился нечистый и подменил письмо в его сумке другим письмом, в котором король будто бы приказывал и королеву, и ее ребенка умертвить.

Старуха-мать ужасно перепугалась, получив это письмо, не решалась ему верить и еще раз написала королю, но не получила никакого ответа, потому что нечистый все подменивал письма у посланного, а в последнем письме от короля было даже приказано прислать королю язык и очи королевы в доказательство того, что казнь над нею совершена.

Но старуха-мать обливалась слезами при мысли, что должна пролиться кровь ни в чем не повинная; она приказала ночью привести себе лань, убила ее, отрезала у нее язык, вынула очи и припрятала их.

Затем обратилась к королеве и сказала: «Не могу я допустить, чтобы ты была умерщвлена по приказу короля, но и дольше здесь оставаться ты тоже не можешь... Ступай со своим ребенком куда глаза глядят и никогда более сюда не возвращайся».

Она подвязала ей ребенка за спину, и несчастная вышла со слезами из королевского замка.

Пришла она в большой дремучий лес, опустилась на колени и стала молиться Богу, и ангел Господень явился ей и привел ее к маленькой избушке, над которой был прибит щиток с надписью: «Здесь каждый может жить».

Из той избушки вышла как снег белая девушка и сказала: «Добро пожаловать, госпожа королева!» — и ввела ее в избушку. Она отвязала мальчугана со спины безручки и приложила к ее груди, чтобы он мог насытиться, а затем уложила его спать в чудную кроватку.

Тогда сказала несчастная: «Откуда ты знаешь, что я была королевой?» Белая как снег девушка отвечала ей: «Я — ангел, посланный Богом ходить за тобой и твоим ребенком».

И оставалась безручка в той избушке семь лет кряду, и жила без забот, а по особой милости Божией за ее благочестие у нее вновь выросли обрубленные руки.

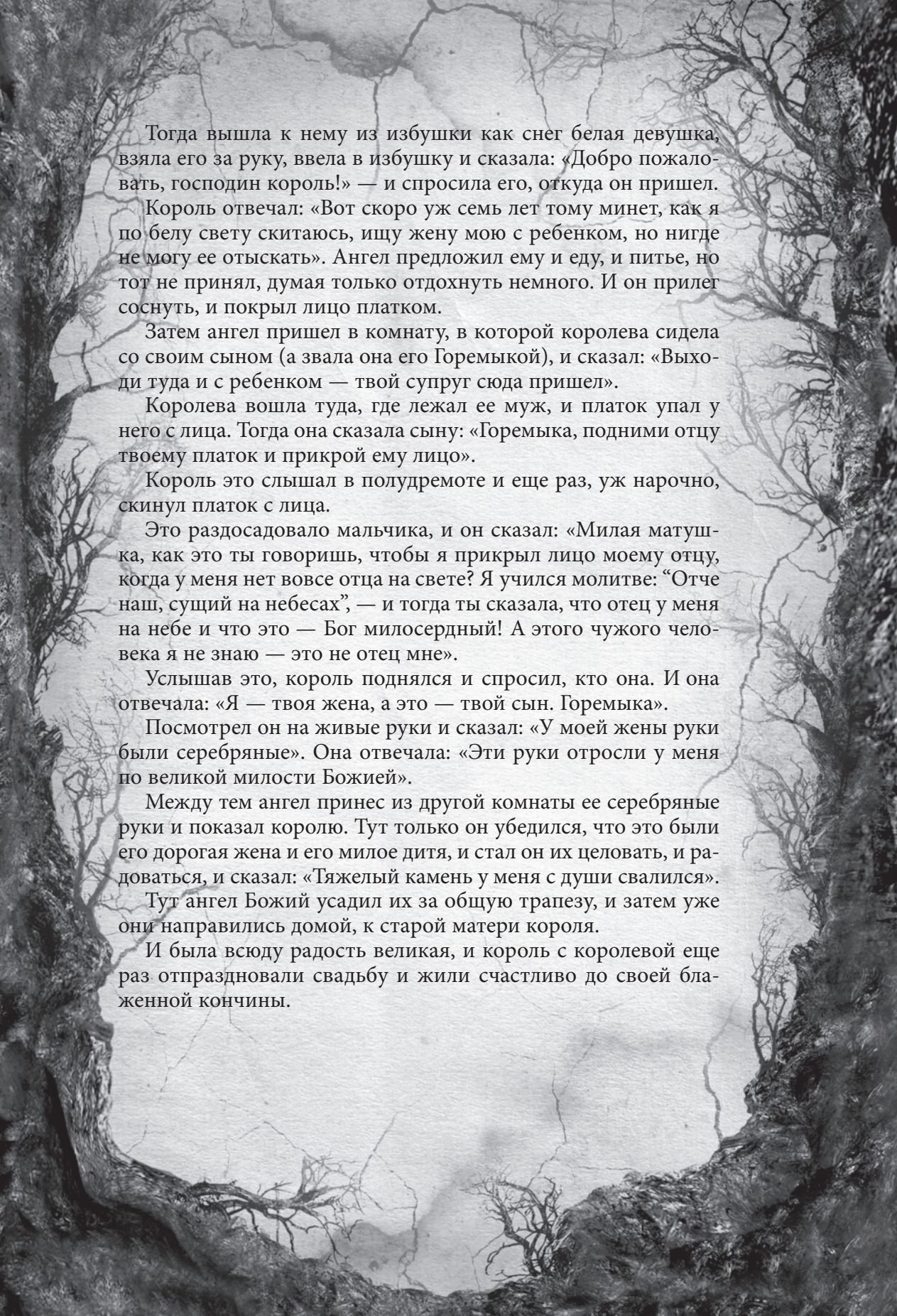
А король между тем вернулся, наконец, с войны, и первое желание его было поскорее увидеться с женою и ребенком. Тогда его мать-старуха стала плакать и сказала: «Злой ты человек! Зачем ты мне написал, что я должна загубить две невинные души! — и, показав ему оба письма, подмененных нечистым, добавила: — Я исполнила твое приказание!» — и показала ему в доказательство язык и очи лани.

Тогда король стал еще горше матери плакать по своей несчастной жене и своему сыночку, так что даже и мать-старуха над ним сжалилась и сказала ему: «Утешься, она жива! Это я велела тайно убить лань и от нее добыла язык и очи; а твоей жене я привязала ее дитя за плечи, сказала ей, чтобы шла куда глаза глядят, и взяла с нее обещание, что никогда более сюда не вернется, потому что ты так против нее озлоблен».

Тогда король сказал: «Пойду же и я хоть на самый край света белого и ни пить, ни есть не стану, пока не отыщу моей милой жены и ребенка, если только они тем временем не погибли или не умерли с голоду».

Вот и стал король скитаться по белу свету, и скитался он семь лет, и искал жену свою во всех ущельях и пещерах, но нигде не находил ее и уж думал, что она погибла. Он и не ел, и не пил все эти семь лет; но Бог подкрепил его.

Наконец, пришел он в большой лес и набрел в нем на маленькую избушку, на которой прибит был щиток с надписью: «Здесь каждый может жить».

Тогда вышла к нему из избушки как снег белая девушка, взяла его за руку, ввела в избушку и сказала: «Добро пожаловать, господин король!» — и спросила его, откуда он пришел.

Король отвечал: «Вот скоро уж семь лет тому минет, как я по белу свету скитаюсь, ищу жену мою с ребенком, но нигде не могу ее отыскать». Ангел предложил ему и еду, и питье, но тот не принял, думая только отдохнуть немного. И он прилет соснуть, и покрыл лицо платком.

Затем ангел пришел в комнату, в которой королева сидела со своим сыном (а звала она его Горемыкой), и сказал: «Выходи туда и с ребенком — твой супруг сюда пришел».

Королева вошла туда, где лежал ее муж, и платок упал у него с лица. Тогда она сказала сыну: «Горемыка, подними отцу твоему платок и прикрой ему лицо».

Король это слышал в полудремоте и еще раз, уж нарочно, скинул платок с лица.

Это раздосадовало мальчика, и он сказал: «Милая матушка, как это ты говоришь, чтобы я прикрыв лицо моему отцу, когда у меня нет вовсе отца на свете? Я учился молитве: «Отче наш, сущий на небесах», — и тогда ты сказала, что отец у меня на небе и что это — Бог милосердный! А этого чужого человека я не знаю — это не отец мне».

Услышав это, король поднялся и спросил, кто она. И она отвечала: «Я — твоя жена, а это — твой сын. Горемыка».

Посмотрел он на живые руки и сказал: «У моей жены руки были серебряные». Она отвечала: «Эти руки отросли у меня по великой милости Божией».

Между тем ангел принес из другой комнаты ее серебряные руки и показал королю. Тут только он убедился, что это были его дорогая жена и его милое дитя, и стал он их целовать, и радоваться, и сказал: «Тяжелый камень у меня с души свалился».

Тут ангел Божий усадил их за общую трапезу, и затем уже они направились домой, к старой матери короля.

И была всюду радость великая, и король с королевой еще раз отпраздновали свадьбу и жили счастливо до своей блаженной кончины.

Разумный Ганс

Мать Ганса спрашивает: «Куда собрался, сынок?» Ганс отвечает: «К Гретель». — «Смотри же, не оплошай!» — «Небось, не оплошаю! Прощай, матушка!» — «Прощай, Ганс».

Пришел Ганс к Гретель.

«Здравствуй, Гретель!» — «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» — «Ничего не принес, от тебя взять хочу».

Гретель дарит Гансу иголку.

Ганс говорит: «Прощай, Гретель». — «Прощай, Ганс».

Ганс берет иголку, втыкает ее в воз с сеном и идет за тем возом до дому.

«Добрый вечер, матушка». — «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» — «У Гретель побывал». — «Что ты ей снес?» — «Ничего не снес — от нее получил». — «Что тебе Гретель дала?» — «Иголку дала». — «А где у тебя иголка, Ганс?» — «В воз сена ее воткнул». — «Ну, это ты глупо сделал, Ганс, тебе бы иголку-то на рукав приколоть». — «Ну, ничего; другой раз лучше сделаю».

«Куда собрался, Ганс?» — «К Гретель, матушка». — «Смотри же, не оплошай, Ганс!» — «Небось, не оплошаю. Прощай, матушка». — «Прощай, Ганс».

Приходит Ганс к Гретель.

«Здравствуй, Гретель». — «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» — «Ничего не принес, от тебя получить хочу».

Гретель подарила Гансу ножик.

«Прощай, Гретель». — «Прощай, Ганс».

Ганс берет ножик, втыкает его в рукав и идет домой.

«Добрый вечер, матушка». — «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» — «У Гретель побывал». — «Что ты ей снес?» — «Ничего не снес — от нее получил». — «Что тебе Гретель дала?» — «Ножик дала». — «А где же у тебя ножик, Ганс?» — «В рукав заткнул». — «Глупо ты это сделал, Ганс; тебе бы нож-то в карман было сунуть». — «Ну, ничего; в другой раз лучше сделаю».

«Куда собрался, Ганс?» — «К Гретель, матушка». — «Смотри, не оплошай, Ганс». — «Небось, не оплошаю. Прощай, матушка». — «Прощай, Ганс».

Ганс приходит к Гретель.

«Здравствуй, Гретель». — «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» — «Ничего не принес, от тебя получить хочу».

Гретель дарит ему козочку.

«Прощай, Гретель». — «Прощай, Ганс».

Ганс берет козу, связывает ей ноги и сует ее в карман. Приходит домой, а козочка-то у него в кармане задохнулась.

«Добрый вечер, матушка». — «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» — «У Гретель побывал». — «Что ты ей снес?» — «Ничего не снес — от нее получил». — «Что же тебе Гретель дала?» — «Козочку дала». — «А где же у тебя козочка, Ганс?» — «В карман ее сунул». — «Ты глупо это сделал, Ганс; тебе бы козочку-то на веревку привязать». — «Ну, ничего, другой раз лучше сделаю».

«Куда, Ганс?» — «К Гретель, матушка». — «Смотри, не оплошай, Ганс». — «Небось, не оплошаю. Прощай, матушка». — «Прощай, Ганс».

Приходит Ганс к Гретель.

«Здравствуй, Гретель». — «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» — «Ничего. От тебя получить хочу».

Гретель дарит ему кусок свиного сала.

«Прощай, Гретель». — «Прощай, Ганс».

Ганс берет кусок сала, навязывает его на веревку и тащит за собою. Подбежали собаки и съели все сало.

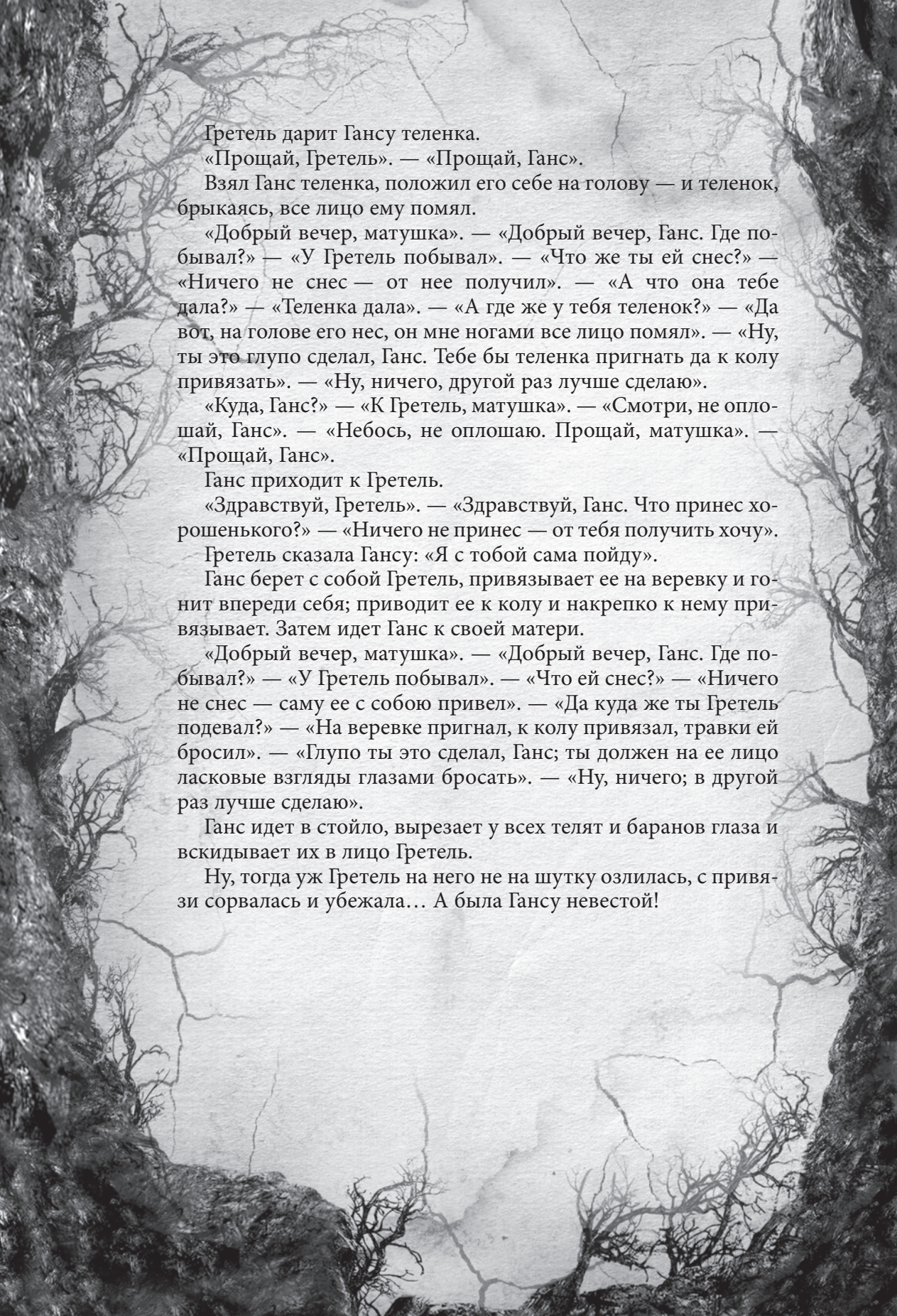
Приходит домой — за ним одна веревка тащится, а на веревке-то и нет ничего.

«Добрый вечер, матушка». — «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» — «У Гретель побывал». — «Что ей снес?» — «Ничего не снес — от нее получил». — «А что тебе Гретель дала?» — «Кусок сала дала». — «А где же у тебя сало, Ганс?» — «Привязал на веревку, домой поволок, собаки и съели». — «Глупо ты это сделал, Ганс; тебе бы сало-то на голове принести». — «Ну, ничего, другой раз лучше сделаю».

«Куда, Ганс?» — «К Гретель, матушка». — «Смотри, не оплошай, Ганс». — «Небось, не оплошаю. Прощай, матушка». — «Прощай, Ганс».

Приходит Ганс к Гретель.

«Здравствуй, Гретель». — «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» — «Ничего не принес — от тебя получить хочу».

Гретель дарит Гансу теленка.

«Прощай, Гретель». — «Прощай, Ганс».

Взял Ганс теленка, положил его себе на голову — и теленок, брыкаясь, все лицо ему помял.

«Добрый вечер, матушка». — «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» — «У Гретель побывал». — «Что же ты ей снес?» — «Ничего не снес — от нее получил». — «А что она тебе дала?» — «Теленка дала». — «А где же у тебя теленок?» — «Да вот, на голове его нес, он мне ногами все лицо помял». — «Ну, ты это глупо сделал, Ганс. Тебе бы теленка пригнать да к колу привязать». — «Ну, ничего, другой раз лучше сделаю».

«Куда, Ганс?» — «К Гретель, матушка». — «Смотри, не оплошай, Ганс». — «Небось, не оплошаю. Прощай, матушка». — «Прощай, Ганс».

Ганс приходит к Гретель.

«Здравствуй, Гретель». — «Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?» — «Ничего не принес — от тебя получить хочу».

Гретель сказала Гансу: «Я с тобой сама пойду».

Ганс берет с собой Гретель, привязывает ее на веревку и гонит впереди себя; приводит ее к колу и накрепко к нему привязывает. Затем идет Ганс к своей матери.

«Добрый вечер, матушка». — «Добрый вечер, Ганс. Где побывал?» — «У Гретель побывал». — «Что ей снес?» — «Ничего не снес — саму ее с собою привел». — «Да куда же ты Гретель подевал?» — «На веревке пригнал, к колу привязал, травки ей бросил». — «Глупо ты это сделал, Ганс; ты должен на ее лицо ласковые взгляды глазами бросать». — «Ну, ничего; в другой раз лучше сделаю».

Ганс идет в стойло, вырезает у всех телят и баранов глаза и скидывает их в лицо Гретель.

Ну, тогда уж Гретель на него не на шутку озлилась, с привязи сорвалась и убежала... А была Гансу невестой!

«Разумный Ганс».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Ганс берет кусок сала, навязывает его на веревку
и тащит за собой. Подбежали собаки и съели все сало.
Приходит домой – за ним одна веревка тащится,
а на веревке-то и нет ничего...»*

Три языка

В Швейцарии жил некогда старик-граф, у которого был всего один сын, но он был глуп и ничему не мог научиться. Тогда сказал ему отец: «Слушай, сын мой, что я ни делаю, ничего тебе в голову вдолбить не могу. Надо тебе отсюда отправиться к одному знаменитому учителю; я тебя передам ему, и пусть он с тобою попробует заняться».

Юноша был отослан отцом в другой город и целый год оставался у учителя.

По прошествии же года он опять вернулся домой, и отец спросил его: «Ну, сынок, чему же ты научился? — «Батюшка, я выучился разуместь то, что собаки лают», — отвечал сын. «Ах, Господи! Да неужели ты только этому и научился? Так я тебя лучше уж отдам в другой город, к другому учителю».

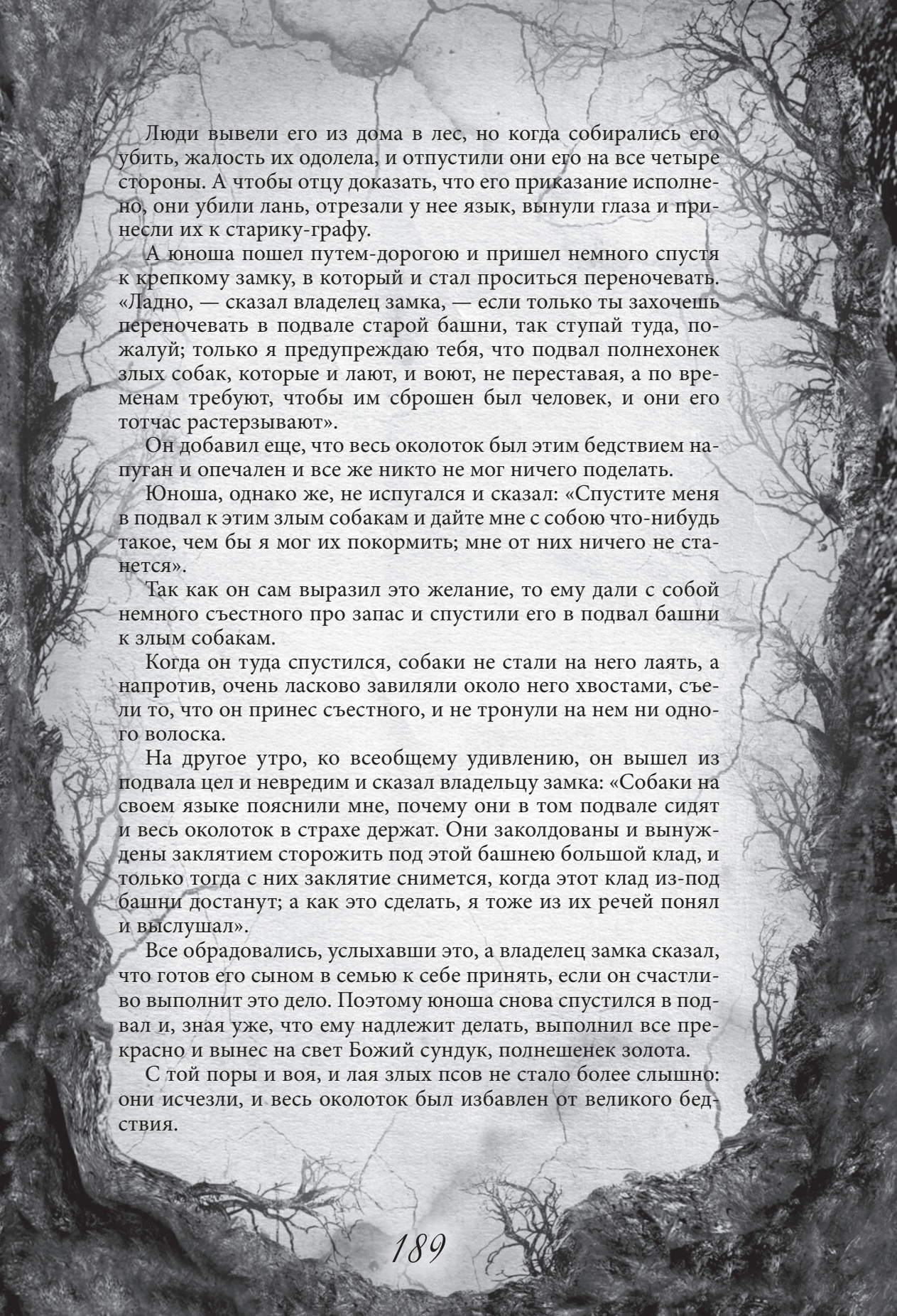
И свез туда юношу, и оставался он еще год у другого учителя в науке.

Когда же окончил ученье, отец опять-таки спросил его: «Ну, сынок, чему же ты научился?» Тот отвечал: «Батюшка, я научился тому, что птицы между собой говорят».

Тогда отец разгневался и сказал: «Ах ты, пропащий человек, сколько ты потерял драгоценного времени, ничему не выучился и не стыдишься мне на глаза показываться! Пошлю я тебя еще к третьему учителю, и уж если ты у него ничему не научишься, так я и отцом твоим не хочу называться!»

Сын и у третьего учителя оставался ровнешенько год, и когда домой вернулся, отец опять его спросил: «Чему, сынок, выучился?» Сын отвечал: «Дорогой батюшка, в этот год я научился понимать, что лягушки квакают».

Тогда отец пришел в величайшую ярость, вскочил со своего места, созвал людей своих и сказал им: «Этот человек мне больше не сын! Я выгоняю его из моего дома и приказываю вам отвести его в лес и лишить жизни».

Люди вывели его из дома в лес, но когда собирались его убить, жалость их одолела, и отпустили они его на все четыре стороны. А чтобы отцу доказать, что его приказание исполнено, они убили лань, отрезали у нее язык, вынули глаза и принесли их к старику-графу.

А юноша пошел путем-дорогою и пришел немного спустя к крепкому замку, в который и стал проситься переночевать. «Ладно, — сказал владелец замка, — если только ты захочешь переночевать в подвале старой башни, так ступай туда, пожалуй; только я предупреждаю тебя, что подвал полнехонек злых собак, которые и лают, и воют, не переставая, а по временам требуют, чтобы им сброшен был человек, и они его тотчас растерзывают».

Он добавил еще, что весь околоток был этим бедствием напуган и опечален и все же никто не мог ничего поделать.

Юноша, однако же, не испугался и сказал: «Спустите меня в подвал к этим злым собакам и дайте мне с собою что-нибудь такое, чем бы я мог их покормить; мне от них ничего не станется».

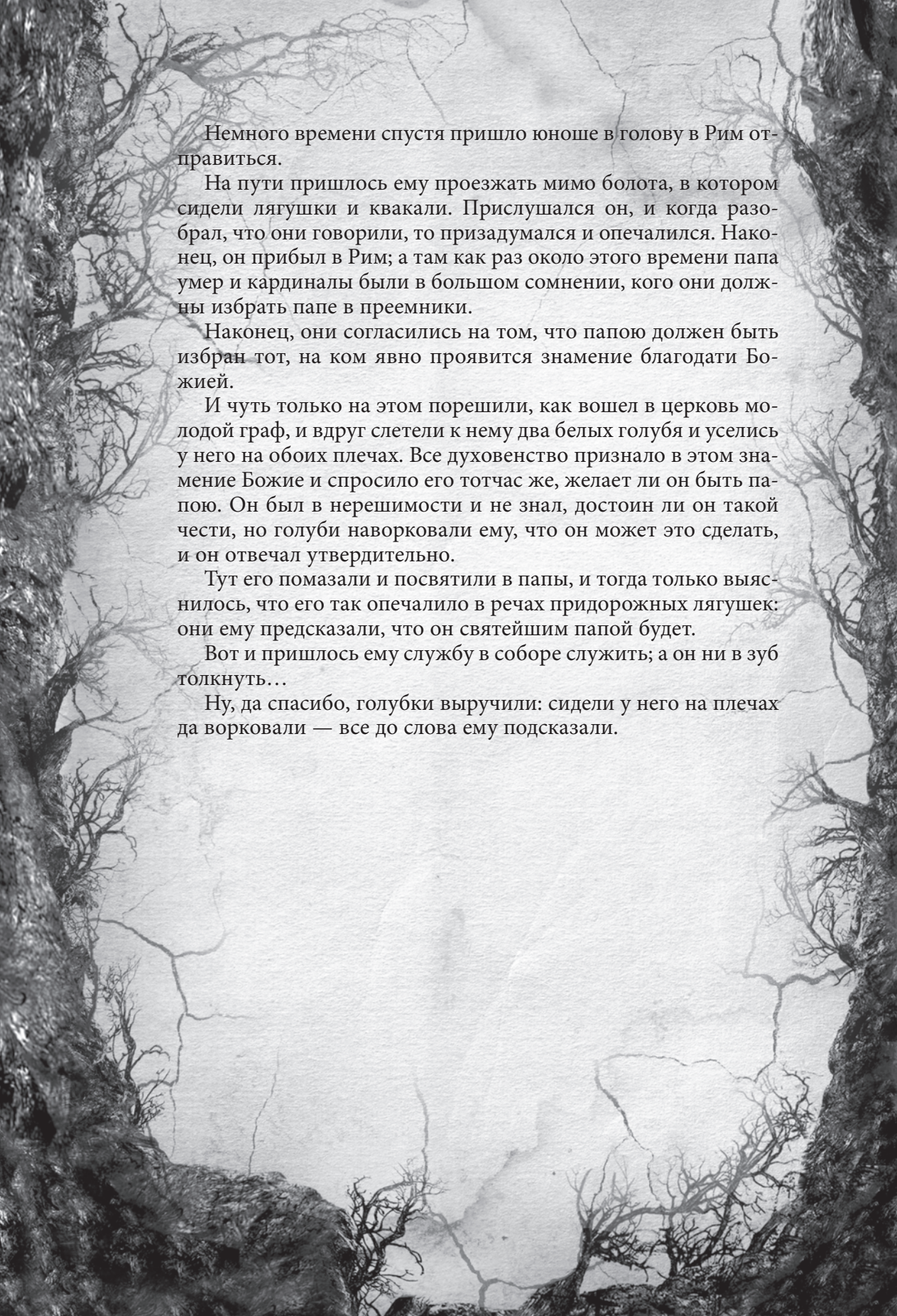
Так как он сам выразил это желание, то ему дали с собою немного съестного про запас и спустили его в подвал башни к злым собакам.

Когда он туда спустился, собаки не стали на него лаять, а напротив, очень ласково завиляли около него хвостами, съели то, что он принес съестного, и не тронули на нем ни одного волоска.

На другое утро, ко всеобщему удивлению, он вышел из подвала цел и невредим и сказал владельцу замка: «Собаки на своем языке пояснили мне, почему они в том подвале сидят и весь околоток в страхе держат. Они заколдованы и вынуждены заклятием сторожить под этой башнею большой клад, и только тогда с них заклятие снимется, когда этот клад из-под башни достанут; а как это сделать, я тоже из их речей понял и выслушал».

Все обрадовались, услышавши это, а владелец замка сказал, что готов его сыном в семью к себе принять, если он счастливо выполнит это дело. Поэтому юноша снова спустился в подвал и, зная уже, что ему надлежит делать, выполнил все прекрасно и вынес на свет Божий сундук, полнешенек золота.

С той поры и воя, и лая злых псов не стало более слышно: они исчезли, и весь околоток был избавлен от великого бедствия.

Немного времени спустя пришло юноше в голову в Рим отправиться.

На пути пришлось ему проезжать мимо болота, в котором сидели лягушки и квакали. Прислушался он, и когда разобрал, что они говорили, то призадумался и опечалился. Наконец, он прибыл в Рим; а там как раз около этого времени папа умер и кардиналы были в большом сомнении, кого они должны избрать папе в преемники.

Наконец, они согласились на том, что папою должен быть избран тот, на ком явно проявится знамение благодати Божией.

И чуть только на этом порешили, как вошел в церковь молодой граф, и вдруг слетели к нему два белых голубя и уселись у него на обоих плечах. Все духовенство признало в этом знамение Божие и спросило его тотчас же, желает ли он быть папою. Он был в нерешимости и не знал, достоин ли он такой чести, но голуби наворковали ему, что он может это сделать, и он отвечал утвердительно.

Тут его помазали и посветили в папы, и тогда только выяснилось, что его так опечалило в речах придорожных лягушек: они ему предсказали, что он святейшим папой будет.

Вот и пришлось ему службу в соборе служить; а он ни в зуб толкнуть...

Ну, да спасибо, голубки выручили: сидели у него на плечах да ворковали — все до слова ему подсказали.

Умная Эльза

Жил-был на свете человек, у которого была дочка, и называлась она умною Эльзою. Когда она выросла, отец и говорит матери: «Надо ее замуж отдать». — «Ладно, — сказала мать, — лишь бы нашелся такой молодец, который бы захотел взять ее в жены».

Наконец, откуда-то издалека выискался такой молодец по имени Ганс и стал к ней присватываться; но при этом поставил условие, чтобы жена его была не только умная, а и разумная.

«О! — сказал отец. — У этой девки голова с мозгами». А мать добавила: «Чего уж! Она такая у меня сметливая, что видит, как ветер по улице бежит, и такая-то чуткая, что, кажется, вот муха кашляни — она уж услышит!» — «Да, — сказал Ганс, — должен вам сказать, что коли она не очень разумная, так мне на ней и жениться не с руки».

Когда они сели за стол и поели уже, мать сказала: «Эльза, сходи-ка в погреб да принеси нам пива».

Сняла умная Эльза кружку со стены, пошла в погреб, по дороге постукивая крышкой для развлечения; когда же сошла в погреб, достала стулик, поставила его перед бочкой да на стулик и присела, чтобы спины не натрудить да себе как не повредить. Затем поставила перед собою кружку и повернула кран у бочки; а пока пиво в кружку бежало, стала она по сторонам глазеть и увидела над собою мотыгу, которую каменщики по забывчивости там оставили...

И вот начала умная Эльза плакать и приговаривать: «Коли я за Ганса выйду замуж да родится у нас ребенок, да повзрослет, да пошлем мы его на погреб пива нацедить, да упадет ему на голову эта мотыга, да пришибет его до смерти!»

И так она сидела около бочки и плакала, и криком кричала из-за того, что ей грозит в будущем беда неминуемая...

В доме между тем все ждали пива, а умная Эльза все-то не возвращалась.

Тогда сказала ее мать служанке: «Сходи-ка в погреб, посмотри, что там Эльза замешкалась?»

Пошла служанка и видит — сидит та перед бочкой и кричит благим матом. «Эльза, о чем ты плачешь?» — спросила служанка. «Ах, — отвечала та, — как же мне не плакать? Коли я за Ганса выйду замуж да родится у нас ребенок, да вырастет, да пошлем мы его на погреб пива нацедить, да упадет ему на голову эта мотыга, да пришибет его до смерти!»

Тут и служанка сказала: «Ведь поди ж ты, какая у нас Эльза умная!» — подсела к ней и начала с нею вместе беду неминуемую оплакивать...

Немного спустя, когда и служанка тоже не возвратилась, а все за столом требовали пива, чтобы утолить жажду, отец Эльзы сказал работнику: «Сойди ты в погреб и посмотри, чего там Эльза со служанкой замешкались?»

Сошел работник в погреб и видит — сидят Эльза со служанкой, и обе плачут. Тут он и спросил их: «Чего вы тут разревелись?» — «Ах, — сказала Эльза, — как же мне не плакать? Коли я за Ганса выйду замуж да родится у нас ребенок, да вырастет, да пошлем мы его в погреб пива нацедить, да упадет ему на голову эта мотыга, да пришибет его до смерти!»

И работник тоже сказал: «Вот, поди ж ты, какая у нас Эльза умная!» — подсел к ним и тоже стал выть во весь голос.

А в доме все ждали, что работник вернется, и так как он не возвращался, то сказал хозяин хозяйке: «Ступай сама в погреб, посмотри, чего там Эльза замешкалась?»

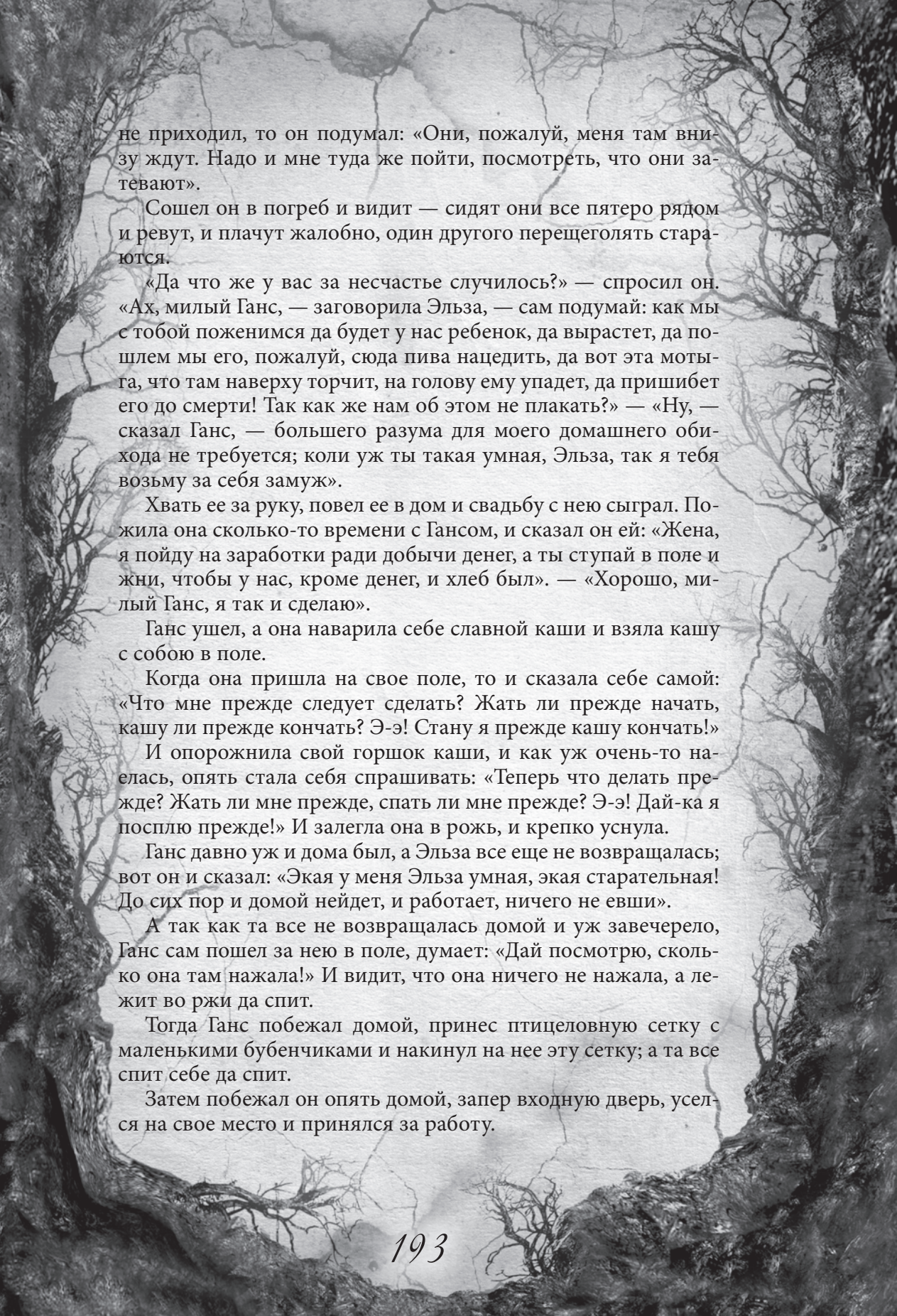
Сошла хозяйка в погреб и всех троих застала в сокрушениях, и спросила о причине их, и как услышала от Эльзы о беде неминуемой, которая грозила ее будущему ребенку от мотыги, так и сказала: «Господи, какая у нас Эльза-то умная!»

И тоже подсела к ним троим и стала плакать.

Ждал-пождал муж сколько-то времени, но когда увидел, что жена его не возвращается, а жажда его все больше и больше мучила, то он сказал себе: «Ну, видно, уж мне самому надо в погреб сходить да посмотреть, что там Эльза замешкалась?»

Когда же он сошел в погреб и увидел, как они все там сидели рядком и ревели, и услышал о той беде неминуемой, которая грозила будущему ребенку Эльзы от мотыги, — и он тоже воскликнул: «Какая у нас Эльза-то умница!»

И подсел к ним, и тоже стал вместе с ними плакать. Женных долго сидел в доме один-одинешенек; но так как никто

не приходил, то он подумал: «Они, пожалуй, меня там внизу ждут. Надо и мне туда же пойти, посмотреть, что они затевают».

Сошел он в погреб и видит — сидят они все пятеро рядом и режут, и плачут жалобно, один другого переещеголять стараются.

«Да что же у вас за несчастье случилось?» — спросил он. «Ах, милый Ганс, — заговорила Эльза, — сам подумай: как мы с тобой поженимся да будет у нас ребенок, да вырастет, да пошлем мы его, пожалуй, сюда пива нацедить, да вот эта мотыга, что там наверху торчит, на голову ему упадет, да пришибет его до смерти! Так как же нам об этом не плакать?» — «Ну, — сказал Ганс, — большего разума для моего домашнего обихода не требуется; коли уж ты такая умная, Эльза, так я тебя возьму за себя замуж».

Хватя ее за руку, повел ее в дом и свадьбу с нею сыграл. Пожила она сколько-то времени с Гансом, и сказал он ей: «Жена, я пойду на заработки ради добычи денег, а ты ступай в поле и жни, чтобы у нас, кроме денег, и хлеб был». — «Хорошо, милый Ганс, я так и сделаю».

Ганс ушел, а она наварила себе славной каши и взяла кашу с собою в поле.

Когда она пришла на свое поле, то и сказала себе самой: «Что мне прежде следует сделать? Жать ли прежде начать, кашу ли прежде кончать? Э-э! Стану я прежде кашу кончать!»

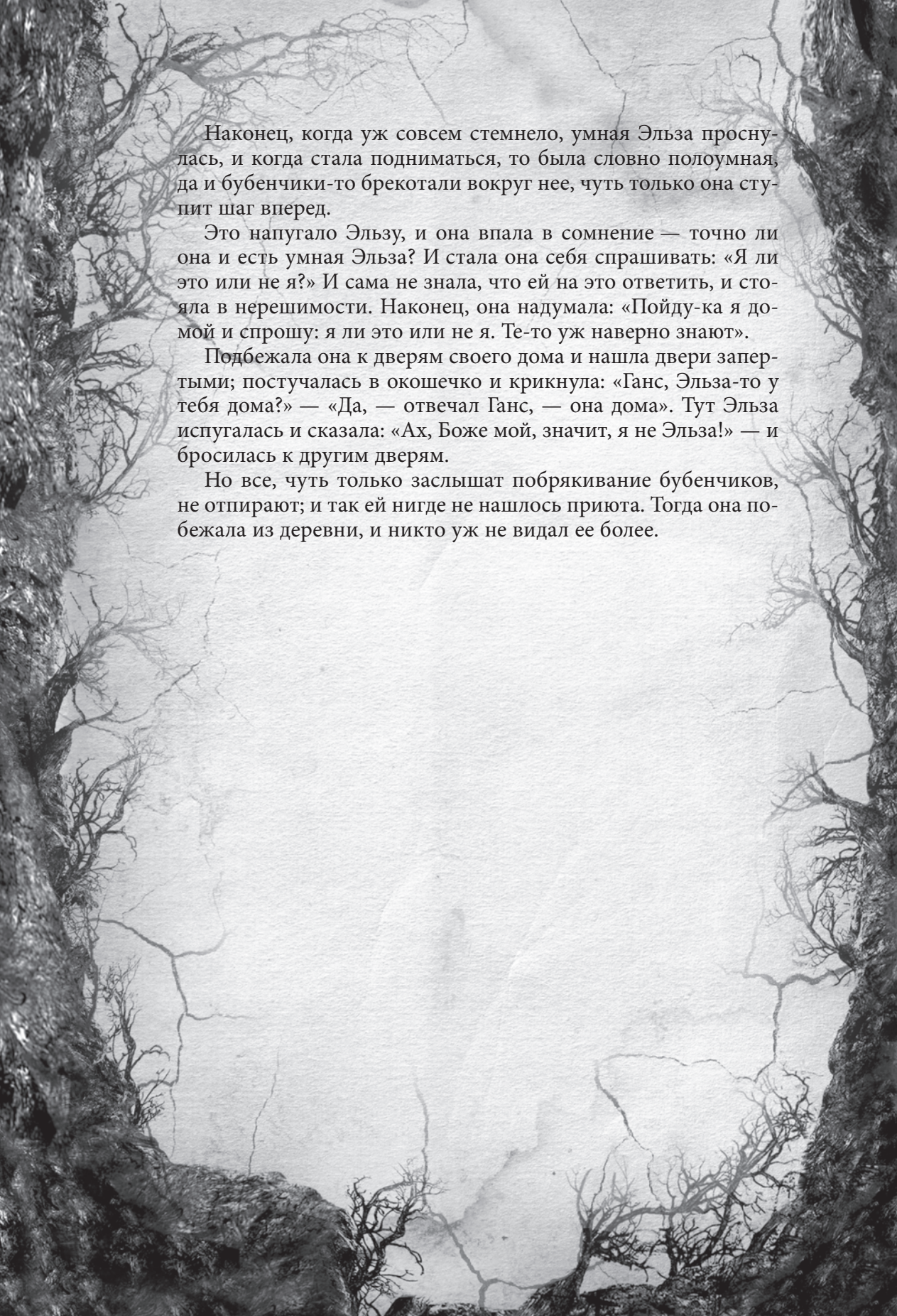
И опорожнила свой горшок каши, и как уж очень-то наелась, опять стала себя спрашивать: «Теперь что делать прежде? Жать ли мне прежде, спать ли мне прежде? Э-э! Дай-ка я посплю прежде!» И залегла она в рожь, и крепко уснула.

Ганс давно уж и дома был, а Эльза все еще не возвращалась; вот он и сказал: «Экая у меня Эльза умная, экая старательная! До сих пор и домой нейдет, и работает, ничего не евши».

А так как та все не возвращалась домой и уж за вечерело, Ганс сам пошел за нею в поле, думает: «Дай посмотрю, сколько она там нажала!» И видит, что она ничего не нажала, а лежит во ржи да спит.

Тогда Ганс побежал домой, принес птицеловную сетку с маленькими бубенчиками и накинул на нее эту сетку; а та все спит себе да спит.

Затем побежал он опять домой, запер входную дверь, уселся на свое место и принялся за работу.

Наконец, когда уж совсем стемнело, умная Эльза проснулась, и когда стала подниматься, то была словно полоумная, да и бубенчики-то брекотали вокруг нее, чуть только она ступит шаг вперед.

Это напугало Эльзу, и она впала в сомнение — точно ли она и есть умная Эльза? И стала она себя спрашивать: «Я ли это или не я?» И сама не знала, что ей на это ответить, и стояла в нерешимости. Наконец, она надумала: «Пойду-ка я домой и спрошу: я ли это или не я. Те-то уж наверно знают».

Подбежала она к дверям своего дома и нашла двери закрытыми; постучалась в окошечко и крикнула: «Ганс, Эльза-то у тебя дома?» — «Да, — отвечал Ганс, — она дома». Тут Эльза испугалась и сказала: «Ах, Боже мой, значит, я не Эльза!» — и бросилась к другим дверям.

Но все, чуть только слышат побрякивание бубенчиков, не отпирают; и так ей нигде не нашлось приюта. Тогда она побежала из деревни, и никто уж не видал ее более.

*«...Сошла хозяйка в погреб и всех троих
застала в сокрушениях, и спросила о причине
их, и как услышала от Эльзы о беде
неминуей, которая грозила ее будущему
ребенку от мотыги, так и сказала:
“Господи, какая у нас
Эльза-то умная!”...»*

«Умная Эльза».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

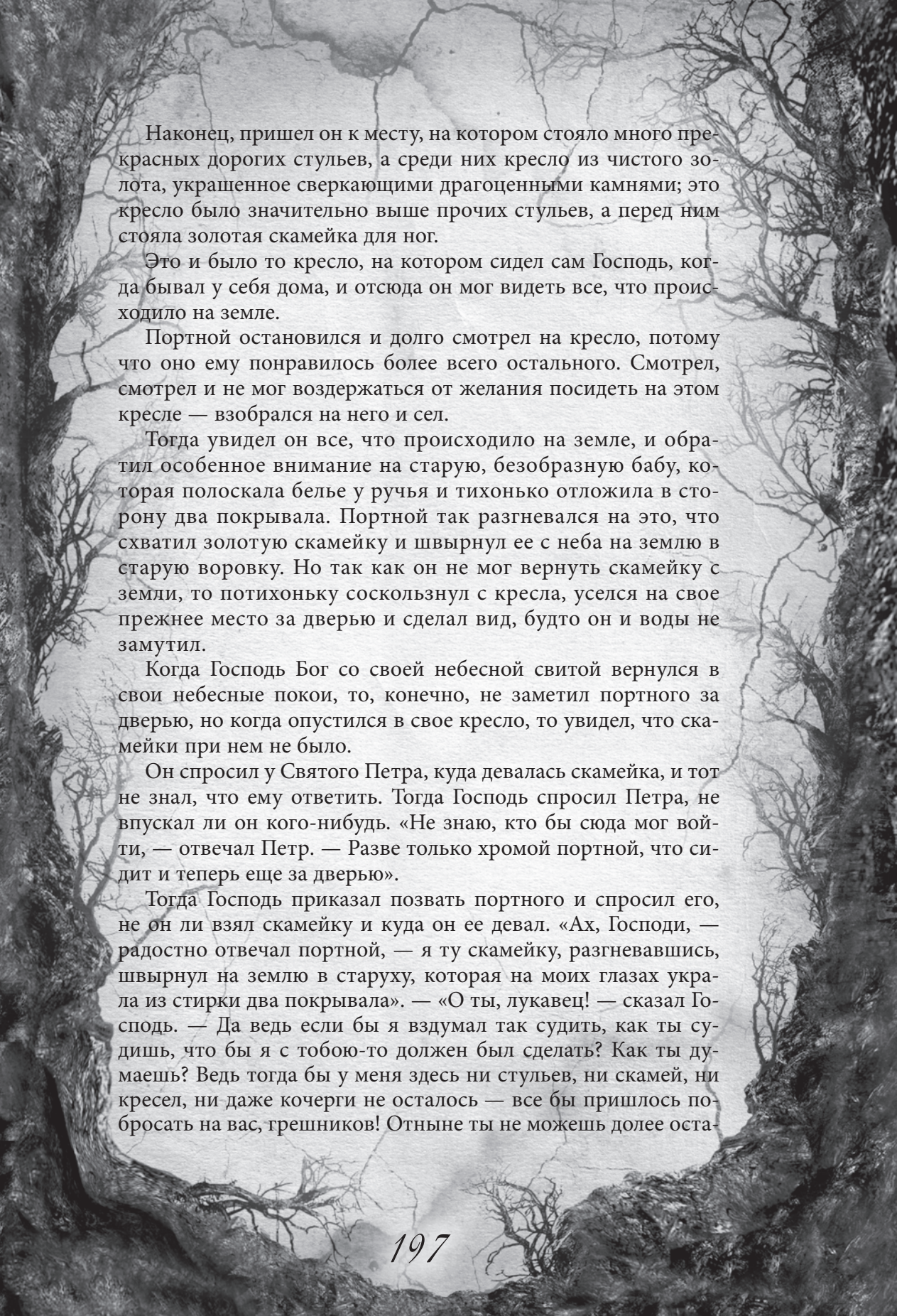
Портной в раю

Нолучилось так, что Бог в один прекрасный день задумал пройтись по райскому саду и взял с собою всех апостолов и всех святых, так что на небе никого не осталось, кроме Святого Петра. Господь приказал Петру во время своего отсутствия никого не впускать в рай, а потому Петр и стоял на часах.

Немного спустя кто-то возьми и постучись. Петр спросил: «Кто там и что нужно?» Тоненький голосок отвечал ему: «Я честный бедняга-портной и прошу о пропуске в рай». — «Да знаем мы вас, честных! — сказал Святой Петр. — Честен ты, как вор на виселице, а у самого, небось, лапа заgreбистая и куда как искусна насчет урезки чужого сукна! Не войдешь ты в рай — Господь запретил мне впускать кого бы то ни было, пока он будет сам в отсутствии». — «Сжальтесь надо мной! — воскликнул портной. — Ведь эти маленькие обрезочки, которые сами собой отпадают от сукна, даже и за воровство почитать нельзя, об них даже и говорить-то не стоит. Извольте видеть, что я вот хромаю и пузыри у меня сделались на ногах от долгого пути сюда... Как же вы хотите, чтобы я еще назад шел? Вы уж только впустите меня, уж я там приму на себя всю черную работу. Я и с детьми готов возиться, и свивальники их стирать, и лавки те мыть и обтирать, на которых они играют, и платье их штопать».

Святой Петр поддался состраданию и приотворил дверь рая ровно настолько, чтобы хромой портной, худой и тощий, мог-таки проскользнуть в рай. Он должен был приютиться в уголке за дверью и там сидеть смиреннько и тихонько, чтобы его не приметил Господь, когда вернется, и не прогневался на него.

Портной повиновался, но чуть только Святой Петр вышел за двери, портной поднялся со своего места, пошел бродить по всем закоулкам неба и все осматривал с любопытством.

Наконец, пришел он к месту, на котором стояло много прекрасных дорогих стульев, а среди них кресло из чистого золота, украшенное сверкающими драгоценными камнями; это кресло было значительно выше прочих стульев, а перед ним стояла золотая скамейка для ног.

Это и было то кресло, на котором сидел сам Господь, когда бывал у себя дома, и отсюда он мог видеть все, что происходило на земле.

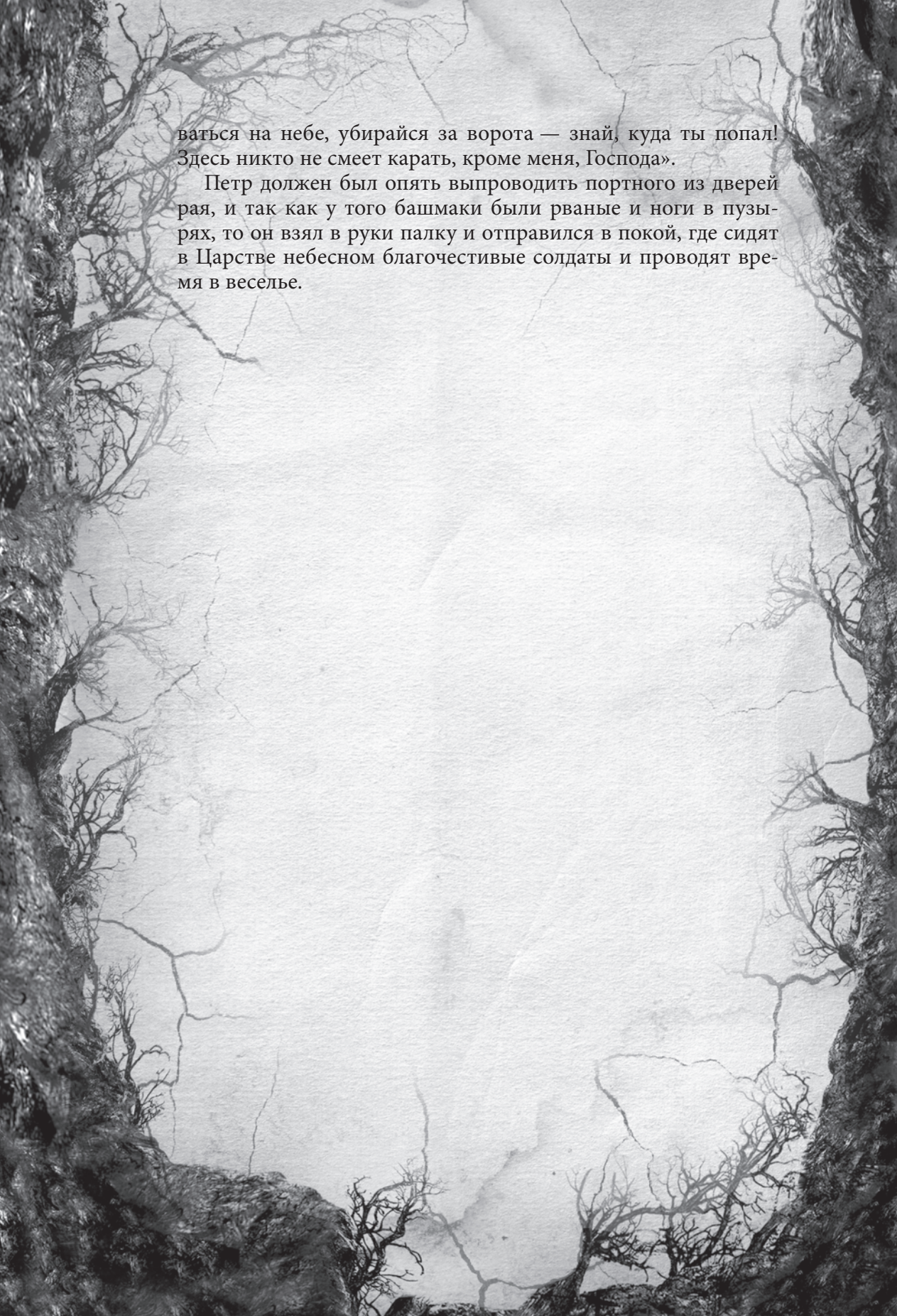
Портной остановился и долго смотрел на кресло, потому что оно ему понравилось более всего остального. Смотрел, смотрел и не мог воздержаться от желания посидеть на этом кресле — взобрался на него и сел.

Тогда увидел он все, что происходило на земле, и обратил особенное внимание на старую, безобразную бабу, которая полоскала белье у ручья и тихонько отложила в сторону два покрывала. Портной так разгневался на это, что схватил золотую скамейку и швырнул ее с неба на землю в старую воровку. Но так как он не мог вернуть скамейку с земли, то потихоньку соскользнул с кресла, уселся на свое прежнее место за дверью и сделал вид, будто он и воды не замутил.

Когда Господь Бог со своей небесной свитой вернулся в свои небесные покои, то, конечно, не заметил портного за дверью, но когда опустился в свое кресло, то увидел, что скамейки при нем не было.

Он спросил у Святого Петра, куда девалась скамейка, и тот не знал, что ему ответить. Тогда Господь спросил Петра, не впускал ли он кого-нибудь. «Не знаю, кто бы сюда мог войти, — отвечал Петр. — Разве только хромой портной, что сидит и теперь еще за дверью».

Тогда Господь приказал позвать портного и спросил его, не он ли взял скамейку и куда он ее девал. «Ах, Господи, — радостно отвечал портной, — я ту скамейку, разгневавшись, швырнул на землю в старуху, которая на моих глазах украла из стирки два покрывала». — «О ты, лукавец! — сказал Господь. — Да ведь если бы я вздумал так судить, как ты судишь, что бы я с тобою-то должен был сделать? Как ты думаешь? Ведь тогда бы у меня здесь ни стульев, ни скамей, ни кресел, ни даже кочерги не осталось — все бы пришлось побросать на вас, грешников! Отныне ты не можешь долее оста-

ваться на небе, убирайся за ворота — знай, куда ты попал! Здесь никто не смеет карать, кроме меня, Господа».

Петр должен был опять выпроводить портного из дверей рая, и так как у того башмаки были рваные и ноги в пузырях, то он взял в руки палку и отправился в покой, где сидят в Царстве небесном благочестивые солдаты и проводят время в веселье.

Столик-Сам-Накройся, золотой осел и дубинка из мешка

Много лет тому назад жил да был портной, а у него было три сына и всего-навсего одна коза. Но эта коза прокармливала их всех своим молоком, а потому и кормить ее надо было хорошо и ежедневно гонять на пастбище. Гонять ее сыновьям приходилось по очереди.

И вот однажды старший сын пригнал ее на кладбище, где росли превосходнейшие травы, и дал ей там досыта наесться и напрыгаться.

Под вечер, когда уже пора было домой идти, он спросил ее: «Козочка, сыта ли ты?» И козочка отвечала:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

«Ну, так пойдем домой», — сказал молодец, ухватил ее за веревочку, привел в хлев и привязал ее там.

«Ну, что, — спросил старый портной, — наелась ли козочка досыта?» — «О да! Она так сыта, что не может съесть ни листа».

Однако же отец захотел сам в этом удостовериться, пошел в стойло, погладил милое животное и спросил: «Козочка, сыта ли ты?»

И козочка отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

«Что я слышу? — воскликнул портной, взбежал наверх и сказал сыну: — Ах ты, лжец! Говорил, что коза сыта, а сам заставляешь ее голодать?» И в страшном гневе сорвал аршин со стены, стал им бить сына и прогнал его из дому.

На другой день очередь дошла до другого сына, и тот выискал у садового забора такое местечко, где росла только отличная трава, и коза всю ее съела.

Под вечер, когда он хотел вернуться домой, он спросил: «Козочка, сыта ли ты?»

И козочка отвечала:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

«Ну, так пойдем домой», — сказал молодец, привел ее домой и привязал крепко-накрепко в стойле. «Ну, — спросил старый портной, — довольно ли было корму у козочки?» — «О-о! — сказал сын. — Да она так сыта, что не съесть ей ни листа».

Но отец решил убедиться сам, пошел в хлев и спросил: «Козочка, сыта ли ты?»

Козочка отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

«Ах ты, злодей, ах, бездельник! — вскричал портной. — Этакую славную скотинку да голодом морить!» — взбежал наверх за аршином да и выгнал второго сына из дому.

Пришла очередь третьего сына. Тот задумал выполнить свое дело как можно лучше, выискал кустарничек с густой листвой и дал козочке вдоволь наесться листвы.

Вечером, собираясь домой, он спросил у козочки: «Козочка, сыта ли ты?»

Козочка отвечала:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

«Ну, так пойдем домой», — сказал молодец, привел ее в хлев и привязал накрепко. «Ну, — спросил портной, — наелась ли коза досыта?» — «О, — отвечал сын, — так-то она сыта, что не съест ей ни листа».

Не поверил портной сыну, пошел вниз, в хлев, и спросил: «Козочка, сыта ли ты?»

Злая тварь отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

«Ах ты, лживое отродье! — воскликнул портной. — Один другого хуже и нерадивее! Теперь уж вы меня не одурачите!» — и в ярости взбежал наверх да аршином так наколотил сыну спину, что тот сам убежал из дома.

Вот и остался старый портной один-одинешенек со своей козой. На другое утро сошел он в хлев, стал ласкать козочку и сказал: «Ну, пойдем, дорогая моя животинка, я сам сведу тебя на пастбище».

И повел ее на веревке к зеленым изгородям и стал кормить теми травами, которые особенно любимы козами. «Тут ты можешь напиться, сколько твоей душеньке угодно!» — сказал он козочке и оставил ее пастись до самого вечера.

А вечером спросил: «Козочка, сыта ли ты?»
Она ответила:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

«Ну, так пойдем домой», — сказал портной, свел ее в хлев и привязал накрепко. Уходя из хлева, он еще раз обернулся и сказал:

«Ну, сыта ли ты теперь?»

Но коза и с ним так же поступила, как с сыновьями его, и отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

Услышав это, портной обомлел: он понял, что совершенно напрасно прогнал от себя своих троих сыновей. «Погоди уж, — воскликнул он, — неблагодарная тварь! Прогнать тебя мало! Я на тебе такую отметину поставлю, что ты честным портным не посмеешь и на глаза показаться!»

Мигом слетал он наверх, принес свою бритву, намылил козе всю голову и выбрил ее глаже ладони. А так как аршином бить ее было бы слишком много для нее чести, то он принес простую плеть и так нахлестал козу, что та пустилась от него большими прыжками.

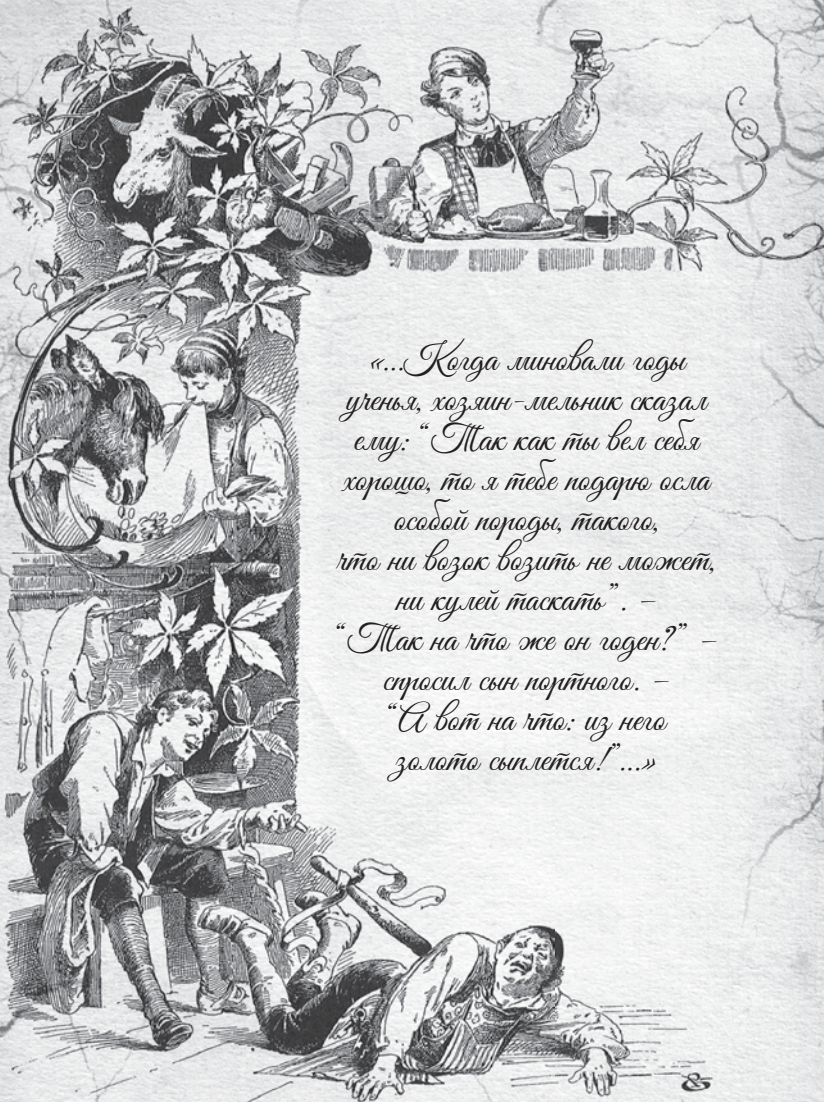
Портной, очутившись один-одинешенек в своем доме, крепко загрустил и охотно бы вернул к себе своих сыновей, но никто не знал, куда они подевались.

Старший поступил в учение к столяру, был в учении старателен и послушен, и когда время ученья миновало, его хозяин подарил ему столик, в котором на вид ничего мудреного не было, и сделан-то он был из самого простого дерева; но у него было одно хорошее свойство... Стоило только его поставить да сказать: «Столик, накройся!» — и тотчас на том столике явится чистенькая скатерка, а на ней и тарелка, и ножик с вилок, и блюдо с жареным или печеным, да еще сверх того большой стакан красного вина — глазам на усладу, сердцу на радость.

Молодой подмастерье подумал: «Ну, этого столика хватит мне на всю жизнь!» — и пошел себе бродить по свету, нисколько не заботясь о том, в какую он попадал гостиницу: хороша ли, дурна ли она была и можно ли было в ней что-нибудь найти или нельзя.

Если вздумается ему, то он и вовсе не зайдет в гостиницу, а где-нибудь в поле, в лесу, на лугу вытащит столик из-за спины, поставит его перед собою и скажет: «Столик, накройся!» — и явится на столик все, чего душа желает. Наконец, пришло ему в голову, что следует ему вернуться к отцу, что гнев у старика уже прошел и что он охотно примет его снова в дом с такой диковинкой, как этот столик.

Случилось при этом, что на обратном пути зашел он однажды вечером в гостиницу, которая была переполнена постояльцами: они его поприветствовали и пригласили сесть за их стол и разделить с ними трапезу. «А то, — сказали они, — едва ли ты что-нибудь здесь достанешь». — «Нет, — отвечал

«...Когда миновали годы
ученья, хозяин-мельник сказал
ему: "Так как ты вел себя
хорошо, то я тебе подарю осла
особой породы, такого,
что ни возок возить не может,
ни кулей таскать". –
"Так на что же он годен?" –
спросил сын пертного. –
"А вот на что: из него
золото сыплется!"...»

«Столик-Сам-Накройся, золотой осел и дубинка из мешка».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

столяр, — зачем стану я у вас отнимать; лучше уж я сам вас угощу».

Те посмеялись и подумали, что он с ними шутит, а столяр поставил свой деревянный столик среди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» Мигом покрылся стол кушаньями, да такими, что их нельзя было бы достать и у хозяина гостиницы, а у гостей уж от одного запаха слюнки потекли.

«Принимайтесь-ка, друзья», — сказал столяр, и никто из гостей не заставил себя просить дважды; все пододвинулись к столику, вытащили ножи и принялись за еду. И более-то всего удивлялись тому, что не успевало блюдо опорожниться, как на его место само собою являлось новое.

Тем временем хозяин гостиницы стоял в одном из углов комнаты и присматривался к этой диковинке; он и сам не знал, что ему сказать, однако же надумал: «Такого повара недурно было бы мне завести у себя, в моем хозяйстве».

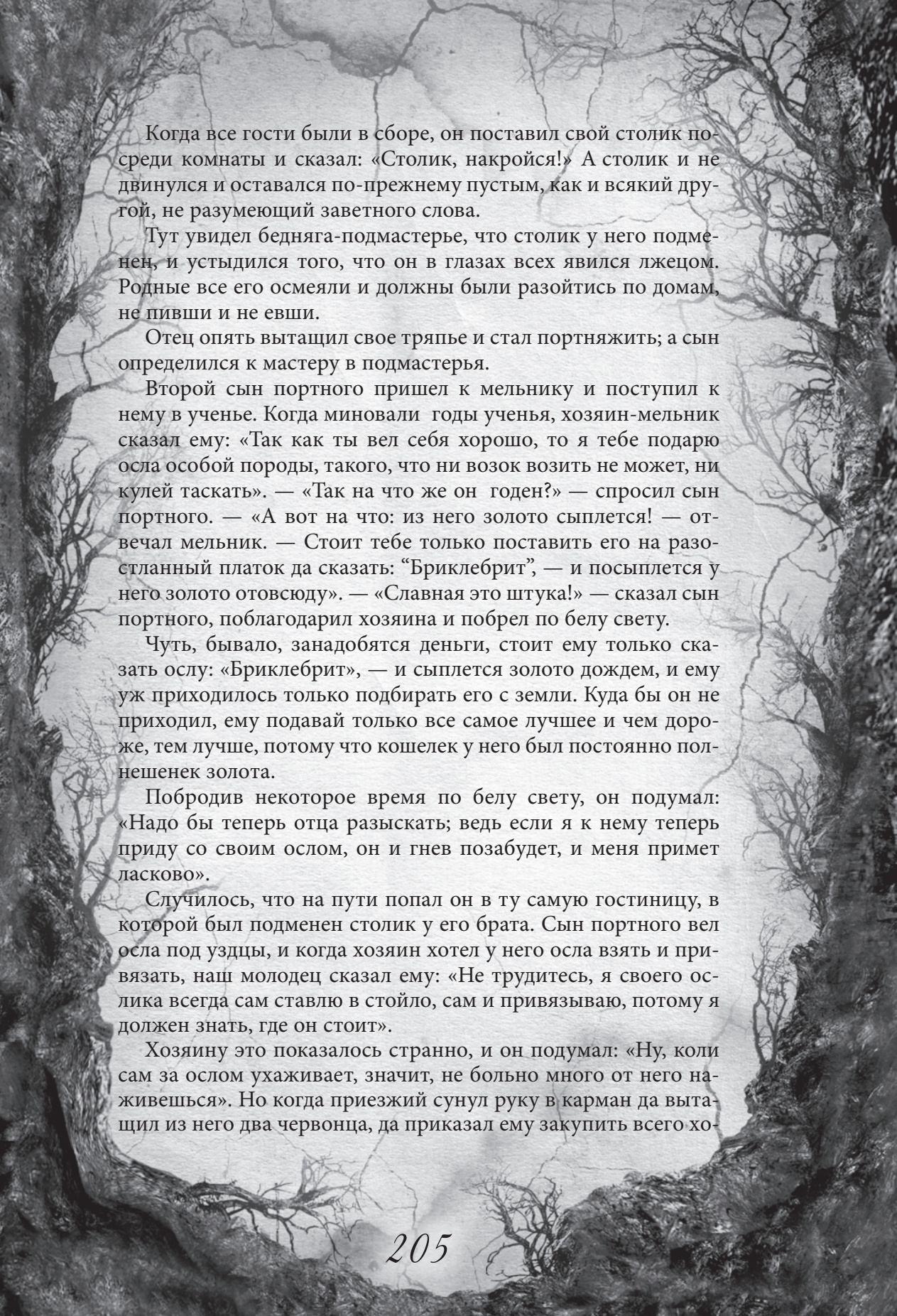
Столяр и его гости веселились и потешались до поздней ночи, пока наконец не улеглись спать; и молодой подмастерье улегся также, поставив свой диковинный столик около стенки.

А хозяин все никак не мог успокоиться: ему пришло в голову, что в кладовой у него был столик точь-в-точь такой же, как этот. И вот он тихонько вытащил свой столик и подменил им столик столяра.

На другое утро столяр заплатил за свой ночлег, взял столик, вовсе не думая о том, что он подменен другим, и пошел своей дорогой.

В полдень пришел он к отцу, который принял его с великой радостью. «Ну, милый сын мой, чему ты выучился?» — спросил он у него. «Батюшка, я теперь столяр». — «Доброе ремесло, — сказал старик, — ну, а что же ты из своих странствований домой принес?» — «А вот, батюшка, лучшее из всего, что я принес, — вот этот столик».

Портной осмотрел его со всех сторон и сказал: «Ну, эта штука не важная — это просто старый и дрянной столик». — «Да ведь это столик не простой, — сказал столяр, — если я его поставлю и скажу ему, чтобы он накройся, так на нем тотчас явятся лучшие кушанья и такое вино, что и на сердце повеселеет. Вот вы и пригласите-ка всех родных и друзей к себе, пусть полакомятся и потешатся, мой столик их всех накормит».

Когда все гости были в сборе, он поставил свой столик посреди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» А столик и не двинулся и оставался по-прежнему пустым, как и всякий другой, не разумеющий заветного слова.

Тут увидел бедняга-подмастерье, что столик у него подменен, и устыдился того, что он в глазах всех явился лжецом. Родные все его осмеяли и должны были разойтись по домам, не пивши и не евши.

Отец опять вытащил свое тряпье и стал портняжить; а сын определился к мастеру в подмастерья.

Второй сын портного пришел к мельнику и поступил к нему в ученье. Когда миновали годы ученья, хозяин-мельник сказал ему: «Так как ты вел себя хорошо, то я тебе подарю осла особой породы, такого, что ни возок возить не может, ни кулей таскать». — «Так на что же он годен?» — спросил сын портного. — «А вот на что: из него золото сыплется! — отвечал мельник. — Стоит тебе только поставить его на разостланный платок да сказать: “Бриклебрит”, — и посыплется у него золото отовсюду». — «Славная это штука!» — сказал сын портного, поблагодарил хозяина и побрел по белу свету.

Чуть, бывало, занадобятся деньги, стоит ему только сказать ослу: «Бриклебрит», — и сыплется золото дождем, и ему уж приходилось только подбирать его с земли. Куда бы он не приходил, ему подавай только все самое лучшее и чем дороже, тем лучше, потому что кошелек у него был постоянно полнененек золота.

Побродив некоторое время по белу свету, он подумал: «Надо бы теперь отца разыскать; ведь если я к нему теперь приду со своим ослом, он и гнев позабудет, и меня примет ласково».

Случилось, что на пути попал он в ту самую гостиницу, в которой был подменен столик у его брата. Сын портного вел осла под уздцы, и когда хозяин хотел у него осла взять и привязать, наш молодец сказал ему: «Не трудитесь, я своего ослика всегда сам ставлю в стойло, сам и привязываю, потому я должен знать, где он стоит».

Хозяину это показалось странно, и он подумал: «Ну, коли сам за ослом ухаживает, значит, не больно много от него наживешься». Но когда приезжий сунул руку в карман да вытащил из него два червонца, да приказал ему закупить всего хо-

рошего, хозяин и рот разинул, побежал и разыскал ему лучшее, что можно было добыть.

После обеда гость спросил, сколько ему следует заплатить, и хозяин не пожалел мела на запись — подвел счет так, что ему приходилось получить с гостя еще пару золотых.

Молодец наш сунул руку в карман, но денег в кармане у него не оказалось. «Погодите с минуточку, господин хозяин, — сказал он, — я сейчас схожу и принесу золота». Пошел и скатерть с собой захватил.

Хозяин не мог понять, что бы это могло значить; захотел узнать, прокрался за ним следом, и так как гость запер дверь конюшни на задвижку, то хозяин стал подглядывать через скважину.

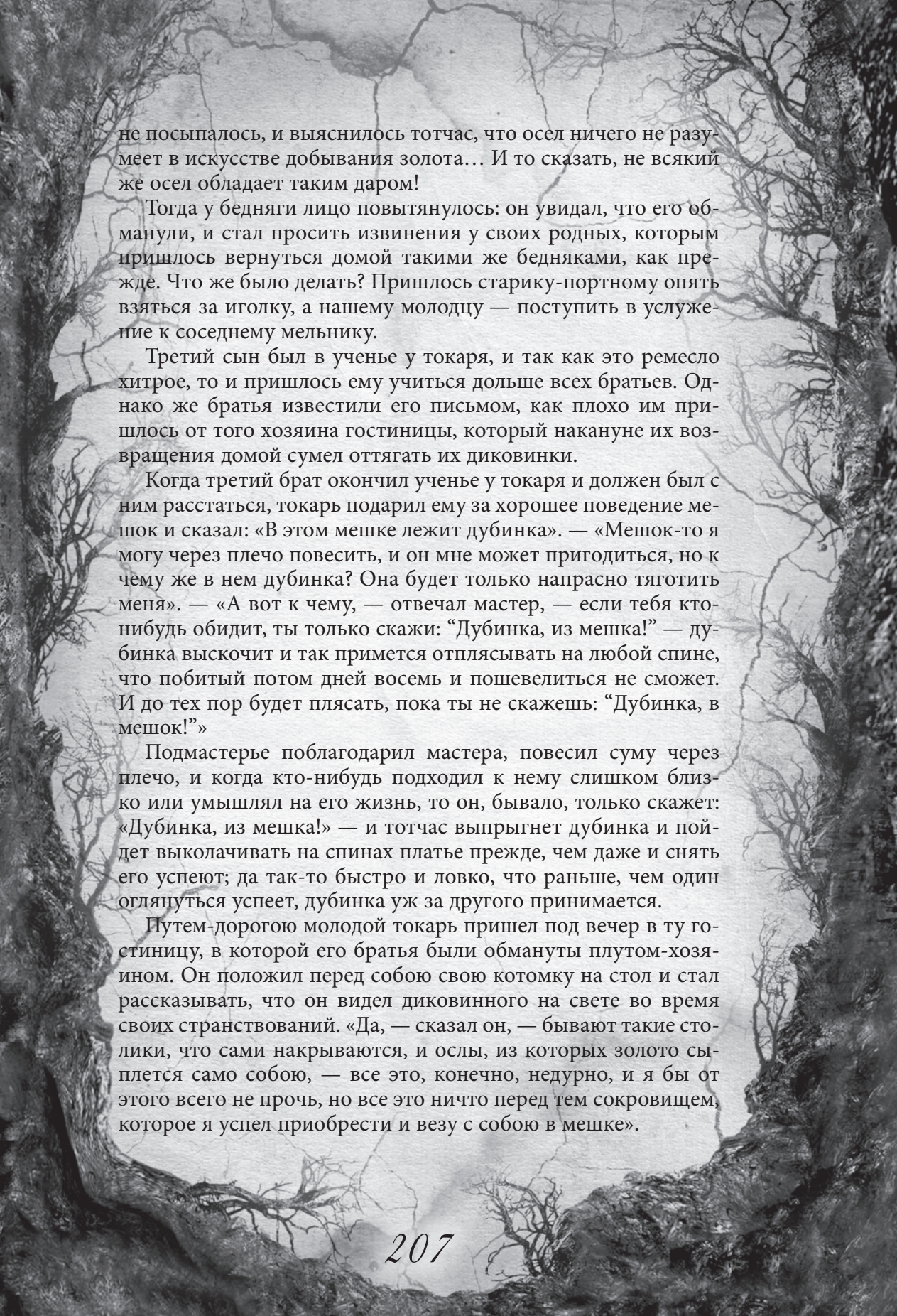
А гость разостлал под ослом скатерть, крикнул: «Бриклебрит!» — и тотчас посыпалось у осла золото и спереди, и сзади, и порядочно его попадало на землю. «Ах, шут его возьми! — сказал хозяин. — Скоро же он червонцы чеканит! Такой кошель иметь недурно!»

Гость уплатил по счету и лег спать; а хозяин пробрался ночью в стойло, увел оттуда диковинного осла и поставил другого на его место.

На следующее утро ранешенько молодец со своим ослом отправился в путь, не подозревая, что осел у него подменен.

В полдень пришел он к своему отцу, и тот ему обрадовался и принял его ласково. «Ну, сынок, что-то из тебя сталося?» — спросил старик. «А я теперь в мельниках, батюшка», — отвечал сын. «А что же ты, сынок, с собою из странствований своих принес?» — «А всего только одного осла». — «Ослов тут и так довольно, — сказал отец, — по мне хорошая коза была бы лучше осла». — «Да, конечно! — отвечал сын. — Да только мой осел-то не простой, а диковинный; чуть только скажу ослу: “Бриклебрит”, — так он и насыплет мне полный платок золота. Созовите-ка всех родственников, я их сразу обогащу». — «Это мне нравится, — сказал портной, — значит, мне не нужно будет более мучиться с иглой?» — и тотчас вскочил, сам побежал по всем родственникам и всех к себе созвал.

Когда они все были в сборе, мельник, сын портного, попросил их очистить место, разостлал свою подстилку и привел осла в комнату. «Теперь смотрите! — сказал он им и произнес громко: — Бриклебрит!» Однако же никаких червонцев

не посыпалось, и выяснилось тотчас, что осел ничего не разумеет в искусстве добывания золота... И то сказать, не всякий же осел обладает таким даром!

Тогда у бедняги лицо повытянулось: он увидел, что его обманули, и стал просить извинения у своих родных, которым пришлось вернуться домой такими же бедняками, как прежде. Что же было делать? Пришлось старику-портному опять взяться за иголку, а нашему молодцу — поступить в услужение к соседнему мельнику.

Третий сын был в ученье у токаря, и так как это ремесло хитрое, то и пришлось ему учиться дольше всех братьев. Однако же братья известили его письмом, как плохо им пришлось от того хозяина гостиницы, который накануне их возвращения домой сумел оттягать их диковинки.

Когда третий брат окончил ученье у токаря и должен был с ним расстаться, токарь подарил ему за хорошее поведение мешок и сказал: «В этом мешке лежит дубинка». — «Мешок-то я могу через плечо повесить, и он мне может пригодиться, но к чему же в нем дубинка? Она будет только напрасно тяготить меня». — «А вот к чему, — отвечал мастер, — если тебя кто-нибудь обидит, ты только скажи: “Дубинка, из мешка!” — дубинка выскочит и так примется отплясывать на любой спине, что побитый потом дней восемь и пошевелиться не сможет. И до тех пор будет плясать, пока ты не скажешь: “Дубинка, в мешок!”»

Подмастерье поблагодарил мастера, повесил суму через плечо, и когда кто-нибудь подходил к нему слишком близко или умышлял на его жизнь, то он, бывало, только скажет: «Дубинка, из мешка!» — и тотчас выпрыгнет дубинка и пойдет выколачивать на спинах платье прежде, чем даже и снять его успеют; да так-то быстро и ловко, что раньше, чем один оглянуться успеет, дубинка уж за другого принимается.

Путем-дорогою молодой токарь пришел под вечер в ту гостиницу, в которой его братья были обмануты плутом-хозяином. Он положил перед собою свою котомку на стол и стал рассказывать, что он видел диковинного на свете во время своих странствований. «Да, — сказал он, — бывают такие столы, что сами накрываются, и ослы, из которых золото сыплется само собою, — все это, конечно, недурно, и я бы от этого всего не прочь, но все это ничто перед тем сокровищем, которое я успел приобрести и везу с собою в мешке».

Хозяин тотчас и уши насторожил. «Что бы это могло быть такое? — подумал он. — Мешок-то у него, верно, набит одними драгоценными камнями; недурно бы мне и его прибрать к рукам: недаром говорится, что всего хорошего бывает по трое».

Когда пришло время спать ложиться, гость растянулся на лавке и подложил свой мешок под голову. Хозяин же, когда решил, что гость его заснул глубоким сном, подошел к нему, ухватился за мешок и стал полегоньку тащить из-под головы гостя, чтобы заменить его другим мешком.

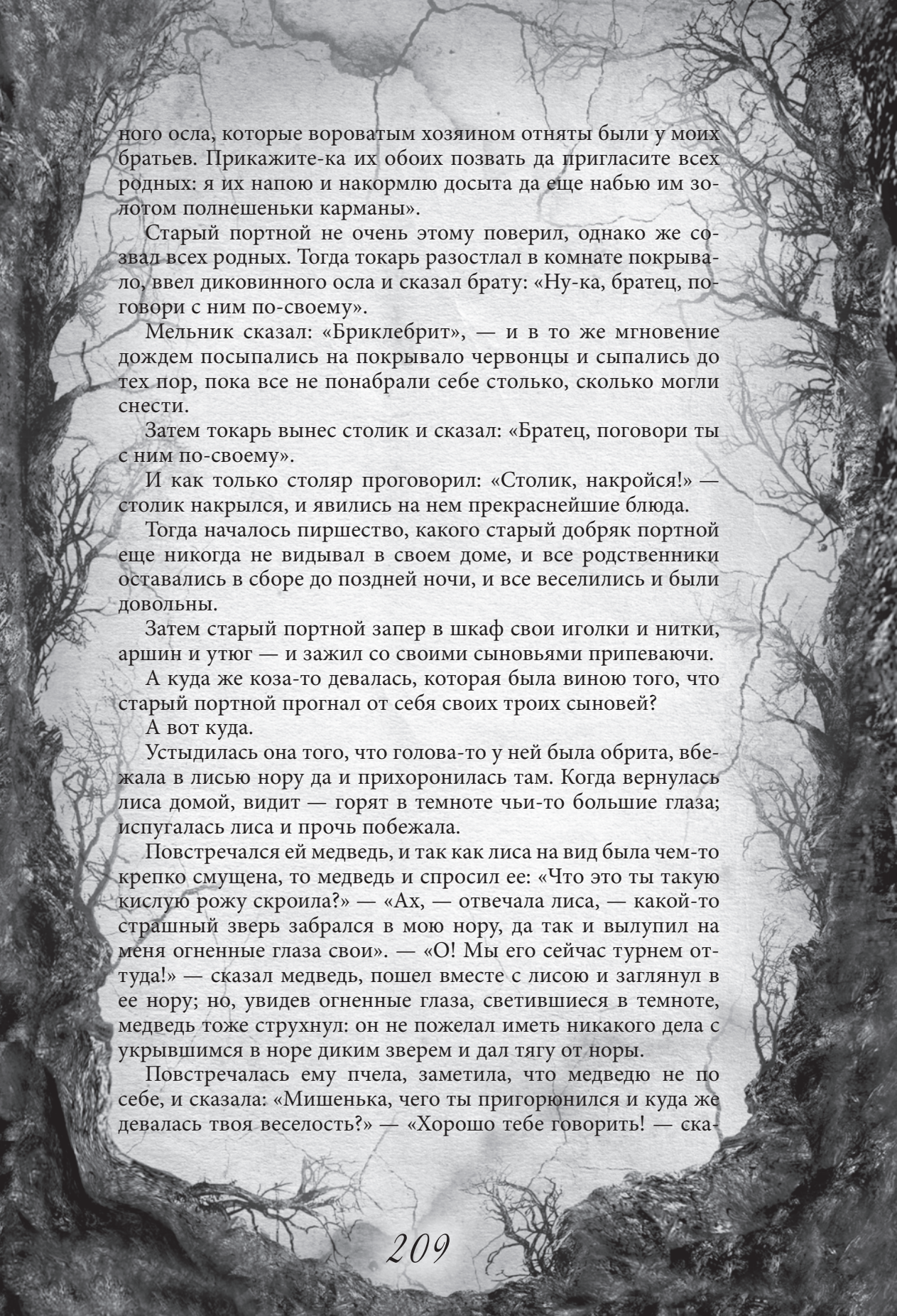
А токарь давно уже только этого и поджидал, и в то самое время, когда хозяин собирался дернуть мешок посильнее, он воскликнул: «Дубинка, из мешка!» И тотчас же дубинка выскочила из мешка, наскочила на хозяина и давай его по всем швам разделявать! Хозяин стал кричать и молить о пощаде; но чем громче он кричал, тем сильнее выбивала дубинка в такт этому крику дробь по его спине, пока, наконец, он не упал в совершенном изнеможении.

Тогда токарь сказал ему: «Если ты не вернешь мне столик-сам-накройся и осла, что золото сыплет, я велю дубинке еще раз поплясать на твоей спине». — «Ах, нет, — отвечал хозяин чуть слышным голосом, — охотно верну тебе все — вели только этой проклятой дубинке опять вскочить в мешок».

Молодец сказал на это: «Ну, я тебя помилую, хоть и не следовало бы, но берегись у меня! — и крикнул при этом: — Дубинка, в мешок!» — оставил хозяина в покое.

На другое утро токарь отправился к отцу со всеми тремя диковинками.

Портной очень обрадовался, свидевшись с ним, и его также спросил, чему он выучился на чужбине. «Я, батюшка, выучился токарному мастерству». — «Хитрое мастерство, — заметил отец, — а что ты с собою принес домой из своих странствований?» — «Дорогую привез я диковинку, батюшка! — отвечал сын. — Привез дубинку в мешке». — «Что такое? — воскликнул отец. — Стоило ли такую дрянь с собою привозить! Ведь ты дубинку-то можешь из каждого дерева себе вырубить!» — «Ну, нет! Такой не вырубешь! Ведь этой стоит сказать: “Дубинка, из мешка!” — и выскочит дубинка, и задаст ходу тому, кто мне недруг, и до тех пор не оставит в покое, пока тот на-земь не свалится и не завопит о пощаде. Вот, видите ли, с этой дубинкой я сумел вернуть и диковинный столик, и диковин-

ного осла, которые вороватым хозяином отняты были у моих братьев. Прикажите-ка их обоих позвать да пригласите всех родных: я их напою и накормлю досыта да еще набью им золотом полнешеньки карманы».

Старый портной не очень этому поверил, однако же созвал всех родных. Тогда токарь разостлал в комнате покрывало, ввел диковинного осла и сказал брату: «Ну-ка, братец, поговори с ним по-своему».

Мельник сказал: «Бриклебрит», — и в то же мгновение дождем посыпались на покрывало червонцы и сыпались до тех пор, пока все не понабрали себе столько, сколько могли снести.

Затем токарь вынес столик и сказал: «Братец, поговори ты с ним по-своему».

И как только столяр проговорил: «Столик, накройся!» — столик накрылся, и явились на нем прекраснейшие блюда.

Тогда началось пиршество, какого старый добряк портной еще никогда не видывал в своем доме, и все родственники оставались в сборе до поздней ночи, и все веселились и были довольны.

Затем старый портной запер в шкаф свои иголки и нитки, аршин и утюг — и зажил со своими сыновьями припеваючи.

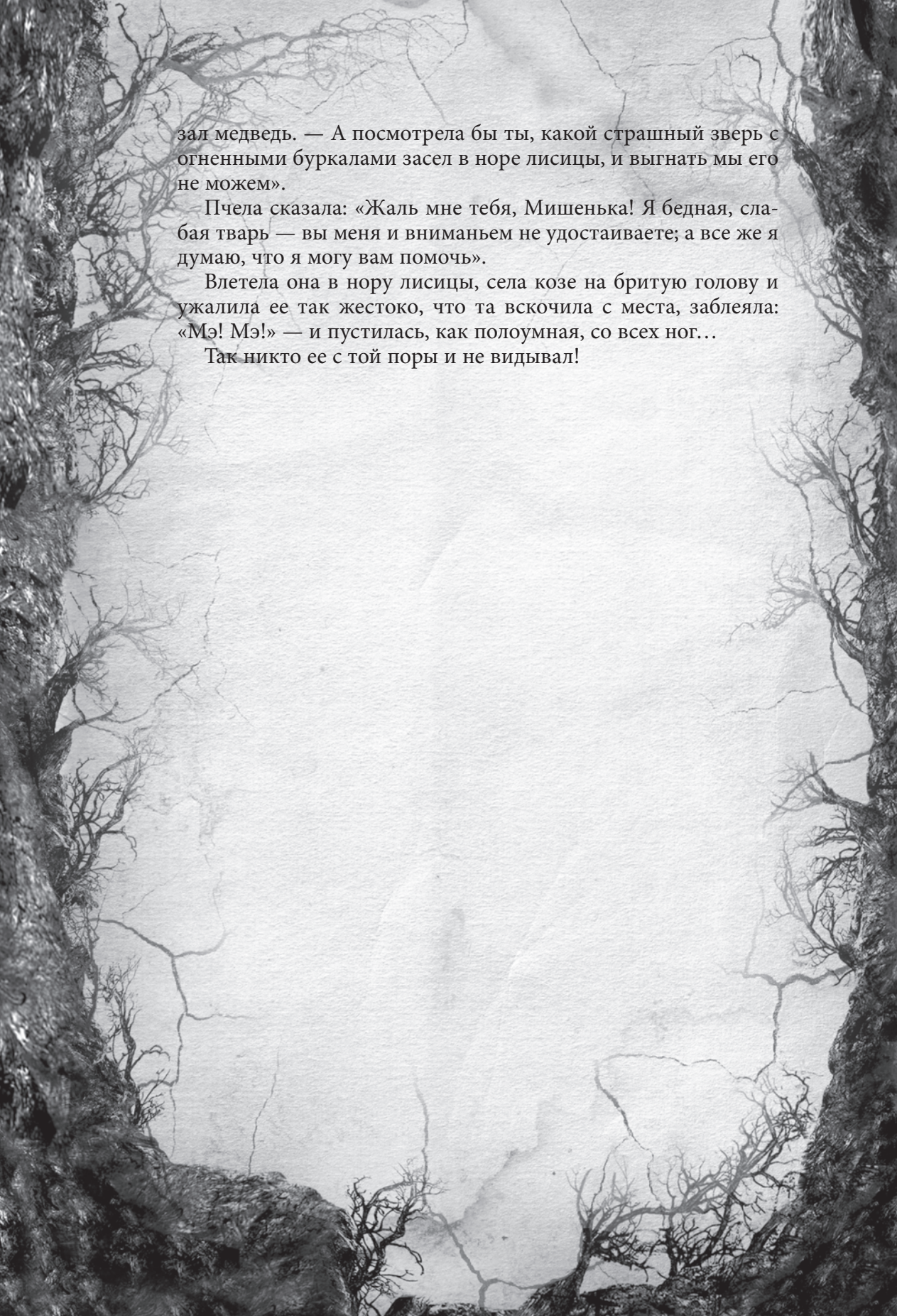
А куда же коза-то девалась, которая была виною того, что старый портной прогнал от себя своих троих сыновей?

А вот куда.

Устыдилась она того, что голова-то у ней была обрита, вбежала в лисью нору да и прихоронилась там. Когда вернулась лиса домой, видит — горят в темноте чьи-то большие глаза; испугалась лиса и прочь побежала.

Повстречался ей медведь, и так как лиса на вид была чем-то крепко смущена, то медведь и спросил ее: «Что это ты такую кислую рожу скроила?» — «Ах, — отвечала лиса, — какой-то страшный зверь забрался в мою нору, да так и вылупил на меня огненные глаза свои». — «О! Мы его сейчас турнем оттуда!» — сказал медведь, пошел вместе с лисою и заглянул в ее нору; но, увидев огненные глаза, светившиеся в темноте, медведь тоже струхнул: он не пожелал иметь никакого дела с укрывшимся в норе диким зверем и дал тягу от норы.

Повстречалась ему пчела, заметила, что медведю не по себе, и сказала: «Мишенька, чего ты пригорюнился и куда же девалась твоя веселость?» — «Хорошо тебе говорить! — ска-

зал медведь. — А посмотрела бы ты, какой страшный зверь с
огненными буркалами засел в норе лисицы, и выгнать мы его
не можем».

Пчела сказала: «Жаль мне тебя, Мишенька! Я бедная, сла-
бая тварь — вы меня и вниманьем не достаиваете; а все же я
думаю, что я могу вам помочь».

Влетела она в нору лисицы, села козе на бритую голову и
ужалила ее так жестоко, что та вскочила с места, заблеяла:
«Мэ! Мэ!» — и пустилась, как полоумная, со всех ног...

Так никто ее с той поры и не видывал!

«Столик-Сам-Накройся, золотой осел и дубинка из мешка.
Волшебная дубинка напала на вороватого хозяина гостиницы».
Художник – Александр Зик. 1890-е гг.

«...И тогда же дубинка выскочила из мешка, наскокила на хозяина и давай его по всем швам раздирать! Хозяин стал кричать и молить о пощаде; но чем громче он кричал, тем сильнее выбивала дубинка в такт этому крику удары по его спине, пока наконец он не упал в совершенном изнеможении...»

Мальчик-С-Пальчик

Бедняк-крестьянин сидел однажды вечером у очага и подгребал уголья, а жена его рядом с ним сидела и пряла. И сказал он жене: «Как это жалко, что у нас детей нет! У нас в доме такая тишина, а в других-то домах и шумно, и весело». — «Да, — отвечала со вздохом жена, — хоть бы один был у нас ребеночек, хоть бы самый малюсенький, вот с мизинчик — я была бы уже довольна; мы бы его как любили-то!»

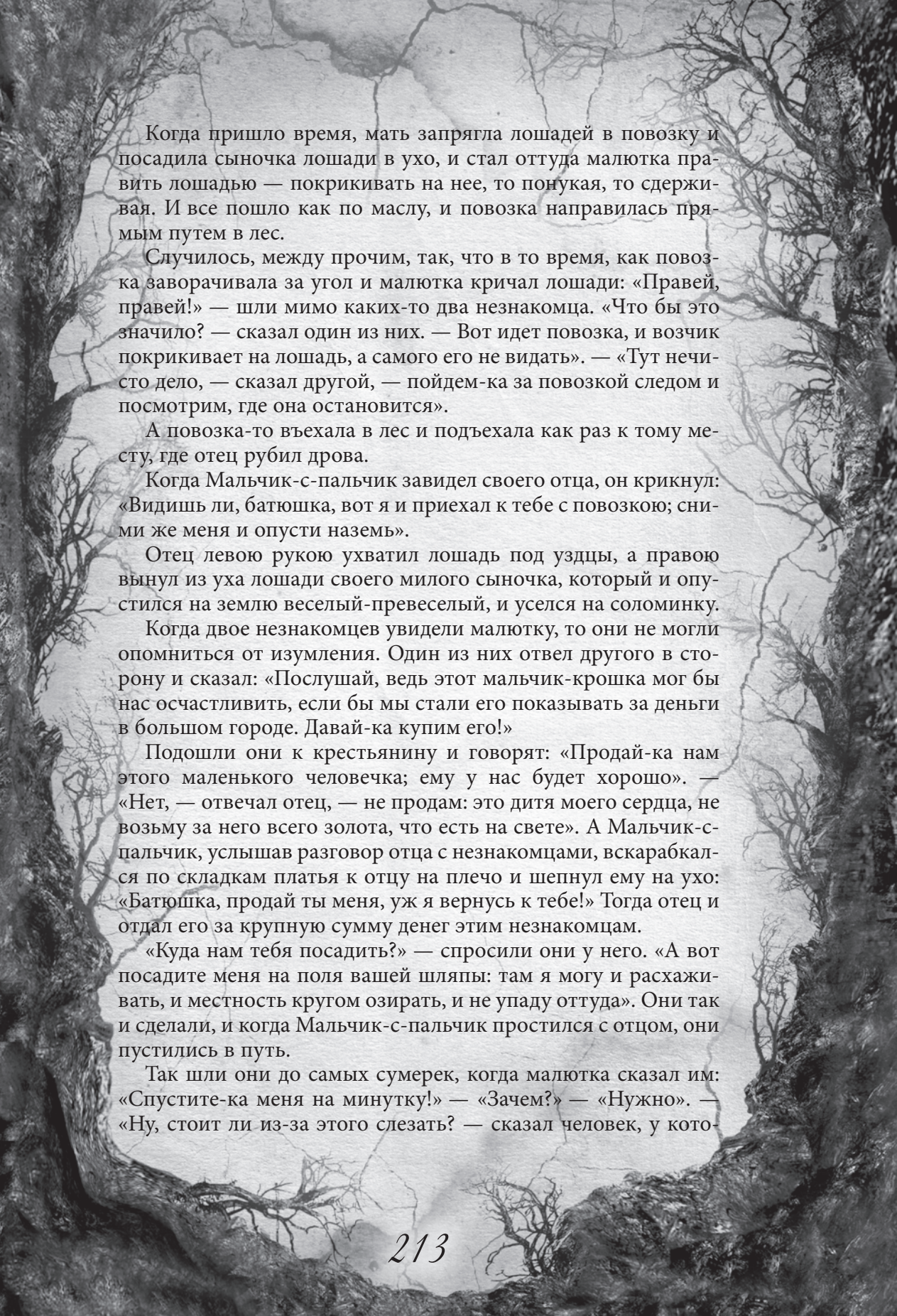
Случилось вскоре после того, что жена затяжелела и родила ребенка, и ребенок родился здоровый и телом складный, но зато ростом был не больше пальца.

И отец с матерью сказали: «Мы такого точно себе и желали, и он должен быть нам милым дитятком!» И назвали они его за его рост Мальчик-с-пальчик.

Они кормили его, ничего не жалея, а ребеночек все же не вырастал и оставался таким же маленьким, как родился; но глазенки у него светились разумом, и вскоре он выказал себя умным и правдивым малым, которому притом же была во всем удача.

Случилось однажды крестьянину в лес собраться для рубки дров, и он сказал про себя: «Хорошо было бы, кабы кто-нибудь потом, как нарублю дров, подъехал в лес с повозкой». — «Батюшка, — сказал Мальчик-с-пальчик, — повозку вам я возьмусь доставить; положитесь на меня, она будет в лесу вовремя».

Отец рассмеялся и сказал: «Где же тебе это сделать? Ты слишком мал и потому не можешь вести лошадь под уздцы». — «Это ничего не значит, батюшка! И если только матушка запряжет лошадей в повозку, я заберусь лошади в ухо и стану ей указывать, куда ей следует идти». — «Ну, что ж. Пожалуй, попробуем разок», — сказал отец.

Когда пришло время, мать запрягла лошадей в повозку и посадила сыночка лошади в ухо, и стал оттуда малютка править лошадью — покрикивать на нее, то понукая, то сдерживая. И все пошло как по маслу, и повозка направилась прямым путем в лес.

Случилось, между прочим, так, что в то время, как повозка заворачивала за угол и малютка кричал лошади: «Правей, правей!» — шли мимо каких-то два незнакомца. «Что бы это значило? — сказал один из них. — Вот идет повозка, и возчик покрикивает на лошадь, а самого его не видать». — «Тут нечисто дело, — сказал другой, — пойдем-ка за повозкой следом и посмотрим, где она остановится».

А повозка-то въехала в лес и подъехала как раз к тому месту, где отец рубил дрова.

Когда Мальчик-с-пальчик завидел своего отца, он крикнул: «Видишь ли, батюшка, вот я и приехал к тебе с повозкою; сними же меня и опусти наземь».

Отец левою рукою ухватил лошадь под уздцы, а правую вынул из уха лошади своего милого сыночка, который и опустился на землю веселый-превеселый, и уселся на соломинку.

Когда двое незнакомцев увидели малютку, то они не могли опомниться от изумления. Один из них отвел другого в сторону и сказал: «Послушай, ведь этот мальчик-крошка мог бы нас осчастливить, если бы мы стали его показывать за деньги в большом городе. Давай-ка купим его!»

Подошли они к крестьянину и говорят: «Продай-ка нам этого маленького человечка; ему у нас будет хорошо». — «Нет, — отвечал отец, — не продам: это дитя моего сердца, не возьму за него всего золота, что есть на свете». А Мальчик-с-пальчик, услышав разговор отца с незнакомцами, вскарабкался по складкам платья к отцу на плечо и шепнул ему на ухо: «Батюшка, продай ты меня, уж я вернусь к тебе!» Тогда отец и отдал его за крупную сумму денег этим незнакомцам.

«Куда нам тебя посадить?» — спросили они у него. «А вот посадите меня на поля вашей шляпы: там я могу и расхаживать, и местность кругом озирать, и не упаду оттуда». Они так и сделали, и когда Мальчик-с-пальчик простился с отцом, они пустились в путь.

Так шли они до самых сумерек, когда малютка сказал им: «Спустите-ка меня на минутку!» — «Зачем?» — «Нужно». — «Ну, стоит ли из-за этого слезать? — сказал человек, у кото-

рого малютка сидел на шляпе. — Не беспокойся ни о чем; ты ведь как птичка, а от них кому не попадает!» — «Нет! — сказал Мальчик-с-пальчик. — Я знаю, как себя вести следует, поскорее спустите меня».

Делать нечего, пришлось незнакомцу снять шляпу и опустить малютку на придорожное поле; там он прыгнул разок-другой да пополз в сторону между комьями пашни, да скользнул в мышью норку, которую разыскал тут же, и со смехом крикнул незнакомцам: «Добрый вечер, господа, можете и без меня идти домой подобру-поздорову».

Те стали бегать и взад, и вперед и тыкать палкою в мышиную нору, но все было напрасно: Мальчик-с-пальчик все дальше и дальше забирался в нору, а так как вскоре совсем стемнело, то они должны были отправиться домой с досадою и с пустым кошельем.

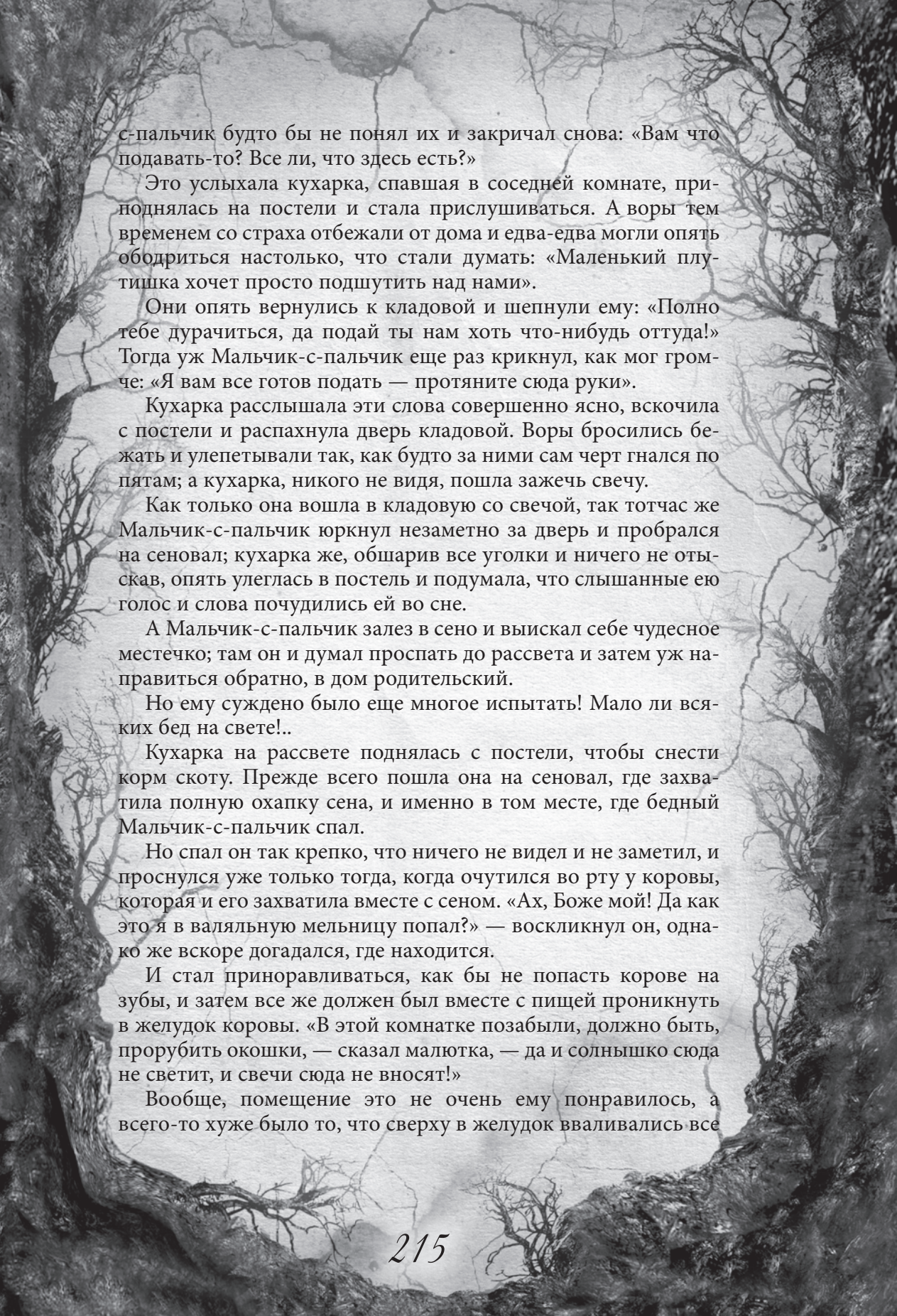
Когда Мальчик-с-пальчик заметил, что они ушли, он снова вышел на свет Божий из своего подземелья. «По полю в темноте ходить опасно, — сказал он, — пожалуй, еще сломишь себе шею либо ногу!» После этого на пути ему попалась пустая раковина улитки. «Ну, слава богу, — подумал он, — там я проведу ночь спокойно». И уселся в раковину.

Уж он собирался и заснуть, когда услышал, что мимо идут двое и разговаривают между собою: «Как бы нам ухитриться и стянуть у богатого пастора деньги и серебро его?» — «А я бы научил тебя!» — крикнул Мальчик-с-пальчик. «Что это? — спохватился в испуге один из воров. — Мне послышалось, что кто-то здесь говорит».

Они приостановились и стали прислушиваться; тогда малютка опять сказал им: «Возьмите меня с собою, так я вам помогу». — «Да где же ты?» — «А вот поищите на земле и заметьте, откуда голос выходит», — отвечал он.

Тут, наконец, воры его отыскали и подняли его. «Ты, маленькое дрянцо! Как же можешь ты нам помочь?» — сказали они. «А вот как: я пролезу между железными прутьями в кладовую пастора и оттуда буду вам подавать то, что вы укажете». — «Ну что же, посмотрим, что ты сможешь сделать».

Когда они подошли к дому пастора, Мальчик-с-пальчик залез в кладовую и тотчас стал кричать воров во весь голос: «Все вам отсюда подавать, что здесь есть?» Воры испугались и сказали: «Говори тише, не то всех разбудишь». Но Мальчик-

с-пальчик будто бы не понял их и закричал снова: «Вам что подавать-то? Все ли, что здесь есть?»

Это услышала кухарка, спавшая в соседней комнате, приподнялась на постели и стала прислушиваться. А воры тем временем со страха отбежали от дома и едва-едва могли опять ободриться настолько, что стали думать: «Маленький плутишка хочет просто подшутить над нами».

Они опять вернулись к кладовой и шепнули ему: «Полно тебе дурачиться, да подай ты нам хоть что-нибудь оттуда!» Тогда уж Мальчик-с-пальчик еще раз крикнул, как мог громче: «Я вам все готов подать — протяните сюда руки».

Кухарка расслышала эти слова совершенно ясно, вскочила с постели и распахнула дверь кладовой. Воры бросились бежать и улепетывали так, как будто за ними сам черт гнался по пятам; а кухарка, никого не видя, пошла зажечь свечу.

Как только она вошла в кладовую со свечой, так тотчас же Мальчик-с-пальчик юркнул незаметно за дверь и пробрался на сеновал; кухарка же, обшарив все уголки и ничего не отыскав, опять улеглась в постель и подумала, что слышанные ею голос и слова почудились ей во сне.

А Мальчик-с-пальчик залез в сено и выискал себе чудесное местечко; там он и думал проспать до рассвета и затем уж направиться обратно, в дом родительский.

Но ему суждено было еще многое испытать! Мало ли всяких бед на свете!..

Кухарка на рассвете поднялась с постели, чтобы снести корм скоту. Прежде всего пошла она на сеновал, где захватила полную охапку сена, и именно в том месте, где бедный Мальчик-с-пальчик спал.

Но спал он так крепко, что ничего не видел и не заметил, и проснулся уже только тогда, когда очутился во рту у коровы, которая и его захватила вместе с сеном. «Ах, Боже мой! Да как это я в валяльную мельницу попал?» — воскликнул он, однако же вскоре догадался, где находится.

И стал принаравливаться, как бы не попасть корове на зубы, и затем все же должен был вместе с пищей проникнуть в желудок коровы. «В этой комнатке позабыли, должно быть, прорубить окошки, — сказал малютка, — да и солнышко сюда не светит, и свечи сюда не вносят!»

Вообще, помещение это не очень ему понравилось, а всего-то хуже было то, что сверху в желудок вваливались все

новые и новые запасы сена и потому в желудке становилось все теснее и теснее. С перепугу Мальчик-с-пальчик и закричал что есть мочи: «Не давайте мне больше свежего корма, не давайте!»

Служанка как раз в это время доила корову, и когда услышала слова малютки и, никого не видя, сообразила, что это тот же самый голос, который слышался ей и ночью, то перепугалась так, что свалилась со скамеечки и молоко пролила.

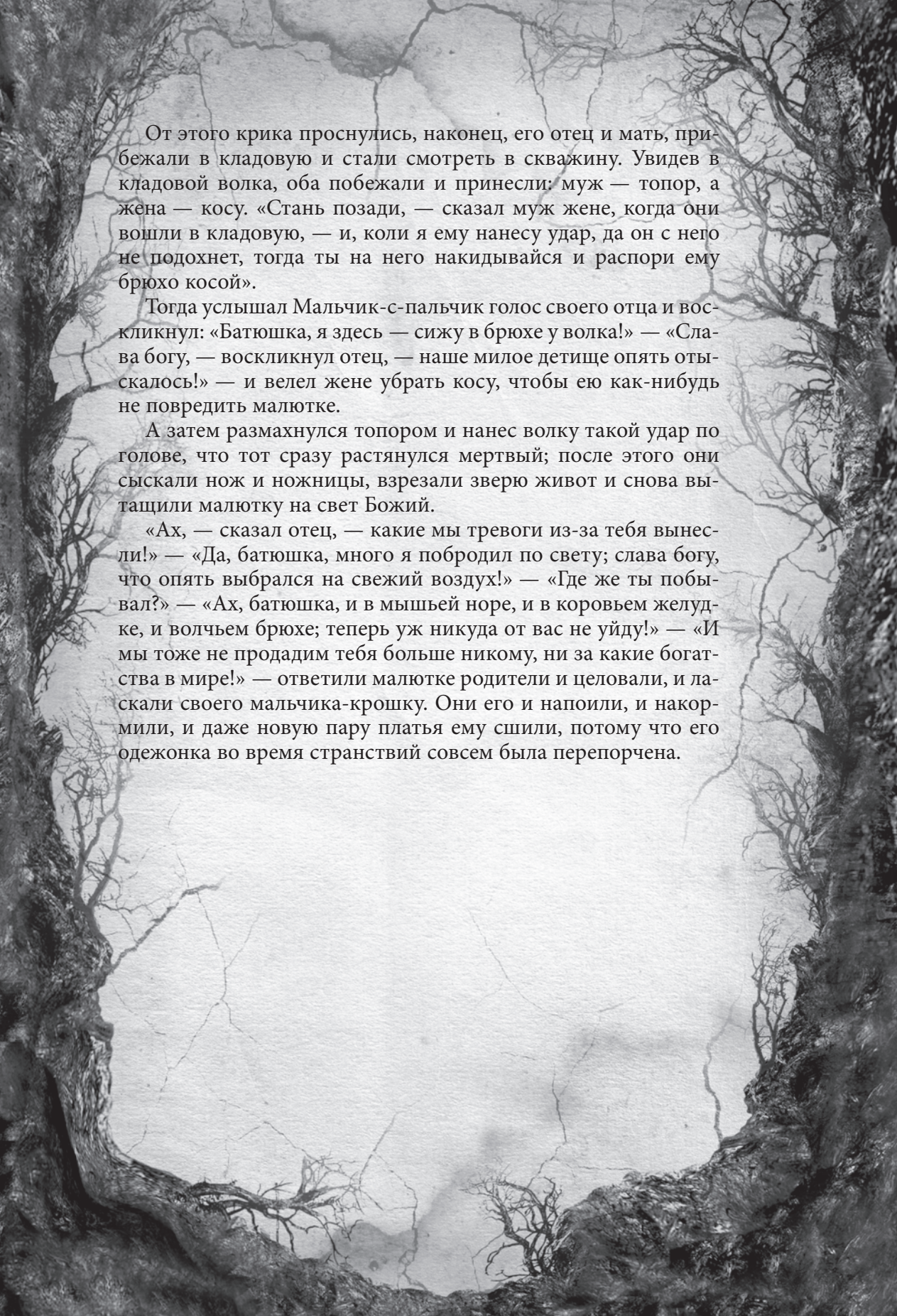
Она побежала впопыхах к своему хозяину и крикнула: «Господи Боже мой, господин пастор, ведь корова-то у нас заговорила!» — «Ты, видно, с ума сошла?» — отвечал ей пастор; однако же сам сошел в хлев и захотел посмотреть, в чем дело.

Но чуть только он переступил порог хлева, Мальчик-с-пальчик опять закричал: «Не давайте вы мне больше свежего корма! Не давайте!» Тут уж и сам священник перепугался, подумал, что в корову вселился злой дух, и приказал ее заколоть.

Корову убили, а желудок ее, в котором сидел Мальчик-с-пальчик, выбросили на навозную кучу. Малютка с великим трудом стал из желудка выбираться и расчищать в нем место; но едва только он захотел из желудка выглянуть на свет Божий, пришла новая беда: набежал голодный волк и разом проглотил весь желудок.

Однако же Мальчик-с-пальчик не упал духом. «Может быть, — подумал он, — я с волком-то еще и сговорюсь». И закричал волку из брюха: «Милый волчок! Я знаю, где тебе найти лакомый кусок!» — «А где же бы это могло быть?» — сказал волк. «А вот в такой-то и такой-то дом можно пробраться через сточную трубу, и там найдешь ты сала, колбас и всякого печенья, сколько душе угодно», — и с величайшей точностью описал ему дом своего отца.

Волк не заставил себе это повторять дважды, залез в дом ночью через сточную трубу и нажрался в тамошней кладовой, насколько сил у него хватило. Когда же наелся, то хотел улизнуть, однако же никак не мог: так раздулось у него брюхо от пищи. На это-то Мальчик-с-пальчик и рассчитывал и поднял у волка в брюхе страшный шум и возню, стучал и кричал что было мочи. «Да уймешься ли ты? — сказал ему волк. — Ведь ты так всех в доме перебудишь!» — «Мало ли что! — отвечал ему малютка. — Ты, небось, наелся досыта, а я вот хочу повеселиться!» И опять стал кричать во все горло.

От этого крика проснулись, наконец, его отец и мать, прибежали в кладовую и стали смотреть в скважину. Увидев в кладовой волка, оба побежали и принесли: муж — топор, а жена — косу. «Стань позади, — сказал муж жене, когда они вошли в кладовую, — и, коли я ему нанесу удар, да он с него не подохнет, тогда ты на него накидывайся и распори ему брюхо косой».

Тогда услышал Мальчик-с-пальчик голос своего отца и воскликнул: «Батюшка, я здесь — сижу в брюхе у волка!» — «Слава богу, — воскликнул отец, — наше милое детище опять отыскалось!» — и велел жене убрать косу, чтобы ею как-нибудь не повредить малютке.

А затем размахнулся топором и нанес волку такой удар по голове, что тот сразу растянулся мертвый; после этого они искали нож и ножницы, взрезали зверю живот и снова вытащили малютку на свет Божий.

«Ах, — сказал отец, — какие мы тревоги из-за тебя вынесли!» — «Да, батюшка, много я побродил по свету; слава богу, что опять выбрался на свежий воздух!» — «Где же ты побывал?» — «Ах, батюшка, и в мышьей норе, и в коровьем желудке, и волчьем брюхе; теперь уж никуда от вас не уйду!» — «И мы тоже не продадим тебя больше никому, ни за какие богатства в мире!» — ответили малютке родители и целовали, и ласкали своего мальчика-крошку. Они его и напоили, и накормили, и даже новую пару платья ему сшили, потому что его одёжонка во время странствий совсем была перепорчена.

Свадьба госпожи Лисицы

Первая сказка

Жил да был однажды старый лис о девяти хвостах; и покажись ему, что жена его, лисица, обманывает его; вот и задумал он ее испытать. Вытянулся под лавкой и прикинулся мертвым. Лисонька тотчас пошла к себе в комнату и заперлась в ней; а ее служанка, кисонька, сидела у очага и стряпала.

Когда разнеслась весть, что старый лис умер, явились и женихи. Служанка, заслышав, что кто-то в дверь стучится, пошла и отперла, и видит — стоит у дверей молодой лис и говорит:

Что ты, кисонька, творишь?
Спать легла или не спишь?
Она отвечала:
Видишь ты, что я не сплю.
Хочешь знать, что я творю?
Пиво я в горшке варю —
Гостя пивом угощу...

«Спасибо вам, кисонька, — сказал лис, — а что же поделывает госпожа лисичка?»

Служанка отвечала ему:

Сидит в своей каморке
И плачет, плачет горько,
Она безмерно тужит
О дорогом ей муже.

«Так скажите же ей, кисонька, что пришел, мол, молодой лис, который бы хотел за нее посвататься». — «Слушаю, господин лис!»

«Свадьба госпожи Лисицы».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Мы, киска, нище в доме сор не мети,
Да мужа старого с тем сором прихвати:
Ведь был он жадным скрягою всегда
И не делил со мной добычи никогда...»*

И, взобравшись на лесенку, запела киска песенку:

— Сударыня-лисичка!
Открой ты мне светличку.
— Зачем тебе, сестричка?
— Жених стоит у двери.
— Каков он? — Как все звери.

«А есть ли у него девять таких же пушистых хвостов, как у покойного моего мужа?» — «О нет, — отвечала кисонька, — у него только один хвост». — «Ну, так я не пойду за него».

Кисонька сошла вниз и отослала жениха. Вскоре после того постучались опять у дверей, и уж другой лис стоял у порога: пришел свататься за лисоньку. У этого жениха было два хвоста; но и он не имел удачи.

За ним приходили и другие, и у каждого было на один хвост больше; и всем-то лисонька отказывала, пока не пришел лис, у которого было девять хвостов, как и у старого мужа лисоньки.

Как услышала это горестная вдова, так и обрадовалась, и сказала кисоньке:

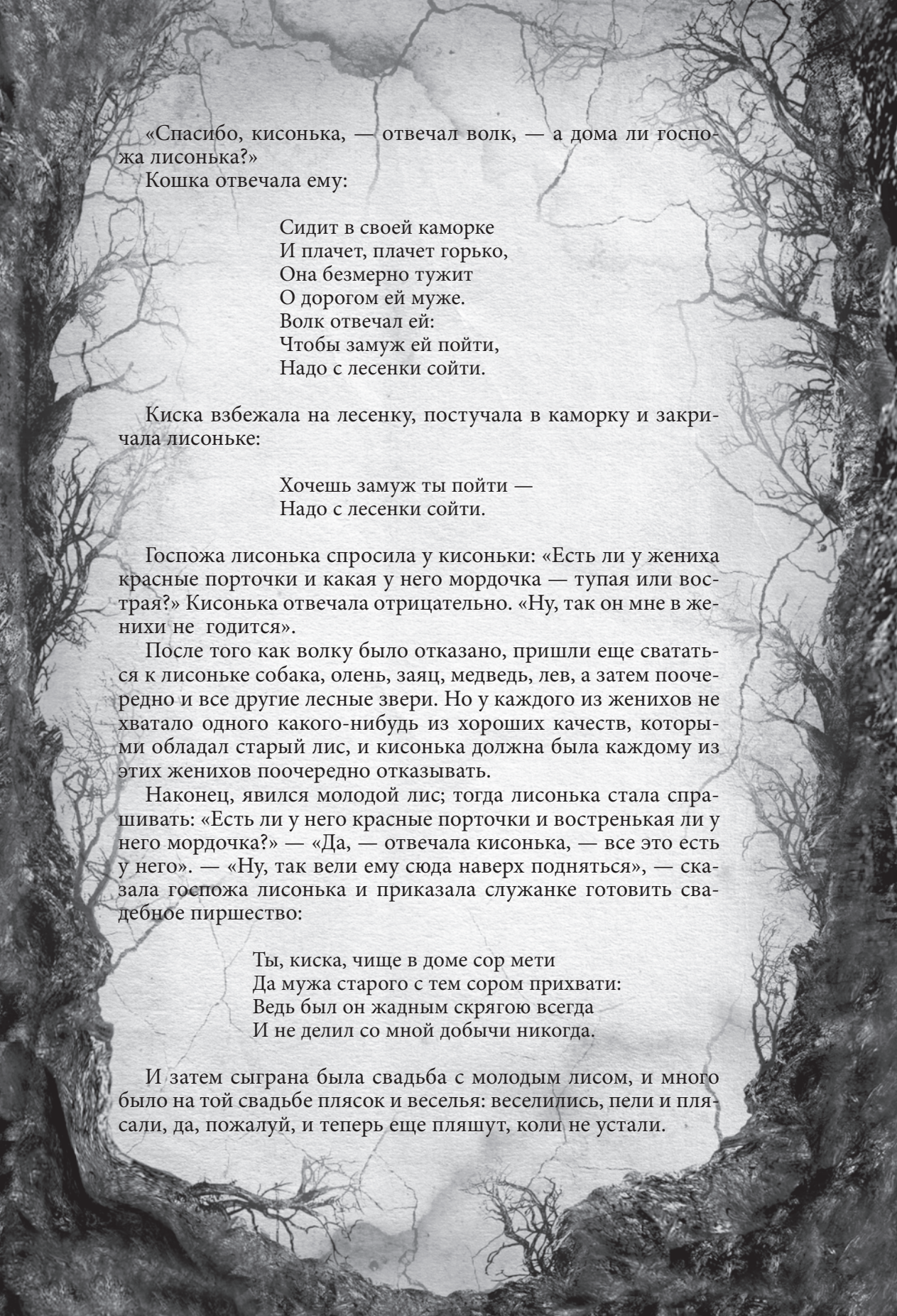
Двери да ворота шире отворите,
Поскорей отсюда мужа выносите.

Но как только задумали играть свадьбу, старый лис зашевелился под скамьею, угостил всех лозою, выгнал их за двери вместе с женою.

Вторая сказка

Когда старый лис умер, волк явился сватать лисоньку; постучал в двери, и кошка, которая была у лисоньки в служанках, отворила ему. Волк поклонился и сказал:

Добрый день, госпожа,
Что ты здесь сидишь одна?
Что сидишь-поделываешь?
Кисонька отвечала:
Молоко я кипячу,
И тебя я угощу.

«Спасибо, кисонька, — отвечал волк, — а дома ли госпожа лисонька?»

Кошка отвечала ему:

Сидит в своей каморке
И плачет, плачет горько,
Она безмерно тужит
О дорогом ей муже.
Волк отвечал ей:
Чтобы замуж ей пойти,
Надо с лесенки сойти.

Киска взбежала на лесенку, постучала в каморку и закричала лисоньке:

Хочешь замуж ты пойти —
Надо с лесенки сойти.

Госпожа лисонька спросила у кисоньки: «Есть ли у жениха красные порточки и какая у него мордочка — тупая или вострая?» Кисонька отвечала отрицательно. «Ну, так он мне в женихи не годится».

После того как волку было отказано, пришли еще свататься к лисоньке собака, олень, заяц, медведь, лев, а затем поочередно и все другие лесные звери. Но у каждого из женихов не хватало одного какого-нибудь из хороших качеств, которыми обладал старый лис, и кисонька должна была каждому из этих женихов поочередно отказывать.

Наконец, явился молодой лис; тогда лисонька стала спрашивать: «Есть ли у него красные порточки и востренькая ли у него мордочка?» — «Да, — отвечала кисонька, — все это есть у него». — «Ну, так вели ему сюда наверх подняться», — сказала госпожа лисонька и приказала служанке готовить свадебное пиршество:

Ты, киска, чище в доме сор мети
Да мужа старого с тем сором прихвати:
Ведь был он жадным скрягою всегда
И не делил со мной добычи никогда.

И затем сыграна была свадьба с молодым лисом, и много было на той свадьбе плясок и веселья: веселились, пели и плясали, да, пожалуй, и теперь еще пляшут, коли не устали.

Домовые

Первая сказка

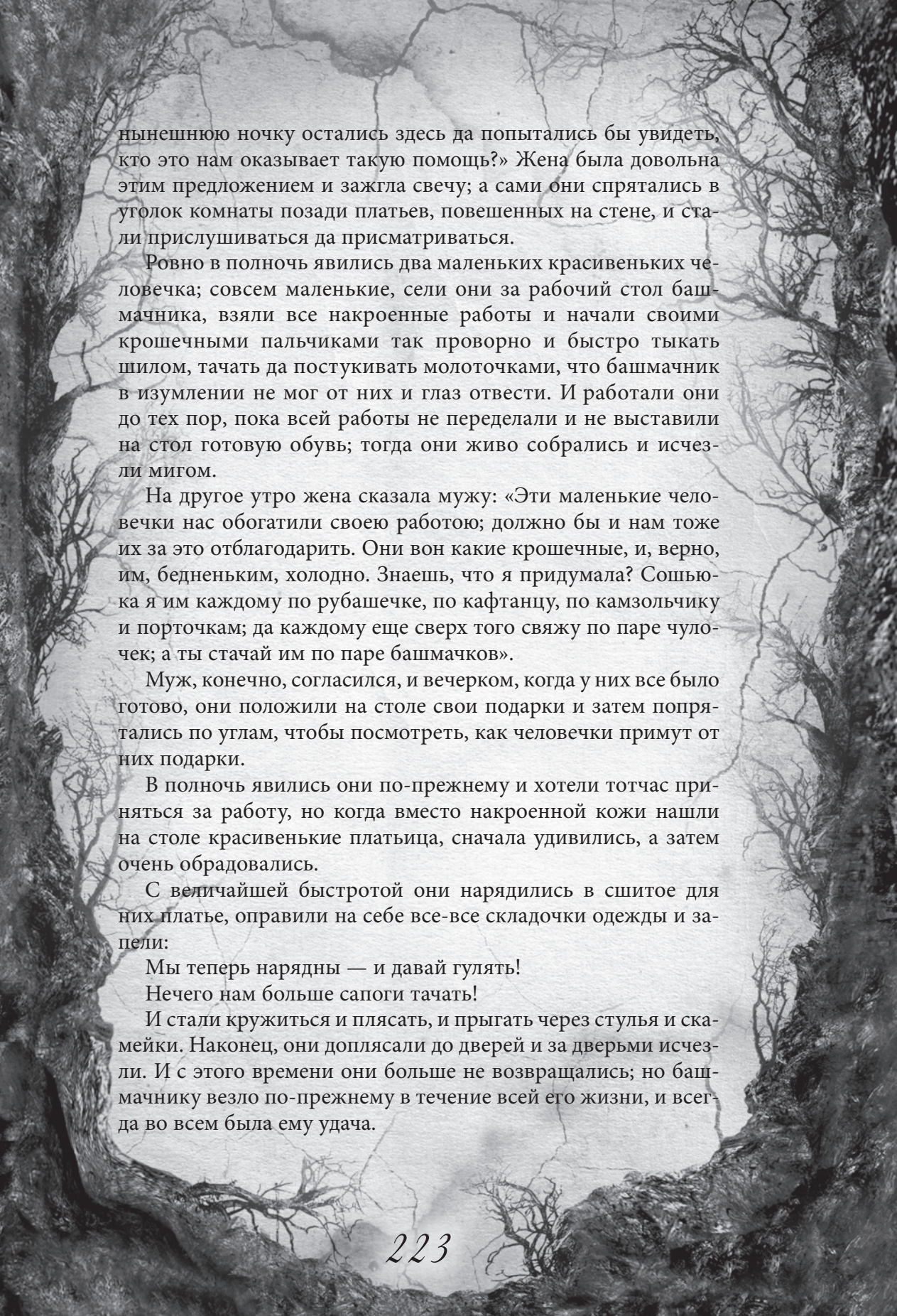
дин башмачник не по своей вине так обеднел, что у него, наконец, ничего больше не оставалось, кроме кожи для единственной пары башмаков. Вот и выкроил он под вечер эти башмаки и хотел их с утра пустить в работу, а так как совесть у него была чиста, то и лег он спокойно в постель, помолился Богу и заснул.

Наутро, помолившись Богу, он хотел было усесться за работу, но оказалось, что башмаки стоят совсем готовые на его столе. Подивился он и даже не знал, как это себе уяснить. Взял он готовые башмаки в руку, чтобы поближе их рассмотреть, и увидел, что они так чисто сработаны, что ни одного стежка нет в них неправильного — видно, что мастер те башмаки шил. А вскоре после того явился и покупатель, и так как башмаки ему понравились, то заплатил он за них дороже, чем обычно, и башмачник на те деньги мог купить кожи на две пары башмаков.

Он и скроил их с вечера и думал наутро со свежими силами приняться за работу, да это совершенно было излишним, потому что утром башмаки снова были готовы; да и за покупателями дело не стало, и получил он столько денег, что мог купить кожи на четыре пары башмаков. На другое утро башмачник опять-таки нашел у себя на столе все четыре пары сшитыми и готовыми.

Так и пошло дело далее: что он с вечера накроит, то уж к утру все сшито, так что он вскоре стал сводить концы с концами и, наконец, стал даже зажиточным человеком.

Вот и случилось однажды вечером незадолго до Рождества, что он перед сном сказал своей жене: «А что, если бы мы

нынешнюю ночь остались здесь да попытались бы увидеть, кто это нам оказывает такую помощь?» Жена была довольна этим предложением и зажгла свечу; а сами они спрятались в уголок комнаты позади платьев, повешенных на стене, и стали прислушиваться да присматриваться.

Ровно в полночь явились два маленьких красивеньких человечка; совсем маленькие, сели они за рабочий стол башмачника, взяли все накроенные работы и начали своими крошечными пальчиками так проворно и быстро тыкать шилом, тачать да постукивать молоточками, что башмачник в изумлении не мог от них и глаз отвести. И работали они до тех пор, пока всей работы не переделали и не выставили на стол готовую обувь; тогда они живо собрались и исчезли мигом.

На другое утро жена сказала мужу: «Эти маленькие человечки нас обогатили своею работою; должно бы и нам тоже их за это отблагодарить. Они вон какие крошечные, и, верно, им, бедненьким, холодно. Знаешь, что я придумала? Сошью-ка я им каждому по рубашечке, по кафтанцу, по камзольчику и порточкам; да каждому еще сверх того свяжу по паре чулочек; а ты стачай им по паре башмачков».

Муж, конечно, согласился, и вечером, когда у них все было готово, они положили на столе свои подарки и затем попрятались по углам, чтобы посмотреть, как человечки примут от них подарки.

В полночь явились они по-прежнему и хотели тотчас приняться за работу, но когда вместо накроенной кожи нашли на столе красивенькие платица, сначала удивились, а затем очень обрадовались.

С величайшей быстротой они нарядились в сшитое для них платье, оправили на себе все-все складочки одежды и зацели:

Мы теперь нарядны — и давай гулять!

Нечего нам больше сапоги тачать!

И стали кружиться и плясать, и прыгать через стулья и скамейки. Наконец, они доплясали до дверей и за дверьми исчезли. И с этого времени они больше не возвращались; но башмачнику везло по-прежнему в течение всей его жизни, и всегда во всем была ему удача.

Вторая сказка

Жила-была бедная служанка, чистоплотная и на службу ретивая; она каждый день убирала дом и вытряхивала сор.

Однажды, когда служанка только что собиралась приняться за работу, она нашла у двери письмо, и так как не могла его прочесть, то поставила метлу в угол и принесла письмо к своим господам; а в том письме оказалось приглашение от домовых духов, которые звали девушку крестить у них ребенка.

Девушка колебалась, как ей поступить; но, наконец, после многих уговоров и после того, как господа сказали ей, что от такого приглашения нельзя отказываться, она согласилась. Тогда явились трое домовых и повели девушку внутрь гору, где жили эти маленькие человечки.

В их жилье все было маленькое, но такое красивое и милое, что и описать невозможно. Родильница лежала на кровати из черного дерева, украшенной жемчужинками, одеяльца были золотом расшиты, колыбелька — из слоновой кости, а ванночка — из чистого золота.

Покончив с крестинами, девушка хотела было вернуться домой, но маленькие домовые убедительно стали уговаривать ее, чтобы она у них погостила три дня. Она выполнила их желание и провела время в веселье и радости, и маленькие домовые старались ей во всем угодить.

Наконец, она собралась домой, и тогда ее маленькие хозяева набили ей полнешеньки карманы золота и вывели ее из горы.

Вернувшись домой, девушка задумала приняться за свою обычную работу, взяла было в руки метлу, которая, как и прежде, стояла в том же углу, и начала подметать. Но из дома вышли какие-то незнакомые люди и спросили у девушки, кто она и что она здесь делает.

Оказалось, что она пробыла в горе у маленьких домовых не три дня, а семь лет, и ее прежние господа тем временем успели умереть.

Третья сказка

У одной матери маленькие домовые духи похитили ее ребенка из колыбели, а на место его положили оборотня, большеголового и пучеглазого, который только и знал, что все требовал есть да пить.

В такой беде побежала мать к своей соседке и стала просить у нее совета.

Соседка посоветовала вынести оборотня в кухню, посадить на очаг, развести огонь и в двух яичных скорлупках кипятить при нем воду: это должно рассмешить оборотня, а уж если удастся рассмешить его, так удастся и избавиться от него.

Мать все исполнила по совету соседки. Когда она поставила над огнем яичные скорлупки с водой, головастый оборотень заговорил:

Хоть я и постарше
Столетнего леса,
А все не могу тут понять ни бельмеса!

И начал хохотать. Во время его хохота вдруг явилось множество маленьких домовых, которые возвратили матери похищенное дитя, а своего оборотня унесли.

Жених-разбойник

У одного мельника была дочь-красавица, и когда она вошла в возраст, то он решил ее пристроить и выгоднее выдать замуж. И думал он так: «Заявись только хороший жених да посватайся за нее, сейчас ее и выдам».

Немного прошло времени, как явился жених, по-видимому, очень богатый человек, и так как мельник не имел никаких поводов отклонить его сватовство, то и обещал ему, что выдаст за него свою дочь.

А дочери мельника жених не полюбился, как должен он полюбиться невесте, и не возбудил в ней доверия к себе: как, бывало, взглянет она на него или о нем станет думать, так и почует в сердце какой-то невольный страх.

Однажды он сказал ей: «Ты мне невеста, а ни разу не бывала у меня в доме». Девушка отвечала ему: «Да я же все и не знаю, где ваш дом!» А жених и говорит ей: «Дом мой вон там, в самой гуще леса». Девушка старалась отговориться и ссылалась на то, что ей не сыскать будет дороги к его дому. Жених сказал: «В будущее воскресенье непременно приходи ко мне; я уж и гостей для тебя пригласил; а чтобы ты могла найти дорогу к дому, я всю ее усыплю золою».

Когда пришло воскресенье и девушке надлежало уже отправиться в путь к дому жениха, на нее вдруг напал какой-то безотчетный страх. Она подумала: «Еще, пожалуй, заблужусь в лесу», — и набила себе на всякий случай полные карманы горохом и чечевицей.

На опушке леса она действительно нашла золу, пошла по тому следу, который был золою посыпан, но на каждом шагу разбрасывала направо и налево по нескольку горошинок.

Так шла она почти весь день и зашла в самую глубь леса, где он был всего гуще; там стоял одинокий дом, который очень не понравился мельниковой дочке — так неприветлив и мрачен он был на вид.

*«...Когда невеста
услышала крик,
она вышла из-за двери
и должна была пройти
среди спящих разбойников,
которые лежали рядком
на земле, и очень боялась,
что она кого-нибудь
из них разбудит...»*

«Жених-разбойник».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Вошла она в дом, но никого в нем не повстречала... И тишина в нем была ненарушимая. Вдруг над головою у нее раздался голос:

Вернись скорей, вернись домой,
Зашла в притон ты воровской!

Девушка взглянула и увидела, что это птица в клетке, ви-сящей на стене.

И птица опять проговорила:

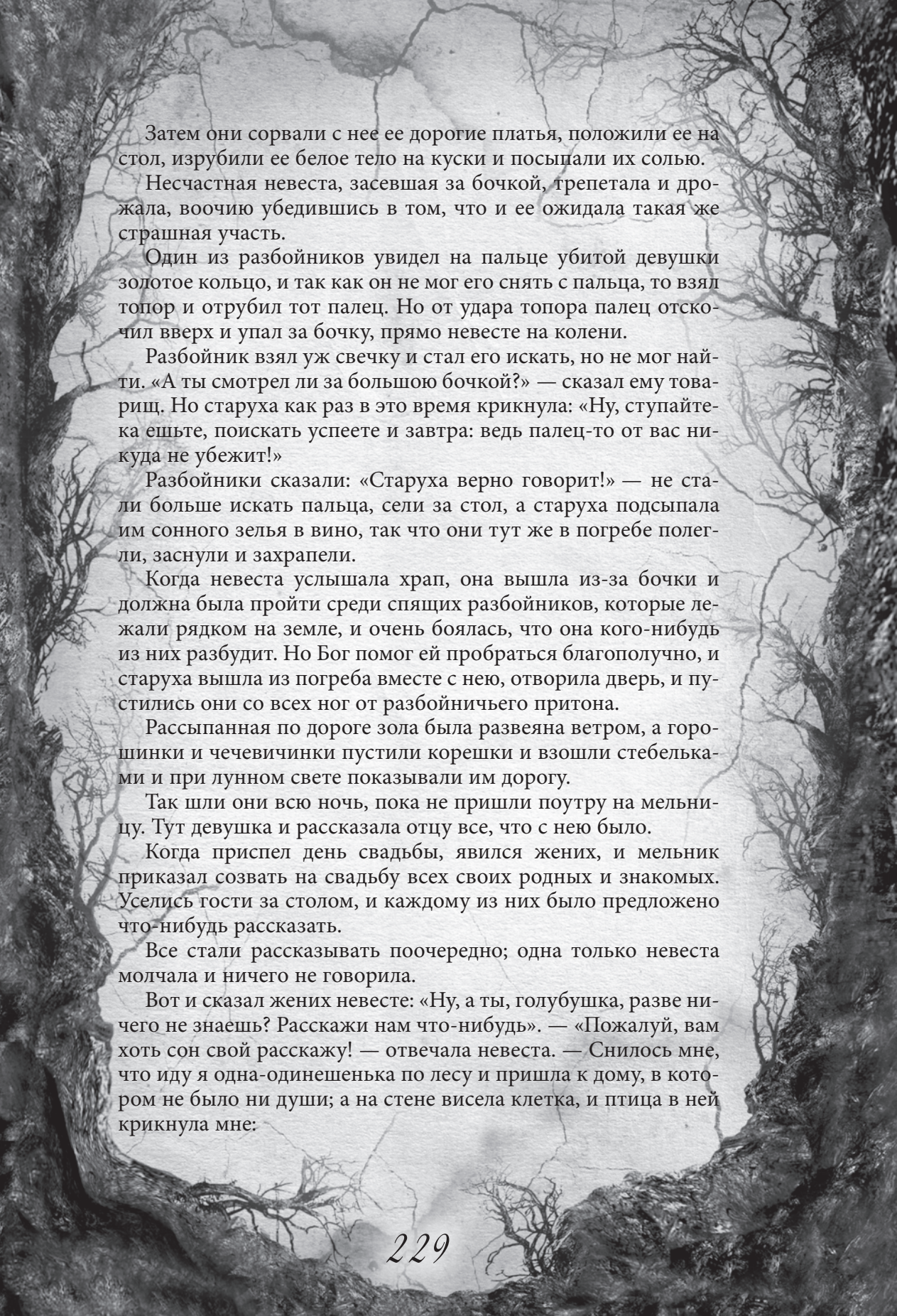
Вернись скорей, вернись домой,
Зашла в притон ты воровской!

Тогда прекрасная невеста пошла по всему дому, из комна-ты в комнату; но кругом все было пусто, и ни души человече-ской нигде не было видно.

Наконец, зашла она и в погреб и увидела там дряхлую-предряхлую старуху, у которой и голова уж тряслась от ста-рости. «Не можете ли вы сказать мне, — спросила девушка, — здесь ли живет мой жених?» — «Ах ты, бедняжка, — отвечала ей старуха, — куда ты это попала! Ведь ты в разбойничий при-тон зашла! Ты думаешь, что вот ты невеста и скоро свадьбы дождешься, а между тем тебе придется повенчаться со смер-тью! Видишь, я вот кипячу воду в большом котле, а для чего бы ты думала? Как попадешься в их лапы, так они тебя без всякой жалости разрубят на куски, сварят твоё тело в этом котле и съедят его: ведь они людоеды! Коли бы я над тобой не сжалилась и не задумала тебя спасти, ты бы погибла!»

Затем старуха посадила красавицу за большую бочку, где ее никак нельзя было увидеть. «Сиди здесь смирнехонько, — сказала она, — не шевелись и не ворохнись, а не то пропала твоя головушка! А вот ночью мы с тобою и убежим отсюда, я давно уж этого случая выжидаю».

Едва только успела она это промолвить, вся шайка и на-грязнула домой. Разбойники привели с собою другую девушку, были все пьяны и не обращали на ее вопли и стоны никако-го внимания. Они дали ей выпить три стакана вина: один — красного, один — белого и один — желтого, и от того вина у нее сразу дух захватило.

Затем они сорвали с нее ее дорогие платья, положили ее на стол, изрубили ее белое тело на куски и посыпали их солью.

Несчастливая невеста, засевшая за бочкой, трепетала и дрожала, воочию убедившись в том, что и ее ожидала такая же страшная участь.

Один из разбойников увидел на пальце убитой девушки золотое кольцо, и так как он не мог его снять с пальца, то взял топор и отрубил тот палец. Но от удара топора палец отскочил вверх и упал за бочку, прямо невесте на колени.

Разбойник взял уж свечку и стал его искать, но не мог найти. «А ты смотрел ли за большою бочкой?» — сказал ему товарищ. Но старуха как раз в это время крикнула: «Ну, ступайте-ка ешьте, поискать успеете и завтра: ведь палец-то от вас никуда не убежит!»

Разбойники сказали: «Старуха верно говорит!» — не стали больше искать пальца, сели за стол, а старуха подсыпала им сонного зелья в вино, так что они тут же в погребке легли, заснули и захрапели.

Когда невеста услышала храп, она вышла из-за бочки и должна была пройти среди спящих разбойников, которые лежали рядом на земле, и очень боялась, что она кого-нибудь из них разбудит. Но Бог помог ей пробраться благополучно, и старуха вышла из погреба вместе с нею, отворила дверь, и пустились они со всех ног от разбойничьего притона.

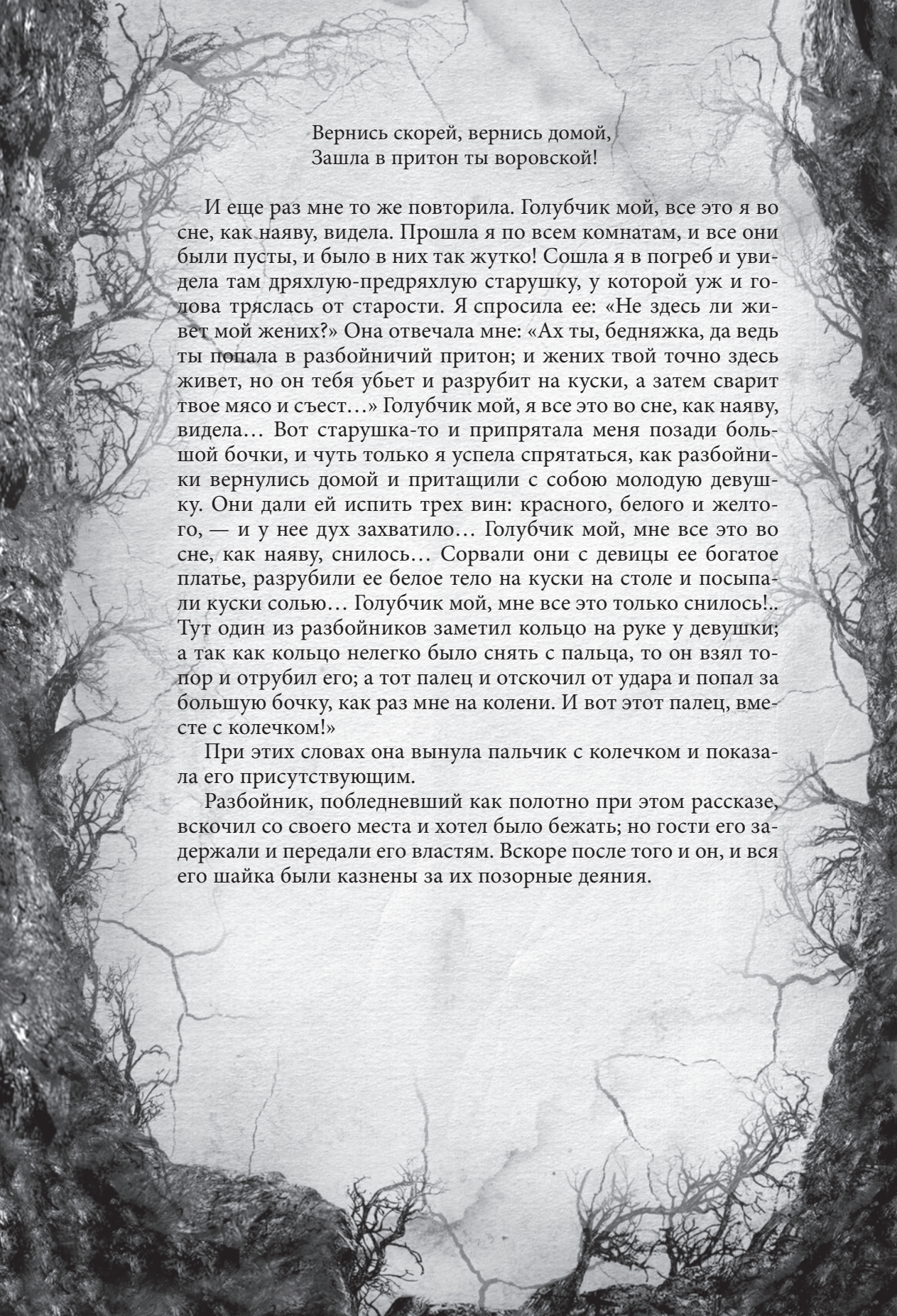
Рассыпанная по дороге зола была развеяна ветром, а горошинки и чечевичинки пустили корешки и взошли стебельками и при лунном свете показывали им дорогу.

Так шли они всю ночь, пока не пришли поутру на мельницу. Тут девушка и рассказала отцу все, что с нею было.

Когда приспел день свадьбы, явился жених, и мельник приказал созвать на свадьбу всех своих родных и знакомых. Уселись гости за столом, и каждому из них было предложено что-нибудь рассказать.

Все стали рассказывать поочередно; одна только невеста молчала и ничего не говорила.

Вот и сказал жених невесте: «Ну, а ты, голубушка, разве ничего не знаешь? Расскажи нам что-нибудь». — «Пожалуй, вам хоть сон свой расскажу! — отвечала невеста. — Снилось мне, что иду я одна-одинешенька по лесу и пришла к дому, в котором не было ни души; а на стене висела клетка, и птица в ней крикнула мне:

Вернись скорей, вернись домой,
Зашла в притон ты воровской!

И еще раз мне то же повторила. Голубчик мой, все это я во сне, как наяву, видела. Прошла я по всем комнатам, и все они были пусты, и было в них так жутко! Сошла я в погреб и увидела там дряхлую-предряхлую старушку, у которой уж и голова тряслась от старости. Я спросила ее: «Не здесь ли живет мой жених?» Она отвечала мне: «Ах ты, бедняжка, да ведь ты попала в разбойничий притон; и жених твой точно здесь живет, но он тебя убьет и разрубит на куски, а затем сварит твое мясо и съест...» Голубчик мой, я все это во сне, как наяву, видела... Вот старушка-то и припрятала меня позади большой бочки, и чуть только я успела спрятаться, как разбойники вернулись домой и притащили с собою молодую девушку. Они дали ей испить трех вин: красного, белого и желтого, — и у нее дух захватило... Голубчик мой, мне все это во сне, как наяву, снилось... Сорвали они с девицы ее богатое платье, разрубили ее белое тело на куски на столе и посыпали куски солью... Голубчик мой, мне все это только снилось!.. Тут один из разбойников заметил кольцо на руке у девушки; а так как кольцо нелегко было снять с пальца, то он взял топор и отрубил его; а тот палец и отскочил от удара и попал за большую бочку, как раз мне на колени. И вот этот палец, вместе с колечком!»

При этих словах она вынула пальчик с колечком и показала его присутствующим.

Разбойник, побледневший как полотно при этом рассказе, вскочил со своего места и хотел было бежать; но гости его задержали и передали его властям. Вскоре после того и он, и вся его шайка были казнены за их позорные деяния.

Господин Корбс

Жили-были петушок с курочкой, и задумали они вместе пуститься в путь-дороженьку. Вот петушок и построил чудесную повозочку с четырьмя красными колесами и впряг в ту повозочку четырех мышей.

Петушок с курочкой сели в повозочку и поехали.

Вскоре повстречались они с кошкою, которая сказала: «Куда это вы собрались?»

Петушок и отвечал:

Едем, едем мы путем
К господину Корбсу в дом.

«Возьмите меня с собою», — сказала кошка. Петушок отвечал: «С удовольствием! Только садись позади повозки; а то сядешь впереди, так еще, пожалуй, свалишься».

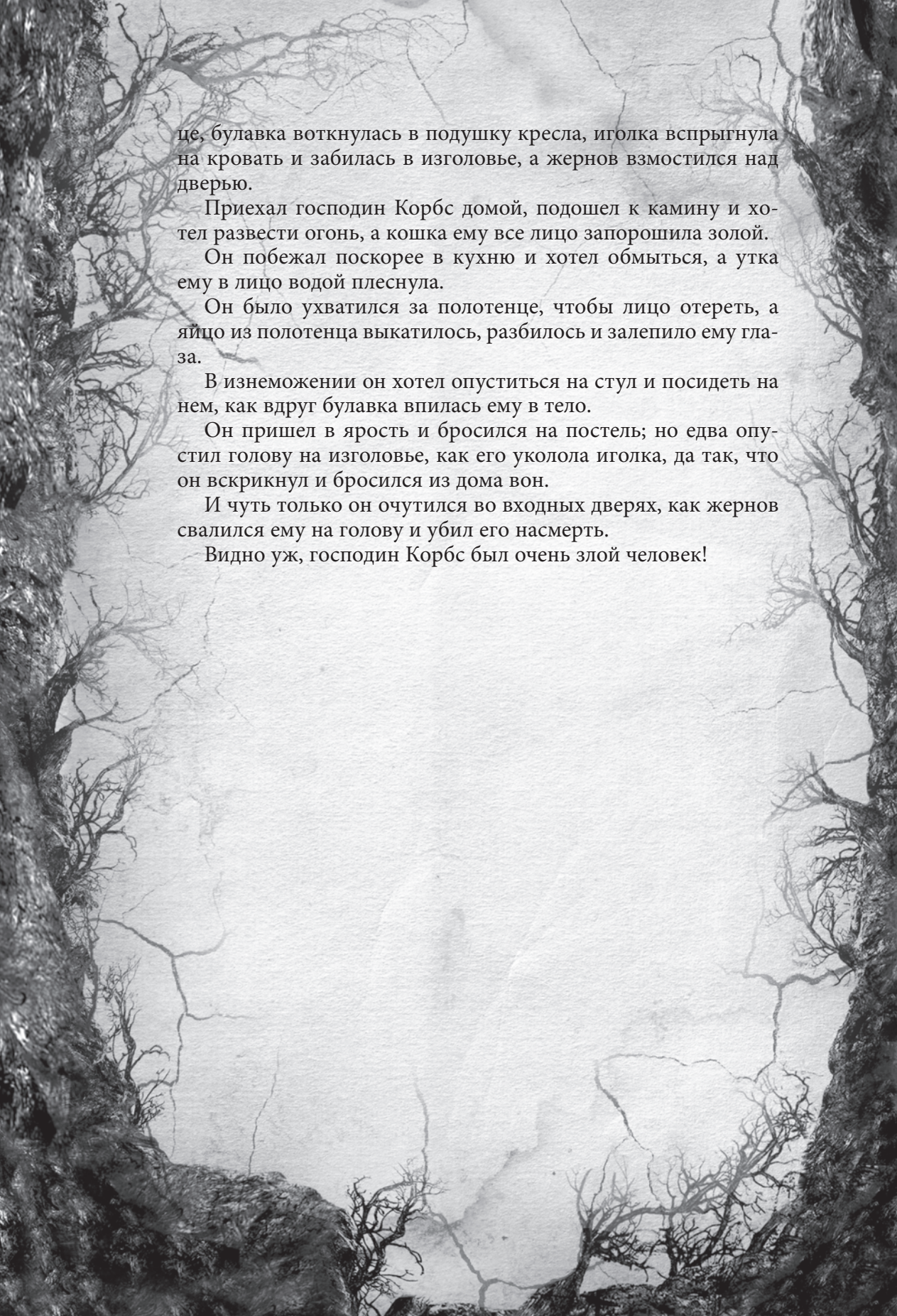
И добавил:

На запятки вы ступайте,
Да колес не замарайте.
Вы, колесики, катитесь,
А вы, мышки, торопитесь.
Поспешайте вы путем
К господину Корбсу в дом.

Вслед за кошкою повстречались им жернов, яйцо, утка, булавка и, наконец, иголка; и все сели в ту же повозку и поехали вместе.

Когда же они прибыли к господину Корбсу в дом, его самого дома не было.

Мышки завезли повозочку на сеновал, петушок с курочкой уселись на шесток, кошка залезла в камин, утка взобралась на шест насоса у колодца, яйцо завернулось в полотен-

це, булавка воткнулась в подушку кресла, иголка вспрыгнула на кровать и забилась в изголовье, а жернов взмолился над дверью.

Приехал господин Корбс домой, подошел к камину и хотел развести огонь, а кошка ему все лицо запорошила золой.

Он побежал поскорее в кухню и хотел обмыться, а утка ему в лицо водой плеснула.

Он было ухватился за полотенце, чтобы лицо отереть, а яйцо из полотенца выкатилось, разбилось и залепило ему глаза.

В изнеможении он хотел опуститься на стул и посидеть на нем, как вдруг булавка впилась ему в тело.

Он пришел в ярость и бросился на постель; но едва опустил голову на изголовье, как его уколола иголка, да так, что он вскрикнул и бросился из дома вон.

И чуть только он очутился во входных дверях, как жернов свалился ему на голову и убил его насмерть.

Видно уж, господин Корбс был очень злой человек!

Господин Кум

У одного бедняка было так много детей, что он всех к себе в кумовья перезвал; а когда у него родился еще один ребенок, то он уж и не знал, кого бы еще пригласить к нему в крестные отцы.

Не зная, как поступить, он в горе бросился на постель, да и заснул.

И приснилось ему, будто он должен выйти за ворота и просить к себе в кумовья первого встречного прохожего.

Проснувшись, он решился и наяву последовать указанию, полученному в сновидении, вышел за ворота и первого встречного звал к себе в кумовья.

Незнакомец подарил ему при этом склянку воды и сказал: «Эта водичка не простая; ты ею можешь лечить всякие болезни, только всегда смотри, где у больного смерть стоит. Если стоит в головах, то смело дай больному хлебнуть этой водички, и он выздоровеет, а если у больного смерть стоит в ногах, то все труды будут напрасны — он все равно помрет».

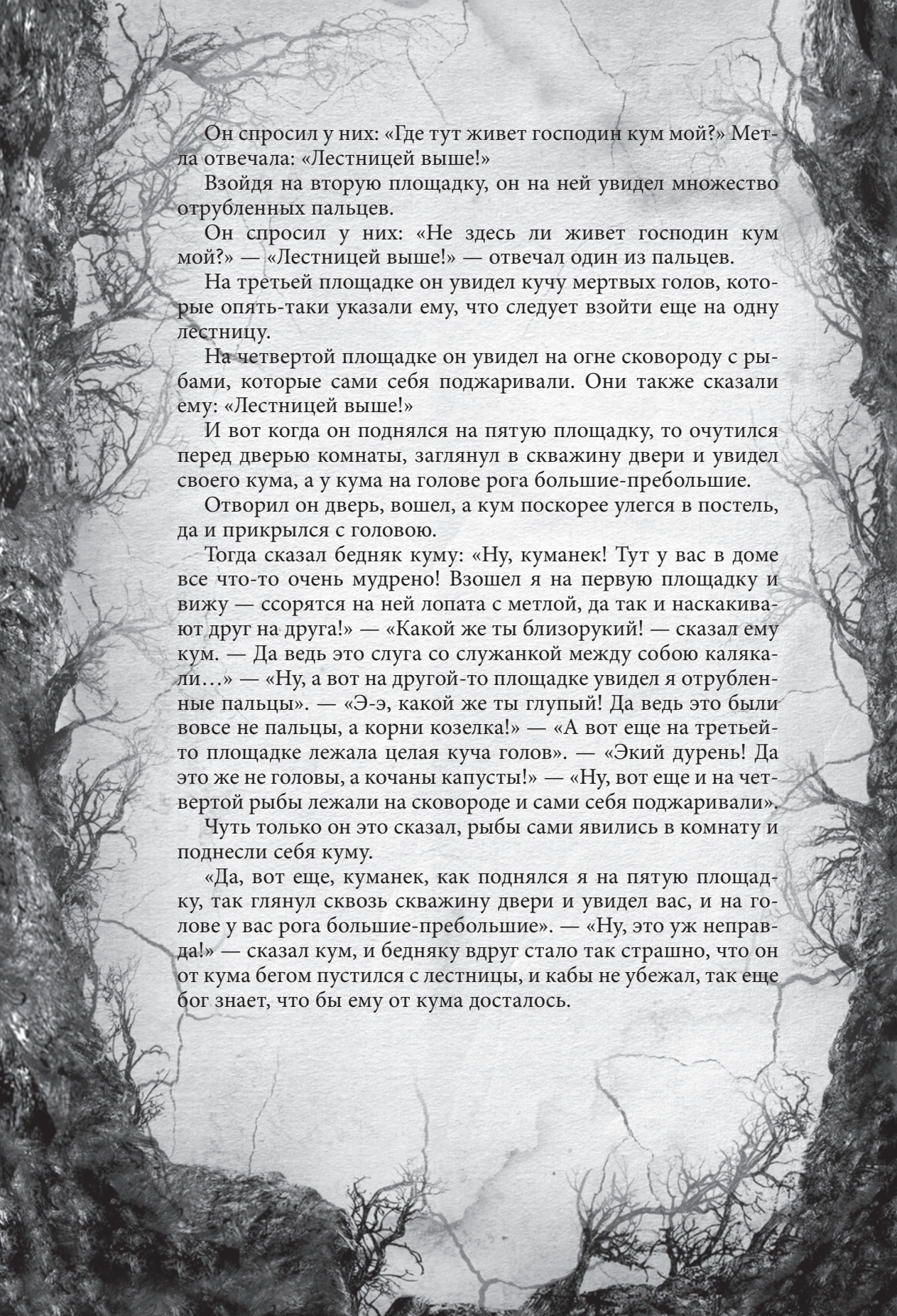
И вот с тех пор этот бедняк всегда мог с уверенностью сказать, можно ли больного спасти или нет, прославился своим искусным врачеванием и стал зарабатывать много денег.

Однажды его позвали к королевскому ребенку, и как только он вошел в его комнату, то увидел, что смерть стоит у него в головах, и вылечил его своей водицей; так же точно случилось и в другой раз — он увидел смерть в ногах, и ребенок должен был умереть.

Вот и вздумалось бедняку однажды посетить своего кума и рассказать ему, как успешно он лечит его водицей.

Когда же он пришел к куму в дом, то все показалось ему чрезвычайно странным.

На первой площадке лестницы он увидел, что метла с лопатой ссорятся и дерутся.

Он спросил у них: «Где тут живет господин кум мой?» Метла отвечала: «Лестницей выше!»

Взойдя на вторую площадку, он на ней увидел множество отрубленных пальцев.

Он спросил у них: «Не здесь ли живет господин кум мой?» — «Лестницей выше!» — отвечал один из пальцев.

На третьей площадке он увидел кучу мертвых голов, которые опять-таки указали ему, что следует взойти еще на одну лестницу.

На четвертой площадке он увидел на огне сковороду с рыбами, которые сами себя поджаривали. Они также сказали ему: «Лестницей выше!»

И вот когда он поднялся на пятую площадку, то очутился перед дверью комнаты, заглянул в скважину двери и увидел своего кума, а у кума на голове рога большие-пребольшие.

Отворил он дверь, вошел, а кум поскорее улегся в постель, да и прикрылся с головою.

Тогда сказал бедняк куму: «Ну, куманек! Тут у вас в доме все что-то очень мудрено! Взошел я на первую площадку и вижу — ссорятся на ней лопата с метлой, да так и наскакивают друг на друга!» — «Какой же ты близорукий! — сказал ему кум. — Да ведь это слуга со служанкой между собою калякали...» — «Ну, а вот на другой-то площадке увидел я отрубленные пальцы». — «Э-э, какой же ты глупый! Да ведь это были вовсе не пальцы, а корни козелка!» — «А вот еще на третьей-то площадке лежала целая куча голов». — «Экий дурень! Да это же не головы, а кочаны капусты!» — «Ну, вот еще и на четвертой рыбы лежали на сковороде и сами себя поджаривали».

Чуть только он это сказал, рыбы сами явились в комнату и поднесли себя куму.

«Да, вот еще, куманек, как поднялся я на пятую площадку, так глянул сквозь скважину двери и увидел вас, и на голове у вас рога большие-пребольшие». — «Ну, это уж неправда!» — сказал кум, и бедняку вдруг стало так страшно, что он от кума бегом пустился с лестницы, и кабы не убежал, так еще бог знает, что бы ему от кума досталось.

«Господин кум».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...он от кума бегом пустился с лестницы, и кабы не убежал,
тох еще Бог знает, што бы ему от кума досталось...»*

Госпожа Труде

Жила-была однажды на свете девушка, упрямая и капризная, и если родители ей что-нибудь говорили, то она никогда их не слушалась. Ну, что же было от нее и ждать путного?

Однажды она сказала своим родителям: «Я так много слышалась о госпоже Труде, что мне бы хотелось у нее побывать. Мне рассказывали, что в доме у нее все так чудно-мудрено, вот мне и захотелось на ее дом посмотреть».

Родители ей это строго-настрого запрещали, говоря: «Госпожа Труде — злая старуха и с нечистым знается, и если ты к ней пойдешь, то ты нам не дочь».

Но девушка не обратила внимания на запрещение родительское и все же пошла в дом госпожи Труде.

И когда она к старухе пришла, та спросила ее: «Отчего ты это такая бледная?» — «Ах, — отвечала девушка (а дрожь так и пробирала ее!), — уж очень я испугалась того, что увидела!» — «А что же ты видела-то?» — «Я видела у вас на крыльчке черного человека». — «Это был угольщик». — «А потом увидела зеленого человека». — «Ну, это был охотник». — «А затем увидела красного, как кровь, человека». — «Это был, конечно, мясник». — «Ах, госпожа Труде, я в себя не могу прийти от страха: смотрела я потом в окошко и вас-то не видела, а на вашем месте сидел черт, и голова у него была вся в огне». — «Ого, — сказала госпожа Труде, — так, значит, ты видела ведьму во всем ее уборе! А я уж давно тебя поджидала — ты мне и посветишь».

Тут она оборотила девушку в деревянный чурбан и швырнула ее в огонь.

И когда огонь разгорелся, ведьма к нему подседа, стала греться около него и приговаривать: «Вот теперь горит светленько и тепленько!»

Снегурочка

Зимним деньком, в то время как снег валил хлопьями, сидела одна королева и шила под окошечком, у которого рама была черного дерева. Шила она и на снег по-смастривала, и уколола себе иглой палец до крови. И подумала королева про себя: «Ах, если бы у меня родился ребеночек белый, как снег, румяный, как кровь, и чернявый, как черное дерево!»

И вскоре желание ее точно исполнилось: родилась у нее доченька — белая, как снег, румяная, как кровь, и черноволосая; и была за свою белизну названа Снегурочкой.

И чуть только родилась доченька, королева-мать и умерла. Год спустя король женился на другой. Эта вторая жена его была красавицей, но и горда, и высокомерна, и никак не могла потерпеть, чтобы кто-нибудь мог с нею сравняться в красоте.

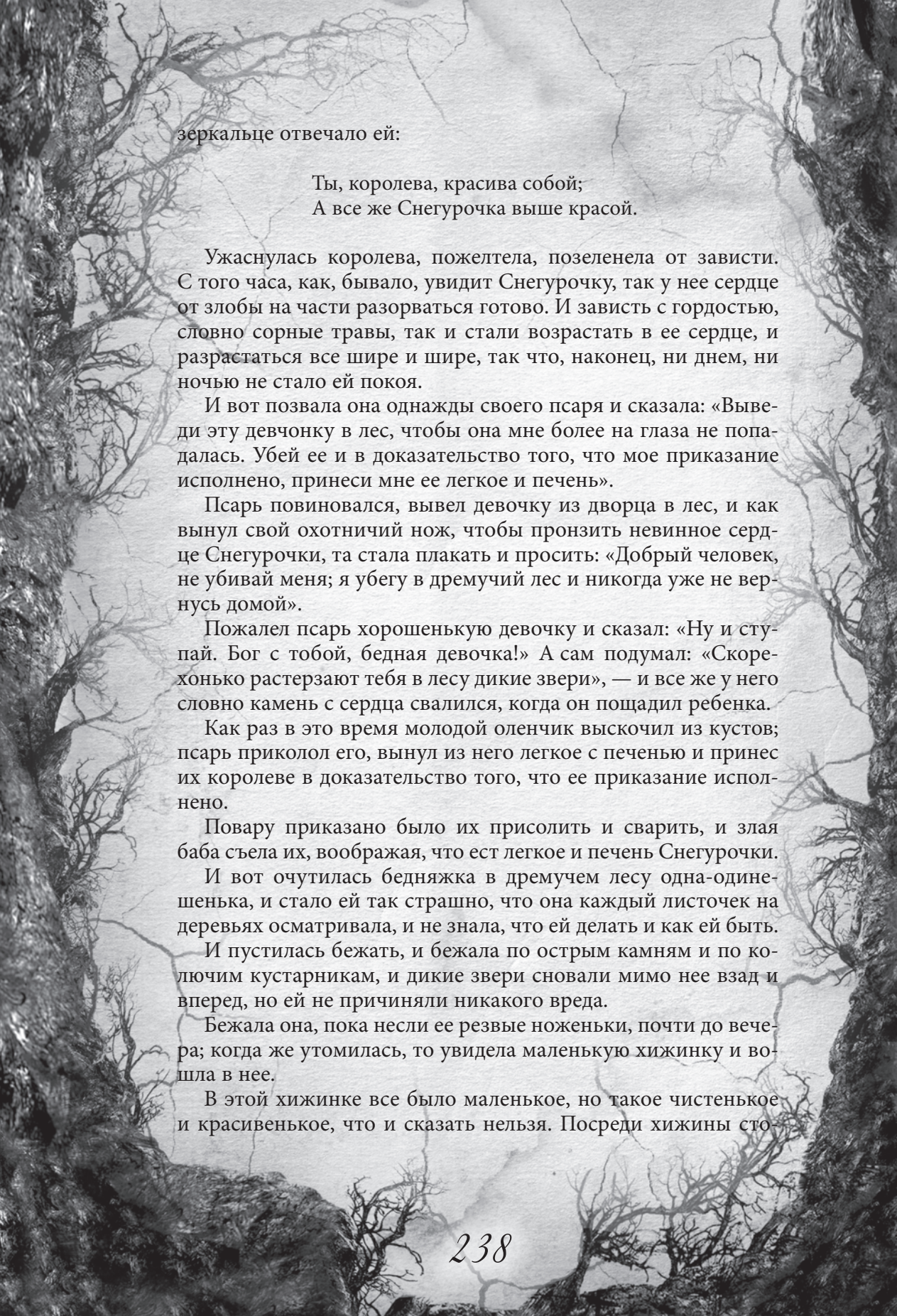
Притом у нее было такое волшебное зеркальце, перед которым она любила становиться, любовалась собой и говорила:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?
Тогда и отвечало ей зеркальце:
Ты, королева, всех здесь милей.

И она отходила от зеркальца довольная-предовольная и знала, что зеркальце ей неправды не скажет.

Снегурочка же между тем подрастала и хорошела, и уже по восьмому году она была прекрасна, как ясный день. И когда королева однажды спросила у зеркальца:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей? —

зеркальце отвечало ей:

Ты, королева, красива собой;
А все же Снегурочка выше красой.

Ужаснулась королева, пожелтела, позеленела от зависти. С того часа, как, бывало, увидит Снегурочку, так у нее сердце от злобы на части разорваться готово. И зависть с гордостью, словно сорные травы, так и стали возрастать в ее сердце, и разрастаться все шире и шире, так что, наконец, ни днем, ни ночью не стало ей покоя.

И вот позвала она однажды своего псаря и сказала: «Выведи эту девчонку в лес, чтобы она мне более на глаза не попадалась. Убей ее и в доказательство того, что мое приказание исполнено, принеси мне ее легкое и печень».

Псарь повиновался, вывел девочку из дворца в лес, и как вынул свой охотничий нож, чтобы пронзить невинное сердце Снегурочки, та стала плакать и просить: «Добрый человек, не убивай меня; я убегу в дремучий лес и никогда уже не вернусь домой».

Пожалел псарь хорошенькую девочку и сказал: «Ну и ступай. Бог с тобой, бедная девочка!» А сам подумал: «Скорее-хонько растерзают тебя в лесу дикие звери», — и все же у него словно камень с сердца свалился, когда он пощадил ребенка.

Как раз в это время молодой оленчик выскочил из кустов; псарь приколол его, вынул из него легкое с печенью и принес их королеве в доказательство того, что ее приказание исполнено.

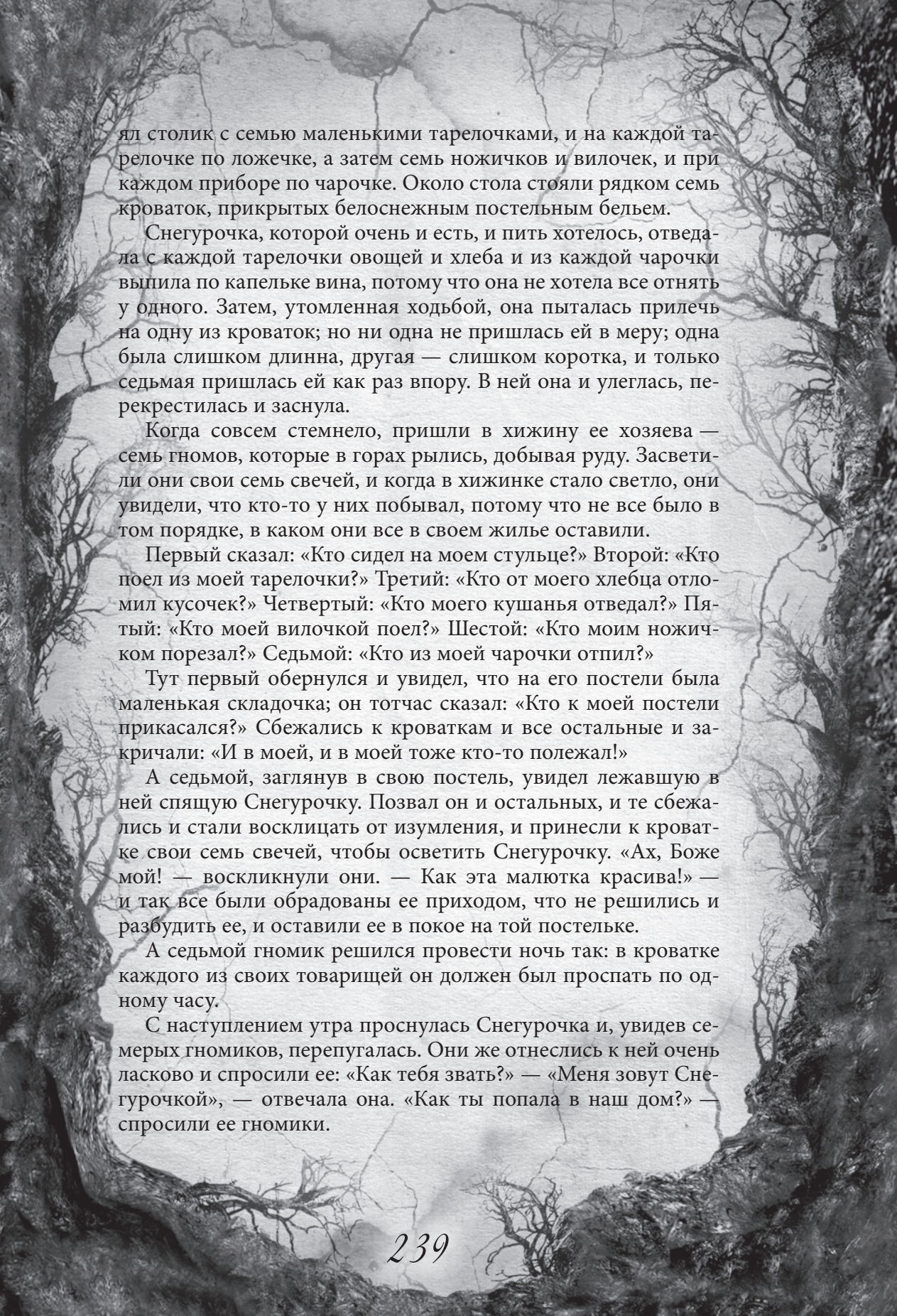
Повару приказано было их присолить и сварить, и злая баба съела их, воображая, что ест легкое и печень Снегурочки.

И вот очутилась бедняжка в дремучем лесу одна-одинешенька, и стало ей так страшно, что она каждый листочек на деревьях осматривала, и не знала, что ей делать и как ей быть.

И пустилась бежать, и бежала по острым камням и по колючим кустарникам, и дикие звери сновали мимо нее взад и вперед, но ей не причиняли никакого вреда.

Бежала она, пока несли ее резвые ноженьки, почти до вечера; когда же утомилась, то увидела маленькую хижинку и вошла в нее.

В этой хижинке все было маленькое, но такое чистенькое и красивенькое, что и сказать нельзя. Посреди хижины сто-

ял столик с семью маленькими тарелочками, и на каждой тарелочке по ложечке, а затем семь ножичков и вилок, и при каждом приборе по чарочке. Около стола стояли рядом семь кроваток, прикрытых белоснежным постельным бельем.

Снегурочка, которой очень и есть, и пить хотелось, отведала с каждой тарелочки овощей и хлеба и из каждой чарочки выпила по капельке вина, потому что она не хотела все отнять у одного. Затем, утомленная ходьбой, она пыталась прилечь на одну из кроваток; но ни одна не пришлась ей в меру; одна была слишком длинна, другая — слишком коротка, и только седьмая пришлась ей как раз впору. В ней она и улеглась, перекрестилась и заснула.

Когда совсем стемнело, пришли в хижину ее хозяева — семь гномов, которые в горах рылись, добывая руду. Засветили они свои семь свечей, и когда в хижинке стало светло, они увидели, что кто-то у них побывал, потому что не все было в том порядке, в каком они все в своем жилье оставили.

Первый сказал: «Кто сидел на моем стульце?» Второй: «Кто поел из моей тарелочки?» Третий: «Кто от моего хлеба отломил кусочек?» Четвертый: «Кто моего кушанья отведал?» Пятый: «Кто моей вилочкой поел?» Шестой: «Кто моим ножичком порезал?» Седьмой: «Кто из моей чарочки отпил?»

Тут первый обернулся и увидел, что на его постели была маленькая складочка; он тотчас сказал: «Кто к моей постели прикасался?» Сбежались к кроваткам и все остальные и закричали: «И в моей, и в моей тоже кто-то полежал!»

А седьмой, заглянув в свою постель, увидел лежавшую в ней спящую Снегурочку. Позвал он и остальных, и те сбежались и стали восклицать от изумления, и принесли к кроватке свои семь свечей, чтобы осветить Снегурочку. «Ах, Боже мой! — воскликнули они. — Как эта малютка красива!» — и так все были обрадованы ее приходом, что не решились и разбудить ее, и оставили ее в покое на той постельке.

А седьмой гномик решил провести ночь так: в кроватке каждого из своих товарищей он должен был проспать по одному часу.

С наступлением утра проснулась Снегурочка и, увидев семерых гномиков, перепугалась. Они же отнеслись к ней очень ласково и спросили ее: «Как тебя звать?» — «Меня зовут Снегурочкой», — отвечала она. «Как ты попала в наш дом?» — спросили ее гномики.

Тогда она им рассказала, что мачеха приказала было ее убить, а псать ее пощадил — и вот она бежала целый день, пока не наткнулась на их хижинку.

Гномики сказали ей: «Не хочешь ли ты присматривать за нашим домашним обиходом — стряпать, стирать на нас, постели постилать, шить и вязать? И если ты все это будешь умело и опрятно делать, то можешь у нас остаться надолго и ни в чем не будешь терпеть недостатка». — «Извольте, — отвечала Снегурочка, — с большим удовольствием», — и осталась у них.

Дом гномов она содержала в большом порядке; поутру они обыкновенно уходили в горы на поиски меди и золота, вечером возвращались в свою хижинку, и тогда для них всегда была готова еда.

Весь день Снегурочка оставалась одна-одинешенька в доме, а потому добрые гномики предостерегали ее и говорили: «Берегись своей мачехи! Она скоро прознает, где ты находишься, так не впускай же никого в дом, кроме нас».

А королева-мачеха, после того как она съела легкое и печенье Снегурочки, предположила, что она и есть теперь первая красавица во всей стране, и сказала:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

Тогда зеркальце ей отвечало:

Ты, королева, красива собой,
Но все же Снегурочка, что за горой
В доме у гномиков горных живет,
Много тебя красотой превзойдет.

Королева испугалась; она знала, что зеркальце никогда не лгало, и поняла, что псать ее обманул и что Снегурочка жива.

И стала она думать о том, как бы ей извести падчерицу, потому что зависть не давала ей покоя и ей непременно хотелось быть первой красавицей во всей стране.

Когда же она наконец нечто придумала, она подкрасила себе лицо, переделалась старой торговкой и стала совершенно неузнаваемой.

В этом виде направилась она в путь-дорогу за семь гор к хижине семи гномов, постучалась в их дверь и крикнула: «Товары разные, дешевые, продажные!»

Снегурочка глянула из окошечка и крикнула торговке:

«Здравствуй, тетушка, что продаешь?» — «Хороший товар, первейшего сорта, — отвечала торговка, — шнурки, тесемки разноцветные», — и вытащила на показ один шнурок, сплетенный из пестрого шелка. «Ну, эту-то торговку я, конечно, могу впустить сюда», — подумала Снегурочка, отомкнула дверь и купила себе красивый шнурок. «Э-э, дитяtko, — сказала Снегурочке старуха, — на кого ты похожа! Пойди-ка сюда, дай себя зашнуровать как следует!»

Снегурочка и не предположила ничего дурного, обернулась к старухе спиной и дала ей зашнуровать себя новым шнурком: та зашнуровала быстро да так крепко, что у Снегурочки разом захватило дыхание и она замертво пала наземь. «Ну, теперь уж не бывать тебе больше первой красавицей!» — сказала злая мачеха и удалилась поспешно.

Вскоре после того в вечернюю пору семеро гномов вернулись домой и как же перепугались, когда увидели Снегурочку, распростертую на земле; притом она и не двигалась, и не шевелилась, была словно мертвая.

Они ее подняли и, увидев, что она обмерла от слишком тесной шнуровки, тотчас разрезали шнурок, и она стала опять дышать, сначала понемногу, затем и совсем ожила.

Когда гномы от нее слышали о том, что с нею случилось, они сказали: «Эта старая торговка была твоя мачеха, безбожная королева; остерегайся и никого не впускай в дом в наше отсутствие».

А злая баба, вернувшись домой, подошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

И зеркальце ей по-прежнему отвечало:

Ты, королева, красива собой,
Но все же Снегурочка, что за горой
В доме у гномиков горных живет,
Много тебя красотой превзойдет.

Услышав это, злая мачеха так перепугалась, что вся кровь у нее прилила к сердцу: она поняла, что Снегурочка опять ожила.

«Ну, уж теперь-то, — сказала она, — я что-нибудь такое придумаю, что тебя сразу прикончит!» — и при помощи различных чар, в которых она была искусна, она сделала ядовитый гребень. Затем переделась и приняла на себя образ другой старухи.

Пошла она за семь гор к дому семи гномов, постучалась в их дверь и стала кричать: «Товары, товары продажные!»

Снегурочка выглянула из окошечка и сказала: «Проходите, я никого в дом впускать не смею». — «Ну, а посмотреть-то на товар, верно, тебе не запрещено», — сказала старуха, вытасила ядовитый гребень и показала его Снегурочке. Гребень до такой степени приглянулся девочке, что она дала себя оморочить и отворила дверь торговке.

Когда они сошлись в цене, старуха сказала: «Дай же я тебя причешу как следует». Бедной Снегурочке ничто дурное и в голову не пришло, и она дала старухе полную волю причесывать ее как угодно; но едва только та запустила ей гребень в волосы, как его ядовитые свойства подействовали, и Снегурочка лишилась сознания. «Ну-ка, ты, совершенство красоты! — проговорила злая баба. — Теперь с тобою покончено», — и пошла прочь.

К счастью, это происходило под вечер, около того времени, когда гномы домой возвращались.

Когда они увидели, что Снегурочка лежит замертво на земле, они тотчас заподозрили мачеху, стали доискиваться и нашли в волосах девушки ядовитый гребень, и едва только его вынули, Снегурочка пришла в себя и рассказала все, что с ней случилось. Тогда они еще раз предостерегли ее, чтобы она была осторожнее и никому не отворяла дверь.

А между тем королева, вернувшись домой, стала перед зеркальцем и сказала:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

И зеркальце отвечало ей, как прежде:

Ты, королева, красива собой,
Но все же Снегурочка, что за горой
В доме у гномиков горных живет,
Много тебя красотой превзойдет.

«Снегурочка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Они положили ее в гроб и, сев все селено вокруг ее тела,
стали оплакивать и оплакивали ровно три дня подряд.
Уж они собирались и похоронить ее,
но она на вид казалась свежее...»*

Когда королева это услышала, то задрожала от бешенства. «Снегурочка должна умереть! — воскликнула она. — Если бы даже и мне с ней умереть пришлось!»

Затем она удалилась в потайную каморочку, в которую никто, кроме нее, не входил, и там изготовила ядовитое-преядовитое яблоко. С виду яблоко было чудесное, наливное, с румяными бочками, так что каждый, взглянув на него, хотел его отведать, а только откуси кусочек — и умрешь.

Когда яблоко было изготовлено, королева размалевала себе лицо, переделалась крестьянкою и пошла за семь гор к семи гномам.

Постучалась она у их дома, а Снегурочка и выставила головку в окошечко, и сказала: «Не смею я никого сюда впустить, семь гномиков мне это запретили». — «А мне что до этого? — отвечала крестьянка. — Куда же я денусь со своими яблоками? На вот одно, пожалуй, я тебе подарю». — «Нет, — отвечала Снегурочка, — не смею я ничего принять». — «Да уж не отравы ли боишься? — спросила крестьянка. — Так вот посмотри, я разрежу яблоко надвое: румяную половиночку ты скушай, а другую я сама съем». А яблоко-то у нее было так искусно приготовлено, что только румяная половина его и была отравлена.

Снегурочке очень хотелось отведать этого чудного яблока, и когда она увидела, что крестьянка ест свою половину, она уж не могла воздержаться от этого желания, протянула руку из окна и взяла отравленную половинку яблока.

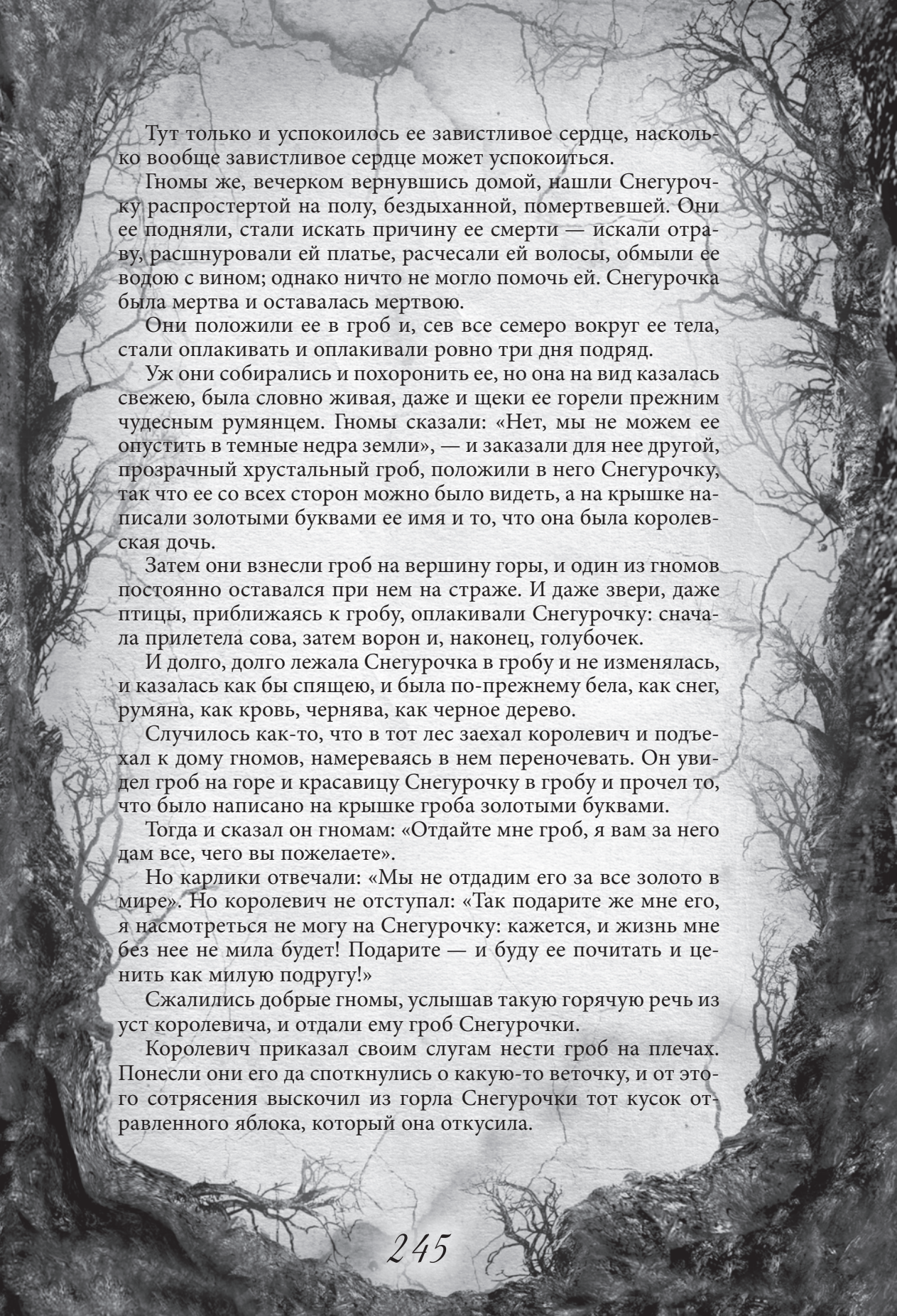
Но чуть только она откусила кусочек его, как упала замертво на пол. Тут королева-мачеха посмотрела на нее ехидными глазами, громко рассмеялась и сказала: «Вот тебе и бела, как снег, и румяна, как кровь, и чернява, как черное дерево! Ну, уж на этот раз тебя гномы оживить не смогут!»

И когда она, придя домой, стала перед зеркальцем и спросила:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей? —

Зеркальце, наконец, ей ответило:

Ты, королева, здесь всех милей.

Тут только и успокоилось ее завистливое сердце, насколько вообще завистливое сердце может успокоиться.

Гномы же, вечером вернувшись домой, нашли Снегурочку распростертой на полу, бездыханной, помертвевшей. Они ее подняли, стали искать причину ее смерти — искали отраву, расшнуровали ей платье, расчесали ей волосы, обмыли ее водою с вином; однако ничто не могло помочь ей. Снегурочка была мертва и оставалась мертвою.

Они положили ее в гроб и, сев все семеро вокруг ее тела, стали оплакивать и оплакивали ровно три дня подряд.

Уж они собирались и похоронить ее, но она на вид казалась свежее, была словно живая, даже и щеки ее горели прежним чудесным румянцем. Гномы сказали: «Нет, мы не можем ее опустить в темные недра земли», — и заказали для нее другой, прозрачный хрустальный гроб, положили в него Снегурочку, так что ее со всех сторон можно было видеть, а на крышке написали золотыми буквами ее имя и то, что она была королевская дочь.

Затем они внесли гроб на вершину горы, и один из гномов постоянно оставался при нем на страже. И даже звери, даже птицы, приближаясь к гробу, оплакивали Снегурочку: сначала прилетела сова, затем ворон и, наконец, голубочек.

И долго, долго лежала Снегурочка в гробу и не изменялась, и казалась как бы спящею, и была по-прежнему бела, как снег, румяна, как кровь, чернява, как черное дерево.

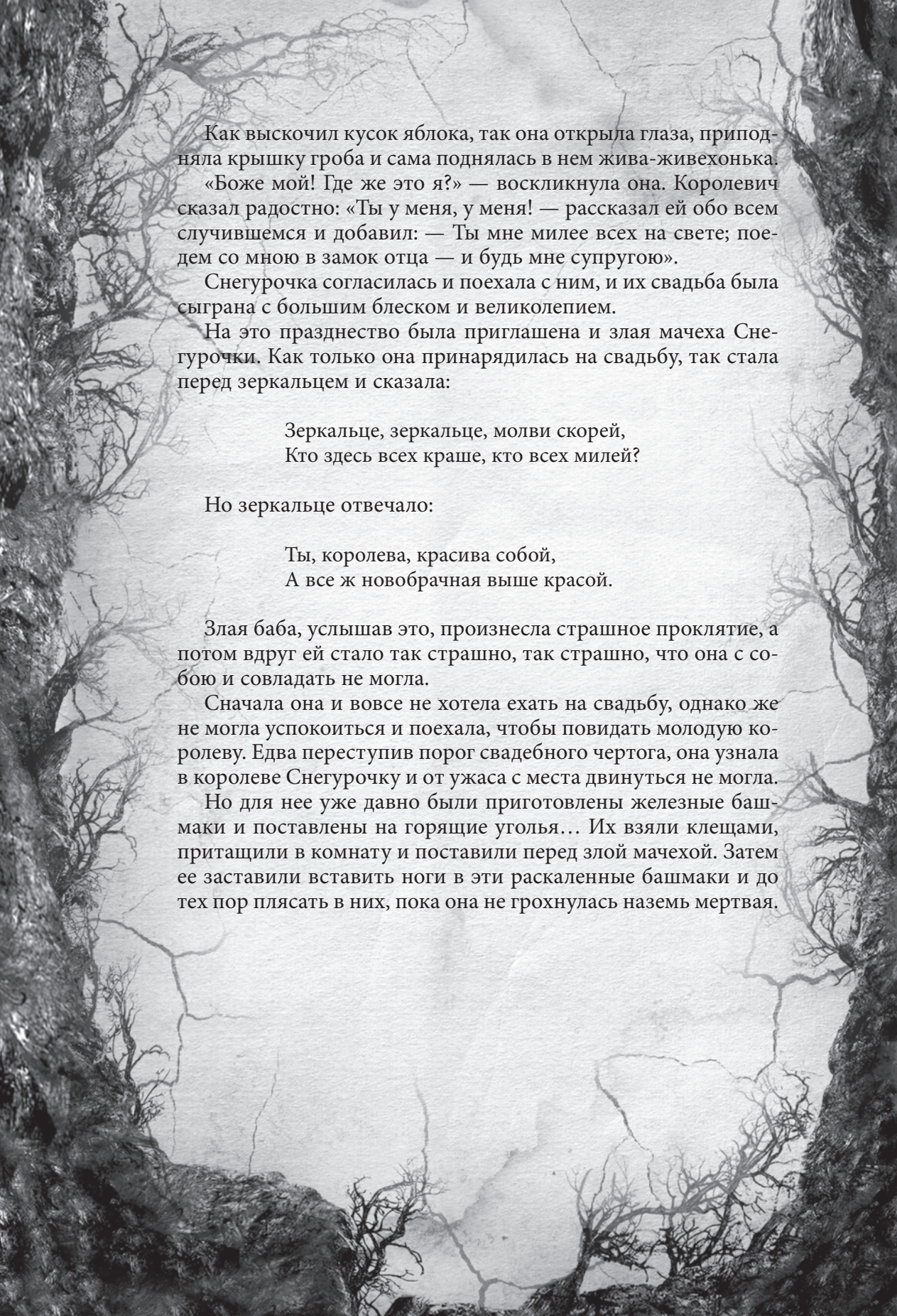
Случилось как-то, что в тот лес заехал королевич и подъехал к дому гномов, намереваясь в нем переночевать. Он увидел гроб на горе и красавицу Снегурочку в гробу и прочел то, что было написано на крышке гроба золотыми буквами.

Тогда и сказал он гномам: «Отдайте мне гроб, я вам за него дам все, чего вы пожелаете».

Но карлики отвечали: «Мы не отдадим его за все золото в мире». Но королевич не отступал: «Так подарите же мне его, я насмотреться не могу на Снегурочку: кажется, и жизнь мне без нее не мила будет! Подарите — и буду ее почитать и ценить как милую подругу!»

Сжалились добрые гномы, услышав такую горячую речь из уст королевича, и отдали ему гроб Снегурочки.

Королевич приказал своим слугам нести гроб на плечах. Понесли они его да споткнулись о какую-то веточку, и от этого сотрясения выскочил из горла Снегурочки тот кусок отравленного яблока, который она откусила.

Как выскочил кусок яблока, так она открыла глаза, приподняла крышку гроба и сама поднялась в нем жива-живехонька.

«Боже мой! Где же это я?» — воскликнула она. Королевич сказал радостно: «Ты у меня, у меня! — рассказал ей обо всем случившемся и добавил: — Ты мне милее всех на свете; поедем со мною в замок отца — и будь мне супругою».

Снегурочка согласилась и поехала с ним, и их свадьба была сыграна с большим блеском и великолепием.

На это празднество была приглашена и злая мачеха Снегурочки. Как только она принарядилась на свадьбу, так стала перед зеркальцем и сказала:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

Но зеркальце отвечало:

Ты, королева, красива собой,
А все ж новобрачная выше красой.

Злая баба, услышав это, произнесла страшное проклятие, а потом вдруг ей стало так страшно, так страшно, что она с собою и совладать не могла.

Сначала она и вовсе не хотела ехать на свадьбу, однако же не могла успокоиться и поехала, чтобы повидать молодую королеву. Едва переступив порог свадебного чертога, она узнала в королеве Снегурочку и от ужаса с места двинуться не могла.

Но для нее уже давно были приготовлены железные башмаки и поставлены на горящие уголья... Их взяли клещами, притащили в комнату и поставили перед злой мачехой. Затем ее заставили вставить ноги в эти раскаленные башмаки и до тех пор плясать в них, пока она не грохнулась наземь мертвая.

Диковинная птица

Некогда был на свете такой волшебник, который принимал на себя образ бедняка-нищего, ходил от дома к дому и просил милостыню, а при этом похищал красивых девушек. Никто не знал, куда они исчезали, потому что никто их потом уж не видел.

Однажды явился он перед домом человека, у которого были три дочери-красавицы; на вид он казался жалким нищим, и за спиной у него был привязан большой короб, словно бы он собирал подаяние. Он молил о том, чтобы ему вынесли чего-нибудь поесть, и когда старшая дочка к нему вышла и собиралась подать ему кусок хлеба, он только прикоснулся к ней — и она уже очутилась в его коробе.

Затем он поспешно удалился и зашагал со своею ношею к дремучему лесу, где у него построен был дом в самой чаще.

В доме этом все было очень роскошно; и волшебник дал красавице у себя все, чего она только пожелала, и сказал: «Сокровище мое, тебе у меня полюбится: у тебя здесь под рукой все, чего твоей душеньке угодно».

А затем, по прошествии двух дней, он ей заявил: «Мне надо на время уехать и тебя здесь оставить одну; вот тебе ключи от всего дома; и всюду ты можешь ходить и все осматривать, не заглядывая только в одну комнату, которая отпирается вот этим маленьким ключиком. Я это тебе запрещаю под страхом смерти».

При этом он дал ей еще яйцо и сказал: «Это яйцо сохрани мне и лучше уж постоянно носи его при себе, потому что если оно потеряется, это приведет к большому несчастью».

Она взяла и ключи, и яйцо, и обещала все соблюсти как следует. Когда волшебник уехал, красавица пошла по всему дому и обошла его снизу доверху и все в нем осмотрела. Все покои в нем блистали серебром и золотом, и ей показалось, что она никогда еще не видела нигде такого великолепия.

Наконец, пришла она и к запретной двери, хотела пройти мимо нее, но любопытство не давало ей покоя. Осмотрела она ключик, видит — он ничем от других ключей не отличается, сунула его в скважинку и чуть только повернула — дверь распахнулась настежь. И что же она увидела, войдя в тот запретный покой? Посреди него стоял огромный таз, полный крови, и в нем лежали тела людей, разрубленных на части, а рядом с тазом поставлена деревянная колода и около нее положен блестящий топор.

Увидев все это, она так перепугалась, что и яйцо из руки в этот таз обронила. Она его опять из таза вытащила и кровь с него стала стирать, но тщетно старалась: кровь на нем через минуту выступала вновь. И как она ни терла, как ни скоблила — уничтожить кровавые пятна на яйце она не могла.

Вскоре вернулся и волшебник из своей поездки и прежде всего хватился ключа от запретной двери и яйца.

Она подала ему то и другое, но руки ее при этом дрожали, и он по кровавым пятнам тотчас угадал, что она побывала в запретном покое. «Так как ты против моей воли побывала в этом покое, — сказал он, — то теперь против твоей воли должна направиться туда же! Простись с жизнью!»

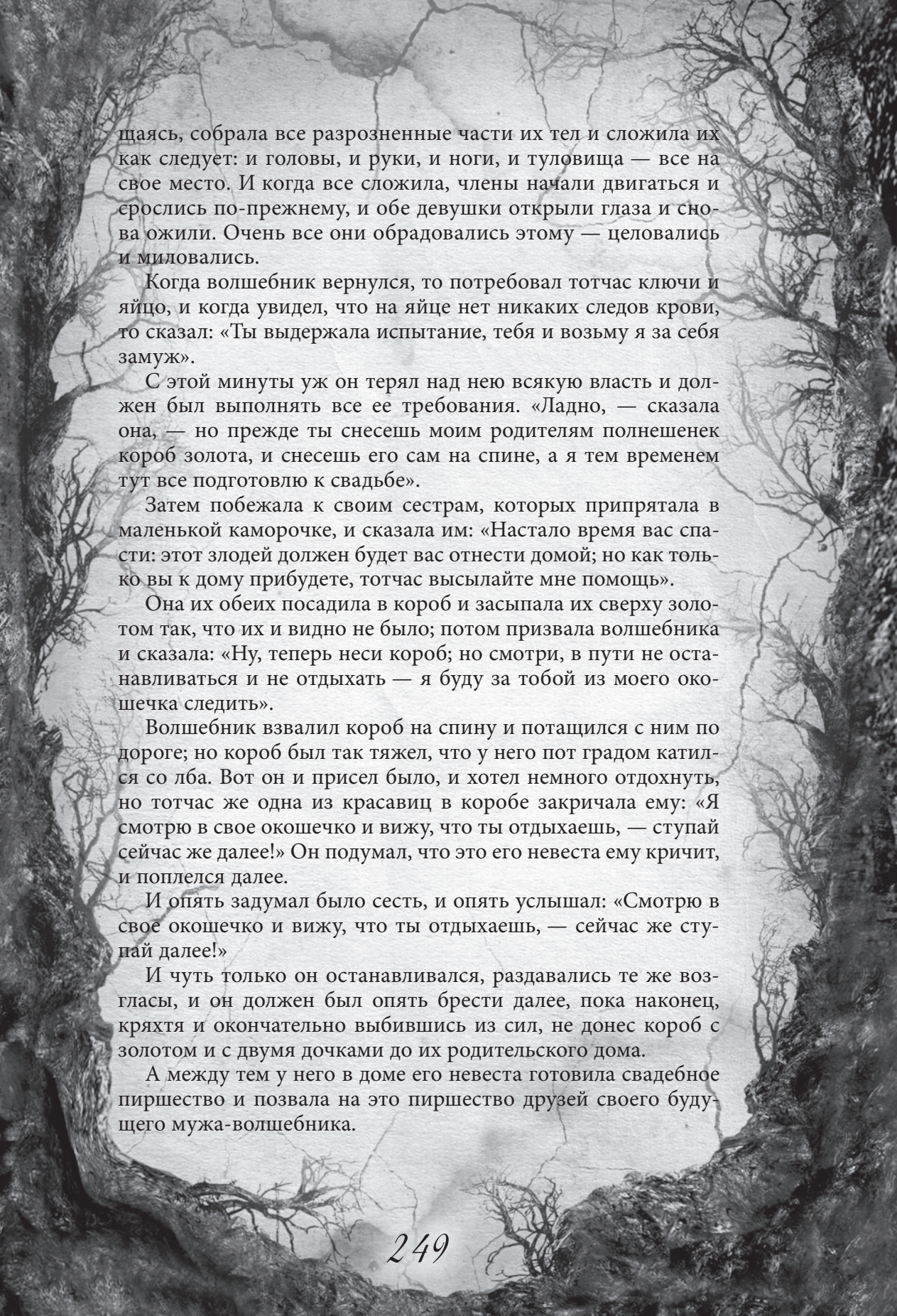
Он сбил ее с ног, за волосы потащил в страшный покой, отсек ей голову топором, а все тело ее изрубил на куски, так что кровь ее стала стекать в таз. Потом и все куски ее тела побросал в тот же таз.

«Ну, теперь пойду добывать вторую дочь-красавицу», — сказал волшебник и опять в образе нищего пошел к тому же дому и стал просить милостыни.

И вторая дочка вынесла ему кусок хлеба, и вторую он похитил, одним прикосновением заставив ее очутиться в его коробе. И с нею случилось все точно так же, как и со старшей сестрой; и она тоже, поддавшись любопытству, отворила кровавый запретный покой, заглянула в него и должна была по возвращении волшебника домой поплатиться жизнью за свое любопытство.

Затем он отправился и за третьей дочкой, которая была и поумнее, и похитрее сестер. Когда волшебник отдал ей ключи и яйцо, а сам уехал, она сначала тщательно припрятала яйцо, затем осмотрела дом и наконец зашла в запретный покой.

Ах, что она там увидела! Обе ее милые сестрицы лежали в тазу убитые и разрубленные на части. Но она, не сму-

щаясь, собрала все разрозненные части их тел и сложила их как следует: и головы, и руки, и ноги, и туловища — все на свое место. И когда все сложила, члены начали двигаться и срослись по-прежнему, и обе девушки открыли глаза и снова ожили. Очень все они обрадовались этому — целовались и миловались.

Когда волшебник вернулся, то потребовал тотчас ключи и яйцо, и когда увидел, что на яйце нет никаких следов крови, то сказал: «Ты выдержала испытание, тебя и возьму я за себя замуж».

С этой минуты уж он терял над нею всякую власть и должен был выполнять все ее требования. «Ладно, — сказала она, — но прежде ты снесешь моим родителям полнешенек короб золота, и снесешь его сам на спине, а я тем временем тут все подготовлю к свадьбе».

Затем побежала к своим сестрам, которых припрятала в маленькой каморочке, и сказала им: «Настало время вас спасти: этот злодей должен будет вас отнести домой; но как только вы к дому прибудете, тотчас высылайте мне помощь».

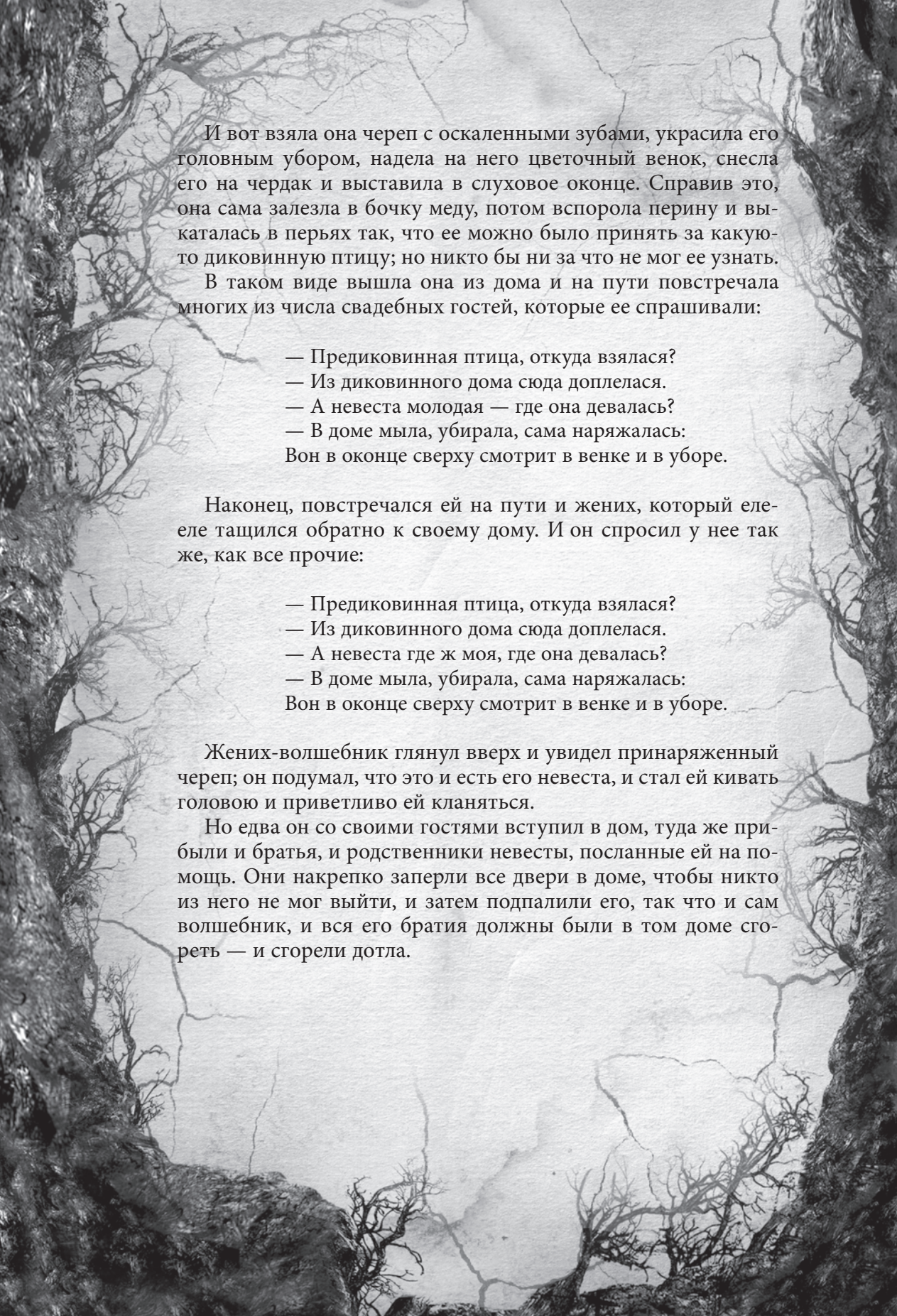
Она их обеих посадила в короб и засыпала их сверху золотом так, что их и видно не было; потом призвала волшебника и сказала: «Ну, теперь неси короб; но смотри, в пути не останавливаться и не отдыхать — я буду за тобой из моего окошечка следить».

Волшебник взвалил короб на спину и потащился с ним по дороге; но короб был так тяжел, что у него пот градом катился со лба. Вот он и присел было, и хотел немного отдохнуть, но тотчас же одна из красавиц в коробе закричала ему: «Я смотрю в свое окошечко и вижу, что ты отдыхаешь, — ступай сейчас же далее!» Он подумал, что это его невеста ему кричит, и поплелся далее.

И опять задумал было сесть, и опять услышал: «Смотрю в свое окошечко и вижу, что ты отдыхаешь, — сейчас же ступай далее!»

И чуть только он останавливался, раздавались те же возгласы, и он должен был опять брести далее, пока наконец, кряхтя и окончательно выбившись из сил, не донес короб с золотом и с двумя дочками до их родительского дома.

А между тем у него в доме его невеста готовила свадебное пиршество и позвала на это пиршество друзей своего будущего мужа-волшебника.

И вот взяла она череп с оскаленными зубами, украсила его головным убором, надела на него цветочный венок, снесла его на чердак и выставила в слуховое оконце. Справив это, она сама залезла в бочку меду, потом вспорола перину и выкаталась в перьях так, что ее можно было принять за какую-то диковинную птицу; но никто бы ни за что не мог ее узнать.

В таком виде вышла она из дома и на пути повстречала многих из числа свадебных гостей, которые ее спрашивали:

- Предиковинная птица, откуда взялась?
- Из диковинного дома сюда доплелась.
- А невеста молодая — где она девалась?
- В доме мыла, убирала, сама наряжалась:
Вон в оконце сверху смотрит в венке и в уборе.

Наконец, повстречался ей на пути и жених, который еле тащился обратно к своему дому. И он спросил у нее так же, как все прочие:

- Предиковинная птица, откуда взялась?
- Из диковинного дома сюда доплелась.
- А невеста где ж моя, где она девалась?
- В доме мыла, убирала, сама наряжалась:
Вон в оконце сверху смотрит в венке и в уборе.

Жених-волшебник глянул вверх и увидел принаряженный череп; он подумал, что это и есть его невеста, и стал ей кивать головою и приветливо ей кланяться.

Но едва он со своими гостями вступил в дом, туда же прибыли и братья, и родственники невесты, посланные ей на помощь. Они накрепко заперли все двери в доме, чтобы никто из него не мог выйти, и затем подпалили его, так что и сам волшебник, и вся его братия должны были в том доме сгореть — и сгорели дотла.

«Диковинная птица»

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Осмотрела она ключик, видит –
он ничем от других ключей не отличается...»*

О заколдованном дереве

Давненько уж это было — тысячи две лет тому назад. Жил да был на свете богатый человек, и жена у него была красивая и богобоязненная, и любили они друг друга сердечно, а детей у них не было. Очень им хотелось иметь детей; и жена молилась об этом и день, и ночь, а детей все же не было и не было...

Перед домом их был двор; среди того двора росло ветвистое дерево, и под тем деревом однажды зимою стояла жена и срезала ножом кожуру с яблока. Срезала да и порезала себе ножом пальчик, так что кровь закапала на снег. «Ах! — сказала жена и глубоко вздохнула, и, взглянув на капли крови, проговорила с грустью: — Вот если бы у меня было такое дитяtko: как кровь румяное да как снег белое!»

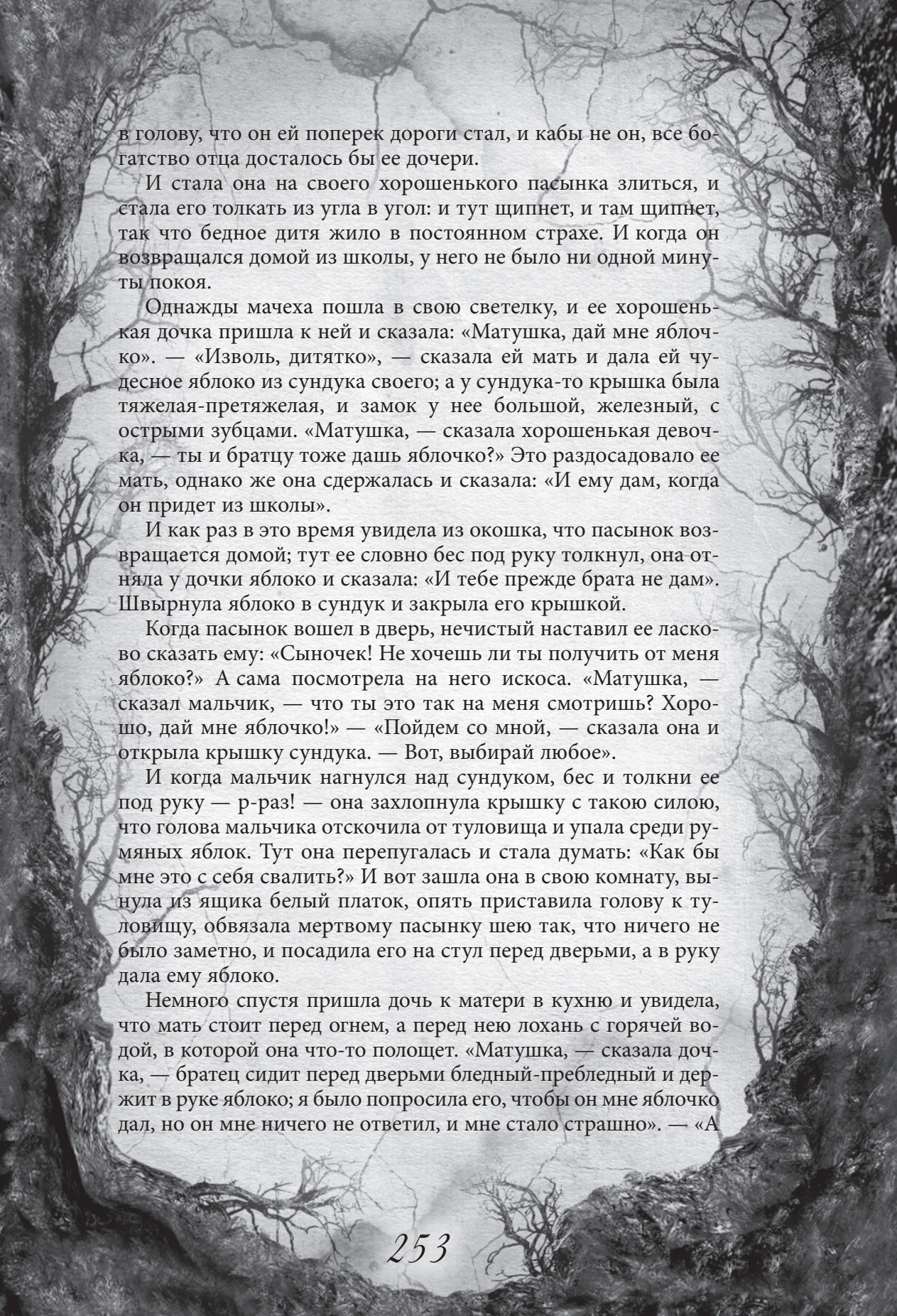
И как только она это выговорила, у нее вдруг так полегчало на душе, как будто ее желанию суждено было действительно сбыться, и она пошла домой совсем утешенная.

Прошло с той поры около года. Жена все недомогала и, жалуясь на свое здоровье, не раз говаривала мужу: «Если я умру, похорони меня под тем деревом, что растет у нас среди двора».

В конце года она родила сына, белого, как снег, и румяного, как кровь, и когда она его увидела, то обрадовалась так, что с радости и умерла. Муж похоронил жену по ее желанию под тем деревом, что росло среди двора, и очень ее оплакивал; немного спустя он стал уже меньше по ней плакать, а там и совсем перестал; а еще сколько-то времени спустя взял себе в дом другую жену.

От второй жены родилась дочка, а от первой жены остался хорошенький сынок, румяный, как кровь, и белый, как снег.

Когда мачеха смотрела на свою дочку, она казалась ей милым дитяtkom, а как взглянет, бывало, на своего хорошенького пасынка, у нее так и кольнет в сердце — тотчас придет ей

в голову, что он ей поперек дороги стал, и кабы не он, все богатство отца досталось бы ее дочери.

И стала она на своего хорошенького пасынка злиться, и стала его толкать из угла в угол: и тут щипнет, и там щипнет, так что бедное дитя жило в постоянном страхе. И когда он возвращался домой из школы, у него не было ни одной минуты покоя.

Однажды мачеха пошла в свою светелку, и ее хорошенькая дочка пришла к ней и сказала: «Матушка, дай мне яблочко». — «Изволь, дитятко», — сказала ей мать и дала ей чудесное яблоко из сундука своего; а у сундука-то крышка была тяжелая-претяжелая, и замок у нее большой, железный, с острыми зубцами. «Матушка, — сказала хорошенькая девочка, — ты и братцу тоже дашь яблочко?» Это раздосадовало ее мать, однако же она сдержалась и сказала: «И ему дам, когда он придет из школы».

И как раз в это время увидела из окошка, что пасынок возвращается домой; тут ее словно бес под руку толкнул, она отняла у дочки яблоко и сказала: «И тебе прежде брата не дам». Швырнула яблоко в сундук и закрыла его крышкой.

Когда пасынок вошел в дверь, нечистый наставил ее ласково сказать ему: «Сыночек! Не хочешь ли ты получить от меня яблоко?» А сама посмотрела на него искоса. «Матушка, — сказал мальчик, — что ты это так на меня смотришь? Хорошо, дай мне яблочко!» — «Пойдем со мной, — сказала она и открыла крышку сундука. — Вот, выбирай любое».

И когда мальчик нагнулся над сундуком, бес и толкнул ее под руку — р-раз! — она захлопнула крышку с такою силою, что голова мальчика отскочила от туловища и упала среди румяных яблок. Тут она перепугалась и стала думать: «Как бы мне это с себя свалить?» И вот зашла она в свою комнату, вынула из ящика белый платок, опять приставила голову к туловищу, обвязала мертвому пасынку шею так, что ничего не было заметно, и посадила его на стул перед дверью, а в руку дала ему яблоко.

Немного спустя пришла дочь к матери в кухню и увидела, что мать стоит перед огнем, а перед нею лохань с горячей водой, в которой она что-то полощет. «Матушка, — сказала дочка, — братец сидит перед дверью бледный-пребледный и держит в руке яблоко; я было попросила его, чтобы он мне яблочко дал, но он мне ничего не ответил, и мне стало страшно». — «А

ты ступай к нему еще раз, — сказала мать, — и если он тебе ничего не ответит, дай ему по уху». Дочка и точно пошла и сказала: «Братец, дай мне яблочко». Но он ничего не ответил ей. Тогда она ударила его по уху, и голова его свалилась с плеч.

Девочка страшно перепугалась и начала плакать и кричать, и побежала к матери своей. «Ах, матушка, я сбила голову моему братцу!» — и плакала, и плакала, и не могла утешиться. «Доченька, — сказала мать, — что ты наделала? Но теперь-то уж замолчи, чтобы никто этого не знал; ведь теперь уж этого не воротишь! Давай разварим его в студень».

И взяла мачеха своего мертвого пасынка, разрубила его на куски, положила его в лохань и разварила в студень. А дочь ее при этом стояла и плакала, и плакала, и все слезы ее падали в лохань, так что даже и соли в студень не понадобилось класть.

Вот вернулся отец домой, сел за стол и сказал: «А где же мой сын?» А мать принесла на стол большущее блюдо студня, между тем как дочка ее все плакала и плакала, и никак не могла удержаться от слез.

Отец между тем спросил еще раз: «Да где же мой сын?» Мачеха отвечала: «Он ушел в гости к своему деду; там хотел он некоторое время остаться». — «Да что ему там делать? Ушел, даже и не простился со мной?» — «О, ему очень хотелось туда пойти, и он у меня просил позволения остаться там эту неделю: его ведь все там ласкают». — «А все же, — сказал отец, — мне очень жаль, что он не простился со мною».

С этими словами он принялся за еду и сказал дочке: «Что ты плачешь? Ведь братец-то твой вернется же! — потом, обратясь к жене, добавил: — Жена! Какое ты мне подала вкусное блюдо! Подбавь-ка мне еще!» И чем более он ел, тем более хотелось ему еще и еще, и он все приговаривал: «Подкладывай больше, пусть ничего на блюде не останется!» И все-то ел, ел, а косточки все под стол метал — и наконец съел все дочиста.

А дочка его достала из комода свой лучший шелковый платочек, сложила в него из-под стола все косточки и хрящики и понесла вон из дома, обливаясь горькими слезами.

Выйдя на середину двора, она положила косточки в платочек под дерево, что там росло, на зеленую травочку, и у нее стало легко на сердце, и слезы ее иссякли.

И увидела она, что дерево вдруг зашевелилось — ветви его стали расходиться и сходиться, словно руки у человека, когда он от радости начинает размахивать руками и хлопать в ладоши.

Затем от дерева отделился как бы легкий туман, а среди тумана блистал и огонь, и из этого-то огня вылетела чудная птица и запела чудную песенку, и высоко-высоко поднялась в воздух.

Когда же она совсем исчезла из виду, тогда и ветви на дереве перестали двигаться, и платок с косточками, что лежал под деревом, пропал бесследно.

А у сестрицы на душе стало так легко и приятно, как если бы братец ее был еще в живых. И она вернулась домой веселая, села за стол и стала есть.

Птица полетела и села на дом золотых дел мастера, и стала петь свою песенку:

Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

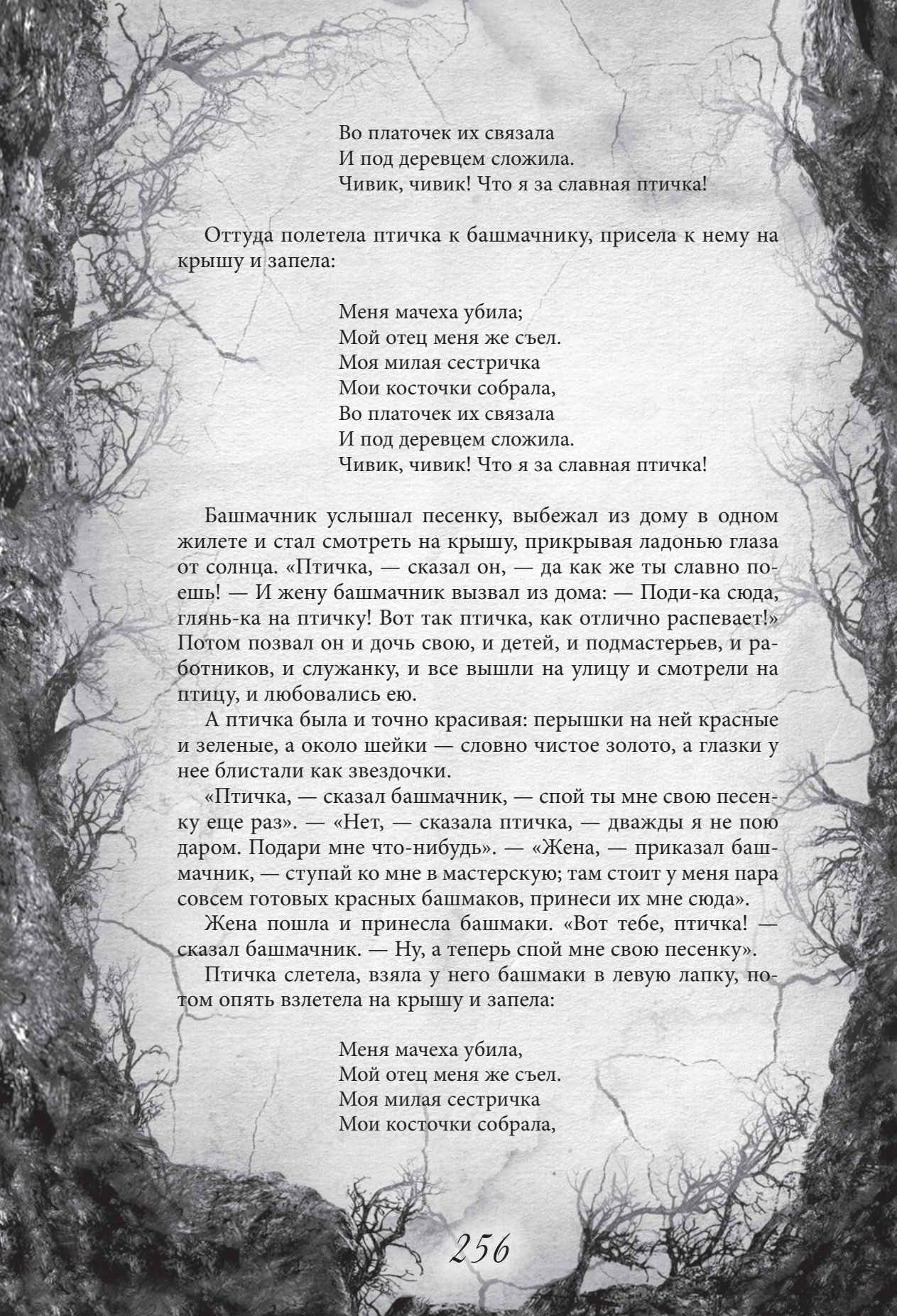
Мастер сидел в своей мастерской и делал золотую цепь, когда услышал птичку, которая пела на крыше дома, и песенка показалась ему очень привлекательной.

Он поднялся со своего места, и когда сошел сверху вниз, то потерял одну туфлю. Так он и на середину улицы вышел в одной туфле и в одном носке, опоясанный фартуком, с золотой цепью в одной руке, с клещами в другой...

А солнце-то так и светило на улице! Вот он и стал как вкопанный, и давай смотреть на птичку. «Птичка, — сказал он, — как ты славно поешь! Спой-ка мне еще раз свою песенку!» — «Нет, — сказала птичка, — я дважды даром петь не стану. Дай мне эту золотую цепочку, тогда я тебе и еще раз спою мою песенку». — «Вот, на тебе золотую цепь; только спой мне еще раз».

Тогда подлетела птичка, взяла золотую цепь в правую лапку, села против мастера и запела:

Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,

Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Оттуда полетела птичка к башмачнику, присела к нему на крышу и запела:

Меня мачеха убила;
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Башмачник услышал песенку, выбежал из дому в одном жилете и стал смотреть на крышу, прикрывая ладонью глаза от солнца. «Птичка, — сказал он, — да как же ты славно поешь! — И жену башмачник вызвал из дома: — Поди-ка сюда, глянь-ка на птичку! Вот так птичка, как отлично распевает!» Потом позвал он и дочь свою, и детей, и подмастерьев, и работников, и служанку, и все вышли на улицу и смотрели на птицу, и любовались ею.

А птичка была и точно красивая: перышки на ней красные и зеленые, а около шейки — словно чистое золото, а глазки у нее блистали как звездочки.

«Птичка, — сказал башмачник, — спой ты мне свою песенку еще раз». — «Нет, — сказала птичка, — дважды я не пою даром. Подари мне что-нибудь». — «Жена, — приказал башмачник, — ступай ко мне в мастерскую; там стоит у меня пара совсем готовых красных башмаков, принеси их мне сюда».

Жена пошла и принесла башмаки. «Вот тебе, птичка! — сказал башмачник. — Ну, а теперь спой мне свою песенку».

Птичка слетела, взяла у него башмаки в левую лапку, потом опять взлетела на крышу и запела:

Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,

Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

А пропевши песенку, птичка полетела: цепочку держала она в когтях правой лапки, а башмаки — в когтях левой лапки, и прилетела она прямо на мельницу, которая работала на полном ходу и постукивала так: плики-пляки, плики-пляки, плики-пляки.

Да на мельнице же сидело человек двадцать рабочих, которые обтесывали жерновой камень и выбивали молотками: тик-так, тик-так, тик-так — и мельница вторила их работе своим постукиваньем.

Птичка опустилась на липу, которая росла у самой мельницы, и запела:

Меня мачеха убила...

Один рабочий перестал работать.

Мой отец меня же съел.

Еще двое от работы отстали и прислушались...

Моя милая сестричка...

Еще четверо бросили работу...

Мои косточки собрала,
Во платочек их связала...

Уж только восемь остались при деле.

И под деревцем...

Уж только шестеро осталось...

...сложила...

Только один продолжал работу...

Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Тут уж и последний отстал и тоже стал слушать. «Птичка, — сказал он, — как ты славно поешь! Дай и мне тоже послушать, спой еще раз!» — «Нет, — отвечала птица, — дважды не стану петь даром; дай мне жернов, так я еще раз тебе спою». — «Да, — сказал он, — если бы жернов мне одному принадлежал, ты бы его получила». — «Да, — сказали другие, — если она нам еще раз споет, то мы отдадим ей жернов».

Тогда птичка слетела вниз, а все двадцать рабочих стали приподнимать жернов и покрикивать: «У-у-ух, у-ух, ухнем! ух!»

А птичка только продела голову в отверстие жернова, вздела его на шею, как воротник, и вместе с ним взлетела на дерево и запела:

Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

А пропев свою песенку, она расправила крылышки и, держа в когтях правой лапки цепочку, в когтях левой — пару красных башмаков, а на шее — жернов, полетела вдаль, к дому отца своего.

В доме за столом сидели отец, дочка и мачеха, и отец говорил им: «Что это значит, что у меня сегодня так легко, так весело на сердце?» — «Нет, — сказала мачеха, — мне что-то страшно, словно бы гроза большая надвигается». А дочка сидела и все плакала да плакала.

Тут как раз прилетела птичка и села на крышу. «Ах, — сказал отец, — мне так весело, и солнце так прекрасно светит, и на душе у меня так хорошо, как будто мне предстоит увидеться со старым знакомцем». — «Нет, — сказала жена, — страшно мне, страшно, так что зуб на зуб навести не могу, а в жилах у меня словно огонь».

Дочка же тем временем села в угол и стала плакать еще пуще, и прикрывала глаза руками, и ладони рук ее были совсем мокры.

Птичка между тем уселась на дерево среди двора и стала петь:

Меня мачеха убила...

«...Затем от дерева отделился
как бы леший туман, а среди тумана
блистал и огонь, и из этого-то
огня вылетела чудная птица, и запела
чуждую песенку, и высоко поднялась
в воздух. Когда же она совсем
исчезла из виду, тогда и ветви
на дереве перестали двигаться,
и платок с косточками что лежал
под деревом, пропал бесследно.

Меня матека удбила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чирик, гавик!
Что я за славная птичка!...»

«О заколдованном дереве».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Мачеха, услышав это, заткнула уши и зажмурила глаза, не желая ничего ни видеть, ни слышать, но в ушах ее все же был шум, как от сильнейшей бури, а глаза жгло, и в них словно молния блистала.

Птичка продолжала петь:

Мой отец меня же съел...

«Ах, матушка, — сказал отец, — там сидит такая славная птица и поет так прекрасно, да и солнышко так светит и греет, и благоухает тмином».

Птичка продолжала:

Моя милая сестричка...

Сестричка, как услышала это, уткнула лицо в колени и стала плакать навзрыд, а отец, напротив того, сказал: «Я выйду, посмотрю на птичку вблизи». — «Ах, не ходи, не ходи! — сказала жена. — Мне кажется, что весь дом наш в пламени».

Но муж ее не послушался, вышел из дома и взглянул на птичку, которая продолжала свою песню:

Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

И, закончив песенку, птичка сбросила сверху золотую цепь прямо на шею отцу, и цепь пришлась как раз в меру.

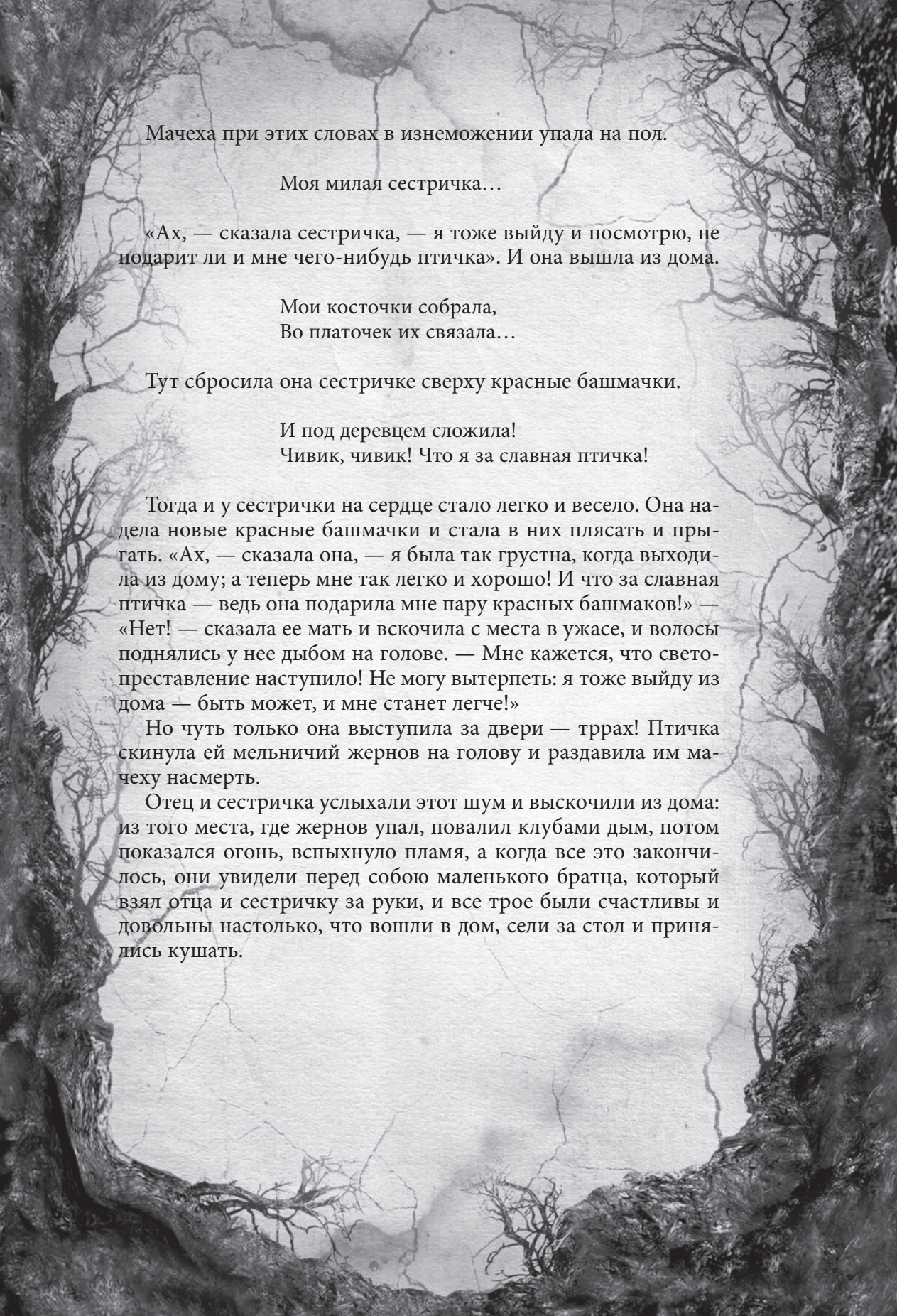
Тогда он вернулся домой и сказал: «Посмотри, какая это чудесная птица, подарила мне прекрасную золотую цепь, да и сама-то на вид такая красивая». Жена же все по-прежнему бегала в ужасе по всему дому и места не могла себе найти.

А птица опять завела ту же песню:

Меня мачеха убила...

«Ах, если бы я хоть в самой преисподней теперь была! Лишь бы не слышать мне этой песни!» — проговорила мачеха в отчаянии.

Мой отец меня же съел...

Мачеха при этих словах в изнеможении упала на пол.

Моя милая сестричка...

«Ах, — сказала сестричка, — я тоже выйду и посмотрю, не подарит ли и мне чего-нибудь птичка». И она вышла из дома.

Мои косточки собрала,
Во платочек их связала...

Тут сбросила она сестричке сверху красные башмачки.

И под деревцем сложила!
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!

Тогда и у сестрички на сердце стало легко и весело. Она надела новые красные башмачки и стала в них плясать и прыгать. «Ах, — сказала она, — я была так грустна, когда выходила из дому; а теперь мне так легко и хорошо! И что за славная птичка — ведь она подарила мне пару красных башмаков!» — «Нет! — сказала ее мать и вскочила с места в ужасе, и волосы поднялись у нее дыбом на голове. — Мне кажется, что светопреставление наступило! Не могу вытерпеть: я тоже выйду из дома — быть может, и мне станет легче!»

Но чуть только она выступила за двери — тррах! Птичка скинула ей мельничий жернов на голову и раздавила им мачеху насмерть.

Отец и сестричка услышали этот шум и выскочили из дома: из того места, где жернов упал, повалил клубами дым, потом показался огонь, вспыхнуло пламя, а когда все это закончилось, они увидели перед собою маленького братца, который взял отца и сестричку за руки, и все трое были счастливы и довольны настолько, что вошли в дом, сели за стол и принялись кушать.

Старый Султан

Жил у мужика старый пес, и звали его Султаном. Пес состарился, и зубы все у него повыпадали, так что он уж ничего зубами и хватать не мог.

Однажды стоял мужик с женою на пороге дома и сказал: «Старого Султана надо завтра пристрелить — он ни на что не годен стал».

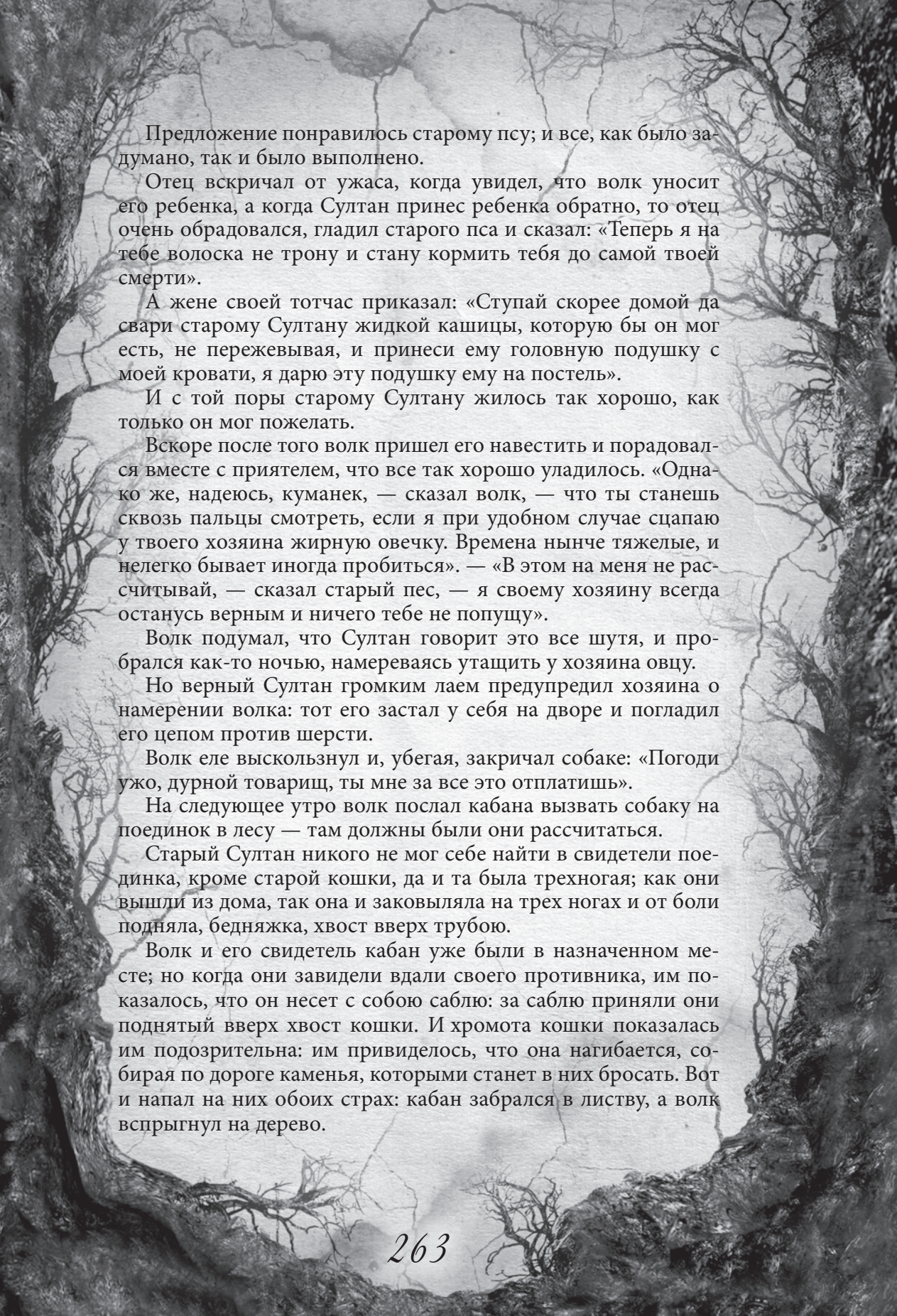
Жене жалко было старого верного пса, и она сказала:

«Ведь он нам уже так давно служит и всегда так хорошо себя вел, так можно бы нам его и из милости покормить еще». — «Эк, ты еще что выдумала! — отвечал муж. — У него уж ни одного зуба во рту нет, его уж ни один вор не боится, так уж пора с ним и покончить. Ну, служил у нас, так за то и еда была ему всегда хорошая!»

Бедный пес, невдалеке от них гревшийся на солнце, все слышал и крепко опечалился тем, что завтра должен наступить его последний день.

Был у него один хороший приятель — волк; к нему и пошел он вечером в лес и стал жаловаться на ожидавшую его судьбу.

«Слышь, куманек, — сказал волк, — подбодрись, я тебе в твоей беде помогу. Я кое-что придумал. Завтра ранехонько твой хозяин с женою пойдут на сенокос; они и малютку своего возьмут с собою, потому что в доме некого с ним оставить. Они обычно укладывают его спать около изгороди, в тени; и ты ляжешь там же, как бы для того, чтобы его оберечь. А я-то выбегу из лесу да и похищу ребенка — ты сейчас за мною следом, как бы для того, чтобы у меня ребенка отбить. Я его оброню, а ты принесешь родителям. Они подумают, что ты ребенка спас и из благодарности, конечно, уж не сделают тебе никакого зла. Напротив, ты опять войдешь в милость, и они будут стараться угодить тебе во всем».

Предложение понравилось старому псу; и все, как было задумано, так и было выполнено.

Отец вскричал от ужаса, когда увидел, что волк уносит его ребенка, а когда Султан принес ребенка обратно, то отец очень обрадовался, гладил старого пса и сказал: «Теперь я на тебе волоска не трону и стану кормить тебя до самой твоей смерти».

А жене своей тотчас приказал: «Ступай скорее домой да свари старому Султану жидкой кашицы, которую бы он мог есть, не пережевывая, и принеси ему головную подушку с моей кровати, я дарю эту подушку ему на постель».

И с той поры старому Султану жилось так хорошо, как только он мог пожелать.

Вскоре после того волк пришел его навестить и порадовался вместе с приятелем, что все так хорошо уладилось. «Однако же, надеюсь, куманек, — сказал волк, — что ты станешь сквозь пальцы смотреть, если я при удобном случае сцапаю у твоего хозяина жирную овечку. Времена нынче тяжелые, и нелегко бывает иногда пробиться». — «В этом на меня не рассчитывай, — сказал старый пес, — я своему хозяину всегда останусь верным и ничего тебе не поущу».

Волк подумал, что Султан говорит это все шутя, и пробрался как-то ночью, намереваясь утащить у хозяина овцу.

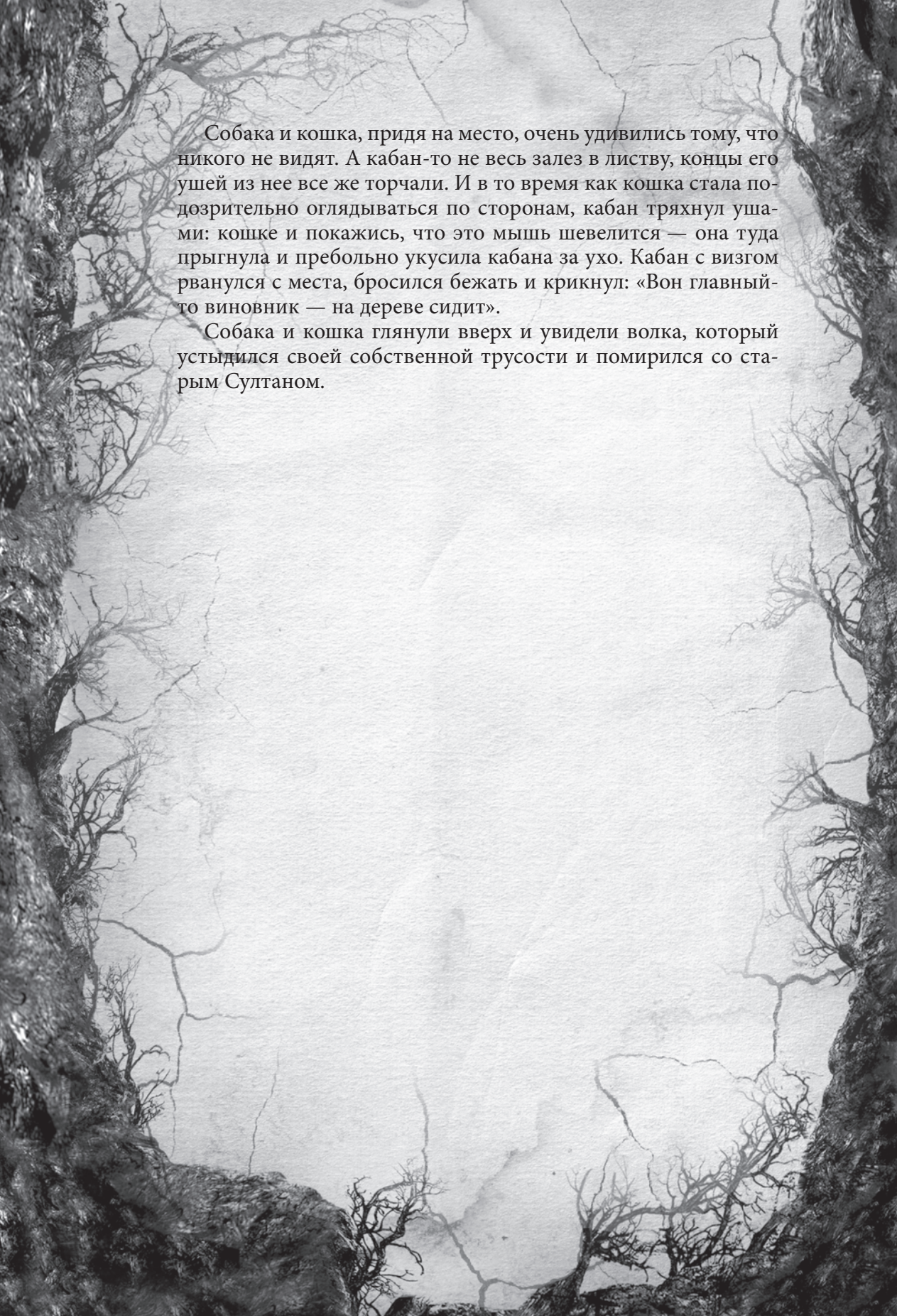
Но верный Султан громким лаем предупредил хозяина о намерении волка: тот его застал у себя на дворе и погладил его цепом против шерсти.

Волк еле выскользнул и, убегая, закричал собаке: «Погоди ужо, дурной товарищ, ты мне за все это отплатишь».

На следующее утро волк послал кабана вызвать собаку на поединок в лесу — там должны были они рассчитаться.

Старый Султан никого не мог себе найти в свидетели поединка, кроме старой кошки, да и та была трехногая; как они вышли из дома, так она и заковыляла на трех ногах и от боли подняла, бедняжка, хвост вверх трубою.

Волк и его свидетель кабан уже были в назначенном месте; но когда они завидели вдали своего противника, им показалось, что он несет с собою саблю: за саблю приняли они поднятый вверх хвост кошки. И хромота кошки показалась им подозрительна: им привиделось, что она нагибается, собирая по дороге каменья, которыми станет в них бросать. Вот и напал на них обоих страх: кабан забрался в листву, а волк вспрыгнул на дерево.

A black and white illustration of a forest scene. The foreground and sides are filled with the dark, gnarled trunks and bare, intricate branches of trees. The background is a light, textured sky with some faint, wispy clouds. The overall mood is quiet and somewhat somber.

Собака и кошка, придя на место, очень удивились тому, что никого не видят. А кабан-то не весь залез в листву, концы его ушей из нее все же торчали. И в то время как кошка стала подозрительно оглядываться по сторонам, кабан тряхнул ушами: кошке и покажись, что это мышшь шевелится — она туда прыгнула и пребольно укусила кабана за ухо. Кабан с визгом рванулся с места, бросился бежать и крикнул: «Вон главный-то виновник — на дереве сидит».

Собака и кошка глянули вверх и увидели волка, который устыдился своей собственной трусости и помирился со старым Султаном.

Смерть Кума

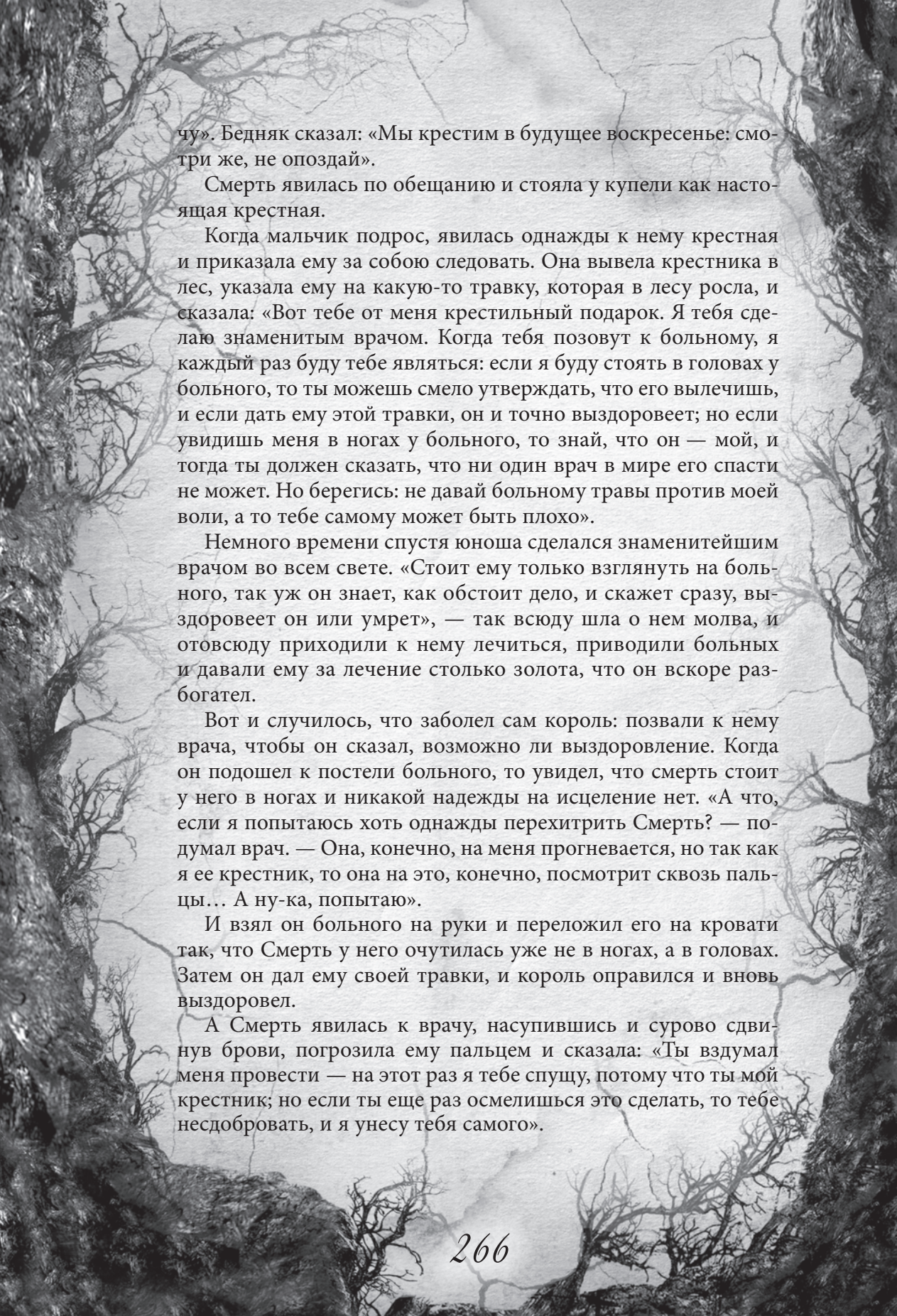
У одного бедняка было двенадцать человек детей, и он должен был день и ночь работать, чтобы добыть им хлеб насущный. Когда родился у него тринадцатый ребенок, он уж и не знал, как ему быть, выбежал на большую дорогу и хотел позвать к себе в кумовья первого встречного.

Первый, встретившийся ему на дороге, был сам Господь Бог, и ему было уже известно, что у бедняка на сердце; Бог и сказал ему: «Мне жаль тебя, бедного. Я приму твоего ребенка от купели, буду о нем заботиться и наделю его счастьем на земле». Бедняк спросил его: «А кто ты таков?» — «Я — Господь Бог». — «Ну, так я тебя не хочу в кумовья брать, — сказал бедняк, — ты все только к богатым щедр, а бедного голодать заставляешь». Это он говорил потому, что не знал, как премудро распределяет Бог богатство и бедность между людьми.

И отвернулся он от Господа, и пошел своим путем-дорогою.

Тут подошел к нему дьявол и сказал: «Чего ты ищешь? Не хочешь ли меня взять в крестные к твоему ребенку, так я его тогда осыплю золотом с головы до ног и доставлю ему все радости мира». Бедняк спросил его: «Да ты кто же?» — «Я — дьявол». — «Ну, так я тебя в крестные не желаю, — сказал бедняк, — ты всех обманываешь и вводишь людей в соблазн».

И пошел далее своим путем-дорогою, и видит — идет ему навстречу Смерть, ковыляя на своих костлявых ногах, и говорит: «Возьми меня в кумовья». Бедняк спросил: «А ты кто?» — «Я — Смерть, которая всех приравнивает». — «Ну, так ты и есть мой настоящий кум! — сказал бедняк. — Ты безразлично уносишь и бедного, и богатого... Ты и будь моему ребенку крестной». Смерть сказала: «Я твоего ребенка обогащу и прославлю — тот, кто со мною дружит, во всем должен иметь уда-

чу». Бедняк сказал: «Мы крестим в будущее воскресенье: смотри же, не опоздай».

Смерть явилась по обещанию и стояла у купели как настоящая крестная.

Когда мальчик подрос, явилась однажды к нему крестная и приказала ему за собою следовать. Она вывела крестника в лес, указала ему на какую-то травку, которая в лесу росла, и сказала: «Вот тебе от меня крестильный подарок. Я тебя сделаю знаменитым врачом. Когда тебя позовут к больному, я каждый раз буду тебе являться: если я буду стоять в головах у больного, то ты можешь смело утверждать, что его вылечишь, и если дать ему этой травки, он и точно выздоровеет; но если увидишь меня в ногах у больного, то знай, что он — мой, и тогда ты должен сказать, что ни один врач в мире его спасти не может. Но берегись: не давай больному травы против моей воли, а то тебе самому может быть плохо».

Немного времени спустя юноша сделался знаменитейшим врачом во всем свете. «Стоит ему только взглянуть на больного, так уж он знает, как обстоит дело, и скажет сразу, выздоровеет он или умрет», — так всюду шла о нем молва, и отовсюду приходили к нему лечиться, приводили больных и давали ему за лечение столько золота, что он вскоре разбогател.

Вот и случилось, что заболел сам король: позвали к нему врача, чтобы он сказал, возможно ли выздоровление. Когда он подошел к постели больного, то увидел, что смерть стоит у него в ногах и никакой надежды на исцеление нет. «А что, если я попытаюсь хоть однажды перехитрить Смерть? — подумал врач. — Она, конечно, на меня прогневадается, но так как я ее крестник, то она на это, конечно, посмотрит сквозь пальцы... А ну-ка, попытаю».

И взял он больного на руки и переложил его на кровати так, что Смерть у него очутилась уже не в ногах, а в головах. Затем он дал ему своей травки, и король оправился и вновь выздоровел.

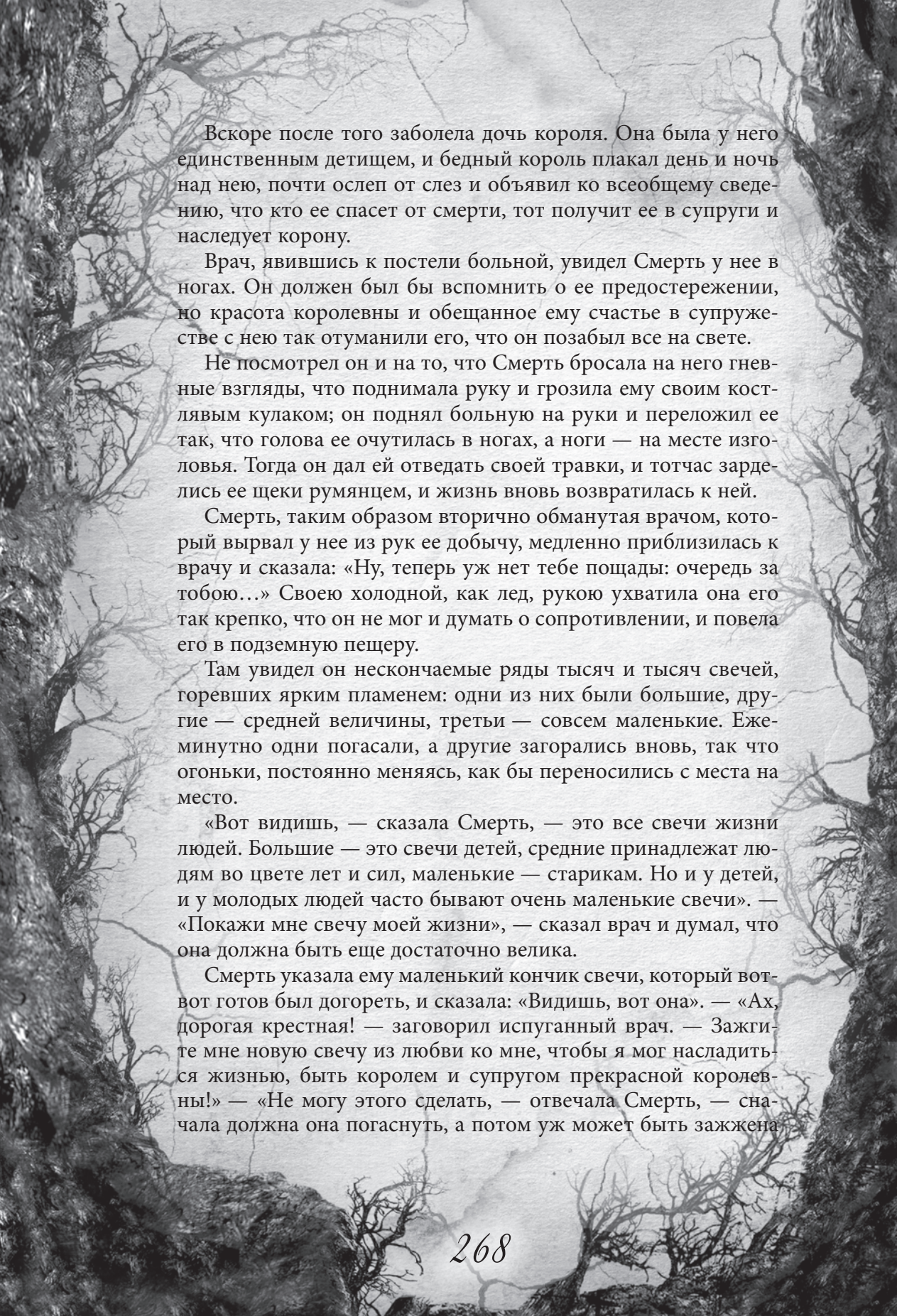
А Смерть явилась к врачу, насупившись и сурово сдвинув брови, погрозила ему пальцем и сказала: «Ты вздумал меня провести — на этот раз я тебе спущу, потому что ты мой крестник; но если ты еще раз осмелишься это сделать, то тебе несдобровать, и я унесу тебя самого».

«Смерть кума».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«... Не посмотрел он и на то,
что Смерть бросала на него гневные взгляды,
что поднимала руку и грозилась ему
своим костлявым кулаком...»*

Вскоре после того заболела дочь короля. Она была у него единственным детищем, и бедный король плакал день и ночь над нею, почти ослеп от слез и объявил ко всеобщему сведению, что кто ее спасет от смерти, тот получит ее в супруги и наследует корону.

Врач, явившись к постели больной, увидел Смерть у нее в ногах. Он должен был бы вспомнить о ее предостережении, но красота королевны и обещанное ему счастье в супружестве с нею так отуманили его, что он позабыл все на свете.

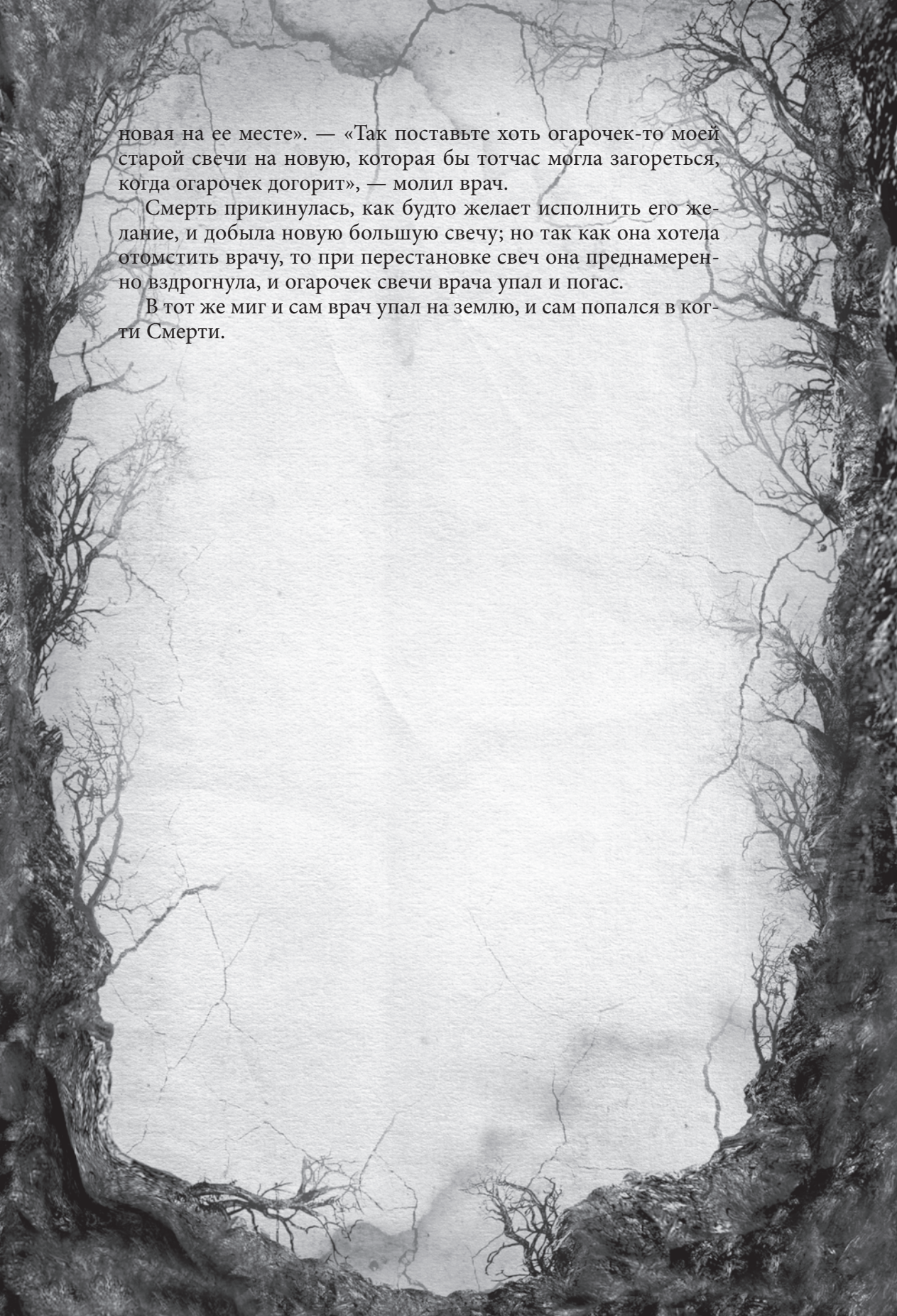
Не посмотрел он и на то, что Смерть бросала на него гневные взгляды, что поднимала руку и грозила ему своим костлявым кулаком; он поднял больную на руки и переложил ее так, что голова ее очутилась в ногах, а ноги — на месте изголовья. Тогда он дал ей отведать своей травки, и тотчас зарделись ее щеки румянцем, и жизнь вновь возвратилась к ней.

Смерть, таким образом вторично обманутая врачом, который вырвал у нее из рук ее добычу, медленно приблизилась к врачу и сказала: «Ну, теперь уж нет тебе пощады: очередь за тобою...» Своею холодной, как лед, рукою ухватила она его так крепко, что он не мог и думать о сопротивлении, и повела его в подземную пещеру.

Там увидел он нескончаемые ряды тысяч и тысяч свечей, горевших ярким пламенем: одни из них были большие, другие — средней величины, третьи — совсем маленькие. Ежеминутно одни погасали, а другие загорались вновь, так что огоньки, постоянно меняясь, как бы переносились с места на место.

«Вот видишь, — сказала Смерть, — это все свечи жизни людей. Большие — это свечи детей, средние принадлежат людям во цвете лет и сил, маленькие — старикам. Но и у детей, и у молодых людей часто бывают очень маленькие свечи». — «Покажи мне свечу моей жизни», — сказал врач и думал, что она должна быть еще достаточно велика.

Смерть указала ему маленький кончик свечи, который вот-вот готов был догореть, и сказала: «Видишь, вот она». — «Ах, дорогая крестная! — заговорил испуганный врач. — Зажгите мне новую свечу из любви ко мне, чтобы я мог наслаждаться жизнью, быть королем и супругом прекрасной королевны!» — «Не могу этого сделать, — отвечала Смерть, — сначала должна она погаснуть, а потом уж может быть зажжена».

новая на ее месте». — «Так поставьте хоть огарочек-то моей старой свечи на новую, которая бы тотчас могла загореться, когда огарочек догорит», — молил врач.

Смерть прикинулась, как будто желает исполнить его желание, и добыла новую большую свечу; но так как она хотела отомстить врачу, то при перестановке свеч она преднамеренно вздрогнула, и огарочек свечи врача упал и погас.

В тот же миг и сам врач упал на землю, и сам попался в когти Смерти.

Путешествие Мальчика-С-Пальчика

У одного портного родился крошечный сын, не больше мизинца, а потому его и называли Мальчик-с-пальчик. Но при малом росте у него не было недостатка в мужестве, и он сказал своему отцу: «Отец, я должен непременно видеть свет». — «Это верно, сын мой! — сказал старик, взял длинную штопальную иголку и на свечке приладил к ней шарик из сургуча. — Вот тебе и меч на дорогу».

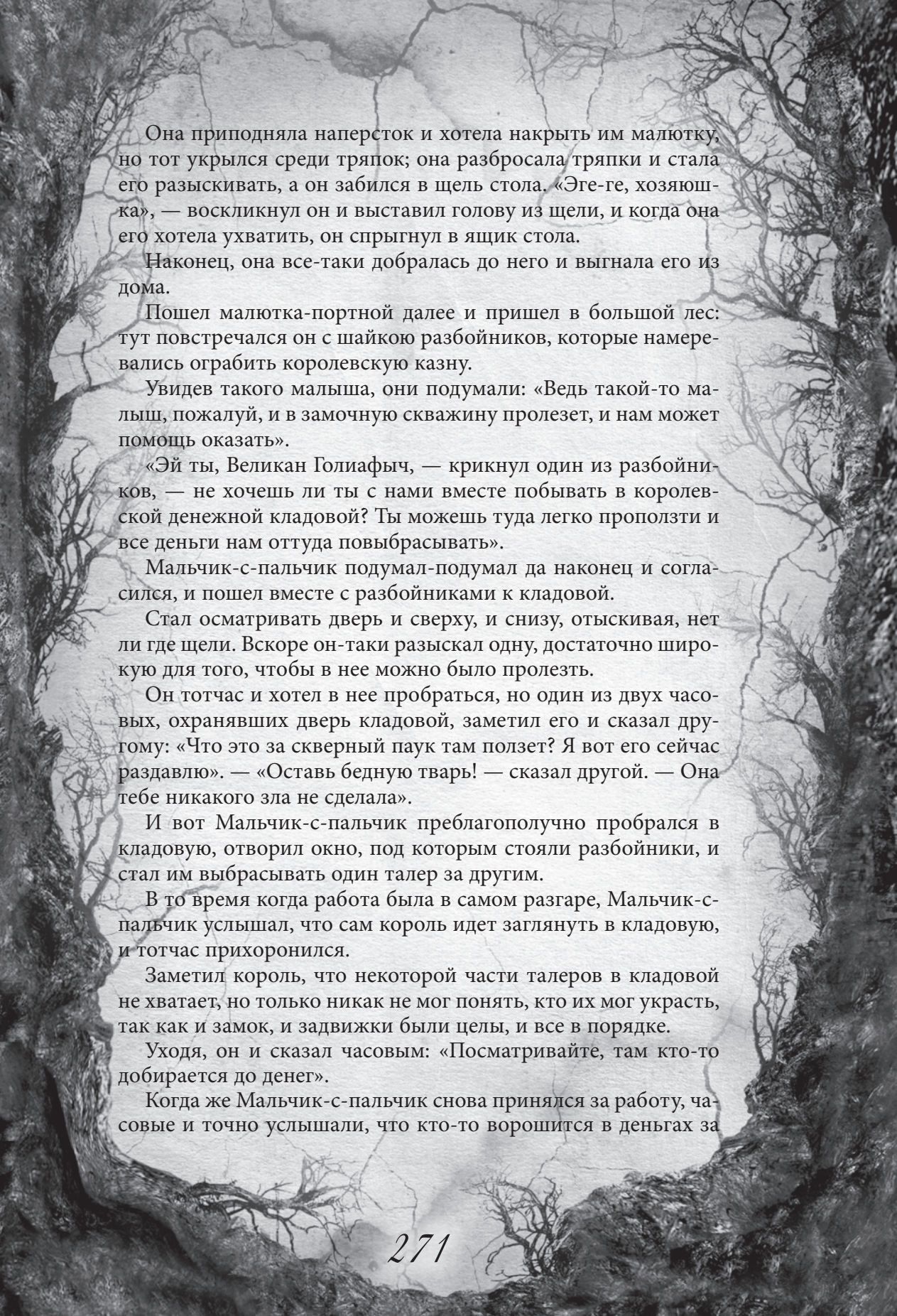
Снарядившись в путь, Мальчик-с-пальчик хотел еще раз поесть со своими и побежал на кухню, чтобы посмотреть, что готовила мать на последнее кушанье. А это кушанье только что было заправлено и стояло на очаге.

Вот и спросил он у матери: «Матушка, что у нас сегодня будет за столом?» — «А вон сам посмотри!»

Мальчик-с-пальчик сам взлез на очаг и заглянул в блюдо. Но так как он чересчур далеко высунулся вперед, пар от кушанья подхватил его и в струе своей увлек в трубу и через трубу — в надворье.

Минуту носился он по воздуху вместе с паром, пока наконец не опустился на землю.

И так он очутился среди бела света; стал бродить повсюду, даже поступил к какому-то мастеру в работу, да кушанье ему там не по вкусу пришлось. «Хозяюшка, — сказал он, — если вы нам не дадите еды получше, то я от вас уйду и завтра же напишу на вашей двери мелом: “Картофелем пичкают, на мясо скупаются — пришлось мне с ними расстаться”». — «Ах ты, мелюзга этакая!» — сказала, разгневавшись, хозяйка, схватила тряпку и хотела его прилепнуть; но Мальчик-с-пальчик проворно юркнул под наперсток, стал из-под него выглядывать и дразнить хозяйку языком.

Она приподняла наперсток и хотела накрыть им малютку, но тот укрылся среди тряпок; она разбросала тряпки и стала его разыскивать, а он забился в щель стола. «Эге-ге, хозяйш-ка», — воскликнул он и выставил голову из щели, и когда она его хотела ухватить, он спрыгнул в ящик стола.

Наконец, она все-таки добралась до него и выгнала его из дома.

Пошел малютка-портной далее и пришел в большой лес: тут повстречался он с шайкою разбойников, которые намеревались ограбить королевскую казну.

Увидев такого малыша, они подумали: «Ведь такой-то малыш, пожалуй, и в замочную скважину пролезет, и нам может помощь оказать».

«Эй ты, Великан Голиафыч, — крикнул один из разбойников, — не хочешь ли ты с нами вместе побывать в королевской денежной кладовой? Ты можешь туда легко проползти и все деньги нам оттуда повыбрасывать».

Мальчик-с-пальчик подумал-подумал да наконец и согласился, и пошел вместе с разбойниками к кладовой.

Стал осматривать дверь и сверху, и снизу, отыскивая, нет ли где щели. Вскоре он-таки разыскал одну, достаточно широкую для того, чтобы в нее можно было пролезть.

Он тотчас и хотел в нее пробраться, но один из двух часовых, охранявших дверь кладовой, заметил его и сказал другому: «Что это за скверный паук там ползет? Я вот его сейчас раздавлю». — «Оставь бедную тварь! — сказал другой. — Она тебе никакого зла не сделала».

И вот Мальчик-с-пальчик благополучно пробрался в кладовую, отворил окно, под которым стояли разбойники, и стал им выбрасывать один талер за другим.

В то время когда работа была в самом разгаре, Мальчик-с-пальчик услышал, что сам король идет заглянуть в кладовую, и тотчас прихоронился.

Заметил король, что некоторой части талеров в кладовой не хватает, но только никак не мог понять, кто их мог украсть, так как и замок, и задвижки были целы, и все в порядке.

Уходя, он и сказал часовым: «Посматривайте, там кто-то добирается до денег».

Когда же Мальчик-с-пальчик снова принялся за работу, часовые и точно услышали, что кто-то ворошится в деньгах за

дверью и деньги позвякивают: клинь-клянъ, клинь-клянъ... Они быстро ворвались в кладовую и думали схватить вора.

Но портняжка, услышав, что они идут в кладовую, оказался еще проворнее их: прыгнул в уголок, покрылся талером так, что его самого и не видать было, да еще стал оттуда часовых поддразнивать, покрикивая: «Я здесь».

Часовые бросались в ту сторону, а он перескакивал в другой угол, прятался под другой талер и кричал: «А я здесь!»

Часовые опять туда же бросались со всех ног, а Мальчик-с-пальчик давно уже сидел в третьем углу и кричал: «Эй, вот я где!»

И так он дурачил и до тех пор гонял их из конца в конец кладовой, пока они не утомились и не ушли.

Тогда он выбросил из окна все талеры один за другим, а на последний он и сам уселся и вместе с ним выбросился из окошка.

Разбойники не знали, как и похвалить его, говорили ему: «Ты просто молодчина! Не хочешь ли ты быть нашим атаманом?» Но Мальчик-с-пальчик поблагодарил их за честь и отказался, сказав, что хочет еще повидать белый свет.

Тут они поделили добычу, но малютка-портной потребовал себе из нее всего один крейцер, потому что больше и захватить с собою не мог.

Затем он опять опоясался своим мечом, попрощался с разбойниками и пустился в путь-дорогу.

Поступал он еще к нескольким мастерам в работу, но работа была ему везде не по нутру; наконец, он нанялся в услужение на одном постоялом дворе.

Но тут невзлюбили его служанки, потому что он, незаметный для них, видел все, что они делали тайком, и указывал хозяевам, что они с тарелок потаскали и что из погреба вынесли.

Служанки и сказали себе: «Погоди ужо, мы с тобою отмочим штуку!» И условились между собою, чтобы подстроить ему какую-нибудь ловушку.

Вскоре после того, когда одна из служанок гребла травку в саду и увидела, что Мальчик-с-пальчик прыгает тут же и катается по траве, она и его сгребла вместе с травой, все связала в большой платок и тайком выкинула коровам в ясли.

Одна из коров, большая и черная, проглотила портняжку вместе с травой.

Но в желудке коровы ему не понравилось, потому что там было совсем темно, даже и свеча не горела. Когда стали корову доить, он закричал:

— Да но, но, но, да но, но, но

Ведро-то разве не полно?

Но его слов не расслышали из-за шума сдаиваемого молока.

Затем вошел в хлев сам хозяин и сказал: «Завтра надо будет эту корову заколоть».

Мальчик-с-пальчик испугался и закричал громко: «Прежде меня из нее выпустите, ведь я в ней сижу».

Хозяин услышал эти слова, но только не мог понять, откуда исходил голос.

«Да где же ты?» — спросил он.

«А вот, в черной-то!» — отвечал малютка; но хозяин не понял значения этих слов и ушел из хлева.

На другое утро корову закололи. По счастью, при разрезании и разрубании мяса коровы ни один удар топора и ножа не задел портняжку, но зато он попал в число частей коровы, предназначенных на начинку колбас.

Когда мясник подошел и принялся за свою работу, Мальчик-с-пальчик закричал ему что было мочи: «Не прорубай слишком глубоко, не прорубай глубоко, ведь я тут!»

Среди стука ножей никто этого не расслышал.

Тут несчастный малютка понял, что грозит ему большая беда; но ведь беда-то и духу придает, и вот он сумел так проворно проскочить между ножами, что ни один его и не задел, и он вышел из беды цел и невредим.

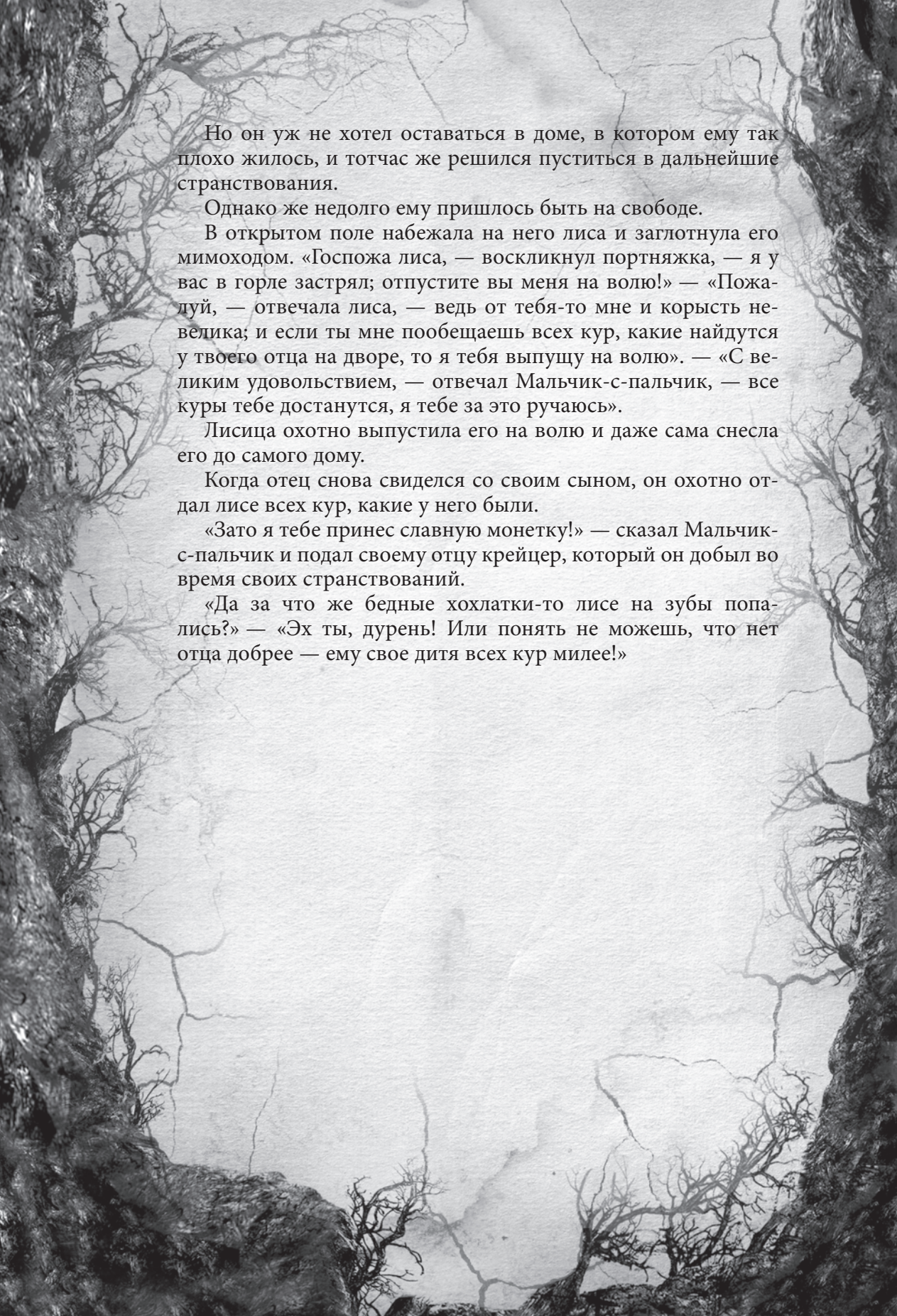
Но ускользнуть ему тоже не удалось: вместе с кусочками сала он должен был дать и себя запихнуть в кровяную колбасу.

Помещение у него было тесненькое, да к тому же еще его повесили в трубу для копчения, и в этой трубе время показалось ему бесконечно долгим.

Наконец, уже зимою его из трубы сняли, потому что колбасу надо было подать на стол какому-то гостю.

Когда стала хозяйка резать колбасу на кусочки, Мальчик-с-пальчик только о том и заботился, как бы ему не выставить вперед голову, чтобы она не попала под лезвие ножа.

Наконец, он как-то ухитрился выкарабкаться из колбасы и выскочил на стол.

Но он уж не хотел оставаться в доме, в котором ему так плохо жилось, и тотчас же решился пуститься в дальнейшие странствования.

Однако же недолго ему пришлось быть на свободе.

В открытом поле набежала на него лиса и заглотнула его мимоходом. «Госпожа лиса, — воскликнул портняжка, — я у вас в горле застрял; отпустите вы меня на волю!» — «Пожадуй, — отвечала лиса, — ведь от тебя-то мне и корысть не велика; и если ты мне пообещаешь всех кур, какие найдутся у твоего отца на дворе, то я тебя выпущу на волю». — «С великим удовольствием, — отвечал Мальчик-с-пальчик, — все куры тебе достанутся, я тебе за это ручаюсь».

Лисица охотно выпустила его на волю и даже сама снесла его до самого дому.

Когда отец снова свиделся со своим сыном, он охотно отдал лисе всех кур, какие у него были.

«Зато я тебе принес славную монетку!» — сказал Мальчик-с-пальчик и подал своему отцу крейцер, который он добыл во время своих странствований.

«Да за что же бедные хохлатки-то лисе на зубы попались?» — «Эх ты, дурень! Или понять не можешь, что нет отца добрее — ему свое дитя всех кур милее!»

«Путешествие Мальчика-С-Пальчика».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...У одного портного родился крошечный сын,
не больше мизинца, а потому его и называли Мальчик-с-пальчик.
Но при малом росте у него не было недостатка
в мужестве, и он сказал своему отцу:
“Отец, я должен непременно видеть свет”...»*

Шесть лебедей

В большом лесу охотился однажды король и так рьяно гнал по следу за каким-то зверем, что никто из его людей не мог за ним поспеть и все от него отстали. Когда за вечерело, он сдержал коня, стал кругом себя оглядываться и заметил, что заблудился. Стал он искать выхода из лесу и никак не мог его найти.

Вот и увидел он, что идет ему навстречу старушка старенькая-престаренькая, такая, что у нее уж и голова трясется от старости; а он и не знал, что эта старушка — ведьма.

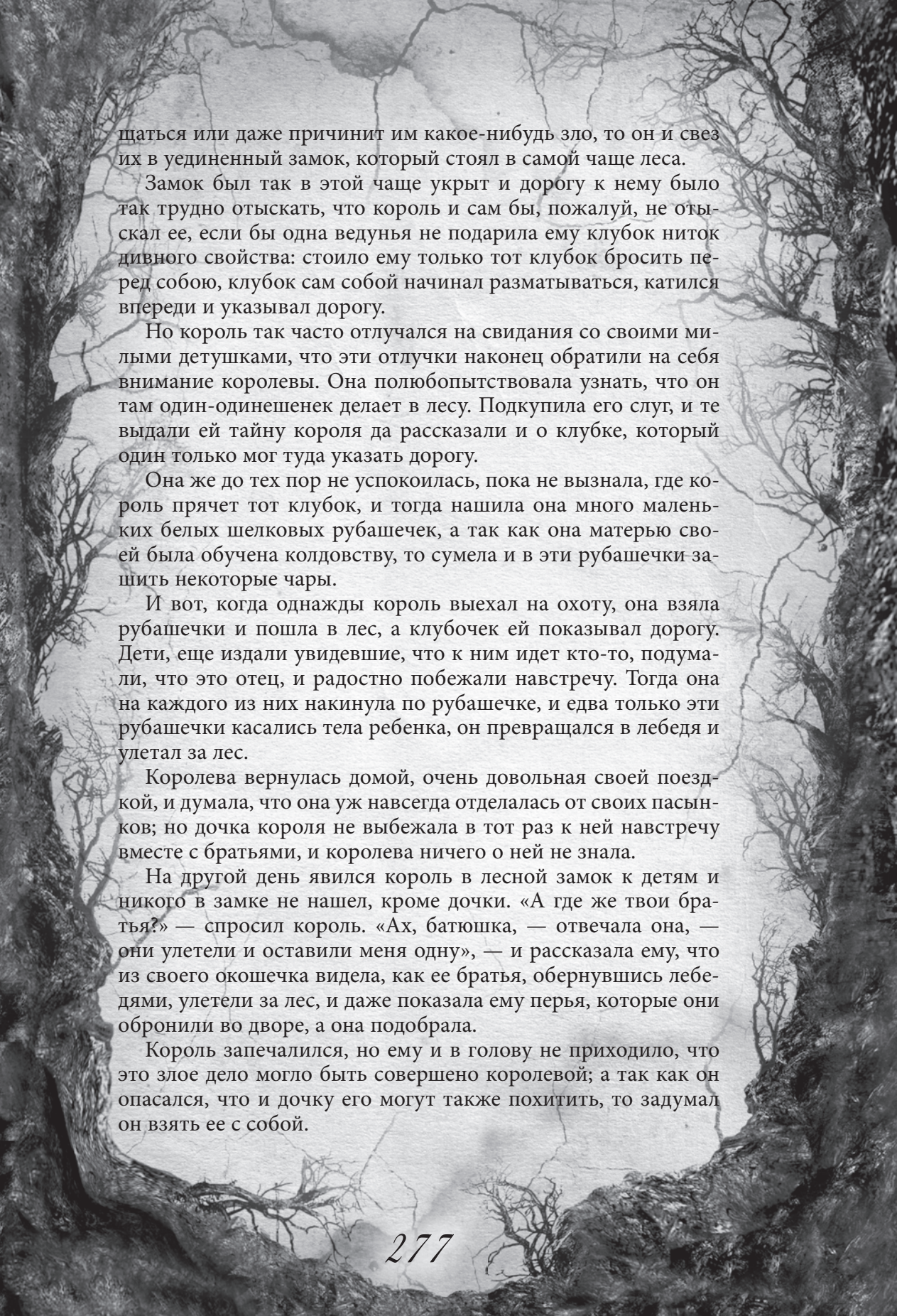
«Голубушка, — сказал он ей, — не можешь ли ты мне показать дорогу из лесу?» — «О, конечно, могу, — отвечала старушка, — только при одном условии; и если вы, господин король, его не исполните, то никогда из этого леса не выйдете и должны будете здесь помереть от голода». — «А какое же это условие?» — спросил король. «У меня есть дочь, — сказала старуха, — она краше всех на свете и, конечно, заслуживает чести быть вам супругою. Вот если вы ее возьмете в жены, так я вам укажу дорогу из леса».

Король, перепугавшись, согласился, и старуха повела его к избушке, где ее дочь сидела у огня.

Эта дочь приняла короля так, как будто уже ожидала его прихода; и король увидел, что она действительно очень хороша собою, но ее лицо все же ему не понравилось, и он не мог смотреть на нее без затаенного страха.

После того как он посадил девушку к себе на коня, старуха показала ему дорогу из леса, и король снова мог вернуться в свой королевский замок, где и отпраздновал свадьбу.

До того времени король уже был однажды женат, и от первой его супруги у него было семеро детей — шесть сыновей и дочь, которую он любил более всего на свете. Но так как он боялся, что мачеха с ними будет недостаточно хорошо обра-

щаться или даже причинит им какое-нибудь зло, то он и свез их в уединенный замок, который стоял в самой чаще леса.

Замок был так в этой чаще укрыт и дорогу к нему было так трудно отыскать, что король и сам бы, пожалуй, не отыскал ее, если бы одна ведунья не подарила ему клубок ниток дивного свойства: стоило ему только тот клубок бросить перед собою, клубок сам собой начинал разматываться, катился впереди и указывал дорогу.

Но король так часто отлучался на свидания со своими милыми детушками, что эти отлучки наконец обратили на себя внимание королевы. Она полюбопытствовала узнать, что он там один-одинешенек делает в лесу. Подкупила его слуг, и те выдали ей тайну короля да рассказали и о клубке, который один только мог туда указать дорогу.

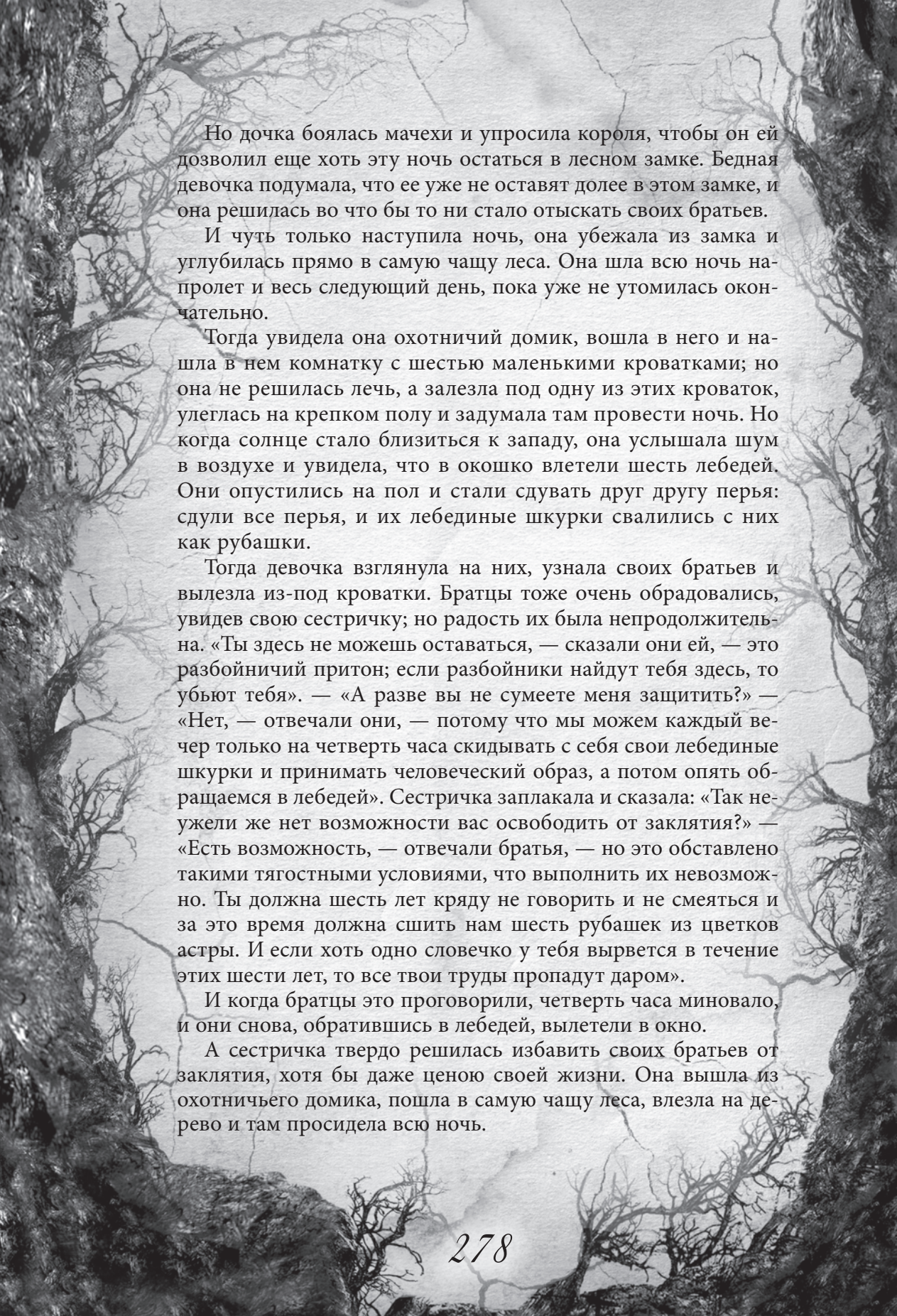
Она же до тех пор не успокоилась, пока не вызнала, где король прячет тот клубок, и тогда нашла она много маленьких белых шелковых рубашечек, а так как она матерью своей была обучена колдовству, то сумела и в эти рубашечки зашить некоторые чары.

И вот, когда однажды король выехал на охоту, она взяла рубашечки и пошла в лес, а клубочек ей показывал дорогу. Дети, еще издали увидевшие, что к ним идет кто-то, подумали, что это отец, и радостно побежали навстречу. Тогда она на каждого из них накинула по рубашечке, и едва только эти рубашечки касались тела ребенка, он превращался в лебедя и улетал за лес.

Королева вернулась домой, очень довольная своей поездкой, и думала, что она уж навсегда отделалась от своих пасынков; но дочка короля не выбежала в тот раз к ней навстречу вместе с братьями, и королева ничего о ней не знала.

На другой день явился король в лесной замок к детям и никого в замке не нашел, кроме дочки. «А где же твои братья?» — спросил король. «Ах, батюшка, — отвечала она, — они улетели и оставили меня одну», — и рассказала ему, что из своего окошечка видела, как ее братья, обернувшись лебедями, улетели за лес, и даже показала ему перья, которые они обронили во дворе, а она подобрала.

Король запечалился, но ему и в голову не приходило, что это злое дело могло быть совершено королевой; а так как он опасался, что и дочку его могут также похитить, то задумал он взять ее с собой.

Но дочка боялась мачехи и упростила короля, чтобы он ей позволил еще хоть эту ночь остаться в лесном замке. Бедная девочка подумала, что ее уже не оставят долее в этом замке, и она решила во что бы то ни стало отыскать своих братьев.

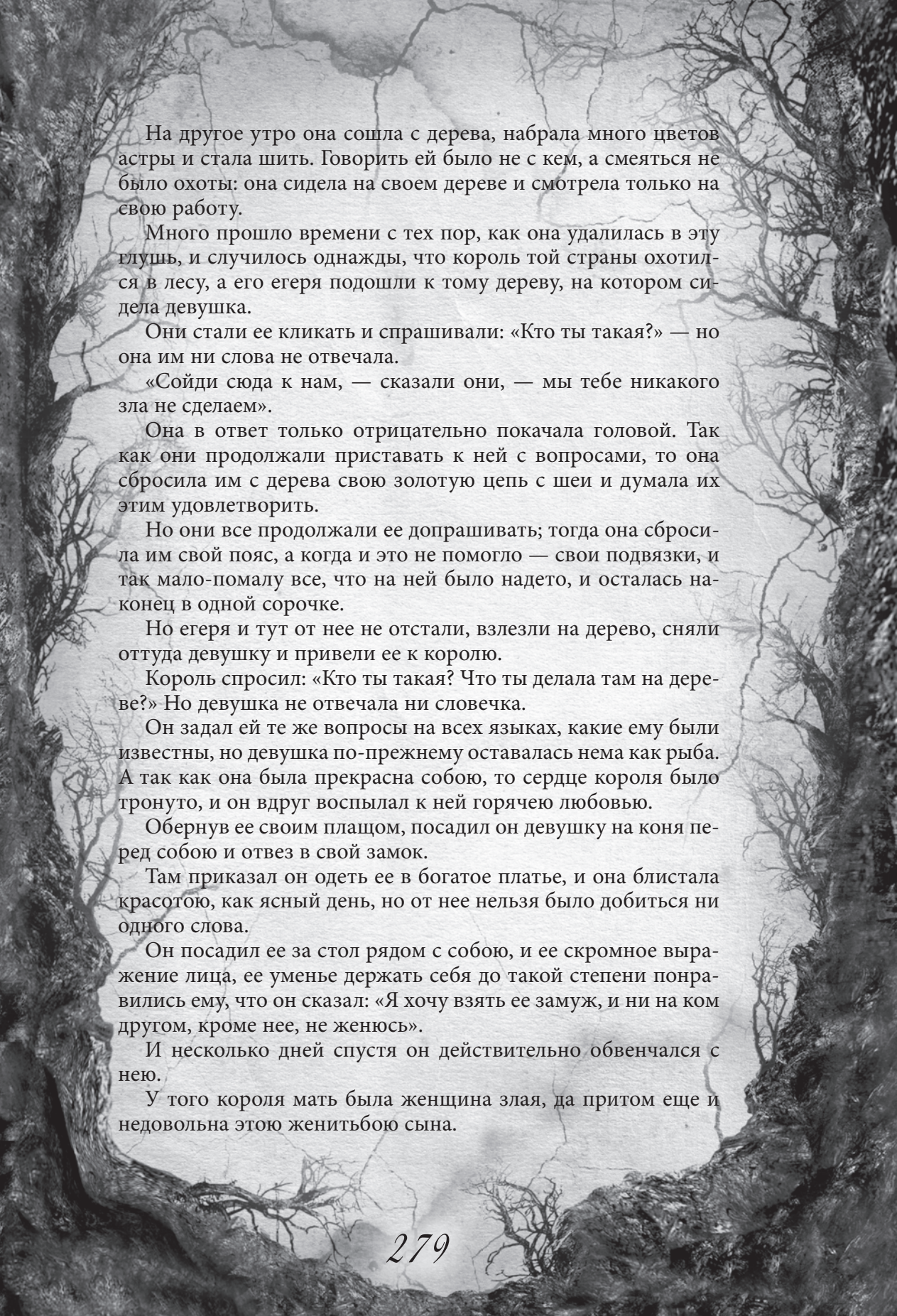
И чуть только наступила ночь, она убежала из замка и углубилась прямо в самую чащу леса. Она шла всю ночь напролет и весь следующий день, пока уже не утомилась окончательно.

Тогда увидела она охотничий домик, вошла в него и нашла в нем комнатку с шестью маленькими кроватками; но она не решила лечь, а залезла под одну из этих кроваток, улеглась на крепком полу и задумала там провести ночь. Но когда солнце стало близиться к западу, она услышала шум в воздухе и увидела, что в окошко влетели шесть лебедей. Они опустились на пол и стали сдвигать друг другу перья: сдвигали все перья, и их лебединые шкурки свалились с них как рубашки.

Тогда девочка взглянула на них, узнала своих братьев и вылезла из-под кроватки. Братцы тоже очень обрадовались, увидев свою сестричку; но радость их была непродолжительна. «Ты здесь не можешь оставаться, — сказали они ей, — это разбойничий притон; если разбойники найдут тебя здесь, то убьют тебя». — «А разве вы не сумеете меня защитить?» — «Нет, — отвечали они, — потому что мы можем каждый вечер только на четверть часа скидывать с себя свои лебединые шкурки и принимать человеческий образ, а потом опять обращаемся в лебедей». Сестричка заплакала и сказала: «Так неужели же нет возможности вас освободить от заклятия?» — «Есть возможность, — отвечали братья, — но это обставлено такими тягостными условиями, что выполнить их невозможно. Ты должна шесть лет кряду не говорить и не смеяться и за это время должна сшить нам шесть рубашек из цветков астры. И если хоть одно словечко у тебя вырвется в течение этих шести лет, то все твои труды пропадут даром».

И когда братцы это проговорили, четверть часа миновало, и они снова, обратившись в лебедей, вылетели в окно.

А сестричка твердо решила избавить своих братьев от заклятия, хотя бы даже ценою своей жизни. Она вышла из охотничьего домика, пошла в самую чащу леса, влезла на дерево и там просидела всю ночь.

На другое утро она сошла с дерева, набрала много цветов астры и стала шить. Говорить ей было не с кем, а смеяться не было охоты: она сидела на своем дереве и смотрела только на свою работу.

Много прошло времени с тех пор, как она удалилась в эту глушь, и случилось однажды, что король той страны охотился в лесу, а его егеря подошли к тому дереву, на котором сидела девушка.

Они стали ее кликать и спрашивали: «Кто ты такая?» — но она им ни слова не отвечала.

«Сойди сюда к нам, — сказали они, — мы тебе никакого зла не сделаем».

Она в ответ только отрицательно покачала головой. Так как они продолжали приставать к ней с вопросами, то она сбросила им с дерева свою золотую цепь с шеи и думала их этим удовлетворить.

Но они все продолжали ее допрашивать; тогда она сбросила им свой пояс, а когда и это не помогло — свои подвязки, и так мало-помалу все, что на ней было надето, и осталась наконец в одной сорочке.

Но егеря и тут от нее не отстали, взлезли на дерево, сняли оттуда девушку и привели ее к королю.

Король спросил: «Кто ты такая? Что ты делала там на дереве?» Но девушка не отвечала ни словечка.

Он задал ей те же вопросы на всех языках, какие ему были известны, но девушка по-прежнему оставалась нема как рыба. А так как она была прекрасна собою, то сердце короля было тронuto, и он вдруг вспыхнул к ней горячею любовью.

Обернув ее своим плащом, посадил он девушку на коня перед собою и отвез в свой замок.

Там приказал он одеть ее в богатое платье, и она блистала красотой, как ясный день, но от нее нельзя было добиться ни одного слова.

Он посадил ее за стол рядом с собою, и ее скромное выражение лица, ее умение держать себя до такой степени понравились ему, что он сказал: «Я хочу взять ее замуж, и ни на ком другом, кроме нее, не женюсь».

И несколько дней спустя он действительно обвенчался с нею.

У того короля мать была женщина злая, да притом еще и недовольна этою женитьбою сына.

Она злословила про молодую королеву. «Кто ее знает, откуда она родом, — говорила она, — от нее, немой, не дознаешься; а только она королю не пара».

Год спустя, когда королева родила первого ребенка, старуха унесла его, а королеве во время сна вымазала рот кровью. Затем она пошла к королю и обвинила королеву в том, что она людоедка и съела своего ребенка.

Король не хотел этому верить и не позволил причинить королеве никакого зла.

А королева постоянно сидела над своей работой и шила рубашечки, не обращая внимания ни на что другое.

В следующий раз, когда она снова родила красавца мальчика, лукавая старуха опять пустила в ход подобный же обман, однако же король не решился поверить ее клевете на королеву.

Он сказал: «Она слишком добра и богобоязненна, чтобы совершить что-нибудь подобное; не будь она нема, она сумела бы сама себя защитить, и ее невинность, конечно, тотчас же обнаружилась бы».

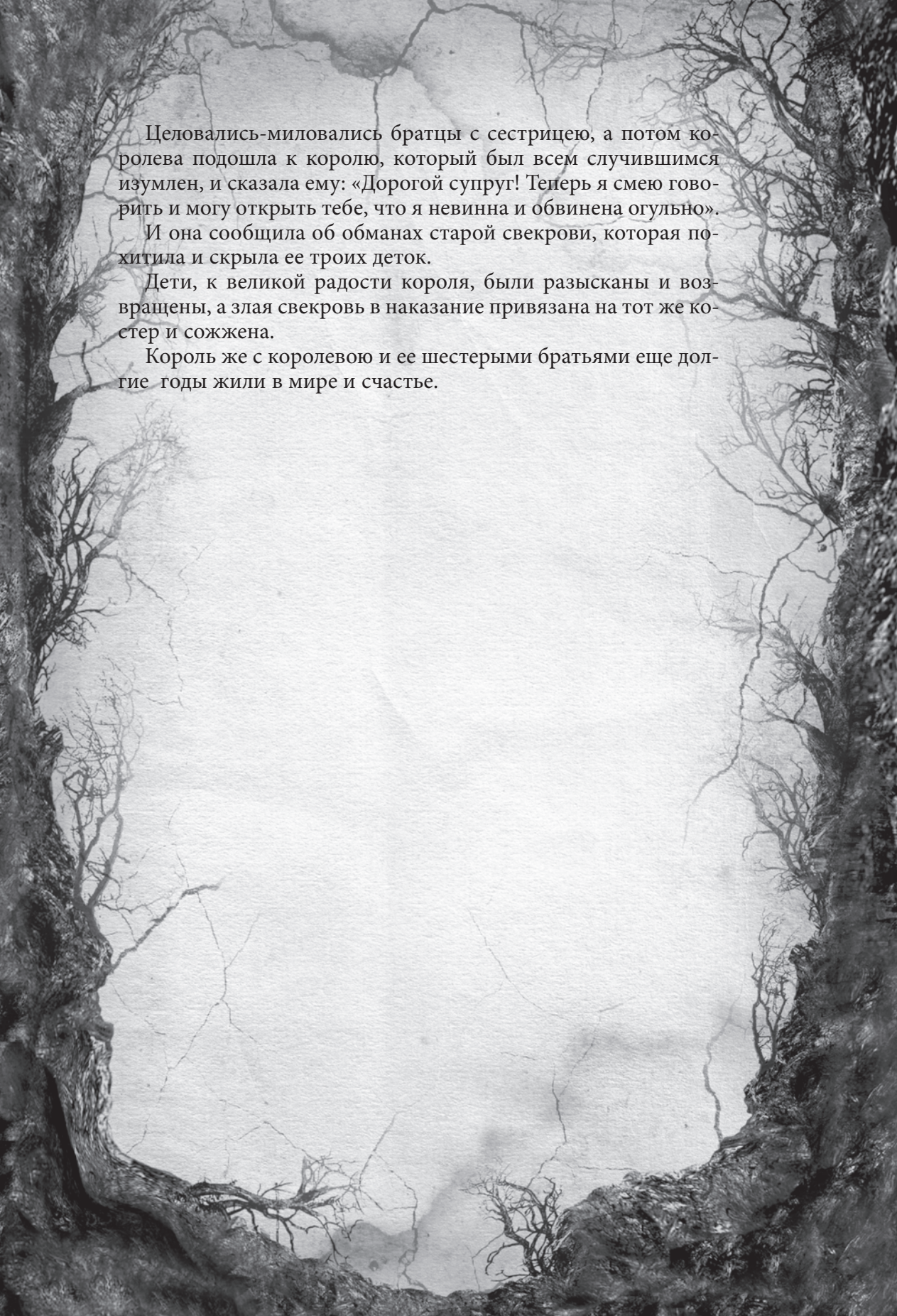
Когда же старуха и в третий раз похитила новорожденного ребенка и взвела на королеву то же обвинение (а та ни слова не могла сказать в свое оправдание), то король уже не мог защитить жену и должен был предать ее суду, который и приговорил сжечь ее на костре.

Вот и наступил день исполнения приговора, наступил в то же время и последний день тех шести лет, в течение которых она не смела ни смеяться, ни говорить, — и таким образом ее милые братья были уже избавлены ею от заклятия.

И шесть рубашечек из цветков астры были также изготовлены; только у последней не хватало левого рукавчика.

Когда ее повели на костер, она сложила все рубашечки на руку; а когда уж она была на костре и костер уже собирались зажигать, то она оглянулась кругом и увидела, что к ней летят шесть лебедей. Тут она убедилась, что и ее избавление близко, и сердце ее затрепетало от радости.

Лебеди закружились около нее и спустились настолько низко, что она могла им перебросить рубашечки; и едва только те рубашечки их коснулись, лебедины шкурки с них свалились, ее братцы стали перед нею, молодец к молодцу, живехоньки и здоровехоньки; только у самого младшего не хватало левой руки, а вместо нее осталось лебединое крыло за спиной.

Целовались-миловались братцы с сестрицею, а потом королева подошла к королю, который был всем случившимся изумлен, и сказала ему: «Дорогой супруг! Теперь я смею говорить и могу открыть тебе, что я невинна и обвинена огульно».

И она сообщила об обманах старой свекрови, которая похитила и скрыла ее троих деток.

Дети, к великой радости короля, были разысканы и возвращены, а злая свекровь в наказание привязана на тот же костер и сожжена.

Король же с королевою и ее шестерыми братьями еще долгие годы жили в мире и счастье.

Шуповничек

Давным-давно жили да были король с королевою, и бывало что ни день, то говаривали: «Ах, если бы у нас был ребенок!» — а детей у них все же не было.

И вот однажды, когда королева купалась, из воды на берег вылезла лягушка и сказала королеве: «Твое желание будет исполнено: ранее истечения года у тебя родится дочка».

Что лягушка сказала, то и случилось: королева действительно родила дочку, которая была такая хорошенькая, что король себя не помнил от радости и затеял по этому поводу великолепный праздник.

Он пригласил на праздник не только своих родных, друзей и знакомых, но также и всех колдуний, чтобы они были к его ребенку добры и благосклонны. Этих колдуний в том королевстве было тринадцать, но так как у короля было только двенадцать золотых тарелочек, на которых им следовало подавать кушанья, то одну из них пришлось не приглашать.

Праздник был отпразднован великолепно, и когда уж он заканчивался, колдуньи одарили ребенка разными чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством и всем-всем, чего только можно было пожелать себе на земле.

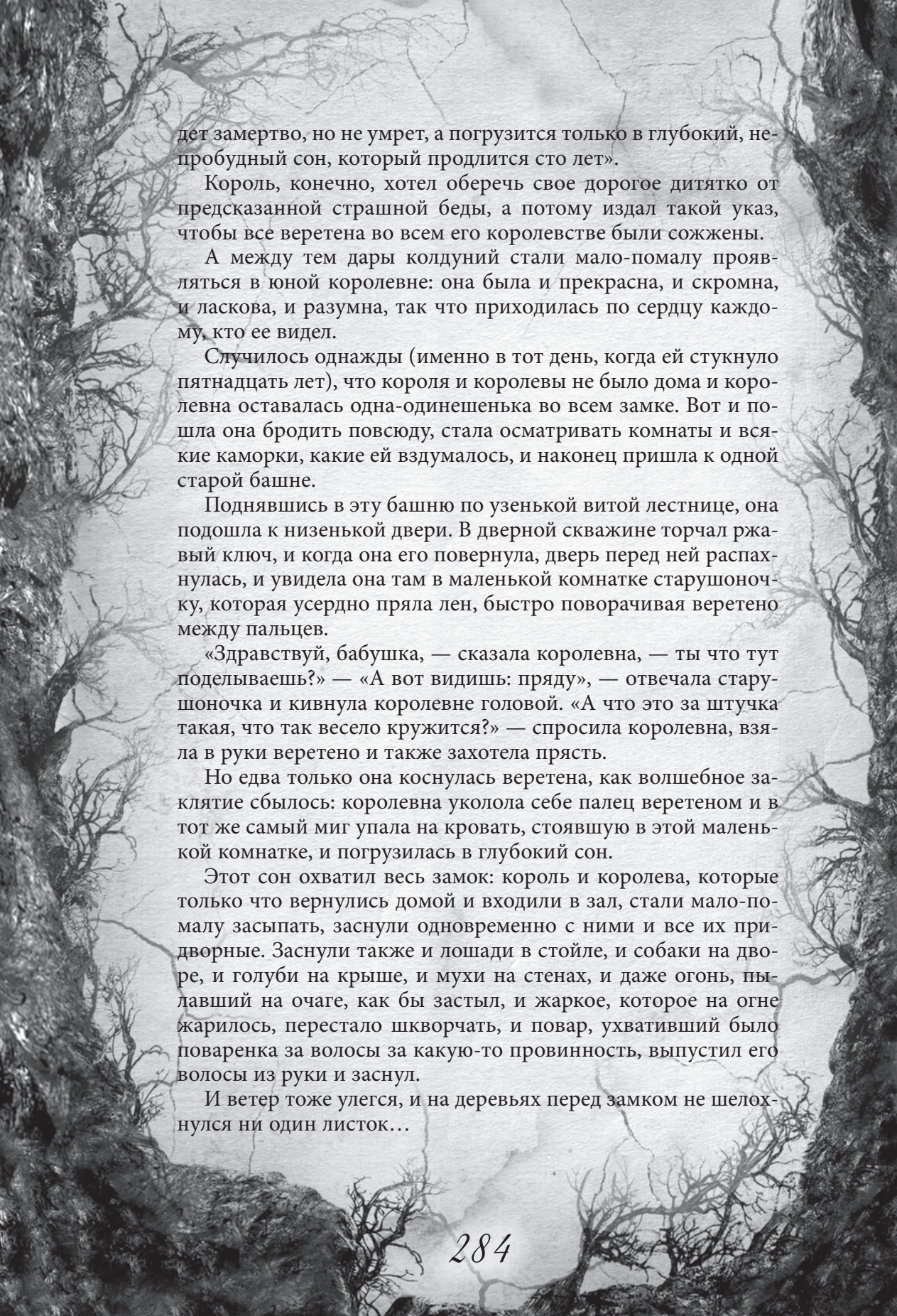
Когда уже одиннадцать колдуний высказали свои пожелания, вдруг вошла тринадцатая. Она явилась отомстить королю с королевою за то, что ее не пригласили на праздник; и вот, никому не кланяясь и ни на кого не глядя, она громко крикнула: «Королевна на пятнадцатом году уколется веретеном и тут же упадет замертво». И, не прибавив ни слова более, повернулась и вышла из зала. Все были этим страшно перепуганы; но вот выступила двенадцатая колдунья, которая еще не успела высказать своего пожелания, и так как она не могла отменить злого желания своей предшественницы, а была в состоянии лишь смягчить его, то она сказала: «Королевна упа-

«Шиповничек».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Он пошел далее и увидел в зале всех придворных,
спавших глубоким сном...»*

дет замертво, но не умрет, а погрузится только в глубокий, непробудный сон, который продлится сто лет».

Король, конечно, хотел оберечь свое дорогое дитяtko от предсказанной страшной беды, а потому издал такой указ, чтобы все веретена во всем его королевстве были сожжены.

А между тем дары колдуний стали мало-помалу проявляться в юной королевне: она была и прекрасна, и скромна, и ласкова, и разумна, так что приходилась по сердцу каждому, кто ее видел.

Случилось однажды (именно в тот день, когда ей стукнуло пятнадцать лет), что короля и королевы не было дома и королевна оставалась одна-одинешенька во всем замке. Вот и пошла она бродить повсюду, стала осматривать комнаты и всякие каморки, какие ей вздумалось, и наконец пришла к одной старой башне.

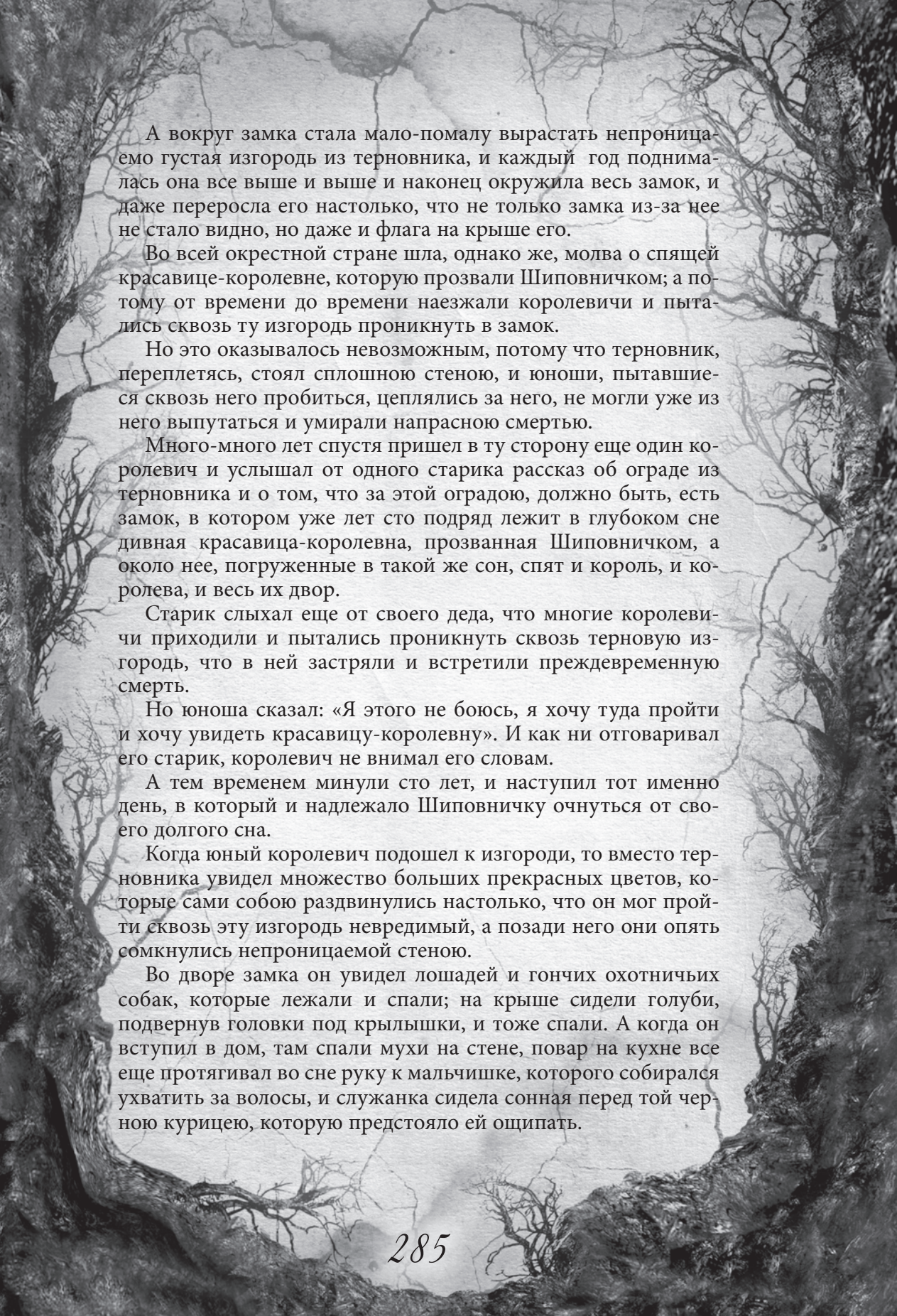
Поднявшись в эту башню по узенькой витой лестнице, она подошла к низенькой двери. В дверной скважине торчал ржавый ключ, и когда она его повернула, дверь перед ней распахнулась, и увидела она там в маленькой комнатке старушонку, которая усердно пряла лен, быстро поворачивая веретено между пальцев.

«Здравствуй, бабушка, — сказала королевна, — ты что тут поделываешь?» — «А вот видишь: пряду», — отвечала старушонка и кивнула королевне головой. «А что это за штучка такая, что так весело кружится?» — спросила королевна, взяла в руки веретено и также захотела прясть.

Но едва только она коснулась веретена, как волшебное заклятие сбылось: королевна уколола себе палец веретеном и в тот же самый миг упала на кровать, стоявшую в этой маленькой комнатке, и погрузилась в глубокий сон.

Этот сон охватил весь замок: король и королева, которые только что вернулись домой и входили в зал, стали мало-помалу засыпать, заснули одновременно с ними и все их придворные. Заснули также и лошади в стойле, и собаки на дворе, и голуби на крыше, и мухи на стенах, и даже огонь, пылавший на очаге, как бы застыл, и жаркое, которое на огне жарилось, перестало шкворчать, и повар, ухвативший было поваренка за волосы за какую-то провинность, выпустил его волосы из руки и заснул.

И ветер тоже улегся, и на деревьях перед замком не шелонулся ни один листок...

А вокруг замка стала мало-помалу вырастать непроницаемо густая изгородь из терновника, и каждый год поднималась она все выше и выше и наконец окружила весь замок, и даже переросла его настолько, что не только замка из-за нее не стало видно, но даже и флага на крыше его.

Во всей окрестной стране шла, однако же, молва о спящей красавице-королевне, которую прозвали Шиповничком; а потому от времени до времени наезжали королевичи и пытались сквозь ту изгородь проникнуть в замок.

Но это оказывалось невозможным, потому что терновник, переплетаясь, стоял сплошною стеною, и юноши, пытавшиеся сквозь него пробиться, цеплялись за него, не могли уже из него выпутаться и умирали напрасною смертью.

Много-много лет спустя пришел в ту сторону еще один королевич и услышал от одного старика рассказ об ограде из терновника и о том, что за этой оградой, должно быть, есть замок, в котором уже лет сто подряд лежит в глубоком сне дивная красавица-королевна, прозванная Шиповничком, а около нее, погруженные в такой же сон, спят и король, и королева, и весь их двор.

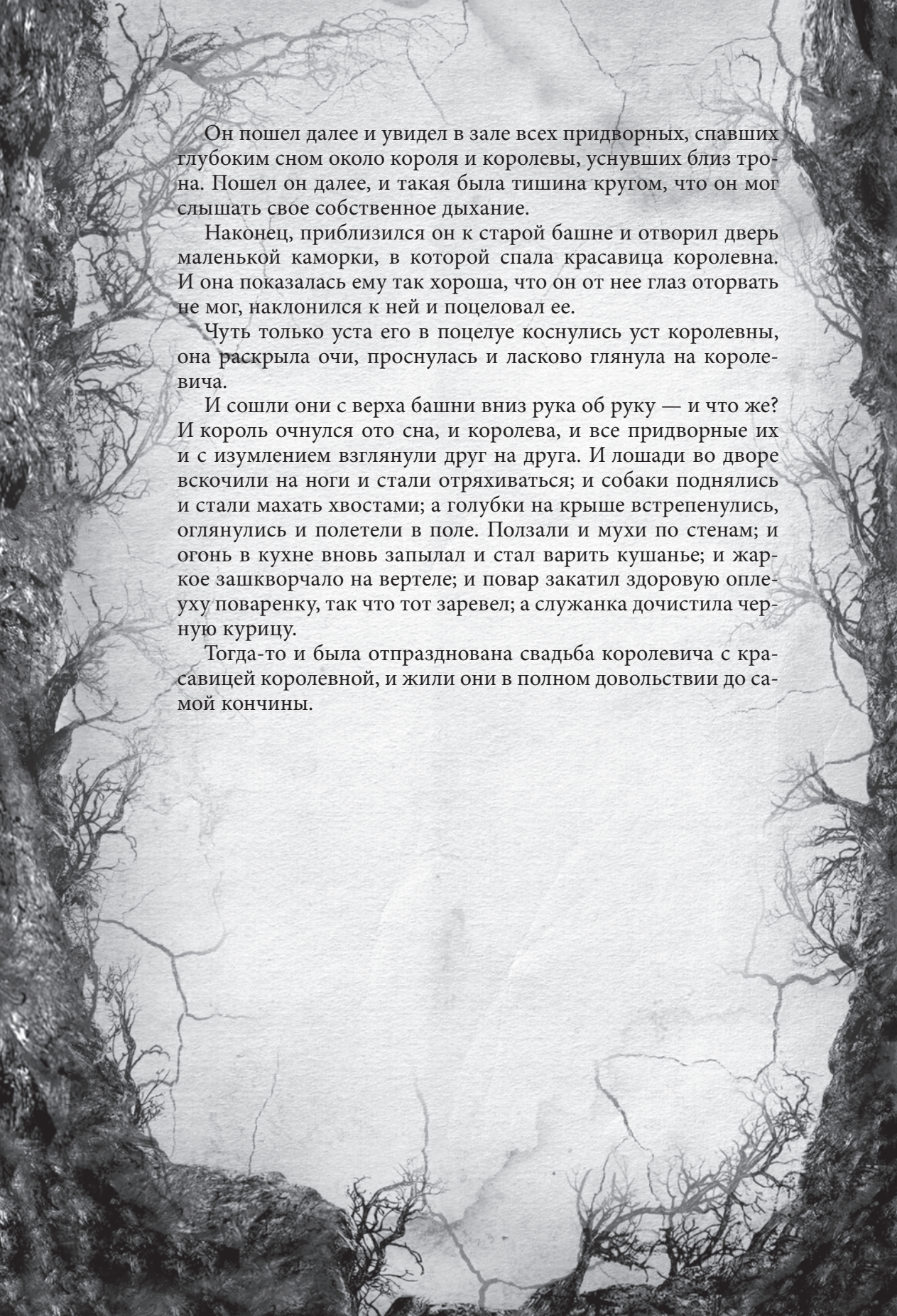
Старик слышал еще от своего деда, что многие королевичи приходили и пытались проникнуть сквозь терновую изгородь, что в ней застряли и встретили преждевременную смерть.

Но юноша сказал: «Я этого не боюсь, я хочу туда пройти и хочу увидеть красавицу-королевну». И как ни отговаривал его старик, королевич не внимал его словам.

А тем временем минули сто лет, и наступил тот именно день, в который и надлежало Шиповничку очнуться от своего долгого сна.

Когда юный королевич подошел к изгороди, то вместо терновника увидел множество больших прекрасных цветов, которые сами собою раздвинулись настолько, что он мог пройти сквозь эту изгородь невредимый, а позади него они опять сомкнулись непроницаемой стеною.

Во дворе замка он увидел лошадей и гончих охотничьих собак, которые лежали и спали; на крыше сидели голуби, подвернув головки под крылышки, и тоже спали. А когда он вступил в дом, там спали мухи на стене, повар на кухне все еще протягивал во сне руку к мальчишке, которого собирался ухватить за волосы, и служанка сидела сонная перед той черною курицею, которую предстояло ей ощипать.

Он пошел далее и увидел в зале всех придворных, спавших глубоким сном около короля и королевы, уснувших близ трона. Пошел он далее, и такая была тишина кругом, что он мог слышать свое собственное дыхание.

Наконец, приблизился он к старой башне и отворил дверь маленькой каморки, в которой спала красавица королевна. И она показалась ему так хороша, что он от нее глаз оторвать не мог, наклонился к ней и поцеловал ее.

Чуть только уста его в поцелуе коснулись уст королевны, она раскрыла очи, проснулась и ласково глянула на королевича.

И сошли они с верха башни вниз рука об руку — и что же? И король очнулся ото сна, и королева, и все придворные их и с изумлением взглянули друг на друга. И лошади во дворе вскочили на ноги и стали отряхиваться; и собаки поднялись и стали махать хвостами; а голубки на крыше встрепенулись, оглянулись и полетели в поле. Ползали и мухи по стенам; и огонь в кухне вновь запылал и стал варить кушанье; и жаркое зашкворчало на вертеле; и повар закатил здоровую оплеуху поваренку, так что тот заревел; а служанка дочистила черную курицу.

Тогда-то и была отпразднована свадьба королевича с красавицей королевной, и жили они в полном довольствии до самой кончины.

Птичий найденыш

Некогда жил да был лесник. Пошел он однажды на охоту, и когда пришел в лес, то услышал, что кто-то кричит — ни дать ни взять, как маленький ребенок. Он пошел на крик и наконец набрел на большое дерево, на котором действительно был посажен маленький ребенок.

Должно быть, под тем деревом мать заснула, держа ребенка на руках, а какая-нибудь хищная птица подхватила ребенка у нее из рук и взнесла на вершину дерева.

Лесник полез на дерево, достал ребенка и подумал: «Возьму-ка я его к себе домой и стану его воспитывать с моей дочкой Ленхен». И принес его домой, и оба ребенка стали расти вместе.

Но тот, который был найден на дереве и занесен был на дерево птицею, получил имя Найденышек. Этот Найденышек и Ленхен так полюбили друг друга, так полюбили, что когда, бывало, не повидают друг друга, так и загрустят.

У лесника же была еще старая кухарка; однажды вечером взяла она ведра и начала в них таскать воду домой, да не один раз, а много раз сбегала к колодцу.

Ленхен это заметила и спросила: «Слушай-ка, тетка Санна, зачем же ты так много воды наносишь?» — «Коли ты никому не скажешь, так я тебе скажу, зачем». Ленхен отвечала, что не скажет, и та ей шепнула: «Завтра раненько, когда лесник будет на охоте, я вскипачу воду, и когда она ключом будет кипеть в котле, я туда брошу Найденышка и стану его в котле варить».

На другое утро ранешенько поднялся лесник и ушел на охоту, и когда ушел, дети еще лежали в постели.

Тогда Ленхен сказала Найденышку: «Готов ли ты быть всегда со мною?» Найденышек отвечал: «Отныне и навсегда». — «Так вот что я тебе скажу: старая Санна натаскала вчера много ведер воды в дом, я и спросила ее — зачем? А она мне ответила, что если я никому не скажу, то она мне скажет, зачем. И сказа-

ла: завтра утром, когда отец уйдет на охоту, она вскипятит воду в котле, бросит тебя в котел и станет варить. Так встанем мы с тобой поскорее, оденемся да и уйдем из дома вместе».

И вот оба ребенка поднялись вместе, быстро оделись и вышли из дома.

Когда же вода закипела в котле, кухарка пошла в спальню детей, собираясь взять Найденышка и швырнуть его в котел. Но, войдя туда и заглянув в постельки, она убедилась, что дети успели уйти из дома. Вот она и перепугалась и сказала себе: «Что я теперь скажу, когда лесник домой придет и увидит, что дети ушли из дома? Поскорее за ними следом, чтобы вернуть их домой».

И выслала кухарка вслед за детьми трех слуг, которые должны были бежать и изловить детей.

А дети-то тем временем сидели на опушке леса, и когда увидели издали бегущих к ним трех слуг, Ленхен сказала Найденышку: «Готов ли ты быть всегда со мною?» И Найденышек отвечал ей: «Отныне и навсегда». — «Ну, так вот что я придумала, — сказала Ленхен, — будь ты розовым кустом, а я на нем цветочком-розанчиком».

Когда подбежали слуги к лесу, там на опушке ничего не было, кроме розового кустика с одним розанчиком на вершинке, а детей и в помине там не было.

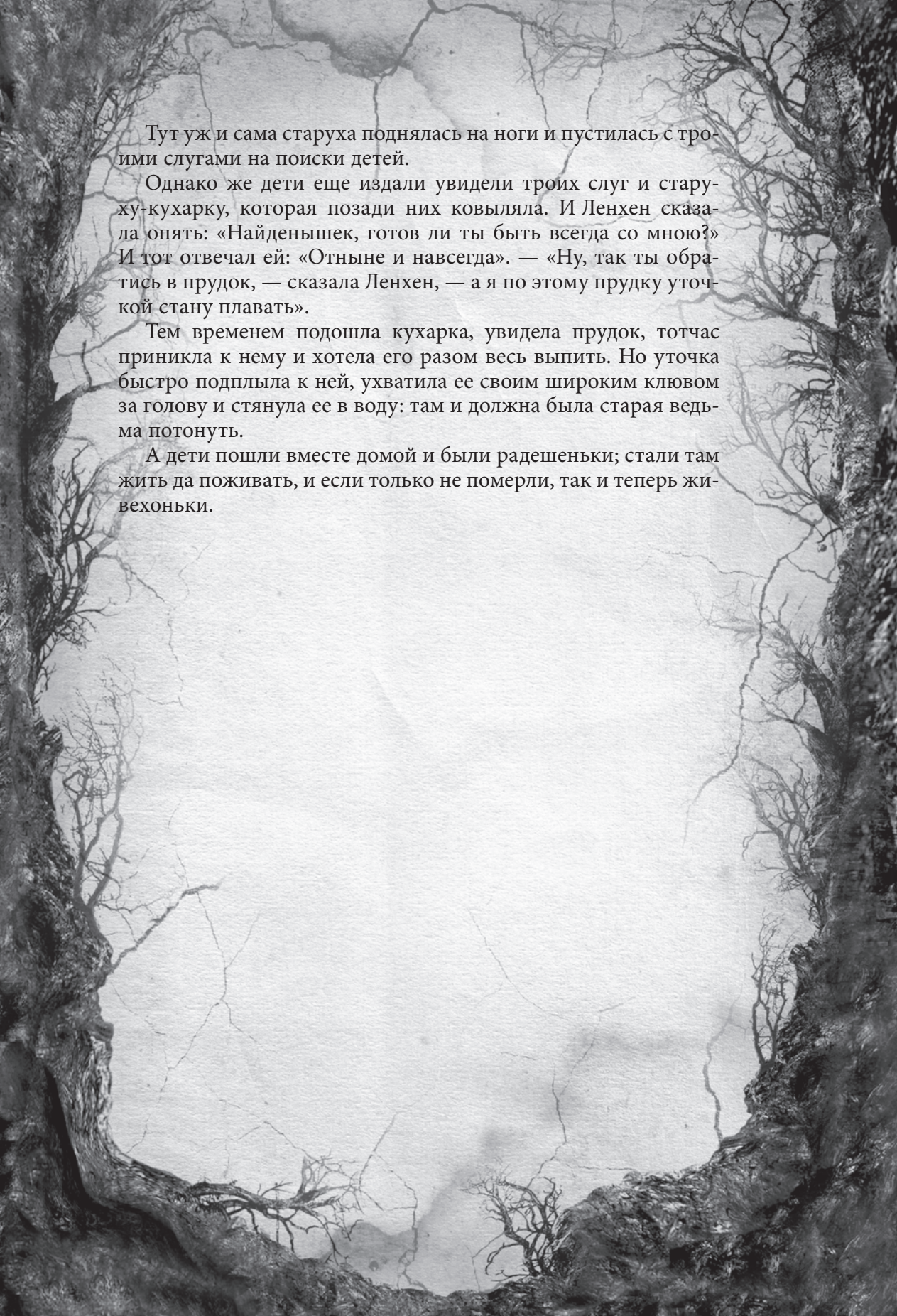
И сказали они: «Ну, тут нам и взять нечего», — и пошли обратно, и сказали кухарке, что на опушке леса они ничего не нашли, кроме розового кустика с розанчиком на вершине.

И стала их ругать кухарка-старуха: «Ах, простофили! Вам бы куст-то пополам разрезать, да розочку-то с него сорвать — и все домой принести! Сейчас ступайте, да так и сделайте».

Пошли они опять из дому детей искать. Но дети завидели их издали, и Ленхен сказала: «Найденышек, готов ли ты быть всегда со мною?» И тот отвечал: «Отныне и навсегда». — «Ну, так ты обратись в кирху, а я в той кирхе венцом буду».

Когда пришли трое слуг на опушку леса, там уж ничего не было, кроме кирхи и венца в той кирхе. «Ну, нам тут и делать нечего, — сказали они, — пойдем домой».

Пришли они домой, и кухарка их стала спрашивать, не нашли ли они чего-нибудь, и они отвечали: «Ничего не нашли, только кирху, а в кирхе венец». — «Ах вы, дурачье! — стала их ругать кухарка. — Да зачем же вы кирху не сломали, а венца из нее домой не принесли?»

Тут уж и сама старуха поднялась на ноги и пустилась с троими слугами на поиски детей.

Однако же дети еще издали увидели троих слуг и старуху-кухарку, которая позади них ковыляла. И Ленхен сказала опять: «Найденышек, готов ли ты быть всегда со мною?» И тот отвечал ей: «Отныне и навсегда». — «Ну, так ты обратись в прудок, — сказала Ленхен, — а я по этому прудку уточкой стану плавать».

Тем временем подошла кухарка, увидела прудок, тотчас приникла к нему и хотела его разом весь выпить. Но уточка быстро подплыла к ней, ухватила ее своим широким клювом за голову и стянула ее в воду: там и должна была старая ведьма потонуть.

А дети пошли вместе домой и были радешеньки; стали там жить да поживать, и если только не померли, так и теперь живехоньки.

Король Дроздобород

У одного короля была дочка, не в меру красивая, да не в меру же и гордая, и заносчивая, так что ей никакой жених был не по плечу. Она отказывала одному жениху за другим, да еще и осмеивала каждого.

Вот и устроил однажды король, ее отец, большой праздник и позвал на праздник и из ближних, и из дальних стран всех тех, кому припала охота жениться. Все приезжие были поставлены в ряд по своему достоинству и положению: сначала шли короли, потом герцоги, князья, графы и бароны, а затем уже и простые дворяне.

Король и повел королевну по рядам женихов, но никто ей не пришелся по сердцу, и о каждом она нашла что заметить.

Один, по ее мнению, был слишком толст, и она говорила: «Он точно винная бочка!»

Другой слишком долговяз: «Долог да тонок, что лен на лугу».

Третий слишком мал ростом: «Короток да толст, что овечий хвост».

Четвертый слишком бледен: «Словно смерть ходячая!»

А пятый слишком красен: «Что свекла огородная!»

Шестой же недостаточно прям: «Словно дерево покоробленное!»

И так в каждом она нашла, что высмеять, а в особенности она насмехалась над одним добряком-королем, который стоял в ряду женихов одним из первых. У этого короля подбородок был несколько срезан; вот она это заметила, стала над ним смеяться и сказала: «У него подбородок, словно клюв у дрозда!» Так и стали его с той поры величать Король Дроздобород.

А старый король, увидев, что дочка его только и делает, что высмеивает добрых людей и отвергает всех собранных на празднество женихов, разгневался на нее и поклялся, что

«Король Дроздобород».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«... Король и повел королевну по рядам женихов...»

выдаст ее замуж за первого бедняка, который явится к его порогу.

Два дня спустя какой-то бродячий певец стал петь под его окном, желая этим заслужить милостыню. Чуть король слышал его песню, так и приказал позвать певца в свои королевские покои. Тот вошел к королю в своих грязных лохмотьях, стал петь перед королем и королевной и, пропев свою песню, стал кланяться и просить милостыни.

Король сказал: «Твоя песня так мне пришлась по сердцу, что я хочу отдать тебе мою дочь в замужество».

Королевна перепугалась; но король сказал ей твердо: «Я поклялся, что отдам тебя замуж за первого встречного нищего, и сдержу свою клятву!»

Никакие увертки не помогли, король послал за священником, и королевна была немедленно обвенчана с нищим.

Когда же это совершилось, король сказал дочке: «Теперь тебе, как нищей, не пристало долее жить здесь, в моем королевском замке, ступай по миру со своим мужем!»

Бедняк-певец вывел ее за руку из замка, и она должна была вместе с ним бродить по миру пешком.

Вот путем-дорогою пришли они к большому лесу, и королевна спросила:

— Ах, чей это темный чудный лес?

— Дроздобород владеет тем краем лесным;

Будь ты ему женошкой, он был бы твоим.

— Ах я, бедняжка, не знала. Зачем я ему отказала!

Потом пришлось им идти по лугу, и королевна опять спросила:

— Ах, чей это славный зеленый луг?

— Дроздобород владеет тем лугом большим;

Будь ты ему женошкой, он был бы твоим.

— Ах я, бедняжка, не знала. Зачем я ему отказала!

Потом прошли они через большой город, и она вновь спросила:

— Чей это город, прекрасный, большой?

— Дроздобород владеет всей той стороною.

Будь ты ему женошкой, он был бы твой!

— Ах я, бедняжка, не знала. Зачем я ему отказала!

«Ну, послушай-ка! — сказал певец. — Мне совсем не нравится, что ты постоянно сожалеешь о своем отказе и желаешь себе другого мужа. Или я тебе не по нраву пришелся?»

Вот наконец пришли они к маленькой-премаленькой избушечке, и королевна воскликнула:

Ах, Господи, чей тут домишко такой,
Ничтожный и тесный, и с виду дрянной?

Певец отвечал ей: «Это твой и мой дом, и в нем мы с тобой будем жить». Она должна была согнуться, чтобы войти в низенькую дверь. «А где же слуги?» — спросила королевна. «Слуги? Это зачем? — отвечал певец. — Ты сама должна все для себя делать. Разведи-ка сейчас же огонь да свари мне чего-нибудь поесть, я очень устал».

Но королевна, как оказалось, ничего не смыслила в хозяйстве: не умела ни огня развести, ни сварить что бы то ни было; муж ее сам должен был приняться за дело, чтобы хоть какого-нибудь толку добиться.

Разделив свою скромную трапезу, они легли спать; но на другое утро муж уже ранешенько поднял жену с постели, чтобы она могла все прибрать в доме.

Денек-другой жили они таким образом, перебиваясь кое-как, и затем все запасы их пришли к концу. Тогда муж сказал королевне: «Жена! Этак дело идти не может, чтобы мы тут сидели сложа руки и ничего не зарабатывали. Ты должна приняться за плетение корзинок».

Он пошел, нарезал ивовых ветвей и притащил их домой целую охапку. Начала она плести, но крепкий ивняк переколот нежные руки королевны. «Ну, я вижу, что это дело у тебя нейдет на лад, — сказал муж, — и лучше уж ты примись за пряжу; может быть, прясть ты можешь лучше, чем плести...»

Она принялась тотчас за пряжу, но жесткая нитка стала вьедаться в ее мягкие пальчики, так что они все окровенились... «Вот, изволишь ли видеть, — сказал ей муж, — ведь ты ни на какую работу не годна, ты для меня не находка! Ну, да еще попробуем — станем торговать горшками и глиняной посудой: ты должна будешь выйти на базар и приняться за торговлю этим товаром». — «Ах, Боже мой! — подумала она. — Что, если на базар явятся люди из королевства моего отца да увидят меня, что я там сижу с товаром и торгую? То-то они надо мною посмеются!»

Но делать было нечего; она должна была с этим примириться из-за куска хлеба.

При первом появлении королевны на базаре все хорошо сошло у нее с рук: все покупали у нее товар очень охотно, по-

тому что она сама была так красива... И цену ей давали, какую она запрашивала; а многие даже давали ей деньги и горшков у нее не брали вовсе.

После того пожили они сколько-то времени на свои барыши; а когда все проели, муж опять закупил большой запас товара и послал жену на базар. Вот она и уселась со своим товаром на одном из углов базара, расставила товар кругом себя и стала продавать.

Как на грех, из-за угла вывернулся какой-то пьяный гусар на коне, въехал в самую середину ее горшков и перебил их все вдребезги. Королевна стала плакать и со страха не знала даже, что делать. «Что со мной будет?! — воскликнула она. — Что мне от мужа за это достанется?»

Она побежала к мужу и рассказала ему о своем горе. «А кто тебе велел садиться на углу с твоим хрупким товаром? Нечего реветь-то! Вижу и так, что ты ни к какой порядочной работе не годишься! Так вот: был я в замке у нашего короля на кухне и спрашивал, не нужна ли им судомойка. Ну, и обещали мне, что возьмут тебя на эту должность; по крайней мере, хоть кормить-то тебя будут даром».

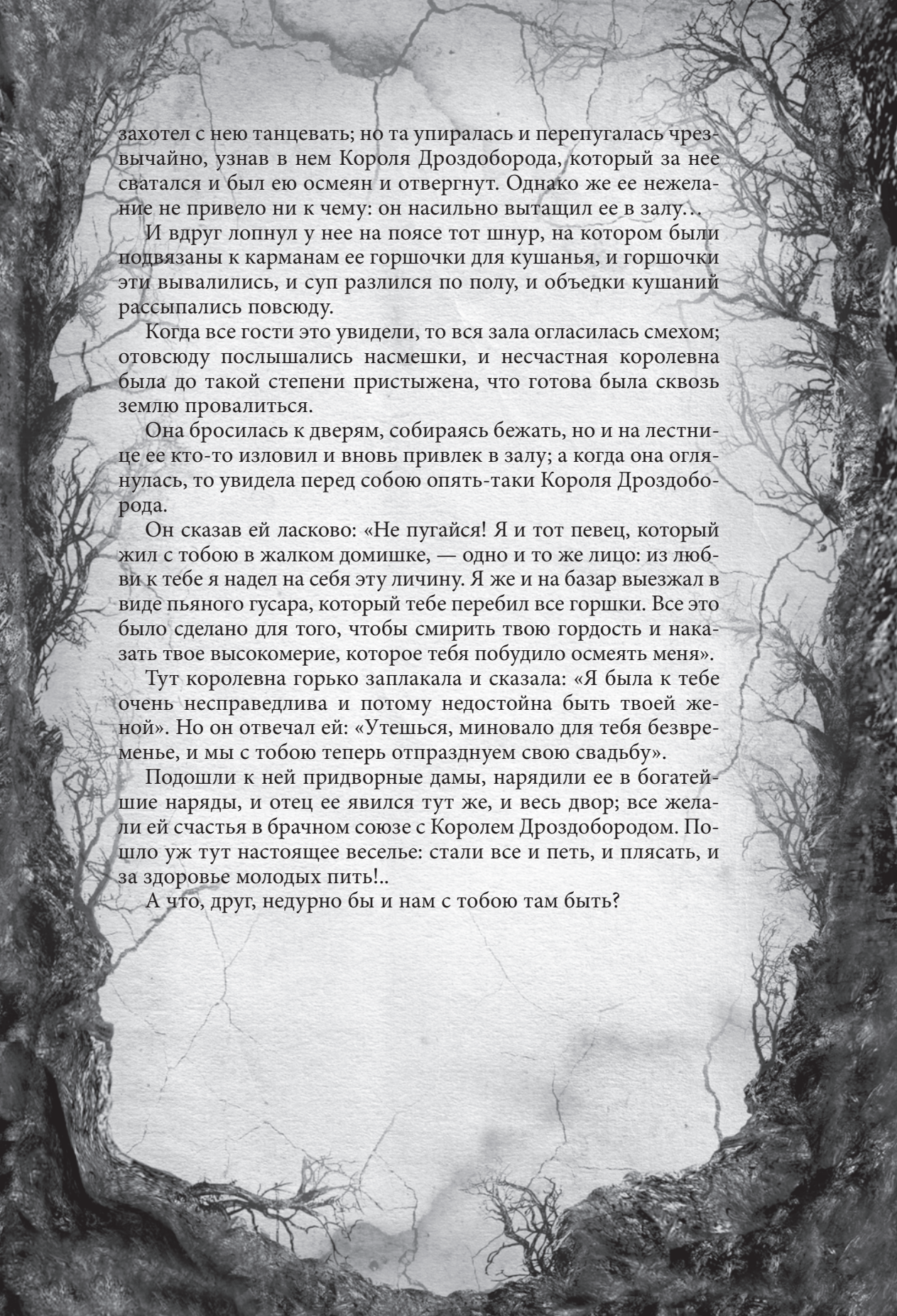
И пришлось королевне в судомойках быть, и повару прислуживать, и справлять самую черную работу. В обоих боковых своих карманах она подвязала по горшочку и в них приносила домой то, что от стола королевского оставалось, — и этим питались они вместе с мужем.

Случилось однажды, что в замке наверху назначено было праздновать свадьбу старшего королевича; и вот бедная королевна тоже поднялась наверх и вместе с прочей челядью стала в дверях залы, чтобы посмотреть на свадьбу.

Зажжены были свечи, стали съезжаться гости, один красивее другого, один другого богаче и великолепнее по наряду, и бедная королевна, с грустью подумав о своей судьбе, стала проклинать свою гордость и высокомерие, благодаря которым она попала в такое тяжкое унижение и нищету.

Слуги, проходя мимо нее, бросали ей время от времени крошки и остатки тех вкусных блюд, от которых до нее доносился запах, и она тщательно припрятывала все это в свои горшочки и собиралась нести домой.

Вдруг из дверей залы вышел королевич, наряженный в бархат и атлас, с золотыми цепями на шее. И когда он увидел, что красавица королевна стоит в дверях, он схватил ее за руку и

захотел с нею танцевать; но та упиралась и перепугалась чрезвычайно, узнав в нем Короля Дроздоборода, который за нее сватался и был ею осмеян и отвергнут. Однако же ее нежелание не привело ни к чему: он насильно вытащил ее в залу...

И вдруг лопнул у нее на поясе тот шнур, на котором были подвязаны к карманам ее горшочки для кушанья, и горшочки эти вывалились, и суп разлился по полу, и объедки кушаний рассыпались повсюду.

Когда все гости это увидели, то вся зала огласилась смехом; отовсюду слышались насмешки, и несчастная королевна была до такой степени пристыжена, что готова была сквозь землю провалиться.

Она бросилась к дверям, собираясь бежать, но и на лестнице ее кто-то изловил и вновь привлек в залу; а когда она оглянулась, то увидела перед собою опять-таки Короля Дроздоборода.

Он сказав ей ласково: «Не пугайся! Я и тот певец, который жил с тобою в жалком домишке, — одно и то же лицо: из любви к тебе я надел на себя эту личину. Я же и на базар выезжал в виде пьяного гусара, который тебе перебил все горшки. Все это было сделано для того, чтобы смирить твою гордость и наказать твое высокомерие, которое тебя побудило осмеять меня».

Тут королевна горько заплакала и сказала: «Я была к тебе очень несправедлива и потому недостойна быть твоей женой». Но он отвечал ей: «Утешься, миновало для тебя безвременье, и мы с тобою теперь отпразднуем свою свадьбу».

Подошли к ней придворные дамы, нарядили ее в богатейшие наряды, и отец ее явился тут же, и весь двор; все желали ей счастья в брачном союзе с Королем Дроздобородом. Пошло уж тут настоящее веселье: стали все и петь, и плясать, и за здоровье молодых пить!..

А что, друг, недурно бы и нам с тобою там быть?

Котомка, шляпа и рожок

Жили да были три брата, которые все более и более беднели и наконец впали в такую нужду, что и голод терпеть пришлось, и на зубок уж положить было нечего.

Вот и стали они говорить: «Так дольше жить нельзя, лучше уж нам пойти по белу свету, поискать своего счастья».

Снарядились они так-то в путь-дорогу и не одну уже сотню верст прошли, не одну тропочку притоптали, а счастья своего все еще не повстречали.

Идучи путем-дорогою, зашли они однажды в дремучий лес и среди этого леса увидели гору, а как поближе подошли к ней — гора-то оказалась из чистого серебра.

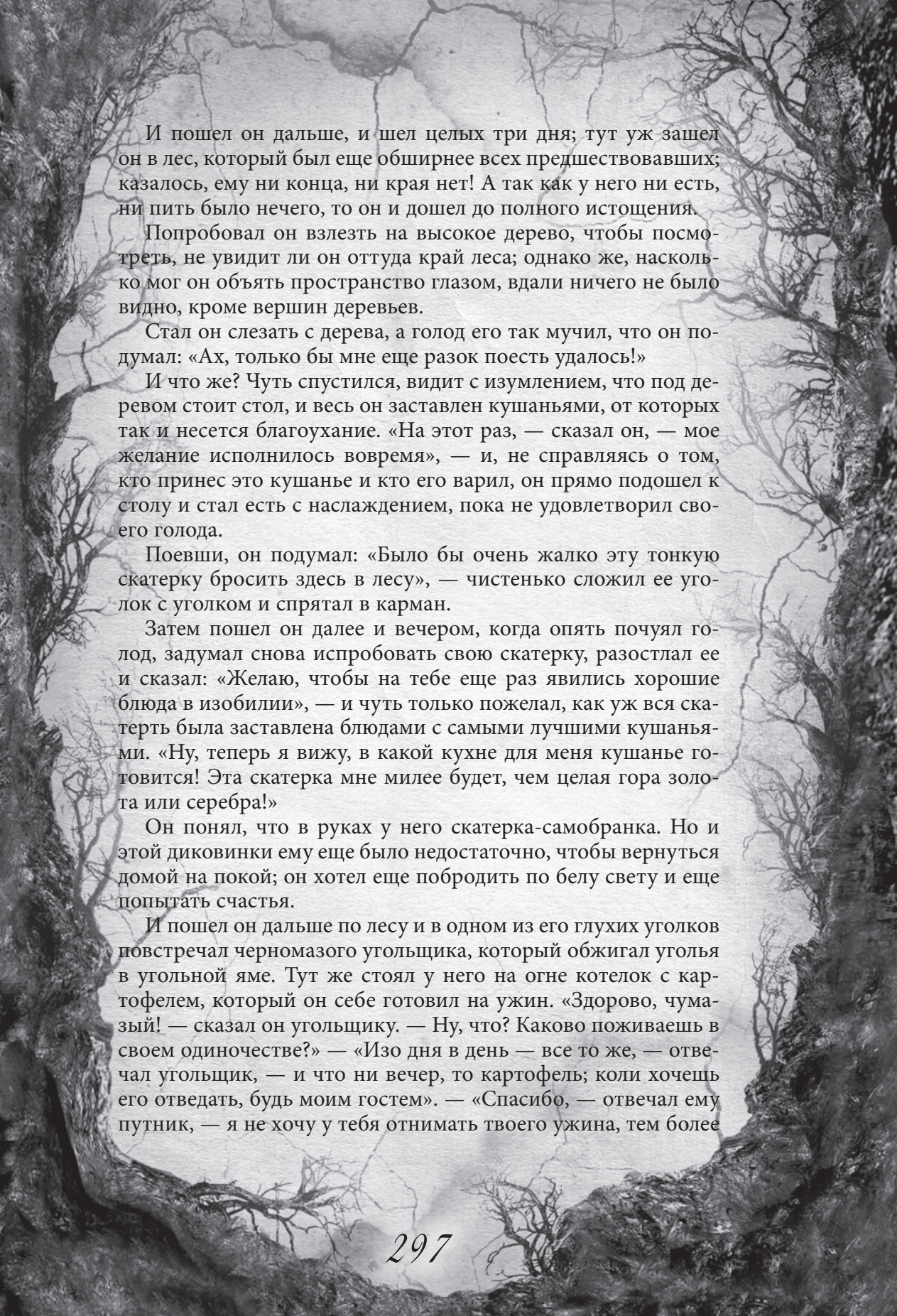
Тогда старший из троих братьев сказал: «Вот я и нашел желанное счастье, и никакого иного не желаю». Он набрал серебра, сколько мог снести, затем свернул с дороги и воротился домой.

Остальные братья сказали: «Мы не того себе желаем счастья — нам надо чего-нибудь такого, что бы подороже серебра было». И, не коснувшись серебра, они пошли дальше.

После того как они еще дня два-три шли путем-дорогою, подошли они к горе, которая вся целиком была из чистого золота.

Второй брат призадумался и был в нерешительности. «Что должен я сделать? — сказал он. — Взять ли мне этого золота столько, чтобы мне на мой век хватило, или мне с братом дальше идти?» Наконец, он принял твердое решение, наполнил свои карманы золотом, насколько было возможно, простился с братом и направился домой.

А третий брат сказал: «Серебро и золото меня не привлекают; не хочу отказаться от своего счастья — быть может, мне еще предстоит что-нибудь лучшее в будущем».

И пошел он дальше, и шел целых три дня; тут уж зашел он в лес, который был еще обширнее всех предшествовавших; казалось, ему ни конца, ни края нет! А так как у него ни есть, ни пить было нечего, то он и дошел до полного истощения.

Попробовал он взлезть на высокое дерево, чтобы посмотреть, не увидит ли он оттуда край леса; однако же, насколько мог он объять пространство глазом, вдали ничего не было видно, кроме вершин деревьев.

Стал он слезать с дерева, а голод его так мучил, что он подумал: «Ах, только бы мне еще разок поесть удалось!»

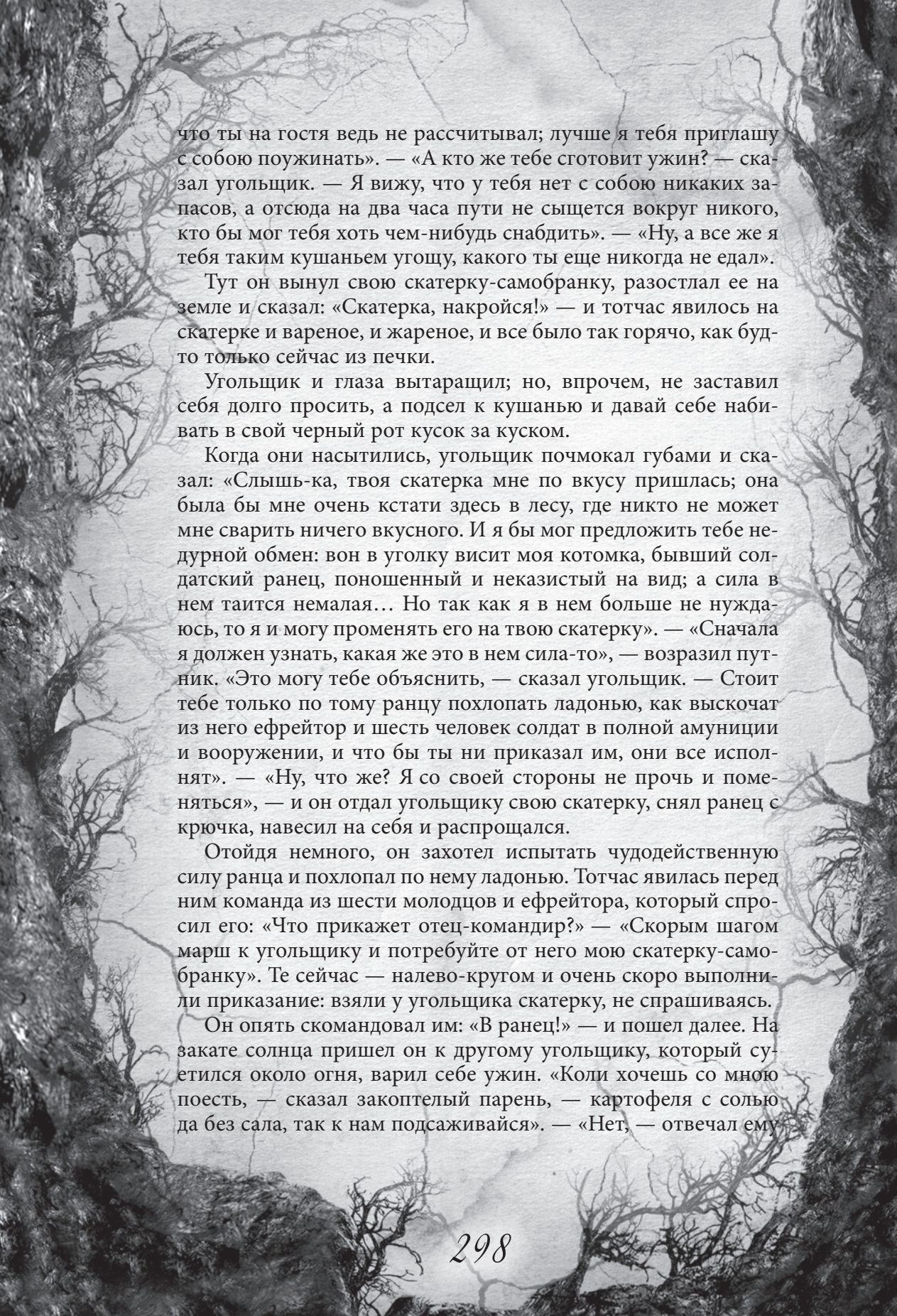
И что же? Чуть спустился, видит с изумлением, что под деревом стоит стол, и весь он заставлен кушаньями, от которых так и несется благоухание. «На этот раз, — сказал он, — мое желание исполнилось вовремя», — и, не справляясь о том, кто принес это кушанье и кто его варил, он прямо подошел к столу и стал есть с наслаждением, пока не удовлетворил своего голода.

Поевши, он подумал: «Было бы очень жалко эту тонкую скатерку бросить здесь в лесу», — чистенько сложил ее уголок с уголком и спрятал в карман.

Затем пошел он далее и вечером, когда опять почуял голод, задумал снова испробовать свою скатерку, разостлал ее и сказал: «Желаю, чтобы на тебе еще раз явились хорошие блюда в изобилии», — и чуть только пожелал, как уж вся скатерть была заставлена блюдами с самыми лучшими кушаньями. «Ну, теперь я вижу, в какой кухне для меня кушанье готовится! Эта скатерка мне милее будет, чем целая гора золота или серебра!»

Он понял, что в руках у него скатерка-самобранка. Но и этой диковинки ему еще было недостаточно, чтобы вернуться домой на покой; он хотел еще побродить по белу свету и еще попытать счастья.

И пошел он дальше по лесу и в одном из его глухих уголков повстречал черномазого угольщика, который обжигал уголья в угольной яме. Тут же стоял у него на огне котелок с картофелем, который он себе готовил на ужин. «Здорово, чумазый! — сказал он угольщику. — Ну, что? Каково поживаешь в своем одиночестве?» — «Изо дня в день — все то же, — отвечал угольщик, — и что ни вечер, то картофель; коли хочешь его отведать, будь моим гостем». — «Спасибо, — отвечал ему путник, — я не хочу у тебя отнимать твоего ужина, тем более

что ты на гостя ведь не рассчитывал; лучше я тебя приглашу с собою поужинать». — «А кто же тебе сготовит ужин? — сказал угольщик. — Я вижу, что у тебя нет с собою никаких запасов, а отсюда на два часа пути не сыщется вокруг никого, кто бы мог тебя хоть чем-нибудь снабдить». — «Ну, а все же я тебя таким кушаньем угощу, какого ты еще никогда не едал».

Тут он вынул свою скатерку-самобранку, разостлал ее на земле и сказал: «Скатерка, накройся!» — и тотчас явилось на скатерке и вареное, и жареное, и все было так горячо, как будто только сейчас из печки.

Угольщик и глаза вытаращил; но, впрочем, не заставил себя долго просить, а подсел к кушанью и давай себе набивать в свой черный рот кусок за куском.

Когда они насытились, угольщик почмокал губами и сказал: «Слышь-ка, твоя скатерка мне по вкусу пришлась; она была бы мне очень кстати здесь в лесу, где никто не может мне сварить ничего вкусного. И я бы мог предложить тебе недурной обмен: вон в уголку висит моя котомка, бывший солдатский ранец, поношенный и неказистый на вид; а сила в нем таится немалая... Но так как я в нем больше не нуждаюсь, то я и могу променять его на твою скатерку». — «Сначала я должен узнать, какая же это в нем сила-то», — возразил путник. «Это могу тебе объяснить», — сказал угольщик. — Стоит тебе только по тому ранцу похлопать ладонью, как выскочат из него ефрейтор и шесть человек солдат в полной амуниции и вооружении, и что бы ты ни приказал им, они все исполнят». — «Ну, что же? Я со своей стороны не прочь и поменяться», — и он отдал угольщику свою скатерку, снял ранец с крючка, навесил на себя и распрощался.

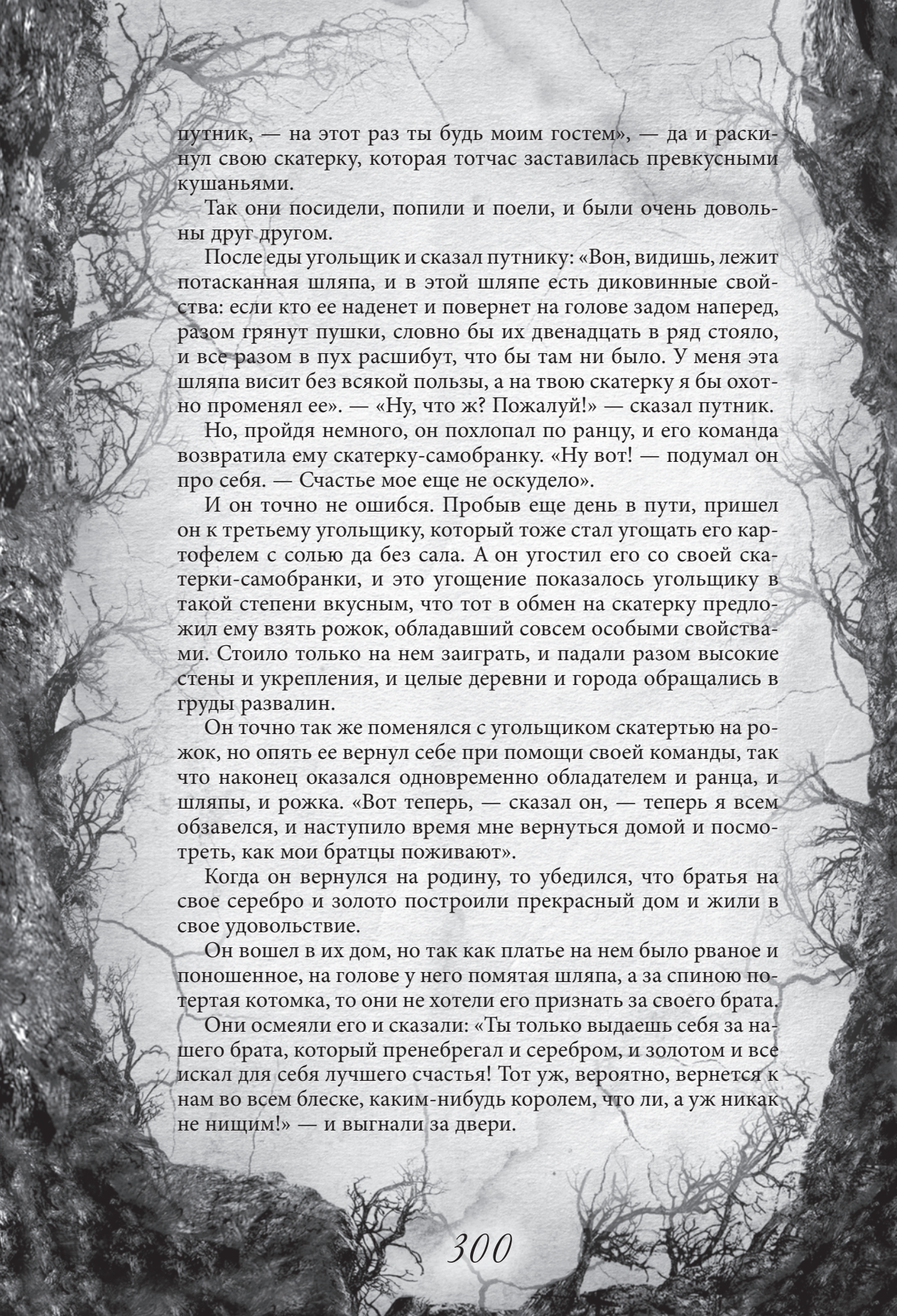
Отойдя немного, он захотел испытать чудодейственную силу ранца и похлопал по нему ладонью. Тотчас явилась перед ним команда из шести молодцов и ефрейтора, который спросил его: «Что прикажет отец-командир?» — «Скорым шагом марш к угольщику и потребуйте от него мою скатерку-самобранку». Те сейчас — налево-кругом и очень скоро выполнили приказание: взяли у угольщика скатерку, не спрашиваясь.

Он опять скомандовал им: «В ранец!» — и пошел далее. На закате солнца пришел он к другому угольщику, который суетился около огня, варил себе ужин. «Коли хочешь со мною поесть, — сказал закоптелый парень, — картофеля с солью да без сала, так к нам подсаживайся». — «Нет, — отвечал ему

«Король сказал:
“Этого проходивца следует
проучить!” – и выслал против
него на другой день еще больше
людей, но и те ничего не могли
поделать. Наш молодец
выставил против него войско
сильнее прежнего, да чтобы
поскорее расправиться
с королевскими солдатами,
повернул на голове два раза
шляпу: узянули пушки...»

«Котомка, шляпа и рожок».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

путник, — на этот раз ты будь моим гостем», — да и раскинул свою скатерку, которая тотчас заставилась превкусными кушаньями.

Так они посидели, попили и поели, и были очень довольны друг другом.

После еды угольщик и сказал путнику: «Вон, видишь, лежит потасканная шляпа, и в этой шляпе есть диковинные свойства: если кто ее наденет и повернет на голове задом наперед, разом грянут пушки, словно бы их двенадцать в ряд стояло, и все разом в пух расшибут, что бы там ни было. У меня эта шляпа висит без всякой пользы, а на твою скатерку я бы охотно променял ее». — «Ну, что ж? Пожалуй!» — сказал путник.

Но, пройдя немного, он похлопал по ранцу, и его команда возвратила ему скатерку-самобранку. «Ну вот! — подумал он про себя. — Счастье мое еще не оскудело».

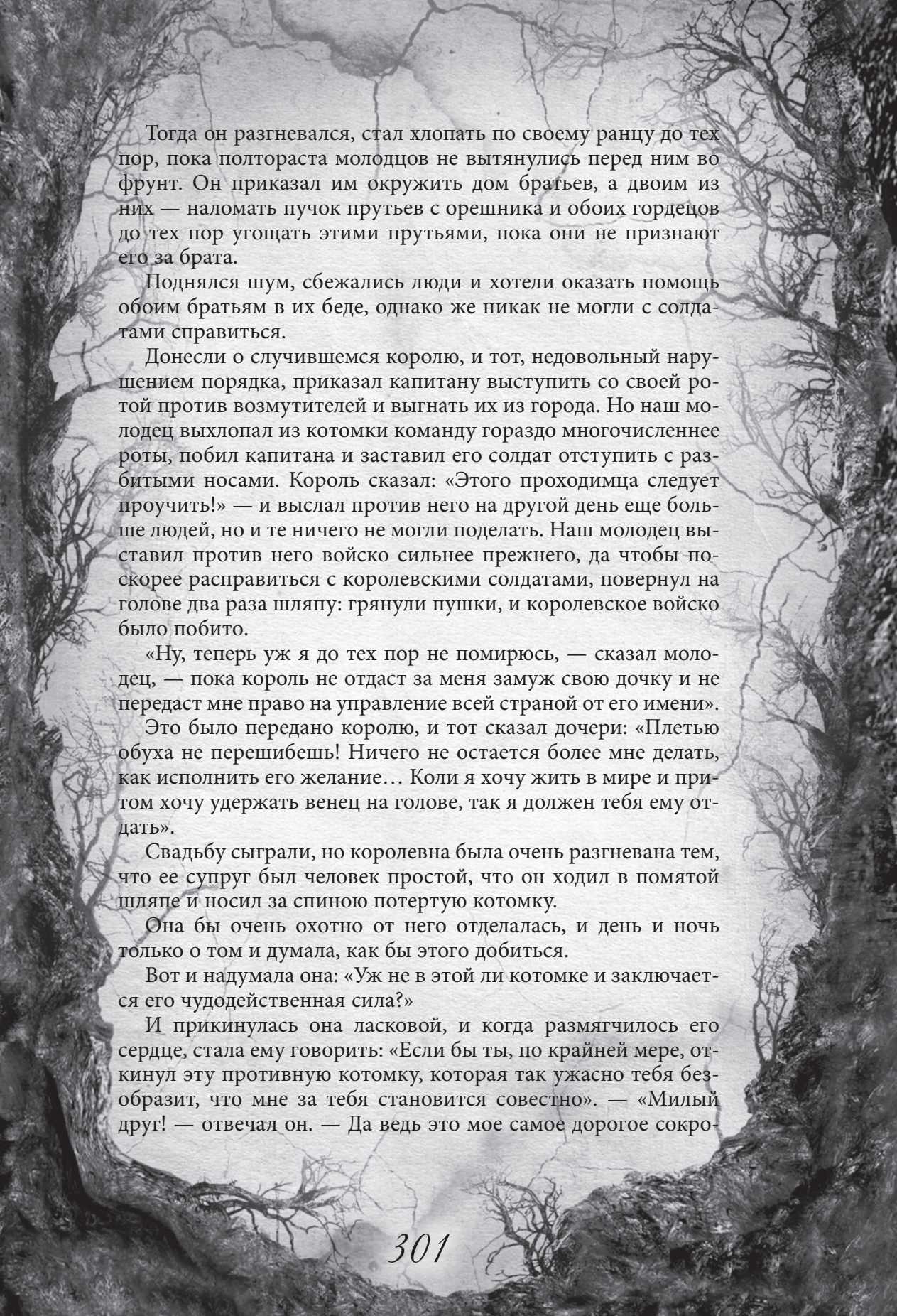
И он точно не ошибся. Пробыв еще день в пути, пришел он к третьему угольщику, который тоже стал угощать его картофелем с солью да без сала. А он угостил его со своей скатерки-самобранки, и это угощение показалось угольщику в такой степени вкусным, что тот в обмен на скатерку предложил ему взять рожок, обладавший совсем особыми свойствами. Стоило только на нем заиграть, и падали разом высокие стены и укрепления, и целые деревни и города обращались в груды развалин.

Он точно так же поменялся с угольщиком скатертью на рожок, но опять ее вернул себе при помощи своей команды, так что наконец оказался одновременно обладателем и ранца, и шляпы, и рожка. «Вот теперь, — сказал он, — теперь я всем обзавелся, и наступило время мне вернуться домой и посмотреть, как мои братцы поживают».

Когда он вернулся на родину, то убедился, что братья на свое серебро и золото построили прекрасный дом и жили в свое удовольствие.

Он вошел в их дом, но так как платье на нем было рваное и поношенное, на голове у него помятая шляпа, а за спиною потертая котомка, то они не хотели его признать за своего брата.

Они осмеяли его и сказали: «Ты только выдаешь себя за нашего брата, который пренебрегал и серебром, и золотом и все искал для себя лучшего счастья! Тот уж, вероятно, вернется к нам во всем блеске, каким-нибудь королем, что ли, а уж никак не нищим!» — и выгнали за двери.

Тогда он разгневался, стал хлопать по своему ранцу до тех пор, пока полтораста молодцов не вытянулись перед ним во фронт. Он приказал им окружить дом братьев, а двоим из них — наломать пучок прутьев с орешника и обоих гордецов до тех пор угощать этими прутьями, пока они не признают его за брата.

Поднялся шум, сбежались люди и хотели оказать помощь обоим братьям в их беде, однако же никак не могли с солдатами справиться.

Донесли о случившемся королю, и тот, недовольный нарушением порядка, приказал капитану выступить со своей ротой против возмутителей и выгнать их из города. Но наш молодец выхлопал из котомки команду гораздо многочисленнее роты, побил капитана и заставил его солдат отступить с разбитыми носами. Король сказал: «Этого проходимца следует проучить!» — и выслал против него на другой день еще больше людей, но и те ничего не могли поделать. Наш молодец выставил против него войско сильнее прежнего, да чтобы поскорее расправиться с королевскими солдатами, повернул на голове два раза шляпу: грянули пушки, и королевское войско было побито.

«Ну, теперь уж я до тех пор не помирюсь, — сказал молодец, — пока король не отдаст за меня замуж свою дочку и не передаст мне право на управление всей страной от его имени».

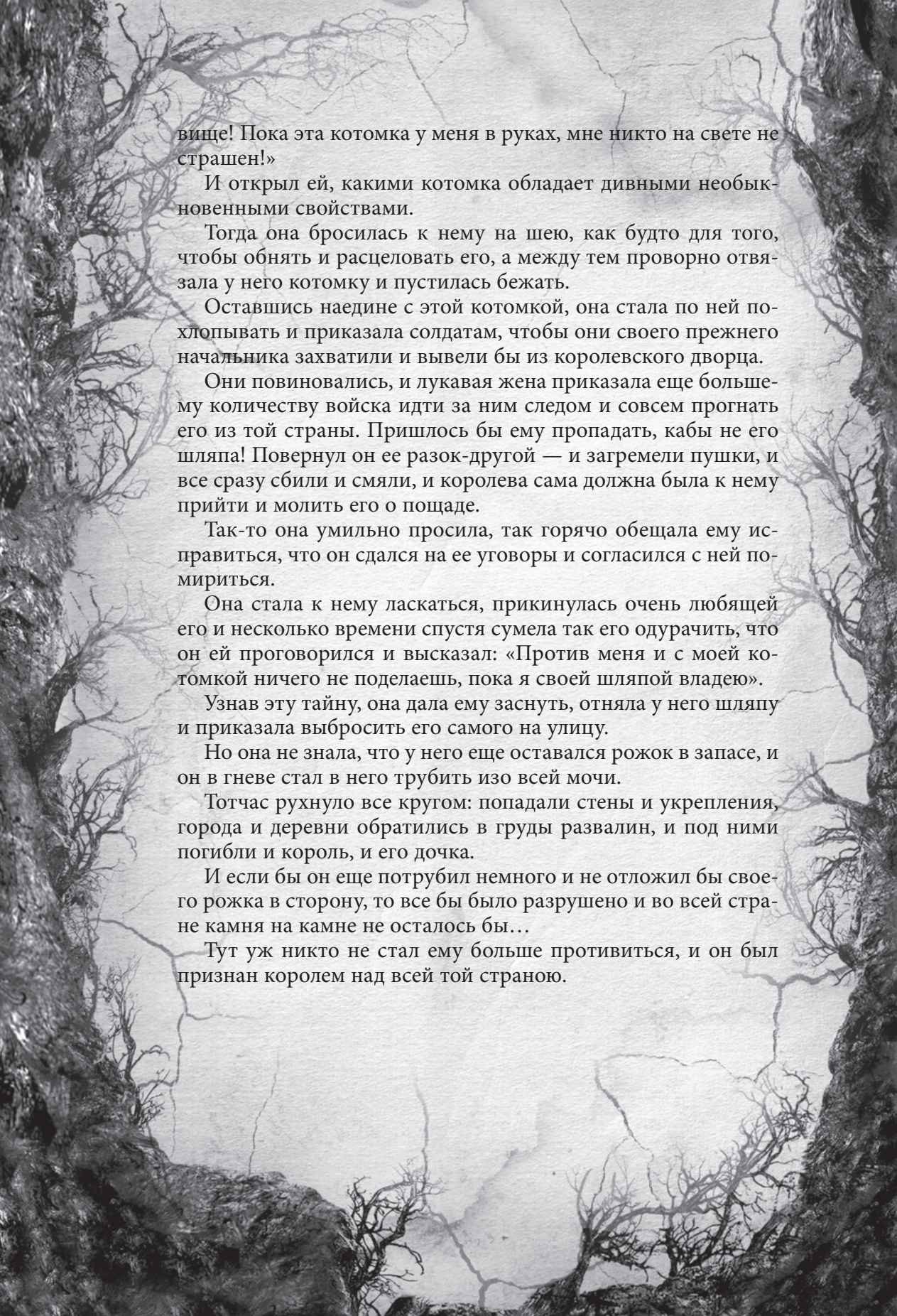
Это было передано королю, и тот сказал дочери: «Плетью обуха не перешибешь! Ничего не остается более мне делать, как исполнить его желание... Коли я хочу жить в мире и при том хочу удержать венец на голове, так я должен тебя ему отдать».

Свадьбу сыграли, но королевна была очень разгневана тем, что ее супруг был человек простой, что он ходил в помятой шляпе и носил за спиною потертую котомку.

Она бы очень охотно от него отделилась, и день и ночь только о том и думала, как бы этого добиться.

Вот и надумала она: «Уж не в этой ли котомке и заключается его чудодейственная сила?»

И прикинулась она ласковой, и когда размягчилось его сердце, стала ему говорить: «Если бы ты, по крайней мере, откинул эту противную котомку, которая так ужасно тебя безобразит, что мне за тебя становится совестно». — «Милый друг! — отвечал он. — Да ведь это мое самое дорогое сокро-

вище! Пока эта котомка у меня в руках, мне никто на свете не страшен!»

И открыл ей, какими котомка обладает дивными необыкновенными свойствами.

Тогда она бросилась к нему на шею, как будто для того, чтобы обнять и расцеловать его, а между тем проворно отвязала у него котомку и пустилась бежать.

Оставшись наедине с этой котомкой, она стала по ней хлопать и приказала солдатам, чтобы они своего прежнего начальника захватили и вывели бы из королевского дворца.

Они повиновались, и лукавая жена приказала еще большому количеству войска идти за ним следом и совсем прогнать его из той страны. Пришлось бы ему пропадать, кабы не его шляпа! Повернул он ее разок-другой — и загремели пушки, и все сразу сбили и смяли, и королева сама должна была к нему прийти и молить его о пощаде.

Так-то она умильно просила, так горячо обещала ему исправиться, что он сдался на ее уговоры и согласился с ней помириться.

Она стала к нему ласкаться, прикинулась очень любящей его и несколько времени спустя сумела так его одурачить, что он ей проговорился и высказал: «Против меня и с моей котомкой ничего не поделаешь, пока я своей шляпой владею».

Узнав эту тайну, она дала ему заснуть, отняла у него шляпу и приказала выбросить его самого на улицу.

Но она не знала, что у него еще оставался рожок в запасе, и он в гневе стал в него трубить изо всей мочи.

Тотчас рухнуло все кругом: попадали стены и укрепления, города и деревни обратились в груды развалин, и под ними погибли и король, и его дочка.

И если бы он еще потрубил немного и не отложил бы своего рожка в сторону, то все бы было разрушено и во всей стране камня на камне не осталось бы...

Тут уж никто не стал ему больше противиться, и он был признан королем над всей той страной.

Хламушка

Много-много лет назад жил да был мельник, бедный-пребедный, а дочь у него была красавица. Случилось как-то однажды, что пришлось ему говорить с королем, и вот он, чтобы придать себе побольше весу, сказал ему: «Есть у меня дочка, такая-то искусница, что вот и солому тебе в золото перепрядь сумеет». Король сказал мельнику: «Это искусство недурное, и если твоя дочь точно уж такая искусница, как ты говоришь, то приведи ее завтра ко мне в замок, я ее испытаю».

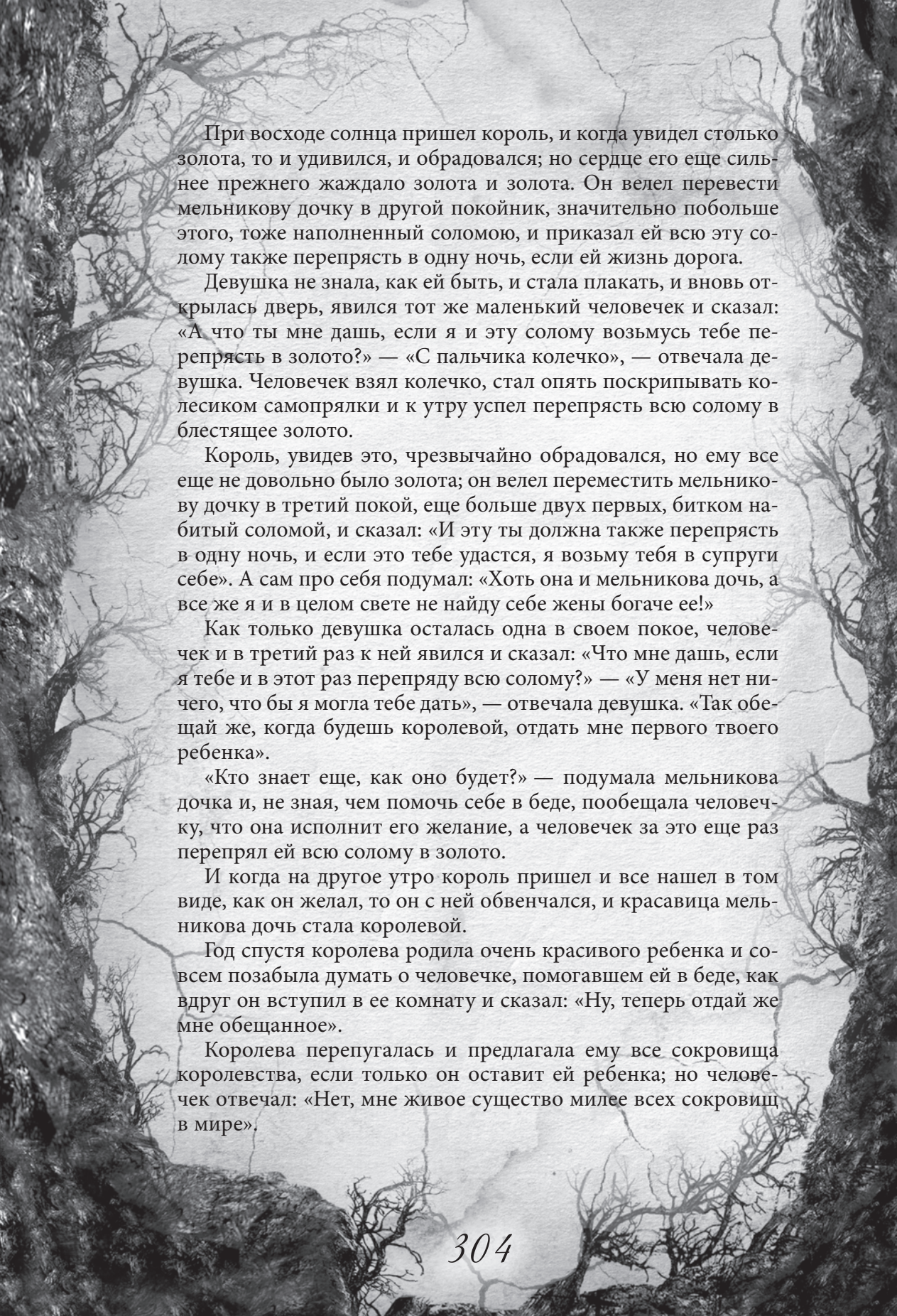
Когда мельник привел свою дочь, король отвел ее в особую каморку, битком набитую соломой, дал ей самопрялку и мотовило и сказал: «Садись-ка за работу; если ты в течение этой ночи до завтрашнего раннего утра не перепрядешь всю эту солому в золото, то велю тебя казнить».

Затем он своими руками запер каморку, и она осталась там одна.

Так и сидела там бедняжка мельникова дочь и придумать не могла, как ей спастись от лютой смерти. Она и понятия не имела о том, как солому перепрядь в золотые нити, и так пугалась ожидавшей ее участи, что наконец залилась слезами.

Вдруг дверь приотворилась, и к ней в каморку вошел маленький человечек и сказал: «Добрый вечер, мельникова дочка, о чем ты так плачешь?» — «Ах, ты не знаешь моего горя! — отвечала ему девушка. — Вот всю эту солому я должна перепрядь в золотые нити, а я этого совсем не умею!»

Человечек сказал: «А ты что же мне дашь, если я тебе все это перепяду?» — «Ленточку у меня на шее», — отвечала девушка. Тот взял у нее ленточку, присел за самопрялку да — шур, шур, шур! — три раза обернет, и шпулька намотана золота. Он вставил другую, опять — шур, шур, шур! — три раза обернет, и вторая готова. И так продолжалась работа до самого утра, и вся солома была перепрядена, и все шпульки намотаны золотом.

При восходе солнца пришел король, и когда увидел столько золота, то и удивился, и обрадовался; но сердце его еще сильнее прежнего жаждало золота и золота. Он велел перевести мельникову дочку в другой покойник, значительно побольше этого, тоже наполненный соломой, и приказал ей всю эту солому также перепрясть в одну ночь, если ей жизнь дорога.

Девушка не знала, как ей быть, и стала плакать, и вновь открылась дверь, явился тот же маленький человечек и сказал: «А что ты мне дашь, если я и эту солому возьмусь тебе перепрясть в золото?» — «С пальчика колечко», — отвечала девушка. Человечек взял колечко, стал опять поскрипывать колесиком самопрялки и к утру успел перепрясть всю солому в блестящее золото.

Король, увидев это, чрезвычайно обрадовался, но ему все еще не довольно было золота; он велел переместить мельникову дочку в третий покой, еще больше двух первых, битком набитый соломой, и сказал: «И эту ты должна также перепрясть в одну ночь, и если это тебе удастся, я возьму тебя в супруги себе». А сам про себя подумал: «Хоть она и мельникова дочь, а все же я и в целом свете не найду себе жены богаче ее!»

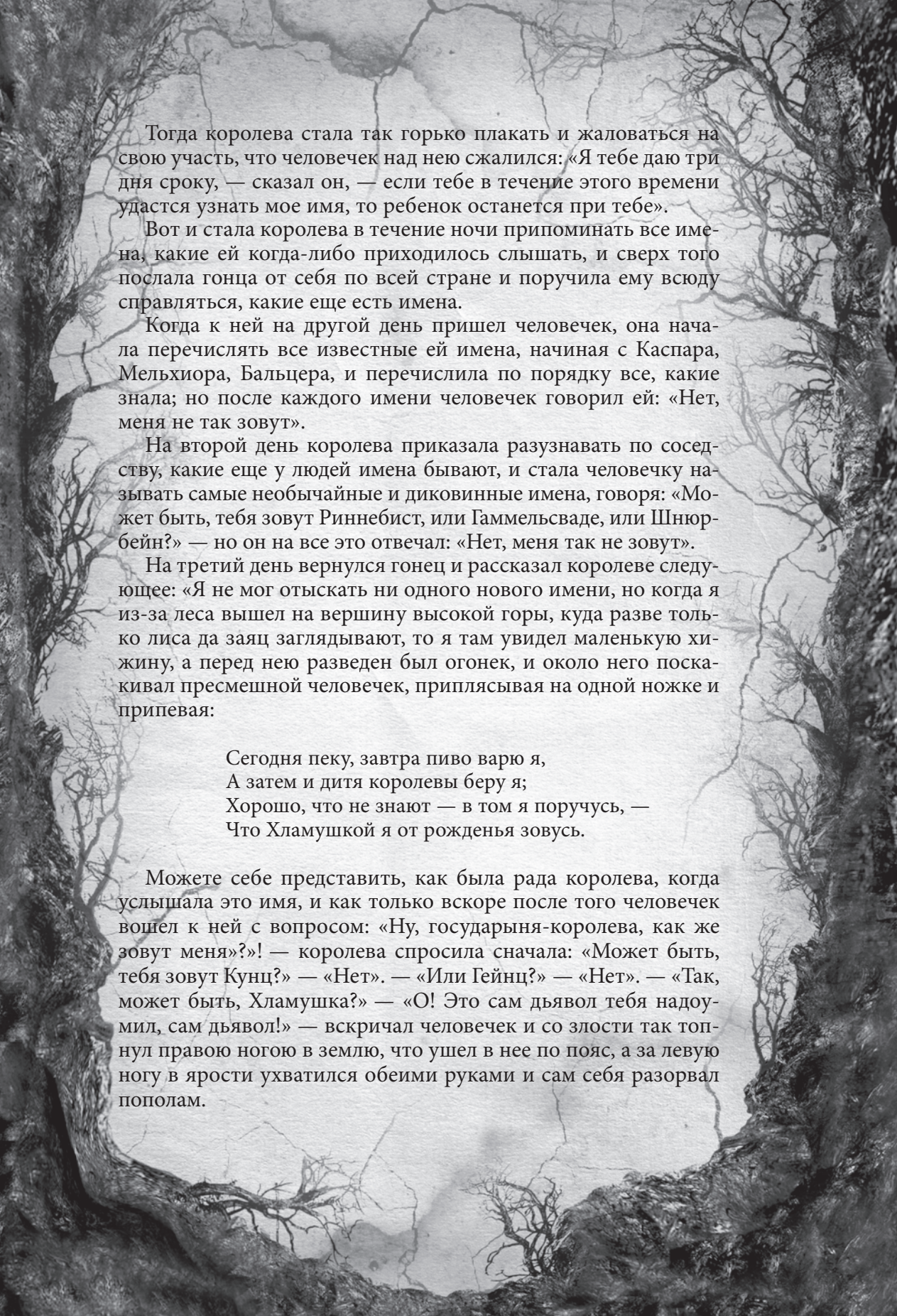
Как только девушка осталась одна в своем покое, человечек и в третий раз к ней явился и сказал: «Что мне дашь, если я тебе и в этот раз перепряду всю солому?» — «У меня нет ничего, что бы я могла тебе дать», — отвечала девушка. «Так обещай же, когда будешь королевой, отдать мне первого твоего ребенка».

«Кто знает еще, как оно будет?» — подумала мельникова дочка и, не зная, чем помочь себе в беде, пообещала человечку, что она исполнит его желание, а человечек за это еще раз перепрял ей всю солому в золото.

И когда на другое утро король пришел и все нашел в том виде, как он желал, то он с ней обвинился, и красавица мельникова дочь стала королевой.

Год спустя королева родила очень красивого ребенка и совсем позабыла думать о человечке, помогавшем ей в беде, как вдруг он вступил в ее комнату и сказал: «Ну, теперь отдай же мне обещанное».

Королева перепугалась и предлагала ему все сокровища королевства, если только он оставит ей ребенка; но человечек отвечал: «Нет, мне живое существо милее всех сокровищ в мире».

Тогда королева стала так горько плакать и жаловаться на свою участь, что человечек над нею сжалился: «Я тебе даю три дня сроку, — сказал он, — если тебе в течение этого времени удастся узнать мое имя, то ребенок останется при тебе».

Вот и стала королева в течение ночи припоминать все имена, какие ей когда-либо приходилось слышать, и сверх того послала гонца от себя по всей стране и поручила ему всюду справляться, какие еще есть имена.

Когда к ней на другой день пришел человечек, она начала перечислять все известные ей имена, начиная с Каспара, Мельхиора, Бальцера, и перечислила по порядку все, какие знала; но после каждого имени человечек говорил ей: «Нет, меня не так зовут».

На второй день королева приказала разузнавать по соседству, какие еще у людей имена бывают, и стала человечку называть самые необычайные и диковинные имена, говоря: «Может быть, тебя зовут Риннебист, или Гаммельсваде, или Шнюрбейн?» — но он на все это отвечал: «Нет, меня так не зовут».

На третий день вернулся гонец и рассказал королеве следующее: «Я не мог отыскать ни одного нового имени, но когда я из-за леса вышел на вершину высокой горы, куда разве только лиса да заяц заглядывают, то я там увидел маленькую хижину, а перед нею разведен был огонек, и около него поскакивал пресмешной человечек, приплясывая на одной ножке и припевая:

Сегодня пеку, завтра пиво варю я,
А затем и дитя королевы беру я;
Хорошо, что не знают — в том я поручусь, —
Что Хламушкой я от рожденья зовусь.

Можете себе представить, как была рада королева, когда услышала это имя, и как только вскоре после того человечек вошел к ней с вопросом: «Ну, государыня-королева, как же зовут меня?»! — королева спросила сначала: «Может быть, тебя зовут Кунц?» — «Нет». — «Или Гейнц?» — «Нет». — «Так, может быть, Хламушка?» — «О! Это сам дьявол тебя надоумил, сам дьявол!» — вскричал человечек и со злости так топнул правой ногою в землю, что ушел в нее по пояс, а за левую ногу в ярости ухватился обеими руками и сам себя разорвал пополам.

Милый Роланд

Жила-была на свете женщина — настоящая ведьма, и были у нее две дочери. Одна была безобразна и зла, и ту она любила, потому что это была ее родная дочь. Другая была прекрасна собою и сердцем добра, и ту ведьма ненавидела, потому что та ей приходилась падчерицей.

Однажды падчерица надела фартучек, и он до такой степени понравился ее названной сестре, что та, завидуя, потребовала у матери и себе такого же фартучка.

«Повремени, дитяtko, — сказала ведьма, — будет у тебя такой фартучек. Твою названую сестрицу давно убить следует, и вот сегодня ночью, как только она заснет, я приду к вашей кровати и отрублю ей голову. Позаботься только о том, чтобы лечь в постели у нее за спиною, а ее поведвинь вперед».

Бедняжка и точно должна была бы поплатиться жизнью, если бы она из укромного уголка не подслушала всей беседы матери с дочкой.

За целый день бедная падчерица не посмела даже и шагу ступить за порог дома.

А когда вечером пришло время спать ложиться, бедная девушка должна была первая улечься в постель, чтобы ее злая сестра, как и велела ей мать, могла лечь позади.

Но когда та заснула, падчерица несколько выдвинула ее вперед, а сама залезла за ее спину, к стенке.

Среди ночи старуха подкралась к постели, держа в правой руке топор, а левой ощупала, лежит ли кто-нибудь, выдвинувшись головой вперед.

И затем, ухватив топор обеими руками, отрубила голову своей родной дочери.

Когда она удалилась, девушка поднялась с постели, пошла к своему милему, которого звали Роландом, и постучалась у его двери.

«...» Не уйдете вы от меня! –
прошипела ведьма. –
Как бы далеко вы ни были, и все же не уйдете!»
Она тотчас обула свои сапоги-скороходы, в которых
она, кто ни шаг, то нас пути перемалывала...»

«Милый Роланд».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г

Когда он к ней вышел, она сказала ему: «Слушай, миленький Роланд, мы должны отсюда бежать как можно скорее: мачеха хотела меня убить, но вместо меня убила свою родную дочь. Когда рассветет и она увидит, что сделано ею, мы погибем!» — «Однако же я тебе советую, — сказал Роланд, — чтобы прежде побега ты взяла у нее из дома ее волшебный жезл, а не то мы не сможем спастись от ее преследований никаким бегством».

Девушка принесла волшебный жезл ведьмы, а затем взяла отрубленную голову сестры и накапала три капли крови: одну перед постелью на полу, одну в кухне и одну на лестнице.

После этого девушка поспешно удалилась вместе со своим возлюбленным Роландом.

Когда же старая ведьма проснулась поутру, она кликнула свою дочку и хотела отдать ей фартучек падчерицы, но та не явилась на зов ее. «Да где же ты?» — крикнула ведьма.

«Здесь я, на лестнице, подметаю!» — отвечала ведьме одна из капелек крови.

Старуха вышла на лестницу, никого там не увидела и еще раз крикнула: «Да где же ты?»

«Да здесь, в кухне, пришла погреться!» — отвечала ей вторая капелька крови.

Ведьма и в кухню пошла, и там ничего не нашла. «Да где же ты?» — закричала она дочке в третий раз.

«Ах, да здесь же я, в постели, сплю», — крикнула ведьме третья капелька крови.

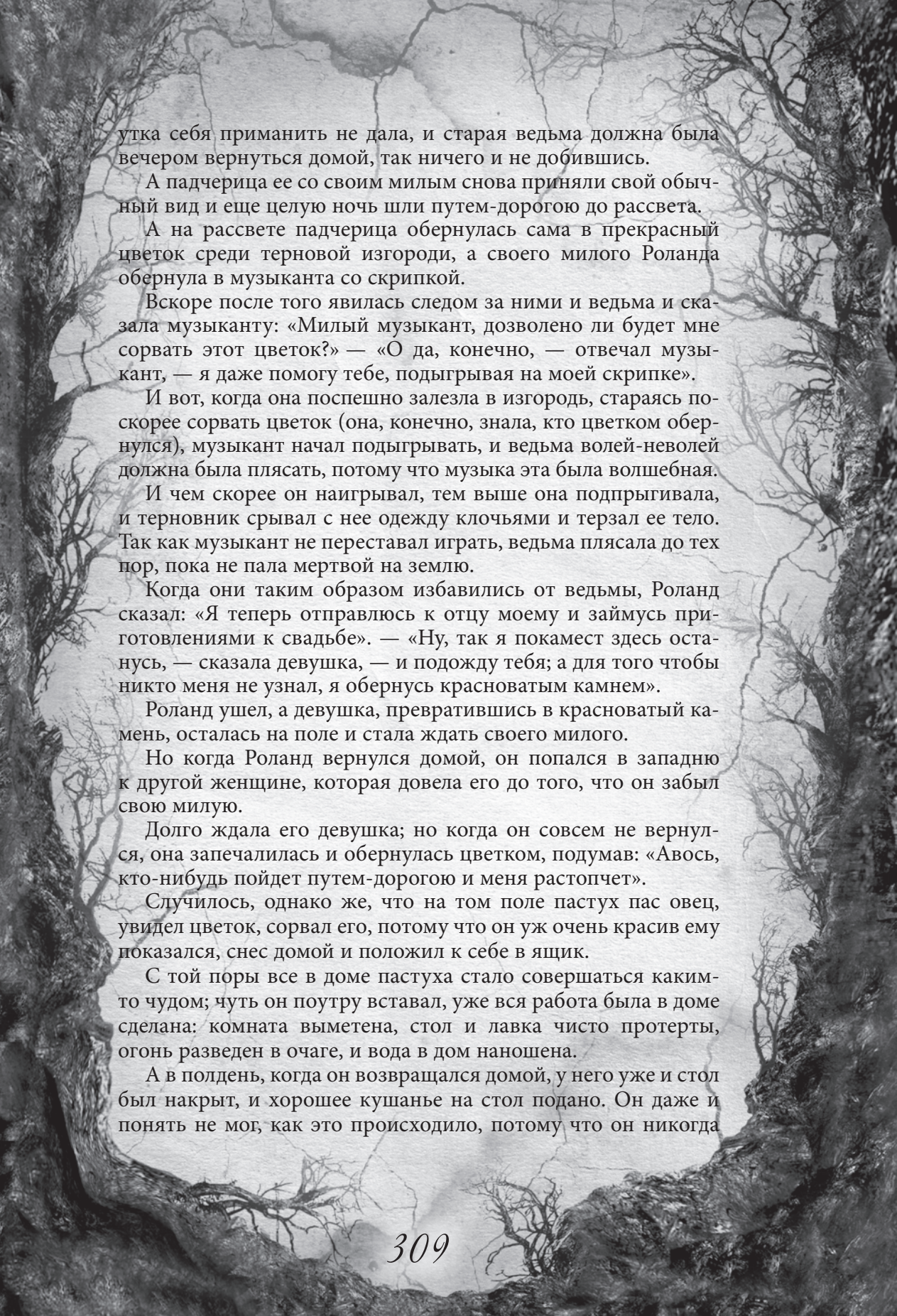
Та пришла в комнату, к постели — и что же там увидела? Свое родное дитя, которое плавало в крови и которому она своими руками отрубила голову.

Ведьма пришла в ярость, бросилась к окну, и так как она обладала способностью очень далеко видеть, то увидела свою падчерицу, которая поспешно удалялась со своим милым Роландом. «Не уйдете вы от меня! — прошипела ведьма. — Как бы далеко вы ни были, и все же не уйдете!»

Она тотчас обула свои сапоги-скороходы, в которых она что ни шаг, то час пути перемахивала, и немного спустя уже нагнала обоих беглецов.

Но, завидев издали старуху-ведьму, девушка обратила при помощи волшебного жезла своего милого в озеро, а сама обернулась уточкой и стала среди того озера плавать.

Ведьма остановилась на берегу, стала бросать утке крошки хлеба и всеми силами старалась приманить ее к берегу; но

утка себя приманить не дала, и старая ведьма должна была вечером вернуться домой, так ничего и не добившись.

А падчерица ее со своим милым снова приняли свой обычный вид и еще целую ночь шли путем-дорогою до рассвета.

А на рассвете падчерица обернулась сама в прекрасный цветок среди терновой изгороди, а своего милого Роланда обернула в музыканта со скрипкой.

Вскоре после того явилась следом за ними и ведьма и сказала музыканту: «Милый музыкант, дозволено ли будет мне сорвать этот цветок?» — «О да, конечно, — отвечал музыкант, — я даже помогу тебе, подыгрывая на моей скрипке».

И вот, когда она поспешно залезла в изгородь, стараясь поскорее сорвать цветок (она, конечно, знала, кто цветком обернулся), музыкант начал подыгрывать, и ведьма волей-неволей должна была плясать, потому что музыка эта была волшебная.

И чем скорее он наигрывал, тем выше она подпрыгивала, и терновник срывал с нее одежду клочьями и терзал ее тело. Так как музыкант не переставал играть, ведьма плясала до тех пор, пока не пала мертвой на землю.

Когда они таким образом избавились от ведьмы, Роланд сказал: «Я теперь отправлюсь к отцу моему и займусь приготовлениями к свадьбе». — «Ну, так я покамест здесь останусь, — сказала девушка, — и подожду тебя; а для того чтобы никто меня не узнал, я обернусь красноватым камнем».

Роланд ушел, а девушка, превратившись в красноватый камень, осталась на поле и стала ждать своего милого.

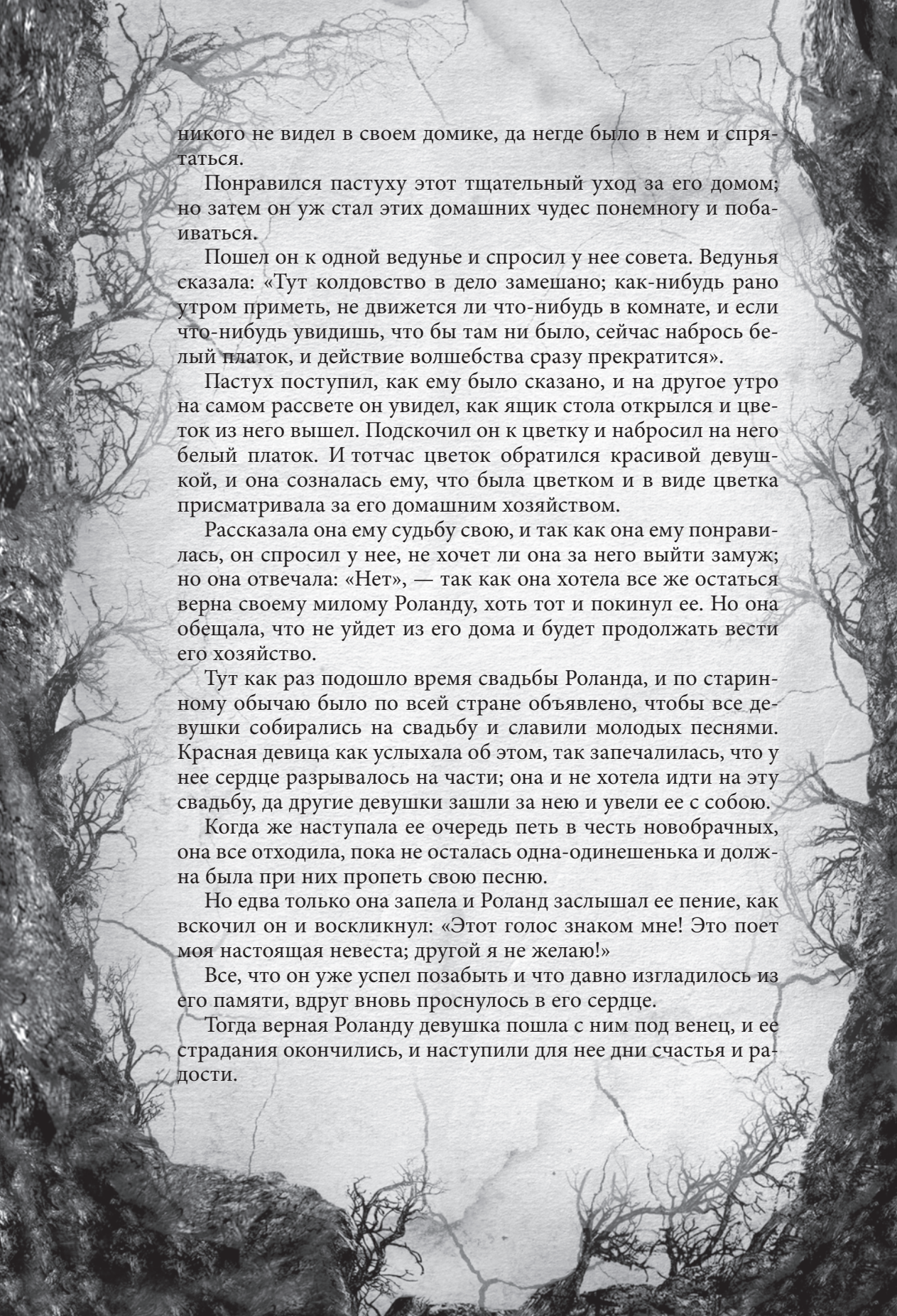
Но когда Роланд вернулся домой, он попался в западню к другой женщине, которая довела его до того, что он забыл свою милую.

Долго ждала его девушка; но когда он совсем не вернулся, она запечалилась и обернулась цветком, подумав: «Авось, кто-нибудь пойдет путем-дорогою и меня растопчет».

Случилось, однако же, что на том поле пастух пас овец, увидел цветок, сорвал его, потому что он уж очень красив ему показался, снес домой и положил к себе в ящик.

С той поры все в доме пастуха стало совершаться каким-то чудом; чуть он поутру вставал, уже вся работа была в доме сделана: комната выметена, стол и лавка чисто протерты, огонь разведен в очаге, и вода в дом nanoшена.

А в полдень, когда он возвращался домой, у него уже и стол был накрыт, и хорошее кушанье на стол подано. Он даже и понять не мог, как это происходило, потому что он никогда

никого не видел в своем домике, да негде было в нем и спрятаться.

Понравился пастуху этот тщательный уход за его домом; но затем он уж стал этих домашних чудес понемногу и побаиваться.

Пошел он к одной ведунье и спросил у нее совета. Ведунья сказала: «Тут колдовство в дело замешано; как-нибудь рано утром приметъ, не движется ли что-нибудь в комнате, и если что-нибудь увидишь, что бы там ни было, сейчас набрось белый платок, и действие волшебства сразу прекратится».

Пастух поступил, как ему было сказано, и на другое утро на самом рассвете он увидел, как ящик стола открылся и цветок из него вышел. Подскочил он к цветку и набросил на него белый платок. И тотчас цветок обратился красивой девушкой, и она созналась ему, что была цветком и в виде цветка присматривала за его домашним хозяйством.

Рассказала она ему судьбу свою, и так как она ему понравилась, он спросил у нее, не хочет ли она за него выйти замуж; но она отвечала: «Нет», — так как она хотела все же остаться верна своему милому Роланду, хоть тот и покинул ее. Но она обещала, что не уйдет из его дома и будет продолжать вести его хозяйство.

Тут как раз подошло время свадьбы Роланда, и по старинному обычаю было по всей стране объявлено, чтобы все девушки собирались на свадьбу и славили молодых песнями. Красная девица как услышала об этом, так запечалилась, что у нее сердце разрывалось на части; она и не хотела идти на эту свадьбу, да другие девушки зашли за нею и увели ее с собою.

Когда же наступала ее очередь петь в честь новобрачных, она все отходила, пока не осталась одна-одинешенька и должна была при них пропеть свою песню.

Но едва только она запела и Роланд слышал ее пение, как вскочил он и воскликнул: «Этот голос знаком мне! Это поет моя настоящая невеста; другой я не желаю!»

Все, что он уже успел позабыть и что давно изгладилось из его памяти, вдруг вновь проснулось в его сердце.

Тогда верная Роланду девушка пошла с ним под венец, и ее страдания окончились, и наступили для нее дни счастья и радости.

Золотая птица

Давно, очень давно жил да был король, у которого позади замка был прекрасный сад, а в том саду было дерево, на котором росли золотые яблоки.

Как только яблоки стали созревать, так их сосчитали; но тотчас после того, на следующее же утро — глядь: одного яблока как не бывало! Оповестили об этом короля, и он приказал, чтобы каждую ночь под деревом ставилась стража.

У него было три сына, и старшего из них выслал он сторожить при наступлении первой же ночи.

Пошел сын, но с наступлением полуночи не мог воздержаться от сна, и на другое утро опять не хватило одного яблока.

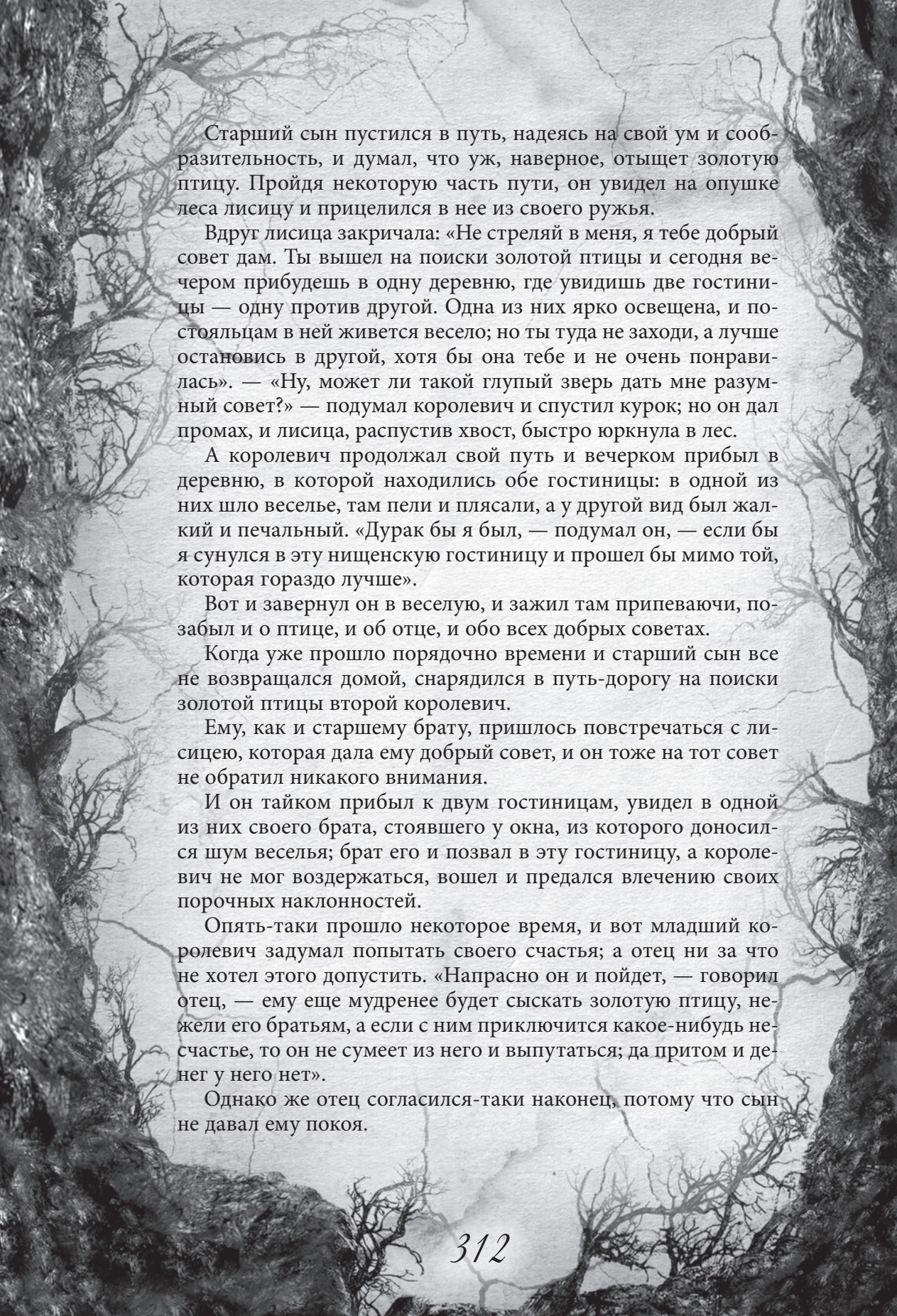
На следующую ночь должен был идти второй сын; но и с тем случилось то же самое: едва наступила полночь, он заснул, а под утро недосчитались еще одного яблока.

Вот дошла очередь и до младшего сына, и он уж совсем изговаривался идти сторожить, да король все не решался доверить ему это дело, предполагая, что он еще хуже будет стеречь золотые яблоки, нежели его братья; но затем отец согласился и отпустил его.

Вот юноша и улегся под деревом, и глаз не сомкнул, и сну не поддавался. Как ударила полночь, так зашумело что-то в воздухе, и он увидел при лунном свете слетевшую на дерево птицу, у которой перья блестели, как золото.

Птица опустилась на дерево и только что успела сорвать с него яблоко, как юноша пустил в нее стрелу. Птица улетела, но стрела попала ей в перья, и одно из ее золотых перышек пало на землю. Юноша перышко поднял, принес его на следующее утро к королю и рассказал ему, что видел ночью.

Король собрал свой совет, и все его советники решили, что одно такое перышко стоит более, чем все его королевство. «Коли это перышко действительно так ценно, — заявил король, — то мне одного пера и не надобно: я должен непременно добыть эту птицу целиком».

Старший сын пустился в путь, надеясь на свой ум и сообразительность, и думал, что уж, наверное, отыщет золотую птицу. Пройдя некоторую часть пути, он увидел на опушке леса лисицу и прицелился в нее из своего ружья.

Вдруг лисица закричала: «Не стреляй в меня, я тебе добрый совет дам. Ты вышел на поиски золотой птицы и сегодня вечером придешь в одну деревню, где увидишь две гостиницы — одну против другой. Одна из них ярко освещена, и постояльцам в ней живет весело; но ты туда не заходи, а лучше остановись в другой, хотя бы она тебе и не очень понравилась». — «Ну, может ли такой глупый зверь дать мне разумный совет?» — подумал королевич и спустил курок; но он дал промах, и лисица, распустив хвост, быстро юркнула в лес.

А королевич продолжал свой путь и вечером прибыл в деревню, в которой находились обе гостиницы: в одной из них шло веселье, там пели и плясали, а у другой вид был жалкий и печальный. «Дурак бы я был, — подумал он, — если бы я сунулся в эту нищенскую гостиницу и прошел бы мимо той, которая гораздо лучше».

Вот и завернул он в веселую, и зажил там припеваючи, позабыл и о птице, и об отце, и обо всех добрых советах.

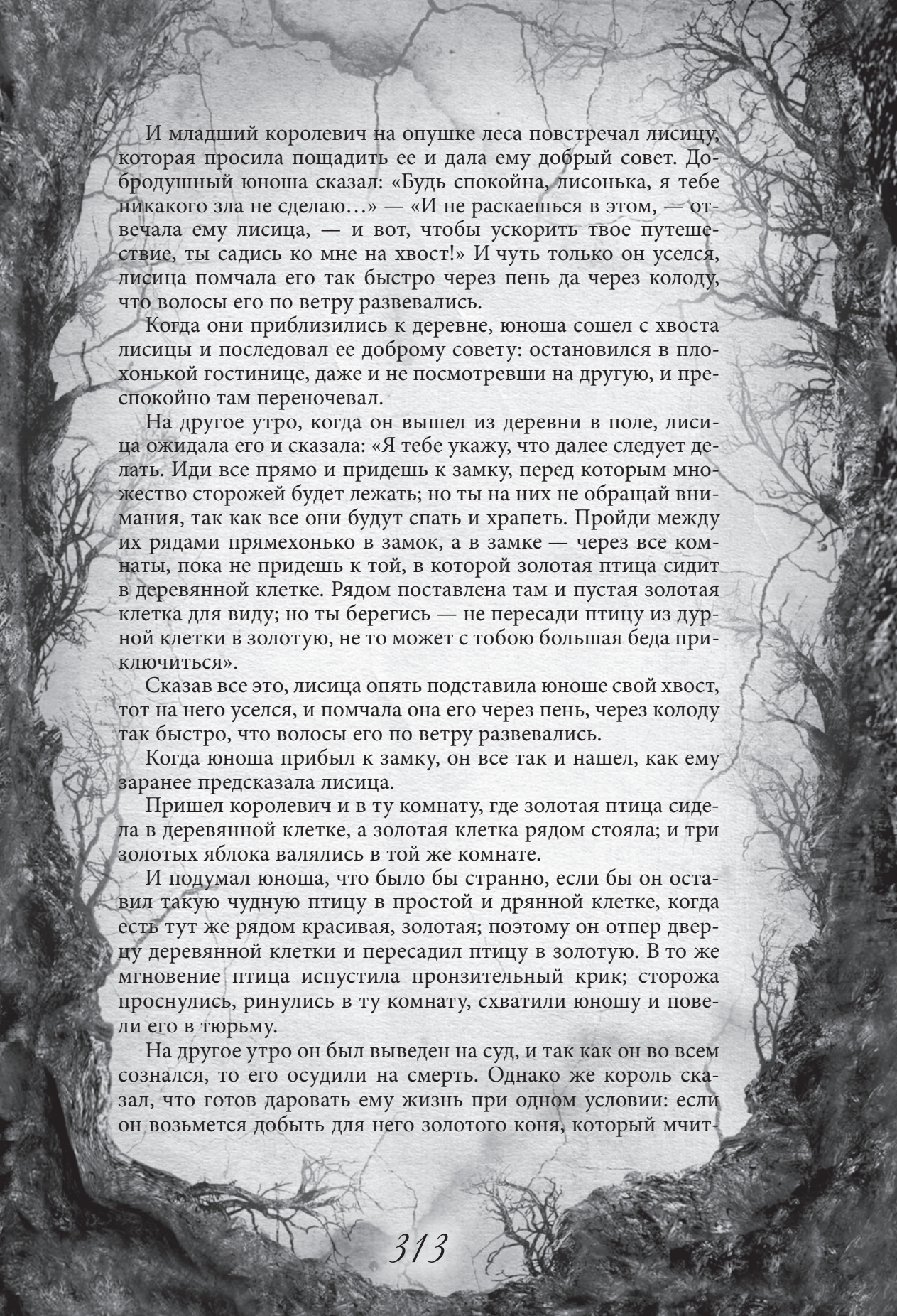
Когда уже прошло порядочно времени и старший сын все не возвращался домой, снарядился в путь-дорогу на поиски золотой птицы второй королевич.

Ему, как и старшему брату, пришлось повстречаться с лисицею, которая дала ему добрый совет, и он тоже на тот совет не обратил никакого внимания.

И он тайком прибыл к двум гостиницам, увидел в одной из них своего брата, стоявшего у окна, из которого доносился шум веселья; брат его и позвал в эту гостиницу, а королевич не мог воздержаться, вошел и предался влечению своих порочных наклонностей.

Опять-таки прошло некоторое время, и вот младший королевич задумал попытать своего счастья; а отец ни за что не хотел этого допустить. «Напрасно он и пойдет, — говорил отец, — ему еще мудренее будет сыскать золотую птицу, нежели его братьям, а если с ним приключится какое-нибудь несчастье, то он не сумеет из него и выпутаться; да притом и денег у него нет».

Однако же отец согласился-таки наконец, потому что сын не давал ему покоя.

И младший королевич на опушке леса повстречал лисицу, которая просила пощадить ее и дала ему добрый совет. Добродушный юноша сказал: «Будь спокойна, лисонька, я тебе никакого зла не сделаю...» — «И не раскаешься в этом, — отвечала ему лисица, — и вот, чтобы ускорить твое путешествие, ты садись ко мне на хвост!» И чуть только он уселся, лисица помчала его так быстро через пень да через колоду, что волосы его по ветру развевались.

Когда они приблизились к деревне, юноша сошел с хвоста лисицы и последовал ее доброму совету: остановился в плохонькой гостинице, даже и не посмотревши на другую, и спокойно там переночевал.

На другое утро, когда он вышел из деревни в поле, лисица ожидала его и сказала: «Я тебе укажу, что далее следует делать. Иди все прямо и придешь к замку, перед которым множество сторожей будет лежать; но ты на них не обращай внимания, так как все они будут спать и храпеть. Пройди между их рядами прямехонько в замок, а в замке — через все комнаты, пока не придешь к той, в которой золотая птица сидит в деревянной клетке. Рядом поставлена там и пустая золотая клетка для виду; но ты берегись — не пересади птицу из дурной клетки в золотую, не то может с тобою большая беда приключиться».

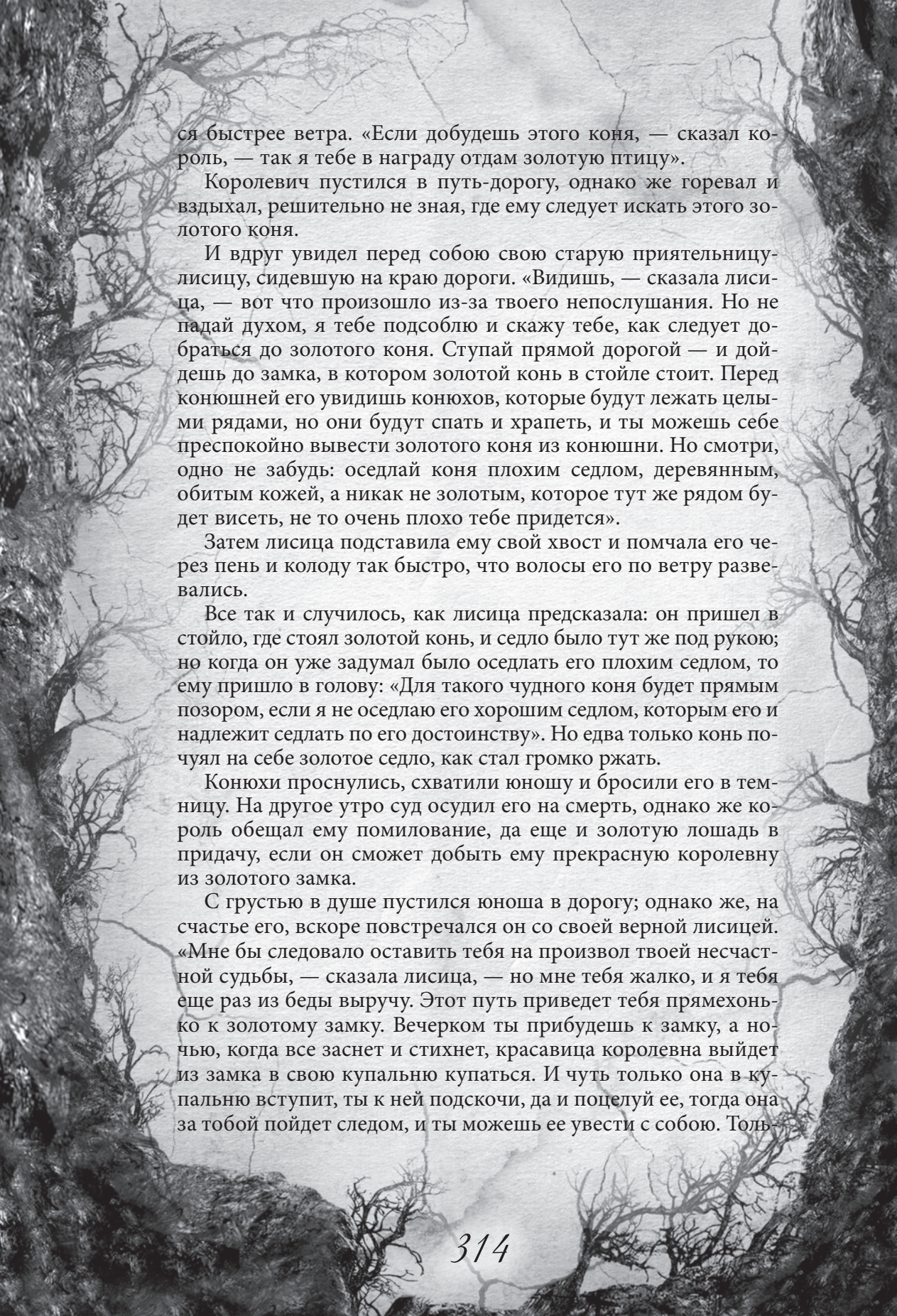
Сказав все это, лисица опять подставила юноше свой хвост, тот на него уселся, и помчала она его через пень, через колоду так быстро, что волосы его по ветру развевались.

Когда юноша прибыл к замку, он все так и нашел, как ему заранее предсказала лисица.

Пришел королевич и в ту комнату, где золотая птица сидела в деревянной клетке, а золотая клетка рядом стояла; и три золотых яблока валялись в той же комнате.

И подумал юноша, что было бы странно, если бы он оставил такую чудную птицу в простой и дрянной клетке, когда есть тут же рядом красивая, золотая; поэтому он отпер дверцу деревянной клетки и пересадил птицу в золотую. В то же мгновение птица испустила пронзительный крик; сторожа проснулись, ринулись в ту комнату, схватили юношу и повели его в тюрьму.

На другое утро он был выведен на суд, и так как он во всем сознался, то его осудили на смерть. Однако же король сказал, что готов даровать ему жизнь при одном условии: если он возьмется добыть для него золотого коня, который мчит-

ся быстрее ветра. «Если добудешь этого коня, — сказал король, — так я тебе в награду отдам золотую птицу».

Королевич пустился в путь-дорогу, однако же горевал и вздыхал, решительно не зная, где ему следует искать этого золотого коня.

И вдруг увидел перед собою свою старую приятельницу-лисицу, сидевшую на краю дороги. «Видишь, — сказала лисица, — вот что произошло из-за твоего непослушания. Но не падай духом, я тебе подсоблю и скажу тебе, как следует добраться до золотого коня. Ступай прямой дорогой — и дойдешь до замка, в котором золотой конь в стойле стоит. Перед конюшней его увидишь конюхов, которые будут лежать целыми рядами, но они будут спать и храпеть, и ты можешь себе преспокойно вывести золотого коня из конюшни. Но смотри, одно не забудь: оседлай коня плохим седлом, деревянным, обитым кожей, а никак не золотым, которое тут же рядом будет висеть, не то очень плохо тебе придется».

Затем лисица подставила ему свой хвост и помчала его через пень и колоду так быстро, что волосы его по ветру развевались.

Все так и случилось, как лисица предсказала: он пришел в стойло, где стоял золотой конь, и седло было тут же под рукою; но когда он уже задумал было оседлать его плохим седлом, то ему пришло в голову: «Для такого чудного коня будет прямым позором, если я не оседлаю его хорошим седлом, которым его и надлежит седлать по его достоинству». Но едва только конь почувал на себе золотое седло, как стал громко ржать.

Конюхи проснулись, схватили юношу и бросили его в темницу. На другое утро суд осудил его на смерть, однако же король обещал ему помилование, да еще и золотую лошадь в придачу, если он сможет добыть ему прекрасную королевну из золотого замка.

С грустью в душе пустился юноша в дорогу; однако же, на счастье его, вскоре повстречался он со своей верной лисицей. «Мне бы следовало оставить тебя на произвол твоей несчастной судьбы, — сказала лисица, — но мне тебя жалко, и я тебя еще раз из беды выручу. Этот путь приведет тебя прямехонько к золотому замку. Вечером ты прибудешь к замку, а ночью, когда все заснет и стихнет, красавица королевна выйдет из замка в свою купальню купаться. И чуть только она в купальню вступит, ты к ней подскочи, да и поцелуй ее, тогда она за тобой пойдет следом, и ты можешь ее увести с собою. Толь-

«Золотая птица».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Король собрал свой совет, и все его советники решили,
что одно такое перышко стоит более, чем все его королевство.
“Если это перышко действительно так ценно, – заявил король, –
то мне одного пера и не нужно:
я должен непременно добыть эту птицу целиком”...»*

ко смотри, не отпускай ее прощаться с родителями до ухода из замка, а то тебе плохо будет».

Тут лисица протянула ему свой хвост, королевич сел на него верхом, и помчала она его по горам, по долам, так что волосы его по ветру развевались.

Прибыл он к золотому замку как раз в то время, как лисица сказала. Ждал до полуночи, когда все стихло и заснуло, и красавица-королевна пошла из замка в свою купальню. Тут он к ней подскочил и поцеловал ее в уста сахарные.

Красавица сказала ему, что она охотно последует за ним, но просила и молила его со слезами, чтобы он дозволил ей сначала проститься с родителями. Сначала он противился ее желанию, но так как она не переставала проливать горькие слезы и пала в мольбах к его ногам, то он наконец уступил ее просьбам.

Но едва только королевна подошла к постели отца своего, как тот проснулся, а за ним и все, кто был в замке, юношу схватили и посадили в тюрьму.

На другое утро король сказал ему: «Жизнь твоя в моих руках, и ты можешь заслужить помилованье одним — вот строй эту гору, что у меня перед окнами и загораживает мне вид вдаль! И эту работу ты должен выполнить в течение восьми дней. Если ты это успешно исполнишь, то получишь в награду руку моей дочери!»

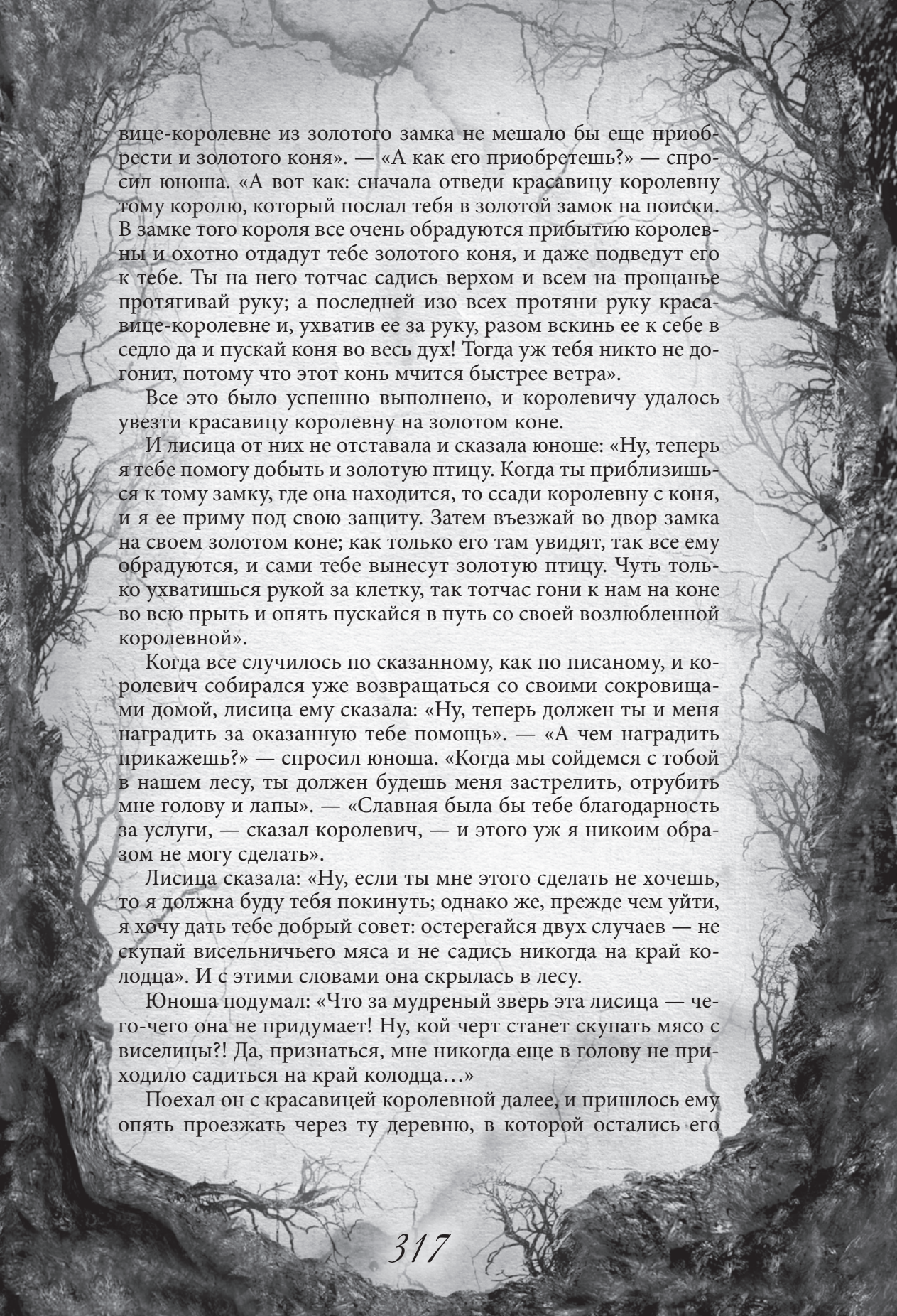
Королевич тотчас принялся за дело: рылся и копался на горе без устали, но когда по истечении семи дней увидел, как мало он успел сделать, то впал в большое уныние и потерял всякую надежду на благополучный исход дела.

Но под вечер седьмого дня явилась к нему лисица и сказала: «Ты, положим, вовсе не заслуживаешь того, чтобы я тебе помогала; ну, да уж так и быть, ступай спать, я за тебя всю работу как раз сделаю».

Когда на другое утро он проснулся и выглянул в окошко, то горы уже как не бывало.

Юноша, совершенно счастливый от неожиданной удачи, поспешил явиться к королю, возвестил, что уговор, заключенный с ним, уже выполнен, и королю, хочешь не хочешь, пришлось сдержать слово и выдать за него свою дочь.

Вот и поехали молодые жених и невеста из замка и вскоре повстречались на дороге с лисою: «Ну, теперь у тебя самое лучшее в руках, — сказала она королевичу. — Однако же к красавице

вице-королевне из золотого замка не мешало бы еще приобрести и золотого коня». — «А как его приобретешь?» — спросил юноша. «А вот как: сначала отведи красавицу королевну тому королю, который послал тебя в золотой замок на поиски. В замке того короля все очень обрадуются прибытию королевны и охотно отдадут тебе золотого коня, и даже подведут его к тебе. Ты на него тотчас садись верхом и всем на прощанье протягивай руку; а последней из всех протяни руку красавице-королевне и, ухватив ее за руку, разом вскинь ее к себе в седло да и пускай коня во весь дух! Тогда уж тебя никто не догонит, потому что этот конь мчится быстрее ветра».

Все это было успешно выполнено, и королевичу удалось увести красавицу королевну на золотом коне.

И лисица от них не отставала и сказала юноше: «Ну, теперь я тебе помогу добыть и золотую птицу. Когда ты приблизишься к тому замку, где она находится, то ссади королевну с коня, и я ее приму под свою защиту. Затем въезжай во двор замка на своем золотом коне; как только его там увидят, так все ему обрадуются, и сами тебе вынесут золотую птицу. Чуть только ухватишься рукой за клетку, так тотчас гони к нам на коне во всю прыть и опять пускайся в путь со своей возлюбленной королевной».

Когда все случилось по сказанному, как по писаному, и королевич собирался уже возвращаться со своими сокровищами домой, лисица ему сказала: «Ну, теперь должен ты и меня наградить за оказанную тебе помощь». — «А чем наградить прикажешь?» — спросил юноша. «Когда мы сойдемся с тобой в нашем лесу, ты должен будешь меня застрелить, отрубить мне голову и лапы». — «Славная была бы тебе благодарность за услуги, — сказал королевич, — и этого уж я никоим образом не могу сделать».

Лисица сказала: «Ну, если ты мне этого сделать не хочешь, то я должна буду тебя покинуть; однако же, прежде чем уйти, я хочу дать тебе добрый совет: остерегайся двух случаев — не скупай висельничьего мяса и не садись никогда на край колодца». И с этими словами она скрылась в лесу.

Юноша подумал: «Что за мудреный зверь эта лисица — чего-чего она не придумает! Ну, кой черт станет скупать мясо с виселицы?! Да, признаться, мне никогда еще в голову не приходило садиться на край колодца...»

Поехал он с красавицей королевной далее, и пришлось ему опять проезжать через ту деревню, в которой остались его

два брата. В деревне была большая сумятица, шум и крик, и когда королевич спросил о причине всего этого, ему доложили, что сейчас собираются двух негодяев повесить.

Подойдя к толпе поближе, королевич увидел, что вешать собираются его родных братьев, которые много успели натворить всяких темных дел и давно прокутили все свое состояние.

Королевич спросил, нельзя ли их как-нибудь от виселицы избавить. «Коли хотите, заплатите нам за них, — отвечали сельчане, — да правду сказать, не стоит за этих негодяев отдавать ваши деньги и выкупать их от виселицы».

Но королевич не задумался за них заплатить, и когда их освободили, то они продолжали дальнейший путь уже вместе.

Вот и прибыли они в тот лес, в котором первоначально по-встречались с лисой.

А так как жара была большая, а в лесу и прохладно, и приятно, то братья и сказали королевичу: «Вот тут, около колодца, приостановимся и отдохнем, поедим и попьем».

Тот согласился и, забывшись среди разговора, присел на край колодца, не помышляя ни о чем дурном.

Но двое его братьев вдруг на него бросились, спихнули его в колодец, завладели его королевной, его золотой птицей и золотым конем и отправились домой к отцу.

«Вот мы привезли тебе не только золотую птицу, — сказали они, — но еще и золотого коня и красавицу-королевну из золотого замка в придачу».

Все были этим обрадованы; но только конь ничего не ел и стоял, понунив голову, птица не насвистывала, а красавица-королевна сидела в углу и все плакала.

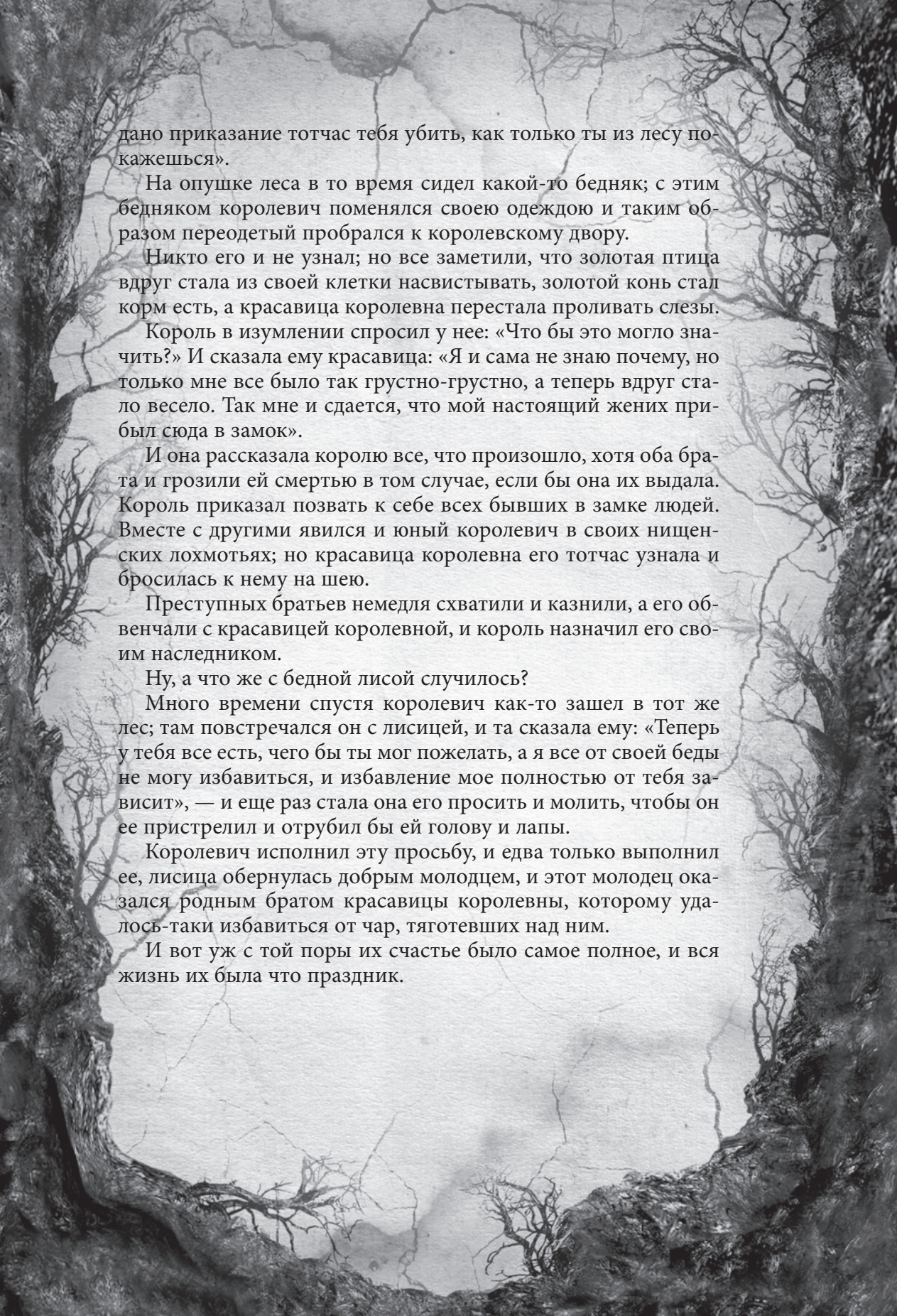
Между тем младший-то брат не погиб.

Колодец, на его счастье, был сух, и он упал на мягкий мох, не причинив себе никакого вреда; только вот вылезти из колодца самостоятельно он никак не мог.

И в этой беде верная лиса его не покинула: сошла к нему в колодец вниз и выбрала его за то, что он позабыл ее совет. «Оставить тебя в этом положении я, однако же, не могу, — сказала лисица, — и опять тебя вызволю на Божий свет».

Приказала ему ухватиться за ее хвост и крепко-крепко держаться и вытянула его на хвосте из колодца.

«Ты не думай, чтобы уж теперь ты избежал всех опасностей, — сказала лисица. — Твои братья не были уверены в твоей смерти и весь лес оцепили караульщиками, которым

дано приказание тотчас тебя убить, как только ты из лесу покажешься».

На опушке леса в то время сидел какой-то бедняк; с этим бедняком королевич поменялся своею одеждою и таким образом переодетый пробрался к королевскому двору.

Никто его и не узнал; но все заметили, что золотая птица вдруг стала из своей клетки насвистывать, золотой конь стал корм есть, а красавица королевна перестала проливать слезы.

Король в изумлении спросил у нее: «Что бы это могло значить?» И сказала ему красавица: «Я и сама не знаю почему, но только мне все было так грустно-грустно, а теперь вдруг стало весело. Так мне и сдается, что мой настоящий жених прибыл сюда в замок».

И она рассказала королю все, что произошло, хотя оба брата и грозили ей смертью в том случае, если бы она их выдала. Король приказал позвать к себе всех бывших в замке людей. Вместе с другими явился и юный королевич в своих нищенских лохмотьях; но красавица королевна его тотчас узнала и бросилась к нему на шею.

Преступных братьев немедленно схватили и казнили, а его обвенчали с красавицей королевной, и король назначил его своим наследником.

Ну, а что же с бедной лисой случилось?

Много времени спустя королевич как-то зашел в тот же лес; там повстречался он с лисицей, и та сказала ему: «Теперь у тебя все есть, чего бы ты мог пожелать, а я все от своей беды не могу избавиться, и избавление мое полностью от тебя зависит», — и еще раз стала она его просить и молить, чтобы он ее пристрелил и отрубил бы ей голову и лапы.

Королевич исполнил эту просьбу, и едва только выполнил ее, лисица обернулась добрым молодцем, и этот молодец оказался родным братом красавицы королевны, которому удалось-таки избавиться от чар, тяготевших над ним.

И вот уж с той поры их счастье было самое полное, и вся жизнь их была что праздник.

Пес и воробей

У одной собаки-овчарки хозяин был недобрый человек, и потому ей приходилось немало терпеть от голода. Будучи не в силах выносить этот голод, собака в конце концов ушла от него, совсем опечаленная.

На дороге повстречался с ней воробей и сказал: «А скажи-ка ты мне, песик-братик, отчего ты так закручинился?» Пес отвечал: «Я мучусь от голода, а поесть мне нечего». И воробей сказал: «Братец, пойдем в город, там я тебя накормлю досыта».

Вот и пошли они вместе в город, и когда подошли к мясной лавке, воробей сказал: «Постой здесь, я тебе сейчас кусок мяса с прилавка сцапаю».

И точно: уселся на прилавок, оглянулся во все стороны, увидел, что никто за ним не примечает, и до тех пор поклевывал, потаскивал и поволакивал кусок говядины, лежавший на краю прилавка, пока кусок не свалился на пол. Пес его тотчас подхватил, побежал в укромный уголок и съел.

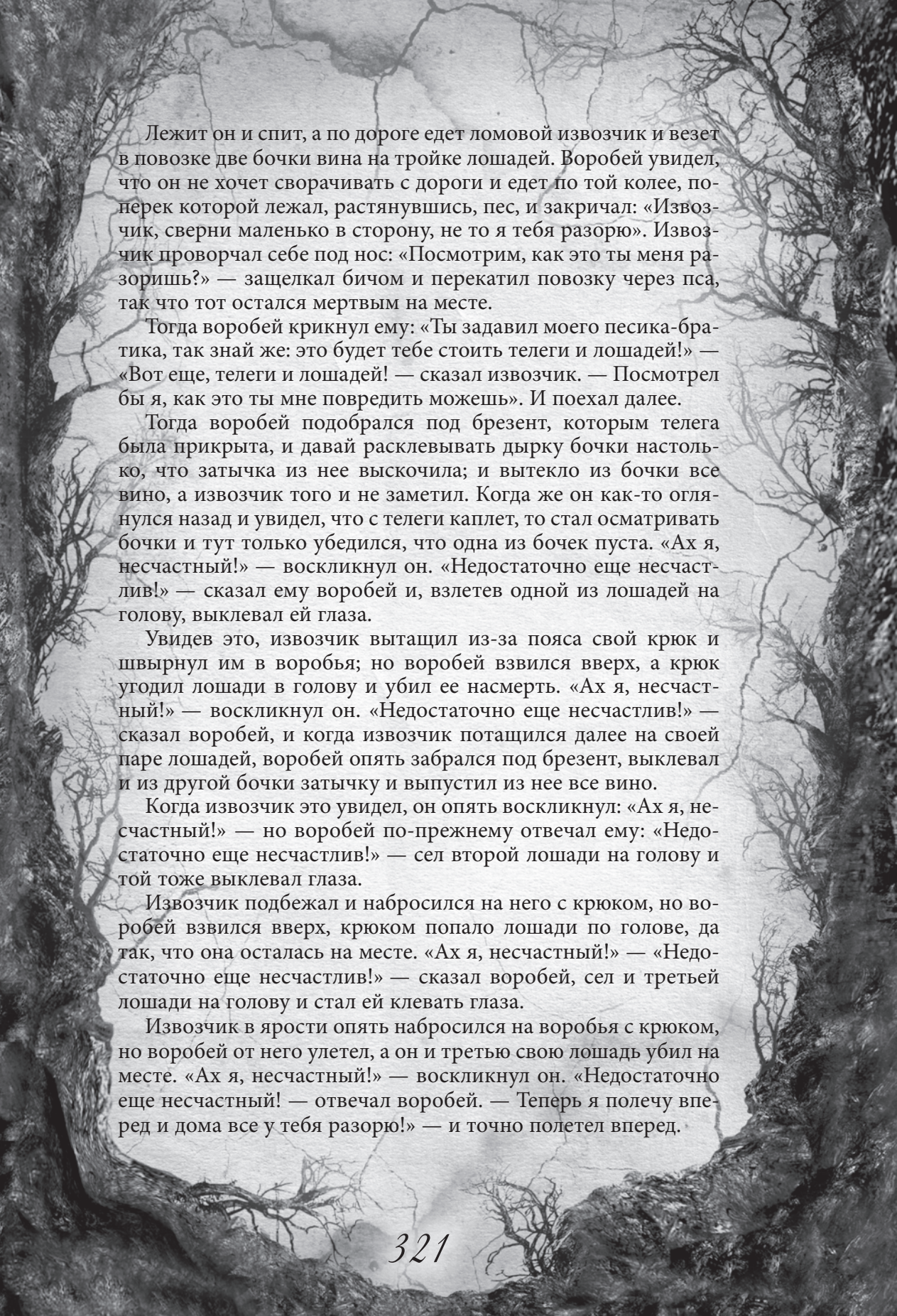
Тогда воробей сказал: «Пойдем к другой лавке, я тебе там еще один кусок с прилавка скину, чтобы ты мог насытиться».

Когда же пес и второй кусок съел, воробей спросил у него: «Песик-братик, сыт ли ты теперь?» — «Да, говядинки я поел досыта, — отвечал пес, — а вот хлеба-то у меня еще и во рту не было». Воробей сказал: «И это тебе добудем, ступай за мной».

И повел его к лавке хлебника, и до тех пор поклевывал и подталкивал два небольших хлебца, пока они не свалились с прилавка, и когда пес еще хлеба захотел, повел его к другому хлебнику и там тоже добыл ему хлеба.

Когда все это было съедено, воробей сказал: «Песик-братик, сыт ли ты теперь?» — «Да, — отвечал пес, — и теперь мы можем сделать маленькую прогулку за город».

Вот и вышли они вместе на большую дорогу. Погода была теплая, и пес сказал: «Устал я, и недурно бы мне поспать маленько». — «Да! Да! Усни, — отвечал воробей, — а я тем временем усядусь на ветке». Пес раскинулся на дороге и заснул.

Лежит он и спит, а по дороге едет ломовой извозчик и везет в повозке две бочки вина на тройке лошадей. Воробей увидел, что он не хочет сворачивать с дороги и едет по той колее, поперек которой лежал, растянувшись, пес, и закричал: «Извозчик, сверни маленько в сторону, не то я тебя разорю». Извозчик проворчал себе под нос: «Посмотрим, как это ты меня разоришь?» — защелкал бичом и перекатил повозку через пса, так что тот остался мертвым на месте.

Тогда воробей крикнул ему: «Ты задавил моего песика-братика, так знай же: это будет тебе стоять телеги и лошадей!» — «Вот еще, телеги и лошадей! — сказал извозчик. — Посмотрел бы я, как это ты мне повредить можешь». И поехал далее.

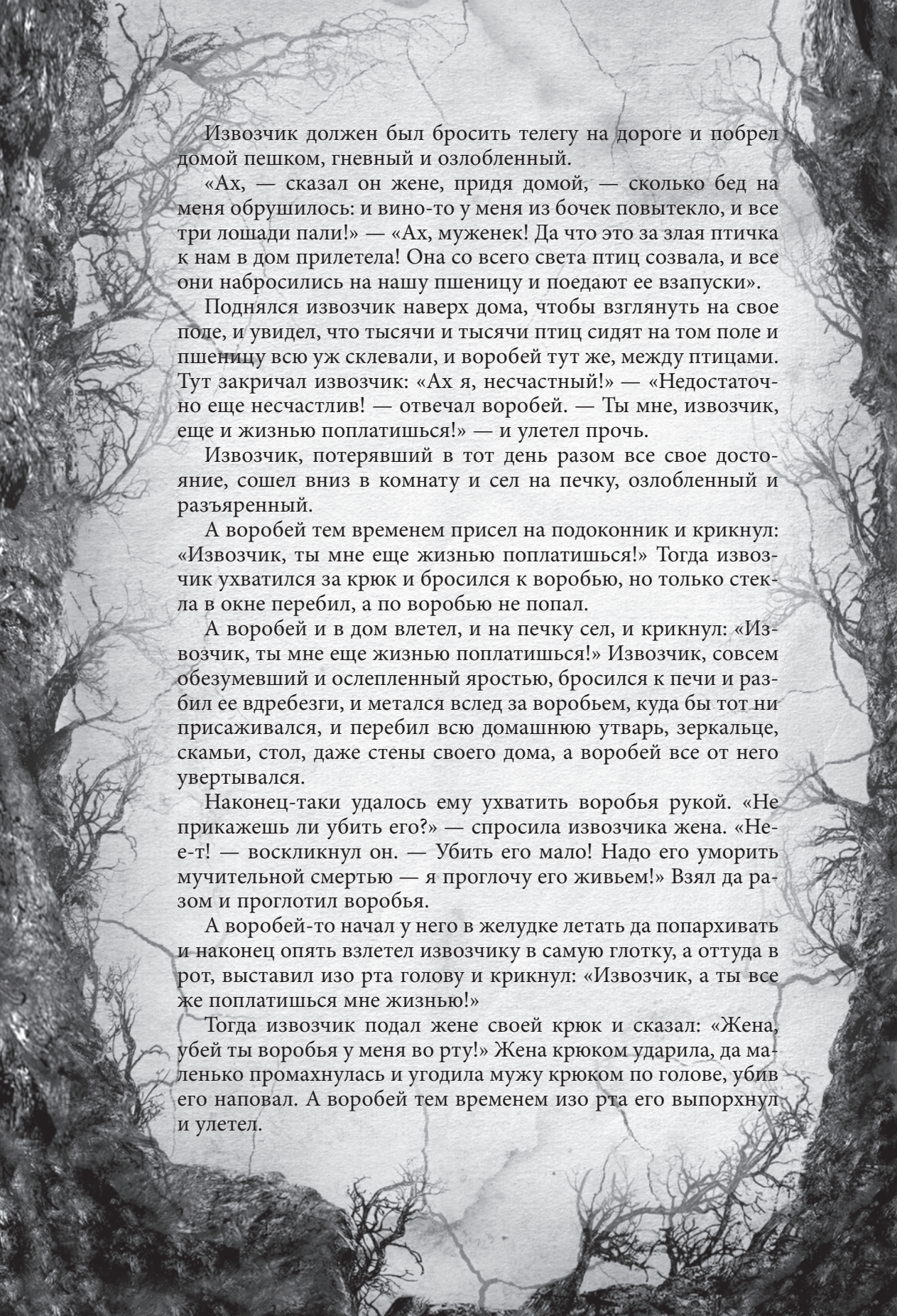
Тогда воробей подобрался под брезент, которым телега была прикрыта, и давай расклеивать дырку бочки настолько, что затычка из нее выскочила; и вытекло из бочки все вино, а извозчик того и не заметил. Когда же он как-то оглянулся назад и увидел, что с телеги каплет, то стал осматривать бочки и тут только убедился, что одна из бочек пуста. «Ах я, несчастный!» — воскликнул он. «Недостаточно еще несчастлив!» — сказал ему воробей и, взлетев одной из лошадей на голову, выклевал ей глаза.

Увидев это, извозчик вытащил из-за пояса свой крюк и швырнул им в воробья; но воробей взвился вверх, а крюк угодил лошади в голову и убил ее насмерть. «Ах я, несчастный!» — воскликнул он. «Недостаточно еще несчастлив!» — сказал воробей, и когда извозчик потащился далее на своей паре лошадей, воробей опять забрался под брезент, выклевал и из другой бочки затычку и выпустил из нее все вино.

Когда извозчик это увидел, он опять воскликнул: «Ах я, несчастный!» — но воробей по-прежнему отвечал ему: «Недостаточно еще несчастлив!» — сел второй лошади на голову и той тоже выклевал глаза.

Извозчик подбежал и набросился на него с крюком, но воробей взвился вверх, крюком попало лошади по голове, да так, что она осталась на месте. «Ах я, несчастный!» — «Недостаточно еще несчастлив!» — сказал воробей, сел и третьей лошади на голову и стал ей клевать глаза.

Извозчик в ярости опять набросился на воробья с крюком, но воробей от него улетел, а он и третью свою лошадь убил на месте. «Ах я, несчастный!» — воскликнул он. «Недостаточно еще несчастный!» — отвечал воробей. — Теперь я полечу вперед и дома все у тебя разорю!» — и точно полетел вперед.

Извозчик должен был бросить телегу на дороге и побрел домой пешком, гневный и озлобленный.

«Ах, — сказал он жене, придя домой, — сколько бед на меня обрушилось: и вино-то у меня из бочек повытекло, и все три лошади пали!» — «Ах, муженек! Да что это за злая птичка к нам в дом прилетела! Она со всего света птиц созвала, и все они набросились на нашу пшеницу и поедают ее взапуски».

Поднялся извозчик наверх дома, чтобы взглянуть на свое поле, и увидел, что тысячи и тысячи птиц сидят на том поле и пшеницу всю уж склевали, и воробей тут же, между птицами. Тут закричал извозчик: «Ах я, несчастный!» — «Недостаточно еще несчастлив! — отвечал воробей. — Ты мне, извозчик, еще и жизнью заплатишься!» — и улетел прочь.

Извозчик, потерявший в тот день разом все свое достояние, сошел вниз в комнату и сел на печку, озлобленный и разъяренный.

А воробей тем временем присел на подоконник и крикнул: «Извозчик, ты мне еще жизнью заплатишься!» Тогда извозчик ухватился за крюк и бросился к воробью, но только стекла в окне перебил, а по воробью не попал.

А воробей и в дом влетел, и на печку сел, и крикнул: «Извозчик, ты мне еще жизнью заплатишься!» Извозчик, совсем обезумевший и ослепленный яростью, бросился к печи и разбил ее вдребезги, и метался вслед за воробьем, куда бы тот ни присаживался, и перебил всю домашнюю утварь, зеркальце, скамьи, стол, даже стены своего дома, а воробей все от него увертывался.

Наконец-таки удалось ему ухватить воробья рукой. «Не прикажешь ли убить его?» — спросила извозчика жена. «Нет! — воскликнул он. — Убить его мало! Надо его уморить мучительной смертью — я проглочу его живьем!» Взял да разом и проглотил воробья.

А воробей-то начал у него в желудке летать да попархивать и наконец опять взлетел извозчику в самую глотку, а оттуда в рот, выставил изо рта голову и крикнул: «Извозчик, а ты все же заплатишься мне жизнью!»

Тогда извозчик подал жене своей крюк и сказал: «Жена, убей ты воробья у меня во рту!» Жена крюком ударила, да маленько промахнулась и угодила мужу крюком по голове, убив его наповал. А воробей тем временем изо рта его выпорхнул и улетел.

«Пес и воробей».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...А воробей тем временем пришел на подоконник и крикнул:
“Извозчик, ты мне еще жизнью не платишься!”
Тогда извозчик ухватился за крюк и бросился к воробью,
но только стекла в окне перебил, а на воробья не попал...»*

Фридер и Катерлизхен

Жили-были на белом свете муж (которого звали Фридер) да жена (ее звали Катерлизхен); поже-
нились они не так давно и считались все еще мо-
лодыми.

Однажды сказал Фридер: «Я пойду в поле, Катерлизхен; а как вернусь оттуда, пусть у тебя тогда на столе будет пригото-
вовлено что-нибудь жареное для утоления голода да ка-
кое-нибудь прохладительное питье для утоления жажды». —
«Ступай, ступай, Фридер, — отвечала ему Катерлизхен, — уж
я тебе все как следует приготовлю».

Когда же наступило время обеда, она достала из трубы кол-
басу, которая там коптилась, положила ее на противень, под-
бавила к ней маслица и поставила противень на огонь. Кол-
баса стала поджариваться и шкворчать на противне, а Катер-
лизхен, стоя около огня и держась за ручку противня, сама
про себя раздумывала...

«А что? — пришло вдруг ей в голову. — Пока колбаса из-
жарится, ведь я бы тем временем могла в погреб спуститься и
питья нацедить».

Вот она установила противень-то на огне покрепче, взя-
ла кружку, сошла в погреб и стала цедить пиво. Течет пиво
в кружку, Катерлизхен на него смотрит, да вдруг и спохвати-
лась: «Э-э, собака-то у меня наверху не привязана! Пожалуй,
еще колбасу-то из противня вытащит, вот будет дело-то!» —
и в один миг взбежала по лестнице из погреба...

И видит: собака уж держит колбасу в зубах и волочит ее за
собою по земле.

Однако же Катерлизхен не ленива бегать, пустилась за
собакой в погоню и гналась за нею довольно-таки долго по
полю; но собака бежала быстрее ее и колбасы из зубов не вы-
пускала, и уволокла ее за поле. «Ну, что есть — то есть!» —
сказала Катерлизхен, вернулась назад и, утомившись от бе-
готни, пошла домой тихонько, чтобы немного остудить себя.

А тем временем пиво из бочки бежало да бежало, потому что Катерлизхен забыла кран завернуть; налилась кружка полная, а потом потекло пиво мимо кружки в погреб и текло до тех пор, пока вся бочка не опорожнилась.

Катерлизхен еще с лестницы увидела, какая беда случилась в погребе. «Вот тебе на! — воскликнула она. — Что теперь делать, чтобы Фридер этой беды не заметил?»

Подумала, подумала да и вспомнила, что еще с последней ярмарки на чердаке лежит у них мешок отличной пшеничной муки, вот и придумала она тот мешок с чердака снести да в погребе и рассыпать по полу, залитому пивом. «Да, уж это можно сказать! — подумала она. — Запас беды не чинит и в нужде пригождается!»

Полезла она на чердак, стащила оттуда мешок и спустила его с плеч как раз на кружку, полную пива; кружка опрокинулась, и питье, приготовленное для Фридера, тоже разлилось по погребу.

«Недаром люди говорят, — проговорила Катерлизхен, — что где одно положено, там и другому найдется место!» — и рассыпала муку из мешка по всему погребу. И когда рассыпала, налюбоваться не могла на свою работу и даже сказала: «Вот как тут все чисто и опрятно теперь!»

В обеденное время пришел и Фридер домой. «Ну-ка, Катерлизхен, что ты мне приготовила?» — «Ах, Фридер! — отвечала она. — Задумала я тебе колбасу изжарить; но пока я пиво из бочки цедила в погребе, собака утащила колбасу с противня; а как я погналась за собакой, все пиво из бочки ушло; задумала я погреб от пива пшеничной мукой высушить и кружку с пивом тоже опрокинула. А впрочем, будь покоен, в погребе теперь у нас сухо». — «Женушка, ženuшка! — сказал ей Фридер. — Лучше бы ты этого не делала! Колбасу дала собаке утащить, пиву дала из бочки утечь да еще пиво засыпать пшеничной мукой выдумала!» — «Так-то так, муженек! Да ведь я всего этого не предвидела: ты бы должен был мне все вперед сказать».

Фридер подумал: «Ну, если и дальше так с женой пойдет, так и точно придется мне самому обо всем заранее подумать».

Вот и случилось, что, накопивши порядочную сумму талерами, променял он их на золото и сказал Катерлизхен: «Вот видишь тут эти желтые черепочки? Эти черепочки я сложу в горшок да зарою в хлеву под яслями у коровы; только смо-

три — не трогай их, а не то тебе от меня достанется!» И она сказала: «Нет, муженек, ни за что не трону».

Когда же Фридер ушел, пришли в деревню торговцы продавать глиняные кружки и горшки и спросили у Катерлизхен, не желает ли она что-нибудь купить. «Э-э, добрые люди, — сказала Катерлизхен, — нет у меня никаких денег, и ничего я у вас купить не могу; а вот если вам нужны желтые черепочки, так на черепочки и я бы у вас кое-что купила». — «Желтые черепочки? А почему бы не нужны? Покажи-ка их нам!» — «Так вот ступайте в хлев и поройтесь под яслями у коровы, там и найдете желтые черепочки в горшке, а я при этом и быть не смею!»

Плуты-торговцы пошли по ее указанию, порылись под яслями и отрыли чистое золото. Золото они забрали, да с ним и бежали, а товар свой, горшки да кружки, весь в доме покинули.

Катерлизхен и подумала, что и эта новая посуда ей пригодиться может; но так как на кухне в ней не было недостатка, то у всех новых горшков она повыбивала дно и расставила их в виде украшения на заборные столбы вокруг всего дома.

Как вернулся Фридер домой, как завидел это новое украшение, так и стал говорить: «Дорогая, что это ты опять наделала?» — «А это я купила, дорогой, на те желтые черепочки, что под яслями у коровы зарыты были... Сама-то я туда не ходила — так продавцы уж их откопали». — «Ах, Катерлизхен! Что ты наделала? Ведь это же не черепки были, а чистое золото, и в том было все наше состояние. Ты бы этого не должна была делать!» — «Так-то так, дорогой, — отвечала она, — да я же этого не знала; ты бы мне должен был наперед сказать».

Постояла минутку Катерлизхен, подумала и говорит: «Послушай-ка, муженек, ведь золото твое ты можешь снова добыть, побегим скорее вслед за ворами». — «Пойдем, пожалуйста, — сказал Фридер, — попытаемся; захвати только с собою хлеба и сыра, чтобы было нам что по дороге перекусить». — «Ладно, муженек, захвачу».

Пустились они в погоню, и так как Фридер был на ногу легче жены, то Катерлизхен от него и поотстала. «Этак-то еще и лучше, — подумала она, — как будем назад возвращаться, мне же менее идти придется».

Вот и пришли они путем-дорогою к горе, где на обоих склонах прорезаны были колесами глубокие колеи. «Ишь ты, —

сказала Катерлизхен, — ведь они тут бедную землю изрезали, изрыли и исполосовали так, что во весь век не заживет!»

Да с великой-то жалости возьми и намажь все колеи маслом, чтобы колеса по ним мягче катились; а между тем как она над колеями нагибалась, выкатилась у нее одна головка сыра из фартука и покатилась вниз по горе. «Ну, нет, брат, — сказала Катерлизхен, — я раз-то взошла на гору, а из-за тебя другой раз всходить на нее не стану; пусть другой сыр за ним скатится и вернет его сюда».

Взяла она другую головку сыра и скатила ее вслед за первой. Однако же сыры не возвращались к ней; тогда она и третий вслед за ними спустила и подумала: «Может быть, они третьего поджидают и не хотят возвращаться одни».

Но и три сыра не возвращались; тогда она решила: «Видно, третий-то не нашел к ним дороги и заблудился на пути, пошлю-ка я и четвертый за ними, пусть позовет их». Но и с четвертым то же случилось, что и с третьим.

Тогда женушка рассердилась, швырнула под гору и пятую, и шестую головку, так что у нее сыру уж и совсем не осталось.

Однако же она их некоторое время поджидала еще и прислушивалась; но так как сыры не возвращались, она на них махнула рукой и проворчала: «Вас хорошо бы за смертью посылать! Ждать вас не стану: захотите и сами меня нагоните!»

Пошла Катерлизхен дальше и сошлась с мужем, который остановился и поджидал ее, потому что ему есть захотелось. «Ну-ка, давай сюда, что у тебя там есть в запасе!»

Та подала ему сухой хлеб. «А где же масло и сыр?» — «Ах, муженек, маслом я колеи на дороге вымазала; а сыры наши скорехонько вернутся: один у меня из рук выкатился, а другие я сама за ним вслед послала, чтобы они его обратно привели». — «Ну, женушка, могла бы ты этого и не делать! Эка, что выдумала — маслом дорогу смазывать, а сыры с горы скатывать». — «Так-то так, муженек, да все ты же виноват, зачем не предупредил меня».

Пришлось им обоим закусывать сухим хлебом; вот и сказал Фридер: «Женушка, да заперла ли ты дом наш, как из него уходили?» — «Нет, муженек, ты бы мне это сказать должен был». — «Ну, так воротись же домой и сначала запри дверь, а потом уж и пойдем дальше; да, кстати, уж и поешь чего-нибудь другого принеси, я буду тебя здесь поджидать».

Пошла Катерлизхен домой, да и думает: «Муженек хочет чего-нибудь другого поесть, сыр да масло ему не по вкусу пришились, так вот, захвачу я для него из дому целый узел сушеных груш и кружку уксусу».

Затем она задвинула задвижкой дверь верхнего этажа в доме, а нижнюю сняла с петель и с собой захватила, положив на плечи, а при этом подумала, что коли дверь у ней под охраной будет, так и в дом никто войти не сможет.

Не скоро дошла до места Катерлизхен и все думала: «Пусть муженек-то тем временем отдохнет».

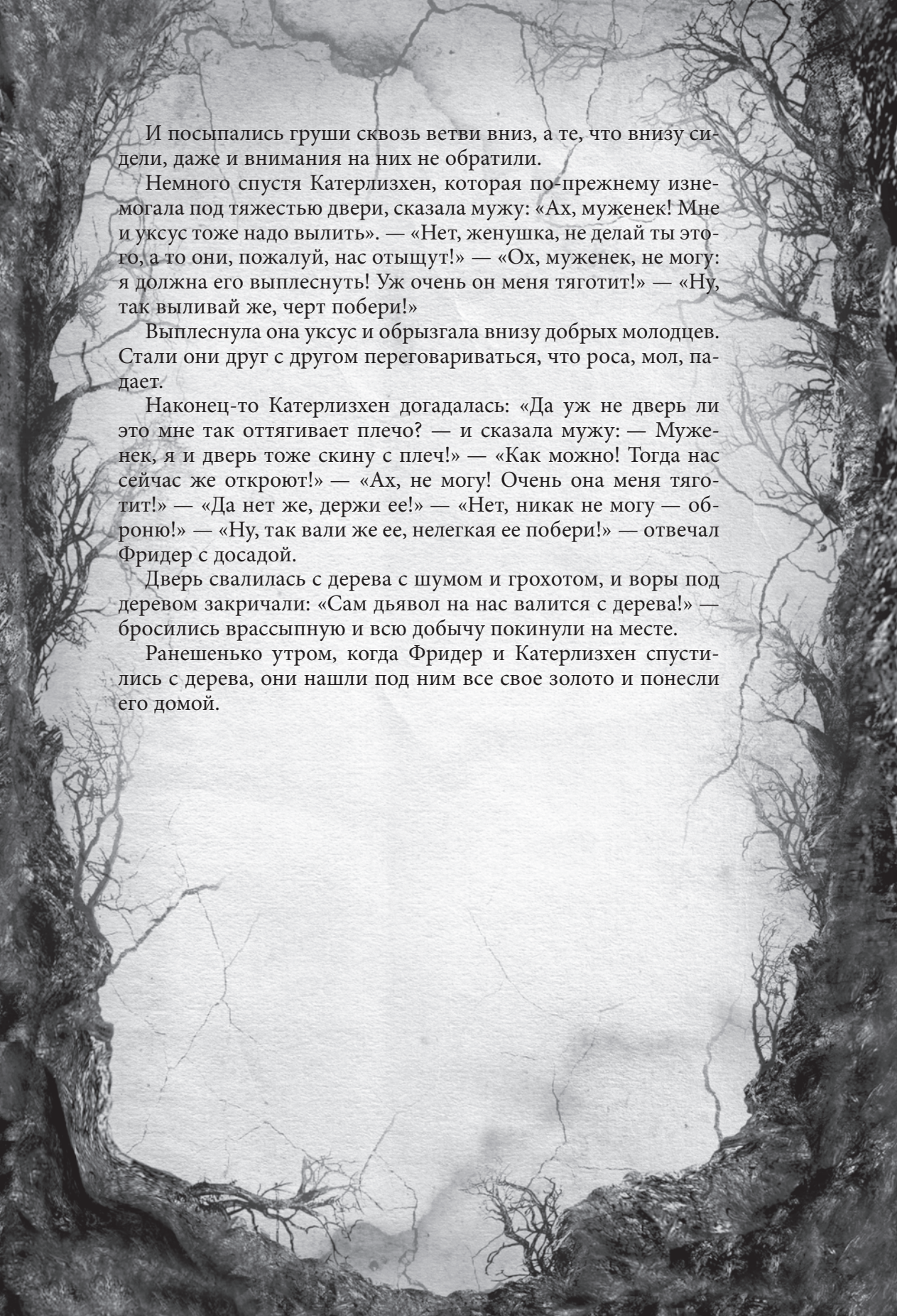
Когда же дошла она до Фридера, то сказала: «Вот тебе, муженек, и дверь домовую принесла, на-ка, сторожи ее». — «Ах, Господи, то-то умная у меня женушка! Нижнюю-то дверь с собой унесла, так что каждому теперь в дом наш путь открытый, а в верхнем этаже задвижкой задвинула! Ну, теперь уж поздно домой возвращаться; но уж если ты сюда дверь притащила, так изволь же тащить ее на себе и дальше!» — «Пожалуй, дверь-то я и понесу, муженек, а уж узел с сушеными грушами и кружку с уксусом мне нести тяжело; я их на дверь повешу, пусть их дверь несет».

Вот они наконец и в лес вошли, стали искать плутов-торговцев, однако же не нашли.

Стало уже темнеть, и забрались они на дерево, предполагая там переночевать. Но едва наверху уселись, как пришли под то дерево те самые добрые молодцы, которые уносят с собою все, что само за ними идти не хочет, и умеют разыскивать вещи прежде, чем они потеряются.

Сели они под деревом, на которое Фридер и Катерлизхен залезли, развели огонь и собирались делить свою добычу. Фридер спустился с дерева на другую сторону набрать камней, опять влез с ними на дерево и хотел пришибить ими воров насмерть. Но ни один из его камней не попал в цель, и воры стали говорить между собой: «Видно, скоро светать начнет, ветром стало сбивать с елей шишки».

А Катерлизхен тем временем все еще держала дверь на плечах, и так как ей было держать тяжело, то она и подумала, что это узел с грушами дверь оттягивает, и сказала мужу: «Я узел с грушами сброшу». — «Нет, женушка, теперь не бросай, а то по грушам и нас на дереве разыщут». — «Нет, брошу, не могу, очень уж они меня тяготят». — «Ну, так и делай, черт возьми!»

И посыпались груши сквозь ветви вниз, а те, что внизу сидели, даже и внимания на них не обратили.

Немного спустя Катерлизхен, которая по-прежнему изнемогала под тяжестью двери, сказала мужу: «Ах, муженек! Мне и уксус тоже надо вылить». — «Нет, женушка, не делай ты этого, а то они, пожалуй, нас отыщут!» — «Ох, муженек, не могу: я должна его выплеснуть! Уж очень он меня тяготит!» — «Ну, так выливай же, черт поberi!»

Выплеснула она уксус и обрызгала внизу добрых молодцев. Стали они друг с другом переговариваться, что роса, мол, падает.

Наконец-то Катерлизхен догадалась: «Да уж не дверь ли это мне так оттягивает плечо? — и сказала мужу: — Муженек, я и дверь тоже скину с плеч!» — «Как можно! Тогда нас сейчас же откроют!» — «Ах, не могу! Очень она меня тяготит!» — «Да нет же, держи ее!» — «Нет, никак не могу — оброну!» — «Ну, так вали же ее, нелегкая ее поberi!» — отвечал Фридер с досадой.

Дверь свалилась с дерева с шумом и грохотом, и воры под деревом закричали: «Сам дьявол на нас валится с дерева!» — бросились врассыпную и всю добычу покинули на месте.

Ранешенько утром, когда Фридер и Катерлизхен спустились с дерева, они нашли под ним все свое золото и понесли его домой.

Два брата

Некогда жили-были два брата — бедный и богатый. Богатый был золотых дел мастер и злой-презлой; бедный только тем и питался, что метлы вязал, но при этом был и добр, и честен.

У бедняка было двое деток — близнецы, похожие друг на друга, что две капли воды. Эти мальчишки частенько прихаживали в дом к богатому, и иногда перепадало им в пищу кое-что из того, что там выбрасывалось.

Вот и случилось однажды, что бедняк пошел в лес за хворостом и вдруг увидел птицу, совсем золотую да такую красивую, какой ему еще отродясь не приходилось видеть. Поднял он камешек и швырнул в ту птицу, и попал в нее очень удачно: упало от птицы на землю одно золотое перышко, а сама птица улетела.

Поднял бедняк то перышко, принес его к своему брату, и тот, посмотрев на перо, сказал: «Это чистое золото», — и дал ему за перо хорошие деньги.

На другое утро полез было бедняк на березу, чтобы срубить с нее пару веток; и та же самая птица слетела с той березы, а когда бедняк стал кругом озираться, то нашел на дереве и гнездо ее, а в том гнезде яйцо, совсем золотое.

Он захватил яйцо домой и принес его к своему брату; тот опять то же сказал: «Это чистое золото», — и заплатил ему за яйцо на вес золота. А потом и добавил: «Недурно бы добыть и самую эту птицу».

Бедняк и в третий раз пошел в лес и опять увидел золотую птицу на ветке одного дерева, сбил ее с ветки камнем и принес к брату, который ему за это дал целую кучу денег. «Ну, теперь я, пожалуй, могу и разжиться!» — сказал бедняк и вернулся домой очень довольный.

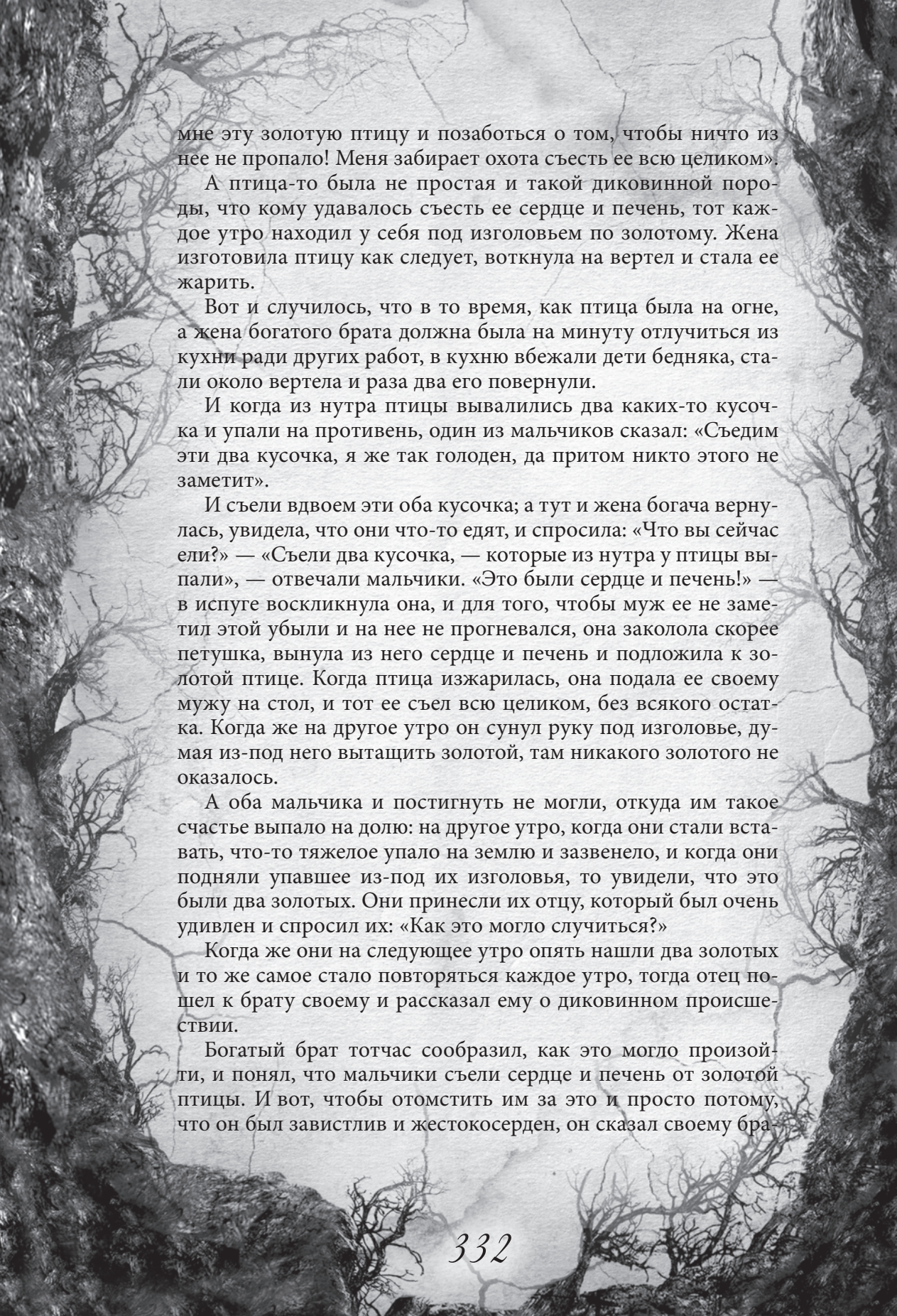
Богатый брат был умен и хитер и знал очень хорошо, что это была за птица. Он призвал к себе жену и сказал: «Изжарь

«Два брата».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Нелюбо спустя с великим шумом
и грохотом налетел семиглавыи дракон...»*

мне эту золотую птицу и позаботься о том, чтобы ничто из нее не пропало! Меня забирает охота съесть ее всю целиком».

А птица-то была не простая и такой диковинной породы, что кому удавалось съесть ее сердце и печень, тот каждое утро находил у себя под изголовьем по золотому. Жена изготовила птицу как следует, воткнула на вертел и стала ее жарить.

Вот и случилось, что в то время, как птица была на огне, а жена богатого брата должна была на минуту отлучиться из кухни ради других работ, в кухню вбежали дети бедняка, стали около вертела и раза два его повернули.

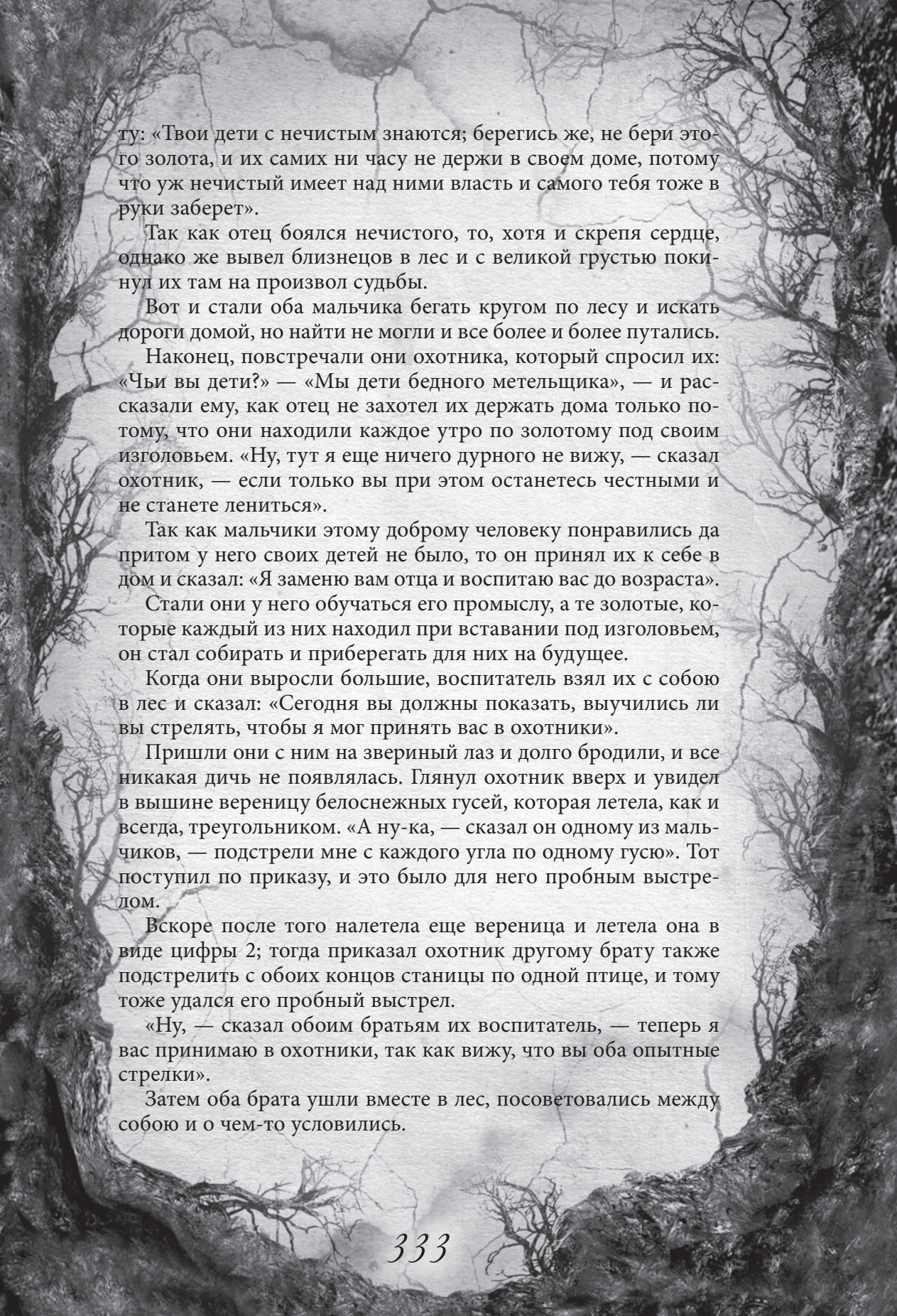
И когда из нутра птицы вывалились два каких-то кусочка и упали на противень, один из мальчиков сказал: «Съедем эти два кусочка, я же так голоден, да притом никто этого не заметит».

И съели вдвоем эти оба кусочка; а тут и жена богача вернулась, увидела, что они что-то едят, и спросила: «Что вы сейчас ели?» — «Съели два кусочка, — которые из нутра у птицы выпали», — отвечали мальчики. «Это были сердце и печень!» — в испуге воскликнула она, и для того, чтобы муж ее не заметил этой убыли и на нее не прогневался, она заколола скорее петушка, вынула из него сердце и печень и подложила к золотой птице. Когда птица изжарилась, она подала ее своему мужу на стол, и тот ее съел всю целиком, без всякого остатка. Когда же на другое утро он сунул руку под изголовье, думая из-под него вытащить золотой, там никакого золотого не оказалось.

А оба мальчика и постигнуть не могли, откуда им такое счастье выпало на долю: на другое утро, когда они стали вставать, что-то тяжелое упало на землю и зазвенело, и когда они подняли упавшее из-под их изголовья, то увидели, что это были два золотых. Они принесли их отцу, который был очень удивлен и спросил их: «Как это могло случиться?»

Когда же они на следующее утро опять нашли два золотых и то же самое стало повторяться каждое утро, тогда отец пошел к брату своему и рассказал ему о диковинном происшествии.

Богатый брат тотчас сообразил, как это могло произойти, и понял, что мальчики съели сердце и печень от золотой птицы. И вот, чтобы отомстить им за это и просто потому, что он был завистлив и жестокосерден, он сказал своему бра-

ту: «Твои дети с нечистым знаются; берегись же, не бери этого золота, и их самих ни часу не держи в своем доме, потому что уж нечистый имеет над ними власть и самого тебя тоже в руки заберет».

Так как отец боялся нечистого, то, хотя и скрепя сердце, однако же вывел близнецов в лес и с великой грустью покинул их там на произвол судьбы.

Вот и стали оба мальчика бегать кругом по лесу и искать дороги домой, но найти не могли и все более и более путались.

Наконец, повстречали они охотника, который спросил их: «Чи вы дети?» — «Мы дети бедного метельщика», — и рассказали ему, как отец не захотел их держать дома только потому, что они находили каждое утро по золотому под своим изголовьем. «Ну, тут я еще ничего дурного не вижу, — сказал охотник, — если только вы при этом останетесь честными и не станете лениться».

Так как мальчики этому доброму человеку понравились да притом у него своих детей не было, то он принял их к себе в дом и сказал: «Я заменю вам отца и воспитаю вас до возраста».

Стали они у него обучаться его промыслу, а те золотые, которые каждый из них находил при вставании под изголовьем, он стал собирать и приберегать для них на будущее.

Когда они выросли большие, воспитатель взял их с собою в лес и сказал: «Сегодня вы должны показать, выучились ли вы стрелять, чтобы я мог принять вас в охотники».

Пришли они с ним на звериный лаз и долго бродили, и все никакая дичь не появлялась. Глянул охотник вверх и увидел в вышине вереницу белоснежных гусей, которая летела, как и всегда, треугольником. «А ну-ка, — сказал он одному из мальчиков, — подстрели мне с каждого угла по одному гусю». Тот поступил по приказу, и это было для него пробным выстрелом.

Вскоре после того налетела еще вереница и летела она в виде цифры 2; тогда приказал охотник другому брату также подстрелить с обоих концов станицы по одной птице, и тому тоже удался его пробный выстрел.

«Ну, — сказал обоим братьям их воспитатель, — теперь я вас принимаю в охотники, так как вижу, что вы оба опытные стрелки».

Затем оба брата ушли вместе в лес, посоветовались между собою и о чем-то условились.

И когда они вечером сели за ужин, то сказали своему воспитателю: «Мы не прикоснемся к кушанью и не проглотим ни глотка, пока вы не исполните нашу просьбу». — «А в чем же ваша просьба?» Они же отвечали: «Мы теперь у вас обучились, нам надо испытать себя в свете; а потому позвольте нам отправиться постранствовать».

Тут сказал им старик с радостью: «Вы говорите, как brave охотники; то, чего вы желаете, было и моим желанием; ступайте, странствуйте — и будь вам во всем удача!» И затем они стали весело пить и есть вместе.

Когда наступил назначенный день, воспитатель подарил каждому из братьев по хорошему ружью и по собаке и позволил взять из сбереженных им червонцев, сколько им было угодно.

Затем он проводил их некоторую часть пути и при прощании подарил им еще блестящий охотничий нож и сказал: «Когда вам случится разойтись на пути, то воткните этот нож на распутье в дерево; по этому ножу, возвратясь к тому дереву, каждый из вас может судить, как посчастливилось отсутствующему брату: сторона ножа, обращенная в сторону его пути, заржавеет, если он умер, а пока он жив, до тех пор клинок ножа все будет блестеть».

Оба брата пошли вместе путем-дорогою и пришли в лес такой большой, что они в целый день не могли из него выбраться.

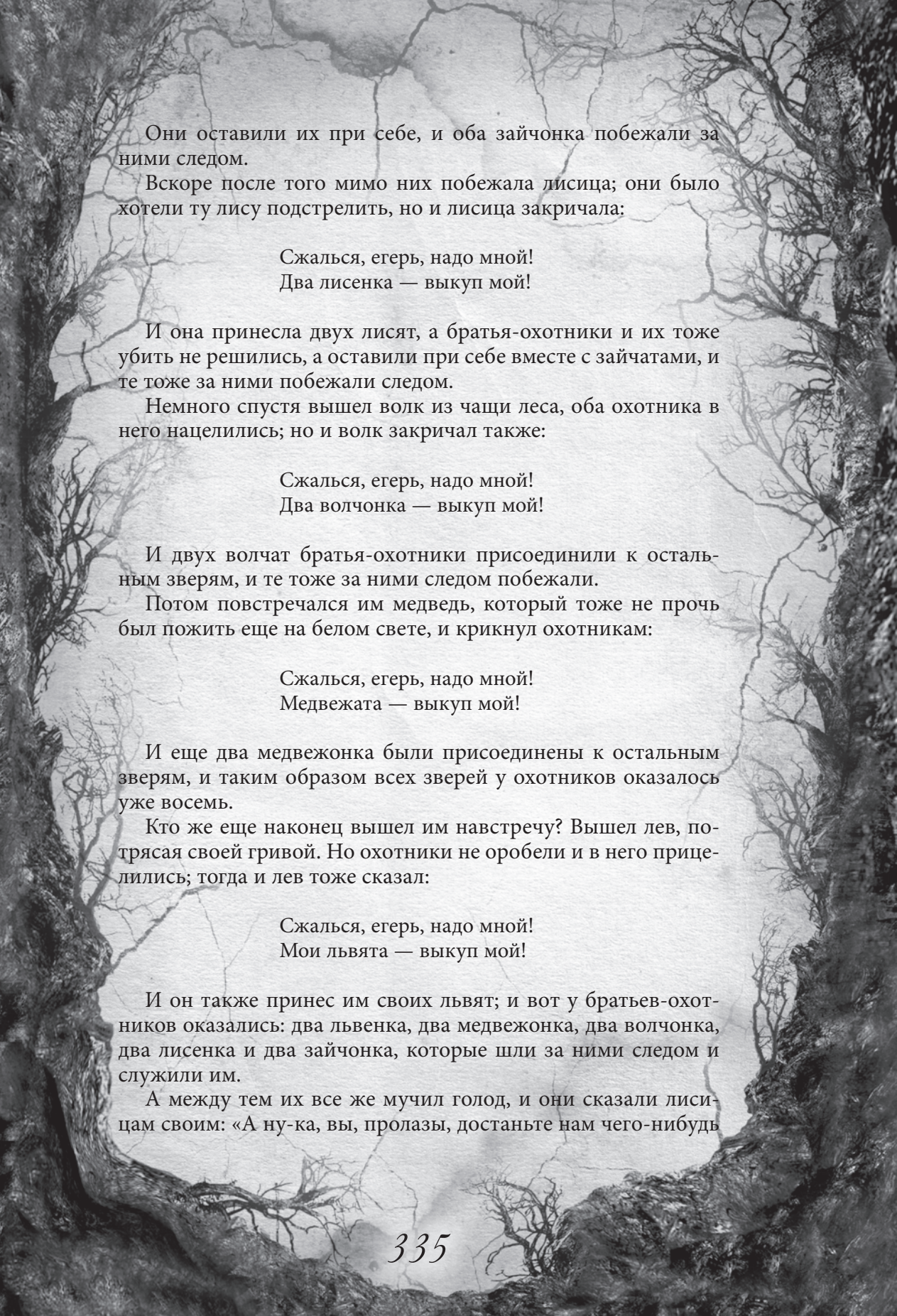
Пришлось им в лесу и ночь ночевать, и питаться только тем, что у них было с собою захвачено в охотничью сумку.

Так шли они лесом и еще один день и все же не могли из него выбраться. Есть у них уже было нечего, и потому один из них сказал: «Надо нам пострелять чего-нибудь, а не то, пожалуй, придется нам голод терпеть», — зарядил свое ружье и стал кругом озиаться.

Видит, бежит мимо матерый заяц; охотник в него прицелился, но заяц крикнул ему:

Сжался, егерь, надо мной!
Два зайчонка — выкуп мой!

Тотчас прыгнул заяц в кусты и вынес оттуда двух зайчат; а эти зверьки так весело играли и были такие славные, что у братьев-охотников не хватило духу их убить.

Они оставили их при себе, и оба зайчонка побежали за ними следом.

Вскоре после того мимо них побежала лисица; они было хотели ту лису подстрелить, но и лисица закричала:

Сжался, егерь, надо мной!
Два лисенка — выкуп мой!

И она принесла двух лисят, а братья-охотники и их тоже убить не решились, а оставили при себе вместе с зайчатами, и те тоже за ними побежали следом.

Немного спустя вышел волк из чащи леса, оба охотника в него нацелились; но и волк закричал также:

Сжался, егерь, надо мной!
Два волчонка — выкуп мой!

И двух волчат братья-охотники присоединили к остальным зверям, и те тоже за ними следом побежали.

Потом повстречался им медведь, который тоже не прочь был пожить еще на белом свете, и крикнул охотникам:

Сжался, егерь, надо мной!
Медвежата — выкуп мой!

И еще два медвежонка были присоединены к остальным зверям, и таким образом всех зверей у охотников оказалось уже восемь.

Кто же еще наконец вышел им навстречу? Вышел лев, потрясая своей гривой. Но охотники не оробели и в него прицелились; тогда и лев тоже сказал:

Сжался, егерь, надо мной!
Мои львята — выкуп мой!

И он также принес им своих львят; и вот у братьев-охотников оказались: два львенка, два медвежонка, два волчонка, два лисенка и два зайчонка, которые шли за ними следом и служили им.

А между тем их все же мучил голод, и они сказали лисицам своим: «А ну-ка, вы, пролазы, достаньте нам чего-нибудь

поестъ, вы ведь от природы лукавы и вороваты». Те отвечали: «Невдалеке отсюда лежит деревня, в которой мы уже не одну курицу потаскали; мы вам туда дорогу укажем».

Вот и пошли они в деревню, купили себе кое-чего поестъ, приказали и зверей своих покормить и пошли далее своим путем-дорогою.

Лисицы же отлично знали в том околотке дворы, где водились куры, и всюду могли давать самые верные указания братьям-охотникам.

Так походили-побродили братья вместе, но не могли себе нигде сыскать такой службы, на которую им можно было бы поступить обоим, и порешили наконец: «Видно, нам суждено расстаться».

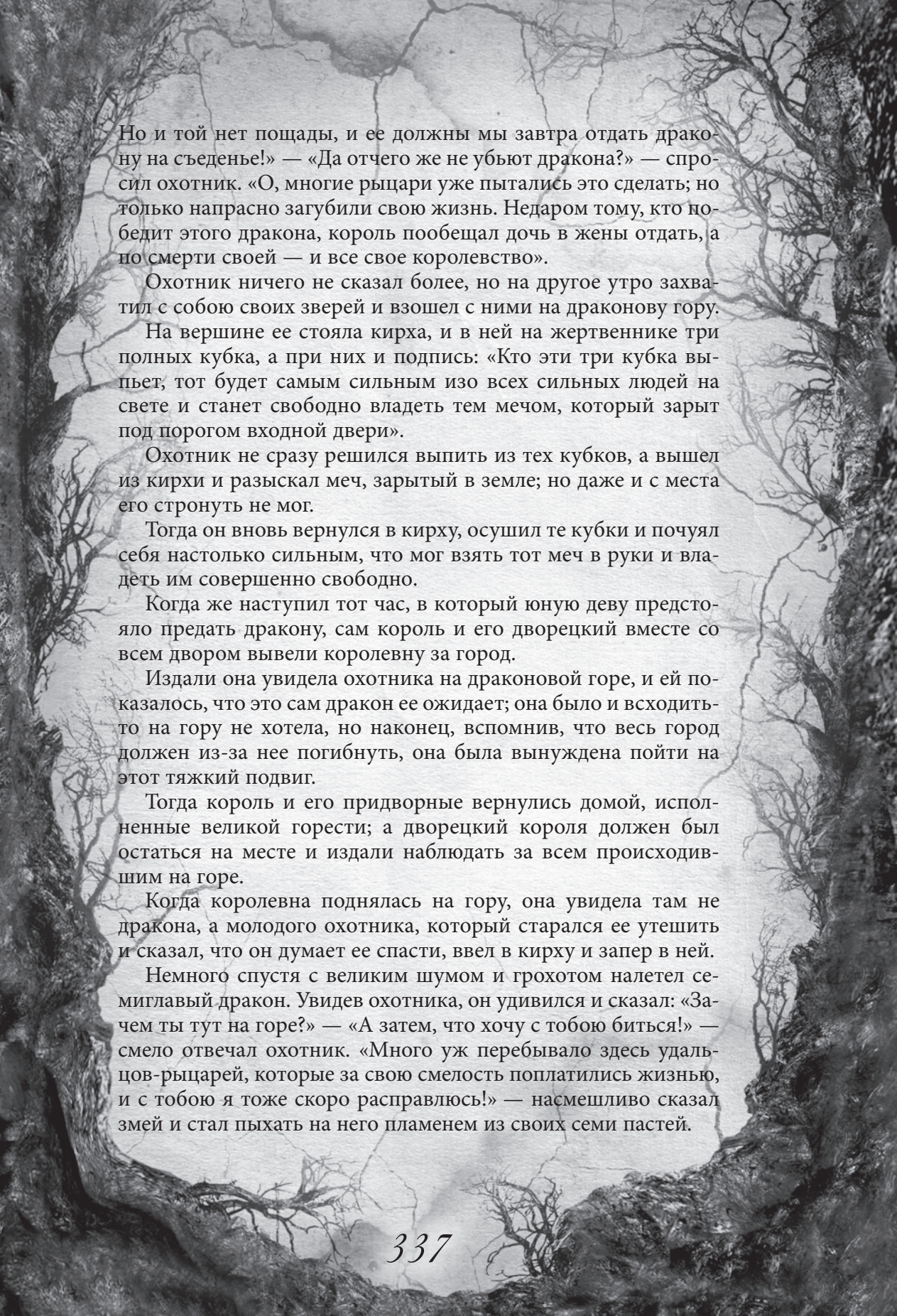
Они поделили зверей между собою, так что каждый получил на свою долю по льву, по медведю, по волку, по лисице и по зайцу; затем они распрощались, поклялись братски любить друг друга до смертного часа и вонзили в дерево на распутье тот нож, который был им дан воспитателем; и пошел один из них от того дерева на восток, а другой — на запад.

Младший вместе со своими зверями пришел в город, который был весь затянут черной материей. Он вошел в одну из гостиниц и спросил у хозяина, не возьмется ли тот приютить у себя его зверей.

Хозяин гостиницы отвел для них хлев, у которого в стене была дыра. Заяц тотчас из той дыры вылез, добыл себе кочан капусты, а лиса принесла себе курочку и, съевши ее, не поленилась сходить и за петушком; только волк, медведь и лев не могли из этой дыры выйти, потому что были слишком велики.

Тогда хозяин гостиницы отвел их на поле, где на траве паслась корова, и дал им наесться досыта.

Когда звери были накормлены, охотник спросил у хозяина: «Почему весь город завешан черной материей?» — «А потому, что завтра единственная дочь нашего короля должна умереть». — «Да что же она, при смерти лежит больная, что ли?» — спросил охотник. — «Нет, и живехонька, и здоровехонька; а все же должна умереть». — «Да почему же?» — спросил охотник. «А вот видишь ту высокую гору перед городом? На ней живет дракон, которому каждый год мы должны давать по невинной девушке, а если бы не давали, он бы опустошил всю нашу страну. Теперь уж всех девушек принесли ему в жертву, осталась только одна королевская дочь».

Но и той нет пощады, и ее должны мы завтра отдать дракону на съеденье!» — «Да отчего же не убьют дракона?» — спросил охотник. «О, многие рыцари уже пытались это сделать; но только напрасно загубили свою жизнь. Недаром тому, кто победит этого дракона, король пообещал дочь в жены отдать, а по смерти своей — и все свое королевство».

Охотник ничего не сказал более, но на другое утро захватил с собою своих зверей и взошел с ними на драконову гору.

На вершине ее стояла кирха, и в ней на жертвеннике три полных кубка, а при них и подпись: «Кто эти три кубка выпьет, тот будет самым сильным изо всех сильных людей на свете и станет свободно владеть тем мечом, который зарыт под порогом входной двери».

Охотник не сразу решился выпить из тех кубков, а вышел из кирхи и разыскал меч, зарытый в земле; но даже и с места его стронуть не мог.

Тогда он вновь вернулся в кирху, осушил те кубки и почувствовал себя настолько сильным, что мог взять тот меч в руки и владеть им совершенно свободно.

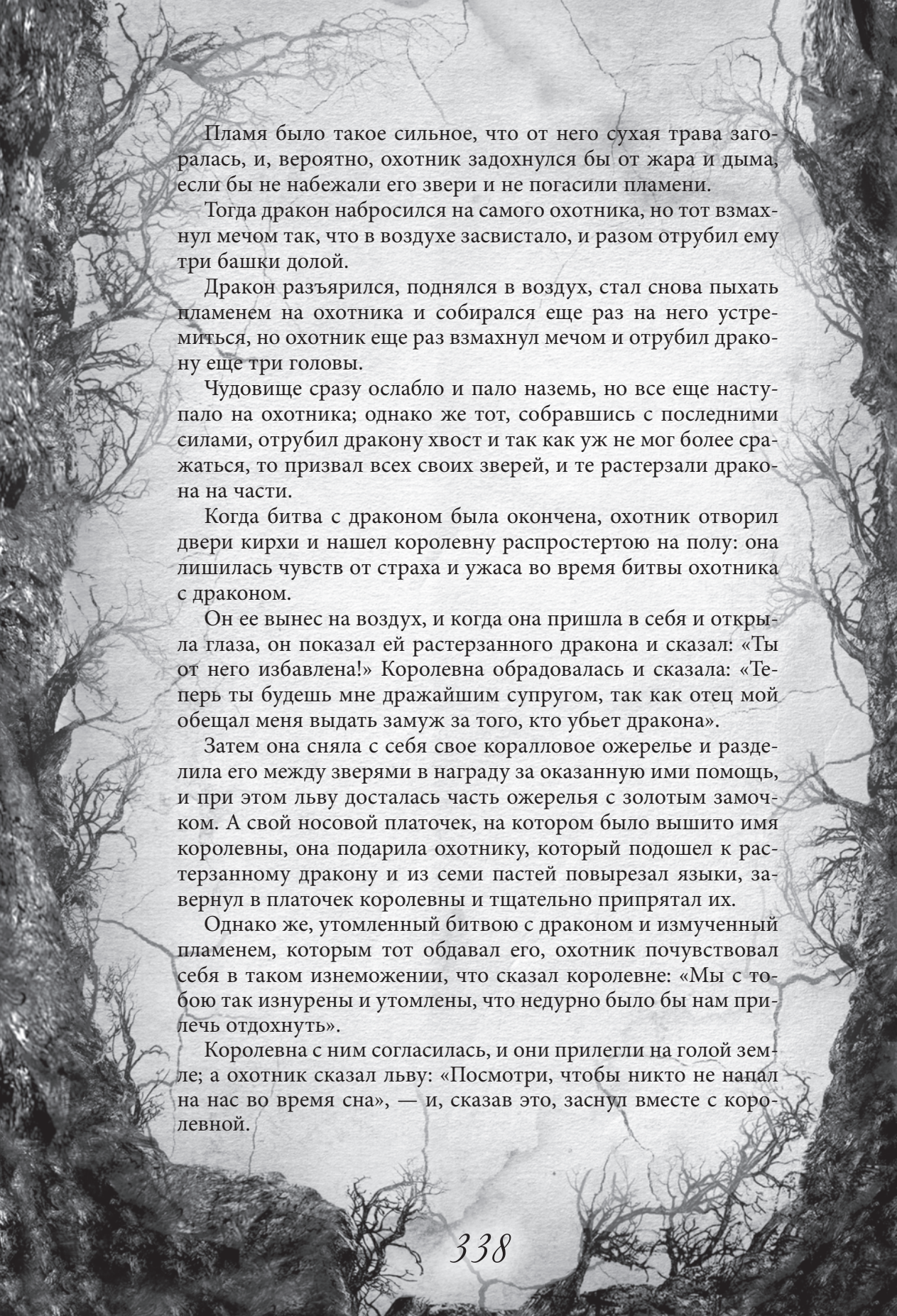
Когда же наступил тот час, в который юную деву предстояло предать дракону, сам король и его дворецкий вместе со всем двором вывели королевну за город.

Издали она увидела охотника на драконовой горе, и ей показалось, что это сам дракон ее ожидает; она было и всходить-то на гору не хотела, но наконец, вспомнив, что весь город должен из-за нее погибнуть, она была вынуждена пойти на этот тяжкий подвиг.

Тогда король и его придворные вернулись домой, исполненные великой горести; а дворецкий короля должен был остаться на месте и издали наблюдать за всем происходившим на горе.

Когда королевна поднялась на гору, она увидела там не дракона, а молодого охотника, который старался ее утешить и сказал, что он думает ее спасти, ввел в кирху и запер в ней.

Немного спустя с великим шумом и грохотом налетел семиглавый дракон. Увидев охотника, он удивился и сказал: «Зачем ты тут на горе?» — «А затем, что хочу с тобою биться!» — смело отвечал охотник. «Много уж перебивало здесь удалцов-рыцарей, которые за свою смелость поплатились жизнью, и с тобою я тоже скоро расправлюсь!» — насмешливо сказал змей и стал пыхать на него пламенем из своих семи пастьей.

Пламя было такое сильное, что от него сухая трава загоралась, и, вероятно, охотник задохнулся бы от жара и дыма, если бы не набежали его звери и не погасили пламени.

Тогда дракон набросился на самого охотника, но тот взмахнул мечом так, что в воздухе засвистало, и разом отрубил ему три башки долой.

Дракон разъярился, поднялся в воздух, стал снова пыхать пламенем на охотника и собирался еще раз на него устремиться, но охотник еще раз взмахнул мечом и отрубил дракону еще три головы.

Чудовище сразу ослабло и пало наземь, но все еще наступало на охотника; однако же тот, собравшись с последними силами, отрубил дракону хвост и так как уж не мог более сражаться, то призвал всех своих зверей, и те растерзали дракона на части.

Когда битва с драконом была окончена, охотник отворил двери кирхи и нашел королевну распростертою на полу: она лишилась чувств от страха и ужаса во время битвы охотника с драконом.

Он ее вынес на воздух, и когда она пришла в себя и открыла глаза, он показал ей растерзанного дракона и сказал: «Ты от него избавлена!» Королевна обрадовалась и сказала: «Теперь ты будешь мне дражайшим супругом, так как отец мой обещал меня выдать замуж за того, кто убьет дракона».

Затем она сняла с себя свое коралловое ожерелье и разделила его между зверями в награду за оказанную ими помощь, и при этом льву досталась часть ожерелья с золотым замочком. А свой носовой платочек, на котором было вышито имя королевны, она подарила охотнику, который подошел к растерзанному дракону и из семи пастей повырезал языки, завернул в платочек королевны и тщательно припрятал их.

Однако же, утомленный битвою с драконом и измученный пламенем, которым тот обдавал его, охотник почувствовал себя в таком изнеможении, что сказал королевне: «Мы с тобою так изнурены и утомлены, что недурно было бы нам прилечь отдохнуть».

Королевна с ним согласилась, и они прилегли на голой земле; а охотник сказал льву: «Посмотри, чтобы никто не напал на нас во время сна», — и, сказав это, заснул вместе с королевной.

«Два брата».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...А выт видишь ту високую гору перед городом?
На ней живет дракон, которому каждый год мы должны
давать по невинной девушке, а если бы не давали,
он бы спустился всю нашу страну...»*

Лев и сел около них, но он тоже был так утомлен битвой, что подозревал медведя и сказал: «Ложись рядом со мной; надо мне немного поспать, и если кто подойдет, разбуди меня».

Медведь и прилег около него; но он был тоже утомлен и позвал волка. «Приляг около меня, — сказал он ему, — я только немного сосну, и если кто появится, разбуди меня».

Волк лег около медведя, но так как и он был утомлен, то подозревал лисицу и сказал: «Ложись рядом со мною, дай мне поспать немного, а если что случится, то разбуди меня».

Лисица легла около него, но она была тоже настолько утомлена, что позвала зайца и сказала: «Ложись рядом, дай мне поспать немного, а если кто подойдет, то разбуди меня».

Прилег заяц около лисицы, но и он, бедняжка, был тоже утомлен и так как он никому не мог поручить сторожить, то просто заснул.

Заснули и королевна, и охотник, и лев, и медведь, и волк, и лисица, и заяц — и все спали крепким-крепким сном.

Тем временем дворецкий, который должен был за всем следить издали, когда увидел, что дракон не отлетает и не уносит королевны и все на горе спокойно, собрался с духом и взошел на гору.

Он увидел там разрубленного на куски и в клочья разорванного дракона, а невдалеке от него — спящих рядом королевну, охотника и всех его зверей...

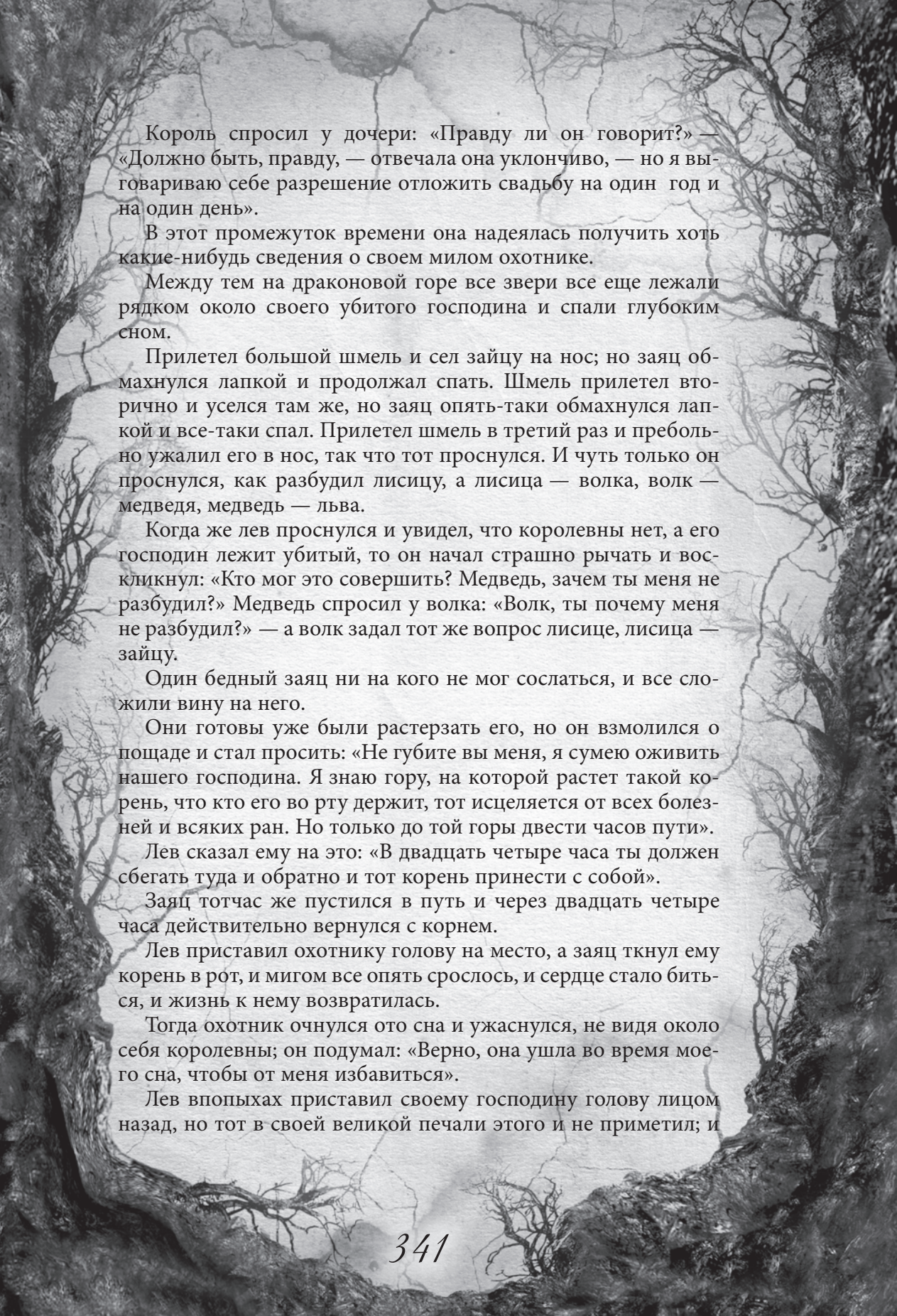
И все были погружены в глубокий сон.

А так как он сам был человек злой и безбожный, то он вынул меч, отрубил охотнику голову; королевну же подхватил на руки и понес с горы.

Тогда она проснулась и пришла в ужас; но дворецкий сказал ей; «Ты в моей полной власти! Ты должна будешь сказать, что не он убил дракона, а я!» — «Не могу! — сказала она. — Не ты это сделал, а охотник и его звери!»

Дворецкий выхватил свой меч и грозил убить ее в случае, если она не повинуется его воле, и тем вынудил у нее обещание ему повиноваться.

Затем он привел королевну к королю, который не мог опомниться от радости, когда увидел в живых милое свое дитя, преданное на растерзание чудовищу. Дворецкий сказал ему: «Я убил дракона и дочь твою, девицу, и все царство твое от чудовища избавил; а потому требую себе в награду руку твоей дочери, как было тобою обещано».

Король спросил у дочери: «Правду ли он говорит?» — «Должно быть, правду, — отвечала она уклончиво, — но я выговариваю себе разрешение отложить свадьбу на один год и на один день».

В этот промежуток времени она надеялась получить хоть какие-нибудь сведения о своем милом охотнике.

Между тем на драконовой горе все звери все еще лежали рядком около своего убитого господина и спали глубоким сном.

Прилетел большой шмель и сел зайцу на нос; но заяц обмахнулся лапкой и продолжал спать. Шмель прилетел вторично и уселся там же, но заяц опять-таки обмахнулся лапкой и все-таки спал. Прилетел шмель в третий раз и пребольно ужалил его в нос, так что тот проснулся. И чуть только он проснулся, как разбудил лисицу, а лисица — волка, волк — медведя, медведь — льва.

Когда же лев проснулся и увидел, что королевны нет, а его господин лежит убитый, то он начал страшно рычать и воскликнул: «Кто мог это совершить? Медведь, зачем ты меня не разбудил?» Медведь спросил у волка: «Волк, ты почему меня не разбудил?» — а волк задал тот же вопрос лисице, лисица — зайцу.

Один бедный заяц ни на кого не мог сослаться, и все сложили вину на него.

Они готовы уже были растерзать его, но он взмолился о пощаде и стал просить: «Не губите вы меня, я сумею оживить нашего господина. Я знаю гору, на которой растет такой корень, что кто его во рту держит, тот исцеляется от всех болезней и всяких ран. Но только до той горы двести часов пути».

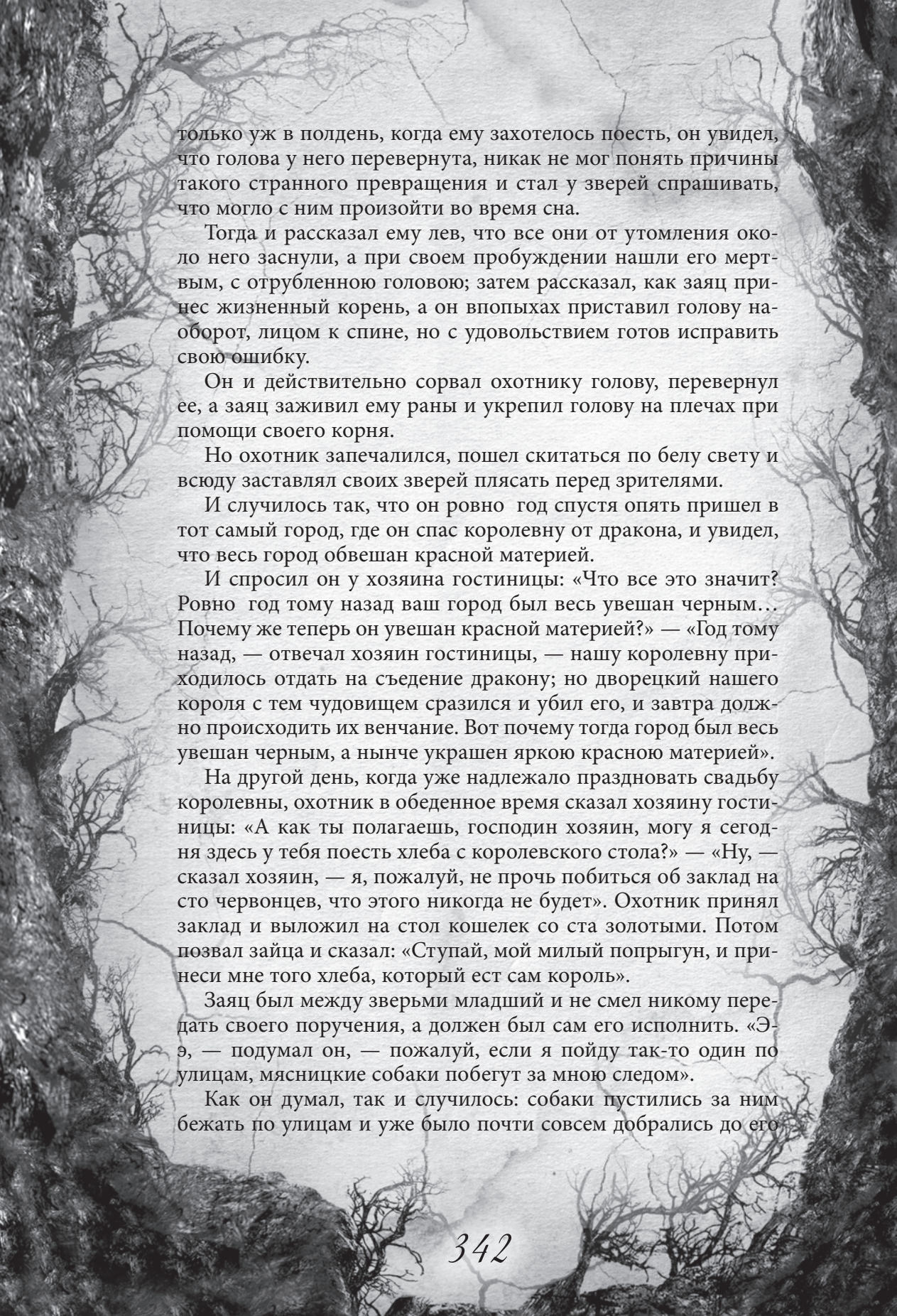
Лев сказал ему на это: «В двадцать четыре часа ты должен сбегать туда и обратно и тот корень принести с собой».

Заяц тотчас же пустился в путь и через двадцать четыре часа действительно вернулся с корнем.

Лев приставил охотнику голову на место, а заяц ткнул ему корень в рот, и мигом все опять срослось, и сердце стало биться, и жизнь к нему возвратилась.

Тогда охотник очнулся ото сна и ужаснулся, не видя около себя королевны; он подумал: «Верно, она ушла во время моего сна, чтобы от меня избавиться».

Лев впопыхах приставил своему господину голову лицом назад, но тот в своей великой печали этого и не заметил; и

только уж в полдень, когда ему захотелось поест, он увидел, что голова у него перевернута, никак не мог понять причины такого странного превращения и стал у зверей спрашивать, что могло с ним произойти во время сна.

Тогда и рассказал ему лев, что все они от утомления около него заснули, а при своем пробуждении нашли его мертвым, с отрубленною головою; затем рассказал, как заяц принес жизненный корень, а он впопыхах приставил голову на оборот, лицом к спине, но с удовольствием готов исправить свою ошибку.

Он и действительно сорвал охотнику голову, перевернул ее, а заяц заживил ему раны и укрепил голову на плечах при помощи своего корня.

Но охотник запечалился, пошел скитаться по белу свету и всюду заставлял своих зверей плясать перед зрителями.

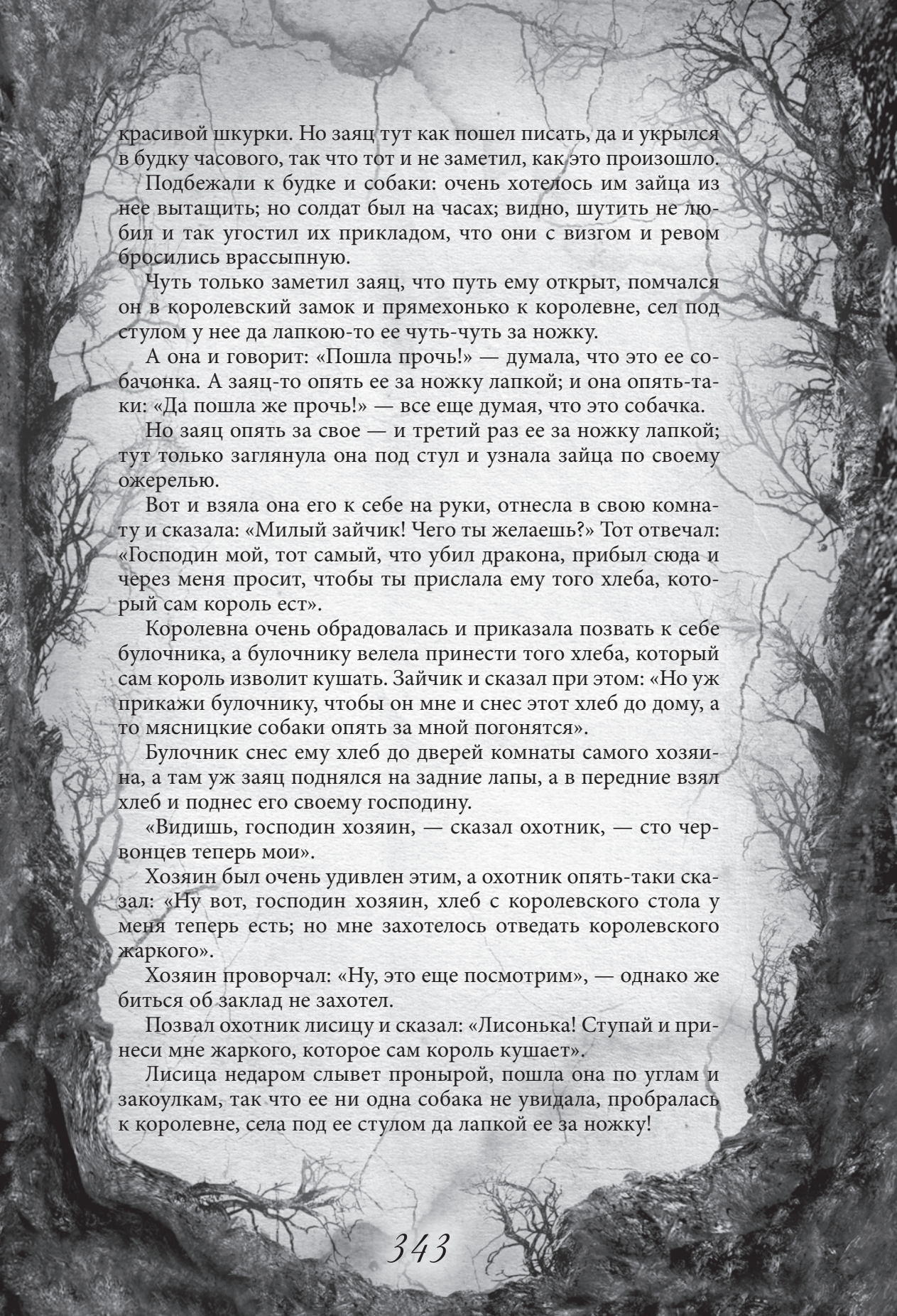
И случилось так, что он ровно год спустя опять пришел в тот самый город, где он спас королевну от дракона, и увидел, что весь город обвешан красной материей.

И спросил он у хозяина гостиницы: «Что все это значит? Ровно год тому назад ваш город был весь увешан черным... Почему же теперь он увешан красной материей?» — «Год тому назад, — отвечал хозяин гостиницы, — нашу королевну приходилось отдать на съедение дракону; но дворецкий нашего короля с тем чудовищем сразился и убил его, и завтра должно происходить их венчание. Вот почему тогда город был весь увешан черным, а нынче украшен яркою красною материей».

На другой день, когда уже надлежало праздновать свадьбу королевны, охотник в обеденное время сказал хозяину гостиницы: «А как ты полагаешь, господин хозяин, могу я сегодня здесь у тебя поест хлеба с королевского стола?» — «Ну, — сказал хозяин, — я, пожалуй, не прочь побиться об заклад на сто червонцев, что этого никогда не будет». Охотник принял заклад и выложил на стол кошелек со ста золотыми. Потом позвал зайца и сказал: «Ступай, мой милый попрыгун, и принеси мне того хлеба, который ест сам король».

Заяц был между зверьми младший и не смел никому передать своего поручения, а должен был сам его исполнить. «Э-э, — подумал он, — пожалуй, если я пойду так-то один по улицам, мясницкие собаки побегут за мною следом».

Как он думал, так и случилось: собаки пустились за ним бежать по улицам и уже было почти совсем добрались до его

красивой шкурки. Но заяц тут как пошел писать, да и укрылся в будку часового, так что тот и не заметил, как это произошло.

Подбежали к будке и собаки: очень хотелось им зайца из нее вытащить; но солдат был на часах; видно, шутить не любил и так угостил их прикладом, что они с визгом и ревом бросились врассыпную.

Чуть только заметил заяц, что путь ему открыт, помчался он в королевский замок и прямехонько к королевне, сел под стулом у нее да лапкою-то ее чуть-чуть за ножку.

А она и говорит: «Пошла прочь!» — думала, что это ее собачонка. А заяц-то опять ее за ножку лапкой; и она опять-таки: «Да пошла же прочь!» — все еще думая, что это собачка.

Но заяц опять за свое — и третий раз ее за ножку лапкой; тут только заглянула она под стул и узнала зайца по своему ожерелью.

Вот и взяла она его к себе на руки, отнесла в свою комнату и сказала: «Милый зайчик! Чего ты желаешь?» Тот отвечал: «Господин мой, тот самый, что убил дракона, прибыл сюда и через меня просит, чтобы ты прислала ему того хлеба, который сам король ест».

Королевна очень обрадовалась и приказала позвать к себе булочника, а булочнику велела принести того хлеба, который сам король изволит кушать. Зайчик и сказал при этом: «Но уж прикажи булочнику, чтобы он мне и снес этот хлеб до дому, а то мясницкие собаки опять за мной погонятся».

Булочник снес ему хлеб до дверей комнаты самого хозяина, а там уж заяц поднялся на задние лапы, а в передние взял хлеб и поднес его своему господину.

«Видишь, господин хозяин, — сказал охотник, — сто червонцев теперь мои».

Хозяин был очень удивлен этим, а охотник опять-таки сказал: «Ну вот, господин хозяин, хлеб с королевского стола у меня теперь есть; но мне захотелось отведать королевского жаркого».

Хозяин проворчал: «Ну, это еще посмотрим», — однако же биться об заклад не захотел.

Позвал охотник лисицу и сказал: «Лисонька! Ступай и принеси мне жаркого, которое сам король кушает».

Лисица недаром слывет проницей, пошла она по углам и закоулкам, так что ее ни одна собака не увидела, пробралась к королевне, села под ее стулом да лапкой ее за ножку!

Та взглянула под стул и узнала лисицу по ее ожерелью.

«Милая лисонька, — сказала королевна, — чего ты от меня желаешь?»

Та отвечала: «Господин мой, тот самый, что убил дракона, прибыл сюда и прислал через меня просить того жаркого, что сам король ест».

Позвала королевна повара, заказала ему изготовить жаркое, как его королю на стол подают, и отнести вслед за лисою до самых дверей гостиницы.

Тут уж лисица приняла блюдо из рук повара, сначала обмахнула хвостом мух, которые обсели жаркое, и затем поднесла его своему господину.

«Вот видишь, господин хозяин, — сказал охотник, — хлеб и жаркое королевские у меня теперь есть; но хочу еще к этому и блюдо зелени, как его сам король кушает».

Позвал он волка, сказал: «Милый волчок, ступай и принеси мне блюдо зелени, как его сам король изволит кушать».

Волк пошел прямехонько к замку, потому что ему неко-го было бояться, и когда он пришел в комнату королевны, то дернул ее легонько сзади за платье, так что она оглянулась.

Королевна и его узнала по своему ожерелью, и повела к себе, и сказала: «Милый волчок, чего ты от меня желаешь?» — «Мой господин, — отвечал волк, — тот самый, который дракона убил, прибыл сюда и через меня желает получить блюдо зелени в том виде, как его сам король кушает».

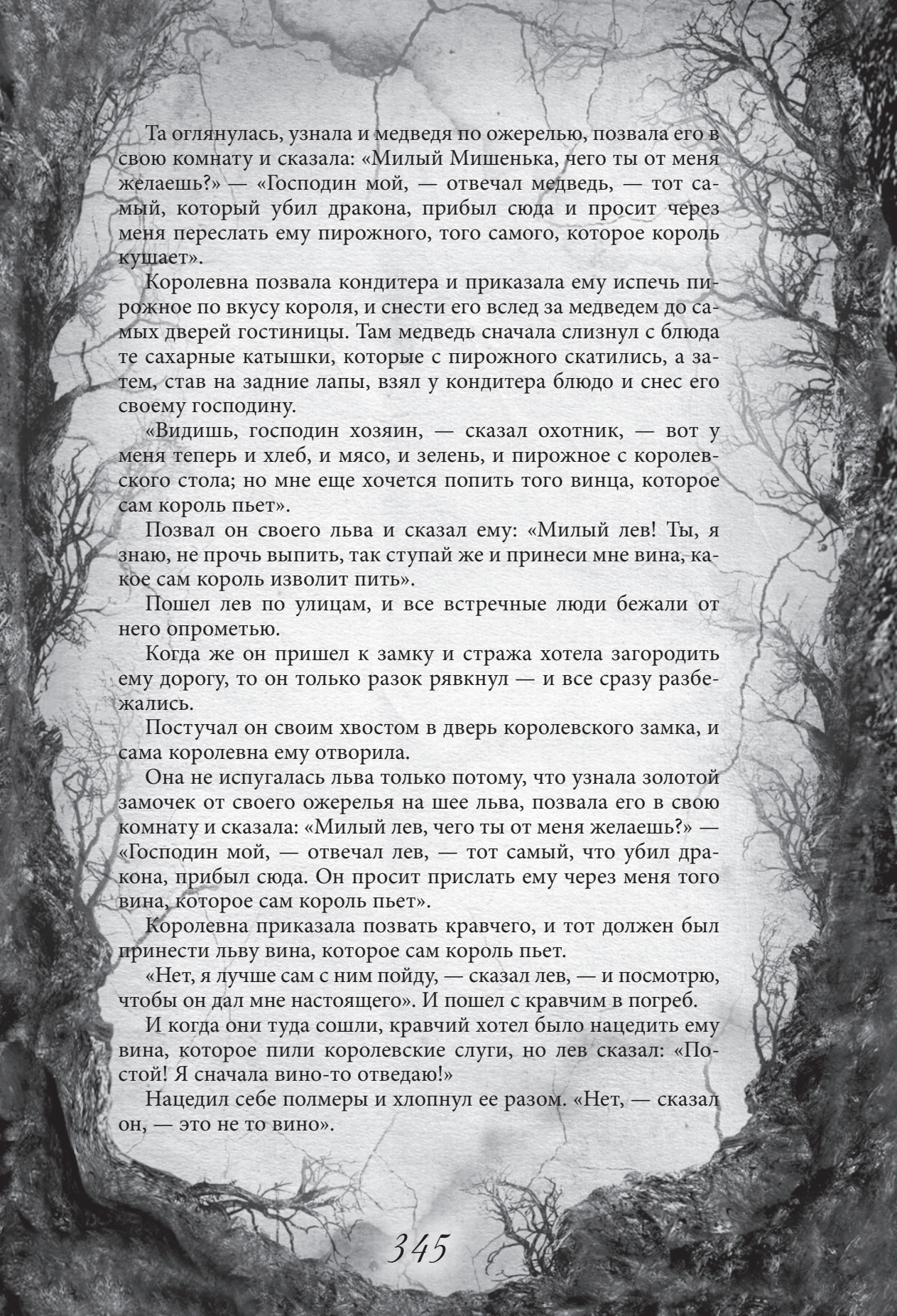
Приказала королевна повару приготовить блюдо зелени, как его сам король изволит кушать, и отнести вслед за волком до самых дверей гостиницы; там принял волк блюдо от повара и отнес его своему господину.

«Вот видишь, господин хозяин, — сказал охотник, — теперь у меня и хлеб, и мясо, и зелень с королевского стола; ну, а я желаю еще отведать и королевского пирожного».

Позвал он медведя и сказал ему: «Мишенька, ты до сладкого и сам охотник! Ступай-ка да принеси мне пирожного, как его сам король изволит кушать».

Поскакал медведь к замку, и всякий встречный уступал ему дорогу; когда же он дошел до замковой стражи, та взяла было ружья наперевес и не хотела впускать его в замок.

Но он на задние лапы поднялся, а передними направо и налево стал наделять всех такими сильными оплеушинами, что вся стража рассыпалась, а он прямехонько прошел к королевне, стал позади нее, да и заворчал легонько.

Та оглянулась, узнала и медведя по ожерелью, позвала его в свою комнату и сказала: «Милый Мишенька, чего ты от меня желаешь?» — «Господин мой, — отвечал медведь, — тот самый, который убил дракона, прибыл сюда и просит через меня переслать ему пирожного, того самого, которое король кушает».

Королевна позвала кондитера и приказала ему испечь пирожное по вкусу короля, и снести его вслед за медведем до самых дверей гостиницы. Там медведь сначала слизнул с блюда те сахарные катышки, которые с пирожного скатились, а затем, став на задние лапы, взял у кондитера блюдо и снес его своему господину.

«Видишь, господин хозяин, — сказал охотник, — вот у меня теперь и хлеб, и мясо, и зелень, и пирожное с королевского стола; но мне еще хочется попить того винца, которое сам король пьет».

Позвал он своего льва и сказал ему: «Милый лев! Ты, я знаю, не прочь выпить, так ступай же и принеси мне вина, какое сам король изволит пить».

Пошел лев по улицам, и все встречные люди бежали от него опрометью.

Когда же он пришел к замку и стража хотела загородить ему дорогу, то он только разок рывкнул — и все сразу разбежались.

Постучал он своим хвостом в дверь королевского замка, и сама королевна ему отворила.

Она не испугалась льва только потому, что узнала золотой замочек от своего ожерелья на шее льва, позвала его в свою комнату и сказала: «Милый лев, чего ты от меня желаешь?» — «Господин мой, — отвечал лев, — тот самый, что убил дракона, прибыл сюда. Он просит прислать ему через меня того вина, которое сам король пьет».

Королевна приказала позвать кравчего, и тот должен был принести льву вина, которое сам король пьет.

«Нет, я лучше сам с ним пойду, — сказал лев, — и посмотрю, чтобы он дал мне настоящего». И пошел с кравчим в погреб.

И когда они туда сошли, кравчий хотел было нацедить ему вина, которое пили королевские слуги, но лев сказал: «Постой! Я сначала вино-то отведаю!»

Нацедил себе полмеры и хлопнул ее разом. «Нет, — сказал он, — это не то вино».

Кравчий посмотрел на него исподлобья и хотел нацедить из другой бочки, из которой угощали вином королевского дворецкого. «Стой! — сказал лев. — Я вино сначала сам отведаю», — нацедил полмеры и выпил одним духом. «Это лучше, — сказал он, — но это все еще не то вино».

Тут кравший озлился и проворчал: «Этакая глупая животи́на, а туда же — вина разбирает!»

Но лев дал ему такого подзатыльника, что он грохнулся на землю, и когда поднялся на ноги, тогда уж, не говоря ни слова, провел льва в совсем отдельный погребок.

Там стояло королевское вино, исключительно предназначенное для короля лично.

Лев сначала нацедил себе полмеры этого вина, отведал его, тогда уж сказал: «Да, это может быть и настоящее».

Затем он приказал кравчему нацедить этого королевского вина шесть бутылок.

Вот поднялись они из погреба, и когда лев вышел на свежий воздух, то покачивался из стороны в сторону и был немного навеселе; кравчий должен был снести ему вино до самых дверей гостиницы, и только там лев взял у него корзину с бутылками из рук и передал ее своему господину.

«Вот видишь, господин хозяин, — сказал охотник, — у меня тут и хлеб, и мясо, и зелень, и пирожное, и вино — все с королевского стола; вот я теперь и сяду за стол с моими зверями», — и сел за стол, и стал есть и пить, и веселиться, видя, что королевна его не забыла и что он ей мил по-прежнему.

Окончив свой пир, охотник сказал: «Господин хозяин, вот я теперь поел и попил, как сам король изволит пить и есть. Ну, а теперь пойду к королевскому двору и возьму королевну за себя замуж». — «Да как же это может случиться? — сказал хозяин. — Ведь у нее уж есть жених, и сегодня назначен день ее сговора».

Тут охотник вытащил из кармана тот платочек, который королевна дала ему на драконовой горе (в нем и были завернуты семь языков чудовища), и сказал: «Мне поможет в этом деле то, что я держу в руке».

Посмотрел хозяин на платочек и сказал: «Ну, уж чему другому, а этому я не поверю! Бьюсь об заклад своим двором и домом!»

На это в ответ охотник вынул кошелек с тысячей червонцев, положил его на стол и сказал: «Вот что я ставлю со своей стороны!»

«Два брата».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Королевна узнала медведя по ожерелью,
позвала его в свою комнату...»*

Тем временем король, сев за свой королевский стол, сказал дочери-королевне: «Что было нужно всем этим диким зверям, которые к тебе приходили сегодня и взад и вперед расхаживали по моему королевскому замку?»

Королевна отвечала: «Этого я сказать не смею; лучше вы сами пошлите за господином этих зверей и прикажите позвать его сюда».

Король послал одного из слуг своих в гостиницу и приказал позвать чужеземца во дворец.

Слуга пришел как раз в то самое время, когда хозяин с охотником побились об заклад.

Охотник и сказал хозяину: «Видишь, король сам посылает за мною слугу и приглашает меня; но я так спроста не пойду. — И сказал слуге: — Попроси короля, чтобы он прислал мне свое королевское платье, карету, запряженную шестериком лошадей, и при ней слуг, которые бы меня сопровождали».

Услышав такой ответ, король сказал дочери: «Что мне следует делать?» Она отвечала: «Прикажите привезти, как он того желает, — лучше будет». Вот и послал король свое королевское платье, карету с шестериком лошадей и слугами к охотнику.

Когда тот все это увидел, то сказал хозяину: «Видишь ли, вот теперь и повезут меня, как я сам того пожелал», — и надел королевское платье, взял платочек с языками дракона и поехал к королю.

Видит король, что он подъезжает к замку, и говорит дочери: «Как мне его принять?» А она ему в ответ: «Выйдите ему сами навстречу — так лучше будет».

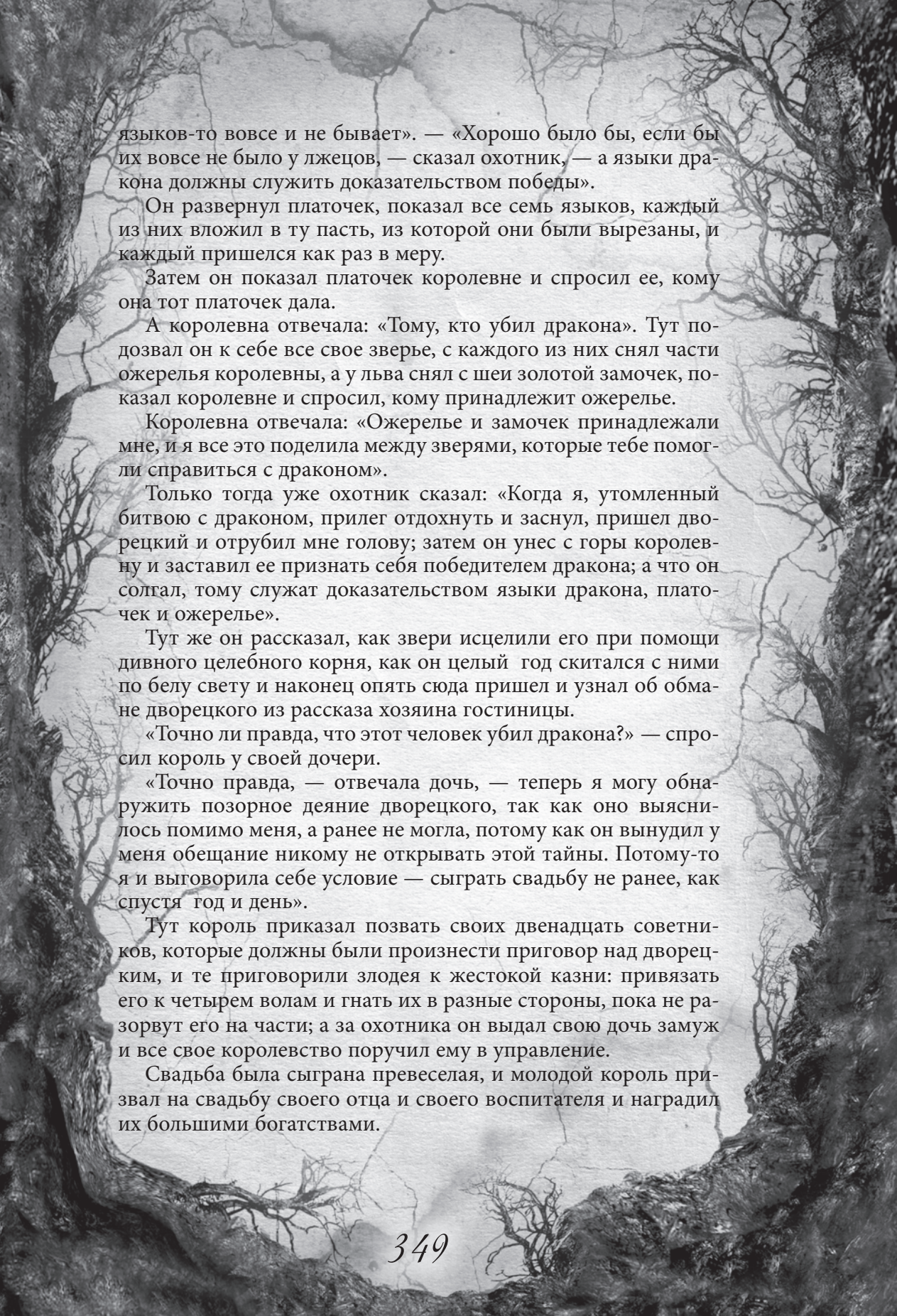
Вот и вышел король ему навстречу и взвел его наверх, и все звери последовали за охотником.

Король указал ему место рядом с собою и своей дочерью; а дворецкий сидел на другом конце стола как жених и пока что не узнавал охотника.

Во время обеда вынесли семь голов дракона напоказ, и король сказал: «Эти семь голов отрубил дракону мой дворецкий, а потому я и отдаю ему сегодня дочь в замужество».

Тогда охотник поднялся с места, открыл все семь пастей дракона, заглянул в них и сказал: «А куда же девались семь языков дракона?»

Тут дворецкий перепугался, побледнел и не знал, что ему ответить; наконец он проговорил с перепугу: «Да у драконов

языков-то вовсе и не бывает». — «Хорошо было бы, если бы их вовсе не было у лжецов, — сказал охотник, — а языки дракона должны служить доказательством победы».

Он развернул платочек, показал все семь языков, каждый из них вложил в ту пасть, из которой они были вырезаны, и каждый пришелся как раз в меру.

Затем он показал платочек королевне и спросил ее, кому она тот платочек дала.

А королевна отвечала: «Тому, кто убил дракона». Тут позвал он к себе все свое зверье, с каждого из них снял части ожерелья королевны, а у льва снял с шеи золотой замочек, показал королевне и спросил, кому принадлежит ожерелье.

Королевна отвечала: «Ожерелье и замочек принадлежали мне, и я все это поделила между зверями, которые тебе помогли справиться с драконом».

Только тогда уже охотник сказал: «Когда я, утомленный битвою с драконом, прилег отдохнуть и заснул, пришел дворецкий и отрубил мне голову; затем он унес с горы королевну и заставил ее признать себя победителем дракона; а что он солгал, тому служат доказательством языки дракона, платочек и ожерелье».

Тут же он рассказал, как звери исцелили его при помощи дивного целебного корня, как он целый год скитался с ними по белу свету и наконец опять сюда пришел и узнал об обмане дворецкого из рассказа хозяина гостиницы.

«Точно ли правда, что этот человек убил дракона?» — спросил король у своей дочери.

«Точно правда, — отвечала дочь, — теперь я могу обнаружить позорное деяние дворецкого, так как оно выяснилось помимо меня, а ранее не могла, потому как он вынудил у меня обещание никому не открывать этой тайны. Потому-то я и выговорила себе условие — сыграть свадьбу не ранее, как спустя год и день».

Тут король приказал позвать своих двенадцать советников, которые должны были произнести приговор над дворцом, и те приговорили злодея к жестокой казни: привязать его к четырем волам и гнать их в разные стороны, пока не разорвут его на части; а за охотника он выдал свою дочь замуж и все свое королевство поручил ему в управление.

Свадьба была сыграна превеселая, и молодой король призвал на свадьбу своего отца и своего воспитателя и наградил их большими богатствами.

Не забыл он и хозяина гостиницы, приказал его позвать и сказал ему: «Видишь, господин хозяин, я на королевне-то женился и потому твой дом и двор теперь мне принадлежат». — «Да, так и по всей справедливости следует», — сказал хозяин.

Но молодой король ответил: «На милости образца нет: твой двор и дом пусть тебе остаются, да к ним в придачу дарю еще тебе и тысячу червонцев».

Вот и зажил молодой король со своей королевой припеваючи. Он часто выезжал на охоту, потому что очень охоту любил, и его верные звери должны были за ним следовать.

Поблизости же к городу находился лес, о котором ходили недобрые слухи.

Рассказывали в народе, что кто в него случайно зайдет, тому нелегко из него выбраться.

Но молодому королю очень хотелось в нем поохотиться, и он до тех пор приставал к своему тестю-королю, пока тот ему это не разрешил. Вот и выехал он на охоту с большою свитою.

Когда он подъехал к лесу, то увидел в лесу, как снег, белую лань и сказал своим людям: «Постойте здесь, пока я вернусь к вам, я хочу на эту красотку поохотиться».

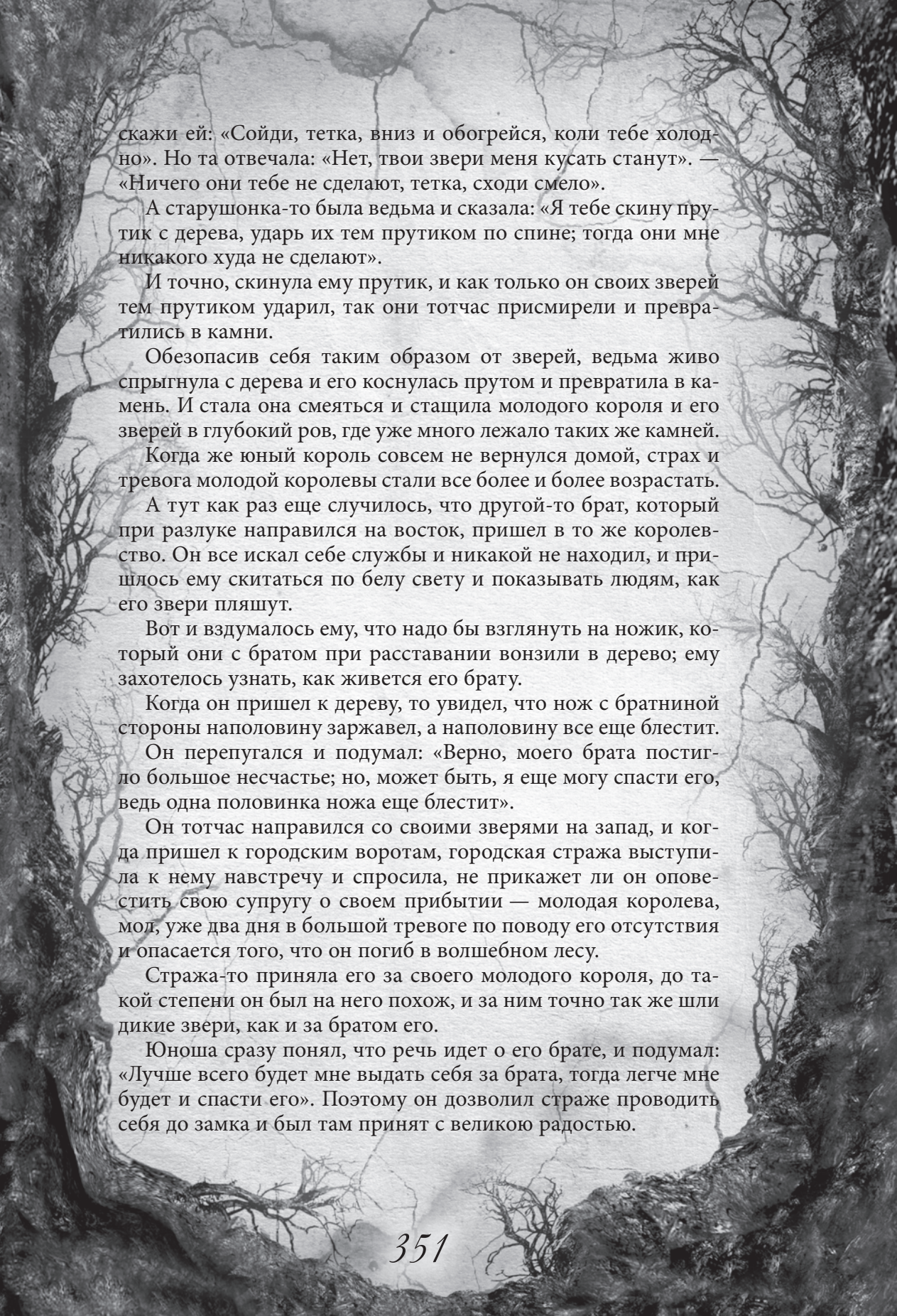
Сказав это, он въехал в лес, и только его звери последовали за ним. Свита юного короля простояла и прождала его до вечера, но он не появлялся из леса; тогда свита вернулась домой и рассказала молодой королеве, что ее супруг погнался в волшебном лесу за белой ланью и не вернулся оттуда.

И та очень стала тревожиться о своем супруге. А он ехал да ехал по следу за белой ланью и никак не мог ее нагнать; когда ему казалось, что он приблизился к ней как раз на выстрел, она вдруг быстро от него ускользала и наконец совсем сгинула вдали. Тут только он заметил, что далеко заехал в лес; он взял охотничий рог, стал трубить, но никто не отозвался на его призыв, потому что его свита не могла его услышать.

Ночь тем временем уже наступила, и он увидел ясно, что ему не вернуться домой в тот день, а потому сошел с коня, развел огонь под деревом и собрался под ним переночевать.

Сел он у огня, и звери его полегли кругом, и вдруг ему почудился человеческий голос.

Стал он кругом озираться — и ничего не видел. Но вот снова услышал он как будто вздохи чьи-то у себя над головою, глянул вверх и увидел на дереве старушонку, которая потихоньку стонала и повторяла: «У-у-у! Как мне холодно!» Он и

скажи ей: «Сойди, тетка, вниз и обогрейся, коли тебе холодно». Но та отвечала: «Нет, твои звери меня кусать станут». — «Ничего они тебе не сделают, тетка, сходи смело».

А старушонка-то была ведьма и сказала: «Я тебе скину прутик с дерева, ударь их тем прутиком по спине; тогда они мне никакого худа не сделают».

И точно, скинула ему прутик, и как только он своих зверей тем прутиком ударил, так они тотчас присмирели и превратились в камни.

Обезопасив себя таким образом от зверей, ведьма живо спрыгнула с дерева и его коснулась прутом и превратила в камень. И стала она смеяться и стащила молодого короля и его зверей в глубокий ров, где уже много лежало таких же камней.

Когда же юный король совсем не вернулся домой, страх и тревога молодой королевы стали все более и более возрастать.

А тут как раз еще случилось, что другой-то брат, который при разлуке направился на восток, пришел в то же королевство. Он все искал себе службы и никакой не находил, и пришлось ему скитаться по белу свету и показывать людям, как его звери пляшут.

Вот и вздумалось ему, что надо бы взглянуть на ножик, который они с братом при расставании вонзили в дерево; ему захотелось узнать, как живет его брату.

Когда он пришел к дереву, то увидел, что нож с братниной стороны наполовину заржавел, а наполовину все еще блестит.

Он перепугался и подумал: «Верно, моего брата постигло большое несчастье; но, может быть, я еще могу спасти его, ведь одна половинка ножа еще блестит».

Он тотчас направился со своими зверями на запад, и когда пришел к городским воротам, городская стража выступила к нему навстречу и спросила, не прикажет ли он оповестить свою супругу о своем прибытии — молодая королева, мол, уже два дня в большой тревоге по поводу его отсутствия и опасается того, что он погиб в волшебном лесу.

Стража-то приняла его за своего молодого короля, до такой степени он был на него похож, и за ним точно так же шли дикие звери, как и за братом его.

Юноша сразу понял, что речь идет о его брате, и подумал: «Лучше всего будет мне выдать себя за брата, тогда легче мне будет и спасти его». Поэтому он дозволил страже проводить себя до замка и был там принят с великою радостью.

Юная королева приняла его за своего супруга и спросила, почему он так долго находился в отсутствии. «Я заблудился в лесу, — отвечал он, — и никак не мог из того леса выбраться».

Так и жил он в замке еще дня два и тем временем разузнал все, что касалось заколдованного леса, и наконец сказал: «Я еще раз должен туда съездить поохотиться».

Как ни старались старый король и молодая королева отговорить его от этого намерения, он настоял на своем и выехал на охоту с большою свитою.

Когда он прибыл в лес, с ним случилось все точно так же, как и с его братом: он точно так же увидел белоснежную лань и сказал своим людям: «Останьтесь здесь и подождите, пока я вернусь», — въехал в лес, и звери его за ним же побежали.

Точно так же не мог он нагнать этой лани и забрался так далеко в лес, что должен был в нем заночевать.

И когда он развел огонь, точно так же услышал, как кто-то над ним стонет: «У-у-у, как мне холодно!»

Глянул вверх — и та же самая ведьма сидела на дереве среди ветвей. «Коли тебе холодно, так сходи сюда, тетка, да и грейся!» — «Нет, — отвечала она, — твои звери искушают меня». — «Они тебя не тронут». — «А вот я тебе отсюда скину прутик, — сказала ведьма, — ты их тем прутиком хлестни, так они и точно меня не тронут».

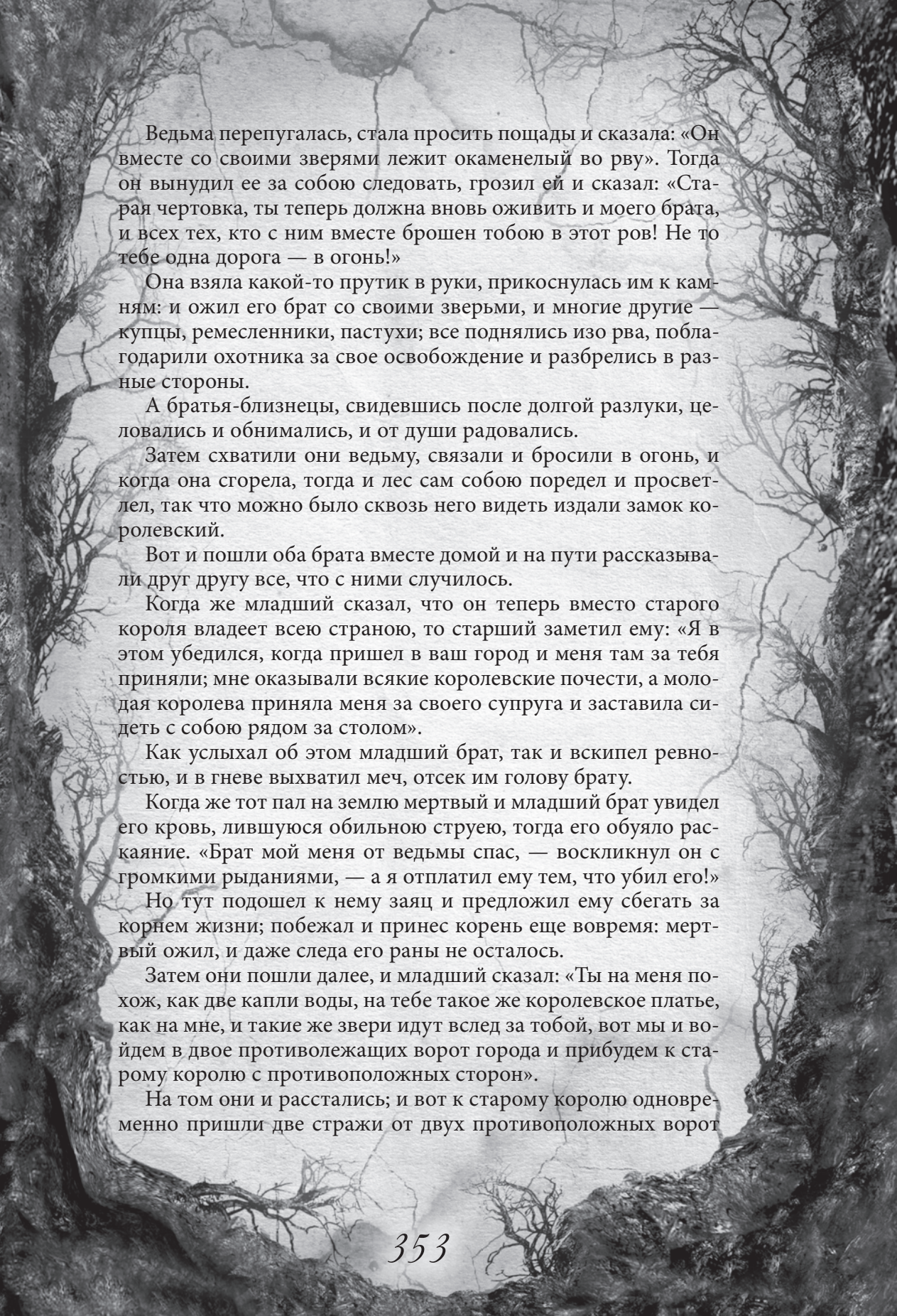
Но охотник не доверился старухе и сказал: «Зверей своих я твоим прутиком хлестать не стану; сходи сюда сама, а не то я тебя стащу с дерева».

Тогда уж она ему крикнула: «Мало ли чего ты захочешь! Да и что ты мне можешь сделать?» — «А вот что: не сойдешь доброй волей, так я тебя выстрелом собою с дерева». — «Стреляй, пожалуйста, я твоих пуль-то и не боюсь вовсе!»

Он прицелился в нее и выстрелил, но ведьма была заговорена против всяких свинцовых пуль, она громко и раскатисто рассмеялась и сказала: «Небось, не попадешь в меня!»

Но он был малый не промах: оборвал три серебряные пуговицы со своей одежды, зарядил ими ружье (а против серебряной пули она заговорена не была), и чуть только выстрелил, ведьма с визгом грохнулась с дерева.

Тогда он наступил на нее ногою и сказал: «Старая ведьма, если ты тотчас не скажешь мне, куда ты подевала моего брата, то я тебя сейчас схвачу в охапку и брошу в огонь!»

Ведьма перепугалась, стала просить пощады и сказала: «Он вместе со своими зверями лежит окаменелый во рву». Тогда он вынудил ее за собою следовать, грозил ей и сказал: «Старая чертовка, ты теперь должна вновь оживить и моего брата, и всех тех, кто с ним вместе брошен тобою в этот ров! Не то тебе одна дорога — в огонь!»

Она взяла какой-то прутик в руки, прикоснулась им к камням: и ожил его брат со своими зверьми, и многие другие — купцы, ремесленники, пастухи; все поднялись из рва, поблагодарили охотника за свое освобождение и разбрелись в разные стороны.

А братья-близнецы, свидевшись после долгой разлуки, целовались и обнимались, и от души радовались.

Затем схватили они ведьму, связали и бросили в огонь, и когда она сгорела, тогда и лес сам собою поредел и просветлел, так что можно было сквозь него видеть издали замок королевский.

Вот и пошли оба брата вместе домой и на пути рассказывали друг другу все, что с ними случилось.

Когда же младший сказал, что он теперь вместо старого короля владеет всею страной, то старший заметил ему: «Я в этом убедился, когда пришел в ваш город и меня там за тебя приняли; мне оказывали всякие королевские почести, а молодая королева приняла меня за своего супруга и заставила сидеть с собою рядом за столом».

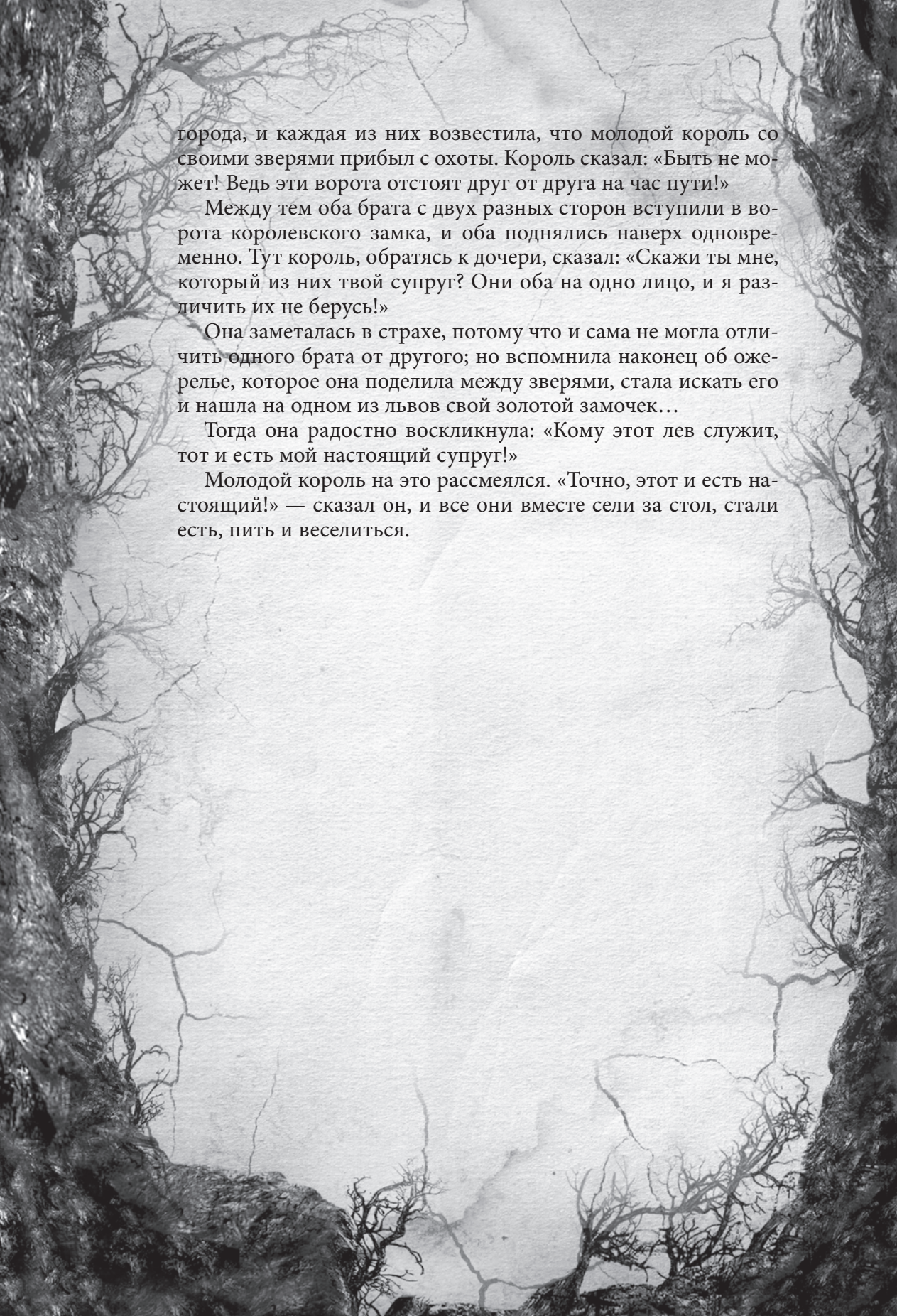
Как услышал об этом младший брат, так и вскипел ревностью, и в гневе выхватил меч, отсек им голову брату.

Когда же тот пал на землю мертвый и младший брат увидел его кровь, лившуюся обильною струею, тогда его обуяло раскаяние. «Брат мой меня от ведьмы спас, — воскликнул он с громкими рыданиями, — а я отплатил ему тем, что убил его!»

Но тут подошел к нему заяц и предложил ему сбегать за корнем жизни; побежал и принес корень еще вовремя: мертвый ожил, и даже следа его раны не осталось.

Затем они пошли далее, и младший сказал: «Ты на меня похож, как две капли воды, на тебе такое же королевское платье, как на мне, и такие же звери идут вслед за тобой, вот мы и войдем в двое противоположных ворот города и прибудем к старому королю с противоположных сторон».

На том они и расстались; и вот к старому королю одновременно пришли две стражи от двух противоположных ворот

города, и каждая из них возвестила, что молодой король со своими зверями прибыл с охоты. Король сказал: «Быть не может! Ведь эти ворота отстоят друг от друга на час пути!»

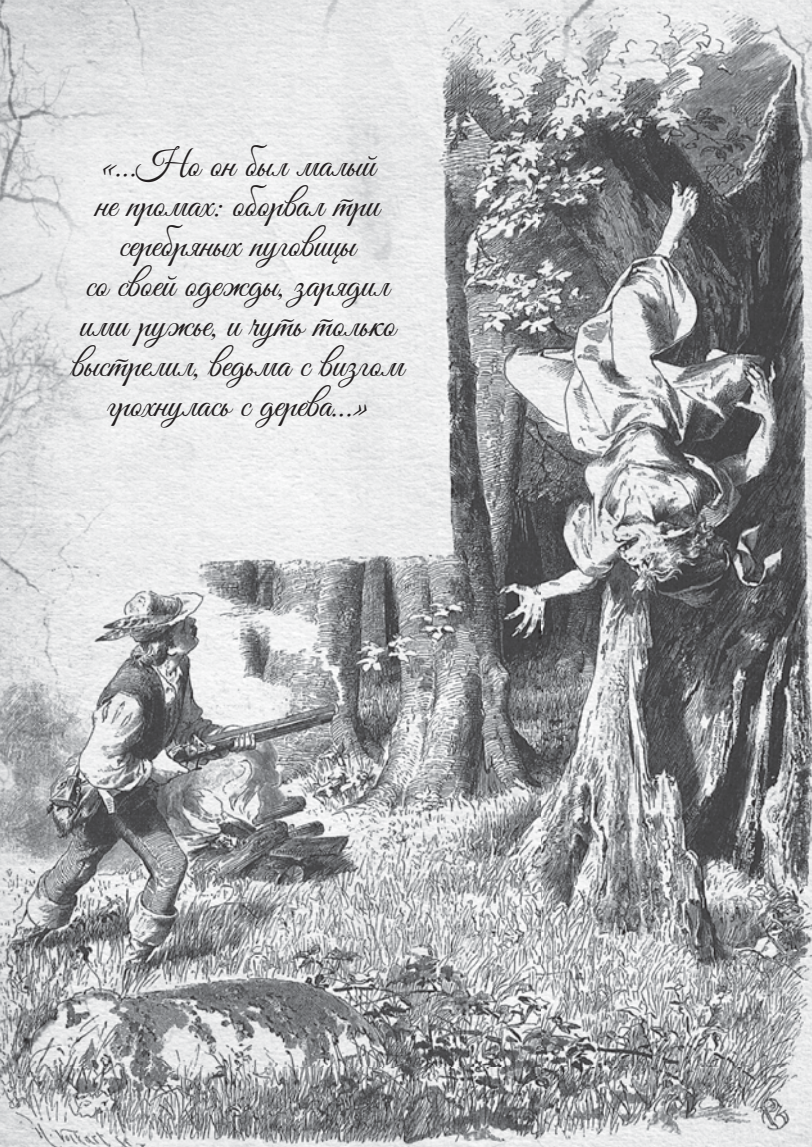
Между тем оба брата с двух разных сторон вступили в ворота королевского замка, и оба поднялись вверх одновременно. Тут король, обратясь к дочери, сказал: «Скажи ты мне, который из них твой супруг? Они оба на одно лицо, и я различить их не берусь!»

Она заметалась в страхе, потому что и сама не могла отличить одного брата от другого; но вспомнила наконец об ожерелье, которое она поделила между зверями, стала искать его и нашла на одном из львов свой золотой замочек...

Тогда она радостно воскликнула: «Кому этот лев служит, тот и есть мой настоящий супруг!»

Молодой король на это рассмеялся. «Точно, этот и есть настоящий!» — сказал он, и все они вместе сели за стол, стали есть, пить и веселиться.

*«...Но он был малый
не промах: оборвал три
серебряных пуговицы
со своей одежды, зарядил
или ружье, и чуть только
выступил, ведьма с визгом
упохла с дерева...»*

«Два брата».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Мужичонка

В одной деревне все мужики были богатые-пребогатые, и только один из них был бедняк; того они так и прозвали Мужичонкой. Не было у него ни коровенки, ни деньжонок на покупку ее; а между тем и он, и его жена уж так-то, так-то желали бы коровенку иметь!

Однажды муж и сказал жене: «Слышь-ка, что мне в голову-то пришло! Ведь крестный-то наш — краснодеревщик: пусть бы он нам теленочка из дерева смастерил да темной красочкой его подкрасил, чтобы он на всех остальных телят похож был, авось он у нас со временем подрастет и принесет нам коровку».

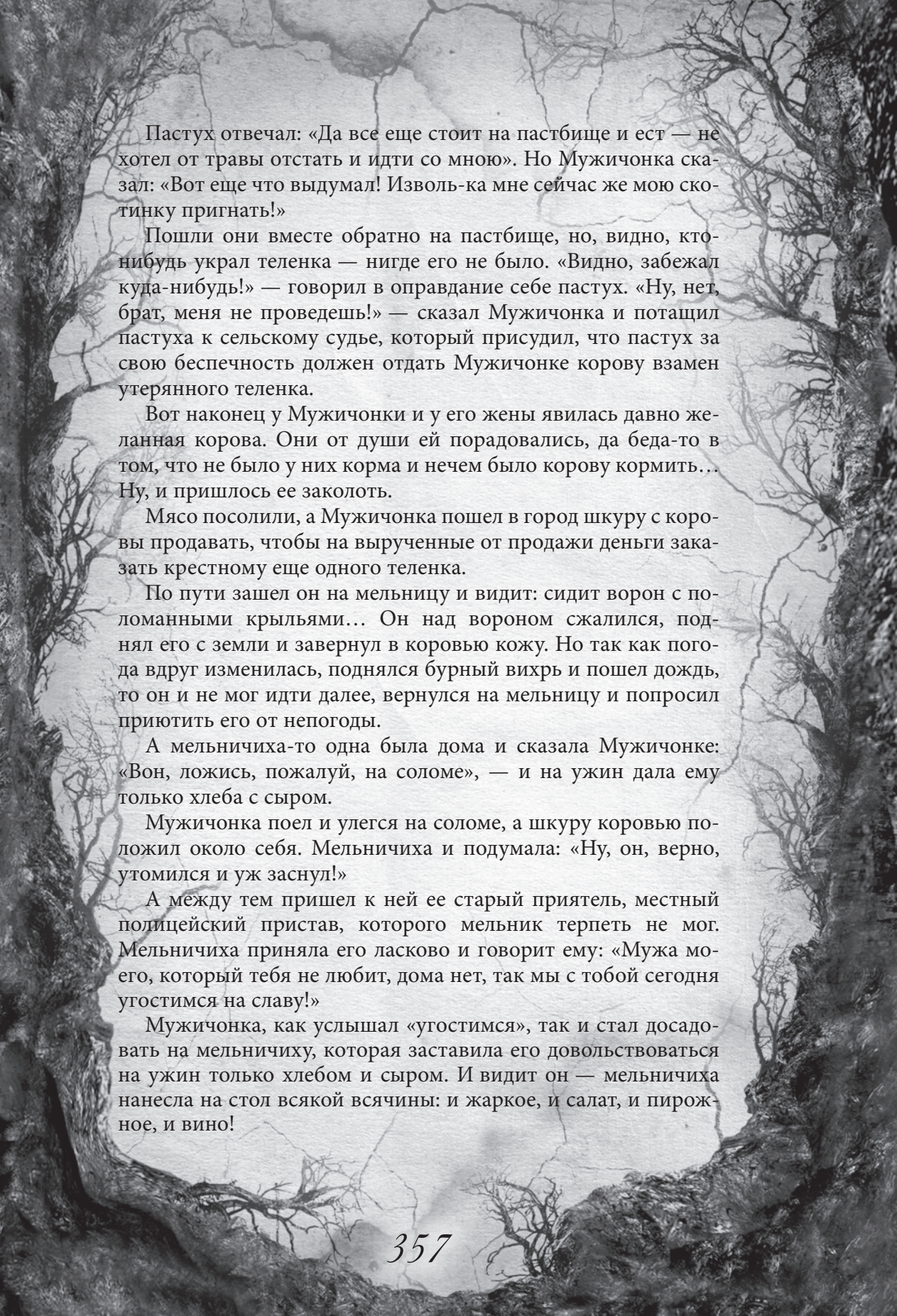
Жене та мысль мужа понравилась, и крестный тотчас смастерил и вырезал теленочка из дерева, и покрасил его как следует, и даже голову ему приладил так, что она могла опускаться, будто теленок траву щиплет.

Когда на другое утро коров погнали в поле, Мужичонка зазвал к себе пастуха в дом и говорит ему: «Вот видишь, и у меня есть теленочек, только он мал еще и приходится его на руках носить». Пастух сказал: «Ну, ладно!» — взял теленка на руки, вынес его на пастбище и поставил его на траву.

Теленочек все и стоял на траве, наклонив голову, как будто ел ее, и пастух сказал о нем: «Этот скорехонько сам побегит — ведь вон как траву уписывает!»

Вечерком, собираясь снова гнать стадо домой, пастух сказал теленку: «Коли можешь целый день на ногах выстоять да наедаться досыта, так можешь и бегать сам, я вовсе не собираюсь тебя на руках домой тащить!»

А Мужичонка тем временем стоял перед домом и поджидал своего теленочка; как увидел, что пастух через деревню гонит стадо и теленочка его не видеть, он сейчас навел о теленочке справки.

Пастух отвечал: «Да все еще стоит на пастбище и ест — не хотел от травы отстать и идти со мною». Но Мужичонка сказал: «Вот еще что выдумал! Изволь-ка мне сейчас же мою скотинку пригнать!»

Пошли они вместе обратно на пастбище, но, видно, кто-нибудь украл теленка — нигде его не было. «Видно, забежал куда-нибудь!» — говорил в оправдание себе пастух. «Ну, нет, брат, меня не проведешь!» — сказал Мужичонка и потащил пастуха к сельскому судье, который присудил, что пастух за свою беспечность должен отдать Мужичонке корову взамен утерянного теленка.

Вот наконец у Мужичонки и у его жены явилась давно желанная корова. Они от души ей порадовались, да беда-то в том, что не было у них корма и нечем было корову кормить... Ну, и пришлось ее заколоть.

Мясо посолили, а Мужичонка пошел в город шкуру с коровы продавать, чтобы на вырученные от продажи деньги заказать крестному еще одного теленка.

По пути зашел он на мельницу и видит: сидит ворон с поломанными крыльями... Он над вороном сжалился, поднял его с земли и завернул в коровью кожу. Но так как погода вдруг изменилась, поднялся бурный вихрь и пошел дождь, то он и не мог идти далее, вернулся на мельницу и попросил приютить его от непогоды.

А мельничиха-то одна была дома и сказала Мужичонке: «Вон, ложись, пожалуй, на соломе», — и на ужин дала ему только хлеба с сыром.

Мужичонка поел и улегся на соломе, а шкуру коровью положил около себя. Мельничиха и подумала: «Ну, он, верно, утомился и уж заснул!»

А между тем пришел к ней ее старый приятель, местный полицейский пристав, которого мельник терпеть не мог. Мельничиха приняла его ласково и говорит ему: «Мужа моего, который тебя не любит, дома нет, так мы с тобой сегодня угостимся на славу!»

Мужичонка, как услышал «угостимся», так и стал досадовать на мельничиху, которая заставила его довольствоваться на ужин только хлебом и сыром. И видит он — мельничиха нанесла на стол всякой всячины: и жаркое, и салат, и пирожное, и вино!

Чуть только они усадились за стол и собирались кушать, кто-то постучал с надворья. «Ах, батюшки! Да это никак муж!»

Живо спрятала она жаркое в печку, вино — в изголовье постели, салат — на кровать, пирожное — под кровать, а пристава — в шкаф в сенях.

Потом отворила мужу дверь, да и говорит: «Ну, слава богу, что ты вернулся! Вот погодка-то словно светопреставленье!»

А мельник увидел Мужичонку на соломе и спросил: «А этот молодец откуда?» — «Ах, этот молодец пришел сюда в дождь и бурю и просил приюта; вот и дала ему хлеба с сыром да положила его на солому». — «Ну, что ж, — сказал муж, — я против этого ничего не имею... Но давай же мне поскорее что-нибудь поесть!» — «Да нет у меня ничего, кроме хлеба и сыра», — сказала жена. «Я буду всем доволен: давай хоть хлеба с сыром! — а потом кликнул Мужичонку и добавил: — Ступай сюда, поешь еще со мною».

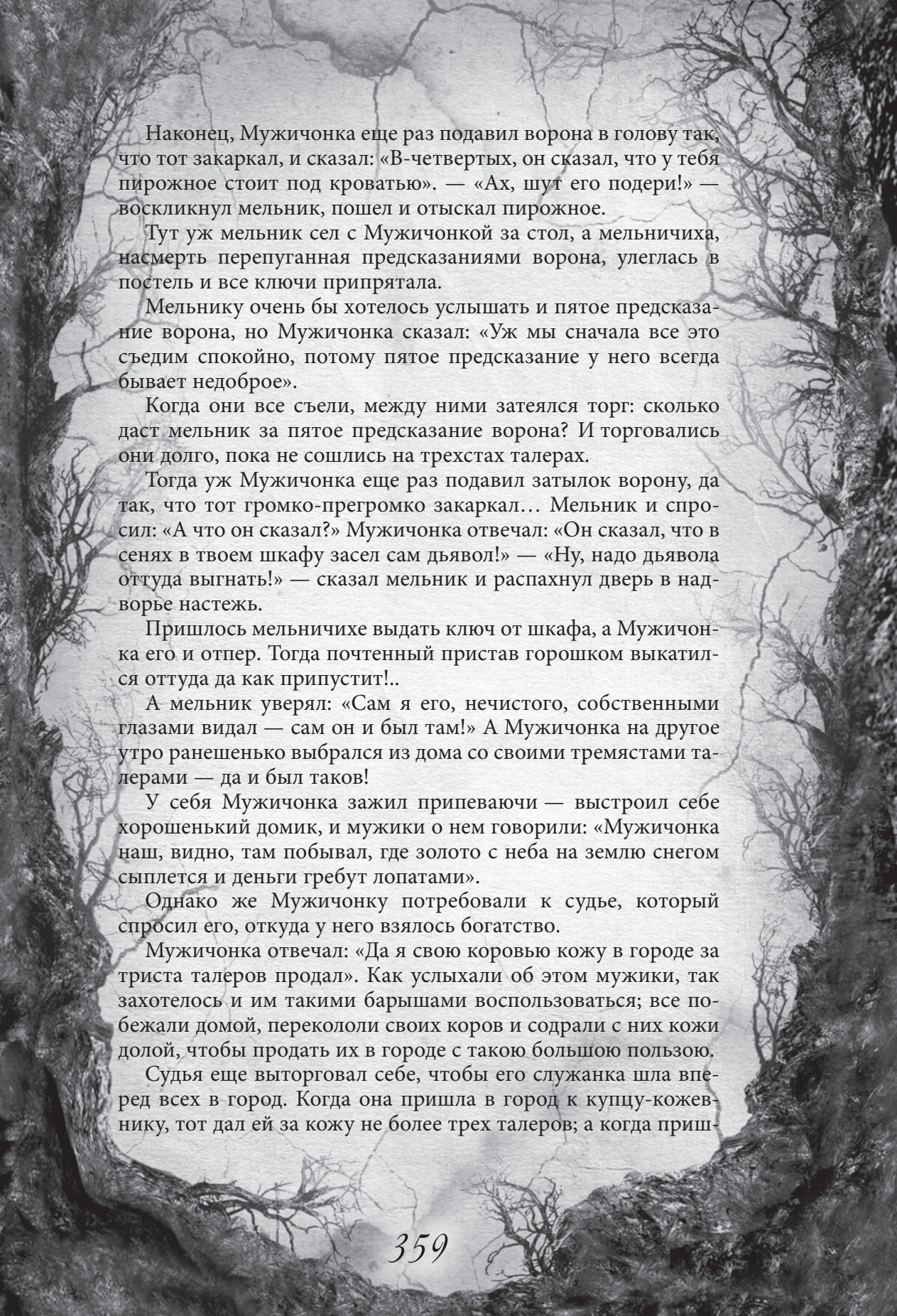
Мужичонка не заставил дважды повторять, встал и стал с ним есть. Тут только мельник заметил коровью кожу, что лежала на полу, в которую завернут был ворон, и спросил: «А что это у тебя такое?» — «Там у меня предсказатель сидит!» — сказал Мужичонка. «А не может ли он и мне что-нибудь предсказать?» — спросил мельник. «Почему бы нет? Только предупреждаю: он предсказывает только четыре раза подряд, а пятый про себя оставляет».

Мельник любопытствовал посмотреть, как это происходит, и сказал Мужичонке: «Ну, ну, пусть попророчит что-нибудь». Тогда Мужичонка подавил пальцем ворона в затылок, так что тот закаркал: «Крр! Крр!» — «Это он что сказал?» — спросил мельник. «А, во-первых-то, он сказал, что у тебя вино запрятано в изголовье». — «Ах, шут его подери!» — воскликнул мельник, пошел к постели и точно нашел вино под изголовьем. «А ну-ка еще», — подзадоривал мельник.

Мужичонка опять заставил ворона покаркать и сказал:

«Во-вторых, он сказал, что в печи твоей есть жаркое». — «Ах, шут его подери!» — воскликнул мельник, пошел к печке и нашел жаркое.

Мужичонка и еще заставил ворона предсказывать и сказал: «В-третьих, он сказал, что у тебя салат стоит на кровати». — «Ах, шут его побери!» — воскликнул мельник, пошел и точно нашел салат.

Наконец, Мужичонка еще раз подавил ворона в голову так, что тот закаркал, и сказал: «В-четвертых, он сказал, что у тебя пирожное стоит под кроватью». — «Ах, шут его подери!» — воскликнул мельник, пошел и отыскал пирожное.

Тут уж мельник сел с Мужичонкой за стол, а мельничиха, насмерть перепуганная предсказаниями ворона, улеглась в постель и все ключи припрятала.

Мельнику очень бы хотелось услышать и пятое предсказание ворона, но Мужичонка сказал: «Уж мы сначала все это съедем спокойно, потому пятое предсказание у него всегда бывает недоброе».

Когда они все съели, между ними затеялся торг: сколько даст мельник за пятое предсказание ворона? И торговались они долго, пока не сошлись на трехстах талерах.

Тогда уж Мужичонка еще раз подавил затылок ворону, да так, что тот громко-прегромко закаркал... Мельник и спросил: «А что он сказал?» Мужичонка отвечал: «Он сказал, что в сених в твоём шкафу засел сам дьявол!» — «Ну, надо дьявола оттуда выгнать!» — сказал мельник и распахнул дверь в надворье настезь.

Пришлось мельничихе выдать ключ от шкафа, а Мужичонка его и отпер. Тогда почтенный пристав горошком выкатился оттуда да как припустит!..

А мельник уверял: «Сам я его, нечистого, собственными глазами видал — сам он и был там!» А Мужичонка на другое утро ранешенько выбрался из дома со своими тремьями талерами — да и был таков!

У себя Мужичонка зажил припеваючи — выстроил себе хорошенький домик, и мужики о нем говорили: «Мужичонка наш, видно, там побывал, где золото с неба на землю снегом сыплется и деньги гребут лопатами».

Однако же Мужичонку потребовали к судье, который спросил его, откуда у него взялось богатство.

Мужичонка отвечал: «Да я свою коровью кожу в городе за триста талеров продал». Как услыхали об этом мужики, так захотелось и им такими барышами воспользоваться; все побежали домой, перекололи своих коров и содрали с них кожи долой, чтобы продать их в городе с такою большою пользою.

Судья еще выторговал себе, чтобы его служанка шла вперед всех в город. Когда она пришла в город к купцу-кожевнику, тот дал ей за кожу не более трех талеров; а когда приш-

ли все остальные, то он им стал давать еще менее и сказал: «А что я с этими всеми кожами буду делать?»

Вот и разгневались мужики на Мужичонку за то, что он их так ловко провел; захотели отомстить ему и пожаловались судье на то, что Мужичонка их обманул. Ни в чем не повинного Мужичонку приговорили к смерти и порешили скатить в воду, засадив его в дырявую бочку.

Вывели его за деревню и сдали на руки полицейскому приставу, который должен был позаботиться об исполнении приговора.

Когда Мужичонка остался наедине с приставом и взглянул ему в лицо, то узнал того приятеля, который у госпожи мельничихи в гостях был. «Ну, — сказал он приставу, — я вас из шкафа выручил, так уж вы как хотите, а освободите меня из этой проклятой бочки».

А тут как раз пастух гнал стадо мимо, а он о том пастухе знал, что ему уж давно хотелось бы попасть в судьи; вот он и закричал изо всех сил: «Нет! Ни за что этого не сделаю, если бы даже весь свет того пожелал — нет, не сделаю!»

Пастух, услышав это, подошел и спросил: «Что ты задумал? Чего ты ни за что не хочешь сделать?»

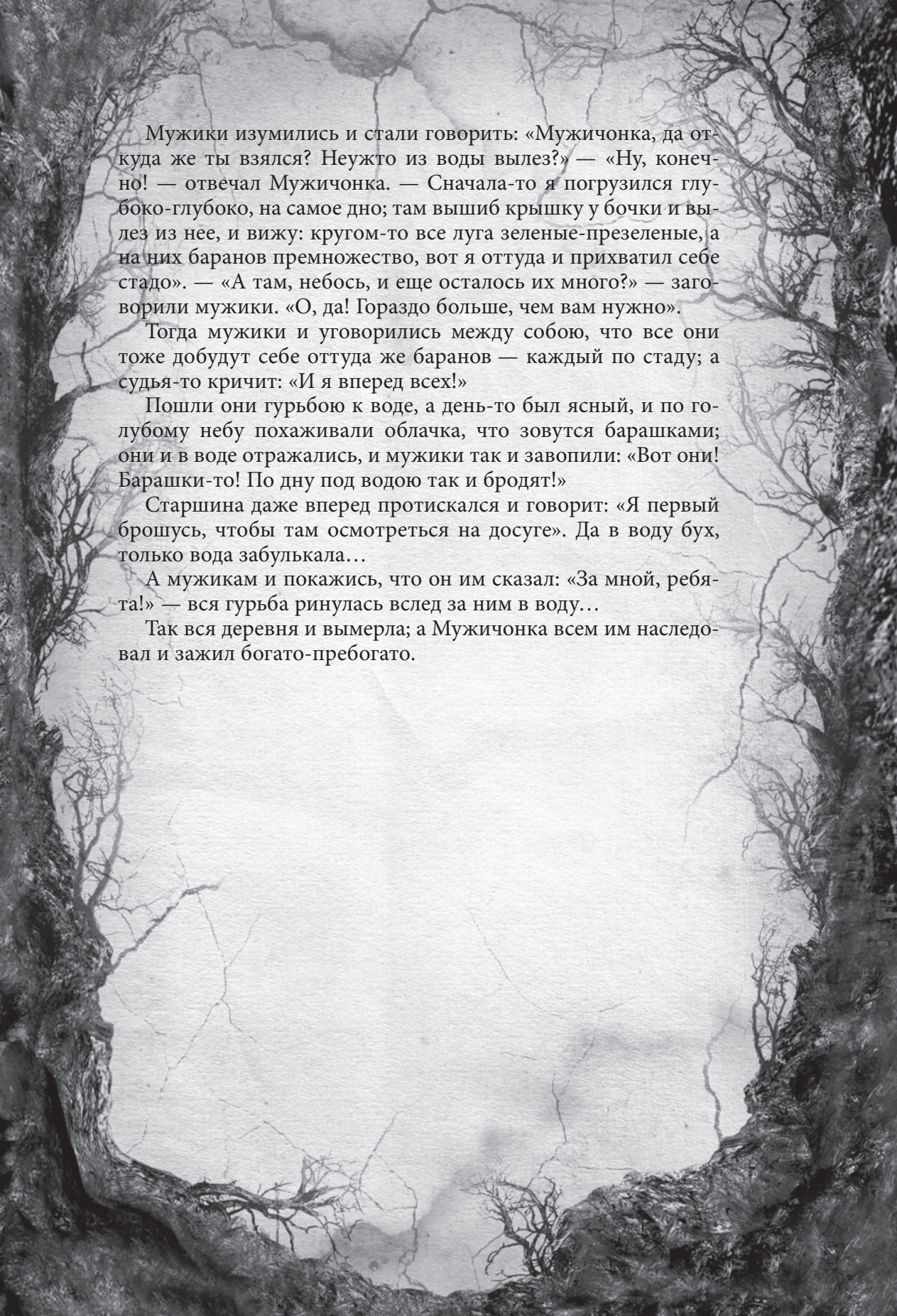
Мужичонка и сказал ему: «Да вот, хотят меня назначить судьей, если я сяду в эту бочку!.. Да нет — не сяду!»

Тут пастух сказал: «Если только это требуется, чтобы быть судьей, так я бы сейчас сел в бочку!» — «Да если забирает тебя охота сесть в бочку, так и садись: будешь судьей!»

Пастух, предовольный, тотчас уселся в бочку, а Мужичонка и крышку у него над головою забил; а затем подошел к стаду на место пастуха да и погнал его преспокойно.

А пристав отправился к мужикам и сказал им, что покончил свое дело. Тут они пришли и покатали бочку к воде. Бочка уж покатилась, а пастух и крикнул из нее: «Я весьма охотно приму на себя должность судьи!» Мужики подумали, что это им Мужичонка кричит, и стали говорить между собою: «Еще бы ты не принял! Да только ты сначала там внизу-то осмотришь», — и скатили бочку в воду.

Затем направились они домой, и когда пришли в деревню, то первым им попался навстречу — кто же? Мужичонка! Гонит себе преспокойно стадо баранов и выглядит веселым и довольным.

Мужики изумились и стали говорить: «Мужичонка, да откуда же ты взялся? Неужто из воды вылез?» — «Ну, конечно! — отвечал Мужичонка. — Сначала-то я погрузился глубоко-глубоко, на самое дно; там вышиб крышку у бочки и вылез из нее, и вижу: кругом-то все луга зеленые-презеленые, а на них баранов премножество, вот я оттуда и прихватил себе стадо». — «А там, небось, и еще осталось их много?» — заговорили мужики. «О, да! Гораздо больше, чем вам нужно».

Тогда мужики и уговорились между собою, что все они тоже добудут себе оттуда же баранов — каждый по стаду; а судья-то кричит: «И я вперед всех!»

Пошли они гурьбою к воде, а день-то был ясный, и по голубому небу похаживали облачка, что зовутся барашками; они и в воде отражались, и мужики так и завопили: «Вот они! Барашки-то! По дну под водою так и бродят!»

Старшина даже вперед протискался и говорит: «Я первый брошусь, чтобы там осмотреться на досуге». Да в воду бух, только вода забулькала...

А мужикам и покажись, что он им сказал: «За мной, ребята!» — вся гурьба ринулась вслед за ним в воду...

Так вся деревня и вымерла; а Мужичонка всем им наследовал и зажил богато-пребогато.

Царица пчел

Два королевича однажды вышли на поиски приключений и повели такую дикую, распущенную жизнь, что и дома не появлялись. Их младший брат, которого все называли дурачком, пустился в путь, чтобы разыскать своих братьев. Когда же он их отыскал, они стали над ним смеяться, что он, мол, со своей простотой задумал пробить себе по белу свету путь, а они-то оба, хоть и умнее его, не могли своего пути сыскать.

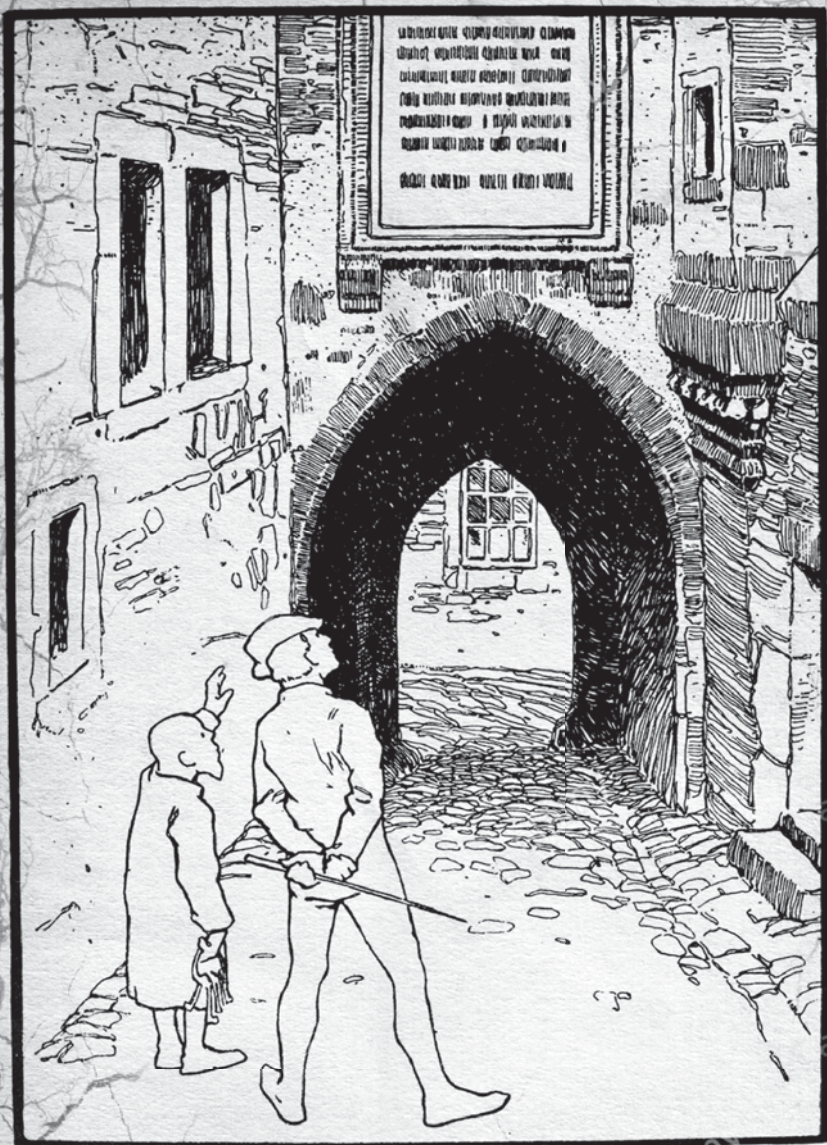
Вот и пошли они втроем далее и пришли к большому муравейнику. Двое старших хотели его раскопать и посмотреть, как бы маленькие мурашки в нем закопошились, унося свои яички; но дурачок сказал: «Оставьте муравьев в покое, я не позволю их тревожить».

Потом пошли они далее и пришли к озеру, по которому плавало много-много уток. Двое старших хотели парочку их поймать и изжарить, но дурачок и этого не дозволил, сказав: «Оставьте уток в покое!»

Наконец, пришли они к пчелиному улью в дупле дерева, и в нем было столько меда, что он даже по стволу дерева вниз стекал. Старшие хотели было разложить огонь под деревом и всех пчел выкурить дымом, но дурачок и от этого их удержал: «Оставьте пчел в покое!»

Наконец, пришли они путем-дорогою к замку, где в конюшне стояли только каменные кони и нигде не видать было ни единой живой души. Они перешли через все залы и затем в самом конце замка нашли дверь, на которой висели три замка.

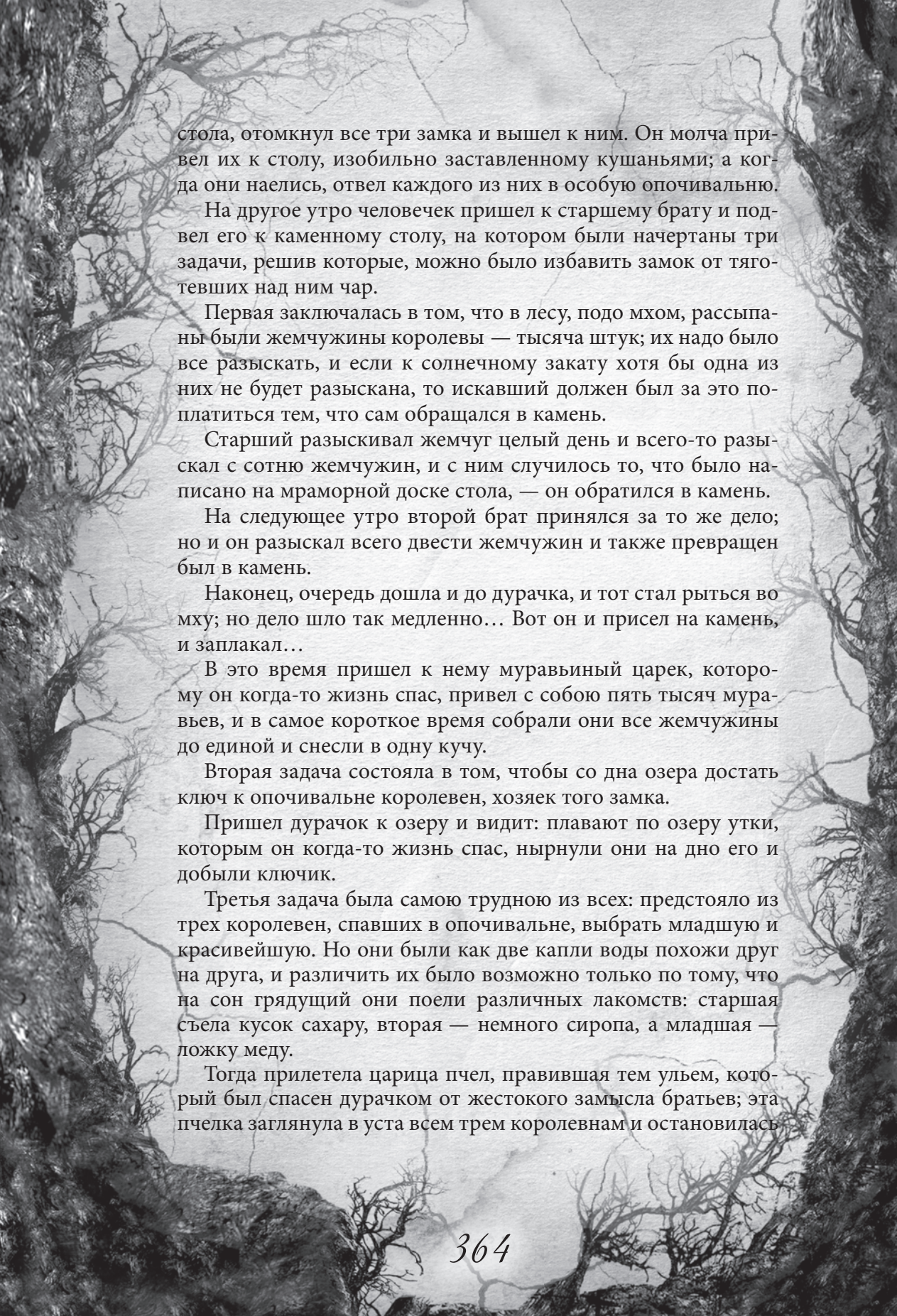
На той двери была, однако же, скважина, сквозь которую можно было видеть, что в той запертой комнате происходит. И они увидели серенького человечка, который сидел за столом. Они окликнули его раз и другой, но он не слышал; наконец, они окликнули его и в третий раз, и он поднялся из-за

«Царица пчел».

Художник – Отто Уббелоде. 1909 г.

*«...Два королевича однажды вышли на поиски приключений
и повели такую дикую, распущенную жизнь,
что и дома не появлялись. Их младший брат, которого все
называли дурачком, пустился в путь,
чтобы разыскать своих братьев...»*

стола, отомкнул все три замка и вышел к ним. Он молча привел их к столу, изобильно заставленному кушаньями; а когда они наелись, отвел каждого из них в особую опочивальню.

На другое утро человек пришел к старшему брату и подвел его к каменному столу, на котором были начертаны три задачи, решив которые, можно было избавить замок от тяготивших над ним чар.

Первая заключалась в том, что в лесу, подо мхом, рассыпаны были жемчужины королевы — тысяча штук; их надо было все разыскать, и если к солнечному закату хотя бы одна из них не будет разыскана, то искавший должен был за это заплатить тем, что сам обращался в камень.

Старший разыскивал жемчуг целый день и всего-то разыскал с сотню жемчужин, и с ним случилось то, что было написано на мраморной доске стола, — он обратился в камень.

На следующее утро второй брат принялся за то же дело; но и он разыскал всего двести жемчужин и также превращен был в камень.

Наконец, очередь дошла и до дурачка, и тот стал рыться во мху; но дело шло так медленно... Вот он и присел на камень, и заплакал...

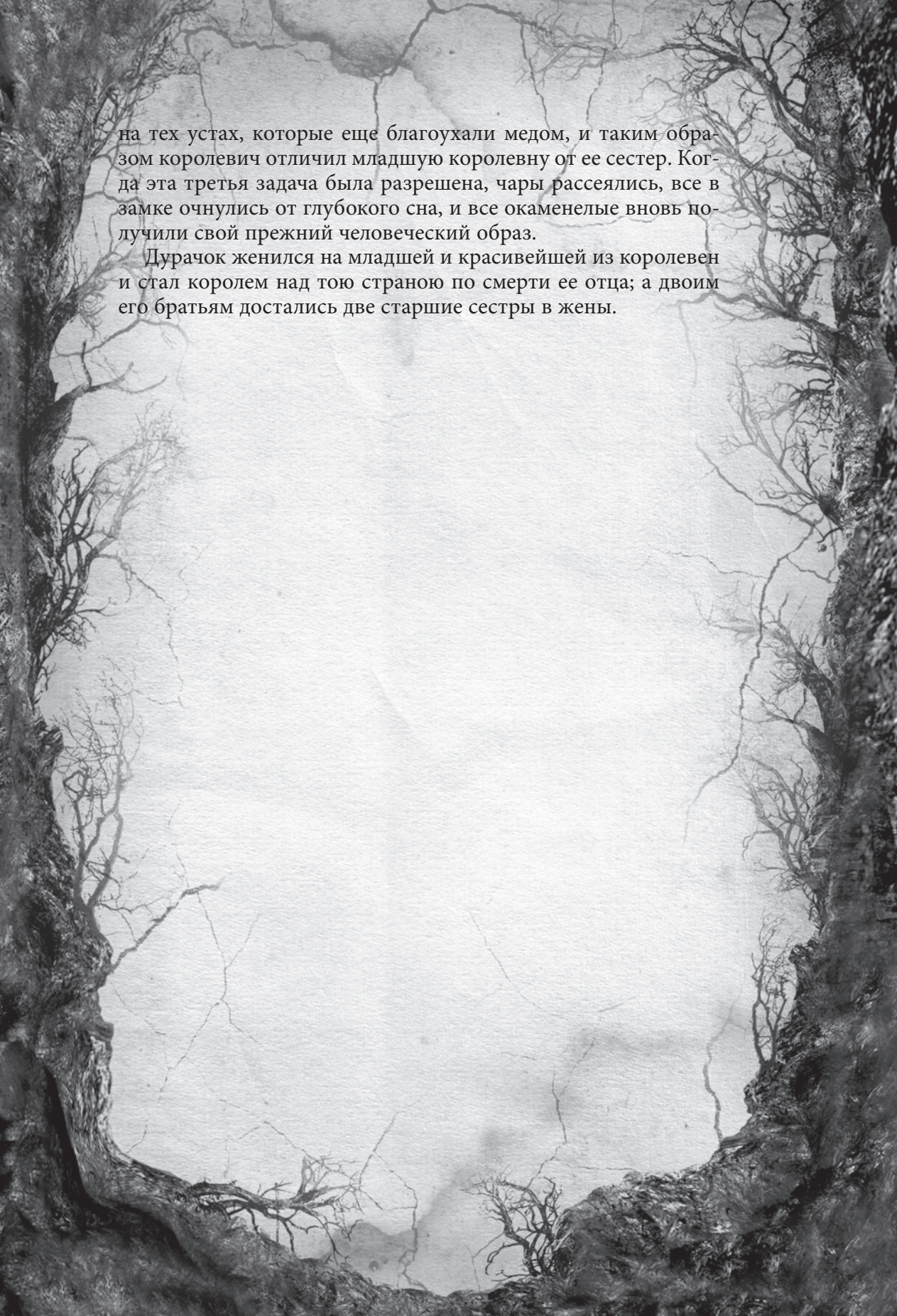
В это время пришел к нему муравьиный царек, которому он когда-то жизнь спас, привел с собою пять тысяч муравьев, и в самое короткое время собрали они все жемчужины до единой и снесли в одну кучу.

Вторая задача состояла в том, чтобы со дна озера достать ключ к опочивальне королевен, хозяек того замка.

Пришел дурачок к озеру и видит: плавают по озеру утки, которым он когда-то жизнь спас, нырнули они на дно его и добыли ключик.

Третья задача была самою трудною из всех: предстояло из трех королевен, спавших в опочивальне, выбрать младшую и красивейшую. Но они были как две капли воды похожи друг на друга, и различить их было возможно только по тому, что на сон грядущий они поели различных лакомств: старшая съела кусок сахара, вторая — немного сиропа, а младшая — ложку меду.

Тогда прилетела царица пчел, правившая тем ульем, который был спасен дурачком от жестокого замысла братьев; эта пчелка заглянула в уста всем трем королевнам и остановилась

на тех устах, которые еще благоухали медом, и таким образом король отличил младшую королевну от ее сестер. Когда эта третья задача была разрешена, чары рассеялись, все в замке очнулось от глубокого сна, и все окаменелые вновь получили свой прежний человеческий образ.

Дурачок женился на младшей и красивейшей из королевен и стал королем над тою страню по смерти ее отца; а двоим его братьям достались две старшие сестры в жены.

Три перышка

Жил да был на свете король, и было у него три сына. Двое и умные, и смышленные; а третий не говорлив и попроще старших, а потому и звали его простаком.

Когда король-отец стал стареть, слабеть и уже подумывал о своем конце, он и сам не знал, который из его сыновей должен ему наследовать в управлении королевством.

Вот и сказал он им однажды: «Поезжайте по белу свету, и тот, кто мне привезет самый лучший ковер, пусть и будет королем после моей смерти».

А чтобы не вышло спора между братьями, кому куда идти, он их вывел перед замком, дунул на три перышка и пустил их по воздуху, приговаривая: «Как перышко полетит, так и путь за ним лежит».

Одно перо понесло на запад, другое — на восток, а третье полетело прямо, улетело недалеко и вскоре пало на землю.

Вот и пошли братья: один — направо, другой — налево, и еще стали смеяться над простаком, который должен был остановиться около своего пера, упавшего на землю.

Сел он около перышка и запечалился. И вдруг видит, возле пера в земле дверь оказалась. Он дверь приподнял, а под нею идет лестница вглубь земли; он и сошел по этой лестнице.

Подошел к другой двери, постучался и слышит, что за дверью кто-то отзывается:

Девуца-малышечка!
Поди-ка ты проверь,
Кто это стучится
Снаружи в нашу дверь.

Дверь отворилась, и королевич увидел большую толстую жабу, сидевшую в подземелье среди множества маленьких

жаб. Толстая жаба спросила его, чего он желает. Он отвечал: «Нужен был бы мне самый красивый и самый дорогой ковер».

Тут жаба подозвала одну из молодых маленьких жабочек и сказала ей:

Девушка-малышечка!
Поди во флигелек
И принеси скорехонько
Заветный сундучок!

Молоденькая маленькая жабочка принесла сундучок, а толстая жаба открыла его, вынула и отдала простаку королевичу такой чудный ковер, какого никто не мог бы соткать на земле. Королевич поблагодарил ее и опять поднялся из подземелья на землю.

Оба старших брата, однако же, почитали своего младшего брата таким глупым, что подумали: «Ничего-то он не найдет и не принесет... Чего же мы-то станем трудиться попусту?»

Подумали да и взяли у первой попавшейся бабы ее грубоотканые платки и снесли к королю.

К тому же времени вернулся и простак в замок и принес свой чудный ковер; как увидал король тот ковер, подивился ему и сказал: «Коли нам держаться нашего уговора, так королевство следует передать младшему».

Но двое старших не давали отцу покоя и говорили: «Может ли быть королем этот простак, у которого ни на что житейское не хватает разума?» — и просили отца, чтобы положил он новый уговор.

Тогда сказал король: «Тот из вас королевство наследует, кто мне принесет лучшее кольцо!» — и вывел их перед замком и выпустил на воздух три перышка, за которыми они должны были направиться вслед.

Двое старших опять пошли на восток и на запад, а перо простака-королевича полетело перед ним прямо и опять упало рядом с дверью в подземелье.

И опять сошел он туда и сказал толстой жабе, что ему надо бы разыскать самое лучшее, самое дорогое кольцо.

Та тотчас приказала принести сундучок и оттуда вынула кольцо, и то кольцо блистало драгоценными камнями и было так прекрасно, что ни один мастер на земле не мог бы смастерить такого кольца.

Оба старших брата смеялись между тем над братом-простакон, который взялся разыскать золотое кольцо, и не приложили никакого труда на поиски кольца, а просто-напросто взяли обод со старого колеса, выбили из него гвозди и принесли его к королю.

Когда же простак показал отцу свое кольцо, отец опять повторил: «Ему следует быть моим наследником!»

Однако же двое старших не переставали приставать к отцу до тех пор, пока он не согласился на третий уговор и не высказал, что ему наследует тот, кто привезет себе в замок невесту всех красивее.

Еще раз пустил он три перышка по воздуху, и они полетели точно так же, как и прежде.

Вот и пришел простак-королевич прямехонько к толстой жабе и сказал ей, что должен привезти домой красавицу себе в жены. «Эге, что задумал! — сказала жаба. — Красавицу! Да ведь она не всегда под рукою найдется... А впрочем, я тебе поищу».

И дала ему выдолбленную желтую репу, запряженную шестериком мышей. Простак запечалился и спросил ее: «Куда мне это добро?» Жаба отвечала: «А вот возьми да посади туда одну из моих маленьких жабочек».

Тогда он наудачу выхватил одну из маленьких жаб и посадил ее в желтую повозочку из репы; и чуть только посадил, как жабочка превратилась в девицу-красавицу, повозочка — в коляску, а шестерик мышей — в шестерик лошадей. Простак-королевич поцеловал девицу, ударил по лошадям и привез невесту к королю-отцу.

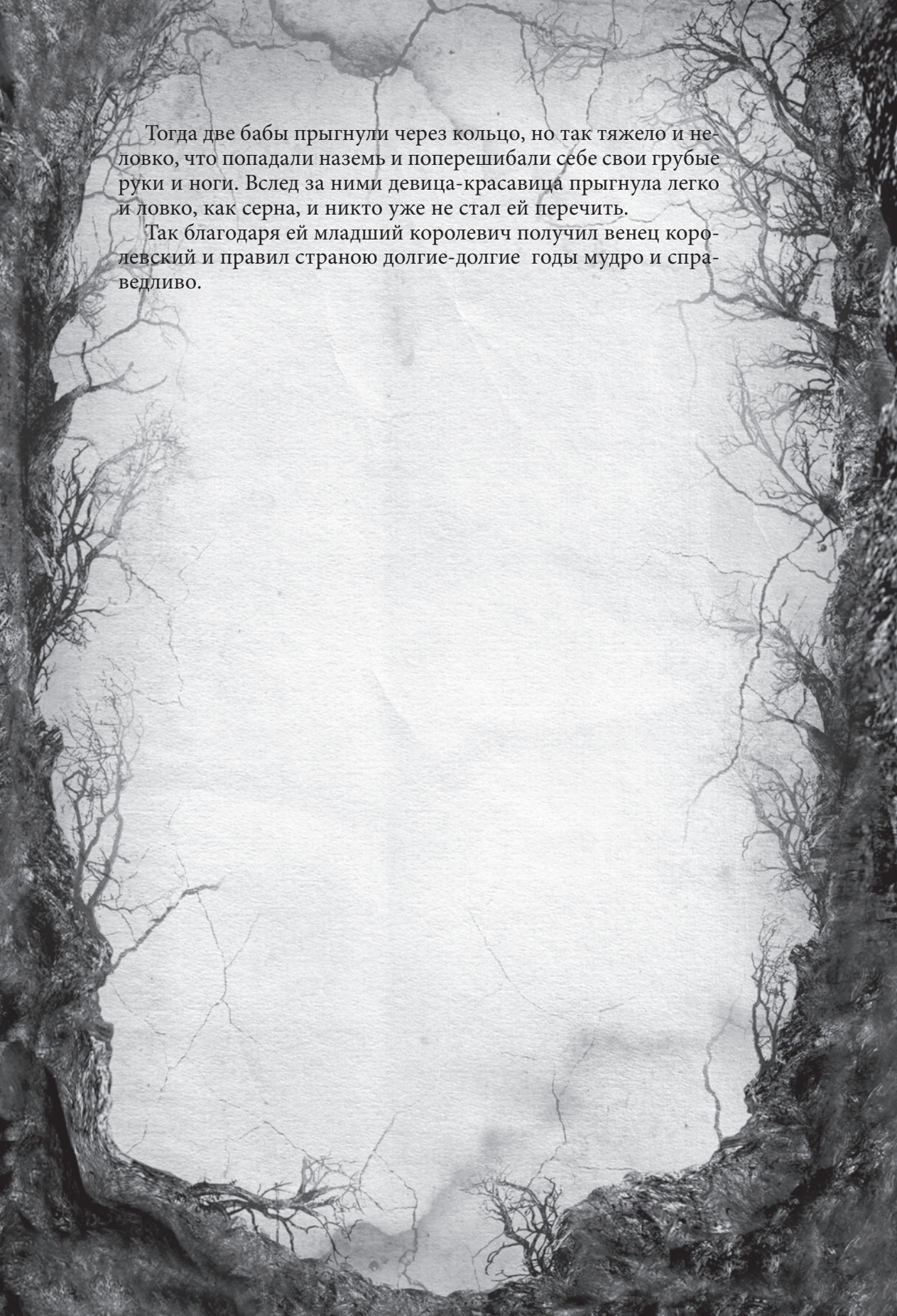
За ним пришли и его братья; те красавиц искать и не потрудились, а просто прихватили первых встречных баб и привели их во дворец.

Как увидел их король, так и решил: «Младший сын должен мне наследовать!»

Но двое старших тотчас завопили: «Можем ли мы допустить, чтобы простак стал королем!» — и потребовали, чтобы тому было оказано предпочтение, чья жена лучше прыгнет через кольцо, повешенное среди залы.

Они про себя думали, что их-то бабы легко это выполнят, потому что они сильны, а эта слабосильная девица-красавица, наверно, убьется, как прыгнет.

Король и на эту просьбу согласился.

Тогда две бабы прыгнули через кольцо, но так тяжело и неловко, что попадали наземь и поперешивали себе свои грубые руки и ноги. Вслед за ними девица-красавица прыгнула легко и ловко, как серна, и никто уже не стал ей перечить.

Так благодаря ей младший королевич получил венец королевский и правил странюю долгие-долгие годы мудро и справедливо.

Золотой гусь

Жил да был на свете человек, у которого было три сына, и самый младший из них звался Дурнем, и все его презирали и осмеивали и при каждом удобном случае обижали.

Случилось однажды, что старший должен был идти в лес дрова рубить, и мать дала ему про запас добрый пирог и бутылку вина, чтобы он не голодал и жажды не знал.

Когда он пришел в лес, повстречался ему старый седенький человечек, пожелал ему доброго утра и сказал: «Я голоден, и жажда меня мучит — дай мне отведать кусочек твоего пирога и выпить глоток твоего вина».

Умный сын отвечал: «Коли я дам тебе отведать своего пирога да отхлебнуть своего вина, так мне и самому ничего не останется. Проваливай!» — и, не обращая на человечка внимания, пошел себе далее.

Когда же он стал обтесывать одно дерево, то вскоре ударил как-то топором мимо да попал по своей же руке так неловко, что должен был уйти домой и перевязать свою руку. Так отплатил ему маленький седенький человечек за его скупость.

Затем пошел второй сын в лес, и мать точно так же, как старшему, дала и этому про запас пирог и бутылку вина. И ему тоже повстречался старенький, седенький человечек и стал у него просить кусочек пирога и глоток вина.

Но и второй сын отвечал ему весьма разумно: «То, что я тебе отдам, у меня убудет, проваливай!» — и, не оглядываясь на человечка, пошел своей дорогой.

И он был также за это наказан: едва успел он сделать удар другой по дереву, как рубанул себе по ноге, да так, что его должны были снести домой на руках.

Тогда сказал Дурень: «Батюшка, дозвожь мне разочек в лес сходить, дров порубить». — «Что ты в этом смыслишь? Вот

*«...Когда они все пятеро плелись таким образом
вслед за гусем, повстречались им еще два мужика,
которые возвращались с поля с заступами
на плече. Пастор подозвал их и попросил
как-нибудь освободить его и прищепника
из этой связки. Но едва только
те коснулись прищепника, как
и они припали к связке, и
таким образом их уже
побежало семеро за
Дурнем и его
гусем...»*

*«...Так
пришли они
путем-дорогою
в город, где правил
король, у которого дочь
была такая задумчивая,
что ее никто ничем рассмешить
не мог. Вот и издал король указ,
по которому тот, кому удалось бы
рассмешить королевскую дочь, должен был
и жениться на ней...»*

«Золотой гусь».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

братья твои и поумнее тебя, да какого себе ущерба наделали! Не ходи!»

Дурень, однако же, просил да просил до тех пор, пока отец не сказал: «Да ну, ступай! Авось тебя твоя беда уму-разуму научит!» А мать про запас только и дала ему, что лепешку, на воде в золе выпеченную, да бутылку прокисшего пива.

Пришел он в лес, и ему тоже повстречался старенький, седенький человечек и сказал: «Мне и есть и пить хочется, дай мне кусочек твоей лепешки и глоточек твоего питья».

Дурень и ответил ему: «Да у меня только и есть, что лепешка, на воде замешанная, а в бутылке прокисшее пиво; коли это тебе любо, так сядем да поедем вместе».

Вот и уселись они, и каково же было удивление Дурня, когда он полез за пазуху за своею лепешкою, а вынул отличный пирог, откупорил бутылку, а в бутылке вместо прокисшего пива оказалось доброе вино!

Попили они, поели, и сказал человечек Дурню: «Сердце у тебя доброе, и ты со мною охотно поделился всем, что у тебя было; за то и я хочу тебя наделить счастьем. Вот стоит старое дерево; сруби его и в корневище найдешь подарок».

Затем человечек распрощался с Дурнем.

Пошел Дурень к дереву, подрубил его и, когда оно упало, увидел в корневище дерева золотого гуся. Поднял он гуся, захватил с собою и зашел по пути в гостиницу, где думал переночевать.

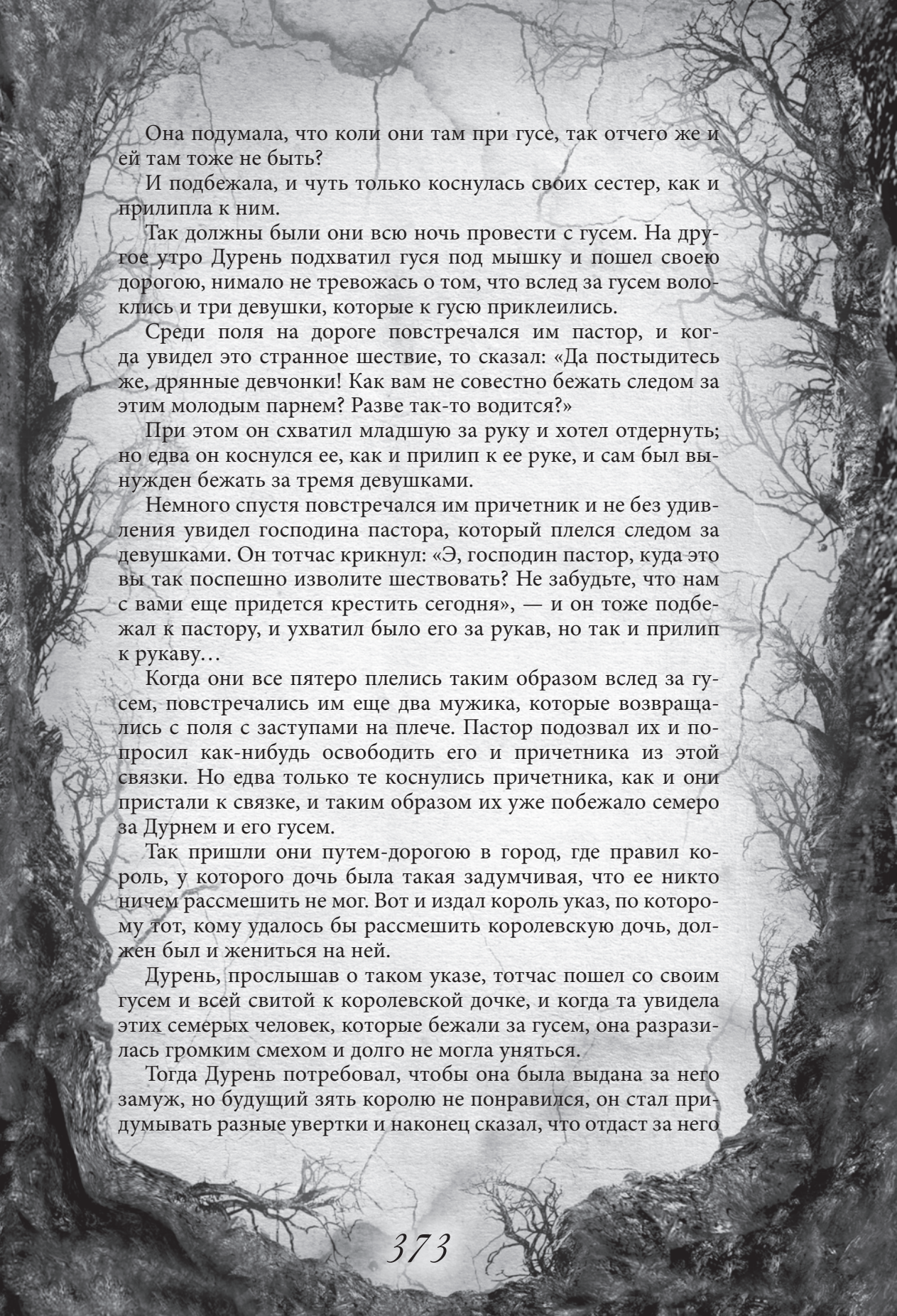
У хозяина той гостиницы было три дочери; как увидели они золотого гуся, так и захотелось им посмотреть поближе, что это за диковинная птица, и добыть себе хоть одно из ее золотых перышек.

Старшая подумала: «Уж я улучу такую минутку, когда мне можно будет выхватить у него перышко», — и при первом случае, когда Дурень куда-то отлучился, она и ухватила гуся за крыло...

Но увы! И пальцы, и вся рука девушки так и пристали к крылу, словно припаянные!

Вскоре после того подошла и другая; она тоже только о том и думала, как бы ей добыть себе золотое перышко, но едва только она коснулась своей сестры, как приклеилась к ней, так что и оторваться не могла.

Наконец, подошла и третья с тем же намерением; и хоть сестры кричали ей, чтобы она не подходила и не прикасалась, но она их не послушалась.

Она подумала, что коли они там при гусе, так отчего же и ей там тоже не быть?

И подбежала, и чуть только коснулась своих сестер, как и прилипла к ним.

Так должны были они всю ночь провести с гусем. На другое утро Дурень подхватил гуся под мышку и пошел своею дорогою, нимало не тревожась о том, что вслед за гусем волоклись и три девушки, которые к гусю приклеились.

Среди поля на дороге повстречался им пастор, и когда увидел это странное шествие, то сказал: «Да постыдитесь же, дрянные девчонки! Как вам не совестно бежать следом за этим молодым парнем? Разве так-то водится?»

При этом он схватил младшую за руку и хотел отдернуть; но едва он коснулся ее, как и прилип к ее руке, и сам был вынужден бежать за тремя девушками.

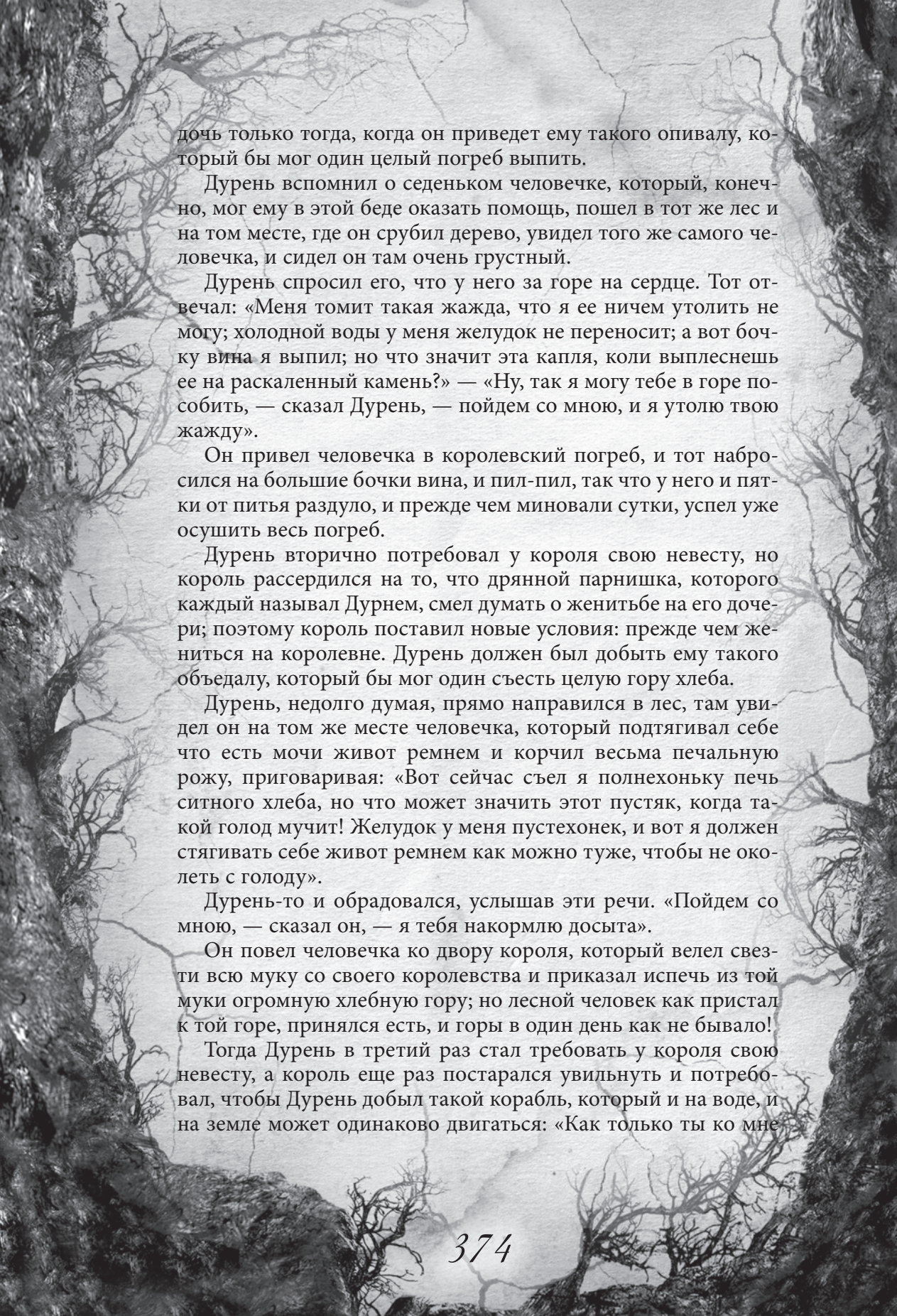
Немного спустя повстречался им причетник и не без удивления увидел господина пастора, который плелся следом за девушками. Он тотчас крикнул: «Э, господин пастор, куда это вы так поспешно изволите шествовать? Не забудьте, что нам с вами еще придется крестить сегодня», — и он тоже подбежал к пастору, и ухватил было его за рукав, но так и прилип к рукаву...

Когда они все пятеро плелись таким образом вслед за гусем, повстречались им еще два мужика, которые возвращались с поля с заступами на плече. Пастор подозвал их и попросил как-нибудь освободить его и причетника из этой связки. Но едва только те коснулись причетника, как и они пристали к связке, и таким образом их уже побежало семеро за Дурнем и его гусем.

Так пришли они путем-дорогою в город, где правил король, у которого дочь была такая задумчивая, что ее никто ничем рассмешить не мог. Вот и издал король указ, по которому тот, кому удалось бы рассмешить королевскую дочь, должен был и жениться на ней.

Дурень, прослышав о таком указе, тотчас пошел со своим гусем и всей свитой к королевской дочке, и когда та увидела этих семерых человек, которые бежали за гусем, она разразилась громким смехом и долго не могла унять.

Тогда Дурень потребовал, чтобы она была выдана за него замуж, но будущий зять королю не понравился, он стал придумывать разные увертки и наконец сказал, что отдаст за него

дочь только тогда, когда он приведет ему такого опивалу, который бы мог один целый погреб выпить.

Дурень вспомнил о седеньком человечке, который, конечно, мог ему в этой беде оказать помощь, пошел в тот же лес и на том месте, где он срубил дерево, увидел того же самого человечка, и сидел он там очень грустный.

Дурень спросил его, что у него за горе на сердце. Тот отвечал: «Меня томит такая жажда, что я ее ничем утолить не могу; холодной воды у меня желудок не переносит; а вот бочку вина я выпил; но что значит эта капля, коли выплеснешь ее на раскаленный камень?» — «Ну, так я могу тебе в горе пособить, — сказал Дурень, — пойдем со мною, и я утолю твою жажду».

Он привел человечка в королевский погреб, и тот набросился на большие бочки вина, и пил-пил, так что у него и пятки от питья раздуло, и прежде чем миновали сутки, успел уже осушить весь погреб.

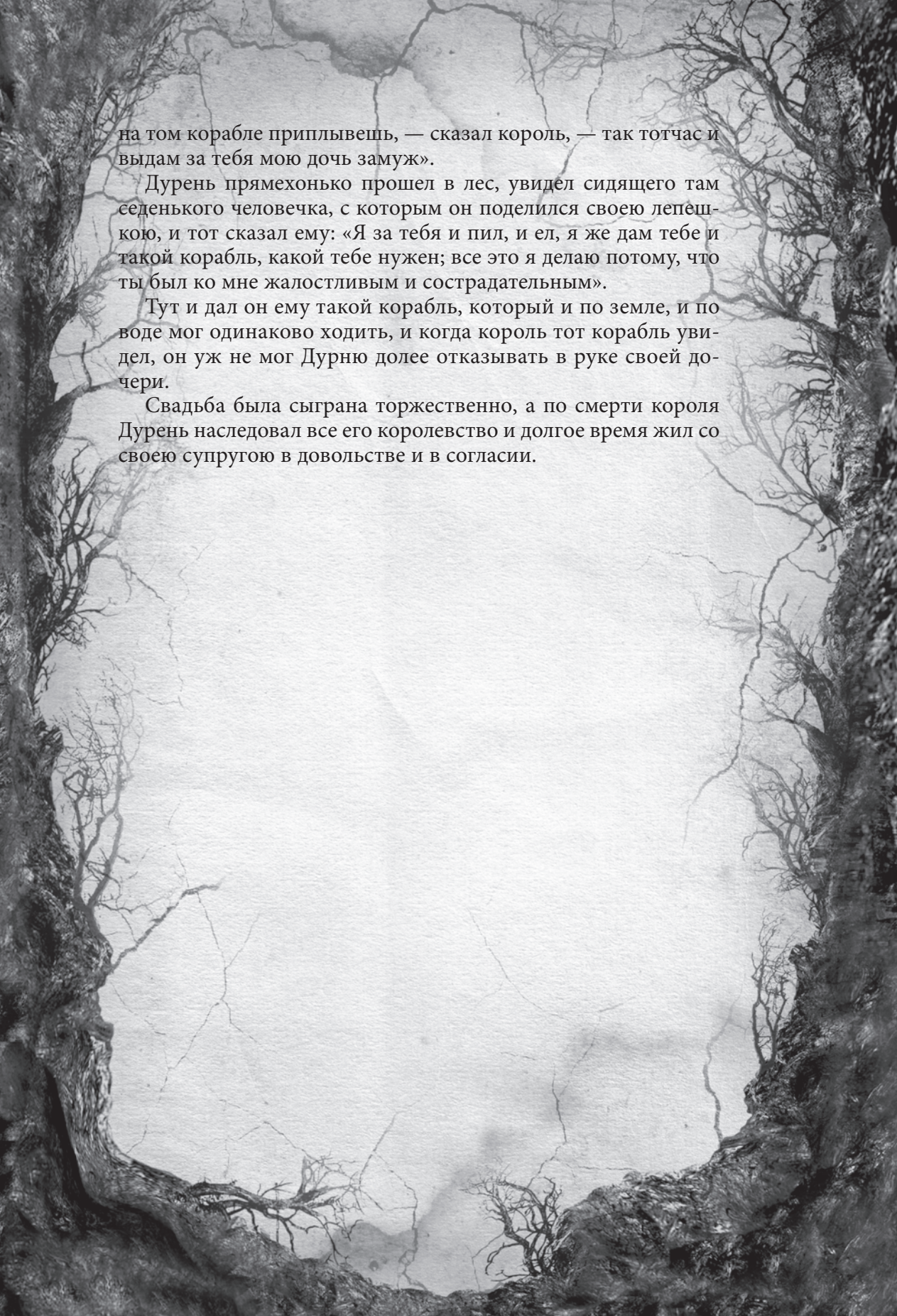
Дурень вторично потребовал у короля свою невесту, но король рассердился на то, что дрянной парнишка, которого каждый называл Дурнем, смел думать о женитьбе на его дочери; поэтому король поставил новые условия: прежде чем жениться на королевне. Дурень должен был добыть ему такого объедалу, который бы мог один съесть целую гору хлеба.

Дурень, недолго думая, прямо направился в лес, там увидел он на том же месте человечка, который подтягивал себе что есть мочи живот ремнем и корчил весьма печальную рожу, приговаривая: «Вот сейчас съел я полнехоньку печь ситного хлеба, но что может значить этот пустяк, когда такой голод мучит! Желудок у меня пустехонек, и вот я должен стягивать себе живот ремнем как можно туже, чтобы не окоченеть с голоду».

Дурень-то и обрадовался, услышав эти речи. «Пойдем со мною, — сказал он, — я тебя накормлю досыта».

Он повел человечка ко двору короля, который велел свезти всю муку со своего королевства и приказал испечь из той муки огромную хлебную гору; но лесной человек как пристал к той горе, принялся есть, и горы в один день как не бывало!

Тогда Дурень в третий раз стал требовать у короля свою невесту, а король еще раз постарался увильнуть и потребовал, чтобы Дурень добыл такой корабль, который и на воде, и на земле может одинаково двигаться: «Как только ты ко мне

на том корабле приплывешь, — сказал король, — так тотчас и выдам за тебя мою дочь замуж».

Дурень прямехонько прошел в лес, увидел сидящего там седенького человечка, с которым он поделился своею лепешкою, и тот сказал ему: «Я за тебя и пил, и ел, я же дам тебе и такой корабль, какой тебе нужен; все это я делаю потому, что ты был ко мне жалостливым и сострадательным».

Тут и дал он ему такой корабль, который и по земле, и по воде мог одинаково ходить, и когда король тот корабль увидел, он уж не мог Дурню долее отказывать в руке своей дочери.

Свадьба была сыграна торжественно, а по смерти короля Дурень наследовал все его королевство и долгое время жил со своею супругою в довольстве и в согласии.

Пестрая шкурка

Давно, очень давно жил да был на свете король, а у того короля была жена с золотыми волосами, и была она так прекрасна, что подобную ей красавицу на всей земле не сыскать было.

Случилось ей как-то заболеть, и когда она почувствовала, что скоро умрет, то позвала короля к своей постели и сказала ему: «Если ты после моей смерти вновь пожелаешь жениться, не бери за себя замуж женщину, которая не будет так же прекрасна, как я, и чтобы волосы были у нее такие же золотистые, как у меня. Ты мне это должен твердо обещать!»

Когда король дал ей это обещание, она закрыла глаза и умерла.

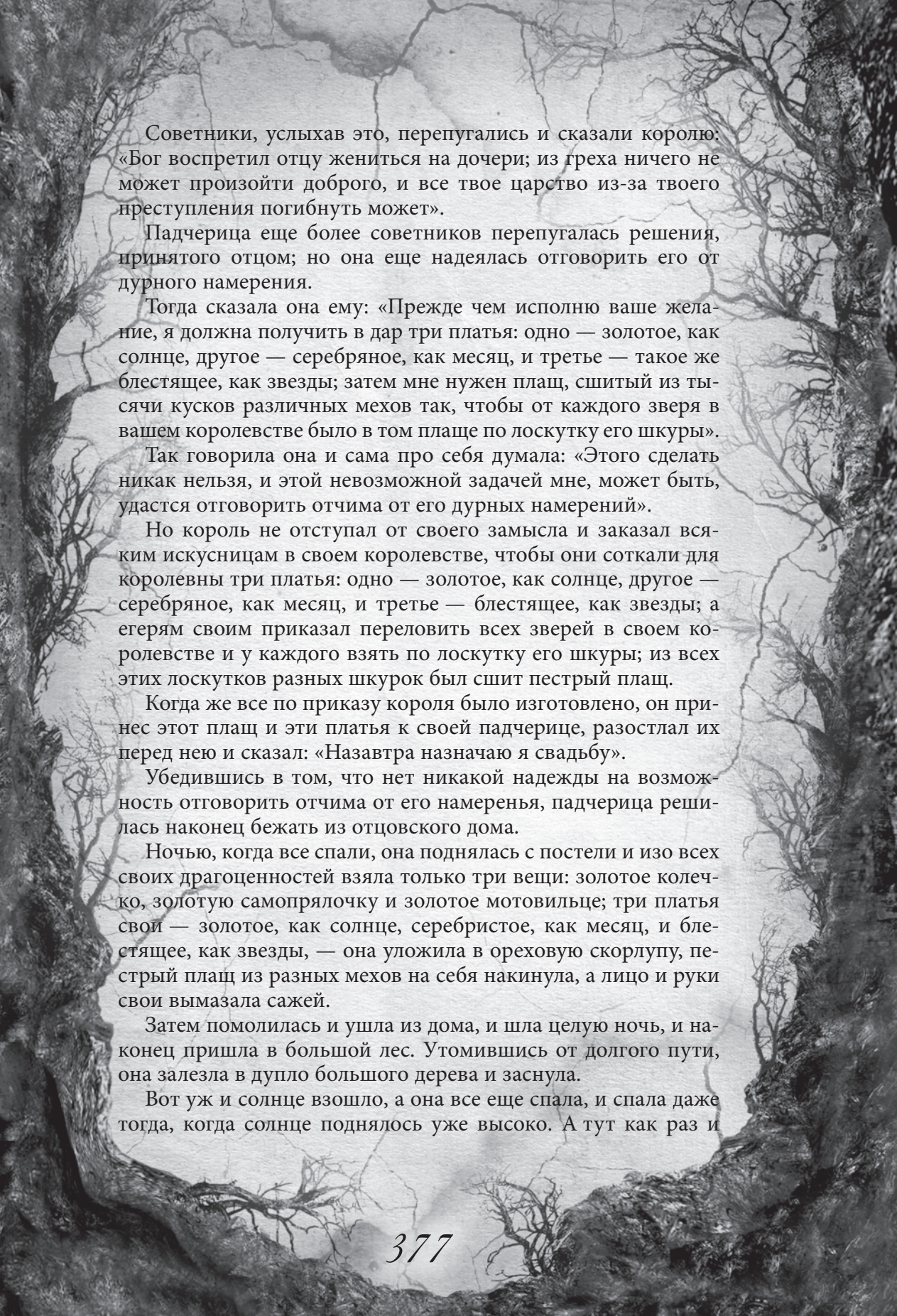
Король долгое время был неутешен и даже не думал о второй женитьбе. Наконец, его советники стали ему говорить, что негоже королю быть неженатому и что ему следует жениться, чтобы у его подданных была и королева.

Вот и разосланы были во все страны послы искать королю невесту, которая бы как раз походила красотой на покойную королеву. Но подобной красавицы не могли разыскать во всем свете; а если и находили, так у них не было таких золотистых волос, как у покойной королевы.

Так и вернулись послы домой, не исполнив данного им мудреного поручения.

А у короля-вдовца была падчерица, которая была так же прекрасна, как ее покойная мать, и волосы у дочери были такие же золотистые, как у той. Когда она подросла, король посмотрел на нее однажды, увидел, что она как две капли воды похожа на его покойную супругу, и вдруг вспыхнул к ней горячею любовью.

И сказал он своим советникам: «Я думаю жениться на моей падчерице, потому что она как две капли воды похожа на свою мать, а другой невесты, которая так же походила бы на покойную жену, я во всем свете сыскать не могу».

Советники, услышав это, перепугались и сказали королю: «Бог воспретил отцу жениться на дочери; из греха ничего не может произойти доброго, и все твое царство из-за твоего преступления погибнуть может».

Падчерица еще более советников перепугалась решения, принятого отцом; но она еще надеялась отговорить его от дурного намерения.

Тогда сказала она ему: «Прежде чем исполню ваше желание, я должна получить в дар три платья: одно — золотое, как солнце, другое — серебряное, как месяц, и третье — такое же блестящее, как звезды; затем мне нужен плащ, сшитый из тысячи кусков различных мехов так, чтобы от каждого зверя в вашем королевстве было в том плаще по лоскутку его шкуры».

Так говорила она и сама про себя думала: «Этого сделать никак нельзя, и этой невозможной задачей мне, может быть, удастся отговорить отчима от его дурных намерений».

Но король не отступал от своего замысла и заказал всяким искусникам в своем королевстве, чтобы они соткали для королевны три платья: одно — золотое, как солнце, другое — серебряное, как месяц, и третье — блестящее, как звезды; а егерям своим приказал переловить всех зверей в своем королевстве и у каждого взять по лоскутку его шкуры; из всех этих лоскутков разных шкурок был сшит пестрый плащ.

Когда же все по приказу короля было изготовлено, он принес этот плащ и эти платья к своей падчерице, разостлал их перед нею и сказал: «Назавтра назначаю я свадьбу».

Убедившись в том, что нет никакой надежды на возможность отговорить отчима от его намеренья, падчерица решила наконец бежать из отцовского дома.

Ночью, когда все спали, она поднялась с постели и из всех своих драгоценностей взяла только три вещи: золотое колечко, золотую самопрялочку и золотое мотовильце; три платья свои — золотое, как солнце, серебристое, как месяц, и блестящее, как звезды, — она уложила в ореховую скорлупу, пестрый плащ из разных мехов на себя накинула, а лицо и руки свои вымазала сажей.

Затем помолилась и ушла из дома, и шла целую ночь, и наконец пришла в большой лес. Утомившись от долгого пути, она залезла в дупло большого дерева и заснула.

Вот уж и солнце взошло, а она все еще спала, и спала даже тогда, когда солнце поднялось уже высоко. А тут как раз и

приключилось, что тот соседний король, которому этот лес принадлежал, выехал в него на охоту. Собаки его, подбежав к дереву, в котором спала королева, обнюхали его и стали кругом того дерева бегать и лаять.

Король и сказал своим егерям, чтобы они посмотрели, что за зверь укрывается в том дереве. Егеря по приказу королевскому заглянули в дерево и, вернувшись, доложили королю: «В дупле дерева лежит диковинный зверь, какого нам еще никогда видеть не приходилось; шкура его состоит из тысячи разных шкурок, а сам-то он лежит и спит». — «Посмотрите, нельзя ли будет этого зверя живьем поймать, и если можно, то привяжите его на повозку».

Но чуть только королевские егеря прикоснулись к королеве, она проснулась в перепуге и крикнула им: «Я бедная, отцом и матерью покинутая сирота, жальтесь вы надо мной и возьмите меня с собою».

А они и сказали ей: «Пестрая Шкурка! Ты и точно на кухне можешь пригодиться, пойдем с нами, пожалуй, будешь там в кухне хоть золу выгребать».

Посадили ее на повозку и поехали домой, в королевский замок. Там они указали ей на темную каморку под лестницей и сказали: «Ну, пушной зверек, здесь ты и жить, и спать можешь».

И стали ее посылать на кухню, заставили носить дрова и воду, разводить огонь, щипать перья с битой птицы, овощи выбирать, золу выгребать и всякие черные работы справлять.

Так и жила долгое время Пестрая Шкурка в великой нужде при дворе соседнего короля.

Ах, королева, королева, то ли еще с тобою будет?..

Случилось однажды, что в замке праздновался какой-то праздник; вот королева и обратилась к главному повару, и сказала ему: «Дозвольте мне ненадолго подняться наверх да посмотреть, как там праздновать будут. Я в сенях за дверью постою». — «Ступай, пожалуй, — отвечал повар, — но чтобы через полчаса ты здесь снова была и всю бы золу из печи выгребла».

Вот и взяла она свою масляную лампу, побежала в свою каморку, скинула пестрый свой плащ, обмыла сажу с рук и с лица, так что ее красота вновь явилась во всем своем блеске. Затем вскрыла она свой орешек и вынула оттуда платье, блиставшее, как солнце.

«Пестрая шкурка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Сам король вышел ей навстречу, подал руку
и стал с нею плясать, а сам про себя думал:
“Такой красавицы никогда еще мне не случалось видеть!”...»*

Надевши то платье, она поднялась наверх, где происходил праздник, и все при встрече уступали ей дорогу, так как никто ее не узнал и все полагали, что идет какая-нибудь королева. Сам король вышел ей навстречу, подал руку и стал с нею плясать, а сам про себя думал: «Такой красавицы никогда еще мне не случалось видеть!»

Окончилась пляска, она поклонилась, и когда король стал ее искать, ее и след простыл, и никто не знал, куда она подевалась. Король призвал к допросу даже сторожей, стоявших перед замком, но те отвечали, что не видали никого, кто бы из замка вышел.

А она побежала в свою каморку, живо скинула с себя свое платье, опять вымазала лицо и руки сажею, накинула свой пестрый меховой плащ и опять обратилась в Пеструю Шкурку.

Когда она пришла в кухню и хотела приняться выгребать золу, старший повар сказал ей: «Золу оставь до завтра, а вот вари суп для короля, а я тоже сбегая, погляжу на праздник; только смотри, чтобы ни волоска в суп не попало, а то я тебя больше и кормить не стану».

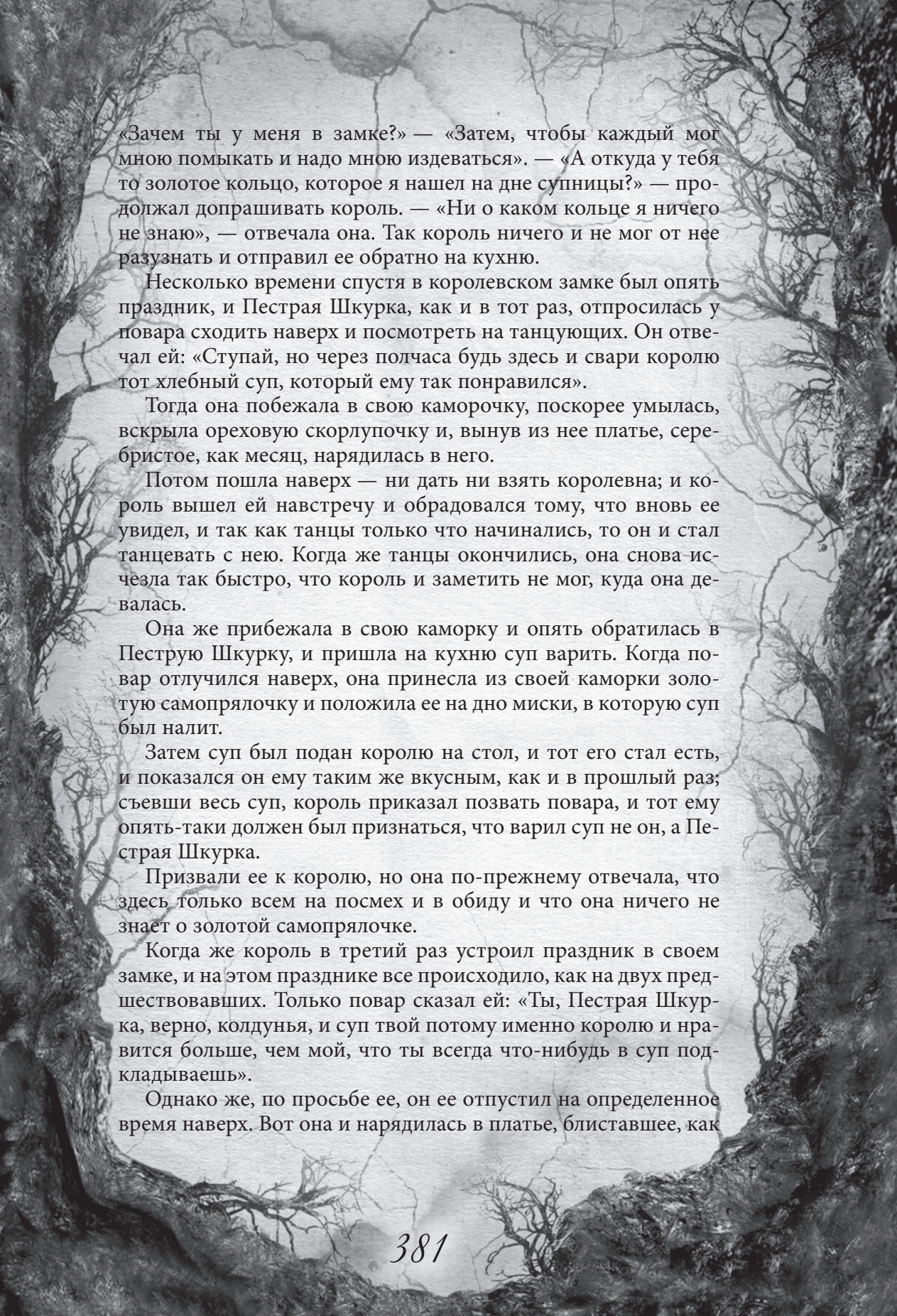
Пошел повар наверх, а Пестрая Шкурка сварила суп для короля, да к тому же еще хлебный, сварила, как умела, и когда суп был готов, она сбегала в свою каморку, достала свое золотое колечко и опустила его в ту миску, в которую налит был суп.

Между тем наверху танцы окончились, король приказал принести себе суп, стал его есть, и суп показался ему таким вкусным, какого он еще никогда не едал. Доев суп до конца, он увидел на дне супницы золотое колечко и никак не мог понять, как оно туда попало.

Вот и велел он позвать к себе повара. Повар перепугался, услышав этот приказ, и сказал Пестрой Шкурке: «Верно, ты как-нибудь волос в суп обронила? Если это так, то тебе не избежать побоев».

Когда он перед королем явился, тот спросил его: «Кто суп варил?» — «Я его варил», — отвечал повар. «Это неправда, — сказал король, — суп был совсем иначе сварен, и притом гораздо вкуснее прежнего». Тогда повар сказал: «Должен признаться, что не я тот суп варил, а Пестрая Шкурка». — «Пойди и позови ее ко мне», — сказал король.

Когда Пестрая Шкурка пришла, король спросил ее: «Кто ты?» — «Я горемыка, у которой нет ни отца, ни матери». —

«Зачем ты у меня в замке?» — «Затем, чтобы каждый мог мною помыкать и надо мною издеваться». — «А откуда у тебя то золотое кольцо, которое я нашел на дне супницы?» — продолжал допрашивать король. — «Ни о каком кольце я ничего не знаю», — отвечала она. Так король ничего и не мог от нее разузнать и отправил ее обратно на кухню.

Несколько времени спустя в королевском замке был опять праздник, и Пестрая Шкурка, как и в тот раз, отпросилась у повара сходить наверх и посмотреть на танцующих. Он отвечал ей: «Ступай, но через полчаса будь здесь и свари королю тот хлебный суп, который ему так понравился».

Тогда она побежала в свою каморочку, поскорее умылась, вскрыла ореховую скорлупочку и, вынув из нее платье, серебряное, как месяц, нарядилась в него.

Потом пошла наверх — ни дать ни взять королева; и король вышел ей навстречу и обрадовался тому, что вновь ее увидел, и так как танцы только что начинались, то он и стал танцевать с нею. Когда же танцы окончились, она снова исчезла так быстро, что король и заметить не мог, куда она девалась.

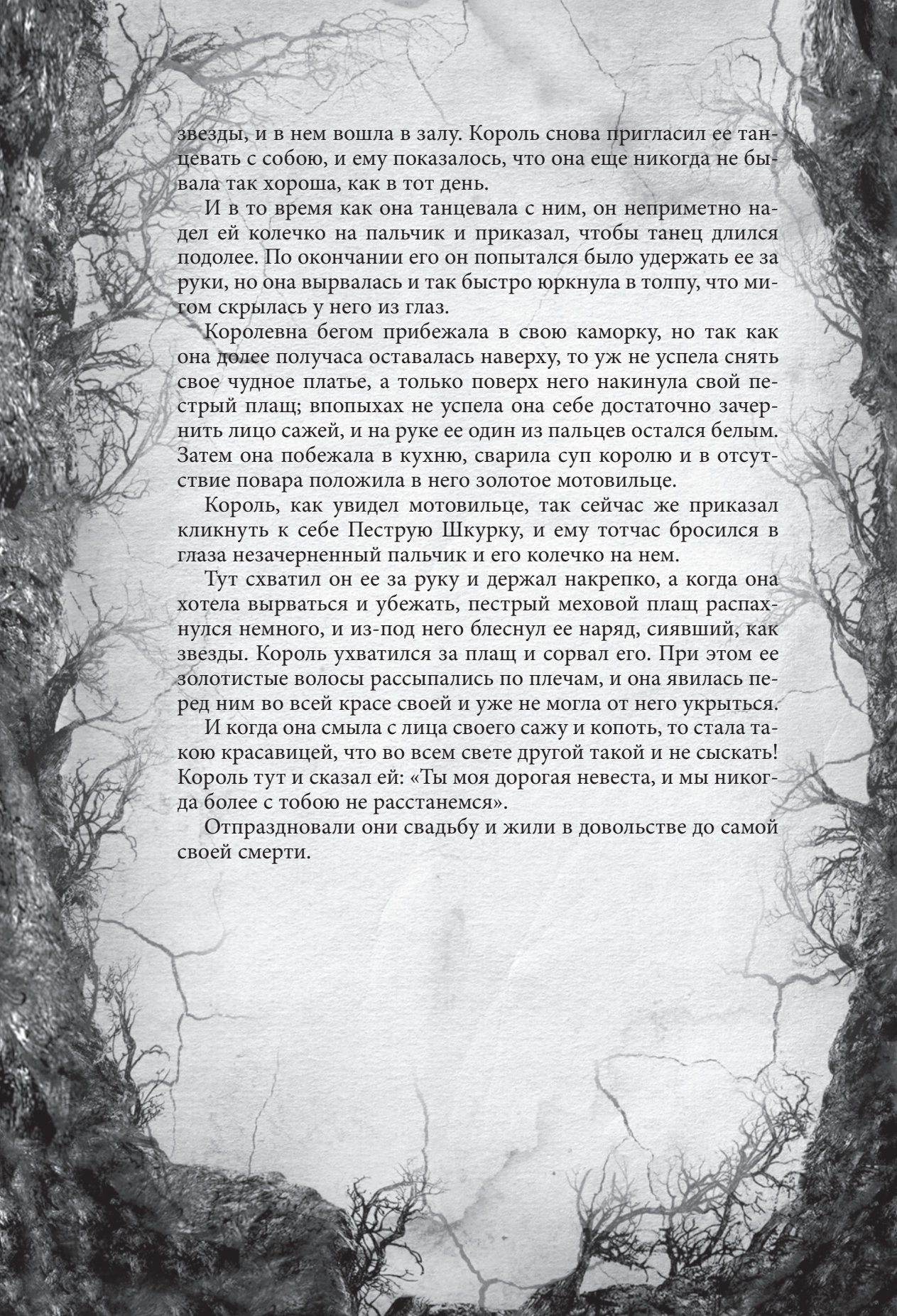
Она же прибежала в свою каморку и опять обратилась в Пеструю Шкурку, и пришла на кухню суп варить. Когда повар отлучился наверх, она принесла из своей каморки золотую самопрялочку и положила ее на дно миски, в которую суп был налит.

Затем суп был подан королю на стол, и тот его стал есть, и показался он ему таким же вкусным, как и в прошлый раз; съевши весь суп, король приказал позвать повара, и тот ему опять-таки должен был признаться, что варил суп не он, а Пестрая Шкурка.

Призвали ее к королю, но она по-прежнему отвечала, что здесь только всем на посмех и в обиду и что она ничего не знает о золотой самопрялочке.

Когда же король в третий раз устроил праздник в своем замке, и на этом празднике все происходило, как на двух предшествовавших. Только повар сказал ей: «Ты, Пестрая Шкурка, верно, колдунья, и суп твой потому именно королю и нравится больше, чем мой, что ты всегда что-нибудь в суп подкладываешь».

Однако же, по просьбе ее, он ее отпустил на определенное время наверх. Вот она и нарядилась в платье, блиставшее, как

звезды, и в нем вошла в залу. Король снова пригласил ее танцевать с собою, и ему показалось, что она еще никогда не бывала так хороша, как в тот день.

И в то время как она танцевала с ним, он неприметно надел ей колечко на пальчик и приказал, чтобы танец длился подольше. По окончании его он попытался было удержать ее за руки, но она вырвалась и так быстро юркнула в толпу, что мигом скрылась у него из глаз.

Королевна бегом прибежала в свою каморку, но так как она долее получаса оставалась наверху, то уж не успела снять свое чудное платье, а только поверх него накинула свой пестрый плащ; впопыхах не успела она себе достаточно зачернить лицо сажей, и на руке ее один из пальцев остался белым. Затем она побежала в кухню, сварила суп королю и в отсутствие повара положила в него золотое мотовильце.

Король, как увидел мотовильце, так сейчас же приказал кликнуть к себе Пеструю Шкурку, и ему тотчас бросился в глаза незачерненный пальчик и его колечко на нем.

Тут схватил он ее за руку и держал накрепко, а когда она хотела вырваться и убежать, пестрый меховой плащ распался немного, и из-под него блеснул ее наряд, сиявший, как звезды. Король ухватился за плащ и сорвал его. При этом ее золотистые волосы рассыпались по плечам, и она явилась перед ним во всей красе своей и уже не могла от него укрыться.

И когда она смыла с лица своего сажу и копоть, то стала такою красавицей, что во всем свете другой такой и не сыскать! Король тут и сказал ей: «Ты моя дорогая невеста, и мы никогда более с тобою не расстанемся».

Отпраздновали они свадьбу и жили в довольстве до самой своей смерти.

Невеста зайчика

Не очень давно жила в одном саду с капустным огородом мать с дочкой; повадился в этот сад бегать зайчик и в зимнее время чуть ли не всю капусту в нем поел.

И сказала мать дочке: «Поди в огород да прогони зайчика». Дочка и сказала зайчику: «Брысь, брысь, зайчик! Ты так всю нашу капусту съешь!» А зайчик отвечал ей: «Пойди сюда, девушка, садись на мой заячий хвостик и поедем вместе в мой заячий домик».

А девушка не хочет.

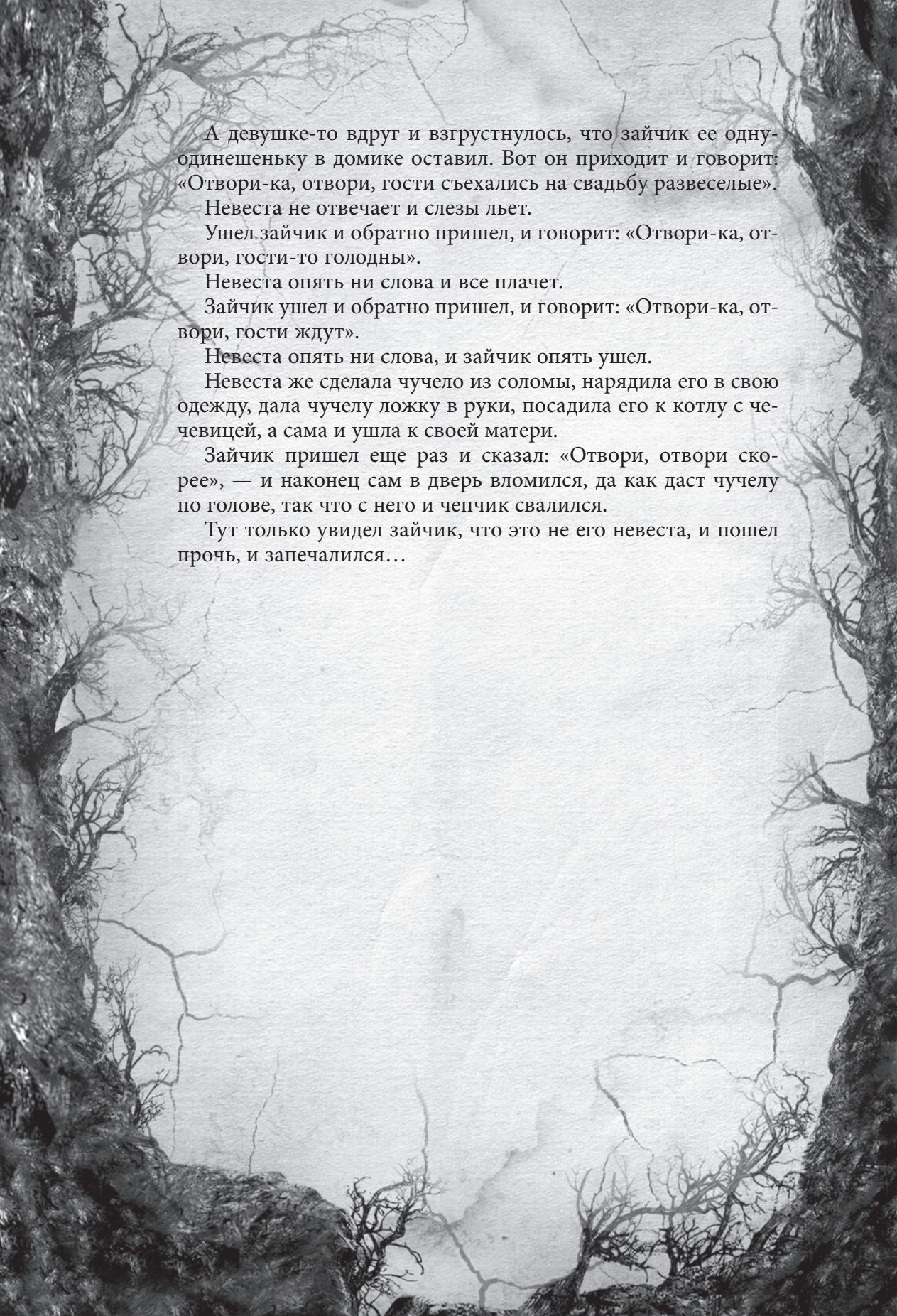
На другое утро опять приходит зайчик в огород и ест капусту; вот и говорит мать дочке: «Пойди в огород да прогони зайчика». Дочка и сказала зайчику: «Брысь, брысь, зайчик! Ты так всю нашу капусту съешь!» А зайчик ей: «Пойди сюда, девушка, садись на мой заячий хвостик и поедем вместе в мой заячий домик».

А девушка не хочет.

На третий день опять приходит зайчик в огород есть капусту. Говорит мать дочке: «Ступай в огород и прогони зайчика». Дочка сказала зайчику: «Брысь, брысь, зайчик! Ты так всю нашу капусту съешь». А зайчик ей: «Поди сюда, девушка, садись на мой заячий хвостик, поедем вместе в мой заячий домик».

Тут девушка взяла да и села на заячий хвостик, и зайчик унес ее далеко-далеко, в свой заячий домик, и сказал: «Ну-ка, вари сырую капусту и чечевицу, я пойду звать гостей на нашу свадьбу». Вот и созвал всех гостей.

А, небось, хочешь знать, что это были за гости? Могу тебе сказать, как сам от других слыхал: то были все зайцы, а пастором у них была ворона, а причетником лисица, и свадьбу должны они были играть под открытым небом, под сводами радуги.

А девушке-то вдруг и взгрустнулось, что зайчик ее одну-одинешеньку в домике оставил. Вот он приходит и говорит: «Отвори-ка, отвори, гости съехались на свадьбу развеселые».

Невеста не отвечает и слезы льет.

Ушел зайчик и обратно пришел, и говорит: «Отвори-ка, отвори, гости-то голодны».

Невеста опять ни слова и все плачет.

Зайчик ушел и обратно пришел, и говорит: «Отвори-ка, отвори, гости ждут».

Невеста опять ни слова, и зайчик опять ушел.

Невеста же сделала чучело из соломы, нарядила его в свою одежду, дала чучелу ложку в руки, посадила его к котлу с чечевицей, а сама и ушла к своей матери.

Зайчик пришел еще раз и сказал: «Отвори, отвори скорее», — и наконец сам в дверь вломился, да как даст чучелу по голове, так что с него и чепчик свалился.

Тут только увидел зайчик, что это не его невеста, и пошел прочь, и запечалился...

Двенадцать охотников

Жил на свете королевич, у которого была невеста, и он ту невесту очень любил. Когда он как-то сидел у невесты и был доволен и весел, пришла к нему весть, что отец его болен и при смерти, а перед кончиною желает его повидать.

Тогда сказал он своей милой: «Мне надо уехать и тебя на время покинуть, так вот, возьми на память обо мне колечко. Как буду я королем, так опять к тебе приеду и тебя с собою увезу».

И уехал, и когда прибыл к отцу, то застал его на смертном одре при последнем издыхании. Тот и сказал ему: «Милый сын, я хотел еще раз повидать тебя перед смертью; обещаю тебе, что изберешь невесту по моему желанию», — и указал ему на одну королевну, которую назначал ему в супруги.

Сын был так озадачен, что и опомниться не успел, и прямо сказал: «Дорогой батюшка, ваша воля будет выполнена», — и после этого король закрыл глаза и умер.

Когда прошло время печали после кончины короля, королевич должен был выполнить данное ему обещание и послал сватов к той королевне, на которую указал ему отец перед кончиною, и сватовство его было принято ее родителями.

Об этом услышала первая невеста королевича и так стала сокрушаться о его неверности, что почти извелась от тоски. Вот и спросил у нее отец: «Дитяtko милое, что ты так печалишься? Ведь стоит только тебе захотеть чего-нибудь, и все будет исполнено по твоему желанию».

Королевна призадумалась и сказала: «Милый батюшка, мне нужны одиннадцать девушек, вполне схожих со мною и лицом, и ростом, и всею внешностью».

Король сказал: «Если это возможно, твое желание должно быть исполнено», — и приказал во всем царстве так долго разыскивать, что наконец-таки подыскали одиннадцать деву-

шек, вполне схожих с королевною и лицом, и ростом, и всею внешностью.

Когда они были приведены к королевне, та приказала сшить двенадцать охотничьих одежд, совершенно одинаковых, и нарядила в те одежды одиннадцать девушек, и сама надела на себя двенадцатую, такую же точно.

Затем она простилась с отцом, поехала из родительского дома и направилась вместе со своею свитою ко двору бывшего жениха, которого она так крепко любила.

Она спросила у него, не нужны ли ему охотники и не может ли он их всех разом принять на службу?

Король поглядел на нее и не узнал; но так как все это были такие красивые, brave ребята, то король согласился всех принять на службу, и таким образом все двенадцать девушек поступили к королю в егеря.

Но у короля был в доме лев, и предиковинный: ему было известно все скрытое и тайное. Вот он однажды вечером и говорит королю: «Ты, небось, думаешь, что к тебе поступило на службу двенадцать егерей?» — «Ну, да! Конечно, двенадцать егерей!» — отвечал король. «Ну, так я тебе скажу, что ты ошибаешься, — сказал лев, — это у тебя не двенадцать егерей, а двенадцать девушек». — «Быть не может! Как ты мне это докажешь?» — «О! Очень просто! — сказал лев. — Вот вели-ка у себя в передней рассыпать по полу горох, так и сам сейчас увидишь, правду ли я говорю. Ведь мужчины-то ступают на ногу твердо, и когда пойдут по гороху, ни одна горошинка не двинется; а девицы-то ступают нежненько, словно скользят либо перепархивают, вот горох-то у них под ногами и раскатывается».

Понравился королю совет, и велел он у себя в передней горох рассыпать.

Но у короля был слуга, который дружил с охотниками, и как только узнал, что им предстояло выдержать испытание, пошел к ним, пересказал им все, что против них затеяно, и добавил: «Лев хочет доказать королю, что вы — девушки».

Поблагодарила его королевна и потом сказала своим товаркам: «Сделайте над собою усилие и ступайте на горох покрепче».

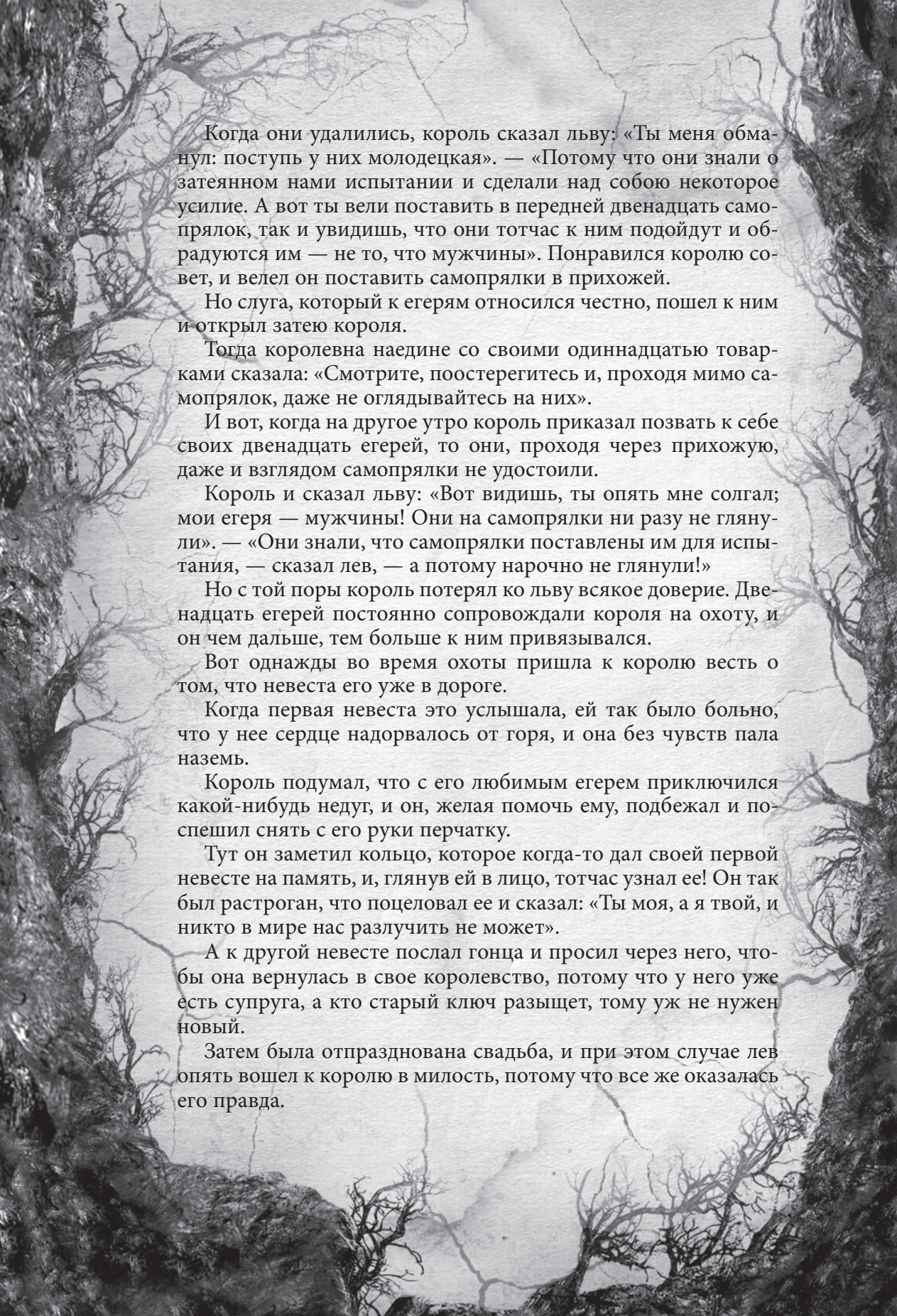
Когда же на другое утро король позвал к себе своих двенадцать егерей, то они так твердо прошли по гороху, и поступь у них была такая веская и уверенная, что ни одна горошинка с места не двинулась и не покатилась.

«Двенадцать охотников».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...И сел на свете королевич, у которого была невеста,
и он ту невесту очень любил. Когда он как-то сидел у невесты
и был доволен и весел, пришла к нему весть...»*

Когда они удалились, король сказал льву: «Ты меня обманул: поступь у них молодецкая». — «Потому что они знали о затеянном нами испытании и сделали над собою некоторое усилие. А вот ты вели поставить в передней двенадцать самопрялок, так и увидишь, что они тотчас к ним подойдут и обрадуются им — не то, что мужчины». Понравился королю совет, и велел он поставить самопрялки в прихожей.

Но слуга, который к егерям относился честно, пошел к ним и открыл затею короля.

Тогда королева наедине со своими одиннадцатью товарками сказала: «Смотрите, поостерегитесь и, проходя мимо самопрялок, даже не оглядывайтесь на них».

И вот, когда на другое утро король приказал позвать к себе своих двенадцать егерей, то они, проходя через прихожую, даже и взглядом самопрялки не удостоили.

Король и сказал льву: «Вот видишь, ты опять мне солгал; мои егеря — мужчины! Они на самопрялки ни разу не глянули». — «Они знали, что самопрялки поставлены им для испытания, — сказал лев, — а потому нарочно не глянули!»

Но с той поры король потерял ко льву всякое доверие. Двенадцать егерей постоянно сопровождали короля на охоту, и он чем дальше, тем больше к ним привязывался.

Вот однажды во время охоты пришла к королю весть о том, что невеста его уже в дороге.

Когда первая невеста это услышала, ей так было больно, что у нее сердце надорвалось от горя, и она без чувств пала наземь.

Король подумал, что с его любимым егерем приключился какой-нибудь недуг, и он, желая помочь ему, подбежал и поспешил снять с его руки перчатку.

Тут он заметил кольцо, которое когда-то дал своей первой невесте на память, и, глянув ей в лицо, тотчас узнал ее! Он так был растроган, что поцеловал ее и сказал: «Ты моя, а я твой, и никто в мире нас разлучить не может».

А к другой невесте послал гонца и просил через него, чтобы она вернулась в свое королевство, потому что у него уже есть супруга, а кто старый ключ разыщет, тому уж не нужен новый.

Затем была отпразднована свадьба, и при этом случае лев опять вошел к королю в милость, потому что все же оказалась его правда.

Вор и его учитель

Надумал отец своего сына в ученье отдать к мастеру и пошел в кирху, и стал усердно молиться Богу, желая знать, что ему будет угодно; а причетник возьми и скажи ему: «Отдай сына воровскому делу обучаться».

Вот и пошел отец к сыну и сказал, что ему надо воровству учиться, что такова воля Божия.

Взял с собою сына и стал искать человека, который бы мог научить его воровству.

Долго шли они и пришли наконец в большой лес, а в том лесу видят маленькую избушечку, а в избушечке древнюю старушечку.

И сказал ей отец: «Не знаешь ли ты человека, который бы мог научить моего сына воровству?» — «Этому ремеслу может он и здесь выучиться, — сказала старушка, — сын у меня в этом деле мастер».

Тогда отец заговорил и с сыном старушки и спросил его, хорошо ли он воровское дело знает.

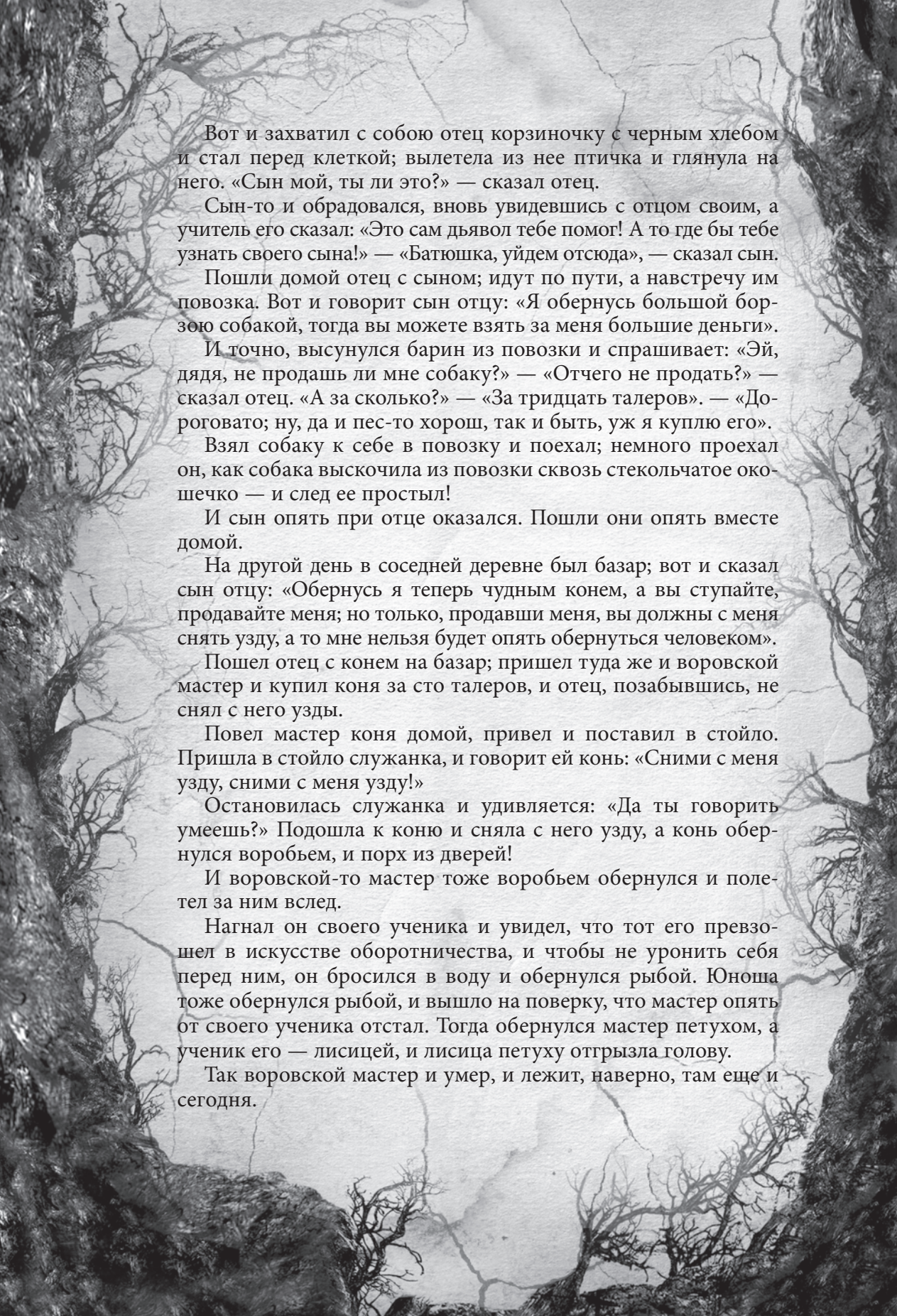
Воровской мастер отвечал ему: «Я берусь учить твоего сына моему делу с тем уговором, что если ты через год приедешь и сына своего узнаешь, то с тебя и денег за ученье не возьму; а не узнаешь, то заплатишь мне двести талеров». Отец ушел домой, а сын стал обучаться колдовству и воровству.

Когда минул год, пошел отец к мастеру и запечалился: не знает, как ему сына узнать.

В то время как он шел да печалился, попался ему навстречу маленький человечек и сказал: «Чего, дядя, так запечалился? О чем грустишь?»

Отец и рассказал ему о своем горе и добавил: «Вот я и боюсь, что сына-то не узнаю!.. А как не узнаю, откуда я тогда денег возьму?»

И сказал ему встречный человечек: «Возьми с собой корзиночку с хлебом да стань под трубою — увидишь в избушке клеточку, а из клеточки вылетит птичка — это и есть твой сын».

Вот и захватил с собою отец корзиночку с черным хлебом и стал перед клеткой; вылетела из нее птичка и глянула на него. «Сын мой, ты ли это?» — сказал отец.

Сын-то и обрадовался, вновь увидевшись с отцом своим, а учитель его сказал: «Это сам дьявол тебе помог! А то где бы тебе узнать своего сына!» — «Батюшка, уйдем отсюда», — сказал сын.

Пошли домой отец с сыном; идут по пути, а навстречу им повозка. Вот и говорит сын отцу: «Я обернусь большой борзою собакой, тогда вы можете взять за меня большие деньги».

И точно, высунулся барин из повозки и спрашивает: «Эй, дядя, не продашь ли мне собаку?» — «Отчего не продать?» — сказал отец. «А за сколько?» — «За тридцать талеров». — «Дороговато; ну, да и пес-то хорош, так и быть, уж я куплю его».

Взял собаку к себе в повозку и поехал; немного проехал он, как собака выскочила из повозки сквозь стекольчатое окошечко — и след ее простыл!

И сын опять при отце оказался. Пошли они опять вместе домой.

На другой день в соседней деревне был базар; вот и сказал сын отцу: «Обернусь я теперь чудным конем, а вы ступайте, продавайте меня; но только, продавши меня, вы должны с меня снять узду, а то мне нельзя будет опять обернуться человеком».

Пошел отец с конем на базар; пришел туда же и воровской мастер и купил коня за сто талеров, и отец, позабывшись, не снял с него узды.

Повел мастер коня домой, привел и поставил в стойло. Пришла в стойло служанка, и говорит ей конь: «Сними с меня узду, сними с меня узду!»

Остановилась служанка и удивляется: «Да ты говорить умеешь?» Подошла к коню и сняла с него узду, а конь обернулся воробьем, и порх из дверей!

И воровской-то мастер тоже воробьем обернулся и полетел за ним вслед.

Нагнал он своего ученика и увидел, что тот его превзошел в искусстве оборотничества, и чтобы не уронить себя перед ним, он бросился в воду и обернулся рыбой. Юноша тоже обернулся рыбой, и вышло на поверку, что мастер опять от своего ученика отстал. Тогда обернулся мастер петухом, а ученик его — лисицей, и лисица петуху отгрызла голову.

Так воровской мастер и умер, и лежит, наверно, там еще и сегодня.

Иоринда и Иорингель

Стоял некогда старый замок среди большого дремучего леса, и в том замке жила старуха одна-одинешенька, и была она древней волшебницей.

Днем оборачивалась она кошкою или совою, а под вечер опять принимала обычный человеческий образ.

Она умела приманивать всякую дичь и всяких птиц, затем их убивала, варила и жарила себе.

Если кто-нибудь подходил к ее замку на сто шагов, то вынужден был останавливаться и как бы замирал на месте, пока она не снимала с него запрета.

Если же на это расстояние к ее замку приближалась невинная девушка, то она обращала ее в птицу, затем сажала птицу в клетку и уносила клетку в одну из комнат замка.

В ее замке было, по крайней мере, семьсот клеток с такими диковинными птицами.

Жила в то же время и молодая девушка по имени Иоринда; она была красивее всех других девушек, своих сверстниц. Она и один прекрасный юноша, которого звали Иорингель, дали друг другу взаимное обещание соединиться узами брака. Они переживали веселое предбрачное время и находили величайшее удовольствие в том, чтобы быть неразлучно вместе.

И вот, для того чтобы иметь возможность вместе наговориться по душам, они пошли однажды в лес. «Берегись, Иоринда, — сказал Иорингель, — не подходи слишком близко к замку волшебницы».

Вечер был чудный; солнце ярко светило между стволами, проникая лучами своими в зеленую гущу леса; горлинки ворковали в старых ветвистых деревьях.

Они сели на поляне, освещенной лучами солнца, и вдруг поддались грустному настроению. Иоринда стала плакать, Иорингель тоже стал жаловаться.

Они были так растроганы, так взволнованы, как будто чувствовали себя накануне смерти.

Когда же они опомнились и оглянулись кругом себя, то увидели, что они в лесу заблудились и не могли уже найти дорогу к дому.

Солнце до половины уже скрылось за гору. Глянул Иорингель между кустов и увидел ветхую стену замка близехонько от себя, он ужаснулся и онемел от испуга.

А Иоринда запела:

Пичужечка-голубушка
На горе мне поет;
Я чую — моя смертушка
Идет ко мне, идет.
Тии-вить, тии-вить...

Иорингель глянул на Иоринду и увидел, что та превратилась в соловья, который напевал: «Тии-вить, тии-вить». Ночная сова с огненно-красными глазами три раза облетела кругом ее и прокричала: «У-гу, у-гу, у-гу».

Иорингель не мог двинуться: он стоял там, словно окаменелый, не мог ни говорить, ни плакать, ни рукою, ни ногою двинуть.

Вот наконец и солнце закатилось; сова порхнула в какой-то куст, и тотчас же из него явилась горбатая старуха, желтая и худая; глаза у нее были красные, большие, а нос крючком опускался к самому подбородку.

Она проворчала что-то, поймала соловейку и унесла к себе. Иорингель ничего не мог сказать, не мог и с места сойти — и соловья как не бывало!

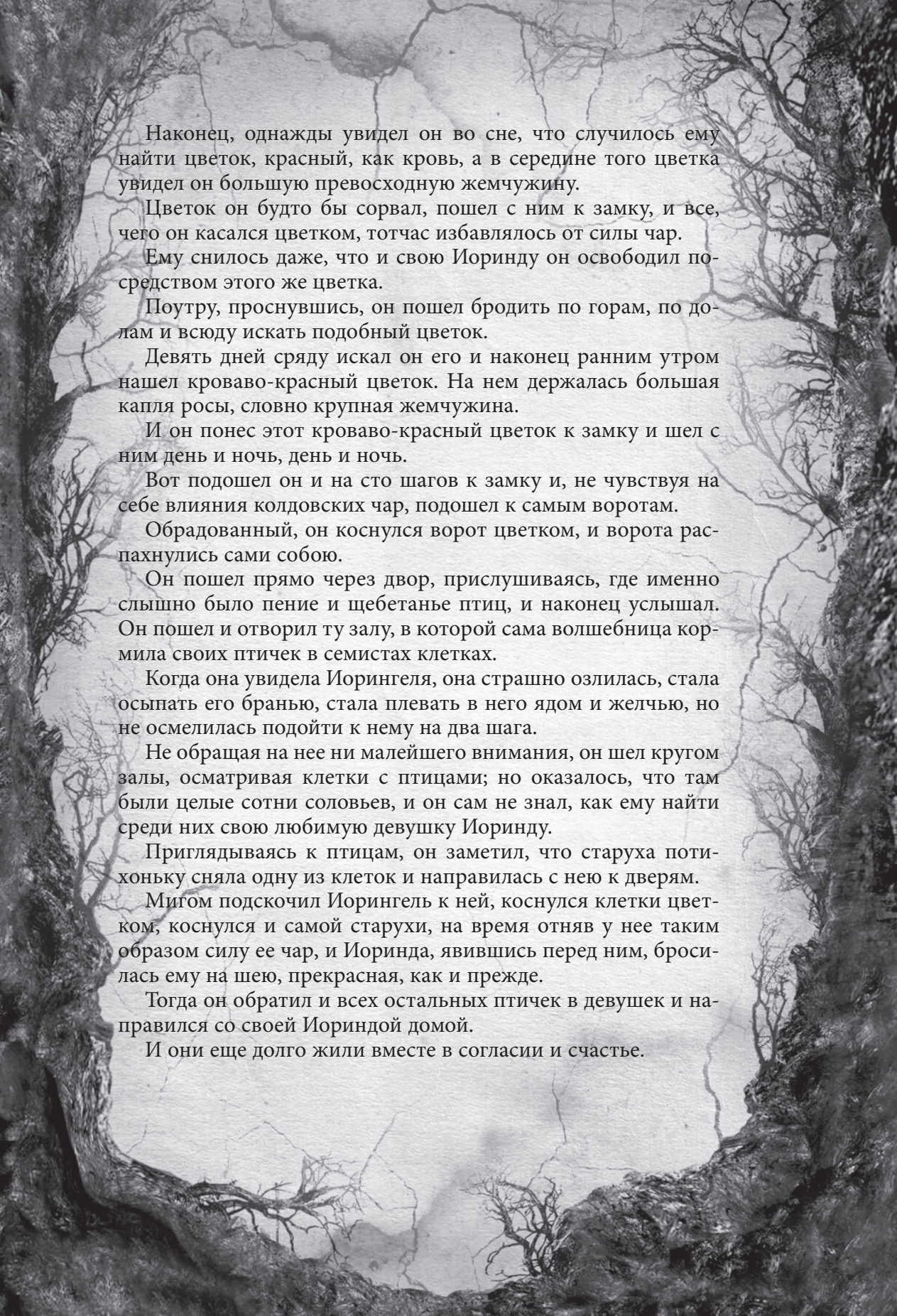
Наконец, старуха снова вернулась и сказала глухим голосом: «Пташечка-то в клеточке, и ты теперь свободен — в час добрый!»

И Иорингель почувствовал себя свободным.

Он пал на колени перед старухой и умолял ее вернуть ему дорогую Иоринду; но та отвечала, что он никогда более ее не увидит, и пошла прочь.

«О! Что же я теперь буду делать?» — сокрушаясь, думал он; пошел в ближайшую деревню и нанялся пасти там овец.

Часто бродил он кругом замка, хотя и не решался к нему подойти близко.

Наконец, однажды увидел он во сне, что случилось ему найти цветок, красный, как кровь, а в середине того цветка увидел он большую превосходную жемчужину.

Цветок он будто бы сорвал, пошел с ним к замку, и все, чего он касался цветком, тотчас избавлялось от силы чар.

Ему снилось даже, что и свою Иоринду он освободил посредством этого же цветка.

Путру, проснувшись, он пошел бродить по горам, по долам и всюду искать подобный цветок.

Девять дней сряду искал он его и наконец ранним утром нашел кроваво-красный цветок. На нем держалась большая капля росы, словно крупная жемчужина.

И он понес этот кроваво-красный цветок к замку и шел с ним день и ночь, день и ночь.

Вот подошел он и на сто шагов к замку и, не чувствуя на себе влияния колдовских чар, подошел к самым воротам.

Обрадованный, он коснулся ворот цветком, и ворота распахнулись сами собою.

Он пошел прямо через двор, прислушиваясь, где именно слышно было пение и щебетанье птиц, и наконец услышал. Он пошел и отворил ту залу, в которой сама волшебница кормила своих птичек в семистах клетках.

Когда она увидела Иорингеля, она страшно озлилась, стала осыпать его бранью, стала плевать в него ядом и желчью, но не осмелилась подойти к нему на два шага.

Не обращая на нее ни малейшего внимания, он шел кругом залы, осматривая клетки с птицами; но оказалось, что там были целые сотни соловьев, и он сам не знал, как ему найти среди них свою любимую девушку Иоринду.

Приглядываясь к птицам, он заметил, что старуха потихоньку сняла одну из клеток и направилась с нею к дверям.

Мигом подскочил Иорингель к ней, коснулся клетки цветком, коснулся и самой старухи, на время отняв у нее таким образом силу ее чар, и Иоринда, явившись перед ним, бросилась ему на шею, прекрасная, как и прежде.

Тогда он обратил и всех остальных птичек в девушек и направился со своей Иориндой домой.

И они еще долго жили вместе в согласии и счастье.

Три счастливчика

У одного отца было трое сыновей. Однажды он позвал их к себе и раздал им подарки: первому подарил петуха, второму — косу, третьему — кошку. «Я уж стар, — сказал он, — смерть у меня за плечами; а потому я и хотел позаботиться о вас еще при жизни. Денег у меня нет; то, чем я вас теперь наделил, по-видимому, не имеет большой цены, но дело-то все в том, чтобы суметь эти вещи разумно применить: стоит вам только отыскать такую страну, в которой бы эти предметы были вовсе неизвестны, и тогда ваше счастье вполне обеспечено».

После смерти отца старший сын пошел бродить по белу свету со своим петухом; но куда ни приходил, петух везде уже был давно известен. Подходя к городу, он еще издали видел петуха в виде флюгера, по воле ветров вращавшегося на остроконечных шпилях башен; в деревнях петухов тоже было много, и все они кукарекали, и никого удивить петухом было невозможно. По-видимому, мудрено было ему составить себе счастье с помощью этого петуха.

Но вот наконец однажды случилось ему попасть на какой-то остров, на котором жители никогда петуха не видывали, а потому не умели и время свое делить, как следует. Они, конечно, умели различать утро от вечера; но зато уж ночью, если кому случалось проснуться, никто не умел определенно сказать, который час. «Смотрите, — сказал смешленный малый, указывая этим чудакам на своего петуха, — смотрите, какое это прекрасное животное! На голове у него венец, красный, словно рубиновый! На ногах — шпоры, как у рыцаря! Каждую ночь он трижды взывает к вам в определенное время, и когда прокричит в последний раз, то вы уж знаете, что восход солнца близок. Если же он часто кричит среди бела дня, то этим предупреждает вас о перемене погоды».

Все это очень понравилось жителям острова, и они целую ночь не спали, чтобы с величайшим удовольствием про-

«Три счастливыхика».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Сначала дело на лад не пошло, потому что всюду
встречал средний брат на своем пути мужиков
с такими же косами на плече, как и у него самого;
однако ж под конец его странствований и ему повстречилось
с его косаю на одном встречеве,
где жители понятия о косе не имели...»*

слушать, как петух станет петь свою песню в два, в четыре и шесть часов. Прослушав диковинную птицу, они спросили у ее владельца, не продаст ли он им новинку и сколько именно за нее желает получить. «Да не много, не мало: столько золота, сколько осел может снести», — отвечал он. «Ну, это цена совсем пустяшная за такую дорогую птицу!» — воскликнули сообща все жители острова и весьма охотно уплатили ему требуемую сумму.

Когда он с таким богатством вернулся домой, братья не могли надивиться его удаче, и второй брат сказал: «Дай-ка и я пойду с моею косою поискать счастья. Авось, и я ее так же выгодно с рук сумею сбыть». Сначала дело на лад не пошло, потому что всюду встречал средний брат на своем пути мужиков с такими же косами на плече, как и у него самого; однако ж под конец его странствований и ему посчастливилось с его косою на одном острове, где жители понятия о косе не имели.

Там, когда поспевали хлеба на поле, жители вывозили в поле пушки и пушечными выстрелами срезали хлеба до корня. Но это было и трудно, и неудобно: один стрелял поверх хлеба, другой попадал не в стебли, а в самые колосья и широко их разметывал кругом; при этом много зерна пропадало, да и шум был невыносимый.

А наш молодец со своей косою как пристал к полю, так втихомолку и очень скоро скосил его чистехонько, и все жители острова надивиться не могли его проворству.

Они готовы были дать ему за это драгоценное орудие все, чего бы он ни потребовал.

И дали за косу коня, навьючив на него столько золота, сколько тот снести мог.

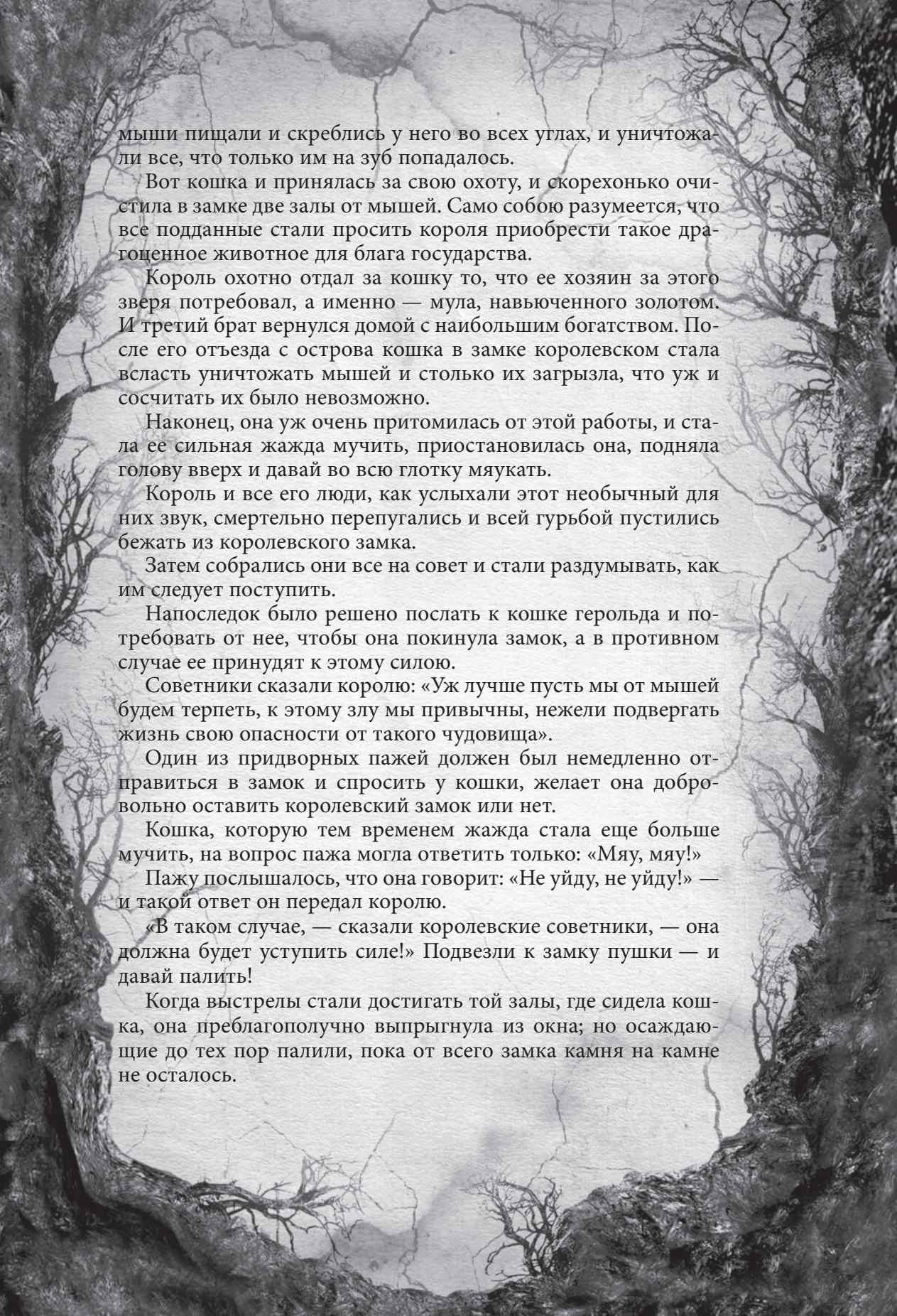
Тут уж и третий захотел пристроить свою кошку к надлежащему месту.

И с ним то же случилось, что и с его братьями: пока он бродил по материку, кошка его никому не была нужна.

Везде кошек было столько, что новорожденных котят почти всюду топили в воде.

Наконец, задумал он переплыть на корабле на какой-то остров, и на его счастье оказалось, что на том острове никто никогда еще кошки не видывал, а мышей развелось там такое великое множество, что они во всех домах и при хозяевах, и без хозяев сотнями бегали по скамьям и по столам.

Все жители острова жаловались на это бедствие, и сам король не мог от мышей уберечься в своем королевском замке.

мыши пищали и скреблись у него во всех углах, и уничтожали все, что только им на зуб попадалось.

Вот кошка и принялась за свою охоту, и скорехонько очистила в замке две залы от мышей. Само собою разумеется, что все подданные стали просить короля приобрести такое драгоценное животное для блага государства.

Король охотно отдал за кошку то, что ее хозяин за этого зверя потребовал, а именно — мула, навьюченного золотом. И третий брат вернулся домой с наибольшим богатством. После его отъезда с острова кошка в замке королевском стала всласть уничтожать мышей и столько их загрызла, что уж и сосчитать их было невозможно.

Наконец, она уж очень притомилась от этой работы, и стала ее сильная жажда мучить, приостановилась она, подняла голову вверх и давай во всю глотку мяукать.

Король и все его люди, как услыхали этот необычный для них звук, смертельно перепугались и всей гурьбой пустились бежать из королевского замка.

Затем собрались они все на совет и стали раздумывать, как им следует поступить.

Напоследок было решено послать к кошке герольда и потребовать от нее, чтобы она покинула замок, а в противном случае ее принудят к этому силою.

Советники сказали королю: «Уж лучше пусть мы от мышей будем терпеть, к этому злу мы привычны, нежели подвергать жизнь свою опасности от такого чудовища».

Один из придворных пажей должен был немедленно отправиться в замок и спросить у кошки, желает она добровольно оставить королевский замок или нет.

Кошка, которую тем временем жажда стала еще больше мучить, на вопрос пажа могла ответить только: «Мяу, мяу!»

Пажу послышалось, что она говорит: «Не уйду, не уйду!» — и такой ответ он передал королю.

«В таком случае, — сказали королевские советники, — она должна будет уступить силе!» Подвезли к замку пушки — и давай палить!

Когда выстрелы стали достигать той залы, где сидела кошка, она благополучно выпрыгнула из окна; но осаждающие до тех пор палили, пока от всего замка камня на камне не осталось.

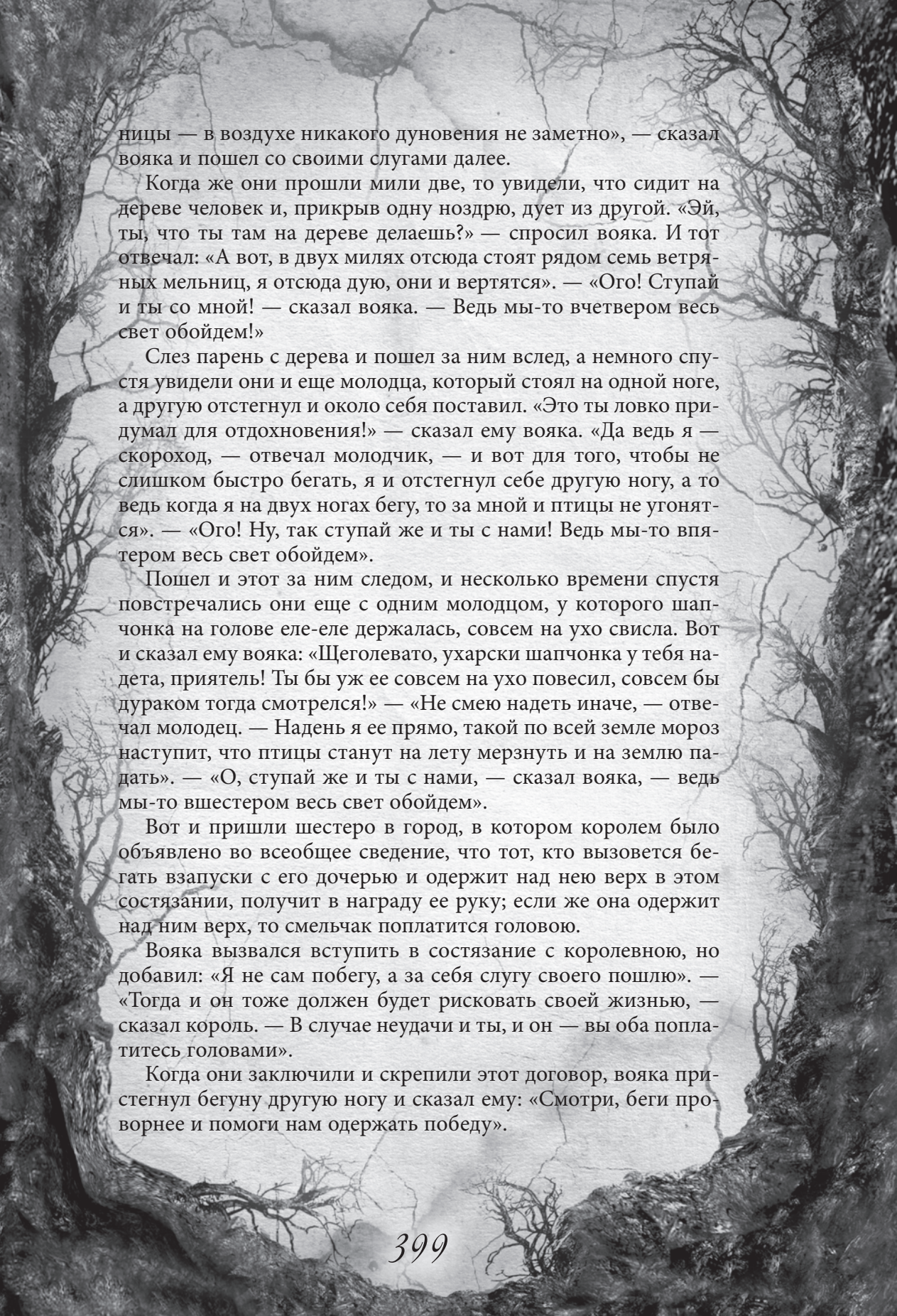
Вшестером целый свет обойдем

Давно, очень давно жил на свете такой человек, который разумел разные искусства. Служил он и в военной службе и выказал себя на войне мужественным воином; когда же война окончилась, он вышел в отставку и получил три геллера на дорогу. «Ну, — сказал он, — не очень-то мне это по нутру! Вот если я сумею подобрать настоящих молодцов, так королю, пожалуй, придется выдать мне на руки сокровища всей своей земли».

Пошел он в лес и видит там человека, который вырвал шесть деревьев с корнем, словно соломинки. Он и спросил его: «Хочешь ли ты поступить ко мне на службу и всюду за мною следовать?» — «Ладно, — отвечал тот, — но только я сначала снесу моей матушке вязаночку дров!» — взял одно из деревьев, замотал его вокруг остальных шести, взвалил всю вязанку на плечи и понес. Потом вернулся и пошел со своим новым господином, который сказал: «Мы вдвоем, конечно, весь свет обойдем!»

Прошли они немного и повстречались с охотником, который, стоя на коленях, приложился из ружья и прицеливался. Бывший вояка и спросил его: «Охотник, ты кого же подстрелить собираешься?» А тот отвечал: «Да вот в двух милях отсюда на ветке дуба сидит муха, так я хочу ей левый глаз прострелить». — «Ого! Ну, так ступай за мной, — сказал ему вояка, — мы втроем весь свет обойдем!»

Охотник согласился и пошел за ним следом, и они втроем пришли к семи ветряным мельницам, которые живо работали крыльями, хотя ветра никакого не было и ни один листок не шевелился на дереве. «Понять не могу, отчего вертятся мель-

ницы — в воздухе никакого дуновения не заметно», — сказал вояка и пошел со своими слугами далее.

Когда же они прошли мили две, то увидели, что сидит на дереве человек и, прикрыв одну ноздрю, дует из другой. «Эй, ты, что ты там на дереве делаешь?» — спросил вояка. И тот отвечал: «А вот, в двух милях отсюда стоят рядом семь ветряных мельниц, я отсюда дую, они и вертятся». — «Ого! Ступай и ты со мной! — сказал вояка. — Ведь мы-то вчетвером весь свет обойдем!»

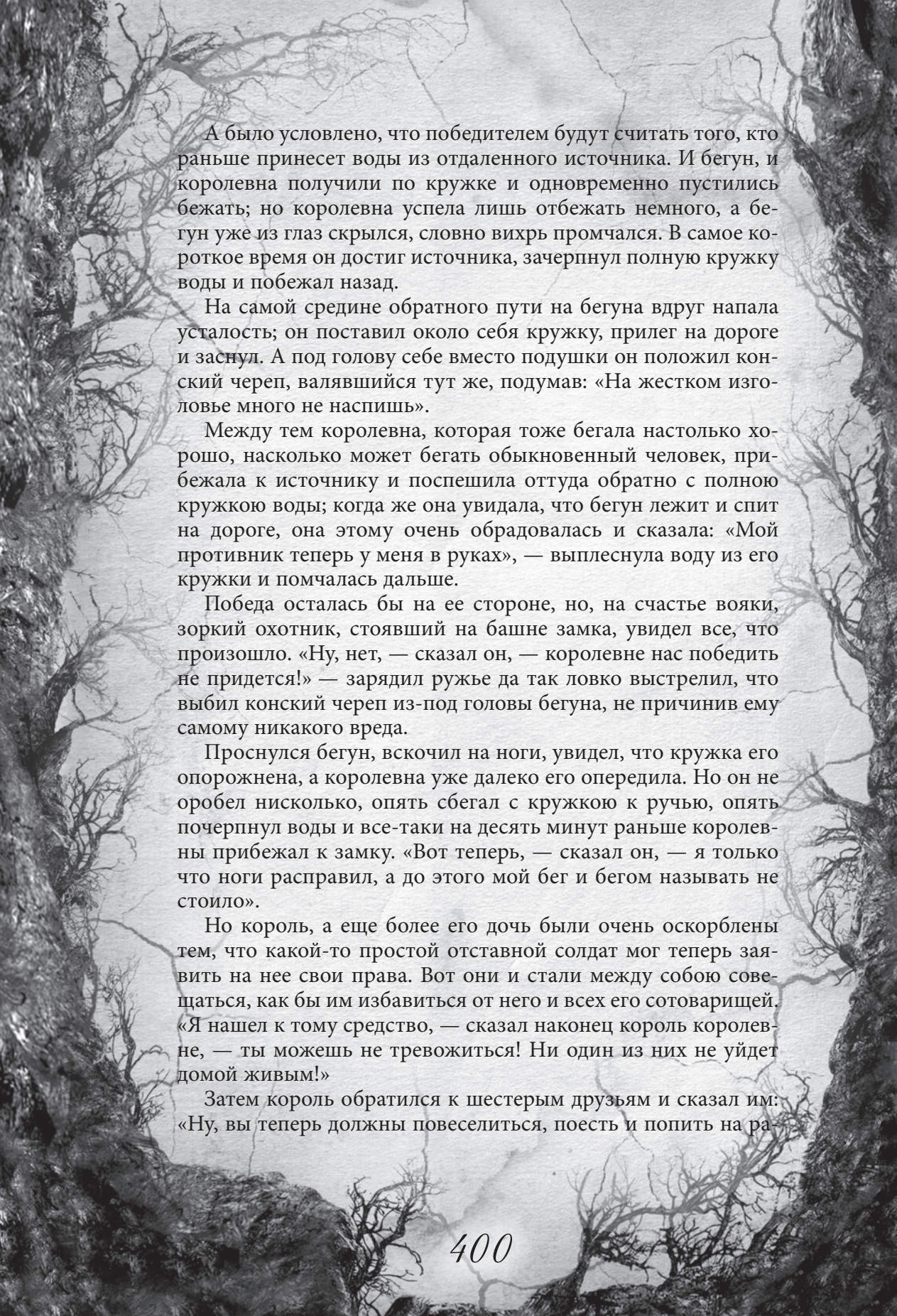
Слез парень с дерева и пошел за ним вслед, а немного спустя увидели они и еще молодца, который стоял на одной ноге, а другую отстегнул и около себя поставил. «Это ты ловко придумал для отдохновения!» — сказал ему вояка. «Да ведь я — скороход, — отвечал молодчик, — и вот для того, чтобы не слишком быстро бегать, я и отстегнул себе другую ногу, а то ведь когда я на двух ногах бегу, то за мной и птицы не угонятся». — «Ого! Ну, так ступай же и ты с нами! Ведь мы-то впятером весь свет обойдем».

Пошел и этот за ним следом, и несколько времени спустя повстречались они еще с одним молодцом, у которого шапчонка на голове еле-еле держалась, совсем на ухо свисла. Вот и сказал ему вояка: «Щеголевато, ухарски шапчонка у тебя надета, приятель! Ты бы уж ее совсем на ухо повесил, совсем бы дураком тогда смотрелся!» — «Не смею надеть иначе, — отвечал молодец. — Надень я ее прямо, такой по всей земле мороз наступит, что птицы станут на лету мерзнуть и на землю падать». — «О, ступай же и ты с нами, — сказал вояка, — ведь мы-то вшестером весь свет обойдем».

Вот и пришли шестеро в город, в котором королем было объявлено во всеобщее сведение, что тот, кто вызовется бегать взапуски с его дочерью и одержит над нею верх в этом состязании, получит в награду ее руку; если же она одержит над ним верх, то смельчак поплатится головою.

Вояка вызвался вступить в состязание с королевною, но добавил: «Я не сам побегу, а за себя слугу своего пошлю». — «Тогда и он тоже должен будет рисковать своей жизнью, — сказал король. — В случае неудачи и ты, и он — вы оба поплатитесь головами».

Когда они заключили и скрепили этот договор, вояка пристегнул бегуну другую ногу и сказал ему: «Смотри, беги проворнее и помоги нам одержать победу».

А было условлено, что победителем будут считать того, кто раньше принесет воды из отдаленного источника. И бегун, и королева получили по кружке и одновременно пустились бежать; но королева успела лишь отбежать немного, а бегун уже из глаз скрылся, словно вихрь промчался. В самое короткое время он достиг источника, зачерпнул полную кружку воды и побежал назад.

На самой середине обратного пути на бегуна вдруг напала усталость; он поставил около себя кружку, прилег на дороге и заснул. А под голову себе вместо подушки он положил конский череп, валявшийся тут же, подумав: «На жестком изголовье много не напишешь».

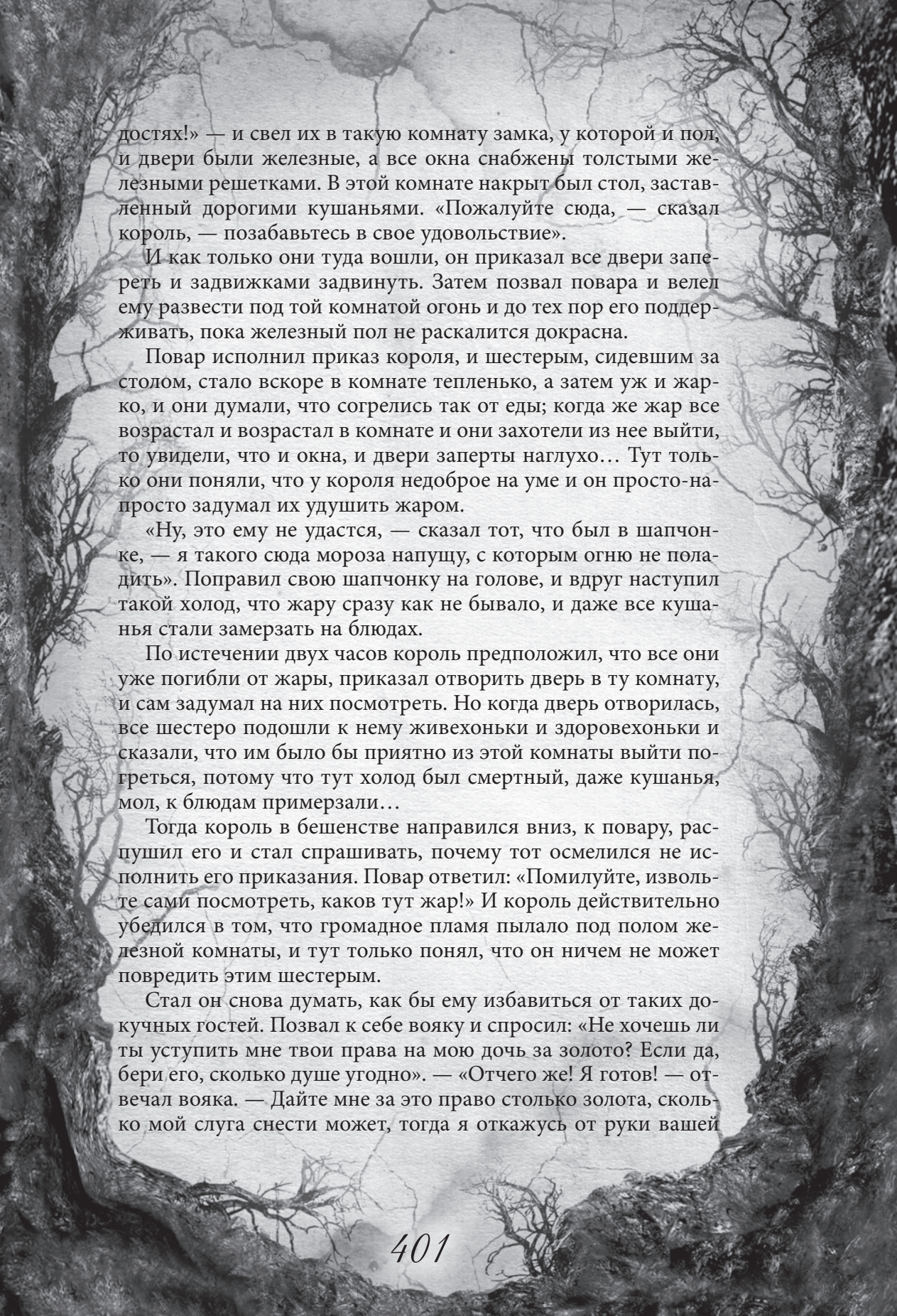
Между тем королева, которая тоже бегала настолько хорошо, насколько может бегать обыкновенный человек, прибежала к источнику и поспешила оттуда обратно с полной кружкой воды; когда же она увидела, что бегун лежит и спит на дороге, она этому очень обрадовалась и сказала: «Мой противник теперь у меня в руках», — выплеснула воду из его кружки и помчалась дальше.

Победа осталась бы на ее стороне, но, на счастье вояки, зоркий охотник, стоявший на башне замка, увидел все, что произошло. «Ну, нет, — сказал он, — королевне нас победить не придется!» — зарядил ружье да так ловко выстрелил, что выбил конский череп из-под головы бегуна, не причинив ему самому никакого вреда.

Проснулся бегун, вскочил на ноги, увидел, что кружка его опорожнена, а королева уже далеко его опередила. Но он не оробел нисколько, опять сбегал с кружкой к ручью, опять почерпнул воды и все-таки на десять минут раньше королевны прибежал к замку. «Вот теперь, — сказал он, — я только что ноги расправил, а до этого мой бег и бегом называть не стоило».

Но король, а еще более его дочь были очень оскорблены тем, что какой-то простой отставной солдат мог теперь заявить на нее свои права. Вот они и стали между собою совещаться, как бы им избавиться от него и всех его сотоварищей. «Я нашел к тому средство, — сказал наконец король королевне, — ты можешь не тревожиться! Ни один из них не уйдет домой живым!»

Затем король обратился к шестерым друзьям и сказал им: «Ну, вы теперь должны повеселиться, поесть и попить на ра-

достях!» — и свел их в такую комнату замка, у которой и пол, и двери были железные, а все окна снабжены толстыми железными решетками. В этой комнате накрыт был стол, заставленный дорогими кушаньями. «Пожалуйте сюда, — сказал король, — позабавьтесь в свое удовольствие».

И как только они туда вошли, он приказал все двери запереть и задвижками задвинуть. Затем позвал повара и велел ему развести под той комнатой огонь и до тех пор его поддерживать, пока железный пол не раскалится докрасна.

Повар исполнил приказ короля, и шестерым, сидевшим за столом, стало вскоре в комнате тепленько, а затем уж и жарко, и они думали, что согрелись так от еды; когда же жар все возрастал и возрастал в комнате и они захотели из нее выйти, то увидели, что и окна, и двери заперты наглухо... Тут только они поняли, что у короля недоброе на уме и он просто-напросто задумал их удушить жаром.

«Ну, это ему не удастся, — сказал тот, что был в шапчонке, — я такого сюда мороза напущу, с которым огню не поладить». Поправил свою шапчонку на голове, и вдруг наступил такой холод, что жару сразу как не бывало, и даже все кушанья стали замерзать на блюдах.

По истечении двух часов король предположил, что все они уже погибли от жары, приказал отворить дверь в ту комнату, и сам задумал на них посмотреть. Но когда дверь отворилась, все шестеро подошли к нему живехоньки и здоровехоньки и сказали, что им было бы приятно из этой комнаты выйти погреться, потому что тут холод был смертный, даже кушанья, мол, к блюдам примерзали...

Тогда король в бешенстве направился вниз, к повару, распушил его и стал спрашивать, почему тот осмелился не исполнить его приказания. Повар ответил: «Помилуйте, извольте сами посмотреть, каков тут жар!» И король действительно убедился в том, что громадное пламя пылало под полом железной комнаты, и тут только понял, что он ничем не может повредить этим шестерым.

Стал он снова думать, как бы ему избавиться от таких докучных гостей. Позвал к себе вояку и спросил: «Не хочешь ли ты уступить мне твои права на мою дочь за золото? Если да, бери его, сколько душе угодно». — «Отчего же! Я готов! — отвечал вояка. — Дайте мне за это право столько золота, сколько мой слуга снести может, тогда я откажусь от руки вашей

дочери». Король был этим очень обрадован, а вояка сказал: «Коли так, я вернусь через две недели и увезу золото с собою».

Затем он созвал всех портных со всего королевства и посадил их за работу: в течение двух недель они должны были сшить ему мешок для королевского золота. Когда же мешок был готов, то силач, тот самый, который с корнем мог вырывать деревья, должен был взять мешок на плечи и идти к королю за золотом.

Король увидел силача и изумился. «Что это за коренастый детина, — сказал он, — что тащит на плече этот громаднейший тюк полотна?» Король даже струхнул, подумав, сколько этот детина унесет золота!

Потом он приказал принести целую бочку золота, которую едва могли тащить на себе шестнадцать очень сильных людей, а наш силач ухватил ее одной ручищей, сунул ее преспокойно в мешок и спросил: «Зачем же вы сразу-то не притащите побольше, ведь эта бочка в моем мешке чуть доньшко прикрыла».

Тогда король приказал мало-помалу перетаскать к мешку всю свою сокровищницу; силач всю ее принял, убрал в мешок и заполнил его все же только до половины. «Тащите сюда еще! — кричал силач. — Ведь этими пустяками мешка не наполнишь!»

Собрали еще со всего королевства семь тысяч повозок золота, и их все запихал силач в мешок вместе с упряжками волов. «Где мне тут разбираться, — говорил он, — возьму все, что под руку попадется, лишь бы мешок заполнить!»

Когда все это было в мешок вложено, а все еще оставалось в нем много места, силач сказал: «Пора заканчивать! Можно, пожалуй, завязать мешок, даже и не совсем полный». Сказав это, он взвалил мешок себе на спину и пошел путем-дорогою со своими товарищами.

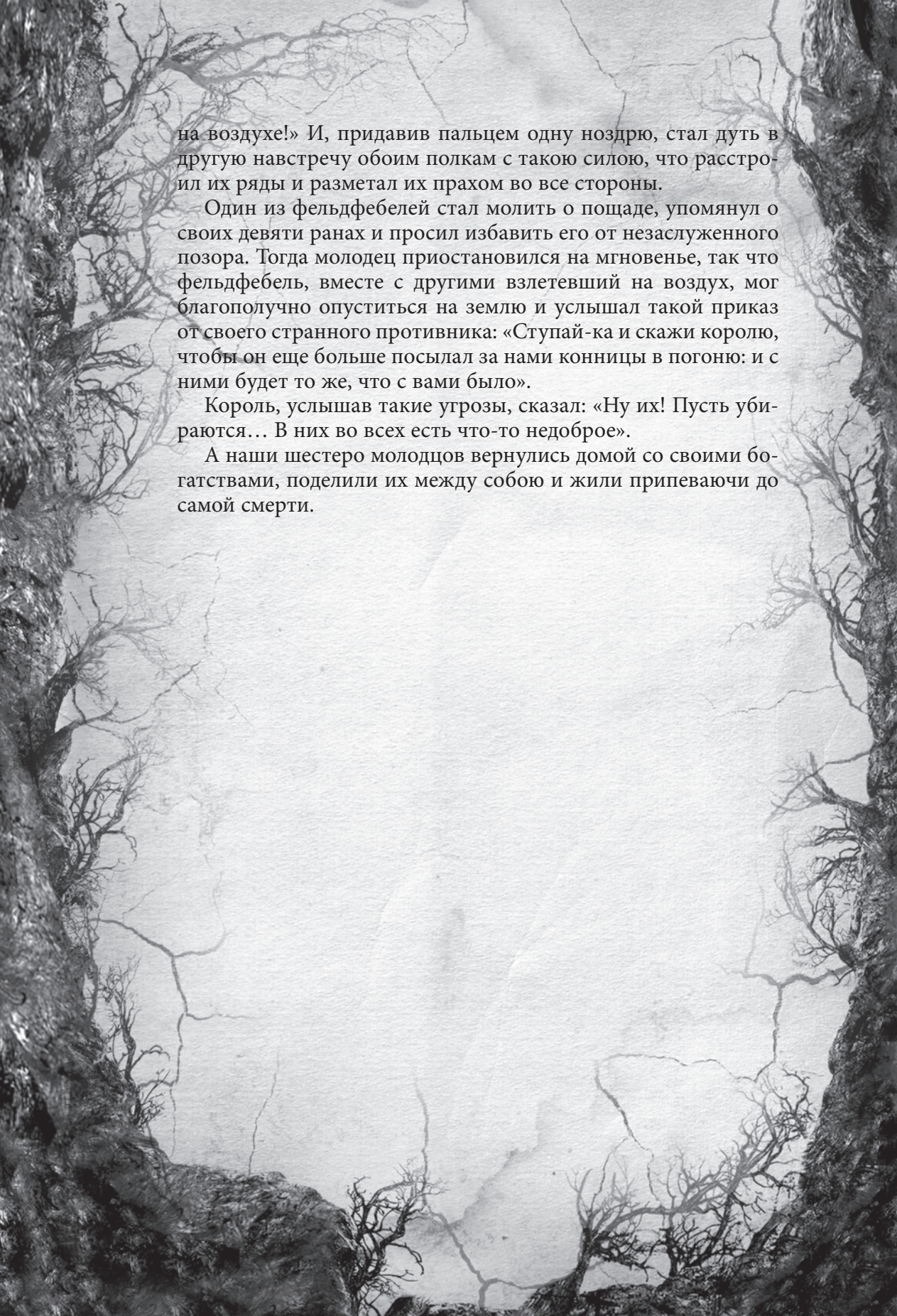
Когда король увидел, что один человек уносит на спине богатства всего королевства, то разгневался и приказал своей коннице сесть на коней, гнаться за этими шестью нахалами и отнять у силача его мешок.

Два полка конницы очень скоро нагнали уходивших и крикнули им: «Вы — наши пленники! Бросайте на землю мешок, не то всех вас изрубим!» — «Что это вы рассказываете? — спросил тот, что мельницы ворочал дыханьем. — Мы ваши пленники? Нет, уж скорее вам придется всем поплясать

*«...И, придавив пальцем
одну ноздрю, стал дуть
в другую навстречу обоим
полкам с такою силою, что
расстроил их ряды
и разметал их прахом
во все стороны...»*

«Вшестером целый свет обойдем».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

на воздухе!» И, придавив пальцем одну ноздрю, стал дуть в другую навстречу обоим полкам с такою силою, что расстроил их ряды и разметал их прахом во все стороны.

Один из фельдфебелей стал молить о пощаде, упомянул о своих девяти ранах и просил избавить его от незаслуженного позора. Тогда молодец приостановился на мгновение, так что фельдфебель, вместе с другими взлетевший на воздух, мог благополучно опуститься на землю и услышал такой приказ от своего странного противника: «Ступай-ка и скажи королю, чтобы он еще больше посылал за нами конницы в погоню: и с ними будет то же, что с вами было».

Король, услышав такие угрозы, сказал: «Ну их! Пусть убираются... В них во всех есть что-то недоброе».

А наши шестеро молодцов вернулись домой со своими богатствами, поделили их между собою и жили припеваючи до самой смерти.

Волк и человек

днажды лисица рассказала волку о том, как человек силен и что ни один зверь не может ему противостоять и разве только хитростью может спасти от него свою шкуру. «Ну, повидай я хоть разочек человека, — сказал волк, — я все же на него бросился бы». — «В этом я берусь тебе помочь, — сказала лисица, — приди только ко мне завтра пораньше, я тебе покажу человека».

Волк явился ранешенько, и лисица повела его на дорогу, по которой ежедневно проходил охотник.

Сначала по дороге прошел старый отставной солдат. «Это человек, что ли?» — спросил волк. «Нет, — ответила лисица, — этот прежде был человеком».

Затем прошел маленький мальчик в школу. «Это, что ли, человек?» — «Нет, этот еще будет человеком».

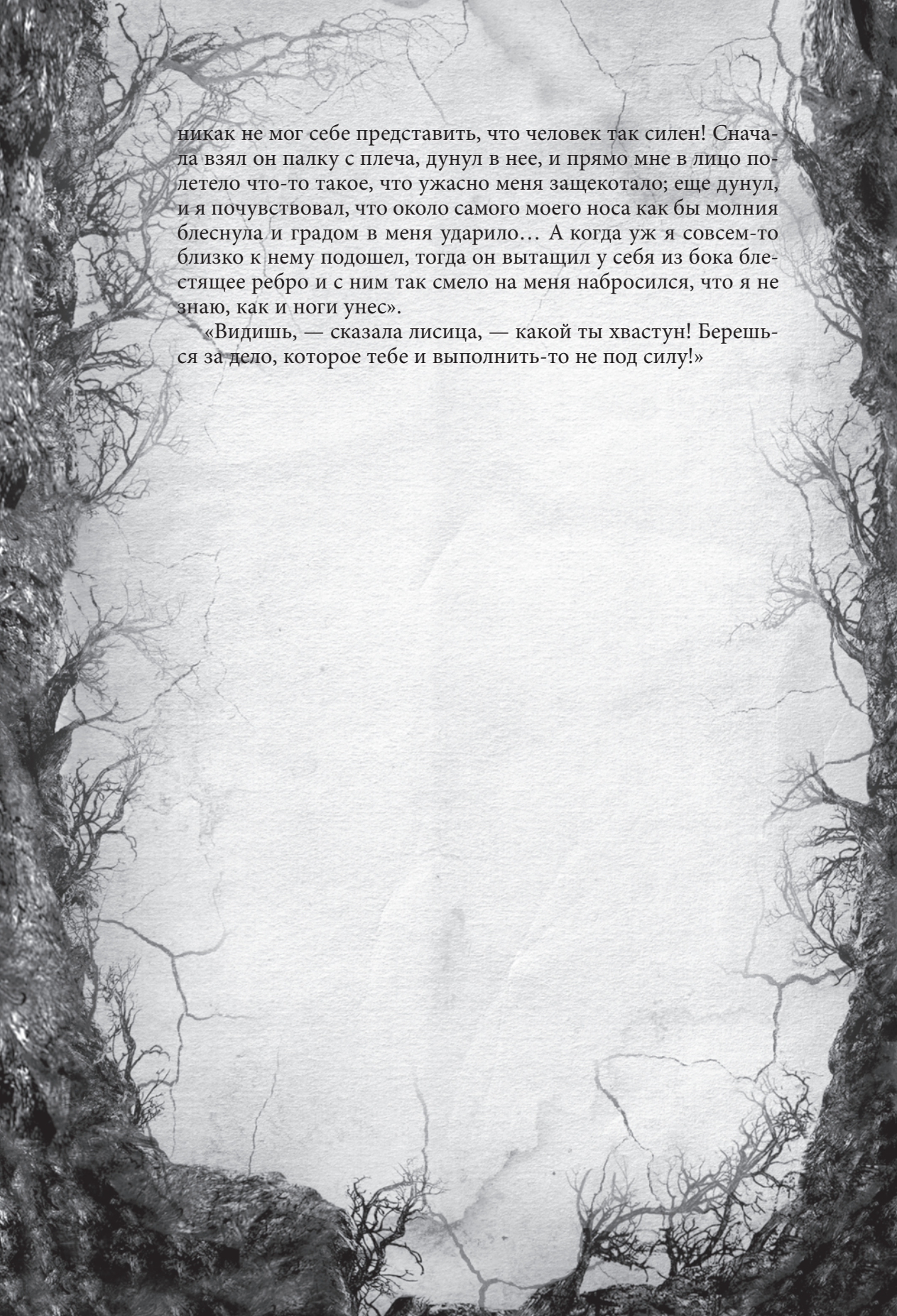
Наконец, идет по дороге охотник с двустволкой за спиной и с охотничьим ножом у пояса. «Вон видишь, — сказала лисица волку, — идет по дороге человек, на которого ты можешь напасть, если хочешь, ну, а я поспешу удалиться к себе в пещеру».

Волк бросился прямо к человеку, а охотник, увидав его, сказал: «Жаль, что у меня ружье не пулей заряжено». Приложился и выпустил весь заряд дробы из своего ружья волку в морду.

Волк скорчил морду, но не дал утратить себя и смело продолжал наступать на человека; тогда охотник угостил его и вторым зарядом дробы.

Волк кое-как совладал с болью и напал-таки на человека; тогда тот выхватил свой охотничий нож и нанес им два-три удара, так что волк, истекая кровью, с ревом бросился бежать к логовищу лисицы.

«Ну, братец-волк, — спросила лисица, — расскажи, как ты управился с человеком?» — «Ах, — сказал ей волк в ответ, — я

The background of the page is a black and white illustration. It depicts a dense forest of bare, gnarled trees with intricate branch structures. The trees are rendered in dark, textured tones, contrasting with a pale, almost white, sky. The composition is framed by the dark silhouettes of trees on the left and right sides, creating a sense of being deep within the woods. The overall mood is somber and atmospheric.

никак не мог себе представить, что человек так силен! Сначала взял он палку с плеча, дунул в нее, и прямо мне в лицо полетело что-то такое, что ужасно меня защекотало; еще дунул, и я почувствовал, что около самого моего носа как бы молния блеснула и градом в меня ударило... А когда уж я совсем-то близко к нему подошел, тогда он вытащил у себя из бока блестящее ребро и с ним так смело на меня набросился, что я не знаю, как и ноги унес».

«Видишь, — сказала лисица, — какой ты хвастун! Берешься за дело, которое тебе и выполнить-то не под силу!»

Волк и лис

Лис был у волка в услужении и исполнял все, что волк пожелает, потому что был слабее него... Понятно, что лис был не прочь избавиться от своего повелителя.

Случилось им как-то однажды идти вместе по лесу, и волк сказал: «Ну-ка ты, рыжий, добудь мне чего-нибудь поесть, а не то я тебя самого съем». — «Я тут поблизости знаю один крестьянский двор, — сказал лис, — и на том дворе есть два молоденьких ягненка... Коли желаешь, мы одного оттуда добудем». Волку это было на руку; они пошли к этому двору; лис ягненка утащил, принес волку и убрался восвояси.

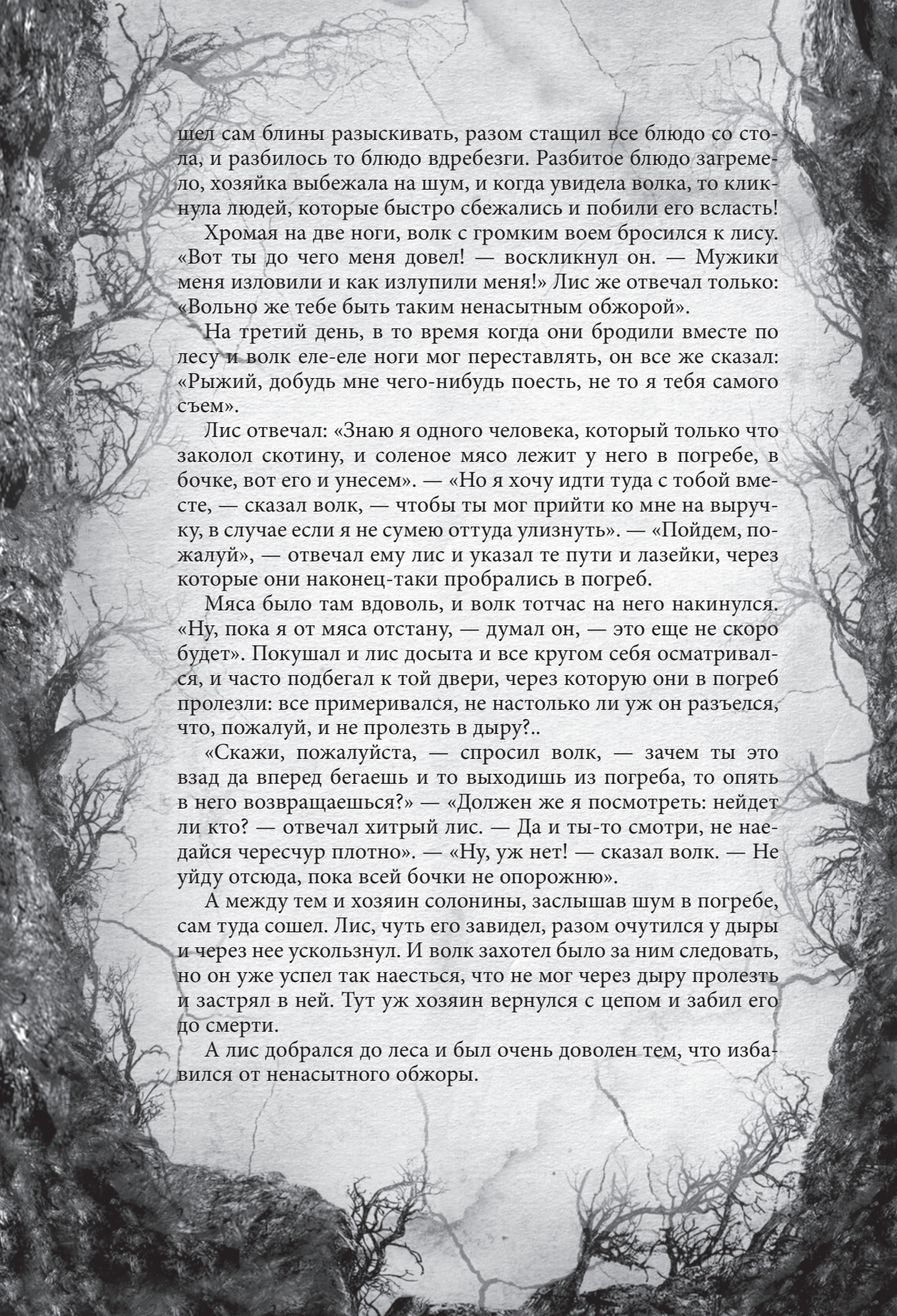
Съел волк ягненка, однако же им не удовольствовался, захотел отведать и другого и пошел его добывать.

Но своровал он его не совсем ловко: мать ягненка увидела, как он его потащил, стала страшно блеять, так что мужики набежали, нашли волка и так его поколотили, что он, прихрамывая и завывая, прибежал к лису. «Славно ты меня провел! — сказал он. — Я только было собрался утащить другого ягненка, а мужики-то меня изловили и ловко по бокам погладили!» Лис сказал на это: «Вольно же тебе быть таким ненасытным обжорой».

На другой день они снова вместе пошли в поле. Жадный волк опять сказал: «Ну-ка ты, рыжий, добудь мне чего-нибудь поесть, не то я тебя самого съем». — «Знаю я тут крестьянскую усадьбу, — отвечал лис, — там сегодня вечером хозяйка собирает блины печь, мы можем их себе добыть».

Пошли они туда вместе, и лис все юлил кругом дома и подсматривал, и разнюхивал, пока не выискал, где именно стояло блюдо с блинами; он стянул с блюда шесть блинов и принес их волку. «Вот, на тебе, ешь!» — сказал он и пошел своей дорогой.

Волк, конечно, мигом проглотил шесть блинов и сказал: «Как разъешься ими, они еще вкуснее кажутся!» — а затем по-

шел сам блины разыскивать, разом стащил все блюдо со стола, и разбилось то блюдо вдребезги. Разбитое блюдо загремело, хозяйка выбежала на шум, и когда увидела волка, то кликнула людей, которые быстро сбежались и побили его всласть!

Хромая на две ноги, волк с громким воем бросился к лису. «Вот ты до чего меня довел! — воскликнул он. — Мужики меня изловили и как излупили меня!» Лис же отвечал только: «Вольно же тебе быть таким ненасытным обжорой».

На третий день, в то время когда они бродили вместе по лесу и волк еле-еле ноги мог переставлять, он все же сказал: «Рыжий, добудь мне чего-нибудь поесть, не то я тебя самого съем».

Лис отвечал: «Знаю я одного человека, который только что заколол скотину, и соленое мясо лежит у него в погребе, в бочке, вот его и унесем». — «Но я хочу идти туда с тобой вместе, — сказал волк, — чтобы ты мог прийти ко мне на выручку, в случае если я не сумею оттуда улизнуть». — «Пойдем, пожалуй», — отвечал ему лис и указал те пути и лазейки, через которые они наконец-таки пробрались в погреб.

Мяса было там вдоволь, и волк тотчас на него накинулся. «Ну, пока я от мяса отстану, — думал он, — это еще не скоро будет». Покушал и лис досыта и все кругом себя осматривался, и часто подбегал к той двери, через которую они в погреб пролезли: все примеривался, не настолько ли уж он разъелся, что, пожалуй, и не пролезть в дыру?..

«Скажи, пожалуйста, — спросил волк, — зачем ты это взад да вперед бегаешь и то выходишь из погреба, то опять в него возвращаешься?» — «Должен же я посмотреть: нейдет ли кто? — отвечал хитрый лис. — Да и ты-то смотри, не наедайся чересчур плотно». — «Ну, уж нет! — сказал волк. — Не уйду отсюда, пока всей бочки не опорожню».

А между тем и хозяин солонины, слышав шум в погребе, сам туда сошел. Лис, чуть его завидел, разом очутился у дыры и через нее ускользнул. И волк захотел было за ним следовать, но он уже успел так наесться, что не мог через дыру пролезть и застрял в ней. Тут уж хозяин вернулся с цепом и забил его до смерти.

А лис добрался до леса и был очень доволен тем, что избавился от ненасытного обжоры.

Лис и госпожа Кума

Волчица родила волчонка и приказала позвать лиса в кумовья. «Он ведь нам сродни, — сказала волчица, — и разумен, и изворотлив; может, и сынка моего научить уму-разуму и наставить его, как жить на белом свете».

Лис и явился на крестины с великой охотой и сказал: «Милейшая госпожа кума, благодарю вас за честь, оказанную мне, и со своей стороны обещаю вам, что, избрав меня в кумовья, вы не раз будете иметь случай этому порадоваться».

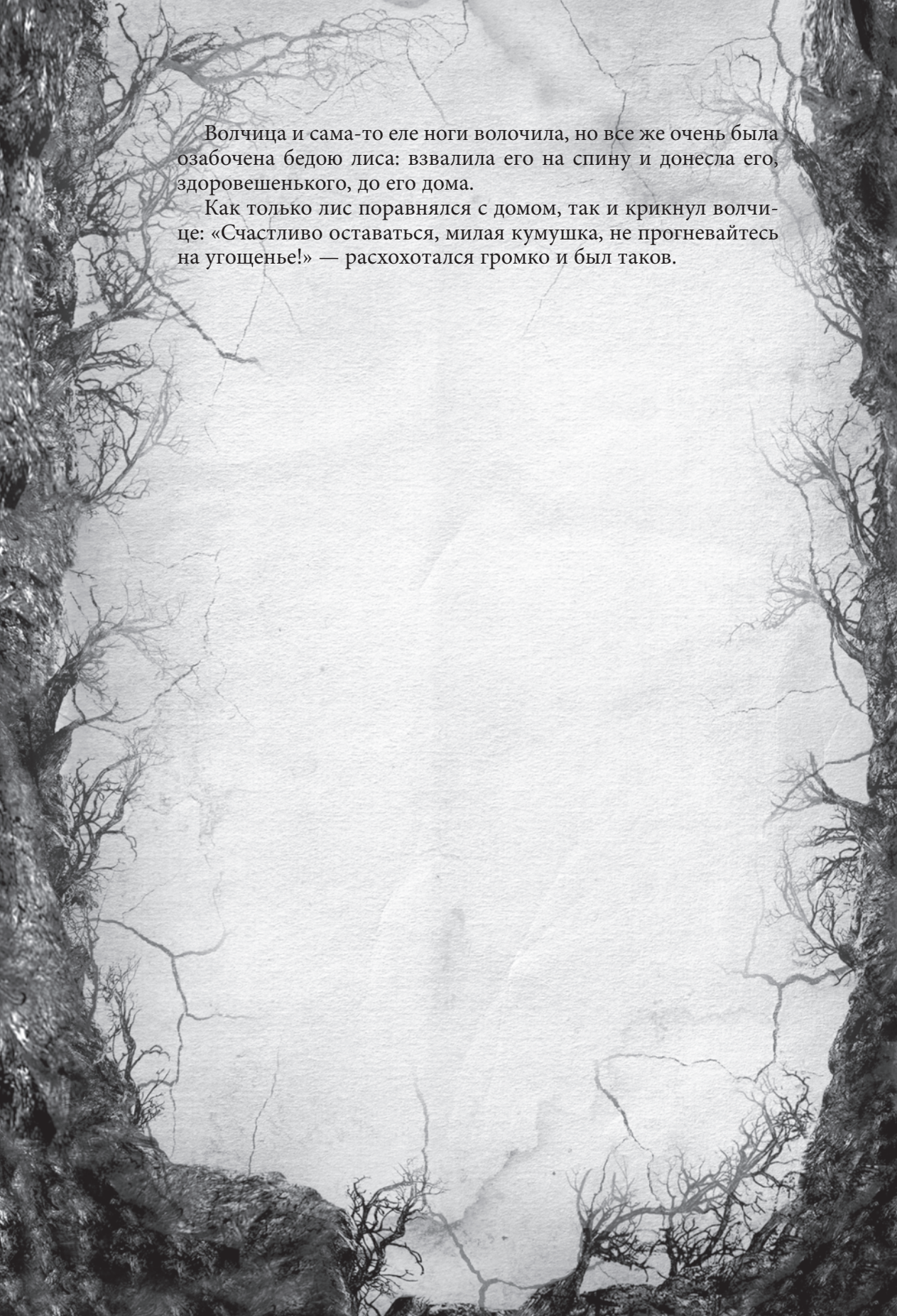
Во время празднества лис всласть всего покушал, повеселился, а затем и сказал: «Милейшая госпожа кума, наша прямая обязанность — заботиться о нашем дитятке, а потому и надо его питать хорошею пищею, чтобы оно скорее в силу вошло и окрепло. Я же знаю одну овчарню, из которой нам нетрудно будет добыть лакомый кусочек».

Понравилась волчице эта песенка, и она отправилась вместе с кумом ко двору того крестьянина, где находилась овчарня. Лис показал волчице овчарню издали и сказал: «Туда вы можете пробраться незаметно, а я тем временем с другой стороны подойду — авось, удастся нам подцепить курочку».

А сам-то не пошел к овчарне, а присел на опушке леса, протянул ножки и стал отдыхать.

Пролезла волчица в овчарню и как раз наткнулась на собаку, которая стала лаять, и на лай ее сбежались мужики, накрыли волчицу и задали ей надлежащую трепку.

Она от них наконец-таки вырвалась и кое-как убралась в лес, и видит — лежит лис на опушке и жалобно так говорит: «Ах, милая госпожа кума, куда как плохо мне пришлось! Мужики на меня напали и в лоск меня побили! Коли вы не хотите меня здесь покинуть на погибель, так уж понесите вы меня на себе».

Волчица и сама-то еле ноги волочила, но все же очень была озабочена бедою лиса: взвалила его на спину и донесла его, здоровешенького, до его дома.

Как только лис поравнялся с домом, так и крикнул волчице: «Счастливо оставаться, милая кумушка, не прогневайтесь на угощенье!» — расхохотался громко и был таков.

«Хитрый лис».

Художник – Вильгельм фон Каульбах. 1860 г.

*«...Волчица родила волчонка и приказала позвать лиса в хумовья.
“Он ведь нам двоюродный, – сказала волчица, –
и разумен, и изворотлив; может и сынка моего
научить уму-разуму и наставить его,
как жить на белом свете”...»*

Лис и кошка

Однажды кошка повстречала лиса и подумала: «Он смышлен и опытен в житейских делах», — а потому и обратилась к нему очень приветливо: «Здравствуйте, господин лис! Как поживаете? Как можете? Как перебиваетесь при нынешней дороговизне?»

А лис, преисполненный высокомерия, окинул кошку взглядом с головы до ног и долго соображал, отвечать ли ей. Наконец, он проговорил: «Ах ты, жалкая тварь! Дура ты полосатая, мышеловка голодная! Что ты это задумала? Осмеливаешься спрашивать меня, каково мне живется! Да ты чему обучалась? Какое у тебя есть уменье?» — «Только одно и есть у меня уменье, — скромно отвечала кошка, — вот когда собаки за мною погонятся, так я умею на дерево взобраться и от них убратся». — «И только? — спросил лис. — Ну, а я мастер на все руки, да сверх того у меня еще всех хитростей и уловок непочатый мешок. Мне просто жаль тебя! Пойдем, я научу, как от собак уходить».

А им навстречу шел охотник с четырьмя собаками. Кошка проворно взобралась на дерево и засела в самой его верхушке, укрывшись в ветвях и листве. «Мешок-то развяжи, господин лис, — крикнула кошка лису сверху, — мешок-то развяжи!» Но собаки уже изловили лиса и держали его крепко. «Э-э, господин лис! — крикнула опять кошка. — Где же твое уменье и хитрости? Кабы ты умел так лазать по деревьям, как я, так, небось, не поплатился бы шкурою».

Твoздичкa

В некотором царстве жила королева, у которой по воле Божией не родились дети. Вот и ходила она каждый день в сад и молила Вседержителя о том, чтобы он даровал ей, наконец, сына или доченьку.

И сошел к ней наконец ангел с неба, и сказал: «Твое желание будет исполнено — родится у тебя сын-счастливчик, и все, чего бы он ни пожелал на свете, все то будет ему дано».

Королева пошла к королю, рассказала ему о своем видении и, когда миновало положенное время, она и точно родила сына, к великой радости отца.

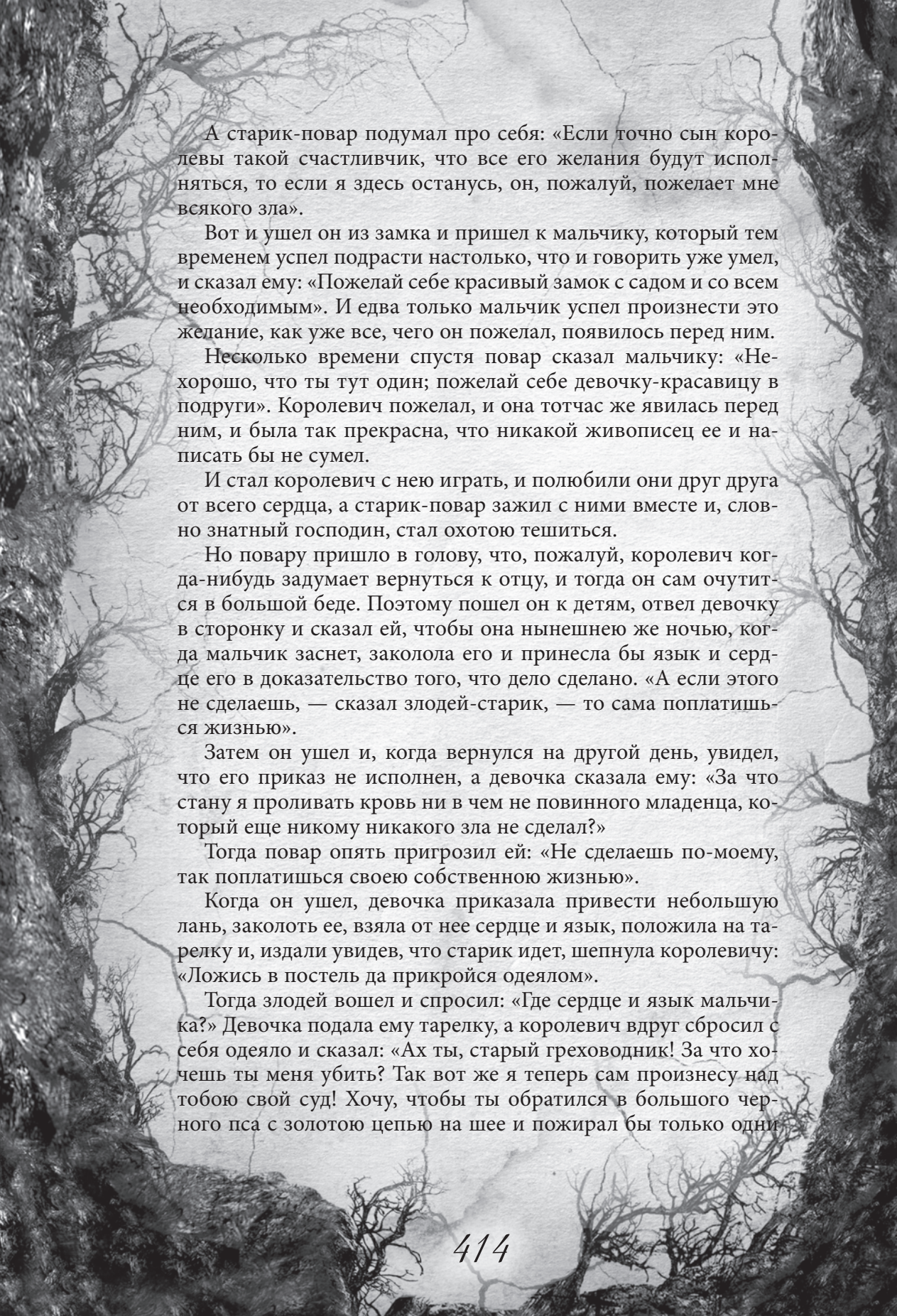
Королева со своим ребенком ходила каждое утро в парк при королевском замке, где были разведены всякие звери, и там мылась у светлого прозрачного источника.

Когда ребенок уже немного подрос, случилось однажды, что он лежал у матери на коленях; а мать-то и уснула у источника. Тогда пришел старик-повар, который, зная о том, что сын у королевы родился счастливчиком, похитил его, а сам зарезал петуха да кровью его и обрызгал передник и платье королевы.

Ребенка снес он в укромное место и поручил его мамке на кормление, а сам побежал к королю и пожаловался на королеву, будто бы она отдала свое дитя диким зверям на растерзание.

И когда король увидел кровь на переднике королевы, то поверил словам повара и пришел в такую ярость, что приказал построить башню с глубоким подвалом, куда ни солнце, ни месяц заглянуть не могли; туда велел он посадить свою жену и замуровать ее наглухо, чтобы она там оставалась семь лет кряду без еды и без питья и погибла бы без покаяния.

Но Бог ниспослал двух ангелов с неба, которые в виде двух белых голубков дважды в день должны были к королеве прилетать и приносить ей питье и пищу в течение всех семи лет.

А старик-повар подумал про себя: «Если точно сын королевы такой счастливчик, что все его желания будут исполняться, то если я здесь останусь, он, пожалуй, пожелает мне всякого зла».

Вот и ушел он из замка и пришел к мальчику, который тем временем успел подрасти настолько, что и говорить уже умел, и сказал ему: «Пожелай себе красивый замок с садом и со всем необходимым». И едва только мальчик успел произнести это желание, как уже все, чего он пожелал, появилось перед ним.

Несколько времени спустя повар сказал мальчику: «Нехорошо, что ты тут один; пожелай себе девочку-красавицу в подруги». Королевич пожелал, и она тотчас же явилась перед ним, и была так прекрасна, что никакой живописец ее и написать бы не сумел.

И стал королевич с нею играть, и полюбили они друг друга от всего сердца, а старик-повар зажил с ними вместе и, словно знатный господин, стал охотою тешиться.

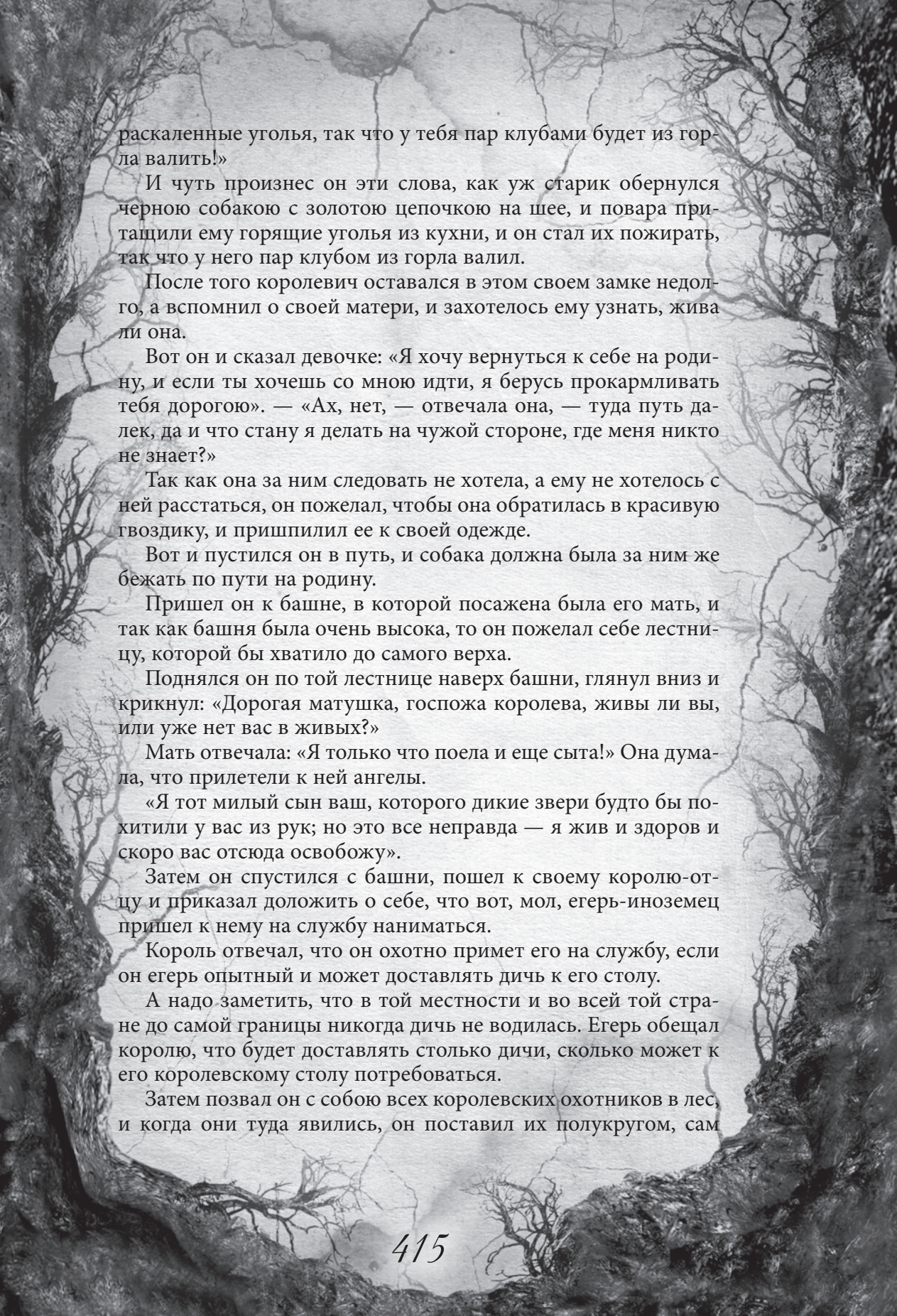
Но повару пришло в голову, что, пожалуй, королевич когда-нибудь задумает вернуться к отцу, и тогда он сам очутится в большой беде. Поэтому пошел он к детям, отвел девочку в сторонку и сказал ей, чтобы она нынешнею же ночью, когда мальчик заснет, заколола его и принесла бы язык и сердце его в доказательство того, что дело сделано. «А если этого не сделаешь, — сказал злодей-старик, — то сама заплатишься жизнью».

Затем он ушел и, когда вернулся на другой день, увидел, что его приказ не исполнен, а девочка сказала ему: «За что стану я проливать кровь ни в чем не повинного младенца, который еще никому никакого зла не сделал?»

Тогда повар опять пригрозил ей: «Не сделаешь по-моему, так заплатишься своею собственною жизнью».

Когда он ушел, девочка приказала привести небольшую лань, заколоть ее, взяла от нее сердце и язык, положила на тарелку и, издали увидев, что старик идет, шепнула королевичу: «Ложись в постель да прикройся одеялом».

Тогда злодей вошел и спросил: «Где сердце и язык мальчика?» Девочка подала ему тарелку, а королевич вдруг сбросил с себя одеяло и сказал: «Ах ты, старый греховодник! За что хочешь ты меня убить? Так вот же я теперь сам произнесу над тобою свой суд! Хочу, чтобы ты обратился в большого черного пса с золотою цепью на шее и пожирал бы только одни

раскаленные уголья, так что у тебя пар клубами будет из горла валить!»

И чуть произнес он эти слова, как уж старик обернулся черною собакою с золотою цепочкою на шее, и повара притащили ему горящие уголья из кухни, и он стал их пожирать, так что у него пар клубом из горла валил.

После того королевич оставался в этом своем замке недолго, а вспомнил о своей матери, и захотелось ему узнать, жива ли она.

Вот он и сказал девочке: «Я хочу вернуться к себе на родину, и если ты хочешь со мною идти, я берусь прокармливать тебя дорогою». — «Ах, нет, — отвечала она, — туда путь далек, да и что стану я делать на чужой стороне, где меня никто не знает?»

Так как она за ним следовать не хотела, а ему не хотелось с ней расстаться, он пожелал, чтобы она обратилась в красивую гвоздику, и пришил ее к своей одежде.

Вот и пустился он в путь, и собака должна была за ним же бежать по пути на родину.

Пришел он к башне, в которой посажена была его мать, и так как башня была очень высока, то он пожелал себе лестницу, которой бы хватило до самого верха.

Поднялся он по той лестнице наверх башни, глянул вниз и крикнул: «Дорогая матушка, госпожа королева, живы ли вы, или уже нет вас в живых?»

Мать отвечала: «Я только что поела и еще сыта!» Она думала, что прилетели к ней ангелы.

«Я тот милый сын ваш, которого дикие звери будто бы похитили у вас из рук; но это все неправда — я жив и здоров и скоро вас отсюда освобожу».

Затем он спустился с башни, пошел к своему королю-отцу и приказал доложить о себе, что вот, мол, егерь-иноземец пришел к нему на службу наниматься.

Король отвечал, что он охотно примет его на службу, если он егерь опытный и может доставлять дичь к его столу.

А надо заметить, что в той местности и во всей той стране до самой границы никогда дичь не водилась. Егерь обещал королю, что будет доставлять столько дичи, сколько может к его королевскому столу потребоваться.

Затем позвал он с собою всех королевских охотников в лес, и когда они туда явились, он поставил их полукругом, сам

стал посередине, и тотчас же, по его желанию, откуда ни возьмись, появились в круте до двухсот штук всякой дичи, по которой охотники должны были стрелять.

Добычу от этой охоты погрузили на шестьдесят подвод и отправили все это к королю, который наконец увидел у себя дичь на столе.

А ведь уже довольно много лет кряду на столе королевском дичи вовсе не бывало.

Король этому очень обрадовался, приказал, чтобы на другой день весь двор к нему на обед собрался, и задал всем знатный пир.

Когда все собрались, король сказал егерю: «Ты такой искусник, что в награду за твое умение должен занять место рядом со мною». — «Ваше величество, господин король, — отвечал молодой егерь, — недостоин я по своему умению такой великой чести!»

Но король настоял на своем и посадил-таки молодого егеря на почетное место около себя.

Заняв место около короля, юноша подумал о своей милой матери и пожелал, чтобы хоть один из королевских слуг заговорил о ней и спросил бы у короля, каково-то ей живется в башне и жива ли еще она или уже умерла с голоду?

Чуть только он этого пожелал, как уже королевский дворецкий заговорил: «Ваше королевское величество, мы все здесь живем в радости, а каково-то живется госпоже королеве в башне — жива ли она или уже изволила скончаться?»

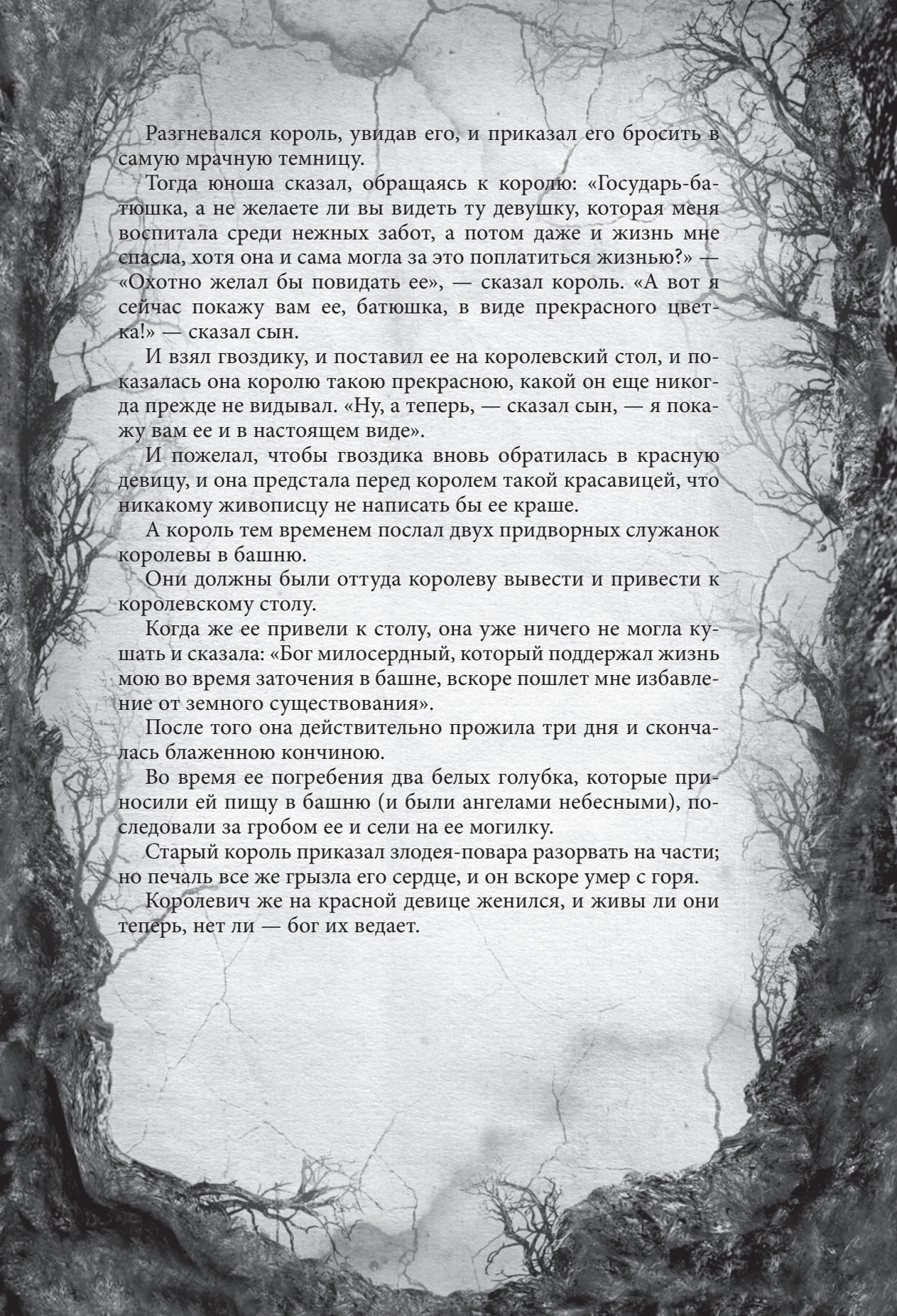
Но король отвечал: «Она предала моего милого сына, моего наследника диким зверям на растерзание, а потому я о ней и слышать ничего не желаю».

Тогда юноша поднялся с места и сказал: «Всемиловейший государь-отец, она еще жива, и я — ее сын; не хищные звери меня похитили, а злодей-повар; он, в то время как она заснула, взял меня с ее колен, а ее фартук запачкал кровью петуха».

Тут подвел он собаку с золотой цепочкою на шее и сказал: «Вот он, злодей!»

И приказал слугам принести горящие уголья, которые черный пес при всех должен был пожирать, так что пар клубом валил у него из глотки...

Затем он спросил короля, желает ли тот увидеть злодея в прежнем виде, и чуть только пожелал этого, повар тотчас явился перед королем в белом фартуке и с ножом на боку.

Разгневался король, увидав его, и приказал его бросить в самую мрачную темницу.

Тогда юноша сказал, обращаясь к королю: «Государь-батюшка, а не желаете ли вы видеть ту девушку, которая меня воспитала среди нежных забот, а потом даже и жизнь мне спасла, хотя она и сама могла за это поплатиться жизнью?» — «Охотно желал бы повидать ее», — сказал король. «А вот я сейчас покажу вам ее, батюшка, в виде прекрасного цветка!» — сказал сын.

И взял гвоздику, и поставил ее на королевский стол, и показалась она королю такую прекрасною, какой он еще никогда прежде не видывал. «Ну, а теперь, — сказал сын, — я покажу вам ее и в настоящем виде».

И пожелал, чтобы гвоздика вновь обратилась в красную девицу, и она предстала перед королем такой красавицей, что никакому живописцу не написать бы ее краше.

А король тем временем послал двух придворных служанок королевы в башню.

Они должны были оттуда королеву вывести и привести к королевскому столу.

Когда же ее привели к столу, она уже ничего не могла кушать и сказала: «Бог милосердный, который поддержал жизнь мою во время заточения в башне, вскоре пошлет мне избавление от земного существования».

После того она действительно прожила три дня и скончалась блаженною кончиною.

Во время ее погребения два белых голубка, которые приносили ей пищу в башню (и были ангелами небесными), последовали за гробом ее и сели на ее могилку.

Старый король приказал злодея-повара разорвать на части; но печаль все же грызла его сердце, и он вскоре умер с горя.

Королевич же на красной девице женился, и живы ли они теперь, нет ли — бог их ведает.

Находчивая Третель

Жила-была кухарка по имени Гретель; она носила башмаки с красными каблуками, и когда выходила в них со двора, то вертелась во все стороны и была очень довольна собою, думая про себя: «А ведь все же я недурна».

И когда приходила домой, то под веселую руку выпивала глоток вина, а так как вино возбуждает аппетит, то она отвеживала лучшее из того, что она варила.

И отвеживала до тех пор, пока не насыщалась, да еще приговаривала: «Как кухарке не знать, что она готовит!»

Случилось, что однажды ее хозяин сказал ей: «Гретель, сегодня вечером придет ко мне гость; так ты приготовь мне пару курочек, да повкуснее!» — «Приготовлю, сударь, будьте покойны», — отвечала ему Гретель.

Вот заколола она кур, выпотрошила, ощипала, насадила их на вертел и, когда за вечерело, принесла их к очагу, чтобы зажарить.

Курицы на огне стали уж зарумяниваться и поджариваться, а гость все еще не приходил.

Тогда Гретель закричала хозяину: «Коли гость не придет, так я должна кур снять с огня; но, право, жалко будет, если их не теперь есть станут, когда они всего сочнее». Хозяин отвечал ей: «Ну, так я же сам сбегая за гостем».

Но чуть только он отвернулся, Гретель тотчас сняла вертел с огня вместе с курами и подумала: «Чего мне так долго тут стоять у очага и потеть, и жажду терпеть? Кто еще их знает, когда они придут? Тем временем не сбегать ли мне в погреб да не хватить ли глоточек винца?»

Сбежала, кружку к бочке подставила, сказала: «Ну-ка, Гретель, благословясь!» — и глотнула порядком. «Рюмочка рюмочку за собою ведет, — сказала она, — да притом и нехорошо сразу-то обрывать!» И еще хлебнула вина, не жалеючи.

«Находчивая Гретель».

Художник – Отто Уббеллоде. 1909 г.

*«...Мила-была кухарка по имени Гретель:
она носила башмаки с красными каблучками, и когда выходила
в них со двора, то вертелась во все стороны и была очень довольна
собою, думая про себя: "А ведь все же я недурна"..."»*

Затем вернулась на кухню, опять вертел на огонь поставила, кур маслом вымазала и весело стала вертеть вертел над огнем.

Жаркое отлично пахло, и Гретель подумала: «Пожалуй, еще чего-нибудь не хватает там, попробовать все же не мешает! — пощупала кур и пальцы облизала. — Э-э! Да какие же вкусные! Просто грешно их теперь же не съесть!»

Подбежала к окошку посмотреть, не идет ли ее хозяин со своим гостем, но никого не было еще видно; подошла опять к курам да и подумала: «Одно крылышко как будто уж и подгорать стало, лучше я его съем!»

Отрезала крылышко, съела его, и очень оно ей понравилось. Как только она с ним справилась, так сейчас же ей пришло в голову: «Надо уж и другое крылышко отрезать, а то хозяин тотчас заметит, что чего-то недостает».

Съевши оба крыла, она опять подошла к окошку посмотреть, не идет ли хозяин, и опять его не увидела. «Кто их знает, — подумала она, — пожалуй, еще и совсем не придут либо зашли куда-нибудь... Э, Гретель, да чего тебе тревожиться! Одну уж начала, сходи-ка еще да хлебни разок и доедай всю курицу! Как всю-то съешь, так и успокоишься!.. Зачем пропадать Божьему дару?»

Вот и сбегала она быстренько еще разок в погреб и порядком там винца хлебнула, и превесело изволила докусать в свое удовольствие одну курочку.

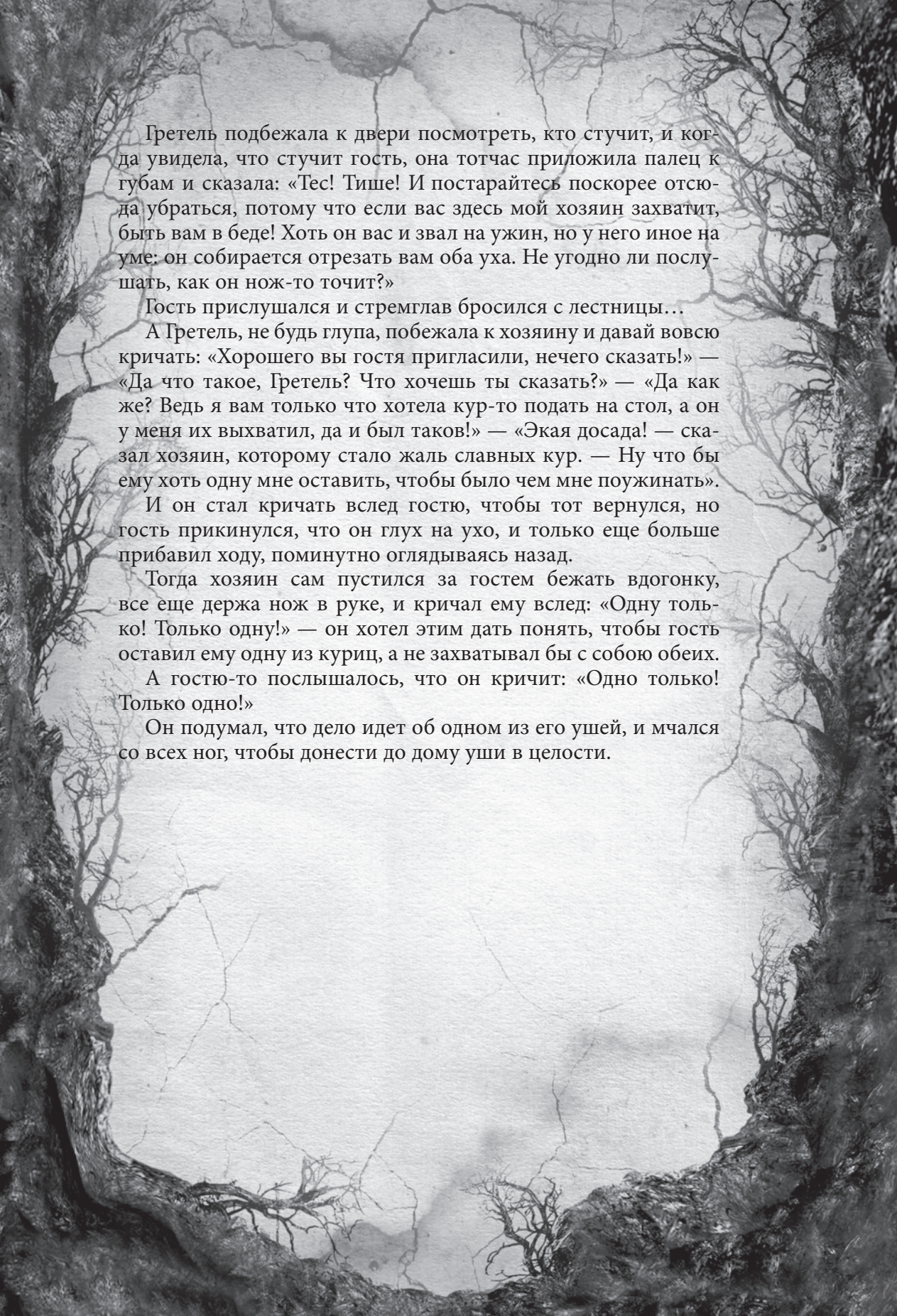
Когда и после этого хозяин не вернулся домой, Гретель стала и на другую курицу посматривать и сказала: «Где одна поместилась, там и другой найдется место. Ведь обе они — пара! Коли ту съела, так и эту оставлять нечего! Да и если я еще немного выпью, это, пожалуй, тоже не повредит!»

И точно: еще разок заглянула она в погреб, еще весьма усердно выпила винца и затем отправила вторую курицу туда же, где уже находилась первая.

В то время как она этой второй курочкой лакомилась, вернулся хозяин домой и крикнул ей: «Поскорее, Гретель! Гость мой идет сейчас за мною следом!» — «Слушаю, сударь, — отвечала Гретель, — все сейчас будет готово!»

Хозяин заглянул посмотреть, накрыт ли стол, взял большой нож, которым собирался разрезать кур, и на ходу стал точить его.

Тем временем и гость подошел, и вежливо постучался у входной двери.

Гретель подбежала к двери посмотреть, кто стучит, и когда увидела, что стучит гость, она тотчас приложила палец к губам и сказала: «Тес! Тише! И постарайтесь поскорее отсюда убраться, потому что если вас здесь мой хозяин захватит, быть вам в беде! Хотя он вас и звал на ужин, но у него иное на уме: он собирается отрезать вам оба уха. Не угодно ли послушать, как он нож-то точит?»

Гость прислушался и стремглав бросился с лестницы...

А Гретель, не будь глупа, побежала к хозяину и давай вовсю кричать: «Хорошего вы гостя пригласили, нечего сказать!» — «Да что такое, Гретель? Что хочешь ты сказать?» — «Да как же? Ведь я вам только что хотела кур-то подать на стол, а он у меня их выхватил, да и был таков!» — «Экая досада! — сказал хозяин, которому стало жаль славных кур. — Ну что бы ему хоть одну мне оставить, чтобы было чем мне поужинать».

И он стал кричать вслед гостю, чтобы тот вернулся, но гость прикинулся, что он глух на ухо, и только еще больше прибавил ходу, поминутно оглядываясь назад.

Тогда хозяин сам пустился за гостем бежать вдогонку, все еще держа нож в руке, и кричал ему вслед: «Одну только! Только одну!» — он хотел этим дать понять, чтобы гость оставил ему одну из куриц, а не захватывал бы с собою обеих.

А гостю-то слышалось, что он кричит: «Одно только! Только одно!»

Он подумал, что дело идет об одном из его ушей, и мчался со всех ног, чтобы донести до дому уши в целости.

О смерти курочки

Некогда направились курочка с петушком на орешниковую гору и заключили друг с другом такой договор: кто первый добудет ореховое ядрышко, тот должен его с товарищем поделить.

Вот и отыскала курочка большой-пребольшой орех, никому ничего о том не сказала и задумала тот орех съесть одна-одинешенька. А ядрышко-то было настолько велико, что курочка его проглотить не могла; оно застряло у нее в горле, и курочка перепугалась, что она тем ядрышком подавится.

И закричала курочка: «Петушок, сделай милость, сбегай поскорее да принеси мне воды, не то я задохнусь».

Побежал петушок что есть мочи к колодцу и сказал: «Дай ты мне водицы, курочка лежит на орешниковой горе, заглотнула большое ядрышко, и, того и гляди, задохнется».

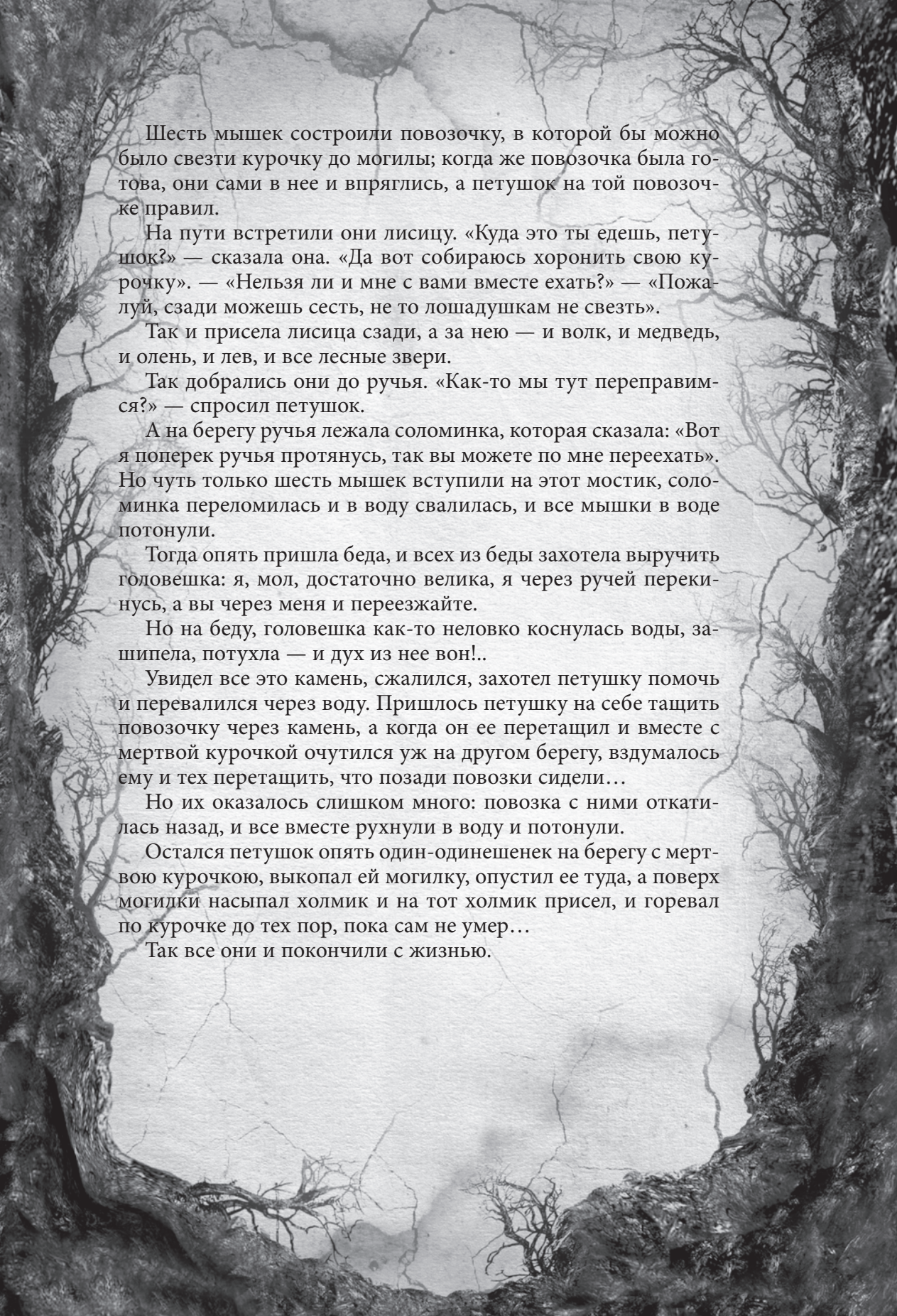
Отвечал ему колодец: «Беги сначала к невесте и выпроси себе красного шелка».

Побежал петушок к невесте, говорит: «Невеста, дай ты мне красного шелка; я тот шелк снесу колодцу, колодец даст мне водицы, водицу отнесу я курочке, а курочка лежит на орешниковой горе, заглотнула слишком большое ореховое ядрышко и, чего доброго, задохнется». Невеста ему отвечает: «Сначала сбегай да принеси мне венок, что повесила я на ивовой веточке».

Побежал петушок к иве, снял венок с ветки и принес его к невесте, а невеста дала ему за это красного шелку; шелк отнес он к колодцу, а тот дал ему за это водицы.

Принес петушок водицу курочке, а курочка тем временем задохнулась и лежала мертвая, без движения.

Тут уж петушок так разогревался, что стал громко-громко кричать, и сбежались к нему все звери, стали курочку оплакивать.

Шесть мышек состроили повозочку, в которой бы можно было свезти курочку до могилы; когда же повозочка была готова, они сами в нее и впряглись, а петушок на той повозочке правил.

На пути встретили они лисицу. «Куда это ты едешь, петушок?» — сказала она. «Да вот собираюсь хоронить свою курочку». — «Нельзя ли и мне с вами вместе ехать?» — «Пожалуй, сзади можешь сесть, не то лошадушкам не свезть».

Так и присела лисица сзади, а за нею — и волк, и медведь, и олень, и лев, и все лесные звери.

Так добрались они до ручья. «Как-то мы тут переправимся?» — спросил петушок.

А на берегу ручья лежала соломинка, которая сказала: «Вот я поперек ручья протянусь, так вы можете по мне переехать». Но чуть только шесть мышек вступили на этот мостик, соломинка переломилась и в воду свалилась, и все мышки в воде потонули.

Тогда опять пришла беда, и всех из беды захотела выручить головешка: я, мол, достаточно велика, я через ручей перекинусь, а вы через меня и переезжайте.

Но на беду, головешка как-то неловко коснулась воды, зашипела, потухла — и дух из нее вон!..

Увидел все это камень, сжалился, захотел петушку помочь и перевалился через воду. Пришлось петушку на себе тащить повозочку через камень, а когда он ее перетащил и вместе с мертвой курочкой очутился уж на другом берегу, вздумалось ему и тех перетащить, что позади повозки сидели...

Но их оказалось слишком много: повозка с ними откатилась назад, и все вместе рухнули в воду и потонули.

Остался петушок опять один-одинешенек на берегу с мертвою курочкою, выкопал ей могилку, опустил ее туда, а поверх могилки насыпал холмик и на тот холмик присел, и горевал по курочке до тех пор, пока сам не умер...

Так все они и покончили с жизнью.

Русалка

Естрица с братцем играли у колодца. Играли, играли, да и свалились в него. А на дне его жила русалка. И сказала она: «Вот вы ко мне попали, должны хорошенько поработать», — и увела их с собою.

Девочке дала она прясть спутанный, плохой лен, да сверх того приказала ей носить воду в бездонную бочку, а мальчику велела рубить дерево тупым топором; пища же их состояла из одних клецок, крепких, как камень. Деткам все это наконец так надоело, что они, выждав воскресенье, когда русалка отлучилась в кирху, бежали из ее дома.

Когда русалка увидела, что птички улетели, и погналась за ними, дети заметили ее еще издали, и девочка бросила позади себя щетку; из той щетки выросла щетинистая гора с тысячами тысяч игл, и русалка с великим трудом перебралась через ту гору.

Тогда мальчик бросил позади себя гребешок, и из того гребешка выросла гребнистая гора с тысячами тысяч острых зубцов; однако же русалка и через ту гору перебралась.

Тогда девочка бросила на дорогу зеркальце, оно превратилось в зеркальную гору, такую гладкую, что русалка через нее не могла перелезть.

«Дай-ка я домой схожу за своим топором, — подумала она, — да ту гору пополам рассеку».

Но пока она домой ходила да гору зеркальную рассекала, дети далеко от нее убежали, и русалке опять пришлось одной сидеть в колодце.

Старый дед и внучек

Жил некогда на свете дряхлый-предряхлый старичок; зрение у него слабело, и слух тоже, и ноги ступали нетвердо. Сидя за столом, он едва мог держать ложку в руках, расплескивал суп по скатерти, да случалось иногда, что суп у него и изо рта капал на стол.

Его сыну и невестке было противно смотреть на старика, и потому-то старый дед должен был наконец переселиться из-за стола в особый уголок за печкой, где ему стали давать кушанье в небольшой глиняной мисочке, да и то не вдоволь.

Тогда он с грустью стал из своего уголка поглядывать на стол, и глаза его бывали влажны от слез.

Случилось однажды, что его слабые, дрожащие руки не смогли удержать и глиняной мисочки — она упала на пол и разбилась.

Молодая невестка стала его бранить, а он не отвечал ей ни слова и все только вздыхал.

Взамен глиняной мисочки они купили старику деревянную чашку за пару геллеров.

Вот и сидели они так-то, и видят, что маленький четырехлетний сын их, сидя на полу, сколачивает какие-то четыре дощечки.

«Ты что это там делаешь?» — спросил его отец. «Я сколачиваю корытце, — отвечал ребенок, — из того корытца стану кормить батюшку с матушкой, когда вырасту».

Тогда муж и жена поглядели друг на друга, расплакались, тотчас же опять пересадили старого деда к себе за стол и уж постоянно обедали с ним вместе, не говоря ему ни слова даже и тогда, когда он что-нибудь проливал на скатерть.

Брат весельчак

Велась некогда большая война, и когда окончилась, многие солдаты получили отставку. И Брат Весельчак тоже получил отставку вместе с другими, а при отставке — небольшой казенный хлебец да четыре крейцера на выход.

Побрел Брат Весельчак путем-дорогою, и повстречался ему Святой Петр в образе нищего и попросил милостыни. Тот отвечал ему: «Э-э, миляга, что мне и дать-то тебе? Был я в солдатах и выпущен вчистую: и всего-то у меня за душою казенный хлебец да четыре крейцера... А как и те выйдут, придется и мне точно так же просить милостыню, как ты просишь... Однако же дам, что могу».

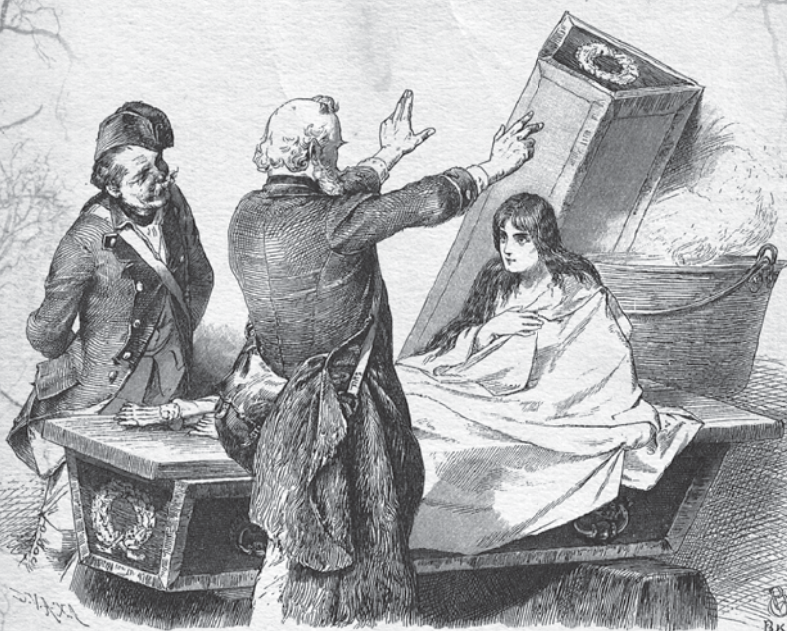
Затем он разделил хлебец на четыре части и одну из них дал Святому Петру, добавив к хлебу и крейцер.

Поблагодарил его Святой Петр, пошел далее и в образе другого нищего сел на пути солдата; когда тот поравнялся с ним. Святой Петр опять попросил у него милостыни. Брат Весельчак опять повторил ту же речь и опять подал ему четверть хлеба и крейцер.

Поблагодарил его Святой Петр, пошел далее и в третий раз в образе нищего сел при дороге, и опять обратился к Весельчаку с той же просьбою. Весельчак и в третий раз дал ему третью четверть хлеба и третий крейцер. Святой Петр его поблагодарил, а добряк пошел далее, и осталось у него в запасе всего четверть хлеба да один крейцер.

С этим запасом зашел он в гостиницу, съел свой кусок хлеба, а на крейцер спросил себе пива.

Затем пошел дальше путем-дорогою, а навстречу ему вышел опять Святой Петр в образе отставного же солдата и заговорил с ним: «Здорово, товарищ! А что, не найдется ли у тебя куска хлеба в запасе да хоть крейцера на выпивку?» — «Где мне это взять? — отвечал Весельчак. — Выпущен я вчи-

«Брат весельчак».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...И при третьем возгласении этих слов королева поднялась живая, здоровая и прекрасная, как и прежде...»

стую, и за службу получил только казенный хлебец да четыре крейцера! На пути своем повстречал я троих нищих и каждому дал по четверти хлеба да по крейцеру. Последнюю же четверть я съел сам, зайдя в гостиницу, да на последний крейцер выпил. Теперь, брат, у меня пусто, и если у тебя тоже ничего нет, то мы вместе можем отправиться просить милостыню». — «Нет, — сказал Святой Петр, — это пока еще не нужно; я кое-что смыслю в лечении болезней и сумею этим делом заработать, сколько мне нужно». — «Ну, а я в этом ничего не смыслю, — сказал Весельчак, — значит, мне и придется одному идти нищенствовать». — «Э-э, пойдем со мною! — сказал Святой Петр. — Коли я что-нибудь заработаю, так поделюсь с тобою». — «Что ж, мне это на руку!» — сказал Весельчак.

Так и продолжали они путь вместе.

Вот и пришли они к одному крестьянскому дому и услышали в нем вой и плач; зашли туда и видят, что хозяин дома лежит при смерти, и смерть у него за плечами, а жена его по нем воеет и голосом плачет.

«Полно выть и плакать, — сказал Святой Петр, — я вылечу вашего мужа», — и с этими словами вынул из кармана какую-то мазь и исцелил больного мгновенно, так что он мог встать и совсем выздоровел.

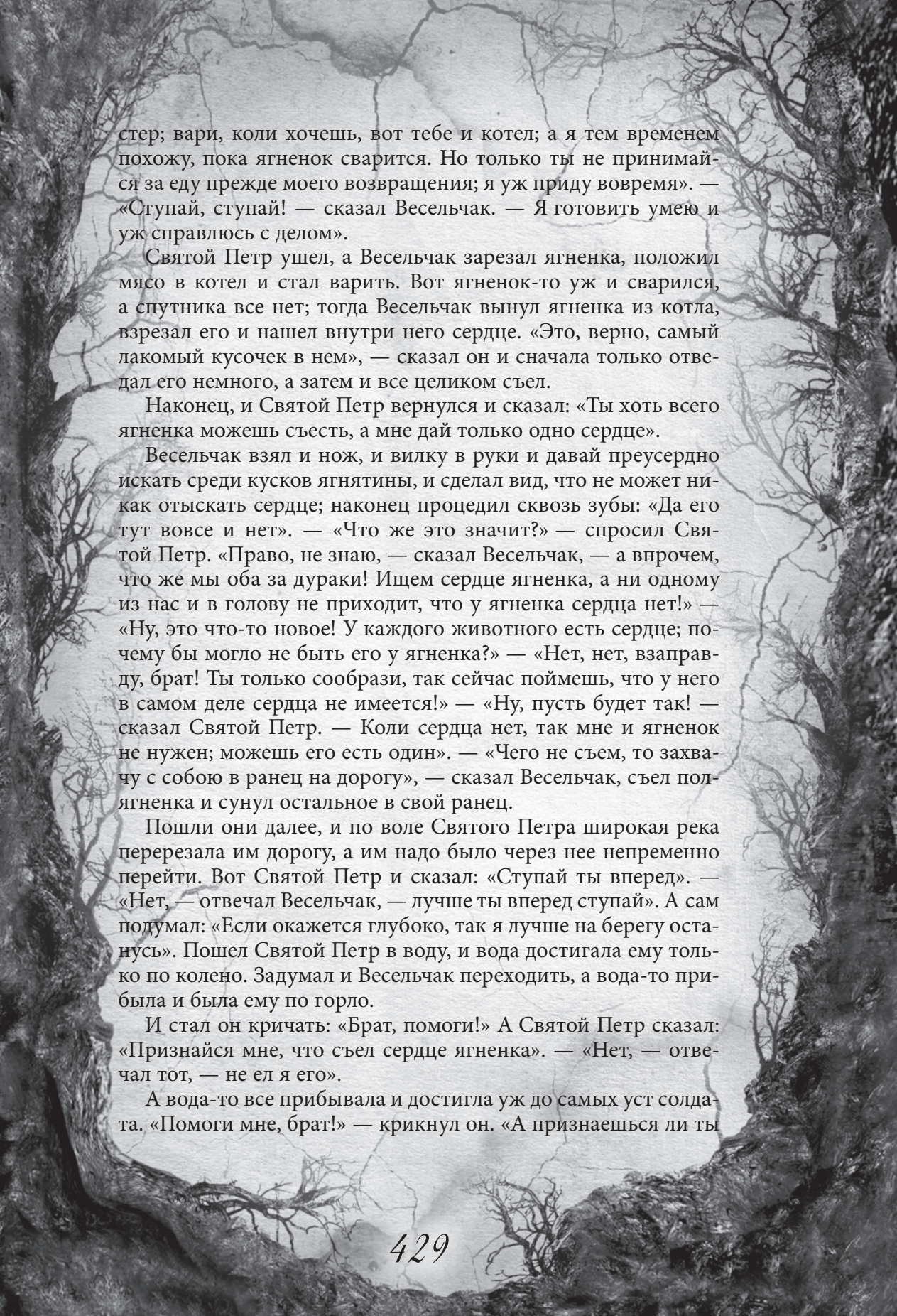
Муж и жена очень этому обрадовались и спросили: «Чем можем мы вас наградить? Что можем вам дать?»

Однако же Святой Петр не захотел ничего брать, и чем более они его упрашивали, тем более он отказывался. А Весельчак-то и подтолкну его в бок, говорит: «Бери же что-нибудь, ведь нам же нужно».

Наконец, хозяйка вынесла ягненок и сказала Святому Петру, что он должен его взять; но тот все отказывался. А Весельчак-то опять его в бок: «Да бери же, дурень, ведь нам нужно!»

Тогда Святой Петр сказал наконец: «Ну, ладно! Ягненок я возьму, но не понесу сам; хочешь, брат, так сам и неси». — «Отчего ж не понести!» — отвечал Весельчак и вскинул ягненка на плечо.

Вот и пришли они в лес; ягненок порядком оттянул плечо Весельчаку, который притом же был и голоден, а потому сказал своему спутнику: «Глянь-ка, местечко здесь недурно, здесь могли бы мы ягненок сварить и съесть». — «Пожалуй, — отвечал Святой Петр, — но только варить я не ма-

стер; вари, коли хочешь, вот тебе и котел; а я тем временем похожу, пока ягненок сварится. Но только ты не принимайся за еду прежде моего возвращения; я уж приду вовремя». — «Ступай, ступай! — сказал Весельчак. — Я готовить умею и уж справлюсь с делом».

Святой Петр ушел, а Весельчак зарезал ягненка, положил мясо в котел и стал варить. Вот ягненок-то уж и сварился, а спутника все нет; тогда Весельчак вынул ягненка из котла, взрезал его и нашел внутри него сердце. «Это, верно, самый лакомый кусочек в нем», — сказал он и сначала только отведать его немного, а затем и все целиком съел.

Наконец, и Святой Петр вернулся и сказал: «Ты хоть всего ягненка можешь съесть, а мне дай только одно сердце».

Весельчак взял и нож, и вилку в руки и давай преусердно искать среди кусков ягнятины, и сделал вид, что не может никак отыскать сердце; наконец процедил сквозь зубы: «Да его тут вовсе и нет». — «Что же это значит?» — спросил Святой Петр. «Право, не знаю, — сказал Весельчак, — а впрочем, что же мы оба за дураки! Ищем сердце ягненка, а ни одному из нас и в голову не приходит, что у ягненка сердца нет!» — «Ну, это что-то новое! У каждого животного есть сердце; почему бы могло не быть его у ягненка?» — «Нет, нет, взаправду, брат! Ты только сообрази, так сейчас поймешь, что у него в самом деле сердца не имеется!» — «Ну, пусть будет так! — сказал Святой Петр. — Коли сердца нет, так мне и ягненок не нужен; можешь его есть один». — «Чего не съем, то захвачу с собою в ранец на дорогу», — сказал Весельчак, съел пол-ягненка и сунул остальное в свой ранец.

Пошли они далее, и по воле Святого Петра широкая река перерезала им дорогу, а им надо было через нее непременно перейти. Вот Святой Петр и сказал: «Ступай ты вперед». — «Нет, — отвечал Весельчак, — лучше ты вперед ступай». А сам подумал: «Если окажется глубоко, так я лучше на берегу останусь». Пошел Святой Петр в воду, и вода достигала ему только по колено. Задумал и Весельчак переходить, а вода-то прибыла и была ему по горло.

И стал он кричать: «Брат, помоги!» А Святой Петр сказал: «Признайся мне, что съел сердце ягненка». — «Нет, — отвечал тот, — не ел я его».

А вода-то все прибывала и достигла уж до самых уст солдата. «Помоги мне, брат!» — крикнул он. «А признаешься ли ты

мне, что съел сердце ягненка?» — «Нет, — отвечал солдат, — не ел я его».

Не хотелось Святому Петру, чтобы Весельчак потонул, он спустил воду и помог ему через нее перебраться.

Пошли они далее и пришли в такое царство, где королева была при смерти. Услышали об этом наши путники, и солдат сказал: «А что, брат, ведь это для нас пожива! Если мы ее вылечим, так, пожалуй, на весь век обеспечимся!» И показалось ему, что его спутник недостаточно проворно ворочается; и он давай его поторапливать: «Да ну же, голубчик, поворачивайся! А то, пожалуй, еще опоздаем!»

А Святой Петр нарочно замедлял и замедлял шаг, как ни торопил его товарищ, пока наконец они не прознали, что королева скончалась.

«Вот тебе и на! — сказал с досадою солдат. — А все оттого, что ты так плелся нога за ногу!» — «Помолчи лучше, — отвечал ему Святой Петр, — я ведь не только больных лечить умею, я и мертвых могу вновь призывать к жизни». — «Да, вот если ты это умеешь делать, так оно мне на руку; только уж ты меньше половины королевства за оживление не бери!»

Затем они направились к королевскому замку, где все были погружены в великую печаль; там и сказал королю Святой Петр, что он берется оживить королевну.

Повели его к умершей королевне, и он сказал: «Принесите мне полнешенек котел воды», — и когда котел был принесен, он приказал всем выйти из комнаты, оставив при себе только одного Весельчака.

Затем он изрезал на куски все тело усопшей, побросал куски в котел, развел под ним огонь и стал их варить. И когда все мясо от костей отстало, он добыл из котла тонкие белые косточки, положил их на стол и собрал в обычном, естественном порядке.

Затем он стал перед столом и трижды произнес: «Усопшая, восстань!» И при третьем возгласении этих слов королева поднялась живая, здоровая и прекрасная, как и прежде.

Король, конечно, несказанно обрадовался и сказал Святому Петру: «Требуй от меня награды, и если бы ты даже пожелал половину моего королевства, охотно отдал бы тебе!»

Но Святой Петр отвечал: «Я не желаю никакой награды». — «Экий дурень!» — подумал про себя солдат, толкнул товарища в бок и шепнул ему: «Да полно же тебе дурить!»

Коли тебе ничего не нужно, так я-то не прочь бы получить хоть что-нибудь».

Святой Петр ничего не пожелал; однако же король заметил, что его товарищ не так бескорыстен, и приказал своему казначею набить ранец солдата червонцами.

Пошли они далее, и когда дошли до леса, Святой Петр сказал Весельчаку: «Ну, теперь давай делить золото». — «Хорошо, — отвечал тот, — давай делить».

Разделил Святой Петр золото — и разделил на три части. «Что это он за затею опять затеял? — подумал солдат. — Нас всего двое, а он на три доли делит».

Разделив золото, Святой Петр сказал: «Я разделил на три доли очень верно — одна доля мне, одна тебе, а одна тому, кто сердце ягненка съел». — «О, а это я же его и съел, — поспешил ответить Весельчак и поскорее прибрал золото к рукам, — я съел, уж ты поверь мне!» — «Может ли это быть? — продолжал Святой Петр. — Ведь ты же сам утверждал, что у ягненка вовсе сердца нет». — «Э, братец мой, мыслимое ли это дело? И у ягненка сердце есть, как у всякого животного... Почему бы у него сердцу не быть?» — «Ну, ладно же, — сказал Святой Петр, — возьми себе все золото, но я уж не хочу более быть твоим спутником, я пойду один своею дорогою». — «Как знаешь, голубчик, — сказал солдат, — на том и прощай».

И пошел Святой Петр другой дорогою, а Весельчак про себя подумал: «Оно и лучше, что он от меня отстал; а то он какой-то мудреный — чудодей, что ли?»

Кстати же, и денег у него теперь было довольно; но он не умел с ними обращаться, разбрасывал их, раздаривал и по прошествии некоторого времени опять остался ни с чем.

Вот и пришел он в одну страну, где, по слухам, королевна только что скончалась. «Вот оно что! — подумал он. — Ведь тут отличное дело может выгореть! Я ее оживлю, и уж, конечно, заставлю себе за это заплатить надлежащим образом».

Пошел к королю и предложил ему оживить усопшую. А до короля уже дошли такие слухи, что вот ходит по белу свету какой-то отставной солдат и оживляет усопших; он и подумал, что Весельчак и есть тот самый солдат.

Однако же, так как он не имел к нему доверия, сначала посоветовался со своими советниками, и те сказали ему: «Отчего же не попробовать, ведь дочь-то твоя все равно уж скончалась».

Весельчак велел воды в котле принести, потом всех выслал из комнаты, разрезал тело усопшей на части, покидал их в котел, развел под ним огонь — все точно так же, как это его спутник делал.

Стала вода в котле закипать и мясо от костей отставать; тогда выбрал он из котла кости и разложил их на столе; однако же он не знал, в каком порядке их следует составить, и все сложил шиворот-навыворот.

Потом стал перед столом и сказал: «Усопшая, восстань!» — и трижды повторил, а кости и не двигались.

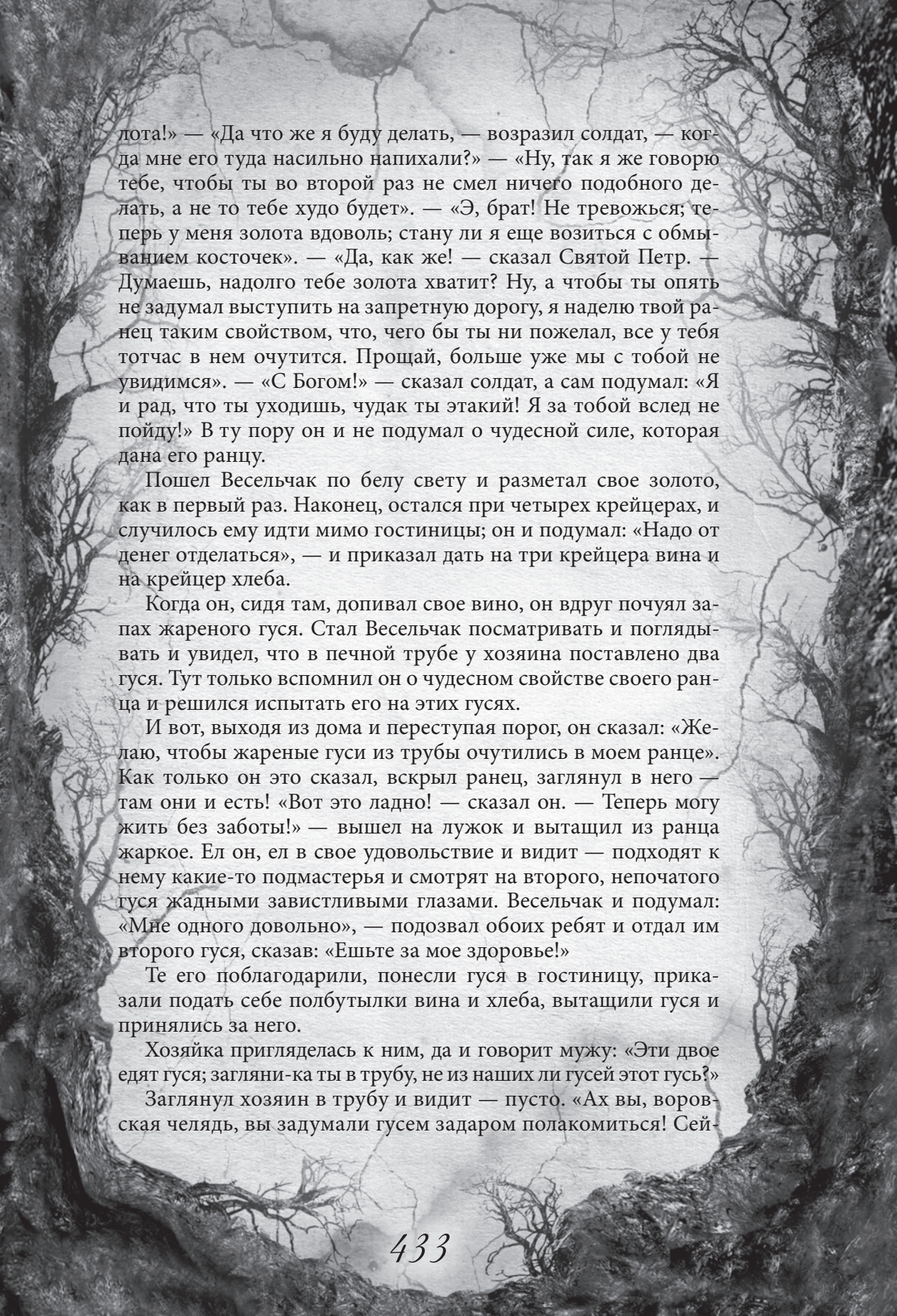
Он и еще трижды повторил те же слова — и тоже безрезультатно. «Да ну же, вставай, поднимайся, сударыня, — крикнул он наконец, — не то худо будет!»

Чуть только он это произнес, как Святой Петр, по-прежнему в образе отставного солдата, явился к нему, проникнув в комнату через окно, и сказал: «Ах ты, безбожный человек! Как осмеливаешься ты приниматься за это дело, не разумея даже того, что усопшая не может восстать из мертвых, когда ты так перепутал все ее кости?» — «Голубчик, да я сделал, как умел!» — взмолился солдат. «На этот раз еще я тебя выручу из беды, но предупреждаю тебя, что если ты осмелишься еще раз что-нибудь подобное предпринять, то тебя постигнет великое несчастье... Сверх того не смей от короля ни требовать, ни принимать никакой, даже самой ничтожной награды». Затем Святой Петр сложил кости королевны в настоящий порядок, произнес трижды: «Усопшая, восстань!» — и королева поднялась здоровая и прекрасная, как и прежде.

А Святой Петр как пришел, так и удалился через окно; и Весельчак, довольный-предовольный тем, что все так хорошо у него с рук сошло, горевал только о том, что ему нельзя было получить никакой награды.

«Желал бы я знать, что у него такое в голове сидит, — подумал солдат, — ведь то, что он одною рукою дает, то другою отнимает, а в этом просто смысла нет!» Стал король Весельчаку предлагать, что он желает, но тот ничего не смел взять открыто, однако же разными намеками и хитростью довел до того, что король приказал наполнить ему ранец золотом, — с тем он и ушел.

Когда он вышел из замка, у ворот стоял Святой Петр и сказал ему: «Видишь, какой ты человек? Ведь я же тебе запретил брать что бы то ни было, а у тебя вон ранец полнехонек зо-

лота!» — «Да что же я буду делать, — возразил солдат, — когда мне его туда насильно напихали?» — «Ну, так я же говорю тебе, чтобы ты во второй раз не смел ничего подобного делать, а не то тебе худо будет». — «Э, брат! Не тревожься; теперь у меня золота вдоволь; стану ли я еще возиться с обмыванием косточек». — «Да, как же! — сказал Святой Петр. — Думаешь, надолго тебе золота хватит? Ну, а чтобы ты опять не задумал выступить на запретную дорогу, я наделю твой ранец таким свойством, что, чего бы ты ни пожелал, все у тебя тотчас в нем очутится. Прощай, больше уже мы с тобой не увидимся». — «С Богом!» — сказал солдат, а сам подумал: «Я и рад, что ты уходишь, чужак ты этакий! Я за тобой вслед не пойду!» В ту пору он и не подумал о чудесной силе, которая дана его ранцу.

Пошел Весельчак по белу свету и разметал свое золото, как в первый раз. Наконец, остался при четырех крейцерах, и случилось ему идти мимо гостиницы; он и подумал: «Надо от денег отделаться», — и приказал дать на три крейцера вина и на крейцер хлеба.

Когда он, сидя там, допивал свое вино, он вдруг почуял запах жареного гуся. Стал Весельчак посматривать и поглядывать и увидел, что в печной трубе у хозяина поставлено два гуся. Тут только вспомнил он о чудесном свойстве своего ранца и решился испытать его на этих гусях.

И вот, выходя из дома и переступая порог, он сказал: «Желаю, чтобы жареные гуся из трубы очутились в моем ранце». Как только он это сказал, вскрыл ранец, заглянул в него — там они и есть! «Вот это ладно! — сказал он. — Теперь могу жить без заботы!» — вышел на лужок и вытащил из ранца жаркое. Ел он, ел в свое удовольствие и видит — подходят к нему какие-то подмастерья и смотрят на второго, непчатого гуся жадными завистливыми глазами. Весельчак и подумал: «Мне одного довольно», — подозвал обоих ребят и отдал им второго гуся, сказав: «Ешьте за мое здоровье!»

Те его поблагодарили, понесли гуся в гостиницу, приказали подать себе полбутылки вина и хлеба, вытащили гуся и принялись за него.

Хозяйка пригляделась к ним, да и говорит мужу: «Эти двое едят гуся; загляни-ка ты в трубу, не из наших ли гусей этот гусь?»

Заглянул хозяин в трубу и видит — пусто. «Ах вы, воровская челядь, вы задумали гусем задаром полакомиться! Сей-

час платите, не то попотчую вас березовой кашей!» — «Какие же мы воры? — взмолились подмастерья. — Нам этого гуся подарил там на лугу отставной солдат». — «Что вы мне зубы заговариваете! Солдат здесь точно был, но честным гостем в двери ушел, и я за ним следил; а вы-то настоящие воры и есть, и вы должны мне за гуся заплатить». Но так как заплатить они не могли, то он взялся за палку и выгнал их из гостиницы.

Между тем Весельчак шел да шел своей дорогой и пришел к местечку, где около богатого замка стояла дрянная гостиница. Стал он проситься в гостиницу ночевать, но хозяин отказал, сказав: «Нет для тебя места; гостиница полнешенька знатных гостей». — «Дивлюсь я этому, — сказал Весельчак, — почему все останавливаются у вас, а не в этом прекрасном замке?» — «Да, чего-нибудь да стоит в нем ночь проспать, — сказал хозяин, — кто там ночевать пытался, тот жив оттуда не возвращался». — «Коли другие пытались, — сказал Весельчак, — так отчего же и мне не попытаться?» — «Пустое, брось, — сказал хозяин, — ведь за это шкурой заплатишься». — «Ну, не сейчас же шкурой; дайте мне только ключи от замка да хорошенько поесть и выпить».

Дал ему хозяин ключи, дал и еду, и выпивку, и затем Весельчак ушел в замок, плотно поужинал, и когда стало клонить его ко сну, растянулся там на полу, потому что кровати не оказалось.

Вскоре он и заснул, но среди ночи пробужден был страшным шумом, и когда протер глаза, то увидел в своей комнате девять отвратительных бесов, которые плясали около него хороводом. «Ну, что ж, — сказал Весельчак, — пляшите, пожалуй, сколько хотите, но только чтобы ни один не смел ко мне близко подойти». Но бесы напирали на него все ближе и ближе и почти касались его лица ногами в своей бешеной пляске. «Смирно вы, черти!» — крикнул солдат; но они все по-прежнему лезли к нему. Тут Весельчак рассердился, крикнул: «Я вас живо уйму!» — отломил ножку от стула, да и давай их колотить.

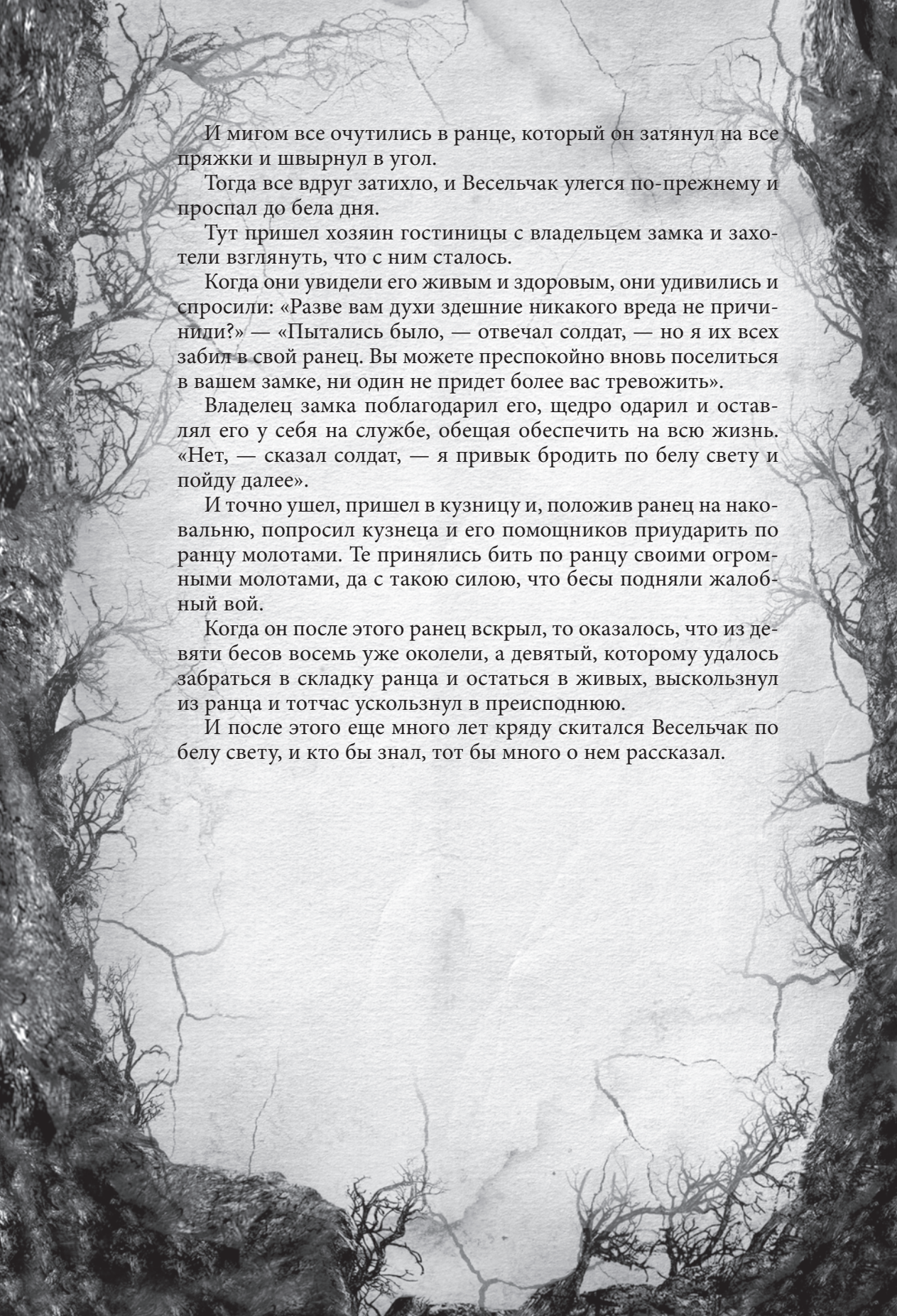
Однако же девятих бесов на одного солдата было слишком много, и в то время когда он бросался на передних, задние таскали его за волосы и трепали безжалостно. «Постойте уж, чертовы дети! Я с вами справлюсь! — крикнул солдат. — Полезайте все девятеро ко мне в ранец!»

«Брат весельчак».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«... Мут Весельчак рассердился, крикнул:
“А вас живо уйму!” – отломил ножку от стула,
да и давай их колотить...»*

И мигом все очутились в ранце, который он затянул на все пряжки и швырнул в угол.

Тогда все вдруг затихло, и Весельчак улегся по-прежнему и проспал до бела дня.

Тут пришел хозяин гостиницы с владельцем замка и захотели взглянуть, что с ним случилось.

Когда они увидели его живым и здоровым, они удивились и спросили: «Разве вам духи здешние никакого вреда не причинили?» — «Пытались было, — отвечал солдат, — но я их всех забил в свой ранец. Вы можете преспокойно вновь поселиться в вашем замке, ни один не придет более вас тревожить».

Владелец замка поблагодарил его, щедро одарил и оставил его у себя на службе, обещая обеспечить на всю жизнь. «Нет, — сказал солдат, — я привык бродить по белу свету и пойду далее».

И точно ушел, пришел в кузницу и, положив ранец на наковальню, попросил кузнеца и его помощников приударить по ранцу молотами. Те принялись бить по ранцу своими огромными молотами, да с такою силою, что бесы подняли жалобный вой.

Когда он после этого ранец вскрыл, то оказалось, что из девяти бесов восемь уже околели, а девятый, которому удалось забраться в складку ранца и остаться в живых, выскользнул из ранца и тотчас ускользнул в преисподнюю.

И после этого еще много лет кряду скитался Весельчак по белу свету, и кто бы знал, тот бы много о нем рассказал.

Счастливичик Ганс

Ганс прослужил семь лет у своего господина и стал говорить ему: «Срок моей службы, сударь, миновал уже, и я бы очень охотно вернулся теперь к моей матери; а потому пожалуйста мне мое жалованье».

Хозяин его отвечал: «Ты служил мне верно и честно; по твоей службе должна быть тебе и награда», — и дал ему кусок золота величиной с его голову. Ганс вытащил платочек из кармана, завернул в него слиток золота, положил его на плечо и пустился домой.

Шел он своей дорогой, плелся нога за ногу и увидел всадника, который бодро и весело прорысил мимо него на славной лошади. «Ах, — сказал Ганс вслух, — что за славная штука эта верховая езда! Сидишь словно на стуле, ни на какой камень не спотыкаешься, обуви не изнашиваешь, и едешь себе вперед да вперед, сам того не замечая».

Всадник, услышав это, сдержал коня и крикнул: «Эй, Ганс, так зачем же ты пешком-то идешь?» — «Приходится идти пешком, коли нужно домой снести вот этот слиток: оно, положим, и золото, однако вот голову приходится набок держать, да и плечо оттянуло». — «А знаешь ли что? — сказал всадник. — Давай меняться: я тебе отдам своего коня, а ты мне свой слиток». — «С удовольствием, — сказал Ганс, — но только предупреждаю, что придется тебе с ним тащиться».

Всадник спешился, взял у Ганса слиток золота и помог ему взобраться на седло; потом дал ему поводья в руки и добавил: «Если хочешь, чтобы конь бежал быстро, тебе надо только языком прищелкнуть да крикнуть: гоп, гоп».

Ганс был радешенек, что уселся на лошадь, и поехал он себе легко и свободно.

Немного спустя ему показалось, что следует ехать быстрее, и он стал языком прищелкивать и покрикивать: гоп, гоп! Конь пошел крупной рысью, и прежде чем Ганс успел

оглянуться, он очутился во рву, который отделял дорогу от полей.

И лошадь тоже перескочила бы через ров, если бы не удержал ее встречный крестьянин, который шел по дороге и гнал перед собою корову.

Ганс кое-как выкарабкался и поднялся на ноги; но он был очень раздосадован и сказал мужику: «Какая глупая штука эта верховая езда! Особенно когда вот на такую клячу попадешь, которая и трясет, и с себя сбрасывает, того и гляди еще шею себе переломишь! Никогда я теперь больше на нее не сяду! То ли дело ваша корова — идешь себе за нею вольготно, да сверх того еще каждый день от нее и молоко, и масло, и сыр. Чего бы я ни дал за такую корову!» — «Ну, уж если вам моя корова так приглянулась, так я охотно поменяюсь ею на вашего коня».

Ганс был радешенек этой мене; а крестьянин поскорее вскочил на коня и поспешил уехать.

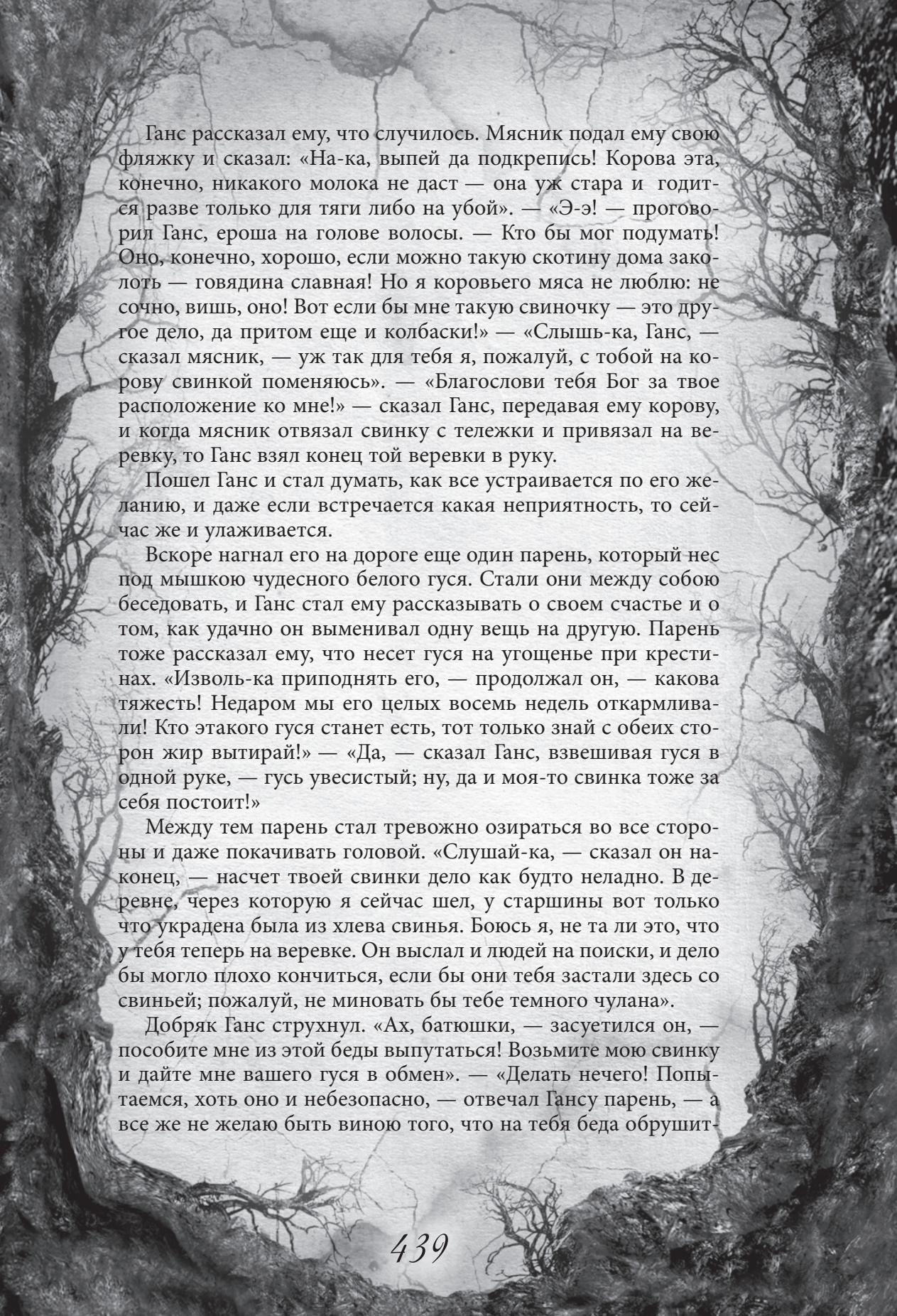
Вот Ганс преспокойно погнал перед собою корову и все обдумывал свой удачный оборот. «Как это славно! Стоит только куском хлеба запастись (в нем у меня не будет недостатка!), а сыр да масло у меня во всякое время готовы! А захотелось пить — подоил корову, да и напился, сколько душе угодно!»

Подойдя к гостинице, Ганс приостановился, на радостях съел все, что у него было захвачено на дорогу на обед и на ужин, и на последнюю пару крейцеров приказал подать себе полстакана пива. Затем погнал свою корову далее по дороге к деревне, где жила его мать.

Жар был томительный, потому что время уже близилось к полудню, а Гансу оставалось еще, по крайней мере, час пути.

Наконец, жара его до такой степени одолела, что у него и язык к небу липнуть стал. «Этой беде помочь нетрудно, — подумал Ганс, — вот теперь-то и стоит подоить корову и полакомиться от нее молочком!» Привязал он корову к сухому дереву, поставил свою кожаную шапку вместо подоюника, но как ни бился, молока не мог добыть ни капли. А так как он доил корову неискусно, то она стала у него брыкаться и нанесла ему задней ногой такой удар в голову, что он покатился на землю и некоторое время даже в себя прийти не мог.

По счастью, по той же дороге шел в то время мясник, который вез перед собою на тележке поросенка. «В чем тут дело?» — крикнул он Гансу и помог ему подняться.

Ганс рассказал ему, что случилось. Мясник подал ему свою фляжку и сказал: «На-ка, выпей да подкрепишься! Корова эта, конечно, никакого молока не даст — она уж стара и годится разве только для тяги либо на убой». — «Э-э! — проговорил Ганс, ероша на голове волосы. — Кто бы мог подумать! Оно, конечно, хорошо, если можно такую скотину дома заколоть — говядина славная! Но я коровьего мяса не люблю: не сочно, вишь, оно! Вот если бы мне такую свиночку — это другое дело, да притом еще и колбаски!» — «Слышь-ка, Ганс, — сказал мясник, — уж так для тебя я, пожалуй, с тобой на корову свинкой поменяюсь». — «Благослови тебя Бог за твое расположение ко мне!» — сказал Ганс, передавая ему корову, и когда мясник отвязал свинку с тележки и привязал на веревку, то Ганс взял конец той веревки в руку.

Пошел Ганс и стал думать, как все устроится по его желанию, и даже если встречается какая неприятность, то сейчас же и улаживается.

Вскоре нагнал его на дороге еще один парень, который нес под мышкою чудесного белого гуся. Стали они между собою беседовать, и Ганс стал ему рассказывать о своем счастье и о том, как удачно он выменивал одну вещь на другую. Парень тоже рассказал ему, что несет гуся на угощение при крестинах. «Изволь-ка приподнять его, — продолжал он, — какова тяжесть! Недаром мы его целых восемь недель откармливали! Кто этакого гуся станет есть, тот только знай с обеих сторон жир вытирай!» — «Да, — сказал Ганс, взвешивая гуся в одной руке, — гусь увесистый; ну, да и моя-то свинка тоже за себя постоит!»

Между тем парень стал тревожно озираться во все стороны и даже покачивать головой. «Слушай-ка, — сказал он наконец, — насчет твоей свинки дело как будто неладно. В деревне, через которую я сейчас шел, у старшины вот только что украдена была из хлева свинья. Боюсь я, не та ли это, что у тебя теперь на веревке. Он выслал и людей на поиски, и дело бы могло плохо кончиться, если бы они тебя застали здесь со свиньей; пожалуй, не миновать бы тебе темного чулана».

Добрый Ганс струхнул. «Ах, батюшки, — засуетился он, — пособи́те мне из этой беды выпутаться! Возьмите мою свинку и дайте мне вашего гуся в обмен». — «Делать нечего! Попытаемся, хоть оно и небезопасно, — отвечал Гансу парень, — а все же не желаю быть виною того, что на тебя беда обрушит-

ся». Он взял веревку в руки и погнал свинью в сторону проселком, а простодушный Ганс, избавившись от своих опасений, преспокойно пошел своей дорогой с гусем под мышкой.

«Коли все-то хорошенько сообразить, так я, пожалуй, и в барышах от меня, — размышлял Ганс, — во-первых, жаркое из гуся отличное; затем жиру-то сколько из него вытопится — месяца три кряду на нем лепешки печь станем; а наконец и чудный белый пух, которым велю набить свою подушку; да еще как на ней спать-то мягко будет!»

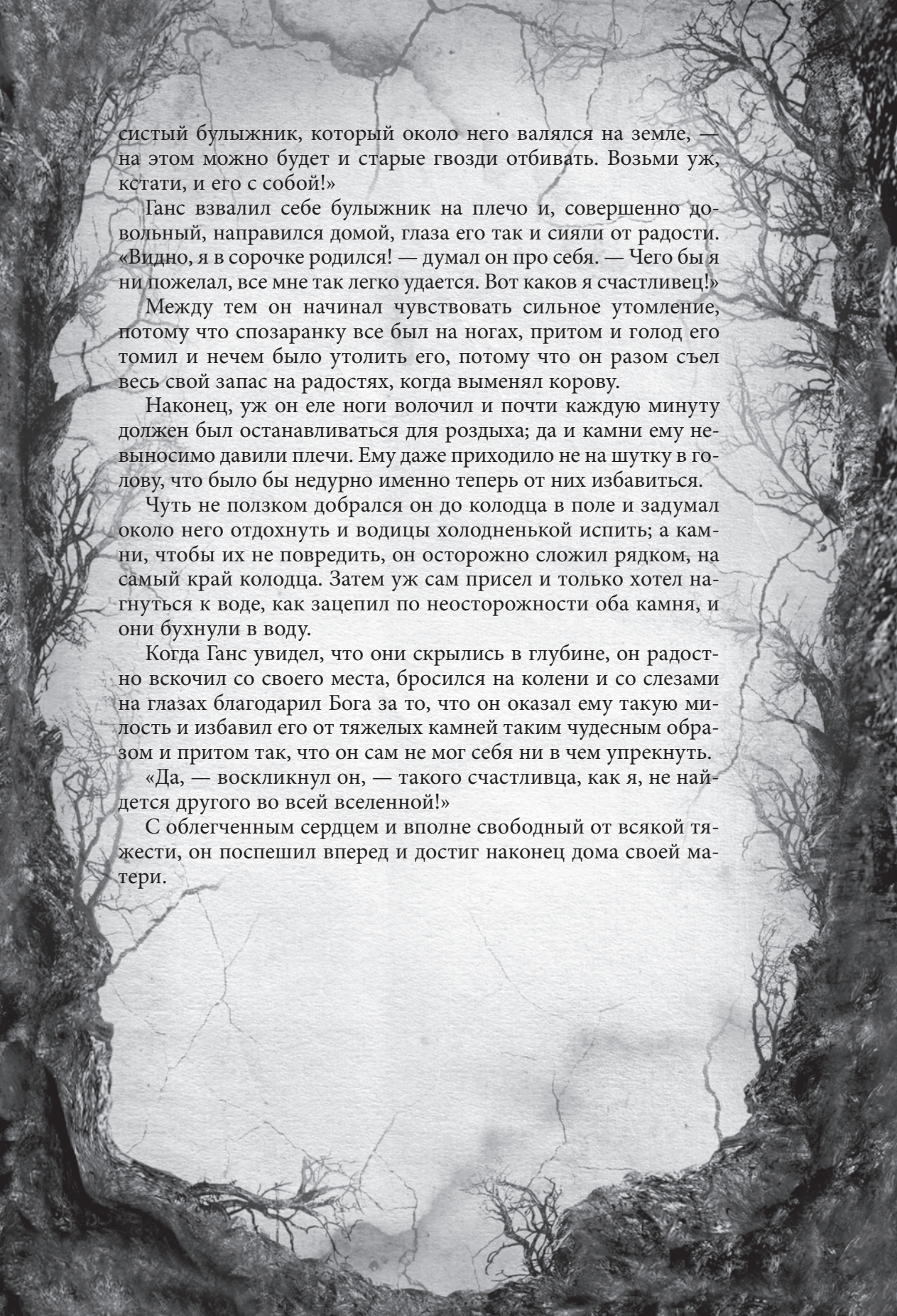
Когда он проходил через последнюю деревню на своем пути, он наткнулся на точильщика, который, сидя на своей тележке, вертел свое колесо, припевая:

И ножи, и ножницы я точу, точу,

Ни забот, ни горюшка знать я не хочу!

Ганс приостановился и посмотрел на его работу, а потом вступил с ним в разговор: «Видно, хорошо тебе живется, что ты за своею работою так весел?» — «Да, — отвечал точильщик, — мое ремесло, можно сказать, золотое! Коли ты точильщик настоящий, так ведь деньги-то у тебя в кармане не переводятся. А где это ты такого славного гуся купил?» — «Я не купил его, а выменял на свою свинку». — «А свинку?» — «Ту я получил в обмен на корову». — «А корову?» — «Той я поменялся на коня». — «А коня?» — «Коня я выменял на слиток золотой величиною в мою голову». — «А золото-то откуда у тебя взялось?» — «То я получил в награду за семь лет службы». — «Надо сказать правду: умел ты свои делишки обделать! — сказал точильщик. — Для твоего полного счастья недостает только одного: чтобы деньги у тебя постоянно в кармане водились». — «А как же мог бы я этого добиться?» — спросил Ганс. «Очень просто: ступай вот так же, как я, в точильщики; для этого только и нужно, что обзавестись точильным камнем; а другой камень простой, найти его нетрудно. Вот у меня, кстати, есть один запасной, правда, немного поврежденный; да зато же я за него недорого и возьму — ну, вот сменяю его на твоего гуся. Хочешь или нет?» — «Само собою разумеется, — отвечал Ганс, — я почти себя счастливеем из смертных! Коли у меня деньги в кармане переводиться не будут, так тогда о чем же мне и заботиться?»

И он тотчас же протянул ему своего гуся, а от него взял точильный камень. «Ну, а вот тебе еще и другой славный камень в придачу, — сказал точильщик, подавая Гансу простой уве-

систый булыжник, который около него валялся на земле, — на этом можно будет и старые гвозди отбивать. Возьми уж, кстати, и его с собой!»

Ганс взвалил себе булыжник на плечо и, совершенно довольный, направился домой, глаза его так и сияли от радости. «Видно, я в сорочке родился! — думал он про себя. — Чего бы я ни пожелал, все мне так легко удастся. Вот каков я счастливец!»

Между тем он начинал чувствовать сильное утомление, потому что спозаранку все был на ногах, притом и голод его томил и нечем было утолить его, потому что он разом съел весь свой запас на радостях, когда выменял корову.

Наконец, уж он еле ноги волочил и почти каждую минуту должен был останавливаться для роздыха; да и камни ему невыносимо давили плечи. Ему даже приходило не на шутку в голову, что было бы недурно именно теперь от них избавиться.

Чуть не ползком добрался он до колодца в поле и задумал около него отдохнуть и водицы холодненькой испить; а камни, чтобы их не повредить, он осторожно сложил рядком, на самый край колодца. Затем уж сам присел и только хотел нагнуться к воде, как зацепил по неосторожности оба камня, и они бухнули в воду.

Когда Ганс увидел, что они скрылись в глубине, он радостно вскочил со своего места, бросился на колени и со слезами на глазах благодарил Бога за то, что он оказал ему такую милость и избавил его от тяжелых камней таким чудесным образом и притом так, что он сам не мог себя ни в чем упрекнуть.

«Да, — воскликнул он, — такого счастливца, как я, не найдется другого во всей вселенной!»

С облегченным сердцем и вполне свободный от всякой тяжести, он поспешил вперед и достиг наконец дома своей матери.

Ганс женится

В одной деревне жил молодой крестьянин по имени Ганс. Его двоюродному брату очень хотелось высватать ему богатую невесту. Вот он и посадил Ганса за печь и натопил ее пожарче. Потом принес ему горшок молока, порядочный запас белого хлеба, а в руки дал новенький блестящий геллер и сказал: «Кроши хлеб в молоко, да тут и посиживай, и с места не сходи, пока я не вернусь». — «Пожалуй, — отвечал Ганс, — все это я могу сделать».

Тут сват надел старые заплатанные штаны, пошел в другую деревню к богатому мужику и спросил у его дочери, не желает ли она выйти замуж за его двоюродного брата Ганса.

Скупой отец ее спросил: «А как насчет его имущества? Найдется ли у него что перекусить?» — «Дружище, — отвечал сват, — да братец-то мой в тепле сидит, геллер свой в кулаке держит, из рук его не выпускает. Да и добра-то у него, что у меня заплат на платье! — и ударил себя по заплатанным штанам. — Коли не поленитесь со мной сходить да взглянуть, так сами увидите, что все так и есть, как я вам говорю».

Старый скряга-отец не захотел упустить хорошего случая и сказал: «Ну, коли все так и есть, так я ничего не имею против этой свадьбы».

Свадьбу отпраздновали в назначенный день, и когда молодой новобрачной вздумалось с Гансом выйти в поле и осмотреть земли своего молодого мужа, тот тотчас снял с себя нарядное платье и надел заплатанный холщовый полукафтан, сказав: «Пожалуй, платье-то еще запачкаю».

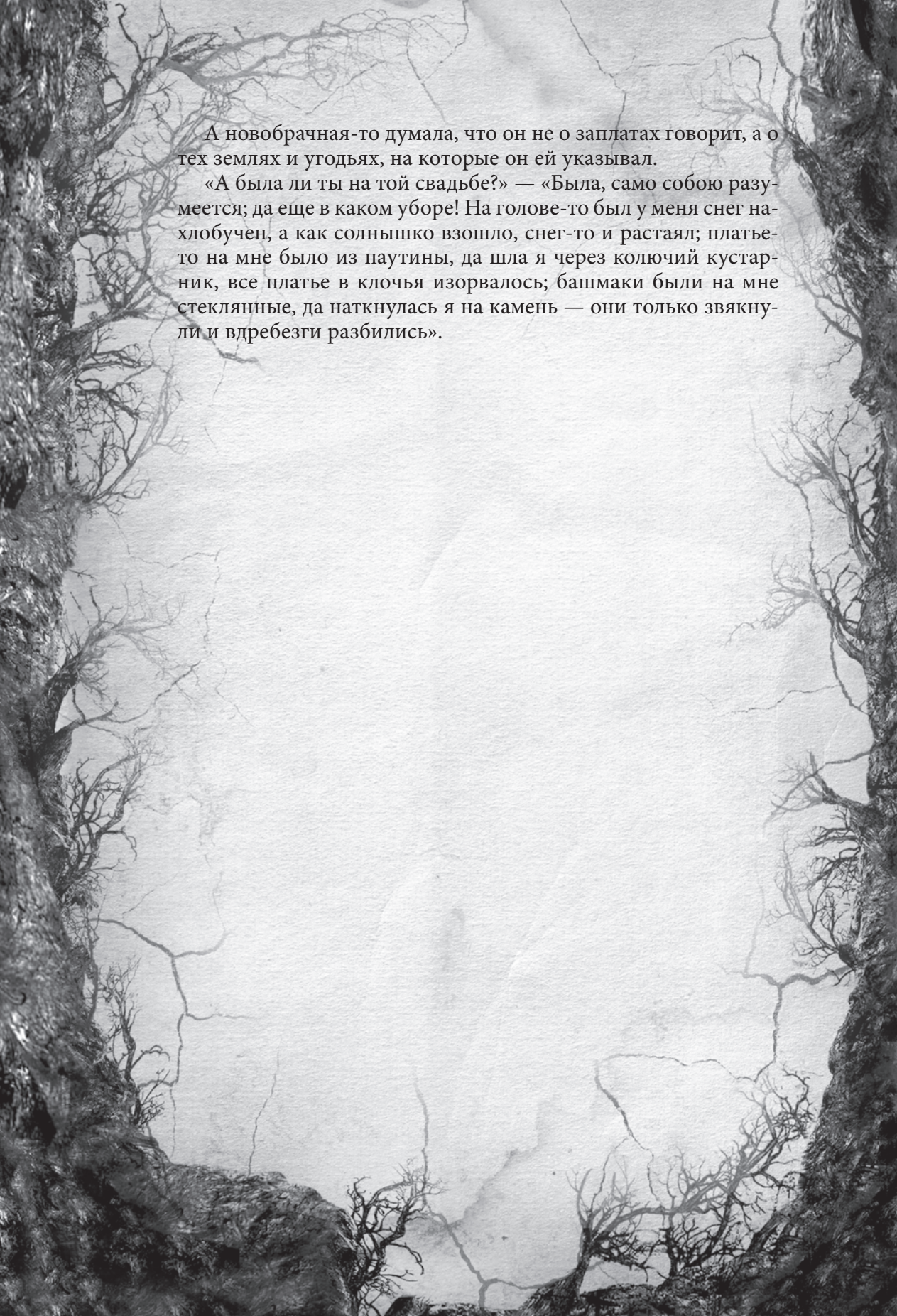
Вот и пошли они вместе в поле, и где им на пути попадались виноградники или огороженные поля и луга, там Ганс указывал на них пальцем и потом похлопывал рукою по какой-нибудь заплатке на своей одежде, по маленькой или по большой, приговаривая: «Изволишь ли видеть, голубушка, и эта заплата моя, и та — моя же».

«Ганс женится».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«В одной деревне жил молодой крестьянин по имени Ганс.
Его двоюродному брату очень хотелось высватать
ему богатую невесту...»*

А новобрачная-то думала, что он не о заплатах говорит, а о тех землях и угодьях, на которые он ей указывал.

«А была ли ты на той свадьбе?» — «Была, само собою разумеется; да еще в каком уборе! На голове-то был у меня снег нахлбучен, а как солнышко взошло, снег-то и растаял; платье-то на мне было из паутины, да шла я через колючий кустарник, все платье в клочья изорвалось; башмаки были на мне стеклянные, да наткнулась я на камень — они только звякнули и вдребезги разбились».

Золотые дети

У одного бедняка и его жены не было за душой ничего, кроме маленькой хижины, а питались они от рыбной ловли: что добудут, то и съедят.

Случилось, однако же, что однажды, когда муж сидел у воды и сеть свою закидывал, он выловил рыбу, совсем золотую.

И в то время как он в изумлении ту рыбу рассматривал, стала рыба говорить и сказала: «Слушай-ка, рыбак, если ты меня опятьпустишь в воду, то я твою крошечную хижину обращу в богатейший замок».

Рыбак отвечал ей: «А что мне в твоём замке, когда у меня есть нечего». — «И о том я позабочусь, — продолжала рыба, — в замке будет такой шкаф, как его отворишь, так и увидишь: там блюда поставлены с лучшими кушаньями, и ешь, сколько хочешь». — «Ну, коли так, — сказал рыбак, — так я могу тебе сделать в твоё удовольствие». — «Только помни, — сказала рыба, — один уговор: никому на свете, кто бы он ни был, не рассказывай, откуда взялось такое счастье. Скажешь хоть единое слово — тогда все пропало».

Бросил рыбак диковинную рыбу в воду и пошел домой... И что же?

На том месте, на котором была его бедная хижина, теперь стоял большой замок.

Поглазел он на этот замок, вошел в него и увидел, что жена его, разодетая в красивое платье, сидит в богатой горнице.

Лицо у нее было очень довольное, и она сказала: «Муженек! Откуда все это взялось? Все это мне очень нравится». — «Так-то так, — сказал муж, — и мне тоже нравится, но и голод меня тоже порядком мучит, и ты давай-ка мне что-нибудь поесть». — «Да нет у меня ничего, — отвечала жена, — притом же в новом доме я и разыскать ничего не могу». — «И искать нечего, — сказал муж, — вон стоит большой шкаф, вот ты его и отопри».

Чуть только она отперла шкаф, видит: стоят там и красуются и мясо, и овощи, и пирожное, и вина.

Тут жена не выдержала, вскрикнула от радости: «Вот уж точно все, чего душа пожелает!» — и они тотчас сели за стол и принялись оба в свое удовольствие пить и есть.

Когда же насытились, жена спросила: «Однако, муженек, откуда все это богатство?» — «Не спрашивай меня об этом, — отвечал ей муж, — сказать этого я не смею, и если кому-нибудь открою, то наше счастье сразу пропадет». — «Ладно, — сказала жена, — коли я не должна этого знать, так и знать не желаю».

Но сказала она это не от души и ни днем, ни ночью не давала ему покоя и мучила, и раздражала его своими вопросами до тех пор, пока он не потерял терпенья и не высказал ей, что все к ним пришло от диковинной золотой рыбы, пойманной им и за этот выкуп отпущенной на волю.

И как только он это высказал, исчез прекрасный замок со своим шкафом и очутились и муж, и жена опять в своей старой рыбацкой хижине.

Муж опять должен был приняться за свое ремесло и рыбачить. На его счастье, золотая рыба опять попалась ему в сети. «Слышь-ка, — сказала ему рыба, — если ты меня еще раз отпустишь, то я тебе верну тот же замок с тем же шкафом, полным всякой снеди; но берегись — ни за что никому не выдавай своей тайны, не то опять все потеряешь». — «Да уж поостерегусь», — отвечал рыбак и опять пустил рыбу в воду.

А дома опять все было так же богато и прекрасно, и жена была в великой радости от наступившего счастья.

Но любопытство по-прежнему не давало ей покоя, и денька два спустя она опять начала расспрашивать, откуда все взялось и как он этого добился.

Муж молчал и держался некоторое время, но потом она так его доняла, что он наконец взбесился и выдал ей тайну.

В тот же миг исчез замок, и они снова очутились в старой хижине. «Вот на же тебе! — сказал ей муж. — Теперь мы опять можем зубы на полку сложить». — «Ах, — сказала жена, — я уж лучше откажусь от богатства, коли мне не позволено будет узнать, откуда оно взялось... Этак я и не успокоюсь».

Муж опять пошел рыбачить, и несколько времени спустя опять вытащил ту же золотую рыбу и в третий раз. «Слышь-ка, — сказала ему рыба, — вижу я, что мне суждено постоянно попадаться в твои руки; возьми же ты меня к себе домой».

и разрежь меня на шесть частей; две дай съесть твоей жене, две — твоей лошади, а две схорони в землю, тогда увидишь, какое тебе из этого произойдет благополучие».

Муж, понятно, захватил с собою рыбу домой и выполнил все точно так, как она приказала.

Вот и случилось, что из двух частей рыбы, зарытых в землю, выросли две золотые лилии; лошадь, съев две другие части, принесла ему пару золотых жеребят, а жена рыбака родила двоих детей-близнецов, тоже золотых.

Стали дети подрастать, становиться большими и хорошесть; с ними вместе росли и лилии, и жеребята.

И сказали дети отцу: «Батюшка, мы хотим сесть на наших золотых коней и поехать странствовать по белу свету». — «Не знаю, как я это перенесу, когда вы от меня уедете и вестей от вас не будет», — отвечал им отец.

Дети сказали: «Эти две золотые лилии останутся здесь, и по ним вы всегда будете знать, каково нам живется на белом свете — будут они свежи, значит, и мы живы; если они поблекнут, значит, мы нездоровы, а если опадут, то значит, что уж нас нет в живых».

Они поехали странствовать и прибыли в гостиницу; в той гостинице было много всякого люда в сборе, и когда все они увидели золотых близнецов, то стали смеяться и издеваться над ними.

Один из близнецов, услышав эти насмешки, застыдился, повернул коня и вернулся к отцу, отказавшись от намеренья странствовать по свету, другой же поехал далее и достиг большого леса.

И когда уж он собирался в тот лес въезжать, люди стали поговаривать: «Не следовало бы вам через тот лес проезжать, потому что он полнехонек разбойников, от которых вам недобровать, и даже может случиться, когда они заметят, что и вы сами золотой, и конь у вас золотой же, что они вас убьют!»

Но он не дал утрашить себя и сказал: «Я должен и обязан через этот лес проехать».

При этом взял он несколько медвежьих шкур и прикрыл ими себя и своего коня так, что золота было совсем не видать; затем смело пустился в лес.

Проехав немного, слышал он шорох в кустарниках и различил голоса, которые между собой переговаривались.

С одной стороны слышалось: «Вот он едет!» — а с другой: «Ну его! Это какой-то оборванец, и гол, и беден, как церков-

ная крыса, — стоит ли его трогать?» Так и проехал молодец через весь лес вполне благополучно.

Однажды приехал он в деревню и увидел там девушку, такую красавицу, что она показалась ему лучше всех на свете.

Возгоревшись такою сильною любовью, он пошел прямо-хонько к ней и сказал: «Я полюбил тебя от всего сердца — хочешь ли ты быть моею женою?»

Он и девушке понравился настолько, что та, нимало не сомневаясь, согласилась и сказала: «Да, я согласна быть твоею женою и буду верна тебе до гроба».

Вот и назначили они день свадьбы, и в самое то время, когда пир был в разгаре, прибыл отец невесты, и когда увидел, что дочь его празднует свадьбу, то очень удивился и сказал: «А где же жених?»

Она показала ему на жениха, который все еще был окутан своими медвежьими шкурами. «Никогда не допущу, чтобы простой охотник женился на моей дочери!» — сказал отец и собирался его убить.

Но невеста стала просить отца и сказала: «Он мне муж, и я его сердечно люблю», — и так укротила гнев отца.

Однако же он еще не мог успокоиться, так что и на следующее утро, ранешенько поднявшись, он захотел видеть мужа своей дочери и своими глазами убедиться в том, что он простой бедняк и проходимец.

Заглянув в спальню дочери, он увидел на постели красивого молодого человека, с ног до головы золотого, и все его медвежьи шкуры на полу около кровати.

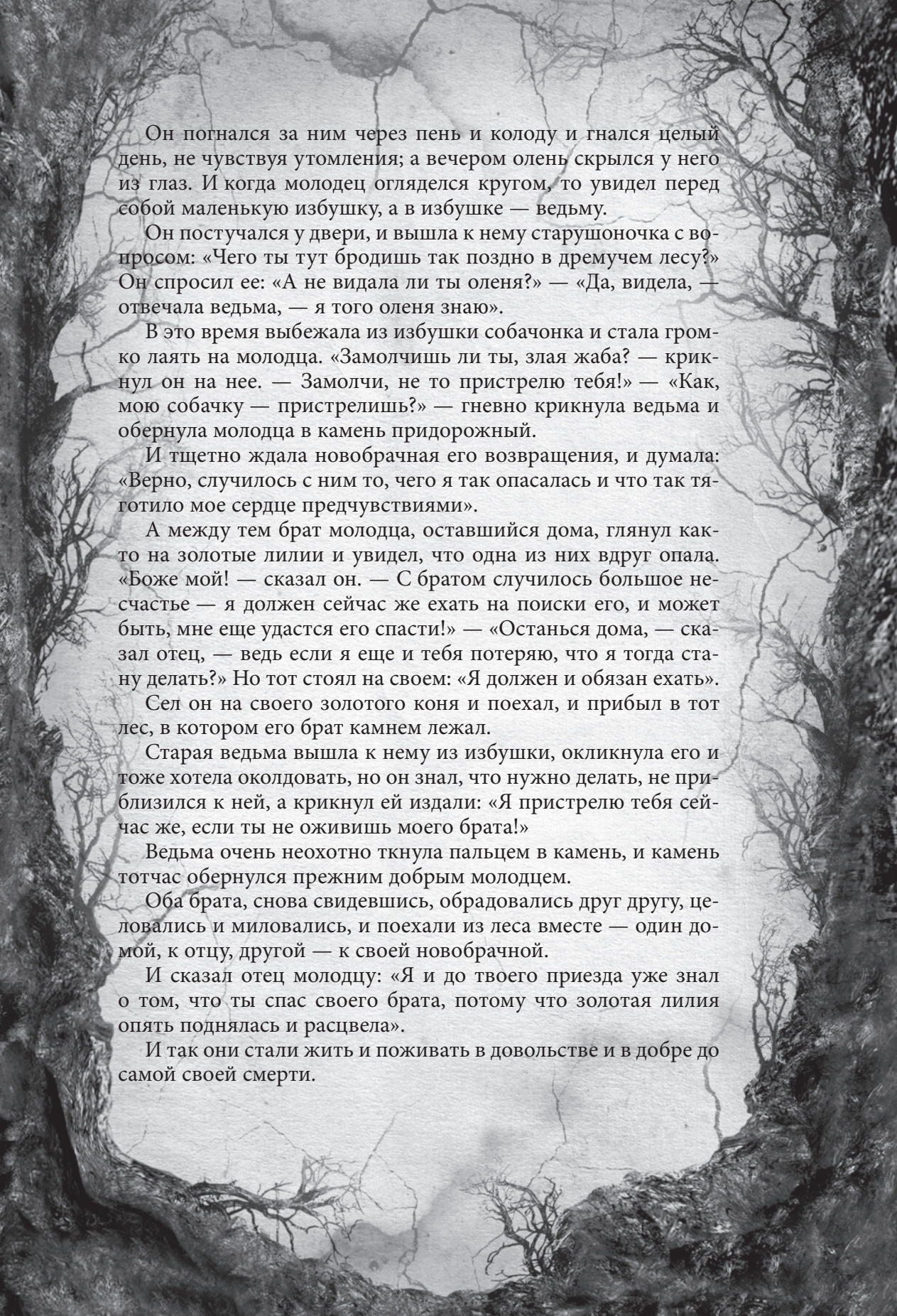
Тогда он потихоньку удалился и подумал: «Как это хорошо, что я все же сумел совладать со своим гневом, — иначе я бы совершил большое преступление».

А молодцу тем временем снилось, что он выезжает на охоту и охотится за превосходным оленем, и когда он поутру проснулся, то сказал своей новобрачной: «Я хочу ехать на охоту».

Та за него побоялась и просила его не ездить, и говорила: «С тобой легко может приключиться какое-нибудь несчастье». Но он отвечал ей: «Я должен и обязан ехать».

Он поднялся с постели и выехал в лес, и вскоре перед ним явился чудный олень: ни дать, ни взять, как во сне ему снилось.

Он в него прицелился и уже собирался стрелять, но олень пустился бежать.

Он погнался за ним через пень и колоду и гнался целый день, не чувствуя утомления; а вечером олень скрылся у него из глаз. И когда молодец огляделся кругом, то увидел перед собой маленькую избушку, а в избушке — ведьму.

Он постучался у двери, и вышла к нему старушоночка с вопросом: «Чего ты тут бродишь так поздно в дремучем лесу?» Он спросил ее: «А не видала ли ты оленя?» — «Да, видала, — отвечала ведьма, — я того оленя знаю».

В это время выбежала из избушки собачонка и стала громко лаять на молодца. «Замолчишь ли ты, злая жаба? — крикнул он на нее. — Замолчи, не то пристрелю тебя!» — «Как, мою собачку — пристрелишь?» — гневно крикнула ведьма и обернула молодца в камень придорожный.

И тщетно ждала новобрачная его возвращения, и думала: «Верно, случилось с ним то, чего я так опасалась и что так тяготило мое сердце предчувствиями».

А между тем брат молодца, оставшийся дома, глянул как-то на золотые лилии и увидел, что одна из них вдруг опала. «Боже мой! — сказал он. — С братом случилось большое несчастье — я должен сейчас же ехать на поиски его, и может быть, мне еще удастся его спасти!» — «Останься дома, — сказал отец, — ведь если я еще и тебя потеряю, что я тогда стану делать?» Но тот стоял на своем: «Я должен и обязан ехать».

Сел он на своего золотого коня и поехал, и прибыл в тот лес, в котором его брат камнем лежал.

Старая ведьма вышла к нему из избушки, окликнула его и тоже хотела околдовать, но он знал, что нужно делать, не приблизился к ней, а крикнул ей издали: «Я пристрелю тебя сейчас же, если ты не оживишь моего брата!»

Ведьма очень неохотно ткнула пальцем в камень, и камень тотчас обернулся прежним добрым молодцем.

Оба брата, снова свидевшись, обрадовались друг другу, целовались и миловались, и поехали из леса вместе — один домой, к отцу, другой — к своей новобрачной.

И сказал отец молодцу: «Я и до твоего приезда уже знал о том, что ты спас своего брата, потому что золотая лилия опять поднялась и расцвела».

И так они стали жить и поживать в довольстве и в добре до самой своей смерти.

Бедняк и богач

Давным-давно это было — в то время, когда еще сам Господь на земле среди людей странствовал. Случилось, что однажды вечером почувствовал Господь усталость, и ночь застала его на дороге, прежде чем он успел дойти до гостиницы. И вот увидал он перед собою при дороге два дома, один против другого; один — большой и красивый, а другой — маленький и бедный; большой принадлежал богачу, а маленький — бедняку.

Вот и подумал Господь: «Богатому мое посещение не в тягость будет — у него и переночую».

Богач, услышав стук в дверь, отворил окошко и спросил незнакомца, что ему нужно. Господь отвечал: «Прошу о ночлеге».

Оглядел богач странника от головы до пяток, и так как платье на Господе было плохое и по внешности не походил он на человека, имеющего много денег в кармане, то хозяин отрицательно покачал головою и сказал: «Не могу тебя впустить в свой дом, все помещения моего дома переполнены кореньями и семенами, и если бы я должен был принимать у себя каждого, кто постучит у моей двери, то мне самому пришлось бы взять нищенский посох в руки. Поищи себе приюта в другом месте».

Захлопнул богач окно и оставил Господа на дороге, у дверей дома своего.

Тогда Господь отвернулся от него и перешел через дорогу к маленькому дому.

Чуть только он постучался, как уж бедняк распахнул свою дверь и просил войти в его дом. «Останьтесь у меня переночевать, — сказал он, — на дворе уже темно, и сегодня вам нельзя идти далее».

Это Господу понравилось, и он вошел в дом бедняка. Жена бедняка протянула ему руку, приветствовала его, просила

«Бедняк и богач».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Мена бедняка протянула ему руку, приветствовала его,
пригласила быть как дома и поделить с ними то не многое,
что у них было и что они предлагали ему от искреннего сердца...»*

быть как дома и разделить с ними то небольшое, что у них было и что они предлагали ему от искреннего сердца.

Затем она поставила картофель вариться на огонь и, пока он варился, стала доить свою козу, чтобы можно было гостя еще и молоком угостить.

Когда стол был накрыт, Господь сел за их трапезу и вкусил от их пищи, и эта бедная пища пришлась ему по вкусу, потому что он видел кругом себя довольные лица.

Когда был окончен ужин и наступило время ложиться спать, жена отозвала мужа в сторону и сказала: «Муженек, ты нынче сделаешь себе постель на полу, а бедного странника положишь спать на нашу постель, чтобы он мог отдохнуть от целого дня ходьбы». — «Изволь, — отвечал муж, — я это предложу ему», — и пошел к Господу, и предложил ему лечь в их постель и отдохнуть надлежащим образом.

Господь не хотел отнимать постель у стариков, но они от него не отставали с просьбами до тех пор, пока он не согласился и не лег в их постель; а себе они устроили постель на полу.

На следующее утро они уже до света поднялись и приготовили гостю завтрак, как могли и умели.

Когда же солнце заронило свой луч в хижину стариков через оконце и Господь поднялся ото сна, он еще раз поел с ними и затем собрался в путь.

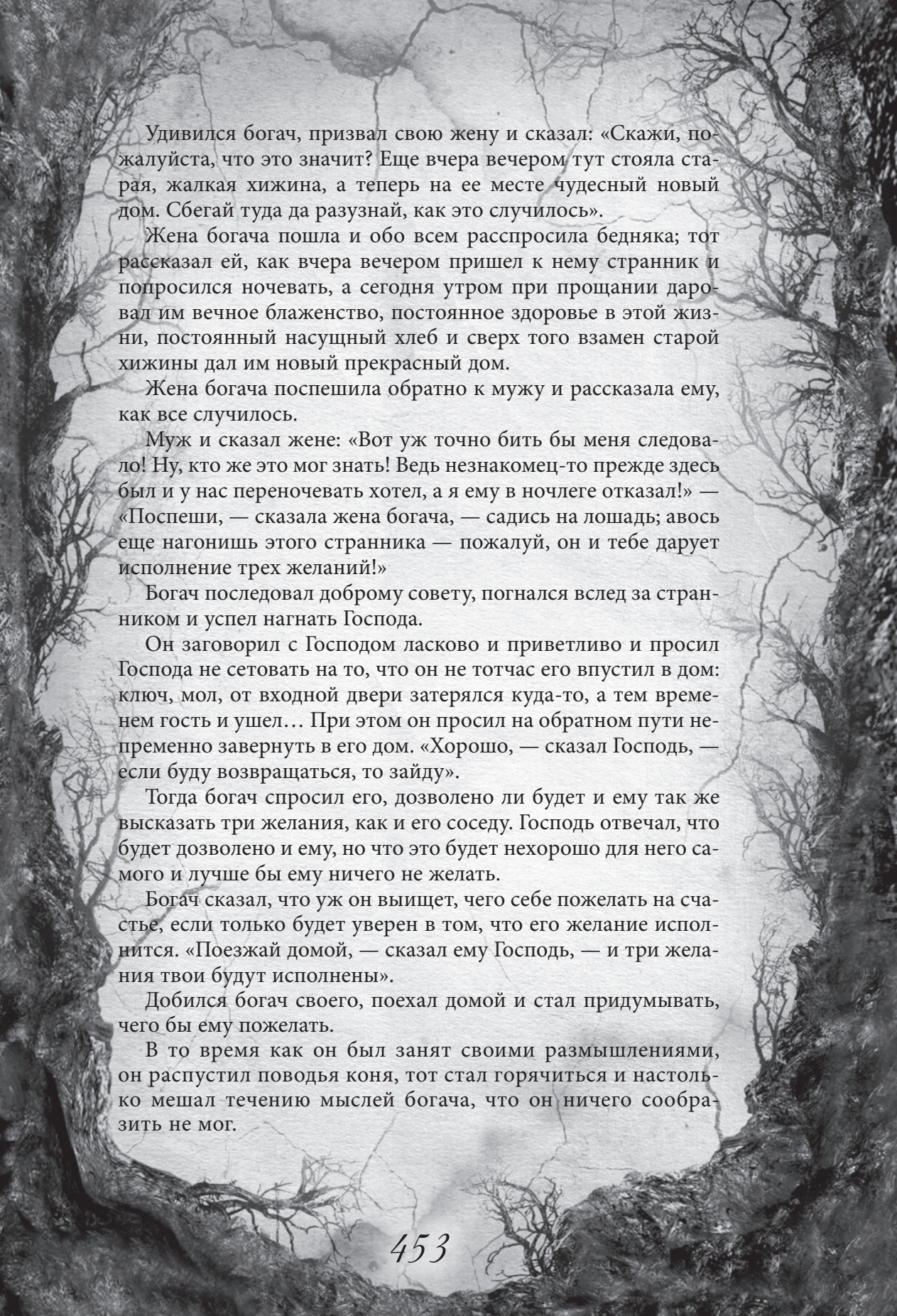
Уже стоя на пороге, обернулся он к своим хозяевам и сказал: «Так как вы выказали себя богобоязненными и сострадающими, то я разрешаю вам высказать три желания — и все три исполню».

Тогда старик сказал: «Чего же нам желать более, как не вечного блаженства и чтобы мы оба в течение всей нашей жизни были здоровы и постоянно имели хлеб наш насущный; а третьего желания я и придумать не могу».

Господь сказал: «Разве ты не желал бы себе нового дома?» — «Отчего не пожелать? — сказал старик. — Если бы я мог еще и это получить, я был бы очень доволен».

Тогда Господь исполнил все их желания, обратил старенький дом их в новый, еще раз благословил их и пошел дальше.

Уж совсем рассвело, когда богач поднялся с постели. Сел он к окну и увидел против своего дома новый чистенький кирпичный дом на том месте, где прежде стояла старая хижина.

Удивился богач, призвал свою жену и сказал: «Скажи, пожалуйста, что это значит? Еще вчера вечером тут стояла старая, жалкая хижина, а теперь на ее месте чудесный новый дом. Сбегай туда да разузнай, как это случилось».

Жена богача пошла и обо всем расспросила бедняка; тот рассказал ей, как вчера вечером пришел к нему странник и попросился ночевать, а сегодня утром при прощании даровал им вечное блаженство, постоянное здоровье в этой жизни, постоянный насущный хлеб и сверх того взамен старой хижины дал им новый прекрасный дом.

Жена богача поспешила обратно к мужу и рассказала ему, как все случилось.

Муж и сказал жене: «Вот уж точно бить бы меня следовало! Ну, кто же это мог знать! Ведь незнакомец-то прежде здесь был и у нас переночевать хотел, а я ему в ночлеге отказал!» — «Поспеши, — сказала жена богача, — садись на лошадь; авось еще нагонишь этого странника — пожалуй, он и тебе дарует исполнение трех желаний!»

Богач последовал доброму совету, погнался вслед за странником и успел нагнать Господа.

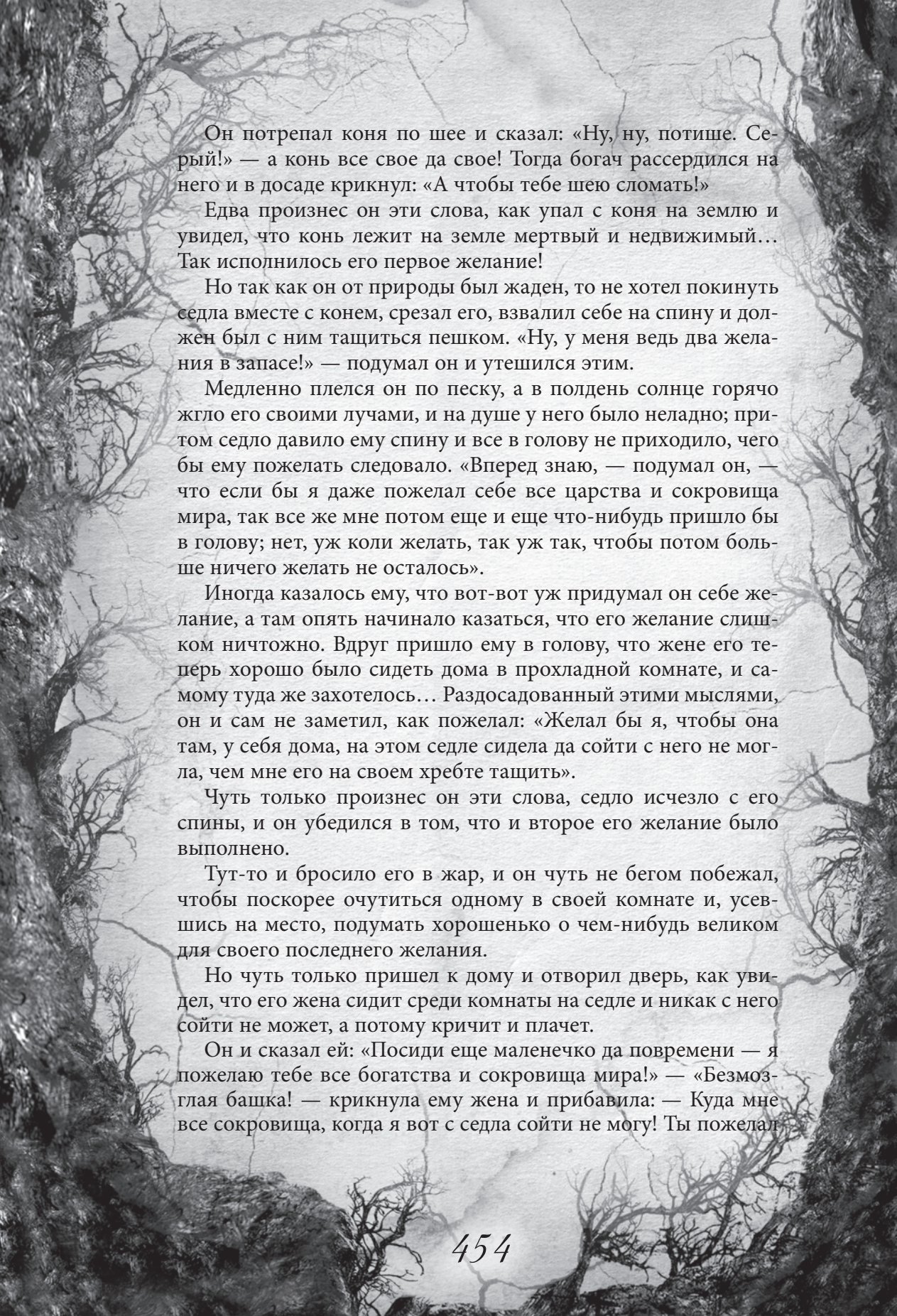
Он заговорил с Господом ласково и приветливо и просил Господа не сетовать на то, что он не тотчас его впустил в дом: ключ, мол, от входной двери затерялся куда-то, а тем временем гость и ушел... При этом он просил на обратном пути непременно завернуть в его дом. «Хорошо, — сказал Господь, — если буду возвращаться, то зайду».

Тогда богач спросил его, дозволено ли будет и ему так же высказать три желания, как и его соседу. Господь отвечал, что будет дозволено и ему, но что это будет нехорошо для него самого и лучше бы ему ничего не желать.

Богач сказал, что уж он выищет, чего себе пожелать на счастье, если только будет уверен в том, что его желание исполнится. «Поезжай домой, — сказал ему Господь, — и три желания твои будут исполнены».

Добился богач своего, поехал домой и стал придумывать, чего бы ему пожелать.

В то время как он был занят своими размышлениями, он распустил поводья коня, тот стал горячиться и настолько мешал течению мыслей богача, что он ничего сообразить не мог.

Он потрепал коня по шее и сказал: «Ну, ну, потише. Серый!» — а конь все свое да свое! Тогда богач рассердился на него и в досаде крикнул: «А чтобы тебе шею сломать!»

Едва произнес он эти слова, как упал с коня на землю и увидел, что конь лежит на земле мертвый и недвижимый... Так исполнилось его первое желание!

Но так как он от природы был жаден, то не хотел покинуть седла вместе с конем, срезал его, взвалил себе на спину и должен был с ним тащиться пешком. «Ну, у меня ведь два желания в запасе!» — подумал он и утешился этим.

Медленно плелся он по песку, а в полдень солнце горячо жгло его своими лучами, и на душе у него было неладно; притом седло давило ему спину и все в голову не приходило, чего бы ему пожелать следовало. «Вперед знаю, — подумал он, — что если бы я даже пожелал себе все царства и сокровища мира, так все же мне потом еще и еще что-нибудь пришло бы в голову; нет, уж коли желать, так уж так, чтобы потом больше ничего желать не осталось».

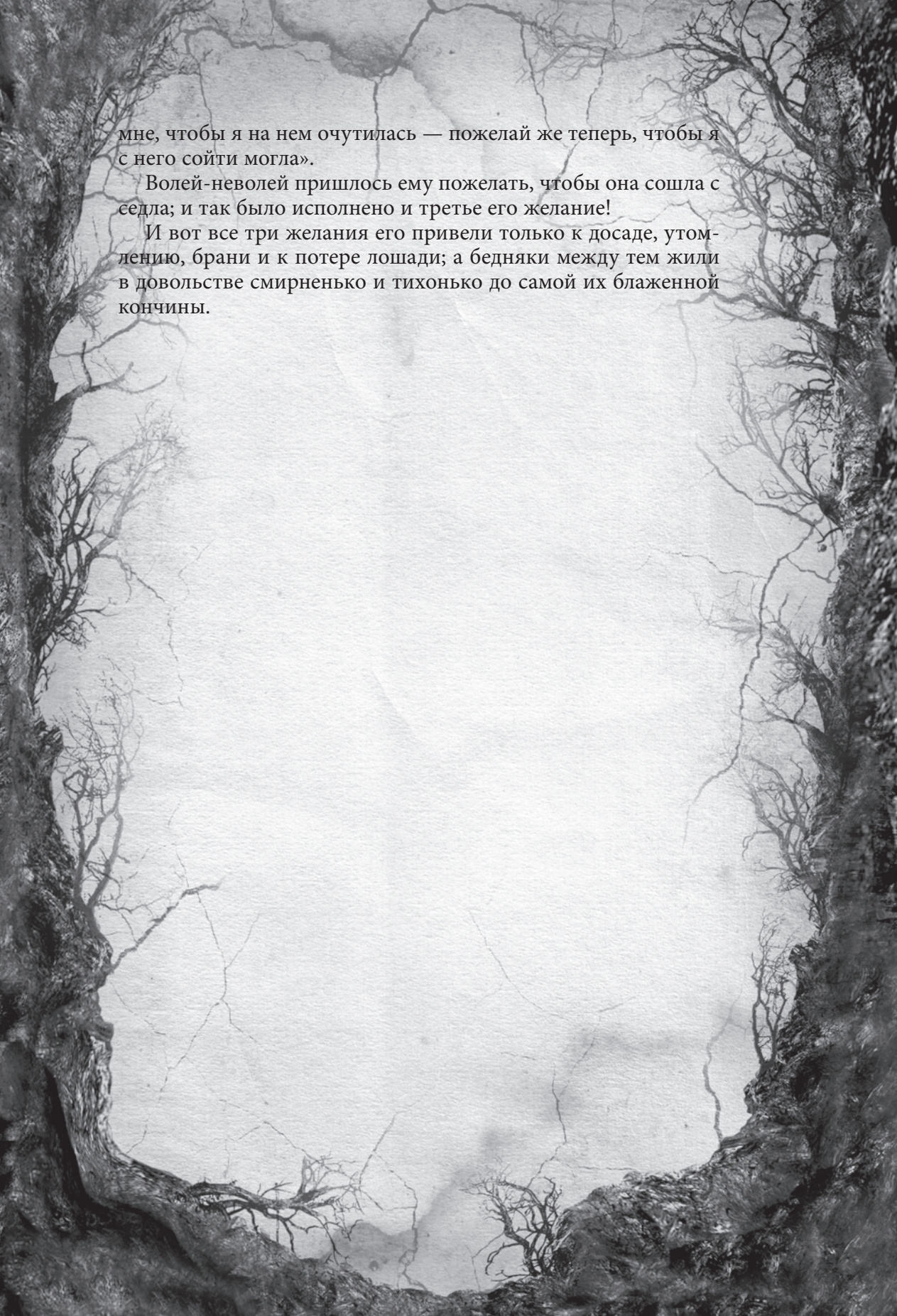
Иногда казалось ему, что вот-вот уж придумал он себе желание, а там опять начинало казаться, что его желание слишком ничтожно. Вдруг пришло ему в голову, что жене его теперь хорошо было сидеть дома в прохладной комнате, и самому туда же захотелось... Раздосадованный этими мыслями, он и сам не заметил, как пожелал: «Желал бы я, чтобы она там, у себя дома, на этом седле сидела да сойти с него не могла, чем мне его на своем хребте тащить».

Чуть только произнес он эти слова, седло исчезло с его спины, и он убедился в том, что и второе его желание было выполнено.

Тут-то и бросило его в жар, и он чуть не бегом побежал, чтобы поскорее очутиться одному в своей комнате и, усевшись на место, подумать хорошенько о чем-нибудь великом для своего последнего желания.

Но чуть только пришел к дому и отворил дверь, как увидел, что его жена сидит среди комнаты на седле и никак с него сойти не может, а потому кричит и плачет.

Он и сказал ей: «Посиди еще маленечко да повремени — я пожелаю тебе все богатства и сокровища мира!» — «Безмозглая башка! — крикнула ему жена и прибавила: — Куда мне все сокровища, когда я вот с седла сойти не могу! Ты пожелал

мне, чтобы я на нем очутилась — пожелай же теперь, чтобы я с него сойти могла».

Волей-неволей пришлось ему пожелать, чтобы она сошла с седла; и так было исполнено и третье его желание!

И вот все три желания его привели только к досаде, утомлению, брани и к потере лошади; а бедняки между тем жили в довольстве смирненько и тихонько до самой их блаженной кончины.

Поющий и прыгающий львиный жаворонок

Жил-был на свете человек, которому предстояло совершить большое путешествие, и вот при прощании он спросил своих трех дочерей, что им привезти в гостинец.

Тогда старшая пожелала себе жемчуга, вторая — брильянтов, а третья сказала: «Батюшка, привези мне поющего и прыгающего львиного жаворонка». Отец сказал: «Хорошо, если достану — привезу тебе», — поцеловал всех трех дочек и уехал.

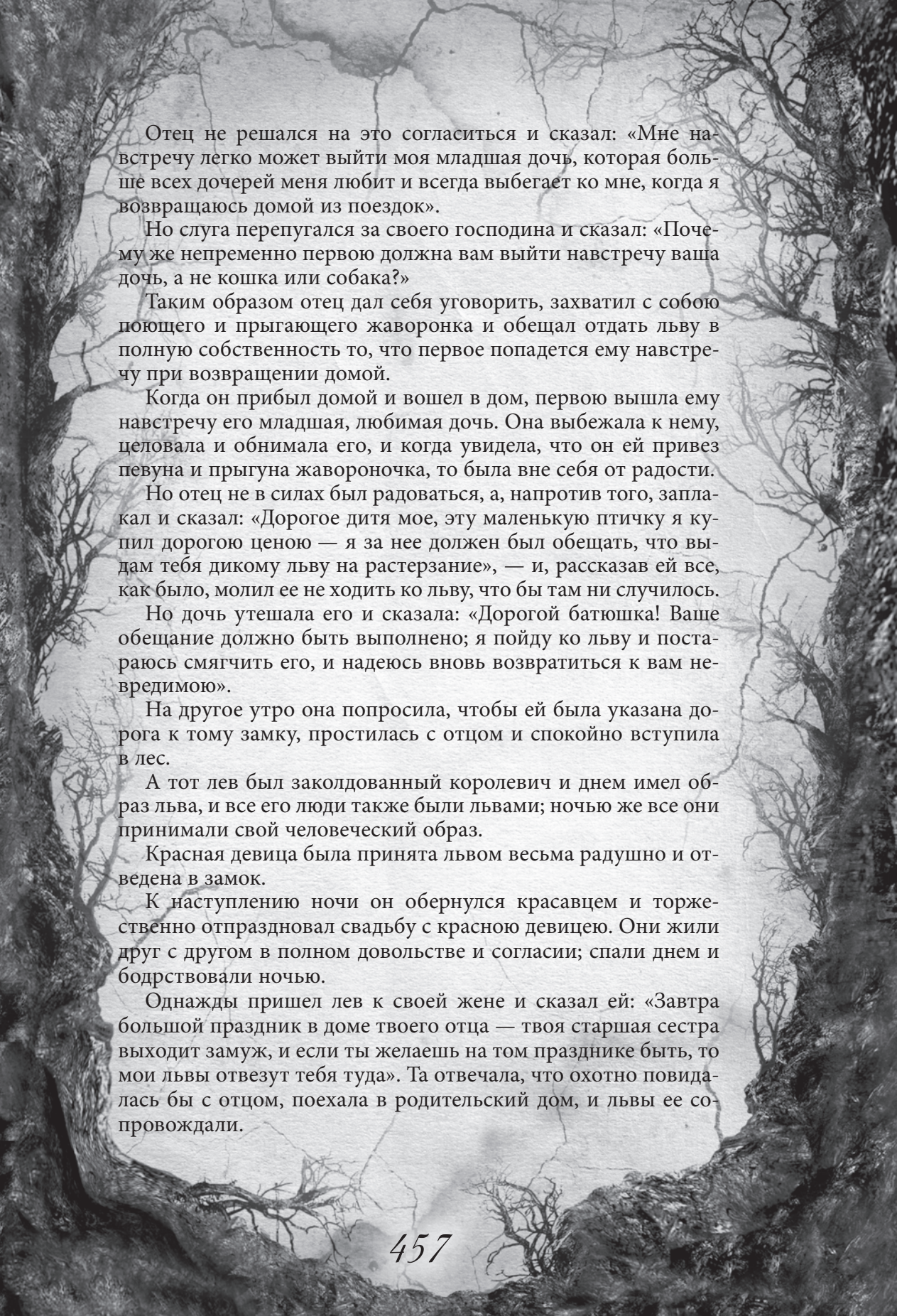
Когда он уже находился на обратном пути домой, то жемчуг и брильянты для двух старших дочек он вез с собой, а певуна и прыгуна львиного жаворонка для младшей дочери он тщетно искал везде, и это было ему тем более досадно, что эта дочь была его любимицей.

Дорога его шла лесом, и среди того леса стоял прекрасный замок, а около замка росло дерево, и на самой его вершине пел и попрыгивал львиный жаворонок. «Вот, очень кстати ты мне на глаза попался», — сказал он, совершенно довольный, и крикнул слуге своему, чтобы тот на дерево лез и поймал птичку.

Но едва он подошел к дереву, как из-под него выскочил лев, встряхнулся и рывкнул так, что листья с деревьев посыпались. «Растерзаю того, кто дерзнет украсть у меня моего певуна и прыгуна жавороночка!» — крикнул лев грозно.

Тогда отец сказал: «Я не знал и не ведал, что птица тебе принадлежит; я готов загладить свою вину и заплатить тебе дорогой выкуп — и прошу только пощадить мою жизнь».

Лев отвечал на это: «Тебя ничто спасти не может, разве только если ты обещаешь отдать мне то, что по возвращении домой первое попадет тебе навстречу; если ты мне это пообещаешь, то я дарю тебе жизнь и сверх того даю моего жавороночка для твоей дочери».

Отец не решался на это согласиться и сказал: «Мне навстречу легко может выйти моя младшая дочь, которая больше всех дочерей меня любит и всегда выбегает ко мне, когда я возвращаюсь домой из поездок».

Но слуга перепугался за своего господина и сказал: «Почему же непременно первую должна вам выйти навстречу ваша дочь, а не кошка или собака?»

Таким образом отец дал себя уговорить, захватил с собою поющего и прыгающего жаворонка и обещал отдать льву в полную собственность то, что первое попадется ему навстречу при возвращении домой.

Когда он прибыл домой и вошел в дом, первую вышла ему навстречу его младшая, любимая дочь. Она выбежала к нему, целовала и обнимала его, и когда увидела, что он ей привез певуна и прыгуна жавороночка, то была вне себя от радости.

Но отец не в силах был радоваться, а, напротив того, заплакал и сказал: «Дорогое дитя мое, эту маленькую птичку я купил дорогою ценою — я за нее должен был обещать, что выдам тебя дикому льву на растерзание», — и, рассказав ей все, как было, молил ее не ходить ко льву, что бы там ни случилось.

Но дочь утешала его и сказала: «Дорогой батюшка! Ваше обещание должно быть выполнено; я пойду ко льву и постараюсь смягчить его, и надеюсь вновь возвратиться к вам невредимою».

На другое утро она попросила, чтобы ей была указана дорога к тому замку, простилась с отцом и спокойно вступила в лес.

А тот лев был заколдованный королевич и днем имел образ льва, и все его люди также были львами; ночью же все они принимали свой человеческий образ.

Красная девица была принята львом весьма радушно и отведена в замок.

К наступлению ночи он обернулся красавцем и торжественно отпраздновал свадьбу с красною девицею. Они жили друг с другом в полном довольстве и согласии; спали днем и бодрствовали ночью.

Однажды пришел лев к своей жене и сказал ей: «Завтра большой праздник в доме твоего отца — твоя старшая сестра выходит замуж, и если ты желаешь на том празднике быть, то мои львы отвезут тебя туда». Та отвечала, что охотно повидалась бы с отцом, поехала в родительский дом, и львы ее сопровождали.

Все обрадовались ее приезду, а уж думали, что лев давно растерзал ее и ее нет в живых.

Она же рассказала, какой у нее чудесный муж и как ей хорошо живется, и, проведя с ними все время, пока длились свадебные празднества, уехала обратно в лес к мужу-льву.

Когда выходила замуж ее вторая сестра и она была опять приглашена на свадьбу, она сказала льву: «На этот раз я не поеду одна, ты тоже должен ехать со мною».

Но лев отвечал, что эта поездка грозит ему большой опасностью: если его там, в доме ее отца, коснется луч зажженной свечи, то он обратится в голубя и в течение семи лет должен будет летать вместе с голубями. «Да ну, пойдем со мной! — сказала она. — Уж я тебя буду оберегать и охраню от всякого света».

Так и отправились они в дорогу все вместе, и даже маленького ребенка захватили с собою. Она велела там отвести особую залу и так прочно защитить ее от света, чтобы никакой луч не мог туда проникнуть от свадебных свечей, когда они будут зажжены в доме; там и должен был лев постоянно находиться. Но дверь в эту залу была сделана из сырого дерева, которое дало маленькую трещину, почти незаметную для человеческого глаза.

Свадьба была сыграна с большим блеском; когда же свадебный поезд по возвращении из церкви прошел мимо залы льва со множеством зажженных свечей и факелов, луч света с волосинку упал на заколдованного королевича и едва только коснулся его, как он уже обернулся голубем...

Когда жена пришла к своему мужу-льву, она уже нашла вместо него белого голубка! Голубок сказал ей: «Семь лет должен я в образе голубя летать по белу свету; но на каждом семи шагах я буду ронять по капле крови и по белому перышку, которые тебе будут указывать мой путь; и если ты по этому следу пойдешь, ты сможешь меня от чар избавить».

И вот голубок вылетел, а она пошла за ним следом, и на каждом семи шагах падало на глазах ее на землю по капельке крови и по белому перышку — и указывали ей путь.

Так шла она все далее и далее по Божьему свету, не оглядываясь, и все семь лет почти уже минули: и она уже начала радоваться и думала, что они скоро будут избавлены от злых чар, а между тем до этого еще оставалось им много вытерпеть!

«Поющий и прыгающий львиный жаворонок».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...И вот с наступлением ночи опять была введена
в его спогивальню законная жена, и когда стала рассказывать
ему о своих горях и напастях, тогда он тотчас
по голосу узнал свою милую супругу...»*

Однажды, в то время когда она шла по своему обычному пути, капли крови и перышки вдруг перестали падать сверху, и когда она глянула вверх, голубок исчез у нее из глаз!

Ей пришло в голову, что люди не могут помочь ей в ее беде; и потому пришла она к солнцу и сказала ему: «Ты все щели освещаешь и по всему белу свету гуляешь, не видало ли ты, как летел белый голубок?» — «Нет, — отвечало солнце, — никакого белого голубка я не видало; но вот могу тебе подарить шкатулочку, которую ты открой тогда лишь, когда будешь на-ходитьсь на краю гибели».

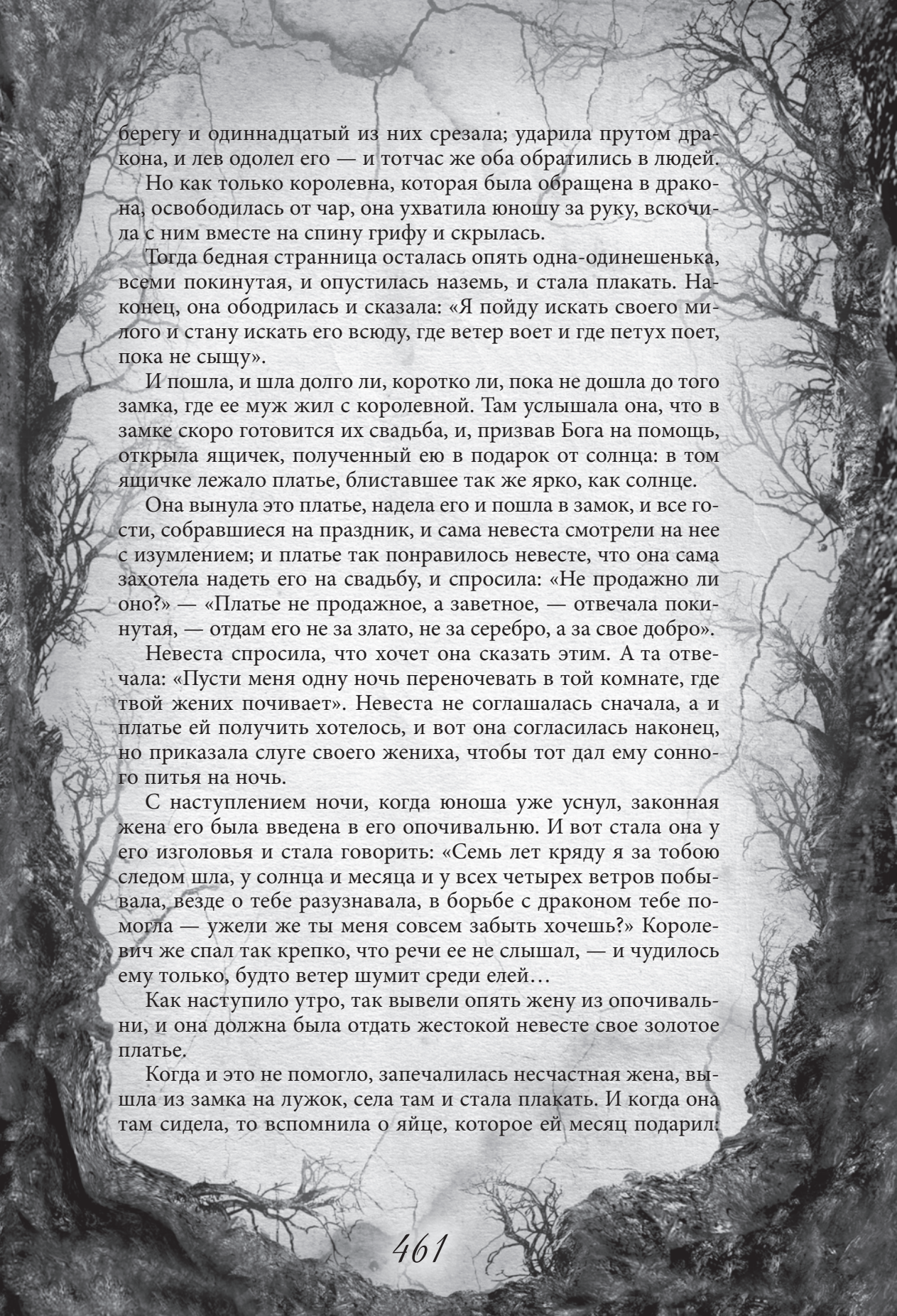
Поблагодарила она солнце и пошла далее, и шла до самого вечера, и когда взошел месяц, она спросила его: «Ты светишь всю-то ноченьку на леса темные, на луга поемные — не видал ли ты, как летел белый голубок?» — «Нет, — сказал месяц, — не видал я никакого голубка; но вот дарю тебе яичко, и то яичко разбей лишь тогда, когда на краю гибели будешь».

Поблагодарила она месяц, пошла далее и шла, пока не стал на нее дуть ночной ветер. Тогда она и ему сказала: «Ты всюду дуешь, по деревьям, по кусточкам, по ветвям, по листочкам — не видал ли ты, как летел белый голубок?» — «Нет, — отвечал ей ночной ветер, — не видал я белого голубка; а вот постой, я спрошу у других трех ветров — может быть, те его видели».

Восточный и западный ветры ничего не видели; а южный ветер сказал: «Я видел белого голубка; он полетел к Красному морю и там опять обернулся львом, потому что уж отбыл семь лет голубем, и бьется там этот лев с драконом, а тот дракон не что иное, как заколдованная королевна».

Тогда сказал ей ночной ветер: «Вот что я тебе посоветую — ступай к Красному морю; там на правом берегу растут высокие прутья; отсчитай из них одиннадцатый, срежь его и ударь дракона; тогда и лев с ним справится, и как лев, так и дракон вновь получают свой человеческий образ. Затем оглянись кругом себя и увидишь грифа, что сидит у Красного моря; бросайся вместе с милым твоим к нему на спину: он и донесет вас домой через море. И вот тот орешек, что у тебя есть, как будешь среди моря, оброни, и он тотчас взойдет, и вырастет из воды большое ореховое дерево, на котором грифу можно отдохнуть, а коли он не отдохнет среди моря, то не хватит у него сил вас через море перенести. Не забудь же орех-то обронить — не то гриф самих вас обронит в море».

Подошла она к Красному морю и все нашла в том самом виде, как ей говорил ночной ветер. Сосчитала она прутья на

берегу и одиннадцатый из них срезала; ударила прутom дракона, и лев одолел его — и тотчас же оба обратились в людей.

Но как только королевна, которая была обращена в дракона, освободилась от чар, она ухватила юношу за руку, вскочила с ним вместе на спину грифу и скрылась.

Тогда бедная странница осталась опять одна-одинешенька, всеми покинутая, и опустилаcь наземь, и стала плакать. Наконец, она ободрилась и сказала: «Я пойду искать своего милoго и стану искать его всюду, где ветер воет и где петух поет, пока не сыщу».

И пошла, и шла долго ли, коротко ли, пока не дошла до того замка, где ее муж жил с королевной. Там услышала она, что в замке скоро готовится их свадьба, и, призвав Бога на помощь, открыла ящичек, полученный ею в подарок от солнца: в том ящичке лежало платье, блиставшее так же ярко, как солнце.

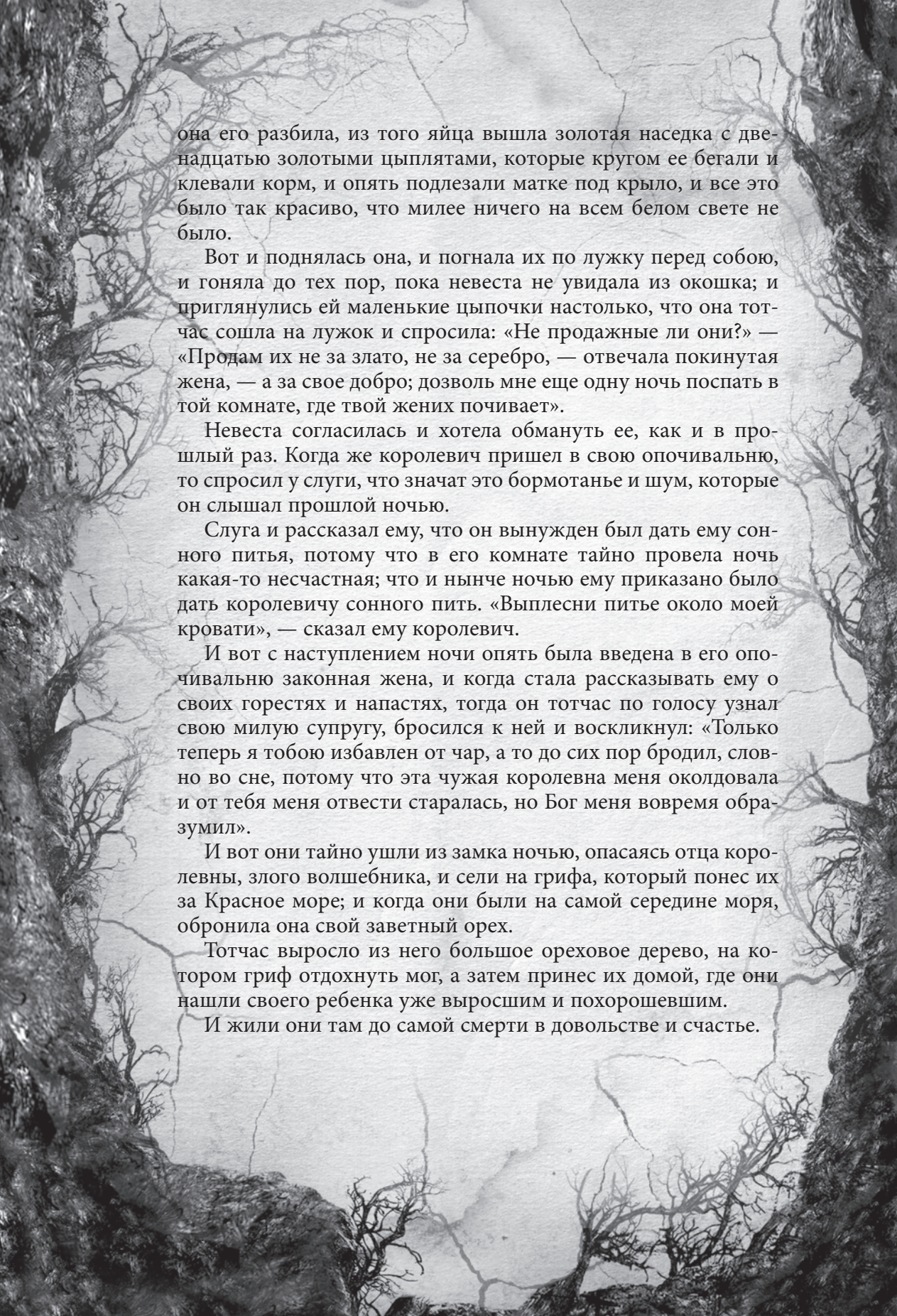
Она вынула это платье, надела его и пошла в замок, и все гости, собравшиеся на праздник, и сама невеста смотрели на нее с изумлением; и платье так понравилось невесте, что она сама захотела надеть его на свадьбу, и спросила: «Не продажно ли оно?» — «Платье не продажное, а заветное, — отвечала покинутая, — отдам его не за злато, не за серебро, а за свое добро».

Невеста спросила, что хочет она сказать этим. А та отвечала: «Пусти меня одну ночь переночевать в той комнате, где твой жених почивает». Невеста не соглашалась сначала, а и платье ей получить хотелось, и вот она согласилась наконец, но приказала слуге своего жениха, чтобы тот дал ему сонного питья на ночь.

С наступлением ночи, когда юноша уже уснул, законная жена его была введена в его опочивальню. И вот стала она у его изголовья и стала говорить: «Семь лет кряду я за тобою следом шла, у солнца и месяца и у всех четырех ветров побывала, везде о тебе разузнавала, в борьбе с драконом тебе помогла — ужели же ты меня совсем забыть хочешь?» Королевич же спал так крепко, что речи ее не слышал, — и чудилось ему только, будто ветер шумит среди елей...

Как наступило утро, так вывели опять жену из опочивальни, и она должна была отдать жестокой невесте свое золотое платье.

Когда и это не помогло, запечалилась несчастная жена, вышла из замка на лужок, села там и стала плакать. И когда она там сидела, то вспомнила о яйце, которое ей месяц подарил:

она его разбила, из того яйца вышла золотая наседка с двенадцатью золотыми цыплятами, которые кругом ее бегали и клевали корм, и опять подлезали матке под крыло, и все это было так красиво, что милее ничего на всем белом свете не было.

Вот и поднялась она, и погнала их по лужку перед собою, и гоняла до тех пор, пока невеста не увидала из окошка; и приглянулись ей маленькие цыпочки настолько, что она тотчас сошла на лужок и спросила: «Не продажные ли они?» — «Продам их не за золото, не за серебро, — отвечала покинутая жена, — а за свое добро; дозвожь мне еще одну ночь поспать в той комнате, где твой жених почивает».

Невеста согласилась и хотела обмануть ее, как и в прошлый раз. Когда же королевич пришел в свою опочивальню, то спросил у слуги, что значат это бормотанье и шум, которые он слышал прошлой ночью.

Слуга и рассказал ему, что он вынужден был дать ему сонного питья, потому что в его комнате тайно провела ночь какая-то несчастная; что и нынче ночью ему приказано было дать королевичу сонного пить. «Выплесни питье около моей кровати», — сказал ему королевич.

И вот с наступлением ночи опять была введена в его опочивальню законная жена, и когда стала рассказывать ему о своих горестях и напастях, тогда он тотчас по голосу узнал свою милую супругу, бросился к ней и воскликнул: «Только теперь я тобою избавлен от чар, а то до сих пор бродил, словно во сне, потому что эта чужая королевна меня околдовала и от тебя меня отвести старалась, но Бог меня вовремя образумил».

И вот они тайно ушли из замка ночью, опасаясь отца королевны, злого волшебника, и сели на грифа, который понес их за Красное море; и когда они были на самой середине моря, обронила она свой заветный орех.

Тотчас выросло из него большое ореховое дерево, на котором гриф отдохнуть мог, а затем принес их домой, где они нашли своего ребенка уже выросшим и похорошевшим.

И жили они там до самой смерти в довольстве и счастье.

Умная дочь крестьянина

днажды жил да был бедный поселянин, у которого своей и земли не было, а были только маленькая избушка и единственная дочка.

Вот и сказала ему как-то дочка: «Батюшка, надо бы нам попросить короля, чтобы он дал нам участочек пахотной земли». Король, прослышав об их бедности, подарил им сверх участка еще кусочек луга, который дочка с отцом хотели на нем посеять рожь или другой подобный хлеб.

Когда они уж почти весь луг вскопали, попалась им в земле ступа из чистого золота. «Слушай, — сказал старик дочери, — так как король к нам был так милостив, что даже подарил нам это поле, то мы ему за это должны отдать ступу».

Дочка же не хотела на это согласиться и говорила: «Батюшка, коли ступа у нас есть, а песта нет, так, пожалуй, от нас еще песта потребуют, так уж лучше нам помолчать о нашей находке».

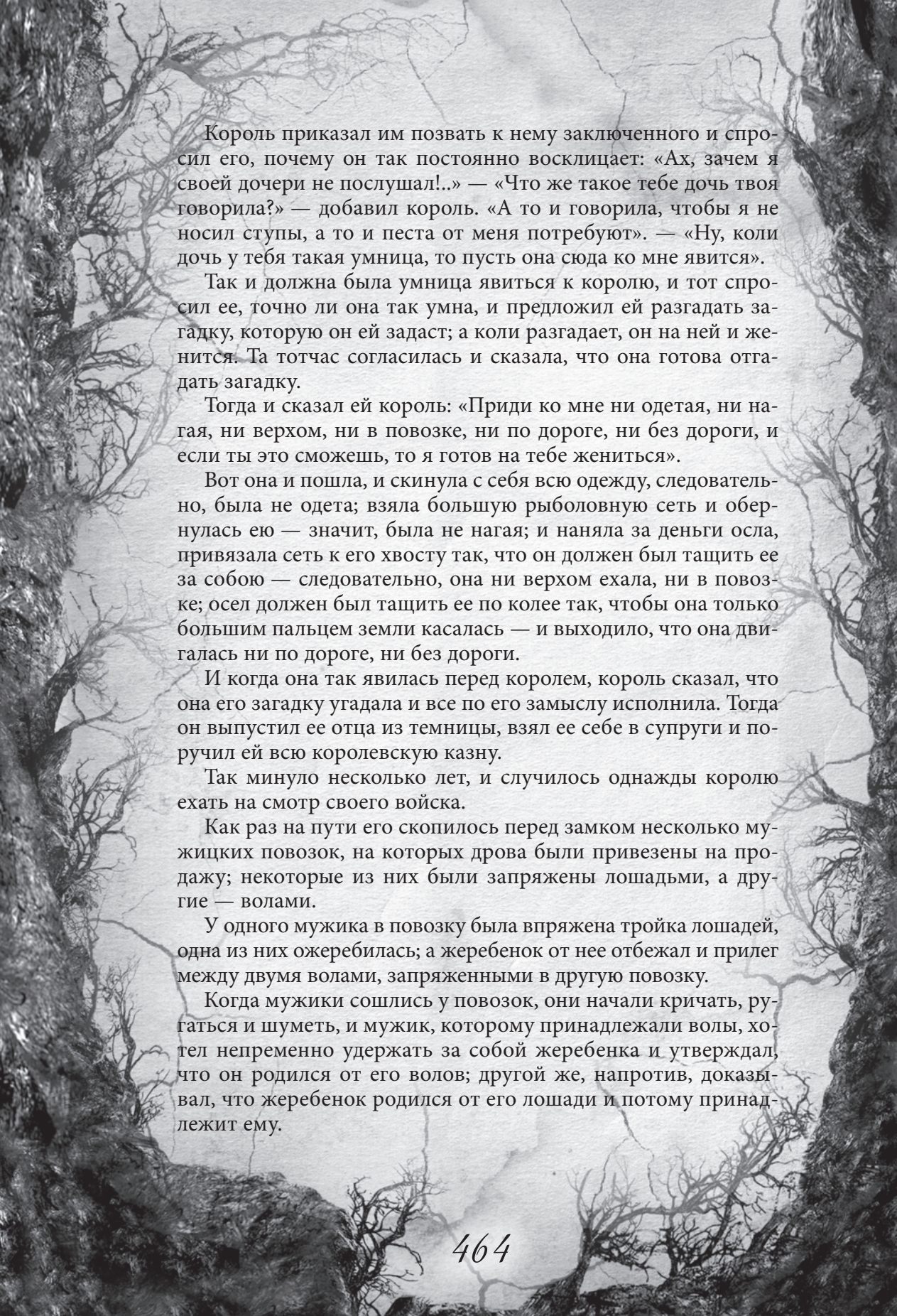
Но отец не захотел ее послушать, взял ступу, снес ее к королю и заявил, что он ее нашел на своем лугу, так не угодно ли будет тому принять ее в дар.

Король взял ступу и спросил поселянина, не нашел ли он еще чего-нибудь. «Нет», — отвечал тот. Тогда король приказал ему доставить к ступе и пестик.

Простак-поселянин отвечал, что они пестика не находили; но это ни к чему не привело — слова остались словами, а простака посадили в тюрьму и велели ему там сидеть до тех пор, пока он не принесет песта от ступы.

Тюремщики, которые должны были ему ежедневно приносить хлеб и воду, обычную тюремную пищу, слышали не раз, как он восклицал: «Ах, зачем я своей дочери не послушал! За чем я своей дочери не послушал!»

Тогда пошли тюремщики к королю и доложили ему, что вот, мол, заключенный постоянно одно и то же восклицает и ни пить, ни есть не хочет.

Король приказал им позвать к нему заключенного и спросил его, почему он так постоянно восклицает: «Ах, зачем я своей дочери не послушал!..» — «Что же такое тебе дочь твоя говорила?» — добавил король. «А то и говорила, чтобы я не носил ступы, а то и песта от меня потребуют». — «Ну, коли дочь у тебя такая умница, то пусть она сюда ко мне явится».

Так и должна была умница явиться к королю, и тот спросил ее, точно ли она так умна, и предложил ей разгадать загадку, которую он ей задаст; а коли разгадает, он на ней и женится. Та тотчас согласилась и сказала, что она готова отгадать загадку.

Тогда и сказал ей король: «Приди ко мне ни одетая, ни нагая, ни верхом, ни в повозке, ни по дороге, ни без дороги, и если ты это сможешь, то я готов на тебе жениться».

Вот она и пошла, и скинула с себя всю одежду, следовательно, была не одета; взяла большую рыболовную сеть и обернулась ею — значит, была не нагая; и наняла за деньги осла, привязала сеть к его хвосту так, что он должен был тащить ее за собою — следовательно, она ни верхом ехала, ни в повозке; осел должен был тащить ее по колее так, чтобы она только большим пальцем земли касалась — и выходило, что она двигалась ни по дороге, ни без дороги.

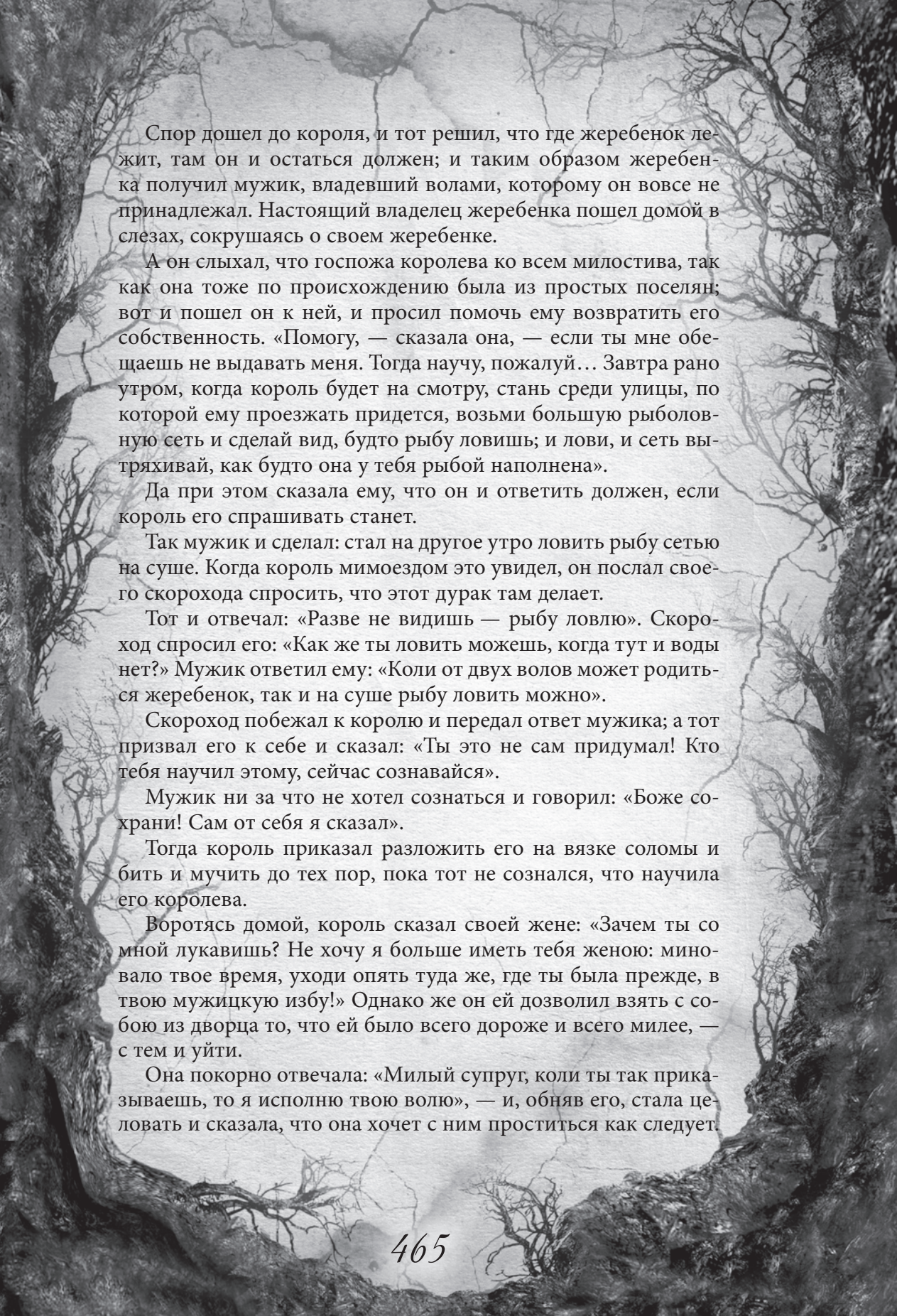
И когда она так явилась перед королем, король сказал, что она его загадку угадала и все по его замыслу исполнила. Тогда он выпустил ее отца из темницы, взял ее себе в супруги и поручил ей всю королевскую казну.

Так минуло несколько лет, и случилось однажды королю ехать на смотр своего войска.

Как раз на пути его скопилось перед замком несколько мужицких повозок, на которых дрова были привезены на продажу; некоторые из них были запряжены лошадьми, а другие — волами.

У одного мужика в повозку была впряжена тройка лошадей, одна из них ожеребилась; а жеребенок от нее отбежал и прилег между двумя волами, запряженными в другую повозку.

Когда мужики сошлись у повозок, они начали кричать, ругаться и шуметь, и мужик, которому принадлежали волы, хотел непременно удержать за собой жеребенка и утверждал, что он родился от его волов; другой же, напротив, доказывал, что жеребенок родился от его лошади и потому принадлежит ему.

Спор дошел до короля, и тот решил, что где жеребенок лежит, там он и остаться должен; и таким образом жеребенка получил мужик, владевший волами, которому он вовсе не принадлежал. Настоящий владелец жеребенка пошел домой в слезах, сокрушаясь о своем жеребенке.

А он слышал, что госпожа королева ко всем милостива, так как она тоже по происхождению была из простых поселян; вот и пошел он к ней, и просил помочь ему возвратить его собственность. «Помогу, — сказала она, — если ты мне обещаешь не выдавать меня. Тогда научу, пожалуй... Завтра рано утром, когда король будет на смотру, стань среди улицы, по которой ему проезжать придется, возьми большую рыболовную сеть и сделай вид, будто рыбу ловишь; и лови, и сеть тряхай, как будто она у тебя рыбой наполнена».

Да при этом сказала ему, что он и ответить должен, если король его спрашивать станет.

Так мужик и сделал: стал на другое утро ловить рыбу сетью на суше. Когда король мимоездом это увидел, он послал своего скорохода спросить, что этот дурак там делает.

Тот и отвечал: «Разве не видишь — рыбу ловлю». Скороход спросил его: «Как же ты ловить можешь, когда тут и воды нет?» Мужик ответил ему: «Коли от двух волов может родиться жеребенок, так и на суше рыбу ловить можно».

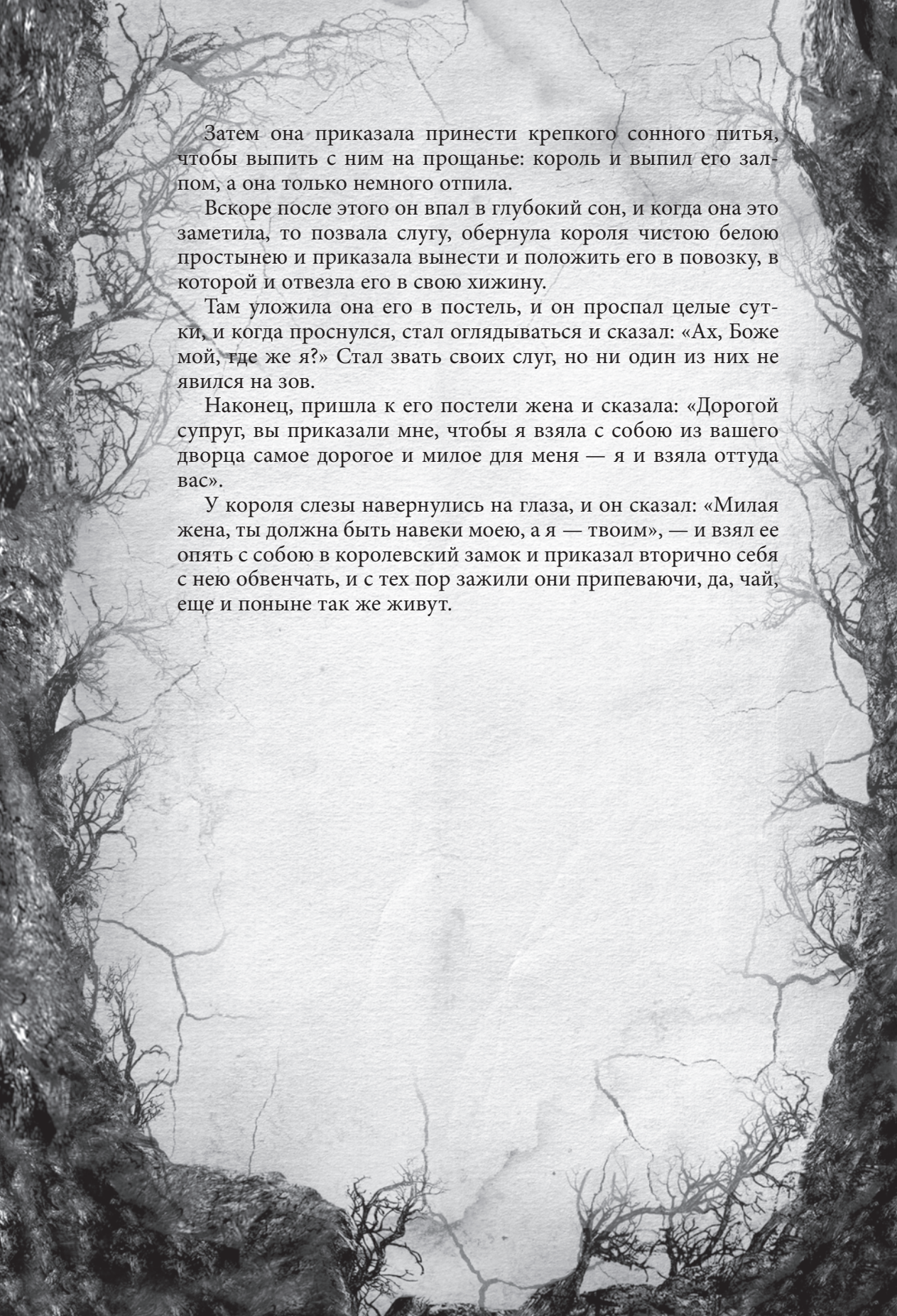
Скороход побежал к королю и передал ответ мужика; а тот призвал его к себе и сказал: «Ты это не сам придумал! Кто тебя научил этому, сейчас сознавайся».

Мужик ни за что не хотел сознаться и говорил: «Боже сохрани! Сам от себя я сказал».

Тогда король приказал разложить его на вязке соломы и бить и мучить до тех пор, пока тот не сознался, что научила его королева.

Воротясь домой, король сказал своей жене: «Зачем ты со мной лукавишь? Не хочу я больше иметь тебя женою: миновало твое время, уходи опять туда же, где ты была прежде, в твою мужицкую избу!» Однако же он ей дозволил взять с собою из дворца то, что ей было всего дороже и всего милее, — с тем и уйти.

Она покорно отвечала: «Милый супруг, коли ты так приказываешь, то я исполню твою волю», — и, обняв его, стала целовать и сказала, что она хочет с ним проститься как следует.

Затем она приказала принести крепкого сонного питья, чтобы выпить с ним на прощанье: король и выпил его залпом, а она только немного отпила.

Вскоре после этого он впал в глубокий сон, и когда она это заметила, то позвала слугу, обернула короля чистою белою простынею и приказала вынести и положить его в повозку, в которой и отвезла его в свою хижину.

Там уложила она его в постель, и он проспал целые сутки, и когда проснулся, стал оглядываться и сказал: «Ах, Боже мой, где же я?» Стал звать своих слуг, но ни один из них не явился на зов.

Наконец, пришла к его постели жена и сказала: «Дорогой супруг, вы приказали мне, чтобы я взяла с собою из вашего дворца самое дорогое и милое для меня — я и взяла оттуда вас».

У короля слезы навернулись на глаза, и он сказал: «Милая жена, ты должна быть навеки моею, а я — твоим», — и взял ее опять с собою в королевский замок и приказал вторично себя с нею обвенчать, и с тех пор зажили они припеваючи, да, чай, еще и поныне так же живут.

«Умная дочь крестьянина».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...*Что же такое тебе доля твоя говорила?*» – спросил король.

*«А то и говорила, чтобы я не носил туфли,
а то и пестя от меня потребуют».* –

*Ну, коли доля у тебя такая умища,
то пусть она сюда ко мне хвистся»...*»

Лис и гуси

Мришел однажды лис на лужок, где паслось стадо славных жирных гусей, посмеялся и сказал: «Прихожу я словно званный гость, и сидите вы все так славнo, рядочком — так я одного за другим могу и перебрать по очереди». Гуси загоготали от страха, повскакали с мест своих и начали стонать и жалобно молить о том, чтобы лис их помиловал. Но тот ничего и слушать не хотел и говорил: «Нет вам помилованья, все вы должны умереть!»

Наконец, один гусь собрался с духом и сказал: «Уж если точно суждено нам, бедным гусям, расстаться с нашею молодою жизнью, то уж окажи нам единственную милость и дозвошь нам только прочесть одну молитву, дабы мы не умерли во грехе: а прочитав молитву, мы уж сами станем в ряд, чтобы тебе легче было выбирать из нас того, который пожирнее». — «Ладно, — сказал лис, — просьба ваша вполне основательна и притом свидетельствует о вашем благочестии; помолитесь, а я до тех пор подожду». Вот и начал первый гусь длинную-преддлинную молитву, и все повторял: «Га-га-га! Га-га-га!» — и так как той молитве и конца не было, то второй гусь не стал ожидать, пока до него дойдет очередь, и сам завел ту же песню: «Га-га-га!»

Третий и четвертый последовали его примеру, и скоро все разом стали гоготать, и когда их молитва окончится, тогда и сказка продолжится, да только в том и беда, что они и теперь все еще гогочут!

Тусятница

Давно уж это было: жила-была на свете старая королева, у которой муж уже умер и осталась одна дочка-красавица. Когда та выросла, то была помолвлена с одним королевичем на чужбине.

Настало время вступать им в супружество; королева должна была отправиться в иноземное государство, и ее мать-королева дала ей в приданое очень много ценной утвари и украшений, серебра и золота, кубков и всякой казны — одним словом, все, что принадлежало к ее приданому, потому что она очень любила свою дочку.

Кроме всего этого, старая королева отдала своей дочери и такую служанку в провожатые, которая должна была с нею вместе ехать и передать ее в руки жениха; каждой из них — и невесте, и камеристке — королева дала по коню.

Конь королевны звался Фалада и умел говорить.

Когда настал час разлуки, мать-королева пошла в свою опочивальню, взяла ножичек и порезала им пальцы, так что кровь из них закапала; на пальцы она наложила тряпочку, накапала на нее три капли крови, отдала дочке и сказала: «Милое дитяtko, побереги эти капли моей крови; они тебе в дороге пригодятся».

Так и распрощались они со слезами; тряпочку королевна спрятала к себе за пазуху, села на коня и пустилась в путь к своему жениху.

После часового переезда королевне очень захотелось пить, и она сказала своей камеристке: «Сойди с коня и зачерпни мне воды из ручья в тот кубок, который ты для меня захватила, мне очень пить хочется». — «Коли вам пить хочется, — отвечала камеристка, — так вы можете сами сойти с коня, приклониться к воде и пить, а я вам служанкой не намерена быть».

Королевну так мучила жажда, что она сошла с коня, приклонилась к воде ручья и стала пить, и не смела золотым кубком воды зачерпнуть.

Невольно вырвалось у нее восклицание: «Ах, Боже мой!» — а три капельки крови отвечали ей: «Кабы знала это твоя матушка, у нее сердце в груди разорвалось бы!»

Но королевна только запечалилась, не сказала ни слова и снова села на коня.

Так проехали они еще много верст; а день был жаркий, солнце палило, и вскоре жажда стала снова мучить королевну. Проезжая мимо реки, она еще раз позвала камеристку и сказала: «Сойди с коня и дай мне напиться из моего золотого кубка». Она уж на нее сердиться и не думала.

Но камеристка отвечала ей еще горделивее: «Коли хотите пить, ступайте и пейте, а я вашей служанкой быть не намерена».

Тогда сошла королевна с коня от великой жажды, приникла к текучей воде, заплакала и сказала: «Ах, Боже мой!» — а три капельки крови ей опять отвечали: «Кабы знала твоя матушка, у нее сердце в груди разорвалось бы!»

И между тем, как она жадно пила и к воде наклонялась, выпала у нее из-за пазухи в воду тряпочка с тремя капельками крови, и понесло ее водою по течению, и она того в волнении своем не приметилась...

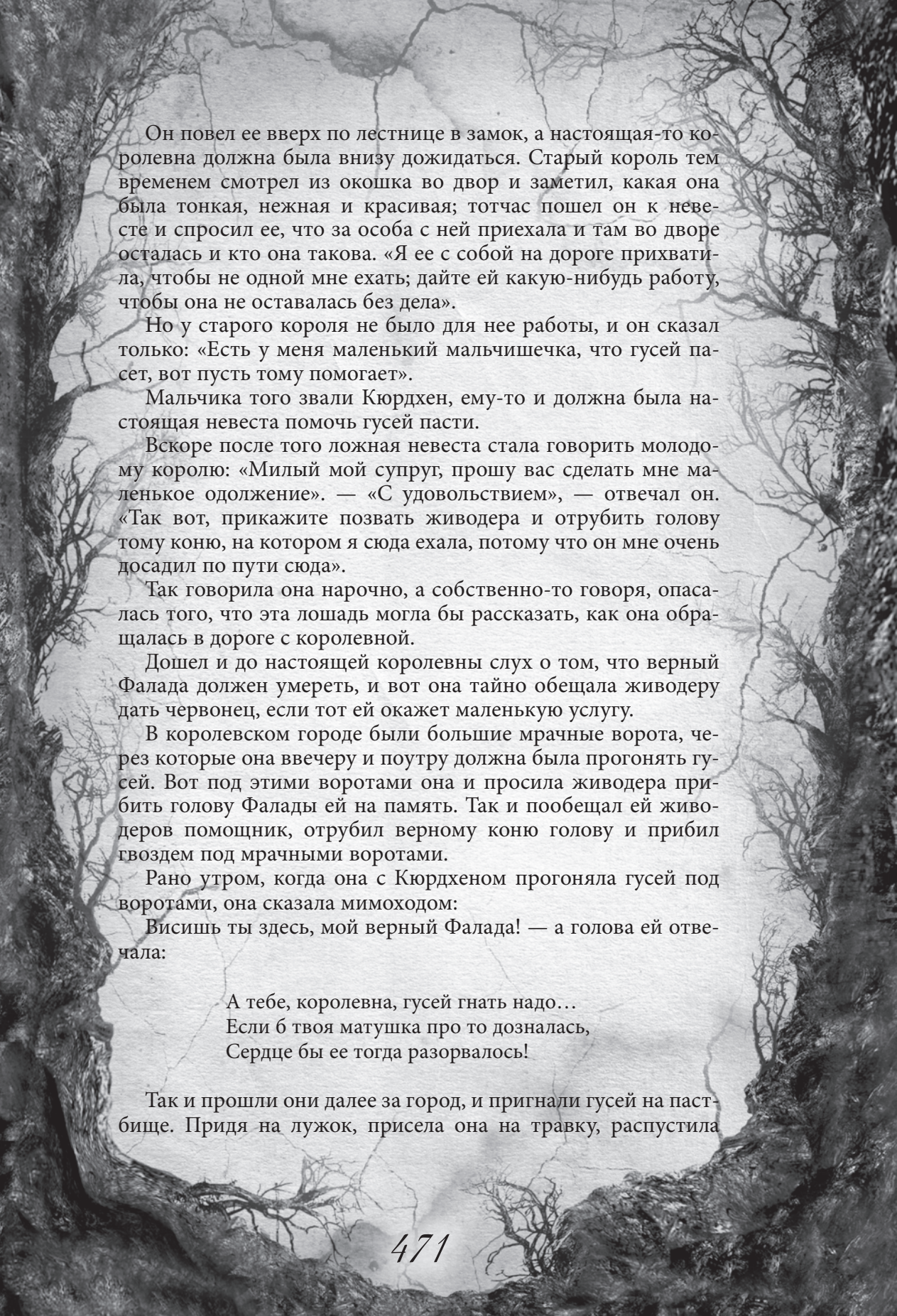
А камеристка-то это видела и радовалась тому, что она теперь получила власть над королевной: лишившись трех капелек материнской крови, та становилась совсем слабою и беспомощною.

Когда она, вернувшись от реки, хотела опять сесть на своего коня, который звался Фалада, камеристка сказала ей: «На Фаладе следует мне ехать, а тебе на моей кляче», — и королевна должна была на это согласиться.

Затем камеристка приказала ей очень грубо, чтобы она сняла с себя королевское платье и надела ее, простое, и сверх того под открытым небом должна была поклясться, что она никому при королевском дворе ни слова не скажет о том, что они платьями обменялись; а если бы она не дала этой клятвы, то камеристка грозилась ее на месте убить. Но Фалада все это видел и все примечал.

И вот камеристка села верхом на Фаладу, а настоящая невеста на ее плохого коня, и так поехали они далее, до самых ворот королевского замка.

Там очень обрадовались их прибытию, королевич выбежал им навстречу, помог камеристке слезть с коня и вообразил себе, что она-то и предназначена ему в супруги.

Он повел ее вверх по лестнице в замок, а настоящая-то королевна должна была внизу дожидаться. Старый король тем временем смотрел из окошка во двор и заметил, какая она была тонкая, нежная и красивая; тотчас пошел он к невесте и спросил ее, что за особа с ней приехала и там во дворе осталась и кто она такова. «Я ее с собой на дороге прихватила, чтобы не одной мне ехать; дайте ей какую-нибудь работу, чтобы она не оставалась без дела».

Но у старого короля не было для нее работы, и он сказал только: «Есть у меня маленький мальчишечка, что гусей паст, вот пусть тому помогает».

Мальчика того звали Кюрдхен, ему-то и должна была настоящая невеста помочь гусей пасти.

Вскоре после того ложная невеста стала говорить молодому королю: «Милый мой супруг, прошу вас сделать мне маленькое одолжение». — «С удовольствием», — отвечал он. «Так вот, прикажите позвать живодера и отрубить голову тому коню, на котором я сюда ехала, потому что он мне очень досадил по пути сюда».

Так говорила она нарочно, а собственно-то говоря, опасалась того, что эта лошадь могла бы рассказать, как она обращалась в дороге с королевной.

Дошел и до настоящей королевны слух о том, что верный Фалада должен умереть, и вот она тайно обещала живодеру дать червонец, если тот ей окажет маленькую услугу.

В королевском городе были большие мрачные ворота, через которые она ввечеру и поутру должна была прогонять гусей. Вот под этими воротами она и просила живодера прибить голову Фалады ей на память. Так и пообещал ей живодеров помощник, отрубил верному коню голову и прибил гвоздем под мрачными воротами.

Рано утром, когда она с Кюрдхеном прогоняла гусей под воротами, она сказала мимоходом:

Висишь ты здесь, мой верный Фалада! — а голова ей отвечала:

А тебе, королевна, гусей гнать надо...
Если б твоя матушка про то дозналась,
Сердце бы ее тогда разорвалось!

Так и прошли они далее за город, и пригнали гусей на пастбище. Придя на лужок, присела она на травку, распустила

свою косу, а коса у ней блестела как золото, и Кюрдхен это увидел, и очень ему понравился блеск ее волос, и он захотел парочку их у королевны из косы вырвать.

Тогда она проговорила:

Дуй, подуй-ка, ветерок,
Сдуй с Кюрдхена колпачок;
Вдаль гони его, прошу,
Пока косу расчешу!

И налетел вдруг такой сильный ветер, что сдул с Кюрдхена его колпачок, погнал его вдаль, и мальчик вынужден был за тем колпачком бежать.

Пока он вернулся, королевна расчесала и прибрала свои волосы, и мальчику не досталось ни одного ее волоска. Тогда мальчик рассердился на нее и не стал с нею говорить; и так пасли они гусей до самого вечера, а затем отправились домой.

На другое утро, проходя под мрачными воротами, королевна сказала:

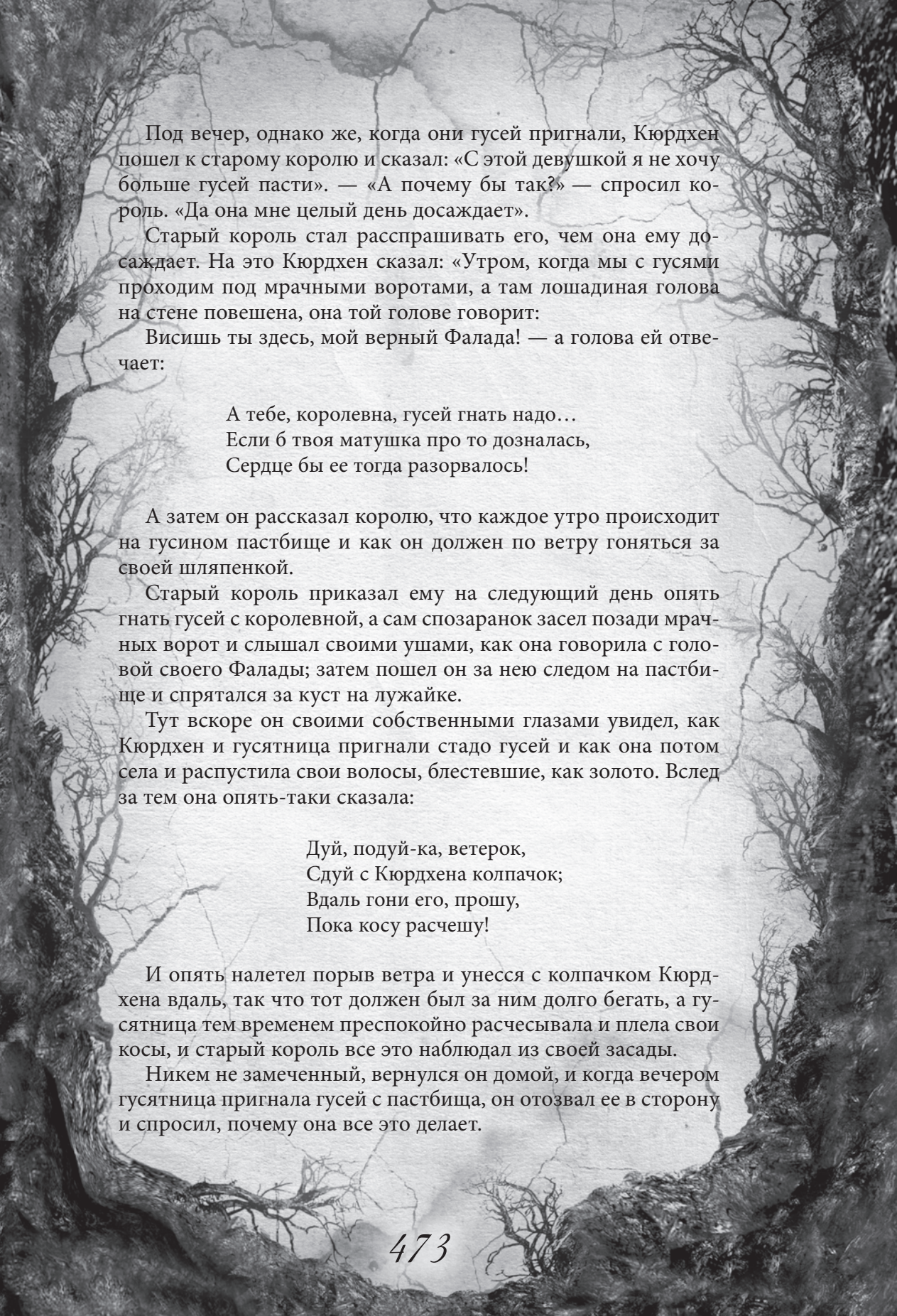
Висишь ты здесь, мой верный Фалада! — а Фалада отвечал ей:

А тебе, королевна, гусей гнать надо...
Если б твоя матушка про то дозналась,
Сердце бы ее тогда разорвалось!

А придя на пастбище, села она опять на лужок и опять стала расчесывать свои волосы, и Кюрдхен стал опять за нею бегать и хотел ее схватить за волосы; но она проговорила:

Дуй, подуй-ка, ветерок,
Сдуй с Кюрдхена колпачок;
Вдаль гони его, прошу,
Пока косу расчешу!

И налетел ветер, и сорвал с головы у мальчика его колпачок, и пришлось ему долго за ним бегать, а когда он вернулся, она уж давно прибрала свои волосы, и он ни одного волоска от нее добыть не мог; и опять они пасли своих гусей до вечера.

Под вечер, однако же, когда они гусей пригнали, Кюрдхен пошел к старому королю и сказал: «С этой девушкой я не хочу больше гусей пасти». — «А почему бы так?» — спросил король. «Да она мне целый день досаждает».

Старый король стал расспрашивать его, чем она ему досаждает. На это Кюрдхен сказал: «Утром, когда мы с гусями проходим под мрачными воротами, а там лошадиная голова на стене повешена, она той голове говорит:

Висишь ты здесь, мой верный Фалада! — а голова ей отвечает:

А тебе, королевна, гусей гнать надо...
Если б твоя матушка про то дозналась,
Сердце бы ее тогда разорвалось!

А затем он рассказал королю, что каждое утро происходит на гусяном пастбище и как он должен по ветру гоняться за своей шляпенкой.

Старый король приказал ему на следующий день опять гнать гусей с королевной, а сам спозаранок засел позади мрачных ворот и слышал своими ушами, как она говорила с головой своего Фалады; затем пошел он за нею следом на пастбище и спрятался за куст на лужайке.

Тут вскоре он своими собственными глазами увидел, как Кюрдхен и гусятница пригнали стадо гусей и как она потом села и распустила свои волосы, блестящие, как золото. Вслед за тем она опять-таки сказала:

Дуй, подуй-ка, ветерок,
Сдуй с Кюрдхена колпачок;
Вдаль гони его, прошу,
Пока косу расчешу!

И опять налетел порыв ветра и унесся с колпачком Кюрдхена вдаль, так что тот должен был за ним долго бегать, а гусятница тем временем преспокойно расчесывала и плела свои косы, и старый король все это наблюдал из своей засады.

Никем не замеченный, вернулся он домой, и когда вечером гусятница пригнала гусей с пастбища, он отозвал ее в сторону и спросил, почему она все это делает.

«Этого не смею я вам сказать, — отвечала гусятница, — не смею я никому на свое горе пожаловаться, потому что я поклялась об этом молчать, не то придется мне жизнь потерять».

Но король настаивал и продолжал допрашивать, и все же ничего от нее не мог добиться. «Ну, — сказал он, — если уж ты мне ничего сказать не хочешь, так вот поделись своим горем с этою железною печкой», — да на том и ушел.

Тогда влезла королева в железную печь, стала плакать и жаловаться, облегчила свое наболевшее сердце и сказала: «Вот сижу я здесь, бедная, всеми покинутая! Хотя я королева по рождению, а коварная камеристка силой заставила меня скинуть мое королевское платье и заняла мое место у жениха, между тем как я стала гусятницей и теперь вынуждена справлять всякую черную работу. Кабы знала то моя матушка, у нее сердце с горя разорвалось бы!»

А старый-то король тем временем стоял наверху у самого устья трубы, прислушивался и слышал все, что она говорила.

Выслушав ее, он вернулся опять в ту же комнату и велел ей выйти из печки.

Он приказал одеть ее в королевское платье — и надивиться не мог ее красоте.

Затем позвал король своего сына и открыл ему, что приехала к нему не его невеста, а ее камеристка, и что девушка-гусятница есть его настоящая невеста.

Молодой король был радешенек, увидев, какая у него невеста красавица и умница, и по поводу этого открытия затеял большой пир, на который пригласил всех своих друзей и близких.

На первом месте за столом сидел жених, и королева сидела по одну его руку, а камеристка — по другую и настолько была ослеплена, что не могла узнать королеву в ее блестящем наряде.

Когда все попили и поели, и повеселели, старый король задал камеристке загадку: «Чего бы достойна была служанка, которая так-то и так-то обманула свою госпожу?» — и затем, изложив перед всеми историю королевы, потребовал, чтобы камеристка сказала, какой приговор следует произнести над такой обманщицей.

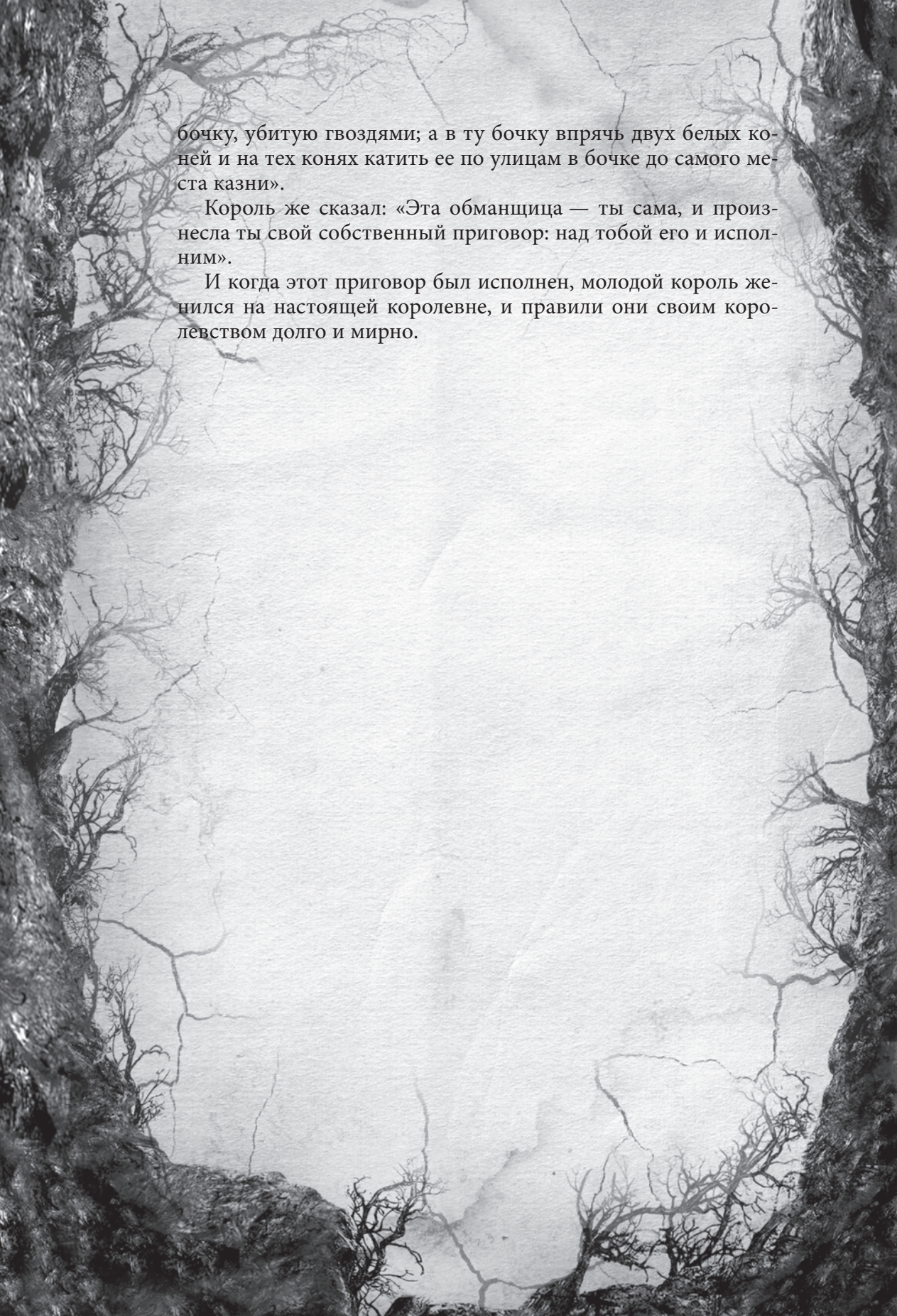
Выслушав короля, камеристка сказала: «Такая обманщица достойна была бы того, чтобы раздеть ее донага, посадить в

«Гусятница».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Дуй, подуй-ка, ветерок,
Сдуй с Кюрдхена комматок;
Вдаль гони его, прощю,
Пока косу расчешу!...»*

бочку, убитую гвоздями; а в ту бочку впрячь двух белых коней и на тех конях катить ее по улицам в бочке до самого места казни».

Король же сказал: «Эта обманщица — ты сама, и произнесла ты свой собственный приговор: над тобой его и исполним».

И когда этот приговор был исполнен, молодой король женился на настоящей королевне, и правили они своим королевством долго и мирно.

Молодой великан

У одного крестьянина был сын ростом с мизинчик. Он нисколько не рос и за много лет ни на волосок не вырос. Задумал однажды крестьянин в поле выехать пахать, а малютка-сын и говорит ему: «Батюшка, я хочу с тобою в поле». — «В поле? — сказал отец. — Нет, уж лучше дома оставайся; ты там ни на что не пригоден; того и гляди, еще потеряешься».

Тут начал малютка плакать, и, чтобы унять его плач, отец сунул его в карман и захватил с собою.

Выехав в поле, отец вынул его из кармана и посадил в свежевзрытую борозду.

В это время из-за горы вышла громадная великанша. «Видишь ли ты эту громадину? — спросил отец сына, и, желая на всякий случай пристращать ребенка, добавил: — Вот она придет да и возьмет тебя».

А великанша лишь переступила два шага, уж и очутилась рядом с бороздою.

Осторожно подняла великанша малютку двумя пальцами из борозды, внимательно его осмотрела и, ни слова не сказавши отцу, унесла его с собою.

Отец был при этом, но от страха не мог произнести ни звука; он счел своего сына погибшим и навек для себя утраченным.

Великанша унесла малютку домой и стала кормить его своею грудью; и вот малютка стал расти и крепнуть, как все великаны.

По истечении двух лет великанша пошла со своим воспитанником в лес, желая испытать его силу, и сказала ему: «Вытащи-ка себе из земли дубинку».

Мальчик оказался уже настолько крепким, что вырвал молодое деревце из земли с корнями.

Но великанша подумала, что это надо лучше делать, вернула его домой и еще два года кормила грудью.

При вторичном испытании силы мальчика возросли уже настолько, что он мог вытащить из земли старое дерево.

И это показалось великанше еще недостаточным, и она кормила его еще два года грудью.

Через два года великанша вместе с повзрослевшим мальчиком пришла в лес и сказала: «Ну-ка, вырви теперь себе порядочную дубину».

Тот шутя вырвал толстейший дуб из земли, так что треск кругом пошел. «Ну, теперь довольно с тебя, — сказала великанша, — теперь ты выучился!»

И повела его обратно на то поле, с которого его унесла. Отец юноши стоял на том поле за плугом.

Молодой великан подошел к нему и сказал: «Видишь, отец, каким твой сын молодцом стал?»

Крестьянин перепугался и стал отнекиваться: «Нет, ты мне не сын, не надо мне тебя — ступай себе». — «Ну, конечно же, я твой сын; пусти меня поработать, ведь я могу пахать так же, как ты, и даже, пожалуй, еще лучше тебя». — «Да нет же, нет, ты мне не сын, и пахать ты тоже не можешь, пойдя ты от меня».

А между тем, испугавшись этого великана, он бросил плуг, отошел от него и присел в сторонке.

Тогда юноша принялся за плуг и надавил на него одною рукою, но напор был так силен, что плуг глубоко ушел в землю.

Крестьянин не мог на такую работу смотреть хладнокровно и крикнул ему: «Коли хочешь пахать, не напирай так сильно, не то испортишь все дело».

Юноша же, чтобы исправить свой промах, отпряг лошадей, сам впрягся в плуг и сказал: «Ступай себе домой, батюшка, да прикажи матушке приготовить какой-нибудь еды побольше, а я тем временем вспашу все поле».

Пошел отец домой и заказал жене приготовить сыну поест. А юноша вспахал на себе все поле в две десятины величиною, а затем впрягся в две бороны и взборонил все поле.

Окончив эту работу, он пошел в лес, вырвал два дуба с корнями, положил их на плечи, да привесил на них спереди и сзади по бороне и по лошади, и понес все это, словно охапку солом, к родительскому дому.

Когда он пришел во двор, мать не узнала его и спросила: «Кто этот страшный, громадный человек?» Муж сказал ей: «Да это сын наш». — «Нет, уж никак не сын — такого боль-

шого у нас не было; наш был маленький». И давай кричать сыну: «Ступай прочь, нам тебя не надобно».

Юноша на это ничего не сказал, поставил лошадей в стойло, задал им овса и сена. Все справив, вошел он в дом, присел на скамейку и сказал: «Матушка, мне бы теперь поесть хотелось — скоро ли будет у тебя готово?» Она сказала: «Сейчас!» — и внесла два большущих блюда — ими она с мужем дней восемь подряд были бы сытехоньки!

А юноша очистил их один, да еще спросил у матери, нет ли у нее еще чего-нибудь в запасе. «Нет, — отвечала мать, — тут все, что у нас есть». — «Да это меня только разлакомило, мне этого мало». Не решилась мать ему противоречить, поставила на огонь полнешенек котел свинины и, когда свинина сварилась, внесла котел в комнату. «Наконец-то перепадает мне и еще пара крошечек!» — сказал юноша, и весь котел опорожнил один; но и этого оказалось недостаточно.

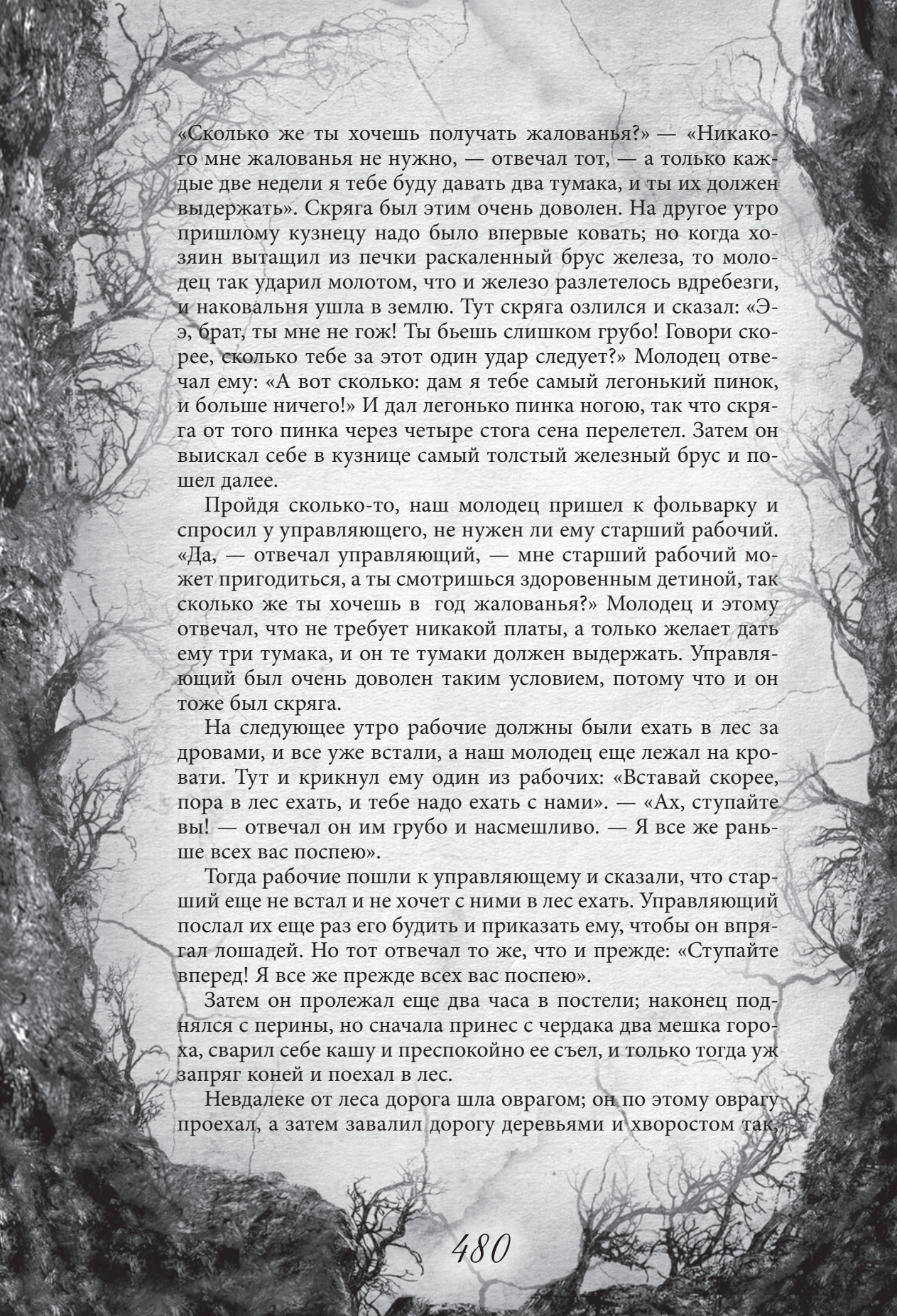
Вот и сказал он: «Батюшка, вижу я, что тебе меня не прокормить; сделай ты мне железный посошок настолько крепкий, чтобы я его о колено переломить не мог, так я и пойду по белу свету счастья искать».

Отец был этому очень рад, запряг пару коней в повозку и привез от кузнеца железную палицу такой длины и толщины, какую могли свезти его кони. Юноша упер в палицу колено и — рраз! — сломал ее, как прутик, надвое и отбросил в сторону. Впряг отец две пары коней в повозку и привез на них палицу еще длиннее и толще первой. Сын и эту переломил о колено, отбросил и сказал: «Батюшка, эта мне не годится; запрягай коней побольше, привези мне палицу потолще».

Впряг отец четыре пары коней в повозку и привез такую большую и толстую палицу, какую четыре пары лошадей на себе свезти могли. Взял ее сын в руки, тотчас отломил от нее сверху кусок и сказал: «Виджу, батюшка, что ты не можешь мне добыть такого посоха, какой мне нужен».

Пошел он путем-дорогою и стал всюду выдавать себя за кузнеца. Вот пришел он в деревню, где жил один кузнец; он был большой скряга, никому ничего не любил давать и все старался захватить в свои руки.

К нему-то и пришел наш молодец в кузницу и спросил, не нужен ли ему подмастерье. «Нужен», — сказал кузнец и, взглянув на него, подумал: «Здоровый детина — хорошим молотобойцем будет, не даром будет хлеб есть!» Потом спросил:

«Сколько же ты хочешь получать жалованья?» — «Никакого мне жалованья не нужно, — отвечал тот, — а только каждые две недели я тебе буду давать два тумака, и ты их должен выдержать». Скрыга был этим очень доволен. На другое утро пришлому кузнецу надо было впервые ковать; но когда хозяин вытащил из печки раскаленный брус железа, то молодец так ударил молотом, что и железо разлетелось вдребезги, и наковальня ушла в землю. Тут скрыга озлился и сказал: «Э-э, брат, ты мне не гож! Ты бьешь слишком грубо! Говори скорее, сколько тебе за этот один удар следует?» Молодец отвечал ему: «А вот сколько: дам я тебе самый легонький пинок, и больше ничего!» И дал легонько пинка ногою, так что скрыга от того пинка через четыре стога сена перелетел. Затем он выискал себе в кузнице самый толстый железный брус и пошел далее.

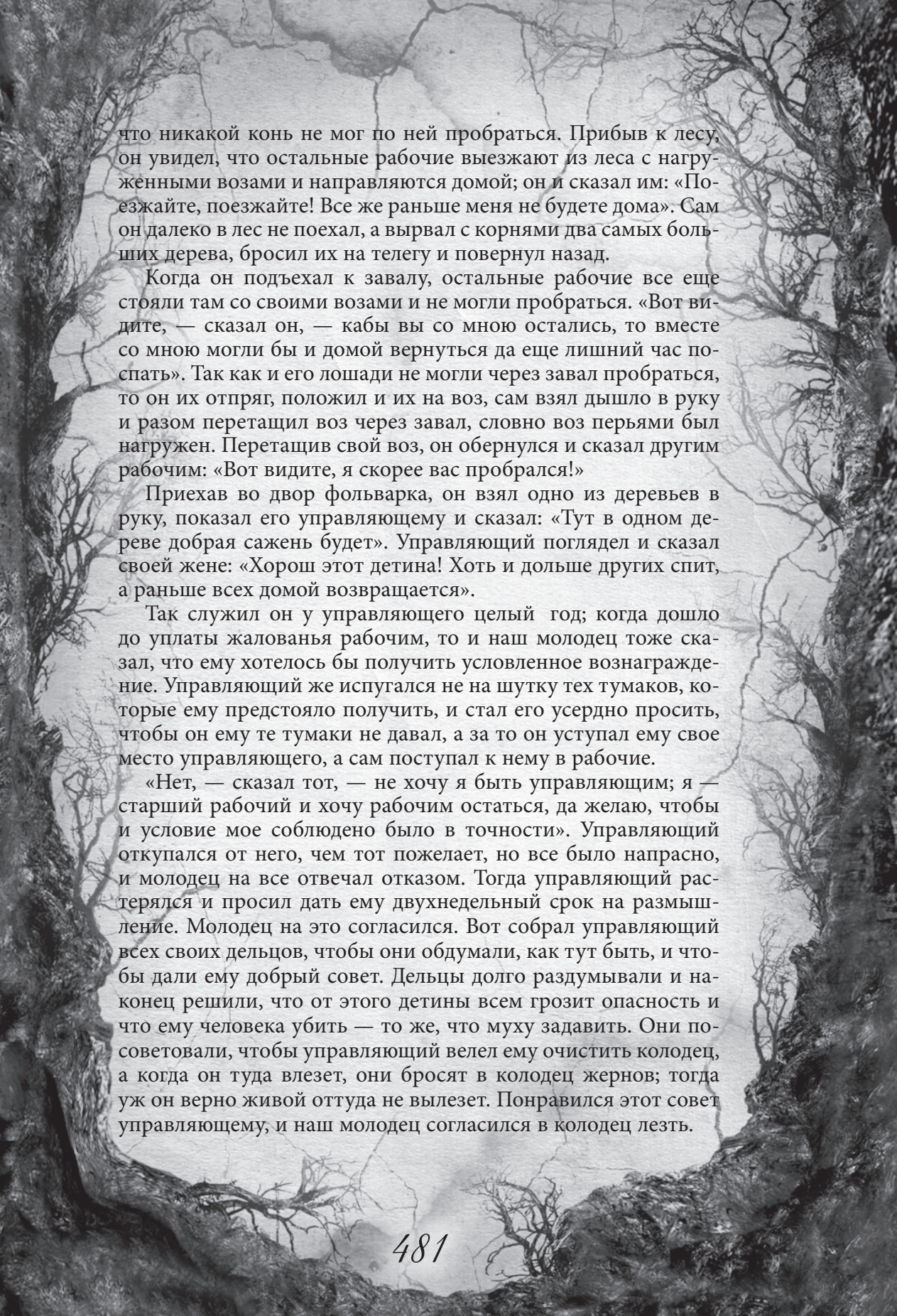
Пройдя сколько-то, наш молодец пришел к фольварку и спросил у управляющего, не нужен ли ему старший рабочий. «Да, — отвечал управляющий, — мне старший рабочий может пригодиться, а ты смотришься здоровенным детиной, так сколько же ты хочешь в год жалованья?» Молодец и этому отвечал, что не требует никакой платы, а только желает дать ему три тумака, и он те тумак должен выдержать. Управляющий был очень доволен таким условием, потому что и он тоже был скрыга.

На следующее утро рабочие должны были ехать в лес за дровами, и все уже встали, а наш молодец еще лежал на кровати. Тут и крикнул ему один из рабочих: «Вставай скорее, пора в лес ехать, и тебе надо ехать с нами». — «Ах, ступайте вы! — отвечал он им грубо и насмешливо. — Я все же раньше всех вас поспею».

Тогда рабочие пошли к управляющему и сказали, что старший еще не встал и не хочет с ними в лес ехать. Управляющий послал их еще раз его будить и приказать ему, чтобы он впрягал лошадей. Но тот отвечал то же, что и прежде: «Ступайте вперед! Я все же прежде всех вас поспею».

Затем он пролежал еще два часа в постели; наконец поднялся с перины, но сначала принес с чердака два мешка гороха, сварил себе кашу и преспокойно ее съел, и только тогда уж запряг коней и поехал в лес.

Невдалеке от леса дорога шла оврагом; он по этому оврагу проехал, а затем завалил дорогу деревьями и хворостом так,

что никакой конь не мог по ней пробраться. Прибыв к лесу, он увидел, что остальные рабочие выезжают из леса с нагруженными возами и направляются домой; он и сказал им: «Поезжайте, поезжайте! Все же раньше меня не будете дома». Сам он далеко в лес не поехал, а вырвал с корнями два самых больших дерева, бросил их на телегу и повернул назад.

Когда он подъехал к завалу, остальные рабочие все еще стояли там со своими возами и не могли пробраться. «Вот видите, — сказал он, — кабы вы со мною остались, то вместе со мною могли бы и домой вернуться да еще лишний час поспать». Так как и его лошади не могли через завал пробраться, то он их отпряг, положил и их на воз, сам взял дышло в руку и разом перетащил воз через завал, словно воз перьями был нагружен. Перетащив свой воз, он обернулся и сказал другим рабочим: «Вот видите, я скорее вас пробрался!»

Приехав во двор фольварка, он взял одно из деревьев в руку, показал его управляющему и сказал: «Тут в одном дереве добрая сажень будет». Управляющий поглядел и сказал своей жене: «Хорош этот детина! Хоть и дольше других спит, а раньше всех домой возвращается».

Так служил он у управляющего целый год; когда дошло до уплаты жалованья рабочим, то и наш молодец тоже сказал, что ему хотелось бы получить условленное вознаграждение. Управляющий же испугался не на шутку тех тумачков, которые ему предстояло получить, и стал его усердно просить, чтобы он ему те тумачки не давал, а за то он уступал ему свое место управляющего, а сам поступал к нему в рабочие.

«Нет, — сказал тот, — не хочу я быть управляющим; я — старший рабочий и хочу рабочим остаться, да желаю, чтобы и условие мое соблюдено было в точности». Управляющий откупался от него, чем тот пожелает, но все было напрасно, и молодец на все отвечал отказом. Тогда управляющий растерялся и просил дать ему двухнедельный срок на размышление. Молодец на это согласился. Вот собрал управляющий всех своих дельцов, чтобы они обдумали, как тут быть, и чтобы дали ему добрый совет. Дельцы долго раздумывали и наконец решили, что от этого детины всем грозит опасность и что ему человека убить — то же, что муху задавить. Они посоветовали, чтобы управляющий велел ему очистить колодец, а когда он туда влезет, они бросят в колодец жернов; тогда уж он верно живой оттуда не вылезет. Понравился этот совет управляющему, и наш молодец согласился в колодец лезть.

Когда он опустился на дно колодца, они скатили в колодец самый большой из жерновов, находившихся вблизи, и думали, что уж наверно у молодца голова окажется разможенной; но тот крикнул: «Отгоните кур прочь от колодца, а то они роются там наверху в песке, все глаза мне залепили». Управляющий и прикинулся, будто кур от колодца отгоняет, а молодец, покончив работу, вылез оттуда с жерновом на шее и сказал: «Посмотрите-ка, не правда ли, славное у меня ожерелье?» Тут опять-таки захотел он получить свое вознаграждение; но управляющий опять стал просить о двухнедельной отсрочке.

Снова собрались к нему дельцы и посоветовали, чтобы он отправил молодца на заколдованную мельницу: пусть ночью зерно смелет — оттуда-то еще ни один человек жив поутру не возвращался. Предложение понравилось управляющему; он позвал молодца в тот же вечер и велел ему свезти на мельницу восемь четвертей ржи да в ночь и смолоть их.

Пошел молодец в амбар, засунул две четверти в правый карман да две же — в левый, а четыре четверти в перекидном мешке взвалил себе на грудь и на плечи и с этим грузом потащился на заколдованную мельницу.

Мельник сказал ему, что днем он может молоть, а ночью мельница заколдована, и всех, кто туда входил, утром находили мертвыми. Молодец отвечал ему: «Ну, уж я как-нибудь улажусь; ступайте отсюда да ложитесь спать». Затем он пошел на мельницу, засыпал зерно и стал его молоть. Часов около одиннадцати вечера он вошел в комнату мельника.

Вдруг открылись двери настежь, и в комнату вкатился большущий стол, а на том столе сами собою поставились вина и всякие вкусные блюда, и никого кругом не было видно, кто бы те блюда на стол подавал. А потом и стулья сами собою придвинулись к столу, хотя людей и не было, и только уже после разглядел он там чьи-то руки, которые распоряжались ножами и вилками и раскладывали кушанье.

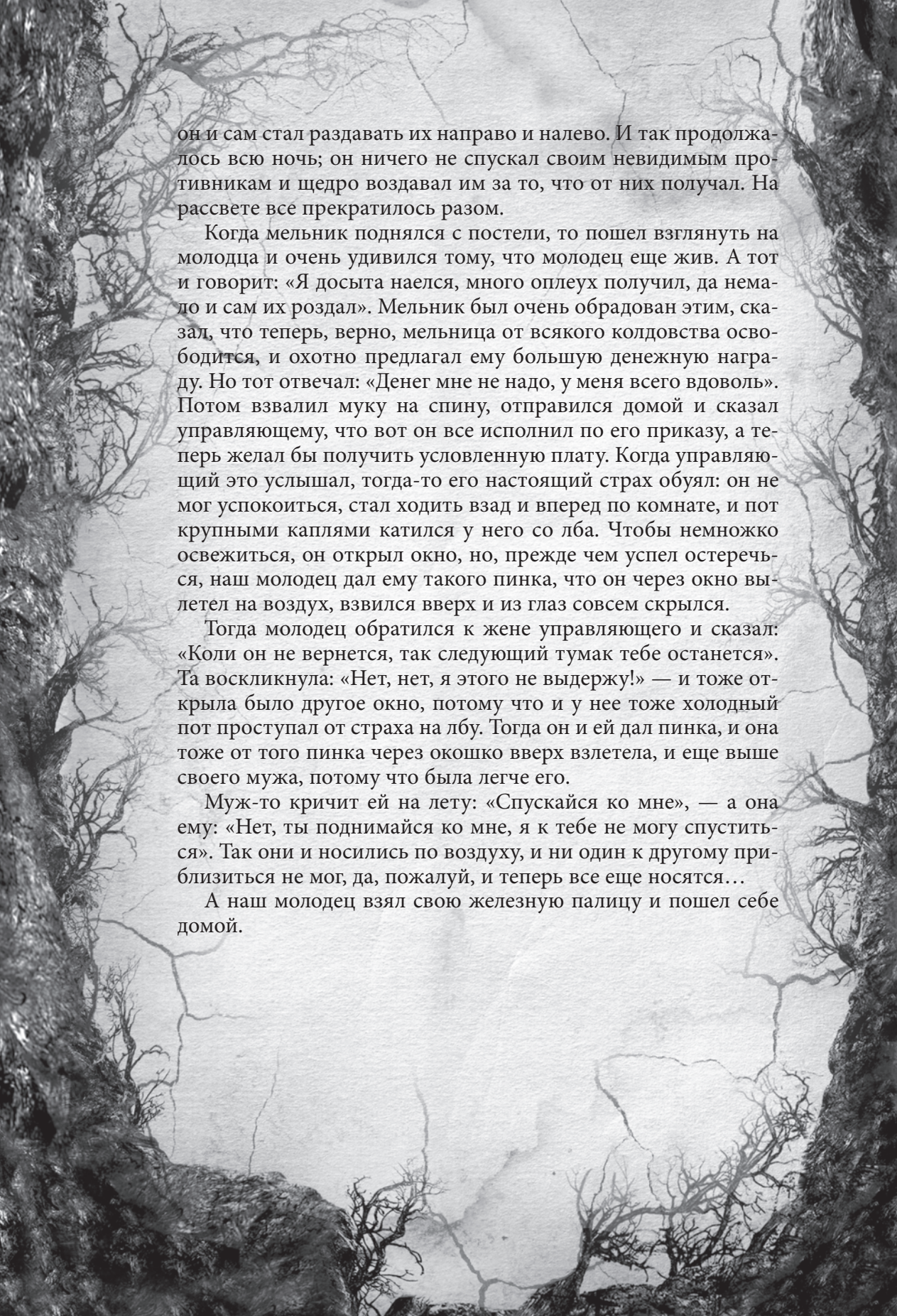
Молодец был голоден, увидел кушанья, тоже уселся за стол, принялся за еду и наелся всласть. Когда он насытился, да и другие тоже очистили блюда свои, он явственно услышал, как кто-то задул все свечи; в комнате стало темно, и вдруг он ощутил на щеке своей нечто вроде оплеухи. «Ну, если еще что-нибудь подобное повторится, — крикнул он, — тогда ведь и я в долгу не останусь!» Получив вторую оплеуху,

«Молодой великан».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Окончив эту работу, он пошел в лес,
вырубал два дуба с корнями, положил их на плечи,
да привесил на них спереди и сзади по бороне и по лошади,
и понес все это, словно охапку соломы,
к родительскому дому...»*

он и сам стал раздавать их направо и налево. И так продолжалось всю ночь; он ничего не спускал своим невидимым противникам и щедро воздавал им за то, что от них получал. На рассвете все прекратилось разом.

Когда мельник поднялся с постели, то пошел взглянуть на молодца и очень удивился тому, что молодец еще жив. А тот и говорит: «Я досыта наелся, много оплеух получил, да немало и сам их роздал». Мельник был очень обрадован этим, сказал, что теперь, верно, мельница от всякого колдовства освободится, и охотно предлагал ему большую денежную награду. Но тот отвечал: «Денег мне не надо, у меня всего вдоволь». Потом взвалил муку на спину, отправился домой и сказал управляющему, что вот он все исполнил по его приказу, а теперь желал бы получить условленную плату. Когда управляющий это услышал, тогда-то его настоящий страх обуял: он не мог успокоиться, стал ходить взад и вперед по комнате, и пот крупными каплями катился у него со лба. Чтобы немножко освежиться, он открыл окно, но, прежде чем успел остеречься, наш молодец дал ему такого пинка, что он через окно вылетел на воздух, взвился вверх и из глаз совсем скрылся.

Тогда молодец обратился к жене управляющего и сказал: «Коли он не вернется, так следующий тумак тебе останется». Та воскликнула: «Нет, нет, я этого не выдержу!» — и тоже открыла было другое окно, потому что и у нее тоже холодный пот проступал от страха на лбу. Тогда он и ей дал пинка, и она тоже от того пинка через окошко вверх взлетела, и еще выше своего мужа, потому что была легче его.

Муж-то кричит ей на лету: «Спускайся ко мне», — а она ему: «Нет, ты поднимайся ко мне, я к тебе не могу спуститься». Так они и носились по воздуху, и ни один к другому приблизиться не мог, да, пожалуй, и теперь все еще носятся...

А наш молодец взял свою железную палицу и пошел себе домой.

Подземный человечек

Жил некогда на свете богатый-пребогатый король, и было у него три дочери, которые каждый день гуляли в саду королевского замка. И вот король, большой любитель всяких плодовых деревьев, сказал им: «Того, кто осмелится сорвать хоть одно яблочко с яблонь, я силою чар упрячу на сто сажен под землю».

Когда пришла осень, покраснелись на одном дереве яблоки, словно кровь.

Королевны ходили каждый день под то дерево и смотрели, не стряхнет ли ветром с него хоть яблочко, так как им отродясь не случалось ни одного яблочка скушать, а между тем на дереве яблок было такое множество, что оно ломилось под их тяжестью, и ветви его висели до самой земли.

Вот и захотелось младшей королевне отведать хоть одно яблочко, и она сказала своим сестрам: «Наш батюшка слишком нас любит, чтобы и над нами исполнить свое заклятие; я думаю, что обещанное им наказание может относиться только к чужим людям». И при этих словах сорвала большое яблоко, подбежала к сестрам и сказала: «Отведайте-ка, милые сестрички, я в жизнь свою еще не едала ничего вкуснее». Тогда и две другие сестрицы откусили от того же яблока по кусочку — и тотчас все три провалились под землю так глубоко, что и петушиного кукареканья не стало им слышно.

Когда наступило время обеда и король собирался сесть за стол, дочек его нигде нельзя было отыскать; сам он их искал и по замку, и по саду, однако же найти никак не мог. Он был так этим опечален, что велел объявить по всей стране: кто отыщет его дочек, тот бери себе любую из них в жены.

Вот и взялось за поиски множество молодых людей, тем более что сестер все любили — они были и ласковы со всеми, и лицом очень красивы.

Среди прочих вышли на поиски и три охотника и, проездив дней восемь, приехали к большому замку; в том замке были красивые покои, и в одном из них был накрыт стол, а на нем поставлено много всяких блюд, которые были еще настолько горячи, что от них пар клубом валил, хотя во всем замке и не видно, и не слышно было ни души человеческой.

Вот прождали они полдня, не смея приняться за эти кушанья, а кушанья все не остывали — пар от них так и валил. Наконец, голод взял свое: они сели за стол и поели, а потом порешили между собою, что останутся на житье в замке и по жребию один будет дома, а двое других — на поисках королевен. Бросили жребий, и выпало старшему оставаться дома...

На другой день двое младших братьев пошли на поиски, а старший остался дома.

В самый полдень пришел к нему маленький-премаленький человечек и попросил у него кусочек хлеба; старший взял хлеб, отрезал ему большой ломоть, и в то время когда он подавал ломоть человечку, тот уронил его и просил юношу ему тот ломоть поднять. Юноша хотел ему оказать и эту услугу, но когда стал нагибаться, человечек вдруг схватил палку и осыпал его ударами.

На другой день остался дома второй брат, и с тем случилось то же самое.

Когда другие два брата вернулись вечером в замок, старший и спросил второго: «Ну, что? Как поживаешь?» — «Ох, хуже и быть нельзя», — ответил второй брат старшему.

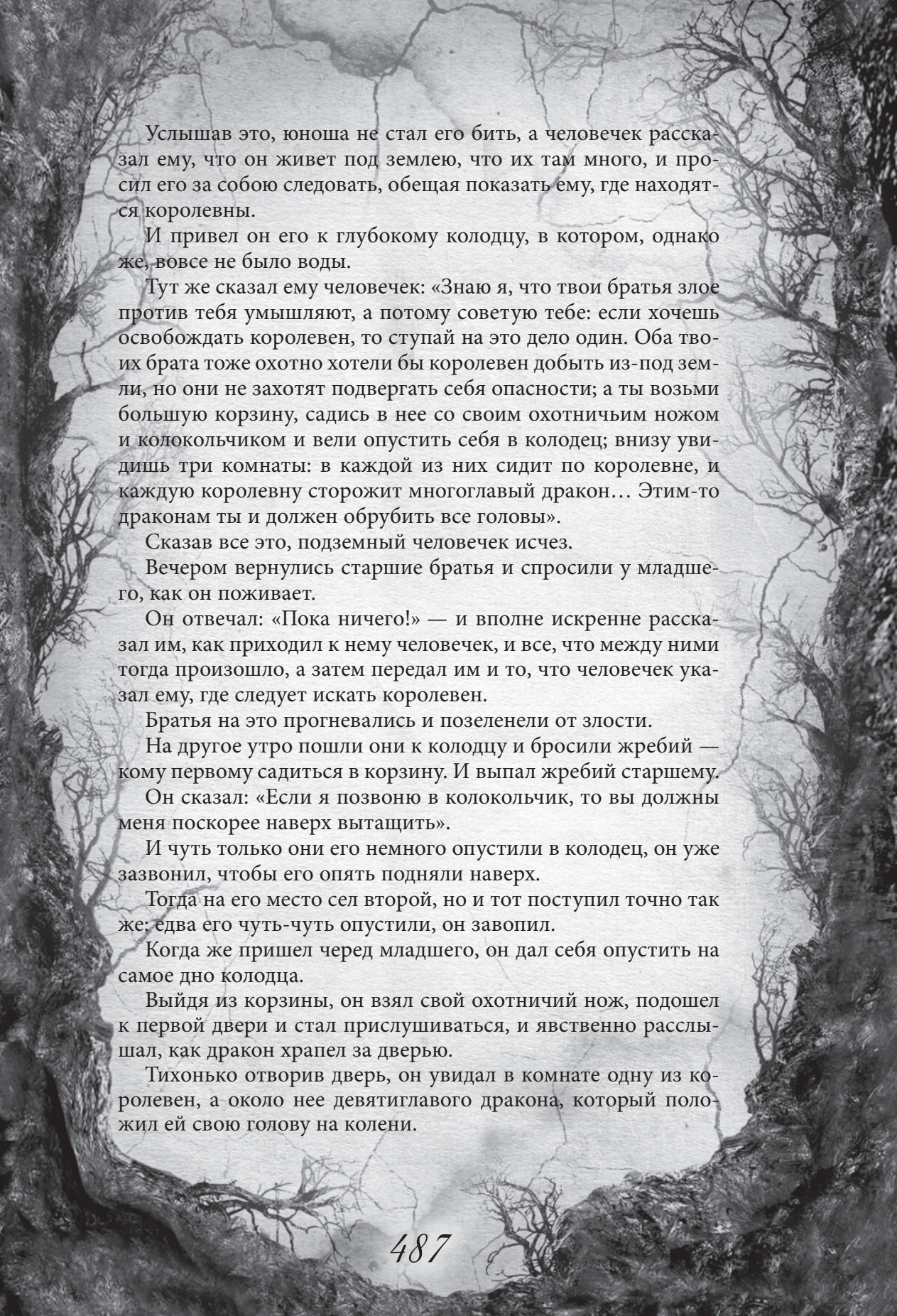
Тут и стали они друг другу жаловаться на то, что с ними случилось; а младшему они о том ничего не сказали, потому что они его терпеть не могли и называли глупым Гансом.

На третий день остался дома младший, и к нему тоже пришел тот же маленький человечек и попросил у него кусок хлеба; младший ему подал, а тот уронил кусок и попросил поднять.

Тогда юноша сказал маленькому человечку: «Что-о? Ты не можешь сам поднять того куска? Если ты для своего насущного хлеба нагнуться не можешь, так тебя им и кормить не стоит».

Человечек озлился, услышав это, и настаивал, что юноша должен поднять ему кусок хлеба; а юноша схватил его за шиворот и порядком поколотил.

Тогда человечек стал кричать: «Не бей, не бей и отпусти меня, тогда я тебе открою, где находятся королевны».

Услышав это, юноша не стал его бить, а человек рассказал ему, что он живет под землею, что их там много, и просил его за собою следовать, обещая показать ему, где находятся королевны.

И привел он его к глубокому колодцу, в котором, однако же, вовсе не было воды.

Тут же сказал ему человек: «Знаю я, что твои братья злое против тебя умышляют, а потому советую тебе: если хочешь освободить королевен, то ступай на это дело один. Оба твоих брата тоже охотно хотели бы королевен добыть из-под земли, но они не захотят подвергать себя опасности; а ты возьми большую корзину, садись в нее со своим охотничьим ножом и колокольчиком и вели опустить себя в колодец; внизу увидишь три комнаты: в каждой из них сидит по королевне, и каждую королевну сторожит многоглавый дракон... Этим-то драконам ты и должен обрубить все головы».

Сказав все это, подземный человек исчез.

Вечером вернулись старшие братья и спросили у младшего, как он поживает.

Он отвечал: «Пока ничего!» — и вполне искренне рассказал им, как приходил к нему человек, и все, что между ними тогда произошло, а затем передал им и то, что человек указал ему, где следует искать королевен.

Братья на это прогневались и позеленели от злости.

На другое утро пошли они к колодцу и бросили жребий — кому первому садиться в корзину. И выпал жребий старшему.

Он сказал: «Если я позвоню в колокольчик, то вы должны меня поскорее наверх вытащить».

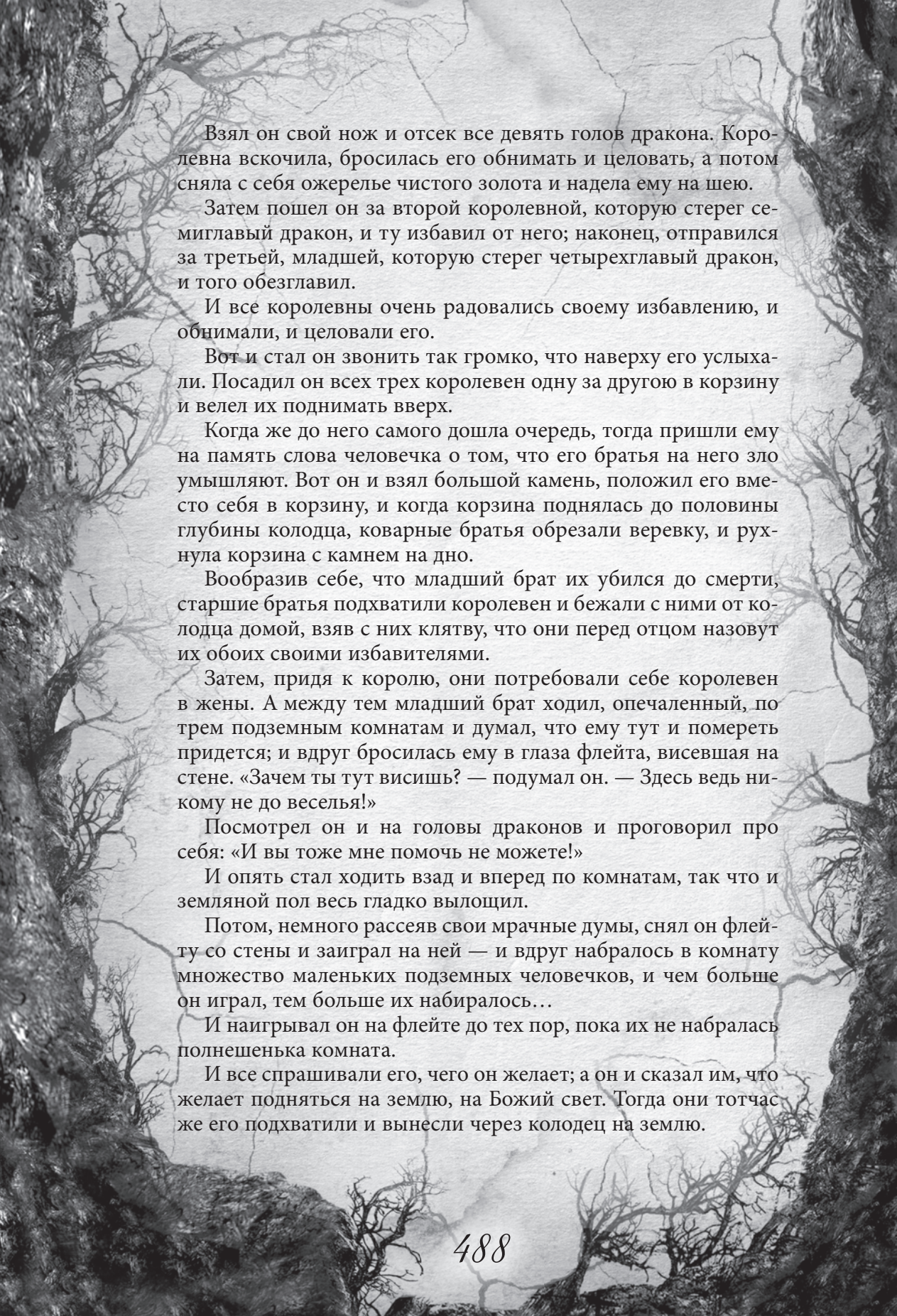
И чуть только они его немного опустили в колодец, он уже зазвонил, чтобы его опять подняли наверх.

Тогда на его место сел второй, но и тот поступил точно так же: едва его чуть-чуть опустили, он завопил.

Когда же пришел черед младшего, он дал себя опустить на самое дно колодца.

Выйдя из корзины, он взял свой охотничий нож, подошел к первой двери и стал прислушиваться, и явственно расслышал, как дракон храпел за дверью.

Тихонько отворив дверь, он увидел в комнате одну из королевен, а около нее девятиглавого дракона, который положил ей свою голову на колени.

Взял он свой нож и отсек все девять голов дракона. Королевна вскочила, бросилась его обнимать и целовать, а потом сняла с себя ожерелье чистого золота и надела ему на шею.

Затем пошел он за второй королевной, которую стерег семиглавый дракон, и ту избавил от него; наконец, отправился за третьей, младшей, которую стерег четырехглавый дракон, и того обезглавил.

И все королевны очень радовались своему избавлению, и обнимали, и целовали его.

Вот и стал он звонить так громко, что наверху его услышали. Посадил он всех трех королевен одну за другою в корзину и велел их поднимать вверх.

Когда же до него самого дошла очередь, тогда пришли ему на память слова человечка о том, что его братья на него злоумышляют. Вот он и взял большой камень, положил его вместо себя в корзину, и когда корзина поднялась до половины глубины колодца, коварные братья обрезали веревку, и рухнула корзина с камнем на дно.

Вообразив себе, что младший брат их убился до смерти, старшие братья подхватили королевен и бежали с ними от колодца домой, взяв с них клятву, что они перед отцом назовут их обоих своими избавителями.

Затем, придя к королю, они потребовали себе королевен в жены. А между тем младший брат ходил, опечаленный, по трем подземным комнатам и думал, что ему тут и помереть придется; и вдруг бросилась ему в глаза флейта, висевшая на стене. «Зачем ты тут висишь? — подумал он. — Здесь ведь никому не до веселья!»

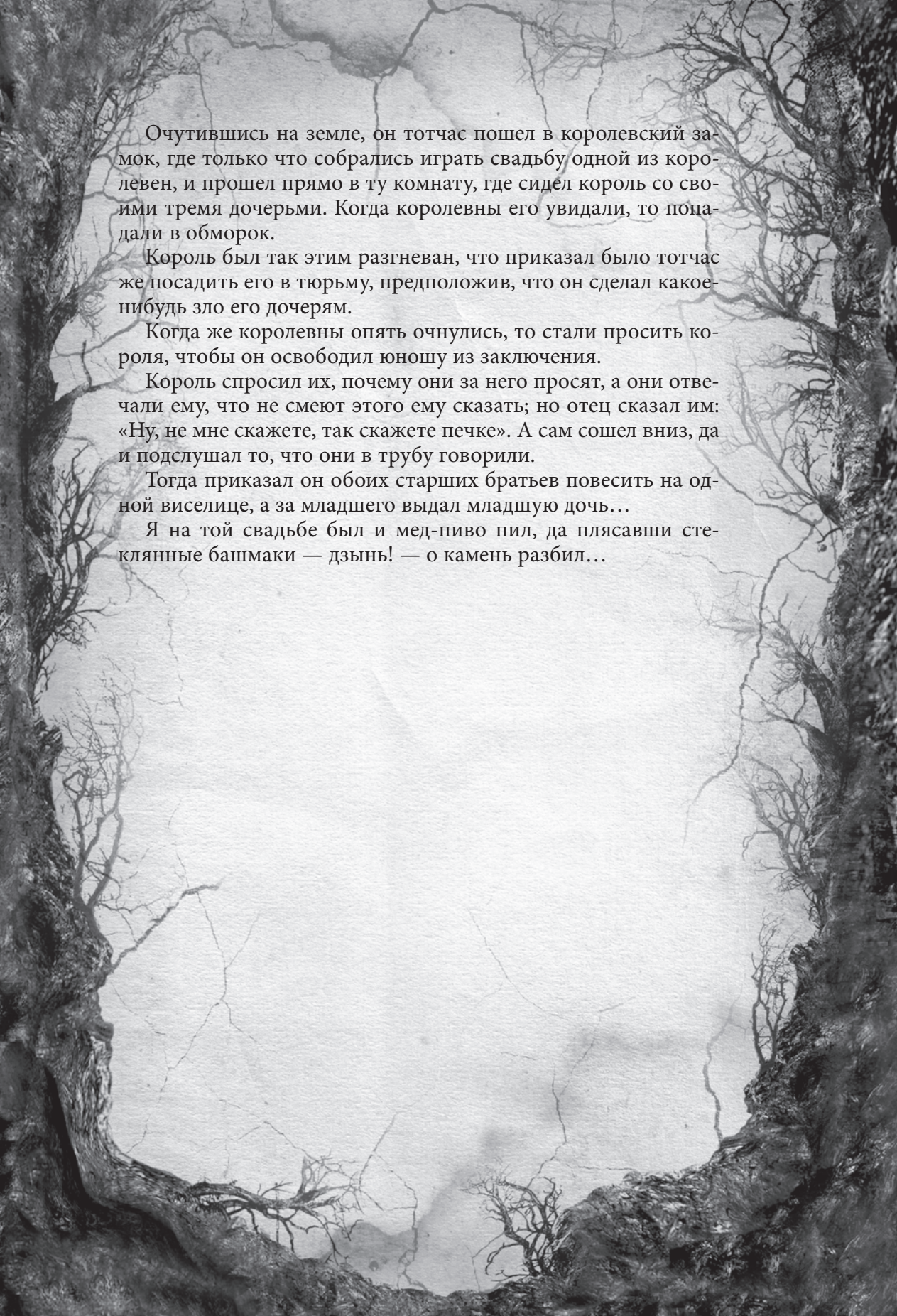
Посмотрел он и на головы драконов и проговорил про себя: «И вы тоже мне помочь не можете!»

И опять стал ходить взад и вперед по комнатам, так что и земляной пол весь гладко вылощил.

Потом, немного рассеяв свои мрачные думы, снял он флейту со стены и заиграл на ней — и вдруг набралось в комнату множество маленьких подземных человечков, и чем больше он играл, тем больше их набиралось...

И наигрывал он на флейте до тех пор, пока их не набралась полнешенька комната.

И все спрашивали его, чего он желает; а он и сказал им, что желает подняться на землю, на Божий свет. Тогда они тотчас же его подхватили и вынесли через колодец на землю.

Очутившись на земле, он тотчас пошел в королевский замок, где только что собрались играть свадьбу одной из королевен, и прошел прямо в ту комнату, где сидел король со своими тремя дочерьми. Когда королевны его увидели, то попали в обморок.

Король был так этим разгневан, что приказал было тотчас же посадить его в тюрьму, предположив, что он сделал какое-нибудь зло его дочерям.

Когда же королевны опять очнулись, то стали просить короля, чтобы он освободил юношу из заключения.

Король спросил их, почему они за него просят, а они отвечали ему, что не смеют этого ему сказать; но отец сказал им: «Ну, не мне скажете, так скажете печке». А сам сошел вниз, да и подслушал то, что они в трубу говорили.

Тогда приказал он обоим старшим братьев повесить на одной виселице, а за младшего выдал младшую дочь...

Я на той свадьбе был и мед-пиво пил, да плясавши стеклянные башмаки — дзынь! — о камень разбил...

Король с золотой горы

У одного купца было двое детей — мальчик и девочка, оба еще маленькие, даже и ходить еще не умели. В то время случилось, что плыли по морю два его корабля с дорогим грузом, и все его достояние было на тех кораблях, и как раз тогда, когда уж он рассчитывал на большие барыши от их груза, пришла весть, что те оба корабля потонули.

И вот из богача он стал бедняком, и не осталось у него ничего, кроме небольшого поля под городом.

Чтобы немного развеять мрачные думы свои о постигнувшем его несчастье, вышел он на свое поле и стал ходить по нему взад и вперед...

Вдруг увидел около себя небольшого черного человечка, который спросил его, почему он так печален и что щемит его сердце.

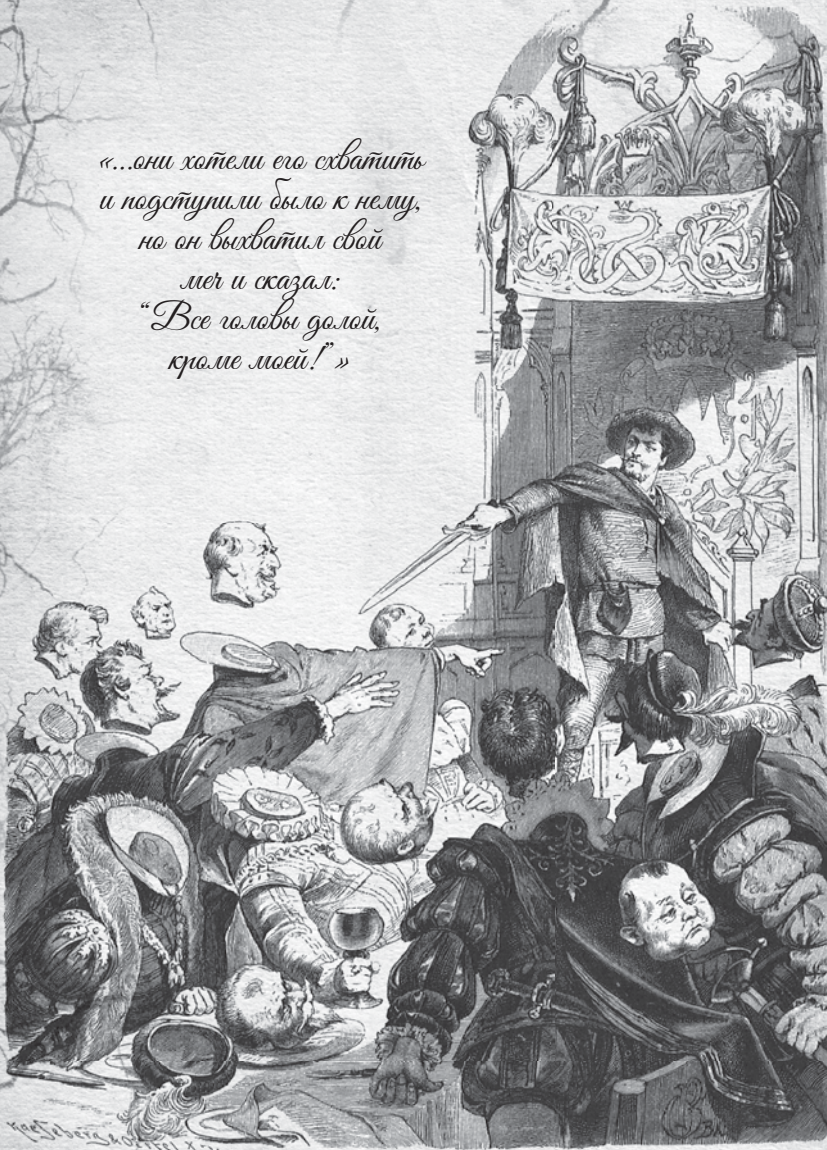
Тогда купец сказал ему: «Кабы ты мог помочь мне, я бы сказал тебе, в чем мое горе». — «Кто знает, — отвечал черный человечек, — может быть, я и сумею тебе помочь, так что расскажи, в чем твое горе, а там посмотрим».

Тут и рассказал ему купец, что все его богатство погибло на море, и ничего у него не осталось, кроме этого поля. «Не тревожься, — сказал человечек, — если ты пообещаешь мне сюда же привести через двенадцать лет то, что по приходе домой первое ткнется тебе под ноги, то в деньгах у тебя не будет недостатка».

Купец подумал: «Да что же это может быть, как не собака моя?» — а о своих малых детках и не подумал; согласился на предложение черного человечка, выдал ему расписку и печатью ее скрепил, да и пошел домой.

Когда он пришел домой, его маленький сынишка так ему обрадовался, что, держась за скамейки, приковылял к нему и крепко ухватил его за ноги.

«...они хотели его схватить
и подошли было к нему,
но он выхватил свой
меч и сказал:
“Все головы давай,
кроме моей!”»

«Король с Золотой горы».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Тут отец перепугался, сообразив, какое он дал обещание и письменное обязательство.

Но, впрочем, не находя еще нигде денег в своих сундуках и ящиках, он утешал себя мыслью, что черный человечек хотел только подшутить над ним.

Месяц спустя пошел он как-то на чердак поискать старого свинца на продажу и вдруг увидел там большую грудку денег.

Дела его благодаря этой находке опять поправились, он стал делать большие закупки, повел свои торговые дела еще шире прежнего, а на Бога и рукой махнул.

А между тем мальчик подрастал и выказывал себя умным и способным.

И чем более приближался к концу двенадцатилетний срок, тем озабоченнее становился купец и даже скрыть не мог опасений, выражавшихся на лице его.

Вот и спросил его однажды сын, чем он так озабочен. Сначала отец не хотел говорить ему, но сын продолжал у него допытываться до тех пор, пока тот не рассказал ему, что пообещал его отдать (сам не сознавая, что он обещает) какому-то черному человечку и получил за это грудку денег. «Обещание свое, — сказал отец, — я скрепил распиской и печатью, и вот теперь, по истечении двенадцати лет, должен тебя выдать ему».

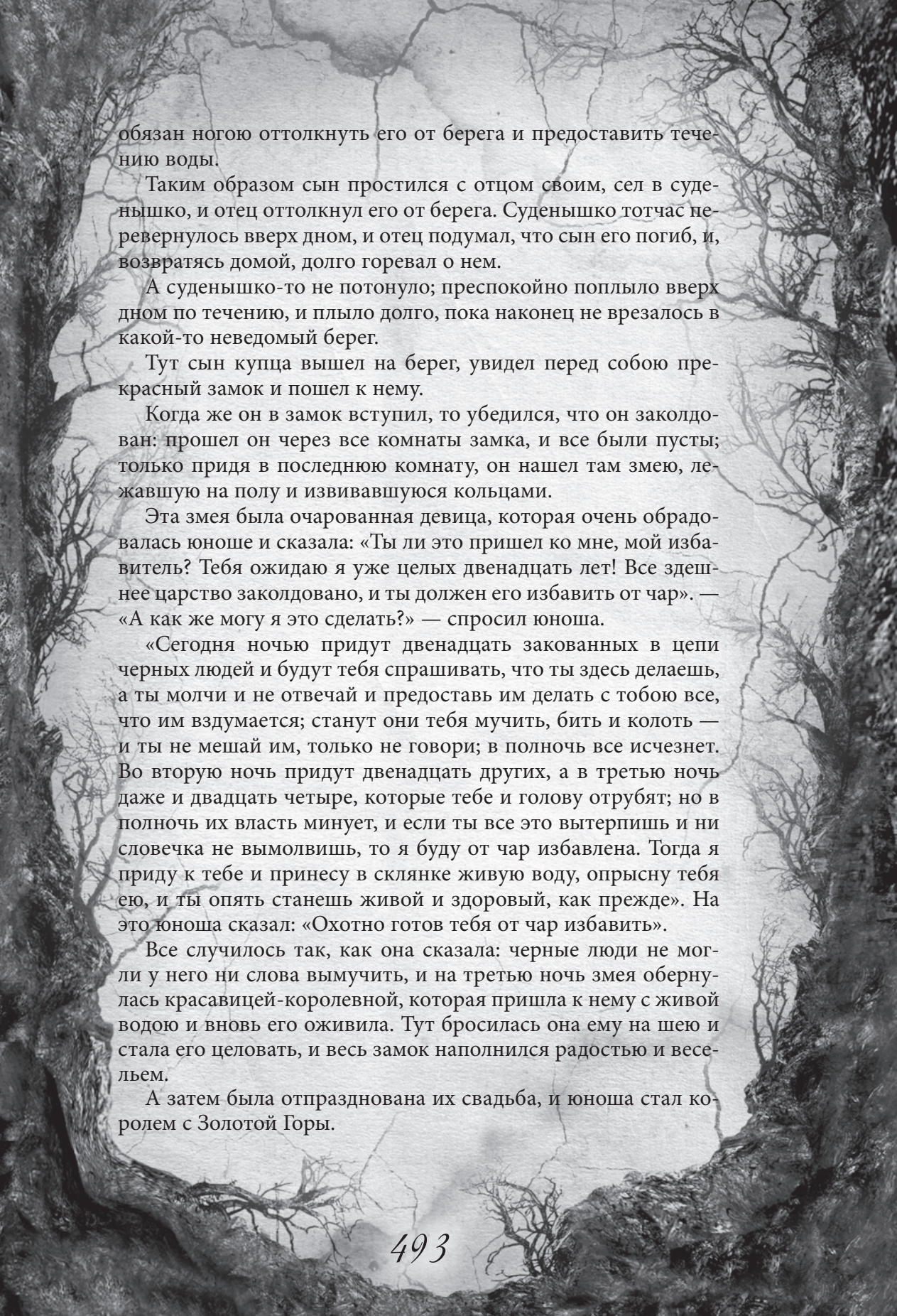
Сын отвечал отцу: «Батюшка, уж вы не беспокойтесь, все устроится к лучшему — черный человечек не может иметь надо мною никакой власти».

Сын испросил себе благословение у священника, и когда пришел час его выдачи, он вместе с отцом вышел в поле, очертил круг и стал внутрь его с отцом.

Черный человечек явился и спросил отца: «Ну, привел ли ты с собою то, что мне обещал?» Тот молчал; а сын спросил: «Чего тебе здесь надо?» — «Не с тобою я говорю, — сказал черный человечек, — а с твоим отцом».

Но сын продолжал: «Ты моего отца обманул и соблазнил — выдай мне его расписку!» — «Нет, — отвечал черный человечек, — я своего права не уступлю».

Так они еще долго между собою переговаривались, наконец сговорились на том, что сын, который отныне принадлежал уже не отцу, а исконному врагу человеческого рода, должен сесть в суденышко, спущенное на текущую воду; отец же

обязан ногою оттолкнуть его от берега и предоставить течению воды.

Таким образом сын простился с отцом своим, сел в суденышко, и отец оттолкнул его от берега. Суденышко тотчас перевернулось вверх дном, и отец подумал, что сын его погиб, и, возвратясь домой, долго горевал о нем.

А суденышко-то не потонуло; преспокойно поплыло вверх дном по течению, и плыло долго, пока наконец не врезалось в какой-то неведомый берег.

Тут сын купца вышел на берег, увидел перед собою прекрасный замок и пошел к нему.

Когда же он в замок вступил, то убедился, что он заколдован: прошел он через все комнаты замка, и все были пусты; только придя в последнюю комнату, он нашел там змею, лежавшую на полу и извивавшуюся кольцами.

Эта змея была очарованная девица, которая очень обрадовалась юноше и сказала: «Ты ли это пришел ко мне, мой избавитель? Тебя ожидаю я уже целых двенадцать лет! Все здешнее царство заколдовано, и ты должен его избавить от чар». — «А как же могу я это сделать?» — спросил юноша.

«Сегодня ночью придут двенадцать закованных в цепи черных людей и будут тебя спрашивать, что ты здесь делаешь, а ты молчи и не отвечай и предоставь им делать с тобою все, что им вздумается; станут они тебя мучить, бить и колоть — и ты не мешай им, только не говори; в полночь все исчезнет. Во вторую ночь придут двенадцать других, а в третью ночь даже и двадцать четыре, которые тебе и голову отрубят; но в полночь их власть минует, и если ты все это выдержишь и ни словечка не вымолвишь, то я буду от чар избавлена. Тогда я приду к тебе и принесу в склянке живую воду, опрысну тебя ею, и ты опять станешь живой и здоровый, как прежде». На это юноша сказал: «Охотно готов тебя от чар избавить».

Все случилось так, как она сказала: черные люди не могли у него ни слова вымучить, и на третью ночь змея обернулась красавицей-королевой, которая пришла к нему с живой водою и вновь его оживила. Тут бросилась она ему на шею и стала его целовать, и весь замок наполнился радостью и весельем.

А затем была отпразднована их свадьба, и юноша стал королем с Золотой Горы.

Так жили они в полном довольстве, и королева родила красивого мальчика.

Минуло восемь лет, и вдруг вспомнился королю его отец, и истосковалось по отцу его сердце, и пожелал он его навестить. Королева не хотела мужа отпускать и говорила: «Уж я знаю, что эта поездка принесет мне несчастье!» — но он до тех пор упраскивал ее, пока она не согласилась.

При прощанье дала она ему волшебное кольцо и сказала: «Возьми это кольцо; стоит только надеть его на палец, и ты тотчас очутишься там, где пожелаешь; но только ты должен мне обещать, что ты не воспользуешься им, чтобы меня насильно вызвать к отцу твоему».

Он ей это обещал, надел кольцо на палец и пожелал очутиться перед тем городом, где жил его отец.

В одно мгновение он там и очутился, и хотел войти в город; но когда пришел к городским воротам, стража не захотела его впускать, потому что одежда была на нем какая-то странная, хоть и богатая и красивая.

Тогда он пошел на соседнюю гору, где пастух пас овец, обменялся с ним одеждой и, надев старое пастушье платье, беспреткновенно проник в город.

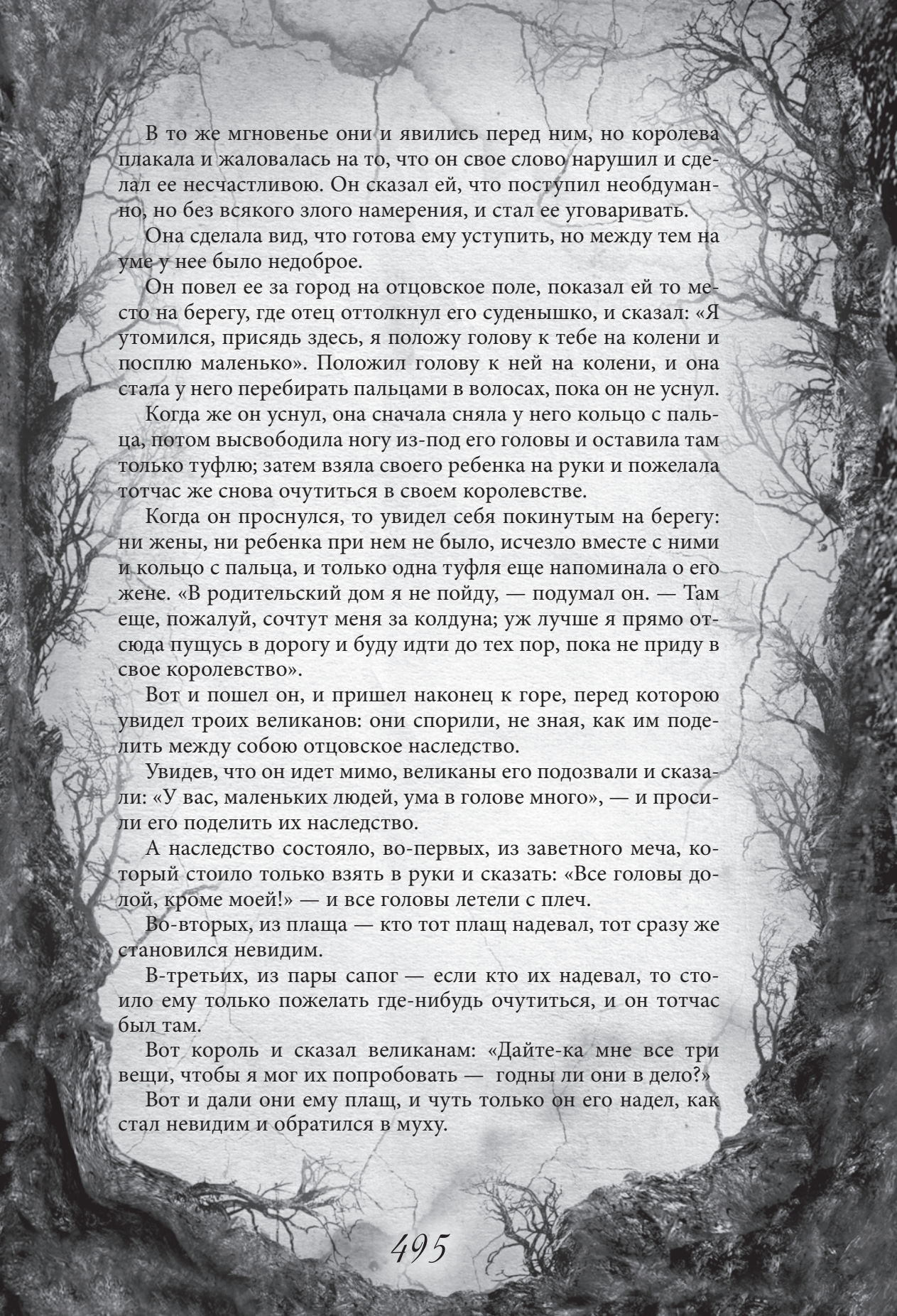
Когда он пришел к своему отцу, то объявил ему, что он его сын; но тот этому не хотел верить и сказал, что у него точно был сын, но уже давным-давно умер. «Но так как я вижу, — добавил отец, — что ты бедняк-пастух, то я могу тебя накормить».

Тогда мнимый пастух сказал своим родителям: «Истинно говорю вам, что я ваш сын, да и неужели же вы не знаете никакого знака на моем теле, по которому вы могли бы меня узнать?» — «Да, — сказала мать, — у нашего сына была крупная родинка под правою мышкою».

Он засучил рукав рубашки, они увидели у него под правою мышкою родинку и уже не сомневались более в том, что он их сын. Затем рассказал он им, что он — король с Золотой Горы и что женат на королевне и сын у них есть, семилетний мальчик.

Отец сказал на это: «Ну, этому уж я никак не поверю: хорош король, одетый в рваную пастушью одежду!»

Тогда сын рассердился и, позабыв свое обещание, повернул волшебное кольцо кругом пальца и пожелал, чтобы его жена и сын немедленно к нему явились.

В то же мгновение они и явились перед ним, но королева плакала и жаловалась на то, что он свое слово нарушил и сделал ее несчастливою. Он сказал ей, что поступил необдуманно, но без всякого злого намерения, и стал ее уговаривать.

Она сделала вид, что готова ему уступить, но между тем на уме у нее было недоброе.

Он повел ее за город на отцовское поле, показал ей то место на берегу, где отец оттолкнул его суденышко, и сказал: «Я утомился, присядь здесь, я положу голову к тебе на колени и посплю маленько». Положил голову к ней на колени, и она стала у него перебирать пальцами в волосах, пока он не уснул.

Когда же он уснул, она сначала сняла у него кольцо с пальца, потом высвободила ногу из-под его головы и оставила там только туфлю; затем взяла своего ребенка на руки и пожелала тотчас же снова очутиться в своем королевстве.

Когда он проснулся, то увидел себя покинутым на берегу: ни жены, ни ребенка при нем не было, исчезло вместе с ними и кольцо с пальца, и только одна туфля еще напоминала о его жене. «В родительский дом я не пойду, — подумал он. — Там еще, пожалуй, сочтут меня за колдуна; уж лучше я прямо отсюда пушусь в дорогу и буду идти до тех пор, пока не приду в свое королевство».

Вот и пошел он, и пришел наконец к горе, перед которою увидел троих великанов: они спорили, не зная, как им поделить между собою отцовское наследство.

Увидев, что он идет мимо, великаны его подозвали и сказали: «У вас, маленьких людей, ума в голове много», — и просили его поделить их наследство.

А наследство состояло, во-первых, из заветного меча, который стоило только взять в руки и сказать: «Все головы долой, кроме моей!» — и все головы летели с плеч.

Во-вторых, из плаща — кто тот плащ надевал, тот сразу же становился невидим.

В-третьих, из пары сапог — если кто их надевал, то стоило ему только пожелать где-нибудь очутиться, и он тотчас был там.

Вот король и сказал великанам: «Дайте-ка мне все три вещи, чтобы я мог их попробовать — годны ли они в дело?»

Вот и дали они ему плащ, и чуть только он его надел, как стал невидим и обратился в муху.

Затем он опять принял свой прежний вид и сказал: «Плащ хорош; теперь дайте мне меч испробовать».

Великаны отвечали: «Нет! Меча мы тебе не дадим. Ведь стоит только тому, кто владеет мечом, сказать: “Все головы долой, кроме моей!” — так и полетят все головы, и только у одного владельца меча голова на плечах уцелеет».

Однако же потом дали ему и меч, но с тем условием, чтобы он испытал его силу над стволом дерева.

Так он и сделал, и меч рассек огромное толстое дерево легко, как соломинку.

Затем хотел он испробовать и сапоги, но великаны опять заговорили: «Нет, их не выпустим из рук! Ведь если ты их наденешь да пожелаешь очутиться на вершине горы, то нам придется здесь остаться с пустыми руками». — «Нет, — сказал король, — этого я не сделаю».

Дали они ему, наконец, и сапоги.

Когда все три вещи очутились у него в руках, то он тотчас подумал о своей жене и ребенке и сказал про себя: «Ах, если бы я мог быть теперь у себя, на Золотой Горе!»

И тотчас исчез он из глаз великанов, и таким образом было поделено их наследство.

Подойдя к своему замку, король услышал радостные клики, звуки скрипок и флейт, и встречные люди сообщили ему, что его супруга празднует свою свадьбу с другим.

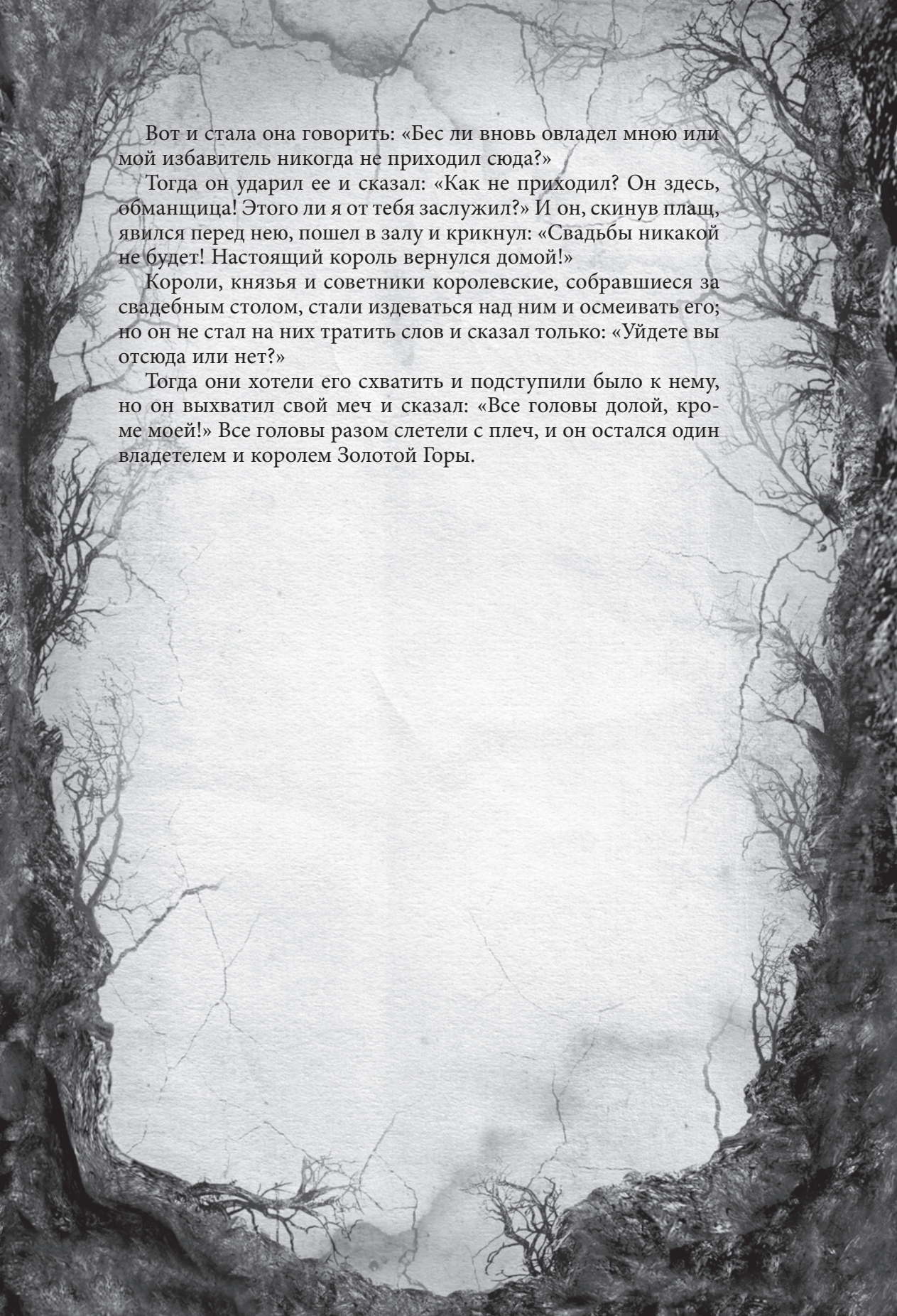
Тогда король разгневался и сказал: «А, коварная! Она меня обманула и покинула, в то время как я заснул!» Тут он надел свой плащ и вступил в замок невидимкой.

Когда он вошел в залу, то увидел большой стол, заставленный дорогими кушаньями; за столом сидело много гостей, которые ели и пили, смеялись и шутили.

А его супруга, разряженная, сидела среди гостей на королевском троне, увенчанная короною. Он стал позади нее, никому не видимый.

Когда ей клали на тарелку кусок мяса, он то мясо брал у нее с тарелки и съедал; а когда ей подносили стакан вина, он брал тот стакан и выпивал вино...

Сколько ей ни давали, у нее все ничего не было, и ее стаканы и тарелки исчезали мгновенно. Это ее поразило и пристыдило; она встала из-за стола, ушла в свою комнату и стала плакать, а он последовал за нею.

Вот и стала она говорить: «Бес ли вновь овладел мною или мой избавитель никогда не приходил сюда?»

Тогда он ударил ее и сказал: «Как не приходил? Он здесь, обманщица! Этого ли я от тебя заслужил?» И он, скинув плащ, явился перед нею, пошел в залу и крикнул: «Свадьбы никакой не будет! Настоящий король вернулся домой!»

Короли, князья и советники королевские, собравшиеся за свадебным столом, стали издеваться над ним и осмеивать его; но он не стал на них тратить слов и сказал только: «Уйдете вы отсюда или нет?»

Тогда они хотели его схватить и подступили было к нему, но он выхватил свой меч и сказал: «Все головы долой, кроме моей!» Все головы разом слетели с плеч, и он остался один владетелем и королем Золотой Горы.

Ворониха

Жила-была на свете королева, и была у нее маленькая дочка, которую еще на руках носили. Случилось однажды, что дитя расшалилось, и что ни говорила ей мать, она не унималась.

Это очень сильно раздосадовало королеву, и так как много воронов кругом замка летало, то она открыла окно и сказала в раздражении: «Хоть бы ты в ворона обратилась да улетела, так мне бы, по крайней мере, покой был!»

Едва только она произнесла эти слова, как ее дочка обратилась в ворониху и прямо с рук ее вылетела в окно.

Полетела она в дремучий лес и долго там оставалась, а родители ее ничего о ней не знали.

Зашел однажды в тот лес прохожий молодец, услышал, что ворон его кличет, и пошел на голос.

Когда он подошел поближе, ворониха сказала ему: «Я рождению королевна, и меня заколдовали; но ты можешь меня от чар избавить». — «Что же я должен сделать для этого?» — «А вот ступай глубже в лес и увидишь избушку, а в ней старушку, которая будет тебе предлагать и еду, и питье, но ты ничего не принимай! Если что-нибудь съешь или выпьешь, то на тебя нападет сон и ты меня уже не сможешь избавить. В саду, позади избушки, большая куча хворосту, на ней должен ты стоять и меня ожидать. Три дня кряду я буду туда приезжать в два часа пополудни в повозке, которая сначала будет запряжена четырьмя белыми жеребцами, потом четырьмя рыжими и наконец четырьмя черными; но если ты во время моих приездов будешь спать, а не бодрствовать, то я не буду избавлена от чар».

Прохожий обещал все исполнить по ее желанию; но ворониха все же сказала: «Ах, уж я знаю, что ты не избавишь меня от чар, ты что-нибудь примешь от этой старухи».

«Ворониха».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Но этот замок стоял на стеклянной горе,
и заколдованная королевна то ездila вокруг замка в своей повозке,
то въезжала в замок. Увидев ее, молодец обрадовался
и хотел к ней по горе навверх взобраться, но при каждой попытке
влезть на гору соскальзывал вниз с ее стеклянных скатов...»*

Тогда он еще раз обещал ей и действительно не хотел прикасаться ни к чему — ни из еды, ни из питья.

Когда же он вошел в избушку, старуха подошла к нему и сказала: «Ах, ты, бедненький, какой ты изморенный, иди-ка да подкрепись, поешь и попей!» — «Нет, — сказал прохожий, — я ничего не хочу ни есть, ни пить». Но она от него не отставала и сказала: «Ну, уж если есть не хочешь, так хлебни разок из стаканчика, один раз не в счет!» Вот он и дал себя уговорить и попил.

В два часа пополудни вышел он в сад и хотел выждать приезда воронихи.

В то время как он там стоял, он вдруг почувствовал такое утомление, что не мог себя преодолеть и прилег немного отдохнуть, а спать ни в коем случае не хотел.

Но едва он вытянулся на траве, как глаза у него сомкнулись сами собою, и он заснул, да так крепко, что ничто на свете не могло бы его пробудить.

Ровно в два часа приехала ворониха на четверке белых коней, но она была уже глубоко опечалена и говорила: «Я вперед знаю, что он спит». И когда она пришла в сад, то действительно увидела его спящим. Она вышла из повозки, подошла к нему, стала его звать и трясти за плечо, но он не проснулся.

На другой день около полудня старуха пришла снова и принесла ему еду и питье, но он ничего не хотел принимать. Однако же она не дала ему покоя и уговаривала его до тех пор, пока он не приложился к стакану.

Около двух часов пошел он в сад, на то же место, собираясь ожидать ворониху, и вдруг опять почувствовал такое большое утомление, что на ногах удержаться не мог.

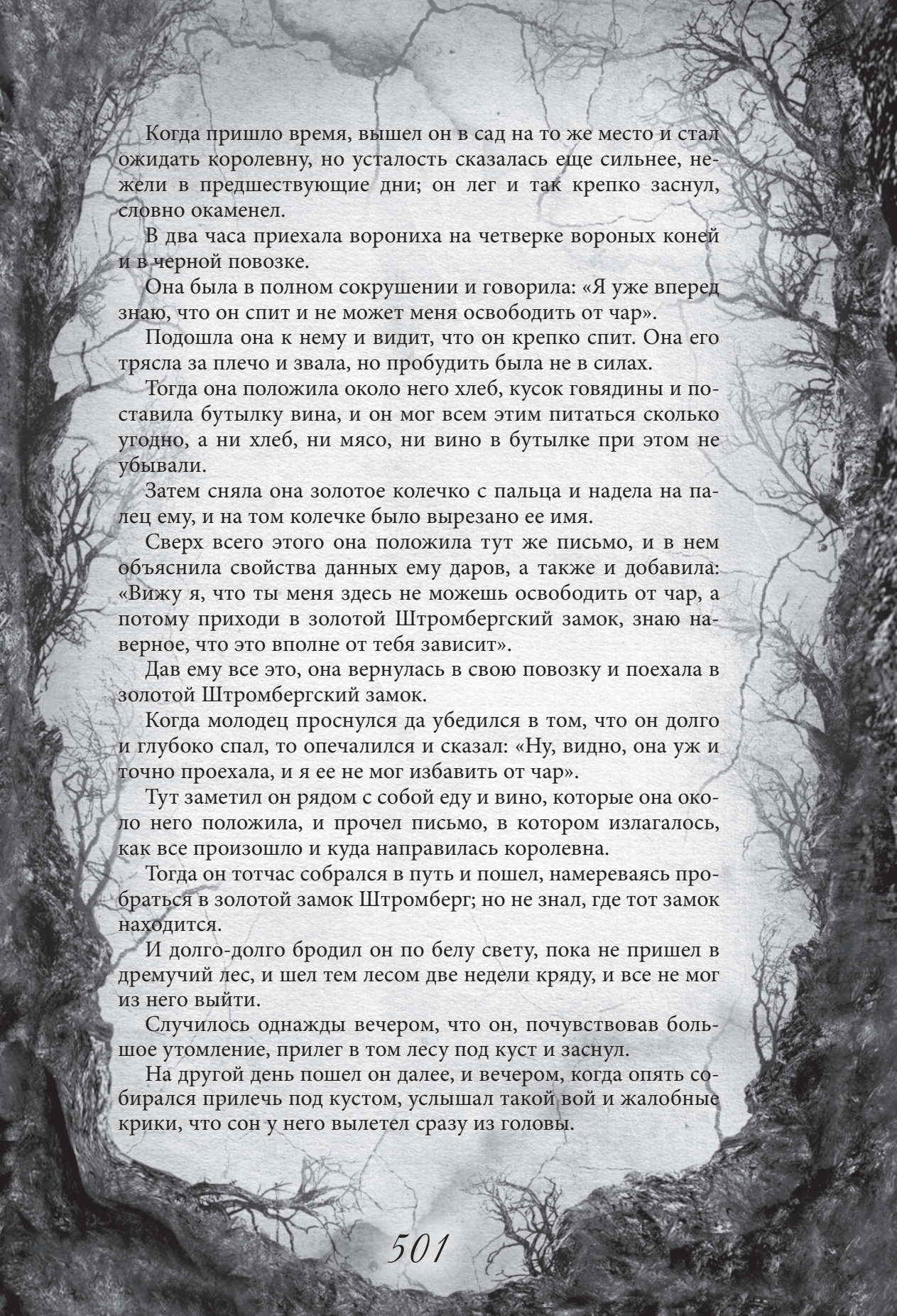
Он не мог совладать с собою, должен был прилечь и погрузился в непробудный сон.

Когда приехала ворониха на своей четверке рыжих коней, она была уже глубоко опечалена и сказала: «Я вперед знаю, что он спит».

Подошла королевна к нему, будила его изо всех сил, но разбудить его было невозможно.

На другой день старуха стала его спрашивать, почему он ничего не ест и не пьет или он хочет уморить себя голодом? Он отвечал: «Я не хочу и не могу ничего ни есть, ни пить».

Однако же она поставила перед ним блюдо с кушаньем и стакан вина, и когда он почувал запах всего этого, то не мог противиться желанию и отхлебнул большой глоток из стакана.

Когда пришло время, вышел он в сад на то же место и стал ожидать королевну, но усталость сказалась еще сильнее, нежели в предшествующие дни; он лег и так крепко заснул, словно окаменел.

В два часа приехала ворониха на четверке вороных коней и в черной повозке.

Она была в полном сокрушении и говорила: «Я уже вперед знаю, что он спит и не может меня освободить от чар».

Подошла она к нему и видит, что он крепко спит. Она его трясла за плечо и звала, но пробудить была не в силах.

Тогда она положила около него хлеб, кусок говядины и поставила бутылку вина, и он мог всем этим питаться сколько угодно, а ни хлеб, ни мясо, ни вино в бутылке при этом не убывали.

Затем сняла она золотое колечко с пальца и надела на палец ему, и на том колечке было вырезано ее имя.

Сверх всего этого она положила тут же письмо, и в нем объяснила свойства данных ему даров, а также и добавила: «Вижу я, что ты меня здесь не можешь освободить от чар, а потому приходи в золотой Штромбергский замок, знаю наверное, что это вполне от тебя зависит».

Дав ему все это, она вернулась в свою повозку и поехала в золотой Штромбергский замок.

Когда молодец проснулся да убедился в том, что он долго и глубоко спал, то опечалился и сказал: «Ну, видно, она уж и точно проехала, и я ее не мог избавить от чар».

Тут заметил он рядом с собой еду и вино, которые она около него положила, и прочел письмо, в котором излагалось, как все произошло и куда направилась королевна.

Тогда он тотчас собрался в путь и пошел, намереваясь пробраться в золотой замок Штромберг; но не знал, где тот замок находится.

И долго-долго бродил он по белу свету, пока не пришел в дремучий лес, и шел тем лесом две недели кряду, и все не мог из него выйти.

Случилось однажды вечером, что он, почувствовав большое утомление, прилег в том лесу под куст и заснул.

На другой день пошел он далее, и вечером, когда опять собирался прилечь под кустом, услышал такой вой и жалобные крики, что сон у него вылетел сразу из головы.

И когда наступило время, в которое обыкновенно зажигают в домах свечи, он вдруг увидел как будто свечечку, мерцавшую в темноте, тотчас поднялся и пошел на огонек. Таким образом подошел он к дому, который казался невелик только потому, что перед входом в него стояла великанша.

Вот и подумал он про себя: «Если прямо в дом войду, меня заметит эта великанша, и легко можно за это и жизнью заплатиться». Однако все же решился и вступил в дом.

Увидев его, великанша сказала: «Вот и хорошо, что ты пришел, потому что я давно уже не ела, а теперь тобою и поужинаю». — «Оставь эти мысли, — сказал молодец, — даром съест себя я не дам; и коли ты есть хочешь, так у меня найдется, чем тебя накормить». — «Если ты правду говоришь, — сказала великанша, — так можешь быть насчет себя спокоен; ведь я хотела тебя съест только потому, что нет у меня ничего другого в запасе».

Вот сели они за стол, и молодец вынул свой запас хлеба, вина и мяса, который никогда не истощался. «Недурно!» — заметила великанша и наелась вволю.

Затем молодец спросил у нее, не знает ли она, где стоит золотой замок Штромберг. «А вот посмотрю на своей ландкарте: на ней все города, деревни и поселки обозначены».

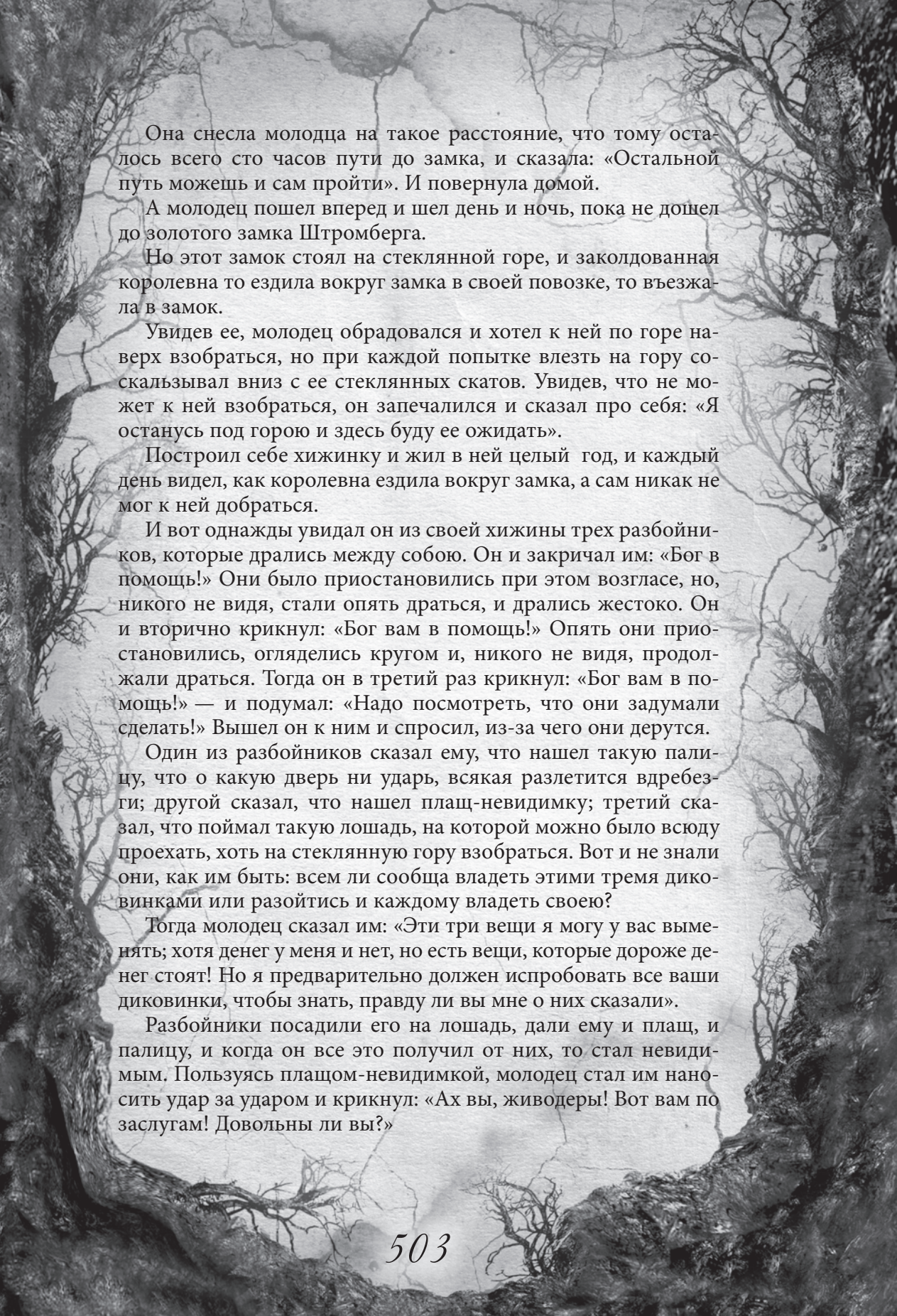
Притащила ландкарту, стала искать на ней замок и не нашла. «Это пустыки! — сказала она. — Наверху у меня есть ландкарты побольше этой; на них поищем». Но и там искали напрасно.

Добрый молодец собирался дальше идти, но великанша попросила его еще два денька обождать, пока вернется ее брат, отправившийся на поиски съестного.

Вернулся и брат домой, и его он спросил насчет золотого Штромбергского замка, и тот отвечал: «А вот поем досыта, так поищу на карте».

После еды пошел с ними в свою комнату, искали все вместе на его ландкарте и не могли сыскать; вытащил он затем и другие, старые карты, и на них они продолжали искать, пока не нашли замка, но оказалось, что до него еще остается много тысяч верст пути.

«Как же я туда дойду?» — спросил молодец. А великанша сказала ему: «У меня есть два часа времени, так я тебя снесу туда, поближе к замку, а затем опять должна домой поспешить, кормить грудью ребенка нашего».

Она снесла молодца на такое расстояние, что тому осталось всего сто часов пути до замка, и сказала: «Остальной путь можешь и сам пройти». И повернула домой.

А молодец пошел вперед и шел день и ночь, пока не дошел до золотого замка Штромберга.

Но этот замок стоял на стеклянной горе, и заколдованная королевна то ездila вокруг замка в своей повозке, то въезжала в замок.

Увидев ее, молодец обрадовался и хотел к ней по горе наверх взобраться, но при каждой попытке влезть на гору соскальзывал вниз с ее стеклянных скатов. Увидев, что не может к ней взобраться, он запечалился и сказал про себя: «Я останусь под горою и здесь буду ее ожидать».

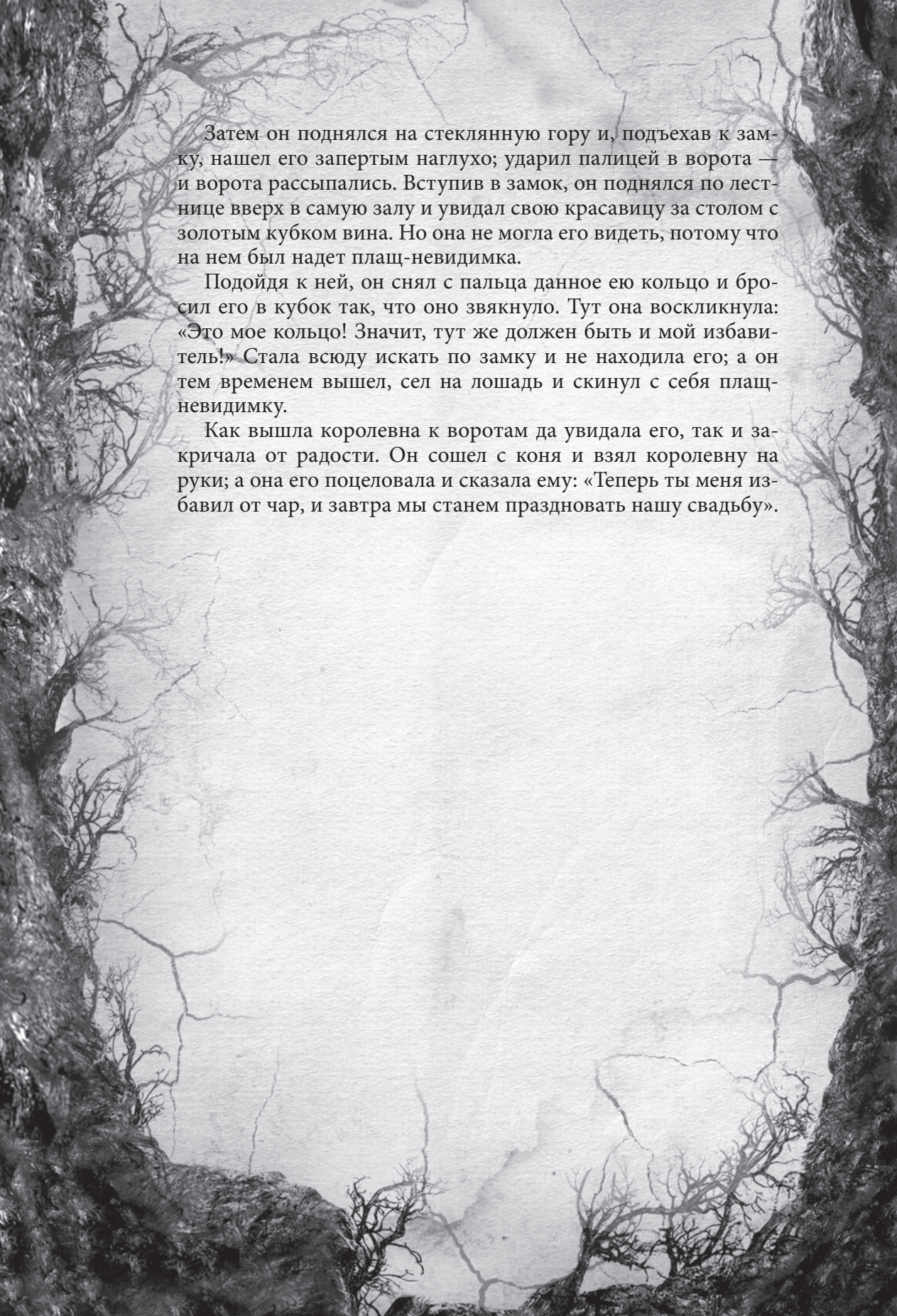
Построил себе хижинку и жил в ней целый год, и каждый день видел, как королевна ездila вокруг замка, а сам никак не мог к ней добраться.

И вот однажды увидел он из своей хижины трех разбойников, которые дрались между собою. Он и закричал им: «Бог в помощь!» Они было приостановились при этом возгласе, но, никого не видя, стали опять драться, и дрались жестоко. Он и вторично крикнул: «Бог вам в помощь!» Опять они приостановились, огляделись кругом и, никого не видя, продолжали драться. Тогда он в третий раз крикнул: «Бог вам в помощь!» — и подумал: «Надо посмотреть, что они задумали сделать!» Вышел он к ним и спросил, из-за чего они дерутся.

Один из разбойников сказал ему, что нашел такую палицу, что о какую дверь ни ударь, всякая разлетится вдребезги; другой сказал, что нашел плащ-невидимку; третий сказал, что поймал такую лошадь, на которой можно было всюду проехать, хоть на стеклянную гору взобраться. Вот и не знали они, как им быть: всем ли сообща владеть этими тремя диковинками или разойтись и каждому владеть своею?

Тогда молодец сказал им: «Эти три вещи я могу у вас выменять; хотя денег у меня и нет, но есть вещи, которые дороже денег стоят! Но я предварительно должен испробовать все ваши диковинки, чтобы знать, правду ли вы мне о них сказали».

Разбойники посадили его на лошадь, дали ему и плащ, и палицу, и когда он все это получил от них, то стал невидимым. Пользуясь плащом-невидимкой, молодец стал им наносить удар за ударом и крикнул: «Ах вы, живодеры! Вот вам по заслугам! Довольны ли вы?»

Затем он поднялся на стеклянную гору и, подъехав к замку, нашел его запертым наглухо; ударил палицей в ворота — и ворота рассыпались. Вступив в замок, он поднялся по лестнице вверх в самую залу и увидел свою красавицу за столом с золотым кубком вина. Но она не могла его видеть, потому что на нем был надет плащ-невидимка.

Подойдя к ней, он снял с пальца данное ею кольцо и бросил его в кубок так, что оно звякнуло. Тут она воскликнула: «Это мое кольцо! Значит, тут же должен быть и мой избавитель!» Стала всюду искать по замку и не находила его; а он тем временем вышел, сел на лошадь и скинул с себя плащ-невидимку.

Как вышла королевна к воротам да увидала его, так и закричала от радости. Он сошел с коня и взял королевну на руки; а она его поцеловала и сказала ему: «Теперь ты меня избавил от чар, и завтра мы станем праздновать нашу свадьбу».

Три птички

Тысячу лет тому назад жил на свете король, большой любитель охоты. Когда он однажды спускался от своего замка со всею охотою, три девицы-красавицы пасли под горою своих коров; увидев короля, старшая из девиц-красавиц сказала двум остальным: «Коли я этого не получу себе в мужья, так мне и мужа не надобно!»

Той отвечала другая, указывая на ехавшего по правую руку короля: «Коли мне этот не достанется в мужья, то мне и мужа не надобно!»

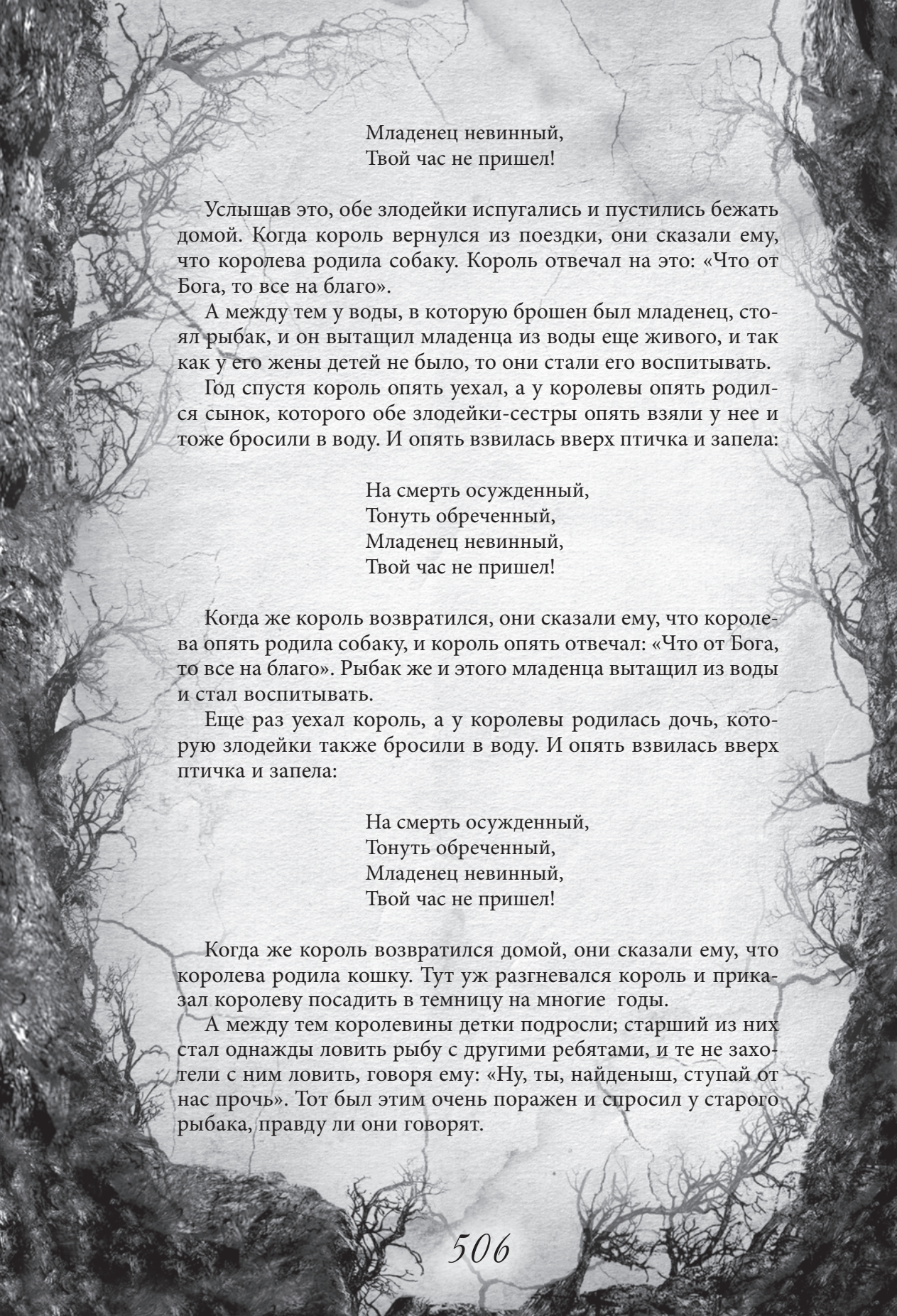
Тогда и младшая, указывая на того, кто ехал по левую руку короля, тоже воскликнула: «А коли мне этот в мужья не достанется, так мне и никакого не надобно!» А эти двое были королевские министры.

Король же все это слышал и, вернувшись с охоты, приказал трем девицам к себе явиться и стал их спрашивать, что они вчера вечером под горой говорили. Те отвечать не хотели; а король прямо и спросил у старшей, желает ли она выйти за него. Та согласилась; а ее двух сестер взяли за себя оба министра, так как девушки были очень красивы, особенно та, что вышла за короля. У нее волосы были светлые, как лен.

У двух сестер, вышедших замуж за министров, не было детей, и король, когда ему нужно было уехать, призывал их к королеве, чтобы они ее ободряли, потому что она как раз в это время ожидала ребенка.

Вскоре она и родила мальчика, у которого во лбу была красная звезда. Тогда обе ее сестры, сговорившись между собою, решили бросить этого милого младенца в воду. И в то время как они исполнили свое злое намерение, вдруг взлетела вверх птичка и запела:

На смерть осужденный,
Тонуть обреченный,

Младенец невинный,
Твой час не пришел!

Услышав это, обе злодейки испугались и пустились бежать домой. Когда король вернулся из поездки, они сказали ему, что королева родила собаку. Король отвечал на это: «Что от Бога, то все на благо».

А между тем у воды, в которую брошен был младенец, стоял рыбак, и он вытащил младенца из воды еще живого, и так как у его жены детей не было, то они стали его воспитывать.

Год спустя король опять уехал, а у королевы опять родился сынок, которого обе злодейки-сестры опять взяли у нее и тоже бросили в воду. И опять взвилась вверх птичка и запела:

На смерть осужденный,
Тонуть обреченный,
Младенец невинный,
Твой час не пришел!

Когда же король возвратился, они сказали ему, что королева опять родила собаку, и король опять отвечал: «Что от Бога, то все на благо». Рыбак же и этого младенца вытащил из воды и стал воспитывать.

Еще раз уехал король, а у королевы родилась дочь, которую злодейки также бросили в воду. И опять взвилась вверх птичка и запела:

На смерть осужденный,
Тонуть обреченный,
Младенец невинный,
Твой час не пришел!

Когда же король возвратился домой, они сказали ему, что королева родила кошку. Тут уж разгневался король и приказал королеву посадить в темницу на многие годы.

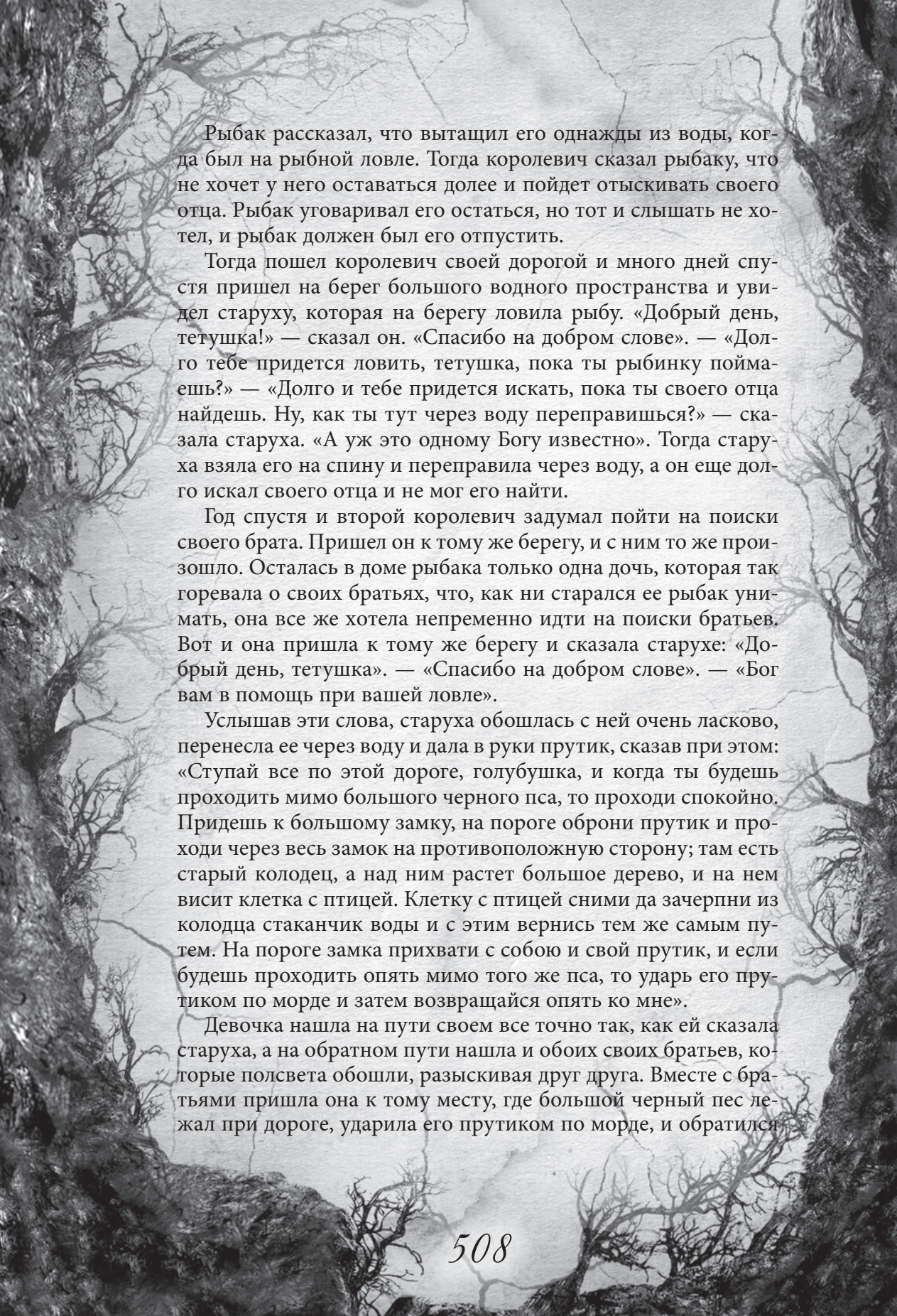
А между тем королевичи детки подросли; старший из них стал однажды ловить рыбу с другими ребятами, и те не захотели с ним ловить, говоря ему: «Ну, ты, найденыш, ступай от нас прочь». Тот был этим очень поражен и спросил у старого рыбака, правду ли они говорят.

«Три птички».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«... старуха обожалась с ней очень ласково, перенесла
ее через воду и дала в руки прутик, сказав при этом:
“Ступай все по этой дорожке, голубушка,
и когда ты будешь проходить мимо большого черного пса,
то проходи спокойно...”»*

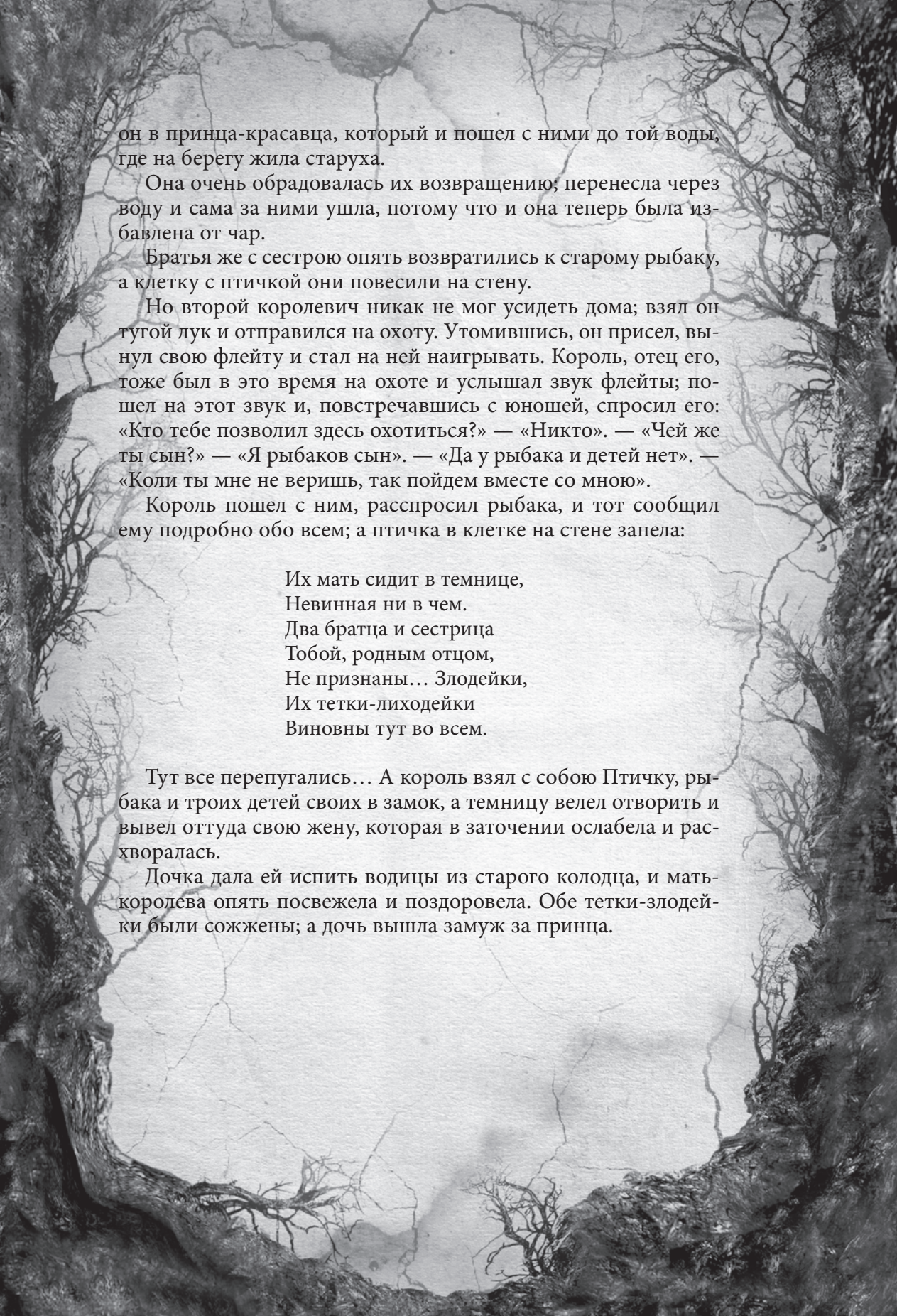
Рыбак рассказал, что вытащил его однажды из воды, когда был на рыбной ловле. Тогда королевич сказал рыбаку, что не хочет у него оставаться дольше и пойдет отыскивать своего отца. Рыбак уговаривал его остаться, но тот и слышать не хотел, и рыбак должен был его отпустить.

Тогда пошел королевич своей дорогой и много дней спустя пришел на берег большого водного пространства и увидел старуху, которая на берегу ловила рыбу. «Добрый день, тетушка!» — сказал он. «Спасибо на добром слове». — «Долго тебе придется ловить, тетушка, пока ты рыбку поймешь?» — «Долго и тебе придется искать, пока ты своего отца найдешь. Ну, как ты тут через воду переправишься?» — сказала старуха. «А уж это одному Богу известно». Тогда старуха взяла его на спину и переправила через воду, а он еще долго искал своего отца и не мог его найти.

Год спустя и второй королевич задумал пойти на поиски своего брата. Пришел он к тому же берегу, и с ним то же произошло. Осталась в доме рыбака только одна дочь, которая так горевала о своих братьях, что, как ни старался ее рыбак утешать, она все же хотела непременно идти на поиски братьев. Вот и она пришла к тому же берегу и сказала старухе: «Добрый день, тетушка». — «Спасибо на добром слове». — «Бог вам в помощь при вашей ловле».

Услышав эти слова, старуха обошлась с ней очень ласково, перенесла ее через воду и дала в руки прутик, сказав при этом: «Ступай все по этой дороге, голубушка, и когда ты будешь проходить мимо большого черного пса, то проходи спокойно. Придешь к большому замку, на пороге оброни прутик и проходи через весь замок на противоположную сторону; там есть старый колодец, а над ним растет большое дерево, и на нем висит клетка с птицей. Клетку с птицей сними да зачерпни из колодца стаканчик воды и с этим вернись тем же самым путем. На пороге замка прихвати с собою и свой прутик, и если будешь проходить опять мимо того же пса, то ударь его прутиком по морде и затем возвращайся опять ко мне».

Девочка нашла на пути своем все точно так, как ей сказала старуха, а на обратном пути нашла и обоих своих братьев, которые полсвета обошли, разыскивая друг друга. Вместе с братьями пришла она к тому месту, где большой черный пес лежал при дороге, ударила его прутиком по морде, и обратился

он в принца-красавца, который и пошел с ними до той воды, где на берегу жила старуха.

Она очень обрадовалась их возвращению; перенесла через воду и сама за ними ушла, потому что и она теперь была избавлена от чар.

Братья же с сестрою опять возвратились к старому рыбаку, а клетку с птичкой они повесили на стену.

Но второй королевич никак не мог усидеть дома; взял он тугой лук и отправился на охоту. Утомившись, он присел, вынул свою флейту и стал на ней наигрывать. Король, отец его, тоже был в это время на охоте и услышал звук флейты; пошел на этот звук и, повстречавшись с юношей, спросил его: «Кто тебе позволил здесь охотиться?» — «Никто». — «Чей же ты сын?» — «Я рыбаков сын». — «Да у рыбака и детей нет». — «Коли ты мне не веришь, так пойдем вместе со мною».

Король пошел с ним, расспросил рыбака, и тот сообщил ему подробно обо всем; а птичка в клетке на стене запела:

Их мать сидит в темнице,
Невинная ни в чем.
Два братца и сестрица
Тобой, родным отцом,
Не признаны... Злодейки,
Их тетки-лиходейки
Виновны тут во всем.

Тут все перепугались... А король взял с собою Птичку, рыбака и троих детей своих в замок, а темницу велел отворить и вывел оттуда свою жену, которая в заточении ослабела и расхворалась.

Дочка дала ей испить водицы из старого колодца, и мать-королева опять посвежела и поздоровела. Обе тетки-злодейки были сожжены; а дочь вышла замуж за принца.

Живая вода

Жил однажды король и вдруг заболел так жестоко, что никто уже не надеялся на то, что он выживет. Трое сыновей его были этим очень опечалены; они сошлись в саду королевского замка и стали отца оплакивать.

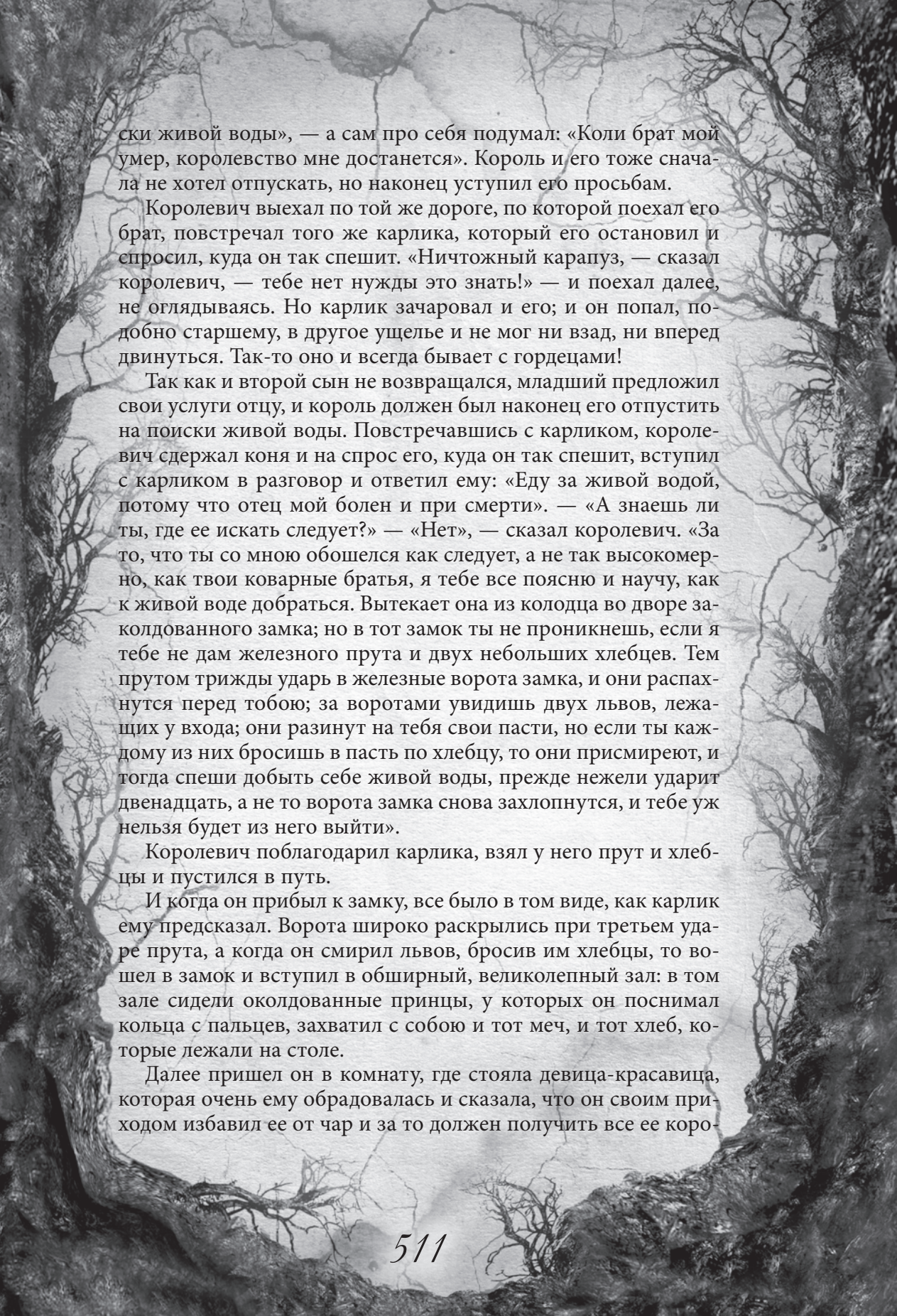
Повстречался им в саду старик и спросил, чем они так опечалены. Они отвечали ему, что отец их очень болен и, вероятно, умрет, потому что ему ничего не помогает. Тут и сказал им старик: «Знаю я еще одно средство — живую воду; коли он той воды изопьет, то будет здоров, да беда только в том, что разыскать ее трудно».

Но старший королевич тотчас сказал: «Уж я сумею ее сыскать», — пошел к больному отцу и попросил у него дозволения ехать на розыски живой воды, так как только эта вода могла его исцелить. «Нет, — сказал король, — эти розыски сопряжены со слишком большими опасностями, лучше уж пусть я умру». Но тот просил до тех пор, пока отец не разрешил ему. А сам про себя королевич думал: «Коли я принесу отцу живой воды, то буду его любимцем и унаследую его престол».

Так он и отправился в дорогу; ехал долго ли, коротко ли и видит, стоит карлик на дороге и кричит ему: «Куда так поспешаешь?» — «Глупый карапуз, — горделиво отвечал ему королевич, — какое тебе до этого дело?» И поехал себе далее. А карлик этим оскорбился и послал ему вслед недоброе пожелание.

И вот королевич вскоре после этого попал в такое горное ущелье, которое, чем далее он по нему ехал, все более и более сужалось и наконец сузилось настолько, что он уж ни шагу вперед ступить не мог; не было возможности ни коня повернуть, ни из седла вылезти, и он очутился словно в тисках...

Долго ждал его больной король, но он не возвращался. Тогда сказал второй сын: «Батюшка, отпустите меня на пои-

ски живой воды», — а сам про себя подумал: «Коли брат мой умер, королевство мне достанется». Король и его тоже сначала не хотел отпускать, но наконец уступил его просьбам.

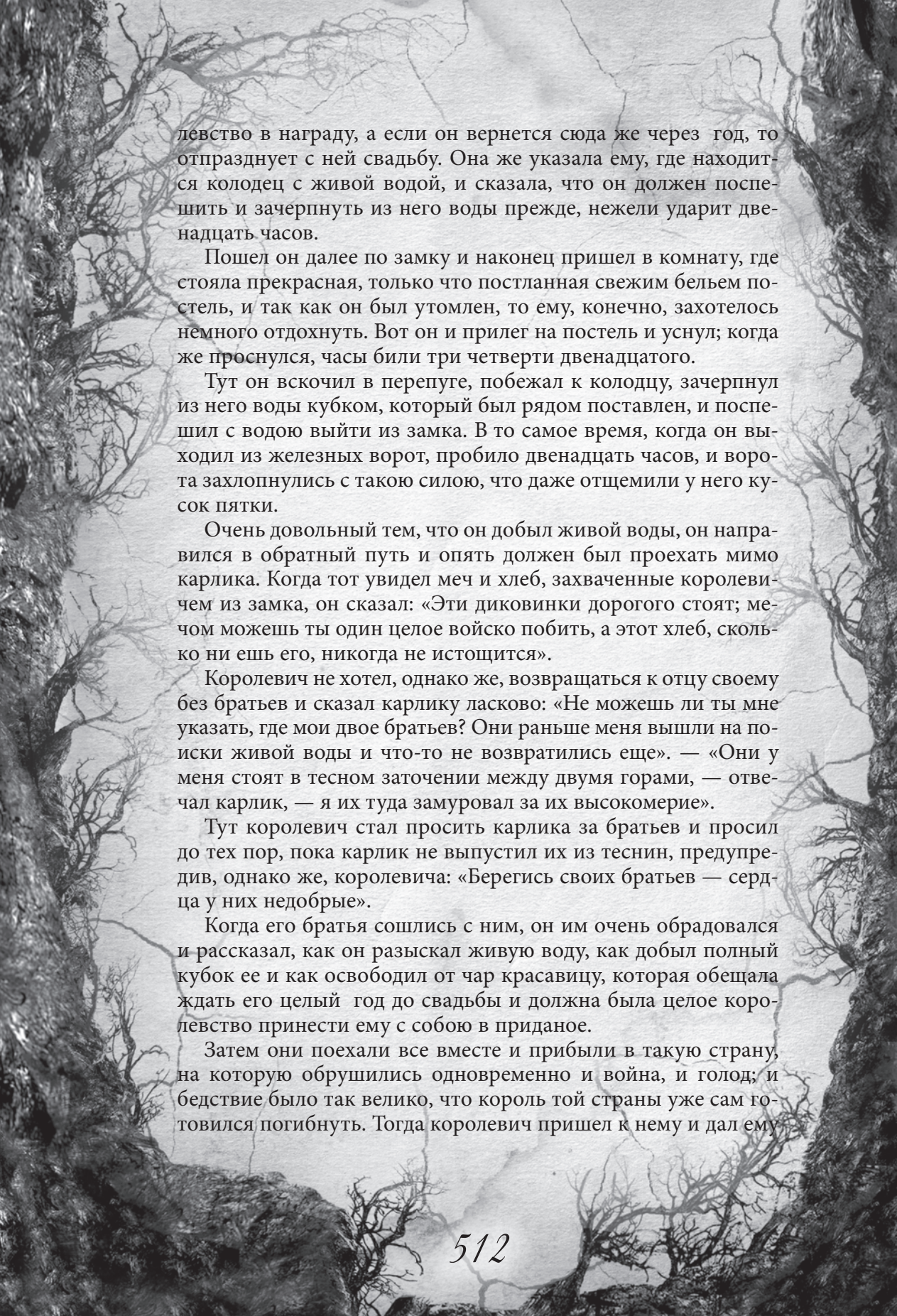
Королевич выехал по той же дороге, по которой поехал его брат, повстречал того же карлика, который его остановил и спросил, куда он так спешит. «Ничтожный карапуз, — сказал королевич, — тебе нет нужды это знать!» — и поехал далее, не оглядываясь. Но карлик зачаровал и его; и он попал, подобно старшему, в другое ущелье и не мог ни взад, ни вперед двинуться. Так-то оно и всегда бывает с гордецами!

Так как и второй сын не возвращался, младший предложил свои услуги отцу, и король должен был наконец его отпустить на поиски живой воды. Повстречавшись с карликом, королевич сдержал коня и на спрос его, куда он так спешит, вступил с карликом в разговор и ответил ему: «Еду за живой водой, потому что отец мой болен и при смерти». — «А знаешь ли ты, где ее искать следует?» — «Нет», — сказал королевич. «За то, что ты со мною обошелся как следует, а не так высокомерно, как твои коварные братья, я тебе все поясню и научу, как к живой воде добраться. Вытекает она из колодца во дворе заколдованного замка; но в тот замок ты не проникнешь, если я тебе не дам железного прута и двух небольших хлебцев. Тем прутом трижды ударь в железные ворота замка, и они распахнутся перед тобою; за воротами увидишь двух львов, лежащих у входа; они разинут на тебя свои пасти, но если ты каждому из них бросишь в пасть по хлебцу, то они присмирят, и тогда спеши добыть себе живой воды, прежде нежели ударит двенадцать, а не то ворота замка снова захлопнутся, и тебе уж нельзя будет из него выйти».

Королевич поблагодарил карлика, взял у него прут и хлебцы и пустился в путь.

И когда он прибыл к замку, все было в том виде, как карлик ему предсказал. Ворота широко раскрылись при третьем ударе прута, а когда он смирил львов, бросив им хлебцы, то вошел в замок и вступил в обширный, великолепный зал: в том зале сидели околдованные принцы, у которых он поснимал кольца с пальцев, захватил с собою и тот меч, и тот хлеб, которые лежали на столе.

Далее пришел он в комнату, где стояла девица-красавица, которая очень ему обрадовалась и сказала, что он своим приходом избавил ее от чар и за то должен получить все ее коро-

левство в награду, а если он вернется сюда же через год, то отпразднует с ней свадьбу. Она же указала ему, где находится колодец с живой водой, и сказала, что он должен поспешить и зачерпнуть из него воды прежде, нежели ударит двенадцать часов.

Пошел он далее по замку и наконец пришел в комнату, где стояла прекрасная, только что постланная свежим бельем постель, и так как он был утомлен, то ему, конечно, захотелось немного отдохнуть. Вот он и прилег на постель и уснул; когда же проснулся, часы били три четверти двенадцатого.

Тут он вскочил в перепуте, побежал к колодцу, зачерпнул из него воды кубком, который был рядом поставлен, и поспешил с водою выйти из замка. В то самое время, когда он выходил из железных ворот, пробило двенадцать часов, и ворота захлопнулись с такою силою, что даже отщемили у него кусок пятки.

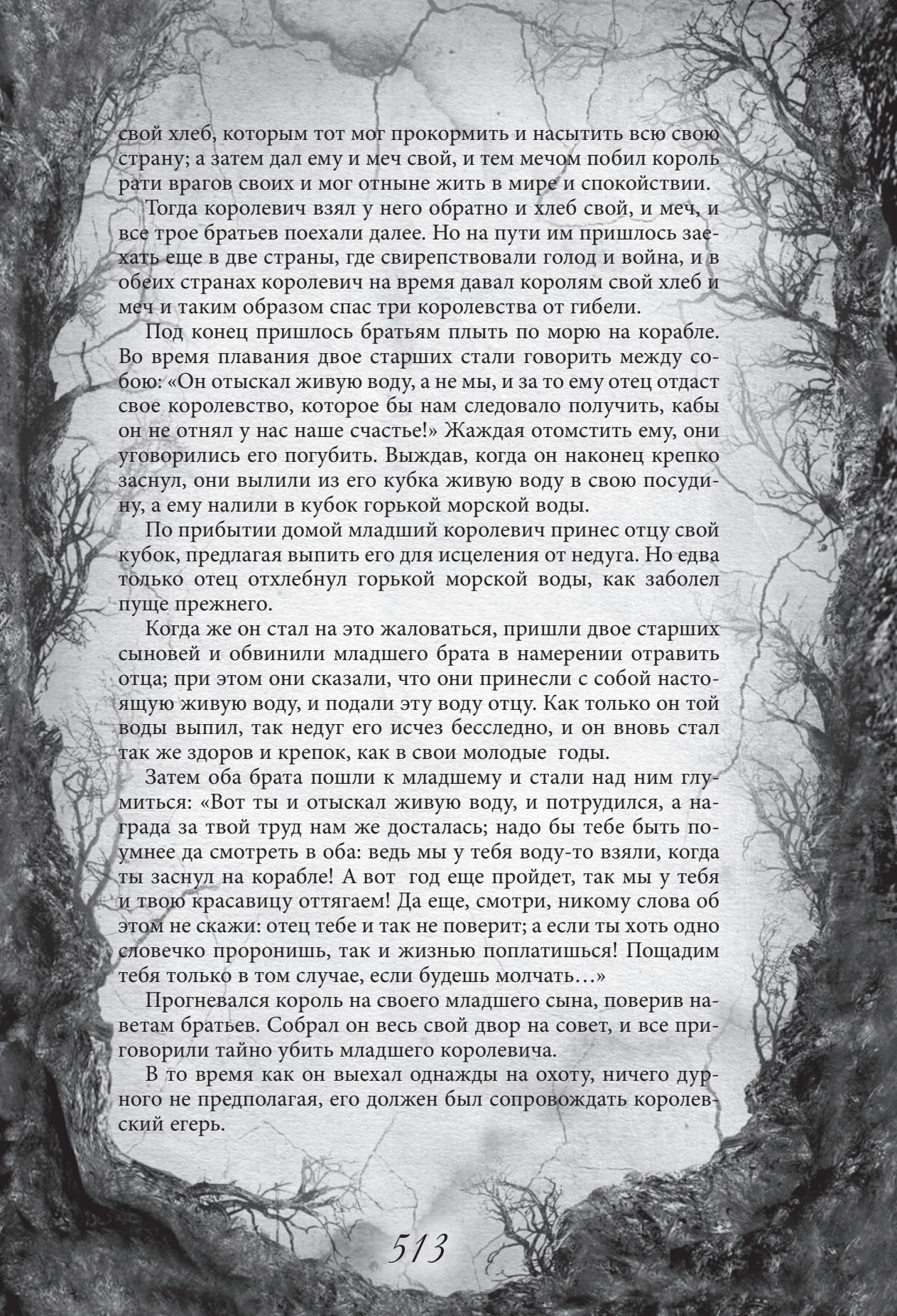
Очень довольный тем, что он добыл живой воды, он направился в обратный путь и опять должен был проехать мимо карлика. Когда тот увидел меч и хлеб, захваченные королевичем из замка, он сказал: «Эти диковинки дорогого стоят; мечом можешь ты один целое войско побить, а этот хлеб, сколько ни ешь его, никогда не истощится».

Королевич не хотел, однако же, возвращаться к отцу своему без братьев и сказал карлику ласково: «Не можешь ли ты мне указать, где мои двое братьев? Они раньше меня вышли на поиски живой воды и что-то не возвратились еще». — «Они у меня стоят в тесном заточении между двумя горами, — отвечал карлик, — я их туда замуровал за их высокомерие».

Тут королевич стал просить карлика за братьев и просил до тех пор, пока карлик не выпустил их из теснин, предупредив, однако же, королевича: «Берегись своих братьев — сердца у них недобрые».

Когда его братья сошлись с ним, он им очень обрадовался и рассказал, как он разыскал живую воду, как добыл полный кубок ее и как освободил от чар красавицу, которая обещала ждать его целый год до свадьбы и должна была целое королевство принести ему с собою в приданое.

Затем они поехали все вместе и прибыли в такую страну, на которую обрушились одновременно и война, и голод; и бедствие было так велико, что король той страны уже сам готовился погибнуть. Тогда королевич пришел к нему и дал ему

свой хлеб, которым тот мог прокормить и насытить всю свою страну; а затем дал ему и меч свой, и тем мечом побил король рати врагов своих и мог отныне жить в мире и спокойствии.

Тогда королевич взял у него обратно и хлеб свой, и меч, и все трое братьев поехали далее. Но на пути им пришлось заехать еще в две страны, где свирепствовали голод и война, и в обеих странах королевич на время давал королям свой хлеб и меч и таким образом спас три королевства от гибели.

Под конец пришлось братьям плыть по морю на корабле. Во время плавания двое старших стали говорить между собою: «Он отыскал живую воду, а не мы, и за то ему отец отдаст свое королевство, которое бы нам следовало получить, кабы он не отнял у нас наше счастье!» Жажда отомстить ему, они уговорились его погубить. Выждав, когда он наконец крепко заснул, они вылили из его кубка живую воду в свою посудину, а ему налили в кубок горькой морской воды.

По прибытии домой младший королевич принес отцу свой кубок, предлагая выпить его для исцеления от недуга. Но едва только отец отхлебнул горькой морской воды, как заболел пуще прежнего.

Когда же он стал на это жаловаться, пришли двое старших сыновей и обвинили младшего брата в намерении отравить отца; при этом они сказали, что они принесли с собой настоящую живую воду, и подали эту воду отцу. Как только он той воды выпил, так недуг его исчез бесследно, и он вновь стал так же здоров и крепок, как в свои молодые годы.

Затем оба брата пошли к младшему и стали над ним глумиться: «Вот ты и отыскал живую воду, и потрудился, а награда за твой труд нам же досталась; надо бы тебе быть поумнее да смотреть в оба: ведь мы у тебя воду-то взяли, когда ты заснул на корабле! А вот год еще пройдет, так мы у тебя и твою красавицу оттягнем! Да еще, смотри, никому слова об этом не скажи: отец тебе и так не поверит; а если ты хоть одно словечко проронишь, так и жизнью заплатишься! Поощаим тебя только в том случае, если будешь молчать...»

Прогневался король на своего младшего сына, поверив наветам братьев. Собрал он весь свой двор на совет, и все говорили тайно убить младшего королевича.

В то время как он выехал однажды на охоту, ничего дурного не предполагая, его должен был сопровождать королевский егерь.

Въехав в лес, королевич заметил, что егерь чем-то опечален, и спросил его: «Что с тобою, милый?» Егерь сказал: «Я этого сказать не смею, а все же должен». — «Говори все как есть — я все тебе прощу». — «Ах! — сказал егерь. — Я должен вас убить, король мне это приказал».

Принц ужаснулся этим словам и сказал: «Пощади меня, милый егерь, на вот, возьми себе мое платье и поменяйся со мною своим». — «С удовольствием это сделаю, — сказал егерь, — хотя и без того не мог бы вас убить».

Так и поменялись они одеждой, и егерь пошел домой, а принц — далее вглубь леса.

Прошло сколько-то времени, и вот пришли к старому королю три повозки с золотом и драгоценными камнями для его младшего сына. Их прислали ему в благодарность те трое королей, которые его мечом врагов победили и его хлебом свои страны прокормили.

Тут вдруг пришло старому королю в голову: «А что, если мой сын не виновен?» И он стал говорить своим людям: «О, если бы он мог быть жив! Как мне горько, что я так неразумно приказал его убить!» — «Он жив! — сказал королю егерь. — Я не мог решиться исполнить ваше приказание», — и рассказал королю, как все произошло.

У короля словно камень с сердца свалился, и он повелел объявить по всем окрестным королевствам, чтобы сын его к нему возвращался и что он будет милостиво принят.

Тем временем девица-красавица в заколдованном замке приказала перед замком вымостить дорогу чистым золотом, которое на солнце как жар горело, и объявила людям своим: «Кто по той дороге прямо к замку поедет, тот и есть мой настоящий жених, того и должны вы впустить в замок; а кто поедет стороною, в объезд дороги, тот не жених мне, и того впускать в замок вы не должны».

Когда год близился уже к концу, старший из королевичей подумал, что уж пора спешить к девице-красавице и, выдав себя за ее избавителя, получить и ее в супруги, и ее королевство в придачу.

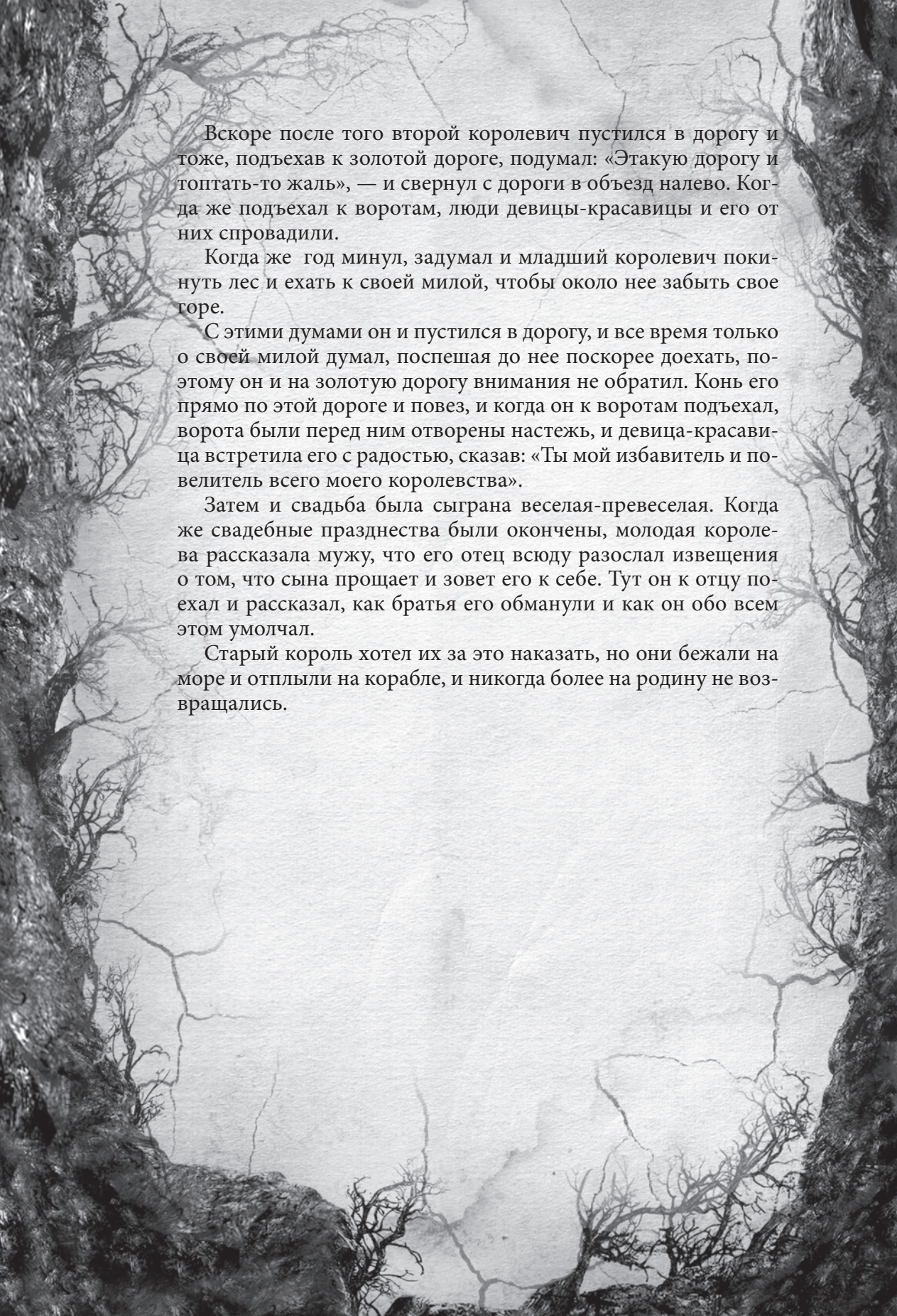
Вот и поехал он к замку, и, подъехав к нему, увидел чудную золотую дорогу. Ему пришло в голову: «Такую дорогу и топтать-то жалко», — и свернул он с дороги в объезд с правой стороны. Когда же он подъехал к воротам, люди девицы-красавицы сказали ему, что он не настоящий жених, и он должен был со страхом удалиться.

«Живая вода».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Верота широко раскрылась при третьем ударе пистолета,
а когда он слышал львов, бросив или хлысты, то вошел в замок...»*

Вскоре после того второй королевич пустился в дорогу и тоже, подъехав к золотой дороге, подумал: «Этакую дорогу и топтать-то жаль», — и свернул с дороги в объезд налево. Когда же подъехал к воротам, люди девицы-красавицы и его от них спровадили.

Когда же год минул, задумал и младший королевич покинуть лес и ехать к своей милой, чтобы около нее забыть свою горе.

С этими думами он и пустился в дорогу, и все время только о своей милой думал, поспешая до нее поскорее доехать, поэтому он и на золотую дорогу внимания не обратил. Конь его прямо по этой дороге и повез, и когда он к воротам подъехал, ворота были перед ним открыты настежь, и девица-красавица встретила его с радостью, сказав: «Ты мой избавитель и повелитель всего моего королевства».

Затем и свадьба была сыграна веселая-превеселая. Когда же свадебные празднества были окончены, молодая королева рассказала мужу, что его отец всюду разослал извещения о том, что сына прощает и зовет его к себе. Тут он к отцу поехал и рассказал, как братья его обманули и как он обо всем этом умолчал.

Старый король хотел их за это наказать, но они бежали на море и отплыли на корабле, и никогда более на родину не возвращались.

Доктор Всезнайка

Жил-был однажды мужик-бедняк по прозвищу Рак; повез он на двух волах воз дров в город и продал тот воз доктору за два талера. Доктор, расплачиваясь с ним за дрова, сидел за обедом; увидал мужик, как тот отлично ел и пил, и позавидовал ему, подумав: «Хорошо, кабы я мог доктором быть».

В этих мыслях он постоял-постоял, да наконец и спросил, не может ли и он тоже доктором быть. «Отчего же, — сказал доктор, — это дело не мудреное». — «А что же я для этого должен сделать?» — спросил мужик. «Прежде всего купи себе азбуку (есть такие, у которых на первой странице петушок изображен), затем обрати своих волов и повозку в деньги и на те деньги купи себе приличное платье и прочее, что к докторскому делу относится; а в-третьих, вели себе изготовить вывеску с надписью и напиши на ней: “Я доктор Всезнайка”, да и вели ее прибить у себя над входными дверьми».

Мужик исполнил все по указанию доктора.

Немного спустя после того, как он принялся за докторство, у одного знатного и богатого господина были украдены деньги.

Вот ему его друзья и рассказали, что в такой-то деревне живет доктор Всезнайка: тому и должно быть известно, где его деньги, потому что он знает все на свете.

Богач приказал заложить свою карету, приехал в указанную деревню и спросил: «Ты доктор Всезнайка?» — «Я», — отвечал мужик. «Ну, так ступай со мной и разыщи мне украденные у меня деньги». — «Изволь, только чтобы и Гретель, жена моя, тоже со мною поехала». Богач с радостью согласился, посадил их с собой в карету и повез во весь дух к себе.

Когда они приехали к богачу в дом, стол был уже накрыт, и доктор Всезнайка был за стол приглашен. «С удовольстви-

ем, — сказал мужик, — только чтобы и Гретель со мною же села», — и уселся с нею за стол.

Когда вошел слуга и принес блюдо с каким-то очень вкусным кушаньем, мужик толкнул жену под бок и шепнул ей: «Это первое», — намекая этим на блюдо.

А слуга-то подумал, что он сказал: «Это первый», — и этим хотел сказать: «Это первый вор», — намекая на воровство, в котором он и действительно принимал участие; вот слуга и перепугался, и сказал своим товарищам: «Доктор-то все знает! Беда нам! Ведь он сказал, что я первый!»

Другой совсем было и к столу не хотел идти, однако же должен был явиться против воли. И чуть только он вступил в столовую со вторым блюдом, доктор Всезнайка опять толкнул свою жену под бок и шепнул: «Грета, ведь это второе».

И этот слуга перепугался и тоже поспешил уйти. Третьему не лучше пришлось; и тому послышалось, что о нем мужик сказал: «Это третий!»

Четвертый должен был подать на стол закрытое блюдо, и хозяин дома сказал доктору: «Ну-ка, покажи свое искусство и отгадай, что на блюде положено?»

А на блюде были раки.

Мужик глянул на блюдо, не знал, как вывернуться, и сказал про себя: «Попался, несчастный Рак!»

Как услышал это богач, так и воскликнул: «Да, угадал! Он, верно, знает и то, кто мои деньги взял!»

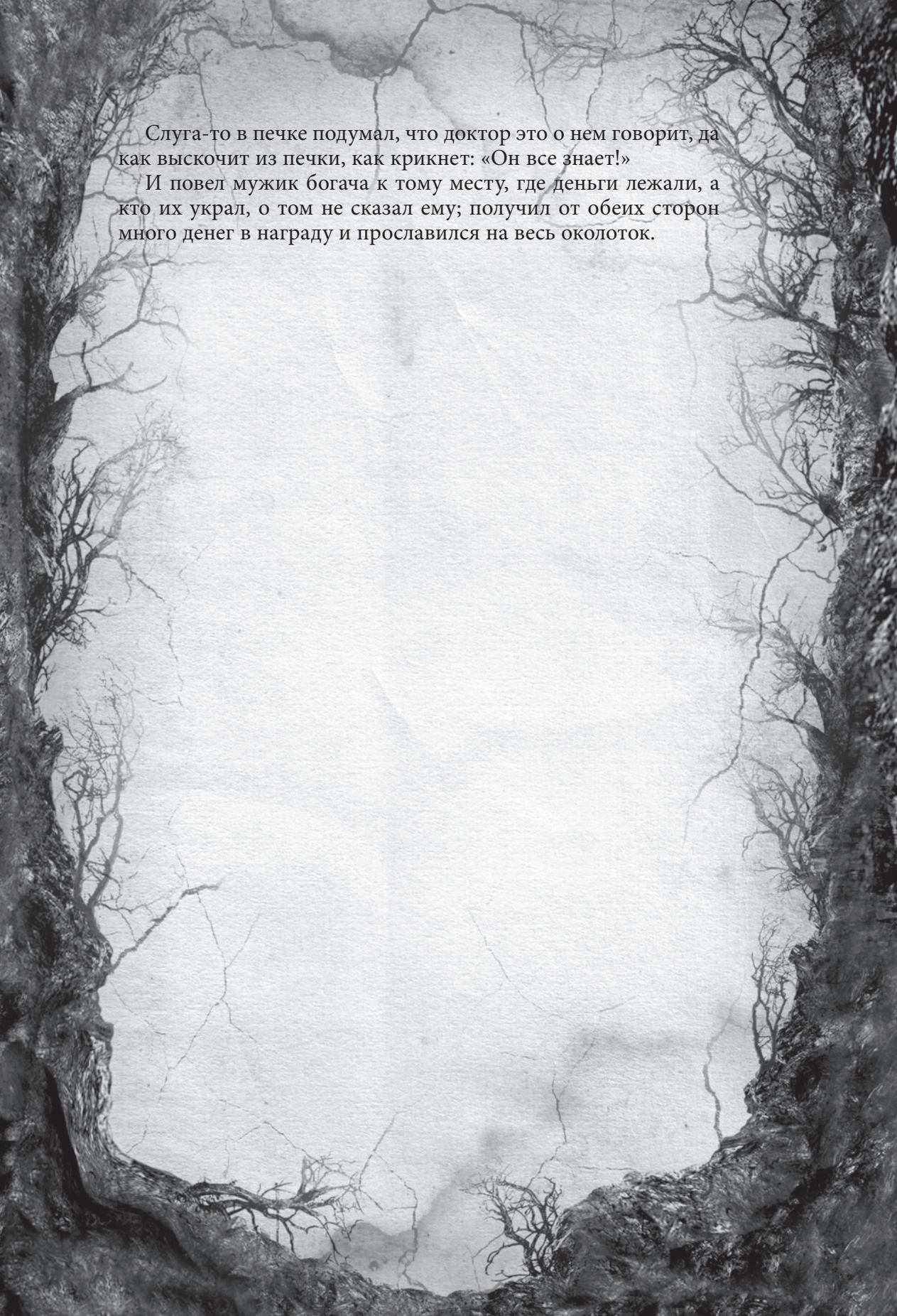
Четвертый слуга этих слов насмерть испугался и подмигнул доктору, чтобы тот к нему вышел из-за стола.

Когда он вышел, все четверо слуг ему сознались, что украли деньги у господина своего; они охотно готовы были все вернуть, да еще и ему приплатить, как следует, если только он их не выдаст, потому что им будет плохо.

Указали они ему, где у них деньги припрятаны. Доктор Всезнайка остался всем этим очень доволен, вернулся к столу и сказал богачу: «Ну, сударь, надо теперь мне в свою ученую книгу заглянуть, чтобы точно сказать, где ваши украденные деньги припрятаны».

Тем временем пятый слуга залез в печку и хотел подслушать, что еще доктор знает.

А тот открыл азбуку и перелистывал ее, отыскивая изображение петушка; сразу он отыскать его не мог, да и сказал наконец: «Да знаю же я, что ты здесь, и до тебя доберусь!»

Слуга-то в печке подумал, что доктор это о нем говорит, да как выскочит из печки, как крикнет: «Он все знает!»

И повел мужик богача к тому месту, где деньги лежали, а кто их украл, о том не сказал ему; получил от обеих сторон много денег в награду и прославился на весь околоток.

Дух в склянке

Маялся некогда на свете бедный дровосек, работая с утра до поздней ночи. Скопив себе малую толику деньжонок, он сказал сыну: «Ты мое единственное детище, и я хочу свои деньги, заработанные кровавым потом, обратить на твоё обучение; если ты чему-нибудь путному научишься, то можешь пропитать меня на старости, когда мои руки и ноги служить не станут и я должен буду поневоле сидеть дома».

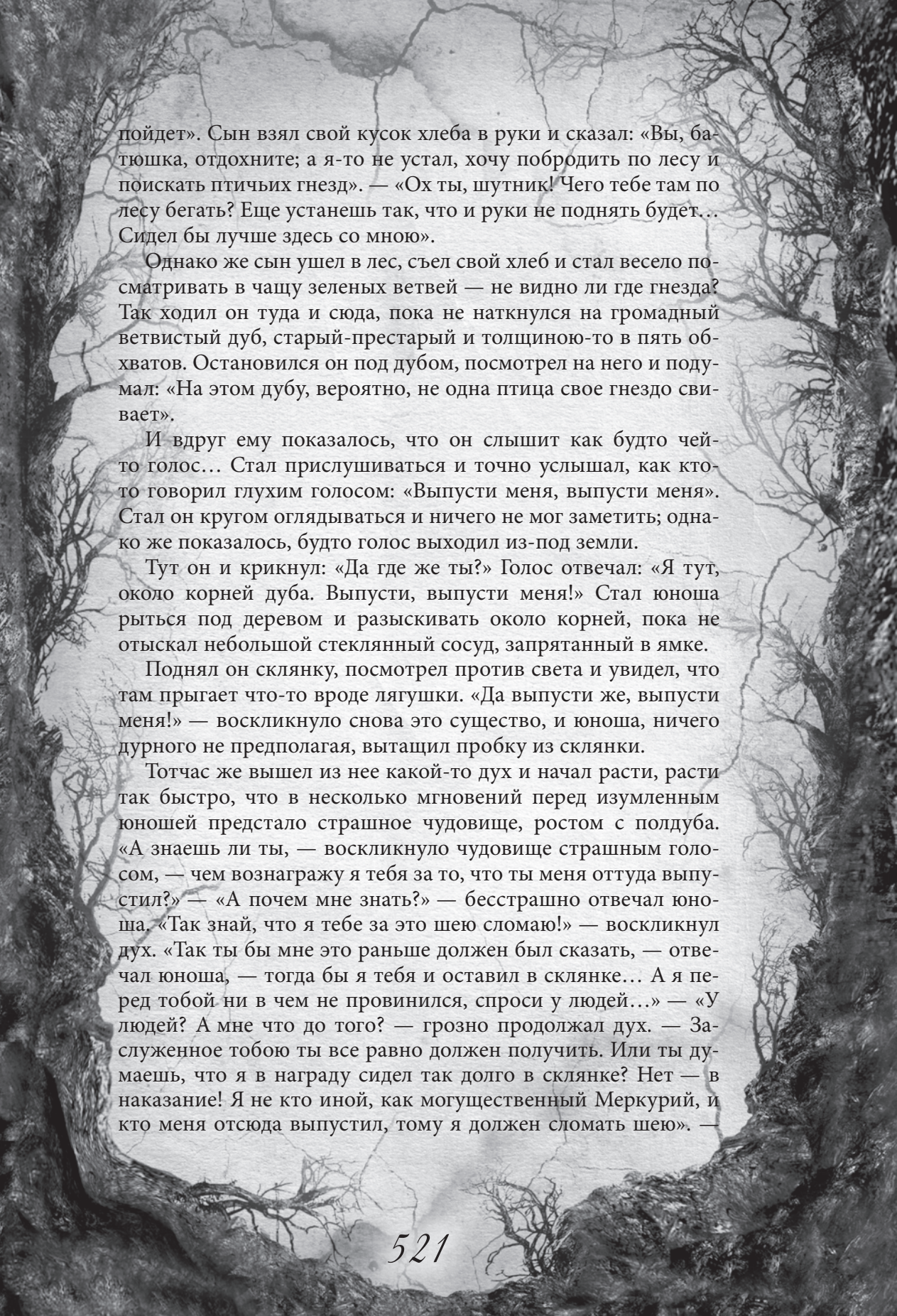
Пошел юноша в школу высшей ступени, стал учиться старательно, так что учителя его похваливали; в школе оставался он довольно долго. Пройдя и ещё одну школу, но не во всем ещё добившись полного знания, юноша затратил весь бедный достаток отца и должен был к нему вернуться.

«Жаль, — сказал отец с грустью, — жаль, что ничего более не могу тебе дать и по нынешней дороговизне не могу отложить ни грошика; зарабатываю только на насущный хлеб». — «Дорогой батюшка, — сказал юноша, — не заботьтесь об этом! Коли есть на то воля Божия, то все устроится к лучшему; я как-нибудь уж сам справлюсь».

Когда отец задумал ехать в лес на заготовку дров, чтобы на этом что-нибудь заработать, сын сказал ему: «Я пойду с вами и стану вам помогать». — «Сыночек, — сказал отец, — трудненько это тебе будет! Ведь ты к тяжелой-то работе не привычен и её не выдержишь; да к тому же у меня всего один топор, и денег нет на покупку другого». — «Ступайте к соседу, — сказал сын, — при займите у него топор на время, пока я сам себе на топор не заработаю».

Занял отец топор у соседа, и на следующее утро пошли они на рассвете в лес вместе. Сын помогал отцу и при этом был свеж и бодр.

Когда солнце стало у них над головою, отец сказал: «Вот теперь поотдохнем да пообедаем, так потом работа ещё лучше

пойдет». Сын взял свой кусок хлеба в руки и сказал: «Вы, батюшка, отдохните; а я-то не устал, хочу побродить по лесу и поискать птичьих гнезд». — «Ох ты, шутник! Чего тебе там по лесу бегать? Еще устанешь так, что и руки не поднять будет... Сидел бы лучше здесь со мною».

Однако же сын ушел в лес, съел свой хлеб и стал весело по-сматривать в чашу зеленых ветвей — не видно ли где гнезда? Так ходил он туда и сюда, пока не наткнулся на громадный ветвистый дуб, старый-престарый и толщиной-то в пять обхватов. Остановился он под дубом, посмотрел на него и подумал: «На этом дубу, вероятно, не одна птица свое гнездо свивает».

И вдруг ему показалось, что он слышит как будто чей-то голос... Стал прислушиваться и точно услышал, как кто-то говорил глухим голосом: «Выпусти меня, выпусти меня». Стал он кругом оглядываться и ничего не мог заметить; однако же показалось, будто голос выходил из-под земли.

Тут он и крикнул: «Да где же ты?» Голос отвечал: «Я тут, около корней дуба. Выпусти, выпусти меня!» Стал юноша рыться под деревом и разыскивать около корней, пока не отыскал небольшой стеклянный сосуд, запрятанный в ямке.

Поднял он склянку, посмотрел против света и увидел, что там прыгает что-то вроде лягушки. «Да выпусти же, выпусти меня!» — воскликнуло снова это существо, и юноша, ничего дурного не предполагая, вытащил пробку из склянки.

Тотчас же вышел из нее какой-то дух и начал расти, расти так быстро, что в несколько мгновений перед изумленным юношей предстало страшное чудовище, ростом с полдуба. «А знаешь ли ты, — воскликнуло чудовище страшным голосом, — чем вознагражу я тебя за то, что ты меня оттуда выпустил?» — «А почему мне знать?» — бесстрашно отвечал юноша. «Так знай, что я тебе за это шею ломаю!» — воскликнул дух. «Так ты бы мне это раньше должен был сказать, — отвечал юноша, — тогда бы я тебя и оставил в склянке... А я перед тобой ни в чем не провинился, спроси у людей...» — «У людей? А мне что до того? — грозно продолжал дух. — Заслуженное тобою ты все равно должен получить. Или ты думаешь, что я в награду сидел так долго в склянке? Нет — в наказание! Я не кто иной, как могущественный Меркурий, и кто меня отсюда выпустил, тому я должен сломать шею». —

«Ну, ну, потише! — отвечал смелый юноша. — Не спеши! Еще прежде-то я должен знать, точно ли ты сидел в этой небольшой склянке и действительно ли ты тот самый дух? Коли ты опять сумеешь в нее влезть, я тебе поверю, и тогда уж делай со мною, что хочешь».

Дух отвечал высокомерно: «Не мудрено мне это доказать тебе», — свился в маленькое и тоненькое существо, каким был вначале, и влез через узкое горлышко в ту же склянку.

Но едва только он там очутился, юноша быстро заткнул склянку пробкой, бросил ее под корни дуба на старое место — и таким образом обманул духа.

Он уже собирался уйти к своему отцу, но дух стал жалобно кричать: «Ох, выпусти же, выпусти меня!» — «Ну, уж нет! — отвечал смельчак. — Во второй-то раз не выпущу! Кто на мою жизнь посягал, того уж я, конечно, не выпущу». — «Коли ты меня выпустишь, — крикнул дух, — я тебе столько дам, что тебе на весь твой век хватит!» — «Нет, ты меня обманешь, как и в первый раз!» — «Ты сам от своего счастья отказываешься, — сказал дух, — верь, что я ничего дурного тебе не сделаю, а напротив — награжу тебя!»

Смельчак подумал: «А дай-ка я попытаю, может быть, он слово-то и сдержит? Дурного же он мне ничего не может сделать».

Откупорил он склянку, и дух снова поднялся из нее, вытянулся и вырос в великана.

«Вот тебе твоя награда, — сказал он и подал юноше маленькую тряпочку вроде пластыря, добавив: — Если ты этим краем проведешь по ране, то рана заживет; а если другим краем потрешь сталь или железо, оно обратится в серебро». — «Это надо мне сначала испробовать», — сказал юноша.

Он подошел к дереву, рассек кору его топором и провел по этому месту одним краем тряпочки — кора плотно сползлась, и след разреза изгладился. «Пожалуй, что ты и правду мне сказал, — проговорил юноша, обращаясь к духу, — теперь ступай своей дорогой». Дух поблагодарил его за свое освобождение, а юноша поблагодарил духа за подарок и направился к отцу своему.

«Где ты это носился? — спросил его отец. — Зачем забыл о работе? Я же ведь сразу тебе сказал, что ты на это дело не пригоден». — «Небось, батюшка, еще успею нагнать!» — «Ну

*«...Смельчак подумал:
“А дай-ка я попытаю,
может быть, он слово-то
и сдержит? Душного же он
мне ничего не может сделать”.
Откупорил он склянку, и дух
снова поднялся из нее,
вытянулся и вырос
в великана...»*

«Дух в склянке».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

да! Нагнать! Это уж не порядок!» — «А вот посмотрите, батюшка, как я сейчас это дерево срублю: только треск пойдет!»

Тут взял он свою тряпочку, провел ею по топору, и ударил им о дерево со всего размаха, но железо превратилось в серебро, и лезвие топора загнулось.

«Э-э, батюшка! Посмотрите, что это за дрянной топор вы мне дали — его совсем покривило!»

Отец перепугался: «Что ты наделал! Ведь я теперь должен буду уплатить за топор, а чем я платить буду? В этом только и весь прок от твоей работы!» — «Не сердитесь, батюшка! — отвечал сын. — За топор уж я сам заплачу!» — «Ох, ты, дурень! — крикнул отец. — Из каких денег ты заплатишь? У тебя только то и есть, что я тебе дам! Набрался всяких ученых затей, а в дровосеки не годишься!»

Немного спустя сын сказал отцу: «Батюшка! Я без топора работать не могу, лучше пойдем домой, отдохнем». — «Что такое? — сказал отец. — Или ты думаешь, что я так же, как и ты, опущу ручки в кармашки? Я еще работать должен, а ты проваливай домой». — «Да я, батюшка, здесь, в лесу, еще впервой; я отсюда и дороги домой один не найду; пойдемте вместе».

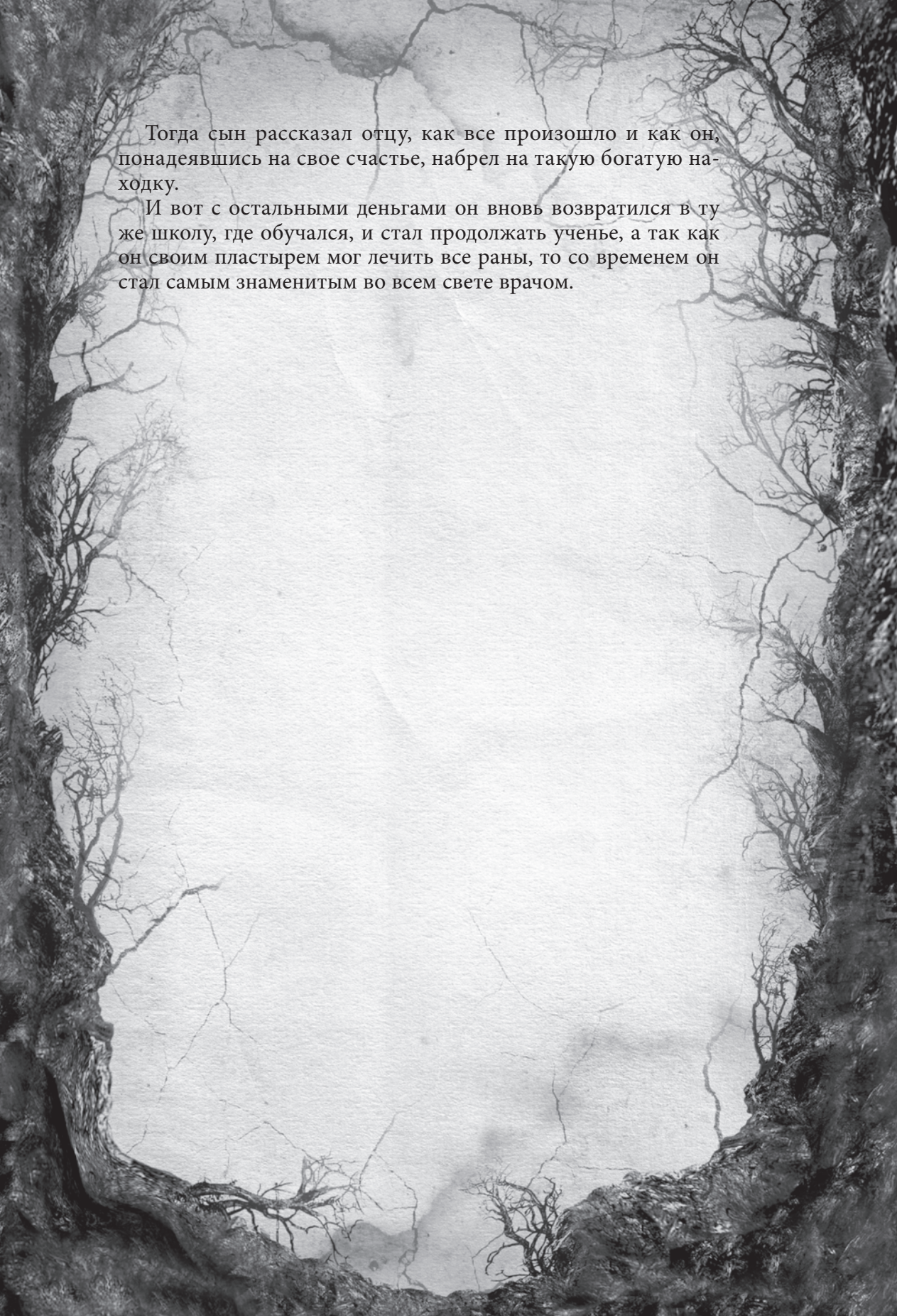
Так как гнев у отца прошел, то он дал себя уговорить и пошел домой вместе с сыном.

Тут и сказал он сыну: «Сходи да продай за что ни на есть испорченный топор; к тому, что выручишь от продажи, я должен буду еще приработать, чтобы уплатить соседу за топор».

Сын взял топор и снес его в город к золотых дел мастеру; тот попробовал серебро, положил топор на весы и сказал: «Топор стоит четыреста талеров, столько у меня и наличных денег нет».

Юноша сказал: «Дайте сколько у вас есть, остальное пусть останется за вами в долгу».

Мастер дал ему триста талеров, а сто остался должен. Затем пошел юноша домой и говорит отцу: «У меня есть деньги, сходите, спросите у соседа, сколько ему за топор следует?» — «Я и так знаю, — сказал отец, — следует один талер и шесть грошей». — «Ну, так дайте ему два талера и двенадцать грошей — ровно вдвое больше того, что следует; этого довольно! — а затем дал отцу сто талеров и добавил: — В деньгах у вас никогда не будет недостатка — живите, как вам вздумается». — «Боже ты мой! — воскликнул старик. — Да как ты такого богатства добился?»

Тогда сын рассказал отцу, как все произошло и как он, понадеявшись на свое счастье, набрел на такую богатую находку.

И вот с остальными деньгами он вновь возвратился в ту же школу, где обучался, и стал продолжать ученье, а так как он своим пластырем мог лечить все раны, то со временем он стал самым знаменитым во всем свете врачом.

Цумазый братец черта

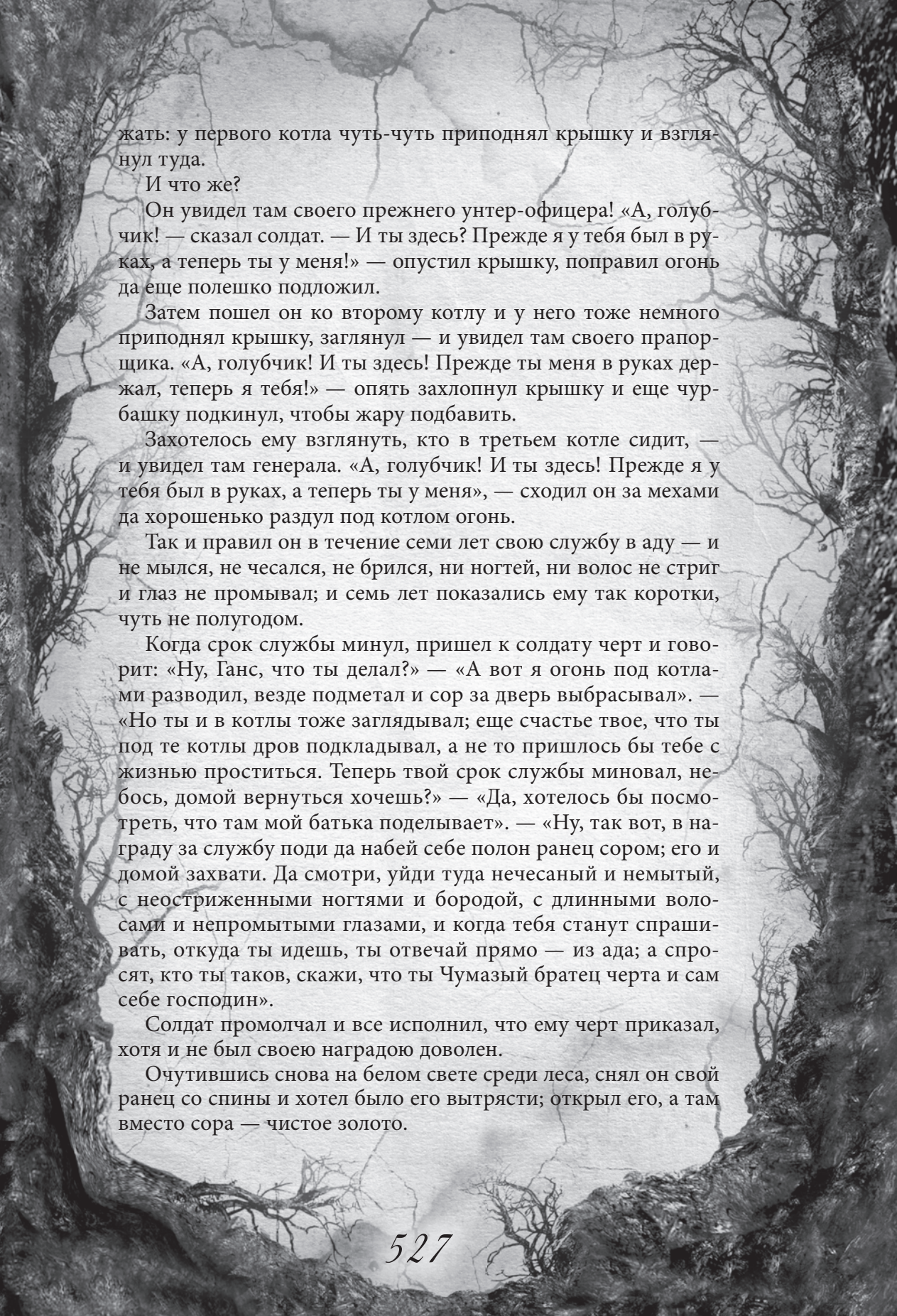
Одному отставному солдату не на что было жить, и не знал он, как бы ему из той беды выпутаться. Вот он как-то вышел в лес, сколько-то прошел по лесу и там повстречал самого черта в виде маленького человечка. И сказал ему человечек: «Что с тобой? Что невесело смотришь?» Отвечал ему солдат: «Еще бы! Голод мучит меня, а денег у меня нет!» Черт и сказал: «Если ты наймешься ко мне в слуги, тогда тебе достатка на весь век хватит; и служить тебе у меня придется всего семь лет, а там опять тебе воля вольная. Но только предупреждаю тебя: во все семь лет ты не должен ни мыться, ни чесаться, ни бриться, ни стричь ни ногтей, ни волос и глаз ни протирать». Солдат сказал: «Ну что же? Пусть так и будет, коли нельзя иначе», — и пошел вслед за человеком, который повел его прямехонько в ад.

Там черт указал ему, что он должен был делать: огонь поддерживать под котлами, где сидели грешники, чистоту соблюдать в доме, сор за дверь выносить и всюду смотреть за порядком; но если он хоть разок заглянет в котлы, ему и самому несдобровать. «Ладно, — сказал солдат, — я все это справлю».

Затем старый черт отправился опять в свои странствия, а солдат приступил к исполнению своих обязанностей: стал подкладывать в огонь, подметать сор и выносить за двери — все, как было ему приказано.

Когда старый черт вернулся из странствий, он посмотрел, все ли исполнено по его приказу, остался, по-видимому, доволен и вторично удалился.

Солдат тем временем успел оглядеться и высмотрел, что котлы стояли кругом всей преисподней, под ними разведены были большие огни, а в котлах что-то варилось и клочкотало. Ему смерть как хотелось заглянуть в котлы, да уж черт-то ему строго-настрого это запретил! Наконец, он не мог выдер-

жать: у первого котла чуть-чуть приподнял крышку и взглянул туда.

И что же?

Он увидел там своего прежнего унтер-офицера! «А, голубчик! — сказал солдат. — И ты здесь? Прежде я у тебя был в руках, а теперь ты у меня!» — опустил крышку, поправил огонь да еще полешко подложил.

Затем пошел он ко второму котлу и у него тоже немного приподнял крышку, заглянул — и увидел там своего прапорщика. «А, голубчик! И ты здесь! Прежде ты меня в руках держал, теперь я тебя!» — опять захлопнул крышку и еще чурбашку подкинул, чтобы жару подбавить.

Захотелось ему взглянуть, кто в третьем котле сидит, — и увидел там генерала. «А, голубчик! И ты здесь! Прежде я у тебя был в руках, а теперь ты у меня», — сходил он за мехами да хорошенько раздул под котлом огонь.

Так и правил он в течение семи лет свою службу в аду — и не мылся, не чесался, не брился, ни ногтей, ни волос не стриг и глаз не промывал; и семь лет показались ему так коротки, чуть не полугодом.

Когда срок службы минул, пришел к солдату черт и говорит: «Ну, Ганс, что ты делал?» — «А вот я огонь под котлами разводил, везде подметал и сор за дверь выбрасывал». — «Но ты и в котлы тоже заглядывал; еще счастье твое, что ты под те котлы дров подкладывал, а не то пришлось бы тебе с жизнью проститься. Теперь твой срок службы миновал, небось, домой вернуться хочешь?» — «Да, хотелось бы посмотреть, что там мой батянка поделывает». — «Ну, так вот, в награду за службу поди да набей себе полон ранец сором; его и домой захвати. Да смотри, уйди туда нечесаный и немытый, с неостриженными ногтями и бородой, с длинными волосами и непромытыми глазами, и когда тебя станут спрашивать, откуда ты идешь, ты отвечай прямо — из ада; а спросят, кто ты таков, скажи, что ты Чумазый братец черта и сам себе господин».

Солдат промолчал и все исполнил, что ему черт приказал, хотя и не был своею наградой доволен.

Очутившись снова на белом свете среди леса, снял он свой ранец со спины и хотел было его вытрясти; открыл его, а там вместо сора — чистое золото.

«Вот этого уж я и не думал», — сказал он, был очень доволен таким превращением и вошел в город.

Перед дверями гостиницы стоял хозяин, и когда солдат подошел к нему, тот перепугался, потому что солдат показался ему страшнее пугала огородного.

Он его к себе подозвал и спросил: «Откуда ты?» — «Из ада». — «А кто ты таков?» — «Чумазный братец черта и сам себе господин». Хозяин не хотел было и впускать его в гостиницу; но когда солдат показал ему золото, тот побежал и сам перед ним двери распахнул.

Приказал солдат отвести себе лучшую комнату, ел и пил вдоволь, но не мылся и не чесался, как ему черт приказал; так и спать лег.

У хозяина же этот ранец, набитый золотом, из ума не шел и покоя ему не давал; наконец он ночью в комнату к солдату пробрался и ранец украл.

На другое утро, поднявшись с постели, Ганс захотел рассчитаться с хозяином и идти далее, а ранца около него не оказалось. Но он тотчас принял такое решение: «Без своей вины я в беду попал», — и немедленно повернул с пути прямо в преисподнюю.

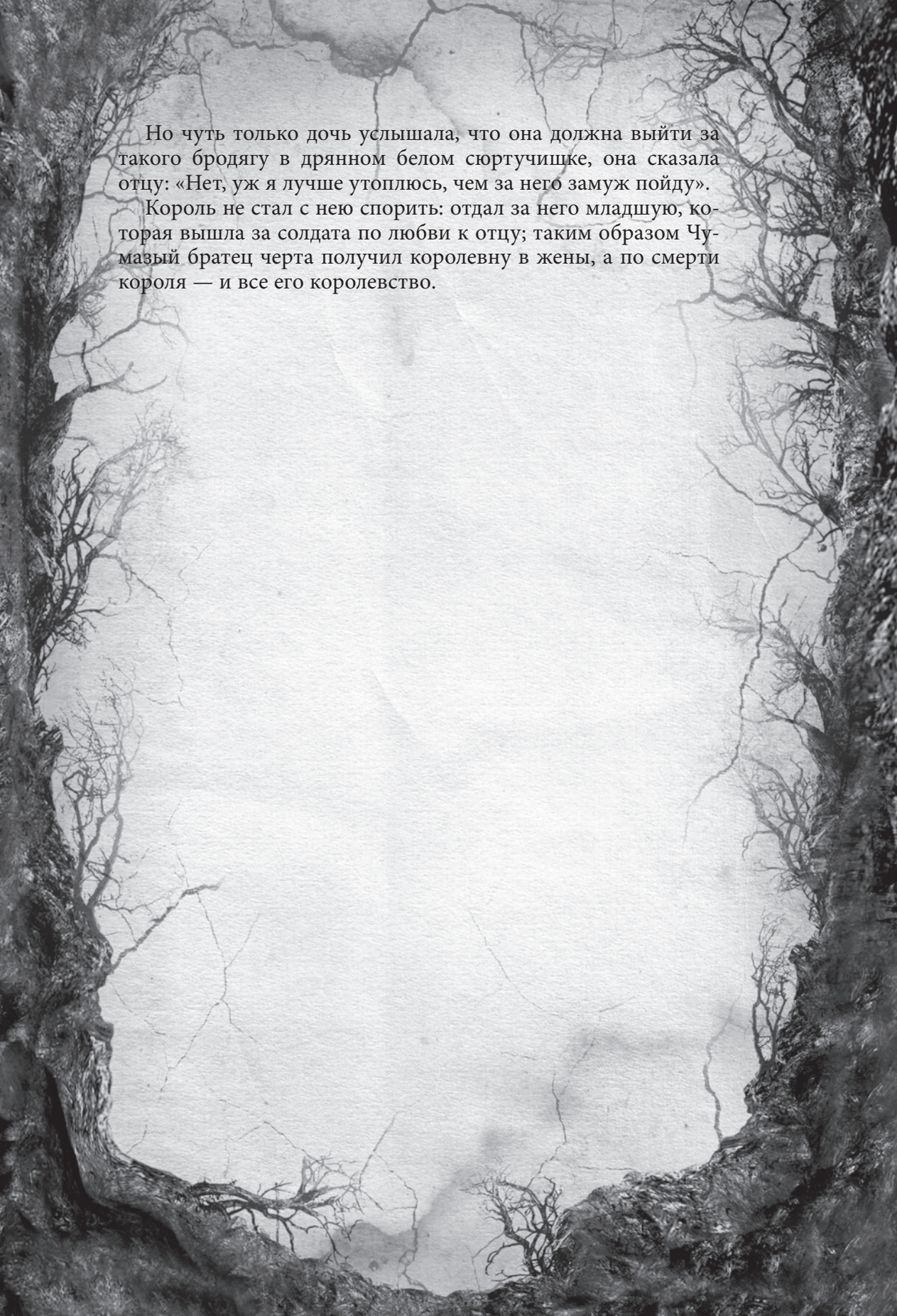
Рассказал он там черту о своей напасти и стал просить его о помощи.

Черт и сказал ему: «Садись, я тебя умою, причешу, побрею, обстригу тебе ногти и волосы и глаза промою». И когда все это было сделано, он дал ему другой ранец, полнехонек сору, и сказал: «Ступай и скажи хозяину гостиницы, чтобы он тотчас же возвратил тебе твое золото, а не то я сам к нему явлюсь и унесу его сюда — пусть здесь вместо тебя огонь под котлами разводит».

Солдат вышел из ада, пришел к хозяину и сказал ему: «Ты у меня украл золото; если не отдать его, то придется тебе идти в ад на мое место, и будешь ты выглядеть таким же чудовищем, как и я». Хозяин поспешил ему возвратить украденное золото, прося никому о том не сказывать; и солдат с той поры разбогател не на шутку.

Направился он к своему отцу, купил себе какой-то плохонький холщовый сюртучишко и стал всюду на пути всех музыкой забавлять: он музыке научился у черта в аду.

Пришлось ему однажды играть перед стариком-королем, и тому так его музыка понравилась, что он пообещал за него выдать замуж старшую дочь.

Но чуть только дочь услышала, что она должна выйти за такого бродягу в дрянном белом сюртучишке, она сказала отцу: «Нет, уж я лучше утоплюсь, чем за него замуж пойду».

Король не стал с нею спорить: отдал за него младшую, которая вышла за солдата по любви к отцу; таким образом Чумазый братец черта получил королевну в жены, а по смерти короля — и все его королевство.

Медвежатник

Жил-был некогда на свете молодой парень, которого завербовали в солдаты; он бился храбро и был всегда впереди там, где сыпался свинцовый горох.

Пока длилась война, все шло ладно; но с заключением мира он получил отставку, и капитан сказал ему, что он может идти на все четыре стороны.

Родители его уже померли, родительского крова у него не было; вот и пошел он к своим братьям и стал их просить, чтобы они прокормили его до начала новой войны.

Но братья его были жестокосердны и сказали: «Где нам с тобой возиться? Ты нам не нужен — поди, сам себя пропитывай». У солдата за душою было только его ружье, его и взял он на плечо и задумал с ним брести по свету.

Вот и пришел он на большую поляну, на которой ничего не было, только деревья кругом росли; под одним из них и присел бедняк и стал о своей судьбе раздумывать. «Денег у меня нет, — думал он, — и ничему-то я не научен, кроме военного ремесла; а теперь, как мир заключен, так и не нужен я никому; вперед вижу, что придется подохнуть с голода».

Вдруг послышался какой-то шум, и когда он оглянулся, то увидел перед собою незнакомца в зеленой одежде, молодцеватого на вид, но с прескверными лошадиными копытами вместо ног. «Знаю я, что тебе нужно, — сказал он солдату, — денег и всякого добра у тебя будет столько, сколько у тебя хватит сил потратить; но только я вперед должен знать, что ты не трус, чтобы не даром на тебя тратить деньги». — «Солдат, да чтобы трусом был! Об этом я что-то не слыхал... А впрочем, можешь испытать меня». — «Ладно, — сказал незнакомец, — вот, оглянись-ка назад».

Солдат оглянулся и увидел большого медведя, который с урчаньем шел прямо на него. «Ого! — сказал солдат. — Дай-ка я тебя, приятель, так под носом пощекочу, что у тебя к ур-

«Медвежатник».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...лицо медвежника было прикрыто волосами
и густым слоем грязи...»*

чанью охота пропадет!» — приложился и выстрелом свалил медведя недвижным на землю.

«Вижу, — сказал незнакомец, — что у тебя нет недостатка в храбрости; но я должен предложить тебе еще одно обязательное условие...» — «Если только оно не помешает спасению моей души, — сказал солдат (он уж знал, с кем имеет дело), — а то я ни за что не соглашусь». — «А вот сам увидишь, — сказал незнакомец, — ты должен пообещать мне, что в ближайшие семь лет не будешь мыться, бороды и волос не будешь чесать, ногтей не станешь стричь и молитв читать не будешь. Сверх того я дам тебе такую одежду и плащ, которые ты в течение этого времени должен носить, не снимая. Коли ты не умрешь в течение этих семи лет, то ты будешь свободен и богат на всю жизнь».

Солдат подумал о той крайности, в которой он находился, вспомнил, сколько раз случалось ему идти на смерть, и решился еще раз в жизни рискнуть, и дал свое согласие черту.

Тот снял с себя зеленую одежду, подал ее солдату и сказал: «Если ты это платье наденешь и сунешь руку в карман, то всегда вынешь из него полнешенькую горсть денег».

Потом он содрал с медведя шкуру и сказал: «Эта шкура должна тебе служить плащом и постелью; на ней ты должен спать и ни в какую иную постель не ложиться. По этому плащу ты и должен называться медвежником».

Сказав эти слова, черт исчез.

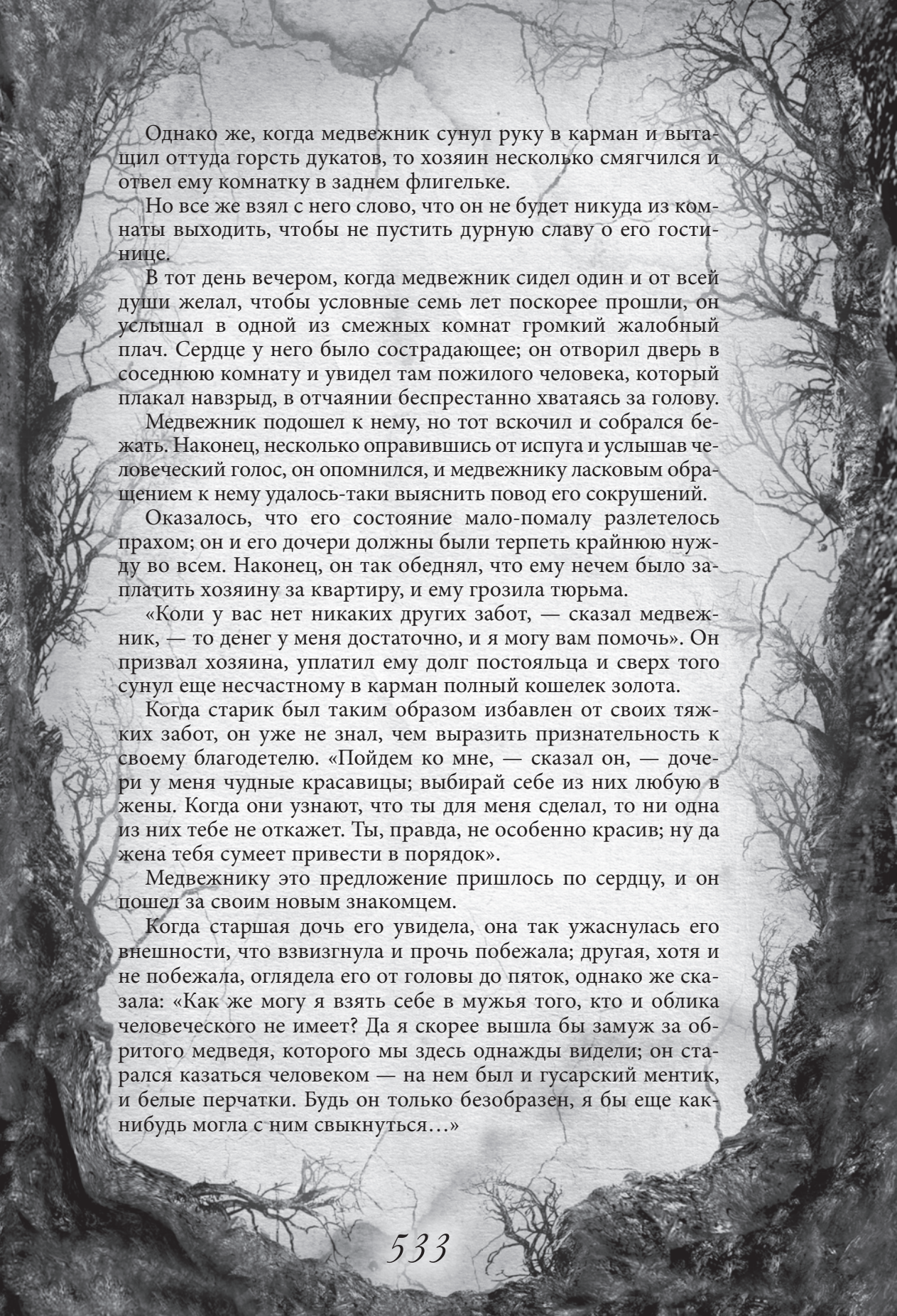
Солдат надел зеленую одежду, сунул тотчас руку в карман и нашел, что все сказанное дьяволом было совершенно верно.

Затем накинул он на плечи медвежью шкуру, побрел по белу свету, был очень весел и доволен и не упускал случая повеселить себя и потратить деньги.

В первый год перемена в нем была еще не очень заметна, но во второй он уже смотрелся настоящим чудовищем. Волосы почти закрывали ему лицо, борода походила на сплошной кусок грубого войлока, на пальцах были словно когти, а на лице — такой слой грязи, что хоть траву на нем сей.

Кто его видел, тот от него прочь бежал; но так как он всюду раздавал бедным деньги, прося их молиться за него и просить у Бога, чтобы он в течение семи лет не умер, так как при том он за все отлично расплачивался, то он все же еще находил себе всюду приют.

Но на четвертый год пришел он в гостиницу, и хозяин ее уже не хотел его впускать и даже в хлеву не соглашался поместить его, потому что боялся лошадей своих перепугать.

Однако же, когда медвежник сунул руку в карман и вытащил оттуда горсть дукатов, то хозяин несколько смягчился и отвел ему комнатку в заднем флигельке.

Но все же взял с него слово, что он не будет никуда из комнаты выходить, чтобы не пустить дурную славу о его гостинице.

В тот день вечером, когда медвежник сидел один и от всей души желал, чтобы условные семь лет поскорее прошли, он услышал в одной из смежных комнат громкий жалобный плач. Сердце у него было сострадающее; он отворил дверь в соседнюю комнату и увидел там пожилого человека, который плакал навзрыд, в отчаянии беспрестанно хватаясь за голову.

Медвежник подошел к нему, но тот вскочил и собрался бежать. Наконец, несколько оправившись от испуга и услышав человеческий голос, он опомнился, и медвежнику ласковым обращением к нему удалось-таки выяснить повод его сокрушений.

Оказалось, что его состояние мало-помалу разлетелось прахом; он и его дочери должны были терпеть крайнюю нужду во всем. Наконец, он так обеднял, что ему нечем было заплатить хозяину за квартиру, и ему грозила тюрьма.

«Коли у вас нет никаких других забот, — сказал медвежник, — то денег у меня достаточно, и я могу вам помочь». Он призвал хозяина, уплатил ему долг постояльца и сверх того сунул еще несчастному в карман полный кошелек золота.

Когда старик был таким образом избавлен от своих тяжких забот, он уже не знал, чем выразить признательность к своему благодетелю. «Пойдем ко мне, — сказал он, — дочери у меня чудные красавицы; выбирай себе из них любую в жены. Когда они узнают, что ты для меня сделал, то ни одна из них тебе не откажет. Ты, правда, не особенно красив; ну да жена тебя сумеет привести в порядок».

Медвежнику это предложение пришлось по сердцу, и он пошел за своим новым знакомцем.

Когда старшая дочь его увидела, она так ужаснулась его внешности, что взвизгнула и прочь побежала; другая, хотя и не побежала, оглядела его от головы до пяток, однако же сказала: «Как же могу я взять себе в мужья того, кто и облика человеческого не имеет? Да я скорее вышла бы замуж за обритого медведя, которого мы здесь однажды видели; он старался казаться человеком — на нем был и гусарский ментик, и белые перчатки. Будь он только безобразен, я бы еще как-нибудь могла с ним свыкнуться...»

А младшая дочь сказала: «Милый батюшка, это, верно, хороший человек, потому что он помог вам выпутаться из нужды; и если вы ему в награду за эту услугу обещали дочь в невесты, то ваше слово должно быть твердо».

Жаль, что лицо медвежника было прикрыто волосами и густым слоем грязи, а то было бы видно, как его сердце радовалось, когда он услышал эти добрые слова!

Он снял кольцо с пальца, разломил его пополам и отдал одну половинку ей, а другую удержал при себе. На ее половинке написал он свое имя, а на своей половинке ее имя и просил ее тщательно поберечь эту половинку.

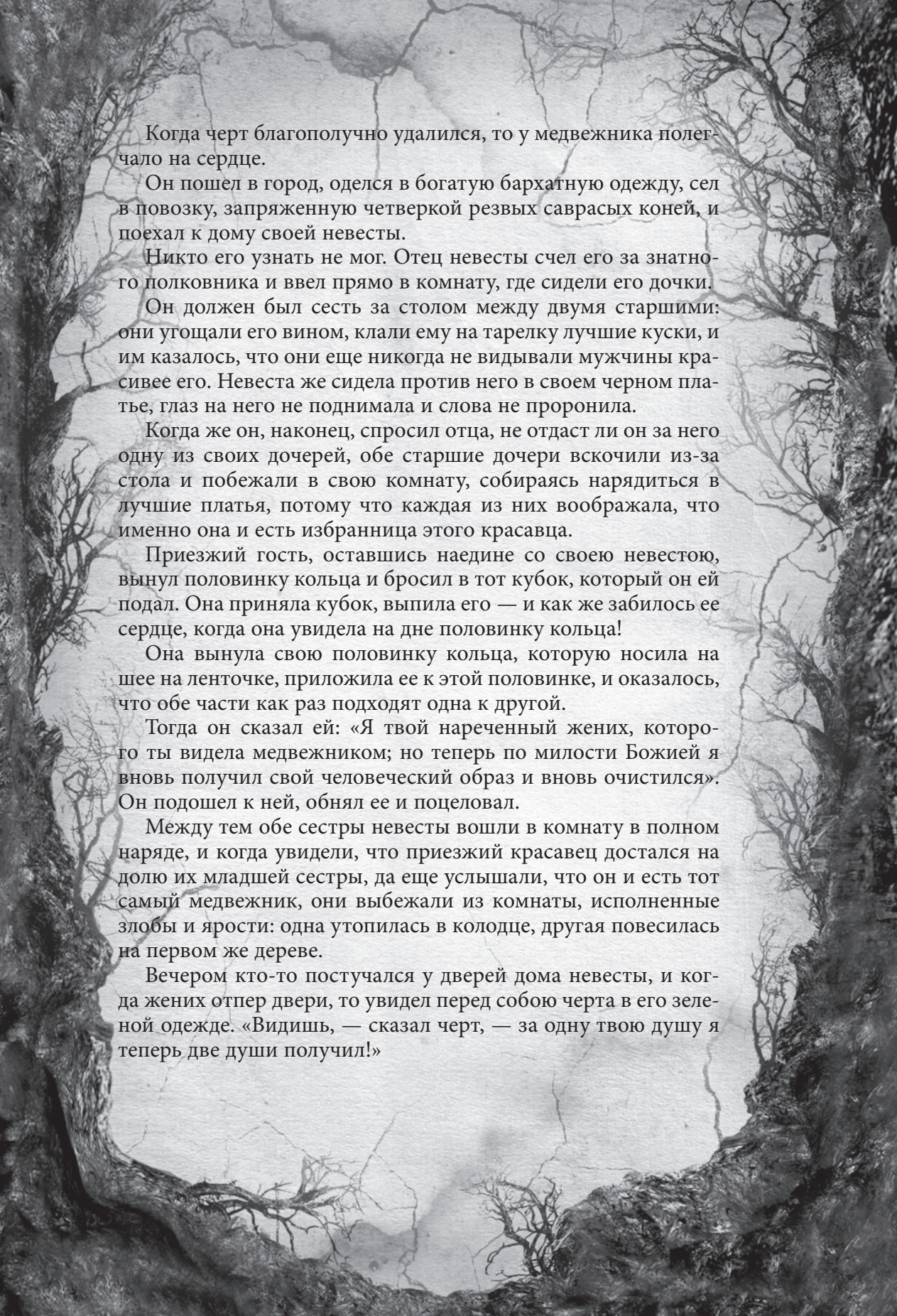
Затем он простился с ней и сказал: «Я должен еще три года странствовать по белу свету, и если не вернусь по истечении их, то ты свободна — это будет значить, что я умер. Но моли же Господа о том, чтобы он сохранил мне жизнь».

Бедная невеста оделась вся в черное, и каждый раз, как ее жених приходил ей на память, слезы навертывались у нее на глаза. Со стороны сестер своих она видела только насмешки и глумление. «Смотри, — сказала старшая, — не давай ему руки, а то он, пожалуй, по руке ударит тебя лапой!» — «Берегись, — говорила вторая сестра, — медведи ведь большие сластены; так если ты ему понравишься, он, пожалуй, еще съест тебя». — «Тебе всегда придется исполнять его волю, — говорила старшая, — а не то он, пожалуй, еще ворчать станет». А вторая сестра подхватывала: «Ну, зато свадьба будет веселая — медведи-то ведь хорошо пляшут!»

Невеста молчала и не давала сбить себя с толку. А медвежник тем временем бродил по белу свету из места в место, делая добро, где мог, и подавал бедным щедрую милостыню, прося их, чтобы они за него молились.

С рассветом последнего дня условленных семи лет он снова вышел на ту же поляну и сел под одно из деревьев, которые росли кругом ее. Вскоре засвистал ветер, и черт явился перед ним хмурый и сердитый; он бросил ему старое его платье, а от него потребовал обратно свою зеленую одежду. «Нет, погоди еще! — сказал медвежник. — Сначала ты еще меня очистить должен».

Волей-неволей пришлось черту воды принести, чтобы обмыть медвежника, пришлось расчесать ему волосы и обрезать ногти, и стал он по-прежнему бравым военным, да еще, пожалуй, красивее прежнего.

Когда черт благополучно удалился, то у медвежника легало на сердце.

Он пошел в город, оделся в богатую бархатную одежду, сел в повозку, запряженную четверкой резвых саврасых коней, и поехал к дому своей невесты.

Никто его узнать не мог. Отец невесты счел его за знатного полковника и ввел прямо в комнату, где сидели его дочери.

Он должен был сесть за столом между двумя старшими: они угощали его вином, клали ему на тарелку лучшие куски, и им казалось, что они еще никогда не видывали мужчины красивее его. Невеста же сидела против него в своем черном платье, глаз на него не поднимала и слова не проронила.

Когда же он, наконец, спросил отца, не отдаст ли он за него одну из своих дочерей, обе старшие дочери вскочили из-за стола и побежали в свою комнату, собираясь нарядиться в лучшие платья, потому что каждая из них воображала, что именно она и есть избранница этого красавца.

Приезжий гость, оставшись наедине со своею невестою, вынул половинку кольца и бросил в тот кубок, который он ей подал. Она приняла кубок, выпила его — и как же забилося ее сердце, когда она увидела на дне половинку кольца!

Она вынула свою половинку кольца, которую носила на шее на ленточке, приложила ее к этой половинке, и оказалось, что обе части как раз подходят одна к другой.

Тогда он сказал ей: «Я твой нареченный жених, которого ты видела медвежником; но теперь по милости Божией я вновь получил свой человеческий образ и вновь очистился». Он подошел к ней, обнял ее и поцеловал.

Между тем обе сестры невесты вошли в комнату в полном наряде, и когда увидели, что приезжий красавец достался на долю их младшей сестры, да еще услышали, что он и есть тот самый медвежник, они выбежали из комнаты, исполненные злобы и ярости: одна утопилась в колодце, другая повесилась на первом же дереве.

Вечером кто-то постучался у дверей дома невесты, и когда жених отпер двери, то увидел перед собою черта в его зеленой одежде. «Видишь, — сказал черт, — за одну твою душу я теперь две души получил!»

Королек и медведь

Однажды летом вышли медведь и волк в лес на прогулку, и услышал медведь такое чудесное пение какой-то птицы, что даже спросил: «Братец волк, что это за птичка, что так хорошо поет?» — «О, это царица всех птиц, — сказал волк, — перед нею все мы должны преклоняться...»

А птица-то была королек. «Коли так, — сказал медведь, — так мне бы очень хотелось посмотреть на ее царский дворец; пойдем, сведи меня туда». — «Так-то не положено, — сказал волк, — тебе придется подождать прибытия самой царицы».

Вскоре после того прилетела госпожа царица и корм держала в клюве, и супруг ее тоже, и оба собирались кормить своих птенцов. Медведь охотно бы последовал за ними, но волк удержал его и сказал: «Нет, ты должен обождать, пока царь и царица опять отлетят».

Заметили они то дупло, в котором было свито гнездо королька, и пошли прочь.

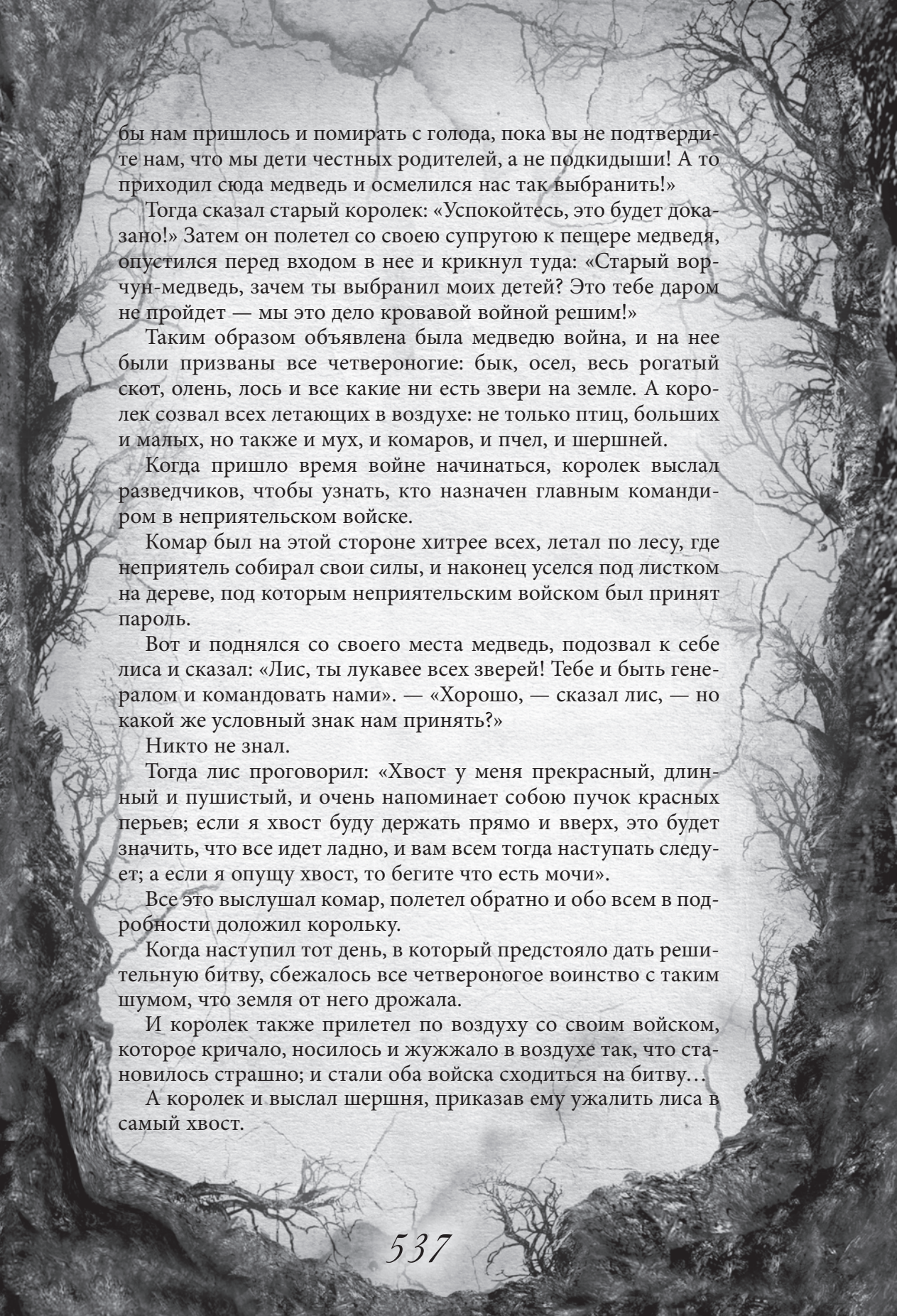
Но медведю не терпелось: хотелось посмотреть на царский дворец, и он немного спустя опять вернулся на то же место.

А царь-то с царицею как раз в это время были в отлете; заглянул медведь в дупло и видит — лежат там пять или шесть птенцов в гнезде. «Так это-то есть царский дворец? — воскликнул медведь. — Ну и жалкий же этот дворец! Да и вы, какие вы царские дети? Вы — просто подкидыши!»

Как услышали это юные птенцы-корольки, так и озлились, и закричали: «Нет, мы не подкидыши! Наши родители честные люди! Медведь! Так и знай — придется тебе за эти слова отвечать!»

Медведь и волк этой угрозы испугались, они поворотили оглобли и убрались в свои берлоги.

А юные птенцы-корольки продолжали кричать и шуметь, и когда их родители опять вернулись с кормом, они им сказали: «Мы не прикоснемся ни к одной мушиной ножке, хотя

бы нам пришлось и помирать с голода, пока вы не подтвердите нам, что мы дети честных родителей, а не подкидыши! А то приходил сюда медведь и осмелился нас так выбрать!»

Тогда сказал старый королек: «Успокойтесь, это будет доказано!» Затем он полетел со своею супругою к пещере медведя, опустился перед входом в нее и крикнул туда: «Старый ворчун-медведь, зачем ты выбрал моих детей? Это тебе даром не пройдет — мы это дело кровавой войной решим!»

Таким образом объявлена была медведю война, и на нее были призваны все четвероногие: бык, осел, весь рогатый скот, олень, лось и все какие ни есть звери на земле. А королек созвал всех летающих в воздухе: не только птиц, больших и малых, но также и мух, и комаров, и пчел, и шершней.

Когда пришло время войне начинаться, королек выслал разведчиков, чтобы узнать, кто назначен главным командиром в неприятельском войске.

Комар был на этой стороне хитрее всех, летал по лесу, где неприятель собирал свои силы, и наконец уселся под листком на дереве, под которым неприятельским войском был принят пароль.

Вот и поднялся со своего места медведь, подозвал к себе лиса и сказал: «Лис, ты лукавее всех зверей! Тебе и быть генералом и командовать нами». — «Хорошо, — сказал лис, — но какой же условный знак нам принять?»

Никто не знал.

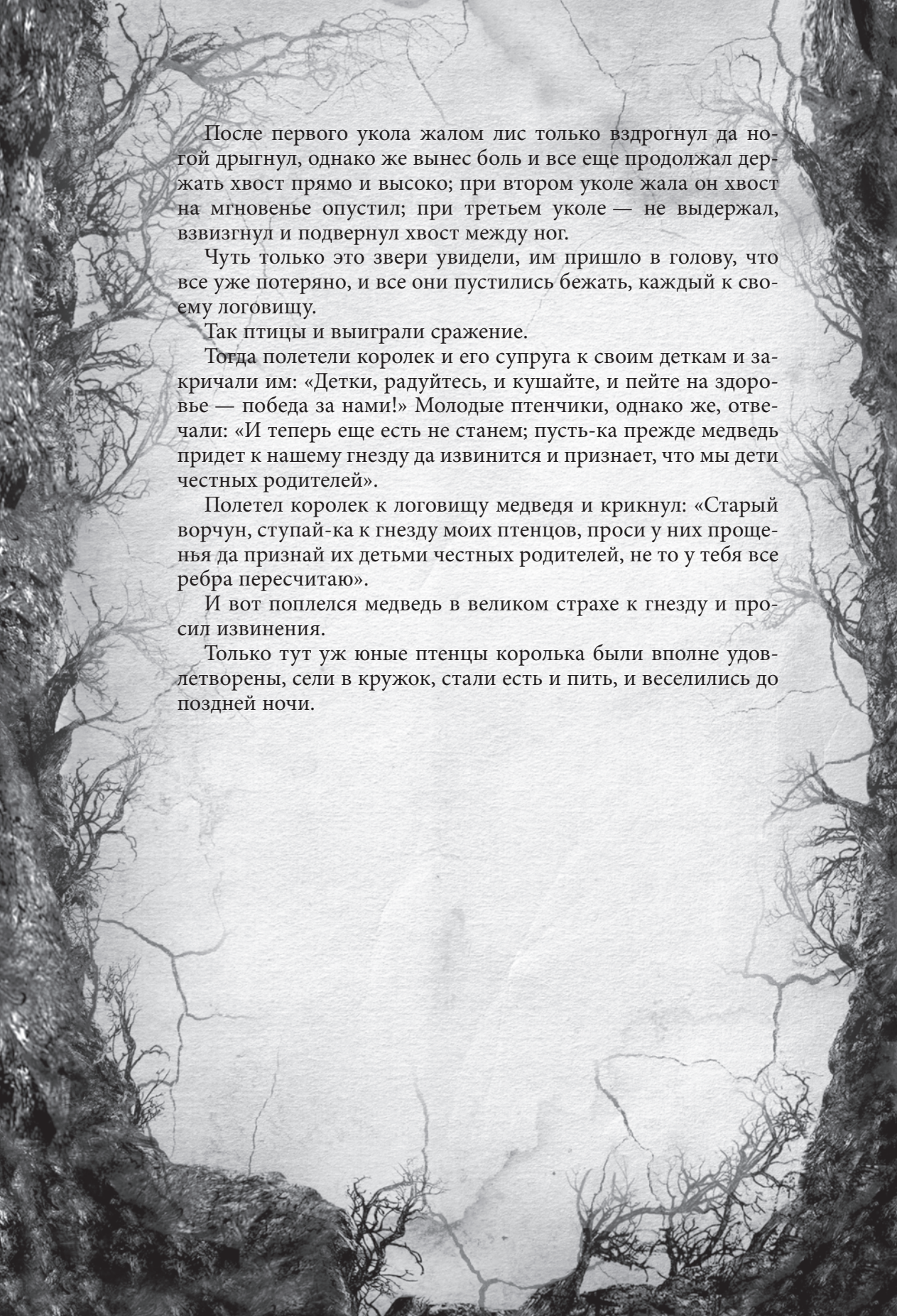
Тогда лис проговорил: «Хвост у меня прекрасный, длинный и пушистый, и очень напоминает собою пучок красных перьев; если я хвост буду держать прямо и вверх, это будет значить, что все идет ладно, и вам всем тогда наступать следует; а если я опущу хвост, то бегите что есть мочи».

Все это выслушал комар, полетел обратно и обо всем в подробности доложил корольку.

Когда наступил тот день, в который предстояло дать решительную битву, сбежалось все четвероногое воинство с таким шумом, что земля от него дрожала.

И королек также прилетел по воздуху со своим войском, которое кричало, носилось и жужжало в воздухе так, что становилось страшно; и стали оба войска сходиться на битву...

А королек и выслал шершня, приказав ему ужалить лиса в самый хвост.

После первого укола жалом лис только вздрогнул да ногой дрыгнул, однако же вынес боль и все еще продолжал держать хвост прямо и высоко; при втором уколе жала он хвост на мгновение опустил; при третьем уколе — не выдержал, взвизгнул и подвернул хвост между ног.

Чуть только это звери увидели, им пришлось в голову, что все уже потеряно, и все они пустились бежать, каждый к своему логовищу.

Так птицы и выиграли сражение.

Тогда полетели королек и его супруга к своим деткам и закричали им: «Детки, радуйтесь, и кушайте, и пейте на здоровье — победа за нами!» Молодые птенчики, однако же, отвечали: «И теперь еще есть не станем; пусть-ка прежде медведь придет к нашему гнезду да извинится и признает, что мы дети честных родителей».

Полетел королек к логовищу медведя и крикнул: «Старый ворчун, ступай-ка к гнезду моих птенцов, проси у них прощенья да признай их детьми честных родителей, не то у тебя все ребра пересчитаю».

И вот поплелся медведь в великом страхе к гнезду и просил извинения.

Только тут уж юные птенцы королька были вполне удовлетворены, сели в кружок, стали есть и пить, и веселились до поздней ночи.

«Королек и медведь».

Художник – Макс Слефогт. 1915 г.

«...Однажды летом вышли медведь и волк в лес на прогулку, и услышал медведь такое чудесное пение какой-то птицы, что даже спросил: "Братец волк, что это за птичка, что так хорошо поет?" – "О, это царица всех птиц, – сказал волк, – перед нею все мы должны преклоняться" ...»

Сладкая каша

Жила-была бедная богобоязненная девочка; жила она со своею матерью одна, и есть у них стало нечего. Тогда вышла она в лес и повстречалась там со старухою, которая уже заранее знала, в чем ее горе. И подарила та старуха ей горшочек, да такой, что ему стоило только сказать: «Горшочек, вари!» — и он начинал варить чудесную, сладкую кашу. А скажешь ему: «Горшочек, полно!» — и он тотчас же переставал варить. Принесла девочка свой горшочек к матери домой, и таким образом они от голода и бедности были избавлены и могли кушать сладкую кашу, сколько душе угодно.

Случилось однажды, что девочки не было дома, а ее мать возьми и скажи: «Горшочек, вари!» И стал он варить, и наелась она досыта; затем захотела мать, чтобы он не варил больше, да слово-то и позабыла...

А горшочек-то варит да варит: каша уж и через край вылезает, а он все варит; уж и кухня, и весь домик кашей наполнились, а затем и соседний дом, и вся улица кашей залиты, словно бы горшочек задумал наварить каши на весь белый свет. И беда для всех настала, и никто не мог той беде помочь. Наконец, когда уже изо всей деревни один только домик остался кашей не залит, вернулась девочка домой и только сказала: «Горшочек, полно!» — и перестал горшочек варить...

А наварил он столько, что если кому надо было в город из деревни ехать, тот должен был себе в каше проехать дорогу!

Умные люди

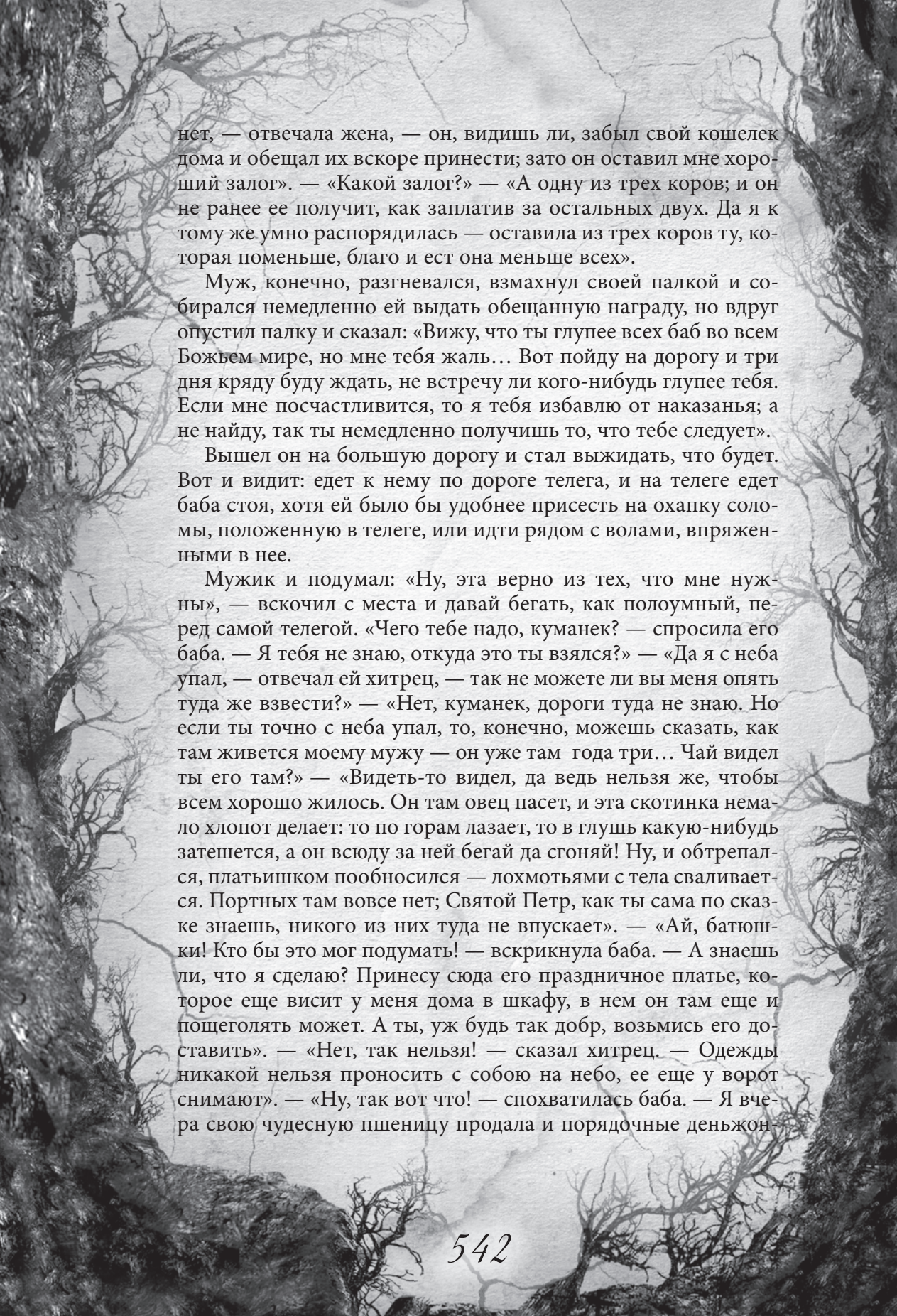
Как-то раз достал мужик из угла свою палку и стал говорить жене своей: «Трина, надо мне далеко отсюда сходить, и только дня через три могу я опять вернуться. Если этим временем заглянет к нам торговец скотом да задумает купить наших трех коров, то ты можешь их отдать ему, но не дешевле, чем за двести талеров, слышишь ли?» — «Ступай с Богом, — отвечала жена, — уж я это все справлю». — «Ну да, справлю! — ворчал муж. — Была ты умна в детстве, да голову зашибла, с тех пор и ум у тебя вышибло!.. Но я тебе вперед говорю: если ты тут что-нибудь напутаешь, я тебе так спину палкой нагрею, что целый год помнить будешь!» Затем он и пустился в дорогу.

На другое утро пришел торговец скотом, и хозяйке не пришлось с ним много разговаривать. Осмотрев коров и узнав их цену, он сказал: «Эту цену дам охотно, потому они ее стоят. Сейчас их с собою и возьму». Он отвязал их от стойла и выгнал из хлева во двор.

Уж он собирался и ворота отпирать, чтобы вывести их на улицу, когда хозяйка ухватила его за рукав и сказала: «Ты прежде отдай мне двести талеров, а не то я скота отпустить не могу». — «Это верно! — отвечал торговец. — Да вся беда в том, что я свой кошелек дома забыл. Да вы не тревожьтесь, я обеспечу вам уплату. Двух-то коров возьму с собою, а третью оставлю у вас — она будет вам служить хорошим залогом».

Хозяйке это понравилось, она отпустила торговца с его коровами и подумала: «Вот Ганс-то мой как порадуется, когда увидит, что я так умно распорядилась!»

Муж вернулся, как и сказал, на третий день и тотчас спросил, проданы ли коровы. «Ну, конечно, — отвечала ему жена, — и как ты сказал, за двести талеров. Пожалуй, они столько-то и не стоили, да торговец взял их, не противореча». — «А деньги где?» — спросил муж. «Да денег-то у меня

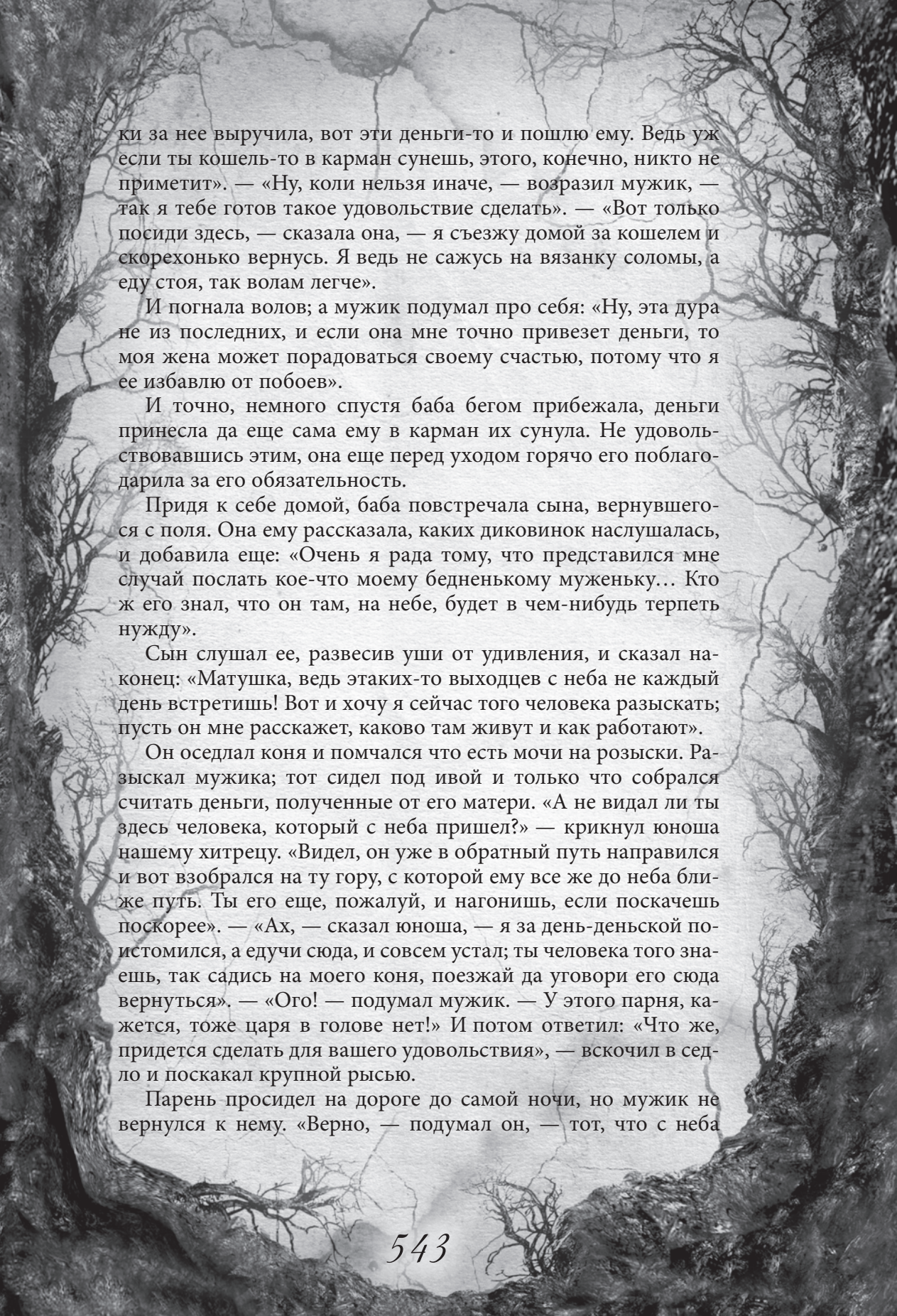

нет, — отвечала жена, — он, видишь ли, забыл свой кошелек дома и обещал их вскоре принести; зато он оставил мне хороший залог». — «Какой залог?» — «А одну из трех коров; и он не ранее ее получит, как заплатив за остальных двух. Да я к тому же умно распорядилась — оставила из трех коров ту, которая поменьше, благо и ест она меньше всех».

Муж, конечно, разгневался, взмахнул своей палкой и собирался немедленно ей выдать обещанную награду, но вдруг опустил палку и сказал: «Вижу, что ты глупее всех баб во всем Божьем мире, но мне тебя жаль... Вот пойду на дорогу и три дня кряду буду ждать, не встречу ли кого-нибудь глупее тебя. Если мне посчастливится, то я тебя избавлю от наказания; а не найду, так ты немедленно получишь то, что тебе следует».

Вышел он на большую дорогу и стал выжидать, что будет. Вот и видит: едет к нему по дороге телега, и на телеге едет баба стоя, хотя ей было бы удобнее присесть на охапку соломы, положенную в телеге, или идти рядом с волами, впряженными в нее.

Мужик и подумал: «Ну, эта верно из тех, что мне нужны», — вскочил с места и давай бегать, как полоумный, перед самой телегой. «Чего тебе надо, куманек? — спросила его баба. — Я тебя не знаю, откуда это ты взялся?» — «Да я с неба упал, — отвечал ей хитрец, — так не можете ли вы меня опять туда же взвести?» — «Нет, куманек, дороги туда не знаю. Но если ты точно с неба упал, то, конечно, можешь сказать, как там живет моему мужу — он уже там года три... Чай видел ты его там?» — «Видеть-то видел, да ведь нельзя же, чтобы всем хорошо жилось. Он там овец пасет, и эта скотинка немало хлопот делает: то по горам лазает, то в глушь какую-нибудь затешется, а он всюду за ней бегай да сгоняй! Ну, и обтрепался, платишком пообносился — лохмотьями с тела сваливается. Портных там вовсе нет; Святой Петр, как ты сама по сказке знаешь, никого из них туда не впускает». — «Ай, батюшки! Кто бы это мог подумать! — вскрикнула баба. — А знаешь ли, что я сделаю? Принесу сюда его праздничное платье, которое еще висит у меня дома в шкафу, в нем он там еще и пощеголять может. А ты, уж будь так добр, возьми его доставить». — «Нет, так нельзя! — сказал хитрец. — Одежды никакой нельзя проносить с собою на небо, ее еще у ворот снимают». — «Ну, так вот что! — спохватилась баба. — Я вчера свою чудесную пшеницу продала и порядочные деньжон-

ки за нее выручила, вот эти деньги-то и пошлю ему. Ведь уж если ты кошель-то в карман сунешь, этого, конечно, никто не приметит». — «Ну, коли нельзя иначе, — возразил мужик, — так я тебе готов такое удовольствие сделать». — «Вот только посиди здесь, — сказала она, — я съезжу домой за кошельем и скорехонько вернусь. Я ведь не сажусь на вязанку соломы, а еду стоя, так волам легче».

И погнала волов; а мужик подумал про себя: «Ну, эта дура не из последних, и если она мне точно привезет деньги, то моя жена может порадоваться своему счастью, потому что я ее избавлю от побоев».

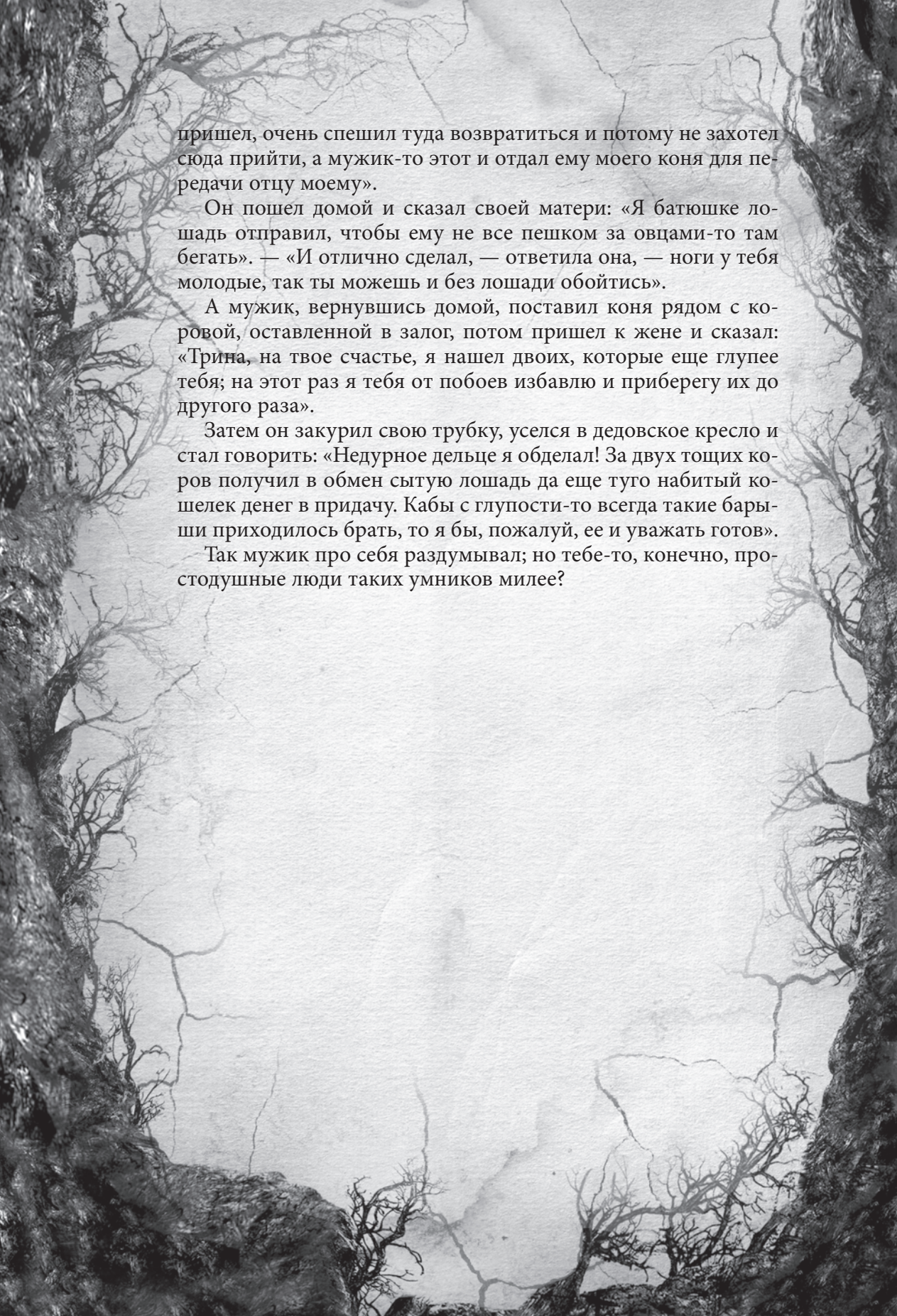
И точно, немного спустя баба бегом прибежала, деньги принесла да еще сама ему в карман их сунула. Не удовольствовавшись этим, она еще перед уходом горячо его поблагодарила за его обязательность.

Придя к себе домой, баба повстречала сына, вернувшегося с поля. Она ему рассказала, каких диковинок наслушалась, и добавила еще: «Очень я рада тому, что представился мне случай послать кое-что моему бедненькому муженьку... Кто ж его знал, что он там, на небе, будет в чем-нибудь терпеть нужду».

Сын слушал ее, развесив уши от удивления, и сказал наконец: «Матушка, ведь таких-то выходцев с неба не каждый день встретишь! Вот и хочу я сейчас того человека разыскать; пусть он мне расскажет, каково там живут и как работают».

Он оседлал коня и помчался что есть мочи на розыски. Разыскал мужика; тот сидел под ивой и только что собрался считать деньги, полученные от его матери. «А не видал ли ты здесь человека, который с неба пришел?» — крикнул юноша нашему хитрецу. «Видел, он уже в обратный путь направился и вот взобрался на ту гору, с которой ему все же до неба ближе путь. Ты его еще, пожалуй, и нагонишь, если поскачешь поскорее». — «Ах, — сказал юноша, — я за день-деньской истомился, а едучи сюда, и совсем устал; ты человека того знаешь, так садись на моего коня, поезжай да уговори его сюда вернуться». — «Ого! — подумал мужик. — У этого парня, кажется, тоже царя в голове нет!» И потом ответил: «Что же, придется сделать для вашего удовольствия», — вскочил в седло и поскакал крупной рысью.

Парень просидел на дороге до самой ночи, но мужик не вернулся к нему. «Верно, — подумал он, — тот, что с неба

пришел, очень спешил туда возвратиться и потому не захотел сюда прийти, а мужик-то этот и отдал ему моего коня для передачи отцу моему».

Он пошел домой и сказал своей матери: «Я батюшке лошадь отправил, чтобы ему не все пешком за овцами-то там бегать». — «И отлично сделал, — ответила она, — ноги у тебя молодые, так ты можешь и без лошади обойтись».

А мужик, вернувшись домой, поставил коня рядом с коровой, оставленной в залог, потом пришел к жене и сказал: «Трина, на твое счастье, я нашел двоих, которые еще глупее тебя; на этот раз я тебя от побоев избавлю и приберегу их до другого раза».

Затем он закурил свою трубку, уселся в дедовское кресло и стал говорить: «Недурное дельце я обделал! За двух тощих коров получил в обмен сытую лошадь да еще туго набитый кошелек денег в придачу. Кабы с глупости-то всегда такие барыши приходилось брать, то я бы, пожалуй, ее и уважать готов».

Так мужик про себя раздумывал; но тебе-то, конечно, простодушные люди таких умников милее?

Сказки об уже

I

Малое дитяtko получало каждый день от матери блюдо молока со сдобными крошками и всегда выносило свое блюдо во двор. Когда же дитя начинало кушать, то из стенной щели выползал домовый уж, опускал свою головку в молоко и питался вместе с дитятей. Это дитяте нравилось, и когда случалось, что уж не тотчас являлся разделить скромную трапезу, дитя его начинало так выкликать:

Уж-ужок, иди ко мне,
Вылезай из щели,
Чтобы блюдо молочка
Мы скорее съели.

Тогда уж вылезал поспешно и принимался за молоко. В благодарность за это он приносил для ребенка из своей скрытой казны всякие хорошие вещи — блестящие камешки, жемчуг и золотые игрушки. Но питался уж только молоком, а к крошкам и не притрагивался.

Вот однажды дитя взяло в руки ложечку, легонько ударило ужа по головке и сказало: «Ты должен и крошки есть».

Мать тем временем стояла на кухне, услышала, что дитя с кем-то говорит и, увидев, что оно бьет ужа по головке, выскочила из кухни с поленом и пришибла бедного ужа насмерть.

С того времени в ребенке произошла какая-то перемена. Пока уж ел с ним из одного блюда, ребенок и вырос, и окреп, а тут вдруг побледнел и стал хиреть.

Немного спустя не к добру стала завывать над домом ночная птица, а красношейка стала собирать листочки и веточки для могильного веночка — и вскоре после того ребенок уж лежал в гробу.

II

Бедная сиротка сидела у городской стены и пряла, и вдруг увидела, как уж выполз из одного отверстия в стене.

Она тотчас разостлала свой голубой шелковый платочек около себя, а уж этот цвет очень любят да на него только и идут.

Как только уж это увидел, сейчас повернул к своей щели, опять выполз из нее и принес маленькую золотую коронку, положил на платок и опять уполз.

Девочка забрала ту коронку, сплетенную из тонкой золотой проволоки, чтобы любоваться блеском ее.

Вскоре после того уж и еще раз выполз; но, увидев, что коронки уже нет на платке, он всполз на стену и до тех пор бился изо всех сил о стену головою, пока не упал со стены мертвый.

Кабы девочка на ту коронку не польстилась, уж, вероятно, еще более натаскал бы ей сокровищ из своей норы.

III

Кличет уж: «Гу-гу! Гу-гу».

Говорит дитя: «Выходи сюда! Ну!»

Выходит уж, и спрашивает у него дитя про свою сестричку: «Не видал ли ты где Красного Чулочка?»

Говорит уж: «Нет, не видал: а ты как? Гу-гу, гу-гу, гу-гу».

*«...Тогда уж вылезал
поспешно и принимался
за молоко. В благодарность
за это он приносил для ребенка
из своей скрытой казны всякие
хорошие вещи – блестящие
камешки, жемчуг
и золотые игрушки...»*

«Сказки об ухе».
Художник – Герман Фогель. 1894 г.

Бедный батрак на мельнице и кошечка

Жил на старой мельнице старик-мельник; не было у него ни жены, ни детей, и только три батрака находились у него в услужении.

После того как они пробыли у него уже несколько лет, он им сказал однажды: «Я уже стар и не прочь бы на печку завалиться; а вы ступайте по белу свету, и тот из вас, который приведет мне лучшего коня, получит от меня мельницу во владение да пусть уж меня до самой смерти и прокармливает».

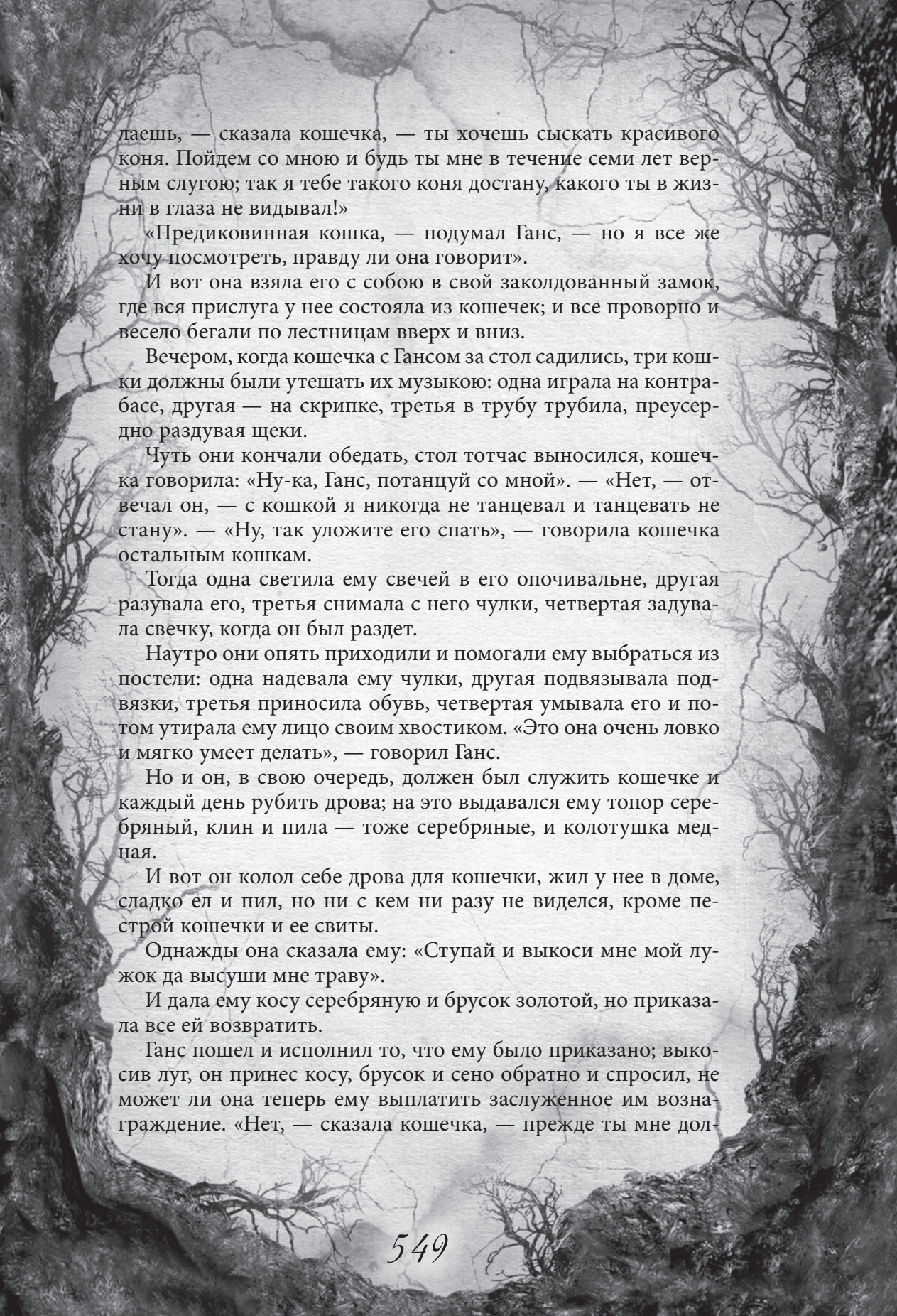
А третий-то батрак работал на засыпке, и все его считали глупым и мельницу ему не прочили; да и сам-то он не думал, что она ему достаться может.

Вот и вышли они все трое на поиски, и когда пришли к первой деревне, то двое старших сказали глупому Гансу: «Оставайся-ка ты здесь, все равно тебе ни в жизнь не добыть ни одной клячи!»

Ганс, однако же, от них не отставал, и когда наступила ночь, подошли они втроем к пещере, в которой и легли спать. Те двое, что поумнее, дождались, пока Ганс заснул, а затем встали и ушли, покинув Ганса одного, и думали, что очень хитро поступили (а им еще придется за это поплатиться!)...

Когда солнце взошло и Ганс проснулся, он увидел, что лежит в глубокой пещере; стал кругом оглядываться и воскликнул: «Господи, да где же это я?» Тут он поднялся, выкарабкался из пещеры, вышел в лес и подумал: «Один я здесь и покинут всеми! Как доберусь я теперь до своего коня?»

Между тем как он так шел и раздумывал, попалась ему навстречу маленькая пестрая кошечка и сказала ему ласково: «Ганс, куда ты собрался?» — «Ах, отстань! Ведь ты мне ни в чем не можешь оказать помощи!» — «Я знаю, чего ты же-

лаешь, — сказала кошечка, — ты хочешь сыскать красивого коня. Пойдем со мною и будь ты мне в течение семи лет верным слугою; так я тебе такого коня достану, какого ты в жизни в глаза не видывал!»

«Предиковинная кошка, — подумал Ганс, — но я все же хочу посмотреть, правду ли она говорит».

И вот она взяла его с собою в свой заколдованный замок, где вся прислуга у нее состояла из кошечек; и все проворно и весело бегали по лестницам вверх и вниз.

Вечером, когда кошечка с Гансом за стол садились, три кошки должны были утешать их музыкою: одна играла на контрабасе, другая — на скрипке, третья в трубу трубила, преусердно раздувая щеки.

Чуть они кончали обедать, стол тотчас выносился, кошечка говорила: «Ну-ка, Ганс, потанцуй со мной». — «Нет, — отвечал он, — с кошкой я никогда не танцевал и танцевать не стану». — «Ну, так уложите его спать», — говорила кошечка остальным кошкам.

Тогда одна светила ему свечей в его опочивальне, другая разувала его, третья снимала с него чулки, четвертая задувала свечку, когда он был раздет.

Наутро они опять приходили и помогали ему выбраться из постели: одна надевала ему чулки, другая подвязывала подвязки, третья приносила обувь, четвертая умывала его и потом утирала ему лицо своим хвостиком. «Это она очень ловко и мягко умеет делать», — говорил Ганс.

Но и он, в свою очередь, должен был служить кошечке и каждый день рубить дрова; на это выдавался ему топор серебряный, клин и пила — тоже серебряные, и колотушка медная.

И вот он колол себе дрова для кошечки, жил у нее в доме, сладко ел и пил, но ни с кем ни разу не виделся, кроме пестрой кошечки и ее свиты.

Однажды она сказала ему: «Ступай и выкоси мне мой лужок да высуши мне траву».

И дала ему косу серебряную и брусок золотой, но приказала все ей возвратить.

Ганс пошел и исполнил то, что ему было приказано; выкосив луг, он принес косу, брусок и сено обратно и спросил, не может ли она теперь ему выплатить заслуженное им вознаграждение. «Нет, — сказала кошечка, — прежде ты мне дол-

жен еще одно дело сделать: вот тут и бревна на строение серебряные, и топор, и скрепы, и все необходимое тоже из серебра; построй мне из всего этого небольшой домик».

Ганс домик построил и сказал, что теперь он все выполнил, а лошади обещанной все еще нет.

А между тем условные семь лет протекли, словно полгода. Спросила его кошечка, не хочет ли он выбрать из ее лошадей. «Хочу», — сказал Ганс. Тогда она ему открыла домик, и, чуть только дверь отворилась, видит он — стоят там в стойле двенадцать лошадей, статных да красивых, таких, что на них сердце радовалось!

Потом она его накормила и напоила и сказала: «Ступай теперь домой; твоего коня я тебе не дам с собою, а вот через три дня сама приеду и коня приведу».

Вот и собрался Ганс в дорогу, и она сама ему показала, как пройти на мельницу, но не дала ему даже и нового платья, и должен он был остаться в старом, заштопанном полукафтани, а он за семь лет стал ему всюду и короток, и узок.

Когда он домой вернулся, то и другие два батрака тоже пришли на мельницу: оба привели коней с собою, да у одного-то конь был хром, а у другого — слеп.

«Ганс, а где же твоя-то лошадь?» — спросили его батраки. «Через три дня будет здесь».

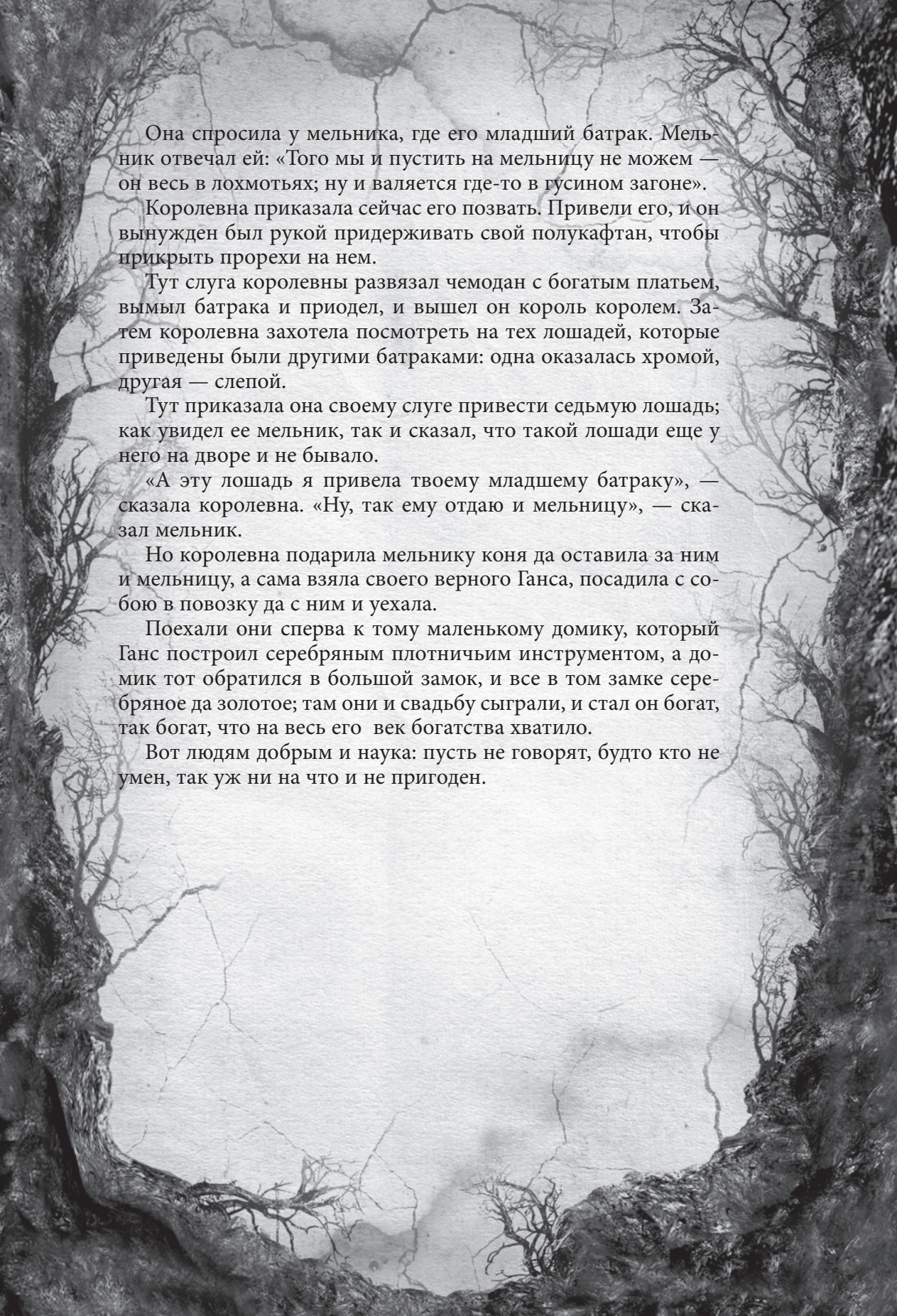
Те расхохотались и сказали: «Ну, да уж коли ты-то лошадь добудешь, так уж настоящая будет!»

Пошел Ганс в дом, но мельник сказал ему, чтобы он с ними не садился за стол — такая-то у него одежонка рваная и лохмотная, что пришлось бы за него стыдиться, если бы кто чужой вошел. Вот и вынесли они ему немного еды за двери, и когда вечером все спать пошли, то двое других не хотели ему и постели дать, и он, наконец, должен был забраться в гусиный загон и улечься на жесткой соломе.

Наутро, когда он проснулся, три дня-то уж и миновали; и вдруг подъехала повозка, запряженная шестериком коней, и все они так и блестили — посмотреть любо!

А при повозке был и слуга, который вел в поводу седьмую лошадь для бедного Ганса.

Из повозки же вышла красавица-королевна и вошла на мельницу, и эта королевна была та самая кошечка, у которой бедный Ганс семь лет прослужил.

Она спросила у мельника, где его младший батрак. Мельник отвечал ей: «Того мы и пустить на мельницу не можем — он весь в лохмотьях; ну и валяется где-то в гусином загоне».

Королевна приказала сейчас его позвать. Привели его, и он вынужден был рукой придерживать свой полукафтан, чтобы прикрыть прорехи на нем.

Тут слуга королевны развязал чемодан с богатым платьем, вымыл батрака и приодел, и вышел он король королем. Затем королевна захотела посмотреть на тех лошадей, которые приведены были другими батраками: одна оказалась хромой, другая — слепой.

Тут приказала она своему слуге привести седьмую лошадь; как увидел ее мельник, так и сказал, что такой лошади еще у него на дворе и не бывало.

«А эту лошадь я привела твоему младшему батраку», — сказала королевна. «Ну, так ему отдаю и мельницу», — сказал мельник.

Но королевна подарила мельнику коня да оставила за ним и мельницу, а сама взяла своего верного Ганса, посадила с собою в повозку да с ним и уехала.

Поехали они сперва к тому маленькому домику, который Ганс построил серебряным плотничьим инструментом, а домик тот обратился в большой замок, и все в том замке серебряное да золотое; там они и свадьбу сыграли, и стал он богат, так богат, что на весь его век богатства хватило.

Вот людям добрым и наука: пусть не говорят, будто кто не умен, так уж ни на что и не пригоден.

Два странника

Нора с горой не сходится, а человек с человеком, и добрый, и злой, где-нибудь все же сойдутся. Вот так-то однажды на пути сошлись портной с башмачником. Портной был небольшого роста, красивый малый, и притом всегда веселый и довольный. Он увидел издали башмачника, и так как он по его котомке узнал уже, каким ремеслом тот занимается, то он ему в насмешку и спел:

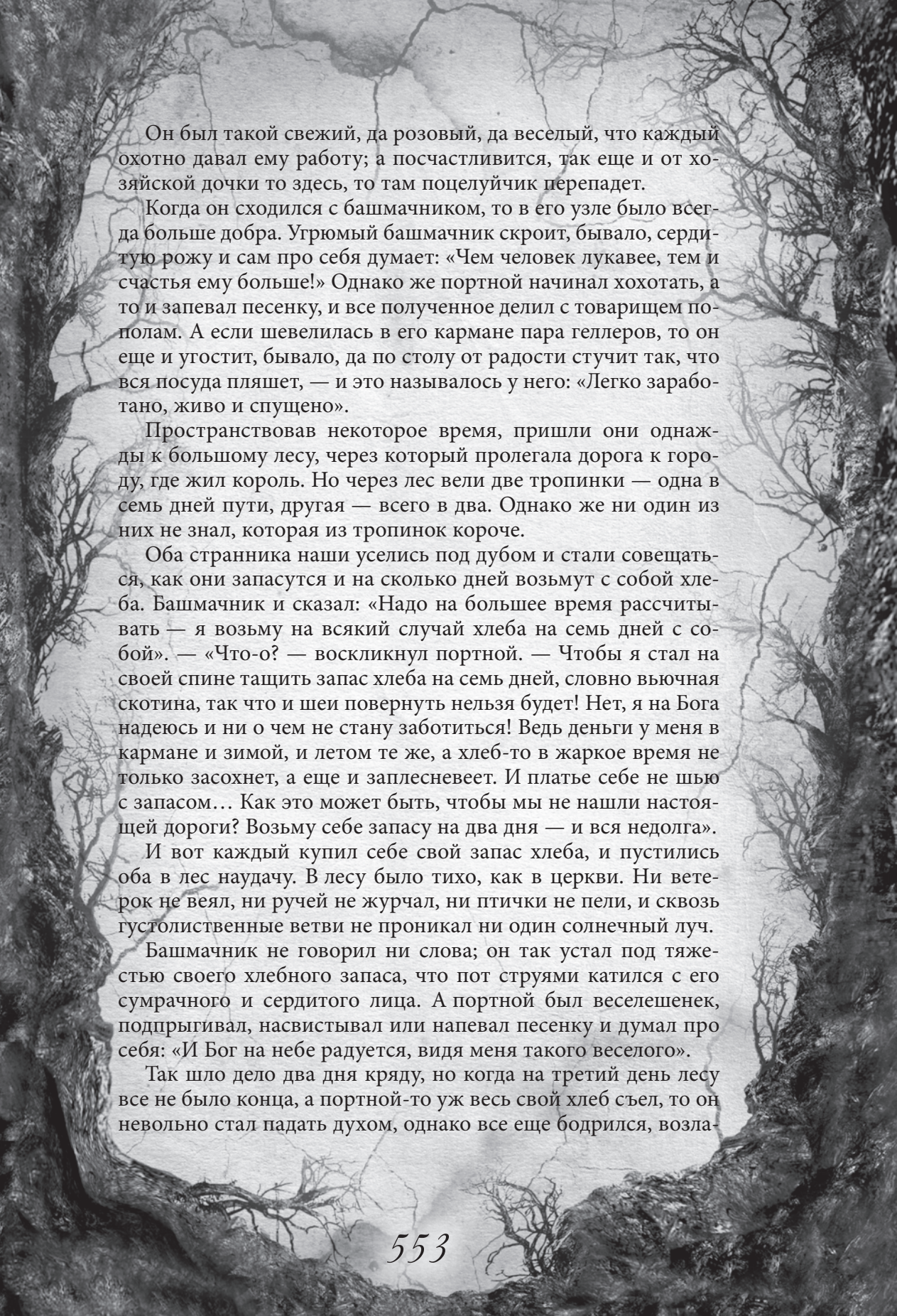
Эй, башмачник, не спи,
Швы все дратвой закрепи,
Все кругом смолой залей
И гвоздочки все забей.

Башмачник шутить не любил: наморщил рожу, словно укусу напился, и намеревался ухватить портного за шиворот. Но весельчак-портной стал смеяться, подал ему свою фляжку и сказал: «Ведь это я шутя! Вот на-ка отхлебни, да и уйми свою желчь».

Башмачник и точно здорово отхлебнул из фляги, и по лицу его стало заметно, что гроза рассеялась. Он возвратил флягу портному и сказал: «Я отхлебнул из нее порядком; ну, да что об этом говорить? Пилось бы, пока пить хочется! А не хочешь ли ты со мною вместе идти путем-дорогою?» — «И прекрасно, — отвечал портной, — если только ты не прочь идти со мною в большой город, где и в работе не бывает недостатка». — «Вот именно туда-то я и направлялся! — сказал башмачник. — Ведь в небольшом местечке и заработаешь немного; а в деревнях люди охотнее босиком ходят, чем в сапогах».

И пошли они далее уже вместе. Досуга-то у них обоих было довольно, а покусать-то им было почти нечего.

Придя в большой город, они всюду ходили и бродили, всюду свое ремесло предлагали, и портному везло не на шутку...

Он был такой свежий, да розовый, да веселый, что каждый охотно давал ему работу; а посчастливится, так еще и от хозяйской дочки то здесь, то там поцелуйчик перепадет.

Когда он сходил с башмачником, то в его узле было всегда больше добра. Угрюмый башмачник скроит, бывало, сердитую рожу и сам про себя думает: «Чем человек лукавее, тем и счастья ему больше!» Однако же портной начинал хохотать, а то и запевал песенку, и все полученное делил с товарищем пополам. А если шевелилась в его кармане пара геллеров, то он еще и угостит, бывало, да по столу от радости стучит так, что вся посуда пляшет, — и это называлось у него: «Легко заработано, живо и спущено».

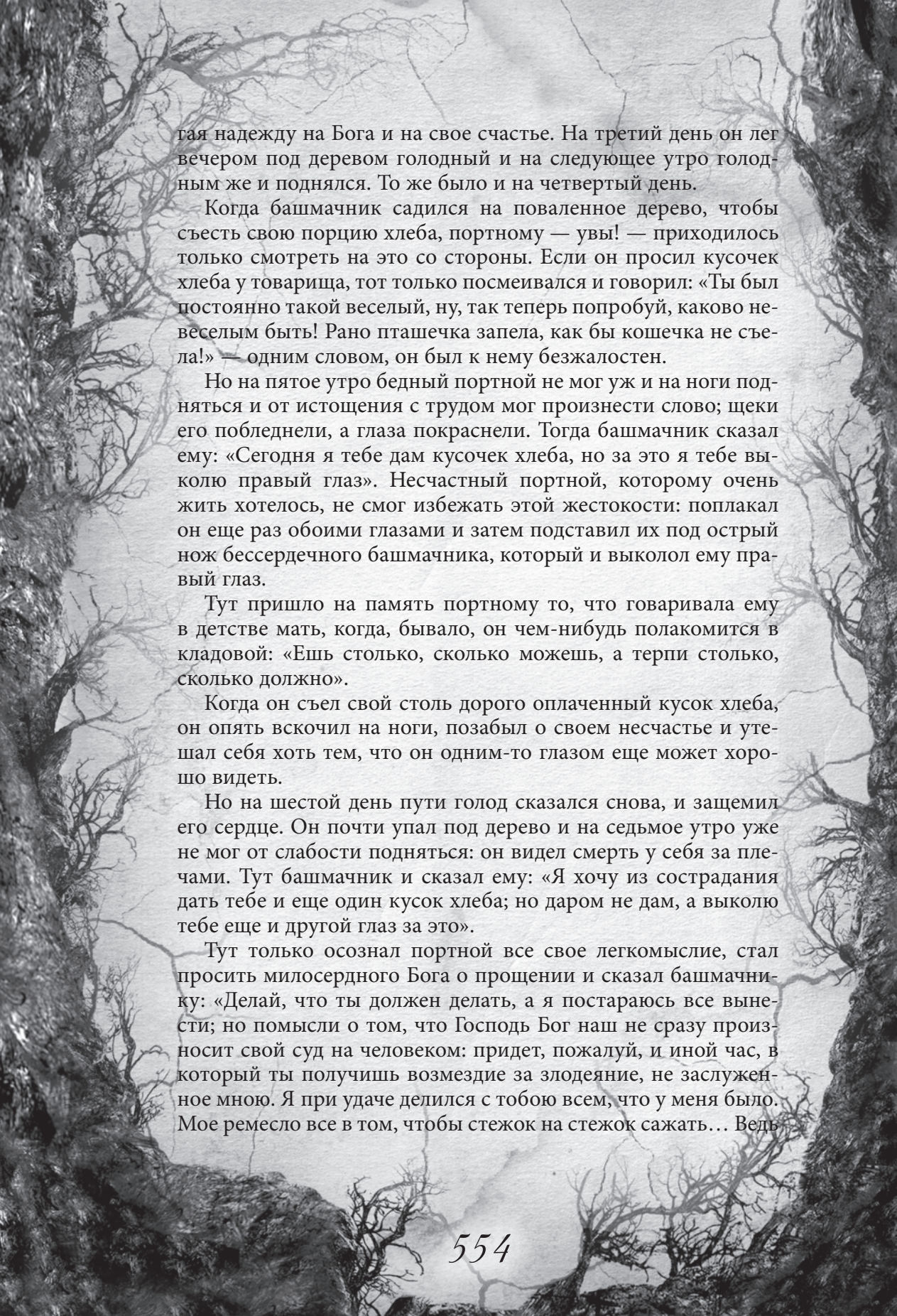
Пространствовав некоторое время, пришли они однажды к большому лесу, через который пролежала дорога к городу, где жил король. Но через лес вели две тропинки — одна в семь дней пути, другая — всего в два. Однако же ни один из них не знал, которая из тропинок короче.

Оба странника наши уселись под дубом и стали совещаться, как они запасутся и на сколько дней возьмут с собой хлеба. Башмачник и сказал: «Надо на большее время рассчитывать — я возьму на всякий случай хлеба на семь дней с собой». — «Что-о? — воскликнул портной. — Чтобы я стал на своей спине тащить запас хлеба на семь дней, словно вьючная скотина, так что и шеи повернуть нельзя будет! Нет, я на Бога надеюсь и ни о чем не стану заботиться! Ведь деньги у меня в кармане и зимой, и летом те же, а хлеб-то в жаркое время не только засохнет, а еще и заплесневеет. И платье себе не шью с запасом... Как это может быть, чтобы мы не нашли настоящей дороги? Возьму себе запаса на два дня — и вся недолга».

И вот каждый купил себе свой запас хлеба, и пустились оба в лес наудачу. В лесу было тихо, как в церкви. Ни ветерок не веял, ни ручей не журчал, ни птички не пели, и сквозь густолиственные ветви не проникал ни один солнечный луч.

Башмачник не говорил ни слова; он так устал под тяжестью своего хлебного запаса, что пот струями катился с его сумрачного и сердитого лица. А портной был веселешенек, подпрыгивал, насвистывал или напевал песенку и думал про себя: «И Бог на небе радуется, видя меня такого веселого».

Так шло дело два дня кряду, но когда на третий день лесу все не было конца, а портной-то уж весь свой хлеб съел, то он невольно стал падать духом, однако все еще бодрился, возла-

гая надежду на Бога и на свое счастье. На третий день он лег вечером под деревом голодный и на следующее утро голодным же и поднялся. То же было и на четвертый день.

Когда башмачник сажился на поваленное дерево, чтобы съесть свою порцию хлеба, портному — увы! — приходилось только смотреть на это со стороны. Если он просил кусочек хлеба у товарища, тот только посмеивался и говорил: «Ты был постоянно такой веселый, ну, так теперь попробуй, каково не-веселым быть! Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела!» — одним словом, он был к нему безжалостен.

Но на пятое утро бедный портной не мог уж и на ноги подняться и от истощения с трудом мог произнести слово; щеки его побледнели, а глаза покраснели. Тогда башмачник сказал ему: «Сегодня я тебе дам кусочек хлеба, но за это я тебе выколю правый глаз». Несчастный портной, которому очень жить хотелось, не смог избежать этой жестокости: поплакал он еще раз обоими глазами и затем подставил их под острый нож бессердечного башмачника, который и выколол ему правый глаз.

Тут пришло на память портному то, что говаривала ему в детстве мать, когда, бывало, он чем-нибудь полакомится в кладовой: «Ешь столько, сколько можешь, а терпи столько, сколько должно».

Когда он съел свой столь дорого оплаченный кусок хлеба, он опять вскочил на ноги, позабыл о своем несчастье и утешал себя хоть тем, что он одним-то глазом еще может хорошо видеть.

Но на шестой день пути голод сказался снова, и защемил его сердце. Он почти упал под дерево и на седьмое утро уже не мог от слабости подняться: он видел смерть у себя за плечами. Тут башмачник и сказал ему: «Я хочу из сострадания дать тебе и еще один кусок хлеба; но даром не дам, а выколю тебе еще и другой глаз за это».

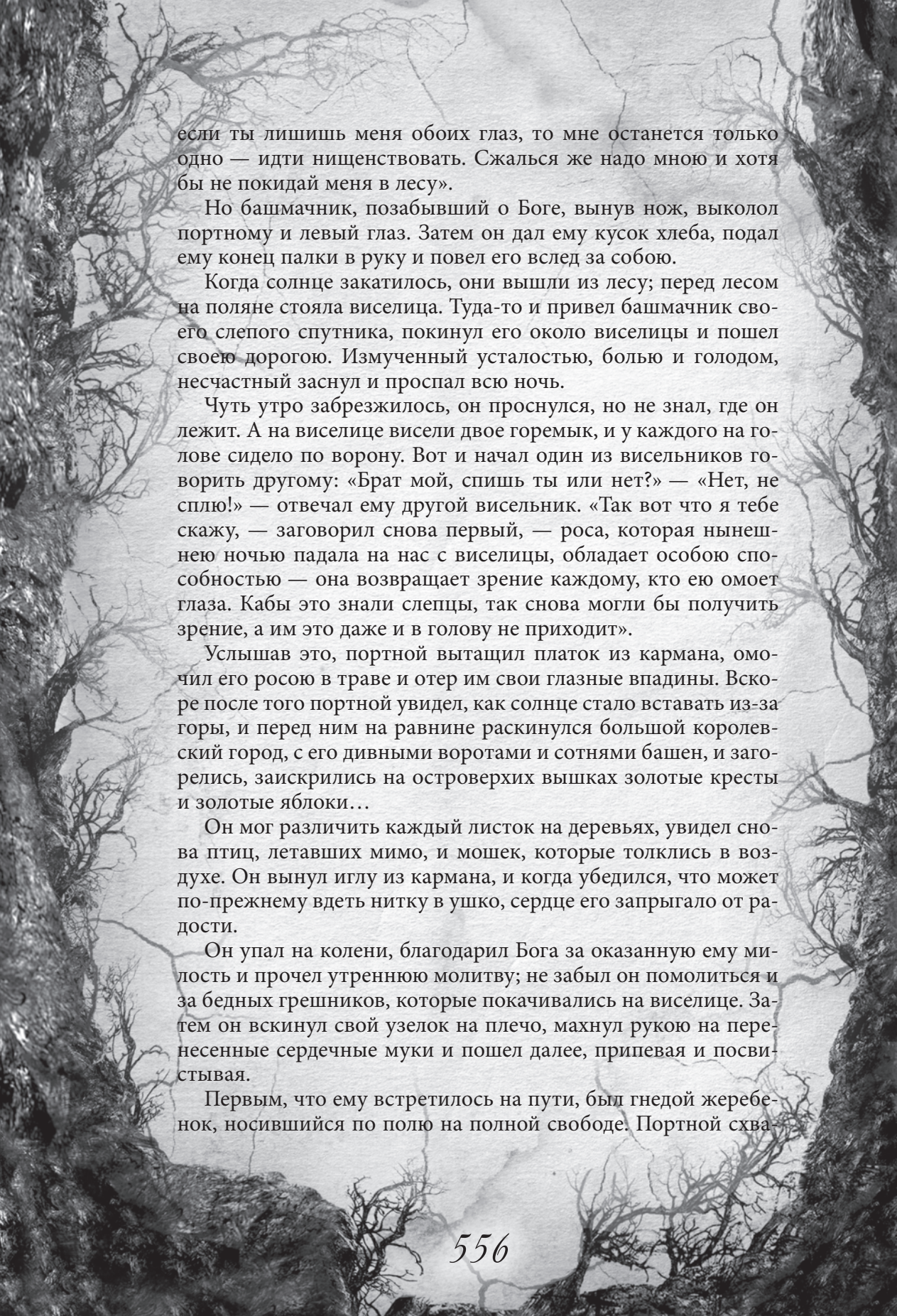
Тут только осознал портной все свое легкомыслие, стал просить милосердного Бога о прощении и сказал башмачнику: «Делай, что ты должен делать, а я постараюсь все вынести; но помысли о том, что Господь Бог наш не сразу произносит свой суд на человеком: придет, пожалуй, и иной час, в который ты получишь возмездие за злодеяние, не заслуженное мною. Я при удаче делился с тобою всем, что у меня было. Мое ремесло все в том, чтобы стежок на стежок сажать... Ведь

«Два странника».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Тона с горой не сходится, а человек с человеком,
и добрый, и злой, где-нибудь все же сойдутся...»*

если ты лишишь меня обоих глаз, то мне останется только одно — идти нищенствовать. Сжался же надо мною и хотя бы не покидай меня в лесу».

Но башмачник, позабывший о Боге, вынув нож, выколол портному и левый глаз. Затем он дал ему кусок хлеба, подал ему конец палки в руку и повел его вслед за собою.

Когда солнце закатилось, они вышли из лесу; перед лесом на поляне стояла виселица. Туда-то и привел башмачник своего слепого спутника, покинул его около виселицы и пошел своею дорогою. Измученный усталостью, болью и голодом, несчастный заснул и проспал всю ночь.

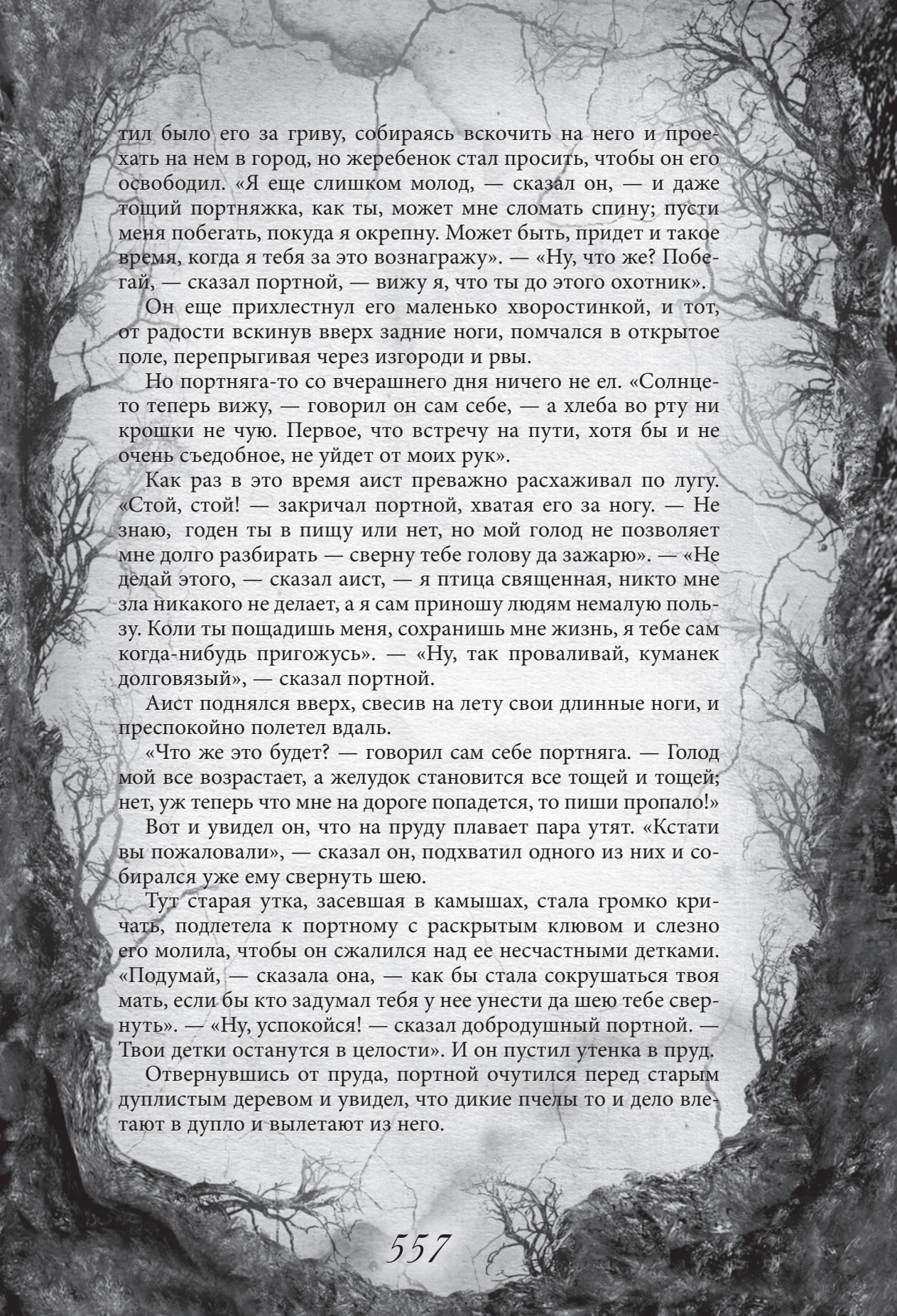
Чуть утро забрезжилось, он проснулся, но не знал, где он лежит. А на виселице висели двое горемык, и у каждого на голове сидело по ворону. Вот и начал один из висельников говорить другому: «Брат мой, спишь ты или нет?» — «Нет, не сплю!» — отвечал ему другой висельник. «Так вот что я тебе скажу, — заговорил снова первый, — роса, которая нынешнею ночью падала на нас с виселицы, обладает особою способностью — она возвращает зрение каждому, кто ею омоет глаза. Кабы это знали слепцы, так снова могли бы получить зрение, а им это даже и в голову не приходит».

Услышав это, портной вытащил платок из кармана, оmoчил его росою в траве и отер им свои глазные впадины. Вскоре после того портной увидел, как солнце стало вставать из-за горы, и перед ним на равнине раскинулся большой королевский город, с его дивными воротами и сотнями башен, и загорелись, заискрились на островерхих вышках золотые кресты и золотые яблоки...

Он мог различить каждый листок на деревьях, увидел снова птиц, летавших мимо, и мошек, которые толклись в воздухе. Он вынул иглу из кармана, и когда убедился, что может по-прежнему вдеть нитку в ушко, сердце его запрыгало от радости.

Он упал на колени, благодарил Бога за оказанную ему милость и прочел утреннюю молитву; не забыл он помолиться и за бедных грешников, которые покачивались на виселице. Затем он вскинул свой узелок на плечо, махнул рукою на перенесенные сердечные муки и пошел далее, припевая и посвистывая.

Первым, что ему встретилось на пути, был гнедой жеребенок, носившийся по полю на полной свободе. Портной схва-

тил было его за гриву, собираясь вскочить на него и проехать на нем в город, но жеребенок стал просить, чтобы он его освободил. «Я еще слишком молод, — сказал он, — и даже тощий портняжка, как ты, может мне сломать спину; пусти меня побегать, покуда я окрепну. Может быть, придет и такое время, когда я тебя за это вознагражу». — «Ну, что же? Побегай, — сказал портной, — вижу я, что ты до этого охотник».

Он еще прихлестнул его маленько хворостинкой, и тот, от радости вскинув вверх задние ноги, помчался в открытое поле, перепрыгивая через изгороди и рвы.

Но портняга-то со вчерашнего дня ничего не ел. «Солнце-то теперь вижу, — говорил он сам себе, — а хлеба во рту ни крошки не чую. Первое, что встречу на пути, хотя бы и не очень съедобное, не уйдет от моих рук».

Как раз в это время аист переважно расхаживал по лугу. «Стой, стой! — закричал портной, хватая его за ногу. — Не знаю, годен ты в пищу или нет, но мой голод не позволяет мне долго разбирать — сверну тебе голову да зажарю». — «Не делай этого, — сказал аист, — я птица священная, никто мне зла никакого не делает, а я сам приношу людям немалую пользу. Коли ты пощадишь меня, сохранишь мне жизнь, я тебе сам когда-нибудь пригожусь». — «Ну, так проваливай, куманек долговязый», — сказал портной.

Аист поднялся вверх, свесив на лету свои длинные ноги, и преспокойно полетел вдаль.

«Что же это будет? — говорил сам себе портняга. — Голод мой все возрастает, а желудок становится все тощей и тощей; нет, уж теперь что мне на дороге попадется, то пиши пропало!»

Вот и увидел он, что на пруду плавает пара утят. «Кстати вы пожаловали», — сказал он, подхватил одного из них и собирался уже ему свернуть шею.

Тут старая утка, засевшая в камышах, стала громко кричать, подлетела к портному с раскрытым клювом и слезно его молила, чтобы он сжалился над ее несчастными детками. «Подумай, — сказала она, — как бы стала сокрушаться твоя мать, если бы кто задумал тебя у нее унести да шею тебе свернуть». — «Ну, успокойся! — сказал добродушный портной. — Твои детки останутся в целости». И он пустил утенка в пруд.

Отвернувшись от пруда, портной очутился перед старым дуплистым деревом и увидел, что дикие пчелы то и дело влезают в дупло и вылетают из него.

«Вот и награда за доброе дело готова! — воскликнул портной. — Хоть медком-то потешу себя».

Но пчелиная матка вылезла из улья, пригрозила ему и сказала: «Коли ты коснешься моего роя да вздумаешь разорить мой улей, то мы вопьемся в твое тело тысячами наших жал, словно раскаленными иглами. Если же оставишь нас в покое и пойдешь своею дорогою, то мы тоже тебе когда-нибудь пригодимся». Увидел портняга, что и здесь ничего не поделаешь. «Три блюда пустые, да и на четвертом нет ничего — с этого сыт не будешь!» — подумал он.

Потащился он со своим голодным брюхом в город, и так как был в это время полдень, то в гостиницах кушанье было уже готово, и он мог тотчас же сесть за стол. Насытившись, он сказал себе: «Теперь пора и за работу!»

Походил он по городу, стал себе искать хозяина и вскоре нашел хорошее место.

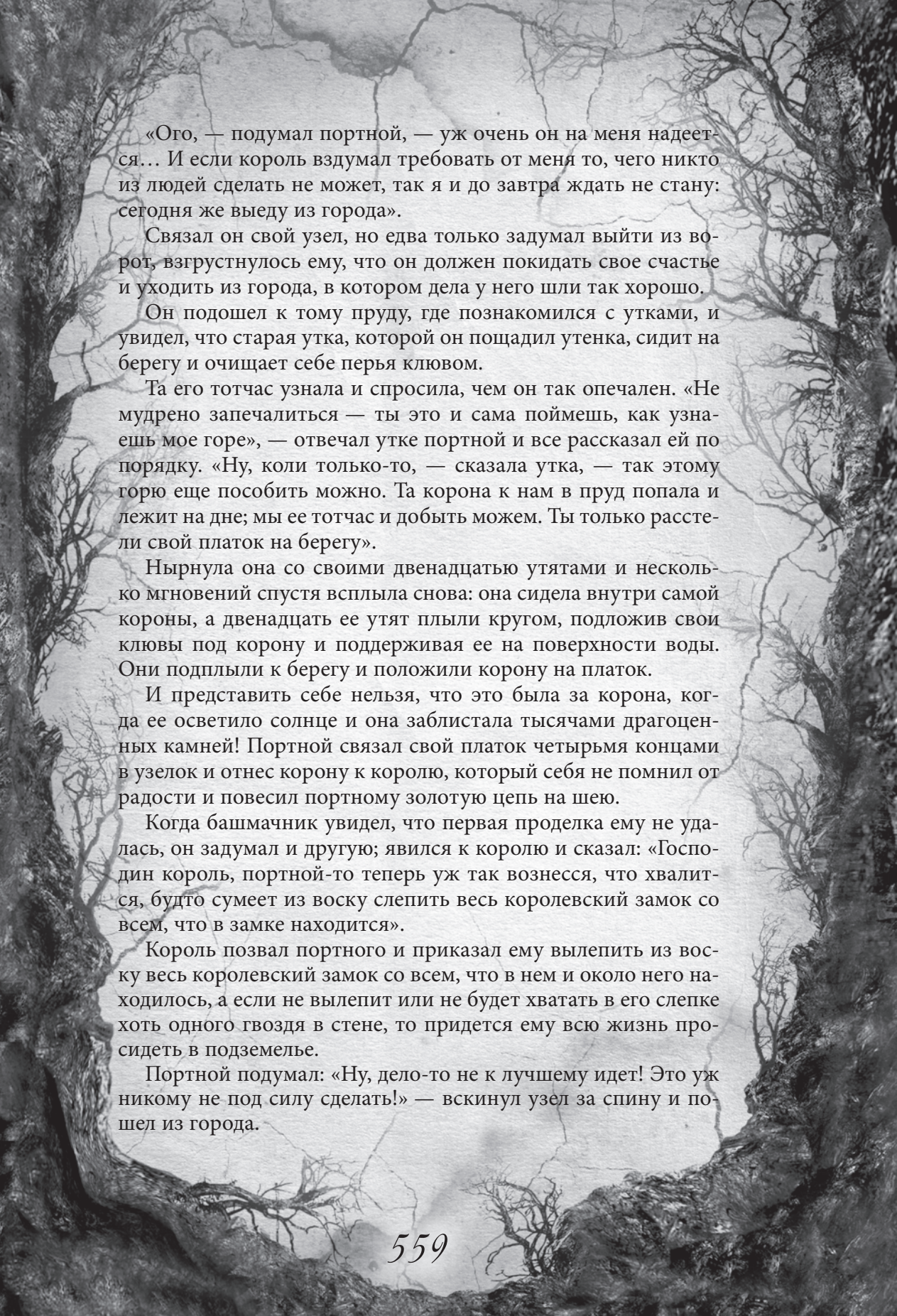
А так как ремесло свое он знал основательно, то ему удалось немного спустя приобрести известность, и все хотели непременно сшить себе платье у маленького портного.

С каждым днем его положение улучшалось. «Я, кажется, шью так же, как и прежде, — сказал он, — а между тем дела мои день ото дня идут лучше и лучше».

Наконец, уж и сам король возвел его в звание своего придворного портного.

Но ведь вот как на свете бывает! В тот самый день, когда он был удостоен этой почести, его бывший товарищ тоже был возведен в придворные башмачники. Когда тот увидел портного и притом заметил, что у него целы оба глаза, его вдруг стала мучить совесть. «Прежде чем он мне станет метить, — подумал башмачник, — я постараюсь ему вырыть яму». Ну, а уж давно известно, что кто другому яму роет, нередко сам в нее попадает.

Вечерком покончив с работой, после наступления сумерек, башмачник прокрался к королю и сказал: «Господин король, этот портной мастер — человек высокомерный; он похвастал как-то, будто может добыть ту золотую корону, которая с давних пор из твоей казны пропала». — «Это было бы мне очень приятно», — сказал король, приказал позвать к себе на другое утро портного и велел ему или добыть эту корону, или же навсегда покинуть город.

«Ого, — подумал портной, — уж очень он на меня надеется... И если король вздумал требовать от меня то, чего никто из людей сделать не может, так я и до завтра ждать не стану: сегодня же выеду из города».

Связал он свой узел, но едва только задумал выйти из ворот, взгрустнулось ему, что он должен покидать свое счастье и уходить из города, в котором дела у него шли так хорошо.

Он подошел к тому пруду, где познакомился с утками, и увидел, что старая утка, которой он пощадил утенка, сидит на берегу и очищает себе перья клювом.

Та его тотчас узнала и спросила, чем он так опечален. «Не мудрено запечалиться — ты это и сама поймешь, как узнаешь мое горе», — отвечал утке портной и все рассказал ей по порядку. «Ну, коли только-то, — сказала утка, — так этому горю еще пособить можно. Та корона к нам в пруд попала и лежит на дне; мы ее тотчас и добыть можем. Ты только расстели свой платок на берегу».

Нырнула она со своими двенадцатью утятами и несколько мгновений спустя всплыла снова: она сидела внутри самой короны, а двенадцать ее утят плыли кругом, подложив свои клювы под корону и поддерживая ее на поверхности воды. Они подплыли к берегу и положили корону на платок.

И представить себе нельзя, что это была за корона, когда ее осветило солнце и она заблестала тысячами драгоценных камней! Портной связал свой платок четырьмя концами в узелок и отнес корону к королю, который себя не помнил от радости и повесил портному золотую цепь на шею.

Когда башмачник увидел, что первая проделка ему не удалась, он задумал и другую; явился к королю и сказал: «Господин король, портной-то теперь уж так вознесся, что хвалится, будто сумеет из воску слепить весь королевский замок со всем, что в замке находится».

Король позвал портного и приказал ему вылепить из воску весь королевский замок со всем, что в нем и около него находилось, а если не вылепит или не будет хватать в его слепке хоть одного гвоздя в стене, то придется ему всю жизнь просидеть в подземелье.

Портной подумал: «Ну, дело-то не к лучшему идет! Это уж никому не под силу сделать!» — вскинул узел за спину и пошел из города.

Когда он подошел к дуплистому дереву, то присел у корня его и опустил голову на грудь.

Пчелы полетели из улья, и матка пчелиная стала его спрашивать: «Почему это у тебя голова на плечах не держится? Или шея ослабела?» — «Эх, не знаешь ты, какое горе мне сердце давит», — отвечал портной и рассказал ей, чего от него король потребовал. Пчелы стали между собою жужжать и гудеть, и матка пчелиная сказала: «Ступай себе домой, приходи опять утром в это же время да приноси с собою большое покрывало — все ладно будет».

Он и вернулся домой, а пчелы полетели к королевскому замку, влетели в его открытые окна, оползли все уголки его и самым тщательным образом все обозрели.

Потом они полетели в улей и так быстро сделали восковой слепок замка, что он словно разом вырос и поднялся.

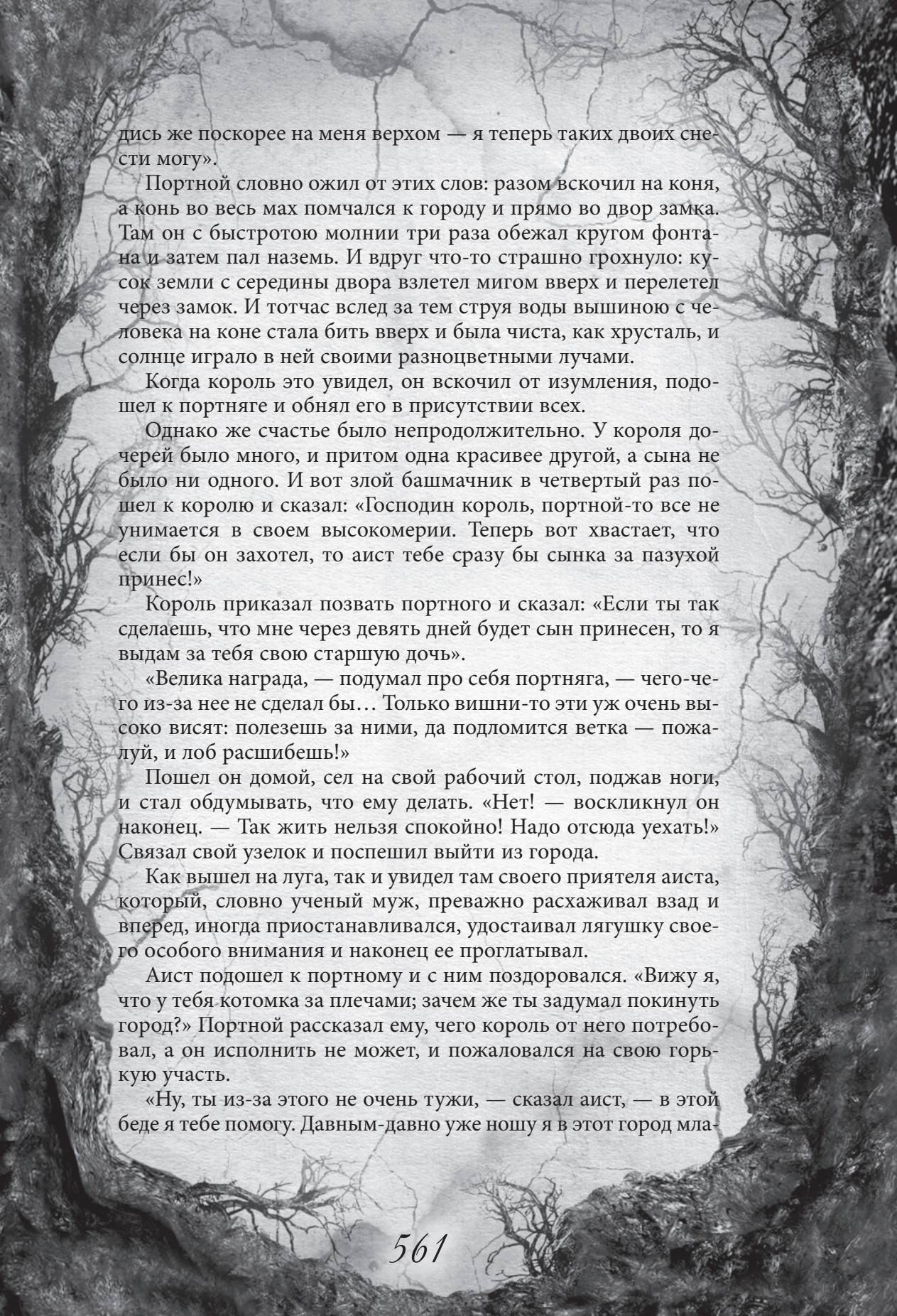
Уже к вечеру все было готово, а когда портной пришел на другое утро, то увидел перед собою все это прекрасное здание. И вылеплено оно было гвоздок в гвоздок, черепичка в черепичку; при этом было оно тонко исполнено, бело, как снег, и очень приятно пахло медом.

Портной осторожно завернул это дивное произведение в свое покрывало и принес его к королю, который надивиться ему не мог, поставил его в самом большом из своих покоев и подарил портному большой каменный дом в награду.

Но башмачник не унывал и в третий раз пошел к королю. Он сказал: «Господин король, портному-то шепнул кто-то, что на дворе вашего замка вода в фонтане не бьет; так он похвастал, что может фонтан тот заставить в вышину выше человеческого роста бить, да еще притом и струя его, как хрусталь, чиста будет». Позвал король портного к себе и говорит ему: «Если завтра же утром не станет у меня вода во дворе струею бить, то на этом же самом дворе палач сократит твое тело на целую голову».

Бедняга-портной и раздумывать не стал и поспешил за городские ворота: а так как теперь опасность грозила его жизни, то слезы так и катились у него по щекам.

Между тем как он, грустный, шел по дороге, к нему подбежал жеребенок, которого он когда-то выпустил на волю и который успел превратиться в славного гнедого конька. «Настало теперь время, — сказал он, — когда и я могу тебе отплатить за твое доброе дело. Я уже знаю, что тебя печалит; са-

дись же поскорее на меня верхом — я теперь таких двоих снести могу».

Портной словно ожил от этих слов: разом вскочил на коня, а конь во весь мах помчался к городу и прямо во двор замка. Там он с быстротою молнии три раза обежал кругом фонтана и затем пал наземь. И вдруг что-то страшно грохнуло: кусок земли с середины двора взлетел мигом вверх и перелетел через замок. И тотчас вслед за тем струя воды вышиною с человека на коне стала бить вверх и была чиста, как хрусталь, и солнце играло в ней своими разноцветными лучами.

Когда король это увидел, он вскочил от изумления, подошел к портняге и обнял его в присутствии всех.

Однако же счастье было непродолжительным. У короля дочерей было много, и притом одна красивее другой, а сына не было ни одного. И вот злой башмачник в четвертый раз пошел к королю и сказал: «Господин король, портной-то все не унимается в своем высокомерии. Теперь вот хвастает, что если бы он захотел, то аист тебе сразу бы сынка за пазухой принес!»

Король приказал позвать портного и сказал: «Если ты так сделаешь, что мне через девять дней будет сын принесен, то я выдам за тебя свою старшую дочь».

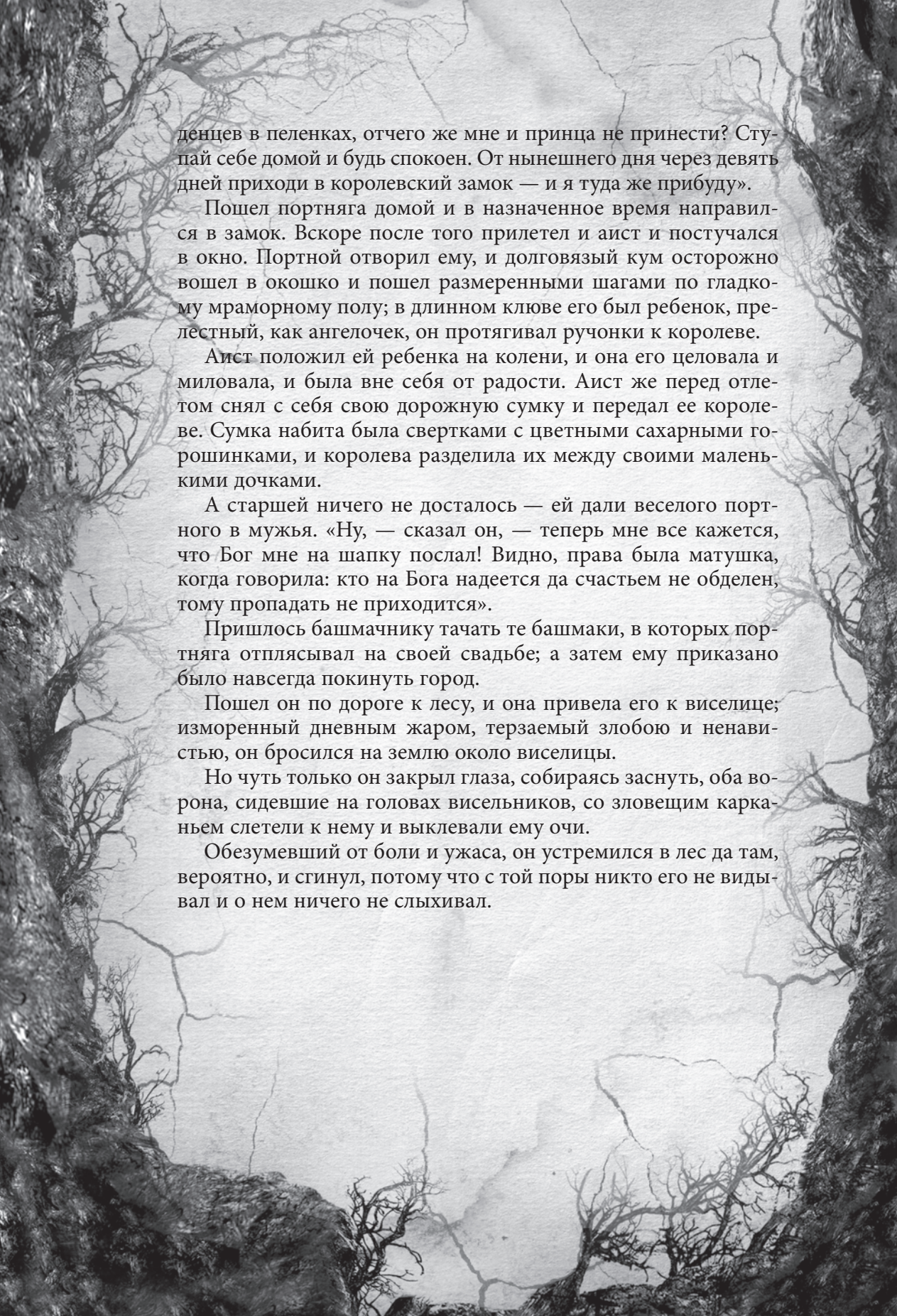
«Велика награда, — подумал про себя портняга, — чего-чего из-за нее не сделал бы... Только вишни-то эти уж очень высоко висят: полезешь за ними, да подломится ветка — пожалуй, и лоб расшибешь!»

Пошел он домой, сел на свой рабочий стол, поджав ноги, и стал обдумывать, что ему делать. «Нет! — воскликнул он наконец. — Так жить нельзя спокойно! Надо отсюда уехать!» Связал свой узелок и поспешил выйти из города.

Как вышел на луга, так и увидел там своего приятеля аиста, который, словно ученый муж,преважно расхаживал взад и вперед, иногда приостанавливался, достаивал лягушку своего особого внимания и наконец ее проглатывал.

Аист подошел к портному и с ним поздоровался. «Вижу я, что у тебя котомка за плечами; зачем же ты задумал покинуть город?» Портной рассказал ему, чего король от него потребовал, а он исполнить не может, и пожаловался на свою горькую участь.

«Ну, ты из-за этого не очень тужи, — сказал аист, — в этой беде я тебе помогу. Давным-давно уже ношу я в этот город мла-

денцев в пеленках, отчего же мне и принца не принести? Ступай себе домой и будь спокоен. От нынешнего дня через девять дней приходи в королевский замок — и я туда же прибуду».

Пошел портняга домой и в назначенное время направился в замок. Вскоре после того прилетел и аист и постучался в окно. Портной отворил ему, и долговязый кум осторожно вошел в окошко и пошел размеренными шагами по гладкому мраморному полу; в длинном клюве его был ребенок, прелестный, как ангелочек, он протягивал ручонки к королеве.

Аист положил ей ребенка на колени, и она его целовала и миловала, и была вне себя от радости. Аист же перед отлетом снял с себя свою дорожную сумку и передал ее королеве. Сумка набита была свертками с цветными сахарными горошинками, и королева разделила их между своими маленькими дочками.

А старшей ничего не досталось — ей дали веселого портного в мужья. «Ну, — сказал он, — теперь мне все кажется, что Бог мне на шапку послал! Видно, права была матушка, когда говорила: кто на Бога надеется да счастьем не обделен, тому пропадать не приходится».

Пришлось башмачнику тачать те башмаки, в которых портняга отплясывал на своей свадьбе; а затем ему приказано было навсегда покинуть город.

Пошел он по дороге к лесу, и она привела его к виселице; изморенный дневным жаром, терзаемый злобою и ненавистью, он бросился на землю около виселицы.

Но чуть только он закрыл глаза, собираясь заснуть, оба ворона, сидевшие на головах висельников, со зловещим карканьем слетели к нему и выклевали ему очи.

Обезумевший от боли и ужаса, он устремился в лес да там, вероятно, и сгинул, потому что с той поры никто его не видел и о нем ничего не слыхивал.

«Два странника».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Туда-то и привел башимажник своего слепого спутника,
покинул его около виселицы и пошел своею дорогою.*

*Измученный усталостью, болью и голодом,
несчастный заснул и проснул всю ночь...»*

Ганс — мой ежик

Жил-был мужик, у которого и денег, и добра было достаточно; но как ни был он богат, а все же кое-чего недоставало для его полного счастья: у него и его жены не было детей.

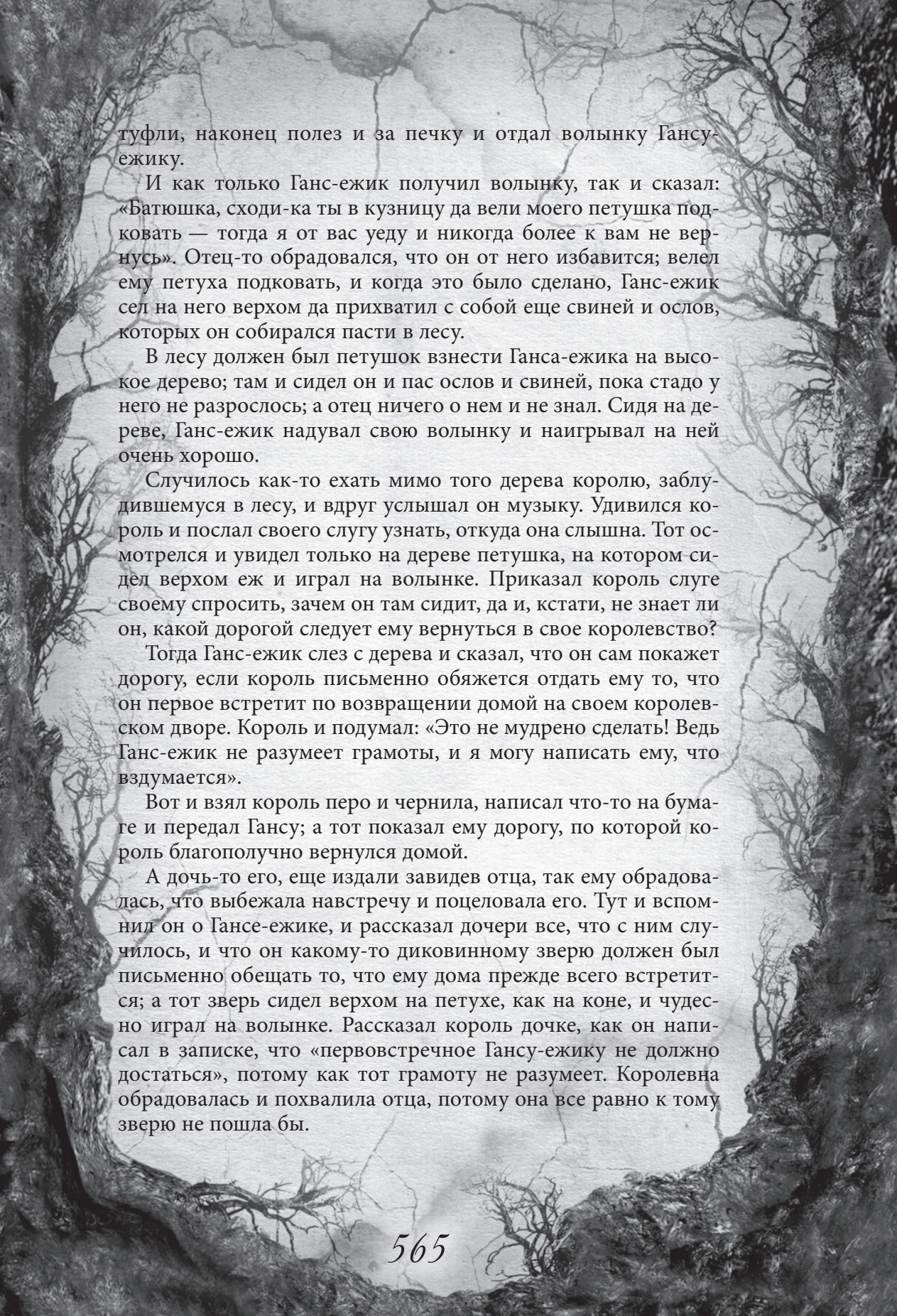
Частенько случалось, что его соседи-мужики по пути в город смеялись над ним и спрашивали, почему у него детей нет. Это наконец озлобило его, и когда он пришел домой, то сказал жене: «Хочу иметь ребенка! Хоть ежа, да роди мне!»

И точно, родила ему жена ребенка, который верхней частью тела был ежом, а нижней — мальчиком, и когда она ребенка увидела, то перепугалась и сказала мужу: «Видишь, что ты наделал своим недобрým желанием!» — «Что же теперь делать? — сказал муж. — Крестить его надо, а никого нельзя к нему в крестные позвать». Отвечала жена мужу: «Мы его иначе и окрестить не можем, как Гансом-ежиком».

Когда ребенка крестили, священник сказал, что его из-за игл ни в какую порядочную постельку положить нельзя. Вот и приготовили ему постельку за печкой — подстелили немного соломки и положили на нее Ганса-ежика. И мать тоже не могла кормить его грудью, чтобы не уколоться его иглами. Так и лежал он за печкою целых восемь лет, и отец тяготился им и все думал: «Хоть бы он умер!» Но Ганс-ежик не умер, а все лежал да лежал за печкой.

Вот и случилось, что в городе был базар и мужику надо было на тот базар ехать; он спросил у своей жены, что ей с базара привезти. «Немного мяса да пару кружков масла для дома», — сказала жена. Спросил мужик и у работницы, та просила привезти ей пару туфель да чулки со стрелками. Наконец, он сказал: «Ну, а тебе, Ганс-ежик, что привезти?» — «Батюшка, — сказал он, — привези мне волынку».

Вернувшись домой, мужик отдал жене мясо и масло, что было по ее приказу куплено, отдал работнице ее чулки и

туфли, наконец полез и за печку и отдал волынку Гансу-ежику.

И как только Ганс-ежик получил волынку, так и сказал: «Батюшка, сходи-ка ты в кузницу да вели моего петушка подковать — тогда я от вас уеду и никогда более к вам не вернусь». Отец-то обрадовался, что он от него избавится; велел ему петуха подковать, и когда это было сделано, Ганс-ежик сел на него верхом да прихватил с собой еще свиней и ослов, которых он собирался пасти в лесу.

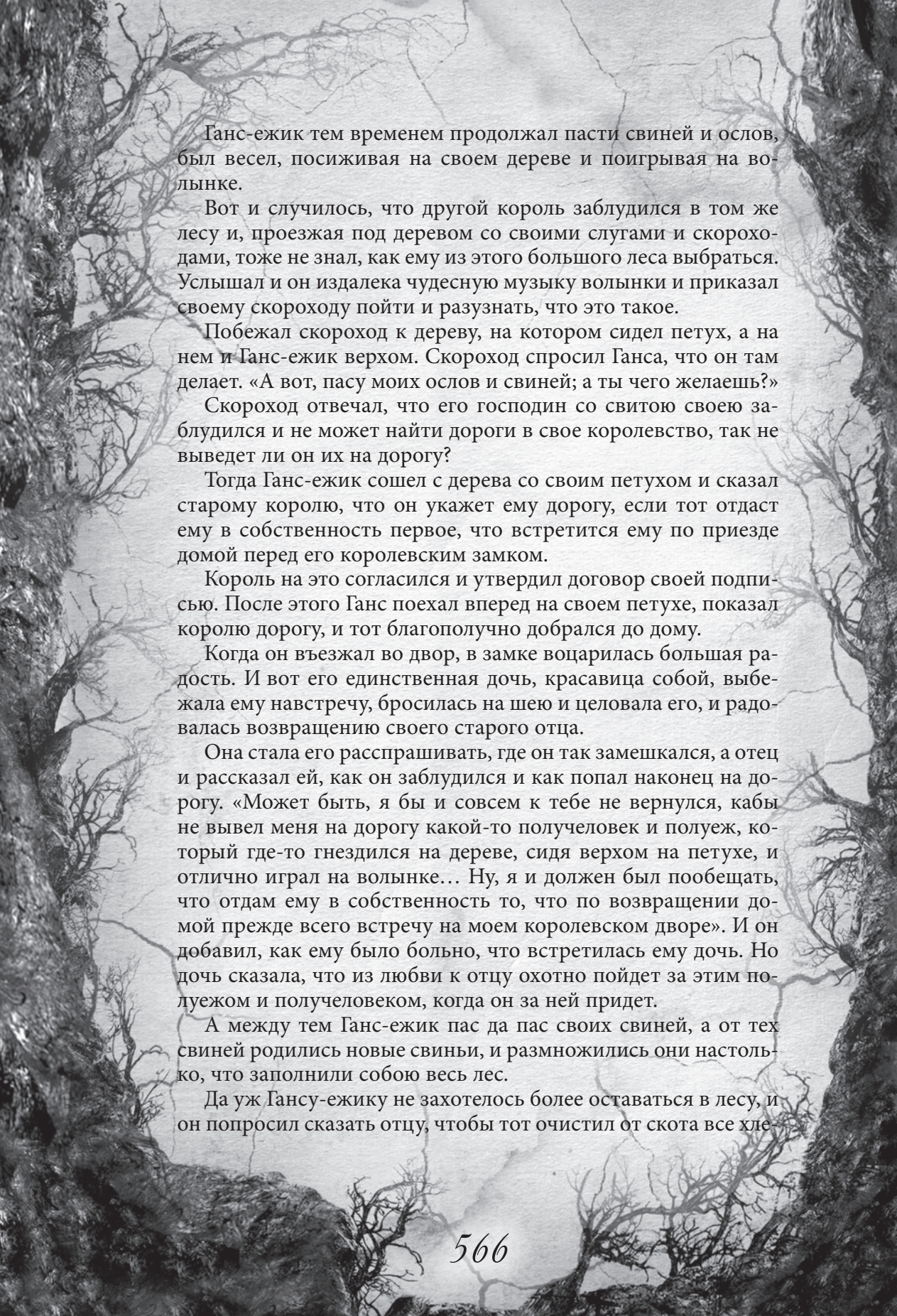
В лесу должен был петушок взнести Ганса-ежика на высокое дерево; там и сидел он и пас ослов и свиней, пока стадо у него не разрослось; а отец ничего о нем и не знал. Сидя на дереве, Ганс-ежик надувал свою волынку и наигрывал на ней очень хорошо.

Случилось как-то ехать мимо того дерева королю, заблудившемуся в лесу, и вдруг услышал он музыку. Удивился король и послал своего слугу узнать, откуда она слышна. Тот осмотрелся и увидел только на дереве петушка, на котором сидел верхом еж и играл на волынке. Приказал король слуге своему спросить, зачем он там сидит, да и, кстати, не знает ли он, какой дорогой следует ему вернуться в свое королевство?

Тогда Ганс-ежик слез с дерева и сказал, что он сам покажет дорогу, если король письменно обяжется отдать ему то, что он первое встретит по возвращении домой на своем королевском дворе. Король и подумал: «Это не мудрено сделать! Ведь Ганс-ежик не понимает грамоты, и я могу написать ему, что вздумается».

Вот и взял король перо и чернила, написал что-то на бумаге и передал Гансу; а тот показал ему дорогу, по которой король благополучно вернулся домой.

А дочь-то его, еще издали завидев отца, так ему обрадовалась, что выбежала навстречу и поцеловала его. Тут и вспомнил он о Гансе-ежике, и рассказал дочери все, что с ним случилось, и что он какому-то диковинному зверю должен был письменно обещать то, что ему дома прежде всего встретится; а тот зверь сидел верхом на петухе, как на коне, и чудесно играл на волынке. Рассказал король дочке, как он написал в записке, что «первовстречное Гансу-ежику не должно достаться», потому как тот грамоту не понимает. Королевна обрадовалась и похвалила отца, потому она все равно к тому зверю не пошла бы.

Ганс-ежик тем временем продолжал пасти свиней и ослов, был весел, посиживая на своем дереве и поигрывая на волынке.

Вот и случилось, что другой король заблудился в том же лесу и, проезжая под деревом со своими слугами и скороходами, тоже не знал, как ему из этого большого леса выбраться. Услышал и он издали чудесную музыку волынки и приказал своему скороходу пойти и разузнать, что это такое.

Побежал скороход к дереву, на котором сидел петух, а на нем и Ганс-ежик верхом. Скороход спросил Ганса, что он там делает. «А вот, пасу моих ослов и свиней; а ты чего желаешь?»

Скороход отвечал, что его господин со свитою своею заблудился и не может найти дороги в свое королевство, так не выведет ли он их на дорогу?

Тогда Ганс-ежик сошел с дерева со своим петухом и сказал старому королю, что он укажет ему дорогу, если тот отдаст ему в собственность первое, что встретится ему по приезде домой перед его королевским замком.

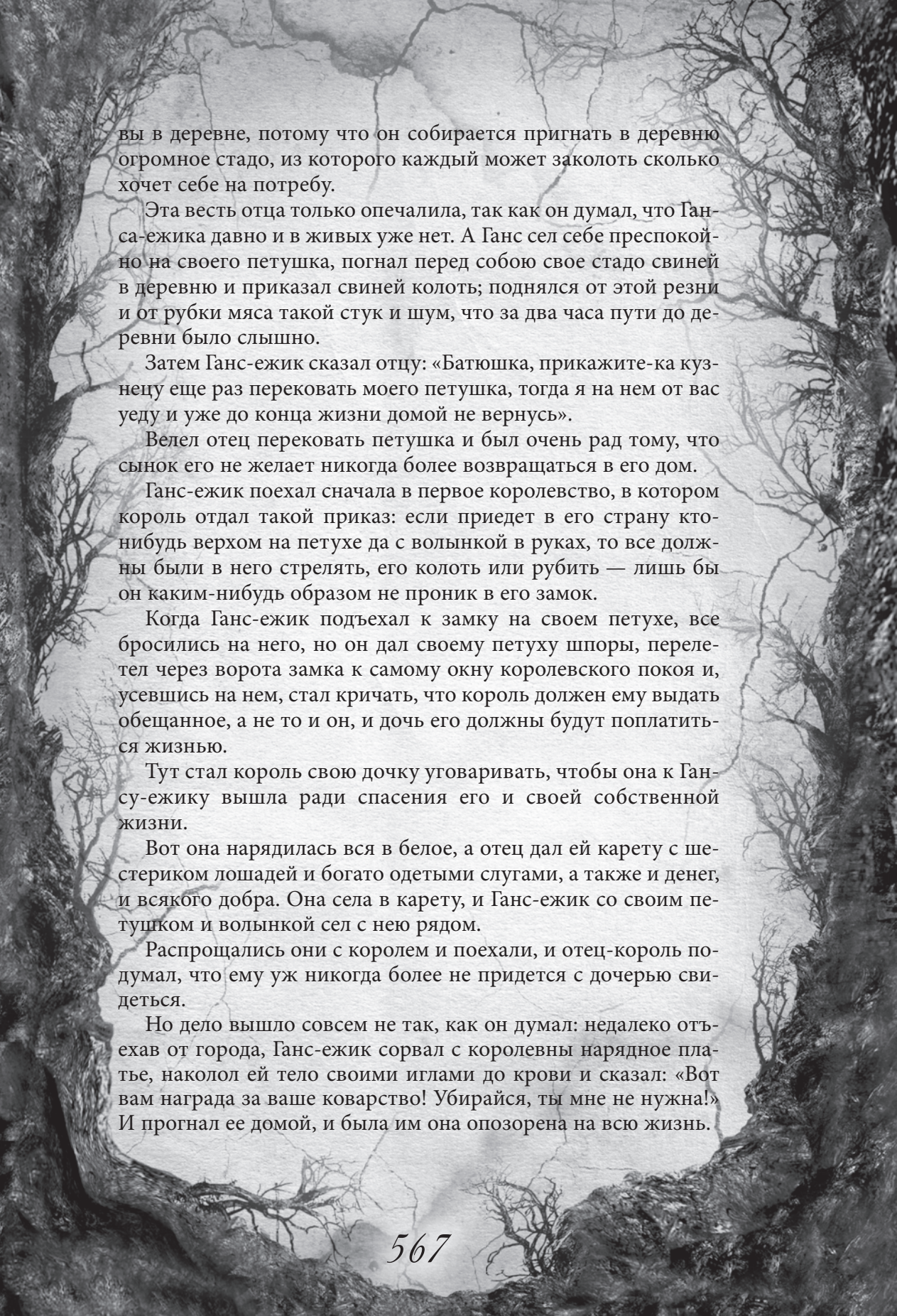
Король на это согласился и утвердил договор своей подписью. После этого Ганс поехал вперед на своем петухе, показал королю дорогу, и тот благополучно добрался до дому.

Когда он въезжал во двор, в замке воцарилась большая радость. И вот его единственная дочь, красавица собой, выбежала ему навстречу, бросилась на шею и целовала его, и радовалась возвращению своего старого отца.

Она стала его расспрашивать, где он так замешкался, а отец и рассказал ей, как он заблудился и как попал наконец на дорогу. «Может быть, я бы и совсем к тебе не вернулся, кабы не вывел меня на дорогу какой-то получеловек и полуеж, который где-то гнезвился на дереве, сидя верхом на петухе, и отлично играл на волынке... Ну, я и должен был пообещать, что отдам ему в собственность то, что по возвращении домой прежде всего встречу на моем королевском дворе». И он добавил, как ему было больно, что встретила его дочь. Но дочь сказала, что из любви к отцу охотно пойдет за этим полудежом и получеловеком, когда он за ней придет.

А между тем Ганс-ежик пас да пас своих свиней, а от тех свиней родились новые свиньи, и размножились они настолько, что заполнили собою весь лес.

Да уж Гансу-ежику не захотелось более оставаться в лесу, и он попросил сказать отцу, чтобы тот очистил от скота все хле-

вы в деревне, потому что он собирается пригнать в деревню огромное стадо, из которого каждый может заколоть сколько хочет себе на потребу.

Эта весть отца только опечалила, так как он думал, что Ганса-ежика давно и в живых уже нет. А Ганс сел себе преспокойно на своего петушка, погнал перед собою свое стадо свиней в деревню и приказал свиней колоть; поднялся от этой резни и от рубки мяса такой стук и шум, что за два часа пути до деревни было слышно.

Затем Ганс-ежик сказал отцу: «Батюшка, прикажите-ка кузнецу еще раз перековать моего петушка, тогда я на нем от вас уеду и уже до конца жизни домой не вернусь».

Велел отец перековать петушка и был очень рад тому, что сынок его не желает никогда более возвращаться в его дом.

Ганс-ежик поехал сначала в первое королевство, в котором король отдал такой приказ: если приедет в его страну кто-нибудь верхом на петухе да с волынкой в руках, то все должны были в него стрелять, его колоть или рубить — лишь бы он каким-нибудь образом не проник в его замок.

Когда Ганс-ежик подъехал к замку на своем петухе, все бросились на него, но он дал своему петуху шпоры, перелетел через ворота замка к самому окну королевского покоя и, усевшись на нем, стал кричать, что король должен ему выдать обещанное, а не то и он, и дочь его должны будут поплатиться жизнью.

Тут стал король свою дочку уговаривать, чтобы она к Гансу-ежику вышла ради спасения его и своей собственной жизни.

Вот она нарядилась вся в белое, а отец дал ей карету с шестериком лошадей и богато одетыми слугами, а также и денег, и всякого добра. Она села в карету, и Ганс-ежик со своим петушком и волынкой сел с нею рядом.

Распрощались они с королем и поехали, и отец-король подумал, что ему уж никогда более не придется с дочерью свидеться.

Но дело вышло совсем не так, как он думал: недалеко отъехав от города, Ганс-ежик сорвал с королевны нарядное платье, наколол ей тело своими иглами до крови и сказал: «Вот вам награда за ваше коварство! Убирайся, ты мне не нужна!» И прогнал ее домой, и была им она опозорена на всю жизнь.

А сам-то Ганс-ежик поехал далее на своем петушке и со своей волынкой к другому королю, которого он также вывел из леса на дорогу. Тот уже отдал приказ, что если явится к его замку кто-нибудь вроде Ганса-ежика, то стража должна была ему отдать честь оружием, свободно пропустить его, приветствовать его радостными кликами и провести в королевский замок.

Когда королева увидела приезжего, то была перепугана, потому что он уж слишком показался ей странным, но она и не подумала отступить от обещания, данного отцу своему.

Она приняла Ганса-ежика очень приветливо, и он был с нею обвенчан; вместе пошли они к королевскому столу, и сели рядом, и пили, и ели.

По наступлении вечера, когда уж надо было спать ложиться, королева очень стала бояться игл Ганса-ежика, а он сказал ей, что бояться она не должна, потому что он ей не причинит никакого вреда.

В то же время он сказал старому королю: «Прикажи поставить четырех человек настороже около дверей моей опочивальни, и пусть они тут же разведут большой огонь; войдя в опочивальню и ложась в постель, я скину с себя свою ежовую шкурку и брошу ее на пол перед кроватью; тогда те четверо стражников пусть разом ворвутся в опочивальню, схватят шкурку и бросят ее в огонь да присмотрят, чтобы она вся дотла сгорела».

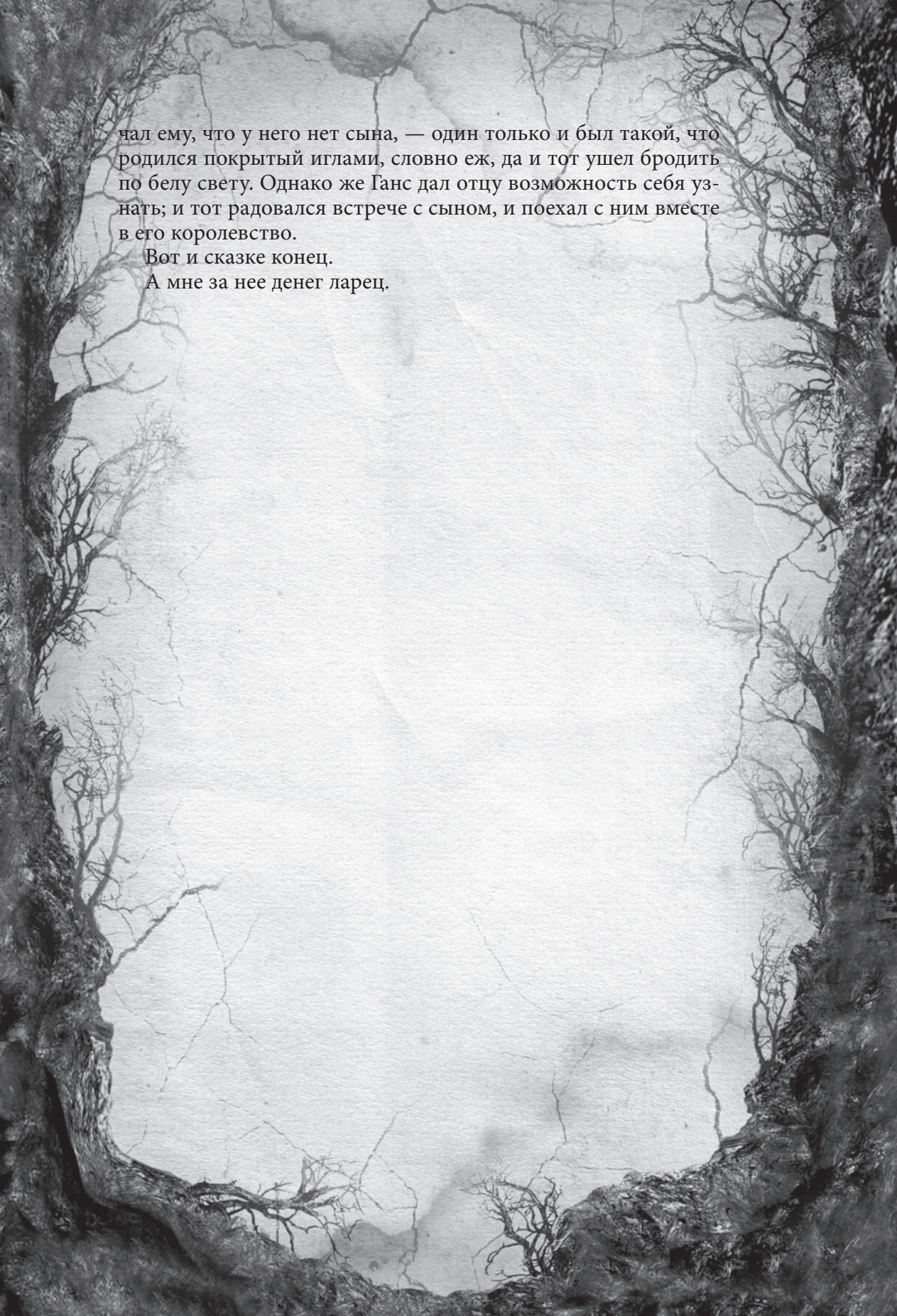
И вот едва пробили часы одиннадцать, он ушел в свою комнату, скинул шкурку и бросил на пол около кровати; те, что были настороже за дверями, быстро вошли в комнату, схватили шкурку и швырнули ее в огонь.

Когда же шкурка сгорела дотла, Ганс-ежик очутился в постели таким же, как и все люди, только все тело у него было, как уголь, черное, словно обожженное.

Король прислал к нему своего врача, который стал обливать его всякими хорошими снадобьями и растирать бальзамами; и стал он совсем белый, и молодой, и красивый.

Увидев это, королева была радешенька, и на следующее утро поднялись они превеселые, и стали пить и есть, и только тут настоящим образом были повенчаны, и Ганс-ежик получил все королевство в приданое за своей супругой.

По прошествии нескольких лет Ганс задумал съездить с женою к своему отцу и сказал ему: «Я твой сын»; но отец отве-

чал ему, что у него нет сына, — один только и был такой, что
родился покрытый иглами, словно еж, да и тот ушел бродить
по белу свету. Однако же Ганс дал отцу возможность себя уз-
нать; и тот радовался встрече с сыном, и поехал с ним вместе
в его королевство.

Вот и сказке конец.

А мне за нее денег ларец.

Маленький саван

У одной матери был мальчик лет семи, такой хорошенький и милый, что никто не мог взглянуть на него, не приласкав, а для матери он был милее всего на свете.

Вдруг ребенок заболел, и Господь призвал его к себе... Мать неутешно по нем плакала день и ночь.

Но вскоре после того, как ребенок был погребен, он стал ночью являться на тех местах, где он при жизни сиживал и игрывал; если мать плакала, плакал и ребенок и с наступлением утра исчезал.

Но так как мать не унималась от плача, то ребенок пришел к ней однажды ночью в саване и с венком на голове, как был в гроб положен, присел в ногах ее постели и сказал: «Матушка, да перестань же плакать, а то мне нет покоя в моем гробике, потому что мой саван не просыхает от твоих слез, а они все на него прямо падают». Мать испугалась этих слов и не стала плакать более.

На следующую ночь ребенок пришел опять; он держал в руке свечечку и сказал матери: «Видишь, теперь мой саван скоро совсем обсохнет, и мне будет спокойно спать в моей могилке».

Тогда мать возложила печаль свою на милосердие Божие, стала переносить свое горе спокойно и терпеливо, и ребенок не приходил уже к ней более и спокойно спал на своем могильном ложе.

«Memento mori».

Художник – Александр Мейер. Гравюра. 1605 г.

«...Видишь, теперь мой саван скоро совсем одосянет,
и мне будет спокойно спать в моей могилке...»

Еврей в терновнике

Жил однажды на белом свете богач, и у того богача был слуга, который служил ревностно и честно, вставал каждое утро раньше всех и позже всех ложился вечером, и где была тяжелая работа, другим не по силам, там он всегда первый за нее принимался. При этом он ни на что не жаловался, был всегда доволен и всегда весел.

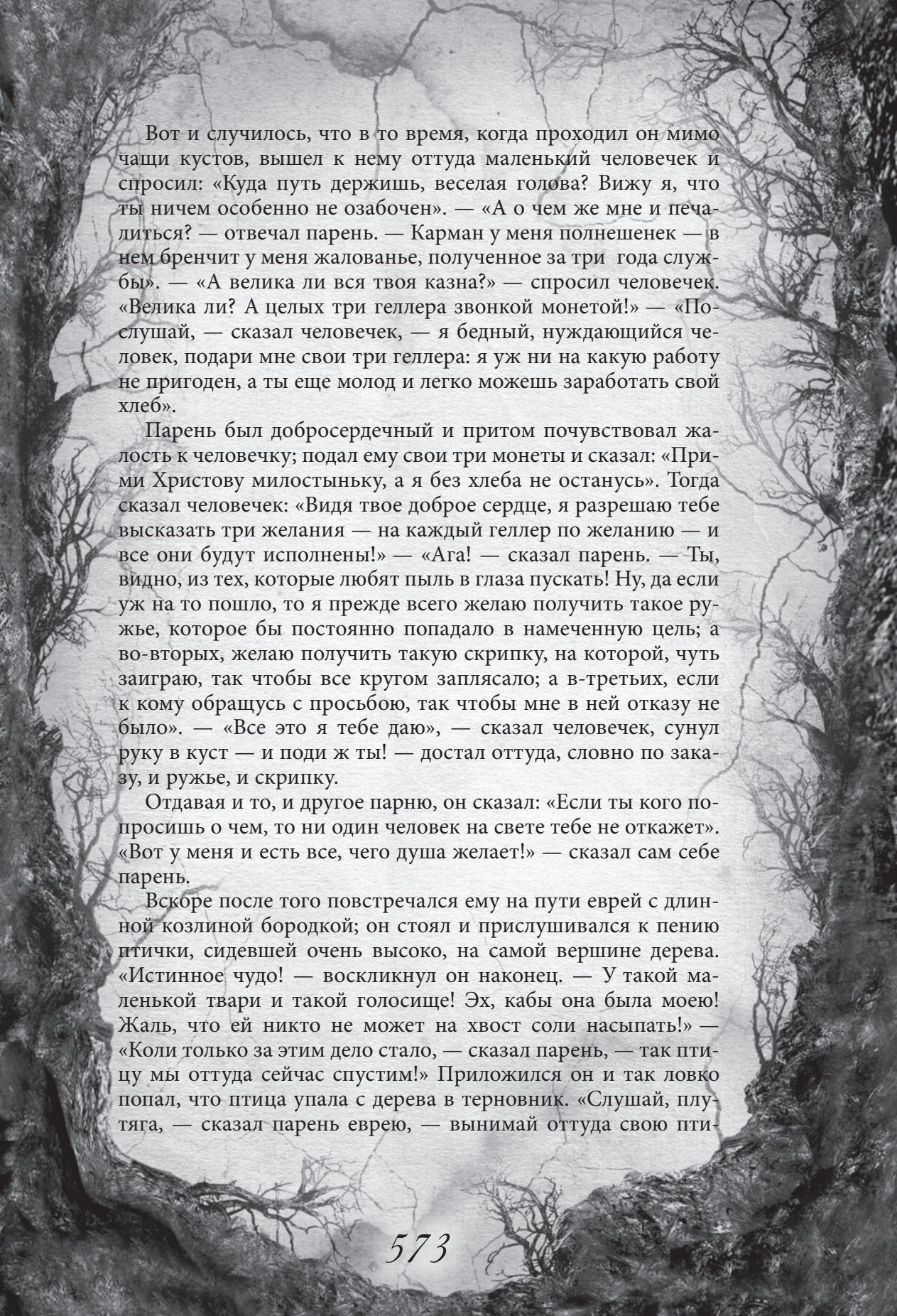
Когда окончился год его службы, господин его не дал ему никакого жалованья, подумав: «Этак-то лучше, и я на этом сохранию кое-что, и он от меня не уйдет, а останется у меня на службе».

Слуга не сказал ему ни слова, и во второй год исполнял ту же работу, что и в первый. И даже тогда, когда и за второй год он не получил никакого жалованья, примирился с этим и остался по-прежнему на службе.

По прошествии и третьего года господин спохватился, стал рыться в кармане, однако ничего из кармана не вынул. Тогда наконец слуга заговорил: «Я, сударь, честно служил вам три года кряду, а потому будьте так добры, дайте мне то, что мне следует получить по праву; мне бы хотелось от вас уйти и повидать свет белый». А скряга и отвечал ему: «Да, милый мой слуга, ты мне служил прекрасно и должен быть за это вознагражден надлежащим образом». Сунул он руку опять в карман и геллер за геллером отсчитал ему три монетки... «Вот тебе за каждый год по геллеру — это большая и щедрая плата, какую ты мог бы получить лишь у очень немногих господ».

Добряк-слуга немного смыслил в деньгах, спрятал свой капитал в карман и подумал: «Ну, теперь у меня полнешенек карман денег — так о чем мне и тужить? Да не к чему и затруднять себя тяжелою работою!»

И пошел путем-дорогою по горам, по долам, весело припевая и припрыгивая на ходу.

Вот и случилось, что в то время, когда проходил он мимо чащи кустов, вышел к нему оттуда маленький человечек и спросил: «Куда путь держишь, веселая голова? Вижу я, что ты ничем особенно не озабочен». — «А о чем же мне и печалиться? — отвечал парень. — Карман у меня полнешенек — в нем бренчит у меня жалованье, полученное за три года службы». — «А велика ли вся твоя казна?» — спросил человечек. «Велика ли? А целых три геллера звонкой монетой!» — «Послушай, — сказал человечек, — я бедный, нуждающийся человек, подари мне свои три геллера: я уж ни на какую работу не пригоден, а ты еще молод и легко можешь заработать свой хлеб».

Парень был добросердечный и притом почувствовал жалость к человечку; подал ему свои три монеты и сказал: «Прими Христову милостыню, а я без хлеба не останусь». Тогда сказал человечек: «Видя твое доброе сердце, я разрешаю тебе высказать три желания — на каждый геллер по желанию — и все они будут исполнены!» — «Ага! — сказал парень. — Ты, видно, из тех, которые любят пыль в глаза пускать! Ну, да если уж на то пошло, то я прежде всего желаю получить такое ружье, которое бы постоянно попадало в намеченную цель; а во-вторых, желаю получить такую скрипку, на которой, чуть заиграю, так чтобы все кругом заплясало; а в-третьих, если к кому обращусь с просьбою, так чтобы мне в ней отказу не было». — «Все это я тебе даю», — сказал человечек, сунул руку в куст — и поди ж ты! — достал оттуда, словно по заказу, и ружье, и скрипку.

Отдавая и то, и другое парню, он сказал: «Если ты кого попросишь о чем, то ни один человек на свете тебе не откажет». «Вот у меня и есть все, чего душа желает!» — сказал сам себе парень.

Вскоре после того повстречался ему на пути еврей с длинной козлиной бородкой; он стоял и прислушивался к пению птички, сидевшей очень высоко, на самой вершине дерева. «Истинное чудо! — воскликнул он наконец. — У такой маленькой твари и такой голосище! Эх, кабы она была моею! Жаль, что ей никто не может на хвост соли насыпать!» — «Коли только за этим дело стало, — сказал парень, — так птицу мы оттуда сейчас спустим!» Приложился он и так ловко попал, что птица упала с дерева в терновник. «Слушай, плутяга, — сказал парень еврею, — вынимай оттуда свою пти-

цу». — «Ну что же, я подберу свою птицу, коли уж вы в нее попали!» — сказал еврей, лег на землю и давай продираться внутрь тернового куста.

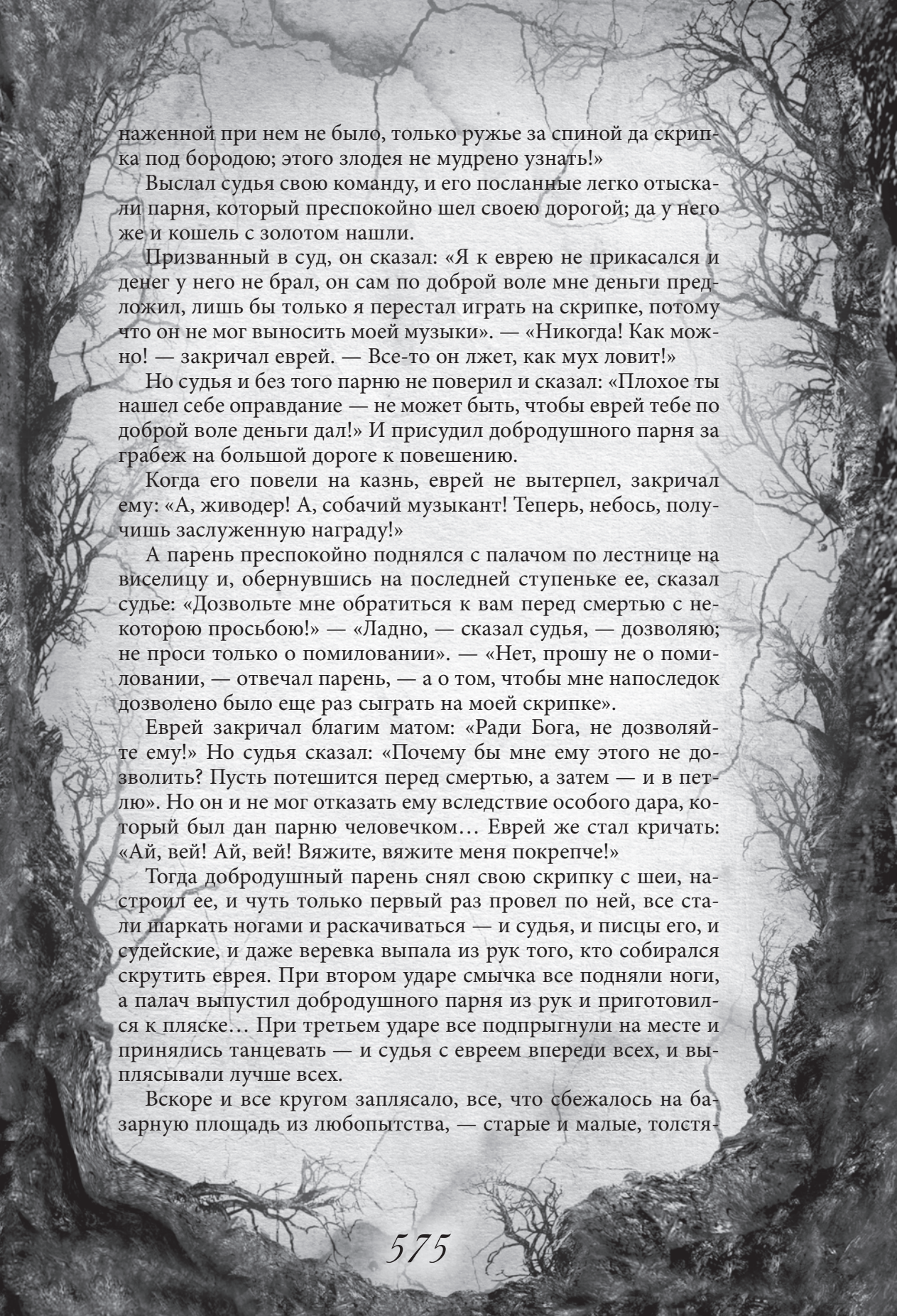
Когда он залез в самую середину кустарника, вздумалось парню подшутить — взялся он за скрипку и давай на ней наигрывать. Тотчас же начал и еврей поднимать ноги вверх и подскакивать, и чем более парень пилил на своей скрипке, тем шибче тот приплясывал. Но шипы терновника изодрали его ветхое платьишко, растеребили его козлиную бороденку и перецарапали ему все тело. «Да что же это за музыка! — крикнул, наконец, еврей. — Что за музыка! Пусть господин перестанет играть, я вовсе не хочу плясать!» Но парень не очень его слушал и думал про себя: «Ты довольно людей дурачил — пусть-ка теперь тебя терновник поцарапает!» — и продолжал наигрывать, а еврей все выше и выше подскакивал, и лохмотья его одежды то и дело оставались на иглах терновника.

«Ай, вей! — взмолился он. — Лучше уж я дам господину, что он желает, — дам целый кошелек с золотом, лишь бы он играть перестал!» — «О! Если ты такой щедрый, — сказал парень, — то я, пожалуй, и прекращу мою музыку; однако же должен тебя похвалить — ты под мою музыку отлично пляшешь!» Затем получил он от еврея кошелек и пошел своей дорогой.

Еврей же остался на том же месте и все смотрел вслед парню, пока тот совсем у него не скрылся из глаз; а тогда и начал кричать, что есть мочи: «Ах, ты, музыкант грошовый! Ах ты, скрипач из пивной! погоди уж: дай мне с тобой глаз на глаз встретиться! Так тебя пугну, что во все лопатки бежать от меня пустишься!» — и кричал, и ругался, сколько мог.

А когда он эту бранью немного пооблегчил себе душу, то побежал в город к судье. «Господин судья, — ай, вей! — извольте посмотреть, как на большой дороге какой-то злодей меня ограбил и что со мною сделал! Камень, и тот должен был бы надо мною сжалиться! Извольте видеть: платье все в клочья изорвано! Тело исколото и исцарапано! И весь достаточек мой, вместе с кошельком, у меня отнят! А в кошельке-то все червонцы, один другого лучше! Ради Бога, прикажите злодея в тюрьму засадить!»

Судья спросил: «Да кто же он был? Солдат, что ли, что тебя так саблей отделал?» — «Ни-ни! — сказал еврей. — Шпаги об-

наженной при нем не было, только ружье за спиной да скрипка под бороδοю; этого злодея не мудрено узнать!»

Выслал судья свою команду, и его посланные легко отыскали парня, который преспокойно шел своею дорогою; да у него же и кошель с золотом нашли.

Призванный в суд, он сказал: «Я к еврею не прикасался и денег у него не брал, он сам по доброй воле мне деньги предложил, лишь бы только я перестал играть на скрипке, потому что он не мог выносить моей музыки». — «Никогда! Как можно! — закричал еврей. — Все-то он лжет, как мух ловит!»

Но судья и без того парню не поверил и сказал: «Плохое ты нашел себе оправдание — не может быть, чтобы еврей тебе по доброй воле деньги дал!» И присудил добродушного парня за грабеж на большой дороге к повешению.

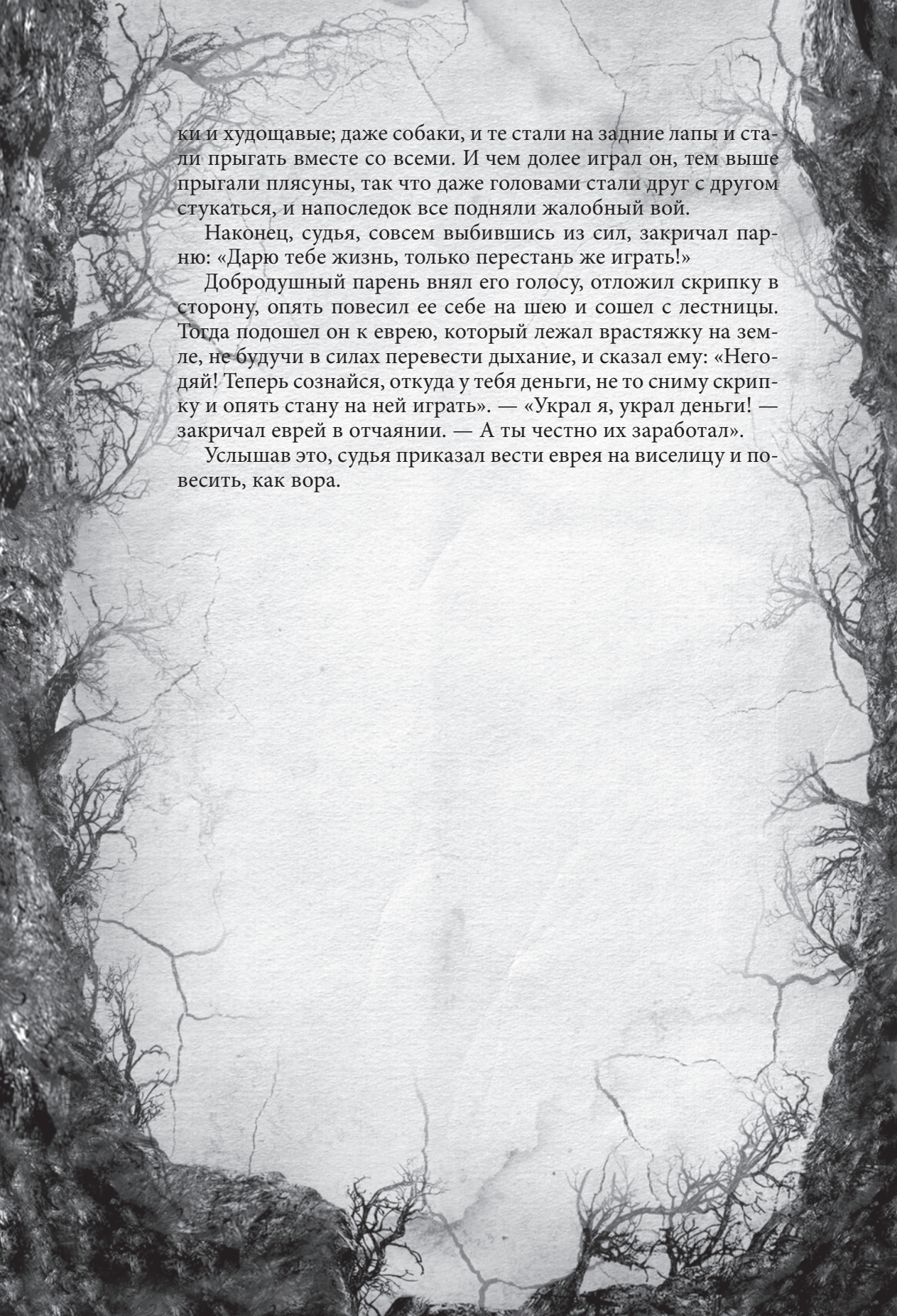
Когда его повели на казнь, еврей не вытерпел, закричал ему: «А, живодер! А, собачий музыкант! Теперь, небось, получишь заслуженную награду!»

А парень преспокойно поднялся с палачом по лестнице на виселицу и, обернувшись на последней ступеньке ее, сказал судье: «Дозвольте мне обратиться к вам перед смертью с некоторою просьбою!» — «Ладно, — сказал судья, — позволяю; не проси только о помиловании». — «Нет, прошу не о помиловании, — отвечал парень, — а о том, чтобы мне напоследок дозволено было еще раз сыграть на моей скрипке».

Еврей закричал благим матом: «Ради Бога, не позволяйте ему!» Но судья сказал: «Почему бы мне ему этого не дозволить? Пусть потешится перед смертью, а затем — и в петлю». Но он и не мог отказать ему вследствие особого дара, который был дан парню человеком... Еврей же стал кричать: «Ай, вей! Ай, вей! Вяжите, вяжите меня покрепче!»

Тогда добродушный парень снял свою скрипку с шеи, настроил ее, и чуть только первый раз провел по ней, все стали шаркать ногами и раскачиваться — и судья, и писцы его, и судейские, и даже веревка выпала из рук того, кто собирался скрутить еврея. При втором ударе смычка все подняли ноги, а палач выпустил добродушного парня из рук и приготовился к пляске... При третьем ударе все подпрыгнули на месте и принялись танцевать — и судья с евреем впереди всех, и плясывали лучше всех.

Вскоре и все кругом заплясало, все, что сбежалось на базарную площадь из любопытства, — старые и малые, толстя-

ки и худощавые; даже собаки, и те стали на задние лапы и стали прыгать вместе со всеми. И чем долее играл он, тем выше прыгали плясуны, так что даже головами стали друг с другом стукаться, и напоследок все подняли жалобный вой.

Наконец, судья, совсем выбившись из сил, закричал парню: «Дарю тебе жизнь, только перестань же играть!»

Добродушный парень внял его голосу, отложил скрипку в сторону, опять повесил ее себе на шею и сошел с лестницы. Тогда подошел он к еврею, который лежал врасстяжку на земле, не будучи в силах перевести дыхание, и сказал ему: «Негодяй! Теперь сознайся, откуда у тебя деньги, не то сниму скрипку и опять стану на ней играть». — «Украл я, украл деньги! — закричал еврей в отчаянии. — А ты честно их заработал».

Услышав это, судья приказал вести еврея на виселицу и повесить, как вора.

Ученый егерь

Некогда жил на свете молодой парень, и обучился он слесарному мастерству, а затем сказал отцу, что хочет пойти побродить по белу свету и попытать свои силы. «Что же, — сказал отец, — я против этого ничего не имею», — и даже дал ему немного денег на дорогу.

Пошел он всюду бродить и стал искать себе работы. Немного спустя разонравилось ему слесарное мастерство, и задумал он поступить в егеря.

Вот и попался ему навстречу егерь в зеленом платье, и спросил его, откуда он и куда направляется. «Да вот, был в подмастерьях у слесаря, — отвечал молодец, — а теперь разонравилось мне это мастерство, захотелось в егеря поступить; так не возьмешь ли ты меня к себе в ученики?» — «О да, охотно! — сказал тот. — Если только ты захочешь за мною следовать».

Вот и пошел с ним молодец, нанялся к нему на многие годы и выучился егерскому делу.

Затем ему захотелось опять-таки повидать света белого и самостоятельно попытать свои силы, и старый егерь за все годы службы дал ему в вознаграждение только духовое ружье, но такое, что он мог из него стрелять без промаха.

Пошел молодец далее и пришел в очень большой лес, шел по нему целый день, а конца лесу все не было видно. Когда за вечерело, он вскарабкался на высокое дерево, чтобы обезопасить себя от диких зверей.

Около полуночи ему показалось, что вдали мерцает маленький огонек, и он высмотрел его сквозь ветви деревьев и запомнил, как к нему пройти. Снял он с себя шляпу и швырнул ее с дерева по направлению к свету, чтобы по ней и направиться, как слезет с дерева. Слез с дерева, направился к шляпе, надел ее опять на голову и прямехонько пошел вперед. Чем далее он шел, тем ярче становился этот свет, а когда он к

нему приблизился, то увидел громадный костер и около него трех великанов, которые жарили на вертеле целого вола.

Один из них и сказал: «Попробую, можно ли уже есть мясо?» — отодрал кусок мяса и хотел было его в рот сунуть, но егерь выстрелом вышиб у него кусок мяса из руки. «Ну, вот еще, — сказал великан, — ветром у меня кусок из рук вырвало!» — и взял себе другой.

Чуть только он хотел его положить на зубы, егерь опять у него кусок изо рта выстрелом выбил; тогда этот великан, рассердившись, дал оплеуху другому великану, сидевшему с ним рядом, и проговорил: «Зачем ты у меня кусок изо рта вырвал?» — «И не думал вырывать, — отозвался тот, — это у тебя какой-нибудь меткий стрелок выстрелом изо рта его вышиб». Великан попытался было взять третий кусок, да и тот егерь у него из руки вышиб.

Тут стали говорить великаны между собою, что, верно, хорош должен быть этот стрелок, который чуть не изо рта кусок вышибать может... «Такой-то стрелок и нам бы мог быть полезен! — решили они и стали громко его кликать: — Эй, ты, меткий стрелок! Выходи к нам, садись к нашему огню и наедайся досыта, мы тебе никакого зла не сделаем; а коли не выйдешь, мы вытащим тебя силою из леса, и тогда ты погибь».

Услышав это, молодец выступил из леса и сказал им, что он ученый егерь и уж если на что нацелит ружье свое, в то попадет верно и без промаха.

А они ему на это сказали, что если он с ними решится пойти, то ему хорошо будет, да притом же и рассказали: «Там, за лесом — большая река, а за рекой стоит башня, и в той башне сидит красавица королевна, которую бы нам очень хотелось похитить». — «Да, — сказал парень, — эту королевну я скорее хонько добуду».

А великаны добавили: «Тут еще кое-что запомнить надо — есть там собачонка маленькая, которая тотчас начинает лаять, чуть только кто-нибудь к той башне приблизится, а как она залает, все на королевском дворе и поднимется; вот почему мы туда и не можем проникнуть... Так вот, не возьмешься ли ты пристрелить ту собачку?» — «Да это для меня суший пустяк».

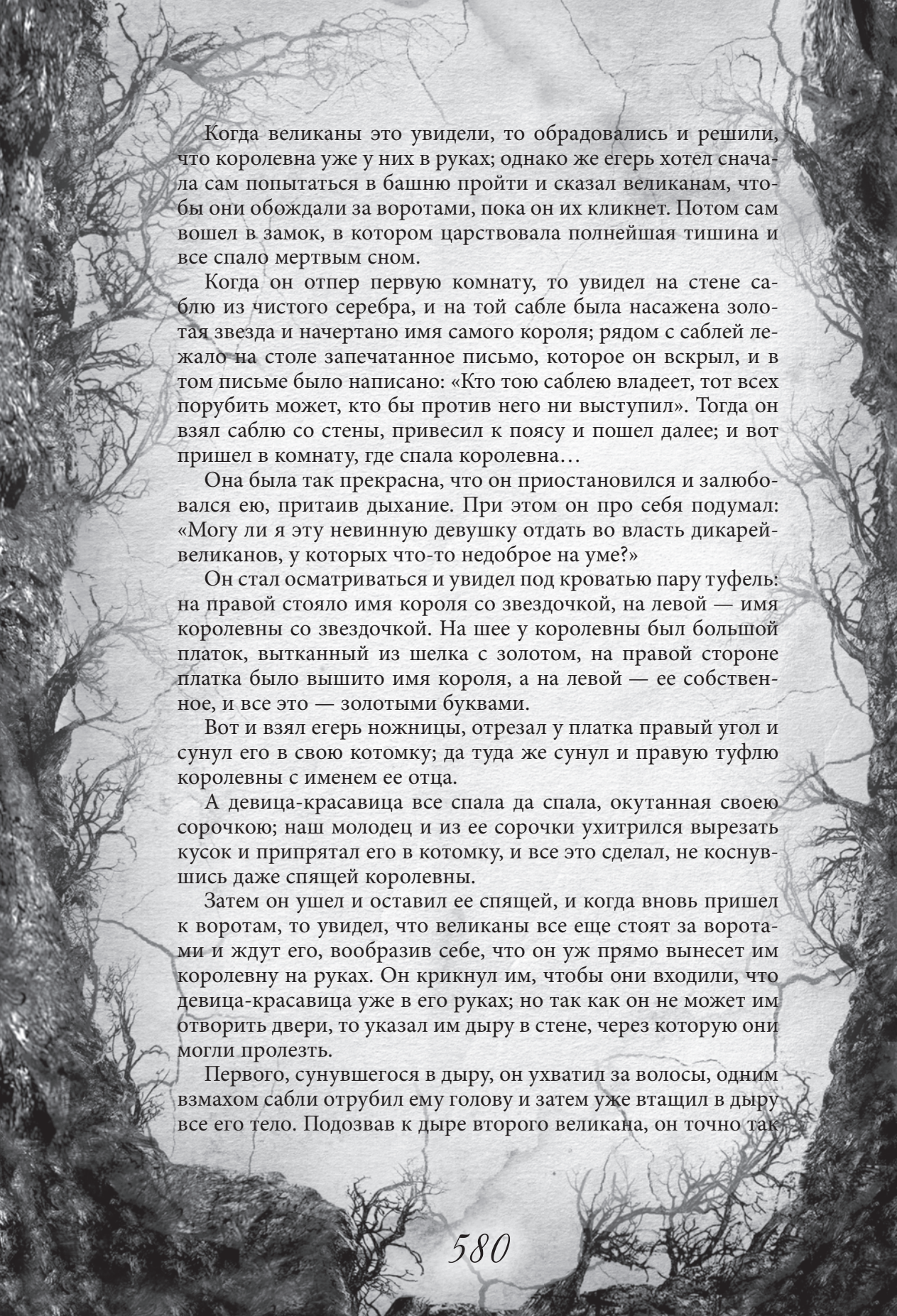
Затем сел он в лодку и переправился на тот берег; подплывая к берегу, он увидел собачонку, которая к реке бежала и собиралась уже залаять, но он выхватил ружье и застрелил ее.

«Ученый егерь»

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Приказал король созвать весь свой двор,
всех солдат и всех людей, бывших в замке,
и стал у них спрашивать, кто убил великанов
и тем избавил его двор от них?..»*

Когда великаны это увидели, то обрадовались и решили, что королевна уже у них в руках; однако же егерь хотел сначала сам попытаться в башню пройти и сказал великанам, чтобы они обождали за воротами, пока он их кликнет. Потом сам вошел в замок, в котором царствовала полнейшая тишина и все спало мертвым сном.

Когда он отпер первую комнату, то увидел на стене саблю из чистого серебра, и на той сабле была насажена золотая звезда и начертано имя самого короля; рядом с саблей лежало на столе запечатанное письмо, которое он вскрыл, и в том письме было написано: «Кто тою саблею владеет, тот всех порубить может, кто бы против него ни выступил». Тогда он взял саблю со стены, привесил к поясу и пошел далее; и вот пришел в комнату, где спала королевна...

Она была так прекрасна, что он приостановился и залюбовался ею, притаив дыхание. При этом он про себя подумал: «Могу ли я эту невинную девушку отдать во власть дикарей-великанов, у которых что-то недоброе на уме?»

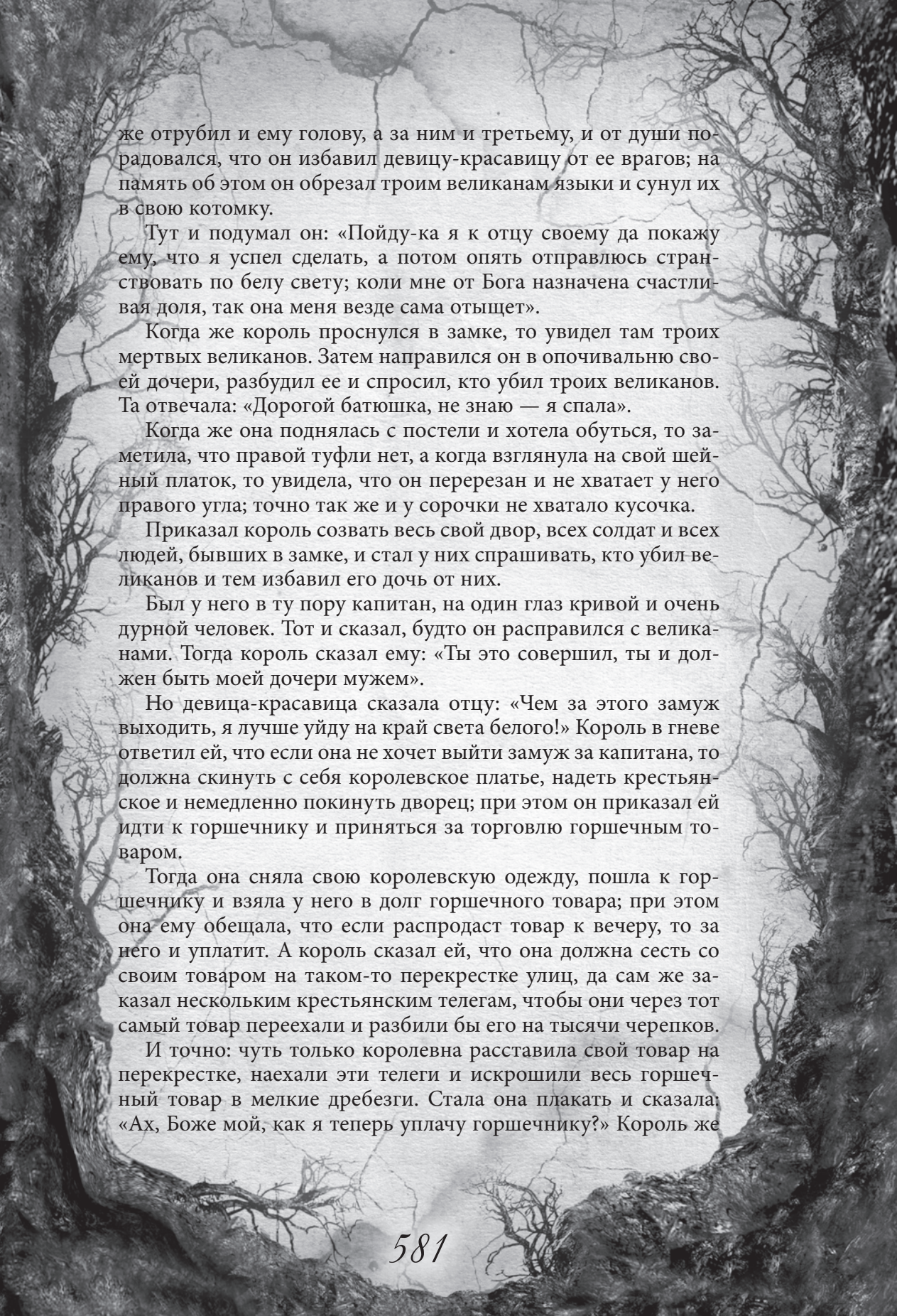
Он стал осматриваться и увидел под кроватью пару туфель: на правой стояло имя короля со звездочкой, на левой — имя королевны со звездочкой. На шее у королевны был большой платок, вытканый из шелка с золотом, на правой стороне платка было вышито имя короля, а на левой — ее собственное, и все это — золотыми буквами.

Вот и взял егерь ножницы, отрезал у платка правый угол и сунул его в свою котомку; да туда же сунул и правую туфлю королевны с именем ее отца.

А девица-красавица все спала да спала, окутанная своею сорочкою; наш молодец и из ее сорочки ухитрился вырезать кусок и припрятал его в котомку, и все это сделал, не коснувшись даже спящей королевны.

Затем он ушел и оставил ее спящей, и когда вновь пришел к воротам, то увидел, что великаны все еще стоят за воротами и ждут его, вообразив себе, что он уж прямо вынесет им королевну на руках. Он крикнул им, чтобы они входили, что девица-красавица уже в его руках; но так как он не может им отворить двери, то указал им дыру в стене, через которую они могли пролезть.

Первого, сунувшегося в дыру, он ухватил за волосы, одним взмахом сабли отрубил ему голову и затем уже втащил в дыру все его тело. Подозвав к дыре второго великана, он точно так

же отрубил и ему голову, а за ним и третьему, и от души порадовался, что он избавил девицу-красавицу от ее врагов; на память об этом он обрезал троем великанам языки и сунул их в свою котомку.

Тут и подумал он: «Пойду-ка я к отцу своему да покажу ему, что я успел сделать, а потом опять отправлюсь странствовать по белу свету; коли мне от Бога назначена счастливая доля, так она меня везде сама отыщет».

Когда же король проснулся в замке, то увидел там троих мертвых великанов. Затем направился он в опочивальню своей дочери, разбудил ее и спросил, кто убил троих великанов. Та отвечала: «Дорогой батюшка, не знаю — я спала».

Когда же она поднялась с постели и хотела обуться, то заметила, что правой туфли нет, а когда взглянула на свой шейный платок, то увидела, что он перерезан и не хватает у него правого угла; точно так же и у сорочки не хватало кусочка.

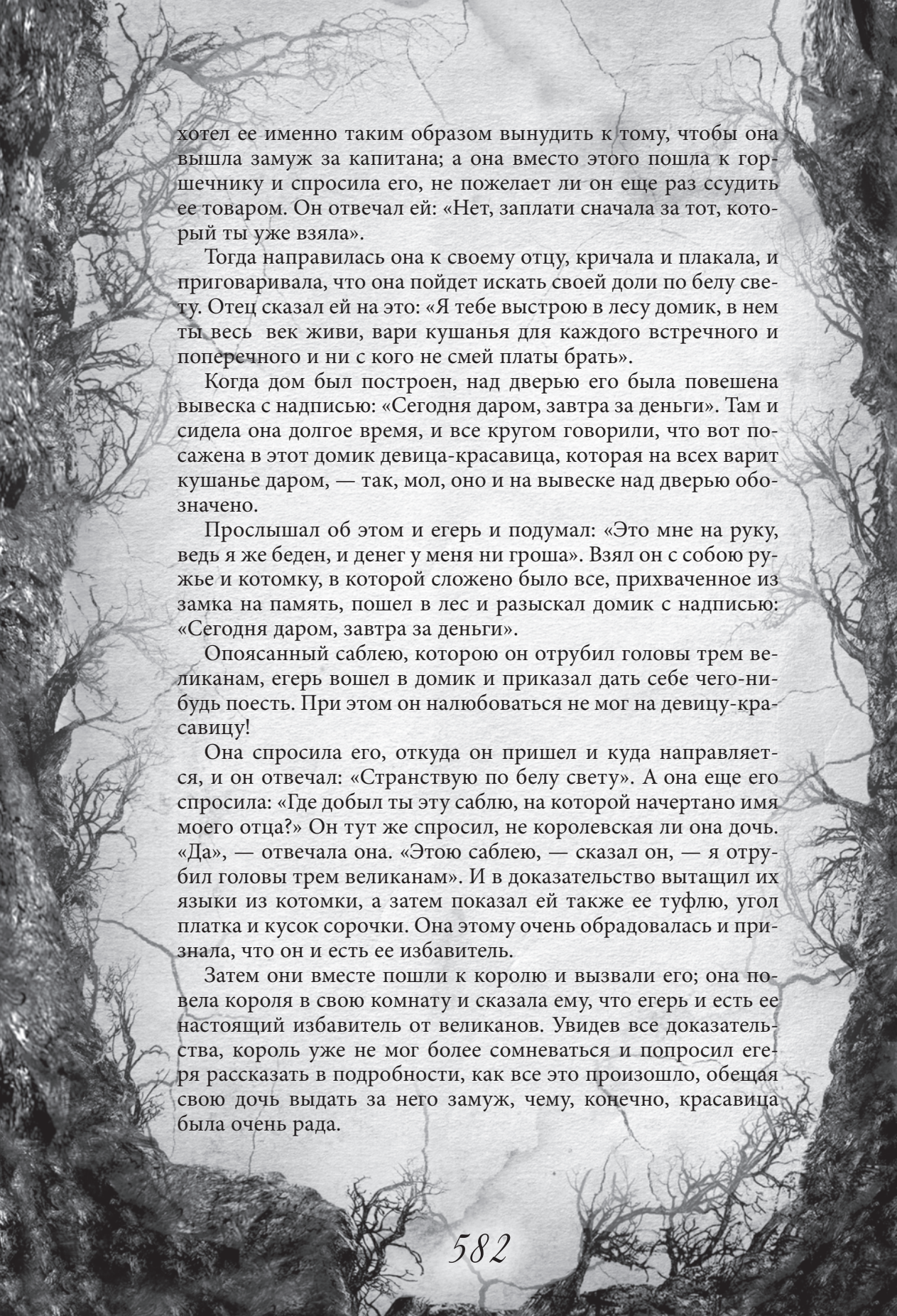
Приказал король созвать весь свой двор, всех солдат и всех людей, бывших в замке, и стал у них спрашивать, кто убил великанов и тем избавил его дочь от них.

Был у него в ту пору капитан, на один глаз кривой и очень дурной человек. Тот и сказал, будто он расправился с великанами. Тогда король сказал ему: «Ты это совершил, ты и должен быть моей дочери мужем».

Но девица-красавица сказала отцу: «Чем за этого замуж выходить, я лучше уйду на край света белого!» Король в гневе ответил ей, что если она не хочет выйти замуж за капитана, то должна скинуть с себя королевское платье, надеть крестьянское и немедленно покинуть дворец; при этом он приказал ей идти к горшечнику и приняться за торговлю горшечным товаром.

Тогда она сняла свою королевскую одежду, пошла к горшечнику и взяла у него в долг горшечного товара; при этом она ему обещала, что если распродаст товар к вечеру, то за него и уплатит. А король сказал ей, что она должна сесть со своим товаром на таком-то перекрестке улиц, да сам же заказал нескольким крестьянским телегам, чтобы они через тот самый товар переехали и разбили бы его на тысячи черепков.

И точно: чуть только королевна расставила свой товар на перекрестке, наехали эти телеги и искрошили весь горшечный товар в мелкие дребезги. Стала она плакать и сказала: «Ах, Боже мой, как я теперь уплачу горшечнику?» Король же

хотел ее именно таким образом вынудить к тому, чтобы она вышла замуж за капитана; а она вместо этого пошла к горшечнику и спросила его, не пожелает ли он еще раз ссудить ее товаром. Он отвечал ей: «Нет, заплати сначала за тот, который ты уже взяла».

Тогда направились она к своему отцу, кричала и плакала, и приговаривала, что она пойдет искать своей доли по белу свету. Отец сказал ей на это: «Я тебе выстрою в лесу домик, в нем ты весь век живи, вари кушанья для каждого встречного и поперечного и ни с кого не смей платы брать».

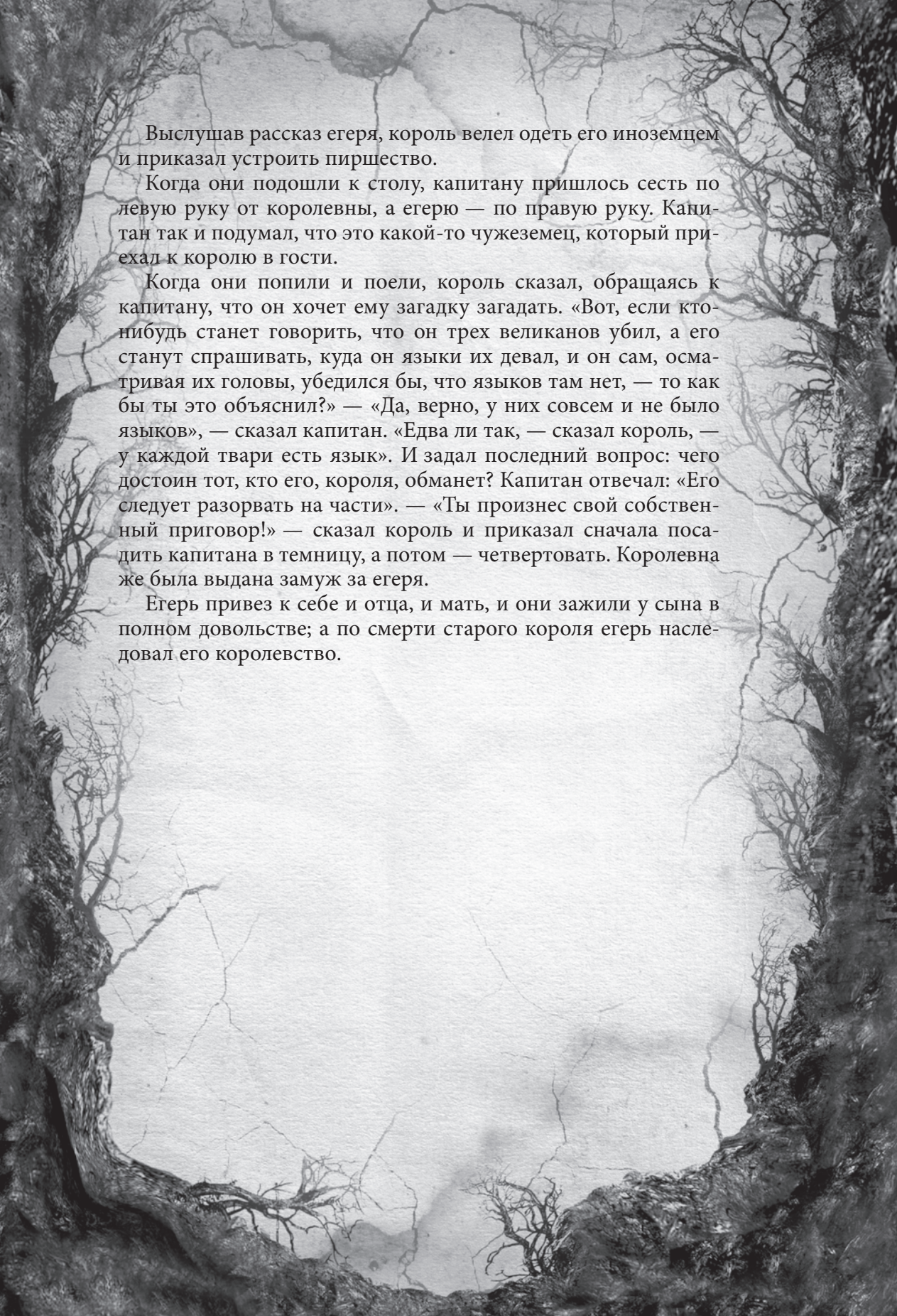
Когда дом был построен, над дверью его была повешена вывеска с надписью: «Сегодня даром, завтра за деньги». Там и сидела она долгое время, и все кругом говорили, что вот посажена в этот домик девица-красавица, которая на всех варит кушанье даром, — так, мол, оно и на вывеске над дверью обозначено.

Прослышал об этом и егерь и подумал: «Это мне на руку, ведь я же беден, и денег у меня ни гроша». Взял он с собою ружье и котомку, в которой сложено было все, прихваченное из замка на память, пошел в лес и разыскал домик с надписью: «Сегодня даром, завтра за деньги».

Опоясанный саблею, которою он отрубил головы трем великанам, егерь вошел в домик и приказал дать себе чего-нибудь поесть. При этом он налюбоваться не мог на девицу-красавицу!

Она спросила его, откуда он пришел и куда направляется, и он отвечал: «Странствую по белу свету». А она еще его спросила: «Где добыл ты эту саблю, на которой начертано имя моего отца?» Он тут же спросил, не королевская ли она дочь. «Да», — отвечала она. «Этою саблею, — сказал он, — я отрубил головы трем великанам». И в доказательство вытащил их языки из котомки, а затем показал ей также ее туфлю, угол платка и кусок сорочки. Она этому очень обрадовалась и признала, что он и есть ее избавитель.

Затем они вместе пошли к королю и вызвали его; она повела короля в свою комнату и сказала ему, что егерь и есть ее настоящий избавитель от великанов. Увидев все доказательства, король уже не мог более сомневаться и попросил егеря рассказать в подробности, как все это произошло, обещая свою дочь выдать за него замуж, чему, конечно, красавица была очень рада.

Выслушав рассказ егеря, король велел одеть его иноземцем и приказал устроить пиршество.

Когда они подошли к столу, капитану пришлось сесть по левую руку от королевны, а егерю — по правую руку. Капитан так и подумал, что это какой-то чужеземец, который приехал к королю в гости.

Когда они попили и поели, король сказал, обращаясь к капитану, что он хочет ему загадку загадать. «Вот, если кто-нибудь станет говорить, что он трех великанов убил, а его станут спрашивать, куда он языки их девал, и он сам, осматривая их головы, убедился бы, что языков там нет, — то как бы ты это объяснил?» — «Да, верно, у них совсем и не было языков», — сказал капитан. «Едва ли так, — сказал король, — у каждой твари есть язык». И задал последний вопрос: чего достоин тот, кто его, короля, обманет? Капитан отвечал: «Его следует разорвать на части». — «Ты произнес свой собственный приговор!» — сказал король и приказал сначала посадить капитана в темницу, а потом — четвертовать. Королевна же была выдана замуж за егеря.

Егерь привез к себе и отца, и мать, и они зажили у сына в полном довольстве; а по смерти старого короля егерь наследовал его королевство.

Двое королевских детей

Жил-был на свете король, и у него родился маленький сыночек, и на нем стоял такой знак, по которому можно было видеть, что ему на шестнадцатом году предстоит погибнуть от оленя.

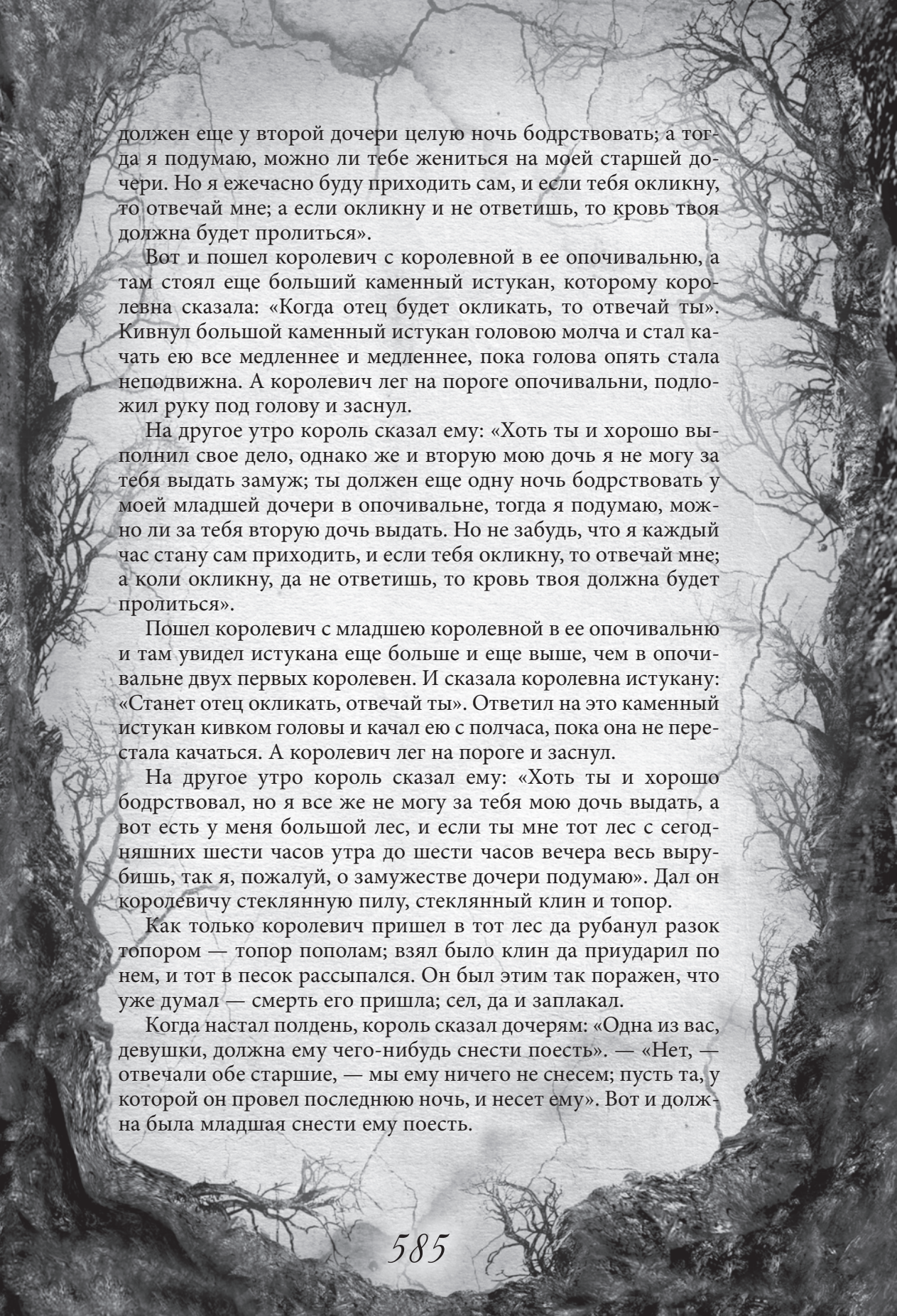
Когда он достиг этого возраста, королевские егеря отправились с ним однажды на охоту. В лесу королевич отстал ото всех и вдруг увидел большого оленя, в которого задумал стрелять, но никак нагнать его не мог; и бежал тот олень до тех пор, пока не заманил королевича в самую чащу леса; там вдруг вместо оленя появился высокий громадный мужчина и сказал: «Хорошо, что я тебя сюда залучил; из-за тебя я уже шесть пар лыж на охоте износил, а все добыть тебя не мог».

И взял он его с собой, переправил через широкую реку и привел в большой королевский замок, где они сели за один стол и стали есть. Когда они вместе поели, этот король сказал королевичу: «У меня три дочери; ты должен провести ночь в спальне у старшей, не смыкая глаз, от девяти часов вечера до шести утра, и я стану приходить к тебе каждый раз, когда будет ударять колокол, стану тебя окликать, и если ты хоть один раз не откликнешься мне, то будешь завтра утром казнен; если же каждый раз будешь мне отвечать, то получишь мою дочь в жены».

Когда королевна и королевич пришли в опочивальню, там стоял каменный истукан, и королевна сказала ему: «В девять часов придет мой отец и затем будет являться каждый час, пока три не ударит; когда будет он окликать, то дай ему ответ вместо королевича».

Каменный истукан молча кивнул головой и затем стал кивать все тише и тише, пока голова его не стала по-прежнему неподвижна.

На другое утро король сказал королевичу: «Ты оказался молодцом, но старшую дочь я не могу за тебя выдать — ты

должен еще у второй дочери целую ночь бодрствовать; а тогда я подумаю, можно ли тебе жениться на моей старшей дочери. Но я ежечасно буду приходить сам, и если тебя окликну, то отвечай мне; а если окликну и не ответишь, то кровь твоя должна будет пролиться».

Вот и пошел королевич с королевной в ее опочивальню, а там стоял еще больший каменный истукан, которому королевна сказала: «Когда отец будет окликать, то отвечай ты». Кивнул большой каменный истукан головою молча и стал качать ею все медленнее и медленнее, пока голова опять стала неподвижна. А королевич лег на пороге опочивальни, подложил руку под голову и заснул.

На другое утро король сказал ему: «Хоть ты и хорошо выполнил свое дело, однако же и вторую мою дочь я не могу за тебя выдать замуж; ты должен еще одну ночь бодрствовать у моей младшей дочери в опочивальне, тогда я подумаю, можно ли за тебя вторую дочь выдать. Но не забудь, что я каждый час стану сам приходить, и если тебя окликну, то отвечай мне; а коли окликну, да не ответишь, то кровь твоя должна будет пролиться».

Пошел королевич с младшею королевной в ее опочивальню и там увидел истукана еще больше и еще выше, чем в опочивальне двух первых королевен. И сказала королевна истукану: «Станет отец окликать, отвечай ты». Ответил на это каменный истукан кивком головы и качал ею с полчаса, пока она не перестала качаться. А королевич лег на пороге и заснул.

На другое утро король сказал ему: «Хоть ты и хорошо бодрствовал, но я все же не могу за тебя мою дочь выдать, а вот есть у меня большой лес, и если ты мне тот лес с сегодняшних шести часов утра до шести часов вечера весь вырубишь, так я, пожалуй, о замужестве дочери подумаю». Дал он королевичу стеклянную пилу, стеклянный клин и топор.

Как только королевич пришел в тот лес да рубанул разок топором — топор пополам; взял было клин да приударил по нему, и тот в песок рассыпался. Он был этим так поражен, что уже думал — смерть его пришла; сел, да и заплакал.

Когда настал полдень, король сказал дочерям: «Одна из вас, девушки, должна ему чего-нибудь снести поесть». — «Нет, — отвечали обе старшие, — мы ему ничего не снесем; пусть та, у которой он провел последнюю ночь, и несет ему». Вот и должна была младшая снести ему поесть.

Придя в лес, она его спросила: «Ну что? Как?» — «Совсем плохо», — отвечал он. Тогда она сказала ему, что он должен сначала чего-нибудь поест; но он отвечал, что этого не может сделать, что должен умереть и есть не будет. Но она приласкала его и уговорила, чтобы он хоть немного отведал; он подошел и поел.

Когда он насытился, она сказала: «Приляг ко мне на колени, я почешу тебе голову, и ты повеселеешь духом». Когда она стала ему в голове чесать, он вдруг почувствовал усталость и заснул; а она взяла свой платочек, завязала на нем узелочек, трижды ударила узелочком о землю, приговаривая: «Арвегерс, сюда!»

И явилось к ее услугам множество человечков из-под земли и стали спрашивать, что повелит им королевна. Тогда она сказала: «В течение трех часов лес должен быть вырублен, и все вырубленное должно быть сложено в кучи».

Пошли человечки, созвали всех своих на помощь и тотчас принялись за работу, и прежде чем три часа прошли, все было сделано. А человечки опять пришли к королевне и доложили ей о том. Тут она опять взяла свой белый платочек и сказала: «Арвегерс, домой!» И все человечки разом исчезли.

Когда королевич проснулся, то очень обрадовался, а королевна сказала ему: «Когда пробьет шесть часов, тогда иди домой».

Он так и сделал; и король спросил его: «Что же ты, вырубил лес?» — «Да», — сказал королевич.

Когда они все сели за стол, король сказал: «Не могу еще отдать за тебя свою дочку: ты должен мне еще одну службу сослужить». Королевич спросил: «Какую службу?» — «Есть у меня большой пруд, — сказал король, — завтра должен ты туда сходить и вычистить его так, чтобы он был как зеркало и чтобы водились в нем всякие рыбы».

На следующее утро король дал ему стеклянную лопату и сказал: «В шесть часов вечера пруд должен быть готов».

Пошел королевич на пруд, ткнул лопатой в тину — и лопата сломалась; ткнул киркой в тину — и та сломалась. Видя это, он совсем растерялся...

В полдень же принесла ему молодая королевна поесть и сказала: «Ну что? Как?» — «Совсем плохо! — отвечал королевич. — Видно, придется мне сложить свою голову: мне даже и приступить к работе не с чем!» — «О, — сказала она, — сту-

*«...Вот явились и жених с невестой
и стали против алтаря, но в то время,
когда пастор собицался их благословлять,
невеста вдруг глянула в сторону
и поднялась с колен.*

*“ Не хочу я венчаться, – сказала она, –
пока у меня не будет такого же красивого
платья, как у той дамы ”...»*

«Двое королевских детей».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

пай сюда да покушай сначала чего-нибудь, тогда у тебя на душе повеселеет». — «Нет, — сказал он, — есть я ничего не могу; я слишком уж опечален».

Тут она его приманила ласковым словом и заставила поест. Потом стала у него в голове перебирать и усыпила его; когда же он заснул, взяла она платочек, завязала на нем узелочек, ударила узелочком трижды в землю и сказала: «Арвегерс, сюда!»

И явилось опять к ней множество подземных человечков, и все стали спрашивать, чего она желает. Приказала она им пруд в течение трех часов так вычистить, чтобы он блестел как зеркало — хоть глядись в него! — и всякие рыбы в нем водились.

Пошли человечки на пруд, созвали к себе всех своих на помощь — и поспела работа их через два часа. Потом опять пришли к королевне и сказали: «Все мы исполнили, что было приказано». Тогда взяла королевна платочек, ударила трижды в землю и сказала: «Арвегерс, домой!» И все они исчезли.

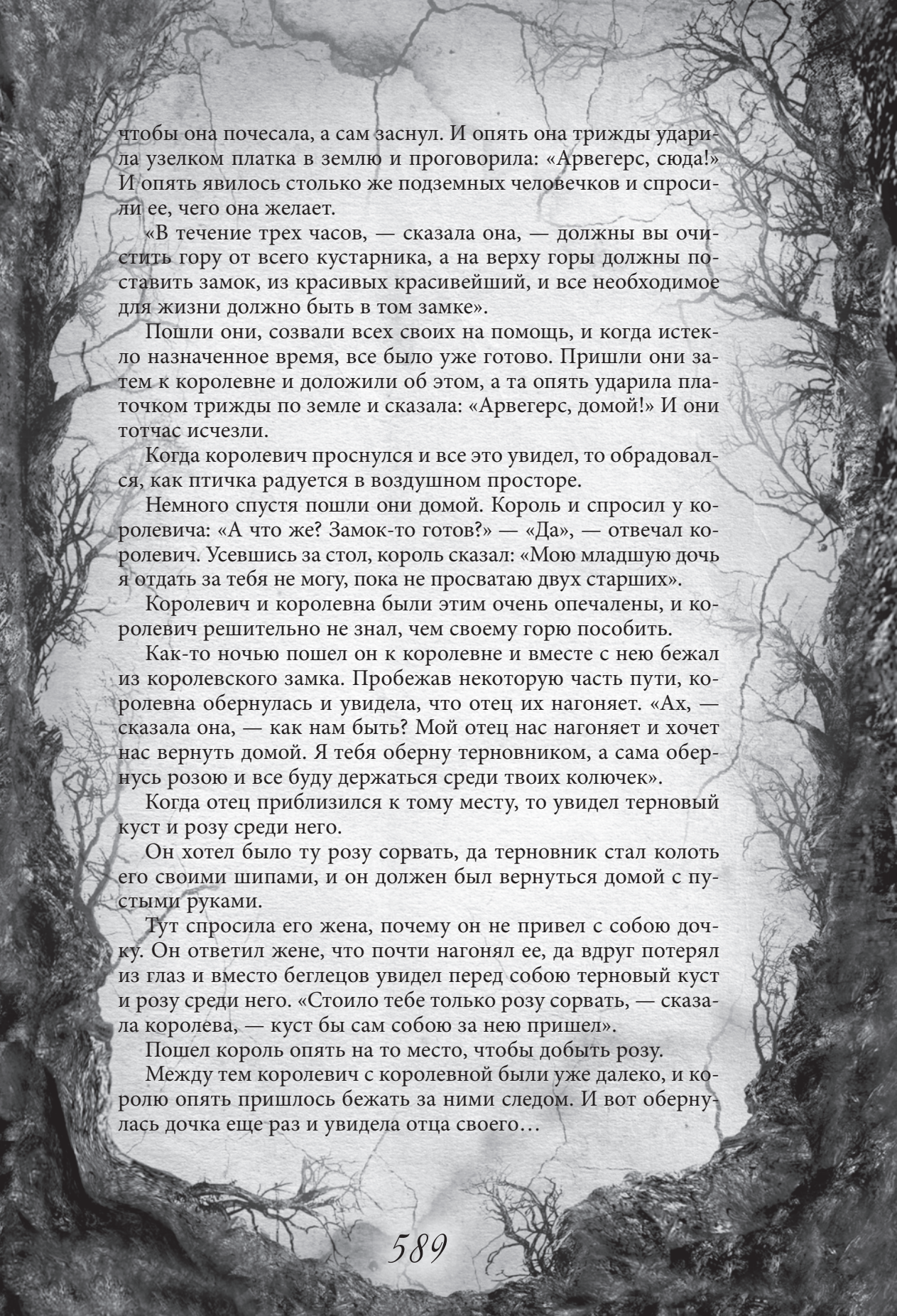
Проснулся королевич — видит, что готова работа. Тогда ушла королевна и сказала, чтобы он в назначенное время приходил домой.

Как он пришел, король его спросил: «Что ж? Очищен ли пруд?» — «Очищен», — отвечал королевич. «Ну, хоть ты и очистил его, — сказал король, — однако же я не могу за тебя выдать мою дочь. Прежде ты мне еще одну службу сослужи». — «Да что же еще?» — «А вот на той большой горе, что вся заросла колючим терновником, ты весь терновник вырубь да построй там большой замок, прекрасней которого нельзя было бы вообразить, и чтобы в том замке было все, для житья необходимое».

Когда на другой день королевич поднялся, король дал ему стеклянный топор и стеклянный бурав и приказал закончить всю работу к шести часам.

Чуть только он ударил топором по первому терновому кусту, как топор рассыпался вдребезги, да и бурав тоже оказался непригодным к делу. Запечалился королевич и стал поджидать свою милую — не поможет ли хоть та ему из беды выпутаться?

В самый полдень она и пришла к нему, и принесла ему поест; он пошел ей навстречу, рассказал ей все, что случилось, поел того, что она ему принесла, положил голову на колени,

чтобы она почесала, а сам заснул. И опять она трижды ударила узелком платка в землю и проговорила: «Арвегерс, сюда!» И опять явилось столько же подземных человечков и спросили ее, чего она желает.

«В течение трех часов, — сказала она, — должны вы очистить гору от всего кустарника, а на верху горы должны поставить замок, из красивых красивейший, и все необходимое для жизни должно быть в том замке».

Пошли они, созвали всех своих на помощь, и когда истекло назначенное время, все было уже готово. Пришли они затем к королевне и доложили об этом, а та опять ударила платочком трижды по земле и сказала: «Арвегерс, домой!» И они тотчас исчезли.

Когда королевич проснулся и все это увидел, то обрадовался, как птичка радуется в воздушном просторе.

Немного спустя пошли они домой. Король и спросил у королевича: «А что же? Замок-то готов?» — «Да», — отвечал королевич. Усевшись за стол, король сказал: «Мою младшую дочь я отдать за тебя не могу, пока не просватаю двух старших».

Королевич и королевна были этим очень опечалены, и королевич решительно не знал, чем своему горю пособить.

Как-то ночью пошел он к королевне и вместе с нею бежал из королевского замка. Пробежав некоторую часть пути, королевна обернулась и увидела, что отец их нагоняет. «Ах, — сказала она, — как нам быть? Мой отец нас нагоняет и хочет нас вернуть домой. Я тебя оберну терновником, а сама обернусь розою и все буду держаться среди твоих колючек».

Когда отец приблизился к тому месту, то увидел терновый куст и розу среди него.

Он хотел было ту розу сорвать, да терновник стал колоть его своими шипами, и он должен был вернуться домой с пустыми руками.

Тут спросила его жена, почему он не привел с собою дочку. Он ответил жене, что почти нагонял ее, да вдруг потерял из глаз и вместо беглецов увидел перед собою терновый куст и розу среди него. «Стоило тебе только розу сорвать, — сказала королева, — куст бы сам собою за нею пришел».

Пошел король опять на то место, чтобы добыть розу.

Между тем королевич с королевной были уже далеко, и королю опять пришлось бежать за ними следом. И вот обернулась дочка еще раз и увидела отца своего...

«Как нам быть? — сказала она снова. — Я оберну тебя кирхоу, а сама буду в той кирхе пастором: стану на кафедре и начну проповедовать».

Подошел отец к тому месту и видит кирху, а на кафедре стоит пастор и проповедует. Послушал он проповедь и домой пошел.

На вопрос королевы, почему он дочь с собою не привел, король отвечал: «Пришлось мне за ними далеко бежать; а как нагнал их, вижу, что стоит кирха и в ней пастор проповедует». — «Да тебе бы только стоило привести с собою пастора, — сказала королева, — а кирха сама бы за тобою пошла! Нет, вижу, что нельзя тебя за ними в погоню посылать, надо мне самой за ними бежать».

Когда она пробежала часть пути и уже завидела вдали беглецов, случайно обернулась королевна назад и увидела, что мать за ними гонится.

«Беда нам грозит! — сказала королевна. — Матушка сама за нами гонится!.. Вот оберну тебя прудом, а сама в том пруду стану плавать рыбоу».

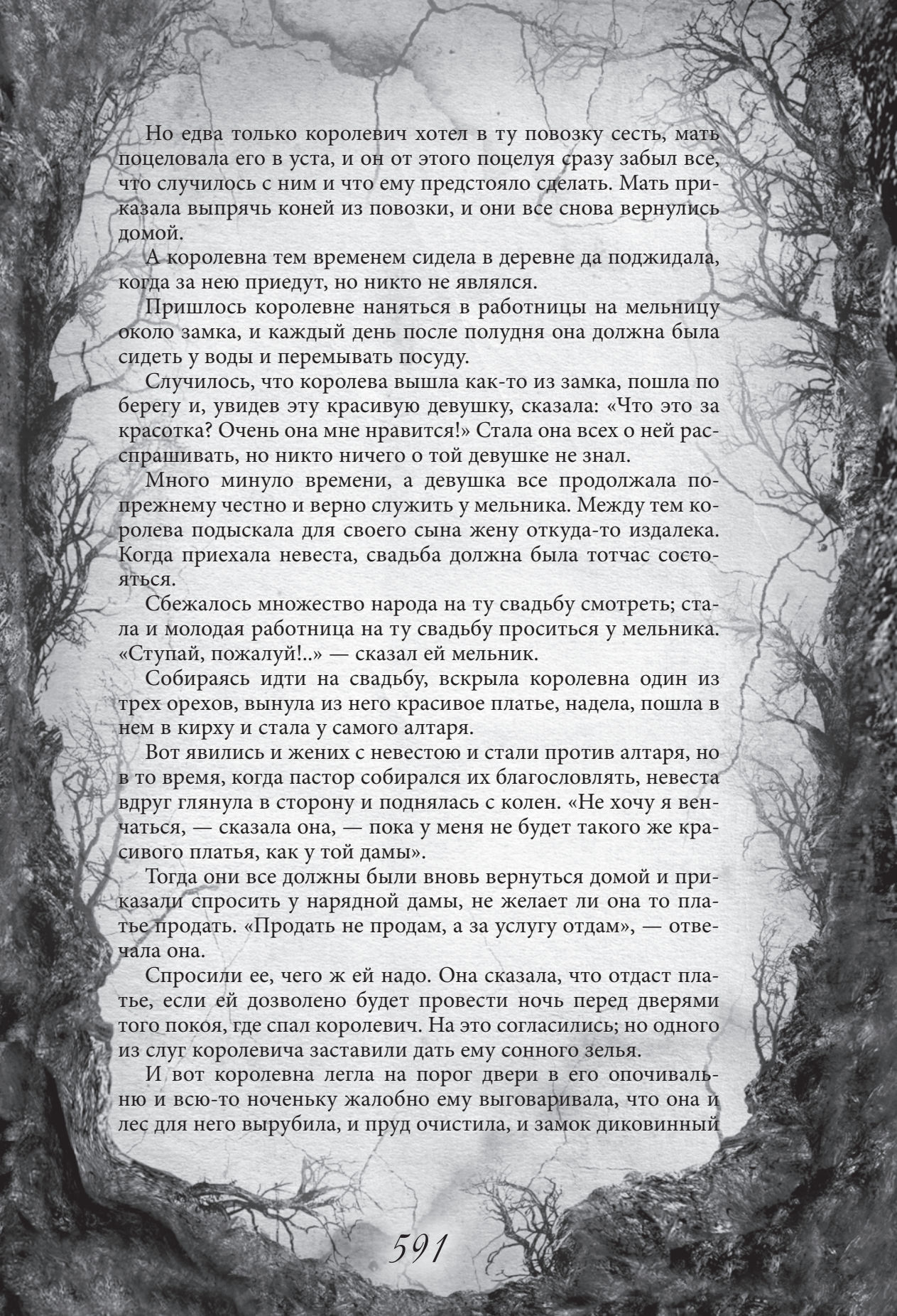
Пришла мать на то место и видит — большой пруд, а в нем рыбка плещется, головку из воды выставляет и плавает веселенька. Хотела она поймать ту рыбку, да никак ей это не удавалось! Разозлилась она и задумала выпить весь пруд досуха, чтобы рыбку поймать. И выпила — да стало королеве так дурно, что она должна была снова весь пруд изрыгнуть...

Тогда она и сказала: «Вижу, что ничего не могу с вами поделать!» — и призвала их к себе.

И вот приняли они опять свой прежний вид, и королева дала дочери три ореха, добавив: «Эти орехи тебе в нужде пригодятся».

И пошли молодые люди далее своею дорогою. Пробыв в дороге часов с десятков, пришли они к деревне, невядалеке от замка королевича. Тут и сказал он своей невесте: «Обожди здесь, моя милая, я прежде один побываю в замке и оттуда явлюсь к тебе снова с повозкой и слугами, чтобы свезти тебя в замок».

Когда он в замок явился, все чрезвычайно обрадовались его возвращению; а он рассказал им, что есть у него невеста, что она дожидается его в деревне и что он сейчас поедет за нею в повозке и привезет в замок. Тотчас запряжена была повозка, и много слуг явилось около нее.

Но едва только королевич хотел в ту повозку сесть, мать поцеловала его в уста, и он от этого поцелуя сразу забыл все, что случилось с ним и что ему предстояло сделать. Мать приказала выпрячь коней из повозки, и они все снова вернулись домой.

А королевна тем временем сидела в деревне да поджидала, когда за нею приедут, но никто не являлся.

Пришлось королевне наняться в работницы на мельницу около замка, и каждый день после полудня она должна была сидеть у воды и перемывать посуду.

Случилось, что королева вышла как-то из замка, пошла по берегу и, увидев эту красивую девушку, сказала: «Что это за красотка? Очень она мне нравится!» Стала она всех о ней расспрашивать, но никто ничего о той девушке не знал.

Много минуло времени, а девушка все продолжала по-прежнему честно и верно служить у мельника. Между тем королева подыскала для своего сына жену откуда-то издалека. Когда приехала невеста, свадьба должна была тотчас состояться.

Сбежалось множество народа на ту свадьбу смотреть; стала и молодая работница на ту свадьбу проситься у мельника. «Ступай, пожалуй!..» — сказал ей мельник.

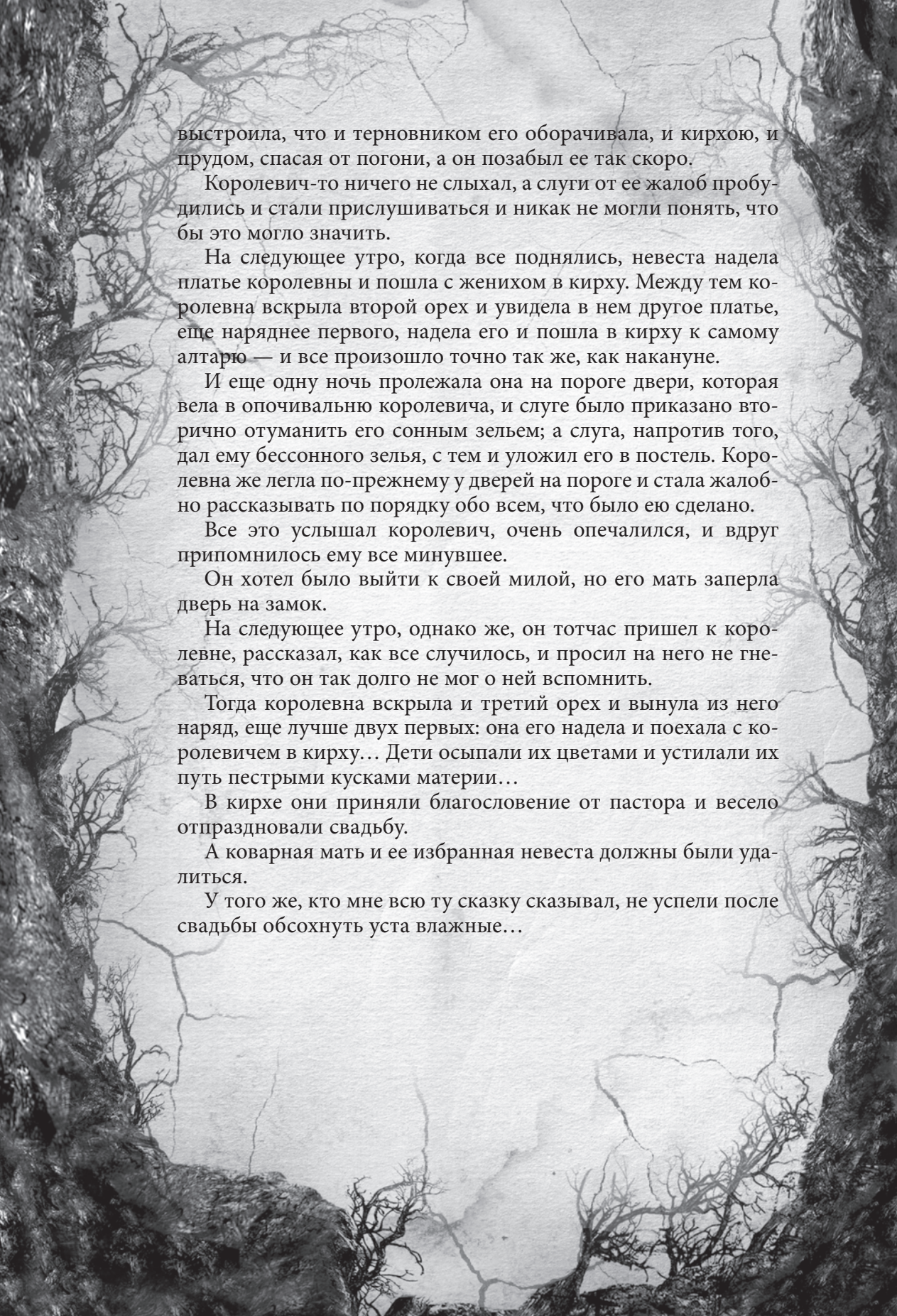
Собираясь идти на свадьбу, вскрыла королевна один из трех орехов, вынула из него красивое платье, надела, пошла в нем в кирху и стала у самого алтаря.

Вот явились и жених с невестой и стали против алтаря, но в то время, когда пастор собирался их благословлять, невеста вдруг глянула в сторону и поднялась с колен. «Не хочу я венчаться, — сказала она, — пока у меня не будет такого же красивого платья, как у той дамы».

Тогда они все должны были вновь вернуться домой и приказали спросить у нарядной дамы, не желает ли она то платье продать. «Продать не продам, а за услугу отдам», — отвечала она.

Спросили ее, чего ж ей надо. Она сказала, что отдаст платье, если ей дозволено будет провести ночь перед дверями того покоя, где спал королевич. На это согласились; но одного из слуг королевича заставили дать ему сонного зелья.

И вот королевна легла на порог двери в его опочивальню и всю-то ноченьку жалобно ему выговаривала, что она и лес для него вырубилa, и пруд очистила, и замок диковинный

выстроила, что и терновником его оборачивала, и кирхою, и прудом, спасая от погони, а он позабыл ее так скоро.

Королевич-то ничего не слышал, а слуги от ее жалоб пробудились и стали прислушиваться и никак не могли понять, что бы это могло значить.

На следующее утро, когда все поднялись, невеста надела платье королевны и пошла с женихом в кирху. Между тем королевна вскрыла второй орех и увидела в нем другое платье, еще наряднее первого, надела его и пошла в кирху к самому алтарю — и все произошло точно так же, как накануне.

И еще одну ночь пролежала она на пороге двери, которая вела в опочивальню королевича, и слуге было приказано вторично отуманить его сонным зельем; а слуга, напротив того, дал ему бессонного зелья, с тем и уложил его в постель. Королевна же легла по-прежнему у дверей на пороге и стала жалобно рассказывать по порядку обо всем, что было ею сделано.

Все это услышал королевич, очень опечалился, и вдруг припомнилось ему все минувшее.

Он хотел было выйти к своей милой, но его мать заперла дверь на замок.

На следующее утро, однако же, он тотчас пришел к королевне, рассказал, как все случилось, и просил на него не гневаться, что он так долго не мог о ней вспомнить.

Тогда королевна вскрыла и третий орех и вынула из него наряд, еще лучше двух первых: она его надела и поехала с королевичем в кирху... Дети осыпали их цветами и устлали их путь пестрыми кусками материи...

В кирхе они приняли благословение от пастора и весело отпраздновали свадьбу.

А коварная мать и ее избранная невеста должны были удалиться.

У того же, кто мне всю ту сказку сказывал, не успели после свадьбы обсохнуть уста влажные...

Цеп из рая

Выехал мужик пахать на паре волов. Приехав на поле, увидел он, что рога у его волов начали расти, расти, и когда он вернулся домой, рога были уже настолько велики, что он не мог въехать на волах в ворота.

На его счастье случился тут мясник, которому он своих волов передал, и они заключили договор, по которому мужик должен был доставить мяснику меру репного семени, а тот ему за каждое семечко должен отсчитать по брабантскому талеру.

Торг, как изволите видеть, не дурной!

Пошел мужик в дом и притащил мяснику меру репного семени на спине; по пути, однако же, обронил из меры одно семечко.

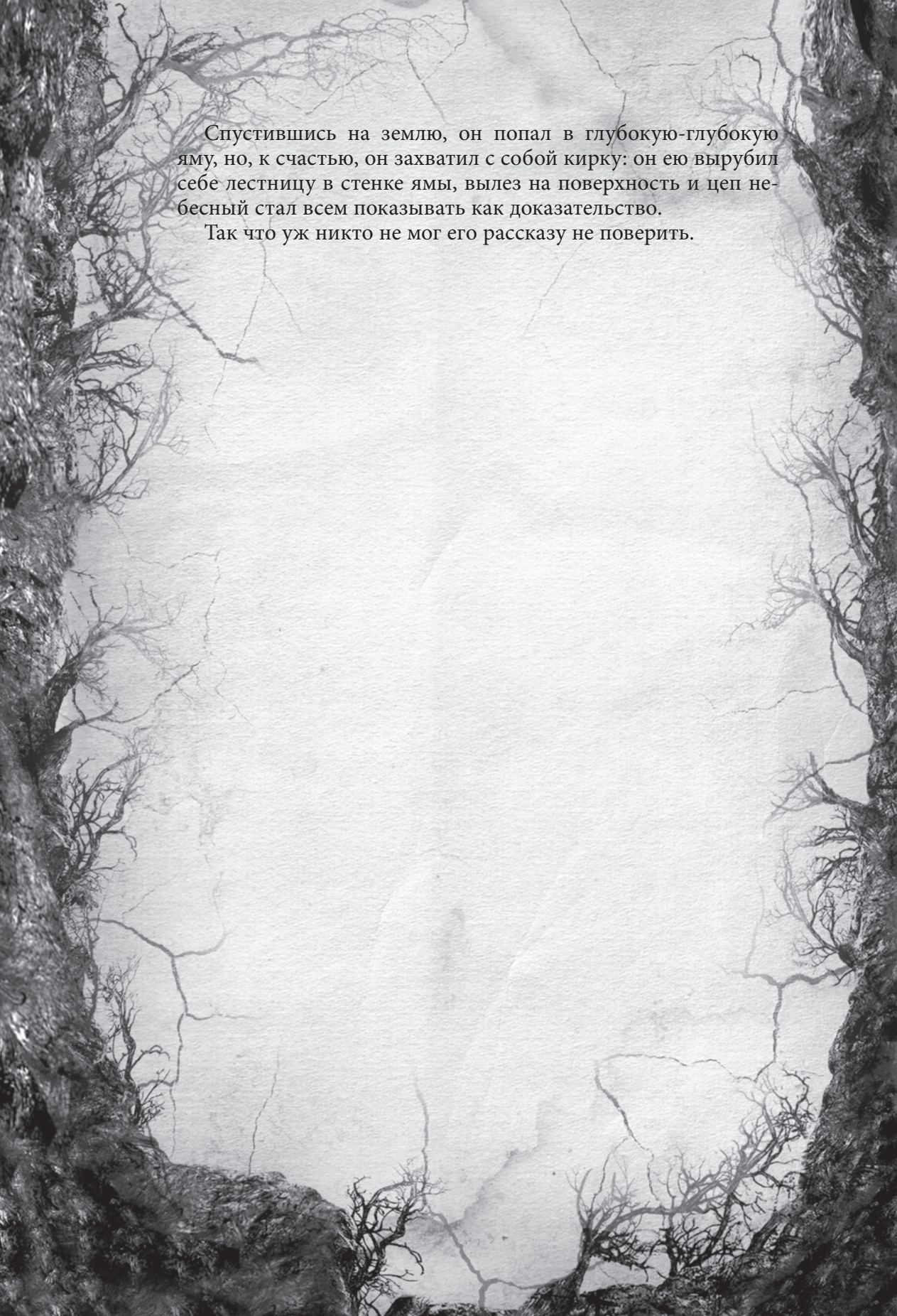
Мясник заплатил ему точно по уговору; а кабы не обронил мужик семечка из той меры, то у него было бы еще одним брабантским талером больше!

А к тому времени, когда он стал домой возвращаться, из оброненного семечка успело вырасти дерево, и притом как раз до самого неба.

Вот и подумал мужик: «Коли уж выдался случай такой, отчего бы мне не посмотреть, что там ангелы на небе делают, да хоть разочек самому поглазеть на них?»

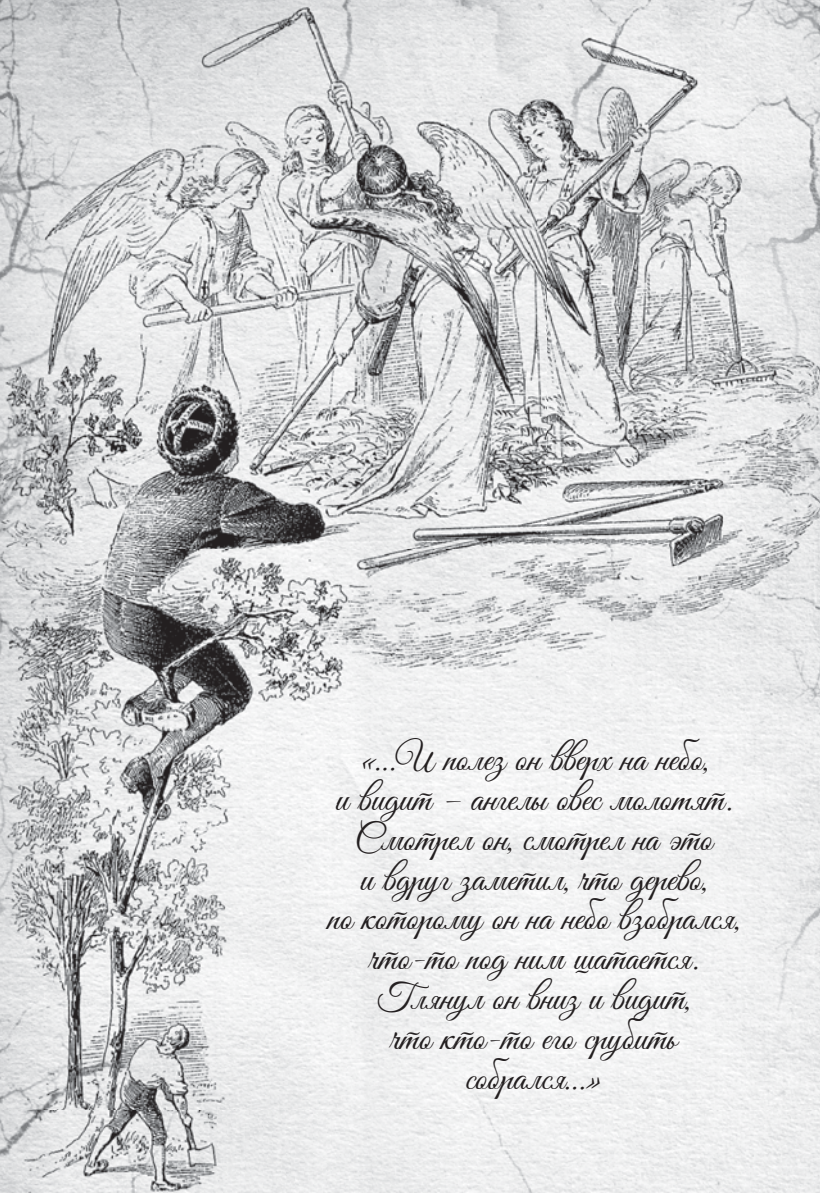
И полез он вверх на небо, и видит — ангелы овес молотят. Смотрел он, смотрел на это и вдруг заметил, что дерево, по которому он на небо взобрался, что-то под ним шатается. Глянул он вниз и видит, что кто-то его срубить собрался. «Отсюда свалиться — не сладко!» — подумал он, не зная, как себе в беде помочь.

И вот взял он отрубей овсяных, которые там кучами лежали, и стал из них веревку вить; прихватил он, кстати, с неба кирку и цеп, да и спустился по веревке вниз.

Спустившись на землю, он попал в глубокую-глубокую яму, но, к счастью, он захватил с собой кирку: он ею вырубил себе лестницу в стенке ямы, вылез на поверхность и цеп небесный стал всем показывать как доказательство.

Так что уж никто не мог его рассказу не поверить.

*«...И полез он вверх на небо,
и видит – ангелы свес молотят.
Смотрел он, смотрел на это
и вдруг заметил, что дерево,
по которому он на небо взобрался,
что-то под ним шатается.
Тянул он вниз и видит,
что кто-то его сдвигать
собрался...»*

«Цеп из рая».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

О находчивом портняжке

Жила-была на белом свете княжна горделивая. И объявила она во всеобщее сведение, что кто бы к ней не пришел, ему надо только отгадать ее загадку, и он будет ее мужем.

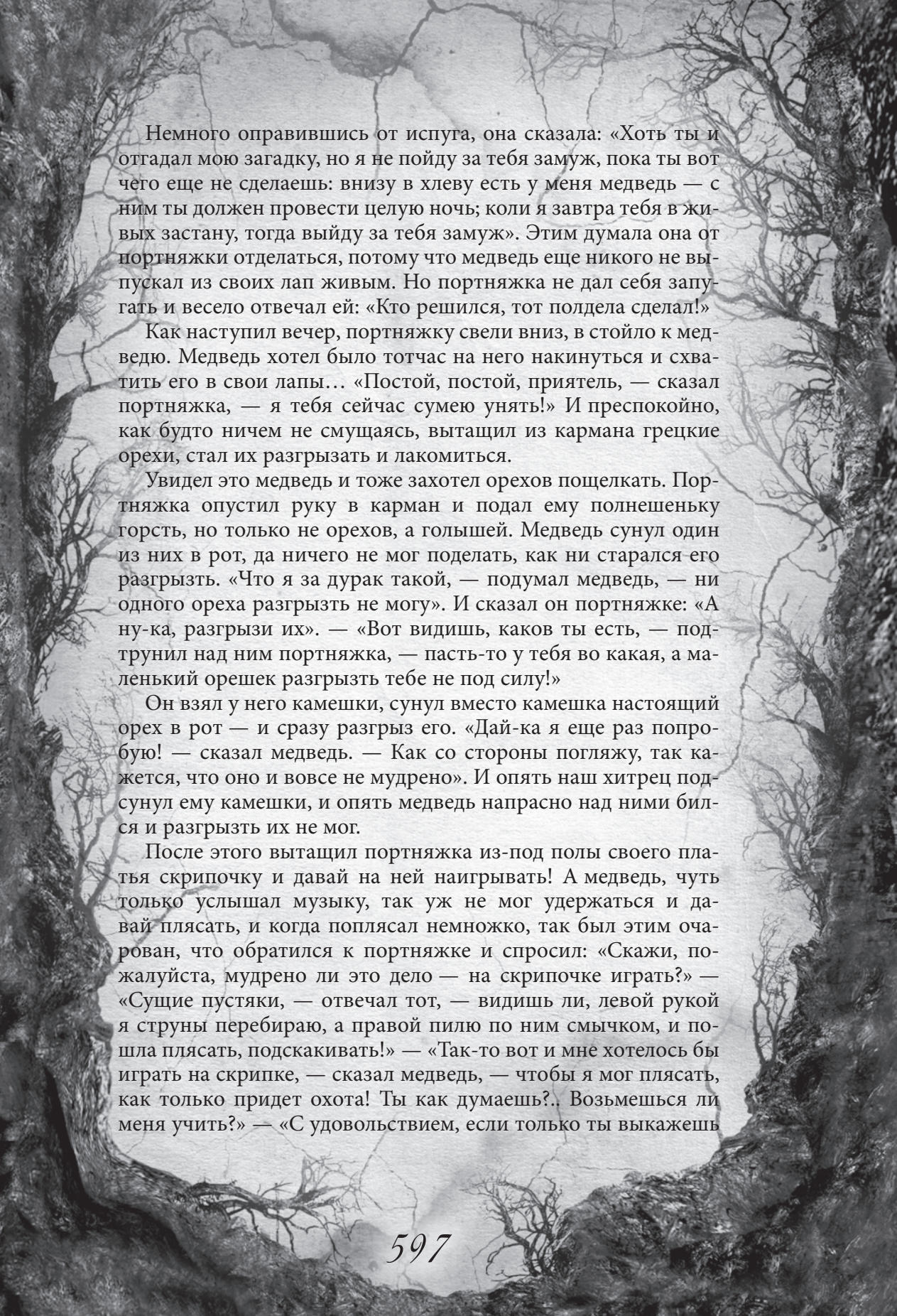
Вот и выискались трое портных и решились на тот зов пойти. Двое старших, поискуснее, были о себе высокого мнения, и им уж казалось, что они в этом деле не дадут промаха; третий же был в своем ремесле далеко не мастер, однако же верил в свое счастье и удачу...

Двое старших его отговаривали: «Оставался бы ты дома, где уж тебе с твоим умишком за такое дело браться?» Однако портняжка не дал сбить себя с толку, знал, что голова у него не даром на плечах держится и что он уж как-нибудь из дела сумеет выпутаться...

Вот и заявили они все трое к княжне и попросили задать им по загадке: они дали при этом понять, что народ они не простой, а с разумением, что под них и комар носа не подточит.

Вот и сказала им княжна: «У меня на голове волосы двухцветные — каких двух цветов?» — «Ну, коли только в этом вопрос, — сказал старший портной, — так волосы у тебя попережку черные и белые, вот как то сукно, что мы называем темное с искрой». — «Неверно разгадал, — сказала княжна, — за вторым очередь».

Второй портной отвечал: «Коли волосы у тебя не черные и белые, так уж верно русые и рыжие — вот у моего отца такой кафтан еще есть». — «Неверно разгадал, — сказала княжна, — отвечай ты, третий. По лицу твоему вижу, что ты отгадаешь». Младший портняжка смело выступил вперед и сказал: «У княжны волосы на голове золотые и серебряные — вот почему она и называет их двухцветными». Как услышала это княжна, так и побледнела и чуть в обморок не упала от испуга, потому что портняжка угадал.

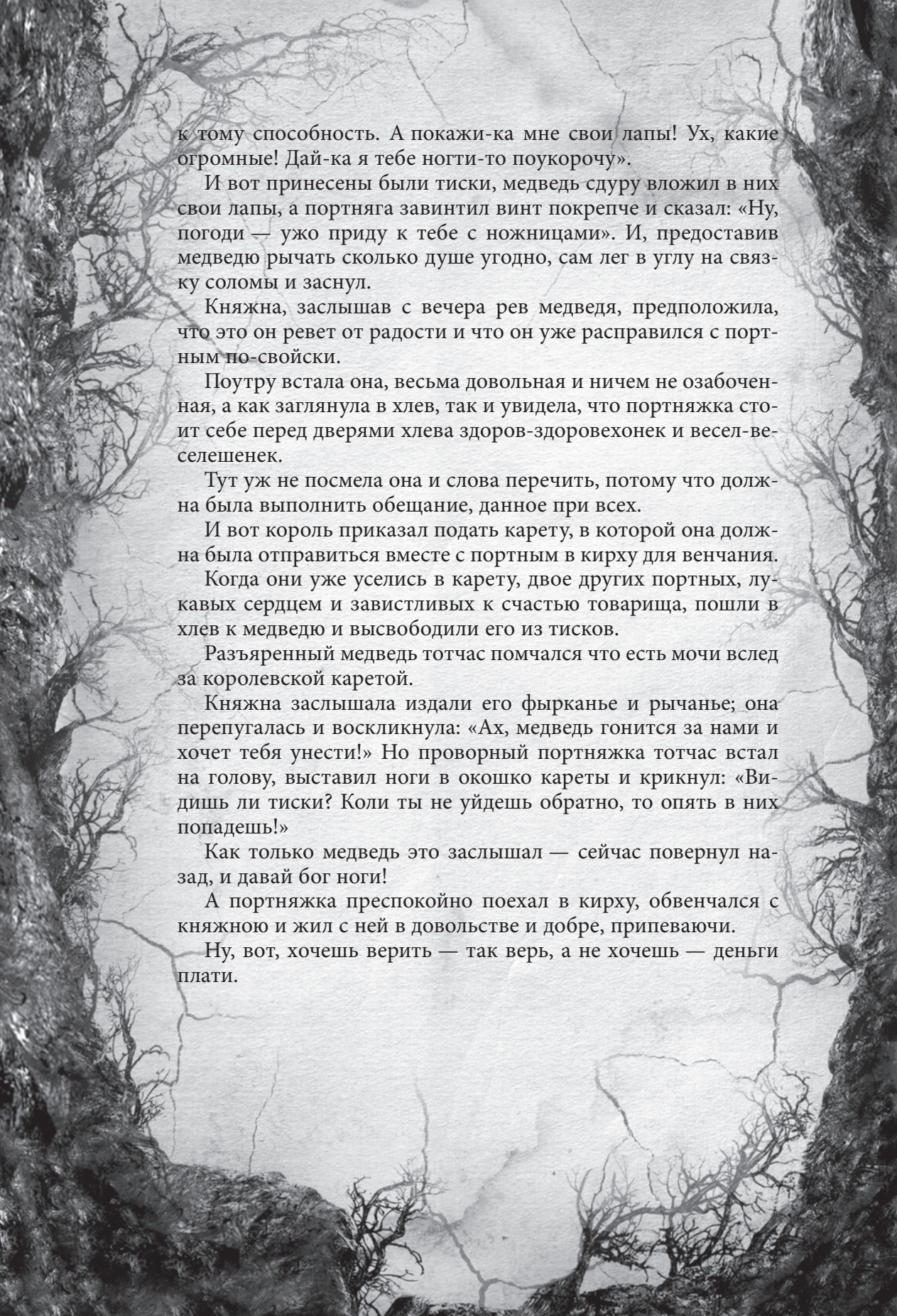
Немного оправившись от испуга, она сказала: «Хоть ты и отгадал мою загадку, но я не пойду за тебя замуж, пока ты вот чего еще не сделаешь: внизу в хлеву есть у меня медведь — с ним ты должен провести целую ночь; коли я завтра тебя в живых застану, тогда выйду за тебя замуж». Этим думала она от портняжки отделаться, потому что медведь еще никого не выпускал из своих лап живым. Но портняжка не дал себя запугать и весело отвечал ей: «Кто решился, тот полдела сделал!»

Как наступил вечер, портняжку свели вниз, в стойло к медведю. Медведь хотел было тотчас на него накинуться и схватить его в свои лапы... «Постой, постой, приятель, — сказал портняжка, — я тебя сейчас сумею унять!» И преспокойно, как будто ничем не смущаясь, вытащил из кармана грецкие орехи, стал их разгрызать и лакомиться.

Увидел это медведь и тоже захотел орехов пощелкать. Портняжка опустил руку в карман и подал ему полнешеньку горсть, но только не орехов, а голышей. Медведь сунул один из них в рот, да ничего не мог поделаться, как ни старался его разгрызть. «Что я за дурак такой, — подумал медведь, — ни одного ореха разгрызть не могу». И сказал он портняжке: «А ну-ка, разгрызи их». — «Вот видишь, каков ты есть, — подтрунил над ним портняжка, — пасть-то у тебя во какая, а маленький орешек разгрызть тебе не под силу!»

Он взял у него камешки, сунул вместо камешка настоящий орех в рот — и сразу разгрыз его. «Дай-ка я еще раз попробую! — сказал медведь. — Как со стороны погляжу, так кажется, что оно и вовсе не мудрено». И опять наш хитрец подсунул ему камешки, и опять медведь напрасно над ними бился и разгрызть их не мог.

После этого вытащил портняжка из-под полы своего платья скрипочку и давай на ней наигрывать! А медведь, чуть только услышал музыку, так уж не мог удержаться и давай плясать, и когда поплясал немножко, так был этим очарован, что обратился к портняжке и спросил: «Скажи, пожалуйста, мудрено ли это дело — на скрипочке играть?» — «Сущие пустяки, — отвечал тот, — видишь ли, левой рукой я струны перебираю, а правой пилю по ним смычком, и пошла плясать, подсакивать!» — «Так-то вот и мне хотелось бы играть на скрипке, — сказал медведь, — чтобы я мог плясать, как только придет охота! Ты как думаешь?... Возьмешься ли меня учить?» — «С удовольствием, если только ты выразишь

к тому способность. А покажи-ка мне свои лапы! Ух, какие огромные! Дай-ка я тебе ногти-то поукорочу».

И вот принесены были тиски, медведь сдуру вложил в них свои лапы, а портняга закрутил винт крепче и сказал: «Ну, погоди — ужо приду к тебе с ножницами». И, предоставив медведю рычать сколько душе угодно, сам лег в углу на связку соломы и заснул.

Княжна, слышав с вечера рев медведя, предположила, что это он ревет от радости и что он уже расправился с портным по-свойски.

Поутру встала она, весьма довольная и ничем не озабоченная, а как заглянула в хлев, так и увидела, что портняжка стоит себе перед дверями хлева здоров-здоровехонек и весел-веселешенек.

Тут уж не посмела она и слова перечить, потому что должна была выполнить обещание, данное при всех.

И вот король приказал подать карету, в которой она должна была отправиться вместе с портным в кирху для венчания.

Когда они уже уселись в карету, двое других портных, лукавых сердцем и завистливых к счастью товарища, пошли в хлев к медведю и высвободили его из тисков.

Разъяренный медведь тотчас помчался что есть мочи вслед за королевской каретой.

Княжна слышала издали его фыркание и рычание; она перепугалась и воскликнула: «Ах, медведь гонится за нами и хочет тебя унести!» Но проворный портняжка тотчас встал на голову, выставил ноги в окошко кареты и крикнул: «Видишь ли тиски? Коли ты не уйдешь обратно, то опять в них попадешь!»

Как только медведь это слышал — сейчас повернул назад, и давай бог ноги!

А портняжка преспокойно поехал в кирху, обвенчался с княжною и жил с ней в довольстве и добре, припеваючи.

Ну, вот, хочешь верить — так верь, а не хочешь — деньги плати.

От солнца ясного ничто не скроется!

Портной-подмастерье бродил некогда по белу свету, кормясь ремеслом своим, и вот случилось, что он, не находя никакой работы, дошел до такой бедности, что не было у него даже одного геллера на хлеб.

Как раз в это время повстречался ему на дороге еврей, и голодному подмастерью пришло в голову, что у него должно быть много денег...

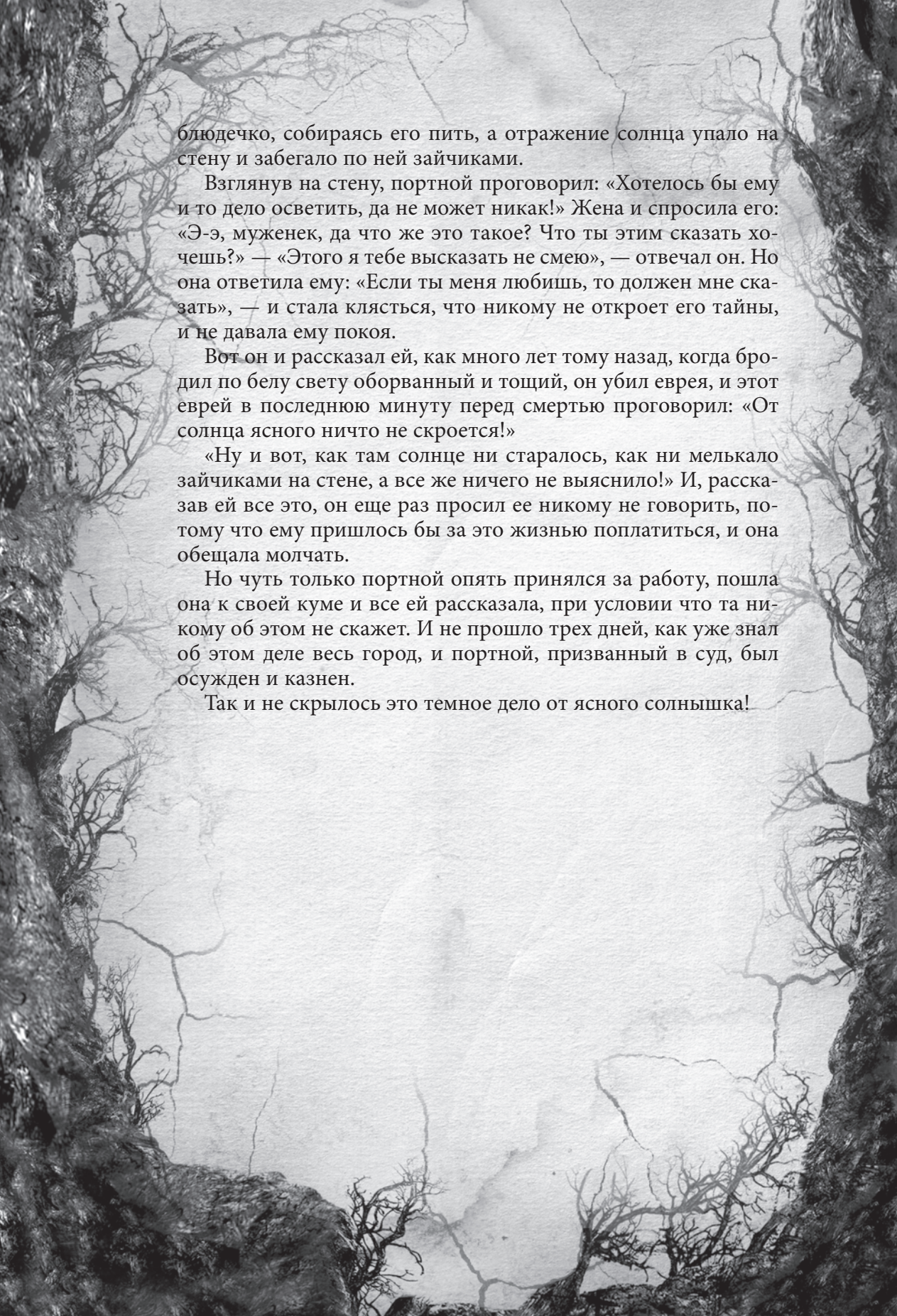
Забыв о Боге, портной подступил к нему и сказал: «Отдай мне твои деньги, не то убью!» Еврей взмолился: «Пощади меня, денег у меня никаких нет — всего какие-нибудь восемь геллеров!» Но портной сказал сурово: «А все же есть у тебя деньги, и ты их должен мне отдать!» — затем схватил его, стал бить и избил до полусмерти. И еврей, умирая, мог произнести только одно: «От солнца ясного ничто не скроется», — да с тем и умер.

Подмастерье стал шарить у него по карманам, но нашел всего только восемь геллеров, как и говорил еврей. Затем он подхватил убитого, бросил в кусты и пошел далее на поиски работы.

После долгих странствий попал он наконец в большой город, поступил там на работу к мастеру, у которого дочь была красавица; он в нее влюбился, женился на ней и зажил с ней в счастье и довольстве.

Много прошло времени; двое детей успело у супругов родиться, и тесть с тещею уже померли, а супругам пришлось вести дом самим.

Однажды утром, когда портной сидел на своем столе у окна, жена принесла ему кофе; он вылил кофе из чашки в

блюдечко, собираясь его пить, а отражение солнца упало на стену и забегало по ней зайчиками.

Взглянув на стену, портной проговорил: «Хотелось бы ему и то дело осветить, да не может никак!» Жена и спросила его: «Э-э, муженек, да что же это такое? Что ты этим сказать хочешь?» — «Этого я тебе высказать не смею», — отвечал он. Но она ответила ему: «Если ты меня любишь, то должен мне сказать», — и стала клясться, что никому не откроет его тайны, и не давала ему покоя.

Вот он и рассказал ей, как много лет тому назад, когда бродил по белу свету оборванный и тощий, он убил еврея, и этот еврей в последнюю минуту перед смертью проговорил: «От солнца ясного ничто не скроется!»

«Ну и вот, как там солнце ни старалось, как ни мелькало зайчиками на стене, а все же ничего не выяснило!» И, рассказав ей все это, он еще раз просил ее никому не говорить, потому что ему пришлось бы за это жизнью поплатиться, и она обещала молчать.

Но чуть только портной опять принялся за работу, пошла она к своей куме и все ей рассказала, при условии что та никому об этом не скажет. И не прошло трех дней, как уже знал об этом деле весь город, и портной, призванный в суд, был осужден и казнен.

Так и не скрылось это темное дело от ясного солнышка!

Синяя свеча

Жил на белом свете солдат, и был он своему королю верным служакой много и много лет кряду. Когда же война окончилась и солдат из-за многих полученных им ран не мог более оставаться на службе, король сказал ему: «Ступай домой — ты мне больше не нужен; и денег ты тоже более не получишь, потому что жалованье получает тот, кто может службу нести».

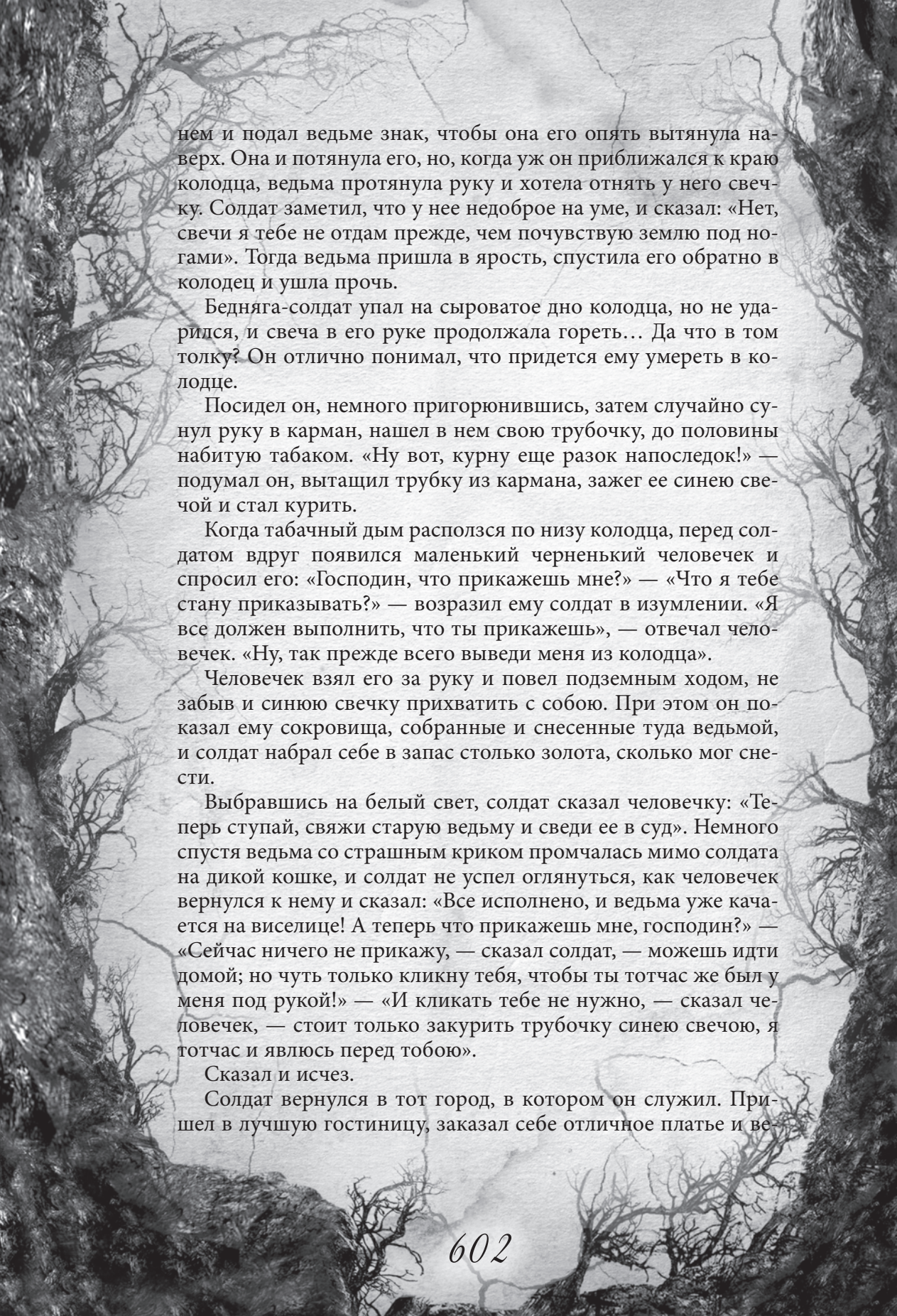
Вот и не знал солдат, как ему жить да быть: ушел он со службы озабоченный и шел целый день, пока не пришел вечером в лес.

С наступлением темноты увидел он огонек, приблизился к нему и пришел к дому, в котором жила ведьма. «Приюти ты меня на ночлег и дай что-нибудь поесть да попить, — сказал он, — не то придется мне подохнуть с голода!» — «Ого! — отвечала ведьма. — Где это видано, чтобы хоть что-нибудь давали беглому солдату? Ну, да уж так и быть: я над тобою сжаюсь и приму тебя, если ты исполнишь мое желание». — «А чего ты желаешь?» — спросил солдат. «Чтобы ты мне завтра вскопал мой сад».

Солдат согласился и весь следующий день работал что есть мочи, но до вечера не мог своей работы закончить. «Вижу, — сказала ведьма, — что ты сегодня не можешь более работать; продержу тебя еще одну ночь, а ты за это завтра накопи мне дров».

Солдат провозился за этим делом целый день, а вечером ведьма предложила ему остаться у нее еще одну ночь. «Завтра ты выполнишь для меня самую ничтожную работу, — сказала ведьма. — Позади моего дома есть старый колодец, в него упала моя свечка, горит там голубым огоньком и не потухает. Вот ее-то мне и достань оттуда».

На другой день старуха привела его к колодцу и спустила туда в корзине. Солдат нашел в колодце свечку с голубым ог-

нем и подал ведьме знак, чтобы она его опять вытянула наверх. Она и потянула его, но, когда уж он приближался к краю колодца, ведьма протянула руку и хотела отнять у него свечку. Солдат заметил, что у нее недоброе на уме, и сказал: «Нет, свечи я тебе не отдам прежде, чем почувствую землю под ногами». Тогда ведьма пришла в ярость, спустила его обратно в колодец и ушла прочь.

Бедняга-солдат упал на сыроватое дно колодца, но не ударился, и свеча в его руке продолжала гореть... Да что в том толку? Он отлично понимал, что придется ему умереть в колодце.

Посидел он, немного пригорюнившись, затем случайно сунул руку в карман, нашел в нем свою трубочку, до половины набитую табаком. «Ну вот, курну еще разок напоследок!» — подумал он, вытащил трубку из кармана, зажег ее синею свечой и стал курить.

Когда табачный дым расплылся по низу колодца, перед солдатом вдруг появился маленький черненький человечек и спросил его: «Господин, что прикажешь мне?» — «Что я тебе стану приказывать?» — возразил ему солдат в изумлении. «Я все должен выполнить, что ты прикажешь», — отвечал человечек. «Ну, так прежде всего выведи меня из колодца».

Человечек взял его за руку и повел подземным ходом, не забыв и синюю свечку прихватить с собою. При этом он показал ему сокровища, собранные и снесенные туда ведьмой, и солдат набрал себе в запас столько золота, сколько мог снести.

Выбравшись на белый свет, солдат сказал человечку: «Теперь ступай, свяжи старую ведьму и сведи ее в суд». Немного спустя ведьма со страшным криком промчалась мимо солдата на дикой кошке, и солдат не успел оглянуться, как человечек вернулся к нему и сказал: «Все исполнено, и ведьма уже качается на виселице! А теперь что прикажешь мне, господин?» — «Сейчас ничего не прикажу, — сказал солдат, — можешь идти домой; но чуть только кликну тебя, чтобы ты тотчас же был у меня под рукой!» — «И кликать тебе не нужно, — сказал человечек, — стоит только закурить трубочку синею свечою, я тотчас и явлюсь перед тобою».

Сказал и исчез.

Солдат вернулся в тот город, в котором он служил. Пришел в лучшую гостиницу, заказал себе отличное платье и ве-

«Синяя свеча».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Когда табачный дым расплылся по низу колодца,
перед солдатом вдруг появился маленький геринький
человечек и спросил его: "Господин, что прикажешь мне?"...»*

дел хозяину гостиницы убрать себе комнату как можно роскошнее.

Когда комната была готова, солдат призвал к себе черного человечка и сказал: «Я королю служил верой и правдой, а он выгнал меня со службы и заставил голодать — за это хочу отомстить ему». — «Что прикажешь мне делать?» — спросил человечек. «Поздно вечером, когда королева уже будет в постели, принеси ее сюда сонную, пусть она мне служит как служанка». Человечек сказал: «Для меня это не трудно, а для тебя будет опасно — если об этом прознают, тебе, пожалуй, плохо придется».

Едва пробило полночь, дверь распахнулась, и человечек внес королеву в комнату солдата. «Ага! Ты здесь! — крикнул солдат. — Изволь-ка сейчас же приниматься за работу! Ступай, принеси сюда половую щетку и вымети комнату!»

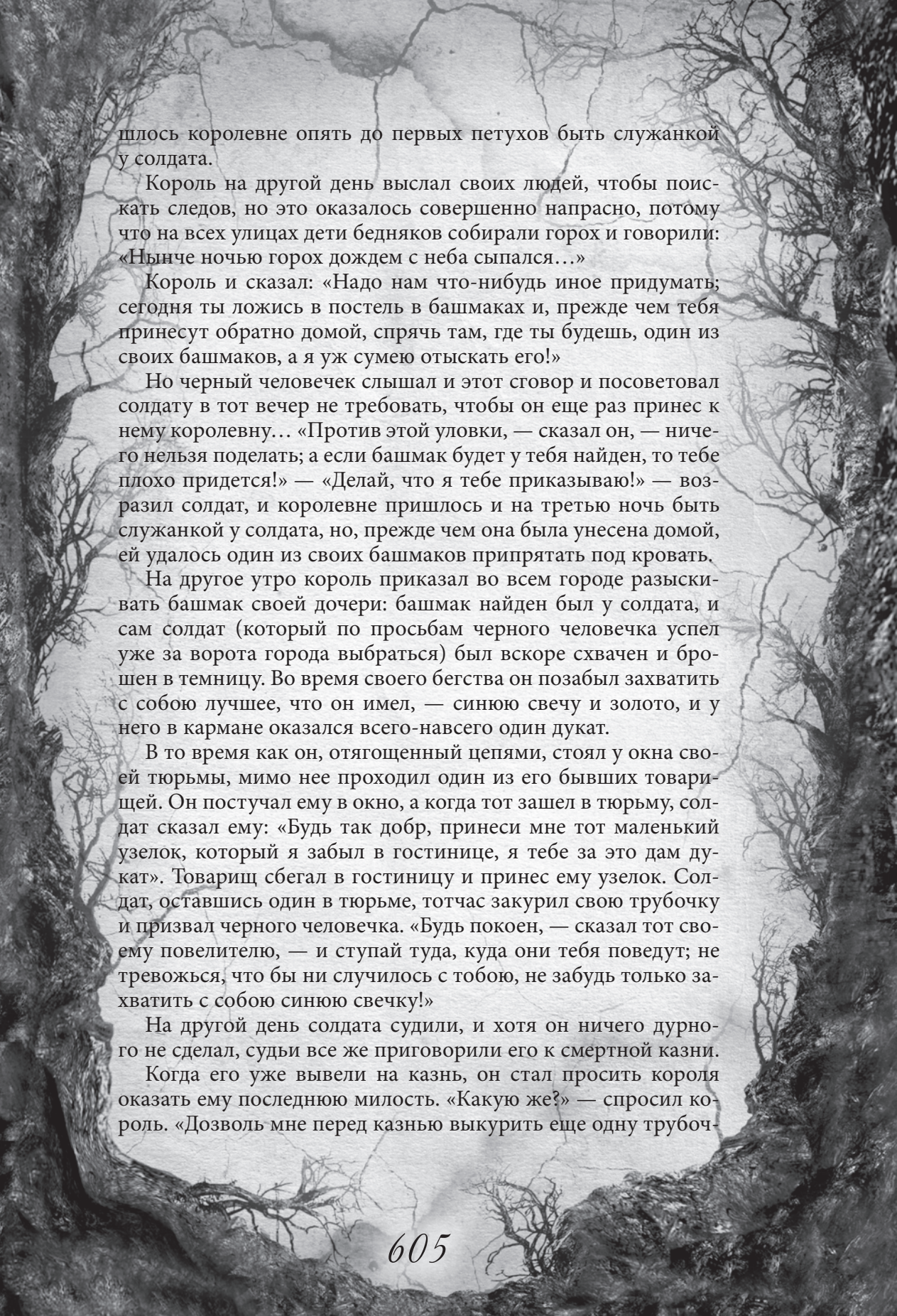
Когда королева вымела комнату, он подозвал ее к своему стулу, протянул ей ноги и сказал: «Сними с меня сапоги!» — швырнул ей свою обувь, а она вынуждена была сапоги поднять, вычистить и глянец на них навести.

Она исполняла все, что он приказывал, без прекословия, молча, с полужакрытыми глазами. Как прокричали первые петухи, человечек опять отнес ее в королевский замок и уложил в постель.

На следующее утро, поднявшись с постели, королева пошла к отцу своему и рассказала ему, что ей привиделся ночью диковинный сон: «Мне снилось, что кто-то с быстротою молнии перенес меня по всем улицам в комнату к солдату, у которого я должна была заменять служанку и исполнять всякую черную работу — пол мести и сапоги чистить... Хотя это и был только сон, а я все же так утомилась, как будто все это со мною наяву было». — «Это могло происходить с тобою и наяву, — сказал король, — и я тебе дам такой совет: набей полон карман гороху, а в кармане сделай маленькую дырочку; если тебя опять унесут, то горох из твоего кармана просыплется и укажет твой след».

В то время как король все это говорил, человечек присутствовал здесь невидимкою и все слышал.

Ночью, когда он опять понес спящую королеву через улицы, несколько горошинок действительно просыпалось из ее кармана, но следа никакого не указали, потому что маленький хитрец заранее разбросал много гороха по улицам. И при-

шлось королевне опять до первых петухов быть служанкой у солдата.

Король на другой день выслал своих людей, чтобы поискать следов, но это оказалось совершенно напрасно, потому что на всех улицах дети бедняков собирали горох и говорили: «Нынче ночью горох дождем с неба сыпался...»

Король и сказал: «Надо нам что-нибудь иное придумать; сегодня ты ложись в постель в башмаках и, прежде чем тебя принесут обратно домой, спрячь там, где ты будешь, один из своих башмаков, а я уж сумею отыскать его!»

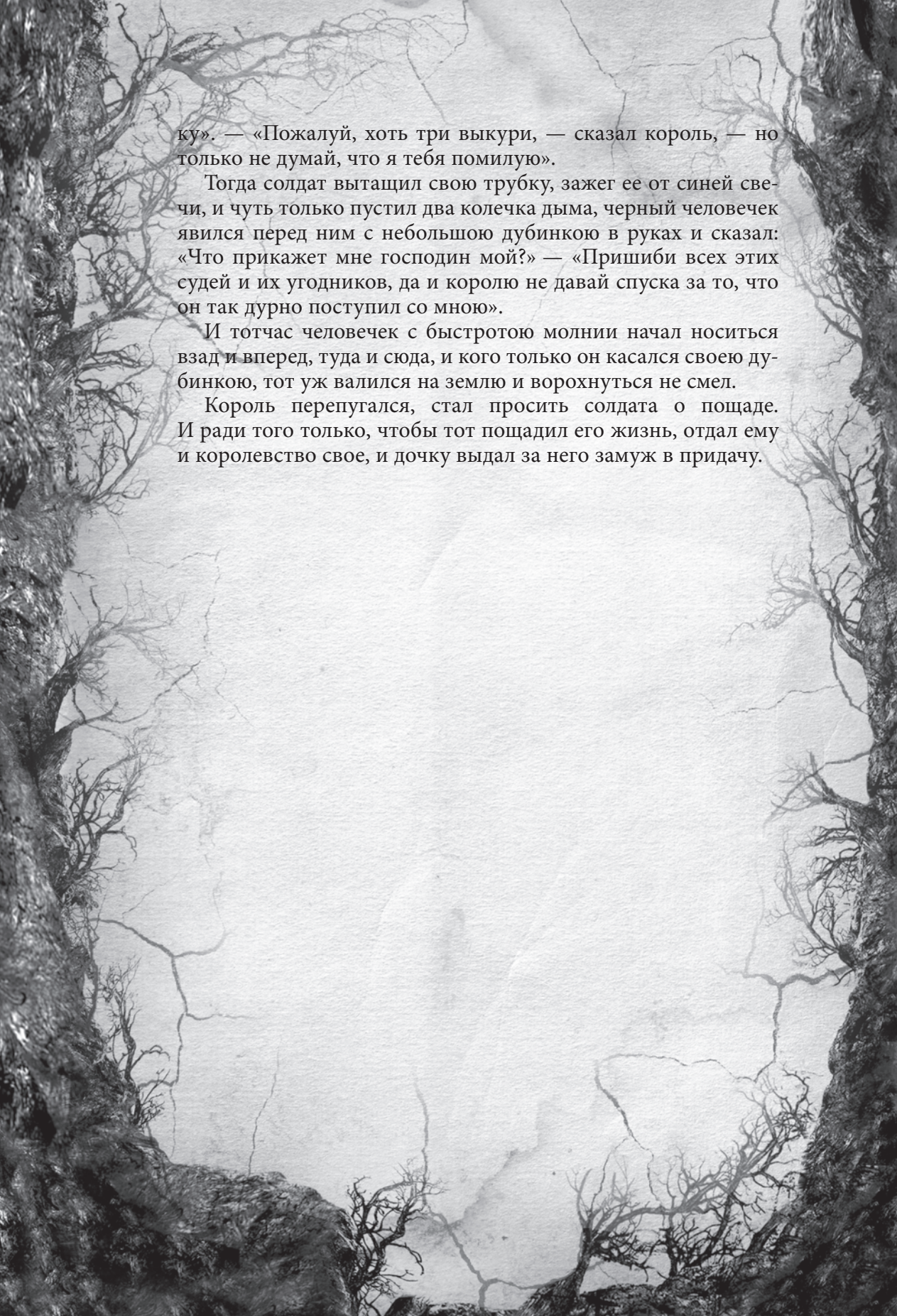
Но черный человечек слышал и этот сговор и посоветовал солдату в тот вечер не требовать, чтобы он еще раз принес к нему королевну... «Против этой уловки, — сказал он, — ничего нельзя поделаться; а если башмак будет у тебя найден, то тебе плохо придется!» — «Делай, что я тебе приказываю!» — возразил солдат, и королевне пришлось и на третью ночь быть служанкой у солдата, но, прежде чем она была унесена домой, ей удалось один из своих башмаков припрятать под кровать.

На другое утро король приказал во всем городе разыскивать башмак своей дочери: башмак найден был у солдата, и сам солдат (который по просьбам черного человечка успел уже за ворота города выбраться) был вскоре схвачен и брошен в темницу. Во время своего бегства он позабыл захватить с собою лучшее, что он имел, — синюю свечу и золото, и у него в кармане оказался всего-навсего один дукат.

В то время как он, отягощенный цепями, стоял у окна своей тюрьмы, мимо нее проходил один из его бывших товарищей. Он постучал ему в окно, а когда тот зашел в тюрьму, солдат сказал ему: «Будь так добр, принеси мне тот маленький узелок, который я забыл в гостинице, я тебе за это дам дукат». Товарищ сбегал в гостиницу и принес ему узелок. Солдат, оставшись один в тюрьме, тотчас закурил свою трубочку и призвал черного человечка. «Будь покоен, — сказал тот своему повелителю, — и ступай туда, куда они тебя поведут; не тревожься, что бы ни случилось с тобою, не забудь только захватить с собою синюю свечку!»

На другой день солдата судили, и хотя он ничего дурного не сделал, судьи все же приговорили его к смертной казни.

Когда его уже вывели на казнь, он стал просить короля оказать ему последнюю милость. «Какую же?» — спросил король. «Дозволь мне перед казнью выкурить еще одну трубоч-

ку». — «Пожалуй, хоть три выкури, — сказал король, — но только не думай, что я тебя помилую».

Тогда солдат вытащил свою трубку, зажег ее от синей свечи, и чуть только пустил два колечка дыма, черный человечек явился перед ним с небольшою дубинкою в руках и сказал: «Что прикажет мне господин мой?» — «Пришиби всех этих судей и их угодников, да и королю не давай спуска за то, что он так дурно поступил со мною».

И тотчас человечек с быстротою молнии начал носиться взад и вперед, туда и сюда, и кого только он касался своею дубинкою, тот уж валился на землю и ворохнуться не смел.

Король перепугался, стал просить солдата о пощаде. И ради того только, чтобы тот пощадил его жизнь, отдал ему и королевство свое, и дочку выдал за него замуж в придачу.

Три фельдшера

Странствовали по белу свету три фельдшера, уверенные в том, что они отлично изучили свое дело, и случилось им зайти в гостиницу на ночлег.

Хозяин гостиницы спросил их, откуда они пришли и куда направляются. «Вышли по белу свету побродить — свое умение попытать». — «А ну-ка, покажите мне, велико ли ваше умение», — попросил хозяин.

И сказал ему первый фельдшер, что он может руку отрезать, а назавтра опять ее залечить; второй сказал, что он может сердце вырвать, а назавтра опять его вложить и вылечить рану; третий — что глаза может вырезать, а завтра рано утром опять их исцелить. «Ну, коли вы все это можете сделать», — сказал хозяин, — так вы точно недаром учились».

У них и действительно была такая мазь, которою стоило только потереть, и всякая рана заживала, а баночку с этой мазью они постоянно при себе имели.

И вот, в доказательство своего искусства трое фельдшеров поступили так: один отрезал себе руку, другой вынул у себя сердце, а третий вырезал очи — и все это, сложив на тарелку, отдали хозяину гостиницы на хранение до завтра; а хозяин передал все это служанке, велел поставить в шкаф и бережно в нем хранить под замком.

Но ветреная служанка, доставая себе что-то из шкафа на ужин, позабыла запереть дверцу шкафа на ключ — и вот, откуда ни возмись, прокралась к шкафу кошка, вытащила из него сердце, очи и руку троих фельдшеров и убежала.

Когда служанка поужинала и пошла убирать посуду в шкаф, она тотчас заметила, что там не хватало тарелки, которую хозяин отдал ей на хранение.

Девушка перепугалась и сказала своему брату-солдату: «Ах я, несчастная! Что со мною завтра будет: ни сердца, ни очей, ни руки здесь нет, и не знаю, куда они девались?» — «Есть о

чем горевать! — ответил солдат. — Я тебя как раз из беды выручу! На виселице повешен вор — я и отрублю у него руку... Да которая рука-то была?» — «Правая».

Дала девушка солдату острый нож, и он пошел, отрезал у несчастного висельника правую руку и принес ее с собою. Затем поймал кошку, вырезал у нее глаза... Недоставало только сердца. «Да вы, кажется, нынче свинью кололи? — спросил солдат. — И свинина-то, должно быть, в погребке лежит?» — «Да», — ответила служанка. «Ну, вот и отлично!» — сказал солдат, спустился в погреб и принес свиное сердце. Девушка все это сложила на тарелку, поставила в шкаф и преспокойно улеглась спать.

Поутру, когда фельдшеры поднялись, они приказали служанке принести из шкафа тарелку, на которой положены были рука, сердце и очи. Служанка принесла тарелку, и первый из фельдшеров тотчас приладил себе руку вора, помазал ее мазью, и рука приросла. Другой взял с тарелки кошачьи глаза и вставил их себе. Третий закрепил у себя в груди свиное сердце.

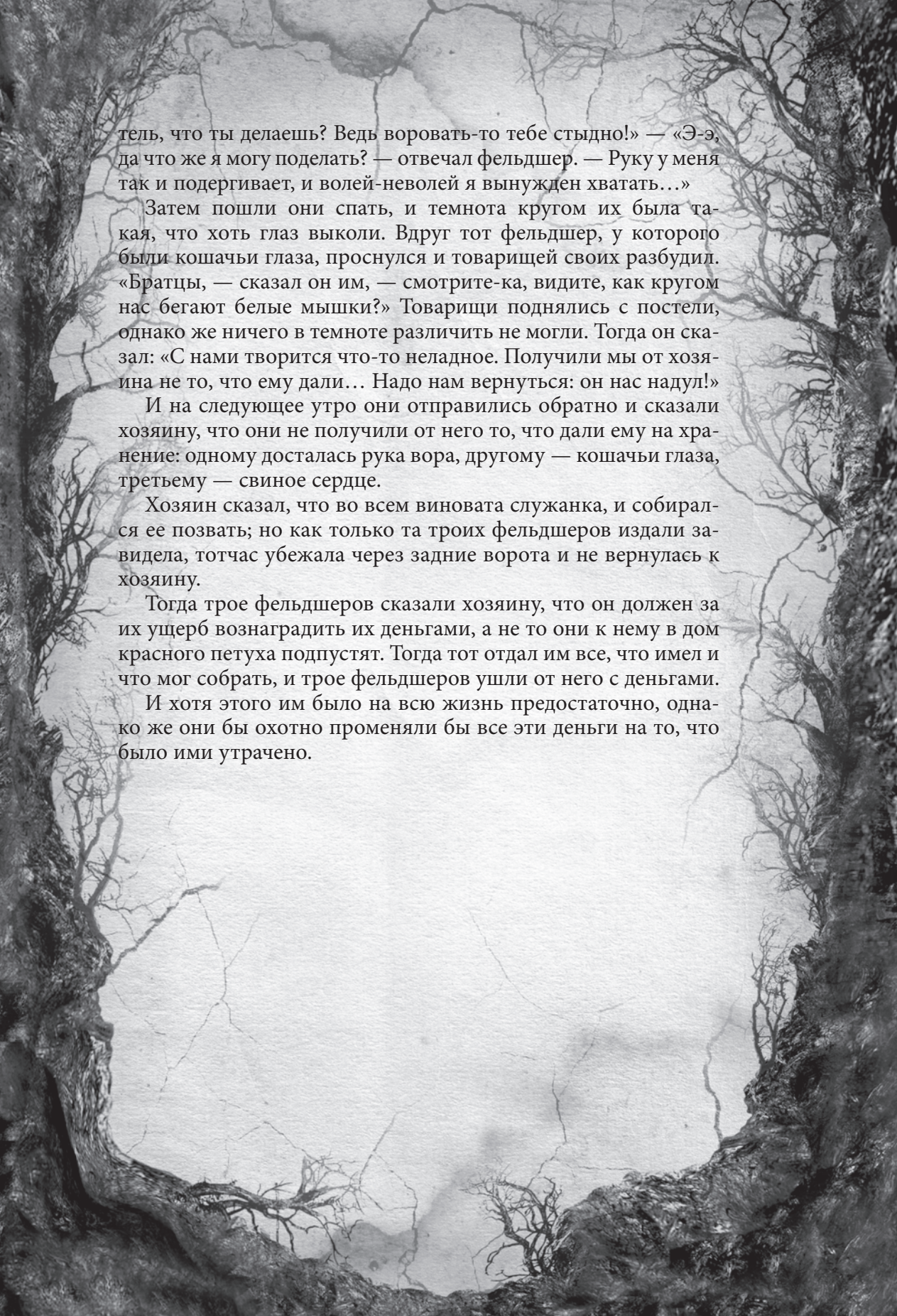
А хозяин, присутствуя при этом, дивился их искусству, утверждал, что ничего подобного не видал, и сказал, что каждому будет он их рекомендовать и расхваливать. Затем они заплатили по своим счетам и пошли далее.

Но на пути тот, которому досталось свиное сердце, не пошел рядом с товарищами, а подбегал к каждому уголку, всюду обнюхивая и похрюкивая как-то по-своему. Друзья хотели было его удержать за полы платья, но ничего не могли сделать — он у них вырывался и бежал туда, где навозу было побольше.

Другой тоже держал себя довольно странно — все потирал себе глаза и говорил товарищу: «Дружище, что же это такое? Ведь это не мои глаза — я ничего ими не вижу... Поведи меня за руку, чтобы мне не упасть».

И так они с трудом добрались под вечер до другой гостиницы. Втроем вошли они в комнату хозяина, где сидел какой-то богатый господин и считал деньги.

Тот, который приставил себе воровскую руку, обошел кругом этого господина и раза два почувствовал какое-то подергиванье в руке. А затем, когда господин отвернулся в сторону, он вдруг сунул руку в кучу денег и вытащил оттуда полную пригоршню. Кто-то увидел это со стороны и сказал: «Прия-

тель, что ты делаешь? Ведь воровать-то тебе стыдно!» — «Э-э, да что же я могу поделать? — отвечал фельдшер. — Руку у меня так и подергивает, и волей-неволей я вынужден хватать...»

Затем пошли они спать, и темнота кругом их была такая, что хоть глаз выколи. Вдруг тот фельдшер, у которого были кошачьи глаза, проснулся и товарищей своих разбудил. «Братцы, — сказал он им, — смотрите-ка, видите, как кругом нас бегают белые мышки?» Товарищи поднялись с постели, однако же ничего в темноте различить не могли. Тогда он сказал: «С нами творится что-то неладное. Получили мы от хозяина не то, что ему дали... Надо нам вернуться: он нас надул!»

И на следующее утро они отправились обратно и сказали хозяину, что они не получили от него то, что дали ему на хранение: одному досталась рука вора, другому — кошачьи глаза, третьему — свиное сердце.

Хозяин сказал, что во всем виновата служанка, и собирался ее позвать; но как только та троих фельдшеров издала завила, тотчас убежала через задние ворота и не вернулась к хозяину.

Тогда трое фельдшеров сказали хозяину, что он должен за их ущерб вознаградить их деньгами, а не то они к нему в дом красного петуха подпустят. Тогда тот отдал им все, что имел и что мог собрать, и трое фельдшеров ушли от него с деньгами.

И хотя этого им было на всю жизнь предостаточно, однако же они бы охотно променяли бы все эти деньги на то, что было ими утрачено.

Семеро швабов

Однажды собрались семеро швабов вместе: первый был Шульц, второй — Яхли, третий — Марли, четвертый — Ергли, пятый — Михаль, шестой — Ганс и седьмой — Вайтли.

Все семеро задумали весь белый свет обойти, приключений поискать и великие подвиги совершить. А для того чтобы странствовать им было безопаснее, они решили идти с оружием и заказали себе хоть и на семерых одно, но зато очень крепкое и длинное копье.

За это копье они ухватились всемером, и впереди-то всех пошел самый смелый из них и самый мужественный, а таким был Шульц! За ним уж следовали все по очереди, и Вайтли был между ними последним.

Случилось однажды в самый разгар сенокоса, когда они уже прошли порядочный конец пути, но еще было далеко от деревни, в которой хотели переночевать, уж в сумерки близ наших швабов пролетел вечерний жук или шершень. И жужжание его очень грозно прозвучало где-то за стогом сена.

Тут храбрый Шульц так перепугался, что чуть не выронил копья из рук, и холодный пот сразу прошиб его по всему телу. «Слышите? Слышите ли? — крикнул он своим товарищам. — Ах, Боже мой! Да это барабан!»

Яхли, который вслед за ним держался за копье и которому Бог весть почему почуялся какой-то запах, сейчас добавил: «Да, что-то не ладно! Я чую запах пороха и горелого фитиля!»

При этих словах Шульц пустился бежать и мигом перескочил через забор; но так как он зацепил ногами за зубья грабеля, забытых там во время сенокоса, то грабли ударили его в лицо и очень сильно. «Ай-ай, ай-ай! — закричал Шульц. — Бери меня в плен, сдаюсь! Сдаюсь!»

И остальные шестеро туда же друг за другом перепрыгнули и стали кричать: «Коли ты сдаешься, то и мы все тоже сдаемся!»

«Семеро швабов».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...За это копьё они ухватились всею душой...»

Наконец, не увидев неприятеля, который хотел бы их связать и забрать в плен, они поняли, что испугались напрасно; а чтобы не пошли об этом слухи между людьми да не вздумал бы кто-нибудь их из-за этого осмеивать и дурачить, то было между ними решено об этом приключении хранить молчанье, пока кто-нибудь из них случайно не проболтается.

Затем они двинулись далее. Но следующая опасность, которую пришлось им пережить, не может и сравниться с первой.

Несколько дней спустя путь их лежал через пашню, на которой заяц, присев на солнышке, грелся и дремал: уши его торчали вверх, а большие, словно стеклянные, глаза застыли неподвижно.

Вот и перепугались наши швабы не на шутку при виде этого страшного и дикого зверя, перепугались все и стали между собою совещаться о том, что менее всего опасно было бы предпринять в данном случае. Так как они собирались бежать, то можно было опасаться, что чудовище помчится вслед за ними и поглотит их всех с кожей и волосами.

Вот и стали они говорить: «Мы должны выдержать большую и опасную битву! Чем смелее вступим в нее, тем больше можем надеяться на победу!» И разом ухватились за копье: Шульц впереди всех, а Вайтли позади.

Господин Шульц хотел было попридержать копье, но Вайтли позади всех расхрабрился, задумал ударить по врагу и воскликнул:

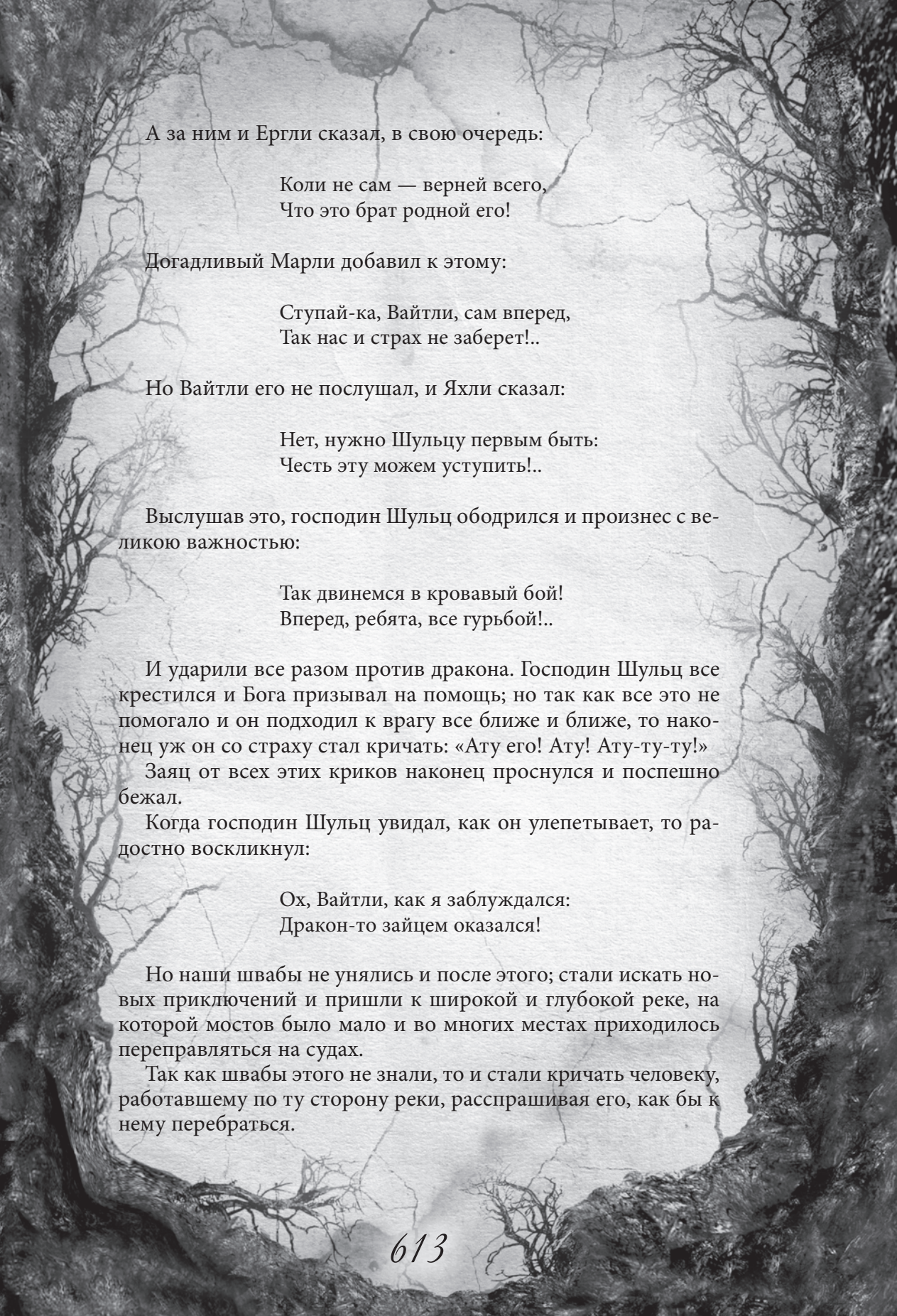
Валяй во имя швабов всех!
Надейся смело на успех!

Но Ганс подсмеялся над ним и сказал:

Да! Хорошо тебе болтать,
А сам глядишь — куда б удрать?

Михаль воскликнул:

Нельзя не опасаться нам:
Никак ведь это дьявол сам?

А за ним и Ергли сказал, в свою очередь:

Коли не сам — верней всего,
Что это брат родной его!

Догадливый Марли добавил к этому:

Ступай-ка, Вайтли, сам вперед,
Так нас и страх не заберет!..

Но Вайтли его не послушал, и Яхли сказал:

Нет, нужно Шульцу первым быть:
Честь эту можем уступить!..

Выслушав это, господин Шульц ободрился и произнес с великою важностью:

Так двинемся в кровавый бой!
Вперед, ребята, все гурьбой!..

И ударили все разом против дракона. Господин Шульц все крестился и Бога призывал на помощь; но так как все это не помогало и он подходил к врагу все ближе и ближе, то наконец уж он со страху стал кричать: «Ату его! Ату! Ату-ту-ту!»

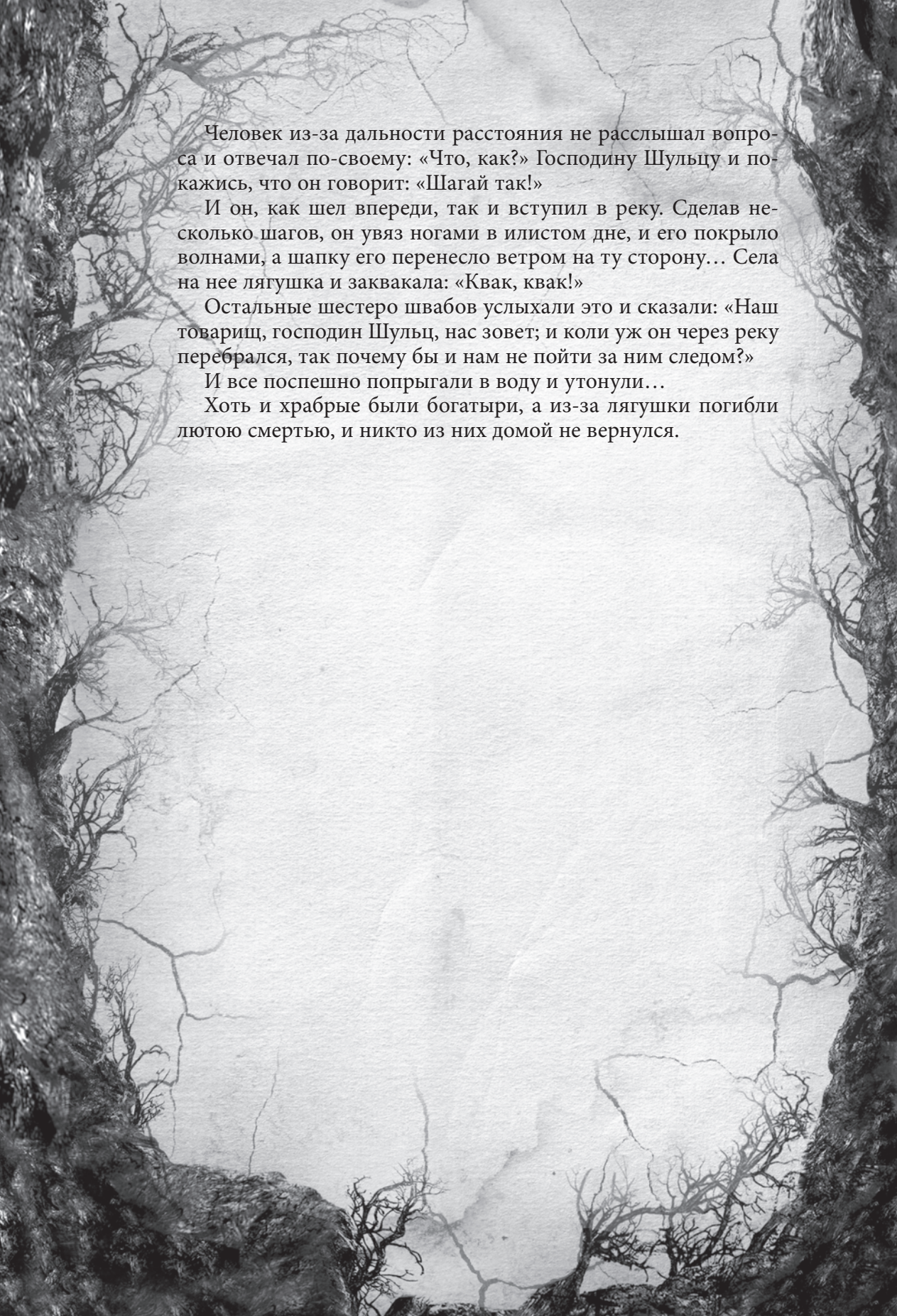
Заяц от всех этих криков наконец проснулся и поспешно бежал.

Когда господин Шульц увидел, как он улепetyвает, то радостно воскликнул:

Ох, Вайтли, как я заблуждался:
Дракон-то зайцем оказался!

Но наши швабы не унялись и после этого; стали искать новых приключений и пришли к широкой и глубокой реке, на которой мостов было мало и во многих местах приходилось переправляться на судах.

Так как швабы этого не знали, то и стали кричать человеку, работавшему по ту сторону реки, спрашивая его, как бы к нему перебраться.

Человек из-за дальности расстояния не расслышал вопроса и отвечал по-своему: «Что, как?» Господину Шульцу и покажись, что он говорит: «Шагай так!»

И он, как шел впереди, так и вступил в реку. Сделав несколько шагов, он увяз ногами в илистом дне, и его покрыло волнами, а шапку его перенесло ветром на ту сторону... Села на нее лягушка и заквакала: «Квак, квак!»

Остальные шестеро швабов услышали это и сказали: «Наш товарищ, господин Шульц, нас зовет; и коли уж он через реку перебрался, так почему бы и нам не пойти за ним следом?»

И все поспешно попрыгали в воду и утонули...

Хоть и храбрые были богатыри, а из-за лягушки погибли лютой смертью, и никто из них домой не вернулся.

Три подмастерья

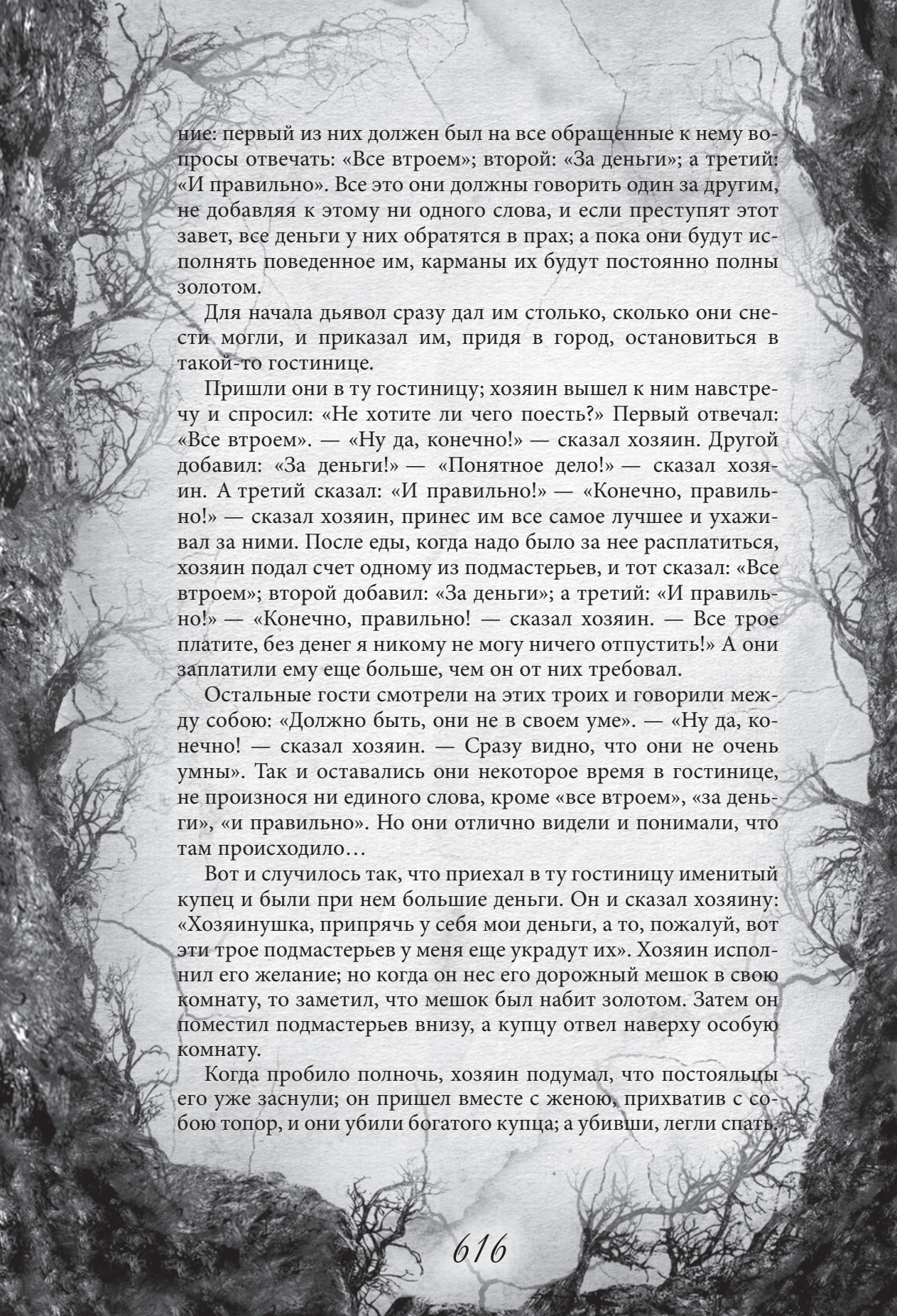
Жили-были три подмастерья, которые условились во время своих странствий не разлучаться и всегда работать в одном городе. Случилось однажды, что не понравились все трое своим хозяевам, работы у них не стало, и ходили они ободранные и голодные.

Вот один и сказал: «Что нам делать? Здесь мы не можем более оставаться, приходится опять идти странствовать; и если в ближайшем городе не найдем работы, то я вот что вам предлагаю: мы у хозяина гостиницы запишем, куда кто идет и где о ком можно будет осведомиться, да тогда уже и разойдемся в разные стороны».

Предложение понравилось; пошли они путем-дорогою и повстречали богато одетого господина, который их и спросил: «Кто вы такие?» — «Мы подмастерья и нуждаемся в работе: до сих пор мы держались вместе, но если не найдем работы, то придется нам разойтись». — «Это вовсе не нужно! — сказал встретившийся им мужчина. — Если вы поступите так, как я вам скажу, то у вас не будет недостатка ни в деньгах, ни в работе... Мало того: в большие господа выйдете и в каретах разъезжать станете!» — «Если твое предложение не повредит ни душе нашей, ни спокойствию нашему, то мы все готовы исполнить», — сказал один из подмастерьев. «Нет, — сказал незнакомец, — я вам не наврежу!»

Другой подмастерье, взглянув случайно на ноги незнакомца, увидел, что одна нога у него человеческая, а на другой — лошадиное копыто, и разговаривать с ним не захотел. А дьявол сказал им: «Успокойтесь, не на вас я рассчитываю, а на душу другого человека, который и без того уже принадлежит мне наполовину... Надо только, чтобы мера грехов его переполнилась!»

Успокоились подмастерья, согласились на его предложение, и дьявол изложил им, в чем именно состояло его жела-

ние: первый из них должен был на все обращенные к нему вопросы отвечать: «Все втроем»; второй: «За деньги»; а третий: «И правильно». Все это они должны говорить один за другим, не добавляя к этому ни одного слова, и если преступят этот завет, все деньги у них обратятся в прах; а пока они будут исполнять поведенное им, карманы их будут постоянно полны золотом.

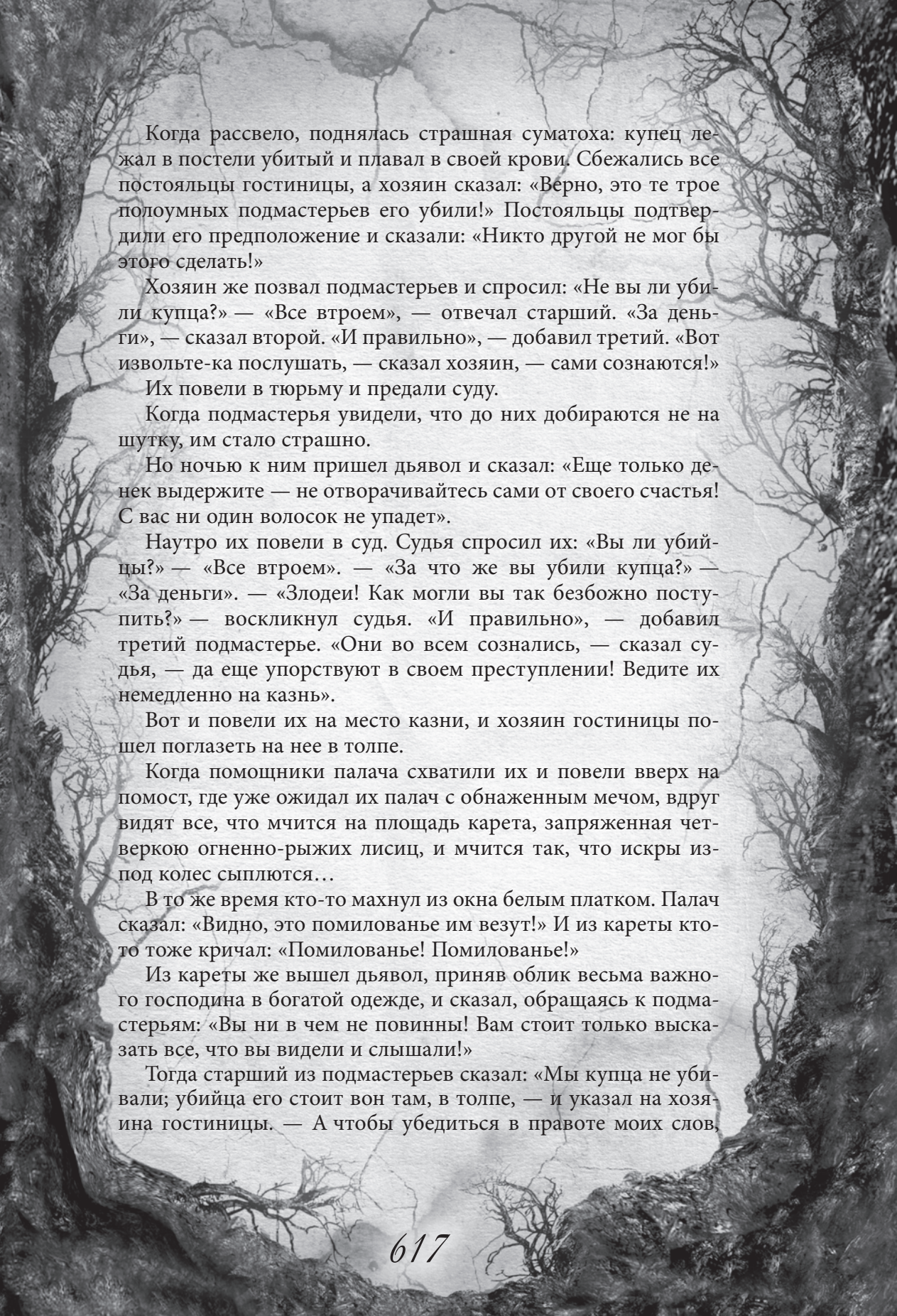
Для начала дьявол сразу дал им столько, сколько они снести могли, и приказал им, придя в город, остановиться в такой-то гостинице.

Пришли они в ту гостиницу; хозяин вышел к ним навстречу и спросил: «Не хотите ли чего поесть?» Первый отвечал: «Все втроем». — «Ну да, конечно!» — сказал хозяин. Другой добавил: «За деньги!» — «Понятное дело!» — сказал хозяин. А третий сказал: «И правильно!» — «Конечно, правильно!» — сказал хозяин, принес им все самое лучшее и ухаживал за ними. После еды, когда надо было за нее расплатиться, хозяин подал счет одному из подмастерьев, и тот сказал: «Все втроем»; второй добавил: «За деньги»; а третий: «И правильно!» — «Конечно, правильно!» — сказал хозяин. — Все трое платите, без денег я никому не могу ничего отпустить!» А они заплатили ему еще больше, чем он от них требовал.

Остальные гости смотрели на этих троих и говорили между собою: «Должно быть, они не в своем уме». — «Ну да, конечно!» — сказал хозяин. — Сразу видно, что они не очень умны». Так и оставались они некоторое время в гостинице, не произнося ни единого слова, кроме «все втроем», «за деньги», «и правильно». Но они отлично видели и понимали, что там происходило...

Вот и случилось так, что приехал в ту гостиницу именитый купец и были при нем большие деньги. Он и сказал хозяину: «Хозяинушка, припрядь у себя мои деньги, а то, пожалуй, вот эти трое подмастерьев у меня еще украдут их». Хозяин исполнил его желание; но когда он нес его дорожный мешок в свою комнату, то заметил, что мешок был набит золотом. Затем он поместил подмастерьев внизу, а купцу отвел наверху особую комнату.

Когда пробило полночь, хозяин подумал, что постояльцы его уже заснули; он пришел вместе с женою, прихватив с собою топор, и они убили богатого купца; а убивши, легли спать.

Когда рассвело, поднялась страшная суматоха: купец лежал в постели убитый и плавал в своей крови. Сбежались все постояльцы гостиницы, а хозяин сказал: «Верно, это те трое полоумных подмастерьев его убили!» Постояльцы подтвердили его предположение и сказали: «Никто другой не мог бы этого сделать!»

Хозяин же позвал подмастерьев и спросил: «Не вы ли убили купца?» — «Все втроем», — отвечал старший. «За деньги», — сказал второй. «И правильно», — добавил третий. «Вот извольте-ка послушать, — сказал хозяин, — сами сознаются!»

Их повели в тюрьму и предали суду.

Когда подмастерья увидели, что до них добираются не на шутку, им стало страшно.

Но ночью к ним пришел дьявол и сказал: «Еще только денек выдержите — не отворачивайтесь сами от своего счастья! С вас ни один волосок не упадет».

Наутро их повели в суд. Судья спросил их: «Вы ли убийцы?» — «Все втроем». — «За что же вы убили купца?» — «За деньги». — «Злодеи! Как могли вы так безбожно поступить?» — воскликнул судья. «И правильно», — добавил третий подмастерье. «Они во всем сознались, — сказал судья, — да еще упорствуют в своем преступлении! Ведите их немедленно на казнь».

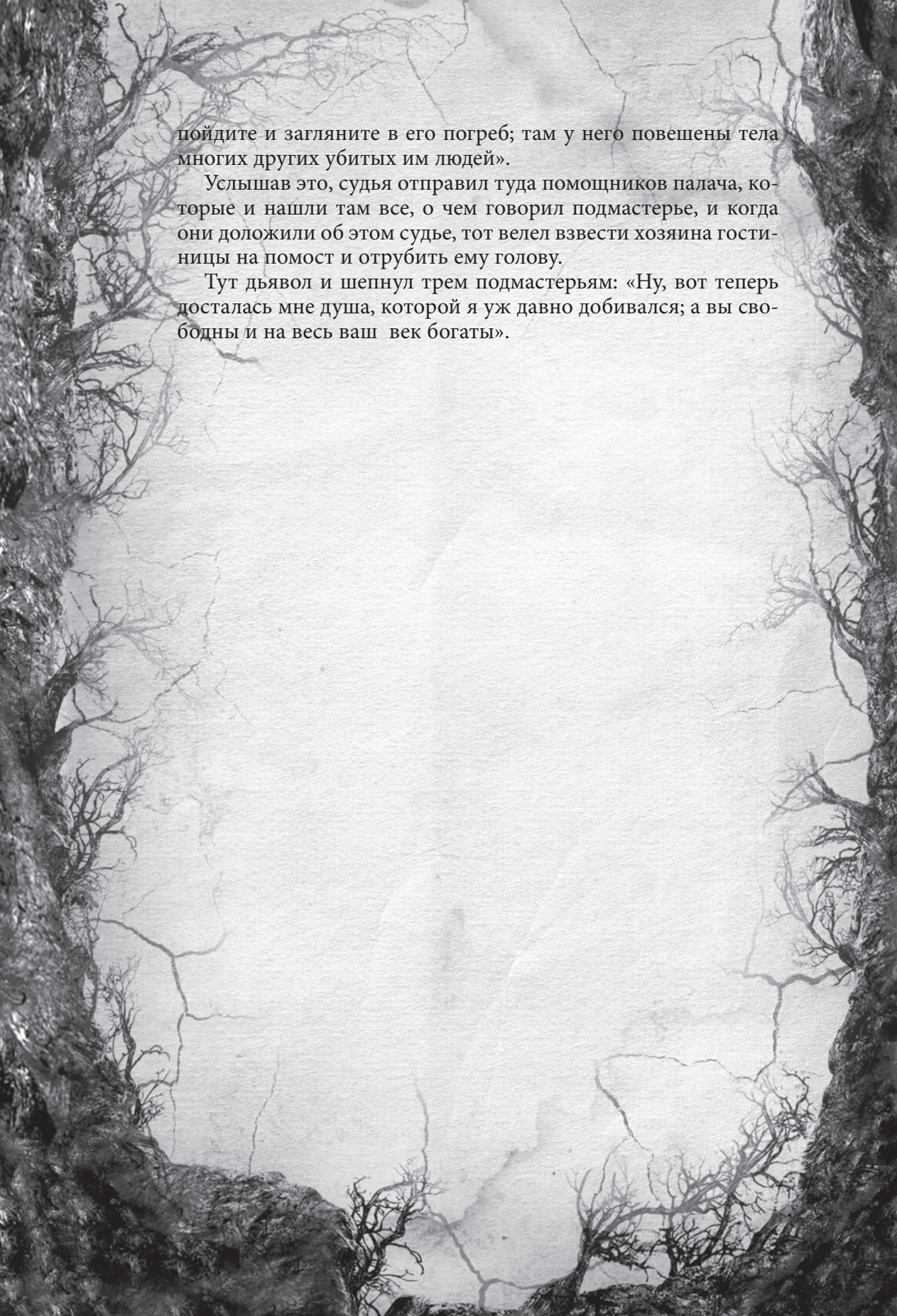
Вот и повели их на место казни, и хозяин гостиницы пошел поглазеть на нее в толпе.

Когда помощники палача схватили их и повели вверх на помост, где уже ожидал их палач с обнаженным мечом, вдруг видят все, что мчится на площадь карета, запряженная четверкою огненно-рыжих лисиц, и мчится так, что искры из-под колес сыплются...

В то же время кто-то махнул из окна белым платком. Палач сказал: «Видно, это помилованье им везут!» И из кареты кто-то тоже кричал: «Помилованье! Помилованье!»

Из кареты же вышел дьявол, приняв облик весьма важного господина в богатой одежде, и сказал, обращаясь к подмастерьям: «Вы ни в чем не повинны! Вам стоит только высказать все, что вы видели и слышали!»

Тогда старший из подмастерьев сказал: «Мы купца не убивали; убийца его стоит вон там, в толпе, — и указал на хозяина гостиницы. — А чтобы убедиться в правоте моих слов,

пойдите и загляните в его погреб; там у него повешены тела многих других убитых им людей».

Услышав это, судья отправил туда помощников палача, которые и нашли там все, о чем говорил подмастерье, и когда они доложили об этом судье, тот велел взвести хозяина гостиницы на помост и отрубить ему голову.

Тут дьявол и шепнул трем подмастерьям: «Ну, вот теперь досталась мне душа, которой я уж давно добивался; а вы свободны и на весь ваш век богаты».

«Три подмастерья».

Художник – Людвиг Рихтер. 1880-е гг.

*«...Для начала дьявол сразу дал им столько,
сколько они снести могли, и приказал им, придя в город,
остановиться в такой-то гостинице...»*

Сын короля, который ничего не боялся

Жил-был королевич, которому не понравилось жить в отеческом доме, и так как он ничего на свете не боялся, то и подумал: «Дай-ка я пойду побродить по белу свету, душеньку свою потешу, диковинок всяких повидая».

Простился он со своими родителями, пустился в путь-дорогу и ехал с утра и до вечера, и ему было решительно все равно, куда приведет его дорога.

Случилось ему прибыть к дому великана, и так как он был очень утомлен, то присел около дверей его и стал отдыхать. Оглядевшись кругом себя, королевич увидел во дворе игрушки великана: пару громадных шаров и кегли величиной в рост человека.

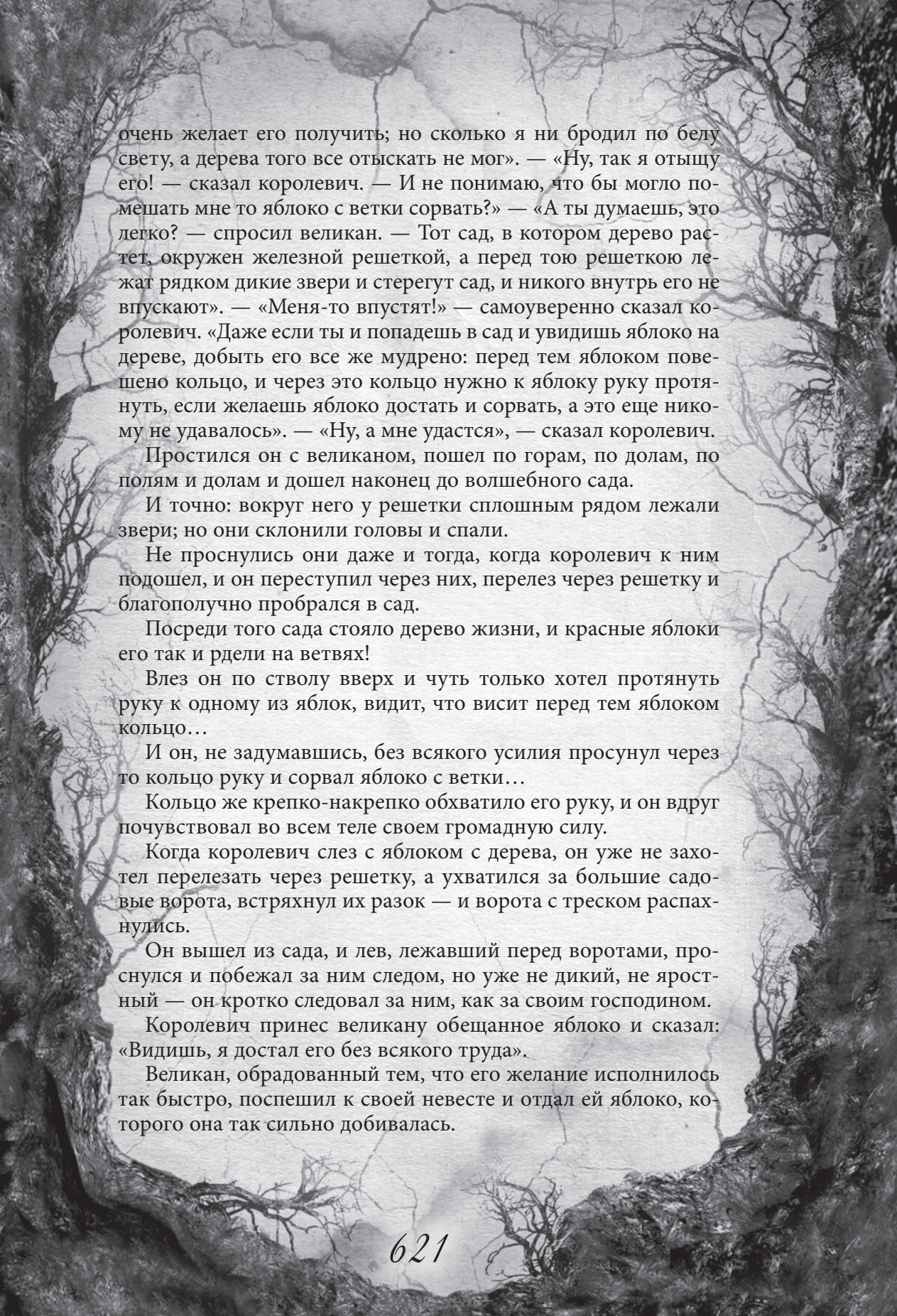
Спустя немного вздумалось ему расставить те кегли и сбивать их шаром, и он радостно вскрикивал, когда те кегли падали, и веселился от души.

Великан услышал шум, выглянул в окошко и увидел человека, который был ничуть не больше других людей, а между тем играл его кеглями.

«Червяк! — воскликнул великан. — Как это можешь ты моими кеглями играть? Кто тебе такую силу дал?»

Королевич взглянул на великана и сказал: «Ах ты, болван! Или ты думаешь, что ты один силен на свете? Да вот я — я все могу, была бы лишь охота!»

Великан сошел вниз, с изумлением стал приглядываться к игре в кегли и сказал: «Человек! Коли ты точно таков, тогда пойди и добудь мне яблоко с дерева жизни». — «А на что оно тебе?» — спросил королевич. «Яблоко мне не для себя нужно, — отвечал великан. — Есть у меня невеста, которая

очень желает его получить; но сколько я ни бродил по белу свету, а дерева того все отыскать не мог». — «Ну, так я отыщу его! — сказал королевич. — И не понимаю, что бы могло помешать мне то яблоко с ветки сорвать?» — «А ты думаешь, это легко? — спросил великан. — Тот сад, в котором дерево растет, окружен железной решеткой, а перед тою решеткою лежат рядом дикие звери и стерегут сад, и никого внутрь его не впускают». — «Меня-то впустят!» — самоуверенно сказал королевич. «Даже если ты и попадешь в сад и увидишь яблоко на дереве, добыть его все же мудрено: перед тем яблоком повешено кольцо, и через это кольцо нужно к яблоку руку протянуть, если желаешь яблоко достать и сорвать, а это еще никому не удавалось». — «Ну, а мне удастся», — сказал королевич.

Простился он с великаном, пошел по горам, по долам, по полям и долам и дошел наконец до волшебного сада.

И точно: вокруг него у решетки сплошным рядом лежали звери; но они склонили головы и спали.

Не проснулись они даже и тогда, когда королевич к ним подошел, и он переступил через них, перелез через решетку и благополучно пробрался в сад.

Посреди того сада стояло дерево жизни, и красные яблоки его так и рдели на ветвях!

Влез он по стволу вверх и чуть только хотел протянуть руку к одному из яблок, видит, что висит перед тем яблоком кольцо...

И он, не задумавшись, без всякого усилия просунул через то кольцо руку и сорвал яблоко с ветки...

Кольцо же крепко-накрепко обхватило его руку, и он вдруг почувствовал во всем теле своем громадную силу.

Когда королевич слез с яблоком с дерева, он уже не захотел перелезать через решетку, а ухватился за большие садовые ворота, встряхнул их разок — и ворота с треском распахнулись.

Он вышел из сада, и лев, лежавший перед воротами, проснулся и побежал за ним следом, но уже не дикий, не яростный — он кротко следовал за ним, как за своим господином.

Королевич принес великану обещанное яблоко и сказал: «Видишь, я достал его без всякого труда».

Великан, обрадованный тем, что его желание исполнилось так быстро, поспешил к своей невесте и отдал ей яблоко, которого она так сильно добивалась.

Но его невеста была прекрасная и умная девушка, и когда она не увидела кольца на его руке, то сказала; «Не поверю я, что ты сам добыл это яблоко, пока не увижу кольца на твоей руке». Великан сказал: «Мне стоит только сходить домой и принести его», — а сам про себя думал, что не мудрено будет у слабого человека отнять силою то, что он не захочет уступить добровольно.

И вот он потребовал кольцо от королевича; но тот не отдавал. «Ну, нет! Где яблоко — там и кольцо должно быть! — сказал великан. — И если ты мне не отдашь его добровольно, то должен со мною за то кольцо биться!»

Долго боролись они, но великан никак не мог совладать с королевичем, которому постоянно придавало силы его волшебное кольцо.

Вот тогда-то великан и пустился на коварную хитрость, и говорит он королевичу: «Очень уж я разогрелся от борьбы, да и ты тоже! Пойдем, искупаемся в реке и прохладимся, прежде чем снова бороться станем».

Королевич, не ведавший коварства, пошел с великаном к реке, вместе с одеждою снял и кольцо с руки своей и бросился в реку.

Великан же тотчас схватил кольцо и побежал с ним прочь; однако лев, заметивший кражу, тотчас пустился вслед за великаном, вырвал у него кольцо из рук и принес его своему господину.

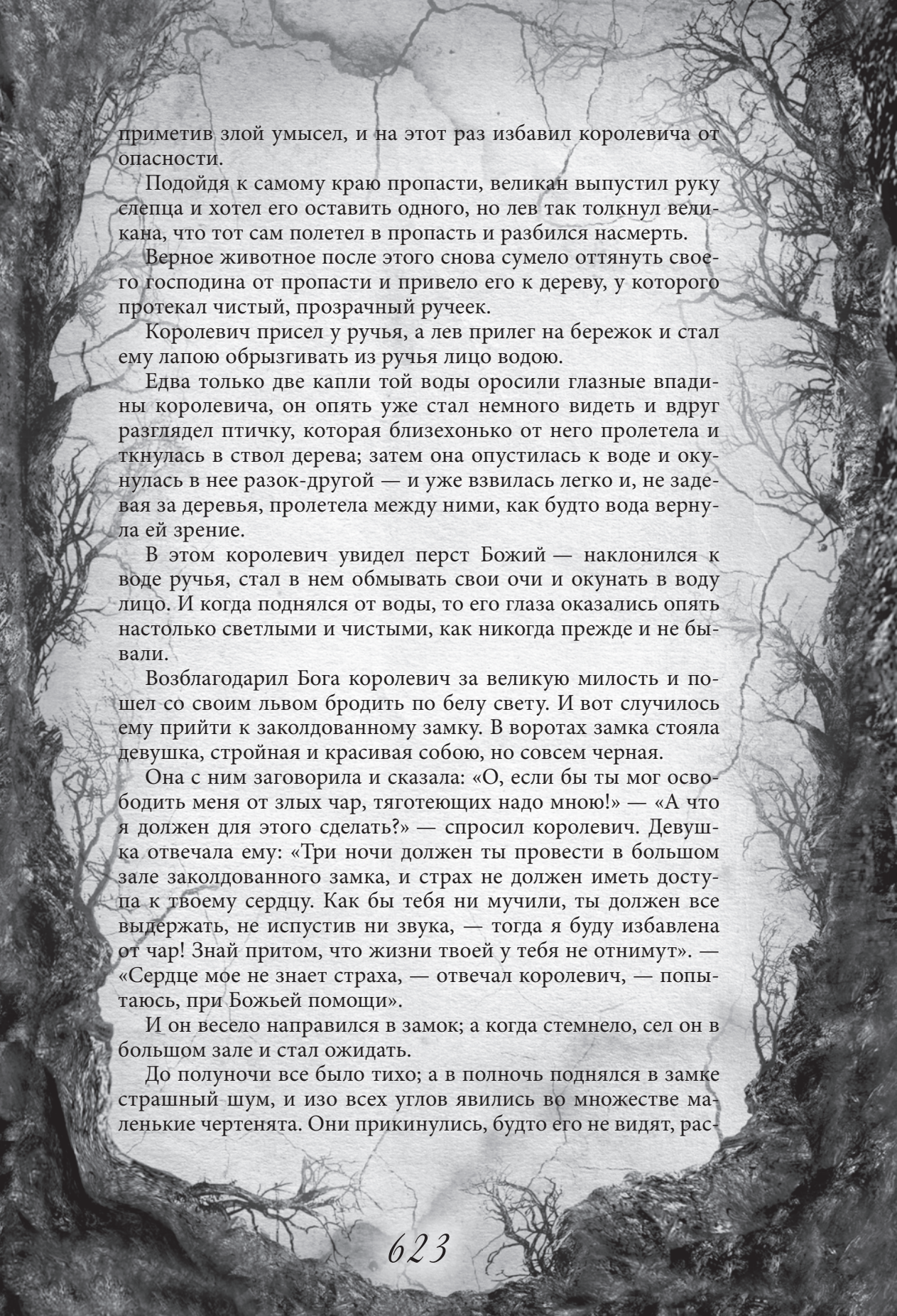
Тогда великан потихоньку вернулся назад, спрятался позади дуба, росшего на берегу, и в то время, когда королевич стал одеваться, он напал на него и выколол ему оба глаза.

Вот бедный королевич и оказался слепым и беспомощным; а великан вновь подошел к нему, взял его за руку, словно хотел помочь ему, а сам отвел его на край высокой скалы.

Здесь великан его покинул, думая: «Вот, еще два шага переступит и убьется насмерть — тогда я и сниму с него кольцо».

Но верный лев не оставил своего господина, крепко ухватил его за одежду и полегоньку стянул его обратно со скалы.

Когда вернулся великан, чтобы ограбить насмерть убившегося королевича, он убедился, что хитрость не удалась ему. «Да неужели же нельзя ничем сгубить этого слабого человечешку?!» — только проговорил он, ухватил королевича за руку и свел его по другой дороге к краю пропасти; но лев,

приметив злой умысел, и на этот раз избавил королевича от опасности.

Подойдя к самому краю пропасти, великан выпустил руку слепца и хотел его оставить одного, но лев так толкнул великана, что тот сам полетел в пропасть и разбился насмерть.

Верное животное после этого снова сумело оттянуть своего господина от пропасти и привело его к дереву, у которого протекал чистый, прозрачный ручеек.

Королевич присел у ручья, а лев прилег на бережок и стал ему лапою обрызгивать из ручья лицо водою.

Едва только две капли той воды оросили глазные впадины королевича, он опять уже стал немного видеть и вдруг разглядел птичку, которая близехонько от него пролетела и ткнулась в ствол дерева; затем она опустилась к воде и окунулась в нее разок-другой — и уже взвилась легко и, не задев за деревья, пролетела между ними, как будто вода вернула ей зрение.

В этом королевич увидел перст Божий — наклонился к воде ручья, стал в нем обмывать свои очи и окунать в воду лицо. И когда поднялся от воды, то его глаза оказались опять настолько светлыми и чистыми, как никогда прежде и не бывали.

Возблагодарил Бога королевич за великую милость и пошел со своим львом бродить по белу свету. И вот случилось ему прийти к заколдованному замку. В воротах замка стояла девушка, стройная и красивая собою, но совсем черная.

Она с ним заговорила и сказала: «О, если бы ты мог освободить меня от злых чар, тяготеющих надо мною!» — «А что я должен для этого сделать?» — спросил королевич. Девушка отвечала ему: «Три ночи должен ты провести в большом зале заколдованного замка, и страх не должен иметь доступа к твоему сердцу. Как бы тебя ни мучили, ты должен все выдержать, не испустив ни звука, — тогда я буду избавлена от чар! Знай притом, что жизни твоей у тебя не отнимут». — «Сердце мое не знает страха, — отвечал королевич, — попытаюсь, при Божьей помощи».

И он весело направился в замок; а когда стемнело, сел он в большом зале и стал ожидать.

До полуночи все было тихо; а в полночь поднялся в замке страшный шум, и изо всех углов явились во множестве маленькие чертенята. Они прикинулись, будто его не видят, рас-

селись посреди зала, развели на полу огонь и принялись за игру.

Когда один из них проиграл, то сказал: «Не ладно дело! Затесался сюда один чужак, он и виноват в том, что я проигрываю». — «Погоди, сейчас приду, запечный бес!» — сказал другой.

А крик и шум, и гам все возрастали, и никто бы не мог их слышать без ужаса...

Но королевич сидел совершенно спокойно, и страх не брал его. Но вот все чертенята разом вскочили с земли и бросились на него, и было их так много, что он не мог с ними справиться. Они рвали его, таскали по земле, щипали, кололи, били и мучили, но он не произнес ни звука.

Под утро они исчезли, и он был до такой степени истомлен, что едва мог шевелиться.

Когда же рассвело, к нему взошла в залу черная девица. Она принесла ему бутылку с живою водою, обмыла его той водою, и он тотчас почувствовал в себе наплыв новых сил, а все его боли стихли разом...

Девица сказала ему: «Одну-то ночь ты вынес благополучно, но тебе предстоят еще две».

Сказав это, она удалилась, и он успел заметить, что ее ноги уже побелели за эту ночь.

На следующую ночь опять явились черти и снова принялись за свою игру; потом снова напали на королевича и били, и мучили его еще более жестоко, нежели в предшествующую ночь, так что все его тело было покрыто ранами.

Но так как он все выносил молча, они наконец должны были от него отстать, а на заре явилась к нему черная девушка и исцелила его живой водою.

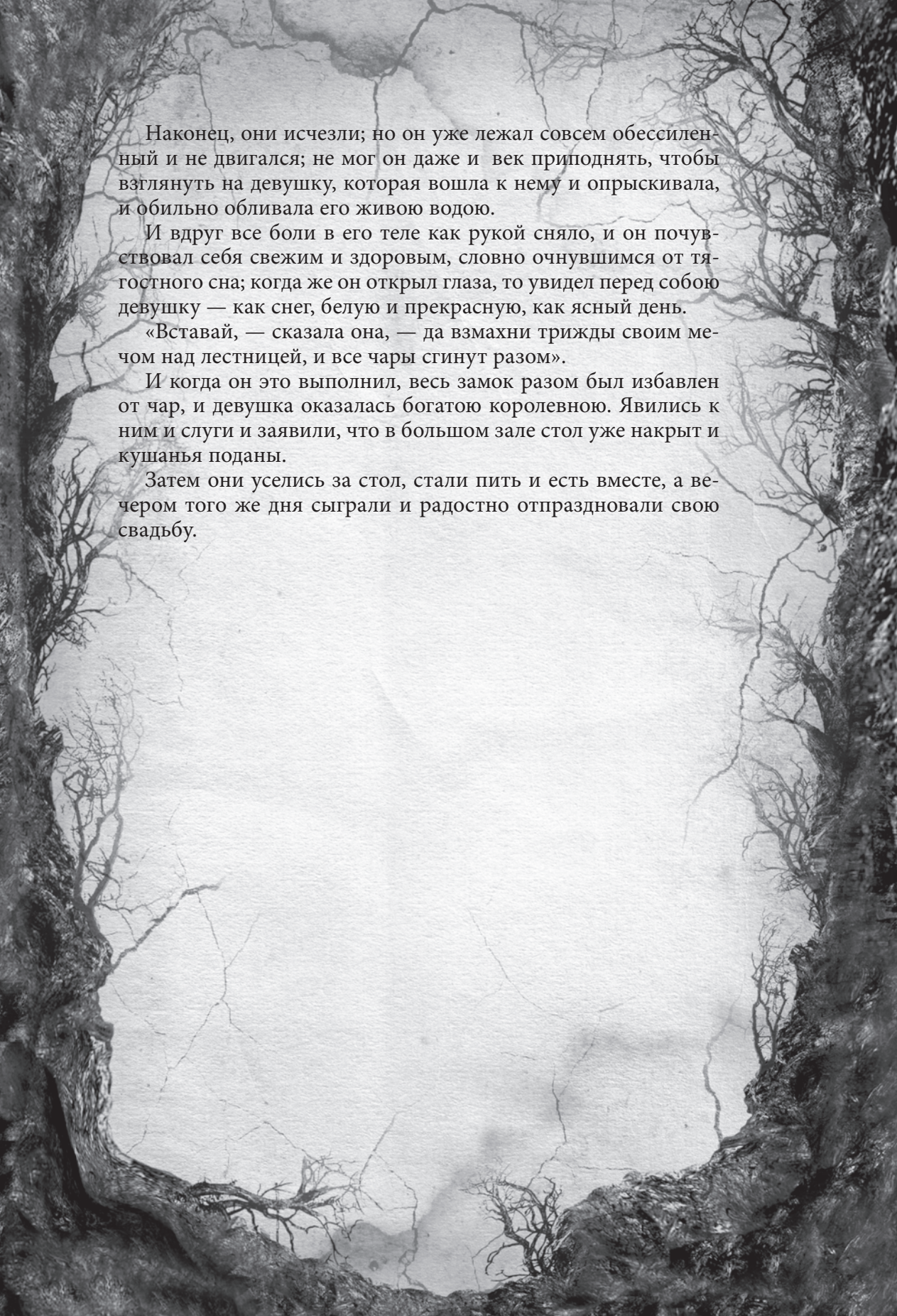
И когда она от него уходила, он с радостью увидел, что она успела побелеть до кончиков пальцев на руках.

Оставалось ему выдержать еще только одну ночь, но зато самую страшную!

Черти явились снова гурьбою...

«Ты все еще жив! — кричали они. — Тебя, значит, надо так измучить, чтобы из тебя и дух вон!»

Стали они его колоть и бить, стали бросать туда и сюда, таскать за руки и за ноги, словно бы хотели разорвать его на части: однако же он все вытерпел и звука не произнес.

Наконец, они исчезли; но он уже лежал совсем обессиленный и не двигался; не мог он даже и век приподнять, чтобы взглянуть на девушку, которая вошла к нему и опрыскивала, и обильно обливала его живою водою.

И вдруг все боли в его теле как рукой сняло, и он почувствовал себя свежим и здоровым, словно очнувшимся от тягостного сна; когда же он открыл глаза, то увидел перед собою девушку — как снег, белую и прекрасную, как ясный день.

«Вставай, — сказала она, — да взмахни трижды своим мечом над лестницей, и все чары сгинут разом».

И когда он это выполнил, весь замок разом был избавлен от чар, и девушка оказалась богатою королевною. Явились к ним и слуги и заявили, что в большом зале стол уже накрыт и кушанья поданы.

Затем они уселись за стол, стали пить и есть вместе, а вечером того же дня сыграли и радостно отпраздновали свою свадьбу.

Осел-оборотень

Жил-был молодой егерь; однажды пошел он в лес на охоту. Сердце у него было доброе, и малый он был веселый, и в то время когда он из лесу возвращался и насвистывал на листке, повстречалась ему старая, безобразная старушечка, заговорила с ним и сказала: «День добрый, охотничек! Вижу я, что ты весел и доволен; а я терплю и голод, и жажду: не подашь ли ты мне милостыньку?»

Егерь над нею сжалился, сунул руку в карман, подал ей, что мог, и хотел было идти далее, но старушечка его остановила и сказала: «Послушай, милый мой, за твою доброту я тебе подарочек подарю. Вот ступай себе прямо своей дорожкой; пройдешь немного, придешь к дереву, а на том дереве увидишь девять птиц, которые в когтях плащ держат и из-за него ссорятся. Прицелься ты в них и выстрели в самую середину их стаи; плащ у них из когтей выпадет, и одна из них, насмерть убитая, также падет с дерева. Плащ тот возьми себе: он волшебный! Стоит только его накинуть на плечи да пожелать перенестись в какое-нибудь место, и мигом там очутишься. Из убитой же птицы вынь-ка ты сердце да проглоти его целиком: тогда каждое утро при вставанье будешь находить у себя под подушкою по золотому».

Поблагодарил егерь вещунью и подумал про себя: «Хорошо бы ее устами да мед пить!»

Однако ж, пройдя с сотню шагов, он услышал над собою в древесных ветвях птичьи крики и писк и невольно поднял голову вверх. И увидел он стаю птиц, которые клювами и когтями вырывали друг у друга какой-то кусок материи и при этом клевались, бились и царапались, словно бы каждая из них хотела одна владеть этим куском.

«Странно, — подумал егерь, — дело-то выходит как раз так, как предсказала мне старушечка».

«Осел-оборотень».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Еще не поддал ей, что мог, и хотел было идти далее...»

Снял он ружье с плеча, прицелился и выстрелил как раз в середину стаи, так что перья кругом посыпались. Тотчас же вся стая взвилась вверх с громким криком, одна из птиц пала мертвая, а с ней вместе на землю упал и плащ.

Тогда егерь поступил, как предсказывала ему старушонка: взрезал птицу, отыскал у нее сердце, проглотил его, а плащ захватил с собою домой.

На другое утро, проснувшись, вспомнил он слова старухи и задумал их проверить на деле.

И чуть только приподнял подушку, как сверкнул у него под изголовьем золотой.

И на другое утро тоже, и на третье, и так при каждом вставанье. Накопил он целую кучу золота, а затем и стал думать: «Куда мне это золото, коли я буду сиднем дома сидеть? Пойдука я постранствую по белу свету».

Тогда распростился он со своими родителями, взял охотничью суму и ружье и пошел по белу свету.

Вот и случилось однажды, что проходил он дремучим лесом, и как пришел к его опушке, то увидал перед собою красивый замок среди равнины.

В одном из окон замка стояла старуха и рядом с нею девушка дивной красоты, и обе смотрели из окна вниз.

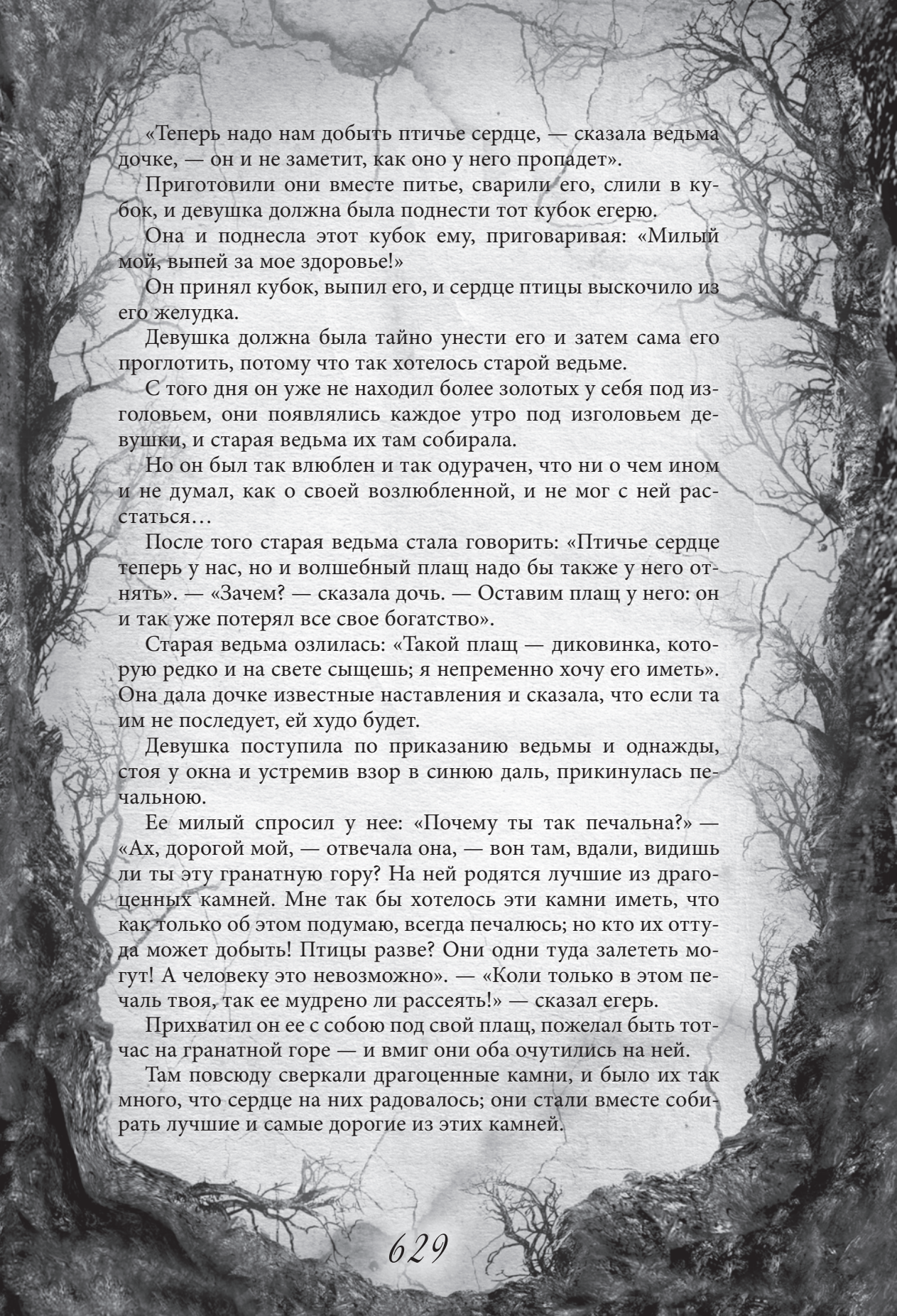
Старуха же была ведьмой и стала говорить девушке: «Вон из лесу выходит человек, в котором скрыто большое сокровище, его-то мы и должны отуманить, доченька! Нам это сокровище нужнее, чем ему... Он проглотил и носит в себе сердце птицы и из-за этого каждое утро находит под своим изголовьем по золотому».

Затем она рассказала ей, как все было и как ей следует обойти его, и, гневно взглянув на нее, стала грозить: «Если ты меня не слушаешь, так я тебя навек несчастной сделаю».

Подойдя поближе, егерь увидел девушку и подумал про себя: «Побродил я по свету довольно, не дурно бы мне и отдохнуть в этом прекрасном замке».

Собственно же говоря, так побуждало его думать то, что он увидел в окне красавицу. В доме он был ласково принят и радушно угощен.

Немного спустя он так сильно влюбился в дочь ведьмы, что ни о чем, кроме нее, и думать не мог, на все смотрел ее глазами и охотно исполнял все ее желания.

«Теперь надо нам добыть птичье сердце, — сказала ведьма дочке, — он и не заметит, как оно у него пропадет».

Приготовили они вместе питье, сварили его, слили в кубок, и девушка должна была поднести тот кубок егерю.

Она и поднесла этот кубок ему, приговаривая: «Милый мой, выпей за мое здоровье!»

Он принял кубок, выпил его, и сердце птицы выскочило из его желудка.

Девушка должна была тайно унести его и затем сама его проглотить, потому что так хотелось старой ведьме.

С того дня он уже не находил более золотых у себя под изголовьем, они появлялись каждое утро под изголовьем девушки, и старая ведьма их там собирала.

Но он был так влюблен и так одурачен, что ни о чем ином и не думал, как о своей возлюбленной, и не мог с ней расстаться...

После того старая ведьма стала говорить: «Птичье сердце теперь у нас, но и волшебный плащ надо бы также у него отнять». — «Зачем? — сказала дочь. — Оставим плащ у него: он и так уже потерял все свое богатство».

Старая ведьма озлилась: «Такой плащ — диковинка, которую редко и на свете сыщешь; я непременно хочу его иметь». Она дала дочке известные наставления и сказала, что если та им не последует, ей худо будет.

Девушка поступила по приказанию ведьмы и однажды, стоя у окна и устремив взор в синюю даль, прикинулась печальною.

Ее милый спросил у нее: «Почему ты так печальна?» — «Ах, дорогой мой, — отвечала она, — вон там, вдали, видишь ли ты эту гранатную гору? На ней рождаются лучшие из драгоценных камней. Мне так бы хотелось эти камни иметь, что как только об этом подумаю, всегда печалюсь; но кто их оттуда может добыть! Птицы разве? Они одни туда залететь могут! А человеку это невозможно». — «Коли только в этом печаль твоя, так ее мудрено ли рассеять!» — сказал егерь.

Прихватил он ее с собою под свой плащ, пожелал быть тотчас на гранатной горе — и вмиг они оба очутились на ней.

Там повсюду сверкали драгоценные камни, и было их так много, что сердце на них радовалось; они стали вместе собирать лучшие и самые дорогие из этих камней.

А между тем старая ведьма ухитрилась при помощи своих чар так подействовать издали на егеря, что глаза у него вдруг стали слипаться...

Он сказал девушке: «Присядем здесь и отдохнем, я так устал, что с трудом держусь на ногах».

Они присели, он положил голову ей на колени и уснул. Во время его сна она отвязала у него плащ с плеч, накинула его себе на плечи, захватила с собою гранаты и другие драгоценные камни и пожелала очутиться дома.

Когда же егерь выспался и открыл глаза, то увидел, что милая обманула и покинула его на горе одинокого...

«О! — воскликнул он. — До чего велико коварство людское!» — и сел, пригорюнившись, и раздумывал, что ему делать.

А та гора была во владении диких и громадных великанов, которые на ней постоянно обитали, и немного времени прошло, как егерь уже завидел троих из них, к нему приближавшихся.

Егерь вытянулся на земле, прикинувшись, будто спит.

Великаны подошли, и один из них, толкнув егеря ногой, проговорил: «Это что за червяк тут лежит и что про себя думает?»

Второй сказал: «Расплющи его ногой!»

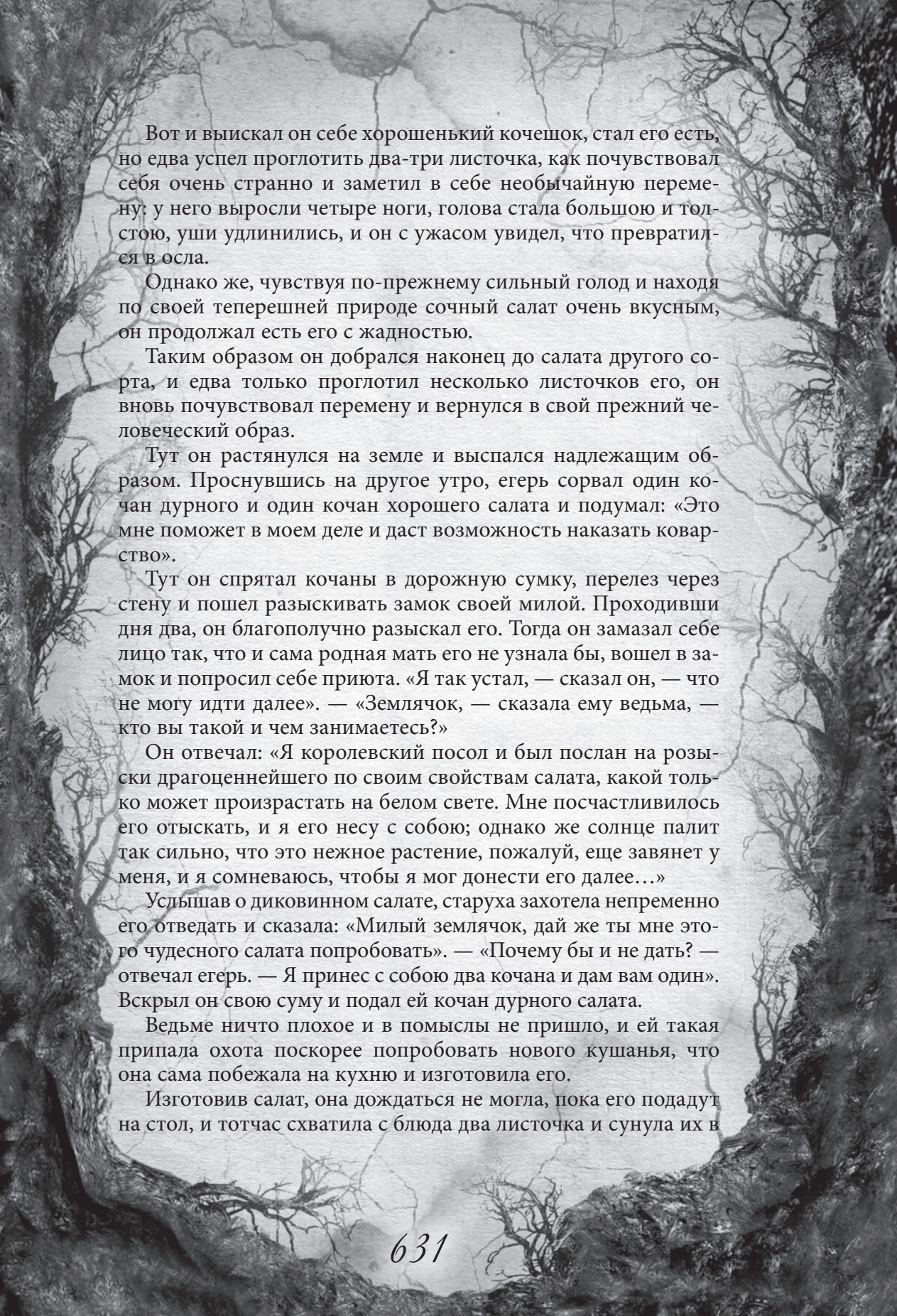
А третий добавил с пренебрежением: «Стоит ли он того? Пусть живет... Здесь он все равно не останется, а если взберется выше, до самой вершины горы, его тотчас подхватит облако и унесет в даль».

Так, разговаривая между собою, они прошли мимо, а егерь, все слышавший, тотчас после их ухода поднялся на ноги и вскарабкался на вершину горы.

Не просидел он там и минуты, как налетело на вершину облако, подхватило его, увлекло за собою вслед, какое-то время несло по небу, затем опустилось к земле над большим, обнесенным стенами огородом и обронило его легонько на гряды капусты и других овощей.

Оглянулся егерь кругом и сказал: «Кабы мне чего-нибудь поесть! Голод так и морит меня, но я не вижу здесь ни яблок, ни груш, ни других плодов, а везде только одни овощи».

Наконец, ему пришло в голову: «Разве вот что? По нужде я могу и салату поесть... Он хоть и не особенно вкусен, однако все же подкрепит меня немного».

Вот и выискал он себе хорошенький кочешок, стал его есть, но едва успел проглотить два-три листочка, как почувствовал себя очень странно и заметил в себе необычайную перемену: у него выросли четыре ноги, голова стала большою и толстою, уши удлинились, и он с ужасом увидел, что превратился в осла.

Однако же, чувствуя по-прежнему сильный голод и находя по своей теперешней природе сочный салат очень вкусным, он продолжал есть его с жадностью.

Таким образом он добрался наконец до салата другого сорта, и едва только проглотил несколько листочков его, он вновь почувствовал перемену и вернулся в свой прежний человеческий образ.

Тут он растянулся на земле и выспался надлежащим образом. Проснувшись на другое утро, егерь сорвал один кочан дурного и один кочан хорошего салата и подумал: «Это мне поможет в моем деле и даст возможность наказать коварство».

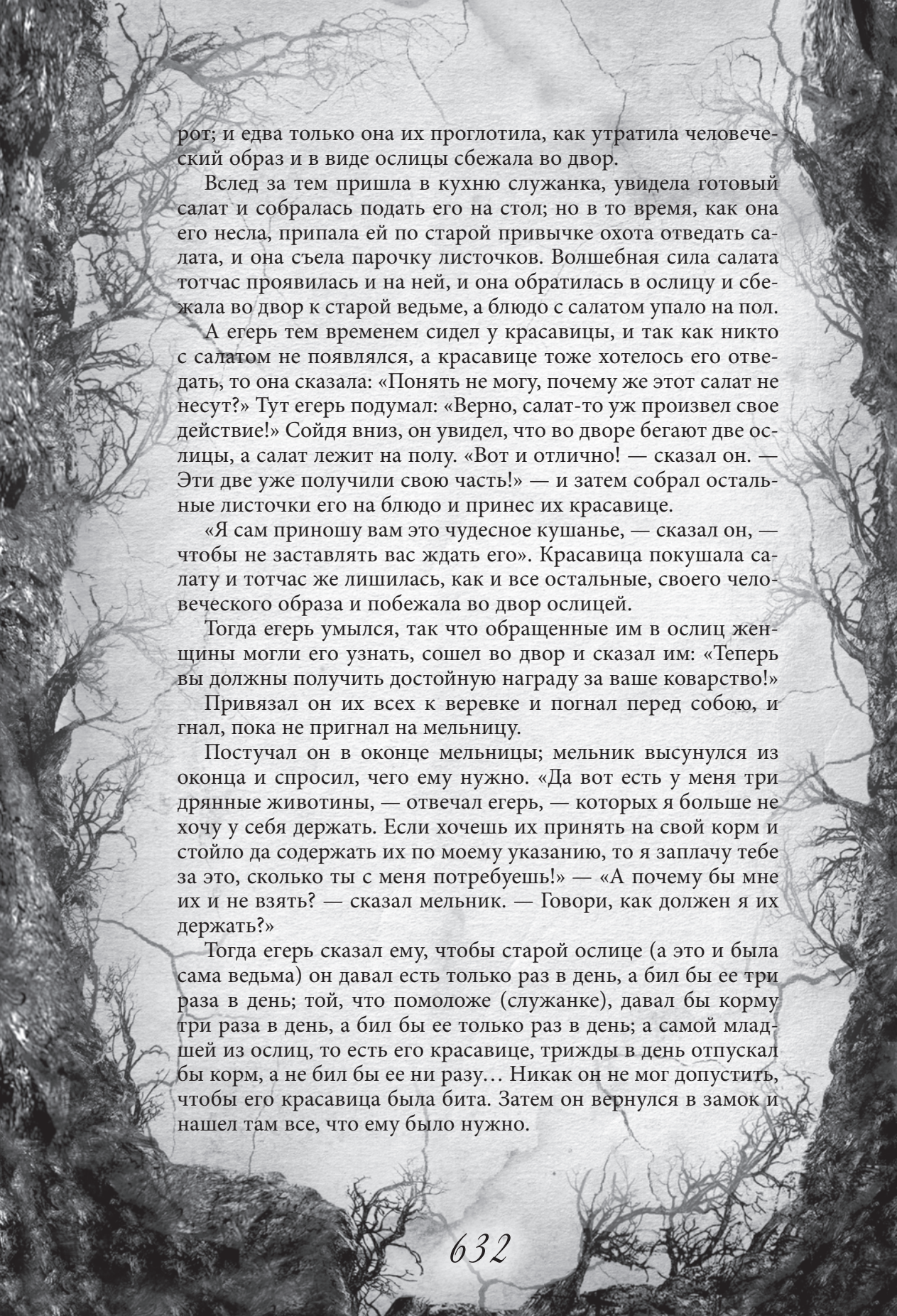
Тут он спрятал кочаны в дорожную сумку, перелез через стену и пошел разыскивать замок своей милой. Проходивши дня два, он благополучно разыскал его. Тогда он замазал себе лицо так, что и сама родная мать его не узнала бы, вошел в замок и попросил себе приюта. «Я так устал, — сказал он, — что не могу идти далее». — «Землячок, — сказала ему ведьма, — кто вы такой и чем занимаетесь?»

Он отвечал: «Я королевский посол и был послан на розыски драгоценнейшего по своим свойствам салата, какой только может произрастать на белом свете. Мне посчастливилось его отыскать, и я его несу с собою; однако же солнце палит так сильно, что это нежное растение, пожалуй, еще завянет у меня, и я сомневаюсь, чтобы я мог донести его далее...»

Услышав о диковинном салате, старуха захотела непременно его отведать и сказала: «Милый землячок, дай же ты мне этого чудесного салата попробовать». — «Почему бы и не дать? — отвечал егерь. — Я принес с собою два кочана и дам вам один». Вскрыл он свою суму и подал ей кочан дурного салата.

Ведьме ничто плохое и в помыслы не пришло, и ей такая припала охота поскорее попробовать нового кушанья, что она сама побежала на кухню и изготовила его.

Изготовив салат, она дожидаться не могла, пока его подадут на стол, и тотчас схватила с блюда два листочка и сунула их в

рот; и едва только она их проглотила, как утратила человеческий образ и в виде ослицы сбежала во двор.

Вслед за тем пришла в кухню служанка, увидела готовый салат и собралась подать его на стол; но в то время, как она его несла, припала ей по старой привычке охота отведать салата, и она съела парочку листочков. Волшебная сила салата тотчас проявилась и на ней, и она обратилась в ослицу и сбежала во двор к старой ведьме, а блюдо с салатом упало на пол.

А егерь тем временем сидел у красавицы, и так как никто с салатом не появлялся, а красавице тоже хотелось его отведать, то она сказала: «Понять не могу, почему же этот салат не несут?» Тут егерь подумал: «Верно, салат-то уж произвел свое действие!» Сойдя вниз, он увидел, что во дворе бегают две ослицы, а салат лежит на полу. «Вот и отлично! — сказал он. — Эти две уже получили свою часть!» — и затем собрал остальные листочки его на блюдо и принес их красавице.

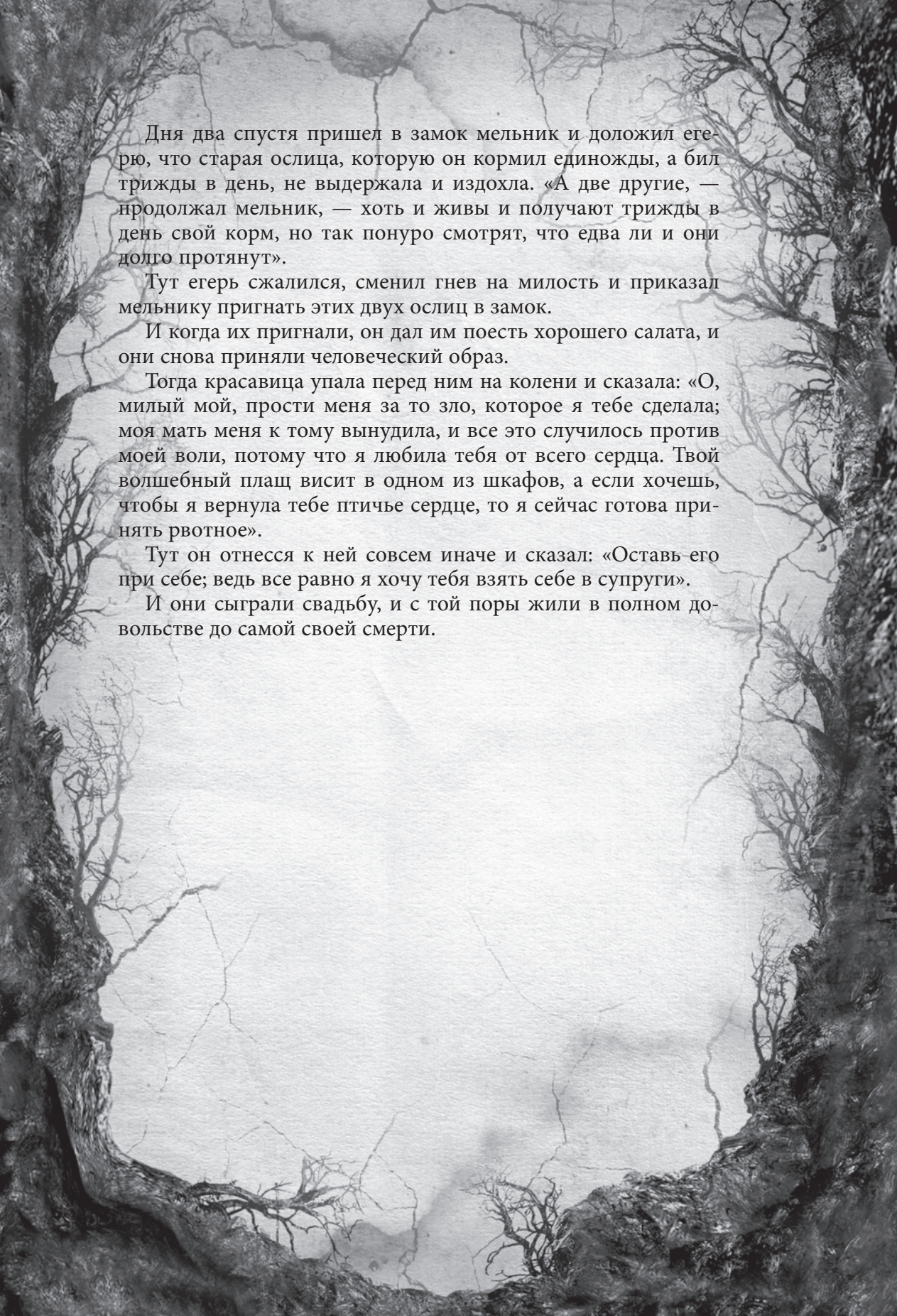
«Я сам приношу вам это чудесное кушанье, — сказал он, — чтобы не заставлять вас ждать его». Красавица покушала салат и тотчас же лишилась, как и все остальные, своего человеческого образа и побежала во двор ослицей.

Тогда егерь умылся, так что обращенные им в ослиц женщины могли его узнать, сошел во двор и сказал им: «Теперь вы должны получить достойную награду за ваше коварство!»

Привязал он их всех к веревке и погнал перед собою, и гнал, пока не пригнал на мельницу.

Постучал он в оконце мельницы; мельник высунулся из оконца и спросил, чего ему нужно. «Да вот есть у меня три дрянные животины, — отвечал егерь, — которых я больше не хочу у себя держать. Если хочешь их принять на свой корм и стойло да содержать их по моему указанию, то я заплачу тебе за это, сколько ты с меня потребуешь!» — «А почему бы мне их и не взять? — сказал мельник. — Говори, как должен я их держать?»

Тогда егерь сказал ему, чтобы старой ослице (а это и была сама ведьма) он давал есть только раз в день, а бил бы ее три раза в день; той, что помоложе (служанке), давал бы корму три раза в день, а бил бы ее только раз в день; а самой младшей из ослиц, то есть его красавице, трижды в день отпускал бы корм, а не бил бы ее ни разу... Никак он не мог допустить, чтобы его красавица была бита. Затем он вернулся в замок и нашел там все, что ему было нужно.

Дня два спустя пришел в замок мельник и доложил егерю, что старая ослица, которую он кормил единожды, а бил трижды в день, не выдержала и издохла. «А две другие, — продолжал мельник, — хоть и живы и получают трижды в день свой корм, но так понуро смотрят, что едва ли и они долго протянут».

Тут егерь сжалился, сменил гнев на милость и приказал мельнику пригнать этих двух ослиц в замок.

И когда их пригнали, он дал им поесть хорошего салата, и они снова приняли человеческий образ.

Тогда красавица упала перед ним на колени и сказала: «О, милый мой, прости меня за то зло, которое я тебе сделала; моя мать меня к тому вынудила, и все это случилось против моей воли, потому что я любила тебя от всего сердца. Твой волшебный плащ висит в одном из шкафов, а если хочешь, чтобы я вернула тебе птичье сердце, то я сейчас готова принять рвотное».

Тут он отнесся к ней совсем иначе и сказал: «Оставь его при себе; ведь все равно я хочу тебя взять себе в супруги».

И они сыграли свадьбу, и с той поры жили в полном довольстве до самой своей смерти.

Старушка в лесу

Бедная служанка отправилась однажды со своими господами в путь-дорогу. Когда они проезжали через большой дремучий лес, выскочили им навстречу разбойники из чащи и насмерть перебили всех, кто им попался под руку.

Погибли все, кроме служанки, которая в страхе выпрыгнула из повозки и прихоронилась за деревом.

Когда разбойники удалились со своею добычею, девушка вышла из-за дерева и с ужасом увидела, что случилось. Она стала горько плакать и приговаривать: «Что мне, бедной, делать? Не знаю я, как из этого леса выбраться, а здесь, в лесу, живой души нет! Видно, придется мне здесь помереть с голоду!»

Стала она кругом бродить, стала дороги искать, но никакой дороги отыскать не могла. Когда за вечерело, она села под дерево, поручила себя милосердию Божию и решила там сидеть, не сходя с места, что бы там ни случилось.

Вот посидела она там сколько-то времени, и вдруг слетел к ней белый голубочек, и держал он золотой ключик в клюве. Ключик положил он ей в руку и сказал: «Видишь ли ты вон то большое дерево? Там есть замочек, который ты отомкнешь этим ключиком, и найдешь там, чем утолить свой голод».

Пошла девушка к дереву, отперла его и нашла там молоко и белый хлеб, и могла поесть досыта.

Насытившись, она сказала: «Теперь время курам на насест — время и мне бы на покой! Так-то я устала и так охотно легла бы в свою постель».

Вот опять слетел к ней голубок и принес другой золотой ключик в клюве и сказал: «Открой вон то дерево, там найдешь себе постельку».

Девушка открыла указанное дерево и нашла прекрасную мягкую постельку: помолилась Богу, чтобы он ее защитил от всякого ночного страха, улеглась в постельку и заснула.

«Старушка в лесу».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...и вдруг слетел к ней белый голубок,
и держал он золотой клычок в клюве...»*

Поутру голубок прилетел в третий раз, принес третий ключик и сказал: «Открой вон то дерево, там найдешь себе платья». И когда она то дерево открыла, то нашла там платья, вышитые золотом, усыпанные драгоценными камнями, такие чудные, какие разве только у королев бывают!

Так и жила она там некоторое время, и голубок прилетал к ней каждый день и заботился обо всех ее нуждах, и жизнь ее протекала тихо и мирно.

Однажды прилетел к ней голубок и сказал: «Исполнишь ли ты мне в угодую то, о чем я попрошу тебя?» — «С удовольствием», — отвечала девушка.

Тогда голубок продолжал: «Я сведу тебя к избушечке, и в той избушечке у окна увидишь ты старуху, которая скажет тебе: “День добрый!” Но ты — боже тебя сохрани! — ничего не отвечай ей, что бы она ни вздумала делать, а проходи поправее от нее, вглубь избушки; там увидишь дверь, открой ее и войди в комнату, где на столе набросано много всяких колец — и богатых, и с блистающими камнями... И все те кольца оставь, а отыщи среди них одно, совсем гладкое, и принеси его мне как можно скорее».

Пошла девушка к избушке и вошла в дверь: там увидела она старуху, которая удивленно посмотрела на нее и проговорила: «Добрый день, дитя мое».

Но девушка ей ничего не ответила и пошла прямо к двери в соседнюю комнату. «Куда собралась? — крикнула старуха и ухватила ее за платье, думая остановить. — Здесь мой дом, и никто не смеет сюда входить без моей воли».

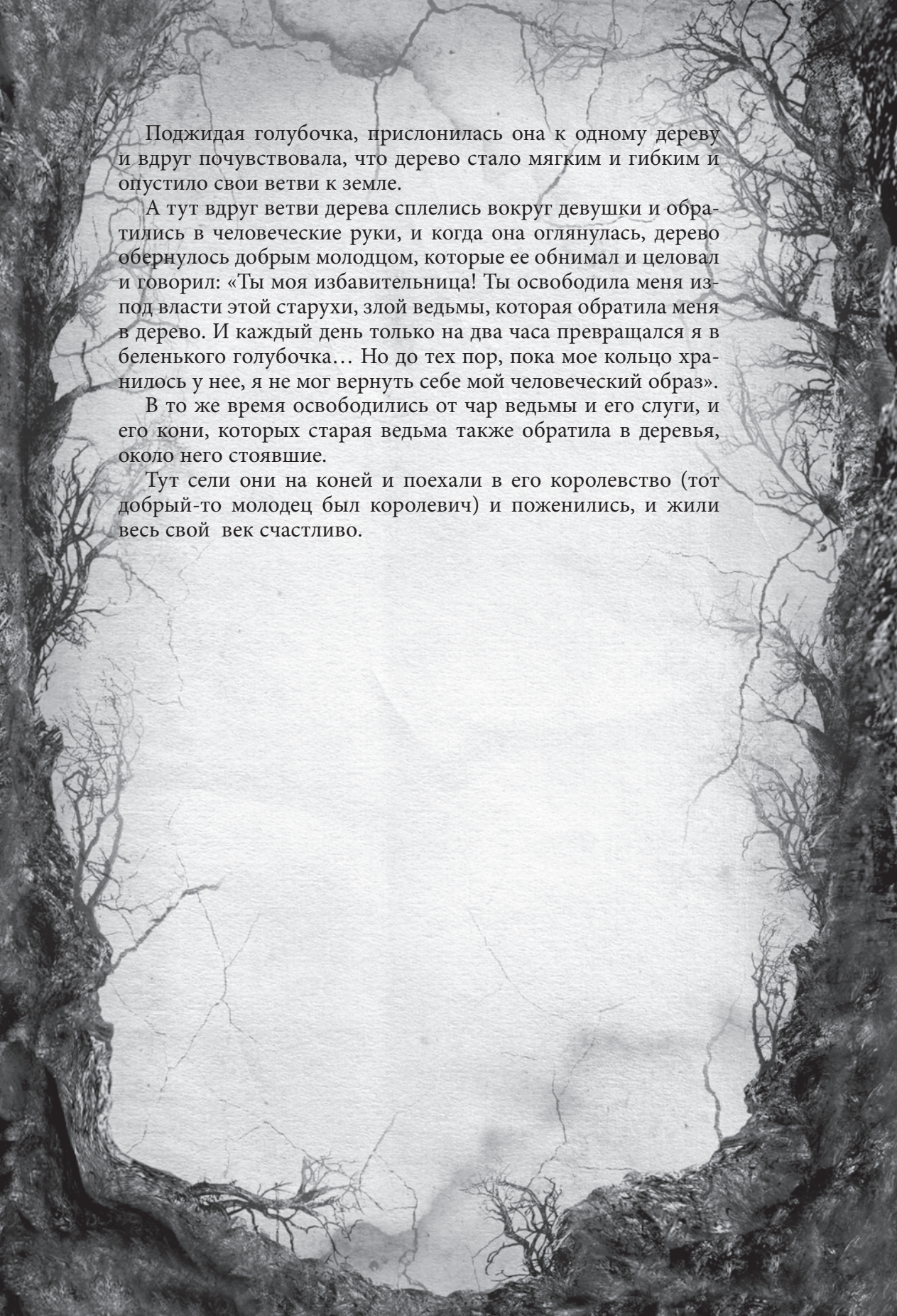
Но девушка молча высвободила из ее рук свое платье и вошла в следующую комнату.

Там на столе грудю лежали кольца, которые ослепительно сверкали и блистали своими камнями: стала девушка на том столе рыться в груде колец, отыскивая между ними гладкое колечко, и никак не могла его найти.

Между тем, как она тут рылась, она увидела, что старуха, крадучись, выходит из комнаты и уносит в руках птичью клетку.

Девушка подошла к ней, взяла у нее клетку из рук, и когда ее подняла да в нее заглянула, то увидела в ней птицу, которая держала гладкое колечко в клюве.

Выхватила она кольцо у птички, весело и радостно выбежала с ним из избушки и думала, что вот-вот прилетит к ней белый голубок за колечком... Но он не прилетал...

Поджидая голубочка, прислонилась она к одному дереву и вдруг почувствовала, что дерево стало мягким и гибким и опустило свои ветви к земле.

А тут вдруг ветви дерева сплелись вокруг девушки и обратились в человеческие руки, и когда она оглянулась, дерево обернулось добрым молодцом, которые ее обнимал и целовал и говорил: «Ты моя избавительница! Ты освободила меня из-под власти этой старухи, злой ведьмы, которая обратила меня в дерево. И каждый день только на два часа превращался я в беленького голубочка... Но до тех пор, пока мое кольцо хранилось у нее, я не мог вернуть себе мой человеческий образ».

В то же время освободились от чар ведьмы и его слуги, и его кони, которых старая ведьма также обратила в деревья, около него стоявшие.

Тут сели они на коней и поехали в его королевство (тот добрый-то молодец был королевич) и поженились, и жили весь свой век счастливо.

Три брата

Давным-давно жил да был человек, у которого было три сына, а всего достатка было немного: только тот дом, в котором он сам жил. Каждый из сыновей желал бы тот дом получить в наследство после его смерти, но отцу они были все одинаково милы; вот и не знал он, как ему быть, чтобы никого не обидеть.

Продать бы дом да вырученные деньги между ними поделить, так продавать-то ему не хотелось, потому что дом был им унаследован от его прадедов...

Наконец, пришла ему в голову хорошая мысль, и он сказал своим детям: «Ступайте-ка вы в люди да поиспытайте себя, и каждый пусть изберет себе какое-нибудь ремесло для изучения; по возвращении вашем домой тот из вас, который выкажет себя искуснее других в своем деле, получит от меня дом в наследство».

Сыновья были довольны решением отца и избрали себе ремесла по вкусу: старший задумал быть кузнецом, второй — парикмахером, а третий — учителем фехтования.

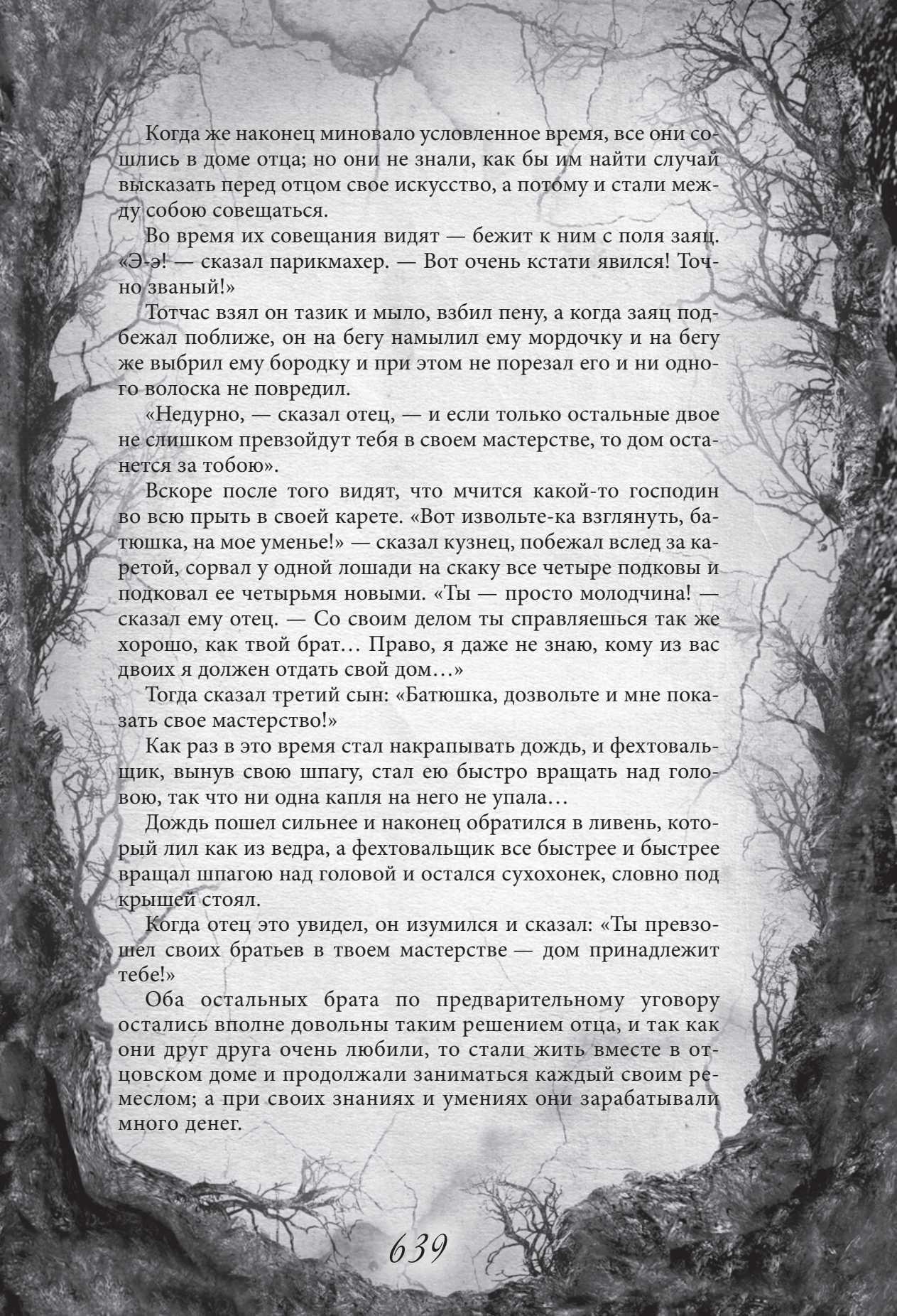
Затем они назначили время, в которое они должны были снова сойтись в доме отца, и разошлись в разные стороны.

Случилось так, что каждый из них в своем деле нашел себе отличного учителя, у которого мог надлежащим образом выучиться своему мастерству.

Кузнецу поручено было подковывать королевских лошадей, и он подумал: «Ну, теперь, кажется, без ошибки можно сказать, что дом именно мне достанется».

Парикмахеру пришлось брить только знатных господ, и он тоже подумал, что дом никому другому, кроме него, не достанется.

Фехтовальщику пришлось получить не один удар, и он все же скрепя сердце думал про себя: «Нечего этих ударов пугаться, а то, пожалуй, дом-то и выскользнет у меня из рук!»

Когда же наконец миновало условленное время, все они сошлись в доме отца; но они не знали, как бы им найти случай высказать перед отцом свое искусство, а потому и стали между собою совещаться.

Во время их совещания видят — бежит к ним с поля заяц. «Э-э! — сказал парикмахер. — Вот очень кстати явился! Точно званный!»

Тотчас взял он тазик и мыло, взбил пену, а когда заяц подбежал поближе, он на бегу намылил ему мордочку и на бегу же выбрил ему бородку и при этом не порезал его и ни одного волоска не повредил.

«Недурно, — сказал отец, — и если только остальные двое не слишком превзойдут тебя в своем мастерстве, то дом останется за тобою».

Вскоре после того видят, что мчится какой-то господин во всю прыть в своей карете. «Вот извольте-ка взглянуть, батюшка, на мое уменье!» — сказал кузнец, побежал вслед за каретой, сорвал у одной лошади на скаку все четыре подковы и подковал ее четырьмя новыми. «Ты — просто молодчина! — сказал ему отец. — Со своим делом ты справляешься так же хорошо, как твой брат... Право, я даже не знаю, кому из вас двоих я должен отдать свой дом...»

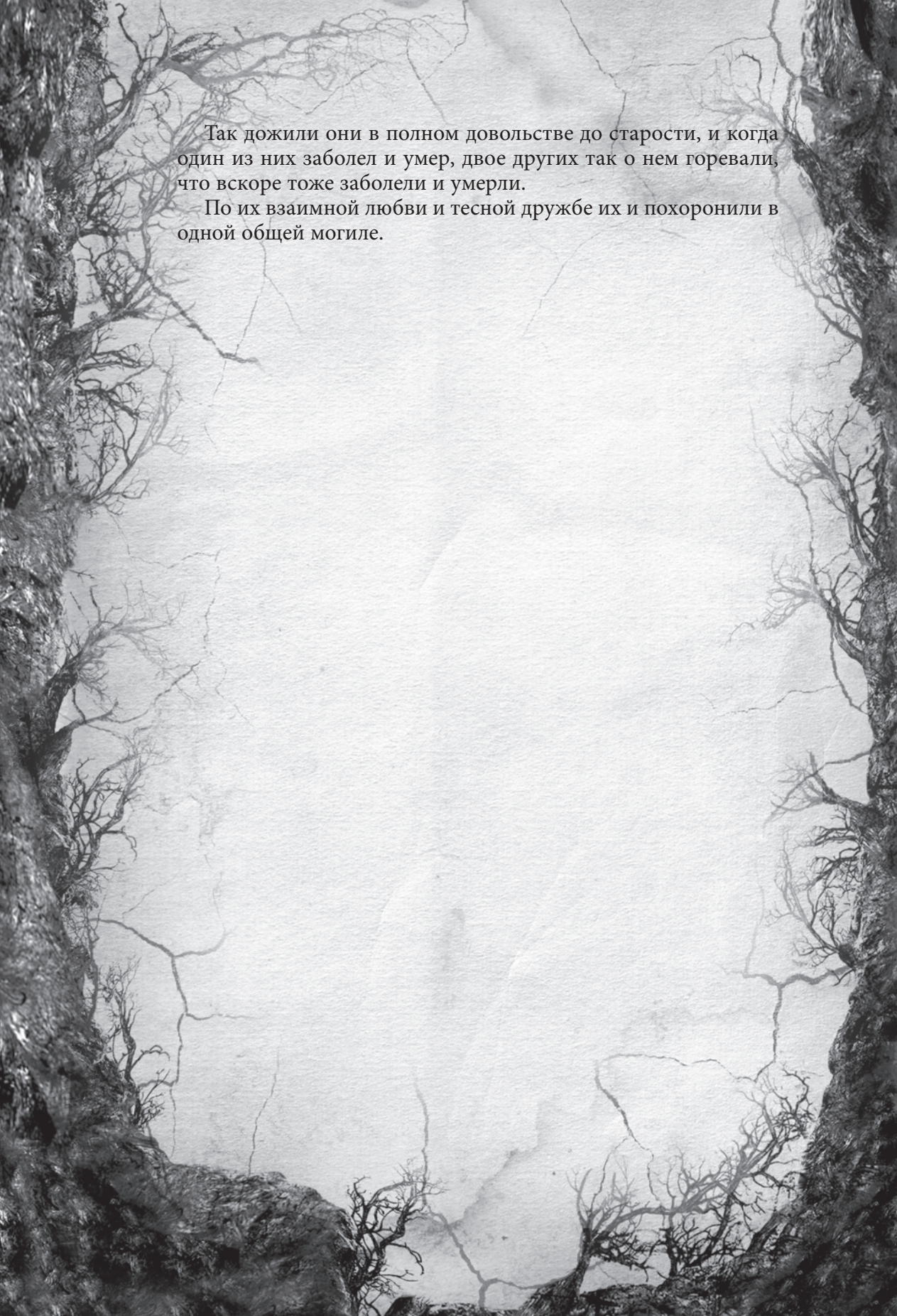
Тогда сказал третий сын: «Батюшка, дозвоьте и мне показать свое мастерство!»

Как раз в это время стал накрапывать дождь, и фехтовальщик, вынув свою шпагу, стал ею быстро вращать над головою, так что ни одна капля на него не упала...

Дождь пошел сильнее и наконец обратился в ливень, который лил как из ведра, а фехтовальщик все быстрее и быстрее вращал шпагою над головой и остался сухохонек, словно под крышей стоял.

Когда отец это увидел, он изумился и сказал: «Ты превзошел своих братьев в твоём мастерстве — дом принадлежит тебе!»

Оба остальных брата по предварительному уговору остались вполне довольны таким решением отца, и так как они друг друга очень любили, то стали жить вместе в отцовском доме и продолжали заниматься каждый своим ремеслом; а при своих знаниях и умениях они зарабатывали много денег.

A black and white illustration of a landscape. The foreground is dominated by dark, gnarled, and leafless trees that frame the scene. The background shows a lighter, hazy sky with soft, wispy clouds. The overall mood is somber and melancholic.

Так дожили они в полном довольстве до старости, и когда один из них заболел и умер, двое других так о нем горевали, что вскоре тоже заболели и умерли.

По их взаимной любви и тесной дружбе их и похоронили в одной общей могиле.

Церт и его бабушка

Велась некогда большая война, и король, который ее вел, содержал солдат много, а жалованья давал им мало, так что они на это жалованье жить не могли. Вот трое из них и сговорились, и собрались бежать.

Один из них и сказал другому: «Коли поймают нас, так уж повесят непременно, как же нам быть?»

Другой и сказал ему: «А вон, видишь, большое ржаное поле; коли мы там среди ржи спрячемся, то нас никто не сыщет; войско не успеет сегодня все то поле прочесать, а завтра они должны выступить в поход».

Вот и залезли они в рожь, а войско-то и не двинулось далее, и залегло вокруг того поля.

Высидели они два дня и две ночи во ржи, и морил их такой голод, что они с него чуть не умерли.

А между тем знали, что если они изо ржи выйдут, то их ожидает верная смерть.

И стали они между собою говорить: «Ну что проку в том, что мы бежали? Придется нам здесь погибнуть лютою смертью».

Тем временем пролетал по воздуху огненный змей, опустился к ним и спросил их, зачем они тут укрылись. Они отвечали ему: «Мы трое — солдаты и бежали из строя, потому что нам мало платили жалованья; и вот теперь, если здесь останемся, то придется нам помирать с голода, а если выйдем отсюда, придется нам болтаться на виселице». — «Если вы обещаете мне семь лет служить, — сказал змей, — то я вас пронесу через войска так, что никто вас не изловит». — «Мы выбирать не можем, а должны на все соглашаться», — отвечали они.

Тогда змей ухватил их в свои когти, перенес их по воздуху через все войско и далеко-далеко оттуда опустил на землю; а этот змей был не кто иной, как дьявол. И дал он им не-

большую плеточку и сказал: «Стоит вам только похлестать и пощелкать этой плеточкою, и около вас просыплется столько денег, сколько вам понадобится: можете знатными барами жить, и лошадей держать, и в каретах ездить; а через семь лет вы будете моею полною собственностью».

Затем он подал им книгу, в которой они все трое должны были расписаться. «Вам на пользу, однако же, — сказал дьявол, — я намерен задать вам еще загадку; коли ее отгадаете, то избавитесь от моей власти».

Сказав это, змей улетел от них, а они пошли далее со своею плеточкой. И денег у них было в изобилии, и платье они заказали себе богатое, и пустились они бродить по белу свету.

Где они бывали, там жили весело и богато, ездили на собственных лошадях, ели и пили вволю, но дурного ничего не делали. Время пролетело для них быстро, и когда семилетний срок стал подходить к концу, двое из них стали крепко побавиваться, а третий и в ус не дул и даже еще товарищей утешал: «Ничего, братцы, не бойтесь! Умишком Бог меня не обидел — я берусь загадку отгадать!»

Вот вышли они на поле, сели там, и двое из них скроили очень кислые рожи. Тут подошла к ним какая-то старуха и спросила их, почему они так печальны. «Ах, что вам до этого за дело? Вы все равно не можете нам ничем помочь!» — «Как знать? — отвечала старуха. — Доверьте мне ваше горе». Тогда они рассказали ей, что они уже почти семь лет состоят на службе у черта, что черт осыпал их за это деньгами; но они выдали ему расписку и должны попасть в его лапы, если по истечении семи лет не отгадают загадки, которую тот им задаст.

Старуха сказала на это: «Коли хотите, чтобы я вашему горю пособила, то один из вас должен пойти в лес и дойти до обрушенной скалы, которая очень походит на избушку, и пусть войдет в нее; там и найдет себе помощь». Те двое, что запечалились, думали: «Где уж там помощь найти», — и остались на месте, а третий, веселый, тотчас собрался в путь и дошел по лесу до каменной хижины.

В хижине сидела дряхлая-предряхлая старуха — чертова бабушка; она и спросила его, что ему здесь понадобилось. Он рассказал старухе все, что с ними случилось, и так как он старухе понравился, то она над ним сжалилась и обещала ему

«Черт и его бабушка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...огненный змей опустился к ним и спросил их,
зачем они тут укрылись...»*

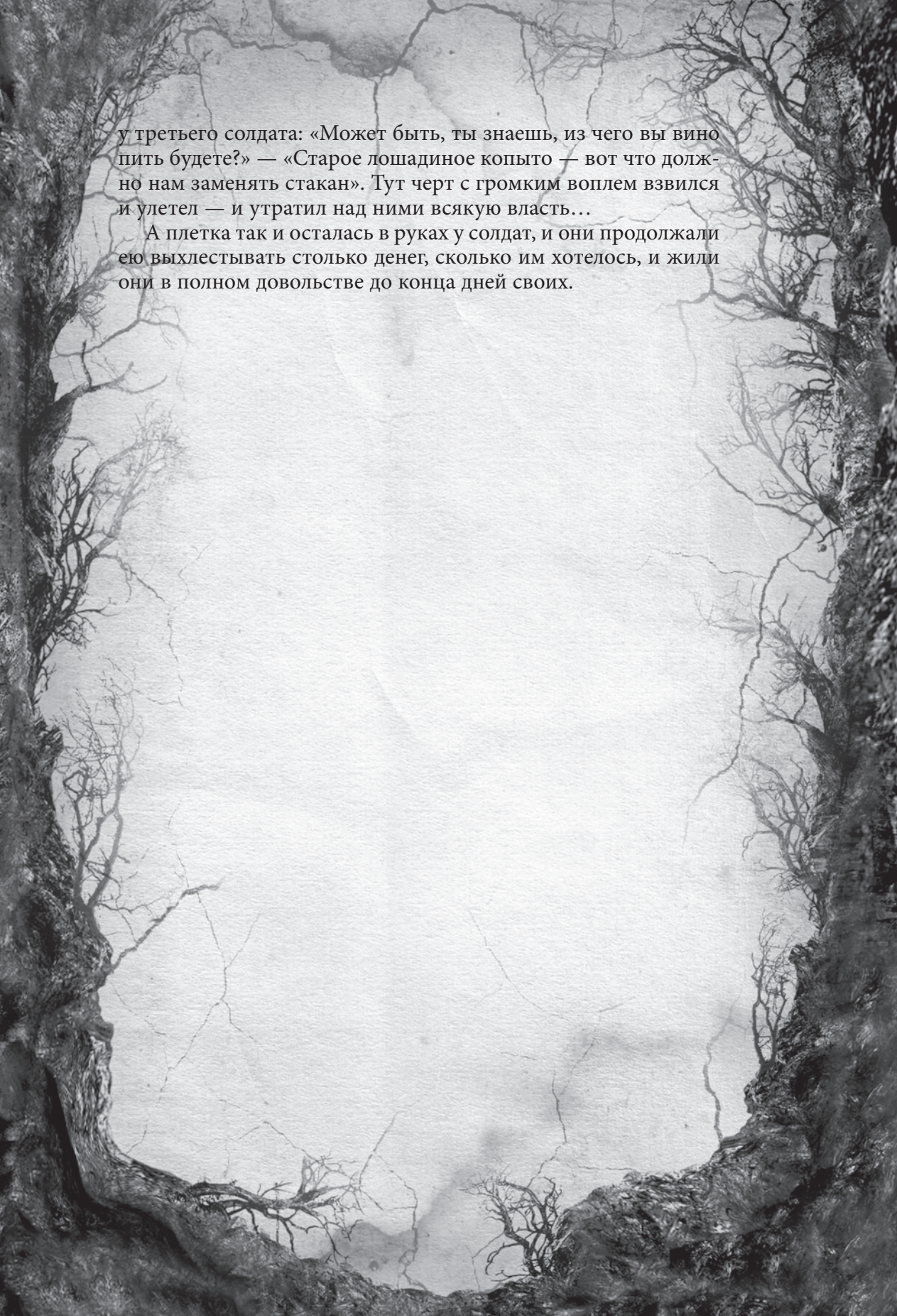
помочь. Приподняла она большой камень, которым был прикрыт вход в погреб, и сказала: «Тут спрячешься; отсюда можешь слышать все, что здесь будет говориться, только смотри — тихо сиди и не шевелись: как прилетит змей, я его расспрошу о загадке... Мне он наверно все скажет, а ты к его ответу прислушайся».

Ровно в полночь прилетел змей и потребовал себе ужина. Его бабушка накрыла на стол, подала и кушаний, и напитков вдоволь, и они стали есть и пить вместе. Затем она его спросила, как у него тот день прошел и сколько душ успел он сманить. «Не очень мне сегодня посчастливилось, — сказал черт, — ну да у меня есть в запасе трое солдат, которым от меня не уйти». — «Ну да! Трое солдат! Те за себя постоят; пожалуй, еще и вовсе тебе не достанутся». Черт отвечал на это насмешливо: «Те-то не уйдут от меня! Я им такую загадку загадаю, что они ее ни за что не отгадают!» — «А что же это за загадка?» — спросила старуха. «Сейчас скажу тебе: в великом северном море лежит дохлый морской кот — это им вместо жаркого; а ребра кита — это им вместо серебряной ложки; а старое лошадиное копыто — вместо стакана...»

Когда черт улегся спать, его старая бабушка приподняла камень и выпустила солдата из погреба. «Все ли ты запомнил?» — спросила она его. «Да, — сказал он, — я достаточно слышал и сумею справиться». Затем он вынужден был тайно бежать из хижины через окно и поспешил вернуться к своим товарищам. Он рассказал им, как чертова бабушка черта перехитрила и как он подслушал его загадку. Тогда они все повеселели, взяли плетку в руки и столько нахлестали себе денег, что они всюду кругом по земле запрыгали.

Когда минули все семь лет сполна, черт явился с книгой, показал им подписи их и сказал: «Я возьму вас с собою в преисподнюю; там про вас уж и пир сготовлен! И вот если вы угадаете, какое жаркое вы там получите, то я вас освобожу и из рук своих выпущу, да сверх того еще и плеточку вам оставлю».

Тут первый солдат в ответ ему и сказал: «В великом северном море лежит дохлый морской кот — это, верно, и будет наше жаркое?» Черт нахмурился, крикнул: «Гм! Гм! Гм!» И спросил другого солдата: «А какой же ложкой вы есть станете?» — «Ребро кита — вот что заменит нам серебряную ложку!» Черт поморщился опять, трижды крикнул и спросил

у третьего солдата: «Может быть, ты знаешь, из чего вы вино пить будете?» — «Старое лошадиное копыто — вот что должно нам заменять стакан». Тут черт с громким воплем взвился и улетел — и утратил над ними всякую власть...

А плетка так и осталась в руках у солдат, и они продолжали ею выхлестывать столько денег, сколько им хотелось, и жили они в полном довольстве до конца дней своих.

Ференанд Верный и Ференанд Неверный

Жили на белом свете муж с женою, и пока они были богаты, детей у них не было; когда же обеднели, тогда родился у них маленький сынок. Но они никак не могли сыскать себе крестного, и муж решился идти в ближнее местечко и там поискать.

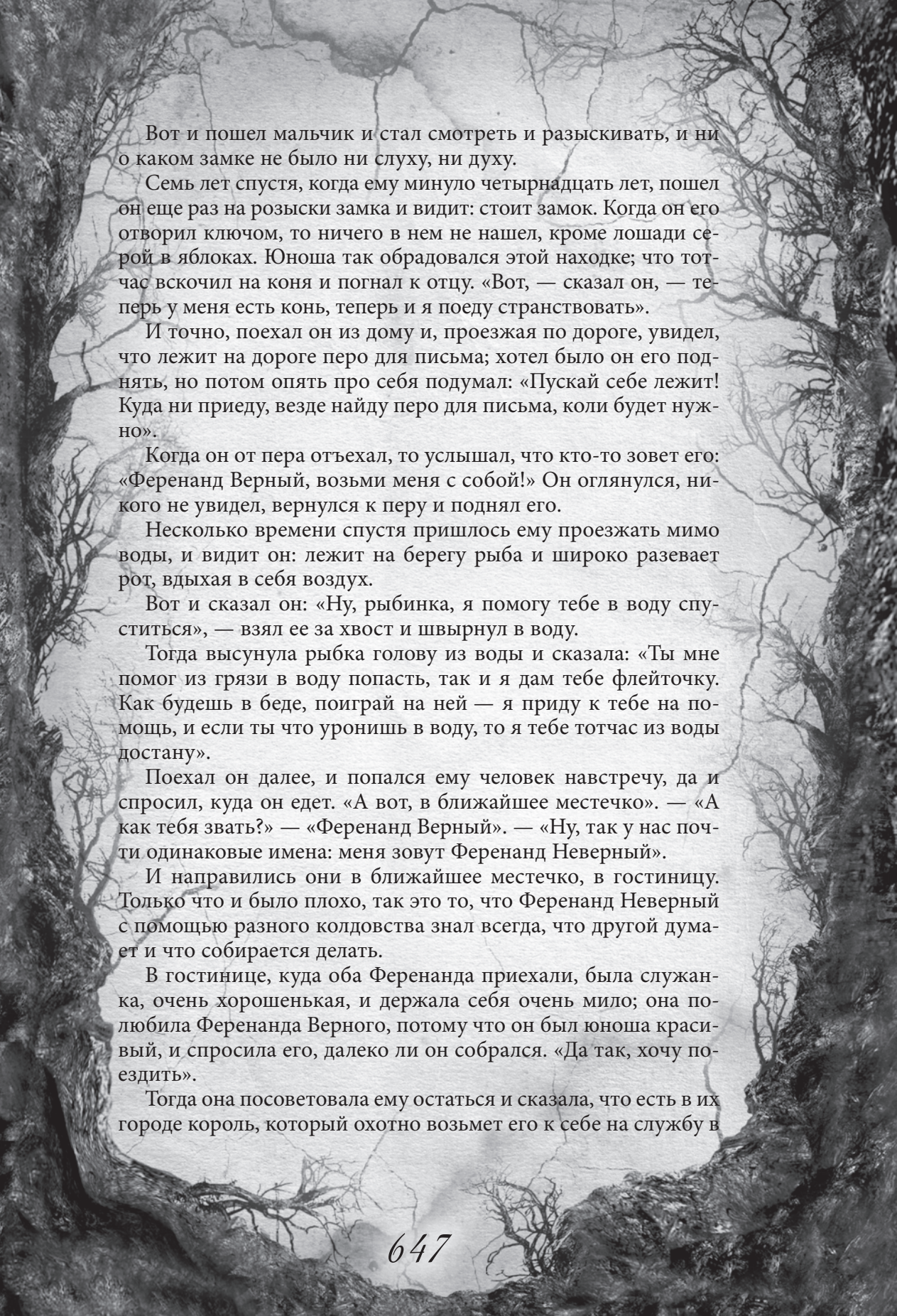
По пути туда повстречался ему бедняк и спросил, куда он идет. Муж и сказал ему, что идет искать себе крестного, что он беден и потому никто не желает к нему идти в кумовья. «О! — сказал бедняк. — Ты беден, и я беден, так давай я у тебя крестить буду! Я настолько беден, что ничего не могу дать ребенку; а ты ступай да скажи матери, чтобы она несла ребенка в церковь».

Когда муж с женою пришли в церковь, бедняк уже их там ожидал и назвал ребенка Верным Ференандом. Когда они шли из церкви, бедняк сказал: «Разойдемся по домам; я не могу вам ничего дать, и вы ничего не должны давать мне».

Но он дал родильнице ключ, сказав, чтобы по приходе домой она отдала его отцу на хранение, пока ребенку не исполнится полных четырнадцать лет: тогда он пусть пойдет и замок найдет, к двери которого тот ключ подойдет, и все, что в том замке окажется, за ним навсегда и останется.

Когда мальчику минуло еще всего семь лет, — а росту-то он был большого, — пошел он однажды играть с другими детьми, и стали они хвалиться, сколько кто получил от крестного, а он не мог ничем похвалиться.

Вернулся домой с досадою и сказал отцу: «Да разве же я ничего не получил от крестного?» — «О да! — сказал отец. — Ты получил ключ от замка; как пойдешь да разыщешь его, так и отопрешь тем ключом».

Вот и пошел мальчик и стал смотреть и разыскивать, и ни о каком замке не было ни слуху, ни духу.

Семь лет спустя, когда ему минуло четырнадцать лет, пошел он еще раз на розыски замка и видит: стоит замок. Когда он его отворил ключом, то ничего в нем не нашел, кроме лошади серой в яблоках. Юноша так обрадовался этой находке; что тотчас вскочил на коня и погнал к отцу. «Вот, — сказал он, — теперь у меня есть конь, теперь и я поеду странствовать».

И точно, поехал он из дому и, проезжая по дороге, увидел, что лежит на дороге перо для письма; хотел было он его поднять, но потом опять про себя подумал: «Пускай себе лежит! Куда ни приеду, везде найду перо для письма, коли будет нужно».

Когда он от пера отъехал, то услышал, что кто-то зовет его: «Ференанд Верный, возьми меня с собой!» Он оглянулся, никого не увидел, вернулся к перу и поднял его.

Несколько времени спустя пришлось ему проезжать мимо воды, и видит он: лежит на берегу рыба и широко разевает рот, вдыхая в себя воздух.

Вот и сказал он: «Ну, рыбка, я помогу тебе в воду спуститься», — взял ее за хвост и швырнул в воду.

Тогда высунула рыбка голову из воды и сказала: «Ты мне помог из грязи в воду попасть, так и я дам тебе флейточку. Как будешь в беде, поиграй на ней — я приду к тебе на помощь, и если ты что уронишь в воду, то я тебе тотчас из воды достану».

Поехал он далее, и попался ему человек навстречу, да и спросил, куда он едет. «А вот, в ближайшее местечко». — «А как тебя звать?» — «Ференанд Верный». — «Ну, так у нас почти одинаковые имена: меня зовут Ференанд Неверный».

И направились они в ближайшее местечко, в гостиницу. Только что и было плохо, так это то, что Ференанд Неверный с помощью разного колдовства знал всегда, что другой думает и что собирается делать.

В гостинице, куда оба Ференанда приехали, была служанка, очень хорошенькая, и держала себя очень мило; она любила Ференанда Верного, потому что он был юноша красивый, и спросила его, далеко ли он собрался. «Да так, хочу поездить».

Тогда она посоветовала ему остаться и сказала, что есть в их городе король, который охотно возьмет его к себе на службу в

слуги или в фореиторы. Ференанд отвечал, что не хотелось бы ему так идти и самому предлагать свои услуги. А девушка отвечала ему: «О, коли так, я и сама все это за тебя сделаю».

И вот пошла она к королю и спросила его, не желает ли он взять к себе на службу красивого слугу.

Король был очень рад этому предложению, велел Ференанду к себе прийти и хотел его взять к себе в слуги. Но Ференанд предпочел быть фореитором, потому что ему не хотелось расставаться со своим конем; король и взял его в фореиторы.

Когда Ференанд Неверный это увидел, то сказал девушке: «Не поможешь ли ты и мне поступить на место?» — «Отчего же? Помогу и тебе», — сказала девушка, а сама подумала: «С этим нельзя ссориться, потому что ему доверять нельзя».

И она пошла к королю и выхлопотала ему место слуги. Когда он однажды утром одевал своего короля, тот стал вздыхать и говорить жалобно: «О, если бы моя милая могла быть со мною!»

А Ференанд Неверный, как услышал это, так и сказал королю: «Да ведь у вас есть фореитор; вот его и пошлите туда за вашей милой, чтобы он ее привез; а если не привезет, так и снесите ему голову с плеч».

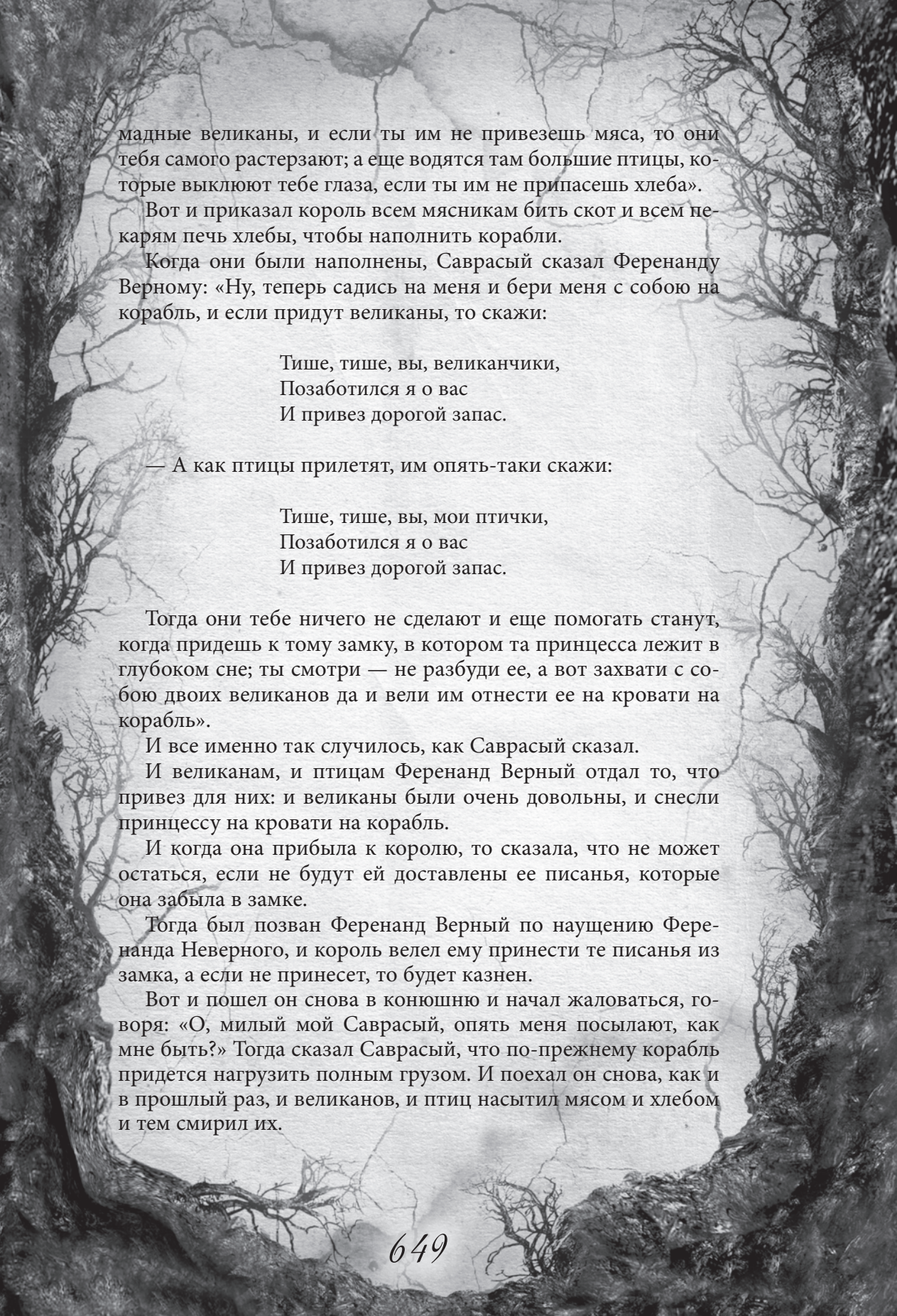
Приказал король позвать к себе Ференанда Верного и сказал ему, что у него там-то и там-то есть милая и что он должен ее к нему привезти; а не привезет — голову ему долой!

Ференанд Верный пошел в стойло к своему коню и стал на судьбу жаловаться: «Ох, что я за несчастный!»

Тут и сказал кто-то позади него: «Ференанд Верный, чего ты плачешь?» Он оглянулся, никого не увидел и продолжал жаловаться: «Ох, мой милый Саврасый, видно, приходится мне с тобою расстаться, приходится умирать!» И опять кто-то его окликнул: «Ференанд Верный, что ты плачешь?»

Тут только он заметил, что это его Саврасый говорит, и спросил его: «Так это ты, Саврасушка? И неужели ты говорить можешь? — И добавил: — Я вот должен туда-то и туда-то ехать и привезти королю невесту, так не знаешь ли, как мне за это взяться?»

Отвечал ему Саврасый: «Ступай ты к королю и скажи, что если он даст тебе то, что ты попросишь, то ты ему привезешь невесту: коли даст полный корабль мяса да полный корабль хлеба, то это дело должно удаться. Там за морем живут гро-

мальные великаны, и если ты им не привезешь мяса, то они тебя самого растерзают; а еще водятся там большие птицы, которые выклюют тебе глаза, если ты им не припасешь хлеба».

Вот и приказал король всем мясникам бить скот и всем пекарям печь хлебы, чтобы наполнить корабли.

Когда они были наполнены, Саврасый сказал Ференанду Верному: «Ну, теперь садись на меня и бери меня с собою на корабль, и если придут великаны, то скажи:

Тише, тише, вы, великанчики,
Позаботился я о вас
И привез дорогой запас.

— А как птицы прилетят, им опять-таки скажи:

Тише, тише, вы, мои птички,
Позаботился я о вас
И привез дорогой запас.

Тогда они тебе ничего не сделают и еще помогать станут, когда придешь к тому замку, в котором та принцесса лежит в глубоком сне; ты смотри — не разбуди ее, а вот захвати с собою двоих великанов да и вели им отнести ее на кровати на корабль».

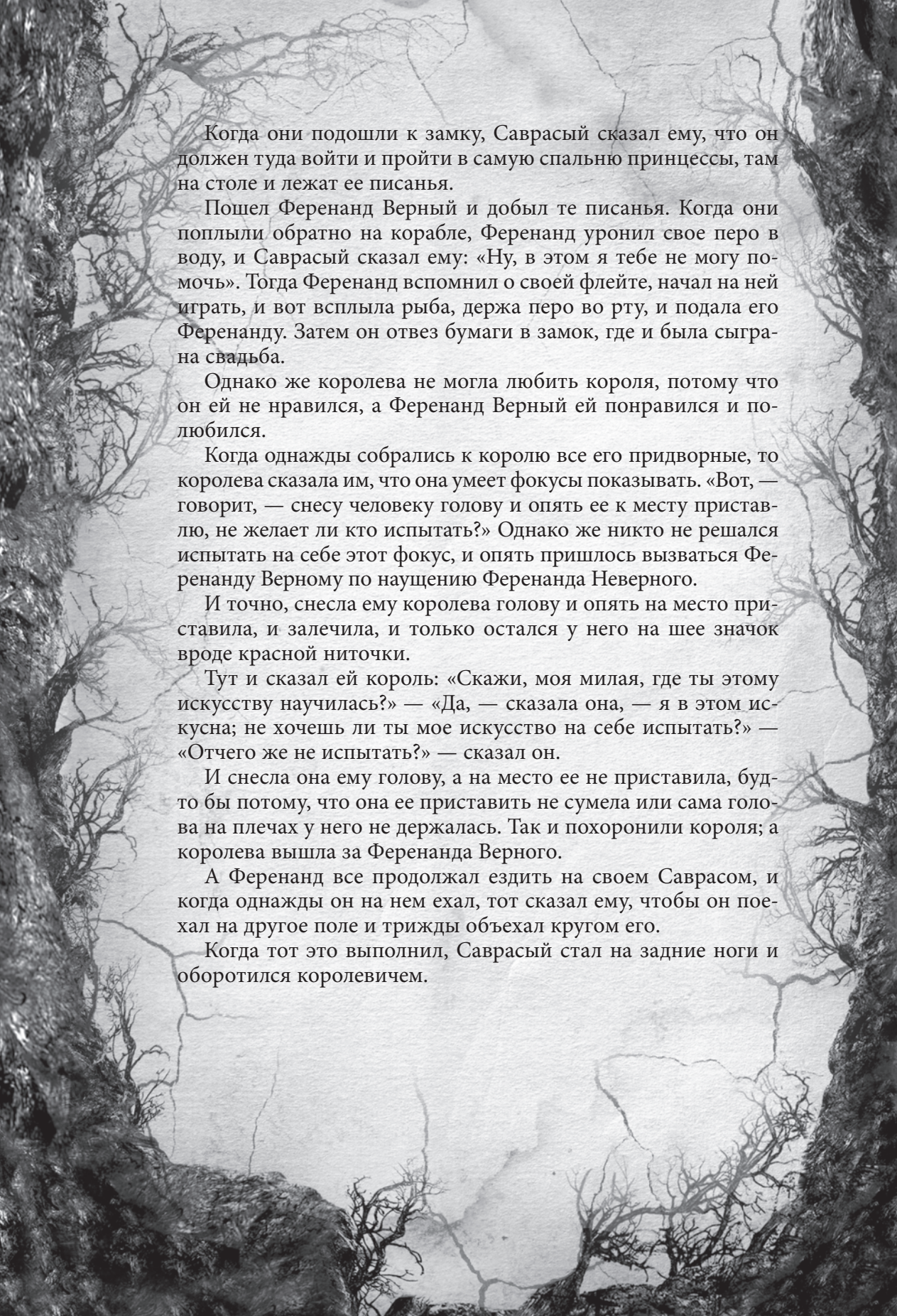
И все именно так случилось, как Саврасый сказал.

И великанам, и птицам Ференанд Верный отдал то, что привез для них: и великаны были очень довольны, и снесли принцессу на кровати на корабль.

И когда она прибыла к королю, то сказала, что не может остаться, если не будут ей доставлены ее писанья, которые она забыла в замке.

Тогда был позван Ференанд Верный по наущению Ференанда Неверного, и король велел ему принести те писанья из замка, а если не принесет, то будет казнен.

Вот и пошел он снова в конюшню и начал жаловаться, говоря: «О, милый мой Саврасый, опять меня посылают, как мне быть?» Тогда сказал Саврасый, что по-прежнему корабль придется нагрузить полным грузом. И поехал он снова, как и в прошлый раз, и великанов, и птиц насытил мясом и хлебом и тем смирил их.

Когда они подошли к замку, Саврасый сказал ему, что он должен туда войти и пройти в самую спальню принцессы, там на столе и лежат ее писанья.

Пошел Ференанд Верный и добыл те писанья. Когда они поплыли обратно на корабле, Ференанд уронил свое перо в воду, и Саврасый сказал ему: «Ну, в этом я тебе не могу помочь». Тогда Ференанд вспомнил о своей флейте, начал на ней играть, и вот всплыла рыба, держа перо во рту, и подала его Ференанду. Затем он отвез бумаги в замок, где и была сыграна свадьба.

Однако же королева не могла любить короля, потому что он ей не нравился, а Ференанд Верный ей понравился и полюбился.

Когда однажды собрались к королю все его придворные, то королева сказала им, что она умеет фокусы показывать. «Вот, — говорит, — снесу человеку голову и опять ее к месту приставлю, не желает ли кто испытать?» Однако же никто не решался испытать на себе этот фокус, и опять пришлось вызваться Ференанду Верному по наущению Ференанда Неверного.

И точно, снесла ему королева голову и опять на место приставила, и залечила, и только остался у него на шее значок вроде красной ниточки.

Тут и сказал ей король: «Скажи, моя милая, где ты этому искусству научилась?» — «Да, — сказала она, — я в этом искусна; не хочешь ли ты мое искусство на себе испытать?» — «Отчего же не испытать?» — сказал он.

И снесла она ему голову, а на место ее не приставила, будто бы потому, что она ее приставить не сумела или сама голова на плечах у него не держалась. Так и похоронили короля; а королева вышла за Ференанда Верного.

А Ференанд все продолжал ездить на своем Саврасом, и когда однажды он на нем ехал, тот сказал ему, чтобы он поехал на другое поле и трижды объехал кругом его.

Когда тот это выполнил, Саврасый стал на задние ноги и оборотился королевичем.

Ференанд Верный и Ференанд Неверный
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Когда они были наполнены,
Саврасый сказал Ференанду Верному:
“Ну, теперь садись на меня и бери меня с собою на корабль”...»*

Железная печь

Давным-давно, когда еще колдовство удавалось, один королевич был заколдован ведьмою и засажен ею среди леса в большую железную печь. Много лет кряду провел он там, и никто не мог его избавить.

Однажды зашла в лес королевна: она заблудилась в лесу и никак не могла выйти на дорогу, которая вела в королевство ее отца...

Девять дней бродила она по лесу и, наконец, опустилась перед железной печкой. Тогда раздался голос из печки: «Откуда ты пришла и куда идешь?» — «Я потеряла дорогу в королевство моего отца и не могу домой попасть».

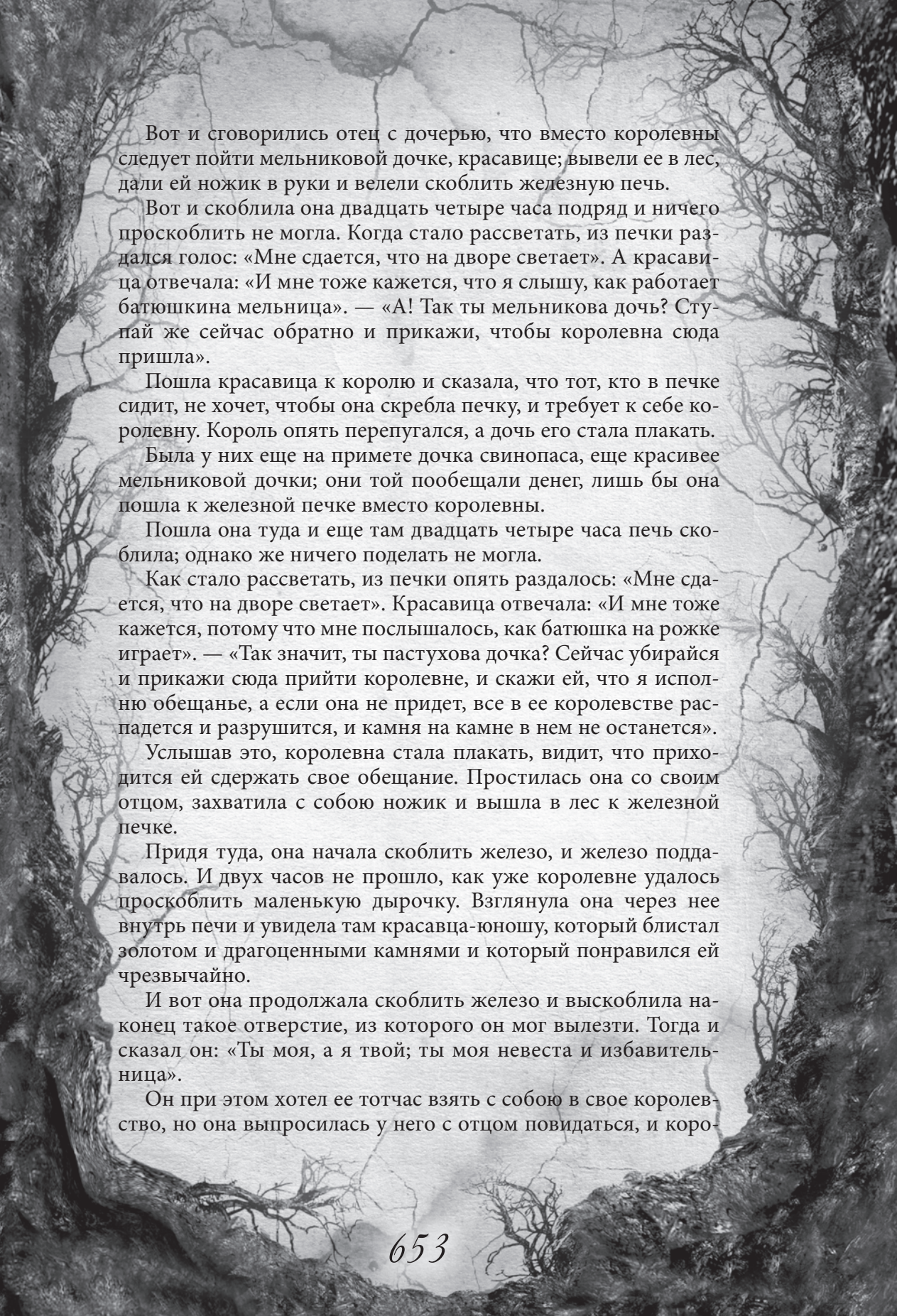
Тогда опять раздался голос из печки: «Я твоему горю помогу немедленно, если ты дашь мне расписку, что исполнишь мое желание. Я королевич, постарше тебя, королевны, и хочу на тебе жениться».

Королевна испугалась и подумала: «Боже ты мой, да что же я с железной печкой делать стану?» Однако ж, так как ей очень хотелось вернуться к отцу, она подписала, что исполнит его желание. А он сказал ей: «Ты должна вернуться, принести с собою ножик и проскоблить дыру в железе».

Затем он дал ей провожатого, который шел с нею рядом и ничего не говорил, однако же в два часа доставил ее домой.

Все в замке обрадовались ее возвращению, а старый король бросился к дочери на шею и расцеловал ее. Но она была очень опечалена и сказала: «Милый батюшка! Кабы ты знал, что со мною случилось! Не бывать бы мне дома, не выйти бы мне из дремучего леса, кабы не пришла я в лесу к железной печи; той и должна я была выдать расписку, что вернусь к ней, ее от чего-то избавлю и за нее же замуж выйду».

Тут старый король так перепугался, что чуть в обморок не упал: дочь-то у него была единственная!

Вот и сговорились отец с дочерью, что вместо королевны следует пойти мельниковой дочке, красавице; вывели ее в лес, дали ей ножик в руки и велели скоблить железную печь.

Вот и скоблила она двадцать четыре часа подряд и ничего проскоблить не могла. Когда стало рассветать, из печи раздался голос: «Мне сдается, что на дворе светает». А красавица отвечала: «И мне тоже кажется, что я слышу, как работает батюшкина мельница». — «А! Так ты мельникова дочь? Ступай же сейчас обратно и прикажи, чтобы королевна сюда пришла».

Пошла красавица к королю и сказала, что тот, кто в печке сидит, не хочет, чтобы она скребла печку, и требует к себе королевну. Король опять перепугался, а дочь его стала плакать.

Была у них еще на примете дочка свинопаса, еще красивее мельниковой дочки; они той пообещали денег, лишь бы она пошла к железной печке вместо королевны.

Пошла она туда и еще там двадцать четыре часа печь скоблила; однако же ничего поделать не могла.

Как стало рассветать, из печи опять раздалось: «Мне сдается, что на дворе светает». Красавица отвечала: «И мне тоже кажется, потому что мне слышалось, как батюшка на рожке играет». — «Так значит, ты пастухова дочка? Сейчас убирайся и прикажи сюда прийти королевне, и скажи ей, что я исполню обещанье, а если она не придет, все в ее королевстве упадет и разрушится, и камня на камне в нем не останется».

Услышав это, королевна стала плакать, видит, что придется ей сдержать свое обещание. Простилась она со своим отцом, захватила с собою ножик и вышла в лес к железной печке.

Придя туда, она начала скоблить железо, и железо поддавалось. И двух часов не прошло, как уже королевне удалось проскоблить маленькую дырочку. Взглянула она через нее внутрь печи и увидела там красавца-юношу, который блистал золотом и драгоценными камнями и который понравился ей чрезвычайно.

И вот она продолжала скоблить железо и выскоблила наконец такое отверстие, из которого он мог вылезти. Тогда и сказал он: «Ты моя, а я твой; ты моя невеста и избавительница».

Он при этом хотел ее тотчас взять с собою в свое королевство, но она выпросилась у него с отцом повидаться, и коро-

левич ей это позволил — с тем чтобы она с отцом своим сказала не больше трех слов, а потом опять вернулась бы.

Пошла она домой, но сказала более трех слов, и железная печь вдруг исчезла и унеслась далеко-далеко — за стеклянные горы, за острые мечи; однако же королевич-то был свободен и не был уже заключен внутри ее.

Затем королева простилась с отцом своим, взяла у него денег на дорогу, но немного, опять пошла в большой лес и стала искать железную печь, но сыскать ее не могла. Искала она ее девять дней кряду и так, наконец, проголодалась, что не знала, что ей делать, потому что у ней ничего с собою не было.

Когда за вечерело, она взобралась на небольшое дерево и думала там провести ночь, чтобы укрыться от диких зверей.

Когда наступила полночь, она увидела вдали небольшой огонек и подумала: «Ах, там бы я могла провести ночь спокойно», — и слезла с дерева, и пошла на огонек, по пути творя молитву.

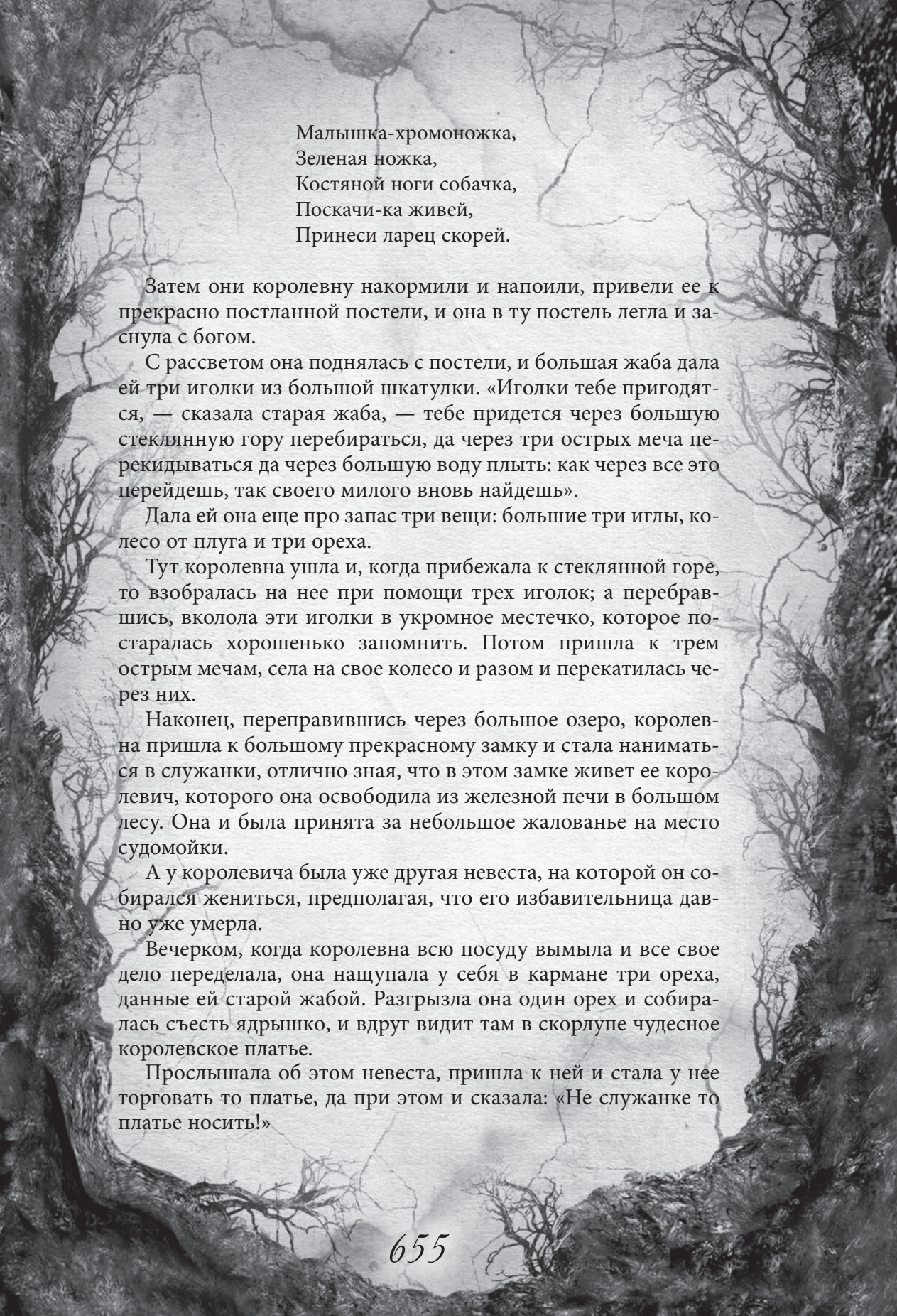
И вот подошла она к маленькому старенькому домику, около которого росло много травы, а перед домиком лежала небольшая кучка дров. И подумала королева: «Куда это я зашла?» Заглянула она в окошко и ничего не увидела внутри домика, кроме больших и маленьких жаб, а также и стол, прекрасно накрытый; и вина, и жаркое на столе стояли, и тарелки, и бокалы все были серебряные.

Собралась королева с духом и постучалась. Тотчас большая жаба послала маленькую отпереть дверь королеве:

Малышка-хромоножка,
Зеленая ножка,
Костяной ноги собачка,
Погляди поскорей,
Кто стучится у дверей.

Когда она вошла, все жабы ее поприветствовали и усадили. Спросили, откуда она и куда идет. Тогда она все рассказала им, что с ней случилось и как из-за того, что она нарушила запрет и сказала более трех слов, печка от нее скрылась вместе с королевичем, и вот теперь она решилась искать его и бродить по горам и долам, пока не найдет.

Тогда приказала старая толстая жаба маленькой жабе, чтобы та принесла ей шкатулку:

Малышка-хромоножка,
Зеленая ножка,
Костяной ноги собачка,
Поскачи-ка живей,
Принеси ларец скорей.

Затем они королевну накормили и напоили, привели ее к прекрасно постланной постели, и она в ту постель легла и заснула с богом.

С рассветом она поднялась с постели, и большая жаба дала ей три иголки из большой шкатулки. «Иголки тебе пригодятся, — сказала старая жаба, — тебе придется через большую стеклянную гору перебираться, да через три острых меча перекидываться да через большую воду плыть: как через все это перейдешь, так своего милого вновь найдешь».

Дала ей она еще про запас три вещи: большие три иглы, колесо от плуга и три ореха.

Тут королевна ушла и, когда прибежала к стеклянной горе, то взобралась на нее при помощи трех иголок; а перебравшись, вколола эти иголки в укромное местечко, которое постаралась хорошенько запомнить. Потом пришла к трем острым мечам, села на свое колесо и разом и перекатилась через них.

Наконец, переправившись через большое озеро, королевна пришла к большому прекрасному замку и стала наниматься в служанки, отлично зная, что в этом замке живет ее королевич, которого она освободила из железной печи в большом лесу. Она и была принята за небольшое жалованье на место судомойки.

А у королевича была уже другая невеста, на которой он собирался жениться, предполагая, что его избавительница давно уже умерла.

Вечером, когда королевна всю посуду вымыла и все свое дело переделала, она нащупала у себя в кармане три ореха, данные ей старой жабой. Разгрызла она один орех и собиралась съесть ядрышко, и вдруг видит там в скорлупе чудесное королевское платье.

Прослышала об этом невеста, пришла к ней и стала у нее торговать то платье, да при этом и сказала: «Не служанке то платье носить!»

Но королева отвечала, что не желает платье продавать, а даром отдаст ей, коли она дозволит ей одну ночь провести в опочивальне ее жениха. Невеста ей это дозволила, потому что у нее на платье глаза разбежались, у нее ни одного такого платья не было.

Когда наступил вечер, она сказала своему жениху: «Эта глупая девка хочет сегодня в твоей опочивальне ночь провести». — «Коли ты против этого ничего не имеешь, так и я тоже!» — сказал он.

Однако же она поднесла ему стакан вина с сонным зельем, и он заснул так крепко, что королева не могла его разбудить. Проплакала она всю ночь и все приговаривала: «Я тебя в дремучем лесу из железной печи освободила, по всему свету тебя искала, через стеклянную гору перебиралась, через три острых меча перекатилась, через воду переправилась, прежде чем тебя доискала, а ты меня и слушать не хочешь».

Слуги, сидевшие у дверей опочивальни, слышали, как она всю ночь плакала и причитала, и наутро сказали об этом своему господину.

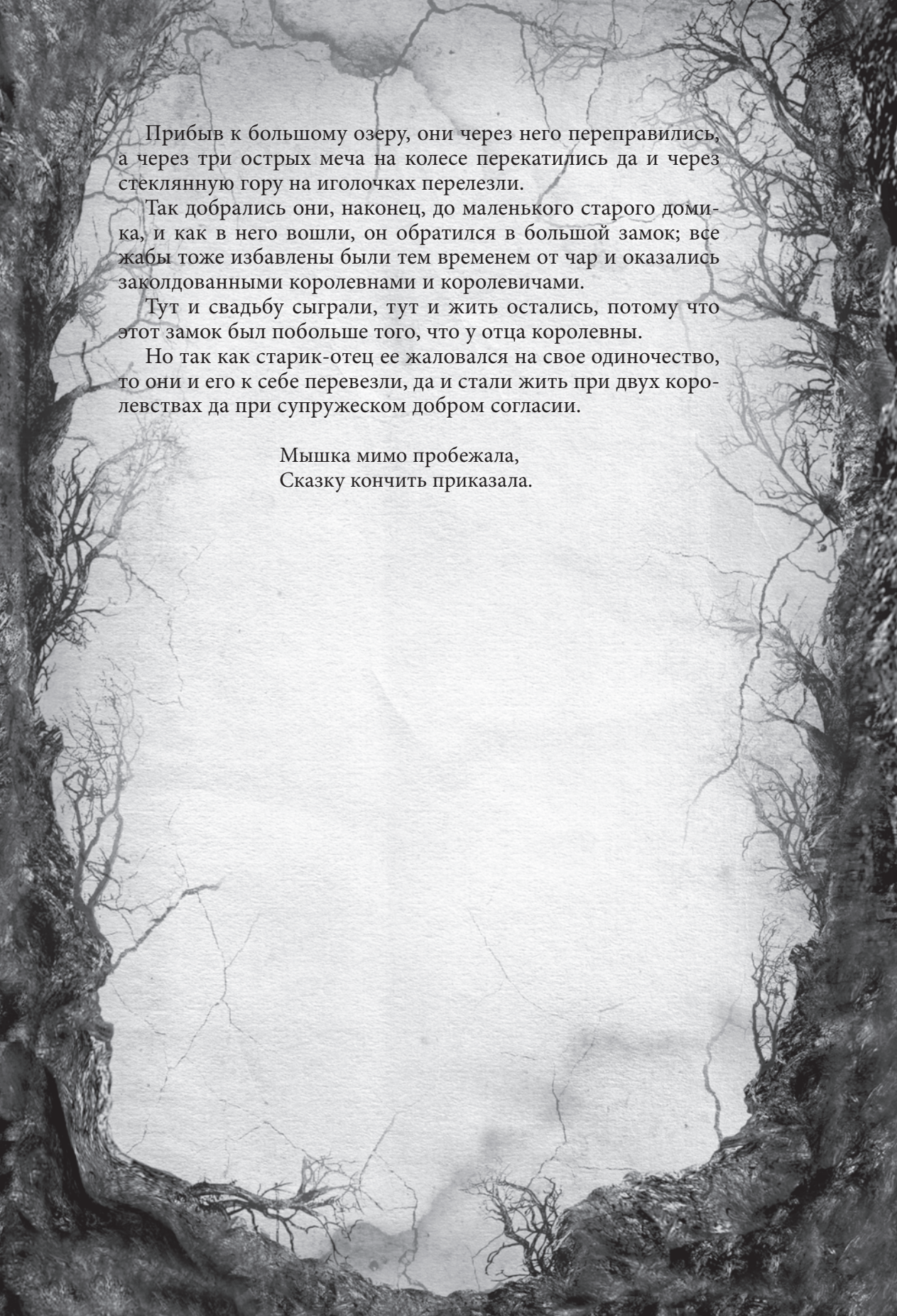
На другой день, убравши посуду, королева разгрызла второй орех, а там — платье лучше первого; как увидела его невеста, так захотела и это купить. Но денег королева за это платье не брала, а выпросила себе позволение еще одну ночь провести в опочивальне жениха.

Невеста, однако ж, опять дала жениху сонного питья, и тот опять так крепко спал, что его добудиться было невозможно. Напрасно королева всю ночь плакала и причитала — он ничего не слышал; слышали только слуги, которые ему о том на другое утро и рассказали.

Когда она на третий день разгрызла третий орех, то отыскала в нем платье, еще прекраснее двух первых, оно так и горело золотом. И это платье невеста пожелала, и королева его уступила ей за разрешение провести еще и третью ночь в опочивальне жениха.

Но на этот раз королевич остерегся от сонного питья и пролил его мимо рта. И чуть только она начала плакать и причитать: «Дорогое мое сокровище! Не я ли тебя избавила в дремучем лесу да из железной печи?» — королевич вскочил с постели и сказал: «Ты моя настоящая невеста! Ты моя, а я твой!»

Затем он ночью же уехал с королевной в карете, и у фальшивой невесты увезли все платья, так что она и с постели подняться не могла.

Прибыв к большому озеру, они через него переправились, а через три острых меча на колесе перекатились да и через стеклянную гору на иголочках перелезли.

Так добрались они, наконец, до маленького старого домика, и как в него вошли, он обратился в большой замок; все жабы тоже избавлены были тем временем от чар и оказались заколдованными королевнами и королевичами.

Тут и свадьбу сыграли, тут и жить остались, потому что этот замок был побольше того, что у отца королевны.

Но так как старик-отец ее жаловался на свое одиночество, то они и его к себе перевезли, да и стали жить при двух королевствах да при супружеском добром согласии.

Мышка мимо пробежала,
Сказку кончить приказала.

Ленивая пряжа

Много лет назад в одной деревне жили да были муж с женой, и жена была так ленива, что ничего работать не хотела; что муж давал ей прясть, того она, бывало, никогда не выпрядет, а что и выпрядет, то не смотает, а так на гребне и оставит.

Если, бывало, начнет ее муж бранить, она в карман за словом не полезет, а тоже кричит на него: «Да как я тебе пряжу смотаю, когда у меня и мотовила-то нет! Прежде в лес сходи да мотовило мне выруби». — «Коли на то пошло, так я же съезжу в лес и дерево на мотовило тебе из лесу вывезу».

Вот жена-то и перепугалась: как вывезет муж из леса дерево на мотовило да мотовило из него сделает, так придется ей всю пряжу смотать и опять прясть начать. Подумала она, подумала, и пришла ей в голову хорошая мысль. Она потихоньку побежала в лес за мужем, и когда он влез на дерево, чтобы выбрать себе сук попригоднее, жена пробралась под то дерево, засела в кустах, так что он ее видеть не мог, и крикнула мужу:

Мотовило вырубишь — умрешь,
А мотать им станешь — пропадешь.

Муж прислушался, отложил топор в сторону и стал обдумывать, что бы это могло значить. «Ну, что за вздор? — проговорил он наконец. — Что там такое? Просто что-то послышалось, чего еще тут пугаться!»

Схватил топор снова и собирался рубить, и опять то же раздалось под деревом:

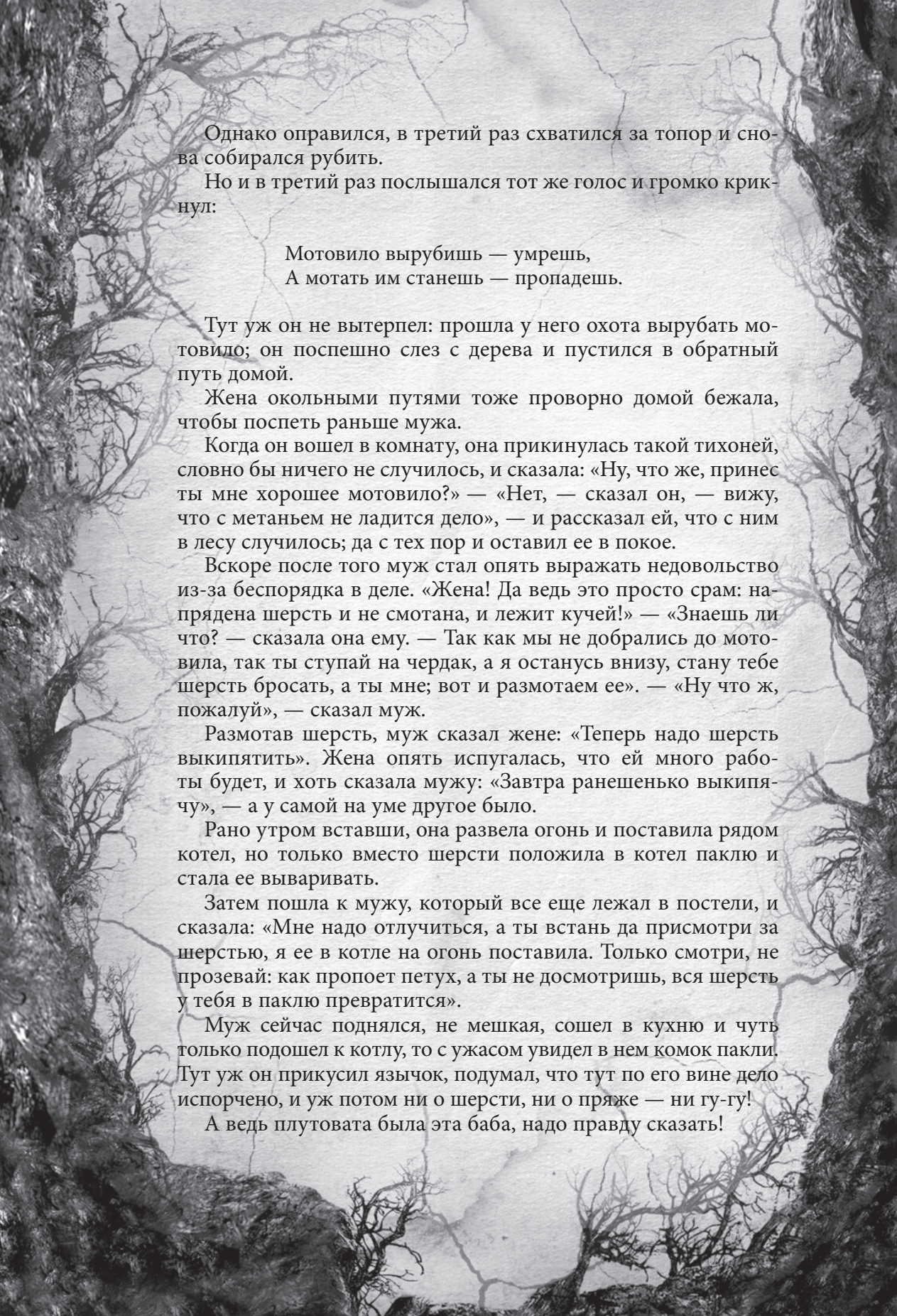
Мотовило вырубишь — умрешь,
А мотать им станешь — пропадешь.

Он опять приостановился; стал его страх пробирать, и стал он опять об этом странном случае думать.

*«...Мотовило
вытудись – упрешь,
А мотать
или станешь –
припадешь...»*

«Ленивая пряжа».
Художник – Герман Фогель. 1894 г.

Однако оправился, в третий раз схватился за топор и снова собирался рубить.

Но и в третий раз слышался тот же голос и громко крикнул:

Мотовило вырубил — умрешь,
А мотать им станешь — пропадешь.

Тут уж он не вытерпел: прошла у него охота вырубать мотовило; он поспешно слез с дерева и пустился в обратный путь домой.

Жена окольными путями тоже проворно домой бежала, чтобы поспеть раньше мужа.

Когда он вошел в комнату, она прикинулась такой тихоней, словно бы ничего не случилось, и сказала: «Ну, что же, принес ты мне хорошее мотовило?» — «Нет, — сказал он, — вижу, что с метаньем не ладится дело», — и рассказал ей, что с ним в лесу случилось; да с тех пор и оставил ее в покое.

Вскоре после того муж стал опять выражать недовольство из-за беспорядка в деле. «Жена! Да ведь это просто срам: напрядена шерсть и не смотана, и лежит кучей!» — «Знаешь ли что? — сказала она ему. — Так как мы не добрались до мотовила, так ты ступай на чердак, а я останусь внизу, стану тебе шерсть бросать, а ты мне; вот и разматываем ее». — «Ну что ж, пожалуй», — сказал муж.

Размотав шерсть, муж сказал жене: «Теперь надо шерсть выкипятить». Жена опять испугалась, что ей много работы будет, и хоть сказала мужу: «Завтра ранешенько выкипачу», — а у самой на уме другое было.

Рано утром вставши, она развела огонь и поставила рядом котел, но только вместо шерсти положила в котел паклю и стала ее вываривать.

Затем пошла к мужу, который все еще лежал в постели, и сказала: «Мне надо отлучиться, а ты встань да присмотри за шерстью, я ее в котле на огонь поставила. Только смотри, не прозевай: как пропоет петух, а ты не досмотришь, вся шерсть у тебя в паклю превратится».

Муж сейчас поднялся, не мешкая, сошел в кухню и чуть только подошел к котлу, то с ужасом увидел в нем комок пакли. Тут уж он прикусил язычок, подумал, что тут по его вине дело испорчено, и уж потом ни о шерсти, ни о пряже — ни гу-гу!

А ведь плутовата была эта баба, надо правду сказать!

Четверо искусных братьев

Жил-был на свете бедняк, и было у него четверо сыновей. Когда они подросли, он и сказал им: «Детки мои, вам пора идти повидать света белого; у меня нет ничего, что бы я мог вам дать; собирайтесь в путь, ступайте на чужбину, выучитесь ремеслу и сами себе пробивайте дорогу».

Тогда собрались дети в путь, простились с отцом и все вместе вышли из ворот.

Пространствовав некоторое время, пришли они к перекрестку, от которого путь лежал в четыре разные стороны.

Тут старший сказал: «Здесь мы должны расстаться; но в этот же день через четыре года мы должны сойтись на этом самом месте и тогда попытаем своего счастья».

Вот и пошел каждый своей дорогой.

Старшему из братьев встретился человек, который спросил его, куда он идет и что намерен в жизни делать. «Хочу ремеслу учиться», — отвечал юноша.

Тогда встречный человек сказал ему: «Ступай со мною и будь вором». — «Нет, — отвечал юноша, — это ремесло не честное, и часто за него приходится расплачиваться двумя столбами с перекладиною». — «О! — сказал незнакомец. — Виселицы тебе нечего бояться: я хочу только научить тебя искусству доставать то, чего никто другой не достанет, да еще уменью свой след хоронить».

Тогда юноша дал себя уговорить, стал у этого учителя ученым вором, да таким искусным, что чуть только он чего-нибудь захочет, то уж никак от него не ухоронишь.

Второй брат тоже повстречал человека, который спросил его: «Чему ты хочешь научиться?»

Тот отвечал: «А и сам не знаю». — «Ну, так пойдем со мною и будь астрономом; лучше этой науки ничего на свете нет, потому что для тебя ничто не остается скрытым».

Юноше это пришлось по нутру; он вскоре стал таким искусным астрономом, что его учитель по окончании учения подарил ему в награду подзорную трубу и сказал: «В эту трубу ты можешь видеть все, что на небе и на земле творится, и ничто не может укрыться от твоего взгляда».

Третьего брата взял к себе в ученье егерь и научил его всему егерскому делу настолько, что он стал отличным егерем.

При расставании егерь-учитель подарил своему ученику ружье и сказал: «Оно никогда не дает промаха; во что нацелишься, в то и попадешь наверняка».

Меньшой брат тоже повстречал человека, который с ним заговорил и спросил о его намеренье. «Не хочешь ли быть портным?» — спросил он у юноши.

«Не дай бог! — отвечал тот. — Корпеть целый день над шитьем да над утюгом! Это мне и в голову не приходит». — «Э-э! — сказал юноше незнакомец. — Ты говоришь о том, чего и сам не знаешь: у меня ты научишься совсем иному портняжеству — это и приличное, и даже очень почетное ремесло».

Юноша дал себя уговорить, пошел за этим незнакомцем и основательно изучил его искусство.

При прощании по окончании учения портной дал ему иглу и сказал: «Этой иглой ты все можешь сшить, будь оно мягко, как яйцо, или твердо, как сталь; и как сошьешь, так словно сольешь, даже и шва не сыскать будет».

По прошествии условленных четырех лет сошлись братья на перекрестке, целовались и миловались и затем вернулись к отцу в дом. «Ну, — сказал отец, очень обрадованный их возвращением, — вот и опять занесли вас ко мне буйные ветры».

Тут они и рассказали ему, как им жилось на чужбине и что каждый из них своему ремеслу обучен.

Сели они перед домом отца под большое дерево, и отец сказал им: «Я вас теперь испытаю и посмотрю, что каждый из вас может сделать». Затем глянул наверх, да и говорит второму сыну: «Вон на вершине дерева между двух веток гнездо зяблика — скажи-ка, сколько в нем положено яиц?»

Астроном взял свою подзорную трубу, посмотрел наверх и отвечал тотчас: «Пять яиц».

Тогда отец обратился к старшему: «Снеси-ка мне сюда эти яйца, не потревожив птицы, которая на них сидит».

Искусный вор быстро залез на вершину дерева, вынул из-под птицы в гнезде все пять яиц, да так ловко, что она этого и не заметила, и принес их отцу.

Отец взял яйца в руки, положил по яйцу на каждый угол стола, а одно посередине и сказал третьему сыну: «Ты должен одним выстрелом разбить все эти яйца пополам».

Егерь прицелился из подаренного учителем ружья и исполнил то, что ему отец приказывал.

«Ну, теперь за тобою очередь, — сказал отец, обращаясь к четвертому сыну, — сшей мне все эти яйца, половинку с половинкой, да и всех птенцов так же, чтобы им от выстрела никакого вреда не приключилось».

Портной вынул свою иглу, которую подарил ему его учитель, и исполнил желание отца.

Когда это было сделано, вору пришлось опять взять яйца на вершину дерева и подложить их в гнездо под птицу так, чтобы она этого не заметила.

Птичка те яйца высидела, и дня через два из яичек вылупились птенчики.

И только на том месте, где портной их сшил, у них на шее оказалась красная полоска.

«Да! — сказал отец сыновьям. — Не могу не похвалить вас! Вижу, что вы времени не теряли и многому хорошему научились: не могу даже и сказать, кому из вас следует отдать предпочтение. Вот, может быть, скоро представится вам случай выказать свое искусство — тогда дело само собою выяснится».

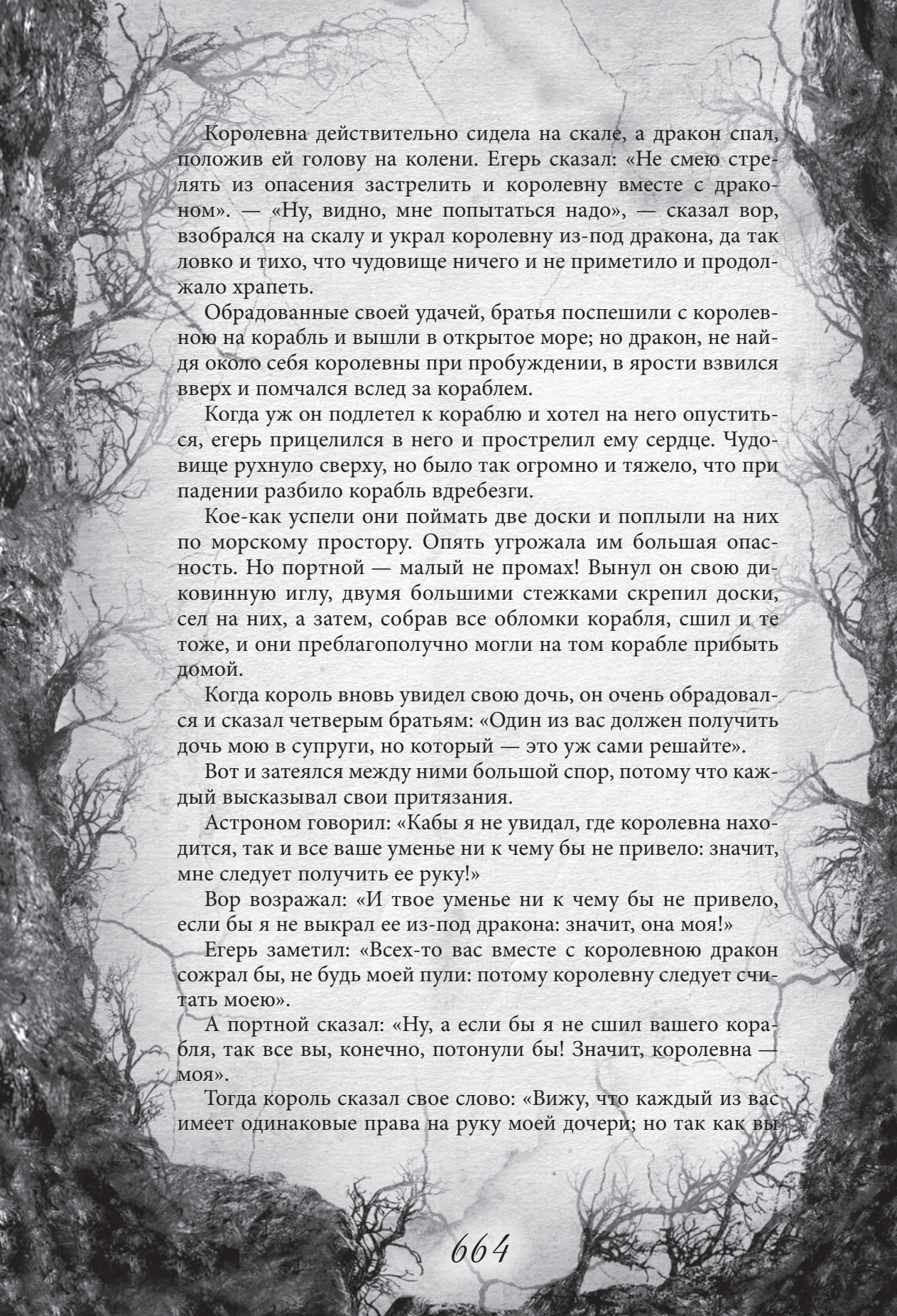
И действительно, вскоре после того прошел по всей стране слух, что королевна унесена драконом.

Король день и ночь был в тревоге о дочери и приказал объявить, что тот, кто вернет дочь отцу, получит ее руку.

Четверо братьев и стали говорить между собою: «Вот удобный случай для нас показать себя», — и собрались идти все вместе освобождать королевну.

«Я сейчас узнаю, где она находится, — сказал астроном, посмотрел в свою трубу и сказал: — Вон, вижу ее — там, далеко, сидит в море на скале, и дракон стережет ее».

Вот и пошел он к королю, выпросил у него корабль для себя и для братьев и поехал с ними за море к той самой скале, которую увидел в подзорную трубу.

Королевна действительно сидела на скале, а дракон спал, положив ей голову на колени. Егерь сказал: «Не смею стрелять из опасения застрелить и королевну вместе с драконом». — «Ну, видно, мне попытаться надо», — сказал вор, взобрался на скалу и украл королевну из-под дракона, да так ловко и тихо, что чудовище ничего и не заметило и продолжало храпеть.

Обрадованные своей удачей, братья поспешили с королевною на корабль и вышли в открытое море; но дракон, не найдя около себя королевны при пробуждении, в ярости взвился вверх и помчался вслед за кораблем.

Когда уж он подлетел к кораблю и хотел на него опуститься, егерь прицелился в него и прострелил ему сердце. Чудовище рухнуло сверху, но было так огромно и тяжело, что при падении разбило корабль вдребезги.

Кое-как успели они поймать две доски и поплыли на них по морскому простору. Опять угрожала им большая опасность. Но портной — малый не промах! Вынул он свою диковинную иглу, двумя большими стежками скрепил доски, сел на них, а затем, собрав все обломки корабля, сшил и те тоже, и они благополучно могли на том корабле прибыть домой.

Когда король вновь увидел свою дочь, он очень обрадовался и сказал четверым братьям: «Один из вас должен получить дочь мою в супруги, но который — это уж сами решайте».

Вот и затеялся между ними большой спор, потому что каждый высказывал свои притязания.

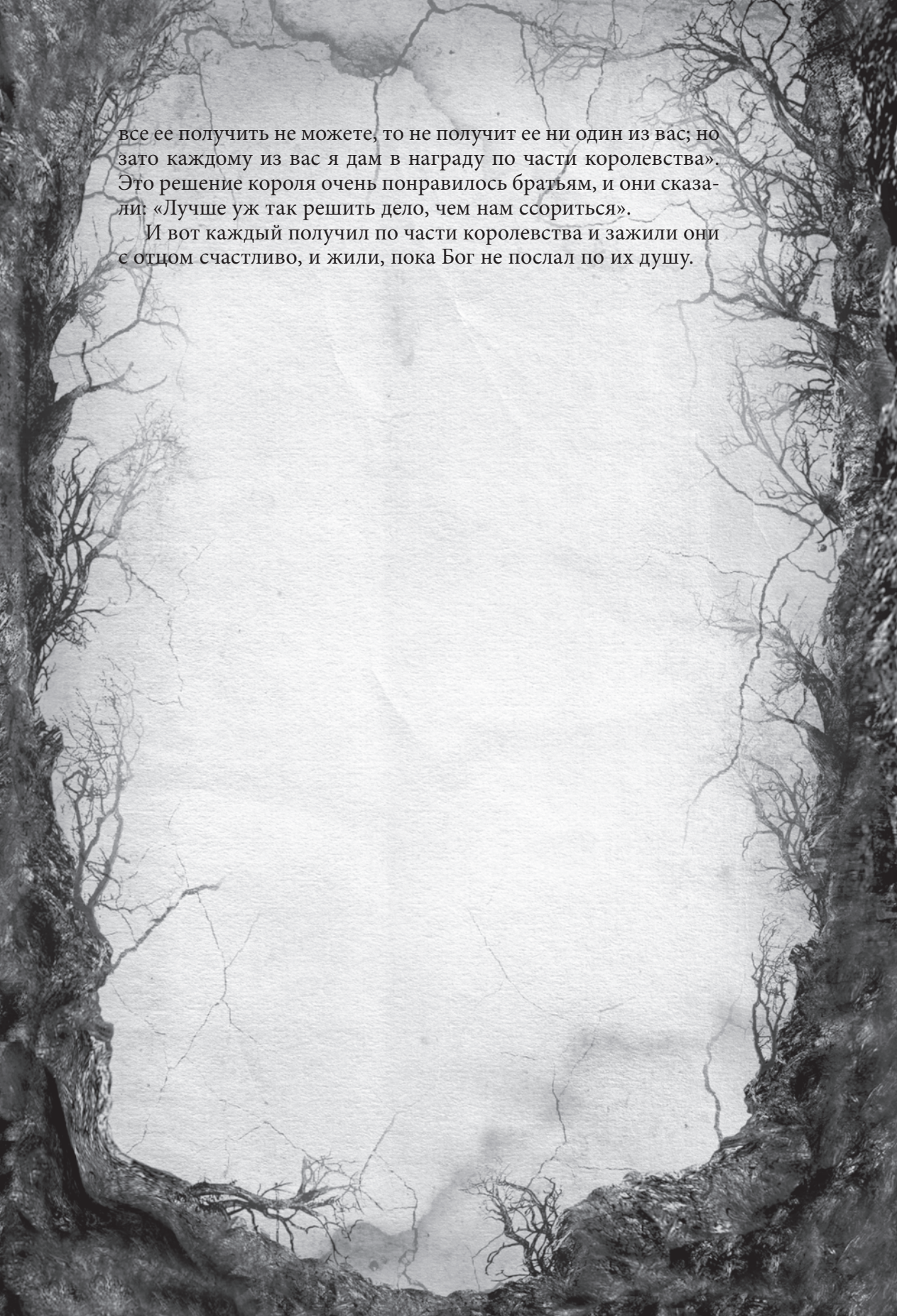
Астроном говорил: «Кабы я не увидел, где королевна находится, так и все ваше умение ни к чему бы не привело: значит, мне следует получить ее руку!»

Вор возражал: «И твое умение ни к чему бы не привело, если бы я не выкрал ее из-под дракона: значит, она моя!»

Егерь заметил: «Всех-то вас вместе с королевною дракон сожрал бы, не будь моей пули: потому королевну следует считать моею».

А портной сказал: «Ну, а если бы я не сшил вашего корабля, так все вы, конечно, потонули бы! Значит, королевна — моя».

Тогда король сказал свое слово: «Вижу, что каждый из вас имеет одинаковые права на руку моей дочери; но так как вы

все ее получить не можете, то не получит ее ни один из вас; но зато каждому из вас я дам в награду по части королевства». Это решение короля очень понравилось братьям, и они сказали: «Лучше уж так решить дело, чем нам ссориться».

И вот каждый получил по части королевства и зажили они с отцом счастливо, и жили, пока Бог не послал по их душу.

Одноглазка, двуглазка и трехглазка

Жила на свете женщина, у которой были три дочери. Старшая из них называлась Одноглазка, потому что у нее был всего один глаз на середине лба. Средняя называлась Двуглазка, потому что у нее, как у всех людей, было два глаза. А младшая называлась Трехглазка, потому что у нее сверх двух глаз во лбу был третий.

Двуглазку за то, что она походила на всех людей, ее сестры и мать ненавидели.

Они говорили ей с презрением: «Ты со своими двумя глазами нимало не отличаешься от всех остальных людей, ты нам не пара».

Они толкали ее то туда, то сюда, давали ей носить только самые дурные платья, кормили ее только своими объедками и причиняли ей всякое горе, какое могли.

Случилось однажды, что Двуглазке приходилось идти в поле козу пасти, а она была очень голодна, потому что сестры очень мало дали ей поесть.

И вот села она в поле на полосу и стала плакать, да так плакать, что из глаз ее ручьями слезы бежали. И когда она в таком горе своем глянула вверх, то увидела: стоит около нее какая-то женщина и спрашивает: «Чего ты, Двуглазка, плачешь?»

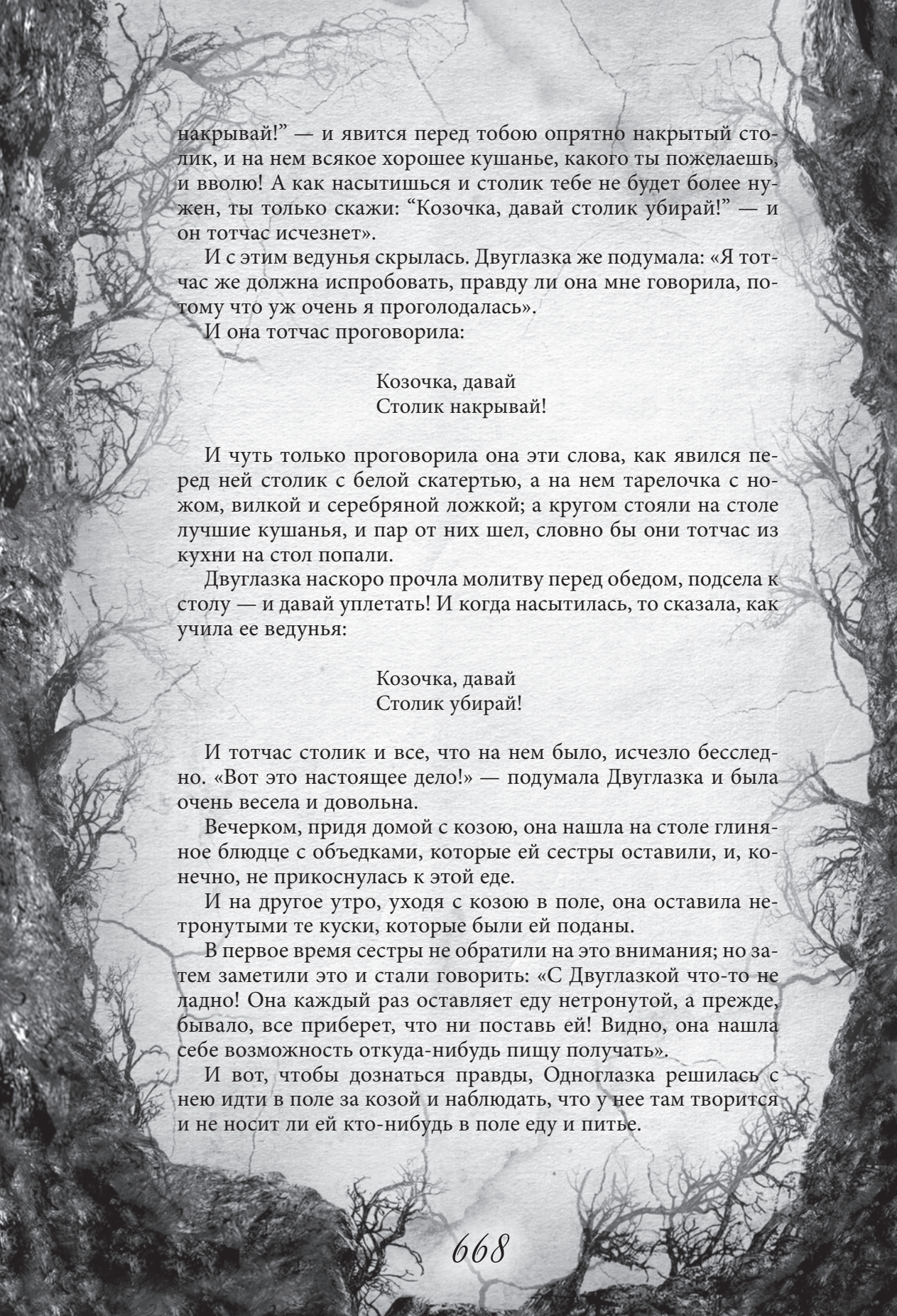
Отвечала ей бедняжка: «Как мне не плакать? Из-за того, что у меня два глаза, как у других людей, мать и сестры меня ненавидят, толкают меня из угла в угол, дают носить только старое, а есть — одни объедки! Сегодня же так мало дали мне поесть, что я совсем голодна».

Вот и сказала ей ведунья: «Двуглазочка, утри слезы! Скажу я тебе такое, что ты больше голодать не станешь. Стоит тебе только крикнуть своей козочке: “Козочка, давай столик»

*«...Случилось однажды,
что Двуглазке пришлось
идти в поле козу пасти,
а она была очень голодна,
потому что сестры очень
мало дали ей поесть...»*

«Одноглазка, двуглазка и трехглазка».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

накрывай!” — и явится перед тобою опрятно накрытый столик, и на нем всякое хорошее кушанье, какого ты пожелаешь, и вволю! А как насытишься и столик тебе не будет более нужен, ты только скажи: “Козочка, давай столик убери!” — и он тотчас исчезнет».

И с этим ведунья скрылась. Двуглазка же подумала: «Я тотчас же должна испробовать, правду ли она мне говорила, потому что уж очень я проголодалась».

И она тотчас проговорила:

Козочка, давай
Столик накрывай!

И чуть только проговорила она эти слова, как явился перед ней столик с белой скатертью, а на нем тарелочка с ножом, вилкой и серебряной ложкой; а кругом стояли на столе лучшие кушанья, и пар от них шел, словно бы они тотчас из кухни на стол попали.

Двуглазка наскоро прочла молитву перед обедом, под села к столу — и давай уплетать! И когда насытилась, то сказала, как учила ее ведунья:

Козочка, давай
Столик убери!

И тотчас столик и все, что на нем было, исчезло бесследно. «Вот это настоящее дело!» — подумала Двуглазка и была очень весела и довольна.

Вечерком, придя домой с козой, она нашла на столе глиняное блюдо с объедками, которые ей сестры оставили, и, конечно, не прикоснулась к этой еде.

И на другое утро, уходя с козой в поле, она оставила нетронутыми те куски, которые были ей поданы.

В первое время сестры не обратили на это внимания; но затем заметили это и стали говорить: «С Двуглазкой что-то не ладно! Она каждый раз оставляет еду нетронутой, а прежде, бывало, все приберет, что ни поставь ей! Видно, она нашла себе возможность откуда-нибудь пищу получать».

И вот, чтобы дознаться правды, Одноглазка решилась с нею идти в поле за козой и наблюдать, что у нее там творится и не носит ли ей кто-нибудь в поле еду и питье.

Когда Двуглазка опять собралась в поле, Одноглазка подошла к ней и сказала: «Я хочу с тобою идти в поле и тоже присмотреть, чтобы коза хорошо паслась и отъедалась».

Но Двуглазка заметила, что у ее сестры на уме, и вогнала козу в высокую траву, а сама и говорит Одноглазке: «Пойдем, сестрица, сядем рядком, я тебе кое-что пропою».

Одноглазка уселась, утомленная непривычной ходьбой и солнечным жаром, а Двуглазка и стала ей напевать все одно и то же:

Одноглазочка, вздремни!
Одноглазочка, усни!

Тогда Одноглазка закрыла свой глаз и уснула; увидев это, Двуглазка сказала:

Козочка, давай
Столик накрывай! —

и уселась за свой столик, и наелась, и напилась досыта, а затем опять сказала:

Козочка, давай
Столик убирай! —

и все мигом исчезло.

Тут Двухлазка разбудила сестру и говорит ей: «Одноглазочка, ты хочешь пасти, а сама и заснула; тем временем коза бог весть куда могла уйти; пойдем-ка домой».

Пошли они домой, а Двуглазка опять-таки своего блюдца не тронула.

Одноглазка же не могла объяснить матери, почему та есть не хочет, и в извинение себе сказала: «Я там в поле приуснула».

На другой день мать сказала Трехглазке: «На этот раз ты ступай и хорошенько высмотри, ест ли Двуглазка в поле и не носит ли ей кто-нибудь со стороны еду и питье. Надо думать, что ест она потихоньку».

Вот Трехглазка и примазалась к Двуглазке, и говорит: «Хочу я с тобою пойти да посмотреть, хорошо ли ты козу пасешь, да даешь ли ты ей отъедаться».

Но та заметила, что у сестры на уме, загнала козу в высокую траву, а ей и говорит: «Мы с тобою там усядемся, и я тебе кое-что пропою». Трехглазка уселась, порядком поуставши от ходьбы и солнечного жара. А Двуглазка опять затянула ту же песню:

Трехглазочка, вздремни!

Да вместо того, чтобы спеть: «Трехглазочка, усни!» — она по рассеянности спела:

Двуглазочка, усни!

Да все так и пела:

Трехглазочка, вздремни!
Двуглазочка, усни.

И точно, от этой песни у Трехглазки два глаза уснули, а третий не уснул.

Хотя она его тоже закрыла, но только из лукавства, прикидываясь спящей; однако же все-таки могла видеть.

А когда Двуглазке показалось, что сестра ее спит, она, как всегда, сказала:

Козочка, давай
Столик накрывай!

Попила и поела она вволю, а затем сказала:

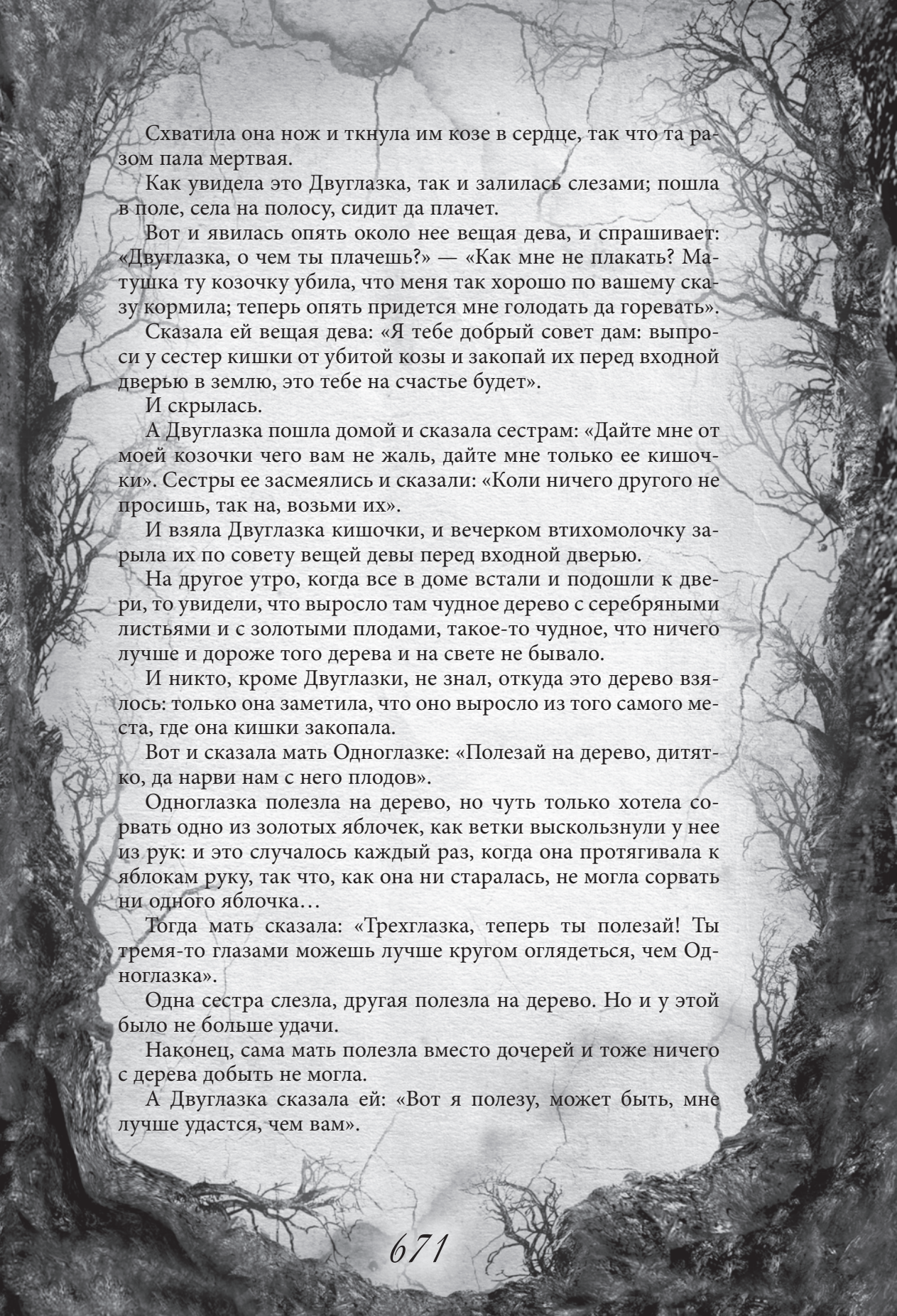
Козочка, давай
Столик убирай!

И Трехглазка все это видела.

Потом пришла к ней Двуглазка и говорит: «Ну, сестрица, выпалась ли? Хорошо же ты коз пасешь! Пойдем-ка домой».

И когда они домой вернулись. Двуглазка опять не ела, а Трехглазка сказала матери: «Знаю я теперь, почему эта гордая девчонка не ест!» — и рассказала матери все, что видела.

Тогда это в матери возбудило зависть и досаду. «Так ты лучше нас есть хочешь! — подумала злая баба. — Постой же, я у тебя отобью охоту!»

Схватила она нож и ткнула им козе в сердце, так что та разом пала мертвая.

Как увидела это Двуглазка, так и залилась слезами; пошла в поле, села на полосу, сидит да плачет.

Вот и явилась опять около нее вещая дева, и спрашивает: «Двуглазка, о чем ты плачешь?» — «Как мне не плакать? Матушка ту козочку убила, что меня так хорошо по вашему сказу кормила; теперь опять придется мне голодать да горевать».

Сказала ей вещая дева: «Я тебе добрый совет дам: выпроси у сестер кишки от убитой козы и закопай их перед входной дверью в землю, это тебе на счастье будет».

И скрылась.

А Двуглазка пошла домой и сказала сестрам: «Дайте мне от моей козочки чего вам не жаль, дайте мне только ее кишочки». Сестры ее засмеялись и сказали: «Коли ничего другого не просишь, так на, возьми их».

И взяла Двуглазка кишочки, и вечером втихомолочку зарыла их по совету вещей девы перед входной дверью.

На другое утро, когда все в доме встали и подошли к двери, то увидели, что выросло там чудное дерево с серебряными листьями и с золотыми плодами, такое-то чудное, что ничего лучше и дороже того дерева и на свете не бывало.

И никто, кроме Двуглазки, не знал, откуда это дерево взялось: только она заметила, что оно выросло из того самого места, где она кишки закопала.

Вот и сказала мать Одноглазке: «Полезай на дерево, дитятко, да нарви нам с него плодов».

Одноглазка полезла на дерево, но чуть только хотела сорвать одно из золотых яблочек, как ветки выскользнули у нее из рук: и это случалось каждый раз, когда она протягивала к яблокам руку, так что, как она ни старалась, не могла сорвать ни одного яблочка...

Тогда мать сказала: «Трехглазка, теперь ты полезай! Ты тремя-то глазами можешь лучше кругом оглядеться, чем Одноглазка».

Одна сестра слезла, другая полезла на дерево. Но и у этой было не больше удачи.

Наконец, сама мать полезла вместо дочерей и тоже ничего с дерева добыть не могла.

А Двуглазка сказала ей: «Вот я полезу, может быть, мне лучше удастся, чем вам».

Сестры закричали: «Где уж тебе, Двуглазка!» Однако же Двуглазка все же влезла на дерево, и золотые яблоки сами ей в руки лезли, так что она их полон фартук нарвала.

Мать взяла у нее эти яблоки, но вместо того, чтобы лучше с нею обходиться, стали ей завидовать, что она одна может срывать яблоки с дерева, и стали еще больше ей досаждать.

Случилось, что однажды они все вместе стояли у дерева, а мимо проезжал молодой рыцарь. «Эй, Двуглазка, — крикнули обе сестры, — полезай, полезай под дерево, чтобы нам за тебя не стыдиться!»

И как можно скорее накрыли они ее пустой бочкой, которая стояла около дерева, да и золотые яблоки, сорванные с дерева, туда же попрятали.

Когда рыцарь поближе подъехал, он оказался красавцем; приостановил коня, полюбовался прекрасным деревом и сказал обеим сестрам: «Кому принадлежит это прекрасное дерево? Тот, кто мне дал бы с него веточку, мог бы от меня потребовать, что его душе угодно».

Одноглазка и Трехглазка отвечали ему, что дерево им принадлежит и что они охотно сломят ему с дерева ветку.

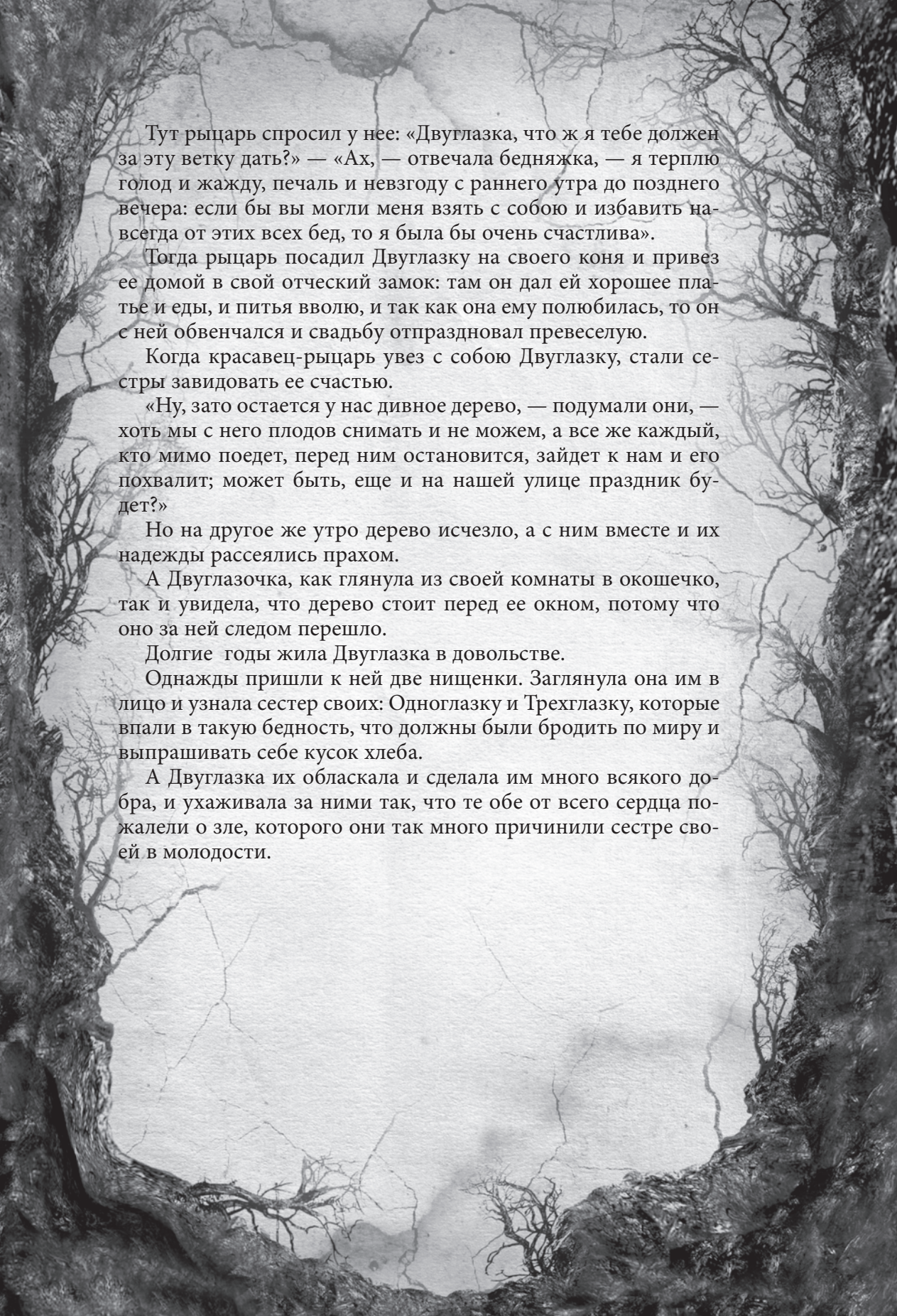
Но как ни трудились и та, и другая — ни ветви, ни яблоки не давались им в руки. «Странно! — сказал рыцарь. — Дерево вам принадлежит, а вы все же с него ни яблока, ни ветви сорвать не можете». Но обе сестры настаивали, что дерево принадлежит им. Тем временем Двуглазка, разгневанная тем, что сестры ее так лгали, выкатила из-под бочки парочку золотых яблок прямо к ногам рыцаря.

Увидев яблоки, рыцарь удивился и спросил, откуда они взялись. Тогда злые сестры отвечали ему, что есть у них и еще одна сестренка, да та ему и показаться не смеет, потому у нее таких же два глаза, как и у всех других обыкновенных людей.

Однако же рыцарь захотел ее увидеть и крикнул: «Двуглазка, выходи сюда!»

Тогда Двуглазка преспокойно выглянула из-под бочки; рыцарь был поражен ее дивной красотой и сказал: «Ты, Двуглазка, уж, конечно, можешь мне сорвать ветку с этого дерева?» — «Да, — отвечала Двуглазка, — я это, конечно, могу, потому что дерево мне принадлежит».

И влезла на дерево, и легко сорвала с него ветку с чудесными серебряными листьями и золотыми плодами да и подала ее рыцарю.

Тут рыцарь спросил у нее: «Двуглазка, что ж я тебе должен за эту ветку дать?» — «Ах, — отвечала бедняжка, — я терплю голод и жажду, печаль и невзгону с раннего утра до позднего вечера: если бы вы могли меня взять с собою и избавить навсегда от этих всех бед, то я была бы очень счастлива».

Тогда рыцарь посадил Двуглазку на своего коня и привез ее домой в свой отческий замок: там он дал ей хорошее платье и еды, и питья вволю, и так как она ему полюбилась, то он с ней обвенчался и свадьбу отпраздновал превеселую.

Когда красавец-рыцарь увез с собою Двуглазку, стали сестры завидовать ее счастью.

«Ну, зато остается у нас дивное дерево, — подумали они, — хоть мы с него плодов снимать и не можем, а все же каждый, кто мимо поедет, перед ним остановится, зайдет к нам и его похвалит; может быть, еще и на нашей улице праздник будет?»

Но на другое же утро дерево исчезло, а с ним вместе и их надежды рассеялись прахом.

А Двуглазочка, как глянула из своей комнаты в окошечко, так и увидела, что дерево стоит перед ее окном, потому что оно за ней следом перешло.

Долгие годы жила Двуглазка в довольстве.

Однажды пришли к ней две нищенки. Заглянула она им в лицо и узнала сестер своих: Одноглазку и Трехглазку, которые впали в такую бедность, что должны были бродить по миру и выпрашивать себе кусок хлеба.

А Двуглазка их обласкала и сделала им много всякого добра, и ухаживала за ними так, что те обе от всего сердца пожалели о зле, которого они так много причинили сестре своей в молодости.

Прекрасная Катринель и Пиф-Паф-Полтри

«День добрый, дядя Неглядя». — «Спасибо тебе, Пиф-Паф-Полтри». — «А что, дядя, выдашь ли за меня свою дочку?» — «А почему и нет? Коли мать Доилица, да брат ее Хват, да сестра Востра, да сама Катринель-красавица от твоего сватовства не откажется, так и будь по-твоему».

— А где же мать Доилица?

— Во хлеву коровушку доит.

«День добрый, мать Доилица». — «Спасибо тебе, Пиф-Паф-Полтри». — «А что, тетка, выдашь ли за меня свою дочку?» — «А почему бы и нет? Если отец Неглядя, да брат-то Хват, и сестра Востра, и сама Катринель-красавица от твоего сватовства не откажется, так и будь по-твоему».

— А где же брат находится?

— Дрова рубит, как водится.

«День добрый, братец Хват». — «Спасибо тебе, Пиф-Паф-Полтри». — «А что, брат, выдашь ли ты за меня свою сестру?» — «А почему бы и нет? Если отец Неглядя, да мать Доилица, да сестра Востра, и сама Катринель-красавица от твоего сватовства не откажется, так и будь по-твоему».

— А где же сестра Востра?

— Она траву косит с утра.

«Добрый день, сестра Востра». — «Спасибо тебе, Пиф-Паф-Полтри». — «А что, сестра, выдашь ли ты за меня свою сестру замуж?» — «Отчего бы и нет? Коли отец Неглядя, да мать Доилица, да брат наш Хват, да сама Катринель-красавица от твоего сватовства не откажется, так и будь по-твоему».

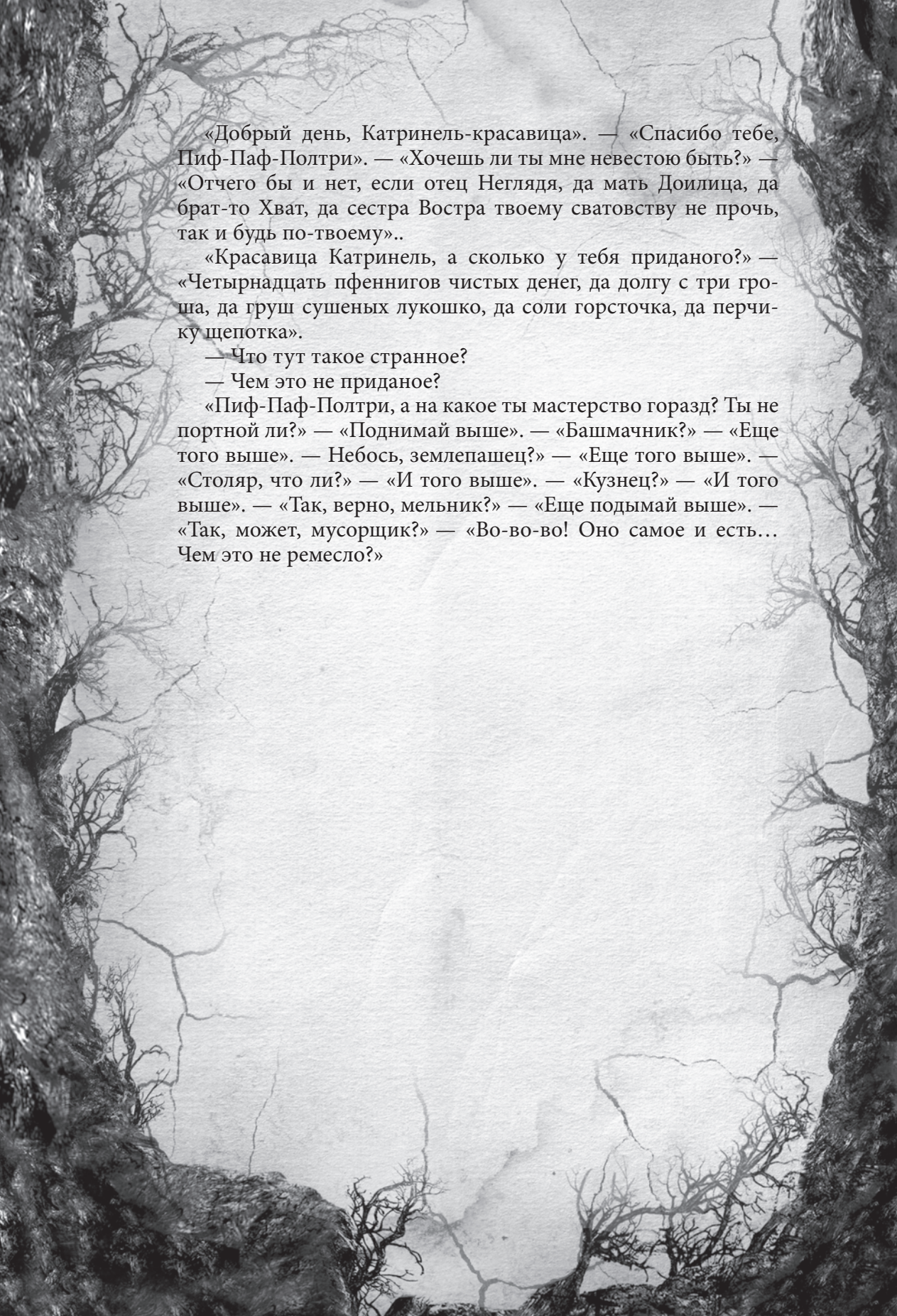
— А где же Катринель-красавица?

— Она у себя в комнате деньги считает.

«Прекрасная Катринель и Пиф-Паф-Полтри»
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...» *«Добрый день, Катринель-красавица»*. —
«Спасибо тебе, Пиф-Паф-Полтри». —
«Хочешь ли ты мне невесткою быть?»...»

«Добрый день, Катринель-красавица». — «Спасибо тебе, Пиф-Паф-Полтри». — «Хочешь ли ты мне невестой быть?» — «Отчего бы и нет, если отец Неглядя, да мать Доилица, да брат-то Хват, да сестра Востра твоему сватовству не прочь, так и будь по-твоему»..

«Красавица Катринель, а сколько у тебя приданого?» — «Четырнадцать пфеннигов чистых денег, да долгу с три гроша, да груш сушеных лукошко, да соли горсточка, да перчику щепотка».

— Что тут такое странное?

— Чем это не приданое?

«Пиф-Паф-Полтри, а на какое ты мастерство горазд? Ты не портной ли?» — «Поднимай выше». — «Башмачник?» — «Еще того выше». — «Небось, землепашец?» — «Еще того выше». — «Столяр, что ли?» — «И того выше». — «Кузнец?» — «И того выше». — «Так, верно, мельник?» — «Еще подымай выше». — «Так, может, мусорщик?» — «Во-во-во! Оно самое и есть... Чем это не ремесло?»

Истоптанные в танцах башмаки

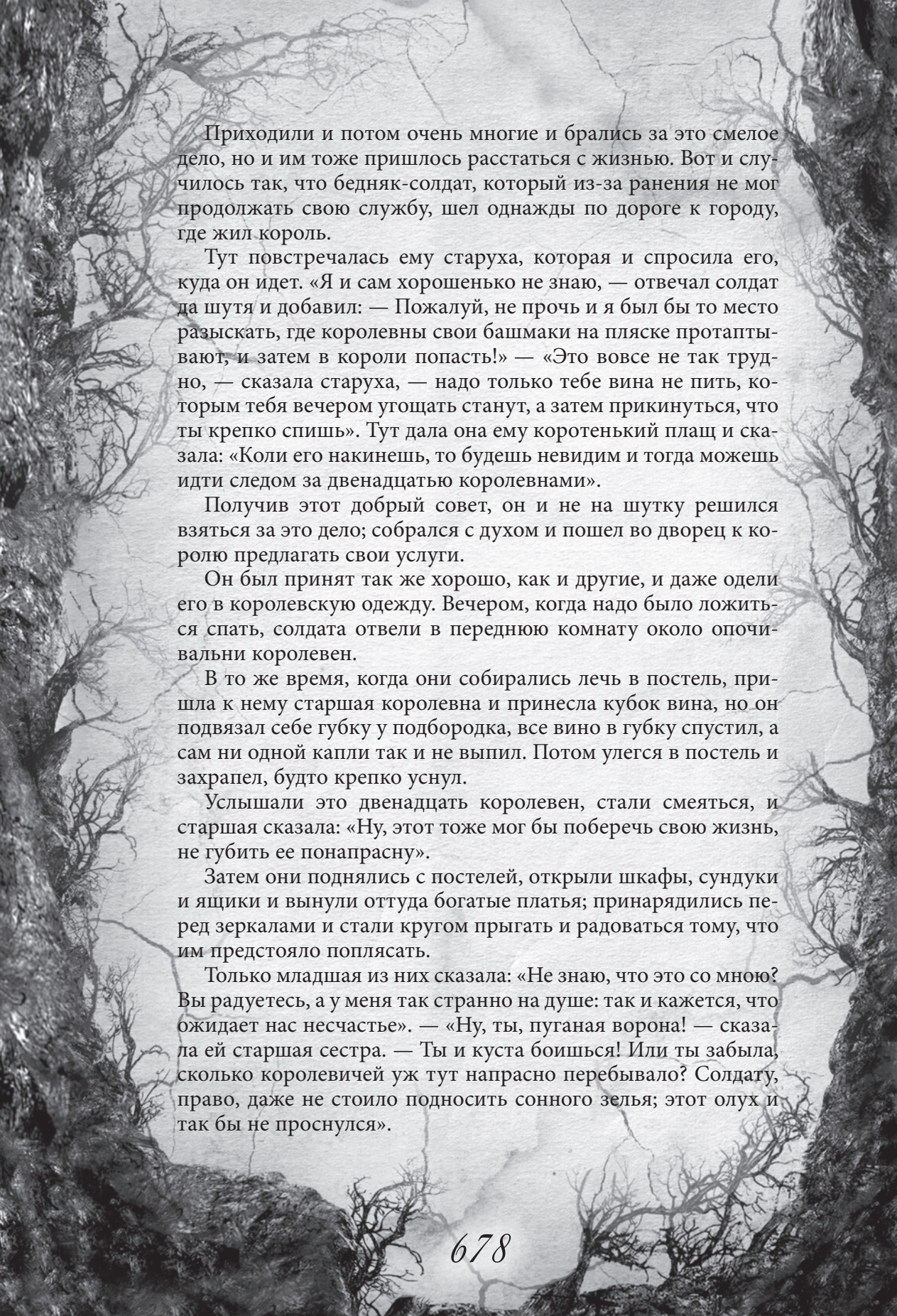
Навненько это было. У одного короля было в семье двенадцать дочек, одна другой красивее. Все они спали вместе в одной зале, где их кровати стояли рядом, и вечером, когда они, бывало, улягутся, король сам запирает дверь в залу и задвигал ее задвижкой. Когда же наутро он отпирал к ним дверь, то видел, что их башмаки были от пляски совсем истоптаны, и никто не мог ему объяснить, как это случилось.

Тогда король приказал всюду на торгах и площадях выкликать, что если объявится такой человек, который разыщет, где они ночью пляшут, тот бери себе любую из них в жены и после его смерти будь королем; а если кто за это дело возьмется, да в течение трех дней и ночей не разыщет, тот за это головой поплатится.

Немного прошло времени, и вот один королевич изъявил о своем желании взяться за смелое дело. Он был отлично принят и вечером сведен в комнату, смежную с опочивальнею королевен.

Там ему была постель приготовлена, и он должен был оттуда наблюдать, куда они из опочивальни уходят и где они пляшут; а для того чтобы они ничего не могли совершить тайно или чтобы они не вышли другим путем из опочивальни, то и самая дверь в нее оставлена была открытой. Но у королевича веки словно свинцом были налиты, и он с вечера заснул очень крепко, а когда наутро проснулся, то увидел, что все двенадцать королевен уходили куда-то плясать, и их башмаки стояли у дверей все с дырами на подошвах.

И во второй, и в третий вечер ему не посчастливилось, и вот пришлось ему поплатиться головою.

Приходили и потом очень многие и брались за это смелое дело, но и им тоже пришлось расстаться с жизнью. Вот и случилось так, что бедняк-солдат, который из-за ранения не мог продолжать свою службу, шел однажды по дороге к городу, где жил король.

Тут повстречалась ему старуха, которая и спросила его, куда он идет. «Я и сам хорошенько не знаю, — отвечал солдат да шутя и добавил: — Пожалуй, не прочь и я был бы то место разыскать, где королевны свои башмаки на пляске протаптывают, и затем в короли попасть!» — «Это вовсе не так трудно, — сказала старуха, — надо только тебе вина не пить, которым тебя вечером угощать станут, а затем прикинуться, что ты крепко спишь». Тут дала она ему коротенький плащ и сказала: «Если его накинешь, то будешь невидим и тогда можешь идти следом за двенадцатью королевнами».

Получив этот добрый совет, он и не на шутку решил взяться за это дело; собрался с духом и пошел во дворец к королю предлагать свои услуги.

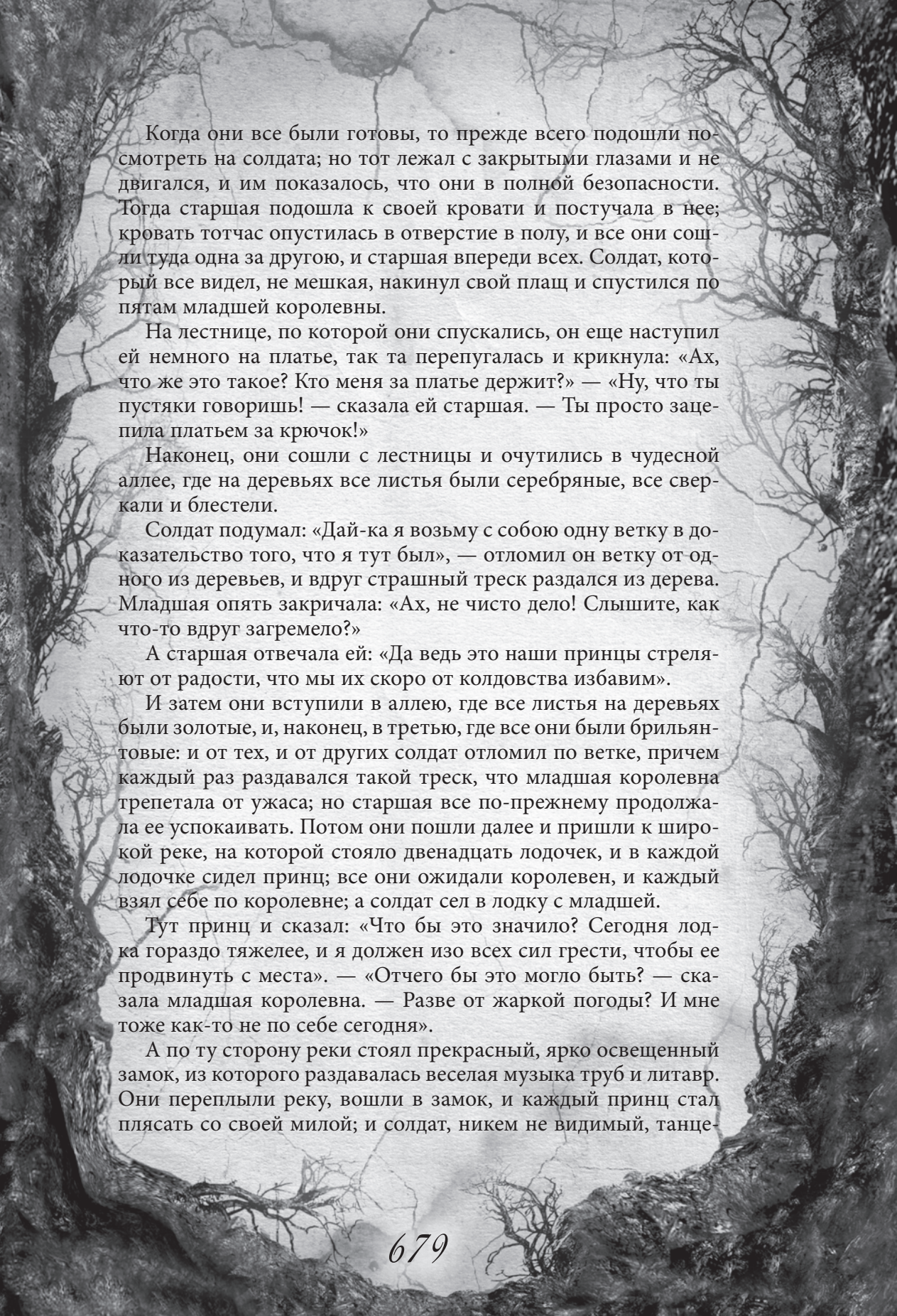
Он был принят так же хорошо, как и другие, и даже одели его в королевскую одежду. Вечером, когда надо было ложиться спать, солдата отвели в переднюю комнату около опочивальни королевен.

В то же время, когда они собирались лечь в постель, пришла к нему старшая королевна и принесла кубок вина, но он подвязал себе губку у подбородка, все вино в губку спустил, а сам ни одной капли так и не выпил. Потом улегся в постель и захрапел, будто крепко уснул.

Услышали это двенадцать королевен, стали смеяться, и старшая сказала: «Ну, этот тоже мог бы поберечь свою жизнь, не губить ее понапрасну».

Затем они поднялись с постелей, открыли шкафы, сундуки и ящики и вынули оттуда богатые платья; принарядились перед зеркалами и стали кругом прыгать и радоваться тому, что им предстояло поплясать.

Только младшая из них сказала: «Не знаю, что это со мною? Вы радуетесь, а у меня так странно на душе: так и кажется, что ожидает нас несчастье». — «Ну, ты, пуганая ворона! — сказала ей старшая сестра. — Ты и куста боишься! Или ты забыла, сколько королевичей уж тут напрасно перебивалось? Солдату, право, даже не стоило подносить сонного зелья; этот олух и так бы не проснулся».

Когда они все были готовы, то прежде всего подошли посмотреть на солдата; но тот лежал с закрытыми глазами и не двигался, и им показалось, что они в полной безопасности. Тогда старшая подошла к своей кровати и постучала в нее; кровать тотчас опустилась в отверстие в полу, и все они сошли туда одна за другою, и старшая впереди всех. Солдат, который все видел, не мешкая, накинул свой плащ и спустился по пятам младшей королевны.

На лестнице, по которой они спускались, он еще наступил ей немного на платье, так та перепугалась и крикнула: «Ах, что же это такое? Кто меня за платье держит?» — «Ну, что ты пустяки говоришь! — сказала ей старшая. — Ты просто зацепила платьем за крючок!»

Наконец, они сошли с лестницы и очутились в чудесной аллее, где на деревьях все листья были серебряные, все сверкали и блестели.

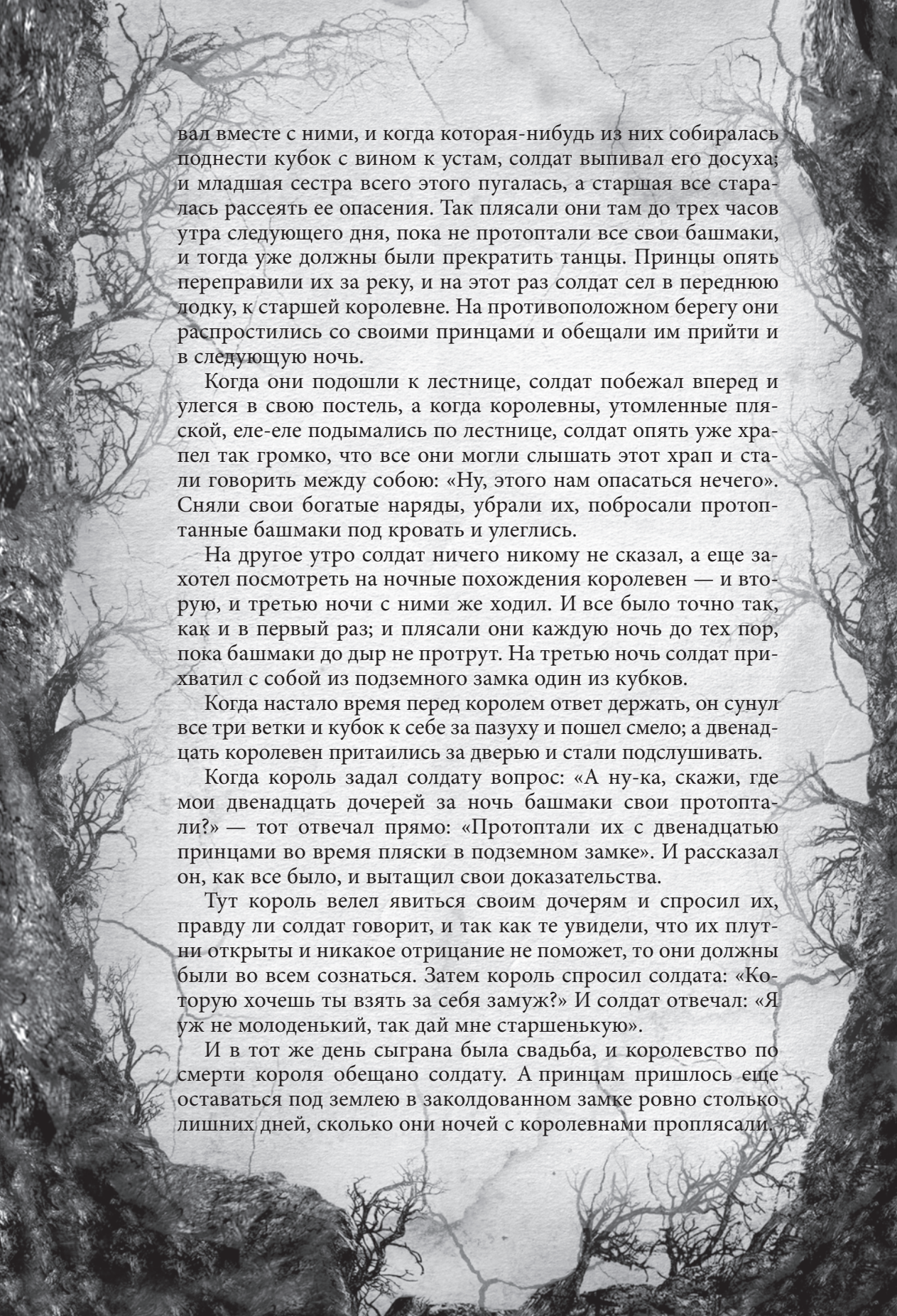
Солдат подумал: «Дай-ка я возьму с собою одну ветку в доказательство того, что я тут был», — отломил он ветку от одного из деревьев, и вдруг страшный треск раздался из дерева. Младшая опять закричала: «Ах, не чисто дело! Слышите, как что-то вдруг загремело?»

А старшая отвечала ей: «Да ведь это наши принцы стреляют от радости, что мы их скоро от колдовства избавим».

И затем они вступили в аллею, где все листья на деревьях были золотые, и, наконец, в третью, где все они были брильянтовые: и от тех, и от других солдат отломил по ветке, причем каждый раз раздавался такой треск, что младшая королевна трепетала от ужаса; но старшая все по-прежнему продолжала ее успокаивать. Потом они пошли далее и пришли к широкой реке, на которой стояло двенадцать лодочек, и в каждой лодочке сидел принц; все они ожидали королевен, и каждый взял себе по королевне; а солдат сел в лодку с младшей.

Тут принц и сказал: «Что бы это значило? Сегодня лодка гораздо тяжелее, и я должен изо всех сил грести, чтобы ее продвинуть с места». — «Отчего бы это могло быть? — сказала младшая королевна. — Разве от жаркой погоды? И мне тоже как-то не по себе сегодня».

А по ту сторону реки стоял прекрасный, ярко освещенный замок, из которого раздавалась веселая музыка труб и литавр. Они переплыли реку, вошли в замок, и каждый принц стал плясать со своей милой; и солдат, никем не видимый, танце-

вал вместе с ними, и когда которая-нибудь из них собиралась поднести кубок с вином к устам, солдат выпивал его досуха; и младшая сестра всего этого пугалась, а старшая все старалась рассеять ее опасения. Так плясали они там до трех часов утра следующего дня, пока не протоптали все свои башмаки, и тогда уже должны были прекратить танцы. Принцы опять переправили их за реку, и на этот раз солдат сел в переднюю лодку, к старшей королевне. На противоположном берегу они распростились со своими принцами и обещали им прийти и в следующую ночь.

Когда они подошли к лестнице, солдат побежал вперед и улегся в свою постель, а когда королевны, утомленные пляской, еле-еле подымались по лестнице, солдат опять уже храпел так громко, что все они могли слышать этот храп и стали говорить между собою: «Ну, этого нам опасаться нечего». Сняли свои богатые наряды, убрали их, побросали протоптанные башмаки под кровать и улеглись.

На другое утро солдат ничего никому не сказал, а еще захотел посмотреть на ночные похождения королевен — и вторую, и третью ночи с ними же ходил. И все было точно так, как и в первый раз; и плясали они каждую ночь до тех пор, пока башмаки до дыр не протрут. На третью ночь солдат прихватил с собой из подземного замка один из кубков.

Когда настало время перед королем ответ держать, он сунул все три ветки и кубок к себе за пазуху и пошел смело; а двенадцать королевен притаились за дверью и стали подслушивать.

Когда король задал солдату вопрос: «А ну-ка, скажи, где мои двенадцать дочерей за ночь башмаки свои протоптали?» — тот отвечал прямо: «Протоптали их с двенадцатью принцами во время пляски в подземном замке». И рассказал он, как все было, и вытащил свои доказательства.

Тут король велел явиться своим дочерям и спросил их, правду ли солдат говорит, и так как те увидели, что их плутни открыты и никакое отрицание не поможет, то они должны были во всем сознаться. Затем король спросил солдата: «Которую хочешь ты взять за себя замуж?» И солдат отвечал: «Я уж не молоденький, так дай мне старшенькую».

И в тот же день сыграна была свадьба, и королевство по смерти короля обещано солдату. А принцам пришлось еще оставаться под землею в заколдованном замке ровно столько лишних дней, сколько они ночей с королевнами проплясали.

Лис и лошадь

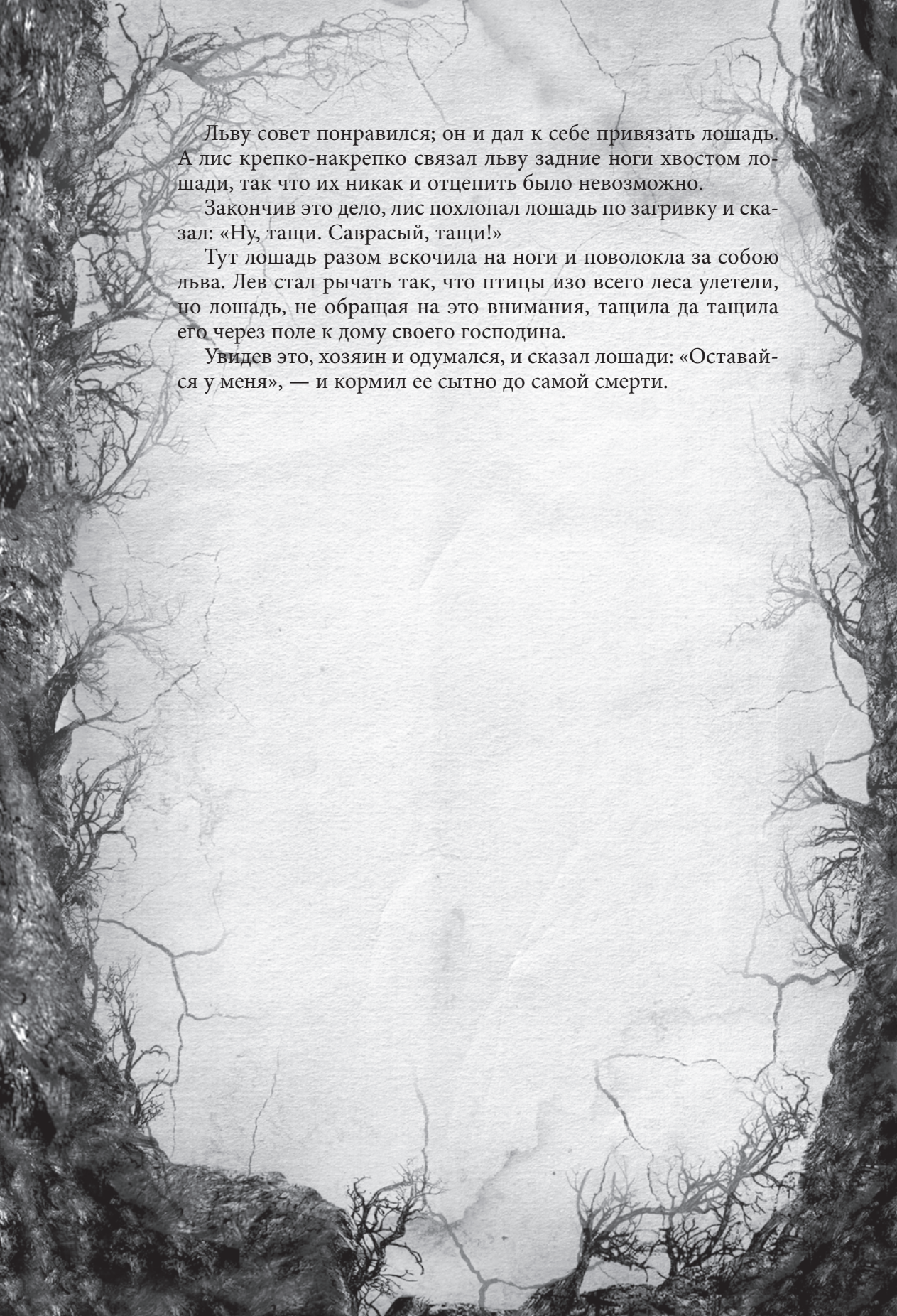
У одного крестьянина была лошадь, которая служила ему верой и правдой, да состарилась и служить больше не могла, а потому хозяин не захотел ее больше кормить и сказал: «Ты мне, конечно, не можешь уж теперь ни на что годиться, однако я тебе зла не желаю, и если ты выкажешь себя еще настолько сильной, что приведешь сюда льва, так я тебя содержать готов; а теперь проваливай из моей конюшни», — и выгнал ее в поле.

Лошадь запечалилась и пошла к лесу, чтобы там поискать защиты от непогоды.

Тут повстречался с нею лис и сказал: «Чего ты так голову повесила да бродишь тут одинешенька?» — «Ах, — отвечала лошадь, — на свете так ведется, что скупость и верность не могут ужиться в одном доме: мой господин забыл, сколько я ему услуг оказывала в течение моей долгой службы, и вот из-за того, что я теперь не могу так же хорошо пахать, как прежде, он мне и корму давать не хочет, и выгнал меня из стойла». — «Даже ничем и не утешил?» — спросил лис. «Плохое было утешение: он сказал, что если хватит у меня силы к нему льва привести, так он меня держать не прочь, да ведь он же знает, что я этого не могу сделать». — «Ну, так я же тебе берусь помочь, — сказал лис. — Ложись здесь, вытянись и не шевелись, словно бы мертвая».

Лошадь выполнила все, что ей лис приказал, а тот отправился к пещере льва недалеко оттуда и сказал: «Тут неподалеку лежит дохлая лошадь, пойдем-ка вместе — тебе там есть чем полакомиться».

Лев пошел с ним, и когда они подошли к лошади, лис стал говорить льву: «Здесь тебе кушать ее не так удобно будет... Знаешь ли что? Я привяжу ее к тебе за хвост, так ты полегонишь и стащишь ее в свою пещеру и преспокойно там уберешь».

Льву совет понравился; он и дал к себе привязать лошадь. А лис крепко-накрепко связал льву задние ноги хвостом лошади, так что их никак и отцепить было невозможно.

Закончив это дело, лис похлопал лошадь по загривку и сказал: «Ну, тащи. Саврасый, тащи!»

Тут лошадь разом вскочила на ноги и поволокла за собою льва. Лев стал рычать так, что птицы изо всего леса улетели, но лошадь, не обращая на это внимания, тащила да тащила его через поле к дому своего господина.

Увидев это, хозяин и одумался, и сказал лошади: «Оставайся у меня», — и кормил ее сытно до самой смерти.

«Лев и лисица»

Художник – Фрэнсис Барлоу. 1687 г.

*«...Лошадь выполнила все, что ей лис приказал,
а тот отправился к пещере льва недалеко отсюда и сказал:
“Мут недалеко лежит дохлая лошадь,
пойдем-ка вместе – тебе там есть чем полакомиться”...»*

Шестеро слуг

Много лет тому назад жила-была на свете старая королева, да притом еще колдунья; и была у нее дочка, первая красавица на всем свете. А старая колдунья только о том и думала, как бы ей погубить побольше людей, и потому, когда являлся к ней жених к дочке свататься, она задавала ему сначала загадку, а если он той загадки не разгадывал, то должен был умереть.

Многих ослепляла красота ее дочери, и решались они свататься; но ни один не мог разгадать колдуньиной загадки, и всем им без милосердия отрубали головы.

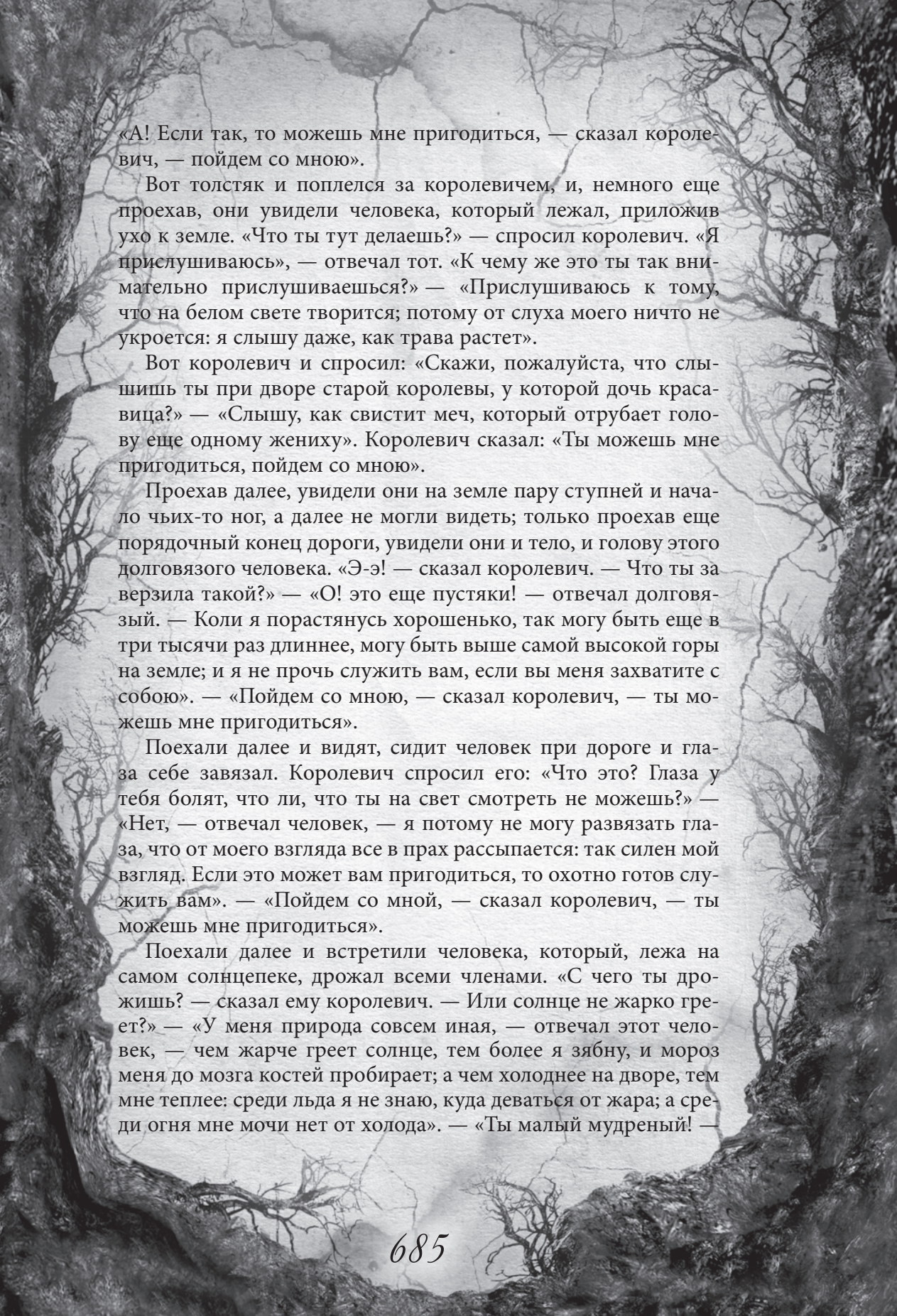
Прослышал о дивной красавице и еще один королевич и сказал своему отцу: «Отпусти меня, я хочу тоже к этой красавице посвататься». — «Ни за что не пушу! — отвечал отец. — Коли ты уйдешь, тебе не миновать смерти».

И вдруг сын слег и тяжело заболел, и пролежал семь лет, и никакой врач не мог ему помочь. Когда увидел отец, что нет никакой надежды, он с сердечною грустью сказал: «Ступай искать своего счастья — вижу, что ничем иным тебе помочь нельзя».

Как только это сын услышал, так тотчас поднялся с постели и выздоровел, и весело пустился в путь.

Случилось, что когда он проезжал по одной поляне, то еще издали увидел, что лежит что-то на земле, словно большая копна сена, а когда он подъехал поближе, то увидел, что это лежит на земле такой толстяк, у которого брюхо словно большой котел.

Толстяк, завидев путника, поднялся на ноги и сказал: «Если вам нужен слуга, то возьмите меня к себе на службу». Королевич отвечал ему: «А что я стану делать с таким нескладным слугою?» — «О, это сущие пустяки, — сказал толстяк, — ведь если я захочу, то могу сделаться в три тысячи раз толще».

«А! Если так, то можешь мне пригодиться, — сказал королевич, — пойдем со мною».

Вот толстяк и поплелся за королевичем, и, немного еще проехав, они увидели человека, который лежал, приложив ухо к земле. «Что ты тут делаешь?» — спросил королевич. «Я прислушиваюсь», — отвечал тот. «К чему же это ты так внимательно прислушиваешься?» — «Прислушиваюсь к тому, что на белом свете творится; потому от слуха моего ничто не укроется: я слышу даже, как трава растет».

Вот королевич и спросил: «Скажи, пожалуйста, что слышишь ты при дворе старой королевы, у которой дочь красавица?» — «Слышу, как свистит меч, который отрубает голову еще одному жениху». Королевич сказал: «Ты можешь мне пригодиться, пойдем со мною».

Проехав далее, увидели они на земле пару ступней и начало чьих-то ног, а далее не могли видеть; только проехав еще порядочный конец дороги, увидели они и тело, и голову этого долговязого человека. «Э-э! — сказал королевич. — Что ты за верзила такой?» — «О! это еще пустяки! — отвечал долговязый. — Коли я порастянусь хорошенько, так могу быть еще в три тысячи раз длиннее, могу быть выше самой высокой горы на земле; и я не прочь служить вам, если вы меня захватите с собою». — «Пойдем со мною, — сказал королевич, — ты можешь мне пригодиться».

Поехали далее и видят, сидит человек при дороге и глаза себе завязал. Королевич спросил его: «Что это? Глаза у тебя болят, что ли, что ты на свет смотреть не можешь?» — «Нет, — отвечал человек, — я потому не могу развязать глаза, что от моего взгляда все в прах рассыпается: так силен мой взгляд. Если это может вам пригодиться, то охотно готов служить вам». — «Пойдем со мной, — сказал королевич, — ты можешь мне пригодиться».

Поехали далее и встретили человека, который, лежа на самом солнцепеке, дрожал всеми членами. «С чего ты дрожишь? — сказал ему королевич. — Или солнце не жарко греет?» — «У меня природа совсем иная, — отвечал этот человек, — чем жарче греет солнце, тем более я зябну, и мороз меня до мозга костей пробирает; а чем холоднее на дворе, тем мне теплее: среди льда я не знаю, куда деваться от жара; а среди огня мне мочи нет от холода». — «Ты малый мудреный! —

сказал королевич. — Но если хочешь мне служить, то пойдем со мною».

Поехали далее и увидели человека, который, стоя при дороге, вытягивал шею и озирался во все стороны. Королевич спросил его: «Куда это ты так пристально смотришь?» — «У меня такие ясные очи, — сказал этот человек, — что я через леса и горы, через поля и долины, от края до края света могу видеть». Королевич сказал ему: «Коли хочешь, пойдем со мной, такого мне и не доставало».

Вот и вступил королевич со своими шестью слугами в тот город, где жила старая королева. Он не сообщил ей, кто он такой, но сказал: «Если вы желаете отдать за меня вашу красавицу-дочь, то я исполню все, что вы мне прикажете сделать».

Обрадовалась волшебница, что еще один красавец юноша попадает в ее сети, и сказала: «Трижды задам я тебе по задаче, и если ты их разрешишь, тогда будешь господином и супругом моей дочери». — «А какая будет первая задача?» — «Добудь мне кольцо, которое я в Красное море обронила».

Пошел королевич домой к своим слугам и сказал: «Нелегка первая задача!» И рассказал он им, в чем дело. Вот и сказал ему тот, что с ясными очами: «Посмотрю, где оно лежит, — и тотчас добавил: — Вон оно лежит на камне». Долговязый сказал: «Я бы его тотчас вытащил, кабы мог его увидеть». — «Коли за этим дело стало...» — сказал толстяк, прилег к воде и приник к ней губами, и волны морские полились ему в брюхо, как в пропасть, и выпил он все море, так что оно обсохло, как лужайка.

Тогда долговязый принагнулся немного и вытащил кольцо из моря, а королевич принес его к старухе. Та удивилась и сказала: «Да! Это то самое кольцо! Ну, первую задачу ты благополучно разрешил, теперь — вторую! Видишь, вон там на лугу перед моим замком пасутся триста жирных волов? Ты должен их съесть с кожей и шерстью, с костями и рогами. А в погребе у меня лежат триста бочек вина, ты и те должен вдобавок выпить, и если от волов останется хоть волосок, а от вина хоть капля, ты заплатишься жизнью».

Королевич спросил: «А могу ли я кого-нибудь к своему обеду пригласить? Ведь одному-то и кусок в глотку не полезет». Старуха злобно засмеялась и сказала: «Одного, пожалуй, пригласи для компании, но больше никого».

Тогда пошел королевич к своим слугам и сказал толстяку: «Ты должен сегодня быть моим гостем за столом, хоть раз сытно наешься». Толстяк порасправился и съел все триста волов, так что от них ни волоска не осталось, да еще и спросил: «Неужели ничего, кроме этого завтрака, не будет?»

А вино выпил он прямо из бочек, не нуждаясь в стакане, и высосал все до капли.

Когда этот обед был закончен, королевич пошел к старухе и сказал, что разрешил и вторую задачу.

Та удивилась и сказала: «Так далеко никто еще не заходил; но вроде еще одна задача у меня в запасе...» А сама подумала: «Не уйди тебе от меня! Не сносить тебе головы на плечах!..»

«Сегодня вечером, — так сказала она, — я приведу мою дочь к тебе в комнату, и ты должен ее принять в свои объятия; а как будете вы там сидеть, обнявшись, то берегись, как бы не заснуть. Я приду, как будет бить полночь, и если не найду ее в твоих объятиях, то ты ее навсегда утратишь».

Королевич подумал: «Задача не трудная! Я уж не сомкну глаз». Однако же призвал своих слуг, рассказал им все и добавил: «Кто знает, какая хитрость под этим кроется! Предосторожность не мешает; посторожите же и позаботьтесь, чтобы красавица не могла уйти из моей комнаты».

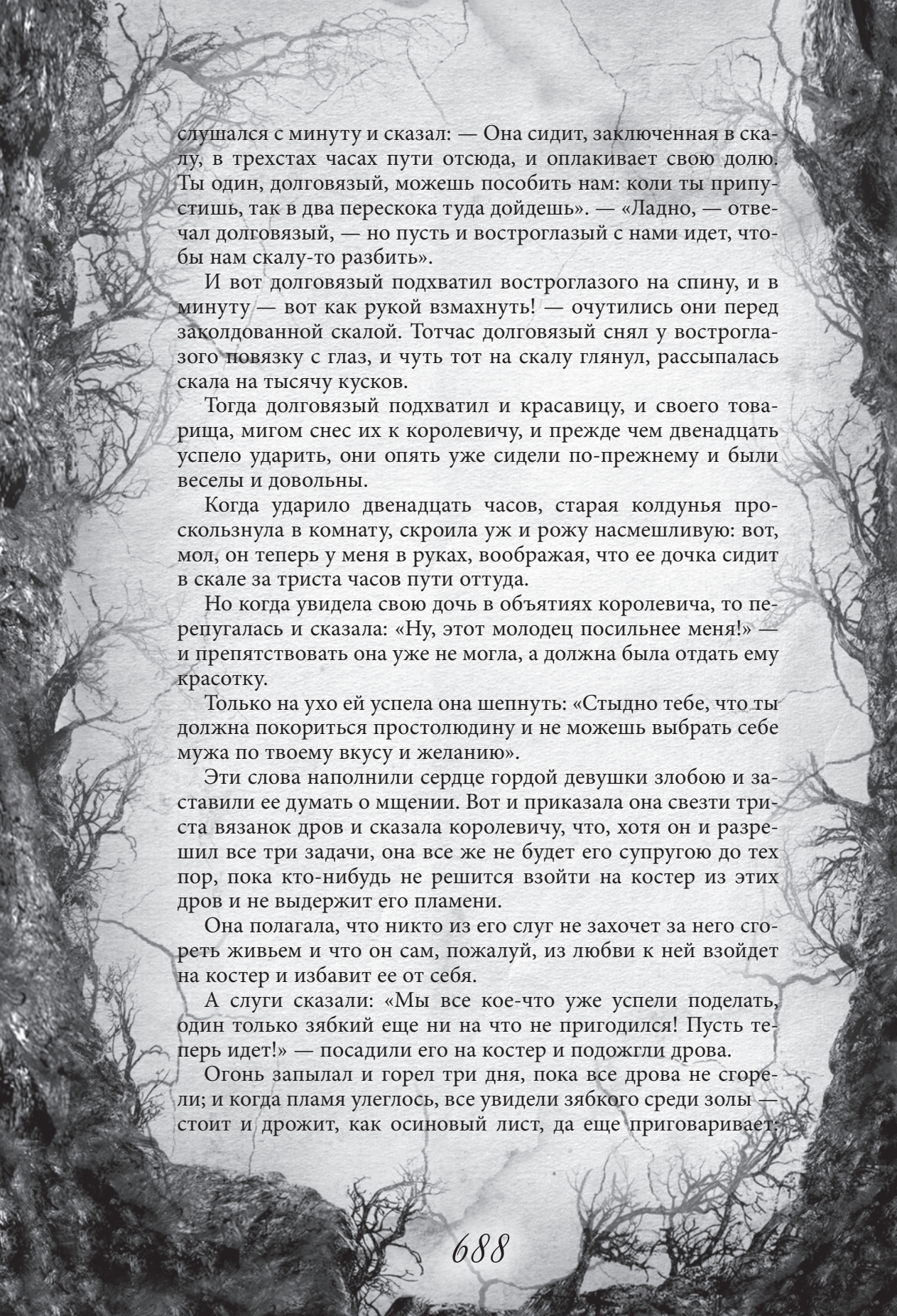
С наступлением ночи пришла старуха со своей дочкой и подвела ее к королевичу, и тогда долговязый сплелся вокруг них кольцом, а толстяк загородил собою дверь, так что ни одна живая душа не могла войти в ту комнату.

Так и сидели королевич с красавицей, обнявшись, и красавица не обмолвилась ни единым словом; но месяц освещал ее лицо, и королевич надивиться не мог ее красоте. Он только и делал, что на нее смотрел, и полон был любви и радости, и никакая усталость не смыкала его очей.

Это продолжалось до одиннадцати часов; но тут старуха уже напустила на них на всех свои чары, так что все они заснули, и в то же мгновение красавица была вырвана из объятий королевича.

Так и проспали они до четверти двенадцатого часа, когда уже чары не могли более действовать, и все они снова проснулись. «О, беда и горе! — воскликнул королевич. — Теперь я пропал!»

Начали было и верные слуги его сокрушаться, но ушастый сказал: «Полно вам реветь! Дай-ка я послушаю! — потом при-

слушался с минуту и сказал: — Она сидит, заключенная в скалу, в трехстах часах пути отсюда, и оплакивает свою долю. Ты один, долговязый, можешь пособить нам: коли ты припустишь, так в два перескока туда дойдешь». — «Ладно, — отвечал долговязый, — но пусть и востроглазый с нами идет, чтобы нам скалу-то разбить».

И вот долговязый подхватил востроглазого на спину, и в минуту — вот как рукой взмахнуть! — очутились они перед заколдованной скалой. Тотчас долговязый снял у востроглазого повязку с глаз, и чуть тот на скалу глянул, рассыпалась скала на тысячу кусков.

Тогда долговязый подхватил и красавицу, и своего товарища, мигом снес их к королевичу, и прежде чем двенадцать успело ударить, они опять уже сидели по-прежнему и были веселы и довольны.

Когда ударило двенадцать часов, старая колдунья проскользнула в комнату, скроила уж и рожу насмешливую: вот, мол, он теперь у меня в руках, воображая, что ее дочка сидит в скале за триста часов пути оттуда.

Но когда увидела свою дочь в объятиях королевича, то перепугалась и сказала: «Ну, этот молодец посильнее меня!» — и препятствовать она уже не могла, а должна была отдать ему красотку.

Только на ухо ей успела она шепнуть: «Стыдно тебе, что ты должна покориться простолюдину и не можешь выбрать себе мужа по твоему вкусу и желанию».

Эти слова наполнили сердце гордой девушки злобою и заставили ее думать о мщении. Вот и приказала она свезти триста вязанок дров и сказала королевичу, что, хотя он и разрешил все три задачи, она все же не будет его супругою до тех пор, пока кто-нибудь не решится взойти на костер из этих дров и не выдержит его пламени.

Она полагала, что никто из его слуг не захочет за него сгореть живьем и что он сам, пожалуй, из любви к ней взойдет на костер и избавит ее от себя.

А слуги сказали: «Мы все кое-что уже успели поделать, один только зябкий еще ни на что не пригодился! Пусть теперь идет!» — посадили его на костер и подожгли дрова.

Огонь запылал и горел три дня, пока все дрова не сгорели; и когда пламя улеглось, все увидели зябкого среди золы — стоит и дрожит, как осиновый лист, да еще приговаривает:

«Такого холода я еще на своем веку не испытывал, и продлись он подольше, я бы, пожалуй, замерз».

Тут уж никакой уловки больше подыскать было нельзя, и красавица должна была выйти замуж за неизвестного ей юношу.

Но когда уже они в кирху венчаться поехали, старуха сказала: «Не могу перенести этот стыд», — и послала вслед за ними свое войско в погоню, приказав всех порешить, кто им на пути попадется, и возвратить ей дочь.

Но ушастый наострил уши и услышал те тайные речи старухи. «Что станем теперь делать?» — сказал он толстяку; но тот уже знал, что делать: выпустил изо рта часть проглоченной им морской воды, и образовалось позади повозки новобрачных большое озеро, в котором войско старухи все и перетонуло.

Услышав об этом, старуха пустила в погоню за дочкой своих закованных в железо рыцарей, но ушастый слышал еще издали звяканье их доспехов и снял повязку с глаз востроглазого, а тот как глянул на рыцарей построже, так они, словно стекла, вдребезги рассыпались.

И тут уж королевич с невестой и со слугами поехали вперед беспрепятственно, а когда они были в кирхе обвенчаны, то шестеро слуг с ним распрощались и сказали своему господину: «Ваши желания исполнены, мы вам более не нужны, пойдем дальше искать своего счастья».

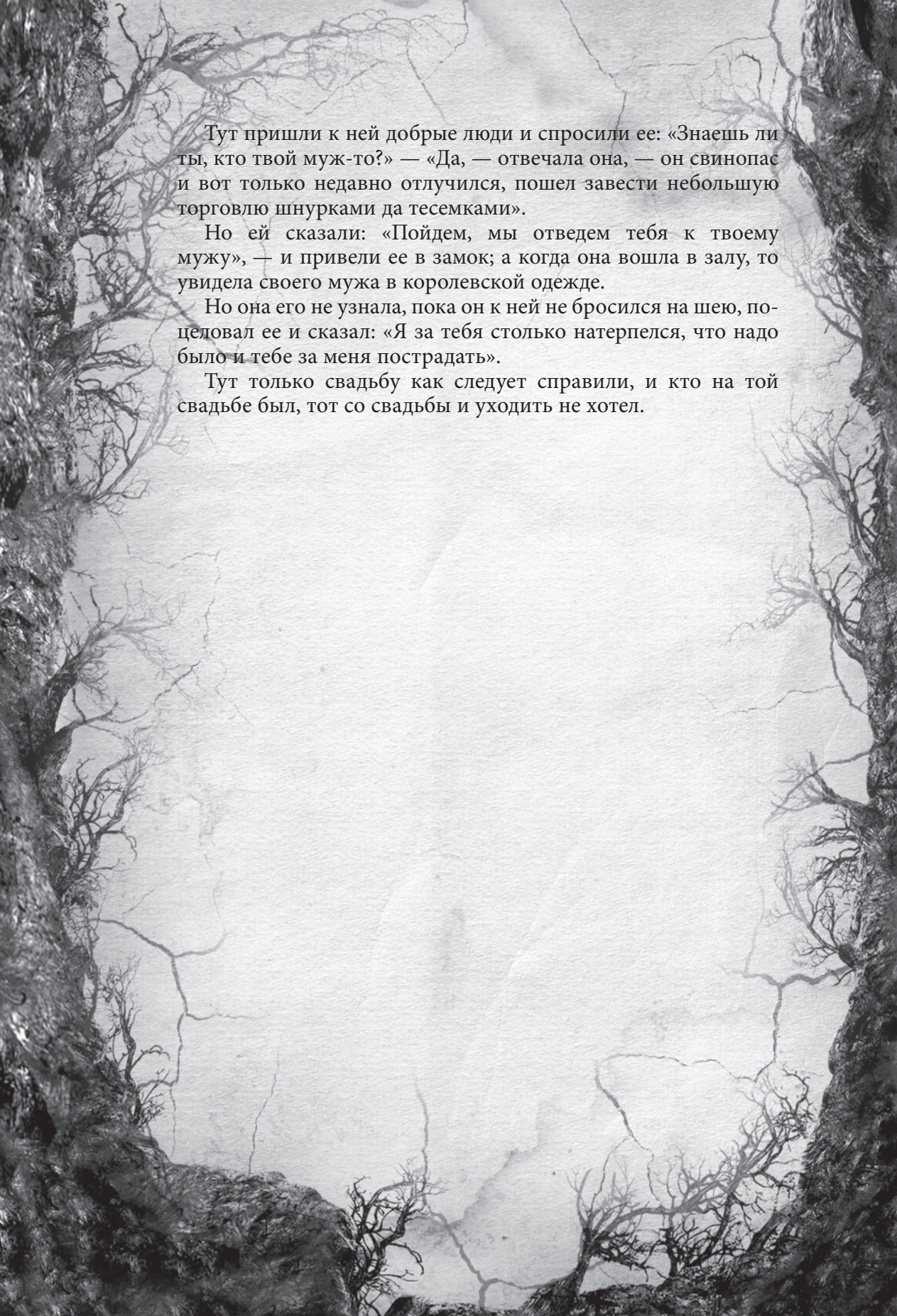
Невдалеке от замка королевича была деревушка, и перед нею свинопас на поле пас свое стадо; когда молодые к той деревушке приехали, королевич сказал своей жене: «А знаешь ли, кто я? Я свинопас, и вон тот пастух при стаде — это мой отец; мы двое тоже должны помочь ему в этом».

И остановился он с нею в гостинице, и шепнул тамошним людям, чтобы они ночью унесли от нее ее богатые одежды.

Проснувшись утром, она не знала, что ей и надеть, и хозяйка гостиницы дала ей старое платье и пару шерстяных чулок, да и то еще словно из милости, сказав при этом: «Кабы не для мужа вашего, так и вовсе бы вам не дала».

Красотка и поверила тому, что муж ее — свинопас, и пасла с ним стадо, и думала про себя: «Я заслужила такую долю за мою гордость и высокомерие».

И это длилось дней восемь; затем уж она и не могла более выносить испытания, потому что у нее на ногах появились раны.

Тут пришли к ней добрые люди и спросили ее: «Знаешь ли ты, кто твой муж-то?» — «Да, — отвечала она, — он свинопас и вот только недавно отлучился, пошел завести небольшую торговлю шнурками да тесемками».

Но ей сказали: «Пойдем, мы отведем тебя к твоему мужу», — и привели ее в замок; а когда она вошла в залу, то увидела своего мужа в королевской одежде.

Но она его не узнала, пока он к ней не бросился на шею, поцеловал ее и сказал: «Я за тебя столько натерпелся, что надо было и тебе за меня пострадать».

Тут только свадьбу как следует справили, и кто на той свадьбе был, тот со свадьбы и уходить не хотел.

*«..когда он подъехал
поближе, то увидел,
что это лежит на
земле такой толстяк,
у которого брюхо,
словно большой
котел...»*

«Шестеро слуг».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Белая и черная невесты

Мошла одна женщина со своими дочкой и падчерицей на край поля корму набрать. И видят они — идет прохожий, одет бедненько; подошел он и спросил: «Где мне тут пройти в деревню?» — «Коли дорожку узнать хочешь, так сам ее поищи», — сказала мать; а дочка добавила: «А коли найти ее не надеешься, так проводника возьми». А падчерица над ним сжалилась, говорит: «Пойдем, добрый человек, я тебя проведу».

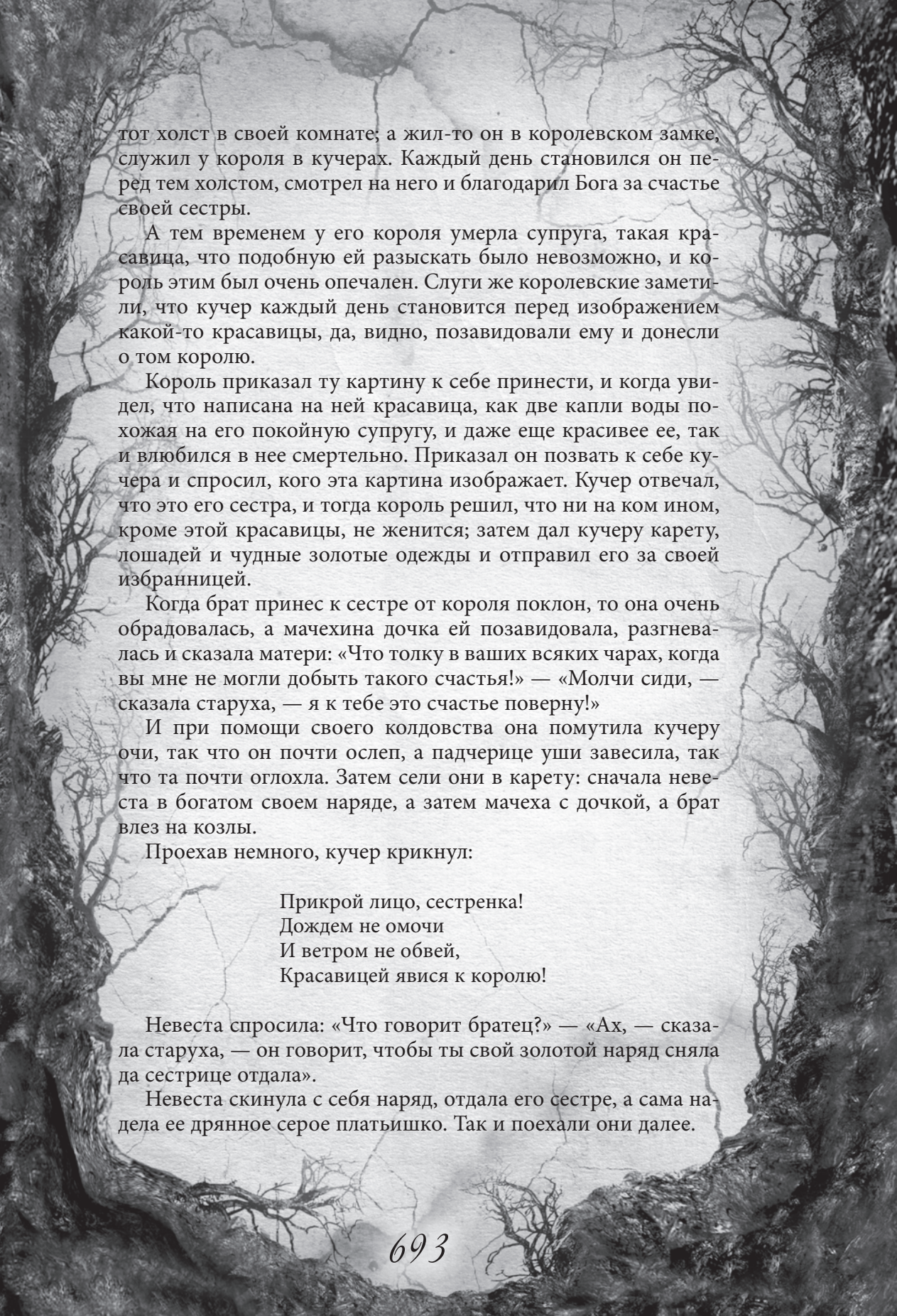
Тогда прохожий отвернулся от матери с дочерью и в гневе своем заколдовал их так, что они должны были тотчас же сделаться черными, как ночь, и дурными, как смертный грех.

А к бедной падчерице он отнесся милостиво и пошел с нею, и, подходя к деревне, сказал ей: «Придумай себе три желания, и я все их исполню». Девушка сказала: «Я бы хотела быть чистой и прекрасной, как солнце», — и тотчас она просветлела и украсилась, как ясный божий день. — «Затем я хотела бы иметь кошелек, который никогда бы не был пуст». Прохожий дал ей этот кошелек и только заметил: «Не забудь самого лучшего». — «Желаю, — сказала девушка, — вечного спасения себе после смерти». Прохожий сказал ей, что и на это она может надеяться, и расстался с нею.

Когда мачеха с дочкой вернулись домой да увидели, что они черны, как уголь, и безобразны, а падчерица и бела, и красива, то злость в такой степени овладела их сердцем, что они только о том и думали, как бы падчерице зло сделать.

А у падчерицы был брат по имени Решнер; она его очень любила и все рассказала ему, что с нею случилось. Брат и сказал ей однажды: «Сестрица, я хочу тебя написать, чтобы мне можно было постоянно на тебя смотреть, я ведь так тебя люблю, что с тебя и глаз не хотел бы спускать».

Она ему на это ответила: «Только ты никому своей картины не показывай». Вот он и написал свою сестру и повесил

тот холст в своей комнате; а жил-то он в королевском замке, служил у короля в кучерах. Каждый день становился он перед тем холстом, смотрел на него и благодарил Бога за счастье своей сестры.

А тем временем у его короля умерла супруга, такая красавица, что подобную ей разыскать было невозможно, и король этим был очень опечален. Слуги же королевские заметили, что кучер каждый день становится перед изображением какой-то красавицы, да, видно, позавидовали ему и донесли о том королю.

Король приказал ту картину к себе принести, и когда увидел, что написана на ней красавица, как две капли воды похожая на его покойную супругу, и даже еще красивее ее, так и влюбился в нее смертельно. Приказал он позвать к себе кучера и спросил, кого эта картина изображает. Кучер отвечал, что это его сестра, и тогда король решил, что ни на ком ином, кроме этой красавицы, не женится; затем дал кучеру карету, лошадей и чудные золотые одежды и отправил его за своей избранницей.

Когда брат принес к сестре от короля поклон, то она очень обрадовалась, а мачехина дочка ей позавидовала, разгневалась и сказала матери: «Что толку в ваших всяких чарах, когда вы мне не могли добыть такого счастья!» — «Молчи сиди, — сказала старуха, — я к тебе это счастье поверну!»

И при помощи своего колдовства она помutilа кучеру очи, так что он почти ослеп, а падчерице уши завесила, так что та почти оглохла. Затем сели они в карету: сначала невеста в богатом своем наряде, а затем мачеха с дочкой, а брат влез на козлы.

Проехав немного, кучер крикнул:

Прикрой лицо, сестренка!
Дождем не омочи
И ветром не обвей,
Красавицей явися к королю!

Невеста спросила: «Что говорит братец?» — «Ах, — сказала старуха, — он говорит, чтобы ты свой золотой наряд сняла да сестрице отдала».

Невеста скинула с себя наряд, отдала его сестре, а сама надела ее дрянное серое платьишко. Так и поехали они далее.

Немного спустя братец опять то же крикнул:

Прикрой лицо, сестренка!
Дождем не омочи
И ветром не обвей,
Красавицей явися к королю!

Невеста спросила: «Что говорит братец?» — «Говорит, чтобы ты свой золотой убор с головы сняла и сестричке отдала». Тогда она и убор сняла, и сестре его передала, и осталась с непокрытою головой.

Поехали далее, и опять брат крикнул:

Прикрой лицо, сестренка!
Дождем не омочи
И ветром не обвей,
Красавицей явися к королю!

Невеста спросила: «Что сказал мой братец?» — «А вот, — говорит старуха, — он сказал, чтобы ты разочек из окошка выглянула».

А они в то время переезжали по мосту глубокую реку. Когда невеста поднялась с места и наклонилась в окно кареты, мачеха с дочкой ее выпихнули, и упала она в воду.

Когда она погрузилась в реку, на воде всплыла беленькая уточка и поплыла вниз по течению.

Брат ничего этого не заметил и ехал себе да ехал, пока не приехал к королевскому замку. Тут он и привел к королю черную невесту вместо своей сестры, а сам думал, что привез сестру, потому что, будучи теперь подслеповат, видел перед собою женщину в золотом наряде.

Король, увидев черноту и безобразие своей мнимой невесты, страшно разгневался и велел бросить своего кучера в яму, наполненную ядовитыми змеями. Однако же старая ведьма так сумела обойти короля своими чарами и так ему глаза отвести, что он ее с дочкой у себя удержал, и дочка уж не стала ему казаться такой безобразною, как прежде, он даже решил на ней жениться.

Однажды вечером, в то время как черная невеста сидела у короля на коленях, пробралась в кухню белая уточка и говорит поваренку:

Вздуй, дружок, огонь скорей,
Меня, бедную, согрей!

Поваренок развел огонь в очаге: уточка подошла, села около огня, стала встряхиваться и перышки носочком перебирать. Сидит, греется, а сама спрашивает:

Где-то милый братец мой? Поваренок ей ответил:

Брат твой в яме той сидит,
Что вся змеями кишит.

А уточка спросила:

Где же ведьма? Что с ней случилось?

Поваренок ответил ей:

В душу короля забралась.

Уточка только проговорила: «Упаси его Господь!» — и уплыла из кухни по сточному желобу.

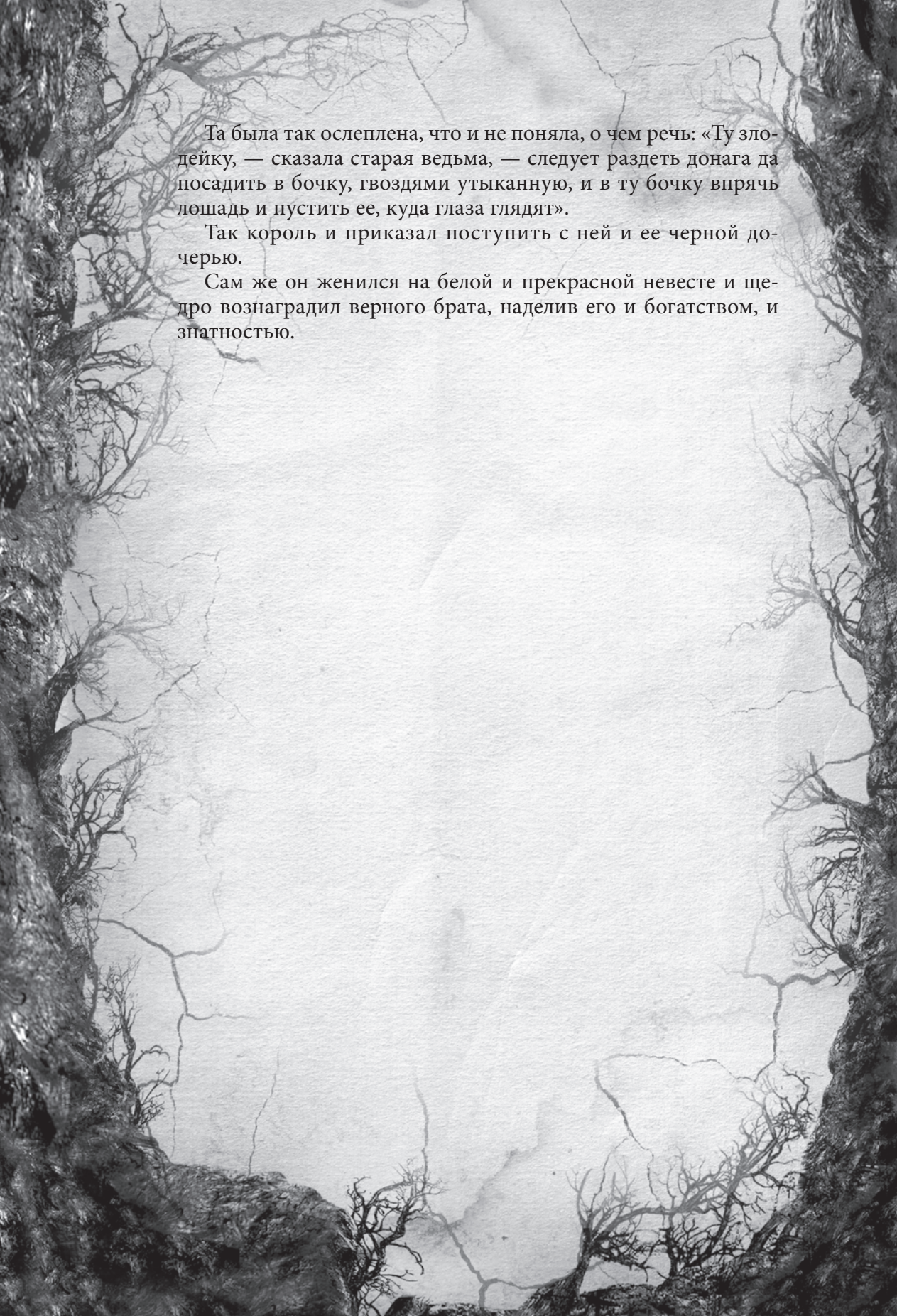
На следующий вечер она опять вернулась и задавала все те же вопросы, и на третий вечер тоже. Тут уж поваренок не вытерпел, пошел к королю и рассказал ему все.

Король все сам захотел увидеть, пошел на следующий вечер в кухню, и чуть только уточка высунула голову из желоба, он взял свой меч да и обрубил ей голову. И обернулась уточка девицей-красавицей, как две капли воды на ту картину похожей, которую писал с нее брат.

Король очень обрадовался, а так как красавица стояла перед ним мокрешенька, то он приказал принести чудные одежды и нарядил ее в них.

Тогда и рассказала ему красавица, как она была хитростью да коварством обманута и как потом в реку сброшена; и первая просьба ее была, чтобы брат был выпущен из змеиной ямы.

Исполнив эту просьбу красавицы, король пошел в свои покои, где сидела старая ведьма, и спросил: «Чего заслуживает та, которая вот так-то поступила?» — и рассказал все случившееся.

Та была так ослеплена, что и не поняла, о чем речь: «Ту злодейку, — сказала старая ведьма, — следует раздеть донага да посадить в бочку, гвоздями утыканную, и в ту бочку впрячь лошадь и пустить ее, куда глаза глядят».

Так король и приказал поступить с ней и ее черной дочерью.

Сам же он женился на белой и прекрасной невесте и щедро вознаградил верного брата, наделив его и богатством, и знатностью.

Железный Танс

Жил да был король, у которого около замка был большой лес, а в том лесу всякая дичь водилась. Однажды послал он в тот лес егеря, который должен был ему застрелить дикую козу, а егерь и не вернулся. «Быть может, с ним случилось какое-нибудь несчастье?» — сказал король и на другой день выслал за ним на поиски двоих егерей; но и те не вернулись.

Тогда король на третий день собрал всех своих егерей и сказал: «Весь лес должны вы обыскать и до тех пор ко мне не возвращайтесь, пока вы их троих не разыщете». Но и из этих никто не вернулся, и из той стаи собак, которую они с собою взяли, ни одна не пришла обратно домой.

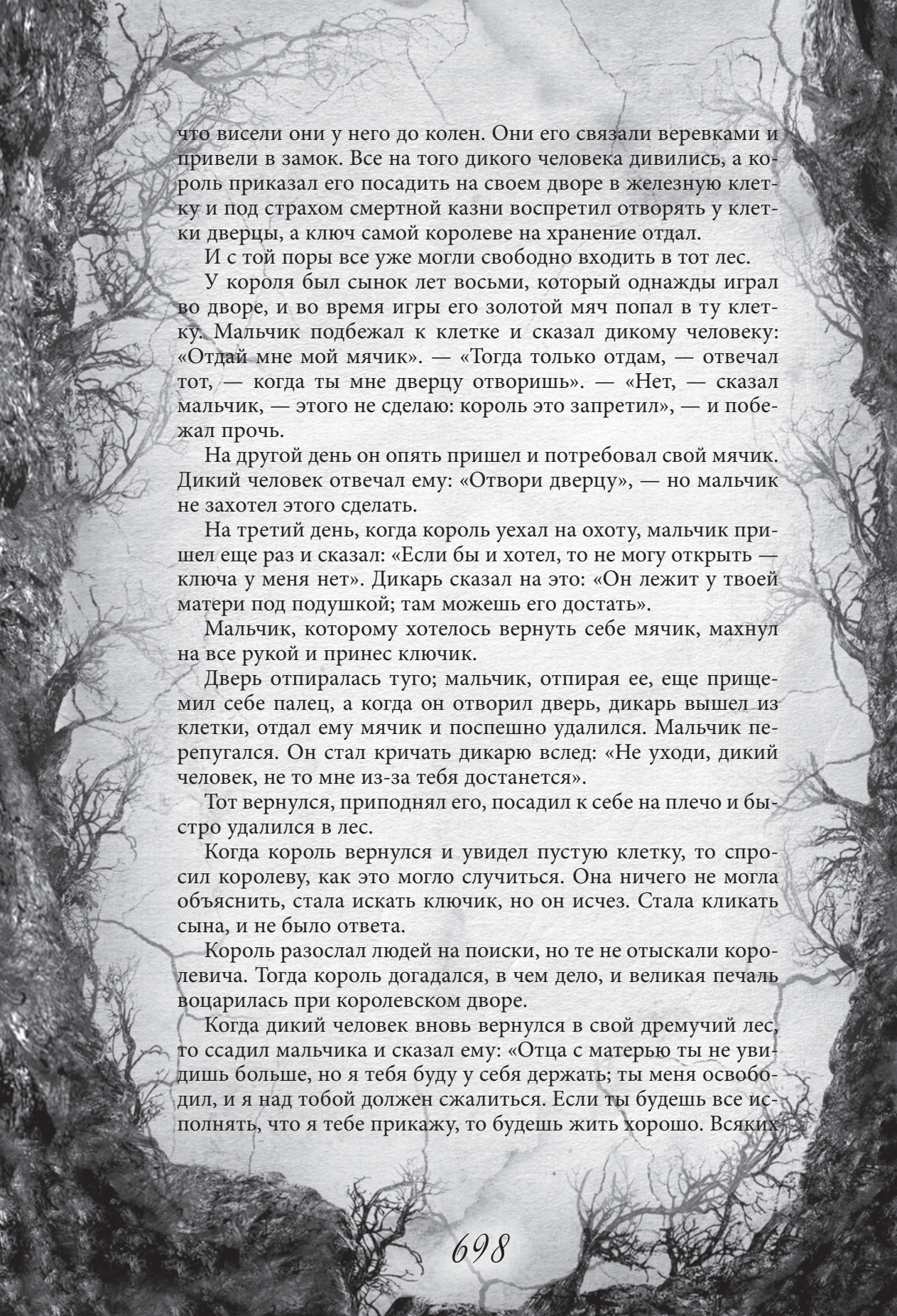
С той поры уж никто не решался заходить в тот лес, и затих он, молчаливый и одинокий; изредка только орел над ним подымется либо ястреб взлетит.

Так прошло много лет, и вдруг явился к королю иноземный егерь, попросился к нему на службу и взялся в тот опасный лес заглянуть.

Король на это не хотел дать согласия и сказал: «В том лесу нечисто, и я опасуюсь, что тебе там так же несдобровать, как и тем, что в нем пропали, и ты оттуда не выйдешь». Егерь отвечал на это: «Государь, хочу попытаться на свой страх, а боязни я еще никогда не испытывал».

Вот и пошел он со своею собакою в лес. Немного спустя собака напала на след зверя и хотела гнать по следу; но едва она пробежала шага два, как очутилась перед глубокой лужей и не могла ступить ни шагу далее, а из лужи выставилась голая рука, схватила собаку и стащила ее в ту же лужу.

Увидев это, егерь вернулся, привел с собою еще троих людей и заставил их всю эту лужу ведрами вычерпать. Когда они дочерпали до дна, то увидели на дне дикого человека, темнокожего, словно ржавое железо, и волосами он весь так оброс,

что висели они у него до колен. Они его связали веревками и привели в замок. Все на того дикого человека дивились, а король приказал его посадить на своем дворе в железную клетку и под страхом смертной казни воспретил отворять у клетки дверцы, а ключ самой королеве на хранение отдал.

И с той поры все уже могли свободно входить в тот лес.

У короля был сынок лет восьми, который однажды играл во дворе, и во время игры его золотой мяч попал в ту клетку. Мальчик подбежал к клетке и сказал дикому человеку: «Отдай мне мой мячик». — «Тогда только отдам, — отвечал тот, — когда ты мне дверцу отворишь». — «Нет, — сказал мальчик, — этого не сделаю: король это запретил», — и побежал прочь.

На другой день он опять пришел и потребовал свой мячик. Дикий человек отвечал ему: «Отвори дверцу», — но мальчик не захотел этого сделать.

На третий день, когда король уехал на охоту, мальчик пришел еще раз и сказал: «Если бы и хотел, то не могу открыть — ключа у меня нет». Дикарь сказал на это: «Он лежит у твоей матери под подушкой; там можешь его достать».

Мальчик, которому хотелось вернуть себе мячик, махнул на все рукой и принес ключик.

Дверь отпиралась туго; мальчик, отпирая ее, еще прищемил себе палец, а когда он отворил дверь, дикарь вышел из клетки, отдал ему мячик и поспешно удалился. Мальчик перепугался. Он стал кричать дикарю вслед: «Не уходи, дикий человек, не то мне из-за тебя достанется».

Тот вернулся, приподнял его, посадил к себе на плечо и быстро удалился в лес.

Когда король вернулся и увидел пустую клетку, то спросил королеву, как это могло случиться. Она ничего не могла объяснить, стала искать ключик, но он исчез. Стала кликать сына, и не было ответа.

Король разослал людей на поиски, но те не отыскиали королевича. Тогда король догадался, в чем дело, и великая печаль воцарилась при королевском дворе.

Когда дикий человек вновь вернулся в свой дремучий лес, то ссадил мальчика и сказал ему: «Отца с матерью ты не увидишь больше, но я тебя буду у себя держать; ты меня освободил, и я над тобой должен сжалиться. Если ты будешь все исполнять, что я тебе прикажу, то будешь жить хорошо. Всяких

«Железный Ганс».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...король приказал его посадить на свои двери
в железную клетку...»*

сокровищ и золота у меня довольно — больше, чем у кого-либо на свете».

Он устроил мальчику постельку из мха, и тот на ней уснул, а на другое утро дикарь повел его к колодцу и сказал: «Видишь, этот золотиносный ключ светел и прозрачен, как кристалл; ты должен около него сидеть и зорко следить за тем, чтобы ничто туда, в колодец, не упало, а то он будет осквернен. Каждый вечер стану сюда приходить и смотреть, исполняешь ли ты мое приказание».

Мальчик присел у ключа и стал любоваться золотыми рыбками и золотыми змейками, которые в нем мелькали, и все следил, чтобы ничто в тот колодец не попало.

И в то время как он так сидел, у него вдруг заболел палец, да так, что он его невольно сунул в воду.

Он поскорее его вынул из воды, но увидел, что палец у него весь позолотился, и как он ни старался это золото с пальца стереть, все было напрасно.

Вечером вернулся дикий человек (а звали его Железный Ганс), взглянул на мальчика и сказал: «Что случилось с колодцем?» — «Да ничего», — отвечал мальчик и держал руку с позолоченным пальцем за спиною, чтобы тот ее не увидел. Но Железный Ганс сказал: «Ты окунул палец в воду; на этот раз спускаю тебе, но берегись — ничего больше туда не оброни».

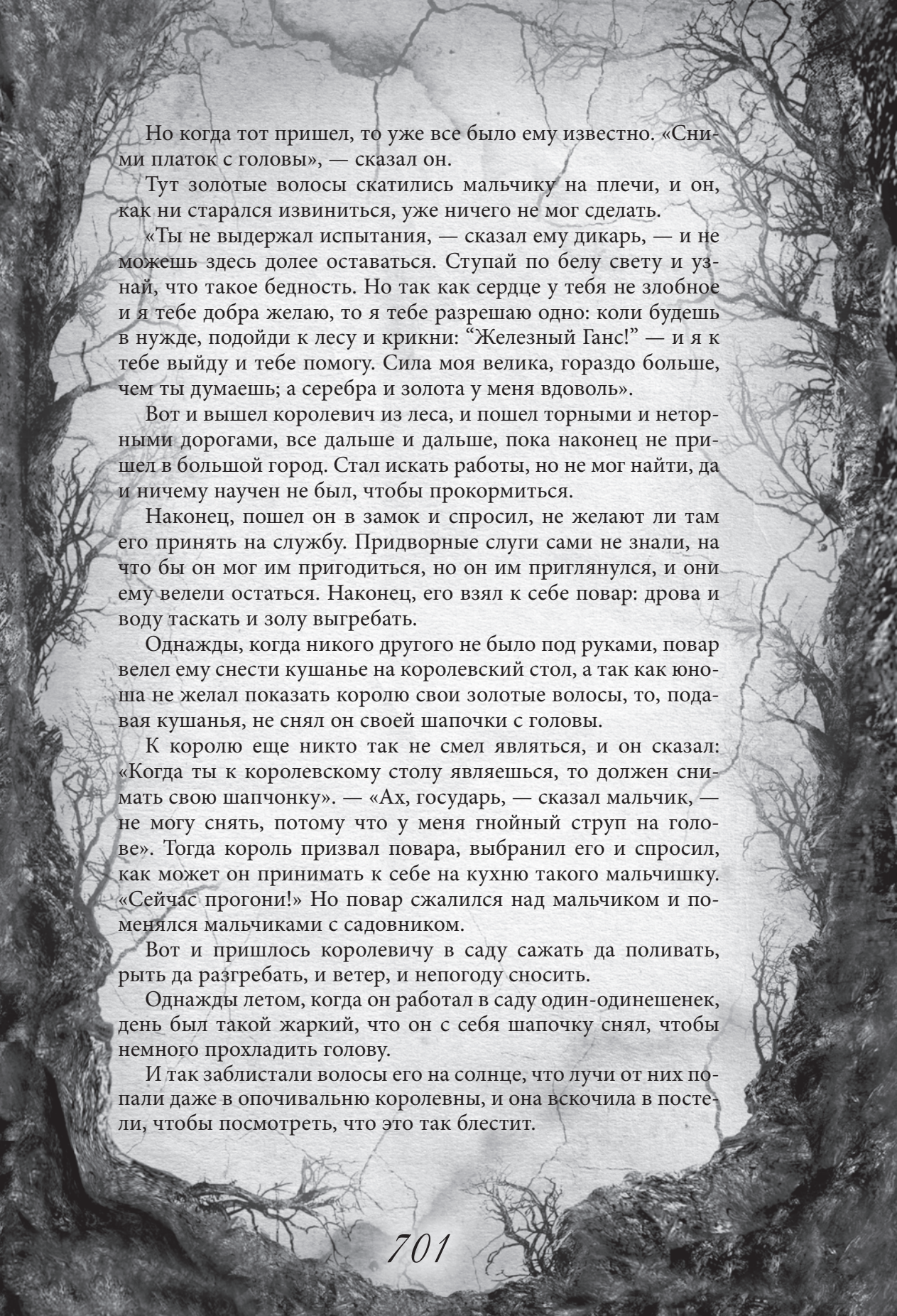
На другой день спозаранок опять сидел мальчик над колодцем и стерег его.

И опять заболел у него палец; он провел им по волосам, и тут, как на беду, волос с головы его упал в колодец. Он поскорее этот волос вытащил, но и волос совсем позолотился.

Железный Ганс пришел и уже знал о случившемся. «Ты обронил волос в колодец, — сказал он, — и еще раз я тебе это спущу, но если в третий раз нечто подобное случится, то колодец будет осквернен и тебе уже нельзя будет у меня оставаться долее».

На третий день мальчик сидел у колодца и уже шевельнуться не смел, хотя палец и очень болел у него. Но скука его томила, и он стал смотреть в воду, как в зеркало. Нагибался-нагибался, чтобы хорошенько глаза рассмотреть, и вдруг пряди его длинных волос, соскользнув с плеч, коснулись воды.

Он быстро вскочил на ноги, но уже все волосы на голове его позолотились и блестели, как солнце. Можно себе представить, как мальчик перепугался! Он обвязал себе голову носовым платком, чтобы дикарь не мог увидеть его волос.

Но когда тот пришел, то уже все было ему известно. «Сними платок с головы», — сказал он.

Тут золотые волосы скатились мальчику на плечи, и он, как ни старался извиниться, уже ничего не мог сделать.

«Ты не выдержал испытания, — сказал ему дикарь, — и не можешь здесь долее оставаться. Ступай по белу свету и узнай, что такое бедность. Но так как сердце у тебя не злобное и я тебе добра желаю, то я тебе разрешаю одно: коли будешь в нужде, подойди к лесу и крикни: “Железный Ганс!” — и я к тебе выйду и тебе помогу. Сила моя велика, гораздо больше, чем ты думаешь; а серебра и золота у меня вдоволь».

Вот и вышел королевич из леса, и пошел торными и неторными дорогами, все дальше и дальше, пока наконец не пришел в большой город. Стал искать работы, но не мог найти, да и ничему научен не был, чтобы прокормиться.

Наконец, пошел он в замок и спросил, не желают ли там его принять на службу. Придворные слуги сами не знали, на что бы он мог им пригодиться, но он им приглянулся, и они ему велели остаться. Наконец, его взял к себе повар: дрова и воду таскать и золу выгребать.

Однажды, когда никого другого не было под руками, повар велел ему снести кушанье на королевский стол, а так как юноша не желал показать королю свои золотые волосы, то, подавая кушанья, не снял он своей шапочки с головы.

К королю еще никто так не смел являться, и он сказал: «Когда ты к королевскому столу являешься, то должен снимать свою шапочку». — «Ах, государь, — сказал мальчик, — не могу снять, потому что у меня гнойный струп на голове». Тогда король призвал повара, выбрал его и спросил, как может он принимать к себе на кухню такого мальчишку. «Сейчас прогони!» Но повар сжалился над мальчиком и поменялся мальчиками с садовником.

Вот и пришлось королевичу в саду сажать да поливать, рыть да разгребать, и ветер, и непогоду сносить.

Однажды летом, когда он работал в саду один-одинешенек, день был такой жаркий, что он с себя шапочку снял, чтобы немного прохладить голову.

И так заблестали волосы его на солнце, что лучи от них попали даже в опочивальню королевны, и она вскочила в постели, чтобы посмотреть, что это так блестит.

Тогда увидела она юношу и крикнула ему: «Эй, малый! Принеси мне букет цветов».

Тот поспешно нахлобучил шапчонку, нарвал диких полевых цветов и связал их в пучок.

Стал он с ним подниматься по лестнице и повстречался с садовником. «Что ты это вздумал нарвать королевне таких дрянных цветов? Сейчас принеси других и выбери самые красивые и самые редкие». — «Ах, нет! — сказал юноша. — Дикие цветы лучше пахнут и больше ей понравятся».

Когда он пришел к ней в комнату, королевна сказала: «Сними свою шапчонку, не следует тебе передо мною быть в шапке». Он и ей то же отвечал: «Не смею снять ее — вся голова у меня в струпьях». Но та ухватила его за шапочку и сдернула ее долой, и скатились его золотые волосы ему на плечи, так что смотреть было любо.

Он было хотел бежать, но королевна его за руку удержала и дала ему полную пригоршню червонцев. Он ушел от королевны, но на это золото и внимания не обратил, принес его садовнику и сказал: «Отдай его твоим детям, пусть поиграют».

На другой день опять призвала его королевна, приказав принести букет полевых цветов, и когда он с цветами явился, она тотчас ухватила его за шапку и хотела сорвать, но он держал ее крепко обеими руками.

И опять дала она ему горсть червонцев, а он их опять садовниковым детям передал.

И на третий день было то же; она не могла сорвать с него шапки, а он не хотел брать от нее денег.

Вскоре после того затеялась в той стране война.

Король собрал свои войска, но не знал, удастся ли ему победить врага, который был силен и войско у которого было большое.

Тут и сказал юноша: «Я теперь уж взрослый и тоже хочу идти на войну, дайте мне только коня». Остальные слуги смеялись над ним и говорили: «Вот как мы уедем, так поищи себе коня: мы тебе коня в стойле оставим».

Когда они уехали, он пошел в конюшню и еле вытащил себе коня из стойла: конь был чахлый и на одну ногу хром. Юноша все же сел на него верхом и поехал к дремучему лесу.

Приехав на опушку, юноша трижды крикнул: «Железный Ганс!» — да так громко, что в лесу эхо откликнулось.

Тотчас явился к нему дикий человек и спросил его: «Чего желаешь?» — «Желаю доброго коня, чтобы на войну ехать». — «Получишь желаемое, — отвечал Железный Ганс, — и даже более того, что просишь».

Вернулся он к себе в лес, и немного спустя вышел из леса конюх и вывел на поводу коня, который раздувал ноздри и которого сдержать было трудно; а за конюхом следом — целый отряд латников, закованных в железо, и мечи их блистали на солнце. Юноша передал конюху свою трехногую лошадь, вскочил на борзого коня и поехал во главе отряда.

Когда они приблизились к полю битвы, большая часть королевского войска была перебита, остальные уже почти готовились к отступлению.

Тогда налетел юноша со своими латниками, бурей помчался на врагов и все сокрушил, что дерзнуло ему противиться. Враги хотели было бежать, но он всюду гнался за ними по пятам и только тогда унялся, когда врагов и след простыл.

Но вместо того, чтобы идти к королю, он повел свой отряд окольными дорогами к лесу и вызвал вновь Железного Ганса. «Что желаешь?» — спросил дикий человек. «Возьми своего коня и своих латников, а мне верни мою трехногую лошадь».

Все так и случилось, как юноша пожелал, и он поехал на своей трехногой лошади обратно в замок.

Когда король вернулся домой, дочь вышла ему навстречу и поздравила его с победою. «Не я победил, — сказал король, — победителем был какой-то чужой рыцарь, который пришел ко мне на помощь со своим отрядом».

Дочь хотела узнать, кто был этот чужой рыцарь, но король и сам не знал. Он сказал: «Видел я, что он за врагом помчался, а потом он у меня из глаз исчез».

Королевна осведомилась у садовника о его помощнике, тот засмеялся и сказал: «Он вот только что домой вернулся на своей трехногой лошади».

И другие слуги все над ним смеялись и кричали: «Вот наш богатырь на Хромушке едет». Они же его еще спрашивали: «За каким забором ты лежал, завалившись?» Но он им отвечал: «Я лучше всех отличился, и без меня плохо бы вам пришлось». Ну, те еще пуще смеяться стали.

Король сказал своей дочери: «Я устрою большой праздник, который должен будет длиться три дня, и ты на том празднике брось золотое яблоко: может быть, и придет тот чужой рыцарь, и поднимет твое яблоко».

Когда было извещено о том празднике, юноша пошел к лесу и вызвал Железного Ганса. «Чего желаешь?» — спросил тот. «Желаю, чтобы мне досталось золотое яблоко королевны». — «Считай его своим! — сказал дикий человек. — Да вот еще что: ты получишь от меня красные доспехи и приедешь на праздник на отличном рыжем коне».

Когда настал день праздника, юноша замешался в толпу рыцарей и никем не был признан.

Королевна вышла к рыцарям и бросила им золотое яблоко; но поймать его удалось только юноше, который, чуть овладел им, сейчас и скрылся.

На другой день Железный Ганс нарядил юношу в белые доспехи и дал ему саврасого коня. Опять ему досталось яблоко, и чуть он его ухватил, так и ускорился с ним.

Король рассердился на это и сказал: «Так действовать не дозволено! Он должен ко мне явиться и назвать себя по имени». И он отдал такой приказ: «Если рыцарь, поймавший яблоко, вздумает снова ускориться, то надо за ним гнаться, и если он добровольно не захочет вернуться, то рубить его и колоть».

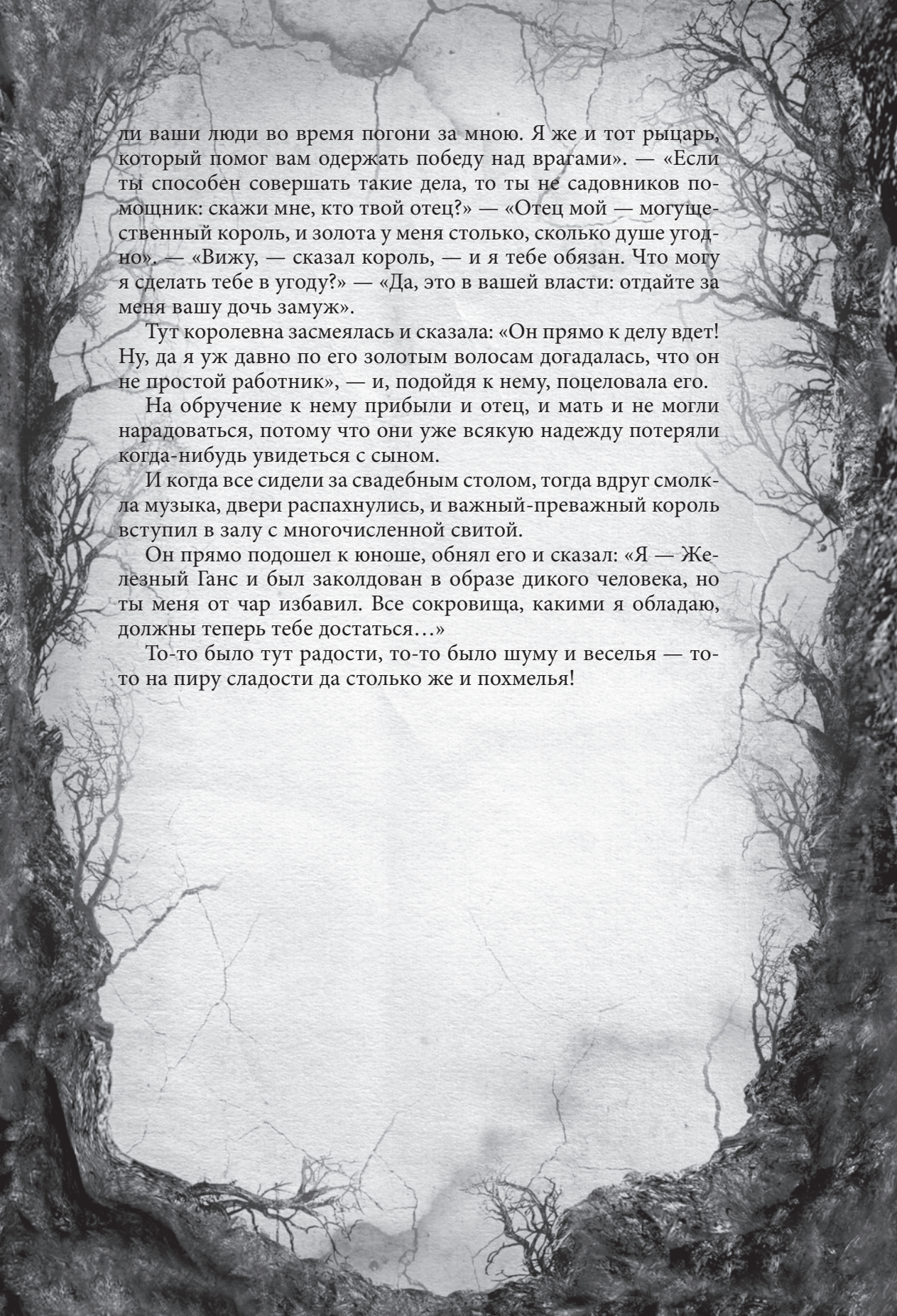
На третий день праздника королевич получил от Железного Ганса черное вооружение и вороного коня и опять поймал яблоко. Когда он задумал с ним ускориться, королевские люди за ним погнались, и один подскакал к нему так близко, что ранил его ногу острием меча.

Королевич все же от них умчался, но при этом конь его летел так бешено, что шлем у него упал с головы, и они увидели, что волосы у него золотые. С тем они и назад вернулись, и обо всем королю доложили.

На другое утро королевна спросила у садовника о юноше. «В саду работает, — отвечал тот. — Чудак такой — тоже на празднике был и уж поздно вечером вернулся: показывал он нам три золотых яблока, которые на празднике выиграл».

Король потребовал его к себе, и тот явился опять-таки в своей шапочке, но королевна ее тотчас сдернула, и упали ему на плечи золотые волосы мягкими кольцами, и так он был хорош, что все диву дались.

«Ты ли тот рыцарь, что все три дня являлся на праздник в доспехах разных цветов и поймал все три яблока?» — спросил король. «Да, — отвечал юноша и вынул из кармана три золотых яблока, и подал их королю. — Если же вам нужно еще больше доказательств, то вот та рана, которую мне нанес

ли ваши люди во время погони за мною. Я же и тот рыцарь, который помог вам одержать победу над врагами». — «Если ты способен совершать такие дела, то ты не садовников помощник: скажи мне, кто твой отец?» — «Отец мой — могущественный король, и золота у меня столько, сколько душе угодно». — «Вижу, — сказал король, — и я тебе обязан. Что могу я сделать тебе в угоду?» — «Да, это в вашей власти: отдайте за меня вашу дочь замуж».

Тут королевна засмеялась и сказала: «Он прямо к делу вдет! Ну, да я уж давно по его золотым волосам догадалась, что он не простой работник», — и, подойдя к нему, поцеловала его.

На обручение к нему прибыли и отец, и мать и не могли нарадоваться, потому что они уже всякую надежду потеряли когда-нибудь увидеться с сыном.

И когда все сидели за свадебным столом, тогда вдруг смолкла музыка, двери распахнулись, и важный-преважный король вступил в залу с многочисленной свитой.

Он прямо подошел к юноше, обнял его и сказал: «Я — Железный Ганс и был заколдован в образе дикого человека, но ты меня от чар избавил. Все сокровища, какими я обладаю, должны теперь тебе достаться...»

То-то было тут радости, то-то было шуму и веселья — то-то на пиру сладости да столько же и похмелья!

Три черные принцессы

Город Остенде был врагами осажден, и они не хотели снять с города осады, а требовали сначала с него шестьсот талеров откупу. Вот и было объявлено, что кто эти деньги доставить может, тот сразу будет в бургомистры избран.

И был там бедный рыбак, рыбачил он на море с сыном, но пришел неприятель и взял сына его в плен, а отцу в вознаграждение дал шестьсот талеров.

Вот и пошел рыбак и отдал эти деньги господам в городе, и неприятель снял осаду, а рыбак попал в бургомистры.

Тогда же и было объявлено: кто не скажет, обращаясь к нему: «Господин бургомистр», — того следует присудить к виселице.

Сын между тем успел от неприятеля бежать и пришел в большом лесу к высокой горе.

Гора та вскрылась, и попал сын рыбака в большой волшебный замок, в котором и стулья, и столы, и лавки были покрыты черной материей.

Пришли к нему три принцессы — и одеты в черное, и лицом чернехоньки.

Они сказали ему: «Не бойся нас, мы тебе никакого зла не сделаем, а ты нас избавить от чар можешь».

На это он отвечал, что и рад бы их избавить, да не знает, как за это приняться.

Тогда сказали они, что он целый год не должен с ними говорить и не должен на них смотреть; а если что ему нужно, то должен он теперь же сказать, пока они отвечать ему могут, и они его желание исполнят.

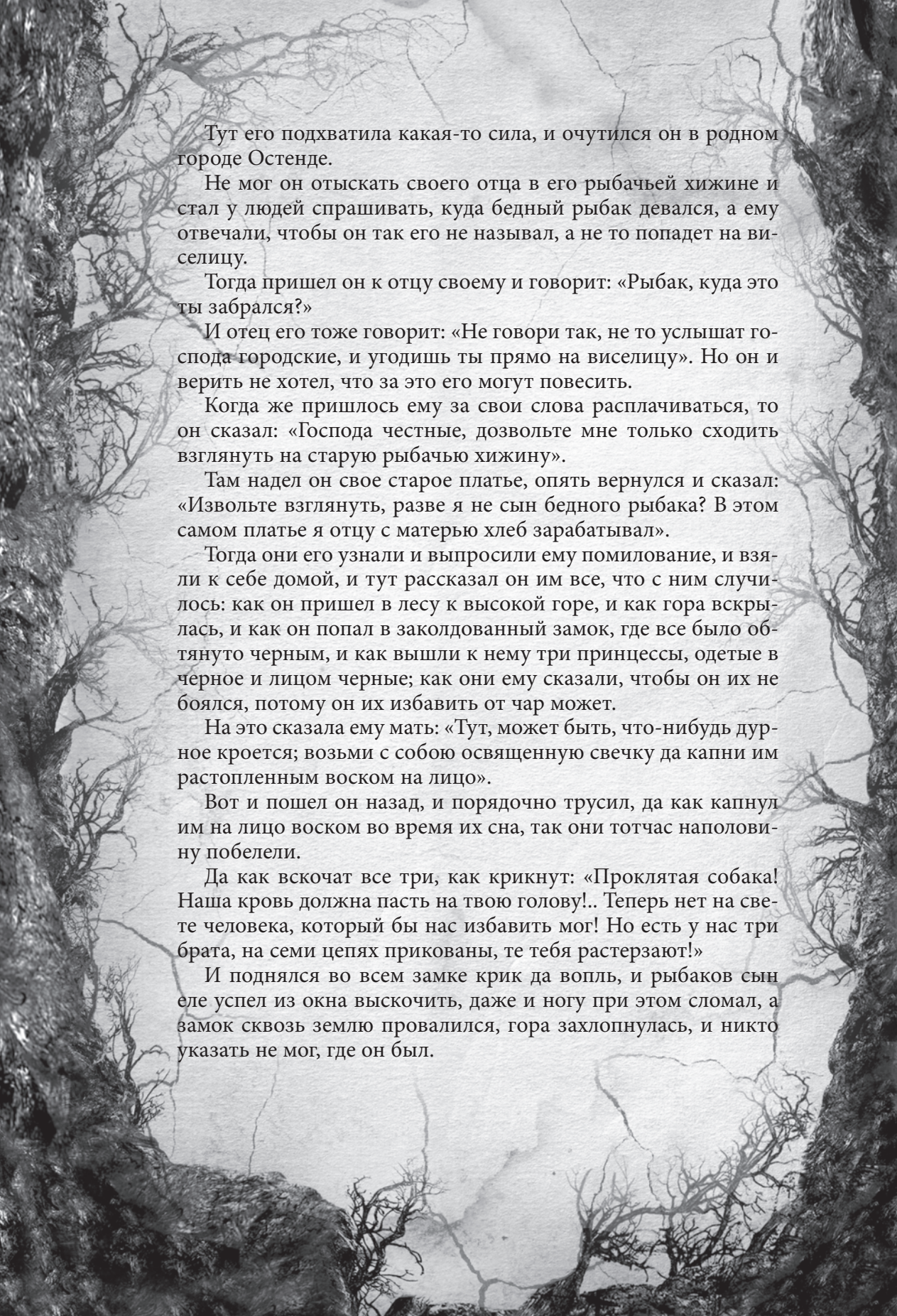
Он сказал, что желал бы к отцу сходить, и они сказали ему, что он сходить может, и пусть возьмет с собою туго набитый кошелек, и платье наденет хорошее; через восемь дней должен опять сюда же вернуться.

«Три черные принцессы».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Пришли к нему три принцессы –
и одеты в черное, и лица их черненьки...»*

Тут его подхватила какая-то сила, и очутился он в родном городе Остенде.

Не мог он отыскать своего отца в его рыбацкой хижине и стал у людей спрашивать, куда бедный рыбак девался, а ему отвечали, чтобы он так его не называл, а не то попадет на виселицу.

Тогда пришел он к отцу своему и говорит: «Рыбак, куда это ты забрался?»

И отец его тоже говорит: «Не говори так, не то услышат господа городские, и угодишь ты прямо на виселицу». Но он и верить не хотел, что за это его могут повесить.

Когда же пришлось ему за свои слова расплачиваться, то он сказал: «Господа честные, дозволейте мне только сходить взглянуть на старую рыбацкую хижину».

Там надел он свое старое платье, опять вернулся и сказал: «Извольте взглянуть, разве я не сын бедного рыбака? В этом самом платье я отцу с матерью хлеб зарабатывал».

Тогда они его узнали и выпросили ему помилование, и взяли к себе домой, и тут рассказал он им все, что с ним случилось: как он пришел в лесу к высокой горе, и как гора вскрылась, и как он попал в заколдованный замок, где все было обтянуто черным, и как вышли к нему три принцессы, одетые в черное и лицом черные; как они ему сказали, чтобы он их не боялся, потому он их избавить от чар может.

На это сказала ему мать: «Тут, может быть, что-нибудь дурное кроется; возьми с собою освященную свечку да капни им растопленным воском на лицо».

Вот и пошел он назад, и порядочно трусил, да как капнул им на лицо воском во время их сна, так они тотчас наполовину побелели.

Да как вскочат все три, как крикнут: «Проклятая собака! Наша кровь должна пасть на твою голову!.. Теперь нет на свете человека, который бы нас избавить мог! Но есть у нас три брата, на семи цепях прикованы, те тебя растерзают!»

И поднялся во всем замке крик да вопль, и рыбаков сын еле успел из окна выскочить, даже и ногу при этом сломал, а замок сквозь землю провалился, гора захлопнулась, и никто указать не мог, где он был.

Ягненочек и рыбка

Жили-были братец с сестрою, которые очень любили друг друга. Их родная матушка умерла; а была у них мачеха, которая не была к ним добра и тайно делала им все дурное.

Случилось однажды, что братец с сестрицею играли с другими детьми на лужайке перед домом, а около той лужайки был пруд, который подходил с одной стороны к самому дому.

Дети бегали кругом, ловили друг друга и играли в догонялки. Один из них пел:

Энеке-бенеке, здесь и там,
Я тебе птичку свою отдам,
Птичка отыщет соломки мне;
Соломку козочке дам на гумне.
Козочка мне молочка принесет.
Пекарь на нем мне булку спечет,
Булочку кошечке я передам —
Пусть она мышку изловит нам...

При этом детки становились в кружок, держась за руки, и на которого из них выпадало последнее слово песни, тот бросался бежать, а другие его ловили.

Злая мачеха увидела из окна, как они весело играют, и ей это стало досадно.

Но так как она умела колдовать, то она и оборотила братца рыбкою, а сестрицу — ягненочком.

Вот и стала рыбка плавать в пруду туда и сюда, и была печальная-препечальная; стал и ягненочек бродить по лугу туда и сюда, печальный-препечальный, и не ел ничего, и ни одного стебелька не касался.

Так прошло немного времени, и вот однажды приехали в дом к мачехе гости.

Коварная мачеха подумала: «Вот хороший случай», — позвала повара и сказала ему: «Ступай, возьми ягненка с луга да и зарежь его; а то нечем гостей угощать будет».

Пошел повар на луг, принес ягненка, связал ему в кухне ноги; и ягненок все это выносил терпеливо.

Когда же повар вынул нож и стал его точить на пороге, то увидел, как рыбка какая-то в пруду, подплыв к самому сточному желобу, стала из воды высовываться и на него смотреть.

А это и был братец!

Как он из своего пруда увидел, что повар увел ягненокча, то и подплыл к дому.

И вот ягненокчик крикнул рыбке:

Братец мой, слышал ли ты в глубине,
Как стало на сердце тяжело мне?
Недаром повар тот нож вострит —
Он мое сердце ножом пронзит...

А рыбка сестрице отвечала:

Сестричка милая, бедняжка!
И у меня на сердце тяжело —
С тобой в разлуке, по тебе
Грущу я в водной глубине.

Когда повар услышал, что ягненокчик говорить умеет да еще так уныло взывает к рыбке, то он испугался; ему тотчас пришлось в голову, что это не обыкновенная овечка, а кто-нибудь иной, заколдованный злою мачехой.

Тогда он сказал: «Успокойся, я тебя не зарежу», — взял другую овечку и приготовил все для гостей, а сестрицу-овечку отвел к одной доброй поселянке, которой и рассказал все, что сам видел и слышал.

А поселянка была кормилицей сестрички: она тотчас догадалась, кто превращен в овечку, и пошла к одной ведунье.

Та прочла над овечкой и рыбкой какой-то мудреный заговор, и они от того заговора ведуньи опять вернулись в свой прежний человеческий образ.

Тогда она отвела их в большой лес, где они поселились в маленькой избушке и жили одни-одинешеньки и всем довольнешеньки.

Гора Семели

Давно это было. Жили на свете два брата — один богатый, другой бедный. Богатый ничего не давал бедному, и тот кое-как перебивался хлебной торговлей; ну, а подчас дела у него оказывались до такой степени плохи, что и для своих детей хлеба не хватало.

Однажды случилось ему ехать по лесу на своей тележке, и вдруг увидел он в стороне большую, ничем не поросшую гору, а так как он ее никогда прежде не видывал, то и приостановился, и стал в нее всматриваться с изумлением.

В то время как он так стоял, он увидел, что по лесу идут двенадцать дюжих молодцов.

Он подумал, что это разбойники, а потому, запрытав тележку в кусты, сам залез на дерево и стал выжидать, что будет далее.

А те двенадцать подошли к горе и крикнули: «Гора Семзи, гора Семзи! Откройся!»

И вот эта гора посередине открылась, и когда те в нее вошли, она опять закрылась за ними.

Несколько времени спустя гора опять открылась, и все двенадцать вышли из нее, таща на спине тяжелые мешки; затем они сказали: «Гора Семзи, гора Семзи! Закройся!»

И гора закрылась так плотно, что от входа в нее не осталось и следа, и все двенадцать людей ушли.

Когда они скрылись у него из глаз, бедняк слез с дерева и любопытствовал посмотреть, что могло в горе таиться. Вот и стал он перед нею и сказал: «Гора Семзи, гора Семзи! Откройся!» — и гора тотчас же и перед ним открылась.

Он в нее вошел и увидел, что в ней была большая пещера, наполненная серебром и золотом, а далее в ней кучами лежали жемчуг и сверкавшие в темноте драгоценные камни — ни дать ни взять, как зерно на гумне!

Бедняк и сам не знал, что ему делать и брать ли ему что-нибудь из этих сокровищ.

Наконец, он набил себе карманы золотом, а жемчуг и драгоценные камни не тронул.

Выйдя из горы, он тотчас так же проговорил: «Гора Семзи, гора Семзи! Закройся!» — и гора закрылась, и он со своей тележкой поплелся домой.

Вот теперь ему уж и не надо было ни о чем заботиться, и он со своим золотом мог купить жене и деткам не только хлеба, но даже и вина; зажил весело и честно, раздавал деньги бедным в помощь и много творил добра.

Когда деньги пришли к концу, он пошел к своему богатому брату, взял у него в долг хлебную меру и вновь привез себе золота; а к другим сокровищам и не прикоснулся.

И в третий раз, собираясь съездить за золотом, опять-таки занял у брата хлебную меру.

Но брат уже давно с завистью смотрел на его достаток и на то, что он хорошо живет, да никак не мог сообразить, с чего брат разбогател и зачем берет у него меру.

Тогда он придумал хитрость: вымазал дно у меры смолою, и когда получил ее обратно, то увидел, что к ее дну прилип золотой. Он тотчас пришел к своему брату и спросил у него: «Что ты мерял моею мерою?» — «Рожь и гречу», — отвечал тот.

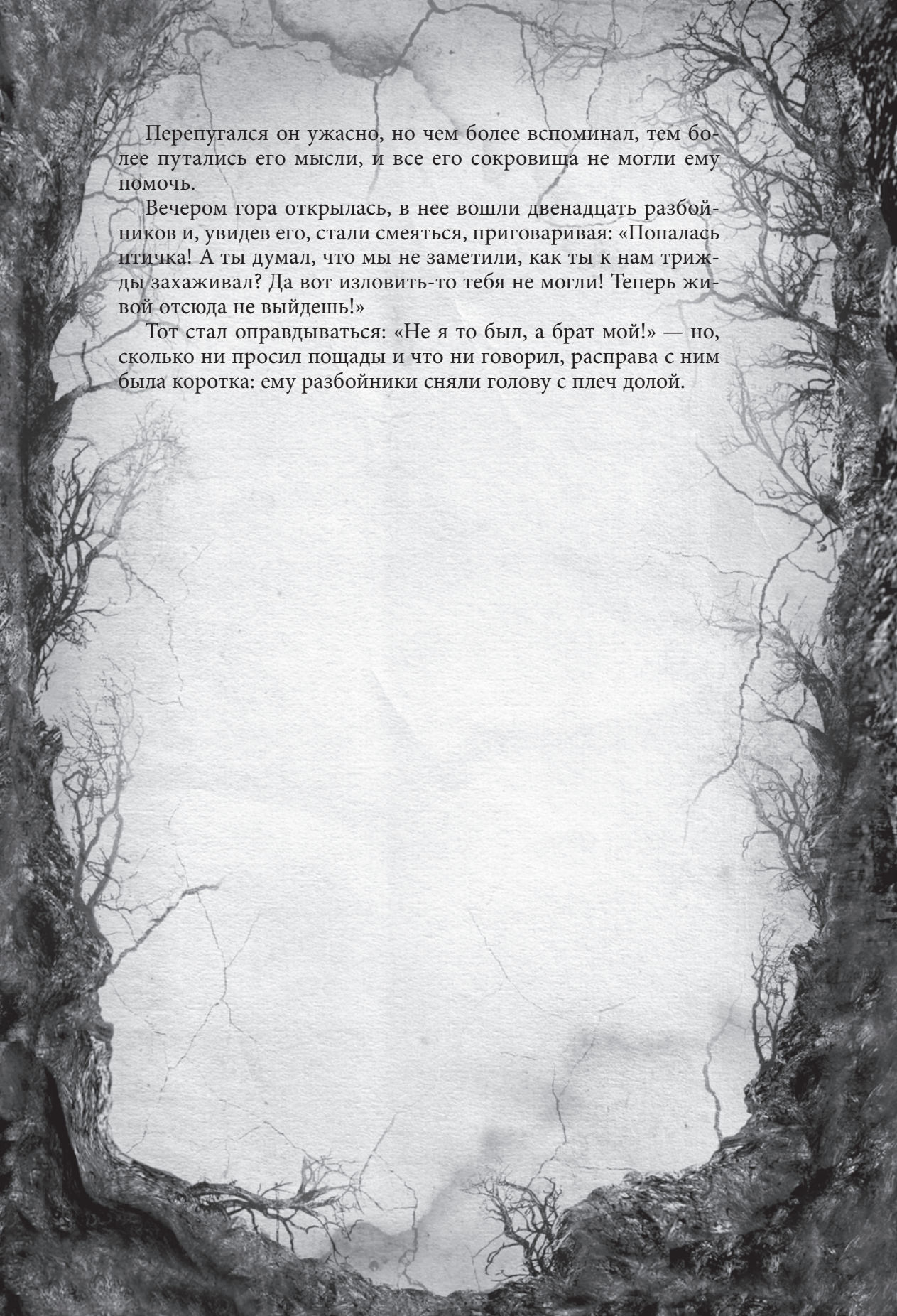
Тогда богатый показал ему золотой на дне меры и пригрозил, что если тот ему не скажет всей правды, то он потащит его в суд.

Пришлось бедному рассказать ему все, как было. Богач, выслушав все, приказал запрячь повозку, выехал из дома и задумал при этом удобном случае запастись совсем иными сокровищами.

Приехал к той горе и крикнул: «Гора Семзи, гора Семзи! Откройся!» Гора открылась, и он вошел внутрь ее.

Как увидел он лежавшие в ней богатства, глаза у него разбежались, и он долго не знал, за что ему прежде схватиться; наконец он нагрузил на себя столько драгоценных камней, сколько мог снести.

Собрался уж он вынести из горы свою драгоценную ношу, но богатства так ему голову задурили, что он позабыл название горы, и крикнул: «Гора Симели, гора Симели! Откройся!» Но гора не двигалась и оставалась запертой.

Перепугался он ужасно, но чем более вспоминал, тем более путались его мысли, и все его сокровища не могли ему помочь.

Вечером гора открылась, в нее вошли двенадцать разбойников и, увидев его, стали смеяться, приговаривая: «Попалась птичка! А ты думал, что мы не заметили, как ты к нам трижды заходил? Да вот изловить-то тебя не могли! Теперь живой отсюда не выйдешь!»

Тот стал оправдываться: «Не я то был, а брат мой!» — но, сколько ни просил пощады и что ни говорил, расправа с ним была коротка: ему разбойники сняли голову с плеч долой.

В нѹти

У одной бедной женщины был единственный сын, и очень уж тому сыну хотелось по белу свету постранствовать. Мать и сказала ему: «Ну, куда тебе еще странствовать?! Денег у нас и так нет, что ж ты с собой возьмешь?»

Сын отвечал ей: «Да уж я как-нибудь обойдусь, все буду говорить себе: поменьше бы, поменьше бы...»

Вот и шел он сколько-то времени и постоянно говорил себе: «Поменьше бы, поменьше бы».

Пришел он к рыбакам и видит — собираются рыбу ловить; а он им: «Бог вам в помощь! Поменьше бы, поменьше бы!» — «Что ты, парень, говоришь там: поменьше бы, поменьше бы?»

И случилось так, что они мало рыбы поймали. Ну и набросились на парня. «Видел ли, — говорят ему, — как рожь молотят?» — «Да что же мне говорить-то?» — взмолился он. «Ты должен бы сказать: побольше бы, побольше бы!»

Шел он и еще сколько-то времени и все про себя твердил: «Побольше бы, побольше бы!» — пока не пришел к виселице, на которой собирались какого-то горемыку вешать.

Парень и сказал: «Доброе утро, побольше бы, побольше бы!» — «Ты что же это говоришь, парень, побольше бы? Видно, ты хочешь, чтобы побольше было дурных людей на свете? Или их еще мало?»

И опять ему по загравку попало. «Да что же я должен был сказать-то?» — «А должен бы сказать: помилуй Бог душу грешную!»

Опять шел-шел парень и все твердил: «Помилуй Бог душу грешную!»

И подходит к яме, а в яме стоит живодер, лошадь обдирает. Сказал ему парень: «День добрый! Помилуй Бог душу грешную!» — «Что ты говоришь, негодяй!» — крикнул живодер, да

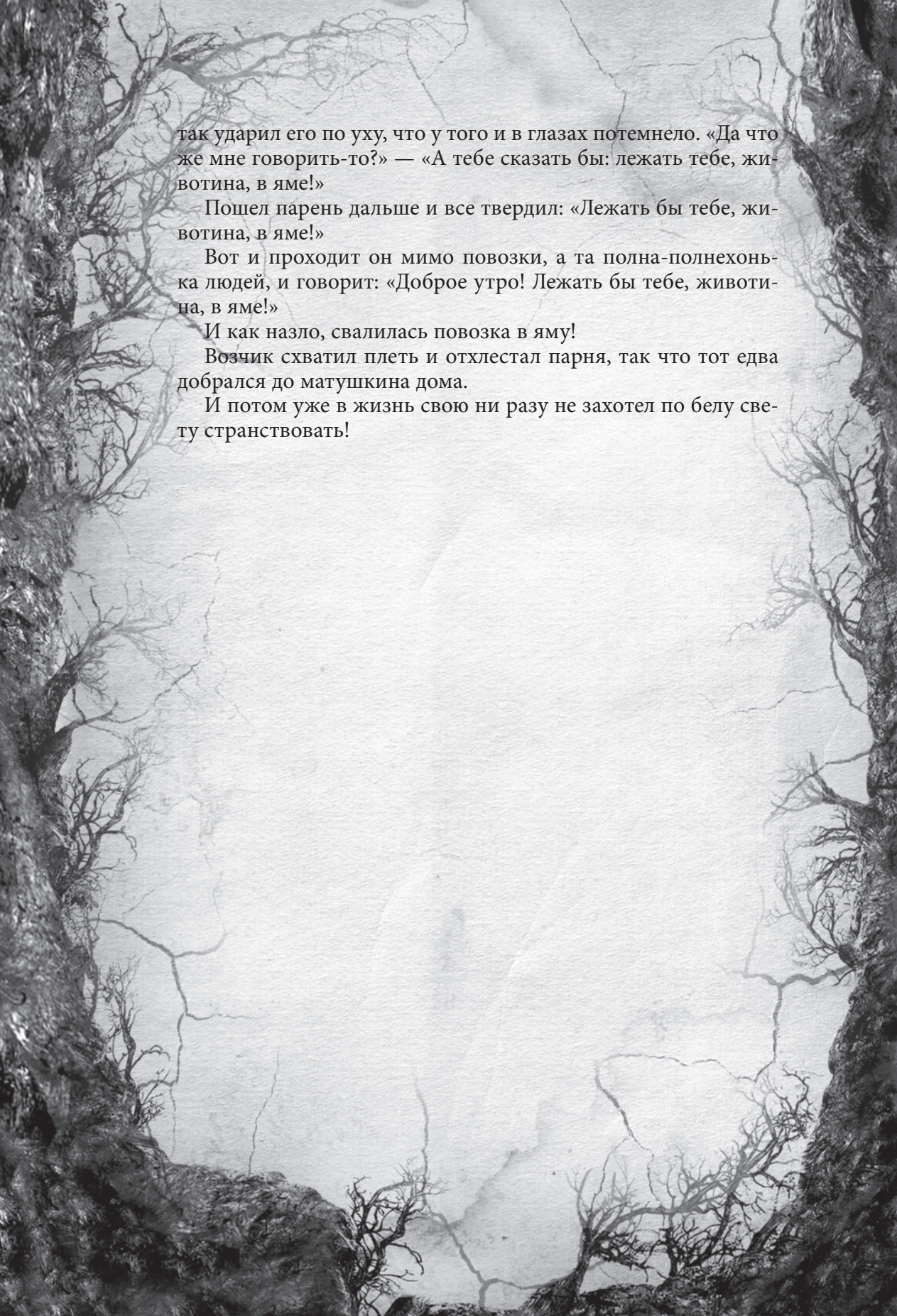

«Нищий».

Художник – Питер Янс. Гравюра. 1634–1638 гг.

«...Сын отбегал ей:

«Да уж я как-нибудь обойдусь, все буду говорить себе:
поменьше бы, поменьше бы ...»

так ударил его по уху, что у того и в глазах потемнело. «Да что же мне говорить-то?» — «А тебе сказать бы: лежать тебе, животи-на, в яме!»

Пошел парень дальше и все твердил: «Лежать бы тебе, животи-на, в яме!»

Вот и проходит он мимо повозки, а та полна-полнехонь-ка людей, и говорит: «Доброе утро! Лежать бы тебе, животи-на, в яме!»

И как назло, свалилась повозка в яму!

Возчик схватил плетъ и отхлестал парня, так что тот едва добрался до матушкина дома.

И потом уже в жизнь свою ни разу не захотел по белу све-ту странствовать!

Ослик

Некогда жили на свете король с королевой. Были они и богаты, и всего у них было вдоволь; одного только — детей — у них не было.

Королева, которая еще была молода, об этом день и ночь сокрушалась и говорила: «Я точно поле, на котором ничего не растет!»

Наконец, Бог исполнил их желание; но когда ребенок родился на свет, то на вид оказался не как все люди, а больше похож на осленка. Когда увидела это мать, так и стала вопить и жаловаться, что уж лучше бы ей вовсе детей не иметь, чем осленка родить.

И велела королева-мать в отчаянье и горе его в воду бросить рыбам на съеденье.

Король же отменил это повеление и сказал жене: «Нет, коли уж Бог его дал, так пусть он и будет мне сыном и наследником, пусть сядет после смерти моей на мой королевский трон и наденет на себя мой королевский венец».

Вот и стали ослика воспитывать.

И стал он подрастать, и уши его тоже стали расти, большие такие и прямые.

А впрочем, он был ослик веселый, прыгал кругом да играл и особенно любил музыку.

И вот думал он, думал, и надумал, и пошел к одному знаменитому музыканту и сказал: «Научи ты меня твоему искусству, да так, чтобы я мог на лютне не хуже тебя играть». — «Ах, милый мой господинчик, — отвечал ему музыкант, — это вам нелегко будет, потому что ваши пальцы не так устроены, да и велики очень. Боюсь, что, пожалуй, струны не выдержат».

Но все уговоры были тщетны.

Ослик хотел во что бы то ни стало играть на лютне, был притом же настойчив и прилежен.

Наконец, по прошествии какого-то времени он научился играть на лютне не хуже, чем и сам учитель. Вот и пошел ослик в раздумье гулять.

Пришел к одному колодцу, заглянул в него и увидел в зеркально чистой воде свое отражение. Он был этим так опечален, что побрел скитаться по белу свету и только одного верного приятеля захватил с собою.

Бродили они здесь и там и наконец пришли в такое царство, которым правил старый король.

А у того короля была единственная дочь, да уж такая девица-красавица, что и описать невозможно.

Ослик сказал: «Здесь проживем!»

Постучался в ворота и крикнул: «Гость пришел, отойдите, чтобы он мог войти к вам».

И так как ему не отпирали, то он присел у дверей, взял свою лютню и давай на ней играть своими двумя передними ногами, да еще как хорошо-то!

Привратник и глаза выпучил; побежал к королю и сказал: «Там, у ворот, сидит ослик и играет на лютне не хуже ученого музыканта». — «Так впусти его», — сказал король.

Когда же ослик вошел к королю, все принялись громко смеяться над этим музыкантом.

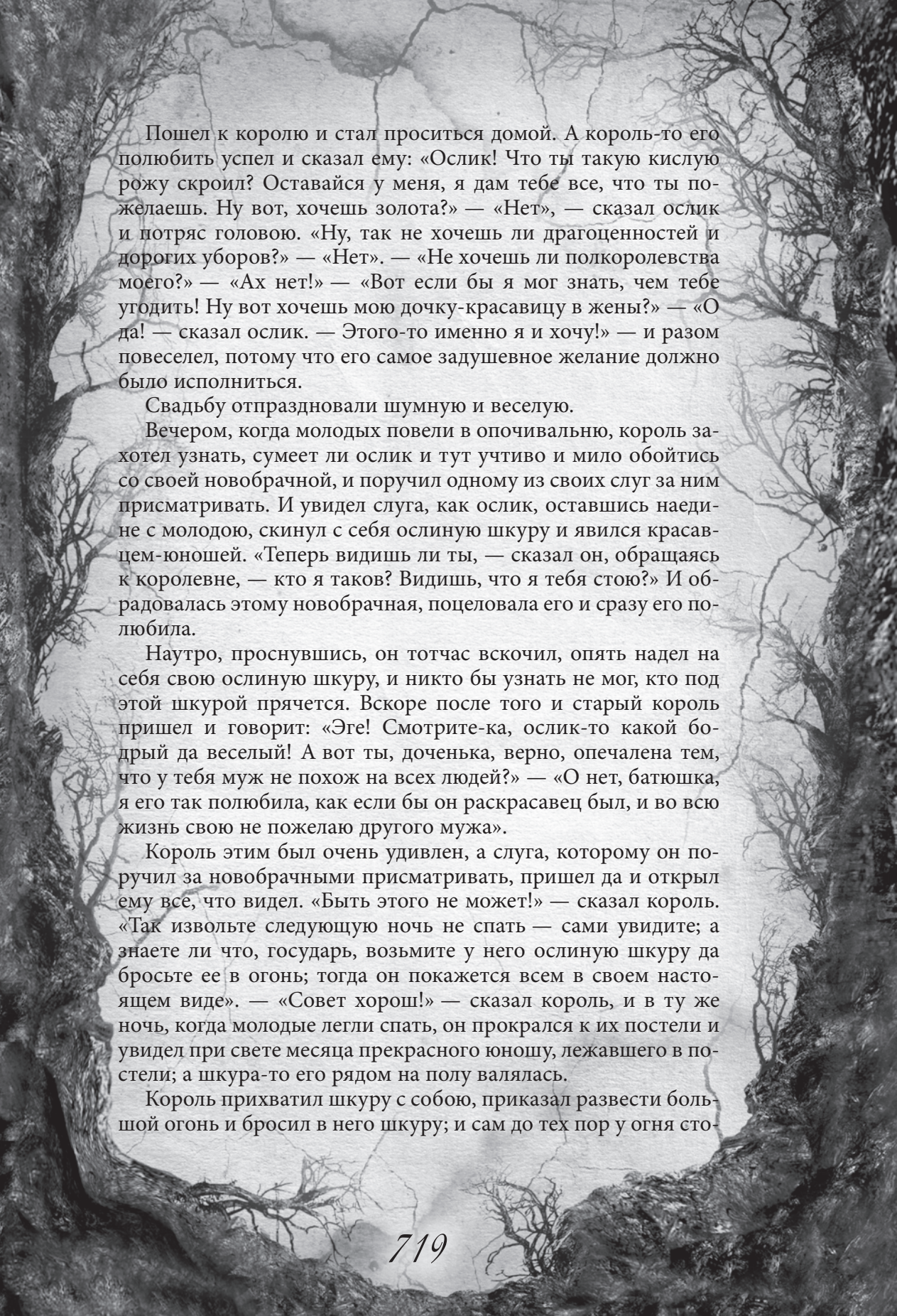
И вот посадили ослика внизу со слугами за стол, и он был этим очень недоволен и сказал: «Я не какой-нибудь простой ослик, что в стойло ставят, я ослик знатный».

Тогда ему отвечали: «Если ты точно знатный, то садись же с военным людом». — «Нет, — сказал он, — я хочу у короля за столом сидеть». Король посмеялся этому и сказал добродушно: «Пусть будет по его желанию. Ослик, ступай сюда!»

Затем король спросил у него: «Ослик, скажи-ка, как нравится тебе моя дочь?»

Ослик повернул к ней голову, посмотрел на нее, кивнул головой и сказал: «Она такая красавица, каких я мало и видавал!» — «Ну, так ты рядом с нею и садись!» — сказал король. «Мне этого и хотелось!» — сказал ослик и сел около королевны, стал пить и есть и сумел вести себя вполне опрятно и благовоспитанно.

Пробыв довольно долго при королевском дворе, ослик подумал: «Сколько ни быть, все же надо домой возвращаться», — и повесил печально головушку...

Пошел к королю и стал проситься домой. А король-то его полюбить успел и сказал ему: «Ослик! Что ты такую кислую рожу скроил? Оставляйся у меня, я дам тебе все, что ты пожелаешь. Ну вот, хочешь золота?» — «Нет», — сказал ослик и потряс головою. «Ну, так не хочешь ли драгоценностей и дорогих уборов?» — «Нет». — «Не хочешь ли полкоролевства моего?» — «Ах нет!» — «Вот если бы я мог знать, чем тебе угодить! Ну вот хочешь мою дочку-красавицу в жены?» — «О да! — сказал ослик. — Этого-то именно я и хочу!» — и разом повеселел, потому что его самое задушевное желание должно было исполниться.

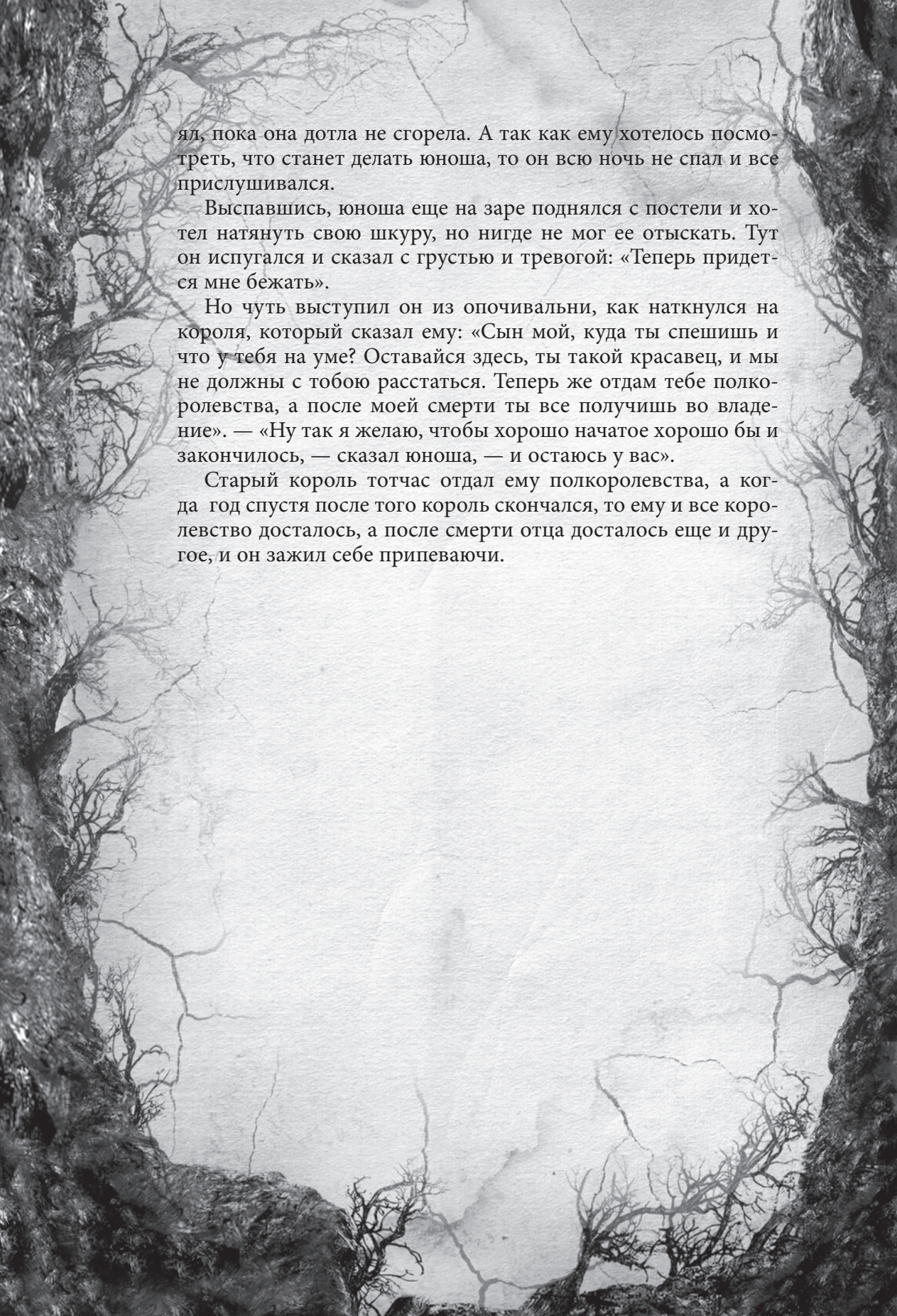
Свадьбу отпраздновали шумную и веселую.

Вечером, когда молодых повели в опочивальню, король захотел узнать, сумеет ли ослик и тут учтиво и мило обойтись со своей новобрачной, и поручил одному из своих слуг за ним присматривать. И увидел слуга, как ослик, оставшись наедине с молодою, скинул с себя ослиную шкуру и явился красавцем-юношей. «Теперь видишь ли ты, — сказал он, обращаясь к королевне, — кто я таков? Видишь, что я тебя стою?» И обрадовалась этому новобрачная, поцеловала его и сразу его любила.

Наутро, проснувшись, он тотчас вскочил, опять надел на себя свою ослиную шкуру, и никто бы узнать не мог, кто под этой шкурой прячется. Вскоре после того и старый король пришел и говорит: «Эге! Смотрите-ка, ослик-то какой бодрый да веселый! А вот ты, доченька, верно, опечалена тем, что у тебя муж не похож на всех людей?» — «О нет, батюшка, я его так полюбила, как если бы он раскрасавец был, и во всю жизнь свою не пожелаю другого мужа».

Король этим был очень удивлен, а слуга, которому он поручил за новобрачными присматривать, пришел да и открыл ему все, что видел. «Быть этого не может!» — сказал король. «Так извольте следующую ночь не спать — сами увидите; а знаете ли что, государь, возьмите у него ослиную шкуру да бросьте ее в огонь; тогда он покажется всем в своем настоящем виде». — «Совет хорош!» — сказал король, и в ту же ночь, когда молодые легли спать, он прокрался к их постели и увидел при свете месяца прекрасного юношу, лежавшего в постели; а шкура-то его рядом на полу валялась.

Король прихватил шкуру с собою, приказал развести большой огонь и бросил в него шкуру; и сам до тех пор у огня сто-

ял, пока она дотла не сгорела. А так как ему хотелось посмотреть, что станет делать юноша, то он всю ночь не спал и все прислушивался.

Выспавшись, юноша еще на заре поднялся с постели и хотел натянуть свою шкуру, но нигде не мог ее отыскать. Тут он испугался и сказал с грустью и тревогой: «Теперь придется мне бежать».

Но чуть выступил он из опочивальни, как наткнулся на короля, который сказал ему: «Сын мой, куда ты спешишь и что у тебя на уме? Оставайся здесь, ты такой красавец, и мы не должны с тобою расстаться. Теперь же отдам тебе полкоролевства, а после моей смерти ты все получишь во владение». — «Ну так я желаю, чтобы хорошо начатое хорошо бы и закончилось, — сказал юноша, — и остаюсь у вас».

Старый король тотчас отдал ему полкоролевства, а когда год спустя после того король скончался, то ему и все королевство досталось, а после смерти отца досталось еще и другое, и он зажил себе припеваючи.

Неблагодарный сын

днажды сидели хозяин с хозяйкой перед своим домиком, и стояла перед ними на столе жареная курица, за которую они собирались приняться. Вдруг увидел хозяин, что идет к ним старик — отец его; он тотчас курицу припрятал, чтобы тому нисколько не уделить.

Старик подошел, выпил стаканчик и отправился далее.

Вот сын-то и собрался вновь поставить жареную курицу на стол, но когда за нее взялся, то увидел, что она обратилась в большую жабу, которая прыгнула ему на лицо и с него не сходила.

А когда кто-нибудь хотел ее согнать, то она, бывало, так злобно взглянет, словно в лицо тоже вцепиться хочет: так никто и не решался к ней притронуться.

И эту жабу неблагодарный сын должен был каждый день кормить, а не то она начинала терзать его лицо.

И так он до конца жизни своей земной, не зная покоя, маялся на белом свете.

Репя

Жили два брата, и оба были солдаты, но один из них был богат, а другой беден. Вот и задумал бедный от своей бедности отделаться, бросил службу и пошел в землепашцы. Вспахал, взборонил свое поле и засеял его семенем репы. Семя взошло, и выросла на поле между другими одна репина — пребоольшая, прекрепкая и претолстая, и все еще росла... Ну, право, ее можно было бы назвать царицей над всеми репами, потому что такой другой еще никогда не бывало, да вряд ли и будет.

Под конец она уже так разрослась, что одна могла собою заполнить целую повозку, и ту два вола еле тащили, и поселянин сам не знал, что ему с тою репою делать, и на счастье ли ему или на несчастье она такую уродилась.

Стал он раздумывать: «Продать ее — немного за нее получишь, а самому ее есть — так я и от других, мелких реп сыт буду... Разве вот что! Не поднести ли мне ее королю в подарок?»

Вот и взвалил он ее на повозку, впряг двух волов, привез репу ко двору и подарил королю.

«Что это за диковинка такая? — сказал король. — Видал-таки я много дивного на своем веку, но такого чудища никогда не видывал. Из каких семян такая репища уродиться могла? Или уж это тебе одному удача, и ты уж один такой счастливчик?» — «О нет, — сказал поселянин, — счастливчиком я никогда не был: я просто бедняк-солдат; нечем мне было питаться, вот и покинул я службу и принялся землю пахать. Есть у меня и еще брат, богатый, и вам, государь, он известен; а у меня ничего нет, вот и забыт я всеми».

Король над бедняком сжалился и сказал: «С бедностью своею ты расстанешься и так будешь мною одарен, что сравняешься со своим богатым братом».

«Реп».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Студент стал озираться, не зная,
откуда это послышался ему голос...»*

И подарил ему много денег, земель, луга и стада и таким богачом его сделал, что другой брат с ним по богатству и равняться не мог.

Когда этот богатый-то прослышал, что удалось его брату одной репкой зашибить, позавидовал он брату и стал думать, как бы ему тоже добиться такого счастья.

Но только он задумал дело гораздо лучше сладить: захватил с собою золото и красивых коней и все это свез королю в подарок, думая, что тот его за это отдарит как следует: «Ведь уж если брату так много за одну репу получить пришлось, так, верно же, я в накладе не останусь?»

Король принял подарок и сказал, что не знает, чем его отдарить, разве что подарить ему диковинную репину. Вот и вынужден был богатый брат взвалить репину своего брата на телегу и везти домой.

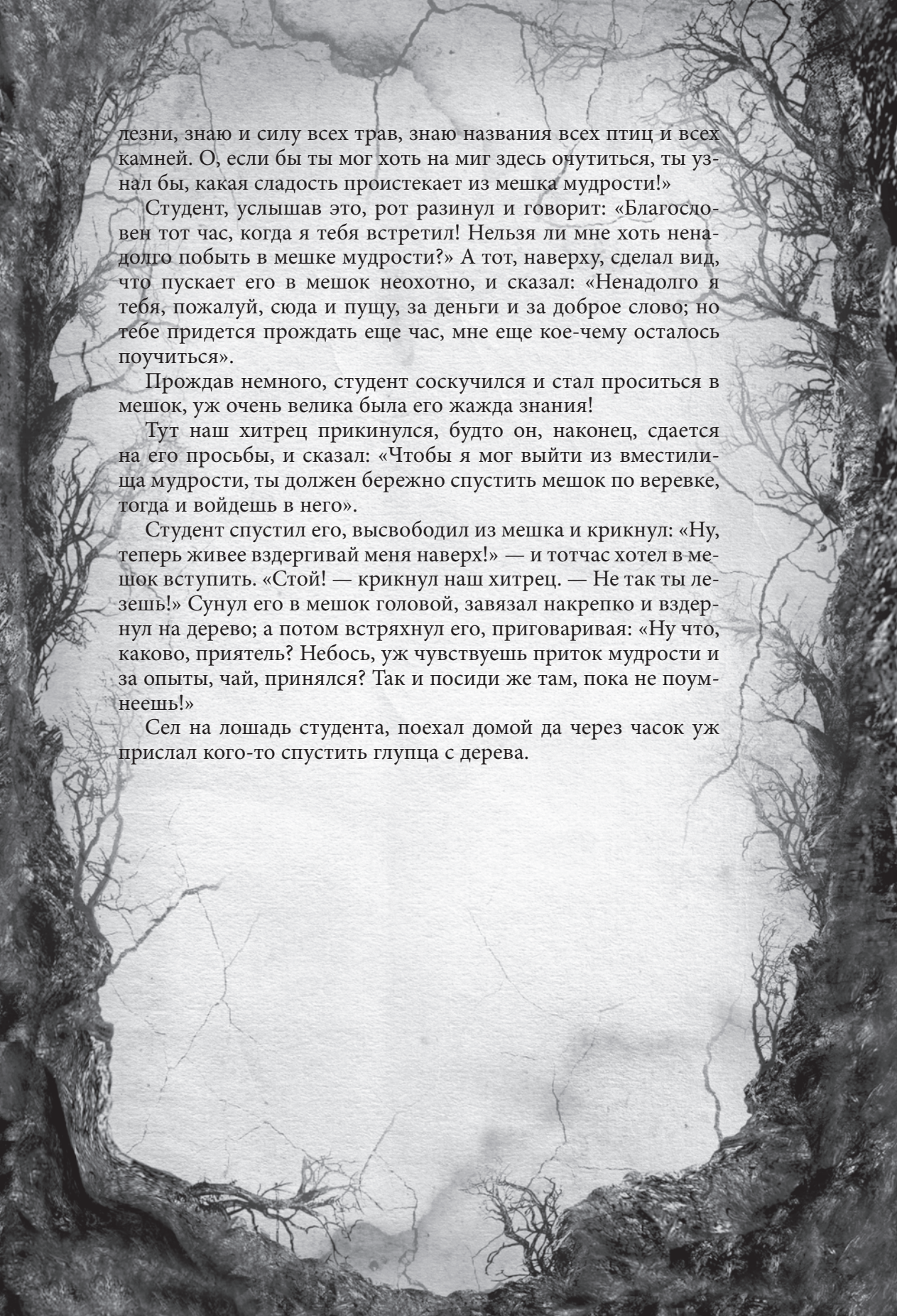
Дома он уж не знал, на ком бы ему излить свою злобу! И вот надумал он своего брата убить: нанял убийц, посадил их в засаду, а сам пошел к брату и говорит: «Братец, я знаю место одного клада, пойдем вместе, откопаем его и поделим пополам».

Брат согласился и пошел без всякой опаски. Когда же они дошли до засады, наемные убийцы на него бросились, связали его и собирались уже вешать его на дерево, как вдруг раздалось вдали громкое пение и топот копыт... Разбойники перепугались, сунули свою жертву в мешок, вздернули мешок на дерево и бросились бежать сломя голову.

Очутившись в мешке, поселянин бился, бился и добился того, что проделал в мешке дыру и высунул из нее голову. А тот, что по дороге ехал и что так напугал разбойников, был не кто иной, как странствующий студент — молодой малый, который, весело напевая свою песенку, ехал через лес по дороге.

Когда поселянин увидел, кто по дороге проезжает, он и крикнул: «Приветствую тебя, желанный друг!»

Студент стал озираться, не зная, откуда это послышался ему голос, и наконец спросил: «Кто меня зовет?» Тогда тот из мешка отвечал ему: «Взгляни наверх, я здесь сижу в мешке премудрости: в короткое время я здесь успел приобрести дивные знания, и перед теми знаниями все школы в мире ничто! Еще немного, и я закончу свою науку, сойду вниз и буду всех людей мудрее. Я разумею звезды и небесные знамения, и веяние ветра, умею исчислять песок морской, умею лечить все бо-

лезни, знаю и силу всех трав, знаю названия всех птиц и всех камней. О, если бы ты мог хоть на миг здесь очутиться, ты узнал бы, какая сладость проистекает из мешка мудрости!»

Студент, услышав это, рот разинул и говорит: «Благословен тот час, когда я тебя встретил! Нельзя ли мне хоть ненадолго побыть в мешке мудрости?» А тот, наверху, сделал вид, что пускает его в мешок неохотно, и сказал: «Ненадолго я тебя, пожалуй, сюда и пушу, за деньги и за доброе слово; но тебе придется прождать еще час, мне еще кое-чему осталось поучиться».

Продав немного, студент соскучился и стал проситься в мешок, уж очень велика была его жажда знания!

Тут наш хитрец прикинулся, будто он, наконец, сдается на его просьбы, и сказал: «Чтобы я мог выйти из вместилища мудрости, ты должен бережно спустить мешок по веревке, тогда и войдешь в него».

Студент спустил его, высвободил из мешка и крикнул: «Ну, теперь живее вздергивай меня наверх!» — и тотчас хотел в мешок вступить. «Стой! — крикнул наш хитрец. — Не так ты лезешь!» Сунул его в мешок головой, завязал накрепко и вздернул на дерево; а потом встряхнул его, приговаривая: «Ну что, каково, приятель? Небось, уж чувствуешь приток мудрости и за опыты, чай, принялся? Так и посиди же там, пока не поумнеешь!»

Сел на лошадь студента, поехал домой да через часок уж прислал кого-то спустить глупца с дерева.

Заново выкованный человечек

Давно это было, очень давно. Зашли однажды вечером к кузнецу двое странников, и кузнец их радушно принял к себе на ночлег. Как раз в это время нищий, старый и хилый, пришел в дом кузнеца и стал просить у него милостыни.

Один из странников над ним сжалился и сказал другому: «Ты все можешь, так вот облегчи этому бедному его долю, дай ему возможность свой насущный хлеб зарабатывать».

Другой странник очень добродушно обратился к кузнецу и говорит: «Дай мне твои щипцы да подложи углей в горн, чтобы я мог этого старого и хилого человека помолодить».

Кузнец тотчас все изготовил, младший странник стал работать мехами, и когда угли запылали, старший странник взял нищего, вложил его в клещи и сунул в самый жар, так что он вскоре накалился там докрасна, словно пунцовый розан.

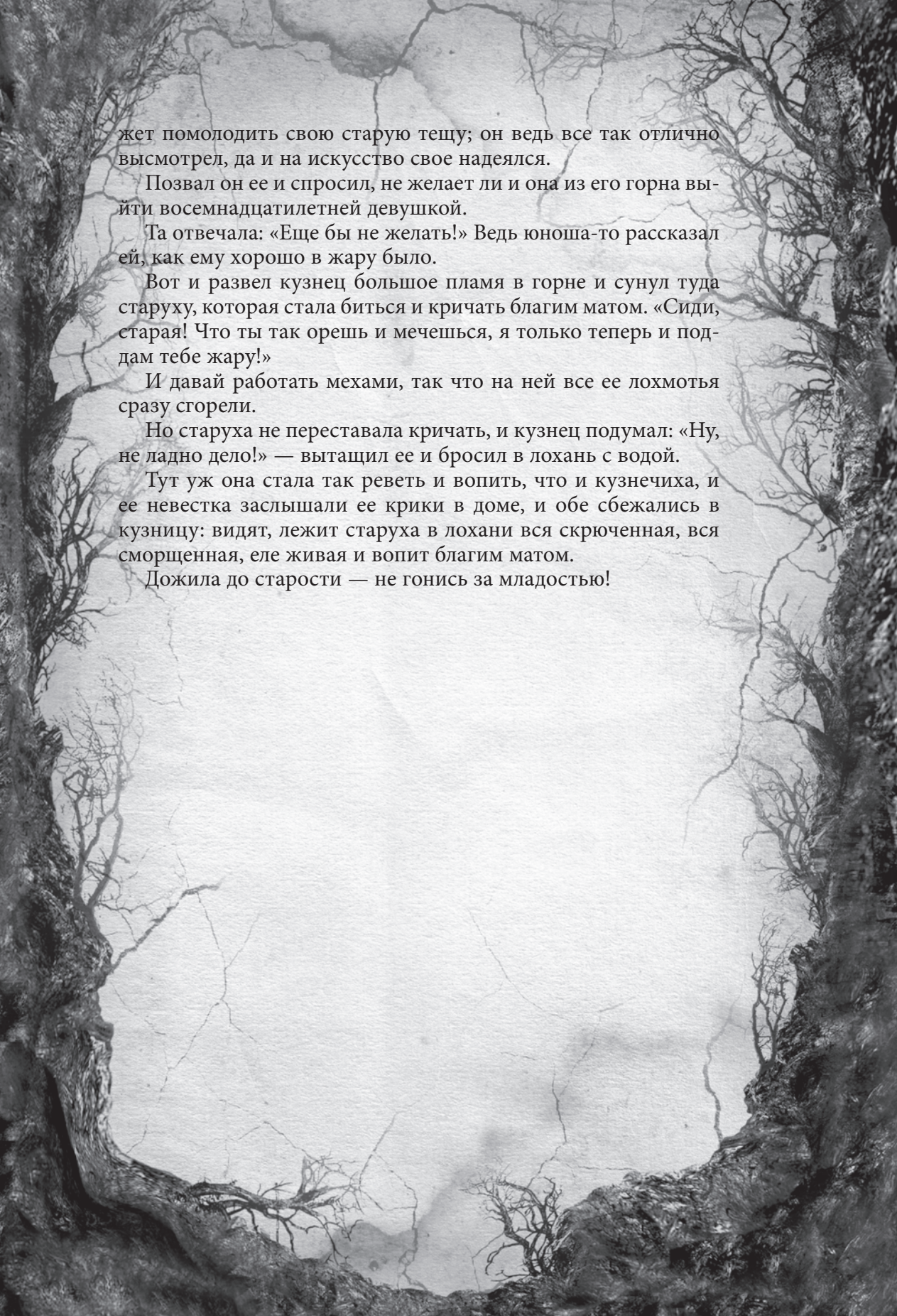
Затем он был вынут из жара и опущен в лохань с водой, так что вода зашипела; а когда он там поостыл и был из лохани вынут, он стал на ноги — прямой, здоровый, помолодевший, словно двадцатилетний юноша.

Кузнец все это внимательно высмотрел и затем пригласил всех к ужину.

А была у кузнеца старая, подслеповатая и сгорбленная теща; подседа она к юноше и стала его выпрашивать: очень ли больно жег его огонь? «Никогда я себя лучше не чувствовал, — отвечал тот, — я там в жару сидел, как в прохладе».

Эти слова юноши запали в душу старухи и всю ночь не давали ей покоя.

И вот, когда оба странника поутру удалились, поблагодарив кузнеца за ночлег, тому пришло в голову, что он тоже мо-

жет помолодить свою старую тещу; он ведь все так отлично высмотрел, да и на искусство свое надеялся.

Позвал он ее и спросил, не желает ли и она из его горна выйти восемнадцатилетней девушкой.

Та отвечала: «Еще бы не желать!» Ведь юноша-то рассказал ей, как ему хорошо в жару было.

Вот и развел кузнец большое пламя в горне и сунул туда старуху, которая стала биться и кричать благим матом. «Сиди, старая! Что ты так орешь и мечешься, я только теперь и поддам тебе жару!»

И давай работать мехами, так что на ней все ее лохмотья сразу сгорели.

Но старуха не переставала кричать, и кузнец подумал: «Ну, не ладно дело!» — вытащил ее и бросил в лохань с водой.

Тут уж она стала так реветь и вопить, что и кузнечиха, и ее невестка слышали ее крики в доме, и обе сбежались в кузницу: видят, лежит старуха в лохани вся скрюченная, вся сморщенная, еле живая и вопит благим матом.

Дожила до старости — не гонись за молодостью!

Сказка о небывалой стране

Нришел я однажды в ту желанную сторонушку, да и рот разинул: вижу — у дерева на ветке, на тонкой шелковинке висит каменный дом да каменный собор. Думаю: «Вот так диковинка!»

А мимо меня бежит безногий человек, да так шибко, что за ним и рысаку не угнаться...

Только хотел было я подивиться, вижу — человек отточил меч и пробует: мост одним махом перерубает!

А вот осел бежит, нос у него серебряный, а сам он гонится по горячему следу за двумя зайцами разом; добежал до липы развесистой, видит, что на ней горячие оладьи растут, и давай их уплетать...

Хотел и я за них приняться, да вижу — мимо меня тощая да старая коза идет, сто пудов сала под шкурой несет да пудов шестьдесят соли в придачу!

Все равно — совру наудачу, и так никто не поверит!

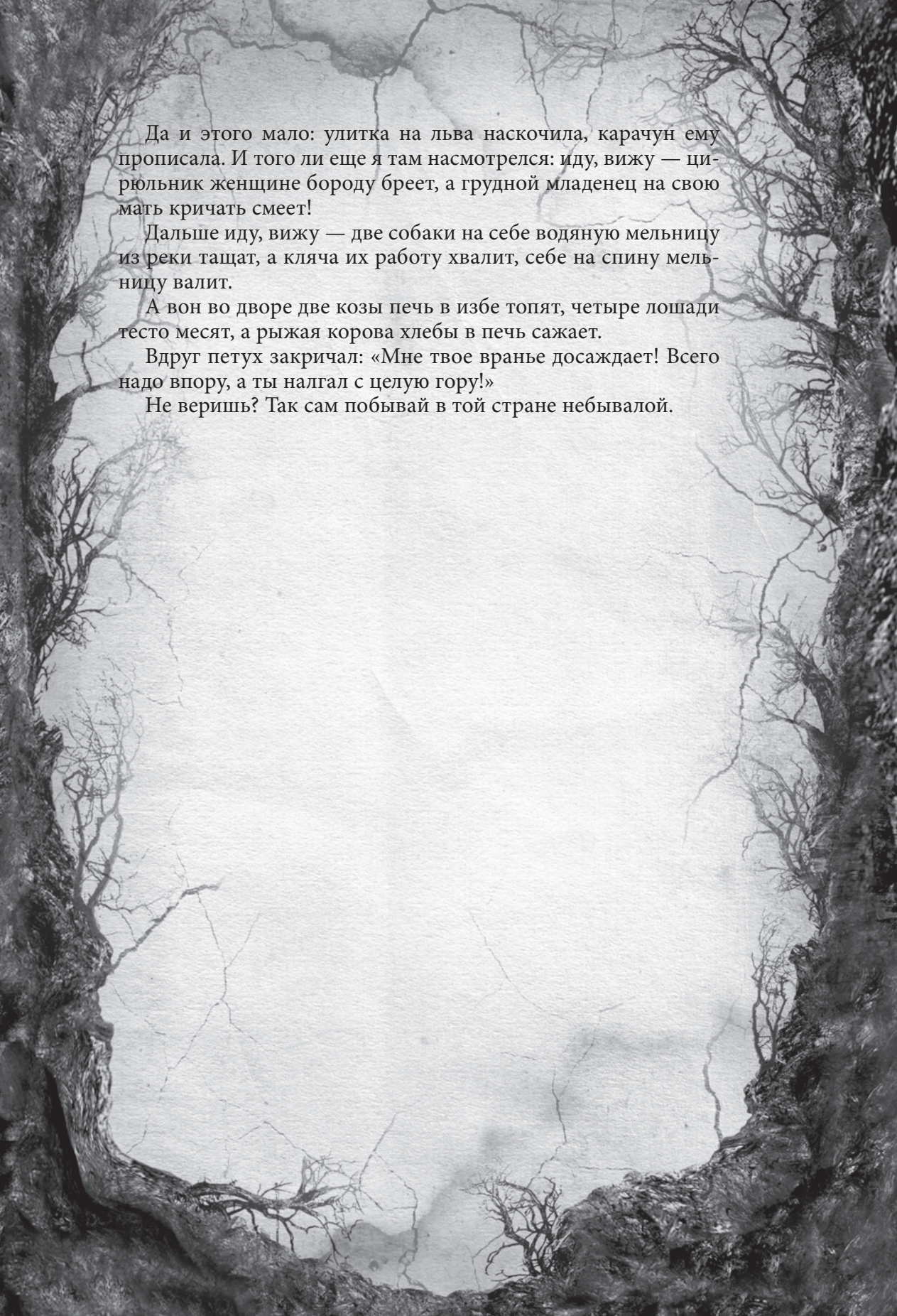
А видел я еще и того чуднее: плуг в поле сам собою пашет, а годовалый ребенок мельничный жернов с ладошки на ладошку кидает, а коршун бойчее утки реку переплывает.

Рыбы безголосые это увидели да такой крик подняли, что в небе от него зазвенело!

Да и это не все, еще вот что послушай: иду, вижу — мед ручьем из долины в гору бежит, садись, да и кушай! Да!

Сторонушка мудреная: там видел я, как две вороны лужайку косили, а два комара мост рубили, а два голубя волка разорвали, а два ребеночка козу вверх вместо мячика бросали, а две лягушки рожь молотили.

Видел я там, как две мышки на колокольне звонили, а две кошки в лукошке медвежий язык варили.

Да и этого мало: улитка на льва наскочила, карачун ему прописала. И того ли еще я там насмотрелся: иду, вижу — цирюльник женщине бороду бреет, а грудной младенец на свою мать кричать смеет!

Дальше иду, вижу — две собаки на себе водяную мельницу из реки тащат, а кляча их работу хвалит, себе на спину мельницу валит.

А вон во дворе две козы печь в избе топят, четыре лошади тесто месят, а рыжая корова хлебы в печь сажает.

Вдруг петух закричал: «Мне твое вранье досаждает! Всего надо впору, а ты налгал с целую гору!»

Не веришь? Так сам побывай в той стране небывалой.

Старая нищенка

Старух нищих, чай, видывал? И как они милостыню просят, слыхивал? Вот одна из них тоже милостыню выпрашивала, и когда кто ей подавал, она приговаривала: «Награди тебя Господь».

Подошла она к одной двери и видит: там стоит малый у печи и греется. Видит он, что стоит она у дверей и дрожит, и сказал ей ласково так: «Взойди, тетка, погрейся».

Та вошла да слишком близко к огню сунулась, так что старые лохмотья ее гореть стали, а она того и не заметила.

Малый стоит да смотрит на это: ему потушить бы.

Не правда ли, потушить бы?

А коли воды под рукою не было, все бы слезки выплакать да пролить — лишь бы пламя потушить!

«Нищенка».

Художник – Питер Куаст. Гравюра. 1635–1640 гг.

*«...все бы слезки вылакать да пролить —
лишь бы пламя потухнуть!..»*

Петушье бревно

Однажды некий чародей среди большой толпы народа проделывал всякие свои диковинные штуки и фокусы. Между прочим, заставлял он и петуха поднимать тяжелое бревно и носить как перышко.

На ту беду в толпе случилась девушка, которой удалось накануне найти лист трилистника с четырьмя лепестками (а кто им запасется, тому уж глаза не отведешь!), и потому она увидела, что петух носит не бревно, а соломинку. Она и крикнула: «Люди добрые, да разве же вы не видите, что петух-то поднимает соломинку, а не бревно?»

И тотчас очарование исчезло, и люди увидели, в чем дело, и прогнали колдуна с позором. Он же, обозленный этим, сказал про себя: «Хорошо же, я вам отплачу!»

Несколько времени спустя девица, которая открыла людям глаза, праздновала свою свадьбу и шла вместе со всеми поселянами через поле в местечко, где была кирха. И вдруг весь свадебный поезд наткнулся на сильно разлившийся ручей, через который не было ни мосточка, ни бревнышка. Невеста, не будь глупа, тотчас подобрала платье повыше и собралась перейти ручей вброд. И чуть только она вступила в воду, кто-то (а это и был сам колдун) и крикнул около нее насмешливо: «Эй! Где у тебя глаза-то? Или ты это за воду приняла?»

Тут у нее глаза открылись, и она увидела, что стоит, подбравши платье, среди льняного поля, покрытого синими цветами.

Тогда и все поселяне это увидели — и то-то они ее засмеяли!

Трое лентяев

У одного короля было трое сыновей, и все трое были ему одинаково милы, так что он даже не знал, кому из них после смерти свое королевство завещать. Когда пришло время умирать, призвал он их всех к своей постели и сказал: «Милые дети! Я кое-что обдумал, а что обдумал, то и вам открою: тот, кто из вас ленивее окажется, тот и должен после меня королевством править».

Тогда старший сказал: «Ну так, значит, батюшка, королевство должно мне принадлежать: ведь я так-то ленив, что когда лягу в постель и спать задумаю, так мне лень глаза закрыть».

Второй сын сказал: «Нет, королевство принадлежит мне! Я настолько ленив, что когда сяду у огня погреться, то скорее дам пяткам обгореть, нежели ноги от огня отодвину».

Третий сказал: «Отец! Твое королевство мне должно принадлежать! Я так ленив, что если бы меня вешать стали и петлю уж мне на шею надели, и дал бы мне кто острый нож в руки, чтобы я ту веревку перерезал, так я скорее бы дал петлю затянуть, нежели до нее руку поднял».

Услышав это, отец сказал: «Ты, точно, всех ленивее оказался, тебе и королем быть».

Двенадцать ленивых слуг

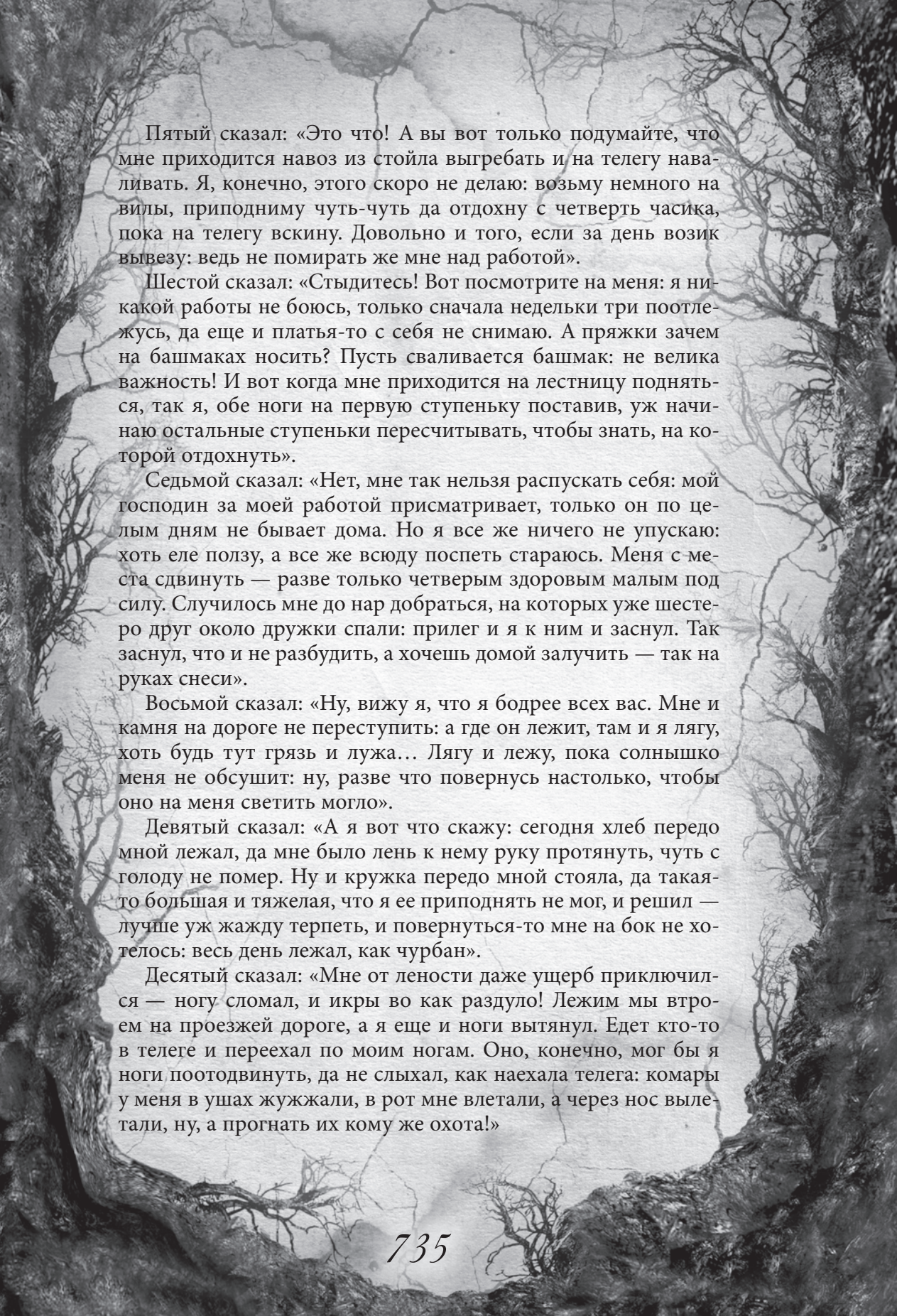
Двенадцать слуг, которые весь день ничего не делали, не захотели и вечером утруждать себя, залегли в траву и давай своей леностью хвастаться.

Первый сказал: «Что мне за дело до вашей лени; мне и со своей не справиться. Забота о чреве — главная моя забота: ем я немало да, пожалуй, и пью не меньше. Четыре раза покушав, я опять пережду маленько, пока меня снова голод проберет, так-то мне лучше! Раннее вставанье — не мое дело; а когда время подходит к полудню, я опять ищу себе местечко, где бы уснуть. Коли господин меня кличет, я делаю вид, будто не слышу; кликнет в другой раз — так я еще повременю, поднимусь, да и потянусь, не спеша. Вот так-то, пожалуй, еще можно жить на свете».

Второй сказал: «У меня лошадь на руках, но я ей корм когда суну, когда нет, да и скажу, что уж она поела. Зато высыпаясь я отлично часов по пяти в ларе с овсом. Потом выставлю из ларя ногу и проберу лошадь раза два по животу, вот она и вычищена, и выглажена. Кто там смотреть станет? Но и при этом служба все же мне кажется очень тяжелою!»

Третий сказал: «Зачем себя мучить работой? Из этого никакого толку быть не может. Лег я на солнце, уснул. Начало на меня капать, но я вставать и не подумал! Пускай себе дождь идет. Но дождь-то в ливень превратился, да такой, что волосы с головы моей срывать стал и вдаль уносить клочьями, даже дыру в голове у меня продолбил. Я залепил ее пластырем, да и все тут. Таких-то бед немало уж у меня бывало».

Четвертый начал: «Перед началом каждой работы я часок промешкаю, чтобы силы свои поберечь. Потом начну работу потихонечку да все посматриваю, нет ли там кого-нибудь, кто бы мне мог помочь. На тех, кто подойдет, я и свалю работу, а сам только присматриваю: ну, да с меня и того довольно».

Пятый сказал: «Это что! А вы вот только подумайте, что мне приходится навоз из стойла выгребать и на телегу наваливать. Я, конечно, этого скоро не делаю: возьму немного на вилы, приподниму чуть-чуть да отдохну с четверть часика, пока на телегу вскину. Довольно и того, если за день возик вывезу: ведь не помирать же мне над работой».

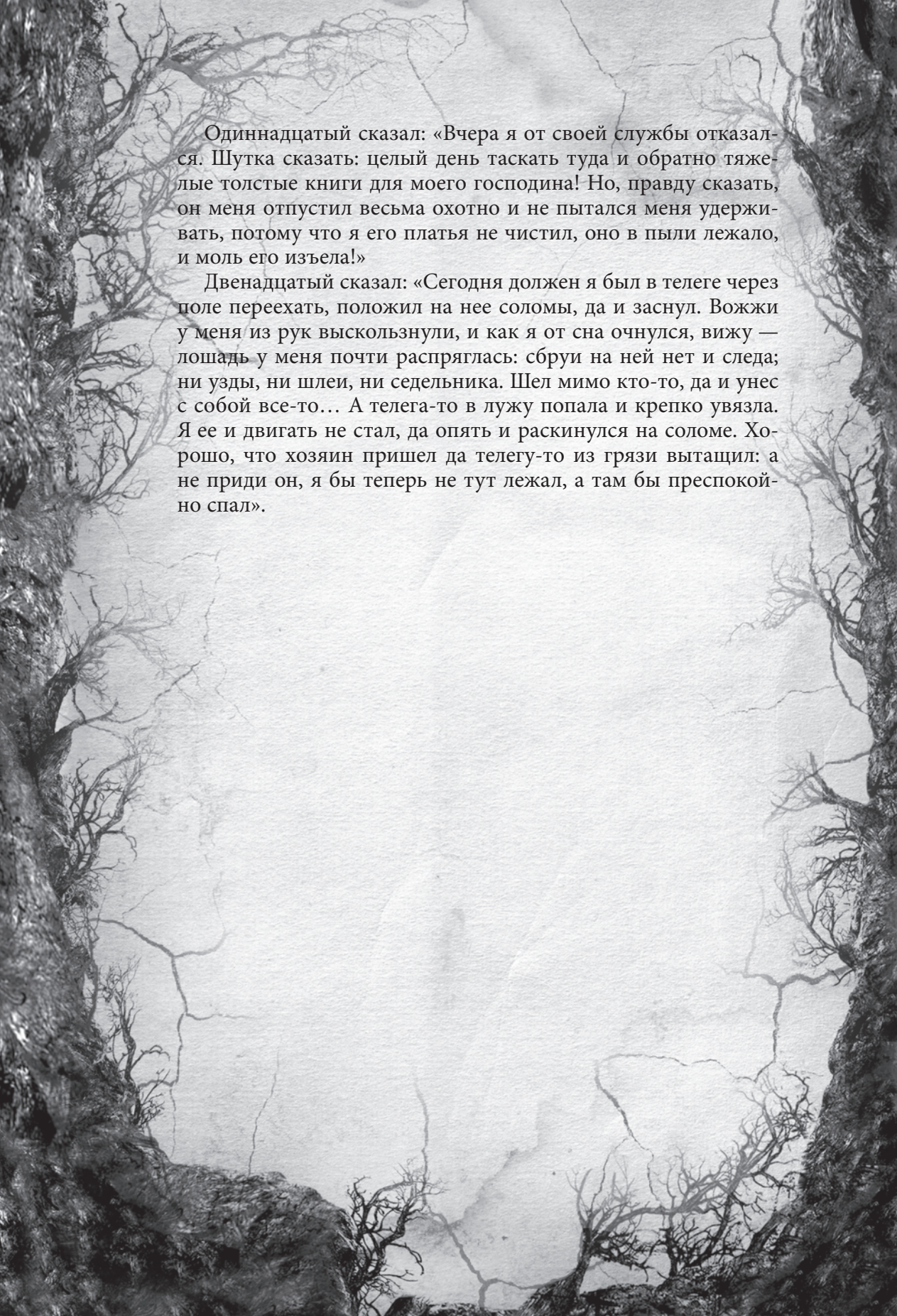
Шестой сказал: «Стыдитесь! Вот посмотрите на меня: я никакой работы не боюсь, только сначала недельки три поотлежусь, да еще и платья-то с себя не снимаю. А пряжки зачем на башмаках носить? Пусть сваливается башмак: не велика важность! И вот когда мне приходится на лестницу подняться, так я, обе ноги на первую ступеньку поставив, уж начинаю остальные ступеньки пересчитывать, чтобы знать, на которой отдохнуть».

Седьмой сказал: «Нет, мне так нельзя распускать себя: мой господин за моей работой присматривает, только он по целым дням не бывает дома. Но я все же ничего не упускаю: хоть еле ползу, а все же всюду поспеть стараюсь. Меня с места сдвинуть — разве только четверым здоровым малым под силу. Случилось мне до нар добраться, на которых уже шестеро друг около дружки спали: прилег и я к ним и заснул. Так заснул, что и не разбудить, а хочешь домой залучить — так на руках снеси».

Восьмой сказал: «Ну, вижу я, что я бодрее всех вас. Мне и камня на дороге не переступить: а где он лежит, там и я лягу, хоть будь тут грязь и лужа... Лягу и лежу, пока солнышко меня не обсушит: ну, разве что повернусь настолько, чтобы оно на меня светить могло».

Девятый сказал: «А я вот что скажу: сегодня хлеб передо мной лежал, да мне было лень к нему руку протянуть, чуть с голоду не помер. Ну и кружка передо мной стояла, да такая-то большая и тяжелая, что я ее приподнять не мог, и решил — лучше уж жажду терпеть, и повернуться-то мне на бок не хотелось: весь день лежал, как чурбан».

Десятый сказал: «Мне от лени даже ущерб приключился — ногу сломал, и икры во как раздуло! Лежим мы втроем на проезжей дороге, а я еще и ноги вытянул. Едет кто-то в телеге и переехал по моим ногам. Оно, конечно, мог бы я ноги поотодвинуть, да не слышал, как наехала телега: комары у меня в ушах жужжали, в рот мне влетали, а через нос вылетали, ну, а прогнать их кому же охота!»

Одиннадцатый сказал: «Вчера я от своей службы отказался. Шутка сказать: целый день таскать туда и обратно тяжелые толстые книги для моего господина! Но, правду сказать, он меня отпустил весьма охотно и не пытался меня удерживать, потому что я его платья не чистил, оно в пыли лежало, и моль его изъела!»

Двенадцатый сказал: «Сегодня должен я был в телеге через поле переехать, положил на нее соломы, да и заснул. Вожжи у меня из рук выскользнули, и как я от сна очнулся, вижу — лошадь у меня почти распряглась: сбруи на ней нет и следа; ни узды, ни шлеи, ни седельника. Шел мимо кто-то, да и унес с собой все-то... А телега-то в лужу попала и крепко увязла. Я ее и двигать не стал, да опять и раскинулся на соломе. Хорошо, что хозяин пришел да телегу-то из грязи вытащил: а не приди он, я бы теперь не тут лежал, а там бы преспокойно спал».

Звезды-талеры

Жила на свете молоденькая девочка, у которой и отец, и мать померли. И осталась она в такой бедности, что ни угла у нее не было, где бы ей жить, ни постельки, где бы ей спать, и ничего-то, совсем ничего, кроме того платишка, что на ней было, да куска хлеба в руке, который дали ей добрые люди.

А девочка была добрая и богобоязненная. Покинутая всеми, одна во всем белом свете, она в надежде на Бога вышла прямо в поле. Тут повстречался ей бедняк и сказал: «Дай мне поесть чего-нибудь, я так голоден!»

Девочка подала ему единственный свой кусок хлеба и сказала: «Кушай на здоровье».

И пошла дальше.

Тут попался ей навстречу ребенок. Он хныкал и говорил: «Ой, как у меня головка озябла, дай ты мне что-нибудь головку прикрыть».

Девочка сняла с себя шапочку и отдала ребенку.

Немного спустя повстречала она другого ребеночка, у которого телогрейки надето не было, и она отдала ему свою.

Далее повстречала она еще ребеночка, и тот просил у нее платище, она и его сняла и отдала.

Наконец, пришла она в лес, и стало темнеть, и еще повстречался ей ребеночек, стал просить о рубашечке, и добрая девочка подумала: «Теперь ведь уже темно, и никто меня не увидит, отдам я и рубашку!» Сняла с себя рубашку и отдала ребеночку.

И когда у нее уже больше ничего не осталось, на нее вдруг стали падать звездочки с неба и, падая на землю, обратились в светлые блестящие талеры.

И хотя она с себя и отдала рубашечку, однако она вновь очутилась в рубашечке, да еще сшитой из самого тонкого полотна.

Собрала она талеры и так разбогатела, что жила потом безбедно всю свою жизнь.

Пастушонок

Нрославился однажды во всем околоте пастушонок своими бойкими ответами на все вопросы. Прослышал об этом король той страны, но не поверил, а призвал мальчика к себе и сказал ему: «Если ты мне на три моих вопроса ответишь, то я тебя к себе в сыновья возьму, и будешь ты у меня жить в моем королевском замке». — «Задавай вопросы!» — сказал мальчик.

Король сказал: «Первый мой вопрос: сколько капель воды в океане?» Пастушонок ответил: «Господин король, прикажи все реки на земле остановить, чтобы из них ни капли воды в море не кануло, пока я не пересчитаю; тогда я и скажу тебе, сколько всех капель в океане».

«Второй мой вопрос, — сказал король, — такой: сколько звезд на небе?» Пастушонок спросил себе лист бумаги, поставил на нем столько точек, что их сосчитать не было возможности, и даже в глазах рябило, когда на них посмотришь. Затем он сказал: «Вот сколько звезд на небе — изволь сосчитать». Но тот сосчитать не брался.

«Третий вопрос, — сказал король, — сколько секунд в вечности?» Отвечал на это пастушонок: «Есть у нас в Дальней Померании алмазная гора — час пути в высоту, час пути в ширину, час пути в глубину; на ту гору через каждые сто лет прилетает птичка и вострит на той горе клюв свой... Вот когда она всю ту гору источит, тогда и первая секунда вечности пройдет».

Сказал ему на это король: «Ты разрешил все три вопроса, как истый мудрец; живи же отныне у меня в замке и будь мне за сына».

IULIVS
CAPAGNOLA

«Пастух».

Художник – Джулио Кампаньола. Гравюра. 1510-е гг.

*«...Прославился однажды во всем околотке пастушонок
своими бойкими ответами на все вопросы...»*

Смотрины

Жил-был молодой пастух, и собирался он жениться; а на примете у него были три сестрицы — одна другой красивее, так что он даже не знал, которую из них выбрать. Стал он с матушкой совещаться, и та сказала ему: «Пригласи их всех трех и положи сыр перед ними, да и посмотри, как они его резать станут».

Так юноша и сделал.

И вот первая из трех сестриц съела кусок сыра вместе с коркою.

Вторая поспешила срезать корку с сыра, но, поспешив, вместе с коркою много и сыра отрезала и все это выбросила.

Третья корку с сыра осторожно срезала и сыра съела сколько следует — ни больше ни меньше.

Пастух все это рассказал своей матери, и она сказала ему: «Возьми в жены третью».

Так он и сделал; и жил с нею довольный и счастливый.

Утаенный геллер

днажды муж с женою и с детьми сидели за обеденным столом, да за тем же столом сидел и приятель их, в гости пришел и с ними обедал. И в то время как они сидели за столом, часы пробили полдень, и гость вдруг увидел, что дверь отворилась и вошел в комнату бледный ребеночек, одетый в одежду, белую, как снег.

Он не оглянулся и никому не сказал ничего, а прямо прошел в соседнюю комнату.

Вскоре после того он вернулся, так же тихо прошел через комнату и вышел в ту же дверь.

И на другой, и на третий день произошло то же самое. Тогда, наконец, гость спросил у отца: «Чей это ребенок, что каждый день в полдень проходит через комнату?» — «Я его не видел, и не мог бы сказать, чей это ребенок».

На другой день, когда опять ребенок явился, гость указал на него и отцу, и матери; но ни они, ни дети их ничего не видели.

Тут гость встал, приотворил дверь в соседнюю комнату и заглянул туда.

Там увидел он, что тот самый ребенок сидит на полу и усердно роет пальчиком в щелях — между половицами; но, заметив чужого, ребенок исчез.

Вот и рассказал гость все, что видел, и описал ребенка в подробности; тогда мать узнала его по приметам и сказала: «Ах, это мое милое дитяtko, что скончалось у меня четыре годика тому назад!»

Взломали пол и нашли там два геллера, которые как-то мать дала ребенку, чтобы он подал их нищему, а тот их прятал, опустив в щель половицы, себе на сухарик.

И вот из-за них-то не было ему покоя в могиле, из-за них-то и приходил он каждый день, их-то он и искал...

Родители отдали те деньги нищему, и ребенок с тех пор не стал больше являться.

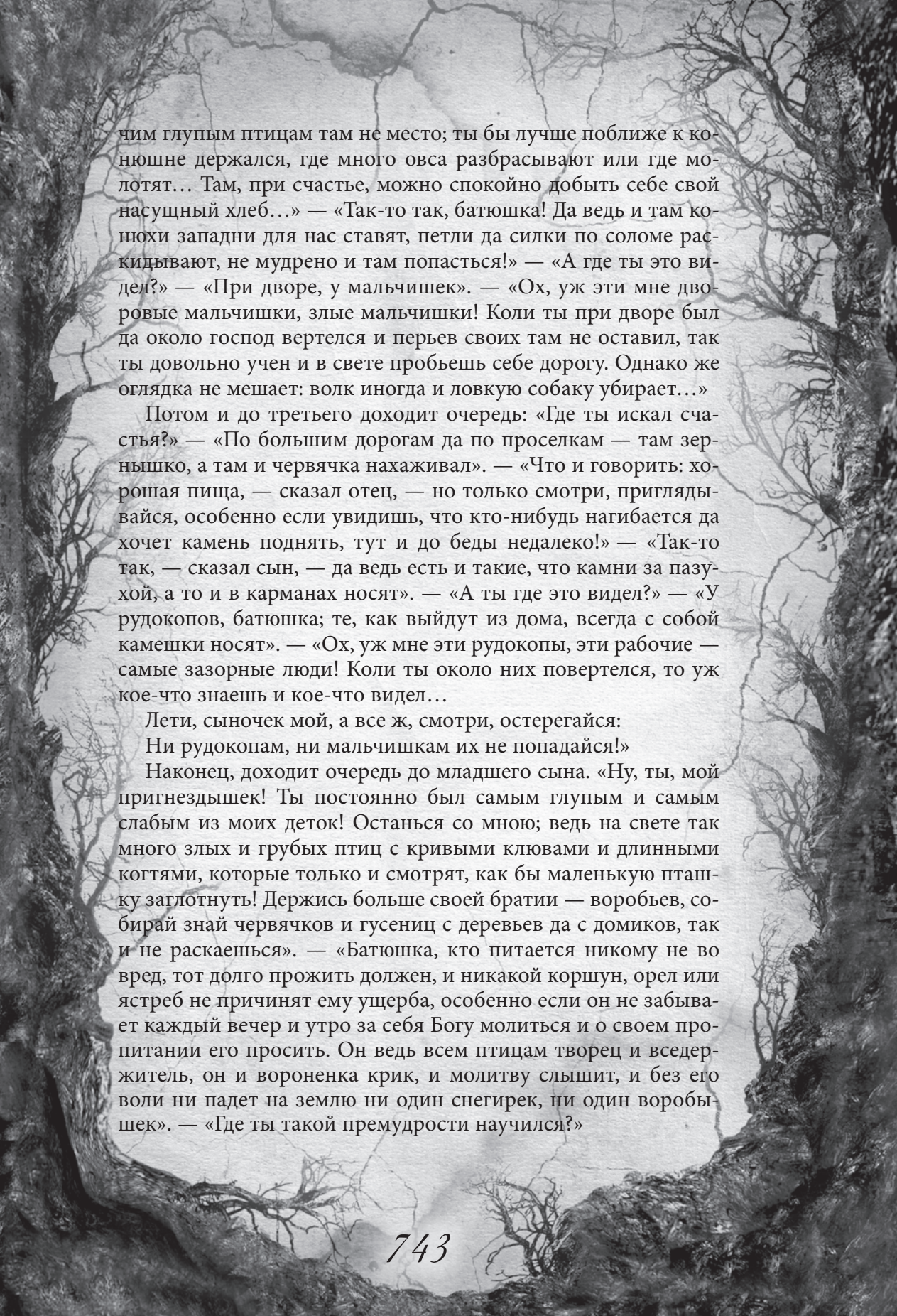
Воробей и его четверо деток

Старый воробей вывел четверых деток в ласточкином гнезде. Как только стали они летать, злые мальчишки разорили гнездо; но все они счастливо избежали опасности и разлетелись в разные стороны. Вот старому-то и стало жалко, что сыновья его в свет вступили, а он не успел их остеречь от всяких опасностей, не успел их и уму-разуму научить.

Осенью на пшеничное поле слетается много воробьев; там-то повстречал старый и своих четверых птенцов и с великою радостью повел их домой. «Ах, вы мои милые сыночки! Сколько вы мне за лето хлопот и забот наделали, слетевшие с гнезда, не наученные мною уму-разуму; вы моих слов послушайте и моему примеру последуйте, и хорошенько кругом себя оглядывайтесь: малым-то ведь птичкам всюду грозят большие опасности!»

И затем стал старшего расспрашивать, где он все лето провел и как он питался. «Я больше в садах держался, гусеницами да червячками питался, пока не созрели вишни». — «Ах, сыночек, — сказал отец, — клюву везде довольно питания, но и опасностей везде много; а потому будь вперед осторожен, а особенно как увидишь, что по саду ходят люди, а у тех людей в руках большие, внутри пустые палки, с дырочкой наверху». — «Да, батюшка, хорошо бы на те палки прикрепить воском на дырочку зеленый листик», — сказал сын. «Где ты это видел?» — «В саду у одного купца». — «О, сыночек! Купцы — люди проворные, до барышей задорные! Коли ты около них терся, так и сам тертым калачом сделался, только смотри, не очень на себя надейся».

Затем стал он другого также допрашивать: «Где был-побывал?» — «При дворе», — сказал сын. «Воробьям и про-

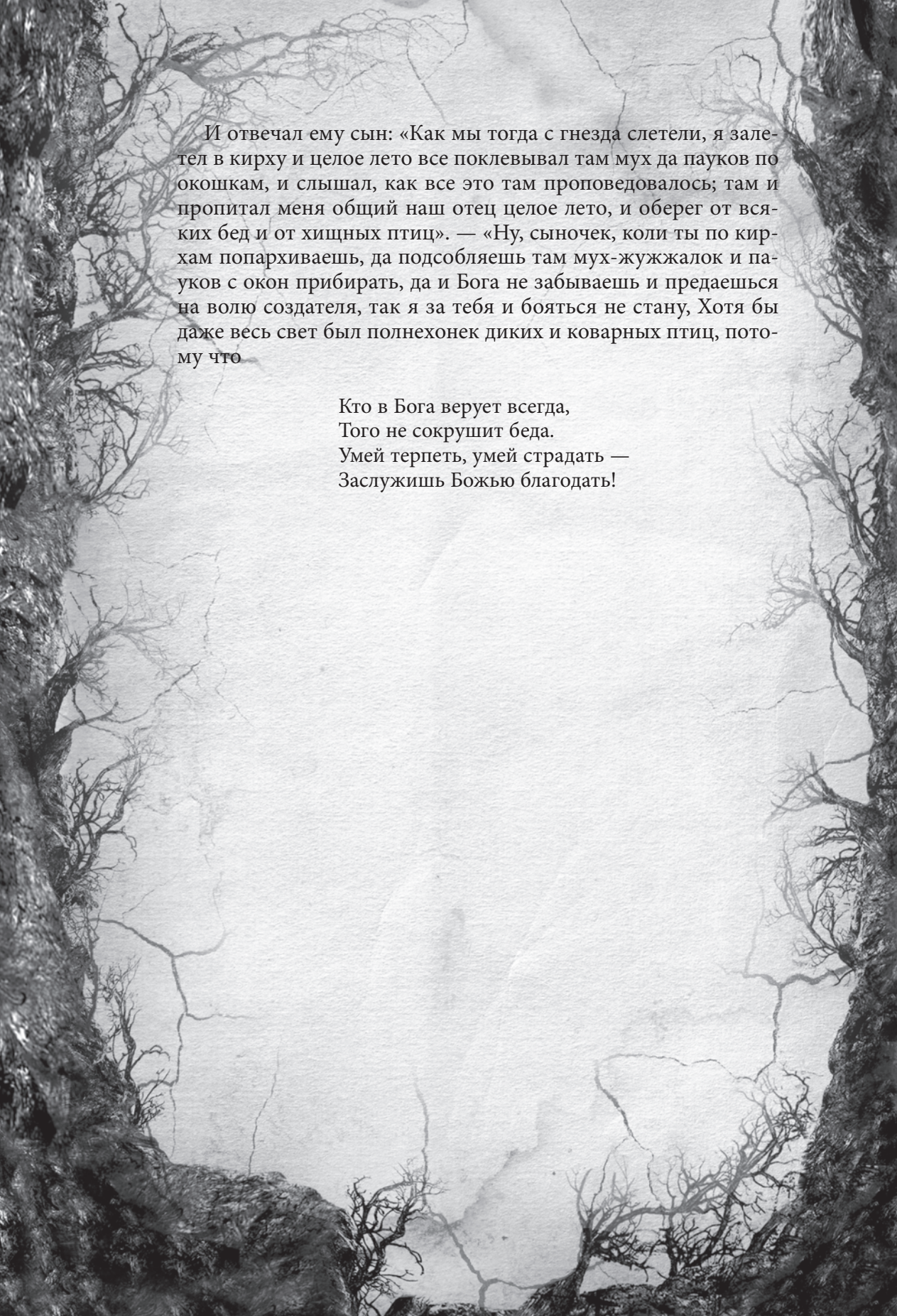
чим глупым птицам там не место; ты бы лучше поближе к конюшне держался, где много овса разбрасывают или где молотят... Там, при счастье, можно спокойно добыть себе свой насущный хлеб...» — «Так-то так, батюшка! Да ведь и там конюхи западни для нас ставят, петли да силки по соломе раскидывают, не мудрено и там попасться!» — «А где ты это видел?» — «При дворе, у мальчишек». — «Ох, уж эти мне дворовые мальчишки, злые мальчишки! Коли ты при дворе был да около господ вертелся и перьев своих там не оставил, так ты довольно учен и в свете пробыешь себе дорогу. Однако же оглядка не мешает: волк иногда и ловкую собаку убирает...»

Потом и до третьего доходит очередь: «Где ты искал счастья?» — «По большим дорогам да по проселкам — там зернышко, а там и червячка нахаживал». — «Что и говорить: хорошая пища, — сказал отец, — но только смотри, приглядывайся, особенно если увидишь, что кто-нибудь нагибается да хочет камень поднять, тут и до беды недалеко!» — «Так-то так, — сказал сын, — да ведь есть и такие, что камни за пазухой, а то и в карманах носят». — «А ты где это видел?» — «У рудокопов, батюшка; те, как выйдут из дома, всегда с собой камешки носят». — «Ох, уж мне эти рудокопы, эти рабочие — самые зазорные люди! Коли ты около них повертелся, то уж кое-что знаешь и кое-что видел...

Лети, сыночек мой, а все ж, смотри, остерегайся:

Ни рудокопам, ни мальчишкам их не попадайся!»

Наконец, доходит очередь до младшего сына. «Ну, ты, мой пригнездышек! Ты постоянно был самым глупым и самым слабым из моих деток! Останься со мною; ведь на свете так много злых и грубых птиц с кривыми клювами и длинными когтями, которые только и смотрят, как бы маленькую пташку заглотнуть! Держись больше своей братии — воробьев, собирай знай червячков и гусениц с деревьев да с домиков, так и не раскаешься». — «Батюшка, кто питается никому не во вред, тот долго прожить должен, и никакой коршун, орел или ястреб не причинят ему ущерба, особенно если он не забывает каждый вечер и утро за себя Богу молиться и о своем пропитании его просить. Он ведь всем птицам творец и вседержитель, он и вороненка крик, и молитву слышит, и без его воли ни падет на землю ни один снегирек, ни один воробышек». — «Где ты такой премудрости научился?»

И отвечал ему сын: «Как мы тогда с гнезда слетели, я залетел в кирху и целое лето все поклевывал там мух да пауков по окошкам, и слышал, как все это там проповедовалось; там и пропитал меня общий наш отец целое лето, и оберег от всяких бед и от хищных птиц». — «Ну, сыночек, коли ты по кирхам попархиваешь, да подсобляешь там мух-жужжалок и пауков с окон прибирать, да и Бога не забываешь и предаешься на волю создателя, так я за тебя и бояться не стану, Хотя бы даже весь свет был полнехонек диких и коварных птиц, потому что

Кто в Бога верует всегда,
Того не сокрушит беда.
Умей терпеть, умей страдать —
Заслужишь Божью благодать!

Отбросы

Деввица-красавица ленива была и неряшлива. Когда ей надо было прясть, то она досадовала на каждый узелок в льняной пряже и тотчас обрывала ее без толку и кучей сбрасывала на пол.

Была у нее служаночка — девушка трудолюбивая: бывало, все отбросы соберет, распутает, очистит и тоненько ссучит.

И накопила она их столько, что могла из них себе хорошенькое платьице сделать.

Посватался за ленивую девицу-красавицу молодой человек, и к свадьбе уж было все приготовлено.

На девичнике старательная служаночка весело отплясывала в своем платьице, а невеста, глядя на нее, приговаривала насмешливо: «Ишь, как пляшет! Как развеселилась! А сама в мои отбросы нарядилась!»

Жених это услышал и спросил невесту, что она этим хочет сказать.

Та и рассказала жениху, что эта служаночка себе платье из того льна соткала, который она от своей пряжи отбросила.

Как это жених услышал, так и понял, что красавица-то ленива, а служаночка-то на работу ретива, подошел к ней да и выбрал ее себе в жены.

Сказка-загадка

Три женщины были обращены в цветы на поле; но одной из них было дозволено ночью домой уходить с поля. Вот и сказала она однажды своему мужу под утро, когда ей надо было к своим товаркам возвращаться и на поле красоваться: «Вот если ты сегодня перед полуднем придешь да меня-то сорвешь, так я буду от чар избавлена и навсегда при тебе останусь!»

Все так и случилось.

Вот теперь и догадывайся, по чему муж жену узнал, когда все три цветка были во всем равны и без всяких отличек?

Ответ. Да ведь она по ночам дома бывала, а не на поле. Ну, вот роса-то на нее и не падала, как на два других цветка.

По этому ее муж и узнал.

«В сказочном лесу».

Художник – Герман Фогель. 1894 г.

*«...Три женщины были обращены в цветы на поле;
но одной из них было дозволено ночью домой уходить...»*

Думмарская сказка-небылица

Рассказать вам, что ли, бывальщину? Видел я, как две жареные курицы летели и все на них глядели, что они животом кверху, а спиной книзу летят, ничего знать не хотят.

А еще я видел, как наковальня с двумя жерновами по реке плыла, тихохонько и легохонько; видел, как лягушка среди лета на льду сидела да от бороны железный зуб отъела.

Видел, как три брата за зайцем в погоню пустились, на костыли да на ходули взмоглись; один был немой, другой слепой, третий не владел ни одной рукой.

И поймали: а знаешь ли как?

Слепой первый зайца завидел, немой его криком спугнул, а безрукий его за шиворот притянул.

А то еще слышал я, что захотели ребята на корабле по суше плыть и парус натянули, да ветры подули — они на горе и потонули.

Рак, задом пятясь, рысака обогнал, а вол, на крышу избы забравшись, всю у мужика солому съел.

А то вот еще у нас в деревне пчелы — каждая с кулак.
Не веришь?

Погоди — трубу открою: выпущу ложь трубою.

Белоснежка и розочка

В своей избушечке одиноко жила бедная вдовица, а перед избушечкой был у нее садик, и в саду росли два розовых деревца; на одном из них розы были белые, на другом — красные.

И были у вдовицы две дочки, ни дать ни взять как эти два деревца: одну звали Белоснежкой, а другую Розочкой.

И были они такие добрые и славные, такие трудолюбивые и безобидные, что лучше их нельзя было себе детей представить; Белоснежка была только потише и помягче характером, чем Розочка. Розочка любила больше бегать по полям и лугам, цветы собирать и летних птишек ловить; а Белоснежка около матери дома сидела, в хозяйстве ей помогала либо с нею читала, коли нечего было больше делать.

Обе девочки так любили друг друга, что всегда шли рука об руку, когда вместе уходили из дома, а если Белоснежка, бывало, скажет: «Мы не покинем друг друга», — то Розочка отвечала: «Пока живы», — а мать к этому добавляла: «Что у вас есть — все пополам».

Часто бегали они вместе по лесу и собирали ягоды, и ни один зверь им зла не делал, и все доверчиво к девочкам подходили: зайчик из их рук съедал капустный листочек, дикая козочка спокойно паслась около них, олень весело прыгал, а птички слетали с ветвей и пели, что умели.

Никакой беды с ними не приключалось, и когда, бывало, запоздают в лесу и ночь их там застанет, они преспокойно улягутся рядышком на мху и спят до утра, и мать это знала и нисколько не тревожилась.

Однажды, когда они переночевали в лесу и заря их разбудила, увидели они, что рядом с их ложем сидит прекрасное дитя в белом сияющем одеянии.

Оно поднялось со своего места, ласково на них посмотрело и молча удалилось в лес.

А когда они огляделись, то оказалось, что они спали почти на краю глубокого оврага и, конечно бы, в овраг упали, если бы ступили шаг-другой далее.

Мать, услышав об этом, сказала, что сидел около них, вероятно, ангел, который охраняет добрых деток.

Обе сестрицы соблюдали в хижине матери такую чистоту, что любо-дорого посмотреть было.

Присмотр за домом летом принимала на себя Розочка и каждое утро до пробуждения матери ставила на столик у ее кровати букетик цветов и в нем — по розе с каждого деревца.

Зимой Белоснежка разводила огонь в очаге и подвешивала котел над огнем на крюке, и котел был медный и блестел как золото — так чисто был вычищен.

Вечером, бывало, скажет ей мать: «Ступай, Белоснежка, да запри-ка дверь на задвижку», — и тогда садились они у очага, и мать, надев очки, читала им кое-что из большой книги, а обе девочки слушали, сидя около нее, и пряли.

Рядом с ними на полу лежал барашек; а позади их на шестке, подвернув головку под крылышко, сидел белый голубочек.

Однажды вечером, в то время когда они так-то сидели у очага, кто-то постучался у дверей, как бы просясь войти.

Мать и сказала: «Поскорее, Розочка, отопри; это, может быть, путник, ищущий приюта».

Розочка пошла и отодвинула задвижку, думая, что стучится какой-нибудь бедняк; но оказалось, что стучался медведь, который просунул свою толстую черную голову в дверь.

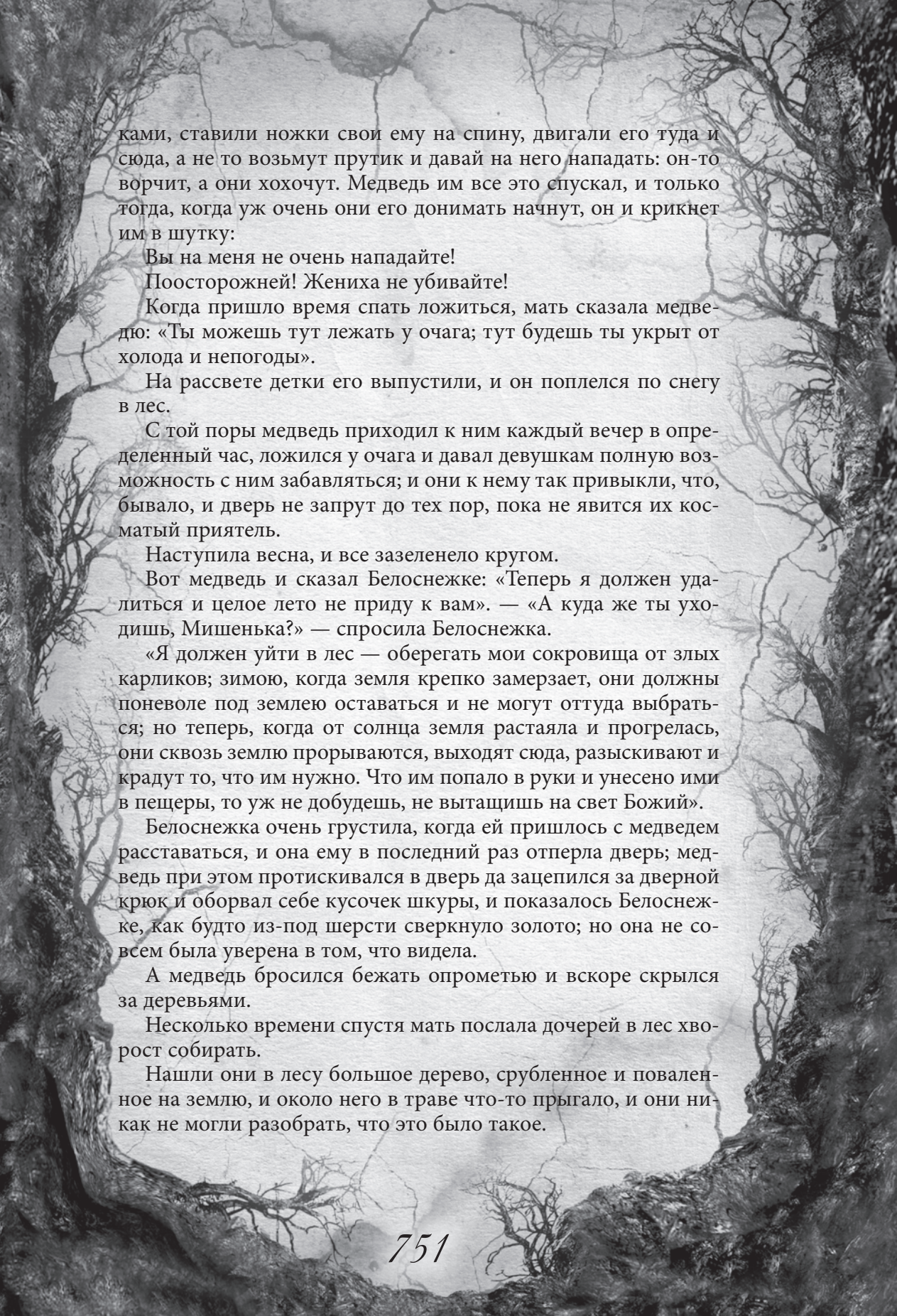
Розочка громко вскрикнула и отскочила, барашек заблеял, голубочек встрепенулся, а Белоснежка быстренько спряталась за материну кровать.

Но медведь заговорил: «Не бойтесь, я вам зла не сделаю; я, видите ли, очень озяб, так немного хочу у вас обогреться». — «Ах, ты бедный медведь! — сказала ему мать. — Ложись тут у огня, да смотри, чтобы твоя шуба как-нибудь не загорелась».

А потом крикнула: «Белоснежка, Розочка! Выходите, медведь вам никакого зла не делает!»

Тут они обе подошли, и барашек, и голубок приблизились, и мало-помалу все перестали бояться медведя. Медведь сказал им: «Детки! Выбейте-ка мне немного снег из моей шубы», — и те принесли метелку, и мех на нем вычистили, и вот он растянулся у огня, как у себя дома, и стал ворчать от удовольствия.

Немного спустя они уже и совсем с медведем свыклись и стали над ним подшучивать. Они ерошили ему шерсть ру-

ками, ставили ножки свои ему на спину, двигали его туда и сюда, а не то возьмут прутик и давай на него нападать: он-то ворчит, а они хохочут. Медведь им все это спускал, и только тогда, когда уж очень они его донимать начнут, он и крикнет им в шутку:

Вы на меня не очень нападайте!

Поосторожней! Жениха не убивайте!

Когда пришло время спать ложиться, мать сказала медведю: «Ты можешь тут лежать у очага; тут будешь ты укрыт от холода и непогоды».

На рассвете детки его выпустили, и он поплелся по снегу в лес.

С той поры медведь приходил к ним каждый вечер в определенный час, ложился у очага и давал девушкам полную возможность с ним забавляться; и они к нему так привыкли, что, бывало, и дверь не запрут до тех пор, пока не явится их косматый приятель.

Наступила весна, и все зазеленело кругом.

Вот медведь и сказал Белоснежке: «Теперь я должен удалиться и целое лето не приду к вам». — «А куда же ты уходишь, Мишенька?» — спросила Белоснежка.

«Я должен уйти в лес — оберегать мои сокровища от злых карликов; зимою, когда земля крепко замерзает, они должны поневоле под землею оставаться и не могут оттуда выбраться; но теперь, когда от солнца земля растаяла и прогрелась, они сквозь землю прорываются, выходят сюда, разыскивают и крадут то, что им нужно. Что им попало в руки и унесено ими в пещеры, то уж не добудешь, не вытащишь на свет Божий».

Белоснежка очень грустила, когда ей пришлось с медведем расставаться, и она ему в последний раз отперла дверь; медведь при этом протискивался в дверь да зацепился за дверной крюк и оборвал себе кусочек шкуры, и показалось Белоснежке, как будто из-под шерсти сверкнуло золото; но она не совсем была уверена в том, что видела.

А медведь бросился бежать опрометью и вскоре скрылся за деревьями.

Несколько времени спустя мать послала дочерей в лес хвост собирать.

Нашли они в лесу большое дерево, срубленное и поваленное на землю, и около него в траве что-то прыгало, и они никак не могли разобрать, что это было такое.

Подойдя ближе, они увидели карлика; лицо у него было поблеклое и старое, а борода длинная и белая, как снег. Самый кончик бороды защемился в одну из трещин дерева, и бедняга совался туда и сюда, словно собачонка на веревочке, а вытащить бороды не мог.

Он глянул на девочек своими огненно-красными глазами и крикнул им: «Ну, что там стали? Разве не можете сюда подойти да оказать мне помощь?» — «Да как же ты это сделал, человек?» — спросила Розочка. «Глупое, любопытное животное! — отвечал ей карлик. — Я хотел расколоть дерево вдоль, чтобы потом расщепить его на лучины для кухни; коли поленья толсты, то легко подгорает наше кушанье: ведь мы готовим себе понемногу, нежигаем столько, сколько вы, грубые жадные люди! Вот и я загнал туда клин, и дело бы кончилось наилучшим образом, если бы клин не выскочил и дерево не защемило мою прекрасную седую бороду; а теперь она защемлена, и я не могу ее вытащить. Ну, чего вы смеетесь, глупые девчонки?! Фу, какие вы гадкие!»

Девушки приложили все усилия, однако же не могли вытащить бороду, которая крепко застряла в расщелине пня.

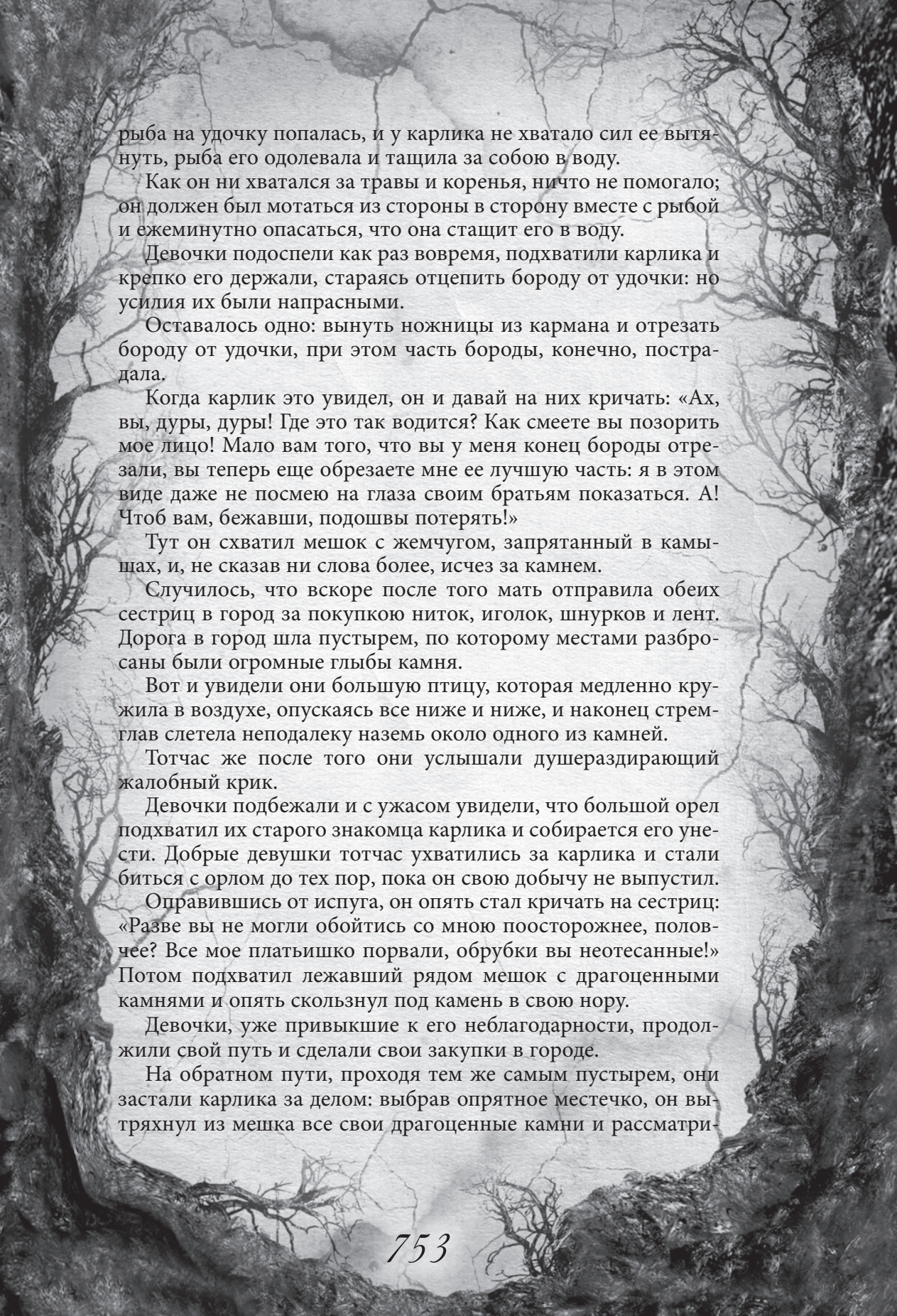
«Вот я сбегая да людей призову!» — сказала Розочка. «Ах вы, полоумные! — прошамкал карлик. — Зачем тут звать людей? Мне и вы-то две противны! Или вы ничего лучше придумать не можете?» — «Потерпи немножко, — сказала Белоснежка, — уж я тебе помогу как-нибудь!» — вытащила ножницы из кармана и отрезала ему кончик бороды.

Как только карлик почувствовал себя свободным, так подхватил мешок с золотом, припрятанный у корней дерева, и проворчал про себя: «Неотесанные люди! Отрезали мне кусок моей чудной бороды! Чтоб вам пусто было!» — взвалил мешок на спину и ушел, даже не удостоив девушек взглядом.

Несколько времени спустя сестрицы задумали наловить рыбы к столу. Подойдя к ручью, они увидели, что нечто вроде большого кузнечика прыгает около воды, как бы собираясь в нее броситься. Они подбежали и узнали карлика.

«Куда это ты? — сказала Розочка. — Уж не в воду ли кинуться собираешься?» — «Не такой я дурак, — крикнул карлик, — и разве вы не видите, что проклятая рыбина меня туда за собою тащит?»

Оказалось, что он там сидел и удил, и случилось на беду ему, что ветром его бороду спутало с удочкой; а тут большая

рыба на удочку попалась, и у карлика не хватало сил ее вытянуть, рыба его одолевала и тащила за собою в воду.

Как он ни хватался за травы и коренья, ничто не помогало; он должен был мотаться из стороны в сторону вместе с рыбой и ежеминутно опасаться, что она стащит его в воду.

Девочки подросли как раз вовремя, подхватили карлика и крепко его держали, стараясь отцепить бороду от удочки: но усилия их были напрасными.

Оставалось одно: вынуть ножницы из кармана и отрезать бороду от удочки, при этом часть бороды, конечно, пострадала.

Когда карлик это увидел, он и давай на них кричать: «Ах, вы, дуры, дуры! Где это так водится? Как смеее вы позорить мое лицо! Мало вам того, что вы у меня конец бороды отрезали, вы теперь еще обрезаете мне ее лучшую часть: я в этом виде даже не посмею на глаза своим братьям показаться. А! Чтоб вам, бежавши, подошвы потерять!»

Тут он схватил мешок с жемчугом, запрятанный в камышах, и, не сказав ни слова более, исчез за камнем.

Случилось, что вскоре после того мать отправила обеих сестриц в город за покупкою ниток, иголок, шнурков и лент. Дорога в город шла пустырем, по которому местами разбросаны были огромные глыбы камня.

Вот и увидели они большую птицу, которая медленно кружила в воздухе, опускаясь все ниже и ниже, и наконец стремглав слетела неподалеку наземь около одного из камней.

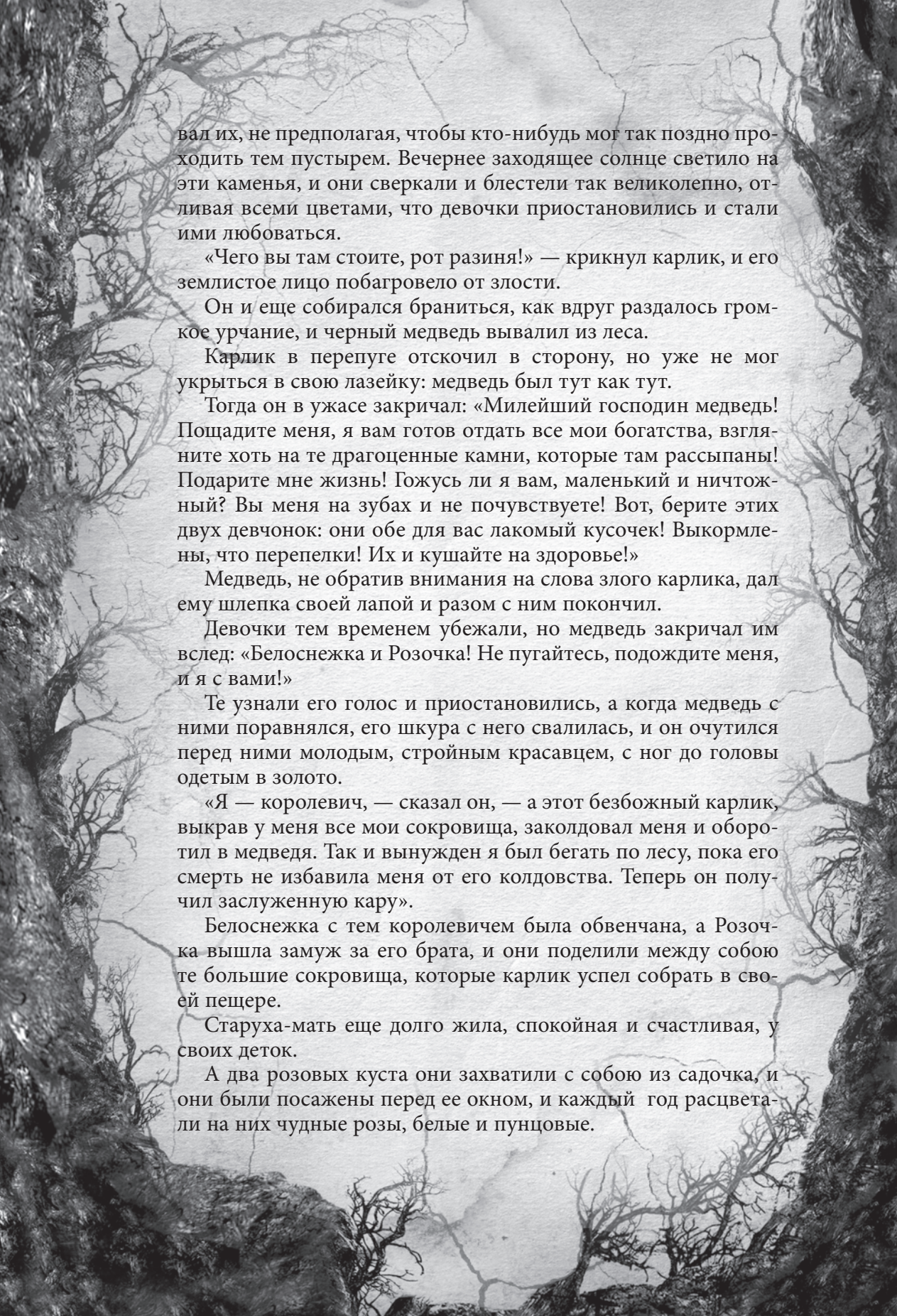
Тотчас же после того они услышали душераздирающий жалобный крик.

Девочки подбежали и с ужасом увидели, что большой орел подхватил их старого знакомого карлика и собирается его унести. Добрые девушки тотчас ухватились за карлика и стали биться с орлом до тех пор, пока он свою добычу не выпустил.

Оправившись от испуга, он опять стал кричать на сестриц: «Разве вы не могли обойтись со мною поосторожнее, половчее? Все мое платьишко порвали, обрубки вы неотесанные!» Потом подхватил лежавший рядом мешок с драгоценными камнями и опять скользнул под камень в свою нору.

Девочки, уже привыкшие к его неблагодарности, продолжили свой путь и сделали свои закупки в городе.

На обратном пути, проходя тем же самым пустырем, они застали карлика за делом: выбрав опрятное местечко, он вытряхнул из мешка все свои драгоценные камни и рассматри-

вал их, не предполагая, чтобы кто-нибудь мог так поздно проходить тем пустырем. Вечернее заходящее солнце светило на эти камни, и они сверкали и блестели так великолепно, отливая всеми цветами, что девочки приостановились и стали ими любоваться.

«Чего вы там стоите, рот разиня!» — крикнул карлик, и его землистое лицо побагровело от злости.

Он и еще собирался браниться, как вдруг раздалось громкое урчание, и черный медведь вывалил из леса.

Карлик в перепуге отскочил в сторону, но уже не мог укрыться в свою лазейку: медведь был тут как тут.

Тогда он в ужасе закричал: «Милейший господин медведь! Пощадите меня, я вам готов отдать все мои богатства, взгляните хоть на те драгоценные камни, которые там рассыпаны! Подарите мне жизнь! Гожусь ли я вам, маленький и ничтожный? Вы меня на зубах и не почувствуете! Вот, берите этих двух девчонок: они обе для вас лакомый кусочек! Выкормлены, что перепелки! Их и кушайте на здоровье!»

Медведь, не обратив внимания на слова злого карлика, дал ему шлепка своей лапой и разом с ним покончил.

Девочки тем временем убежали, но медведь закричал им вслед: «Белоснежка и Розочка! Не пугайтесь, подождите меня, и я с вами!»

Те узнали его голос и приостановились, а когда медведь с ними поравнялся, его шкура с него свалилась, и он очутился перед ними молодым, стройным красавцем, с ног до головы одетым в золото.

«Я — королевич, — сказал он, — а этот безбожный карлик, выкрыв у меня все мои сокровища, заколдовал меня и оборотил в медведя. Так и вынужден я был бегать по лесу, пока его смерть не избавила меня от его колдовства. Теперь он получил заслуженную кару».

Белоснежка с тем королевичем была обвенчана, а Розочка вышла замуж за его брата, и они поделили между собою те большие сокровища, которые карлик успел собрать в своей пещере.

Старуха-мать еще долго жила, спокойная и счастливая, у своих деток.

А два розовых куста они захватили с собою из садочка, и они были посажены перед ее окном, и каждый год расцветали на них чудные розы, белые и пунцовые.

«Белоснежка и розочка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...а теперь она заперта, и я не могу ее вытащить.
Ну, чего вы смеётесь, глупые девчонки! Ну, какие вы гадкие!...»*

Умный слуга

Как счастлив тот господин и как у него хорошо в доме, когда у него есть умный слуга, который хотя и слушается его приказа, но не только по нему поступает, а и по своей великой премудрости!

Такой-то вот премудрый Ганс был однажды послан своим господином на поиски пропавшей коровы. Долго он не возвращался домой, и господин его уж думал: «Верный мой Ганс! Он же в угоду никакого труда не боится!» И так как он все-таки не возвращался, его господин стал опасаться — не случилось ли с ним какого несчастья? Он сам собрался в путь, чтобы его разыскать.

Долго он искал и наконец увидел слугу, который бегал взад и вперед по полю. «Ну, добрый Ганс, — сказал господин, добравшись до слуги, — нашел ли ты корову, за которою я тебя отправил?» — «Нет, сударь, — отвечал тот, — коровы я не сыскал, да, правду сказать, и не искал вовсе». — «А что же ты делал, Ганс?» — «Был занят делом почище того: трех черных дроздов добыл». — «Да где же они?» — спросил господин. — «А вот они: одного вижу, другого слышу, а за третьим гонюсь!» — отвечал умный слуга.

Вот с этого и образец себе бери: не тревожься о своем господине и об исполнении его приказаний; делай то, что тебе нравится и к чему чувствуешь расположение, тогда и будешь так же премудро поступать, как умный Ганс.

Стеклянный гроб

Никогда не утверждай, что бедняк-портной не может пойти весьма далеко и не может достигнуть высоких почестей: ведь стоит только ему знать, куда обратиться, а главное — надо, чтобы ему повезло!

Вот такой-то исправный и проворный портняжный подмастерье однажды во время своих странствий из города в город забрел в большой лес и, не зная дороги, в лесу заблудился.

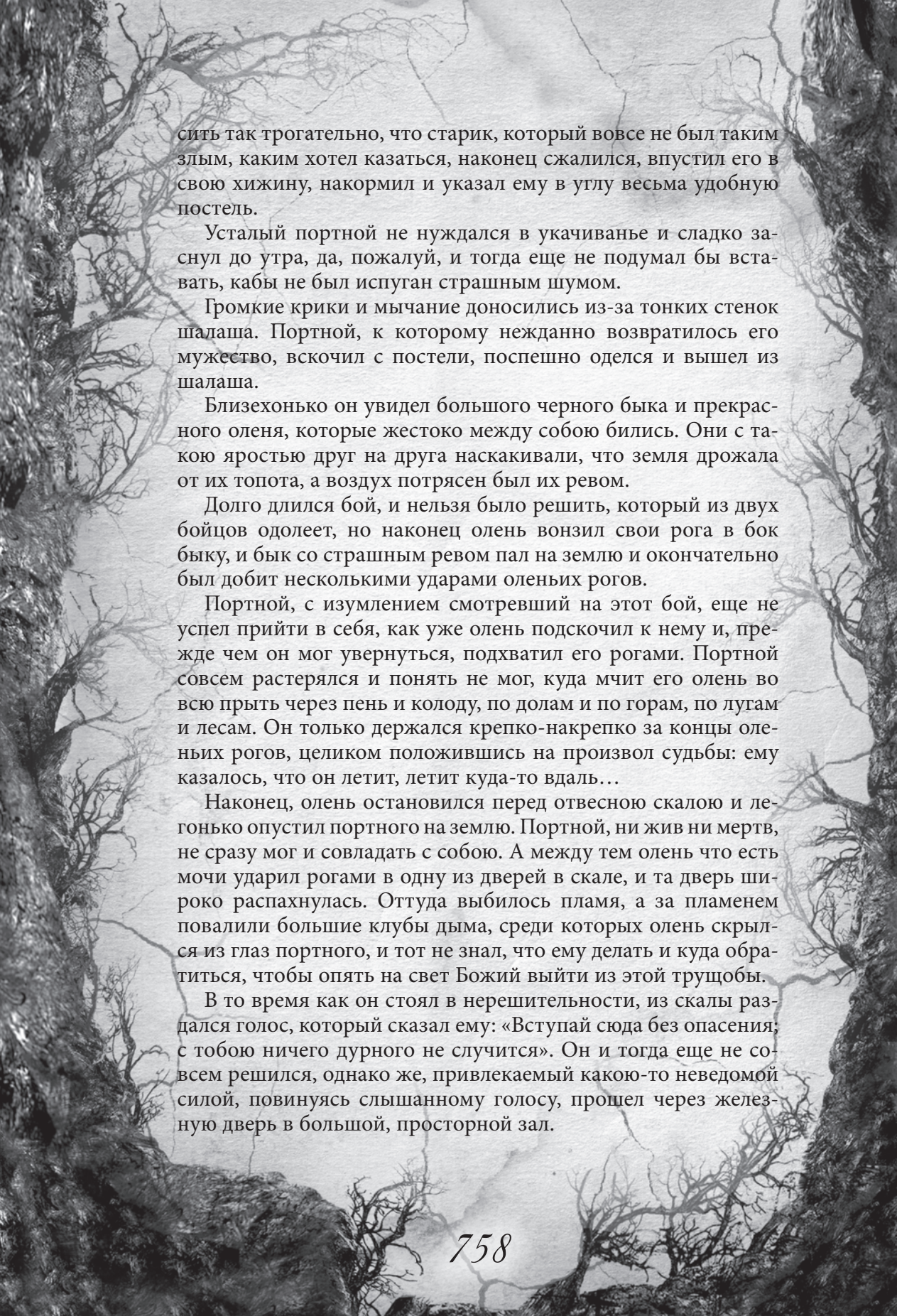
Наступила ночь, и ему пришлось волей-неволей искать себе ночлега в этой страшной глуши. Он бы охотно прилег на мягкий мох, но побоялся диких зверей и потому должен был решиться переночевать на дереве.

Выискал он высокий дуб, взобрался на самую его вершину и возблагодарил Бога за то, что у него был с собою утюг захвачен, а не то ветер, гулявший по вершинам деревьев, пожалуй, сдул бы его сверху.

Проведя несколько часов в темноте не без дрожи и не без опасений, он увидел в некотором отдалении огонек; предположив, что это, верно, чье-нибудь жилье, где ему удобнее будет приютиться, чем на ветвях дерева, он осторожно спустился вниз и пошел на огонек. Так подошел он к шалашу, сплетенному из тростника и водорослей, и смело постучался в дверь.

Дверь отворилась, и при свете свечи, горевшей внутри шалаша, наш путник мог разглядеть маленького, совсем седого старичка, одетого в платье, сшитое из пестрых лоскутков. «Кто ты и чего тебе нужно?» — спросил старичок сиплым голосом. «Я — бедный портной! Ночь застала меня здесь в лесу, и я усердно прошу вас, чтобы вы меня пустили переночевать в вашем шалаше». — «Ступай своей дорогой, — ворчливо отвечал ему старик, — я с бродягами не знаюсь; ищи себе приюта в другом месте».

И с этим словами собирался опять юркнуть в свое жилище, однако же портной, ухватив его за полы одежды, стал про-

сить так трогательно, что старик, который вовсе не был таким злым, каким хотел казаться, наконец сжалился, впустил его в свою хижину, накормил и указал ему в углу весьма удобную постель.

Усталый портной не нуждался в укачиванье и сладко заснул до утра, да, пожалуй, и тогда еще не подумал бы вставать, кабы не был испуган страшным шумом.

Громкие крики и мычание доносились из-за тонких стенок шалаша. Портной, к которому нежданно возвратилось его мужество, вскочил с постели, поспешно оделся и вышел из шалаша.

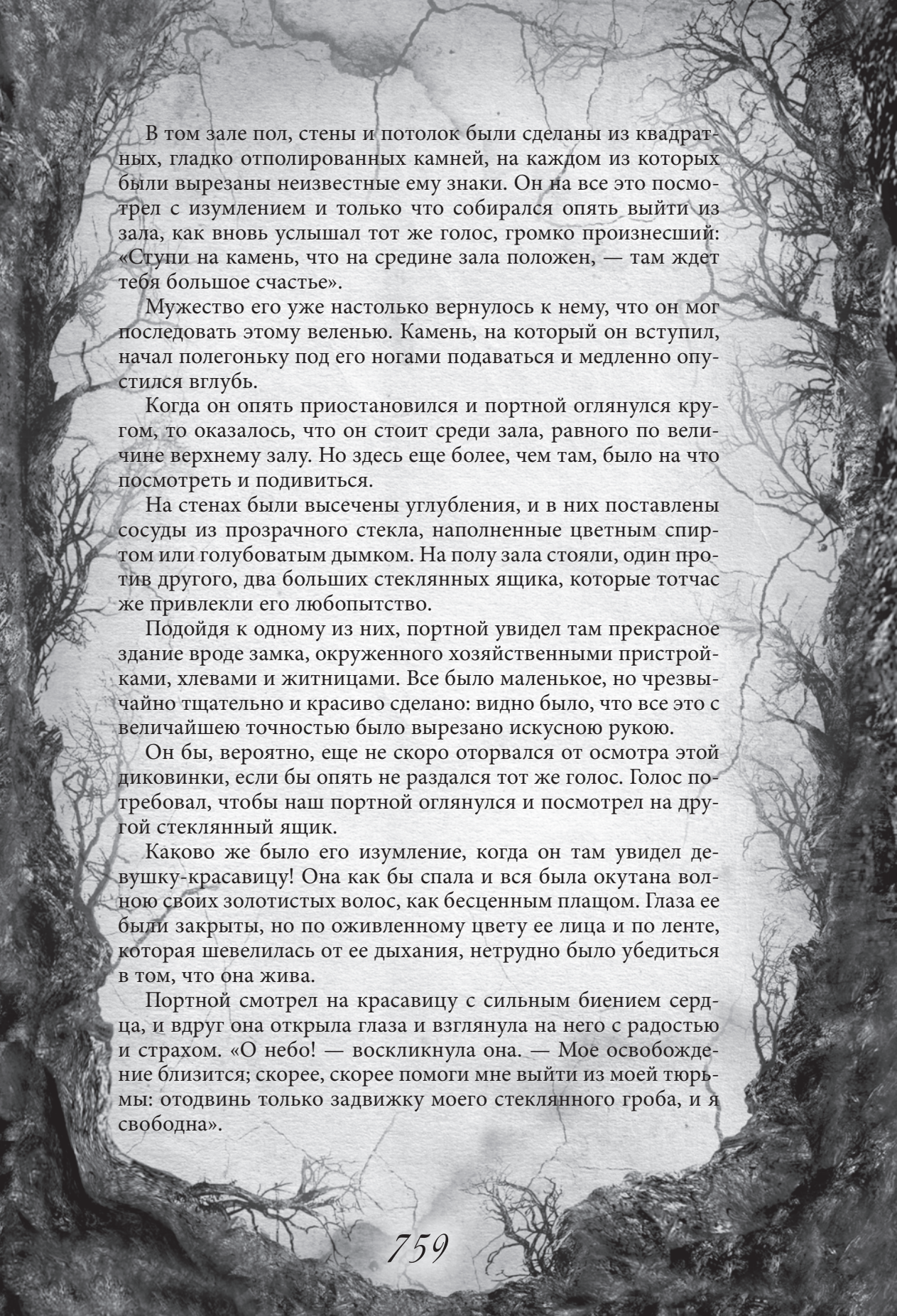
Близехонько он увидел большого черного быка и прекрасного оленя, которые жестоко между собою бились. Они с такою яростью друг на друга насакивали, что земля дрожала от их топота, а воздух потрясен был их ревом.

Долго длился бой, и нельзя было решить, который из двух бойцов одолеет, но наконец олень вонзил свои рога в бок быку, и бык со страшным ревом пал на землю и окончательно был добит несколькими ударами оленьих рогов.

Портной, с изумлением смотревший на этот бой, еще не успел прийти в себя, как уже олень подскочил к нему и, прежде чем он мог увернуться, подхватил его рогами. Портной совсем растерялся и понять не мог, куда мчит его олень во всю прыть через пень и колоду, по долам и по горам, по лугам и лесам. Он только держался крепко-накрепко за концы оленьих рогов, целиком положившись на произвол судьбы: ему казалось, что он летит, летит куда-то вдаль...

Наконец, олень остановился перед отвесною скалою и легонько опустил портного на землю. Портной, ни жив ни мертв, не сразу мог и совладать с собою. А между тем олень что есть мочи ударил рогами в одну из дверей в скале, и та дверь широко распахнулась. Оттуда выбилось пламя, а за пламенем повалили большие клубы дыма, среди которых олень скрылся из глаз портного, и тот не знал, что ему делать и куда обратиться, чтобы опять на свет Божий выйти из этой трущобы.

В то время как он стоял в нерешительности, из скалы раздался голос, который сказал ему: «Вступай сюда без опасения; с тобою ничего дурного не случится». Он и тогда еще не совсем решился, однако же, привлекаемый какою-то неведомой силой, повинуясь слышанному голосу, прошел через железную дверь в большой, просторной зал.

В том зале пол, стены и потолок были сделаны из квадратных, гладко отполированных камней, на каждом из которых были вырезаны неизвестные ему знаки. Он на все это посмотрел с изумлением и только что собирался опять выйти из зала, как вновь услышал тот же голос, громко произнесший: «Ступи на камень, что на середине зала положен, — там ждет тебя большое счастье».

Мужество его уже настолько вернулось к нему, что он мог последовать этому велению. Камень, на который он вступил, начал полегоньку под его ногами подаваться и медленно опустился вглубь.

Когда он опять приостановился и портной оглянулся кругом, то оказалось, что он стоит среди зала, равного по величине верхнему залу. Но здесь еще более, чем там, было на что посмотреть и подивиться.

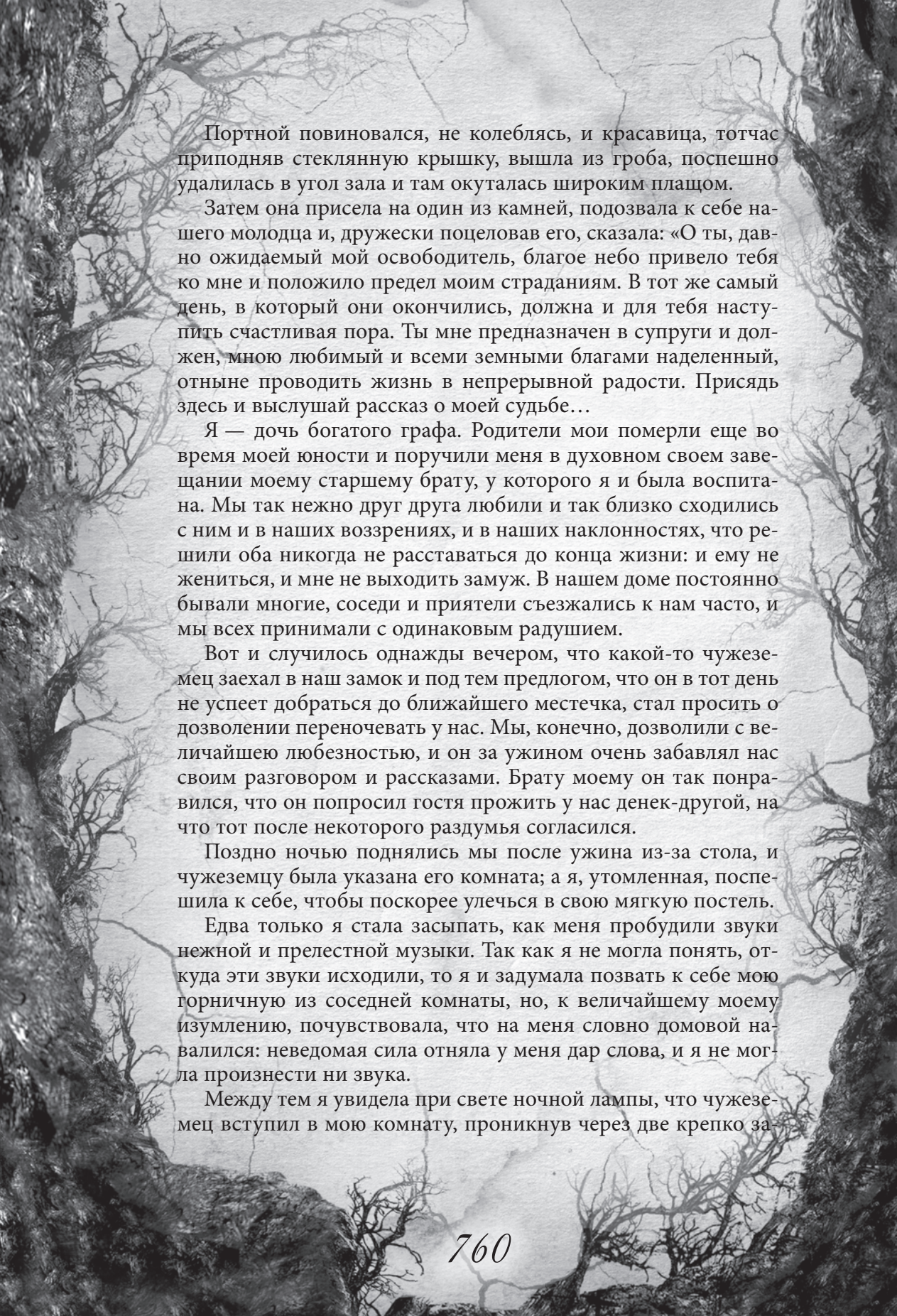
На стенах были высечены углубления, и в них поставлены сосуды из прозрачного стекла, наполненные цветным спиртом или голубоватым дымком. На полу зала стояли, один против другого, два больших стеклянных ящика, которые тотчас же привлекли его любопытство.

Подойдя к одному из них, портной увидел там прекрасное здание вроде замка, окруженного хозяйственными пристройками, хлевами и житницами. Все было маленькое, но чрезвычайно тщательно и красиво сделано: видно было, что все это с величайшею точностью было вырезано искусною рукою.

Он бы, вероятно, еще не скоро оторвался от осмотра этой диковинки, если бы опять не раздался тот же голос. Голос потребовал, чтобы наш портной оглянулся и посмотрел на другой стеклянный ящик.

Каково же было его изумление, когда он там увидел девушку-красавицу! Она как бы спала и вся была окутана волною своих золотистых волос, как бесценным плащом. Глаза ее были закрыты, но по оживленному цвету ее лица и по ленте, которая шевелилась от ее дыхания, нетрудно было убедиться в том, что она жива.

Портной смотрел на красавицу с сильным биением сердца, и вдруг она открыла глаза и взглянула на него с радостью и страхом. «О небо! — воскликнула она. — Мое освобождение близится; скорее, скорее помоги мне выйти из моей тюрьмы: отодвинь только задвижку моего стеклянного гроба, и я свободна».

Портной повиновался, не колеблясь, и красавица, тотчас приподняв стеклянную крышку, вышла из гроба, поспешно удалилась в угол зала и там укуталась широким плащом.

Затем она присела на один из камней, подозвала к себе нашего молодца и, дружески поцеловав его, сказала: «О ты, давно ожидаемый мой освободитель, благое небо привело тебя ко мне и положило предел моим страданиям. В тот же самый день, в который они окончились, должна и для тебя наступить счастливая пора. Ты мне предназначен в супруги и должен, мною любимый и всеми земными благами наделенный, отныне проводить жизнь в непрерывной радости. Присядь здесь и выслушай рассказ о моей судьбе...

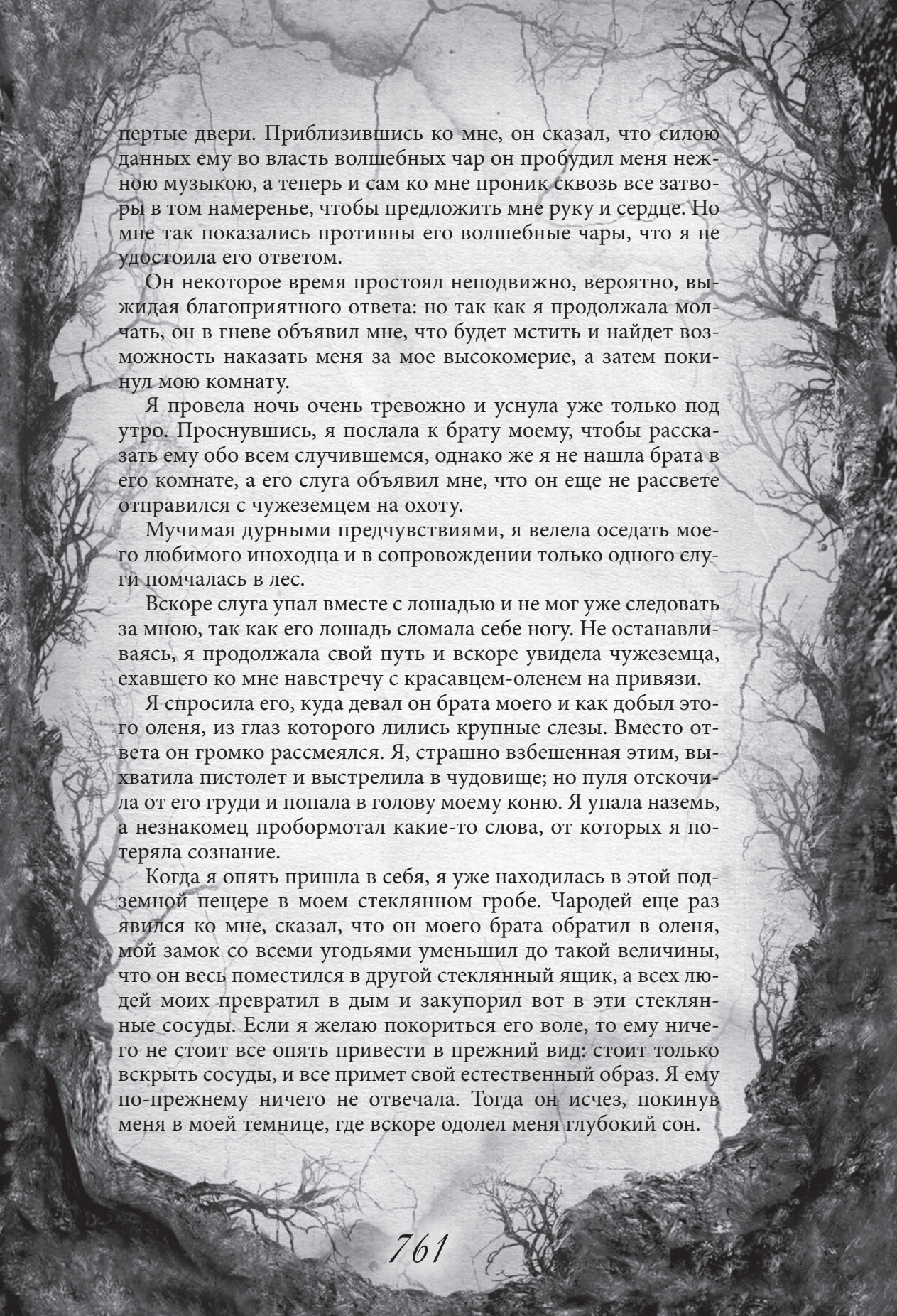
Я — дочь богатого графа. Родители мои померли еще во время моей юности и поручили меня в духовном своем завещании моему старшему брату, у которого я и была воспитана. Мы так нежно друг друга любили и так близко сходились с ним и в наших воззрениях, и в наших наклонностях, что решили оба никогда не расставаться до конца жизни: и ему не жениться, и мне не выходить замуж. В нашем доме постоянно бывали многие, соседи и приятели съезжались к нам часто, и мы всех принимали с одинаковым радушием.

Вот и случилось однажды вечером, что какой-то чужеземец заехал в наш замок и под тем предлогом, что он в тот день не успеет добраться до ближайшего местечка, стал просить о дозволении переночевать у нас. Мы, конечно, дозволили с величайшею любезностью, и он за ужином очень забавлял нас своим разговором и рассказами. Брату моему он так понравился, что он попросил гостя прожить у нас денек-другой, на что тот после некоторого раздумья согласился.

Поздно ночью поднялись мы после ужина из-за стола, и чужеземцу была указана его комната; а я, утомленная, поспешила к себе, чтобы поскорее улечься в свою мягкую постель.

Едва только я стала засыпать, как меня пробудили звуки нежной и прелестной музыки. Так как я не могла понять, откуда эти звуки исходили, то я и задумала позвать к себе мою горничную из соседней комнаты, но, к величайшему моему изумлению, почувствовала, что на меня словно домовый навалился: неведомая сила отняла у меня дар слова, и я не могла произнести ни звука.

Между тем я увидела при свете ночной лампы, что чужеземец вступил в мою комнату, проникнув через две крепко за-

пертые двери. Приблизившись ко мне, он сказал, что силою данных ему во власть волшебных чар он пробудил меня нежною музыкою, а теперь и сам ко мне проник сквозь все затворы в том намеренье, чтобы предложить мне руку и сердце. Но мне так показались противны его волшебные чары, что я не удостоила его ответом.

Он некоторое время простоял неподвижно, вероятно, ожидая благоприятного ответа: но так как я продолжала молчать, он в гневе объявил мне, что будет мстить и найдет возможность наказать меня за мое высокомерие, а затем покинул мою комнату.

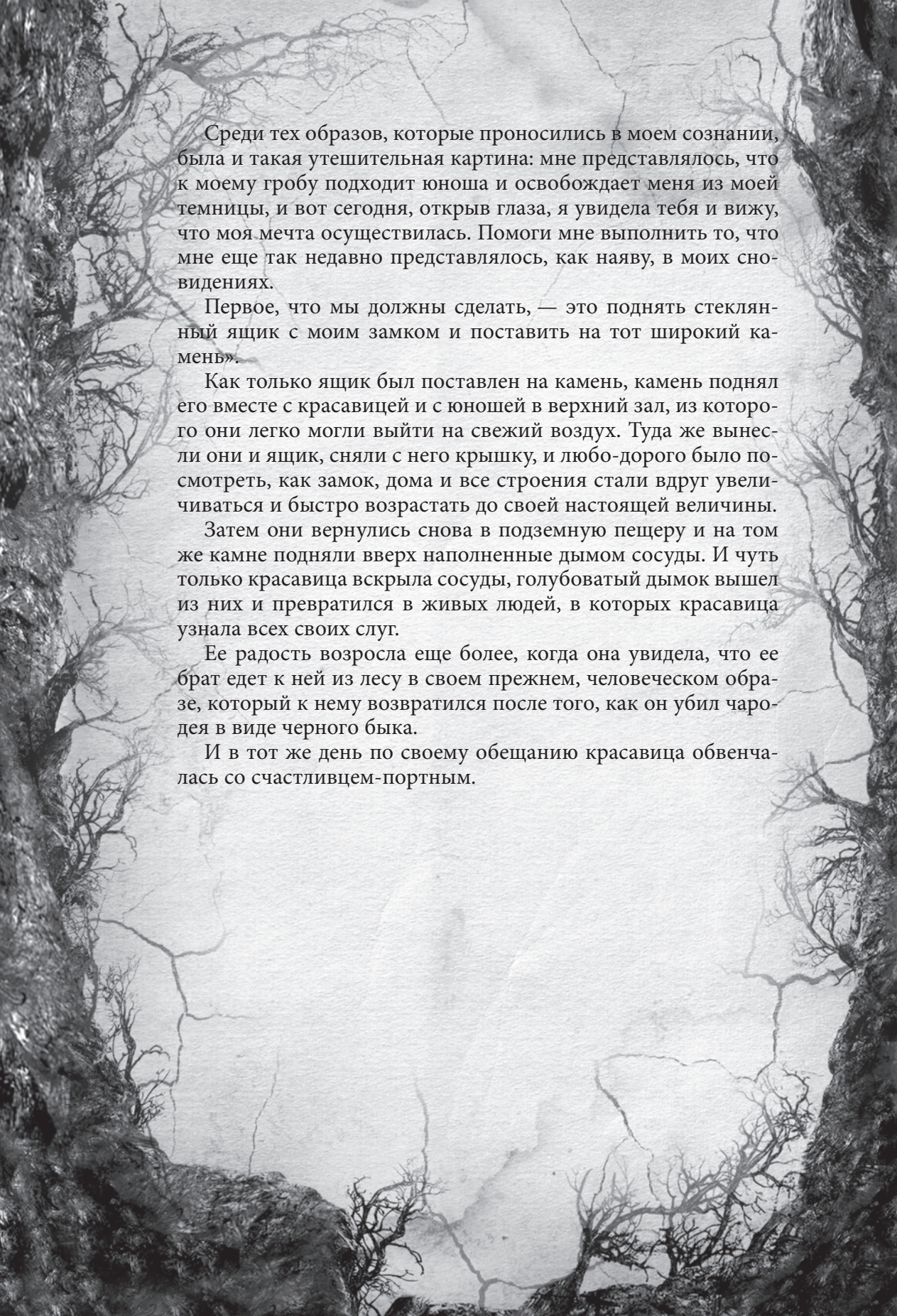
Я провела ночь очень тревожно и уснула уже только под утро. Проснувшись, я послала к брату моему, чтобы рассказать ему обо всем случившемся, однако же я не нашла брата в его комнате, а его слуга объявил мне, что он еще не рассвете отправился с чужеземцем на охоту.

Мучимая дурными предчувствиями, я велела оседать моего любимого иноходца и в сопровождении только одного слуги помчалась в лес.

Вскоре слуга упал вместе с лошадыю и не мог уже следовать за мною, так как его лошадь сломала себе ногу. Не останавливаясь, я продолжала свой путь и вскоре увидела чужеземца, ехавшего ко мне навстречу с красавцем-оленьем на привязи.

Я спросила его, куда девал он брата моего и как добыл этого оленя, из глаз которого лились крупные слезы. Вместо ответа он громко рассмеялся. Я, страшно взбешенная этим, выхватила пистолет и выстрелила в чудовище; но пуля отскочила от его груди и попала в голову моему коню. Я упала наземь, а незнакомец пробормотал какие-то слова, от которых я потеряла сознание.

Когда я опять пришла в себя, я уже находилась в этой подземной пещере в моем стеклянном гробе. Чародей еще раз явился ко мне, сказал, что он моего брата обратил в оленя, мой замок со всеми угодьями уменьшил до такой величины, что он весь поместился в другой стеклянный ящик, а всех людей моих превратил в дым и закупорил вот в эти стеклянные сосуды. Если я желаю покориться его воле, то ему ничего не стоит все опять привести в прежний вид; стоит только вскрыть сосуды, и все примет свой естественный образ. Я ему по-прежнему ничего не отвечала. Тогда он исчез, покинув меня в моей темнице, где вскоре одолел меня глубокий сон.

Среди тех образов, которые пронеслись в моем сознании, была и такая утешительная картина: мне представлялось, что к моему гробу подходит юноша и освобождает меня из моей темницы, и вот сегодня, открыв глаза, я увидела тебя и вижу, что моя мечта осуществилась. Помоги мне выполнить то, что мне еще так недавно представлялось, как наяву, в моих сновидениях.

Первое, что мы должны сделать, — это поднять стеклянный ящик с моим замком и поставить на тот широкий камень».

Как только ящик был поставлен на камень, камень поднял его вместе с красавицей и с юношей в верхний зал, из которого они легко могли выйти на свежий воздух. Туда же вынесли они и ящик, сняли с него крышку, и любо-дорого было посмотреть, как замок, дома и все строения стали вдруг увеличиваться и быстро возрастать до своей настоящей величины.

Затем они вернулись снова в подземную пещеру и на том же камне подняли вверх наполненные дымом сосуды. И чуть только красавица вскрыла сосуды, голубоватый дымок вышел из них и превратился в живых людей, в которых красавица узнала всех своих слуг.

Ее радость возросла еще более, когда она увидела, что ее брат едет к ней из лесу в своем прежнем, человеческом образе, который к нему возвратился после того, как он убил чародея в виде черного быка.

И в тот же день по своему обещанию красавица обвенчалась со счастливецем-портным.

«Стеклянный гроб».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...олень подскочил к нему и, прежде чем он мог увернуться, подхватил его рогами. Пертней совсем растерялся и понять не мог, куда мчит его олень во всю прыть...»

Ленивый Хайнц

Хайнц был ленив, и хоть у него не было никакого другого дела, кроме того что он гонял свою козу на пастбище, однако же он все-таки вздыхал, когда, закончив свой рабочий день, возвращался вечером домой.

«Тяжелая эта работа, — говаривал он, — и тягость немалая, так-то вот из году в год гонять козу в поле до поздней осени! И еще если было бы можно при этом прилечь да приуснуть! А то нет, смотри-ка в оба, чтобы она молодые деревца не повредила, либо через изгородь в сад не пробралась, либо с поля не убежала. Не успокоишься тут, на жизнь не порадуешься!»

Он присел, стараясь собраться с мыслями, и все соображал, как бы ему эту тягость со своих плеч сбросить.

Долго все эти соображения ни к чему не приводили, и вдруг у него словно пелена с глаз упала.

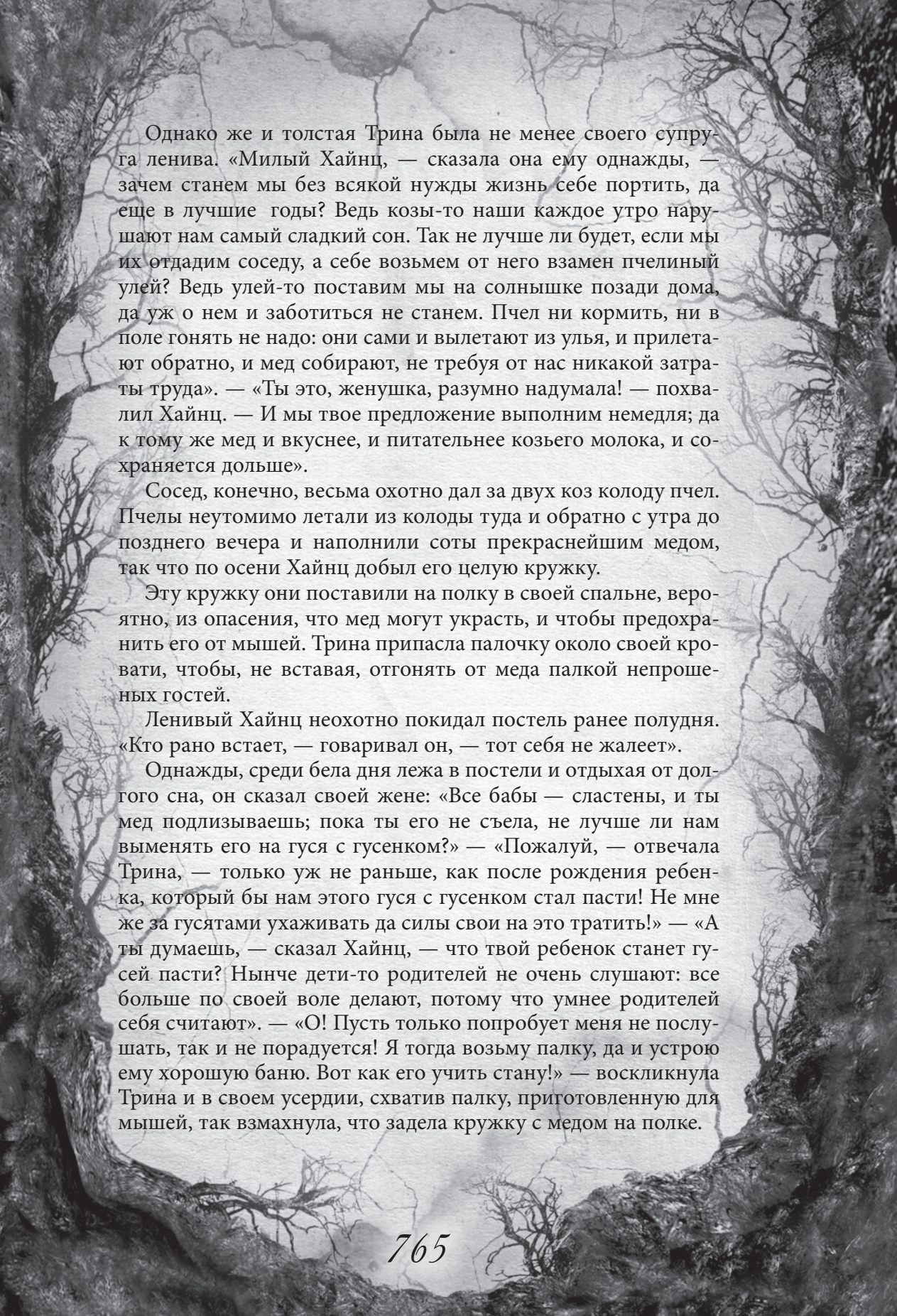
«Я знаю, что сделать! — воскликнул он. — Женюсь на толстой Трине; у той тоже есть коза, так она, может, и мою со своею гонять станет, тогда мне не придется себя мучить».

Итак, Хайнц поднялся, привел свои усталые члены в движение, перешел через улицу (дальше ему идти и не было нужно!) в тот дом, где жили родители Трины, и стал свататься за их работающую и добродетельную дочку.

Родители недолго раздумывали: «Ровня ровнюшке пара», — подумали они и согласились.

Вот толстая Трина и стала женою Хайнца и начала гонять обеих коз в поле.

Наступили для Хайнца красные деньки, и не надобно было ему ни от какой работы отдыхать, кроме своей собственной лени. Лишь изредка он выходил из дома вместе с женою и говорил: «Только за тем и выхожу, чтобы мне потом покой слаще показался; а то уж начинаешь к нему терять всякий вкус».

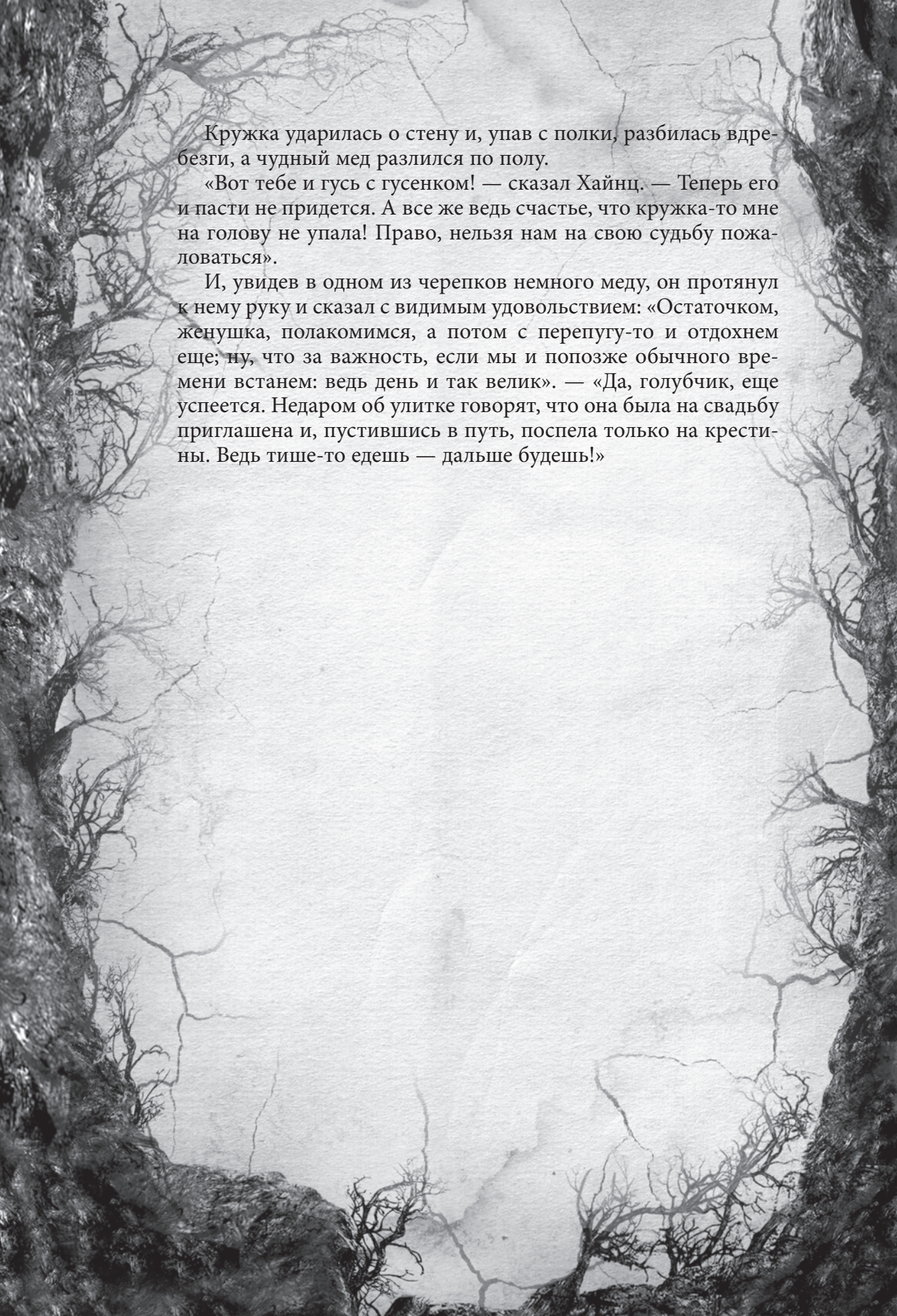
Однако же и толстая Трина была не менее своего супруга ленива. «Милый Хайнц, — сказала она ему однажды, — зачем станем мы без всякой нужды жизнь себе портить, да еще в лучшие годы? Ведь козы-то наши каждое утро нарушают нам самый сладкий сон. Так не лучше ли будет, если мы их отдадим соседу, а себе возьмем от него взамен пчелиный улей? Ведь улей-то поставим мы на солнышке позади дома, да уж о нем и заботиться не станем. Пчел ни кормить, ни в поле гонять не надо: они сами и вылетают из улья, и прилетают обратно, и мед собирают, не требуя от нас никакой затраты труда». — «Ты это, женушка, разумно надумала! — похвалил Хайнц. — И мы твоё предложение выполним немедленно; да к тому же мед и вкуснее, и питательнее козьего молока, и сохраняется дольше».

Сосед, конечно, весьма охотно дал за двух коз колоду пчел. Пчелы неустомимо летали из колоды туда и обратно с утра до позднего вечера и наполнили соты прекраснейшим медом, так что по осени Хайнц добыл его целую кружку.

Эту кружку они поставили на полку в своей спальне, вероятно, из опасения, что мед могут украсть, и чтобы предохранить его от мышей. Трина припасла палочку около своей кровати, чтобы, не вставая, отгонять от меда палкой непрошенных гостей.

Ленивый Хайнц неохотно покидал постель ранее полудня. «Кто рано встает, — говаривал он, — тот себя не жалеет».

Однажды, среди бела дня лежа в постели и отдыхая от долгого сна, он сказал своей жене: «Все бабы — сластены, и ты мед подлизываешь; пока ты его не съела, не лучше ли нам выменять его на гуся с гусенком?» — «Пожалуй, — отвечала Трина, — только уж не раньше, как после рождения ребенка, который бы нам этого гуся с гусенком стал пасти! Не мне же за гусятами ухаживать да силы свои на это тратить!» — «А ты думаешь, — сказал Хайнц, — что твой ребенок станет гусей пасти? Нынче дети-то родителей не очень слушают: все больше по своей воле делают, потому что умнее родителей себя считают». — «О! Пусть только попробует меня не слушать, так и не порадует! Я тогда возьму палку, да и устрою ему хорошую баню. Вот как его учить стану!» — воскликнула Трина и в своем усердии, схватив палку, приготовленную для мышей, так взмахнула, что задела кружку с медом на полке.

Кружка ударилась о стену и, упав с полки, разбилась вдребезги, а чудный мед разлился по полу.

«Вот тебе и гусь с гусенком! — сказал Хайнц. — Теперь его и пасти не придется. А все же ведь счастье, что кружка-то мне на голову не упала! Право, нельзя нам на свою судьбу пожаловаться».

И, увидев в одном из черепков немного меда, он протянул к нему руку и сказал с видимым удовольствием: «Остаточком, жenuшка, полакомимся, а потом с перепугу-то и отдохнем еще; ну, что за важность, если мы и попозже обычного времени встанем: ведь день и так велик». — «Да, голубчик, еще успеется. Недаром об улитке говорят, что она была на свадьбу приглашена и, пустившись в путь, поспела только на крестины. Ведь тише-то едешь — дальше будешь!»

Птица гриф

Жил-был на свете король, и где он правил, и как он звался — этого никто не знает. Сыновей у него не было; была только единственная дочь, да и та постоянно болела, и никакой доктор не мог ее вылечить.

Кто-то королю и напроорочил, что его дочь от яблока должна выздороветь. Вот он и объявил по всей своей стране, что кто его дочери доставит такое яблоко, от которого она выздоровеет, тот получит ее руку в награду и его королевство наследует.

Услышал об этом мужик, у которого было трое сыновей. Вот и сказал он старшему: «Ступай в сад, возьми корзину полненьку самых лучших яблок с красными бочками и снеси их ко двору; может быть, королева и выздоровеет, как их поест, и тогда ты на ней женишься и королем будешь».

Малый так и сделал и пустился в путь-дорогу. Шел он сколько-то времени и повстречал на дороге небольшого человечка, который его спросил: «Что у тебя в корзине?» А тот ему в насмешку и ответил: «Маленькие лягушата». Человечек сказал на это: «Ну, так пусть они там и останутся», — и пошел своей дорогой.

А малый явился в королевский замок и приказал о себе доложить, что принес он яблоки, от которых королева должна выздороветь, если поест их.

Король очень обрадовался, позвал парня к себе, но — о ужас! — когда вскрыли корзинку, то вместо яблок в ней оказались одни лягушата. Король очень рассердился и велел выгнать парня из замка. Придя домой, старший сын рассказал отцу все, как было.

Тогда старик послал второго сына; но и с этим случилось то же, что со старшим.

И ему повстречался тот же человечек, и его тоже спросил, что у него в корзине, а когда парень ответил: «Свиная щети-

на», — человечек и ему так же сказал: «Ну, так пусть она и останется», — и когда парень принес свои яблоки в замок, у него вместо яблок оказалась в корзинке свиная щетина.

Тогда король страшно разгневался и велел парня прогнать из замка плетью.

Пришел тот к отцу и рассказал все, как было.

Услышал это младший сын старика, которого звали глупым Гансом, и спросил у отца, позволит ли он и ему снести яблоки в замок. «Вот именно, — сказал отец, — тебя только там и недоставало! Коли уж умные ничего не могли сделать, так ты-то на что способен?» Но Ганс все на своем стоял: «Право, отец, я тоже пойду!» — «Пойди ты прочь, дурень! Тебе еще подождать надо, пока ты поумнеешь», — сказал ему отец и повернулся к нему спиною.

А Ганс его сзади ухватил за одежду, трясет и говорит: «Право, батюшка, и я тоже пойду в замок». — «Ну и ступай! И ступай! Мне-то что?»

Ганс этому очень обрадовался. «Ступай и поступай как дурень! Ведь ты и так день ото дня все глупее становишься!» — сказал Гансу отец.

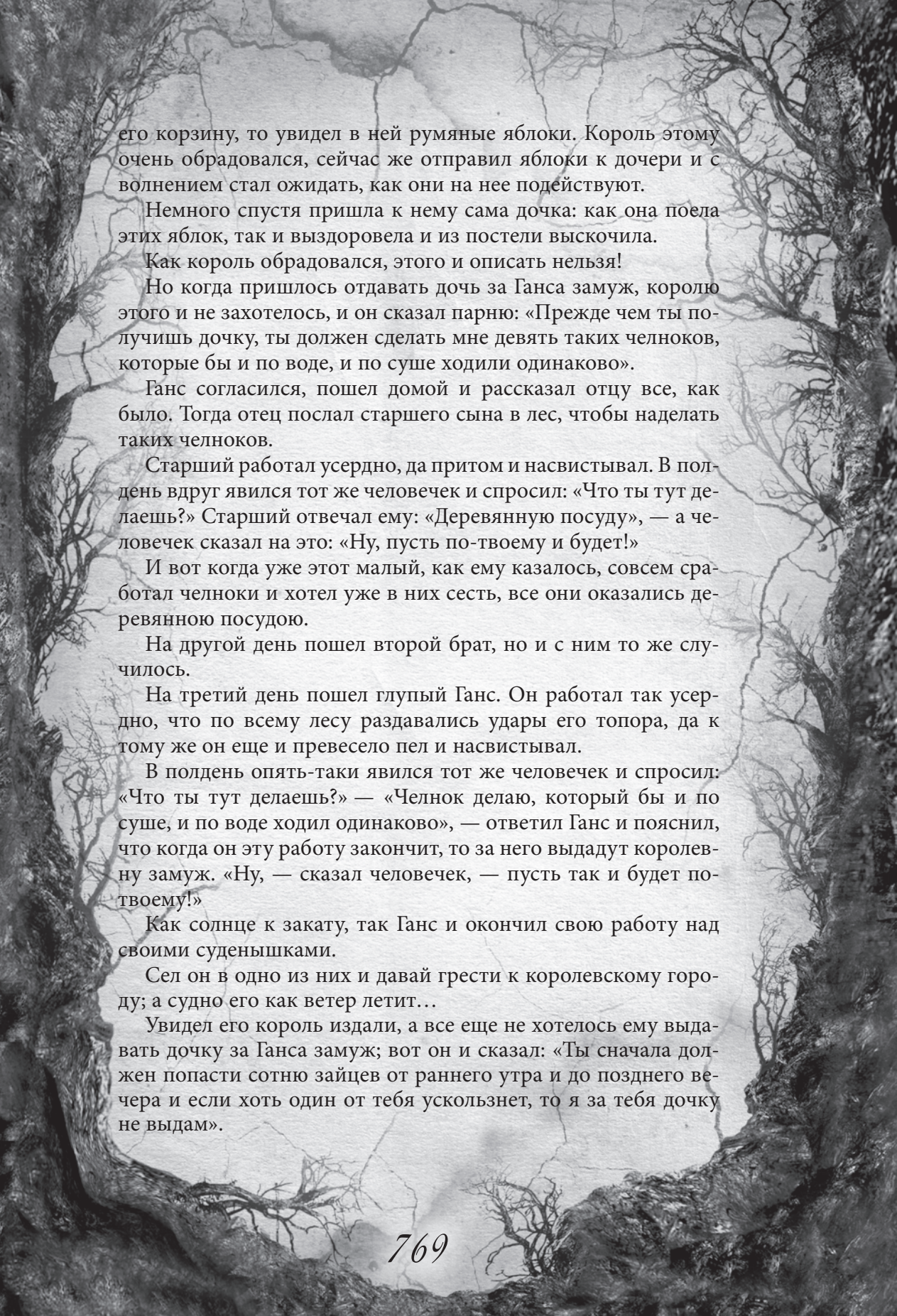
Но это Гансу — как с гуся вода! Даже и радости его не нарушило. Но так как ночь уже наступала, то он решил обождать до утра.

Ночью он никак не мог заснуть в своей кровати, а когда начинал дремать, то ему снились красавицы, замки, золото, серебро и все тому подобное.

Рано утром он направился в путь и вскоре повстречался с тем же человечком, который и его тоже спросил, что у него лежит в корзине. Ганс отвечал ему просто, что у него в корзине яблоки, от которых королева должна выздороветь. «Ну, — сказал человечек, — коли яблоки, так пусть так и будет!»

Но при дворе его совсем не хотели было пускать: рассказали ему, что уже двое каких-то приходили и говорили, что с яблоками, а оказалось, что у одного в корзине были лягушата, а у другого — свиная щетина. Но Ганс утверждал, что у него точно в корзине превосходные яблоки, лучшие во всем королевстве!

Когда он все это объяснил, то привратник подумал, что он действительно не лжет, и впустил его, и когда король вскрыл

его корзину, то увидел в ней румяные яблоки. Король этому очень обрадовался, сейчас же отправил яблоки к дочери и с волнением стал ожидать, как они на нее подействуют.

Немного спустя пришла к нему сама дочка: как она поела этих яблок, так и выздоровела и из постели выскочила.

Как король обрадовался, этого и описать нельзя!

Но когда пришлось отдавать дочь за Ганса замуж, королю этого и не захотелось, и он сказал парню: «Прежде чем ты получишь дочку, ты должен сделать мне девять таких челноков, которые бы и по воде, и по суше ходили одинаково».

Ганс согласился, пошел домой и рассказал отцу все, как было. Тогда отец послал старшего сына в лес, чтобы наделать таких челноков.

Старший работал усердно, да притом и насвистывал. В полдень вдруг явился тот же человечек и спросил: «Что ты тут делаешь?» Старший отвечал ему: «Деревянную посуду», — а человечек сказал на это: «Ну, пусть по-твоему и будет!»

И вот когда уже этот малый, как ему казалось, совсем сработал челноки и хотел уже в них сесть, все они оказались деревянною посудю.

На другой день пошел второй брат, но и с ним то же случилось.

На третий день пошел глупый Ганс. Он работал так усердно, что по всему лесу раздавались удары его топора, да к тому же он еще и превесело пел и насвистывал.

В полдень опять-таки явился тот же человечек и спросил: «Что ты тут делаешь?» — «Челнок делаю, который бы и по суше, и по воде ходил одинаково», — ответил Ганс и пояснил, что когда он эту работу закончит, то за него выдадут королевну замуж. «Ну, — сказал человечек, — пусть так и будет по-твоему!»

Как солнце к закату, так Ганс и окончил свою работу над своими суденышками.

Сел он в одно из них и давай грести к королевскому городу; а судно его как ветер летит...

Увидел его король издали, а все еще не хотелось ему выдавать дочку за Ганса замуж; вот он и сказал: «Ты сначала должен попасть сотню зайцев от раннего утра и до позднего вечера и если хоть один от тебя ускользнет, то я за тебя дочку не выдам».

Ганс и этим доволен, и на другое утро рано погнал свое стадо в поле и так ухитрился его пасти, что ни один заяц от него не убежал.

Несколько часов спустя пришла из замка служанка и сказала Гансу, чтобы он ей поскорее выдал одного зайца — ей, мол, приказано приготовить его для приезжих гостей.

Но Ганс заметил, куда дело клонится, и отвечал служанке, что ничего ей не даст, потому что ему за каждого зайца придется перед королем отвечать.

Служанка с таким же требованием вернулась еще раз вечером, и Ганс ей сказал, что разве если сама королевна придет, так ей даст он одного зайца. Служанка об этом доложила в замок, и королевна сама отправилась к Гансу.

А тем временем явился к Гансу тот же человечек и спросил: «Что ты тут делаешь?» — «Да вот, сотню зайцев пасу и еще так, чтобы все к вечеру налицо были; ну, а затем женюсь на королевне, да и сам в короли попаду». — «Хорошо, — сказал человечек, — вот, на тебе дудочку: как только какой-нибудь от тебя побежит, ты только заиграй на этой дудочке, и он опять к тебе назад вернется».

И вот, когда пришла королевна, Ганс ей сейчас дал зайчика, положил в ее передник; но не сделала она и сотни шагов, как Ганс заиграл на дудочке, и заяц у нее из передника — прыг! — и опять прибежал к стаду.

С наступлением вечера Ганс опять заиграл на дудочке, собрал все свое стадо кругом себя, пересчитал его и погнал в замок.

Очень был король удивлен, что сумел Ганс всю сотню зайцев упasti и ни одного не упустил! А дочку-то все же не хотелось ему выдавать за Ганса.

Вот он и сказал ему: «Сначала ты принеси мне перо из крыла птицы гриф».

И Ганс, не раздумывая, тотчас пустился в путь и бодро пошел вперед.

Вечером того дня пришел он к замку, стал проситься на ночлег, был принят хозяином замка весьма радушно и удостоен вопроса: куда он идет?

Ганс прямо и говорит: «К птице гриф». — «К грифу? Он все знает, а я как раз недавно потерял ключи от своего денежного ящика и нигде найти не могу: так попроси грифа сказать, где их искать». — «Ладно, — сказал Ганс, — попрошу».

«Птица гриф».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...Тане зашурял на дудочке, и зайц у нее из передника – прыг!...»

Вот утром пошел Ганс далее и пришел к другому замку, в котором опять-таки остался ночевать.

Как прознали в замке, что он к птице гриф идет, так и сказали ему, что в том замке у хозяев дочь больна и уже все средства для излечения ее перепробовали — ничто не помогает; так вот, нельзя ли грифа спросить, чем можно ту дочку вылечить? Ганс обещал и это исполнить и пошел далее.

И подошел он к реке, и видит, что на ней вместо парома высокий-превысокий человек людей на себе переносит. Спросил и этот перевозчик Ганса, куда он путь держит. «К птице гриф», — отвечал Ганс. «Так вот, как придешь к грифу, спроси, долго ли я должен всех людей на себе через реку перевозить».

Ганс сказал: «Хорошо, спрошу». Перенес и его перевозчик на другую сторону реки.

Наконец, пришел Ганс к дому грифа и застал там только жену его, а самого грифа дома не было. И спросила Ганса грифова жена, чего ему нужно.

Вот Ганс ей все и рассказал: что и перо-то ему нужно из грифова крыла добыть, и вопросы ему задать от людей, попавшихся на пути, и от перевозчика, что через реку переносил.

И сказала Гансу грифова жена: «Нельзя тебе самому говорить с грифом — он тебя съест; а вот ты залезай под кровать да слушай, как я его буду спрашивать, и запоминай его ответы; а как он покрепче уснет, так ты у него перо из крыла и вырви».

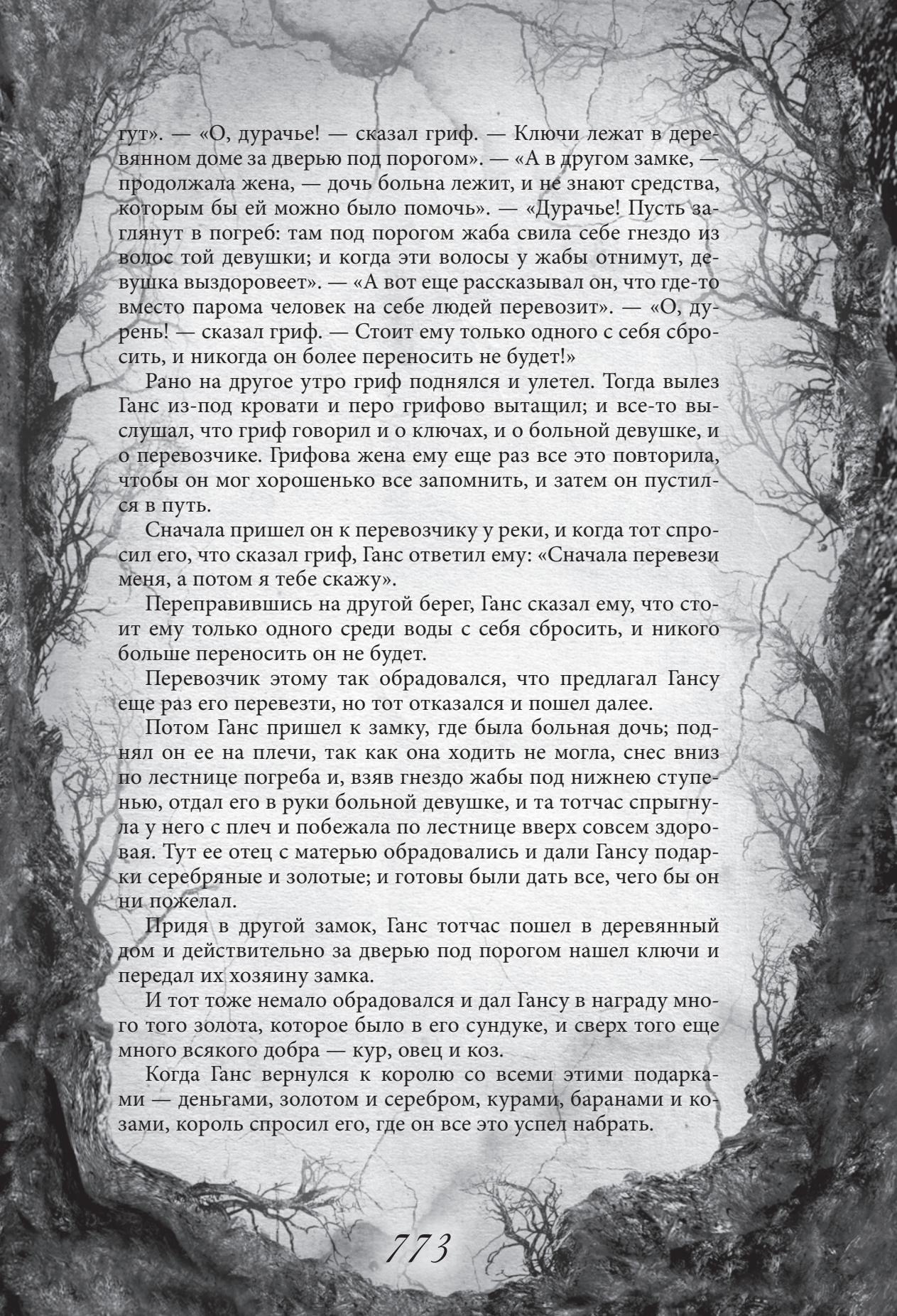
Ганс всем этим был очень доволен и полез под кровать грифовой жены.

Под вечер вернулся гриф домой и, чуть вступил в горницу, говорит жене: «Чую я здесь чужого, крещеного». — «Да, — отвечала жена, — ты прав, был тут один крещеный да ушел».

И гриф на это ничего не сказал.

Среди ночи, в то время как чудовище заснуло и громко стало храпеть, Ганс высунулся из-под кровати и вырвал у грифа перо из крыла.

Гриф тотчас проснулся и говорит жене: «Жена! Я чую здесь крещеного, и кажется мне, как будто он меня за крыло тербит». — «Тебе это, верно, приснилось, — отвечала жена, — а я тебе уже говорила, что был тут христианин, да ушел. Он мне много всякой всячины рассказывал. Вот в одном замке потерялись ключи от денежного сундука и нигде их найти не мо-

гут». — «О, дурачьё! — сказал гриф. — Ключи лежат в деревянном доме за дверью под порогом». — «А в другом замке, — продолжала жена, — дочь больна лежит, и не знают средства, которым бы ей можно было помочь». — «Дурачьё! Пусть заглянут в погреб: там под порогом жаба свила себе гнездо из волос той девушки; и когда эти волосы у жабы отнимут, девушка выздоровеет». — «А вот еще рассказывал он, что где-то вместо паромы человек на себе людей перевозит». — «О, дурень! — сказал гриф. — Стоит ему только одного с себя сбросить, и никогда он более переносить не будет!»

Рано на другое утро гриф поднялся и улетел. Тогда вылез Ганс из-под кровати и перо грифово вытащил; и все-то выслушал, что гриф говорил и о ключах, и о больной девушке, и о перевозчике. Грифова жена ему еще раз все это повторила, чтобы он мог хорошенько все запомнить, и затем он пустился в путь.

Сначала пришел он к перевозчику у реки, и когда тот спросил его, что сказал гриф, Ганс ответил ему: «Сначала перевези меня, а потом я тебе скажу».

Переправившись на другой берег, Ганс сказал ему, что стоит ему только одного среди воды с себя сбросить, и никого больше переносить он не будет.

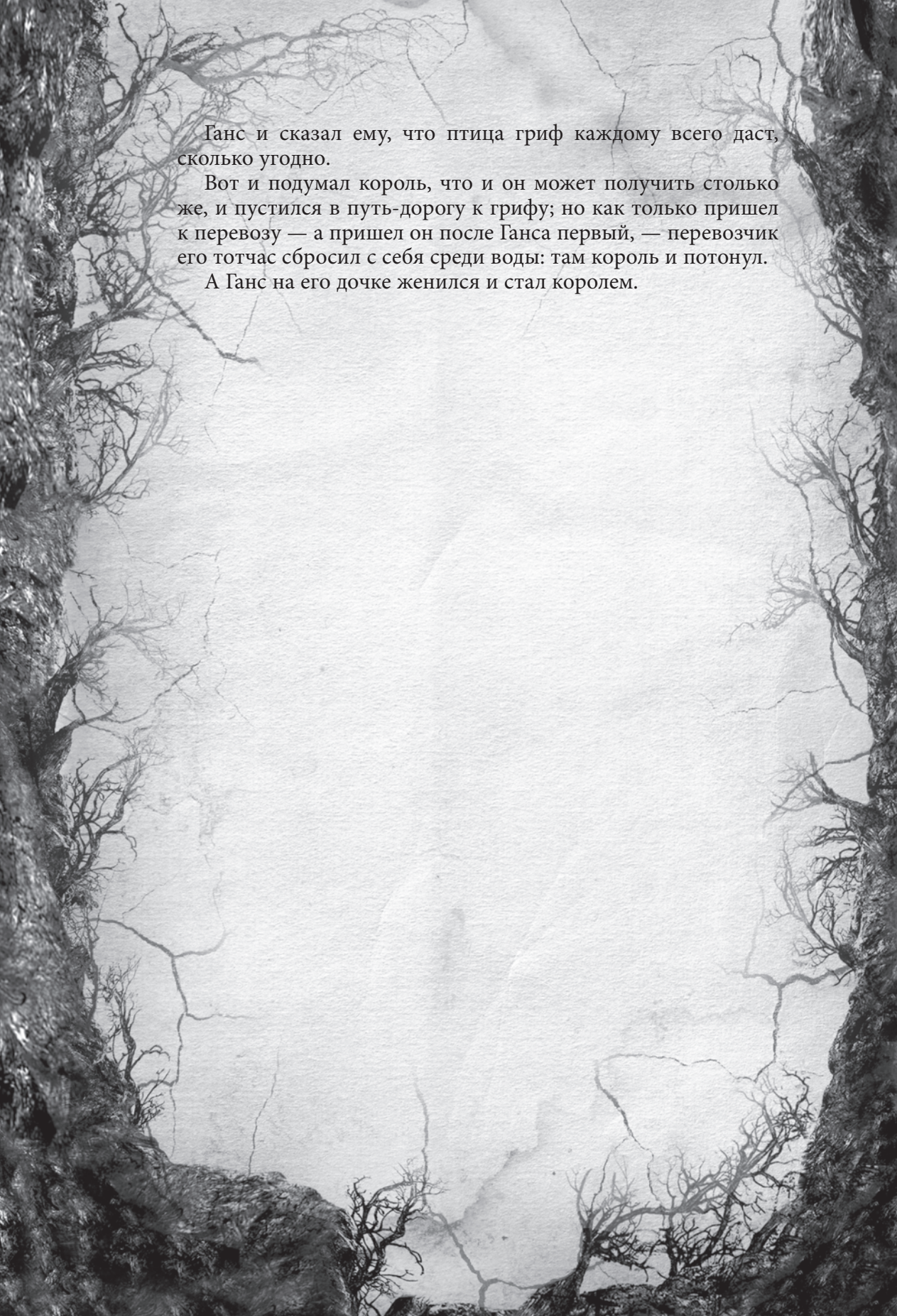
Перевозчик этому так обрадовался, что предлагал Гансу еще раз его перевезти, но тот отказался и пошел далее.

Потом Ганс пришел к замку, где была больная дочь; поднял он ее на плечи, так как она ходить не могла, снес вниз по лестнице погреба и, взяв гнездо жабы под нижнюю ступенью, отдал его в руки больной девушке, и та тотчас спрыгнула у него с плеч и побежала по лестнице вверх совсем здоровая. Тут ее отец с матерью обрадовались и дали Гансу подарки серебряные и золотые; и готовы были дать все, чего бы он ни пожелал.

Придя в другой замок, Ганс тотчас пошел в деревянный дом и действительно за дверью под порогом нашел ключи и передал их хозяину замка.

И тот тоже немало обрадовался и дал Гансу в награду много того золота, которое было в его сундуке, и сверх того еще много всякого добра — кур, овец и коз.

Когда Ганс вернулся к королю со всеми этими подарками — деньгами, золотом и серебром, курами, баранами и козами, король спросил его, где он все это успел набрать.

Ганс и сказал ему, что птица гриф каждому всего даст, сколько угодно.

Вот и подумал король, что и он может получить столько же, и пустился в путь-дорогу к грифу; но как только пришел к перевозу — а пришел он после Ганса первый, — перевозчик его тотчас сбросил с себя среди воды: там король и потонул.

А Ганс на его дочке женился и стал королем.

Могучий Танс

Жили-были муж и жена, и был у них единственный ребенок, и жили они одиноко, среди долины, лежащей в стороне от дорог.

Однажды мать пошла в лес за хворостом и взяла с собою Ганса, которому было два года. Дело было весной, и ребенок забавлялся пестрыми цветами, она и шла с ним все далее вглубь леса.

Вдруг из-за кустов выскочили двое разбойников, схватили и мать, и дитя и повели их в самую чащу дремучего леса, где из году в год не ступала нога человеческая. Бедная женщина умоляла разбойников отпустить ее с ребенком на волю, но у разбойников сердце было каменное: они и слышать не хотели их просьбы и мольбы.

После двух часов пути они пришли к скале, в которой сделана была дверь; разбойники постучались, и она тотчас отворилась.

Прошли они по длинному, темному проходу и пришли в пещеру, освещенную огнем, горевшим в очаге. По стенам были развешаны мечи, сабли и всякое другое оружие, сверкавшее при огне, а посреди пещеры стоял большой черный стол, а во главе стола — атаман.

Он подошел к перепуганной женщине, стал ее уговаривать и успокаивать и сказал, что они ей никакого зла не сделают, добавив: «Прими на себя заботы о нашем доме, и если все у тебя будет в порядке, то и тебе у нас недурно будет».

Много лет кряду бедняжка оставалась на службе у разбойников, и Ганс тем временем успел вырасти и окрепнуть. Мать забавляла его рассказами, а по старой рыцарской книге научила его и читать.

Когда Гансу минуло девять лет, он вырубил себе крепкую дубину и припрятал ее позади кровати; затем он пошел к матери своей и сказал: «Матушка, скажи ты мне: кто мой отец? Я хочу и должен это знать!»

Мать молчала и не хотела ему говорить, опасаясь, как бы он не истосковался по дому своему; а между тем сердце у нее разрывалось при мысли, что Ганс никогда не увидит отца своего...

Когда разбойники вернулись со своих хищнических подвигов, Ганс вытащил дубинку, стал перед атаманом и сказал: «Я хочу знать, кто мой отец, и если ты не скажешь, я пришибу тебя на месте!»

Атаман засмеялся да такую дал пощечину Гансу, что тот покатился под стол. Поднялся Ганс на ноги, смолчал и подумал: «Обожду еще годок и тогда попытаю — может быть, дело и лучше пойдет?»

Когда год минул, он опять вытащил свою дубинку, полюбовался на нее, обтер с нее пыль и сказал: «Крепкая, славная дубинка!»

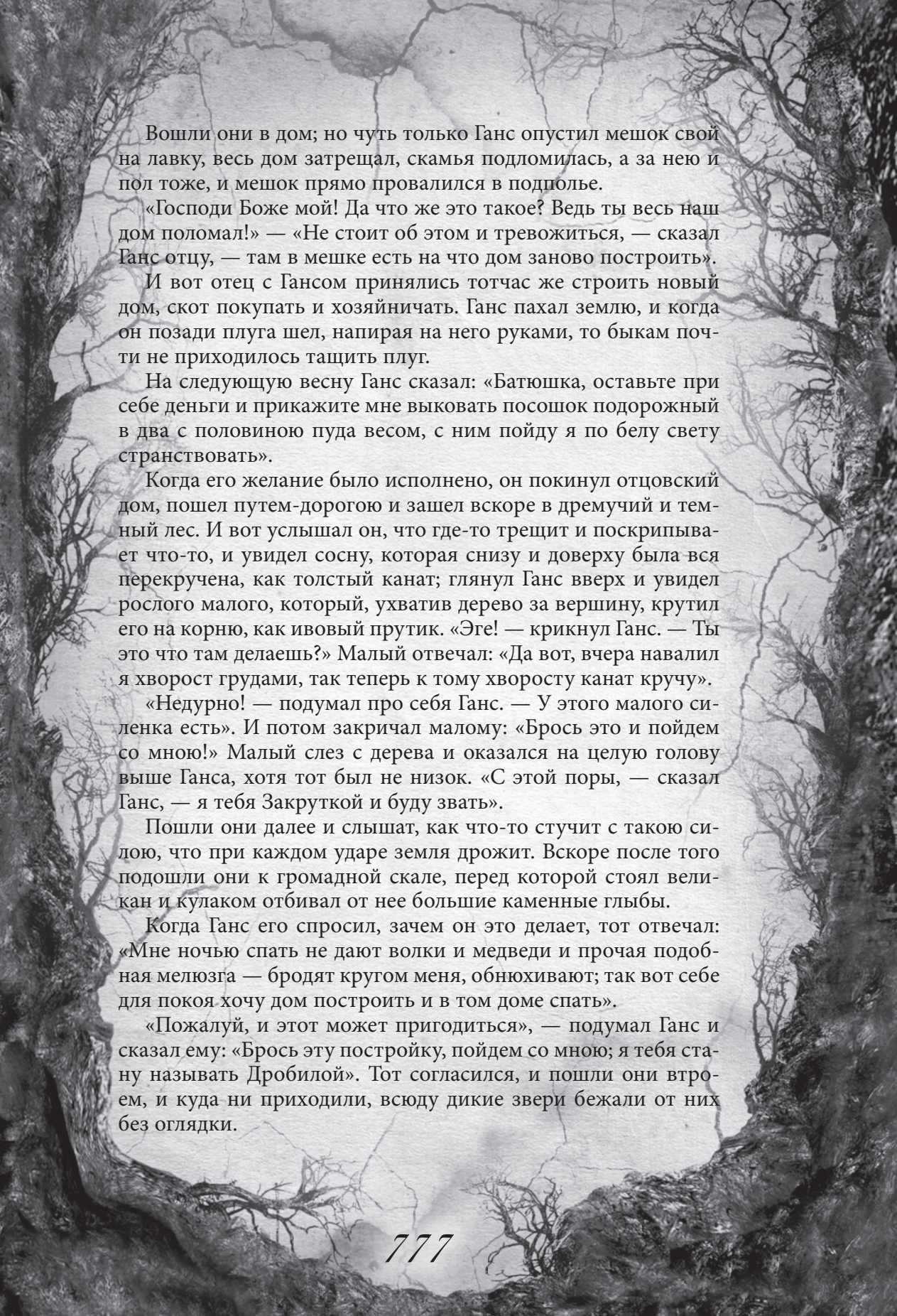
Ночью вернулись разбойники, стали пить вино кружку за кружкой, да наконец и головушки склонили. Тут Ганс вытащил дубинку, опять стал перед атаманом и спросил его: «Кто мой отец?»

Атаман опять дал ему такую оплеуху, что Ганс покатился под стол, но тотчас же поднялся, набросился с дубинкой на атамана и разбойников и так их избил, что они ни рукой, ни ногой не могли шевельнуть. Мать из угла смотрела на это и не могла надивиться храбрости и силе своего сына. Покончив с разбойниками, Ганс опять обратился к матери с вопросом об отце своем. «Милый Ганс, — отвечала ему мать, — пойдем вместе его разыскивать и отыщем». Она взяла у атамана ключ от входной двери, а Ганс добыл большой мешок, набил его туго золотом, серебром и всяким добром и взвалил его на спину.

Так ушли они из разбойничьего вертепа, и как же Ганс был поражен, когда из мрака пещеры вышел на свет Божий и увидел зелень леса, цветы и птичек, порхавших на солнце! Он останавливался и смотрел на все это, словно был не в своем уме.

Мать разыскала дорогу домой, и после двух часов ходьбы они благополучно прибыли в свою уединенную долину, к своему домику.

Отец сидел у дверей и расплакался от радости, увидев вновь своего сына и жену, которых он давно уже почитал умершими. Однако же Ганс, хоть ему и было двенадцать лет, был на голову выше отца своего.

Вошли они в дом; но чуть только Ганс опустил мешок свой на лавку, весь дом затрещал, скамья подломилась, а за нею и пол тоже, и мешок прямо провалился в подполье.

«Господи Боже мой! Да что же это такое? Ведь ты весь наш дом поломал!» — «Не стоит об этом и тревожиться, — сказал Ганс отцу, — там в мешке есть на что дом заново построить».

И вот отец с Гансом принялись тотчас же строить новый дом, скот покупать и хозяйничать. Ганс пахал землю, и когда он позади плуга шел, напирая на него руками, то быкам почти не приходилось тащить плуг.

На следующую весну Ганс сказал: «Батюшка, оставьте при себе деньги и прикажите мне выковать посошок подорожный в два с половиною пуда весом, с ним пойду я по белу свету странствовать».

Когда его желание было исполнено, он покинул отцовский дом, пошел путем-дорогою и зашел вскоре в дремучий и темный лес. И вот услышал он, что где-то трещит и поскрипывает что-то, и увидел сосну, которая снизу и доверху была вся перекручена, как толстый канат; глянул Ганс вверх и увидел рослого малого, который, ухватив дерево за вершину, крутил его на корню, как ивовый пруттик. «Эге! — крикнул Ганс. — Ты это что там делаешь?» Малый отвечал: «Да вот, вчера навалил я хворост грудами, так теперь к тому хворосту канат кручу».

«Недурно! — подумал про себя Ганс. — У этого малого силенка есть». И потом закричал малому: «Брось это и пойдем со мною!» Малый слез с дерева и оказался на целую голову выше Ганса, хотя тот был не низок. «С этой поры, — сказал Ганс, — я тебя Закруткой и буду звать».

Пошли они далее и слышат, как что-то стучит с такою силою, что при каждом ударе земля дрожит. Вскоре после того подошли они к громадной скале, перед которой стоял великан и кулаком отбивал от нее большие каменные глыбы.

Когда Ганс его спросил, зачем он это делает, тот отвечал: «Мне ночью спать не дают волки и медведи и прочая подобная мелюзга — бродят кругом меня, обнюхивают; так вот себе для покоя хочу дом построить и в том доме спать».

«Пожалуй, и этот может пригодиться», — подумал Ганс и сказал ему: «Брось эту постройку, пойдем со мною; я тебя стану называть Дробилой». Тот согласился, и пошли они втроем, и куда ни приходили, всюду дикие звери бежали от них без оглядки.

Вечером зашли они в старый, покинутый замок, поднялись наверх и легли спать в зале. Наутро Ганс сошел в сад, совсем заглохший и заросший терновником и бурьяном. И вдруг бросился на него кабан, но Ганс не смутился и такой нанес ему удар своей палицей, что тот пал на месте. Тогда он взвалил его на плечи и отнес наверх; надев кабана на вертел, они стали его жарить и были очень веселы.

Вот и уговорились они, что каждый день двое должны по очереди ходить на охоту, а один должен дома оставаться и варить на каждого по девять фунтов мяса.

В первый день остался дома Закрутка, а Ганс и Дробила пошли на охоту. В то время как Закрутка был занят приготовлением пищи, в замок пришел старый сгорбленный человечек и потребовал себе мяса. «Убирайся вон, старая крыса! — отвечал Закрутка. — Какое еще тебе мясо нужно!»

Но каково же было удивление Закрутки, когда этот маленький неказистый человечешка вдруг на него вскочил и принялся его так дубасить кулаком, что он и защититься не сумел, пал на землю и еле дышать мог. Человечек, однако же, ушел не прежде, чем выместил на нем всю свою злобу.

Когда вернулись с охоты его двое товарищей, Закрутка не сказал им ничего о старом человечке и о происшедшей между ними потасовке, а сам подумал: «Как они дома останутся, так пусть-ка с этим старым ежом побиться попробуют!» — и эта мысль доставила ему некоторое удовольствие.

На следующее утро остался дома Дробила, и с ним случилось то же, что с Закруткой: и его тоже избил человечек за то, что он не хотел ему дать мяса.

Когда остальные двое товарищей вернулись вечером домой, Закрутка заметил, что и Дробиле тоже досталось порядком; однако же оба смолчали и думали про себя: «Пусть и Ганс той же похлебки отведаст!»

Ганс, оставшись на следующий день дома, стоял себе у очага и снимал пену с котла, как явился тот же человечек и без дальних околичностей потребовал себе кусок мяса. Ганс подумал: «Дам-ка этому бедняку кусок от моей доли, чтобы других не обделить», — и подал ему кусок мяса.

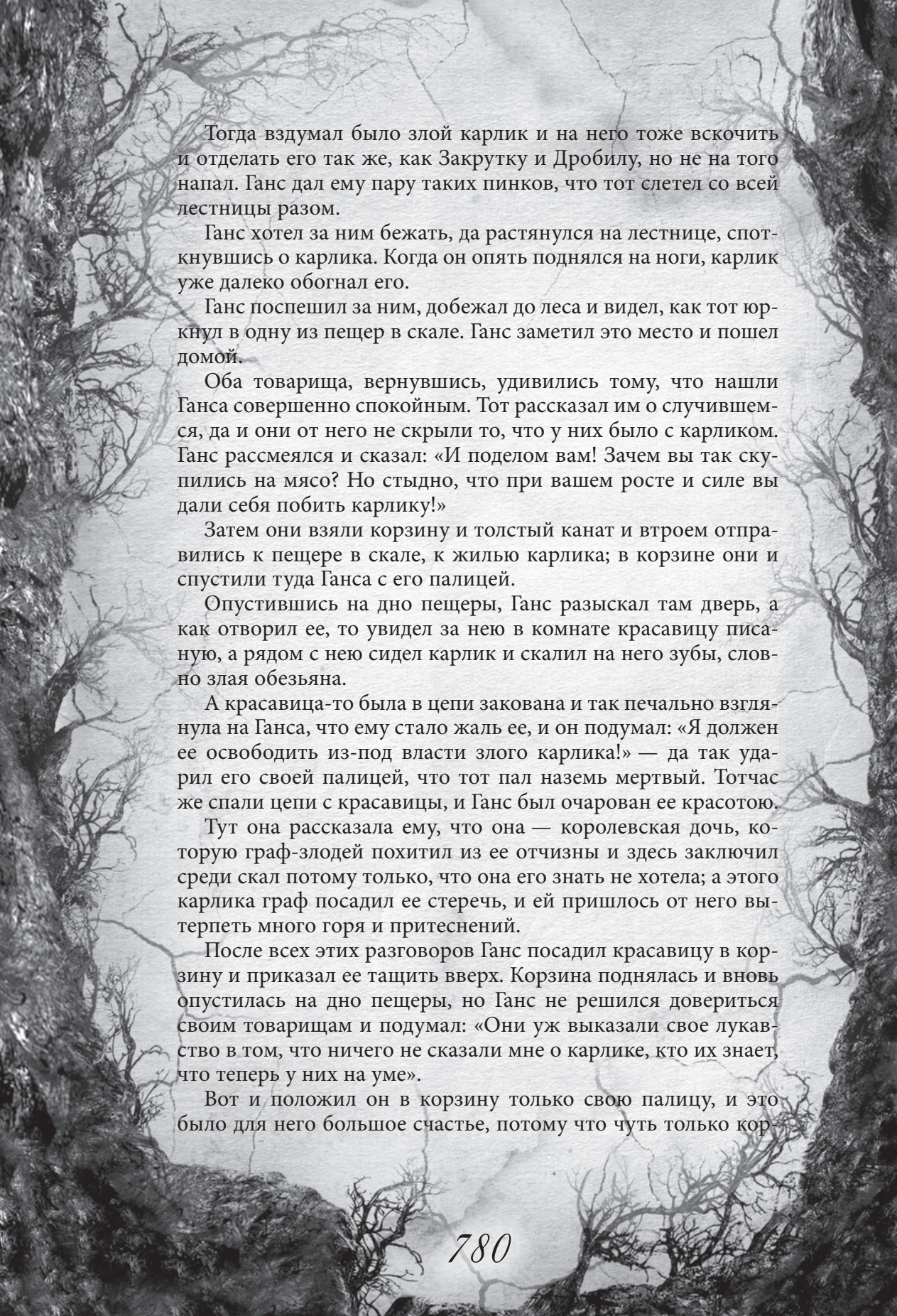
Когда карлик мясо съел, он потребовал себе еще, и добродушный Ганс еще дал ему хороший кусочек, сказав, что больше дать не может. Но тот потребовал и третьего куска. «Совести у тебя нет!» — сказал Ганс и ничего ему не дал.

«Могучий Ганс».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

«...После всех этих разговоров Тано посадил красавицу в корзину и приказал ее тащить вверх. Корзина поднялась...»

Тогда вздумал было злой карлик и на него тоже вскочить и отделать его так же, как Закрутку и Дробилу, но не на того напал. Ганс дал ему пару таких пинков, что тот слетел со всей лестницы разом.

Ганс хотел за ним бежать, да растянулся на лестнице, споткнувшись о карлика. Когда он опять поднялся на ноги, карлик уже далеко обогнал его.

Ганс поспешил за ним, добежал до леса и видел, как тот юркнул в одну из пещер в скале. Ганс заметил это место и пошел домой.

Оба товарища, вернувшись, удивились тому, что нашли Ганса совершенно спокойным. Тот рассказал им о случившемся, да и они от него не скрыли то, что у них было с карликом. Ганс рассмеялся и сказал: «И поделом вам! Зачем вы так скупились на мясо? Но стыдно, что при вашем росте и силе вы дали себя побить карлику!»

Затем они взяли корзину и толстый канат и втроем отправились к пещере в скале, к жилью карлика; в корзине они и спустили туда Ганса с его палицей.

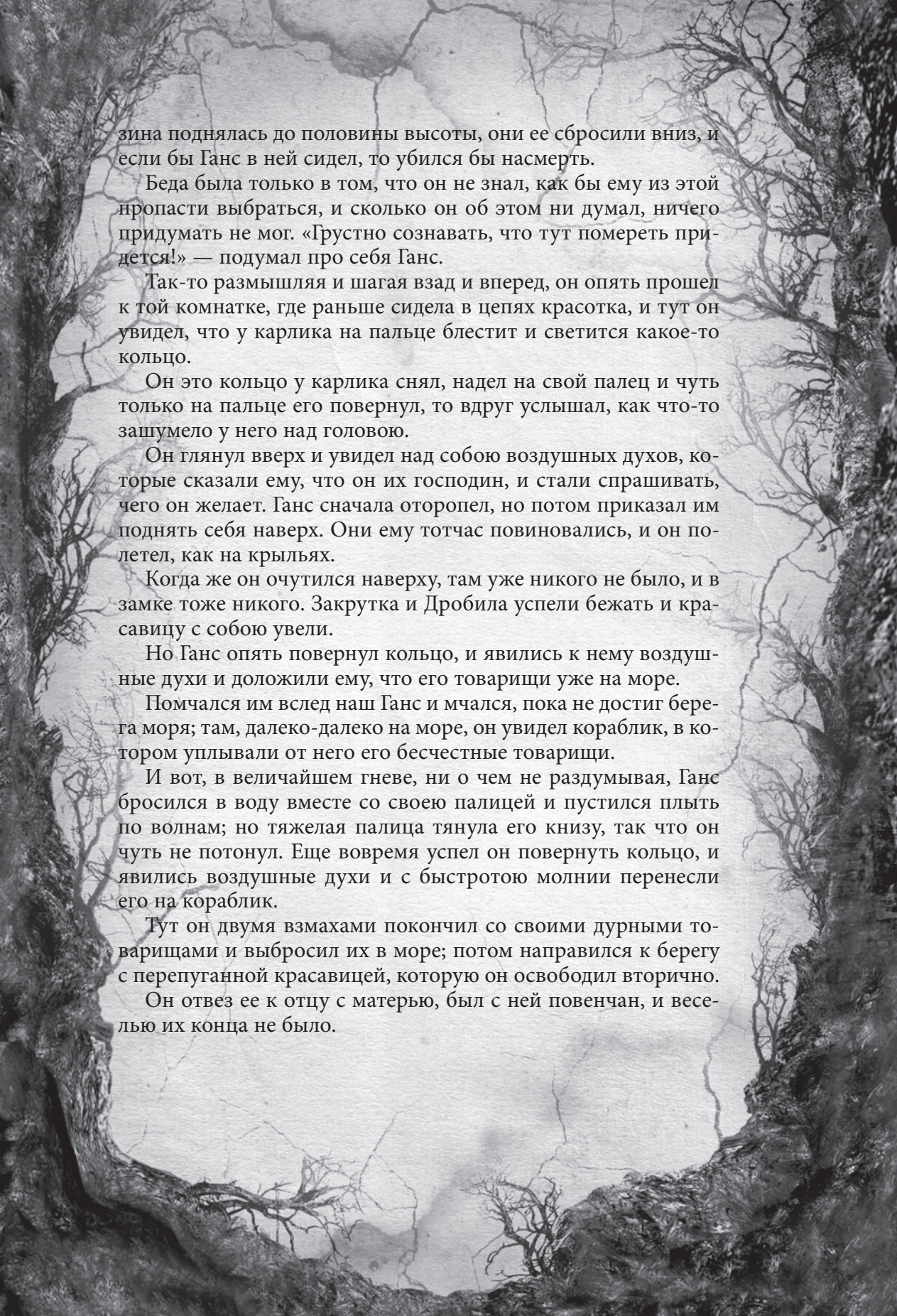
Опустившись на дно пещеры, Ганс разыскал там дверь, а как отворил ее, то увидел за нею в комнате красавицу писаную, а рядом с нею сидел карлик и скалил на него зубы, словно злая обезьяна.

А красавица-то была в цепи закована и так печально взглянула на Ганса, что ему стало жаль ее, и он подумал: «Я должен ее освободить из-под власти злого карлика!» — да так ударил его своей палицей, что тот пал наземь мертвый. Тотчас же спали цепи с красавицы, и Ганс был очарован ее красотой.

Тут она рассказала ему, что она — королевская дочь, которую граф-злодей похитил из ее отчизны и здесь заключил среди скал потому только, что она его знать не хотела; а этого карлика граф посадил ее стеречь, и ей пришлось от него вытерпеть много горя и притеснений.

После всех этих разговоров Ганс посадил красавицу в корзину и приказал ее тащить вверх. Корзина поднялась и вновь опустилась на дно пещеры, но Ганс не решился довериться своим товарищам и подумал: «Они уж выказали свое лукавство в том, что ничего не сказали мне о карлике, кто их знает, что теперь у них на уме».

Вот и положил он в корзину только свою палицу, и это было для него большое счастье, потому что чуть только кор-

зина поднялась до половины высоты, они ее сбросили вниз, и если бы Ганс в ней сидел, то убился бы насмерть.

Беда была только в том, что он не знал, как бы ему из этой пропасти выбраться, и сколько он об этом ни думал, ничего придумать не мог. «Грустно сознавать, что тут помереть придется!» — подумал про себя Ганс.

Так-то размышляя и шагая взад и вперед, он опять прошел к той комнатке, где раньше сидела в цепях красotka, и тут он увидел, что у карлика на пальце блестит и светится какое-то кольцо.

Он это кольцо у карлика снял, надел на свой палец и чуть только на пальце его повернул, то вдруг услышал, как что-то зашумело у него над головою.

Он глянул вверх и увидел над собою воздушных духов, которые сказали ему, что он их господин, и стали спрашивать, чего он желает. Ганс сначала оторопел, но потом приказал им поднять себя наверх. Они ему тотчас повиновались, и он полетел, как на крыльях.

Когда же он очутился наверху, там уже никого не было, и в замке тоже никого. Закрутка и Дробила успели бежать и красавицу с собою увели.

Но Ганс опять повернул кольцо, и явились к нему воздушные духи и доложили ему, что его товарищи уже на море.

Помчался им вслед наш Ганс и мчался, пока не достиг берега моря; там, далеко-далеко на море, он увидел кораблик, в котором уплывали от него его бесчестные товарищи.

И вот, в величайшем гневе, ни о чем не раздумывая, Ганс бросился в воду вместе со своею палицей и пустился плыть по волнам; но тяжелая палица тянула его книзу, так что он чуть не потонул. Еще вовремя успел он повернуть кольцо, и явились воздушные духи и с быстротою молнии перенесли его на кораблик.

Тут он двумя взмахами покончил со своими дурными товарищами и выбросил их в море; потом направился к берегу с перепуганной красавицей, которую он освободил вторично.

Он отвез ее к отцу с матерью, был с ней повенчан, и веселью их конца не было.

Тошная Лиза

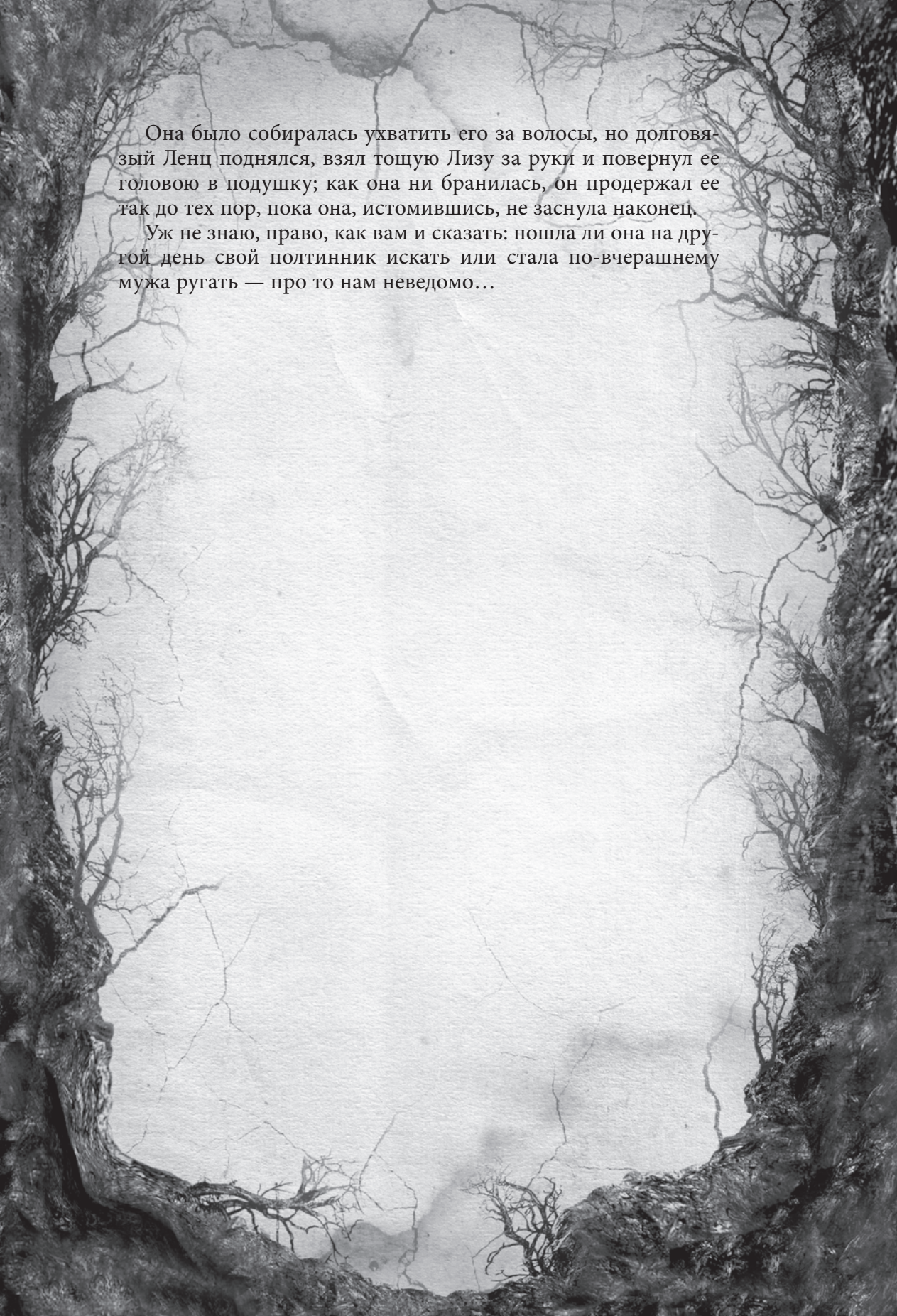
Тревожна, непоседлива была тошная Лиза! Она и сама с утра до вечера суежилась, и мужу своему, долговязому Ленцу, столько работы на руки навалила, что ему кряхтеть приходилось не меньше, чем ослу под тремя мешками.

И все эти труды их ни к чему не приводили: ничего у них не было, и ничего не могли они добиться.

Однажды вечером, когда Лиза уже лежала в постели и ни рукой, ни ногой от усталости шевельнуть была не в силах, она все же не могла успокоиться и все передумывала всякие думы.

Наконец, она толкнула своего мужа локтем в бок и сказала: «Слышишь ли, Ленц, что я придумала! Вот если бы я один полтинник нашла, да один бы мне подарили, так я бы один к ним признанья, да у тебя бы еще один полтинник выпросила, тогда бы я сейчас себе телочку купила».

Мужу эта затея очень понравилась; он сказал: «Хоть я, признаться, и сам не знаю, откуда я тебе полтинник возьму; ну а все же если ты подкопишь денег и на те деньги коровку купишь, то ты отлично сделаешь. Ведь это даже и подумать-то радостно, что если, к примеру, та корова теленочка принесет, так ведь и мне иногда, пожалуй, молочка перепадет». — «Не для тебя у нее молоко будет, а для теленка; пусть растет да жиреет, чтобы нам его продать подороже». — «Конечно, так, — отвечал муж, — ну, да ведь если мы немного молока возьмем — в том еще не велика беда!» — «Да ты откуда знаешь, как с коровами обращаться следует? — спросила жена. — Велика ли беда, нет ли, я этого не хочу: ты хоть на голове ходи, а молока не видать тебе ни капли. Ах ты, долговязый, ненасытная твоя утроба! Или ты задумал разорить то, что я своими трудами скопила?» — «Молчи, баба! — сказал муж. — Не то я на тебя намордник надену!» — «Как? Ты смеешь так грозить, обжора, лентяй этакий?»

Она было собиралась ухватить его за волосы, но долговязый Ленц поднялся, взял тощую Лизу за руки и повернул ее головою в подушку; как она ни бранилась, он продержал ее так до тех пор, пока она, истомившись, не заснула наконец.

Уж не знаю, право, как вам и сказать: пошла ли она на другой день свой полтинник искать или стала по-вчерашнему мужа ругать — про то нам неведомо...

Лесной дом

В маленькой избушке на опушке глухого леса жил с женой и тремя дочками дровосек-бедняк. Однажды утром, собираясь на свою обычную работу, он сказал жене своей: «Прикажи старшей дочке принести обед в лес; мне до обеда не управиться... А чтобы она не заблудилась, я захвачу с собою мешочек с просом и всюду его по дороге стану разбрасывать».

Когда солнце стало над лесом, девушка с горшком похлебки пустилась в путь.

Но воробьи, жаворонки и зяблики, дрозды и чижи давно уже успели склевать разметанное по лесу просо, и девушка не могла найти отцовский след.

Тогда она пошла наугад и шла так, пока солнце не село за лес и не наступила ночь. Деревья шумели в темноте, совы завывали, и ей стало страшно.

Тут увидела она вдали огонек, мерцавший между деревьями. «Там, вероятно, люди живут, — подумала девушка, — и пустят меня переночевать», — и пошла на огонек. И вскоре она пришла к дому, окна которого были освещены.

Она постучалась, и грубый голос крикнул изнутри: «Войдите!» Девушка вступила в темные сени и постучалась у комнатной двери. «Входи же!» — крикнул тот же голос, и когда она открыла дверь, то увидела за столом седого старика, который сидел, опустив голову на руки, а седая борода его белой волной перекидывалась через стол и висела почти до земли.

А у печки сидели курочка с петушком и лежала пегая корова. Девушка рассказала старику, как она заблудилась, и попросила его о ночлеге.

Старик проговорил:

Ты, курочка-красавица!
Красавец-петушок!

Ты, пестрая коровушка!
Что скажете на то?

Все животные разом ответили: «Дукс!» — и, вероятно, это обозначало их согласие, потому что старик сказал девушке: «Здесь дом, что полная чаша; ступай к очагу да свари нам хороший ужин».

И точно, девушка нашла в кухне все в изобилии и сварила хорошее кушанье на ужин, а о животных-то и не подумала. Принесла она полненькое блюдо на стол, присела к старику, поела с ним вместе и утолила свой голод.

Насытившись, она сказала: «Ну, теперь я устала, где тут найдется постель, в которую я могла бы лечь и уснуть?»

Тут корова, петушок и курочка ей ответили:

Ты с ним одним покушала,
Ты с ним одним пила,
О нас забыла ты, видать...
Ищи сама, где будешь спать.

Тогда сказал ей старик: «Взойди на лестницу, и найдешь там комнату с двумя постелями; взбей их и покрой чистым бельем; тогда и я туда же приду и там спать лягу».

Взошла девушка наверх, взбила постели, покрыла чистым бельем и легла в одну из них, не дожидаясь старика. Несколько времени спустя пришел старик, взглянул на девушку при свете свечи и покачал головою.

Когда же он увидел, что она крепко уснула, то отворил под кроватью крышку и спустил девушку в подполье.

А дровосек пришел под вечер домой и стал укорять жену, что она его заставила весь день голодать. «Не моя в том вина, — отвечала ему жена, — я послала к тебе дочку с обедом, верно, она заблудилась, так авось придет завтра».

Дровосек поднялся еще до рассвета и, отправляясь в лес, потребовал, чтобы на этот раз вторая дочка снесла ему обед. «Я захвачу мешочек с чечевицей, — сказал он, — она покрупнее проса, дочке ее легче будет заметить, а потому она и с пути не собьется».

В полдень вышла вторая дочка с обедом, но нигде чечевицы не нашла: лесные птички, как и накануне, расклевали ее всю, и никакого следа не осталось.

Проплутала девушка по лесу до ночи, затем так же пришла к дому старика, была приглашена туда войти и стала просить об ужине и ночлеге.

Седобородый старик опять обратился к петушку, курочке и коровушке со своим вопросом:

Ты, курочка-красавица!
Красавец-петушок!
Ты, пестрая коровушка!
Что скажете на то?

Они опять отвечали ему: «Дукс!» — и все случилось точно так же, как накануне. Девушка сварила хорошее кушанье, пила и ела со стариком, а о животных не позаботилась. И опять стала спрашивать о том, где ей лечь; они отвечали:

Ты с ним одним покушала,
Ты с ним одна пила;
О нас забыла ты, видать...
Ищи сама, где будешь спать.

И как только она заснула, пришел старик, посмотрел на нее, покачал головою и так же спустил ее в подполье.

На третье утро дровосек сказал жене: «Пришли мне сегодня обед с нашею младшею дочкою; она всегда была такая добрая и послушная; она сумеет найти настоящую дорогу, не то что ее сестры-непоседы, — не станет шнырять вокруг да около».

Мать не хотела отпускать в лес еще и третью дочь: «Неужели же я должна потерять и это самое любимое мое дитище?» — «Не беспокойся! — сказал дровосек. — Эта девушка не заблудится. Она такая у нас разумница! Да к тому же я захвачу с собою гороху и стану его на моем пути разбрасывать... Горох чечевицы крупнее, как по нему не найти дороги?»

Но когда девушка с корзиночкой на руке вышла из дома, то уж все горошины были в зобах у лесных горлинок, и она решительно не знала, в какую сторону ей в лесу отправиться. Она очень была озабочена и постоянно думала о том, как бедный отец из-за нее голодает и как добрая матушка ее стала бы сокрушаться, если бы и она в лесу заблудилась.

«Лесной дом».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Курочку с петушком по перышкам погладила,
а пегую корову между рогами пощекотала...»*

Наконец, когда стемнело, она увидела огонек и пришла к лесному дому. Кротко и ласково попросила она себе приюта на ночь, и седобородый старик опять обратился к своим животным с вопросом:

Ты, курочка-красавица!
Красавец-петушок!
Ты, пестрая коровушка!
Что скажете на то?

«Дукс!» — отвечали они. Тогда девушка подошла к печи, около которой они были, и курочку с петушком по перышкам погладила, а пегую корову между рогами пощекотала.

Когда же по приказанию старика она сварила хороший суп и поставила его на стол, то сказала: «Неужели я есть стану, а этим добрым животным ничего не дам? Тут всего вдоволь, так надо и о них позаботиться».

Вот и пошла она, и принесла гречи, и посыпала перед курочкой и петушком, а коровушке принесла охапку душистого сена. «Кушайте на здоровье, милые мои, — сказала она, — а если вы пить хотите, то я вам и свежей воды запаса». И вот принесла она им полное ведро воды, и курочка с петушком напилась с краешка, а корова в ведро морду сунула и напилась досыта.

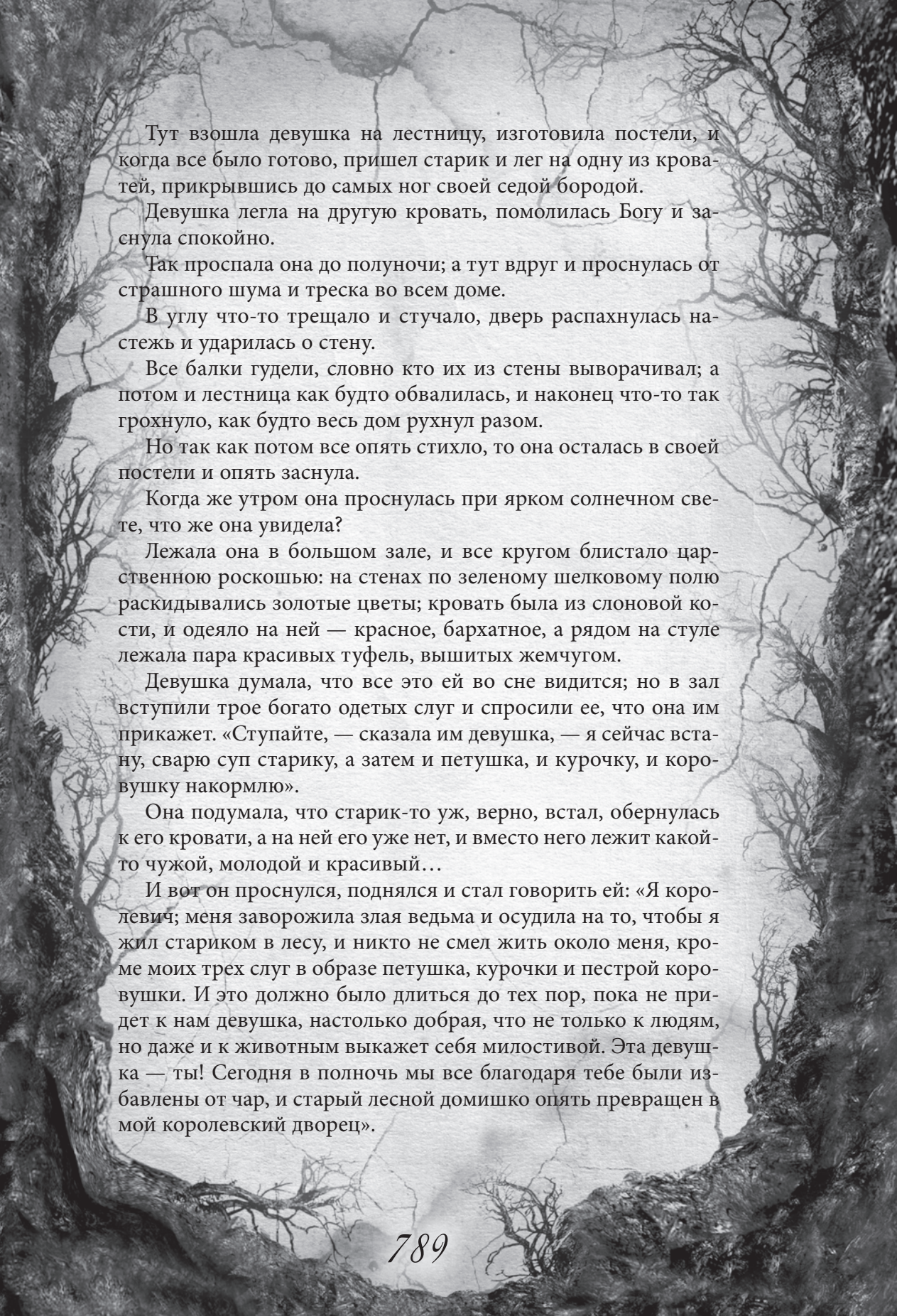
Когда все они были накормлены и напоены, девушка под села к старику за стол и ела только то, что он ей оставил.

Вскоре и петушок с курочкой стали головку под крылышко подвертывать, и коровушка глазами помаргивать. Тогда девушка сказала: «Не пора ли нам и всем на покой?»

Ты, курочка-красавица!
Красавец-петушок!
Ты, пестрая коровушка!
Что скажете на то?

Петушок, курочка и коровушка отвечали: «Дукс!

Ты с нами всеми кушала,
Ты с нами и пила,
Теперь на мягкую кровать
Ты отправляйся мирно спать!»

Тут взошла девушка на лестницу, изготовила постели, и когда все было готово, пришел старик и лег на одну из кроватей, прикрывшись до самых ног своей седой бородой.

Девушка легла на другую кровать, помолилась Богу и заснула спокойно.

Так проспала она до полуночи; а тут вдруг и проснулась от страшного шума и треска во всем доме.

В углу что-то трещало и стучало, дверь распахнулась настежь и ударилась о стену.

Все балки гудели, словно кто их из стены выворачивал; а потом и лестница как будто обвалилась, и наконец что-то так грохнуло, как будто весь дом рухнул разом.

Но так как потом все опять стихло, то она осталась в своей постели и опять заснула.

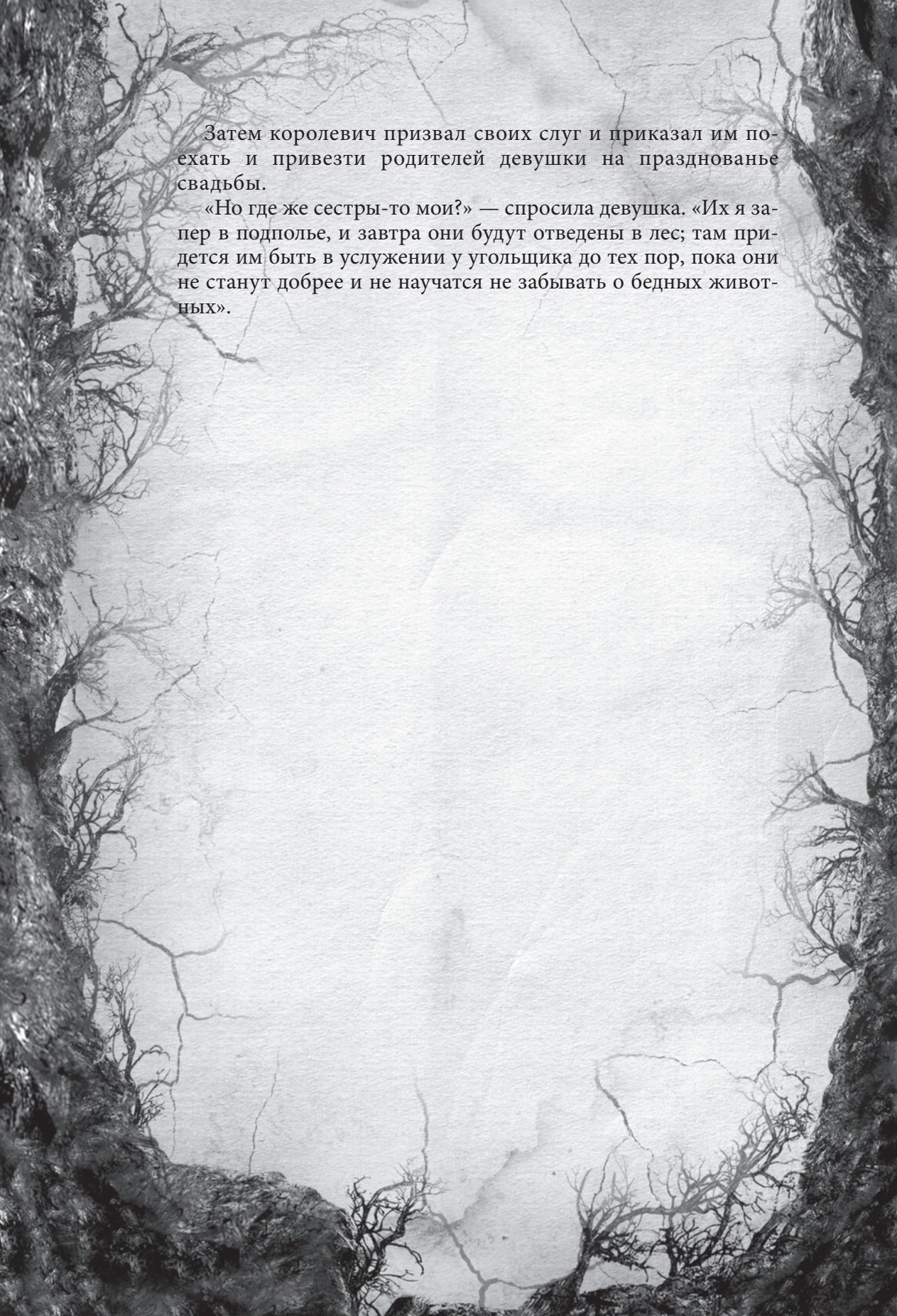
Когда же утром она проснулась при ярком солнечном свете, что же она увидела?

Лежала она в большом зале, и все кругом блистало царственной роскошью: на стенах по зеленому шелковому полю раскидывались золотые цветы; кровать была из слоновой кости, и одеяло на ней — красное, бархатное, а рядом на стуле лежала пара красивых туфель, вышитых жемчугом.

Девушка думала, что все это ей во сне видится; но в зал вступили трое богато одетых слуг и спросили ее, что она им прикажет. «Ступайте, — сказала им девушка, — я сейчас встану, сварю суп старику, а затем и петушка, и курочку, и корошушку накормлю».

Она подумала, что старик-то уж, верно, встал, обернулась к его кровати, а на ней его уже нет, и вместо него лежит какой-то чужой, молодой и красивый...

И вот он проснулся, поднялся и стал говорить ей: «Я король; меня заморозила злая ведьма и осудила на то, чтобы я жил стариком в лесу, и никто не смел жить около меня, кроме моих трех слуг в образе петушка, курочки и пестрой корошочки. И это должно было длиться до тех пор, пока не придет к нам девушка, настолько добрая, что не только к людям, но даже и к животным выкажет себя милостивой. Эта девушка — ты! Сегодня в полночь мы все благодаря тебе были избавлены от чар, и старый лесной домишко опять превращен в мой королевский дворец».

Затем королевич призвал своих слуг и приказал им поехать и привезти родителей девушки на празднование свадьбы.

«Но где же сестры-то мои?» — спросила девушка. «Их я запер в подполье, и завтра они будут отведены в лес; там придется им быть в услужении у угольщика до тех пор, пока они не станут добрее и не научатся не забывать о бедных животных».

Радость и горе пополам

Жил да был портной, человек привередливый, и жена его, добрая, старательная и скромная женщина, никак не могла на него угодить. Что бы она ни делала, он всем был недоволен, ворчал, ругался, щипал и бил ее.

Прослышало, наконец, об этом начальство и засадило его в тюрьму, чтобы научить уму-разуму.

Продержали его сколько-то времени на хлебе и воде, потом отпустили; однако же он должен был дать подписку, что не будет больше жену бить, а напротив — мирно с ней жить, и горе, и радость с ней делить, как надлежит хорошим супругам.

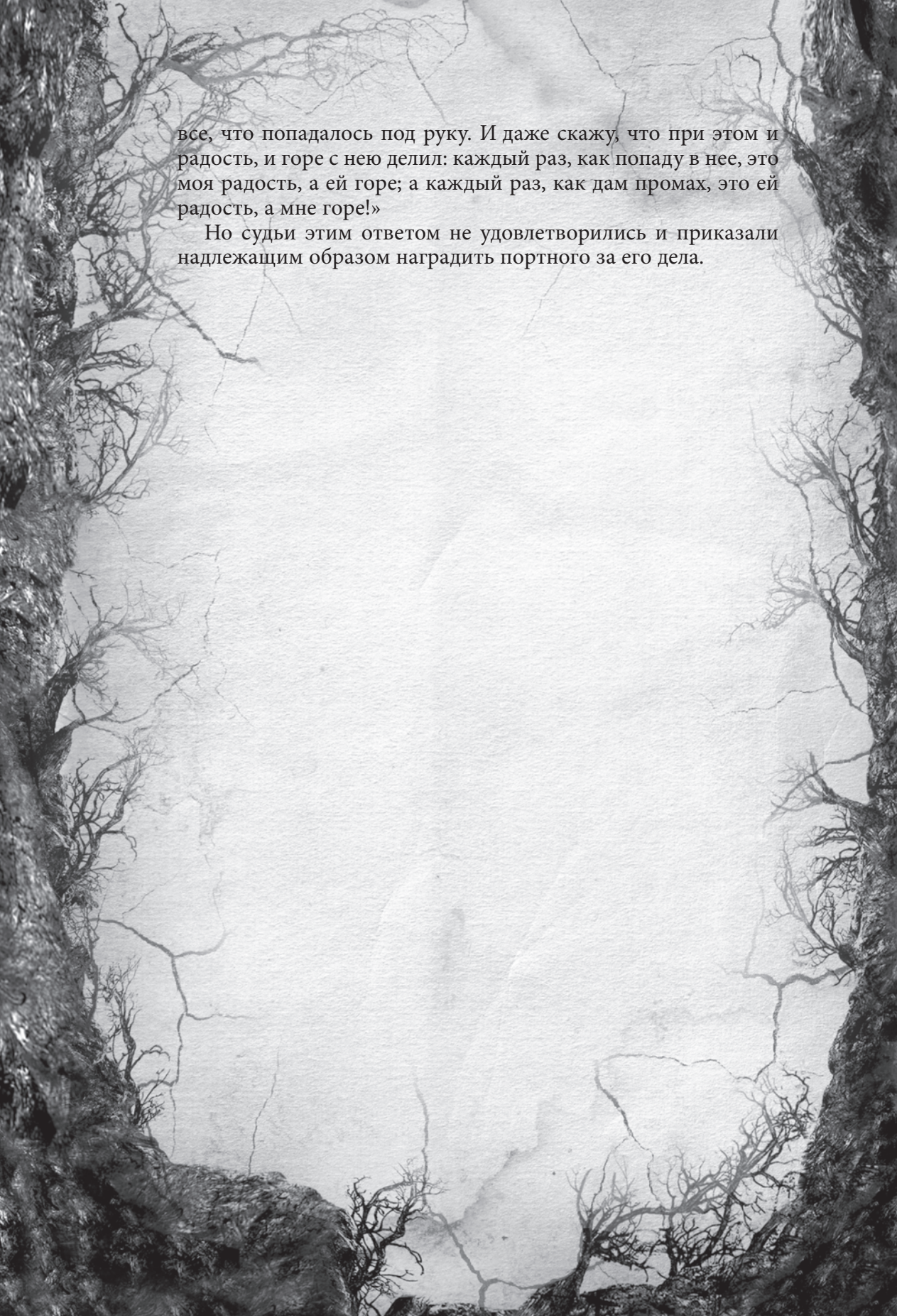
Некоторое время все шло ладно, а затем он опять принял-ся за прежнее — стал ворчать и придирааться.

А так как он не смел ее бить, то он захотел ее однажды за волосы схватить и дернуть.

Жена от него ускользнула и выскочила во двор, а он-то за ней стал гоняться с аршином и ножницами и то ножницами, то аршином в нее бросать, то всем, что под руку попадет. Как попадет в жену, так и хохочет, а не попадет, шумит и бушует.

И так продолжал он действовать до тех пор, пока соседи не пришли его жене на помощь.

Опять призван был портной к начальству, опять напомнило ему начальство о его обещании. «Милостивые государи мои, — отвечал портной, — я сдержал обещание мое: я жены не бил и делил с нею радость и горе». — «Как же это так? — спросил судья. — Недаром же она на вас так жалуется?» — «Я ее вовсе не бил, а так только, хотел ей немного волосы поправить, да она у меня выскользнула и меня покинула. Вот я за ней и погнался, и, чтобы возвратить ее к исполнению обязанностей, я ей в виде напоминания только стал бросать вслед

все, что попадалось под руку. И даже скажу, что при этом и радость, и горе с нею делил: каждый раз, как попаду в нее, это моя радость, а ей горе; а каждый раз, как дам промах, это ей радость, а мне горе!»

Но судьи этим ответом не удовлетворились и приказали надлежащим образом наградить портного за его дела.

Королек

Во времена былые в каждом звуке был свой смысл и значение. В те времена и у птиц был собственный язык, для всех понятный, а теперь мы слышим только чириканье, карканье да присвистыванье, и только у немногих — что-то вроде музыки без слов.

И вот пришло однажды птицам в голову, что им не следует более жить без господина и повелителя, и потому они решились одного из своей среды избрать себе в короли.

Только одна из птиц, пигалица, воспротивилась: свободно жила она и свободно хотела умереть; она удалилась в глухие и никем не посещаемые болота и более уже не показывалась среди пернатых.

Захотелось птицам о своем общем деле посоветоваться, и вот в одно прекрасное майское утро слетелись они с полей и лесов на совещание: орлы и зяблики, совы и вороны, жаворонки и воробьи — да разве их всех перечислить? Даже и сама кукушка изволила пожаловать, и даже предвестник ее, угод, который всегда бывает слышен дня за два раньше кукушки; между прочим, к общей стае примешалась и еще маленькая птичка, у которой имени не было.

Курица, которая случайно ничего об этом общем деле не слыхала, подивилась такому большому собранию. «Как, как, как, — закудаhtала она, — что-то не так!» Но петух успокоил свою милую подругу и рассказал ей, для чего они собрались.

И вот решено было на собрании, что королем должна быть та из птиц, которая всех выше может взлететь.

Древесная лягушка, засевшая где-то в кустах, услышав это, как бы в предупреждение заквакала: «Нет, нет, нет, нет!» А ворон выразил одобрение важным и звонким карканьем.

И вот было решено, что все в это же самое прекрасное майское утро должны взлететь ввысь, чтобы никто потом не смел

сказать: «Я бы еще выше мог подняться, да тут вечер наступил — и я не успел».

Итак, по одному знаку вся стая взвилась вверх. Пыль столбом поднялась вслед за нею в поле; раздался сильнейший шум и шелест, и свист крыльев, и издали казалось, что с поля поднялась черная туча. Но маленькие птички вскоре поотстояли, не могли лететь далее и пали на землю. Те, кто побольше, дольше могли выдержать, но никто не мог сравниться с орлом, который поднялся так высоко, что самому солнцу глаза мог повыклевать. И когда он увидел, что никто из птиц не мог подняться до него, то и подумал: «Зачем мне лететь еще выше, я и так буду королем», — и стал спускаться.

Все птицы, ниже его летевшие, крикнули ему: «Ты должен быть нашим королем — ведь никто не взлетел выше тебя!» — «Кроме меня!» — крикнула маленькая безымянная птичка, которая забилась в грудные перья орла; и так как она несколько не была утомлена, то стала подниматься так высоко, что, пожалуй, на седьмое небо могла бы заглянуть.

Залетев на такую высоту, она сложила крылья, стремглав спустилась вниз и тоненьким звонким голосом своим крикнула: «Я королек! Я королек!» — «Ты — наш король? — закричали все птицы в гневе. — Ты только хитростью и лукавством добилась того, что взлетела так высоко!»

И вот поставили другое условие: тот будет королем, кто глубже всех сумеет опуститься в недра земли. Как все засуетились! Широкогрудый гусь поспешно выбрался на берег; петух торопливо стал рыть в земле ямочку; даже утка, и та попыталась сползти в какой-то ров, да ноги себе повредила и заковыляла поскорее к соседнему пруду.

А безымянная птичка выискала себе маленькую норку, забралась в нее и опять своим тоненьким голоском стала кричать оттуда: «Я королек! Я королек!»

«Ты наш король? — вскричали птицы еще более гневно. — Неужели же ты думаешь, что добьешься этого своими хитростями!» И вот они решили задержать ее в той норе и, не выпуская, заморить голодом.

Сова была посажена у норы сторожем, она должна была не выпускать оттуда плутоватую птицу под страхом смерти.

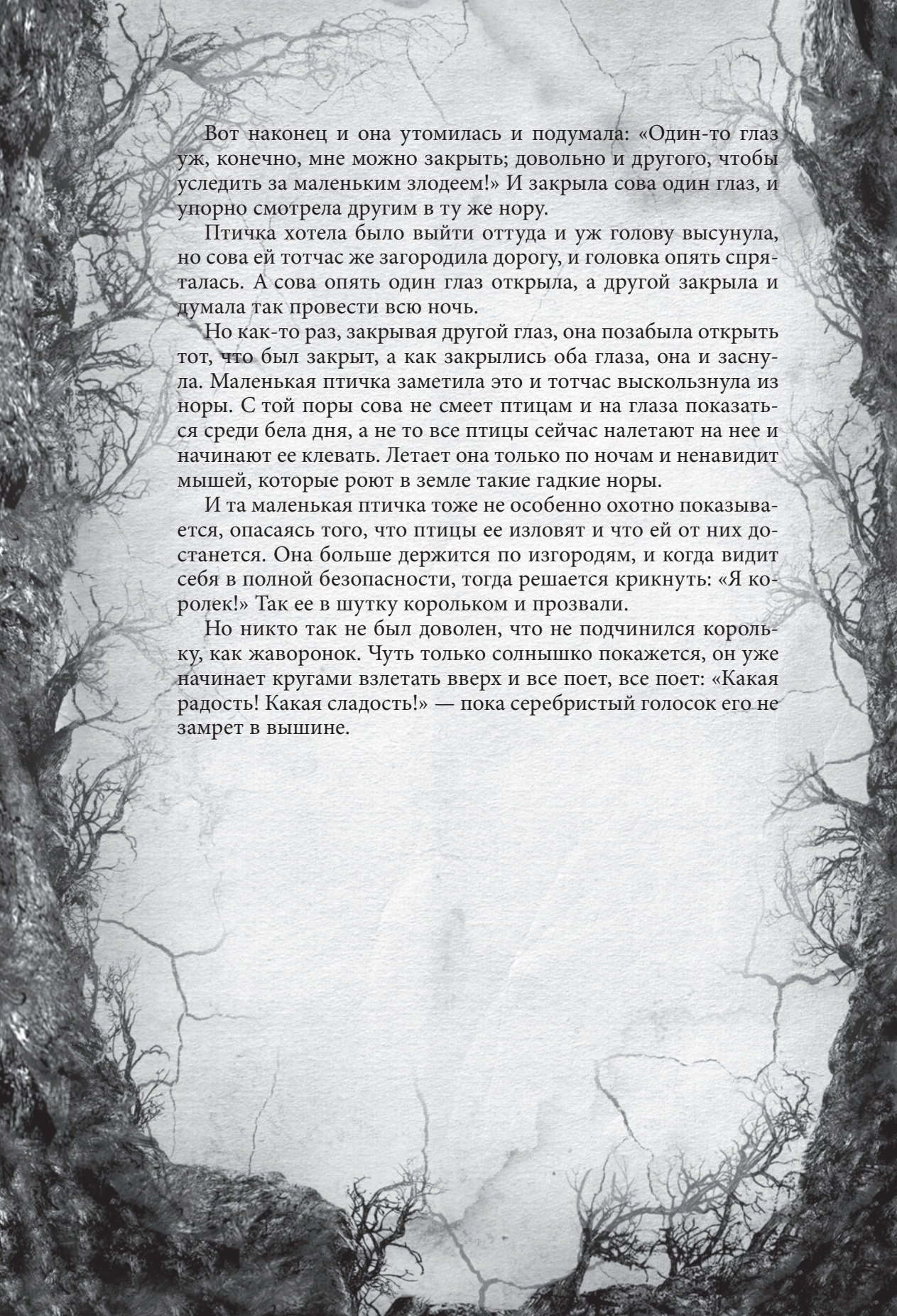
Когда же за вечерело, то птицы, много летавшие, очень устали и отправились семьями на покой. Одна только сова осталась у норки и все смотрела внутрь ее своими большими круглыми глазами.

«Королек».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...А безымянная птичка выискала себе маленькую норку,
забралась в нее и спясть своим тоненьким голоском
стала кричать отсюда: "Я королек! Я королек!"...»*

Вот наконец и она утомилась и подумала: «Один-то глаз уж, конечно, мне можно закрыть; довольно и другого, чтобы уследить за маленьким злодеем!» И закрыла сова один глаз, и упорно смотрела другим в ту же нору.

Птичка хотела было выйти оттуда и уж голову высунула, но сова ей тотчас же загородила дорогу, и головка опять спряталась. А сова опять один глаз открыла, а другой закрыла и думала так провести всю ночь.

Но как-то раз, закрывая другой глаз, она позабыла открыть тот, что был закрыт, а как закрылись оба глаза, она и заснула. Маленькая птичка заметила это и тотчас выскользнула из норы. С той поры сова не смеет птицам и на глаза показаться среди бела дня, а не то все птицы сейчас налетают на нее и начинают ее клевать. Летает она только по ночам и ненавидит мышей, которые роют в земле такие гадкие норы.

И та маленькая птичка тоже не особенно охотно показывается, опасаясь того, что птицы ее изловят и что ей от них достанется. Она больше держится по изгородям, и когда видит себя в полной безопасности, тогда решается крикнуть: «Я королек!» Так ее в шутку корольком и прозвали.

Но никто так не был доволен, что не подчинился корольку, как жаворонок. Чуть только солнышко покажется, он уже начинает кругами взлетать вверх и все поет, все поет: «Какая радость! Какая сладость!» — пока серебристый голосок его не замрет в вышине.

Камбала

Давно уж рыбы были недовольны, что в царстве их порядка нет. Никто не обращался к другому за советом, плыл, куда вздумается, пересекал путь тем, которые желали не разлучаться, либо загораживал им дорогу, и сильный нередко наносил слабому такой удар хвостом, что того далеко откидывало в сторону, а то и проглатывал его без всяких околичностей.

«Как бы хорошо это было, — говорили между собою рыбы, — кабы у нас был король, который бы у нас судил суды правые», — и порешили выбрать себе в повелители того, кто быстрее всех рассекает волны и потому может всегда оказать слабому помощь.

И вот они вытянулись в ряд у берега, и щука хвостом пода-ла всем знак, по которому все пустились плыть. Стрелою мчалась вперед всех щука, а с нею селедка, пескарь, окунь, карп и другие многие. Плыла и камбала, тоже думала, что достигнет цели.

Вдруг раздался общий крик: «Селедка всех обогнала!» — «Кто обогнал? — с досадою воскликнула плоская и тяжело-весная камбала, далеко отставшая от всех. — Кто, кто обогнал?» — «Селедка», — отвечали ей. «Ничтожная, голая селедка!? — воскликнула завистливая камбала. — Голая селедка?!»

С той пор в наказание у завистливой камбалы и рот на сторону.

Вынь и удод

«**Г**де вы наших коров пасете?» — спросил кто-то старого пастуха. «А вот здесь, сударь, где травы не очень обильны и не очень тощи; потому что и те, и другие не полезны для коров». — «Почему же так?» — «А вот извольте прислушаться, — отвечал пастух, — это ведь на луту вынь кричит таким густым басом... Тоже ведь в пастухах была, и удод тоже. Я вот сейчас расскажу, как они пасли.

Вынь для своих стад выбирала всегда самые тучные зеленые луга, где цветов изобилие; вот ее коровы от той травы всегда были бодры и в теле, да уж очень дики.

А удод пас свое стадо по высоким, сухим горным откосам, где ветер песок крутит, а коровенки его бывали худы и никак не могли сил набраться.

Бывало, вечером вынь своих коров собрать не может, все так врозь и разбегаются. Бывало, кричит до хрипоты: «В путь пойдем! В путь пойдем!» — а они все ее голоса не слушают!

А удод, напротив, коров своих еле на ноги поднять может: так они истощены и бессильны. «Подь, подь, подь!» — кричит бедняга, из сил выбивается, а коровы его все лежат на песочке.

Вот так-то и всегда бывает с теми, кто меры не знает!

Ведь вот и теперь — ни удод, ни вынь стад не пасут, а все еще вынь кричит по-прежнему хриплым басом: «В путь пойдем!» — а удод все надсаживается, выкрикивая: «Подь, подь, подь!»».

Сова

Назад тому лет двести, а может быть, и побольше, когда люди еще далеко не были настолько умны и плутоваты, как теперь, случилось в небольшом городке диковинное происшествие.

Одна из очень больших сов залетела ночью из соседнего леса в житницу одного из горожан и на рассвете не решалась выйти из своего укромного уголка из опасения, что при вылете ее, как и всегда, птицы поднимут страшный крик.

Когда поутру слуга заглянул в житницу, чтобы достать из нее соломы, он так перепугался, увидев в углу сову, что тотчас выбежал, бросился к хозяину и возвестил ему: «В житнице сидит чудовище, какого я в жизнь свою не видал, — глазами ворочает и каждого живьем проглотить готово». — «Знаю я тебя, — сказал ему хозяин, — за черным дроздом в поле гоняться — на это ты мастер; а к дохлой собаке без палки не подойдешь. Сам пойду посмотрю, что ты там за чудовище открыл», — и храбро пошел в житницу и стал кругом озираться.

Но, увидев диковинную и некрасивую птицу своими собственными глазами, и он тоже перепугался не меньше, чем его слуга.

В два прыжка очутился он у соседей и стал их умильно просить, чтобы они оказали ему помощь против невиданного и опасного зверя; а не то оно, мол, как вырвется из его житницы да накинется на город, так городу грозит великая опасность.

Поднялся шум и крик по всем улицам; горожане собрались с вилами, косами и топорами, словно навстречу врагу; явились и ратманы с бургомистром во главе. Построившись на площади рядами, они двинулись к житнице и окружили ее со всех сторон.

И выступил из рядов самый мужественный из всех горожан, и с копьём наперевес вступил было в житницу...

Но тотчас же выскочил из нее, бледный как смерть, закричал — и слова выговорить не мог.

Еще двое пытались туда войти, но и тем не повезло. Наконец, выступил вперед высокий здоровый мужчина, который был известен своими военными подвигами, и сказал: «Вы не выгоните оттуда чудовища одним взглядом; тут надо взяться за дело толком, а вы все, как я вижу, оробели и сунуться поближе не смеее».

Он приказал принести себе латы и шлем, меч и копье и вооружился, как следует.

Все похваляли его необыкновенное мужество, хотя многие и опасались за его жизнь.

Но вот две створки ворот житницы были широко открыты, и все увидели сову, которая тем временем уселась на одной из поперечных балок.

Воин приказал принести лестницу, и когда он на нее занес ногу, собираясь лезть вверх, то все стали кричать ему: «Смелее! Смелее!» — и призывали на помощь ему Святого Георгия, который убил дракона.

Когда же он поднялся по лестнице и сова увидела, что он до нее добирается, да к тому же и криком была перепугана и не знала куда деваться, она повела глазами, взъерошила перья, захлопала крыльями, защелкала клювом и глухим голосом взывала: «Шуху! Шуху!»

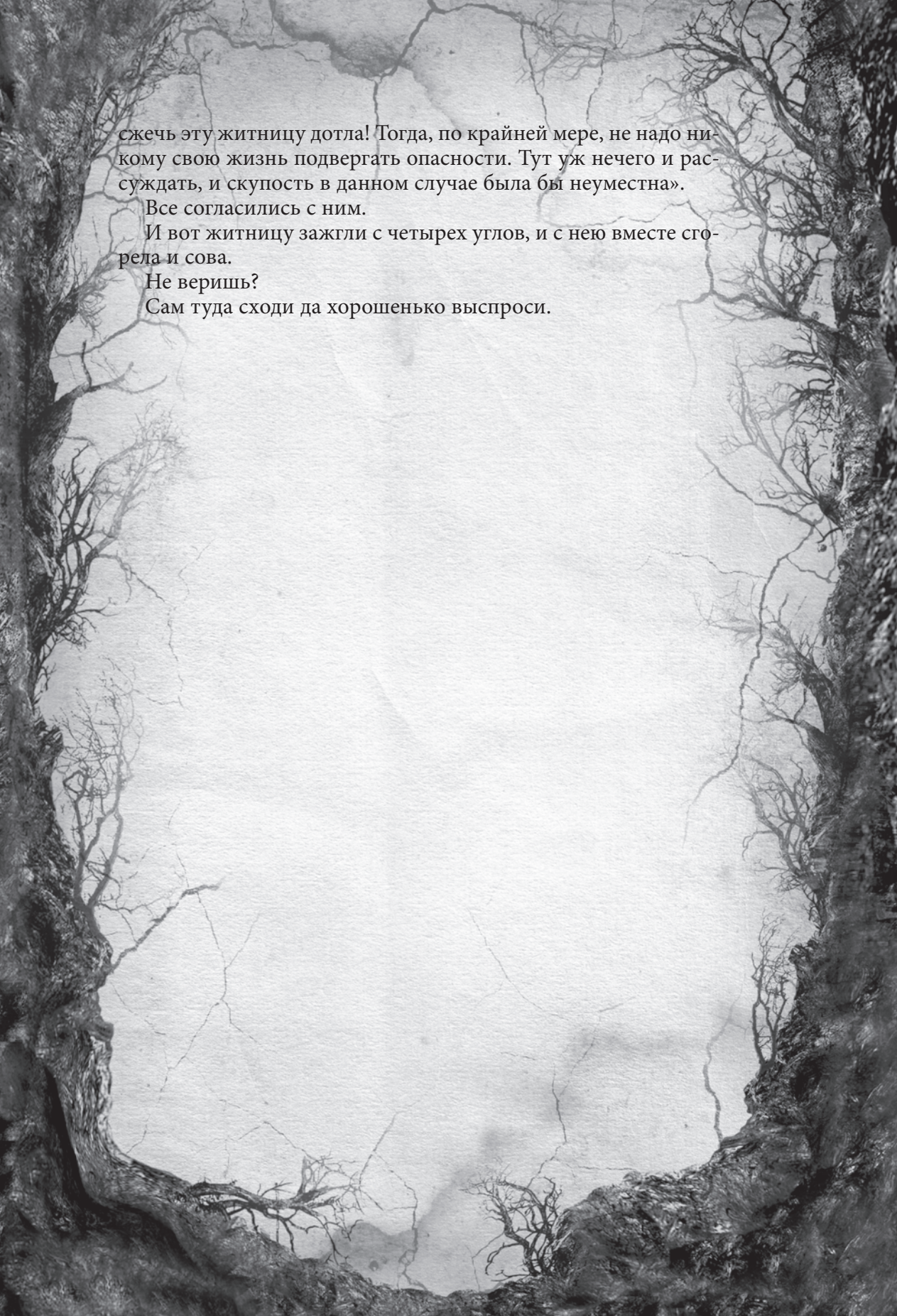
«Вперед! Вперед!» — кричала с надворья толпа, ободряя храброго воина.

«Кто на моем месте был бы, тот не очень бы крикнул: вперед!» — отвечал им воин.

Однако же и еще поднялся на одну ступеньку, но задрожал и почти без сознания спустился наземь.

И вот, наконец, никого не осталось, кто бы решился подвергнуть себя страшной опасности. «Чудовище, — так говорили все, — одним своим дыханьем отравило и нанесло смертельную рану храбрейшему из нас, неужели же мы, остальные, дерзнем тут ставить свою жизнь на карту?»

Стали совещаться, что им делать, чтобы не погубить весь народ. Долгое время совещание не приводило ни к чему, пока, наконец, бургомистру не пришла превосходная мысль. «Помоему, — сказал он, — нам следует из общей складчины откупить у хозяина эту житницу со всем, что в ней хранится, — с зерном, с сеном и соломой, и, обеспечив его от убытков,

сжечь эту житницу дотла! Тогда, по крайней мере, не надо никому свою жизнь подвергать опасности. Тут уж нечего и рассуждать, и скупость в данном случае была бы неуместна».

Все согласились с ним.

И вот житницу зажгли с четырех углов, и с нею вместе сгорела и сова.

Не веришь?

Сам туда сходи да хорошенько выпроси.

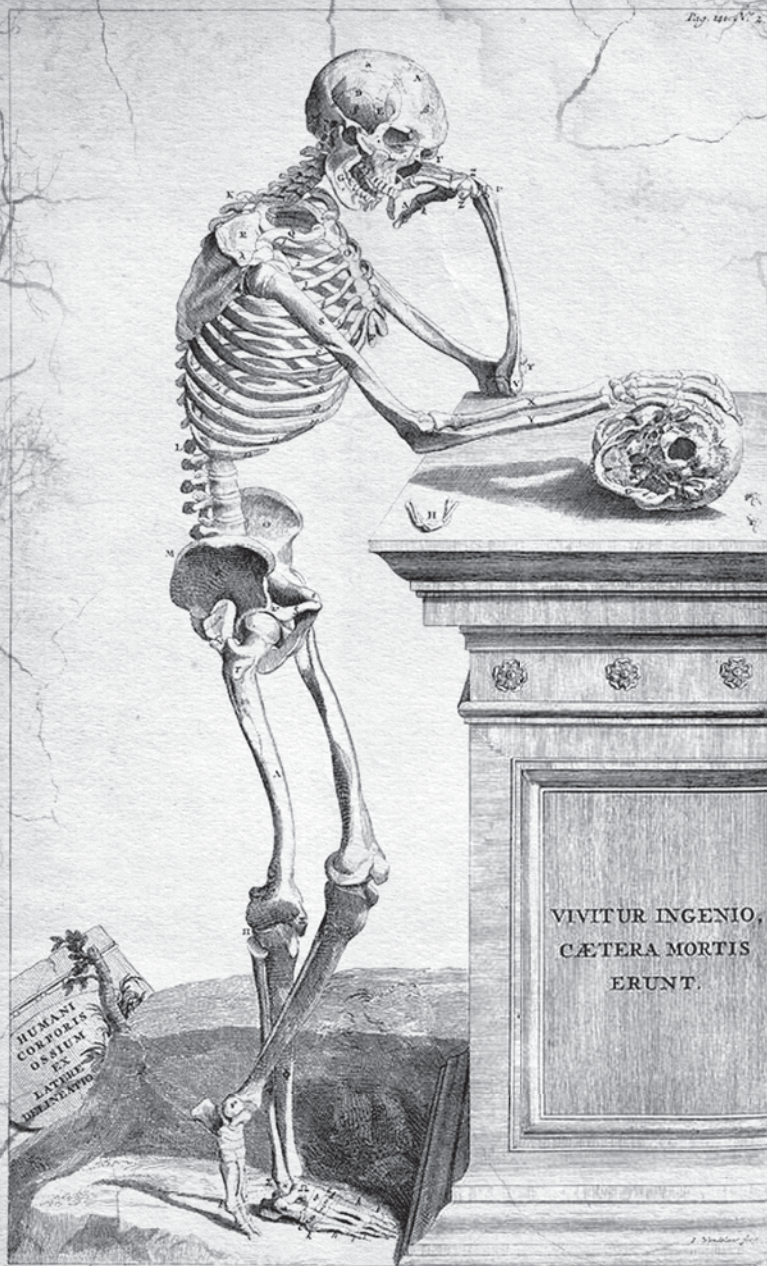

Время жизни

Всевышний Господь, создавая мир и всех тварей, задумал всем им определить время жизни. Тут пришел к нему осел и спросил: «Повелитель, как долго должен я жить?» — «Тридцать лет, — отвечал ему Господь, — довольно ли с тебя?» — «Ах, это слишком много, — возразил осел, — сам вообрази мое тягостное существование: с утра до ночи таскать тяжкие ноши, кули с зерном возить на своем хребте на мельницу, чтобы другим доставить муку для хлеба... А поощрение какое? Одни удары да пинки! Нет, уж ты поуменьши мне срок жизни!» Сжалился над ним Господь и сократил его жизнь до восемнадцати лет.

Осел ушел от него утешенный, а на его место явилась собака. «Как долго хочешь ты жить на свете? — спросил собаку Бог. — Вот ослу показался тридцатилетний срок слишком большим, а тебе довольно ли этого будет?» — «Воля твоя, Господи, — отвечала собака, — но сообрази — сколько я должна бегать? Пожалуй, ноги мои так долго и не выдержат; а если при этом я еще и лаять перестану, и зубы у меня выпадут, тогда придется мне только без пользы слоняться из угла в угол да ворчать».

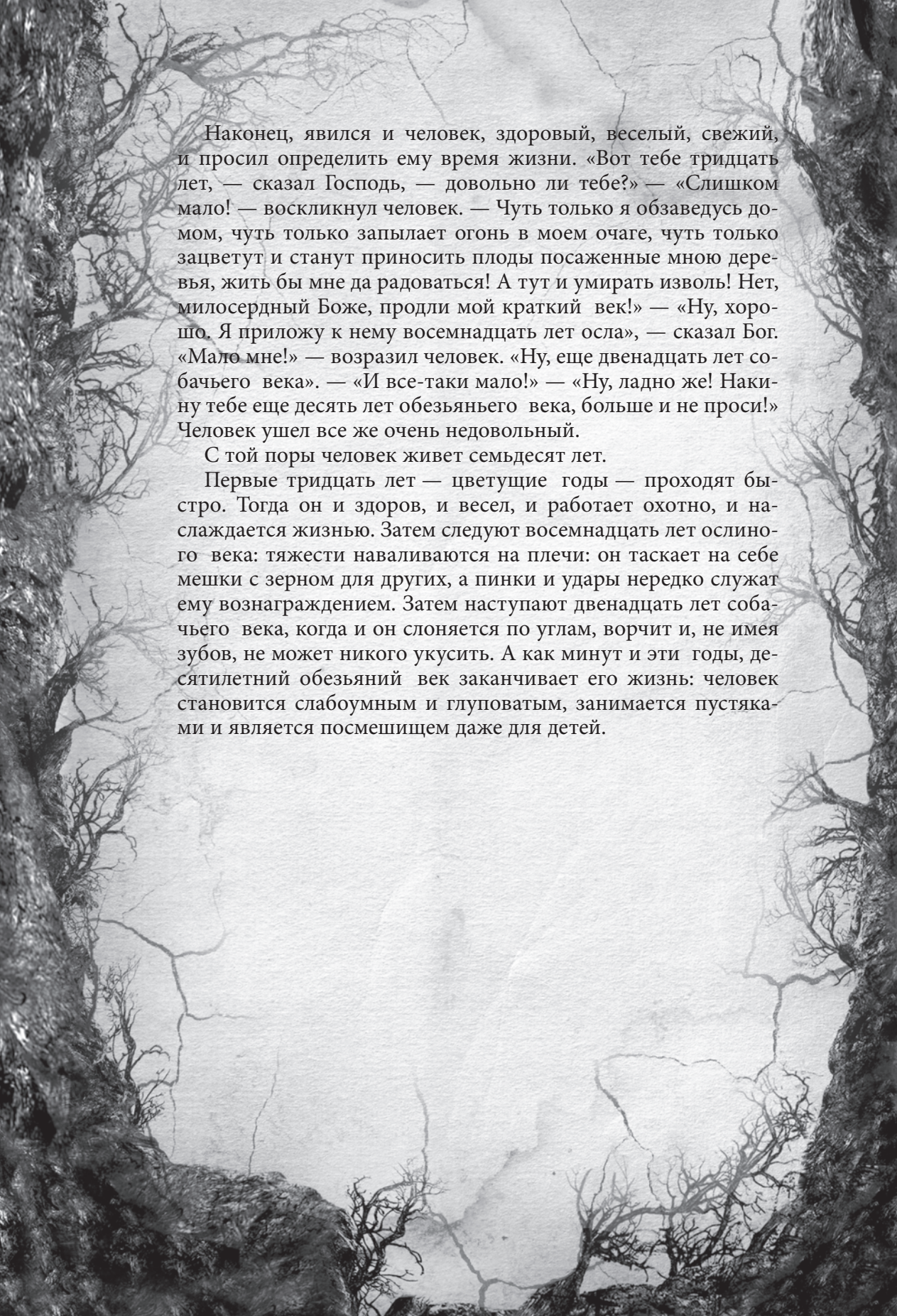
Бог признал, что собака права, и оставил ей всего двенадцать лет жизни. Затем явилась обезьяна. «Ну, ты уж, верно, пожелаешь жить тридцать лет на свете? — сказал Бог обезьяне. — Работать тебе не нужно, как осел и собака работают, тебе всегда привольно». — «Это только со стороны так кажется, — сказала обезьяна, — а на самом деле все иначе. У меня тоже бывает, что к киселю ложки не хватает! Ведь я же все должна выкидывать разные веселые штуки, рожи корчить, чтобы смешить людей, а как дадут они мне яблоко, смотришь: оно оказывается кислым. Как часто за шуткою скрывается грусть! Нет, тридцать лет жизни мне не вынести!» Бог смиловался и даровал ей только десять лет.

«Анатомия».

Художник – Андреас Везалий. Гравюра. 1725 г.

*«...Всевышний Господь, создавая мир и всех тварей,
задумал всем им определить время жизни...»*

Наконец, явился и человек, здоровый, веселый, свежий, и просил определить ему время жизни. «Вот тебе тридцать лет, — сказал Господь, — довольно ли тебе?» — «Слишком мало! — воскликнул человек. — Чуть только я обзаведусь домом, чуть только запыхает огонь в моем очаге, чуть только зацветут и станут приносить плоды посаженные мною деревья, жить бы мне да радоваться! А тут и умирать изволь! Нет, милосердный Боже, продли мой краткий век!» — «Ну, хорошо. Я приложу к нему восемнадцать лет осла», — сказал Бог. «Мало мне!» — возразил человек. «Ну, еще двенадцать лет собачьего века». — «И все-таки мало!» — «Ну, ладно же! Накину тебе еще десять лет обезьяньего века, больше и не проси!» Человек ушел все же очень недовольный.

С той поры человек живет семьдесят лет.

Первые тридцать лет — цветущие годы — проходят быстро. Тогда он и здоров, и весел, и работает охотно, и наслаждается жизнью. Затем следуют восемнадцать лет ослиного века: тяжести наваливаются на плечи: он таскает на себе мешки с зерном для других, а пинки и удары нередко служат ему вознаграждением. Затем наступают двенадцать лет собачьего века, когда и он слоняется по углам, ворчит и, не имея зубов, не может никого укусить. А как минут и эти годы, десятилетний обезьяний век заканчивает его жизнь: человек становится слабоумным и глуповатым, занимается пустяками и является посмешищем даже для детей.

Предвестники смерти

Давно, давно это было — вышел великан на большую дорогу, и вдруг навстречу ему выскочил неведомый ему человек и крикнул: «Стой! Ни шагу далее!» — «Что?! — проговорил великан. — Ты, ничтожество, которое я могу расплющить между пальцами, и ты вздумал мне загородить дорогу? Кто ты, что смеешь так дерзко говорить со мною?» — «Я — Вестник Смерти, — отвечал незнакомец, — никто не смеет мне противиться, и ты тоже должен повиноваться моим велениям».

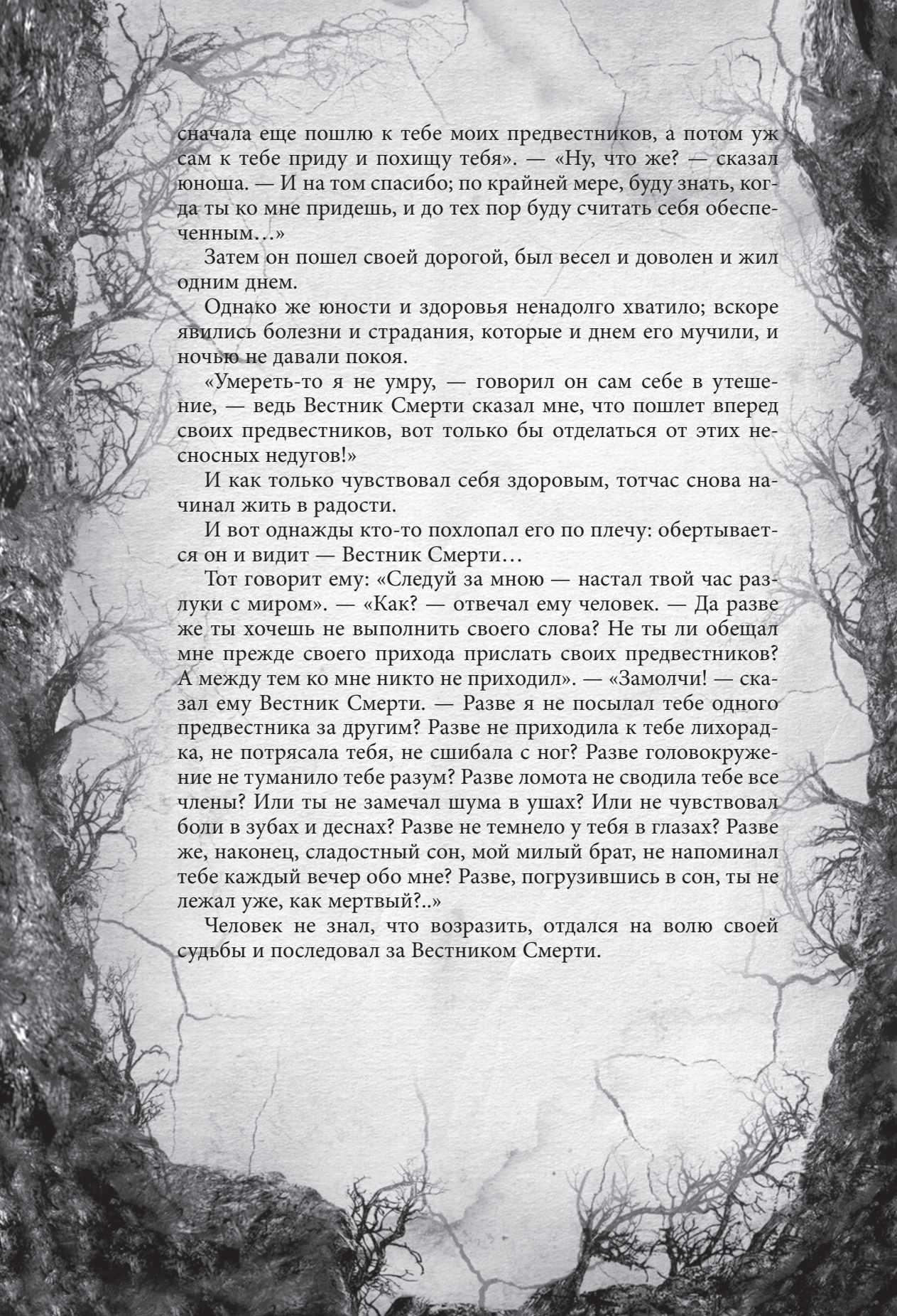
Но великан не захотел повиноваться и вступил в борьбу с Вестником Смерти.

То была долгая и страшная борьба, в которой наконец великан одолел и кулачищем своим нанес такой страшный удар своему врагу, что тот пал наземь около камня.

Великан пошел своей дорогой, а Вестник Смерти, пораженный им, все еще лежал и до того был обессилен, что даже не мог и приподняться с земли. «Что же из этого может выйти? — спрашивал он самого себя. — Коли я тут буду лежать в углу, никто на свете умирать не станет, и он так переполнится людьми, что им, наконец, негде и стоять будет».

Тем временем по той же дороге шел молодой человек, здоровый и свежий, весело напевал песню и посматривал по сторонам. Когда он увидел незнакомца, лежавшего почти без чувств, он сострадательно подошел к нему, поднял его, влил в его уста подкрепляющего напитка из своей фляжки и обогрел, пока к тому снова не возвратились силы,

«А знаешь ли ты, — сказал незнакомец, поднимаясь на ноги, — кто я таков, кому ты помог подняться?» — «Нет, — отвечал юноша, — я тебя не знаю». — «Я — Вестник Смерти! — сказал незнакомец. — Никого я не щаю и для тебя также не могу сделать исключения. Но, чтобы изъяснить тебе благодарность, обещаю тебе, что я не внезапно нападу на тебя, а

сначала еще пошлю к тебе моих предвестников, а потом уж сам к тебе приду и похищу тебя». — «Ну, что же? — сказал юноша. — И на том спасибо; по крайней мере, буду знать, когда ты ко мне придешь, и до тех пор буду считать себя обеспеченным...»

Затем он пошел своей дорогой, был весел и доволен и жил одним днем.

Однако же юности и здоровья ненадолго хватило; вскоре явились болезни и страдания, которые и днем его мучили, и ночью не давали покоя.

«Умереть-то я не умру, — говорил он сам себе в утешение, — ведь Вестник Смерти сказал мне, что пошлет вперед своих предвестников, вот только бы отделаться от этих нестерпимых недугов!»

И как только чувствовал себя здоровым, тотчас снова начинал жить в радости.

И вот однажды кто-то похлопал его по плечу: обертывается он и видит — Вестник Смерти...

Тот говорит ему: «Следуй за мною — настал твой час раслуки с миром». — «Как? — отвечал ему человек. — Да разве же ты хочешь не выполнить своего слова? Не ты ли обещал мне прежде своего прихода прислать своих предвестников? А между тем ко мне никто не приходил». — «Замолчи! — сказал ему Вестник Смерти. — Разве я не посылал тебе одного предвестника за другим? Разве не приходила к тебе лихорадка, не потрясала тебя, не сшибала с ног? Разве головокружение не туманило тебе разум? Разве ломота не сводила тебе все члены? Или ты не замечал шума в ушах? Или не чувствовал боли в зубах и деснах? Разве не темнело у тебя в глазах? Разве же, наконец, сладостный сон, мой милый брат, не напоминал тебе каждый вечер обо мне? Разве, погружившись в сон, ты не лежал уже, как мертвый?...»

Человек не знал, что возразить, отдался на волю своей судьбы и последовал за Вестником Смерти.

Тусятница у колодца

Жила-была старушка престарая, предряхлая; жила она со своим стадом гусей в глуши между горами, и был у нее небольшой домик. Эта глушь была окружена большим лесом, и старуха каждое утро, взяв свою клюку, тащилась в этот лес, там она собирала травку для своих гусей да разные дикорастущие плоды, насколько могла их достать рукою, и все это тащила домой на спине.

Можно было подумать, что тяжелая ноша пригнет ее к земле, а между тем она всегда благополучно доносила ее до дому.

И если ей, бывало, кто-нибудь повстречается, то она ласково поклонится и скажет: «День добрый, землячок; погодка-то сегодня какова! Небось дивишься, что я травку на себе тащу? Что делать, каждый должен себе по силам ношу выбирать».

И, несмотря на всю эту приветливость, никто не любил с нею встречаться, и даже нарочно обходили ее, чтобы не сойтись с нею, а когда мимо ее случалось проходить отцу с сыном, отец говаривал сынку: «Берегись старухи — это ведьма».

Однажды утром красивый юноша проходил через тот лес. Ярко светило солнце, птицы пели, прохладный ветерок шелестел в листве; и на сердце у юноши были только радость да довольство.

Ему еще никто не попадался навстречу, как вдруг он увидел старую ведьму, которая стояла, опустившись на колени, и срезала траву серпом. Большой узел травы уже был у нее навязан на спине, да еще рядом стояли две корзинки, полнехоньки дикими грушами и яблоками.

«Да как же это, тетушка, скажи, пожалуйста, — спросил у нее юноша, — как же можешь ты все это стащить?» — «Хочешь не хочешь, а тащить должна, господин честной! — отвечала старуха. — Богатым, конечно, это не нужно. А у мужика, знаете ли, есть такое присловье:

Жить хочешь — не зевай,
Знай спину подставляй!

А вот, может быть, вы не захотите ли мне помочь? — добавила старуха, видя, что юноша от нее не отходит. — И спина-то у вас пряменькая, и ножки резвенькие, так вам это и нетрудно будет. К тому же и дом-то отсюда не далеко — за горою на полянке. Вы бы в один прыжок там очутиться могли».

Юноша почувствовал сострадание к старухе. «Хоть отец мой и не мужик, а богатый граф, но я готов снести ваш узел, чтобы показать, что не одни мужики умеют таскать тяжести». — «Попробуйте, — сказала старуха, — очень вы этим меня обяжете. Оно, конечно, придется вам с часочек пути брести, ну, да это для вас сущие пустячки! Кстати уж, и яблоки, и груши захватите с собою».

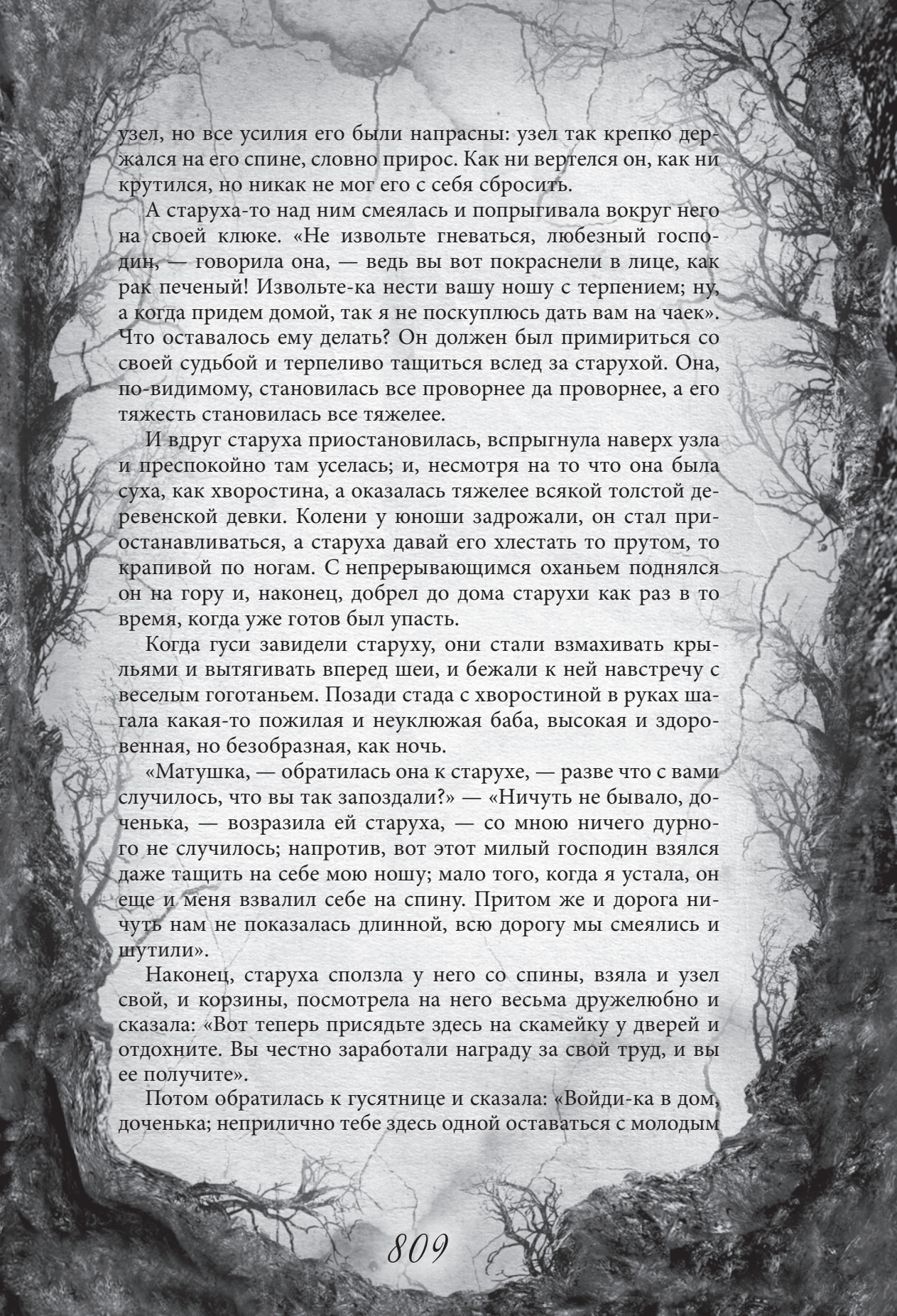
Молодому графу показалось страшновато, когда он подумал об этом часочке пути, но старуха уже не выпускала его из рук, взвалила ему узел на спину, а корзины повесила ему на руки...

«Видите, совсем не тяжело?» — сказала она. «Нет, очень тяжело! — отвечал граф, и на лице его изобразилось страдание. — Твой узел давит так, как будто в нем камни наложены, а эти яблоки и груши — словно свинцовые... Я еле двигаться могу!»

Он готов был все с себя сбросить, но старуха этого не допустила. «Смотрите-ка, — сказала она насмешливо, — молодой-то господин того снести не может, что я, старая баба, столько раз на себе таскала. Вот на ласковые-то слова вы все горазды, а как дойдет до дела, так все и на попятный... Ну, что же вы стали? — продолжала она. — Чего вы медлите? Извольте-ка шагать. Узла с вас никто уж теперь не снимет».

Пока он шел по ровному месту, то это еще было сносно; но когда они пришли к горе и должны были подниматься, и камни, словно живые, катились из-под его ног, тогда это уж было выше сил его. Капли пота выступали у него на лбу и, то горячие, то холодные, катились по его спине.

«Тетушка, — сказал он, — не могу я дальше идти, я должен немного отдохнуть». — «Нет, — отвечала старуха, — когда дойдешь до места, тогда и отдыхай, а теперь изволь идти вперед. Кто знает, на что это вам может пригодиться». — «Старуха! Совести у тебя нет», — сказал граф и хотел сбросить с себя

узел, но все усилия его были напрасны: узел так крепко держался на его спине, словно прирос. Как ни вертелся он, как ни крутился, но никак не мог его с себя сбросить.

А старуха-то над ним смеялась и попрыгивала вокруг него на своей клюке. «Не извольте гневаться, любезный господин, — говорила она, — ведь вы вот покраснели в лице, как рак печеный! Извольте-ка нести вашу ношу с терпением; ну, а когда придем домой, так я не поскуплюсь дать вам на чайк». Что оставалось ему делать? Он должен был примириться со своей судьбой и терпеливо тащиться вслед за старухой. Она, по-видимому, становилась все проворнее да проворнее, а его тяжесть становилась все тяжелее.

И вдруг старуха приостановилась, вспрыгнула наверх узла и преспокойно там уселась; и, несмотря на то что она была суха, как хворостина, а оказалась тяжелее всякой толстой деревенской девки. Колени у юноши задрожали, он стал приостанавливаться, а старуха давай его хлестать то прутом, то крапивою по ногам. С непрерывающимся оханьем поднялся он на гору и, наконец, добрел до дома старухи как раз в то время, когда уже готов был упасть.

Когда гуси завидели старуху, они стали взмахивать крыльями и вытягивать вперед шеи, и бежали к ней навстречу с веселым гоготаньем. Позади стада с хворостиной в руках шагала какая-то пожилая и неуклюжая баба, высокая и здоровенная, но безобразная, как ночь.

«Матушка, — обратилась она к старухе, — разве что с вами случилось, что вы так запоздали?» — «Ничуть не бывало, доченька, — возразила ей старуха, — со мною ничего дурного не случилось; напротив, вот этот милый господин взялся даже тащить на себе мою ношу; мало того, когда я устала, он еще и меня взвалил себе на спину. Притом же и дорога ничуть нам не показалась длинной, всю дорогу мы смеялись и шутили».

Наконец, старуха сползла у него со спины, взяла и узел свой, и корзины, посмотрела на него весьма дружелюбно и сказала: «Вот теперь присядьте здесь на скамейку у дверей и отдохните. Вы честно заработали награду за свой труд, и вы ее получите».

Потом обратилась к гусятнице и сказала: «Войди-ка в дом, доченька; неприлично тебе здесь одной оставаться с молодым

господином. Не надо масла подливать в огонь... Пожалуй, еще влюбится в тебя».

Граф и сам не знал, что ему делать — плакать или смеяться? «Вот сокровище-то, — подумал он, — да будь она даже и на тридцать лет моложе, она бы не могла тронуть моего сердца». Между тем старуха ласкала и гладила своих гусей, как милых деток, и затем вошла в дом со своей дочерью; а юноша растянулся на скамье под дикой яблоней.

В воздухе было тепло и приятно; кругом простиралась зеленая широкая лужайка, усеянная синими и желтыми цветами, а посреди лужайки бежал светлый ручей, сверкая на солнце; и белые гуси двигались тут же взад и вперед либо полоскались в воде.

«Тут очень мило, — сказал граф, — но только я так устал, что глаз разомкнуть не могу: дай-ка я посплю немного. Лишь бы только не поднялся ветер и не унес бы мои ноги — они у меня словно ватные...»

Поспав немного, он был разбужен старухой. «Вставай, — сказала она ему, — ты здесь не можешь оставаться. Правда, тебе от меня таки солоно пришлось, но все же ты жив остался... Теперь хочу тебе отдать награду: ведь в деньгах и во всяком добре ты не нуждаешься, так вот тебе нечто иное. — И сунула ему в руку кружечку, целиком вырезанную из изумруда. — Храни это бережно, — добавила она, — в этом твое счастье».

Граф вскочил на ноги, чувствуя себя опять и сильным, и бодрым, поблагодарил старуху за ее подарок и пустился в путь-дорогу, даже и не подумав оглянуться на дочку старухи.

Уж он порядочный кусок пути прошел, а все еще издали доносился до него веселый крик гусей.

Граф три дня блуждал по этой глуши, прежде чем из нее выбрался. Затем пришел он в большой город, и так как никто его не знал там, то он и был приведен в королевский замок, в зал, где король и королева сидели на троне.

Граф опустился на колено, вынул изумрудный сосуд, подаренный ему старухой, и положил его к ногам королевы. Та приказала ему встать и подать себе эту драгоценную безделушку. Но едва только она открыла этот сосуд и в него заглянула, как упала на землю замертво.

Графа схватили королевские слуги и собирались вести в темницу; но королева открыла глаза и приказала его освободить.

Гусятница у колодца»

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...И вдруг старуха приостановилась вслушивалась
на всех узла и преспокойно там уселась...»*

дить. «Все выйдите отсюда вон, — сказала она, — я должна с ним переговорить наедине».

Оставшись наедине с графом, королева стала горько плакать и сказала: «Что мне блеск и почести, меня окружающие, когда я каждое утро пробуждаюсь с печалью и заботами! Три было у меня дочери, и младшая из них была так прекрасна, что весь свет почитал ее за чудо. Бела, как снег, румяна, как зорька, и волосы ее блистали, как лучи солнца. Когда она плакала, из глаз ее не слезы капали, а жемчуг выкатывался и драгоценные камни.

Когда ей минуло пятнадцать лет, король призвал всех трех сестер к своему трону. И посмотрели бы вы, как все были поражены, когда вошла моя младшая дочь — словно солнышко на небо выкатилось!

Король же сказал им трем: «Дочери милые! Не знаю я, когда настанет мой последний час, но я хочу сегодня же определить, что каждая из вас должна будет получить по смерти моей. Знаю, что все вы меня любите; но которая из вас более любит — той и достанется лучшая доля. — И потом добавил: — Не можете ли вы мне выразить словами, насколько каждая из вас меня любит? По вашим речам я ознакомлюсь и с тем, что вы думаете».

Тогда старшая сказала: «Люблю отца моего так же, как сладчайший сахар».

Другая сказала: «Люблю отца, как самое лучшее из моих платьев».

А младшая молчала.

Отец и спросил ее: «Ну, а ты, любимое мое дитяtko, ты как меня любишь?» — «И сама не знаю, — отвечала она, — и даже не могу ни с чем сравнить свою любовь».

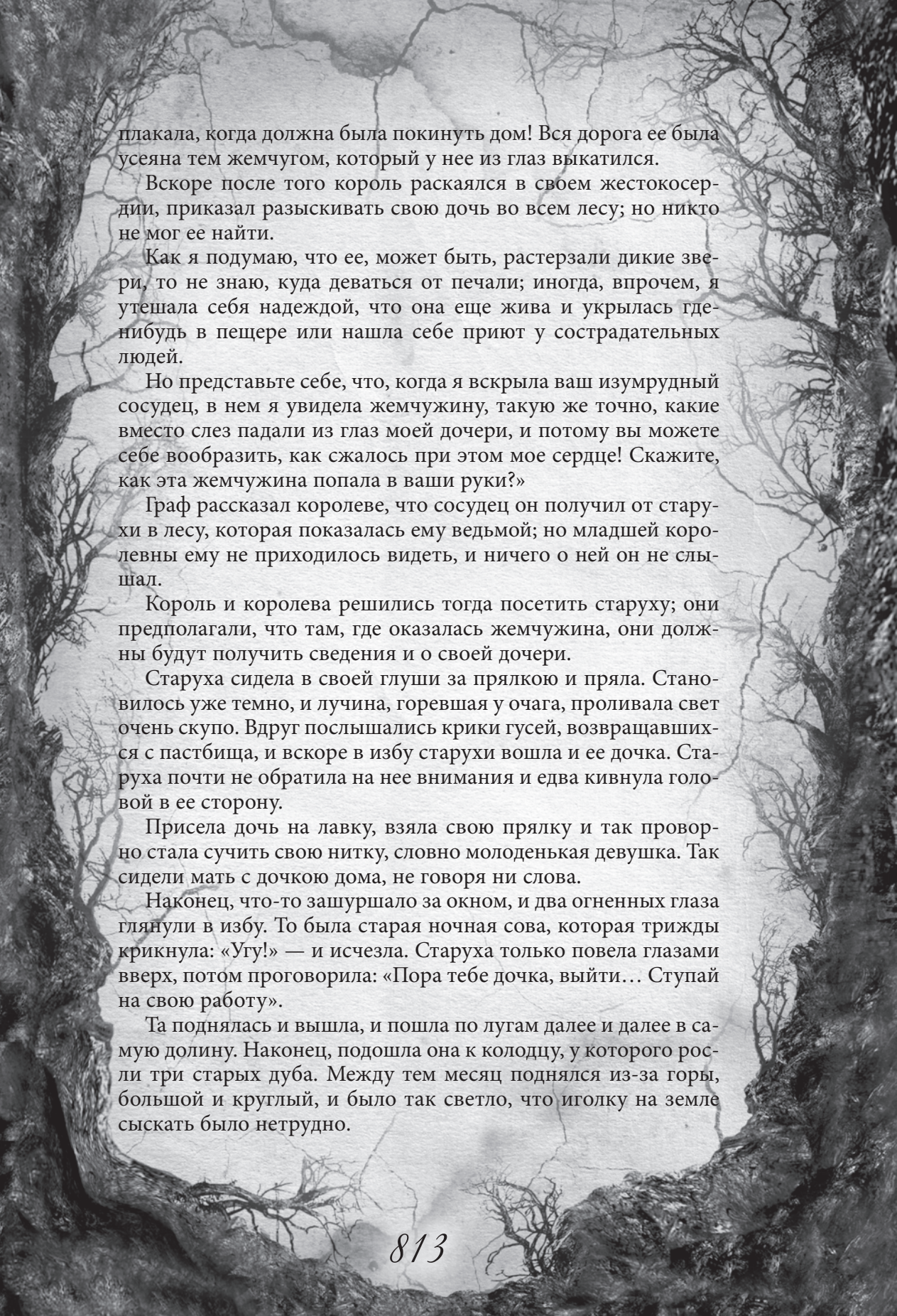
Но отец настаивал, чтобы она выразилась определеннее.

Тогда она сказала наконец: «И самое лучшее блюдо мне без соли не вкусно — вот и отца я тоже люблю, как соль!»

Услышав это, король пришел в ярость и сказал: «Если ты любишь меня настолько лишь, насколько любишь соль, так и за любовь твою я награжу тебя одною солью».

И разделил королевство пополам между двумя старшими дочерьми, а младшей приказал навязать на спину мешок с солью, и двое слуг должны были вывести ее в дремучий лес.

Мы все за нее просили и молили, — сказала королева, — но гнев короля нельзя было ничем смягчить. Как она, бедняжка,

плакала, когда должна была покинуть дом! Вся дорога ее была усеяна тем жемчугом, который у нее из глаз выкатился.

Вскоре после того король раскаялся в своем жестокосердии, приказал разыскивать свою дочь во всем лесу; но никто не мог ее найти.

Как я подумаю, что ее, может быть, растерзали дикие звери, то не знаю, куда деваться от печали; иногда, впрочем, я утешала себя надеждой, что она еще жива и укрылась где-нибудь в пещере или нашла себе приют у сострадательных людей.

Но представьте себе, что, когда я вскрыла ваш изумрудный сосудец, в нем я увидела жемчужину, такую же точно, какие вместо слез падали из глаз моей дочери, и потому вы можете себе вообразить, как сжалось при этом мое сердце! Скажите, как эта жемчужина попала в ваши руки?»

Граф рассказал королеве, что сосудец он получил от старухи в лесу, которая показалась ему ведьмой; но младшей королевы ему не приходилось видеть, и ничего о ней он не слышал.

Король и королева решились тогда посетить старуху; они предполагали, что там, где оказалась жемчужина, они должны будут получить сведения и о своей дочери.

Старуха сидела в своей глуши за прялкою и пряла. Становилось уже темно, и лучина, горевшая у очага, проливали свет очень скупо. Вдруг слышались крики гусей, возвращавшихся с пастбища, и вскоре в избу старухи вошла и ее дочка. Старуха почти не обратила на нее внимания и едва кивнула головой в ее сторону.

Присела дочь на лавку, взяла свою прялку и так проворно стала сучить свою нитку, словно молоденькая девушка. Так сидели мать с дочкою дома, не говоря ни слова.

Наконец, что-то зашуршало за окном, и два огненных глаза глянули в избу. То была старая ночная сова, которая трижды крикнула: «Угу!» — и исчезла. Старуха только повела глазами вверх, потом проговорила: «Пора тебе дочка, выйти... Ступай на свою работу».

Та поднялась и вышла, и пошла по лугам далее и далее в самую долину. Наконец, подошла она к колодцу, у которого росли три старых дуба. Между тем месяц поднялся из-за горы, большой и круглый, и было так светло, что иголку на земле сыскать было нетрудно.

Она скинула кожу, прикрывавшую ее лицо, нагнулась к колодцу и стала из него умываться. Умывшись, она и кожу с лица окунула в воду и потом разложила ее на лугу, чтобы она опять могла высохнуть и побелеть при лунном свете.

Но как же она изменилась! Надивиться на нее было невозможно! Как скинула с головы беспорядочную копну накладных волос, пряди ее собственных золотистых волос, блиставших, как солнечные лучи, рассыпались и покрыли ее всю, словно плащом. Только очи ее, что звездочки, мерцали из-под этого покроя волос, да щечки горели ярким румянцем. Но красавица была печальна. Присела она у колодца и стала плакать: одна слеза за другою выкатывались из глаз ее и среди золотистых прядей падали на землю. Так сидела она и, вероятно, еще долго так просидела бы, если бы не слышала шороха и треска в ветвях ближайшего дерева.

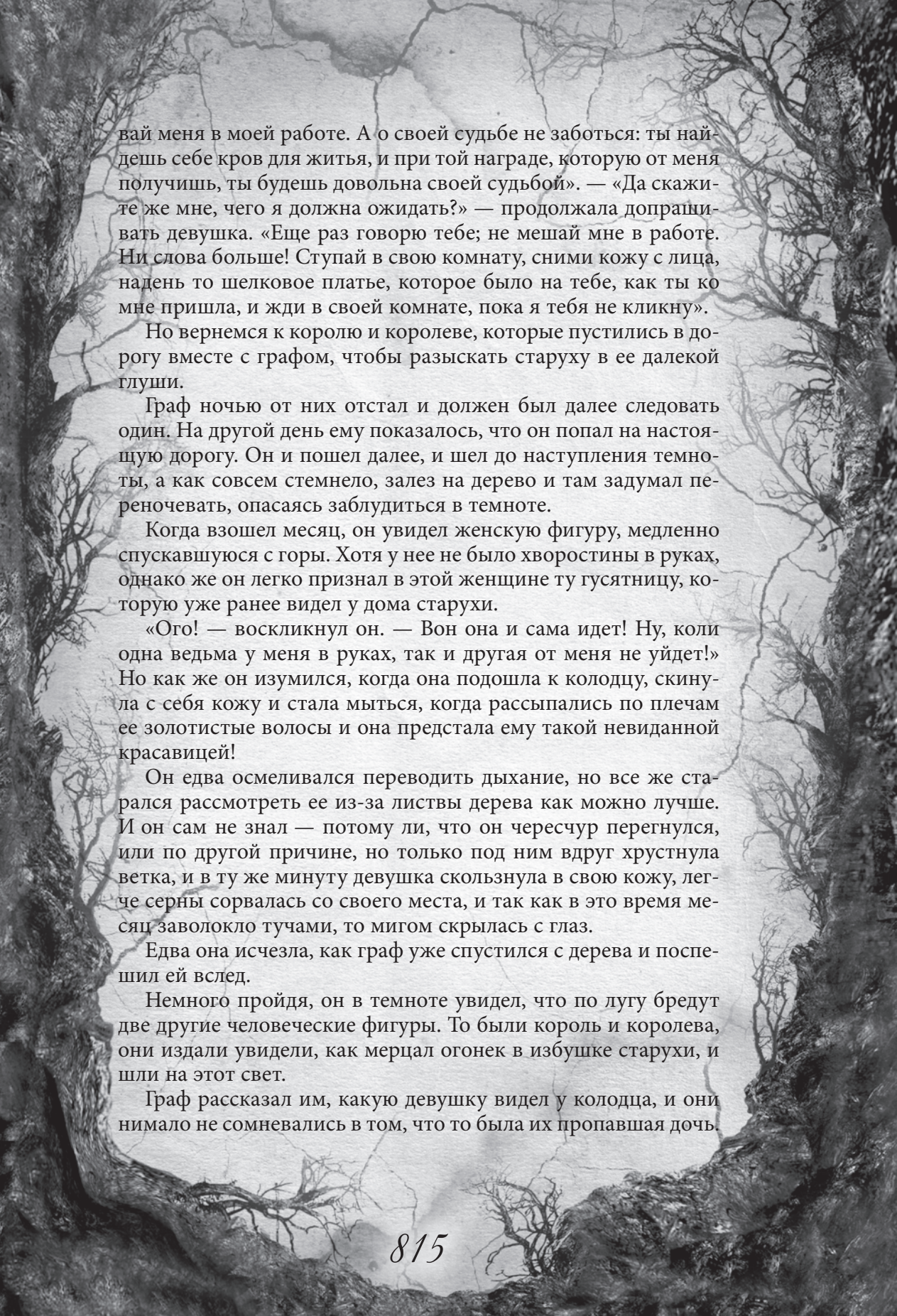
Она вскочила тотчас, как серна, заслышав выстрел охотника. Месяц как раз в это время затянуло черным облаком, и в то же мгновение красавица снова скользнула в свою старую кожу и исчезла бесследно.

Дрожа, как осиновый лист, побежала она обратно к дому. Старуха стояла на пороге, и когда девушка хотела ей рассказать о случившемся, та только ласково посмеялась и сказала: «Я уже все знаю».

Повела она девушку в избу и вставила новую лучину в светец. Но уже не села за свою самопрялку, а вытащила метлу и стала подметать и убирать. «Все должно быть здесь чисто и опрятно», — сказала старуха девушке. «Но зачем же вы, матушка, вздумали убираться в такое позднее время? — спросила девушка. — Что у вас на уме?» — «А знаешь ли ты, какой час наступает?» — спросила старуха. «Да еще полночи нет; но уже близко...» — «А ты о том не вспомнила, что три года тому назад в этот самый день ты ко мне пришла? Теперь твое время минуло, и ты не можешь более у меня оставаться».

Девушка перепугалась и сказала: «Ах, милая матушка, неужели вы меня хотите отвергнуть? Куда же я денусь? У меня ни друзей, ни родни; куда я голову приклоню? Я все то исполнила, что вы от меня требовали, и вы всегда были мною довольны, не отвергайте меня».

Старуха не хотела высказать девушке, что ее ожидает, и только проговорила: «Мне тут недолго быть; и как я отсюда уберусь, все в доме должно быть чисто, а потому не удержи-

вай меня в моей работе. А о своей судьбе не заботься: ты найдешь себе кров для житья, и при той награде, которую от меня получишь, ты будешь довольна своей судьбой». — «Да скажите же мне, чего я должна ожидать?» — продолжала допрашивать девушка. «Еще раз говорю тебе; не мешай мне в работе. Ни слова больше! Ступай в свою комнату, сними кожу с лица, надень то шелковое платье, которое было на тебе, как ты ко мне пришла, и жди в своей комнате, пока я тебя не кликну».

Но вернемся к королю и королеве, которые пустились в дорогу вместе с графом, чтобы разыскать старуху в ее далекой глуши.

Граф ночью от них отстал и должен был далее следовать один. На другой день ему показалось, что он попал на настоящую дорогу. Он и пошел далее, и шел до наступления темноты, а как совсем стемнело, залез на дерево и там задумал переночевать, опасаясь заблудиться в темноте.

Когда взошел месяц, он увидел женскую фигуру, медленно спускавшуюся с горы. Хотя у нее не было хворостины в руках, однако же он легко признал в этой женщине ту гусятницу, которую уже ранее видел у дома старухи.

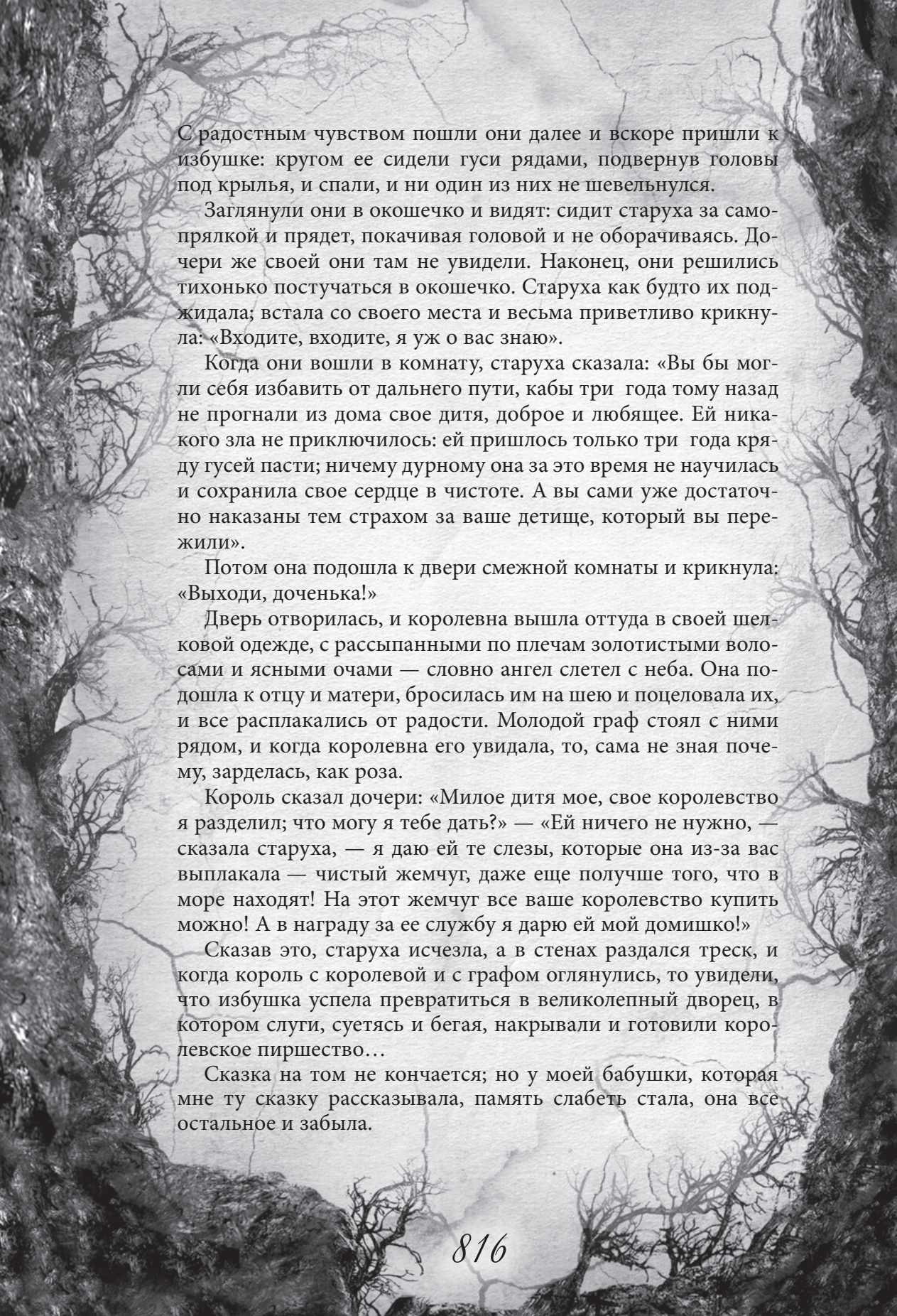
«Ого! — воскликнул он. — Вон она и сама идет! Ну, коли одна ведьма у меня в руках, так и другая от меня не уйдет!» Но как же он изумился, когда она подошла к колодцу, скинула с себя кожу и стала мыться, когда рассыпались по плечам ее золотистые волосы и она предстала ему такой невиданной красавицей!

Он едва осмеливался переводить дыхание, но все же старался рассмотреть ее из-за листвы дерева как можно лучше. И он сам не знал — потому ли, что он чересчур перегнулся, или по другой причине, но только под ним вдруг хрустнула ветка, и в ту же минуту девушка скользнула в свою кожу, легче серны сорвалась со своего места, и так как в это время месяц заволокло тучами, то мигом скрылась с глаз.

Едва она исчезла, как граф уже спустился с дерева и поспешил ей вслед.

Немного пройдя, он в темноте увидел, что по лугу бредут две другие человеческие фигуры. То были король и королева, они издали увидели, как мерцал огонек в избушке старухи, и шли на этот свет.

Граф рассказал им, какую девушку видел у колодца, и они нимало не сомневались в том, что то была их пропавшая дочь.

С радостным чувством пошли они далее и вскоре пришли к избушке: кругом ее сидели гуси рядами, подвернув головы под крылья, и спали, и ни один из них не шевельнулся.

Заглянули они в окошечко и видят: сидит старуха за самопрялкой и прядет, покачивая головой и не оборачиваясь. Дочери же своей они там не увидели. Наконец, они решились тихонько постучаться в окошечко. Старуха как будто их поджидала; встала со своего места и весьма приветливо крикнула: «Входите, входите, я уж о вас знаю».

Когда они вошли в комнату, старуха сказала: «Вы бы могли себя избавить от дальнего пути, кабы три года тому назад не прогнали из дома свое дитя, доброе и любящее. Ей никакого зла не приключилось: ей пришлось только три года кряду гусей пасти; ничему дурному она за это время не научилась и сохранила свое сердце в чистоте. А вы сами уже достаточно наказаны тем страхом за ваше детище, который вы пережили».

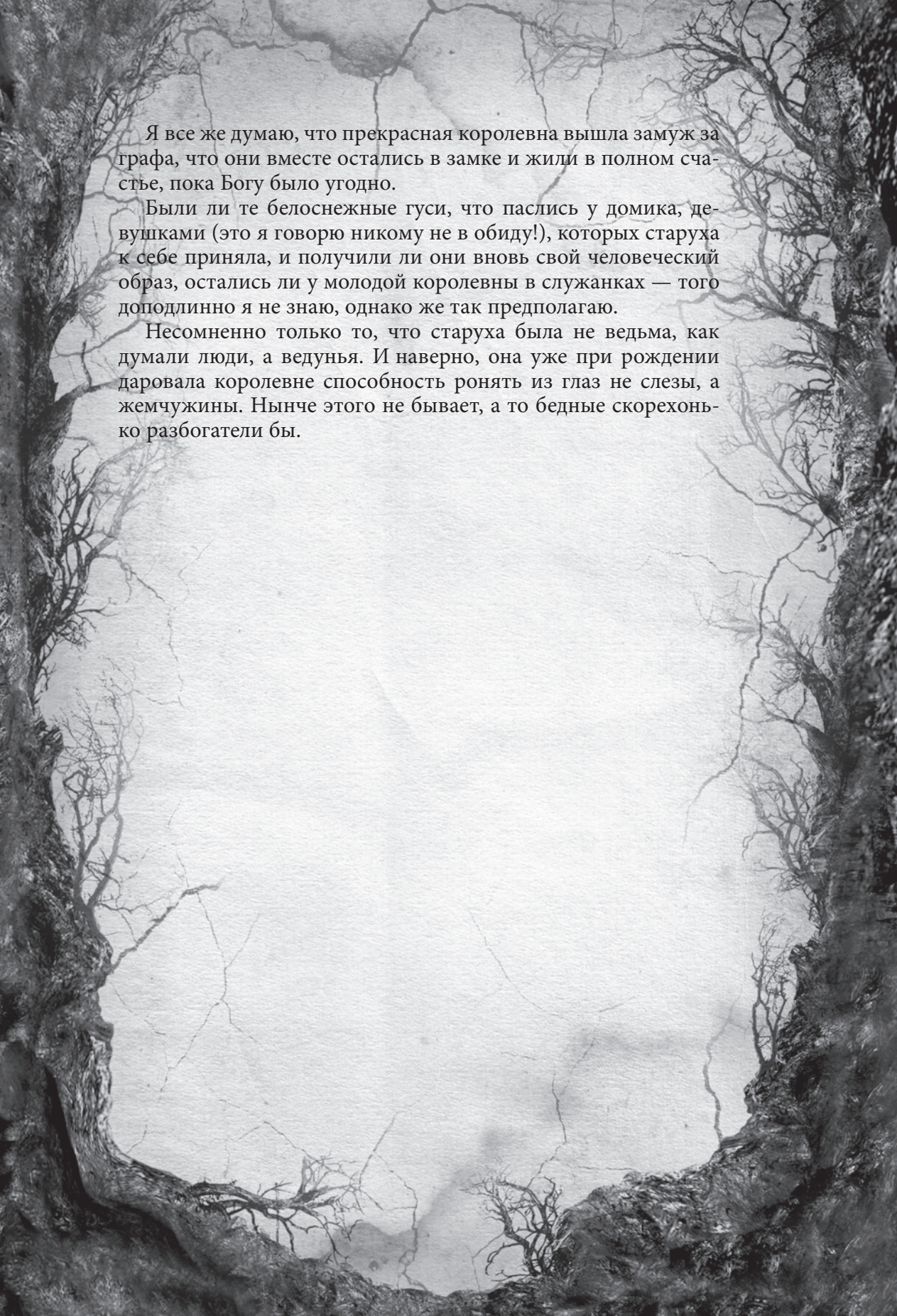
Потом она подошла к двери смежной комнаты и крикнула: «Выходи, доченька!»

Дверь отворилась, и королева вышла оттуда в своей шелковой одежде, с рассыпанными по плечам золотистыми волосами и ясными очами — словно ангел слетел с неба. Она подошла к отцу и матери, бросилась им на шею и поцеловала их, и все расплакались от радости. Молодой граф стоял с ними рядом, и когда королева его увидела, то, сама не зная почему, зарделась, как роза.

Король сказал дочери: «Милое дитя мое, свое королевство я разделил; что могу я тебе дать?» — «Ей ничего не нужно, — сказала старуха, — я даю ей те слезы, которые она из-за вас выплакала — чистый жемчуг, даже еще лучше того, что в море находят! На этот жемчуг все ваше королевство купить можно! А в награду за ее службу я дарю ей мой домишко!»

Сказав это, старуха исчезла, а в стенах раздался треск, и когда король с королевой и с графом оглянулись, то увидели, что избушка успела превратиться в великолепный дворец, в котором слуги, суетясь и бегая, накрывали и готовили королевское пиршество...

Сказка на том не кончается; но у моей бабушки, которая мне ту сказку рассказывала, память слабеть стала, она все остальное и забыла.

Я все же думаю, что прекрасная королева вышла замуж за графа, что они вместе остались в замке и жили в полном счастье, пока Богу было угодно.

Были ли те белоснежные гуси, что паслись у домика, девушками (это я говорю никому не в обиду!), которых старуха к себе приняла, и получили ли они вновь свой человеческий образ, остались ли у молодой королевы в служанках — того доподлинно я не знаю, однако же так предполагаю.

Несомненно только то, что старуха была не ведьма, как думали люди, а ведунья. И наверно, она уже при рождении даровала королеве способность ронять из глаз не слезы, а жемчужины. Нынче этого не бывает, а то бедные скорехонько разбогатели бы.

Неравные дети Евы

Когда Адам и Ева были изгнаны из рая, то они должны были на неплодородной земле выстроить себе дом и зарабатывать хлеб свой в поте лица.

Адам трудился в поле, а Ева пряла шерсть.

У Евы каждый год рождалось по ребенку, и одни дети были красивы, другие же некрасивы.

По прошествии значительного времени Бог послал к Адаму и Еве ангела с известием, что он желает их навестить.

Ева, обрадованная такою милостью Господа, все тщательно в доме прибрала, украсила дом цветами, а каменный пол усыпала травами. Потом вывела детей своих, но только красивых.

Она их вымыла, выкупала, причесала их, надела на них чистенькие рубашечки и напомнила им, чтобы они в присутствии Господа вели себя прилично и держали себя смиренно, кротко и разумно.

А некрасивые дети не смели Господу и на глаза показаться. Один спрятался в сено, другой — под крышу, третий — в солому, четвертый залез за печку, пятый — в погреб, шестой — под чан, седьмой — под винную бочку, восьмой — под старую шубу, девятый и десятый — под сукно, из которого шили их одежды, а одиннадцатый и двенадцатый — под кожу, из которой выкраивали им башмаки.

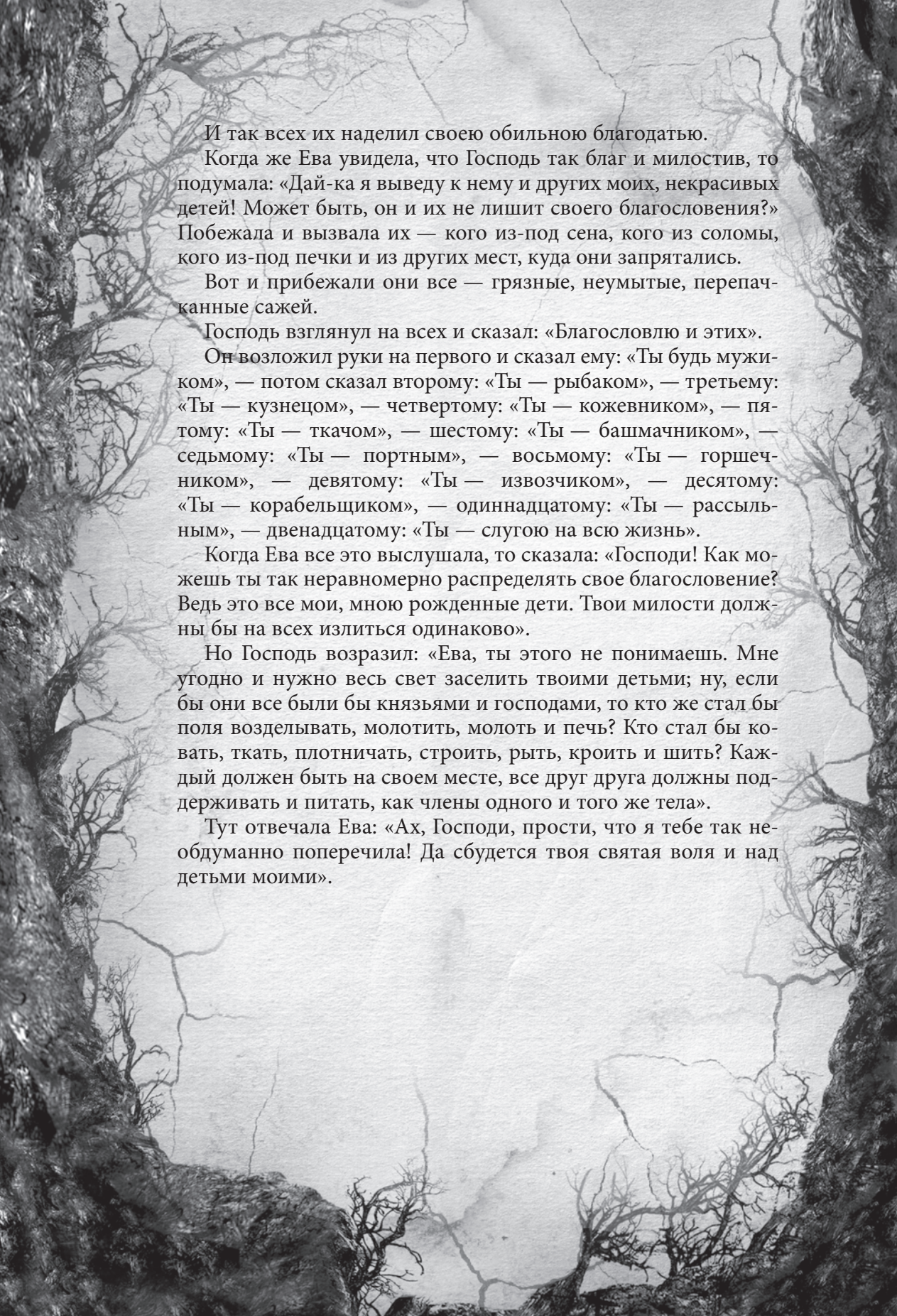
Едва только все было готово, Отец Небесный вступил в их дом. Красивые дети были поставлены в ряд; они кланялись ему и преклоняли перед ним колени. Господь же захотел их благословить и, возложив руки на первого из них, сказал: «Ты будешь могущественным королем!» — затем, обращаясь ко второму: «Ты — князем!» — к третьему: «Ты — графом!» — к четвертому: «Ты — рыцарем!» — к пятому: «Ты — благородным!» — к шестому: «Ты — купцом!» — к седьмому: «Ты — ученым!»

«Адам и Ева»

Художник – Альбрехт Дюрер. Гравюра. 1504 г.

*«...Ева, обрядованная такою милостью Господа,
все тщательно в доме прибрала, украсила дом цветами,
а каменный пол усыпала травами. Потом вывела детей своих,
но только красивых...»*

И так всех их наделил своею обильною благодатью.

Когда же Ева увидела, что Господь так благ и милостив, то подумала: «Дай-ка я выведу к нему и других моих, некрасивых детей! Может быть, он и их не лишит своего благословения?» Побежала и вызвала их — кого из-под сена, кого из соломы, кого из-под печки и из других мест, куда они спрятались.

Вот и прибежали они все — грязные, неумытые, перепачканные сажей.

Господь взглянул на всех и сказал: «Благословлю и этих».

Он возложил руки на первого и сказал ему: «Ты будь мужем», — потом сказал второму: «Ты — рыбаком», — третьему: «Ты — кузнецом», — четвертому: «Ты — кожевником», — пятому: «Ты — ткачом», — шестому: «Ты — башмачником», — седьмому: «Ты — портным», — восьмому: «Ты — горшечником», — девятому: «Ты — извозчиком», — десятому: «Ты — корабельщиком», — одиннадцатому: «Ты — рассыльным», — двенадцатому: «Ты — слугою на всю жизнь».

Когда Ева все это выслушала, то сказала: «Господи! Как можешь ты так неравномерно распределять свое благословение? Ведь это все мои, мною рожденные дети. Твои милости должны бы на всех излиться одинаково».

Но Господь возразил: «Ева, ты этого не понимаешь. Мне уютно и нужно весь свет заселить твоими детьми; ну, если бы они все были бы князьями и господами, то кто же стал бы поля возделывать, молотить, молоть и печь? Кто стал бы ковать, ткать, плотничать, строить, рыть, кроить и шить? Каждый должен быть на своем месте, все друг друга должны поддерживать и питать, как члены одного и того же тела».

Тут отвечала Ева: «Ах, Господи, прости, что я тебе так необдуманно поперечила! Да сбудется твоя святая воля и над детьми моими».

Русалка в пруду

Некогда жил да был такой мельник, который жил со своею женою в полном довольстве. И денег, и добра всякого было у них вдоволь, и их благосостояние год от года все возрастало.

Но ведь беда-то нас за углом сторожит: как пришло их богатство, так стало и утекать из года в год, и под конец мельник уж мог считать своею собственностью только ту мельницу, на которой он жил.

Все это его очень печалило, и когда он после дневного труда ложился спать, то не находил себе покоя и озабоченно ворочался в своей постели.

Однажды утром, встав еще до восхода солнца, он вышел подышать свежим воздухом и думал, что у него от этого немного на сердце полегчает.

Когда он переходил через мельничную плотину, прорезался первый луч солнца, и в то же время он услышал какой-то шорох.

Он обернулся и увидел прекрасную женщину, медленно поднимающуюся из воды. Ее длинные волосы, которые она придерживала на плечах своими нежными руками, ниспадали с обеих сторон и прикрывали ее белое тело.

Мельник понял, что это — русалка из пруда, и со страху не знал, бежать ли ему поскорее или приостановиться. Но русалка своим нежным голосом назвала его по имени и спросила, почему он так печален.

Мельник сначала оторопел было, но когда услышал, что она говорит с ним так ласково, он собрался с духом и рассказал ей, что некогда жил в счастье и богатстве, а теперь вдруг так обеднел, что не знает, как и быть. «Будь спокоен, — сказала ему русалка, — я тебя сделаю и счастливее, и богаче прежнего; но только ты должен обещать, что отдашь мне то, что сейчас в твоём доме родилось». — «Что бы могло это быть? — поду-

мал мельник. — Разве котенок или щенок какой-нибудь?» — и пообещал ей дать желаемое.

Русалка опять опустилась в воду, а он, утешенный и ободренный, поспешил вернуться на мельницу.

Еще не успел он дойти до нее, как вышла служанка из дверей и закричала ему: «Радуйся, хозяин, жена тебе сыночка родила!»

Мельник стоял, как молнией пораженный: он понял, что коварная русалка все это знала и обманула его. С поникшей головой подошел он к постели своей жены, и когда она его спросила: «Что же ты не радуешься этому красавцу-мальчику?» — он рассказал ей, что с ним случилось и какое обещание дал он русалке. «На что мне и счастье, и богатство, — добавил он, — коли я должен потерять свое дитя? Но что же мне делать?»

И родственники, которые пришли поздравить родильницу, тоже не знали, чем беде помочь.

А между тем счастье вновь вернулось в дом мельника. Все, что он предпринимал, удавалось ему, и казалось, будто сундуки и ящики сами собою наполнялись, а деньги в шкафу вырастали за ночь.

Немного прошло времени, а его богатство возросло значительно против прежнего.

Но он не в силах был этому радоваться: обещание, данное русалке, терзало его сердце. Каждый раз, когда он проходил по берегу пруда, он так и опасался того, что она всплывет на поверхность воды и напомнит ему о его долге.

Самого сынка своего он к воде и не подпускал. «Берегись, — говаривал он ему, — если ты только коснешься воды, то оттуда сейчас высунется рука, схватит тебя и стащит вниз».

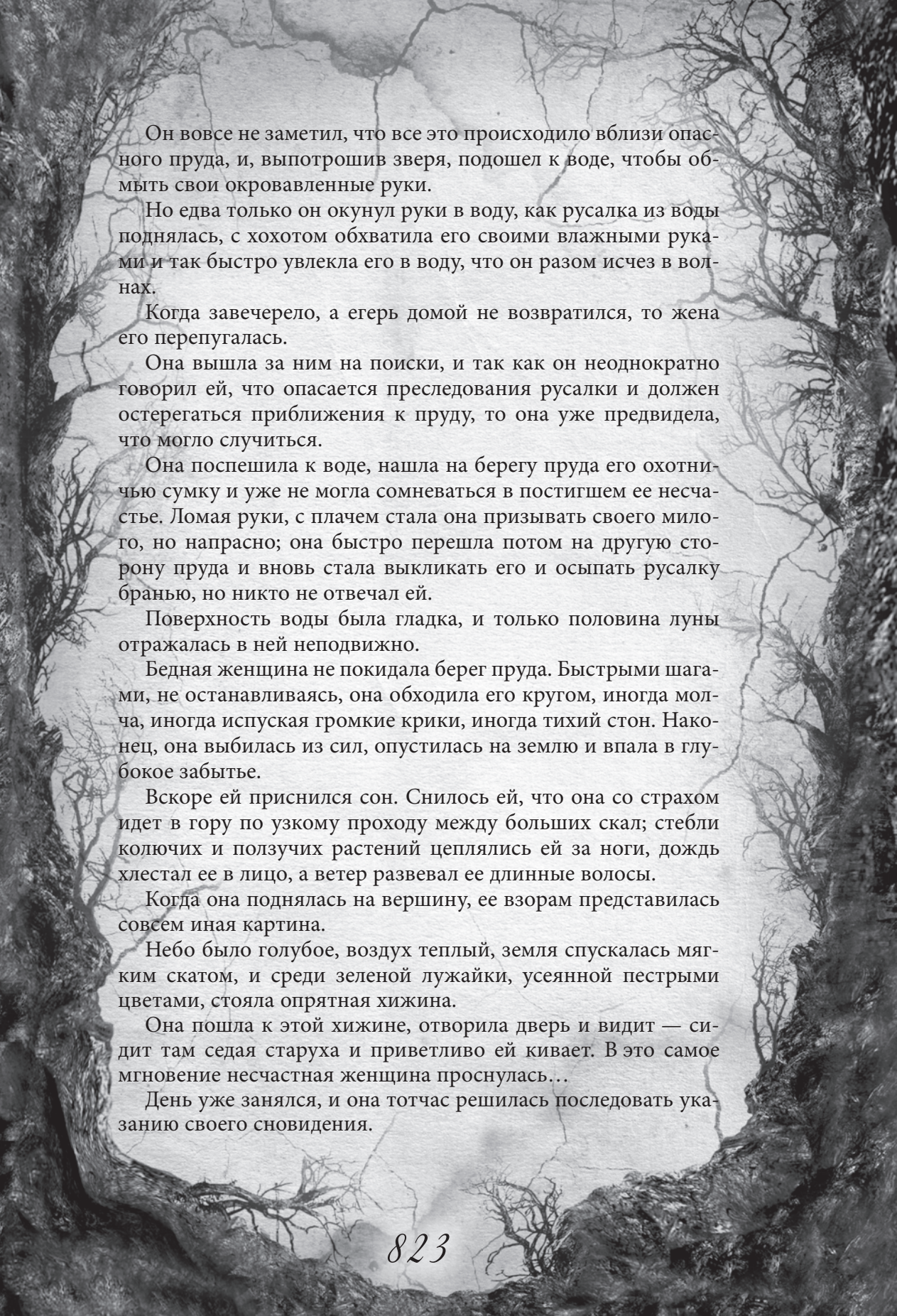
Но год уходил за годом, а русалка все не показывалась; вот мельник-то и начал уже успокаиваться.

Мальчик стал юношей и поступил в обучение к егерю. Когда он кончил ученье и стал отличным егерем, владетель ближайшего имения принял его к себе на службу.

В той деревне была красивая и честная девушка, которая егерю полюбилась, и когда его господин это заметил, то подарил ему маленький домик; там молодые повенчались, зажили спокойно и счастливо и от души любили друг друга.

Однажды гнался егерь за серной.

Когда зверь был выгнан из леса в чистое поле, егерь помчался за ним и выстрелом положил его на месте.

Он вовсе не заметил, что все это происходило вблизи опасного пруда, и, выпотрошив зверя, подошел к воде, чтобы обмыть свои окровавленные руки.

Но едва только он окунул руки в воду, как русалка из воды поднялась, с хохотом обхватила его своими влажными руками и так быстро увлекла его в воду, что он разом исчез в волнах.

Когда за вечерело, а егерь домой не возвратился, то жена его перепугалась.

Она вышла за ним на поиски, и так как он неоднократно говорил ей, что опасается преследования русалки и должен остерегаться приближения к пруду, то она уже предвидела, что могло случиться.

Она поспешила к воде, нашла на берегу пруда его охотничью сумку и уже не могла сомневаться в постигшем ее несчастье. Ломая руки, с плачем стала она призывать своего милого, но напрасно; она быстро перешла потом на другую сторону пруда и вновь стала выкликать его и осыпать русалку бранью, но никто не отвечал ей.

Поверхность воды была гладка, и только половина луны отражалась в ней неподвижно.

Бедная женщина не покидала берег пруда. Быстрыми шагами, не останавливаясь, она обходила его кругом, иногда молча, иногда испуская громкие крики, иногда тихий стон. Наконец, она выбилась из сил, опустилась на землю и впала в глубокое забытие.

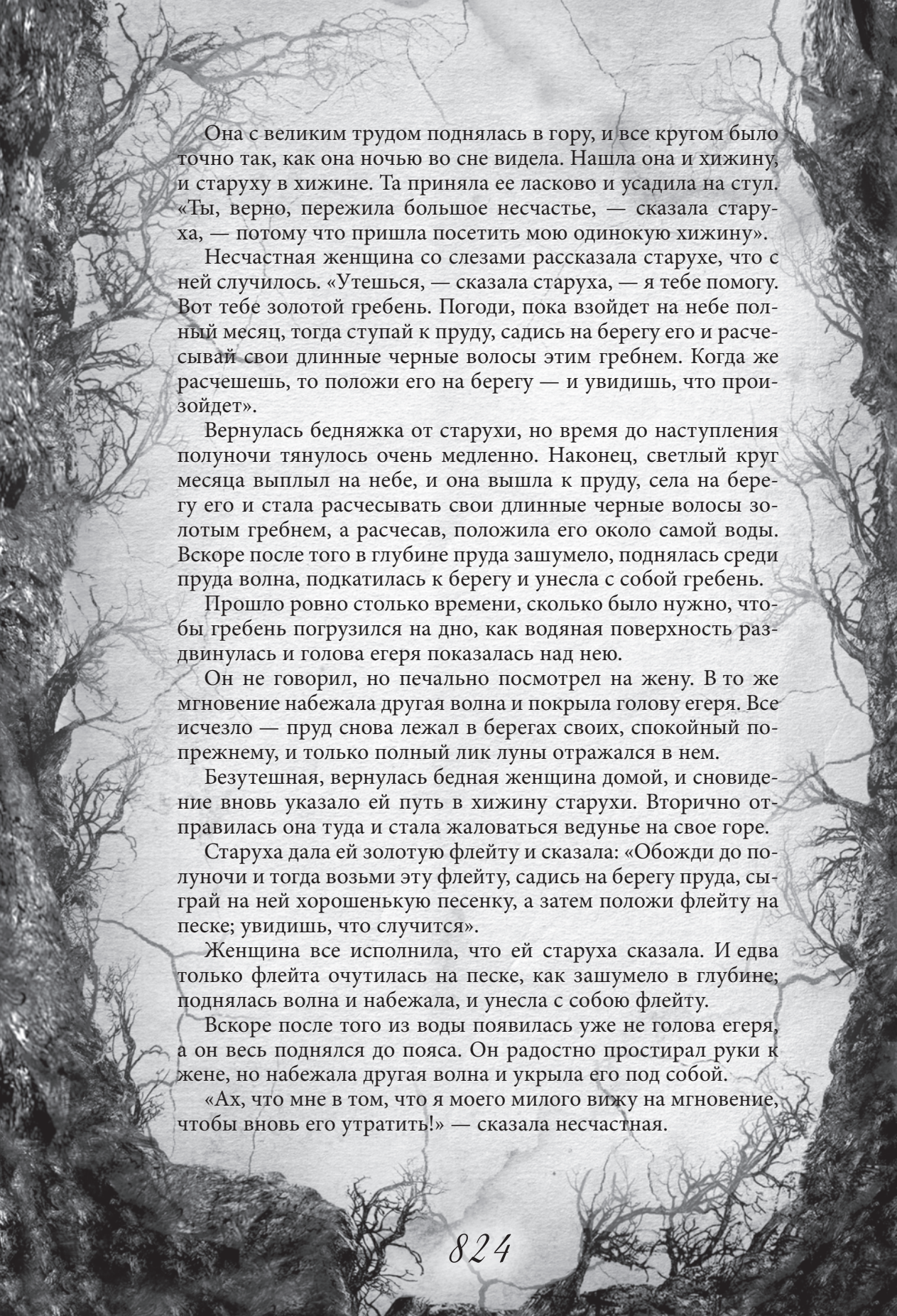
Вскоре ей приснился сон. Снилось ей, что она со страхом идет в гору по узкому проходу между больших скал; стебли колючих и ползучих растений цеплялись ей за ноги, дождь хлестал ее в лицо, а ветер развеивал ее длинные волосы.

Когда она поднялась на вершину, ее взорам представилась совсем иная картина.

Небо было голубое, воздух теплый, земля спускалась мягким скатом, и среди зеленой лужайки, усеянной пестрыми цветами, стояла опрятная хижина.

Она пошла к этой хижине, отворила дверь и видит — сидит там седая старуха и приветливо ей кивает. В это самое мгновение несчастная женщина проснулась...

День уже занялся, и она тотчас решилась последовать указанию своего сновидения.

Она с великим трудом поднялась в гору, и все кругом было точно так, как она ночью во сне видела. Нашла она и хижину, и старуху в хижине. Та приняла ее ласково и усадила на стул. «Ты, верно, пережила большое несчастье, — сказала старуха, — потому что пришла посетить мою одинокую хижину».

Несчастливая женщина со слезами рассказала старухе, что с ней случилось. «Утешься, — сказала старуха, — я тебе помогу. Вот тебе золотой гребень. Погоди, пока взойдет на небе полный месяц, тогда ступай к пруду, садись на берегу его и расчесывай свои длинные черные волосы этим гребнем. Когда же расчешешь, то положи его на берегу — и увидишь, что произойдет».

Вернулась бедняжка от старухи, но время до наступления полуночи тянулось очень медленно. Наконец, светлый круг месяца выплыл на небе, и она вышла к пруду, села на берегу его и стала расчесывать свои длинные черные волосы золотым гребнем, а расчесав, положила его около самой воды. Вскоре после того в глубине пруда зашумело, поднялась среди пруда волна, подкатилась к берегу и унесла с собой гребень.

Прошло ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы гребень погрузился на дно, как водяная поверхность раздвинулась и голова егеря показалась над нею.

Он не говорил, но печально посмотрел на жену. В то же мгновение набежала другая волна и покрыла голову егеря. Все исчезло — пруд снова лежал в берегах своих, спокойный по-прежнему, и только полный лик луны отражался в нем.

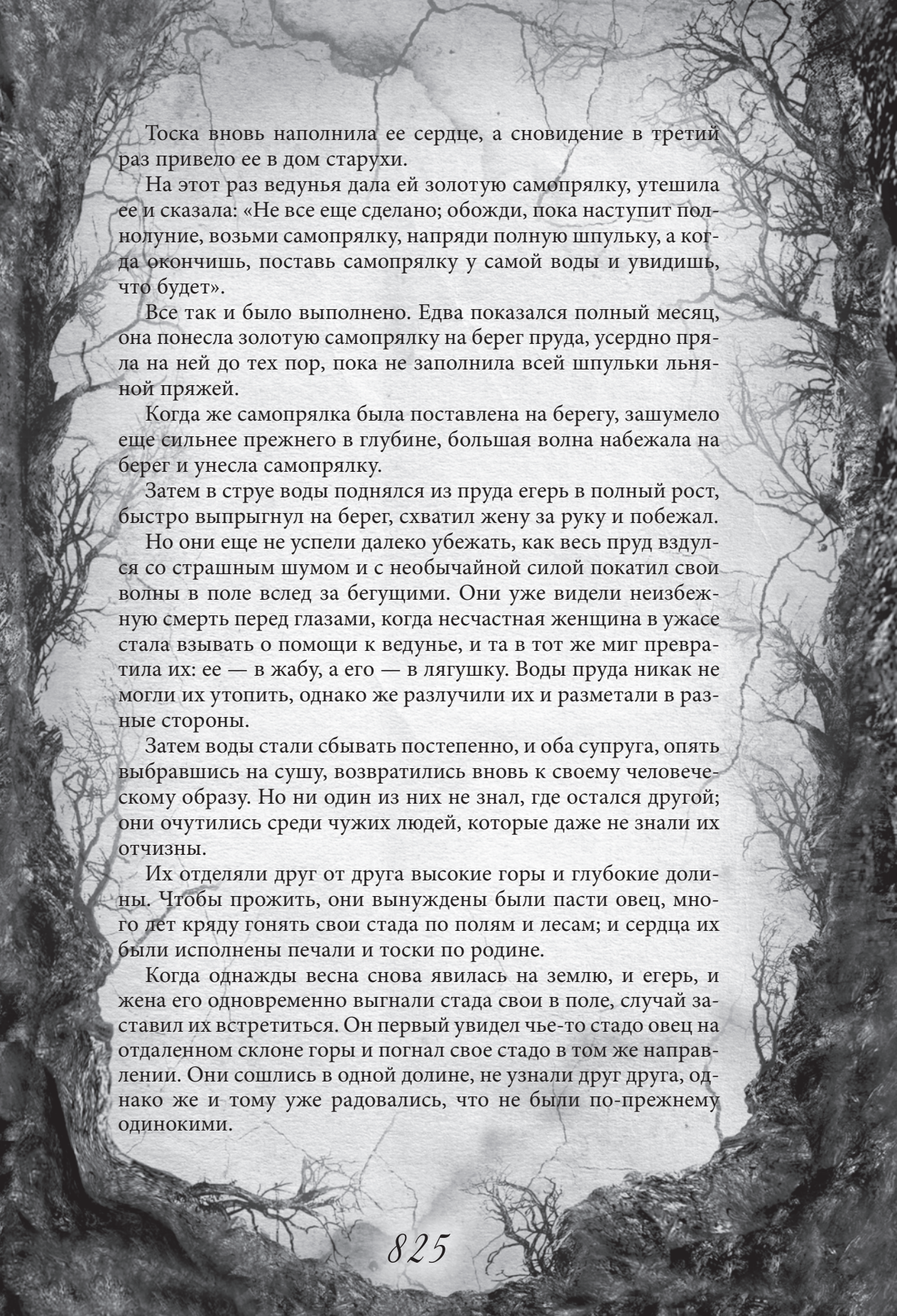
Безутешная, вернулась бедная женщина домой, и сновидение вновь указало ей путь в хижину старухи. Вторично отправилась она туда и стала жаловаться ведунье на свою горе.

Старуха дала ей золотую флейту и сказала: «Обожди до полуночи и тогда возьми эту флейту, садись на берегу пруда, сыграй на ней хорошенькую песенку, а затем положи флейту на песок; увидишь, что случится».

Женщина все исполнила, что ей старуха сказала. И едва только флейта очутилась на песке, как зашумело в глубине; поднялась волна и набежала, и унесла с собою флейту.

Вскоре после того из воды появилась уже не голова егеря, а он весь поднялся до пояса. Он радостно простирал руки к жене, но набежала другая волна и укрыла его под собой.

«Ах, что мне в том, что я моего милого вижу на мгновение, чтобы вновь его утратить!» — сказала несчастная.

Тоска вновь наполнила ее сердце, а сновидение в третий раз привело ее в дом старухи.

На этот раз ведунья дала ей золотую самопрялку, утешила ее и сказала: «Не все еще сделано; обожди, пока наступит полнолуние, возьми самопрялку, наряди полную шпульку, а когда окончишь, поставь самопрялку у самой воды и увидишь, что будет».

Все так и было выполнено. Едва показался полный месяц, она понесла золотую самопрялку на берег пруда, усердно пряла на ней до тех пор, пока не наполнила всей шпульки льняной пряжей.

Когда же самопрялка была поставлена на берегу, зашумело еще сильнее прежнего в глубине, большая волна набежала на берег и унесла самопрялку.

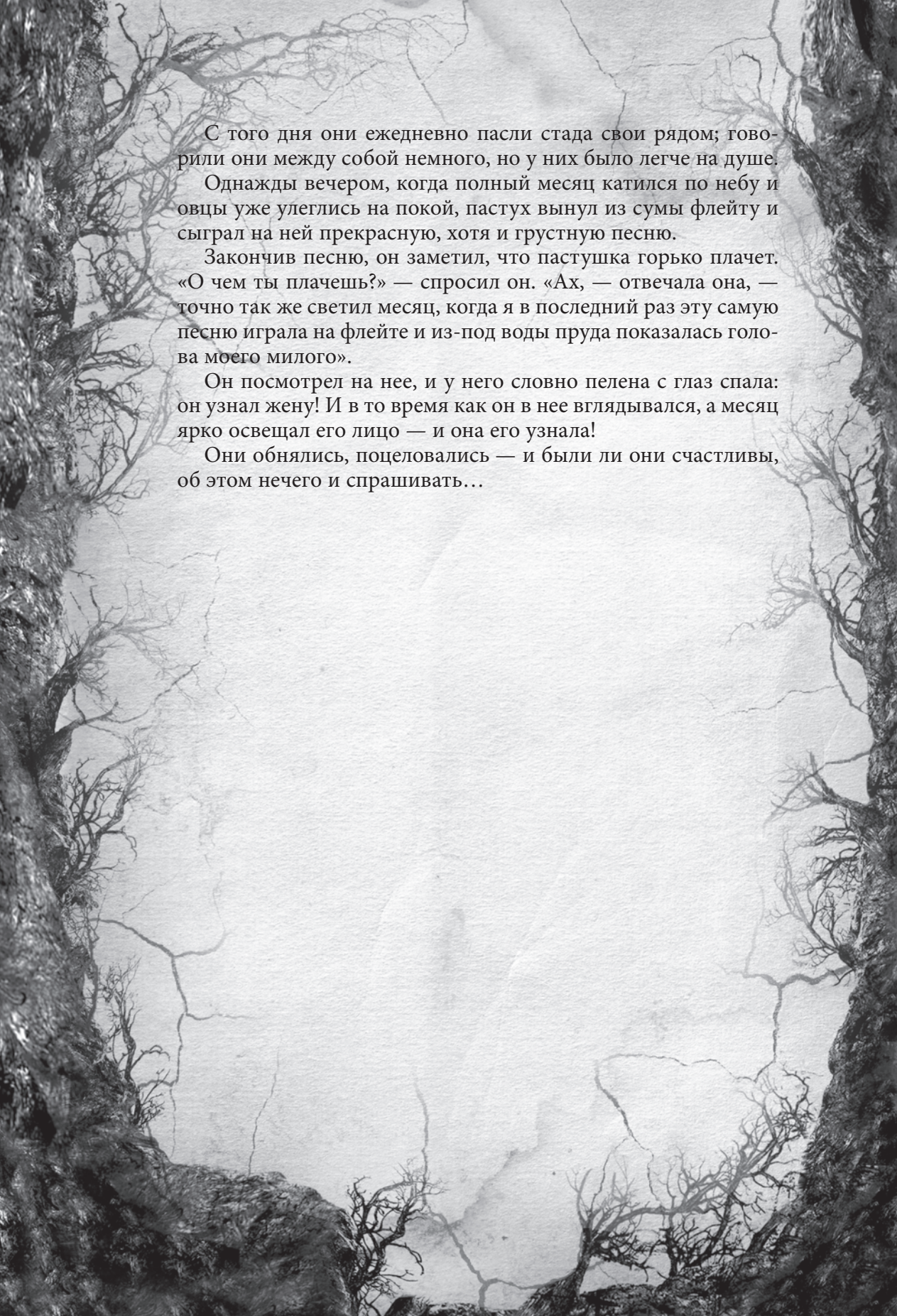
Затем в струе воды поднялся из пруда егерь в полный рост, быстро выпрыгнул на берег, схватил жену за руку и побегал.

Но они еще не успели далеко убежать, как весь пруд вздулся со страшным шумом и с необычайной силой покатиł свои волны в поле вслед за бегущими. Они уже видели неизбежную смерть перед глазами, когда несчастная женщина в ужасе стала взывать о помощи к ведунье, и та в тот же миг превратила их: ее — в жабу, а его — в лягушку. Воды пруда никак не могли их утопить, однако же разлучили их и разметали в разные стороны.

Затем воды стали сбывать постепенно, и оба супруга, опять выбравшись на сушу, возвратились вновь к своему человеческому образу. Но ни один из них не знал, где остался другой; они очутились среди чужих людей, которые даже не знали их отчизны.

Их отделяли друг от друга высокие горы и глубокие долины. Чтобы прожить, они вынуждены были пасти овец, много лет кряду гонять свои стада по полям и лесам; и сердца их были исполнены печали и тоски по родине.

Когда однажды весна снова явилась на землю, и егерь, и жена его одновременно выгнали стада свои в поле, случай заставил их встретиться. Он первый увидел чье-то стадо овец на отдаленном склоне горы и погнал свое стадо в том же направлении. Они сошлись в одной долине, не узнали друг друга, однако же и тому уже радовались, что не были по-прежнему одинокими.

С того дня они ежедневно пасли стада свои рядом; говорили они между собой немного, но у них было легче на душе.

Однажды вечером, когда полный месяц катился по небу и овцы уже улеглись на покой, пастух вынул из сумы флейту и сыграл на ней прекрасную, хотя и грустную песню.

Закончив песню, он заметил, что пастушка горько плачет. «О чем ты плачешь?» — спросил он. «Ах, — отвечала она, — точно так же светил месяц, когда я в последний раз эту самую песню играла на флейте и из-под воды пруда показалась голова моего милого».

Он посмотрел на нее, и у него словно пелена с глаз спала: он узнал жену! И в то время как он в нее вглядывался, а месяц ярко освещал его лицо — и она его узнала!

Они обнялись, поцеловались — и были ли они счастливы, об этом нечего и спрашивать...

«Русалка в пруду».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Он обдернулся и увидел прекрасную женщину,
медленно поднимающуюся из воды...»*

Подарки маленьких людей

Портной и золотых дел мастер шли как-то вместе путем-дорогою и однажды вечером, уже после заката солнечного, услышали отдаленные звуки музыки, которые доносились все явственнее; она звучала как-то странно, но очень весело, так что они позабыли даже об усталости.

Месяц уже высоко поднялся на небе, когда они достигли холма, на котором увидели много маленьких людей, мужчин и женщин, которые, взявшись за руки, весело и радостно кружились в общей пляске.

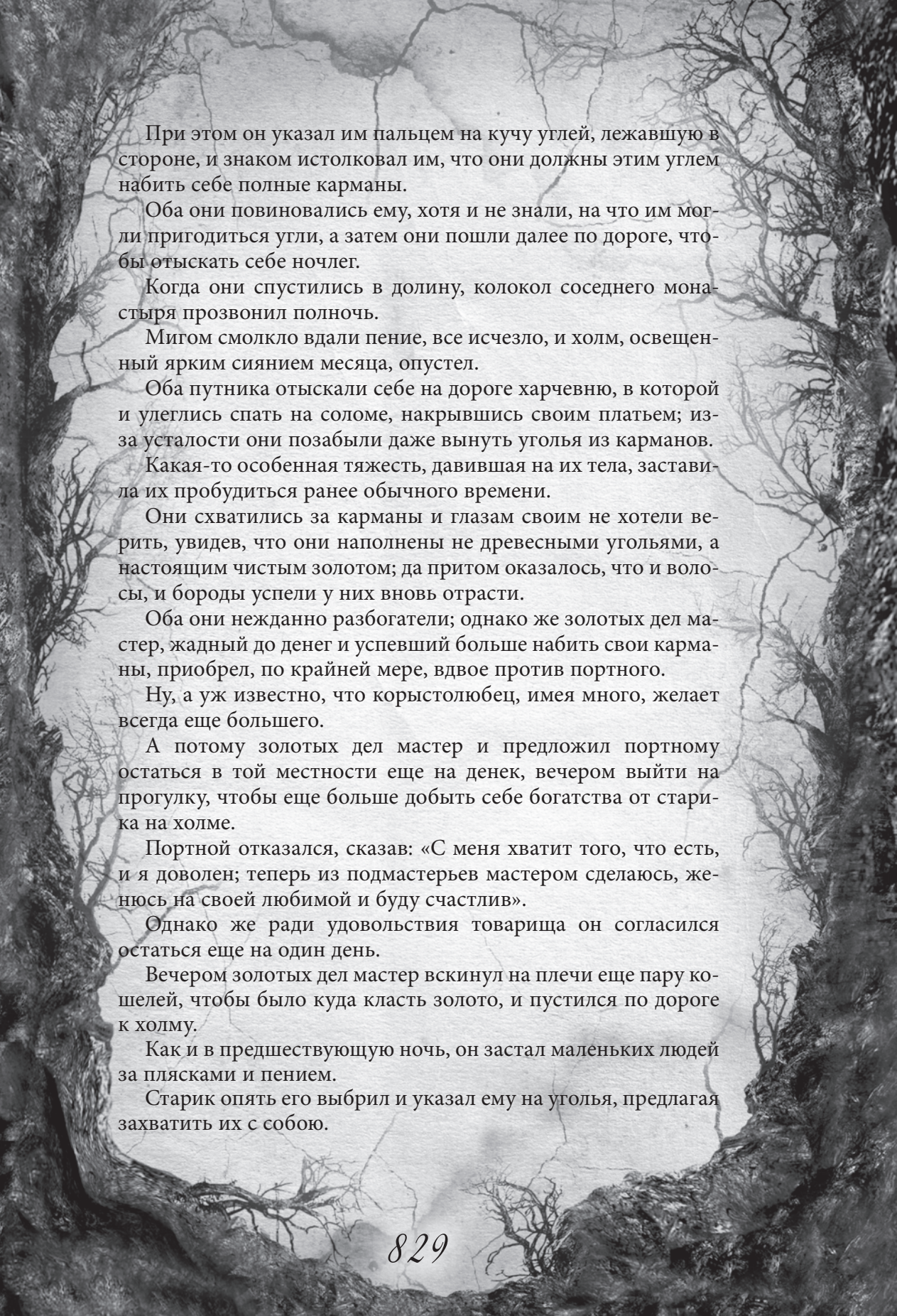
Среди их хоровода сидел старик; он был одет в пеструю одежду, и седая борода покрывала грудь его.

Оба путника остановились в изумлении и стали смотреть на пляску. Старик кивнул им и пригласил войти внутрь хоровода.

Золотых дел мастер был горбат и, как все горбатые, очень бодрился — он вступил первый; портной сначала побаивался, но, увлеченный общим весельем, решил последовать за товарищем.

Круг тотчас сомкнули, и маленькие люди опять принялись петь и продолжали свою пляску с большим увлечением. Старик же взял широкий нож с пояса, отточил его, и когда тот оказался уже достаточно острым, стал вглядываться в пришельцев. Тем стало страшно, но у них немного было времени на раздумье: старик сначала ухватил золотых дел мастера и с величайшей быстротою обрил ему волосы на голове и бороду; то же самое сделано было и с портным.

Однако же они совершенно оправились от испуга, когда старик, покончив свою работу, ласково потрепал их по плечу, как бы желая выразить этим, что они хорошо поступили, не оказав ему никакого сопротивления.

При этом он указал им пальцем на кучу углей, лежавшую в стороне, и знаком истолковал им, что они должны этим углем набить себе полные карманы.

Оба они повиновались ему, хотя и не знали, на что им могли пригодиться угли, а затем они пошли далее по дороге, чтобы отыскать себе ночлег.

Когда они спустились в долину, колокол соседнего монастыря прозвонил полночь.

Мигом смолкло вдали пение, все исчезло, и холм, освещенный ярким сиянием месяца, опустел.

Оба путника отыскиали себе на дороге харчевню, в которой и улеглись спать на соломе, накрывшись своим платьем; из-за усталости они позабыли даже вынуть уголья из карманов.

Какая-то особенная тяжесть, давившая на их тела, заставила их пробудиться ранее обычного времени.

Они схватились за карманы и глазам своим не хотели верить, увидев, что они наполнены не древесными угольями, а настоящим чистым золотом; да притом оказалось, что и волосы, и бороды успели у них вновь отрасти.

Оба они неожиданно разбогатели; однако же золотых дел мастер, жадный до денег и успевший больше набить свои карманы, приобрел, по крайней мере, вдвое против портного.

Ну, а уж известно, что корыстолюбец, имея много, желает всегда еще большего.

А потому золотых дел мастер и предложил портному остаться в той местности еще на денек, вечером выйти на прогулку, чтобы еще больше добыть себе богатства от старика на холме.

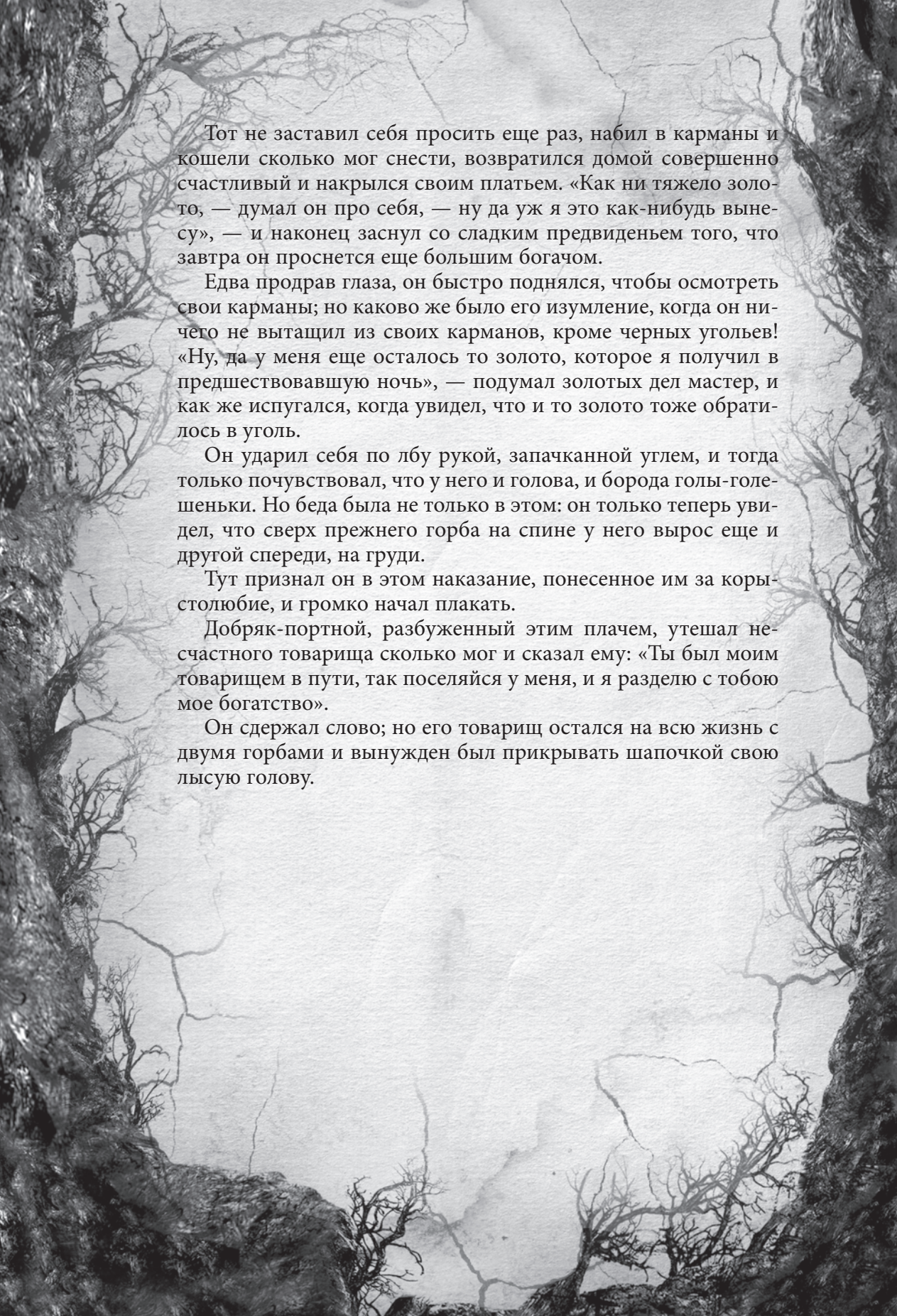
Портной отказался, сказав: «С меня хватит того, что есть, и я доволен; теперь из подмастерьев мастером сделаюсь, женюсь на своей любимой и буду счастлив».

Однако же ради удовольствия товарища он согласился остаться еще на один день.

Вечером золотых дел мастер вскинул на плечи еще пару кошелей, чтобы было куда класть золото, и пустился по дороге к холму.

Как и в предшествующую ночь, он застал маленьких людей за плясками и пением.

Старик опять его выбрил и указал ему на уголья, предлагая захватить их с собою.

Тот не заставил себя просить еще раз, набил в карманы и кошель сколько мог снести, возвратился домой совершенно счастливый и накрылся своим платьем. «Как ни тяжело золото, — думал он про себя, — ну да уж я это как-нибудь вынесу», — и наконец заснул со сладким предвиденьем того, что завтра он проснется еще большим богачом.

Едва продрав глаза, он быстро поднялся, чтобы осмотреть свои карманы; но каково же было его изумление, когда он ничего не вытащил из своих карманов, кроме черных угольев! «Ну, да у меня еще осталось то золото, которое я получил в предшествовавшую ночь», — подумал золотых дел мастер, и как же испугался, когда увидел, что и то золото тоже обратилось в уголь.

Он ударил себя по лбу рукой, запачканной углем, и тогда только почувствовал, что у него и голова, и борода голы-голеньки. Но беда была не только в этом: он только теперь увидел, что сверх прежнего горба на спине у него вырос еще и другой спереди, на груди.

Тут признал он в этом наказание, понесенное им за корыстолюбие, и громко начал плакать.

Добряк-портной, разбуженный этим плачем, утешал несчастного товарища сколько мог и сказал ему: «Ты был моим товарищем в пути, так поселяйся у меня, и я разделю с тобою мое богатство».

Он сдержал слово; но его товарищ остался на всю жизнь с двумя горбами и вынужден был прикрывать шапочкой свою лысую голову.

Великан и портной

Одному портному, большому бахвалу, но дурному плательщику, вздумалось как-то прогуляться и в лес заглянуть. Как только оказалось возможным, он вышел из мастерской

И пошел своей дорогой,
То крутою, то отлогой,
Где мостом, где через брод,
Все вперед да все вперед.

И вот во время пути он увидел в самой дали крутую гору, а за нею высочайшую башню, которая возвышалась над темным и дремучим лесом. «Ого! — воскликнул портной. — Что бы это могло быть?» — и, подстрекаемый любопытством, он прямо пошел к этой горе.

Но как же он вытаращил глаза, когда подошел поближе и увидел, что у башни есть ноги, что эта башня поднялась, шагнула через гору и стала перед портным в образе громадного великана!

«Чего тебе здесь нужно, жалкая мошка?» — крикнул великан громким голосом.

Портной пролепетал: «Хочу поосмотреться, не найдется ли мне здесь в лесу небольшой заработочек». — «Коли так, — сказал великан, — так ты, пожалуй, и ко мне на службу можешь поступить». — «Отчего бы и нет? А какое мне будет положено жалованье?» — «Какое жалованье? А вот изволь послушать. Каждый год я подарю тебе триста шестьдесят пять дней жизни, а в високосный — одним днем больше. Довольно ли тебе?» — «Пожалуй, и довольно», — отвечал портной, а сам про себя подумал: «По одежке протягивай ножки! Ну да надо же постараться поскорее от него отделаться».

Затем великан сказал ему: «Ступай, плутишка, да принеси мне кружку воды». — «А не лучше ли притащить весь колодец и ключ тоже кстати?» — спросил хвастунишка, взял кружку и пошел за водой. «Что такое? Весь колодец и ключ тоже? — пробормотал себе в бороду великан (а крепколоб и глуповат был, сердечный!), и в душу его закралось опасение: — Да этот парень-то мудреный какой-то! Уж нет ли у него приворотного корня в запасе? Будь осторожен, старый Ганс, это не по тебе слуга!»

Когда портной вернулся с водою, великан велел нарубить в лесу охапку-другую дров и принести к нему.

«А не лучше ли уж весь лес сразу,
Весь лес, как есть,
До корня снести,
И малый, и большой,
С ветвями и листвою?» —

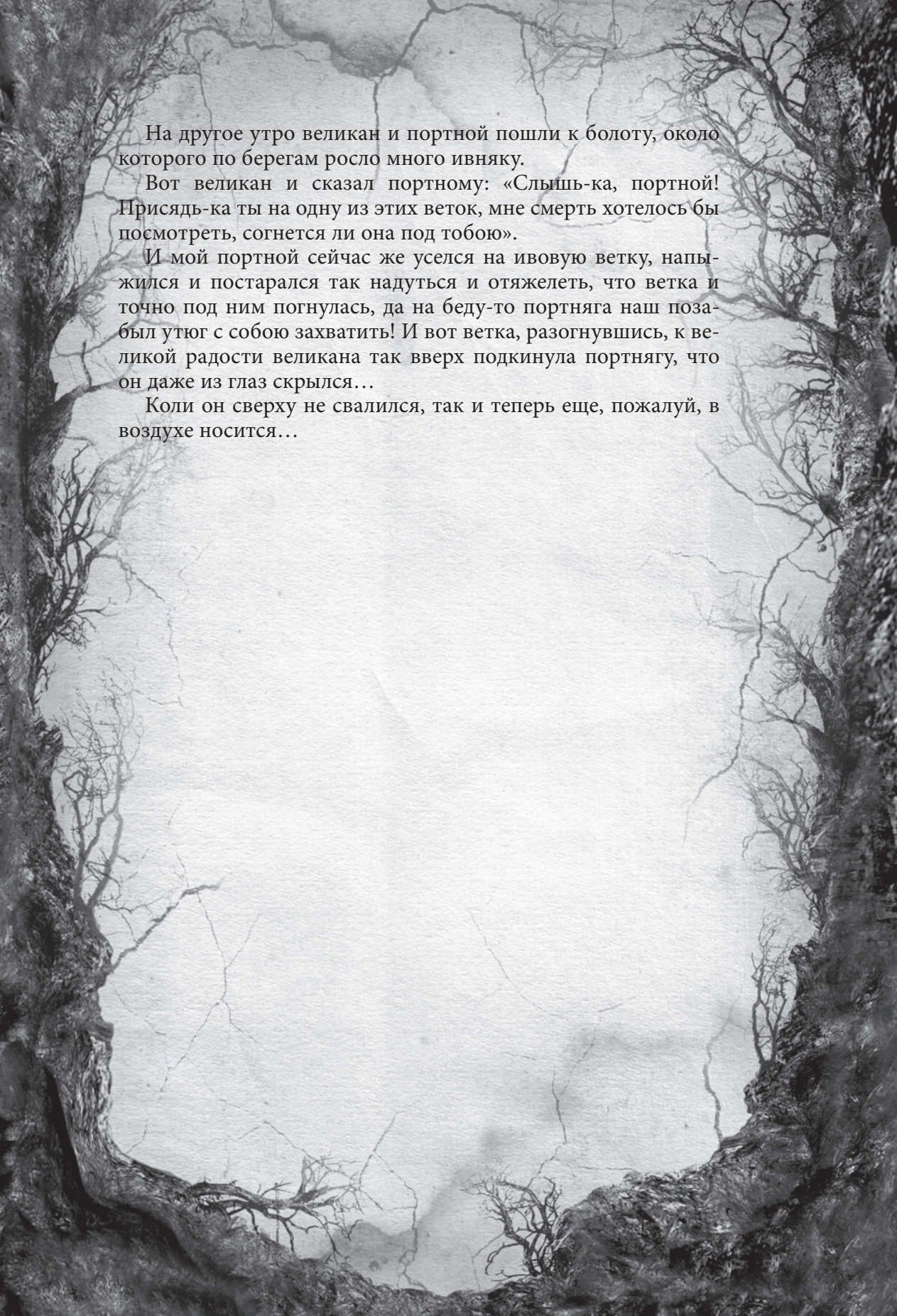
спросил портной и пошел рубить дрова. — «Что?

Весь лес, как есть,
До корня снести,
И малый, и большой,
С ветвями и листвою, —

и колодец весь, и ключ, кстати? — проворчал легковёрный великан себе в бороду, и стал еще больше опасаться: — Этот парень точно мудреный, и у него, наверно, есть приворотный корень в запасе! Будь осторожен, старый Ганс, не слуга он тебе!»

Когда портной вернулся с дровами, великан приказал ему застрелить к ужину двух-трех кабанов. «А почему бы не тысячу сразу, одним выстрелом?! И всех сюда стащить?» — спросил угодливый портной. «Как? — воскликнул перетрусивший не на шутку великан. — Нет, уж на сегодня хватит! Ступай и ложись спать».

Великан был до такой степени напуган, что всю ночь глаз не сомкнул и все обдумывал, как бы ему поскорее избавиться от этого слуги, который, несомненно, с нечистым ведается. Известно, что утро вечера мудренее.

На другое утро великан и портной пошли к болоту, около которого по берегам росло много ивняка.

Вот великан и сказал портному: «Слышь-ка, портной! Присядь-ка ты на одну из этих веток, мне смерть хотелось бы посмотреть, согнется ли она под тобою».

И мой портной сейчас же уселся на ивовую ветку, напыжился и постарался так надуться и отяжелеть, что ветка и точно под ним погнулась, да на беду-то портняга наш позабыл утюг с собою захватить! И вот ветка, разогнувшись, к великой радости великана так вверх подкинула портнягу, что он даже из глаз скрылся...

Коли он сверху не свалился, так и теперь еще, пожалуй, в воздухе носится...

Гвоздь

Купцу случилось на ярмарке хорошо поторговать, товары все распродать и мошну свою золотом и серебром набить. Задумал он домой ехать, предполагая, что доедет до дому еще до наступления ночи. Вот он и привязал свой чемодан с деньгами к седлу и поехал с ярмарки.

В полдень он остановился на отдых в городе; когда же задумал ехать далее, конюх сказал: «Сударь, на левой задней ноге в подкове не хватает гвоздя». — «Ну и пускай, — отвечал купец, — мне и всего-то шесть часов пути осталось, так авось подкова не отвалится».

После полудня, когда купец опять сошел с коня и приказал покормить его хлебом, конюх сказал: «Сударь, у вашего коня на левой задней ноге не хватает подковы, так не прикажете ли свести его к кузнецу?» — «Ну и пускай не хватает! — отвечал купец. — Мне и всего-то два часа осталось ехать, так конь, конечно, выдержит. А ведь я спешу!»

Поехал далее, но не далеко мог уехать: лошадь захромала... И хромала недолго, как уже начала спотыкаться; да и спотыкалась-то недолго — упала и ногу себе переломила. Купцу пришлось лошадь бросить, чемодан от седла отвязать и взвалить на плечи да идти домой пешком; и только уже поздней ночью добрал он до дому! «И всей моей беде виною, — так рассуждал он потом, — был этот проклятый гвоздь!»

Тише едешь — дальше будешь!

*«...Купцу случилось
на ярмарке хорошо
потрговать, товары
все распредать и мощи
свою золотом
и серебром набить...»*

«На ярмарке».
Художник – Герман Фогель. 1894 г.

Бедный мальчик в могиле

Жил-был на свете бедный пастушонок, круглый сирота; властями был он пристроен в дом к богатому человеку, который должен был его кормить и воспитывать. Но этот богатый человек и его жена были люди злые, при богатстве своем были и скупы, и неприветливы, и дрожали над каждою своею крошкою.

Бедный мальчик, как ни старался, все не мог им угодить, они плохо его кормили и много били.

Однажды пришлось ему сторожить наседку с цыплятами; та как-то пробралась с цыплятами через изгородь, и вот пал на нее сверху коршун и мигом ее утащил. Мальчик стал кричать что есть мочи: «Вор, вор, злодей!»

Но это, конечно, ни к чему не привело; коршун не вернул своей добычи.

Прибежал на крик хозяин, и когда узнал, что его курица похищена, он пришел в такую ярость, что избил несчастного мальчика жестоко, так что тот дня два и шевельнуться не мог.

Пришлось ему, бедному, присматривать за цыплятами без наседки, и это было чрезвычайно трудно: один бежал туда, другой — сюда.

Вот и вздумалось ему всех их вместе привязать на одну веревку — всех, мол, их хотя бы коршун-то не унесет! Не тут-то было! Дня два спустя, в то время когда он заснул, изморившись беготней и голодом, хищник слетел сверху, схватил одного цыпленка, а так как другие были к нему привязаны, то утащил за ним и остальных, присел на дерево и всех их растерзал поочередно.

Хозяин, как пришел домой и узнал об этой беде, озлился на мальчика и бил его немилосердно, так что тот много дней кряду должен был пролежать в постели.

Когда он поднялся на ноги, хозяин сказал ему: «Пасти птицу ты не годишься — слишком ты глуп для этого; ты будешь у меня рассыльным».

Вот и послал он его к судье с корзиной винограда и с письмом. На пути голод и жажда так мучили бедного мальчика, что он не выдержал — съел две кисти.

Принес корзину судье; тот прочел письмо, сосчитал кисти и говорит: «Недостает двух».

Мальчик совершенно откровенно сознался, что от голода и жажды съел эти две кисти.

Судья написал хозяину письмо и потребовал еще столько же винограда.

И этот виноград с письмом же хозяин поручил мальчику отнести к судье.

И опять бедняка так страшно мучили голод и жажда, что он не мог воздержаться и опять съел две кисти.

Но предварительно он вынул хозяйское письмо из кармана, подложил его под камень, а на камень сам сел, чтобы письмо не могло подсмотреть и выдать его.

Но судья опять стал его допрашивать о недостающих кистях. «Ах, как это вы узнали? — спросил юноша. — Письмо не могло этого знать, ведь я его под камнем продержал!»

Судья посмеялся простоте мальчика и отправил к его хозяину письмо, в котором он ему написал, что бедного мальчика следует содержать получше, так чтобы он не ощущал недостатка ни в пище, ни в питье; а также неплохо было бы научить его пониманию того, что хорошо, что дурно.

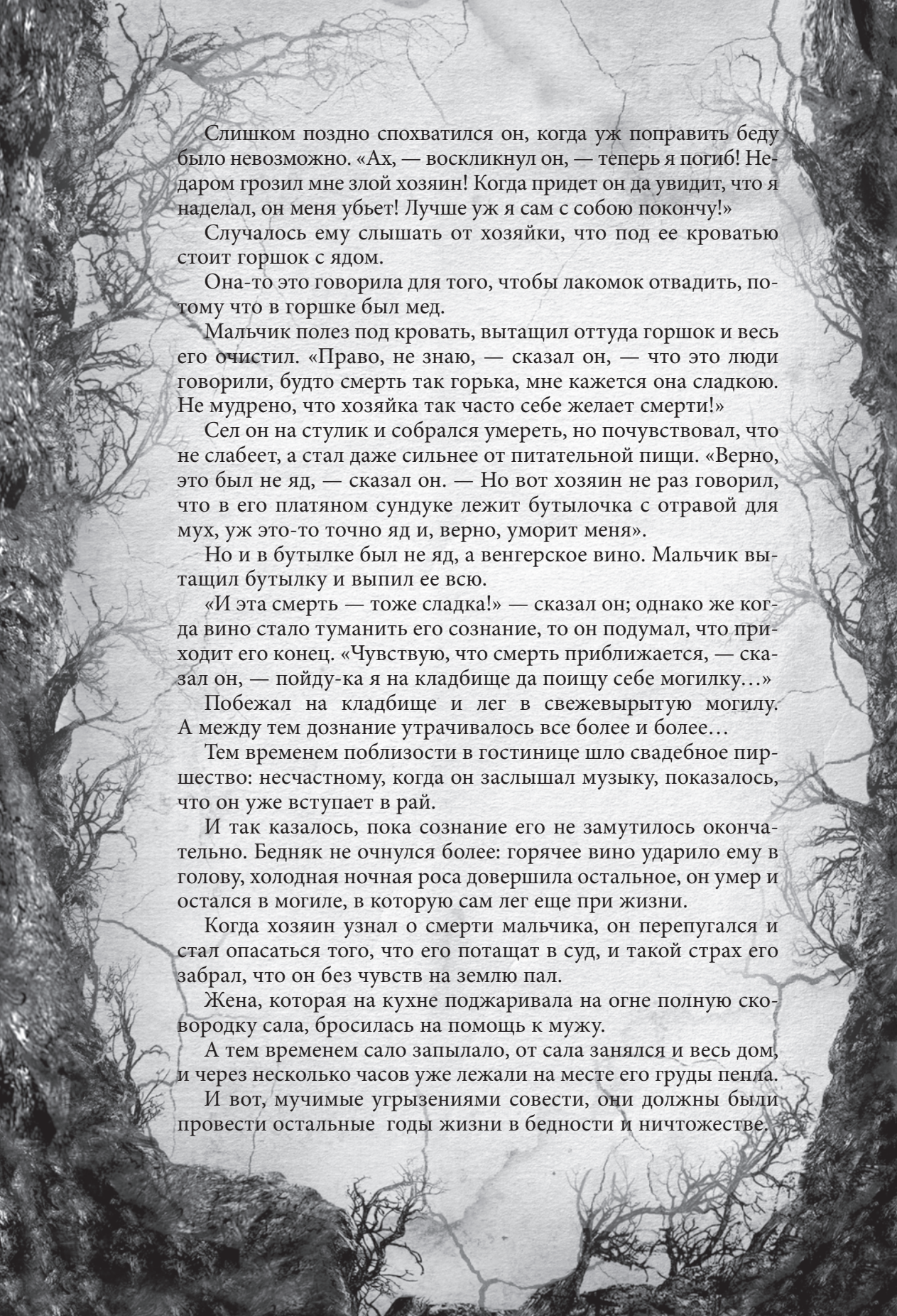
«Я тебя сразу научу разнице между хорошим и дурным! — сказал мальчику его суровый хозяин. — Коли ты хочешь есть, так ты работай, а коли что дурное сделаешь, так я тебя палкой проучу!»

На следующий же день хозяин поставил мальчика на тяжелую работу.

Он должен был изрезать две большие вязки соломы на корм лошадям; при этом хозяин пригрозил ему: «Через пять часов вернусь, и если солома не будет изрезана, то буду бить тебя до полного изнеможения». Затем мужик с женою, служанкою и слугою ушли на ярмарку, а мальчику оставили всего только небольшой кусок хлеба.

Мальчик принялся за соломорезку и стал работать изо всех сил. Поразогревшись от работы, он скинул с себя одежонку и бросил ее на солому.

Из опасения не поспеть с работой он все резал да резал, и от излишнего усердия сам не заметил, как изрезал вместе с соломой и свою одежонку.

Слишком поздно спохватился он, когда уж поправить беду было невозможно. «Ах, — воскликнул он, — теперь я погиб! Недаром грозил мне злой хозяин! Когда придет он да увидит, что я наделал, он меня убьет! Лучше уж я сам с собою покончу!»

Случалось ему слышать от хозяйки, что под ее кроватью стоит горшок с ядом.

Она-то это говорила для того, чтобы лакомок отвадить, потому что в горшке был мед.

Мальчик полез под кровать, вытащил оттуда горшок и весь его очистил. «Право, не знаю, — сказал он, — что это люди говорили, будто смерть так горька, мне кажется она сладкою. Не мудрено, что хозяйка так часто себе желает смерти!»

Сел он на стулик и собрался умереть, но почувствовал, что не слабеет, а стал даже сильнее от питательной пищи. «Верно, это был не яд, — сказал он. — Но вот хозяин не раз говорил, что в его платяном сундуке лежит бутылочка с отравой для мух, уж это-то точно яд и, верно, уморит меня».

Но и в бутылке был не яд, а венгерское вино. Мальчик вытащил бутылку и выпил ее всю.

«И эта смерть — тоже сладка!» — сказал он; однако же когда вино стало туманить его сознание, то он подумал, что приходит его конец. «Чувствую, что смерть приближается, — сказал он, — пойду-ка я на кладбище да поищу себе могилку...»

Побежал на кладбище и лег в свежевырытую могилу. А между тем дознание утрачивалось все более и более...

Тем временем поблизости в гостинице шло свадебное пиршество: несчастному, когда он слышал музыку, показалось, что он уже вступает в рай.

И так казалось, пока сознание его не замутилось окончательно. Бедняк не очнулся более: горячее вино ударило ему в голову, холодная ночная роса довершила остальное, он умер и остался в могиле, в которую сам лег еще при жизни.

Когда хозяин узнал о смерти мальчика, он перепугался и стал опасаться того, что его потащат в суд, и такой страх его забрал, что он без чувств на землю пал.

Жена, которая на кухне поджаривала на огне полную сковородку сала, бросилась на помощь к мужу.

А тем временем сало запылало, от сала занялся и весь дом, и через несколько часов уже лежали на месте его груды пепла.

И вот, мучимые угрызениями совести, они должны были провести остальные годы жизни в бедности и ничтожестве.

Настоящая невеста

Жила-была девушка, молодая и красивая, да на беду рано умерла у нее мать, а мачеха старалась причинить ей как можно больше горя. Какую бы тяжелую работу ни поручала ей мачеха, она беспрекословно за нее принималась и выполняла ее, насколько хватало сил; но этим она не могла тронуть сердце злой женщины, и та была всем недовольна, и все-то ей казалось мало. И чем старательнее бедняжка работала, тем больше на нее работы наваливали, и у мачехи только одно было на уме: как бы отяготить падчерицу побольше да как бы жизнь ей сделать погорше.

Однажды мачеха сказала падчерице: «Вот тебе двенадцать фунтов перьев, ты их обдери, и если ты сегодня же к вечеру не выполнишь этой работы, то жди от меня побоев. Или ты думаешь, что можешь целый день лентяйничать?»

Бедная девушка села за работу, но слезы ручьем потекли у нее по щекам, потому что она очень хорошо понимала полнейшую невозможность закончить эту работу в течение одного дня. И чуть только она накопит кучку перьев перед собою да вздохнет либо в страхе всплеснет руками, так перья полетят врозь, и она опять должна их собирать и начинать сначала. Наконец, она оперлась локтями на стол, опустила лицо на руки и воскликнула: «Да неужели же на всем Божьем свете не найдется человека, который бы надо мною сжалился?»

И вдруг услышала она нежный голос, проговоривший: «Утешься, дитя мое, я пришла помочь тебе». Девушка подняла голову и увидела около себя старушку. Та ласково взяла девушку за руку и сказала: «Доверь мне свое горе».

В ответ на такой сердечный призыв девушка рассказала ей о своей печальной жизни, о том, что на нее наваливают постоянно ношу не по силам, и наконец призналась, что она не может закончить заданную ей работу. «А если я с этими перьями не справлюсь до вечера, мачеха станет бить меня; она мне этим пригрозила, и я знаю, что она сдержит слово».

Слезы снова потекли у нее из глаз, но добрая старушка сказала: «Не тревожься, дитя мое, отдохни, а я тем временем твою работу справлю».

Девушка прилегла на свою постель и вскоре уснула, а старушка села к столу за перья — и пошла работа! Кажется, чуть коснется она перьев своими жесткими руками, а бородки у них от стержня так и отлетают! Скорехонько все двенадцать фунтов поспели.

Когда девушка проснулась, она увидела целые груды белоснежных перьев, и в комнате все чистенько прибрано, а старушки и след простыл. Девушка поблагодарила Бога и просидела смиреннько до вечера.

Вечером вошла мачеха в комнату и была изумлена тем, что вся работа выполнена. «Вишь ты, колода неповоротливая, вот что можешь сделать, как постараться-то хорошенько! Да разве же ты и кроме этой работы не успела бы чего-нибудь сделать? А ты уж и села, сложи руки! — И, выходя из комнаты, она сказала: — Эта тварь не только хлеб ест, а и работать может! Надо ей задавать работы помудреннее этой!»

На следующее утро она позвала падчерицу и сказала:

«Вот тебе ложка, поди-ка вычерпай ею весь большой пруд, что за садом. А если к вечеру не вычерпаешь, ты уж знаешь, что тебя ждет».

Девушка взяла ложку и увидела, что она продырявлена; да если бы и цела была, то где же ею пруд вычерпать! Принялась она тотчас за работу; стала у воды на колени, стала черпать, а сама в воду слезы роняет.

Но добрая старушка опять явилась и, узнав о причине ее печали, сказала: «Успокойся, дитя мое, поди в кусты да приляг, я уж твою работу сама справлю».

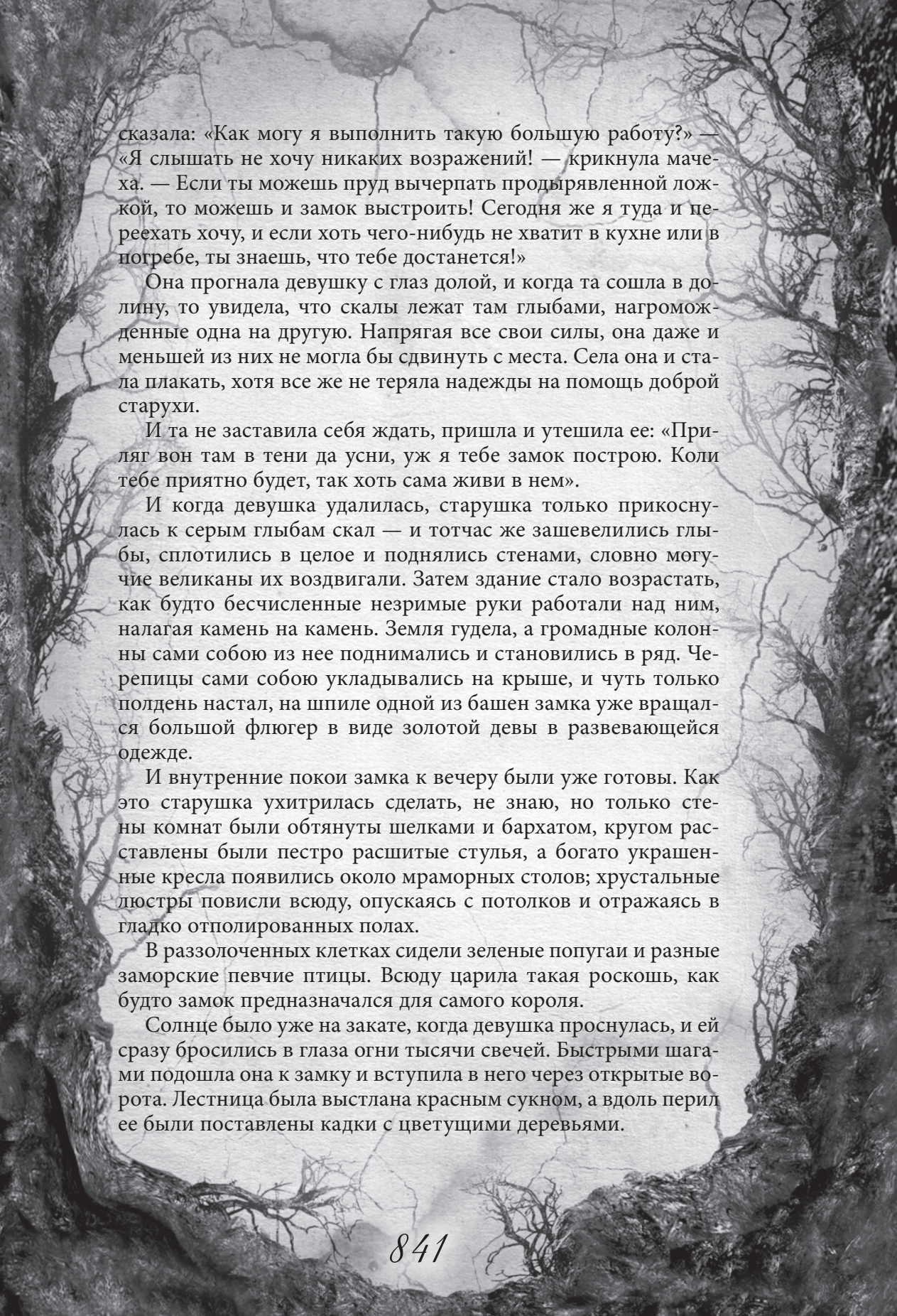
Оставшись одна у пруда, старушка только прикоснулась к нему — и вот вся вода стала превращаться в туман и вверх подниматься и сливаться с облаками. Мало-помалу пруд осушился, и когда девушка перед закатом солнца проснулась и подошла к пруду, то увидела уж только рыб, которые плескались в тине.

Она пошла к мачехе и сказала ей, что выполнила работу.

«И давно пора!» — сказала та, бледная от злости, а сама уж новые затеи придумывала.

На третье утро позвала она к себе падчерицу и сказала:

«Там, на равнине, ты должна мне выстроить красивый замок, да чтобы к вечеру был готов». Девушка перепугалась и

сказала: «Как могу я выполнить такую большую работу?» — «Я слышать не хочу никаких возражений! — крикнула мачеха. — Если ты можешь пруд вычерпать продырявленной ложкой, то можешь и замок выстроить! Сегодня же я туда и переехать хочу, и если хоть чего-нибудь не хватит в кухне или в погребе, ты знаешь, что тебе достанется!»

Она прогнала девушку с глаз долой, и когда та сошла в долину, то увидела, что скалы лежат там глыбами, нагроможденные одна на другую. Напрягая все свои силы, она даже и меньшей из них не могла бы сдвинуть с места. Села она и стала плакать, хотя все же не теряла надежды на помощь доброй старухи.

И та не заставила себя ждать, пришла и утешила ее: «Приляг вон там в тени да усни, уж я тебе замок построю. Коли тебе приятно будет, так хоть сама живи в нем».

И когда девушка удалилась, старушка только прикоснулась к серым глыбам скал — и тотчас же зашевелились глыбы, сплотились в целое и поднялись стенами, словно могучие великаны их воздвигали. Затем здание стало возрастать, как будто бесчисленные незримые руки работали над ним, налагая камень на камень. Земля гудела, а громадные колонны сами собою из нее поднимались и становились в ряд. Черепицы сами собою укладывались на крыше, и чуть только полдень настал, на шпиле одной из башен замка уже вращался большой флюгер в виде золотой девы в развевающейся одежде.

И внутренние покои замка к вечеру были уже готовы. Как это старушка ухитрилась сделать, не знаю, но только стены комнат были обтянуты шелками и бархатом, кругом расставлены были пестро расшитые стулья, а богато украшенные кресла появились около мраморных столов; хрустальные люстры повисли всюду, опускаясь с потолков и отражаясь в гладко отполированных полах.

В раззолоченных клетках сидели зеленые попугаи и разные заморские певчие птицы. Всюду царила такая роскошь, как будто замок предназначался для самого короля.

Солнце было уже на закате, когда девушка проснулась, и ей сразу бросились в глаза огни тысячи свечей. Быстрыми шагами подошла она к замку и вступила в него через открытые ворота. Лестница была выстлана красным сукном, а вдоль перил ее были поставлены кадки с цветущими деревьями.

Когда она увидела весь блеск внутреннего убранства, то остановилась как вкопанная. И может быть, долго бы она там простояла, если бы о мачехе не вспомнила. «Ах, — подумала она, — хоть бы этим, наконец, она удовольствовалась и не мучила бы меня более».

Пошла она к ней и сказала, что замок готов. «Я сейчас туда хочу переселиться», — сказала та и поднялась со своего места. Когда она вступила в замок, то должна была прикрыть глаза рукою — до такой степени ослепил ее весь этот блеск. «Ви-дишь, — сказала она падчерице, — как тебе все это легко досталось; надо было бы тебе дать задачу потруднее этой».

Она прошла по всем комнатам и заглядывала в каждый уголок, чтобы подметить — чего там не хватает? Но ничего найти не могла. «Ну, теперь вниз сойдем, — сказала она, злобно поглядывая на бедную девушку, — я должна еще заглянуть в кухню и в погреб, и если там замечу какую-нибудь нехватку, то ты все же не уйдешь от моих побоев».

Но огонь горел в очаге, в горшках варились кушанья, все было на своем месте, а по полкам была расставлена ярко блестящая медная посуда. Ни в чем не было недостатка: даже и чугуны для углей, и ведра тут были. «А где тут вход в погреб? — крикнула мачеха. — Ведь если он не наполнен бочками вина, то тебе плохо будет!»

Она сама открыла откидную дверь и стала сходить с лестницы, но едва ступила два шага, как тяжелая дверь, которая не была закреплена, вдруг захлопнулась. Девушка услышала крик, быстро подняла дверь, чтобы подать мачехе помощь, но оказалось, что та слетела с лестницы в погреб и убилась насмерть.

И вот великолепный замок стал полной собственностью молодой девушки. В первое время она даже не могла свыкнуться со своим счастьем: в шкафах висели богатые платья, сундуки были набиты золотом и серебром либо жемчугом и драгоценными камнями, и притом не было желания, которое бы оставалось неисполненным.

Вскоре слава о красоте и богатстве молодой девушки распространилась по всему свету. Каждый день являлись к ней новые женихи, но ни один из них ей не нравился.

Наконец, пришел и королевич, который сумел затронуть ее сердце, и она с ним обручилась.

«Настоящая невеста».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...А ты разве не помнишь того что было при нашей разлуке?» –
ответала она и, приблизившись к нему,
поцеловала его в левую щеку...»*

В саду замка росла липа; под этою липою жених с невестой и сидели однажды, и он сказала ей: «Я съезжу домой и получу согласие моего отца на наш брачный союз; прошу тебя, подожди моего возвращения под этою самою липою, я вернусь через несколько часов».

Девушка поцеловала его в левую щеку и сказала: «Будь мне верен и никакой другой женщине не позволяй целовать тебя в эту щеку. А я здесь, под липою, буду ожидать твоего возвращения».

Девушка сидела под липою до самого заката солнечного, но жених не возвращался. Она сидела еще три дня с утра и до вечера, ожидая, что жених возвратится, но тщетно. Когда и на четвертый день он не явился, она сказала: «С ним, вероятно, случилось несчастье; я пойду его искать и не вернусь прежде, нежели найду его».

Она захватила с собою три лучшие из своих платьев: одно было вышито серебряными звездами, другое — серебряными месяцами и третье — золотыми солнцами; завязала в платок свой полную пригоршню драгоценных камней и пустилась в путь.

Всюду расспрашивала она о своем женихе, но оказалось, что никто его не видал, никто о нем ничего не знал. Странствовала она по всему свету вширь и вдаль, а жениха своего не находила.

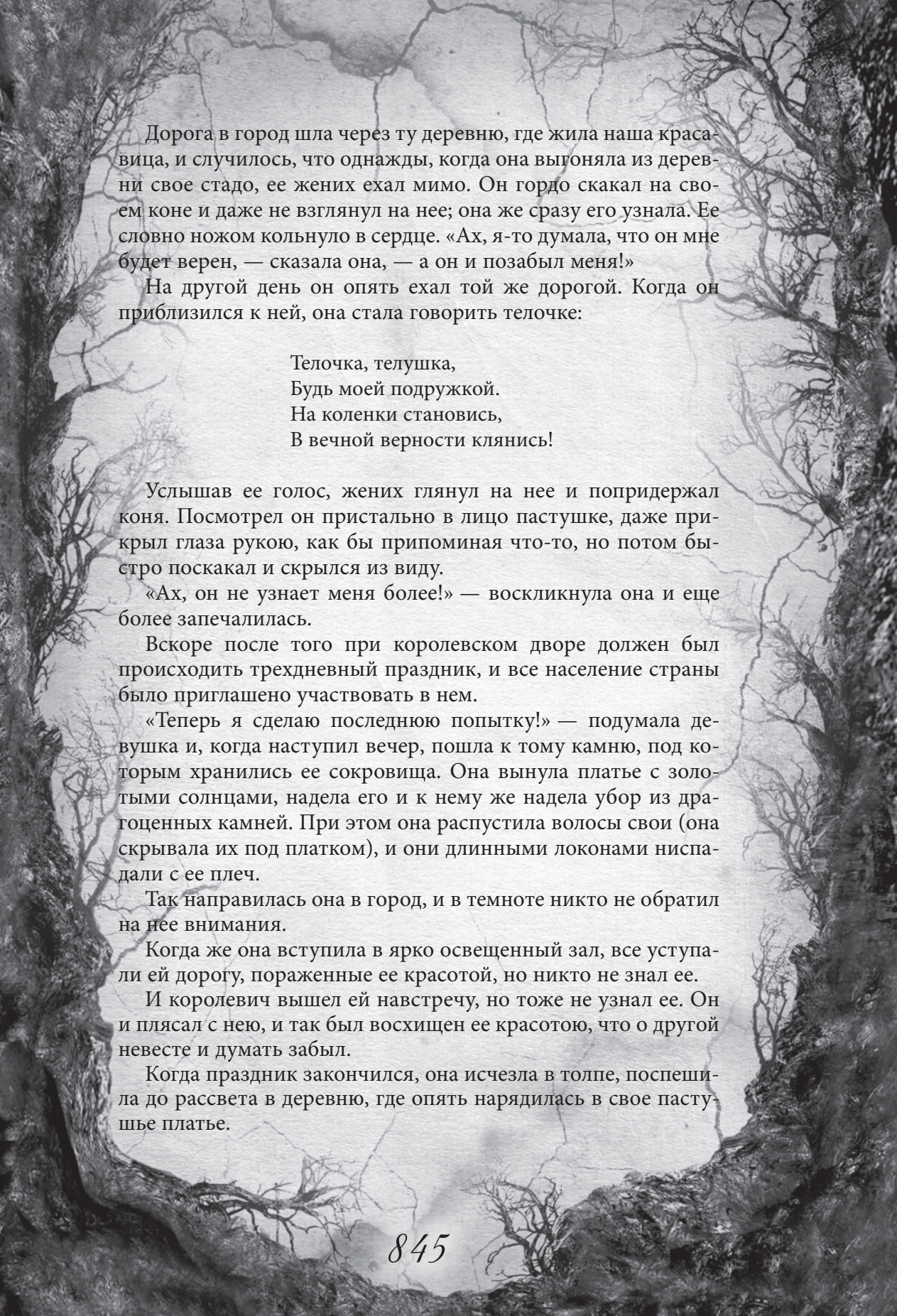
Наконец, она нанялась у одного мужика в пастушки, а свои великолепные платья и драгоценные камни зарыла под камнем.

Вот и жила она у этого мужика, пасла его стада, горевала и тосковала о своем милом. И была у нее телочка, очень ручная, которую она из рук и кормила. И когда она говорила:

Телочка, телушка,
Будь моей подружкой.
На коленки становись,
В вечной верности клянись, —

та тотчас становилась на колени, и девушка ее ласкала.

После того как она, одинокая и печальная, прожила около двух лет у того мужика в услужении, в той стране пронесся слух, будто дочь короля собирается праздновать свою свадьбу.

Дорога в город шла через ту деревню, где жила наша красавица, и случилось, что однажды, когда она выгоняла из деревни свое стадо, ее жених ехал мимо. Он гордо скакал на своем коне и даже не взглянул на нее; она же сразу его узнала. Ее словно ножом кольнуло в сердце. «Ах, я-то думала, что он мне будет верен, — сказала она, — а он и позабыл меня!»

На другой день он опять ехал той же дорогой. Когда он приблизился к ней, она стала говорить телочке:

Телочка, телушка,
Будь моей подружкой.
На коленки становись,
В вечной верности клянись!

Услышав ее голос, жених глянул на нее и попридержал коня. Посмотрел он пристально в лицо пастушке, даже прикрыл глаза рукою, как бы припоминая что-то, но потом быстро поскакал и скрылся из виду.

«Ах, он не узнает меня более!» — воскликнула она и еще более запечалилась.

Вскоре после того при королевском дворе должен был происходить трехдневный праздник, и все население страны было приглашено участвовать в нем.

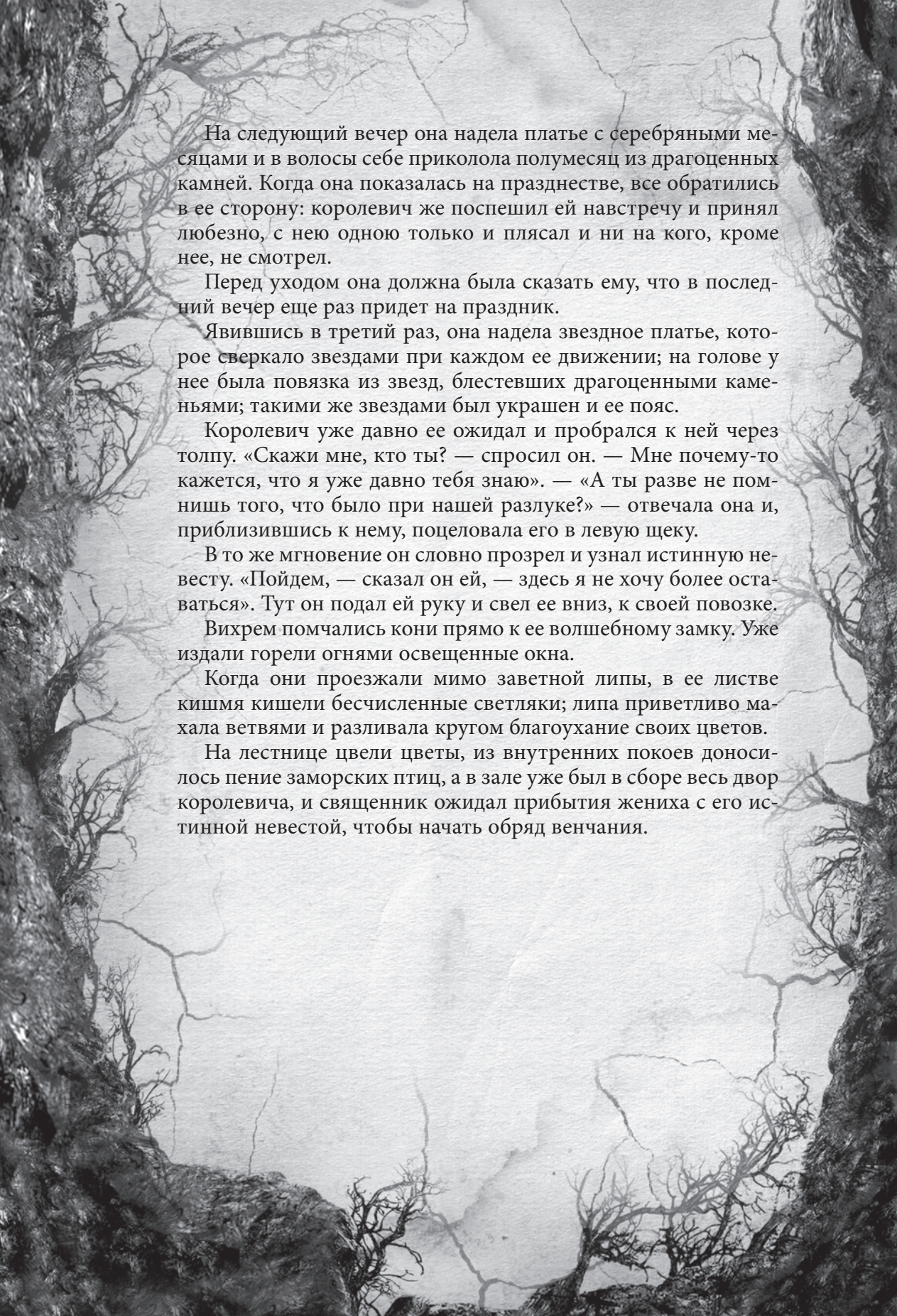
«Теперь я сделаю последнюю попытку!» — подумала девушка и, когда наступил вечер, пошла к тому камню, под которым хранились ее сокровища. Она вынула платье с золотыми солнцами, надела его и к нему же надела убор из драгоценных камней. При этом она распустила волосы свои (она скрывала их под платком), и они длинными локонами ниспадали с ее плеч.

Так направилась она в город, и в темноте никто не обратил на нее внимания.

Когда же она вступила в ярко освещенный зал, все уступали ей дорогу, пораженные ее красотой, но никто не знал ее.

И королевич вышел ей навстречу, но тоже не узнал ее. Он и плясал с нею, и так был восхищен ее красотой, что о другой невесте и думать забыл.

Когда праздник закончился, она исчезла в толпе, поспешила до рассвета в деревню, где опять нарядилась в свое пастушье платье.

На следующий вечер она надела платье с серебряными месяцами и в волосы себе приколола полумесяц из драгоценных камней. Когда она показалась на празднестве, все обратились в ее сторону: королевич же поспешил ей навстречу и принял любезно, с нею одною только и плясал и ни на кого, кроме нее, не смотрел.

Перед уходом она должна была сказать ему, что в последний вечер еще раз придет на праздник.

Явившись в третий раз, она надела звездное платье, которое сверкало звездами при каждом ее движении; на голове у нее была повязка из звезд, блестевших драгоценными камнями; такими же звездами был украшен и ее пояс.

Королевич уже давно ее ожидал и пробрался к ней через толпу. «Скажи мне, кто ты? — спросил он. — Мне почему-то кажется, что я уже давно тебя знаю». — «А ты разве не помнишь того, что было при нашей разлуке?» — отвечала она и, приблизившись к нему, поцеловала его в левую щеку.

В то же мгновение он словно прозрел и узнал истинную невесту. «Пойдем, — сказал он ей, — здесь я не хочу более оставаться». Тут он подал ей руку и свел ее вниз, к своей повозке.

Вихрем помчались кони прямо к ее волшебному замку. Уже издали горели огнями освещенные окна.

Когда они проезжали мимо заветной липы, в ее листве кишмя кишели бесчисленные светляки; липа приветливо махала ветвями и разливала кругом благоухание своих цветов.

На лестнице цвели цветы, из внутренних покоев доносилось пение заморских птиц, а в зале уже был в сборе весь двор королевича, и священник ожидал прибытия жениха с его истинной невестой, чтобы начать обряд венчания.

Заяц и еж

Эта была на небылицу похожа, ребятушки, а все же в ней есть и правда; вот почему мой дедушка, от которого я ее слышал, имел обыкновение к рассказу своему добавлять: «Правда в ней все же должна быть, дитятко, потому что иначе зачем было бы ее и рассказывать?»

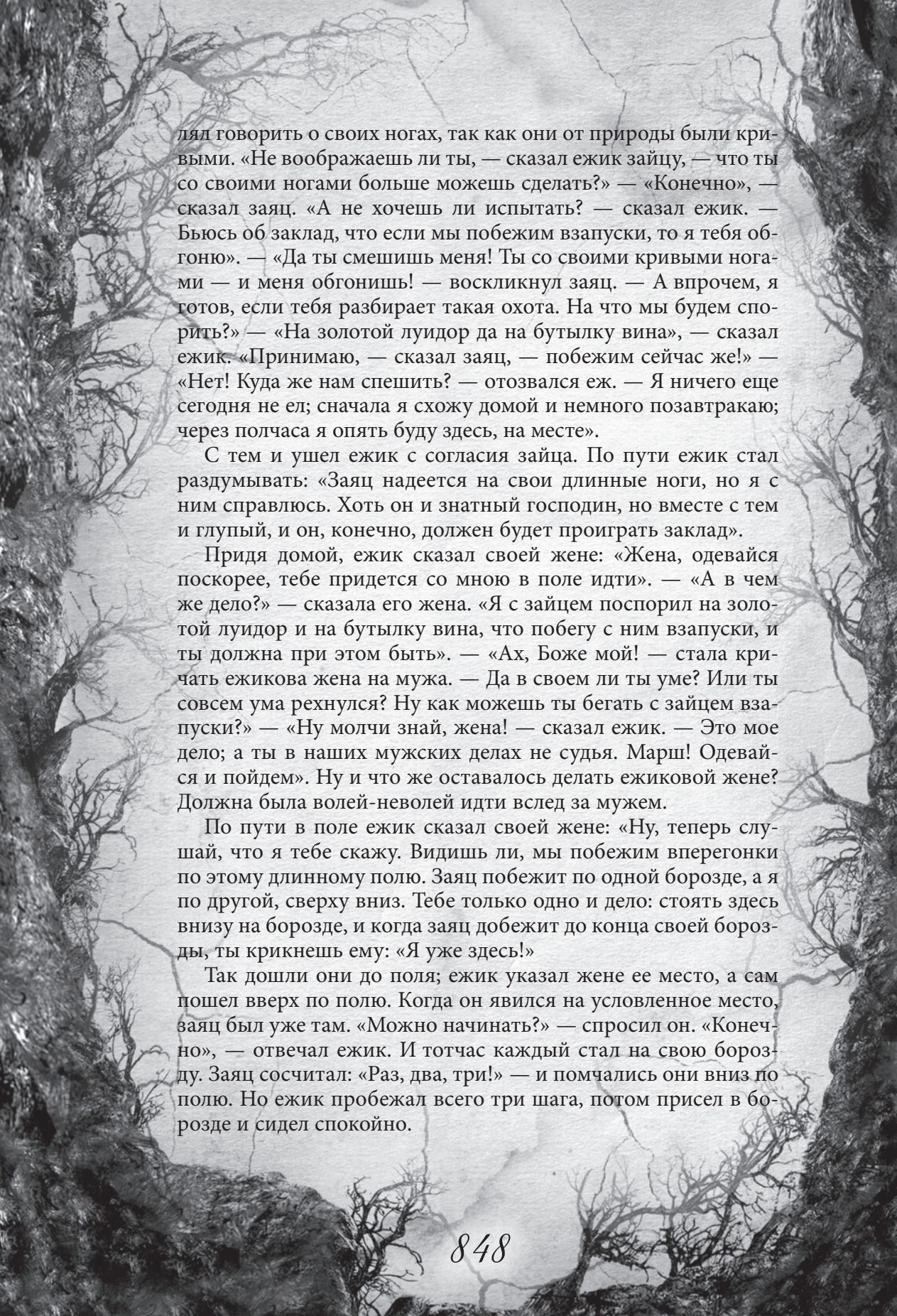
А дело-то было вот как.

Однажды в воскресенье под конец лета, в самое время цветения гречихи, выдался хороший денек. Яркое солнце взошло на небе, повеяло теплым ветерком по жнивью, песни жаворонков наполняли воздух, пчелки жужжали среди гречихи, а добрые люди в праздничных одеждах шли в церковь, и вся тварь Божия была довольна, и ежик тоже.

Ежик же стоял у своей двери, сложа руки, вдыхая утренний воздух и напевая про себя нехитрую песенку, как умел. И между тем как он вполголоса так напевал, ему вдруг пришло в голову, что он успеет, пока его жена детей моет и одевает, прогуляться в поле и посмотреть на свою брюкву. А брюква-то в поле ближе всего к его дому росла, и он любил ее кушать у себя в семье, а потому и считал ее своею.

Сказано — сделано. Запер за собою дверь и пошел по дороге в поле. Он не особенно далеко и от дома ушел и хотел уже свернуть с дороги, как повстречался с зайцем, который с той же целью вышел в поле на свою капусту взглянуть.

Как увидел ежик зайца, так тотчас же весьма вежливо с ним поздоровался. Заяц же (в своем роде господин знатный и притом весьма заносчивый) и не подумал ответить на поклон ежика, а напротив того, сказал ему, скорчив пренасмешливую рожу: «Что это значит, что ты тут так рано утром рыщешь по полю?» — «Хочу прогуляться», — сказал ежик. «Прогуляться? — засмеялся заяц. — Мне кажется, что ты мог бы найти и другое, лучшее занятие своим ногам». Этот ответ задел ежика за живое, он все способен был перенести, но никому не позво-

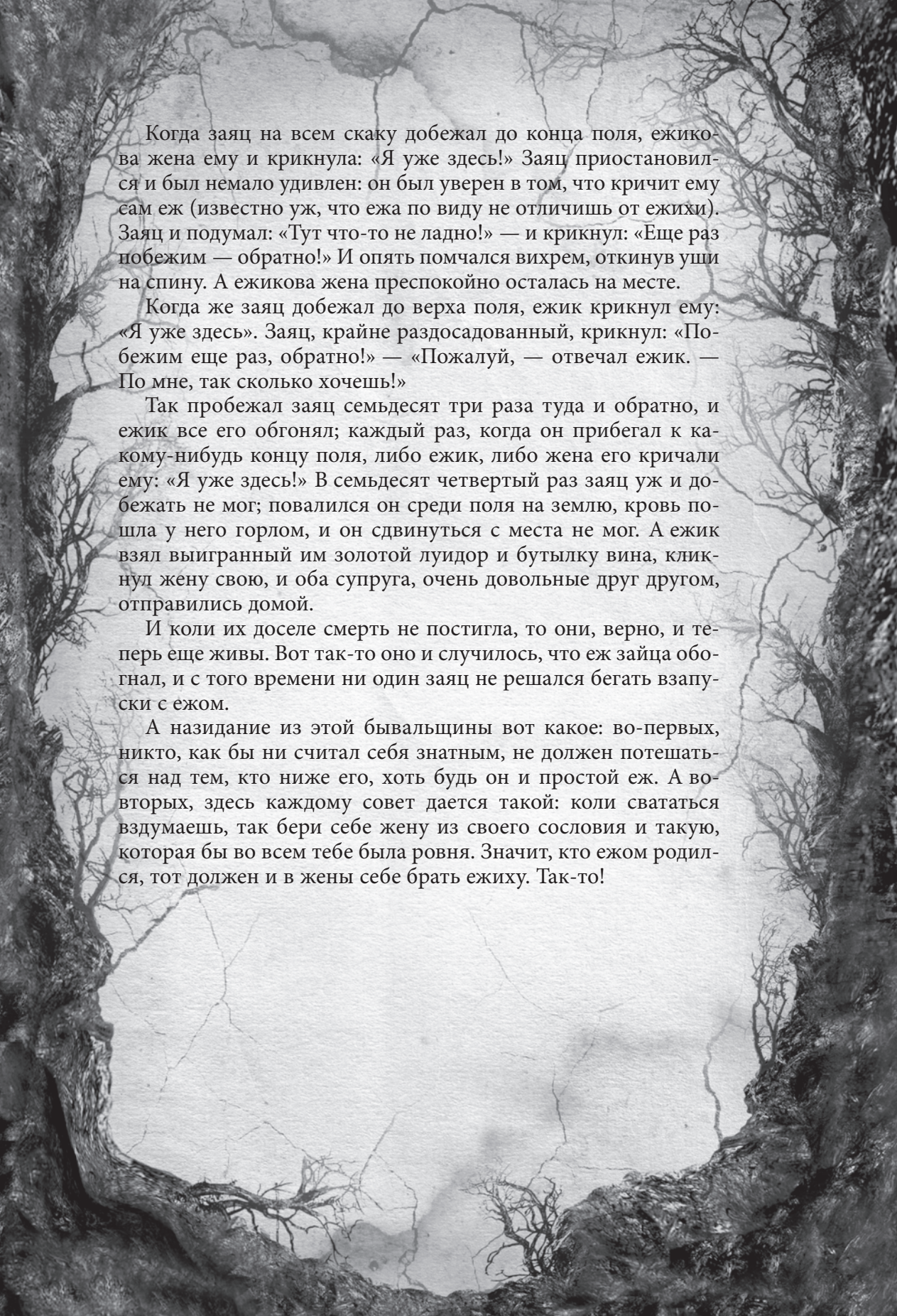
для говорить о своих ногах, так как они от природы были кривыми. «Не воображаешь ли ты, — сказал ежик зайцу, — что ты со своими ногами больше можешь сделать?» — «Конечно», — сказал заяц. «А не хочешь ли испытать? — сказал ежик. — Бьюсь об заклад, что если мы побежим взапуски, то я тебя обгоню». — «Да ты смешишь меня! Ты со своими кривыми ногами — и меня обгонишь! — воскликнул заяц. — А впрочем, я готов, если тебя разбирает такая охота. На что мы будем спорить?» — «На золотой луидор да на бутылку вина», — сказал ежик. «Принимаю, — сказал заяц, — побежим сейчас же!» — «Нет! Куда же нам спешить? — отозвался еж. — Я ничего еще сегодня не ел; сначала я схожу домой и немного позавтракаю; через полчаса я опять буду здесь, на месте».

С тем и ушел ежик с согласия зайца. По пути ежик стал раздумывать: «Заяц надеется на свои длинные ноги, но я с ним справлюсь. Хоть он и знатный господин, но вместе с тем и глупый, и он, конечно, должен будет проиграть заклад».

Придя домой, ежик сказал своей жене: «Жена, одевайся поскорее, тебе придется со мною в поле идти». — «А в чем же дело?» — сказала его жена. «Я с зайцем поспорил на золотой луидор и на бутылку вина, что побегу с ним взапуски, и ты должна при этом быть». — «Ах, Боже мой! — стала кричать ежикова жена на мужа. — Да в своем ли ты уме? Или ты совсем ума рехнулся? Ну как можешь ты бегать с зайцем взапуски?» — «Ну молчи знай, жена! — сказал ежик. — Это мое дело; а ты в наших мужских делах не судья. Марш! Одевайся и пойдем». Ну и что же оставалось делать ежиковой жене? Должна была волей-неволей идти вслед за мужем.

По пути в поле ежик сказал своей жене: «Ну, теперь слушай, что я тебе скажу. Видишь ли, мы побежим вперегонки по этому длинному полю. Заяц побежит по одной борозде, а я по другой, сверху вниз. Тебе только одно и дело: стоять здесь внизу на борозде, и когда заяц добегит до конца своей борозды, ты крикнешь ему: «Я уже здесь!»

Так дошли они до поля; ежик указал жене ее место, а сам пошел вверх по полю. Когда он явился на условленное место, заяц был уже там. «Можно начинать?» — спросил он. «Конечно», — отвечал ежик. И тотчас каждый стал на свою борозду. Заяц сосчитал: «Раз, два, три!» — и помчались они вниз по полю. Но ежик пробежал всего три шага, потом присел в борозде и сидел спокойно.

Когда заяц на всем скаку добежал до конца поля, ежикова жена ему и крикнула: «Я уже здесь!» Заяц приостановился и был немало удивлен: он был уверен в том, что кричит ему сам еж (известно уж, что ежа по виду не отличишь от ежихи). Заяц и подумал: «Тут что-то не ладно!» — и крикнул: «Еще раз побежим — обратно!» И опять помчался вихрем, откинув уши на спину. А ежикова жена преспокойно осталась на месте.

Когда же заяц добежал до верха поля, ежик крикнул ему: «Я уже здесь». Заяц, крайне раздосадованный, крикнул: «Побежим еще раз, обратно!» — «Пожалуй, — отвечал ежик. — По мне, так сколько хочешь!»

Так пробежал заяц семьдесят три раза туда и обратно, и ежик все его обгонял; каждый раз, когда он прибегал к какому-нибудь концу поля, либо ежик, либо жена его кричали ему: «Я уже здесь!» В семьдесят четвертый раз заяц уж и добежать не мог; повалился он среди поля на землю, кровь пошла у него горлом, и он сдвинуться с места не мог. А ежик взял выигранный им золотой луидор и бутылку вина, кликнул жену свою, и оба супруга, очень довольные друг другом, отправились домой.

И коли их доселе смерть не постигла, то они, верно, и теперь еще живы. Вот так-то оно и случилось, что еж зайца обогнал, и с того времени ни один заяц не решался бегать взапуски с ежом.

А назидание из этой бывальщины вот какое: во-первых, никто, как бы ни считал себя знатным, не должен потешаться над тем, кто ниже его, хоть будь он и простой еж. А во-вторых, здесь каждому совет дается такой: коли свататься вздумаешь, так бери себе жену из своего сословия и такую, которая бы во всем тебе была ровня. Значит, кто ежом родился, тот должен и в жены себе брать ежиху. Так-то!

Веретено, ткацкий челнок и иглолка

Девушка-сиротка жила когда-то без отца, без матери; они умерли, когда она была еще ребенком. В конце деревни в избушке жила одна-одинешенька ее крестная, которая зарабатывала себе хлеб насущный своим умением пряхь, ткать и шить.

Старушка взяла к себе покинутое дитя, приучила к работе и воспитала в благочестии.

Когда девушке минуло пятнадцать лет, бабушка заболела, подозвала к себе свою крестницу и сказала: «Милая, чувствую, что приближается конец мой! Оставляю тебе домик, в котором ты и от ветра, и от непогоды будешь всегда иметь приют; сверх того оставляю тебе веретено, ткацкий челнок и иглолку, ими ты всегда прокормишься».

Потом возложила ей руки на голову, благословила ее и сказала: «Всегда имей Бога в сердце твоём — и благо будет тебе».

С тем и закрыла глаза; и когда ее хоронить стали, крестница пошла за ее гробом с горькими слезами и воздала ей последний долг.

И вот зажила девушка одна-одинешенька в маленькой избушечке; работала усердно: пряха, ткала и шила, и на всех делах ее, видимо, покоилось благословение доброй бабушки...

Казалось, лен как будто не переводился в ее кладовой, а когда она, бывало, закончит ткать сукно или ковер либо рубашку сошьет, на все это сейчас же найдется и покупатель и заплатит щедро, так что сиротка наша ни в чем не нуждалась да еще и другим кое-чем помогать могла.

Случилось, что около того времени сын короля той земли разъезжал повсюду, разыскивая себе невесту. Бедной он избрать не смел, а богатую избрать не желал.

«Веретено, ткацкий челнок и иголка».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Приведи, веретено,
Меня мне под окно...»*

Вот и сказал он себе: «Моей женою будет та, которую можно будет назвать и самою бедною, и самою богатою».

И вот, приехав в ту деревню, где жила сиротка, он спросил (как спрашивал везде): «Кто здесь, в деревне, из девушек беднее всех и кто богаче всех?»

Сначала показали ему ту, которая была богаче. «А беднее — всех, — сказали ему, — та девушка, что живет в маленькой избушке на самом конце деревни».

Богатая в полном наряде сидела у дверей своего дома, и когда королевич к ней приблизился, она встала, пошла навстречу и поклонилась ему.

Он на нее посмотрел, ничего ей не сказал и проехал далее. Когда же он подъехал к дому бедной сиротки, она не стояла у дверей, а сидела у себя в комнате. Он сдержал коня, заглянул в окошечко и при ярком солнечном свете увидел, что девушка сидит за самопрялкой и усердно прядет.

Она подняла очи и, заметив, что королевич заглядывает к ней в избушку, раскраснелась, как маков цвет, опустила глаза долу и продолжала прясть.

Пряжа ли была на этот раз очень ровна или другое что, не знаю, но только она продолжала прясть до тех пор, пока королевич не отъехал от ее окошка.

Тогда подошла она к окну, отворила его и сказала: «В комнате так жарко!» — и все смотрела ему вслед, пока мелькали вдали белые перья на его шляпе.

Затем она села вновь за свою работу и продолжала прясть. Тут ей припомнилось, как, бывало, старушка, сидя за работой, тихонько про себя подпевала:

Приведи, веретено,
Жениха мне под окно.

И что бы вы думали? Веретено вдруг у нее из руки вырвалось да к двери — шмыг!

А когда она в изумлении вскочила с места и посмотрела вслед веретену, то увидела, что оно веселехонько по полю скачет и блестящую золотую нить за собою тянет...

А там и из глаз у нее скрылось.

Другого веретена у девушки не было, а потому и взяла она ткацкий челнок, села за ткацкий стан — и давай ткать.

А веретено тем временем скакало да скакало, и как раз в то время, когда уж намотанная на нем нить к концу подходит...

да, веретено нагнало королевича. «Что я вижу? — воскликнул он. — Веретено как будто хочет мне показать дорогу?» — Повернул он коня и поехал по золотой нити обратно.

А девушка сидела за своей работой и пела:

Челночок ты мой проворный!
Тки дружку ковер узорный!

И тотчас выскользнул у нее челночок из рук и за двери — шмыг! И перед самым порогом двери начал он ткать ковер, да какой ковер-то! На том ковре по бокам розы да лилии, а посередине, на золотом поле, протянулись зеленые нити растений, и между ними зайчики да кролики поскакивают, олени да козочки головки вперед выставляют, а вверху в ветвях сидят пестрые пичужки, совсем как живые, только песни не поют!

А челночок знай со стороны на сторону так и снует, так и носится, и ковер под ним будто сам растет!

Как выскользнул у девушки челночок из рук, девушка села за шитье; держит иглу в руках да подпевает:

Мы с иголочкой вдвоем
Хорошо украсим дом!

И иголочка тоже юркнула у нее из рук и давай носиться по комнате, как молния.

Можно было подумать, что за убранство принялись какие-то неведомые духи: там стол зеленой скатеркой накрыли, а лавки зеленым сукном обтянули, там стулья бархатом прикрыли и на окна шелковые занавеси навесили!

И едва только иголочка последний стежок сделала, как уже сиротка увидела в окошко белые перья на шляпе королевича, которого веретено привело по золотой нити.

Сошел он с коня, переступил через ковер прямо в дом и, чуть вошел в комнату, видит, что девица стоит в своем бедном платьице и словно роза цветет.

«Ты самая бедная и самая богатая изо всех! — сказал он ей. — Пойдем со мною и будь мне невестой!»

Она молча протянула ему руку. А он ее поцеловал, усадил на своего коня и привез в королевский замок, где свадьба была отпразднована прелеселая.

А ее веретено, челнок и иголочка положены были в королевскую казну на хранение и хранились в великом почете.

Мужик и черт

Жил-был некогда преумный и прехитрый мужичонка, и о проделках его много можно бы рассказать, но лучшею из них все же следует считать ту его встречу с чертом, при которой он черта совсем одурачил.

Мужичонка однажды, покончив на поле работы, собирался ехать домой, в то время когда сумерки уж наступили.

Тут вдруг увидел он у себя среди поля груды горячих угольев, и когда он, изумленный этим зрелищем, подошел поближе к груды углей, то увидел, что на этих горячих угольях сидит маленький черный чертик.

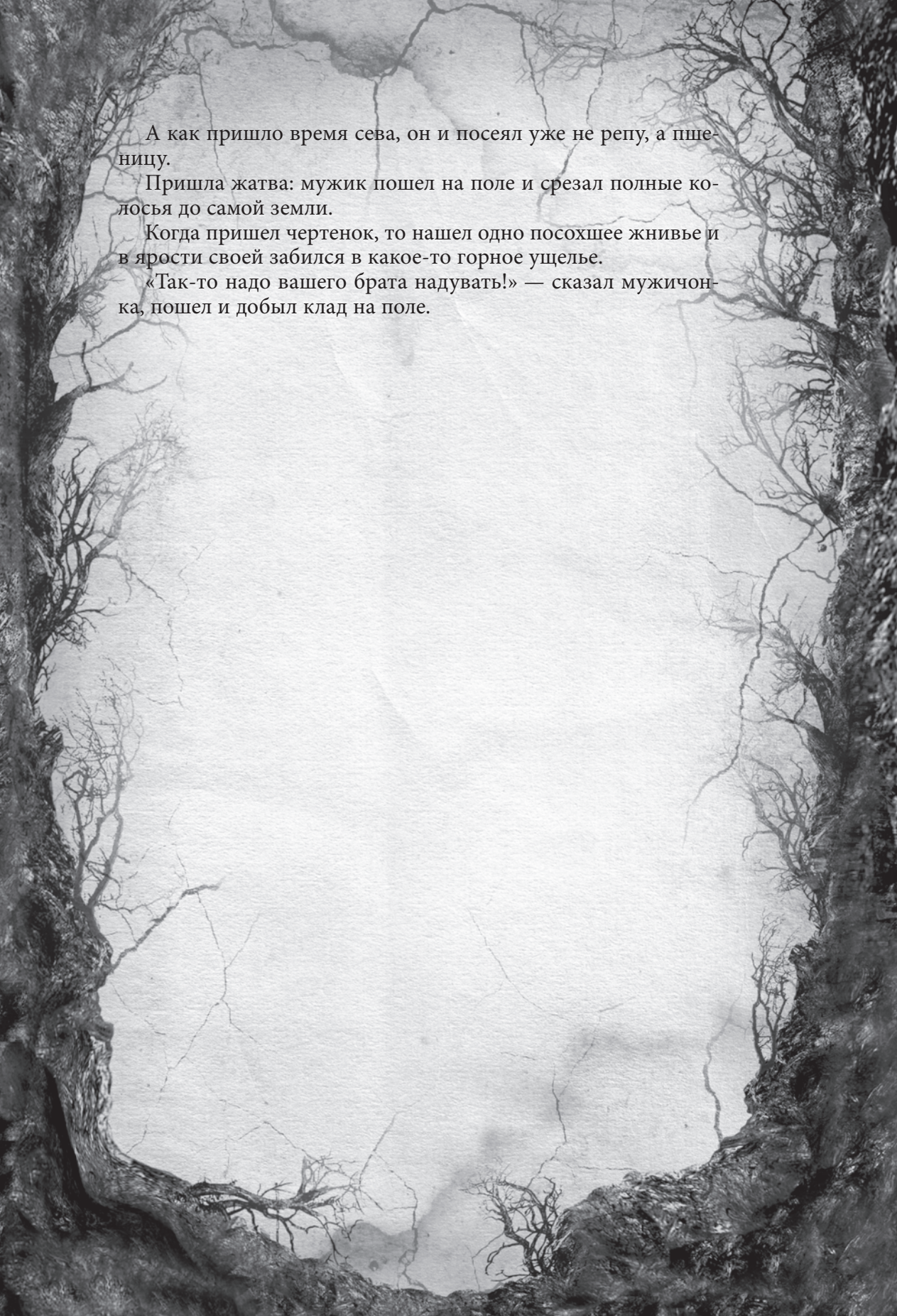
«Ты, небось, сидишь над кладом?» — сказал мужичонка. «Конечно, над кладом, — отвечал чертенок, — и в том кладе больше найдется серебра и золота, чем тебе на всем твоём веку видеть пришлось». — «Коли клад на моей земле зарыт, так он мне же и принадлежит», — сказал мужичонка. «Он тебе и достанется, — сказал чертенок, — если ты мне в течение двух лет будешь отдавать половину того, что у тебя на поле произрастет; денег у меня достаточно, а вот хочется мне ваших земных плодов отведать».

Мужик сейчас давай с ним торговаться. «Чтобы, однако ж, при дележе не возникали между нами какие-либо споры, — сказал мужик, — то мы разделим так: твое пусть будет то, что над землею, а мое — что под землею».

Чертенку этот уговор очень понравился; но хитрый-то мужичонка посеял репу.

Когда пришло время собирать урожай, явился чертенок за своею долей, но нашел одну только поблекшую ботву, а мужичонка, очень довольный урожаем, выкопал свою репу.

«На этот раз ты в выгоде, — сказал чертенок, — на следующий раз иное будет. Твое пусть будет то, что над землею растёт, а мое — что в земле». — «По мне, пожалуй!» — отвечал мужичонка.

А как пришло время сева, он и посеял уже не репу, а пшеницу.

Пришла жатва: мужик пошел на поле и срезал полные колосья до самой земли.

Когда пришел чертенок, то нашел одно посохшее жнивье и в ярости своей забился в какое-то горное ущелье.

«Так-то надо вашего брата надувать!» — сказал мужичонка, пошел и добыл клад на поле.

Морская свинка

Жила-была на свете королева, и у той королевы в замке под самой крышей был зал с двенадцатью окнами, которые обращены были на все четыре стороны света; как, бывало, она в тот зал войдет да кругом-то посмотрит, так и увидит, что во всем ее царстве делается.

Из первого окна она могла все видеть гораздо лучше других людей; из второго — еще лучше, из третьего — еще яснее и так далее, пока не доходила до двенадцатого, из которого она все могла видеть и на земле, и под землею, и ничего не могло укрыться от ее взора.

Но так как она была горда и никому не хотела подчиниться, и власть всю в своих руках удержать хотела, то и объявила она, что ее супругом может быть только тот, кто сумеет так укрыться от ее пронизательного взора, чтобы она не могла его найти.

А кто укрыться попытается, да будет ею разыскан, тому голову отрубят и на кол ее воткнут.

И вот перед ее замком постепенно появилось девяносто семь кольев, и на каждом колышке по головушке; и долгое время не являлись желающие за нее свататься.

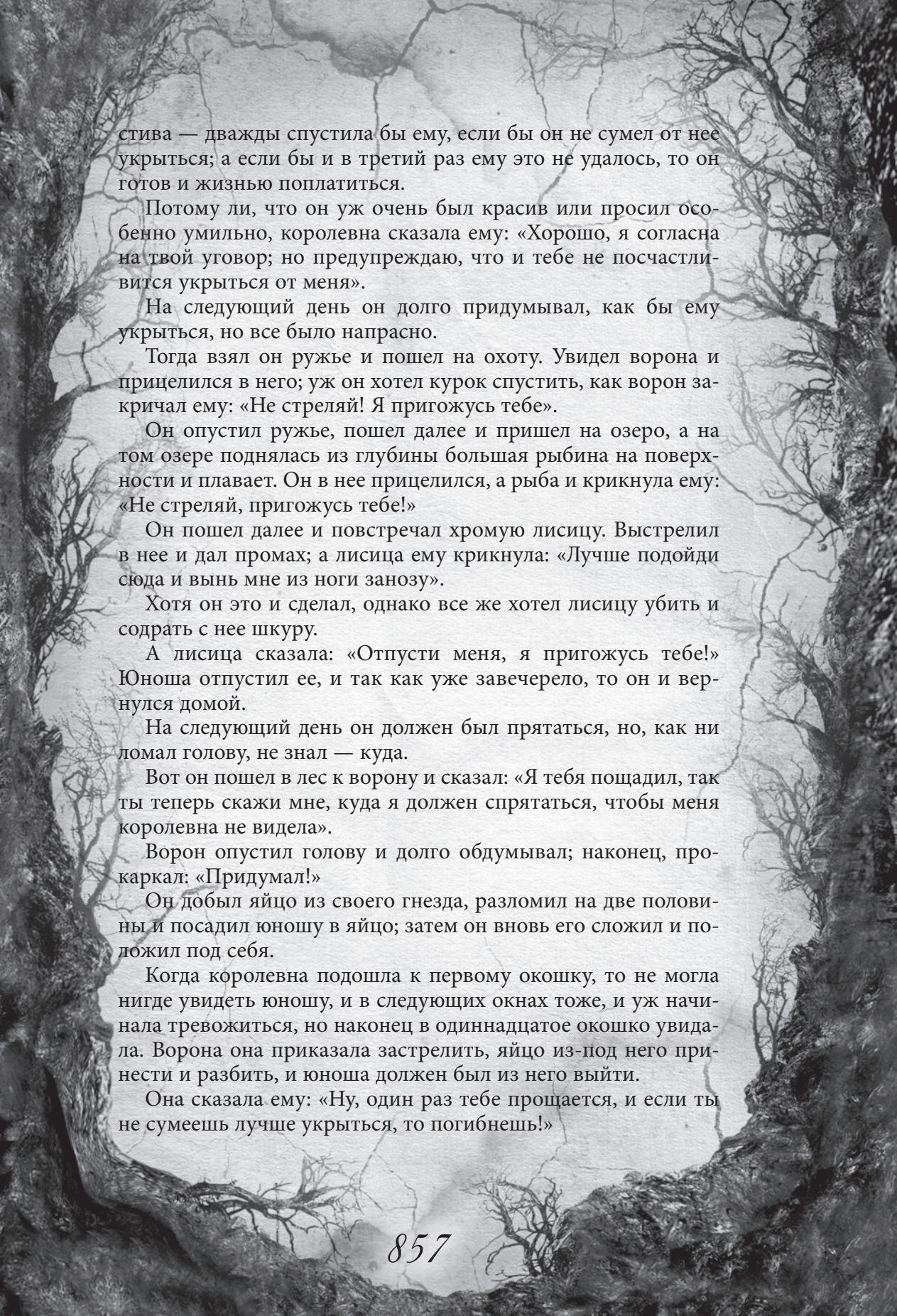
Королева была этим очень довольна и думала: «Ну, теперь я на всю жизнь буду свободна».

Но вдруг явились к ней три брата и возвестили ей, что они хотят попытать своего счастья.

Старший вообразил себе, что может укрыться от ее взгляда в яме для выжигания извести; но она увидела его уже из первого окошка, приказала из ямы вытащить и голову ему отсечь.

Второй запрятался в погреб замка, но и этого она разыскала еще из первого окна; и головушка его мигом очутилась на девяносто девятом колу.

Тогда явился перед нею младший брат и стал ее просить, чтобы она дала ему денек на раздумье и так была бы мило

стива — дважды спустила бы ему, если бы он не сумел от нее укрыться; а если бы и в третий раз ему это не удалось, то он готов и жизнью поплатиться.

Потому ли, что он уж очень был красив или просил особенно умильно, королевна сказала ему: «Хорошо, я согласна на твой уговор; но предупреждаю, что и тебе не повезет укрыться от меня».

На следующий день он долго придумывал, как бы ему укрыться, но все было напрасно.

Тогда взял он ружье и пошел на охоту. Увидел ворона и прицелился в него; уж он хотел курок спустить, как ворон закричал ему: «Не стреляй! Я пригожусь тебе».

Он опустил ружье, пошел далее и пришел на озеро, а на том озере поднялась из глубины большая рыбина на поверхности и плавает. Он в нее прицелился, а рыба и крикнула ему: «Не стреляй, пригожусь тебе!»

Он пошел далее и повстречал хромую лисицу. Выстрелил в нее и дал промах; а лисица ему крикнула: «Лучше подойди сюда и вынь мне из ноги занозу».

Хотя он это и сделал, однако все же хотел лисицу убить и содрать с нее шкуру.

А лисица сказала: «Отпусти меня, я пригожусь тебе!» Юноша отпустил ее, и так как уже закатилось солнце, то он и вернулся домой.

На следующий день он должен был прятаться, но, как ни ломал голову, не знал — куда.

Вот он пошел в лес к ворону и сказал: «Я тебя пощадил, так ты теперь скажи мне, куда я должен спрятаться, чтобы меня королевна не видела».

Ворон опустил голову и долго обдумывал; наконец, прокаркал: «Придумал!»

Он добыл яйцо из своего гнезда, разломил на две половины и посадил юношу в яйцо; затем он вновь его сложил и положил под себя.

Когда королевна подошла к первому окошку, то не могла нигде увидеть юношу, и в следующих окнах тоже, и уж начала тревожиться, но наконец в одиннадцатое окошко увидела. Ворона она приказала застрелить, яйцо из-под него принести и разбить, и юноша должен был из него выйти.

Она сказала ему: «Ну, один раз тебе прощается, и если ты не сумеешь лучше укрыться, то погибнешь!»

На следующий день он пошел к озеру, вызвал рыбину и говорит ей: «Я тебя пощадил; теперь скажи мне, куда бы мне укрыться так, чтобы королева не могла меня увидеть».

Долго рыбина думала и наконец воскликнула: «Вот что! Я тебя в свою брюхо спрячу!»

Проглотила она юношу и опустилась на дно озера. Стала королева в свои окна смотреть — и в одиннадцатое его не увидела, и очень была встревожена; но наконец в двенадцатое окно все-таки увидела его.

Приказала рыбу изловить и убить, и юношу из нее добыть. Можно себе представить, что у него на душе было! «Два раза я тебя пощадила, — сказала королева, — но я не сомневаюсь, что голове твоей придется торчать на сотом колу».

На последний день в самом тягостном настроении духа вышел юноша в поле и повстречал лисицу. «Ты такая мастерица всякие лазейки находить, — сказал он ей, — я тебя пощадил, так посоветуй же ты мне, куда я должен спрятаться, чтобы меня королева разыскать не могла...» — «Хитрая штука», — отвечала лисица и наморщила лоб в раздумье. Наконец, воскликнула: «Знаю, куда!»

Пошла с юношей к одному ключу, окунулась в него и вышла оттуда рыночным торговцем, который разных диковинных зверей продает и показывает. Юноша тоже должен был окунуться в этот источник и вышел из него морскою свинкою.

Торговец пошел в город и всем там показывал это милое животное. Много сбежалось народа на свинку смотреть. Наконец, пришла и сама королева, и так как ей свинка понравилась, то она купила ее у торговца за большие деньги. Прежде чем передать королевне свинку, он шепнул ей на ухо: «Когда королева пойдет к окошкам, ты ей под косу спрячься».

И вот пришло время, когда королева должна была искать юношу. Обошла она поочередно все окна от первого до одиннадцатого и нигде его не видела.

Не увидев его и в двенадцатом окне, она испугалась и разгневалась так, что все стекла во всех окнах в тысячу кусков перебила и весь замок у нее ходуном заходил.

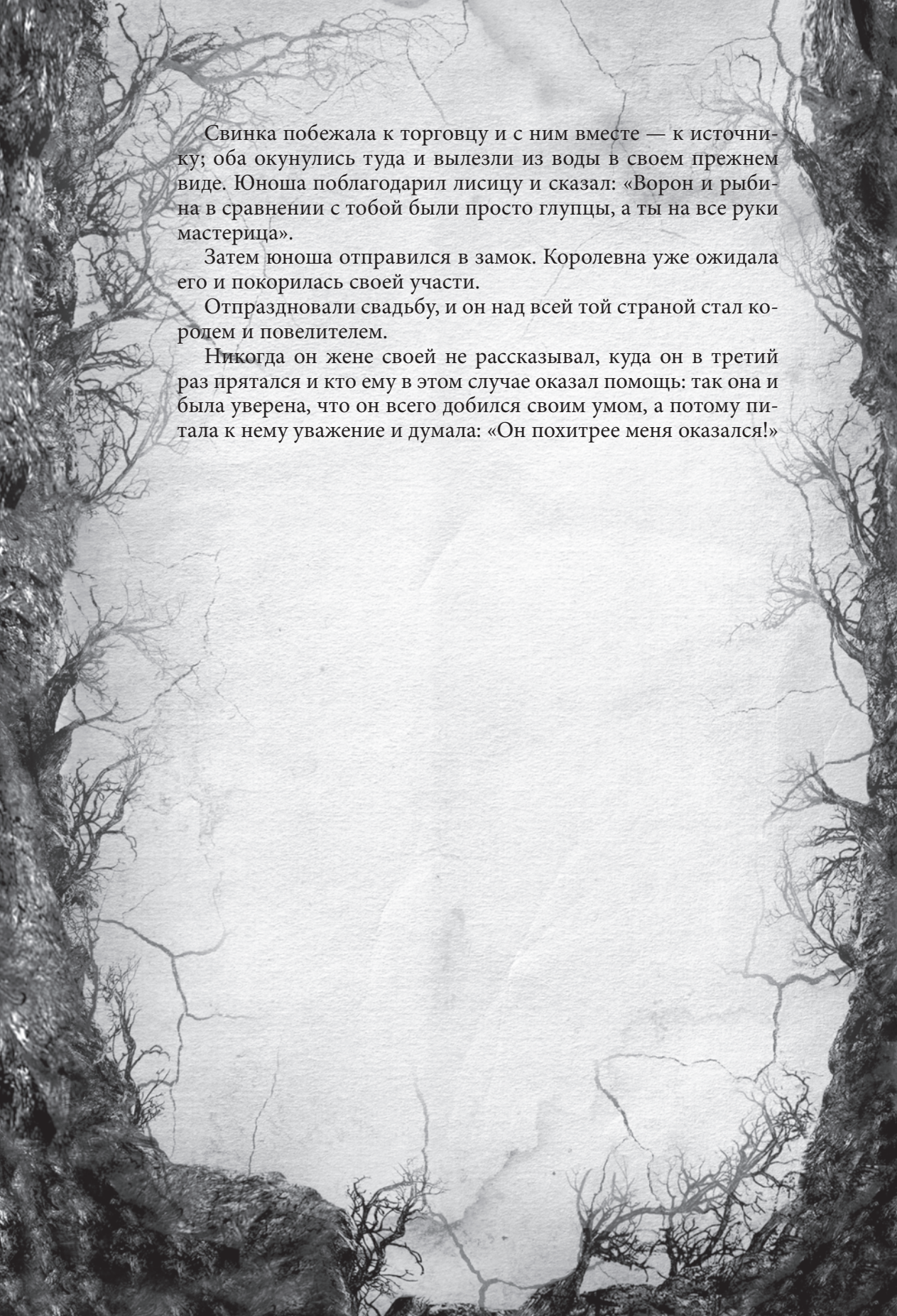
Она от окон отошла и тут только почувствовала морскую свинку, которая у нее под косой ворочалась, схватила ее, бросила на пол и крикнула: «Прочь с глаз моих!»

«Морская свинка».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...И вот перед ее замком постепенно появилось девять столбов
колыев, и на каждом колышке по головешке...»*

Свинка побежала к торговцу и с ним вместе — к источнику; оба окунулись туда и вылезли из воды в своем прежнем виде. Юноша поблагодарил лисицу и сказал: «Ворон и рыба в сравнении с тобой были просто глупцы, а ты на все руки мастерица».

Затем юноша отправился в замок. Королева уже ожидала его и покорила своей участи.

Отпраздновали свадьбу, и он над всей той страной стал королем и повелителем.

Никогда он жене своей не рассказывал, куда он в третий раз прятался и кто ему в этом случае оказал помощь: так она и была уверена, что он всего добился своим умом, а потому питала к нему уважение и думала: «Он похитрее меня оказался!»

Искусный вор

Старик с женою сидели однажды перед бедным домиком: им хотелось немного отдохнуть от работы. Вдруг подъезжает к домику превосходная карета, запряженная четверкою отличных коней, и из той кареты выходит богато одетый господин.

Мужик поднялся, подошел к господину и спросил, чего он желает и чем ему можно услужить.

Незнакомец протянул мужику руку и сказал: «Я ничего не желаю, кроме того, чтобы хоть один раз отведать вашей деревенской стряпни. Приготовьте же мне картофель в том виде, в каком вы его сами едите, и я тогда сяду вместе с вами за стол и с удовольствием поем вашего деревенского картофеля».

Мужик улыбнулся и сказал: «Вы, может, граф либо князь какой, а то еще и герцог? Знатным господам мало ли какие прихоти приходят в голову; а впрочем, я ваше желание исполню».

Жена его пошла в кухню и стала картофель мыть и тереть и хотела из него изготовить клецки, как это часто водится у мужиков, клецки из картофеля.

Между тем, как она была занята этим, мужик сказал незнакомцу: «Пойдемте-ка со мною в мой садик, у меня еще есть там кое-какие незаконченные дела».

А в саду у него были накопаны ямы, и он хотел в них сажать деревья. «Разве нет у вас деток, которые могли бы вам помочь в вашей работе?» — спросил приезжий. «Нет, — отвечал мужик. — То есть был у меня сын, — добавил он, — да только уже много лет назад пропал без вести. Станный был малый: умный и сметливый, но учиться ничему не хотел, и шалости у него были дурные; наконец, он от меня сбежал, и с той поры я ничего о нем не слышал».

Старик взял деревце, сунул его в одну из ямок и рядом с ним воткнул кол. Потом подсыпал земли в ямку, утоптал ее и в трех местах подвязал деревце соломенным жгутом к колу.

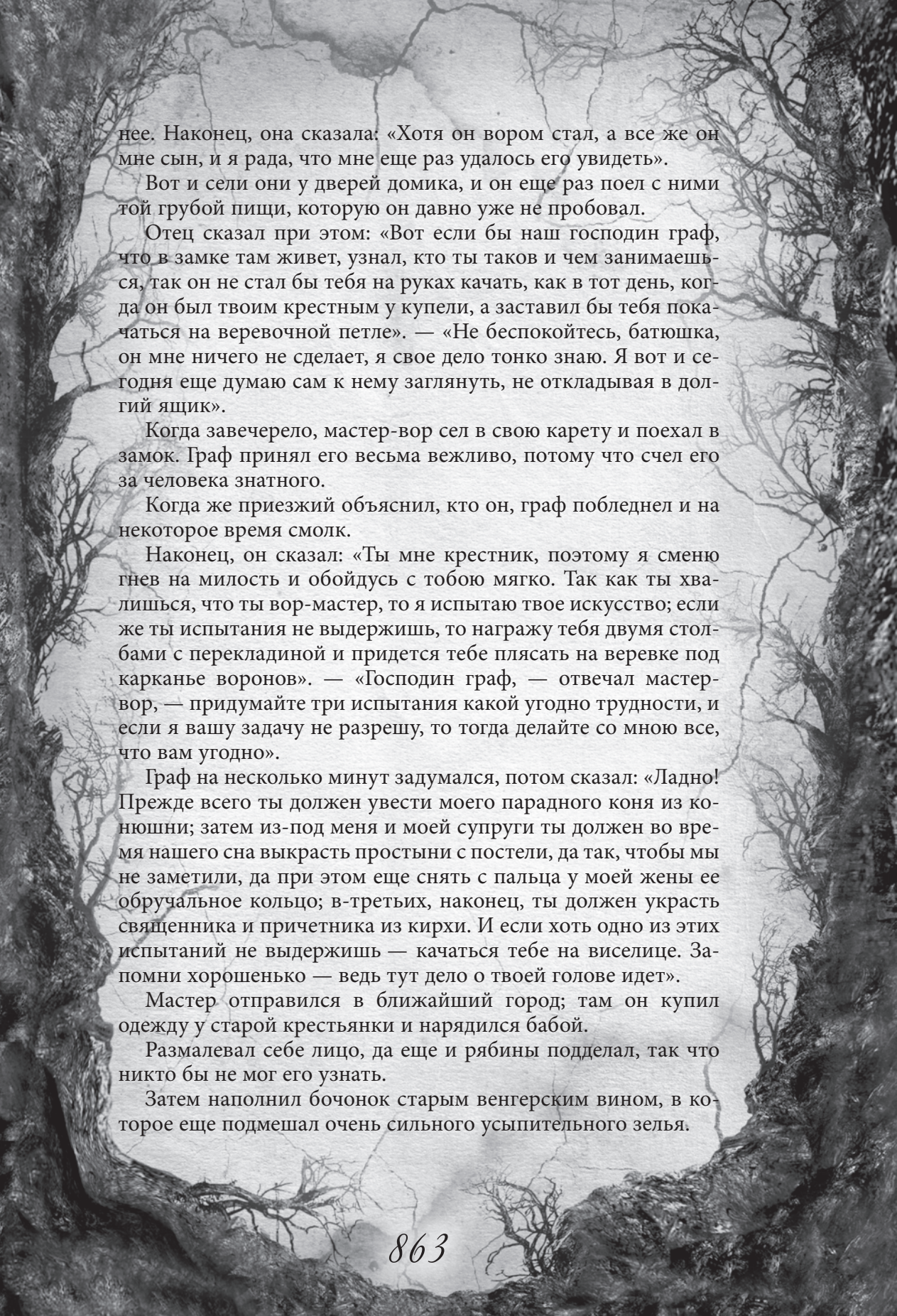
«Скажите же, пожалуйста, — сказал приезжий, — отчего вы также не подвяжете то кривое корявое деревце, которое вон там в углу почти склонилось до земли. Оно бы тоже росло прямее».

Старик усмехнулся и сказал: «Это вы, сударь, по-вашему рассуждаете; сейчас и видно, что садоводством вы не изволили заниматься. То дерево уже старо и искривлено, его уж никто не выпрямит, деревья можно выправлять, только пока они молоды». — «Значит, это то же, что с вашим сыном, — сказал приезжий. — Кабы вы его выправили, пока он был молод, он бы, может быть, и не бежал от вас; а теперь, пожалуй, тоже окреп и искривился?» — «Конечно, — отвечал старик, — ведь уж много времени прошло с тех пор, как он ушел; должно быть, изменился с тех пор». — «А узнали бы вы его, кабы он к вам теперь явился?» — «Едва ли узнал бы я его в лицо, — сказал мужик, — а есть у него родимое пятно на плече вроде боба».

Когда он это проговорил, приезжий снял с себя верхнее платье, обнажил плечо и показал мужику родимое пятно в виде боба на плече своем.

«Боже ты мой! — воскликнул старик. — Неужели ты точно мой сын? — И любовь к своему детищу шевельнулась в сердце его. — Но как же ты можешь быть моим сыном, — добавил старик, — когда ты такой большой барин и живешь в богатстве и изобилии? Каким же образом ты этого достиг?» — «Ах, батюшка, — возразил сын, — молодое деревце не было ни к какому колу привязано, оно кривым и выросло, а теперь уж и состарилось — его не выпрямишь. Вы спрашиваете, как я этого достиг? Я сделался вором. Не пугайтесь: из воров я мастер. Для меня не существуют ни замок, ни задвижка; что я пожелаю иметь, то уже мое. И не подумайте, чтобы я крал, как обыденный вор; я беру только от избытка богатей. Бедные люди от меня не страдают: я скорее сам им дам от себя, нежели возьму у них. Точно так же я не трогаю того, что могу получить без труда, без хитрости и уменья». — «Ах, сынок, — сказал отец, — все же мне твое ремесло не нравится; вор — все же вор, и я могу тебя уверить, что это добром не кончится».

Повел он его и к матери, и когда та услышала, что это ее сын, она стала плакать от радости; а когда он признался ей, что он сделался вором-мастером, она стала плакать еще силь-

нее. Наконец, она сказала: «Хотя он вором стал, а все же он мне сын, и я рада, что мне еще раз удалось его увидеть».

Вот и сели они у дверей домика, и он еще раз поел с ними той грубой пищи, которую он давно уже не пробовал.

Отец сказал при этом: «Вот если бы наш господин граф, что в замке там живет, узнал, кто ты таков и чем занимаешься, так он не стал бы тебя на руках качать, как в тот день, когда он был твоим крестным у купели, а заставил бы тебя покачаться на веревочной петле». — «Не беспокойтесь, батюшка, он мне ничего не сделает, я свое дело тонко знаю. Я вот и сегодня еще думаю сам к нему заглянуть, не откладывая в долгий ящик».

Когда за вечерело, мастер-вор сел в свою карету и поехал в замок. Граф принял его весьма вежливо, потому что счел его за человека знатного.

Когда же приезжий объяснил, кто он, граф побледнел и на некоторое время смолк.

Наконец, он сказал: «Ты мне крестник, поэтому я сменю гнев на милость и обойдусь с тобою мягко. Так как ты хвалишься, что ты вор-мастер, то я испытаю твое искусство; если же ты испытания не выдержишь, то награжу тебя двумя столбами с перекладиной и придется тебе плясать на веревке под карканье воронов». — «Господин граф, — отвечал мастер-вор, — придумайте три испытания какой угодно трудности, и если я вашу задачу не разрешу, то тогда делайте со мною все, что вам угодно».

Граф на несколько минут задумался, потом сказал: «Ладно! Прежде всего ты должен увести моего парадного коня из конюшни; затем из-под меня и моей супруги ты должен во время нашего сна выкрасть простыни с постели, да так, чтобы мы не заметили, да при этом еще снять с пальца у моей жены ее обручальное кольцо; в-третьих, наконец, ты должен украсть священника и причетника из кирхи. И если хоть одно из этих испытаний не выдержишь — качаться тебе на виселице. Запомни хорошенько — ведь тут дело о твоей голове идет».

Мастер отправился в ближайший город; там он купил одежду у старой крестьянки и нарядился бабой.

Размалевал себе лицо, да еще и рябины подделал, так что никто бы не мог его узнать.

Затем наполнил бочонок старым венгерским вином, в которое еще подмешал очень сильного усыпительного зелья.

Бочонок взвалил он себе на спину поверх котомки и кое-как, переваливаясь и ковыляя, направился к графскому замку.

Было уже темно, когда он туда добрел, он присел во дворе на камень, стал покашливать старческим кашлем и потирал руки, будто бы озябшие.

И на том же дворе перед входом в конюшню расположились около огня солдаты, которые стерегли заветного коня. Один из них заметил старуху и крикнул ей: «Подойди сюда, тетка, погрейся около нашего огня! Небось, и ночлега-то у тебя нет, и ночуешь-то ты где придется?»

Старуха заковыляла к ним, попросила отвязать у нее со спины котомку и подсела к их огню. «Что у тебя там в бочонке, старая карга?» — спросил один из солдат. «Вина глоток, — отвечала она, — я им торгую, тем и живу; вот и вам за денежки да за доброе слово охотно дам по стаканчику». — «А ну-ка! — сказал солдат и, отведав стаканчик, крикнул: — Раз вино оказалось хорошим, так я не прочь и другой стаканчик опрокинуть!» — и велел себе еще налить, и все товарищи последовали его примеру.

«Эй, вы, там, приятели! — крикнул кто-то из солдат тем, что в конюшне сидели. — Тут тетка винца принесла, такого, что, пожалуй, еще старше ее будет — испейте глоточек! Ей-ей, старухино вино лучше нашего огня греет!»

Старуха не поленилась свой бочонок и в конюшню снести. А там один солдат сидел на оседланном графском коне верхом, другой держал коня под уздцы, а третий за хвост его ухватил.

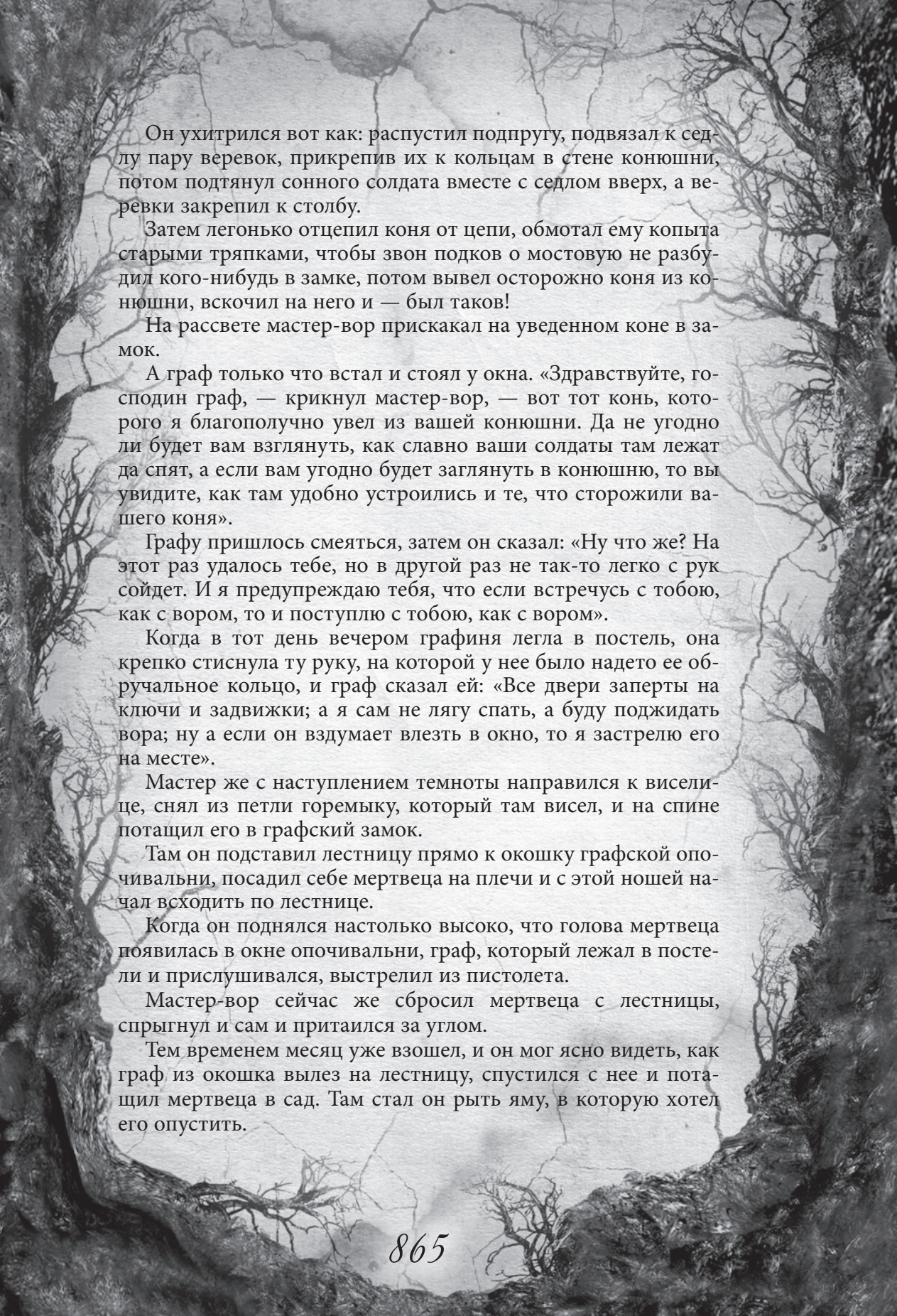
Старуха стала подносить им, сколько было их душе угодно, пока весь бочонок не опорожнился.

Вскоре один из них выпустил узду из рук, прилег наземь и захрапел; другой хвост из рук выпустил и захрапел еще громче того. Тот, что на коне был, хотя и усидел в седле, но ткнувшись головой в гриву коня, заснул и засопел, словно кузнечный мех. Те, что сидели во дворе вокруг огня, давно уже спали, растянувшись на земле, и не шевелились, словно окаменели.

Увидев это, мастер-вор дал одному вместо узды веревку в руки, другому вместо хвоста — пучок соломы; но что ему было делать с тем, который на коне сидел верхом?

Сбросить его?

Так, пожалуй, еще проснется да крик подымет!

Он ухитрился вот как: распустил подпругу, подвязал к седлу пару веревок, прикрепив их к кольцам в стене конюшни, потом подтянул сонного солдата вместе с седлом вверх, а веревки закрепил к столбу.

Затем легонько отцепил коня от цепи, обмотал ему копыта старыми тряпками, чтобы звон подков о мостовую не разбудил кого-нибудь в замке, потом вывел осторожно коня из конюшни, вскочил на него и — был таков!

На рассвете мастер-вор прискакал на уведенном коне в замок.

А граф только что встал и стоял у окна. «Здравствуйте, господин граф, — крикнул мастер-вор, — вот тот конь, которого я благополучно увел из вашей конюшни. Да не угодно ли будет вам взглянуть, как славно ваши солдаты там лежат да спят, а если вам угодно будет заглянуть в конюшню, то вы увидите, как там удобно устроились и те, что сторожили вашего коня».

Графу пришлось смеяться, затем он сказал: «Ну что же? На этот раз удалось тебе, но в другой раз не так-то легко с рук сойдет. И я предупреждаю тебя, что если встречу с тобою, как с вором, то и поступлю с тобою, как с вором».

Когда в тот день вечером графиня легла в постель, она крепко стиснула ту руку, на которой у нее было надето ее обручальное кольцо, и граф сказал ей: «Все двери заперты на ключи и задвижки; а я сам не лягу спать, а буду поджидать вора; ну а если он вздумает влезть в окно, то я застрелю его на месте».

Мастер же с наступлением темноты направился к виселице, снял из петли горемыку, который там висел, и на спине потащил его в графский замок.

Там он подставил лестницу прямо к окошку графской опочивальни, посадил себе мертвеца на плечи и с этой ношей начал всходить по лестнице.

Когда он поднялся настолько высоко, что голова мертвеца появилась в окне опочивальни, граф, который лежал в постели и прислушивался, выстрелил из пистолета.

Мастер-вор сейчас же сбросил мертвеца с лестницы, спрыгнул и сам и притаился за углом.

Тем временем месяц уже взошел, и он мог ясно видеть, как граф из окошка вылез на лестницу, спустился с нее и потащил мертвеца в сад. Там стал он рыть яму, в которую хотел его опустить.

«Теперь, — сказал вор, — самое настоящее время!»

Проворно выскочил он из своего угла, взобрался на лестницу — и прямо в опочивальню к графине. «Голубушка, — говорил он голосом графа, — вора-то я убил, но ведь он все же мне крестник, и был-то он скорее плутом, нежели злодеем; а потому и не хочу я предать его на общий позор, да и бедных родителей его жалко. Вот я до рассвета и думаю сам похоронить его в саду, чтобы огласки не было. Дай, кстати, мне и простыню из-под себя, я заверну в нее покойника и зарю его, как собаку».

Графиня отдала ему простыню.

«А знаешь ли что? — сказал вдруг мнимый граф. — На меня порыв великодушия нашел: давай мне и кольцо свое! Этот несчастный из-за этого твоего кольца жизни не пожалел, так уж пусть возьмет его с собой и в могилу!»

Графиня не хотела перечить графу, и хоть очень неохотно, но все же сняла с пальца кольцо и отдала его вору. Тот улизнул с кольцом и простынею и благополучно прибыл домой, прежде чем граф закончил в саду свою работу.

Какое лицо вытянул на другое утро граф, когда мастер-вор пришел к нему и подал ему свои трофеи!

«Да ты что же? Колдун, что ли? — спросил он у вора. — Кто тебя вырыл из могилы, в которую я сам тебя опустил? Кто оживил тебя?» — «Меня вы не изволили опускать в могилу, — сказал вор, — вы в ней похоронили висельника».

И он рассказал графу в подробности, как все было. И граф должен был отдать справедливость его чрезвычайной ловкости и хитрости. «Но ведь это еще не все! — добавил он. — Тебе еще предстоит разрешить третью задачу, и если это тебе не удастся, то остальное тебя не спасет!»

Мастер-вор только усмехнулся и ничего не ответил графу.

С наступлением ночи вор явился с длинным мешком за спиною, с большим узлом под мышкою и с фонарем в руке к кирхе.

В мешке у него были живые раки, в узле — коротенькие восковые свечи.

Он присел на кладбище, вытащил рака из мешка, а из узла восковую свечку, которую и прилепил ему на спину, потом зажег свечку, опустил рака на землю и пустил его ползать.

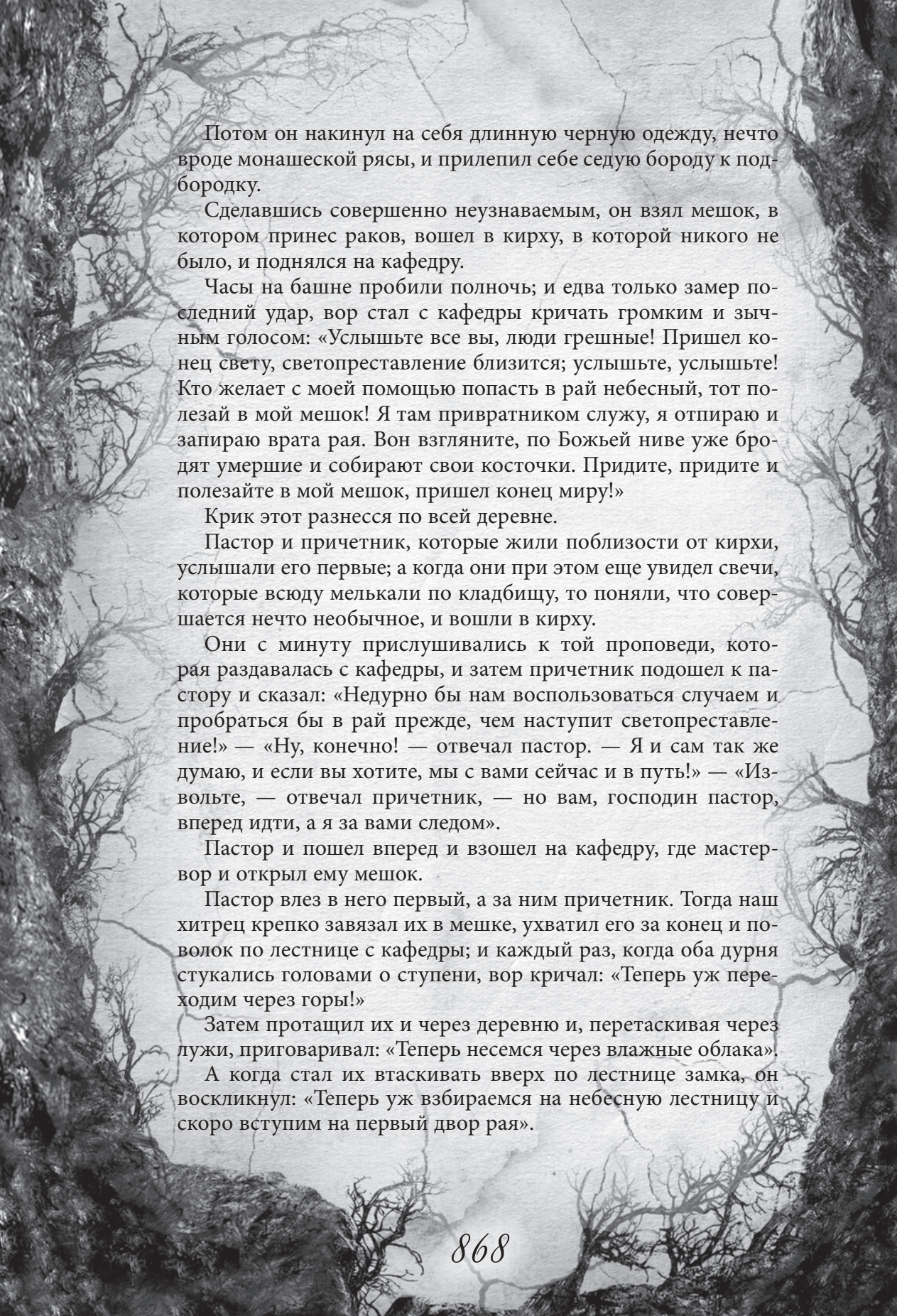
Затем то же самое сделал он и с другими раками и так выпустил всех раков по кладбищу.

«Искусный вор».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...Старуха стала подносить им, сколько было их душе угодно,
пока весь боленок не спорожнелся...»*

Потом он накинул на себя длинную черную одежду, нечто вроде монашеской рясы, и прилепил себе седую бороду к подбородку.

Сделавшись совершенно неузнаваемым, он взял мешок, в котором принес раков, вошел в кирху, в которой никого не было, и поднялся на кафедру.

Часы на башне пробили полночь; и едва только замер последний удар, вор стал с кафедры кричать громким и зычным голосом: «Услышьте все вы, люди грешные! Пришел конец свету, светопреставление близится; услышьте, услышьте! Кто желает с моей помощью попасть в рай небесный, тот полезай в мой мешок! Я там привратником служу, я отпираю и запираю врата рая. Вон взгляните, по Божьей ниве уже бродят умершие и собирают свои косточки. Придите, придите и полезайте в мой мешок, пришел конец миру!»

Крик этот разнесся по всей деревне.

Пастор и причетник, которые жили поблизости от кирхи, услышали его первые; а когда они при этом еще увидел свечи, которые всюду мелькали по кладбищу, то поняли, что совершается нечто необычное, и вошли в кирху.

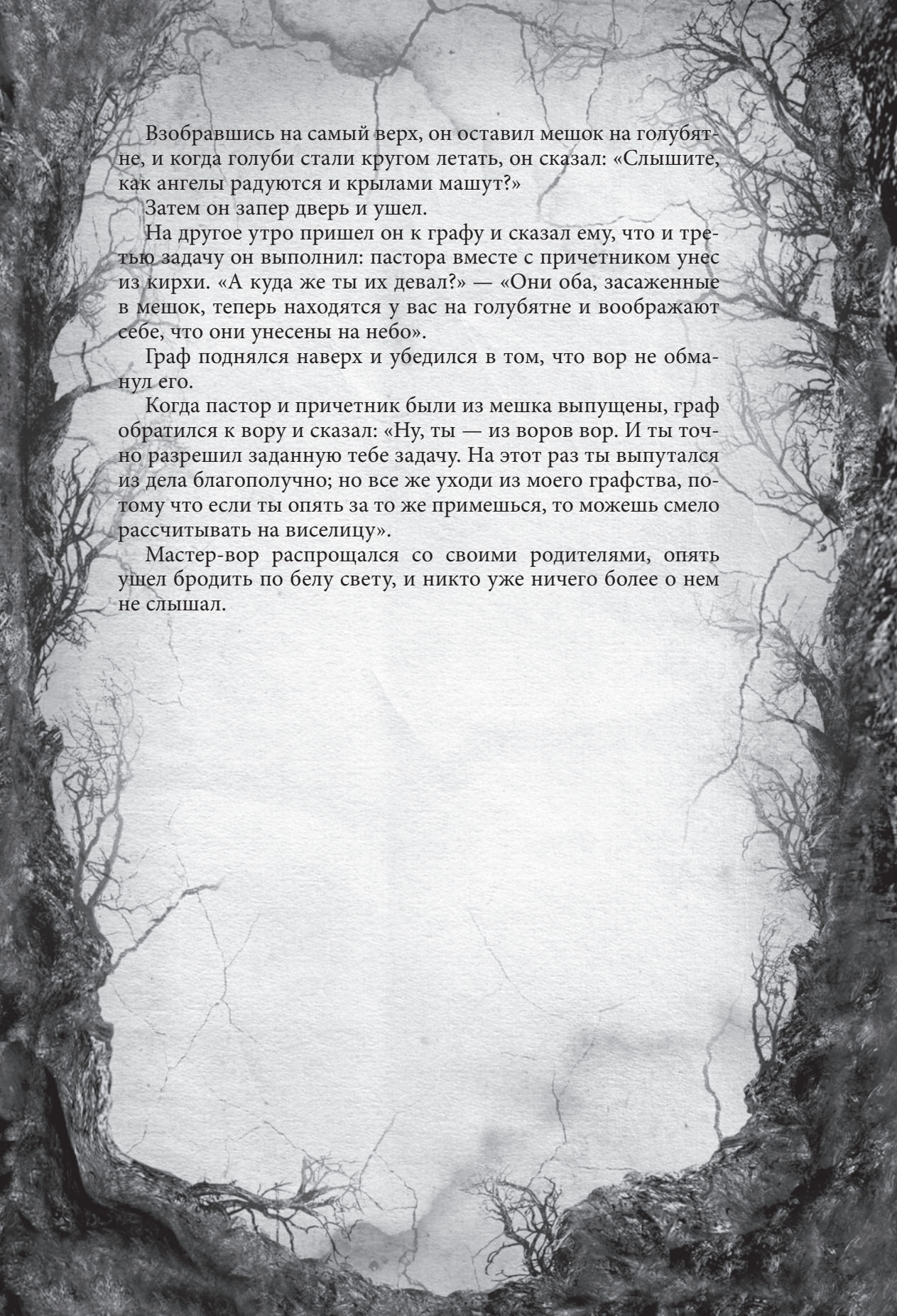
Они с минуту прислушивались к той проповеди, которая раздавалась с кафедры, и затем причетник подошел к пастору и сказал: «Недурно бы нам воспользоваться случаем и пробраться бы в рай прежде, чем наступит светопреставление!» — «Ну, конечно! — отвечал пастор. — Я и сам так же думаю, и если вы хотите, мы с вами сейчас и в путь!» — «Извольте, — отвечал причетник, — но вам, господин пастор, вперед идти, а я за вами следом».

Пастор и пошел вперед и взошел на кафедру, где мастер-вор и открыл ему мешок.

Пастор влез в него первый, а за ним причетник. Тогда наш хитрец крепко завязал их в мешке, ухватил его за конец и поволок по лестнице с кафедры; и каждый раз, когда оба дурня стукались головами о ступени, вор кричал: «Теперь уж переходим через горы!»

Затем протащил их и через деревню и, перетаскивая через лужи, приговаривал: «Теперь несемся через влажные облака».

А когда стал их втаскивать вверх по лестнице замка, он воскликнул: «Теперь уж взбираемся на небесную лестницу и скоро вступим на первый двор рая».

Взобравшись на самый верх, он оставил мешок на голубятне, и когда голуби стали кругом летать, он сказал: «Слышите, как ангелы радуются и крылами машут?»

Затем он запер дверь и ушел.

На другое утро пришел он к графу и сказал ему, что и третью задачу он выполнил: пастора вместе с причетником унес из кирхи. «А куда же ты их девал?» — «Они оба, засаженные в мешок, теперь находятся у вас на голубятне и воображают себе, что они унесены на небо».

Граф поднялся наверх и убедился в том, что вор не обманул его.

Когда пастор и причетник были из мешка выпущены, граф обратился к вору и сказал: «Ну, ты — из воров вор. И ты точно разрешил заданную тебе задачу. На этот раз ты выпутался из дела благополучно; но все же уходи из моего графства, потому что если ты опять за то же примешься, то можешь смело рассчитывать на виселицу».

Мастер-вор распрощался со своими родителями, опять ушел бродить по белу свету, и никто уже ничего более о нем не слышал.

Барабанщик

Однажды вечером молодой барабанщик вышел один в поле и пришел к озеру; тут увидел он, что на берегу лежат три кусочка белого холста. «Какое полотно-то тонкое», — сказал он и один из этих кусочков сунул в карман.

Он пошел домой, о своей находке и думать забыл и преспокойно улегся в постель.

Чуть только стал он засыпать, ему почудилось, что кто-то зовет его по имени.

Он стал прислушиваться и расслышал тоненький голосок, который кричал ему: «Барабанщик, а барабанщик, вставай!»

Ночь была темная, и он никого не мог видеть, но ему показалось, что перед его кроватью носится какая-то легкая тень.

«Чего тебе от меня нужно?» — спросил он. «Отдай мне мою рубашку, — отвечал ему голос, — ту самую, которую ты вчера унес с озера». — «Ты ее получишь, если скажешь мне, кто ты». — «Ах, — воскликнул опять тот же голос, — я дочь могущественного короля, попала в руки ведьмы и вынуждена жить на стеклянной горе. Каждый день я должна вместе с моими двумя сестрами купаться в озере, но без моей рубашки я не могу с озера улететь. Сестры уже полетели домой, а я должна была отстать от них. Прошу тебя, отдай мне мою рубашку». — «Успокойся, бедняжка, — сказал ей барабанщик, — охотно возвращу тебе твою рубашку», — и подал ей рубашку в темноте.

Она быстро схватила ее и хотела с нею умчаться.

«Обожди минутку, — сказал он ей, — быть может, я могу тебе помочь?» — «Помочь ты мне можешь только тогда, когда ты поднимешься на стеклянную гору и избавишь меня из-под власти ведьмы. Но тебе не дойти до той горы, да если бы ты и пришел к ней, так на нее не взберешься». — «Захочу, так взберусь! — сказал барабанщик. — Мне тебя жалко, а страху я не ведаю. Но ведь я не знаю дороги к той стеклянной горе!» —

«Дорога идет лесом, в котором живут людоеды, — отвечал голос, — и больше я ничего тебе не смею сказать».

Затем он услышал, как она улетела.

На рассвете барабанщик поднялся, повесил свой барабан через плечо и бесстрашно двинулся вглубь того леса, в котором жили людоеды. Пройдя по нему некоторое расстояние и не видя ни одного великана, барабанщик подумал: «Надо мне этих негодяев разбудить», — принялся за барабан и давай выбивать на нем такую дробь, что птицы с криком взвились с деревьев!

Вскоре из травы поднялся и великан, который в траве спал, поднялся и стал с сосною вровень.

«Козьявка этакая! — крикнул великан. — Как смеешь ты тут барабанить? Самый-то сладкий сон мой нарушил!» — «Я потому и барабанил, чтобы указать путь многотысячному войску, которое идет за мною следом», — отвечал барабанщик.

«А этому многотысячному войску чего же нужно в моем лесу?» — спросил великан.

«Они хотят лес от такого чудовища, как ты, очистить, а тебе карачун прописать». — «Ого! Да я вас всех, как мурашей, растопчу!» — «Ты воображаешь себе, что мог бы против них что-нибудь сделать? — сказал барабанщик. — Да ведь если ты нагнешься, чтобы хоть одного ухватить, то он отпрыгнет и спрячется; а чуть ты спать ляжешь, они из всех кустов повывезут и полезут на тебя: у каждого в руках стальной молоток, и этими молотками они тебе живо прошибут череп».

Великан нахмурился и подумал: «Коли я с этим хитрым народом схвачусь, так, пожалуй, и точно — не приключилось бы мне какого зла! Волка и медведя я задушить могу, а от этих червяков отбиться будет мудрено».

«Слышь-ка, маленький человек, — сказал великан, — ступай назад, я обещаю тебе, что впредь не трону ни тебя, ни твоих товарищей, и если ты еще чего-нибудь желаешь, то говори смело: я не прочь кое-что сделать для твоего удовольствия». — «Ноги у тебя длинные, — сказал барабанщик, — и ты можешь бегать скорее меня; так вот, снеси меня к стеклянной горе, а я подам моим товарищам знак, чтобы они отступили и на этот раз оставили тебя в покое». — «Ступай сюда, червяк, — сказал великан, — садись на мое плечо, и я понесу тебя туда, куда ты желаешь». Великан его поднял, и барабанщик, сидя у него на плече, стал барабанить, что ему в голову взбрело. Великан подумал: «Это он дает своим знак к отступлению».

Немного спустя на пути им попался другой великан, который засунул барабанщика в петлицу своей одежды. Наш смельчак ухватился за пуговицу, которая была величиною с доброе блюдо, держался крепко и првесело посматривал кругом.

Затем пришли они к третьему великану, который вынул барабанщика из петлицы и посадил на поля своей шляпы; и стал там барабанщик взад и вперед расхаживать и поверх деревьев поглядывать, и когда увидел гору в синей дали, то подумал: «Это, вероятно, и есть стеклянная гора!» — и не ошибся.

Великан всего только два шага переступил, как они уже очутились у подошвы горы, где барабанщик и был ссажен на землю. Барабанщик потребовал, чтобы великан его отнес на самую вершину горы, но тот только потряс головою, проворчал что-то себе в бороду и ушел в лес.

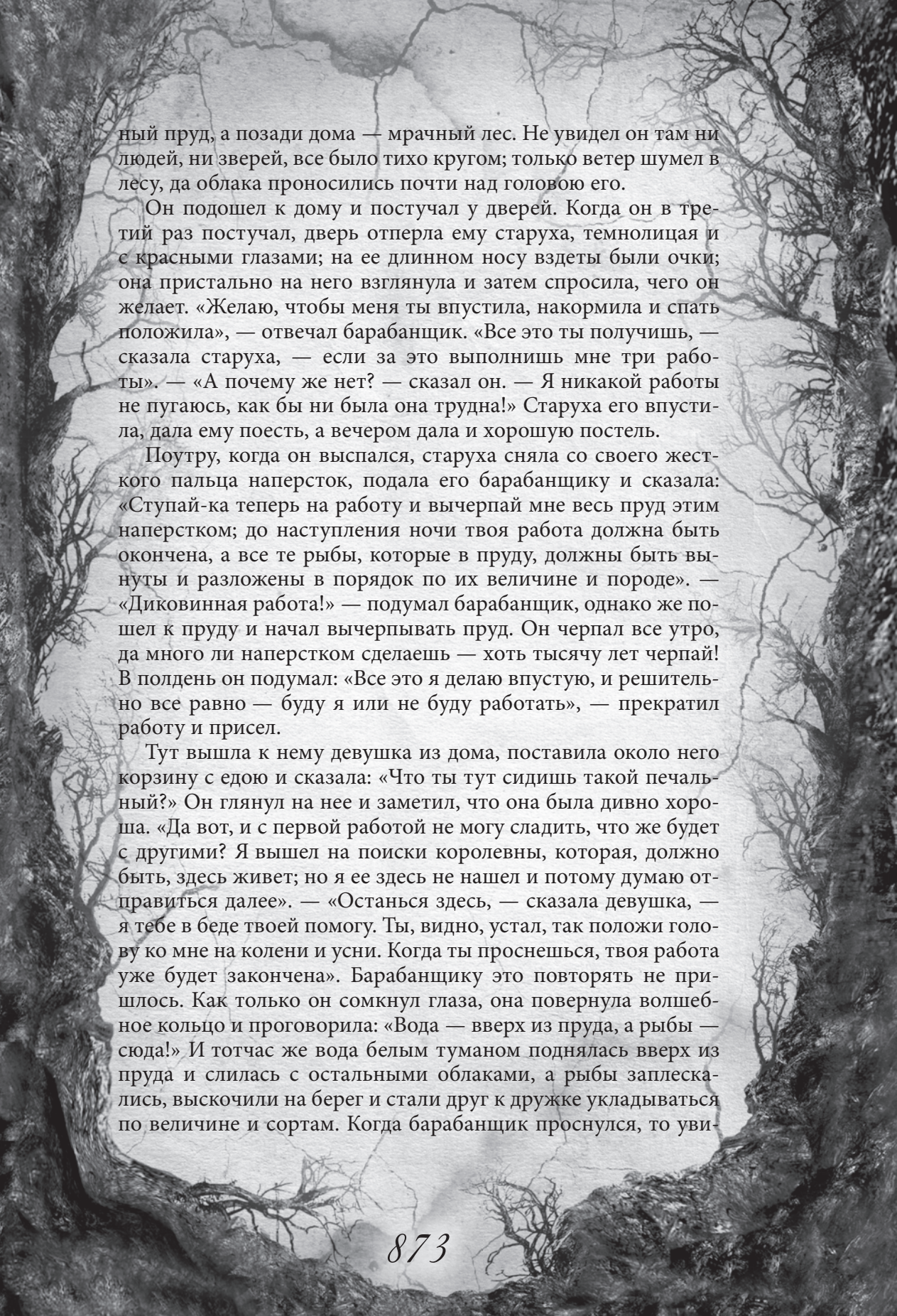
Вот и стал бедняк перед горой, которая была настолько высока, как если бы три горы были поставлены одна на другую, и притом гладкая, как зеркало; он решительно не знал, как ему на ту гору подняться. Попытался было лезть — напрасно! — все соскальзывал вниз. «Вот кабы теперь птицей быть!» — подумал он. Но что в том толку? Крылья от думы не отрастут!

Между тем как он стоял так без всякой пользы и без помощи, он вдруг увидел недалеко двоих людей, которые горячо между собою спорили. Он подошел к ним и увидел, что они спорят из-за седла, которое перед ними лежало, и что каждый заявлял на него свои притязания.

«Ну, что вы за дурачье! — сказал он. — Ссоритесь из-за седла, а у вас и лошади-то нет!» — «Как из-за такого седла не спорить?! — отвечал один из споривших. — Ведь тому, кто на него сядет, стоит только пожелать где-нибудь очутиться, хоть будь то на краю света, так мигом там и очутится! И это седло принадлежит нам обоим, очередь на нем ехать теперь за мною; а вот он этого-то и не хочет допустить». — «Так я же сейчас решу ваш спор, — сказал барабанщик, отошел немного далее и воткнул белую палку в землю; затем он вернулся и сказал: — Вот, бегите к этой цели — кто первый добежит, тот пусть на седле и едет!»

Они-то пустились во весь дух, но едва отбежали они несколько шагов, как барабанщик вскочил в седло, пожелал очутиться на стеклянной горе и в один миг уже был там.

На вершине горы расстилалась равнина, на той равнине стоял старый каменный дом, перед домом — большой рыб-

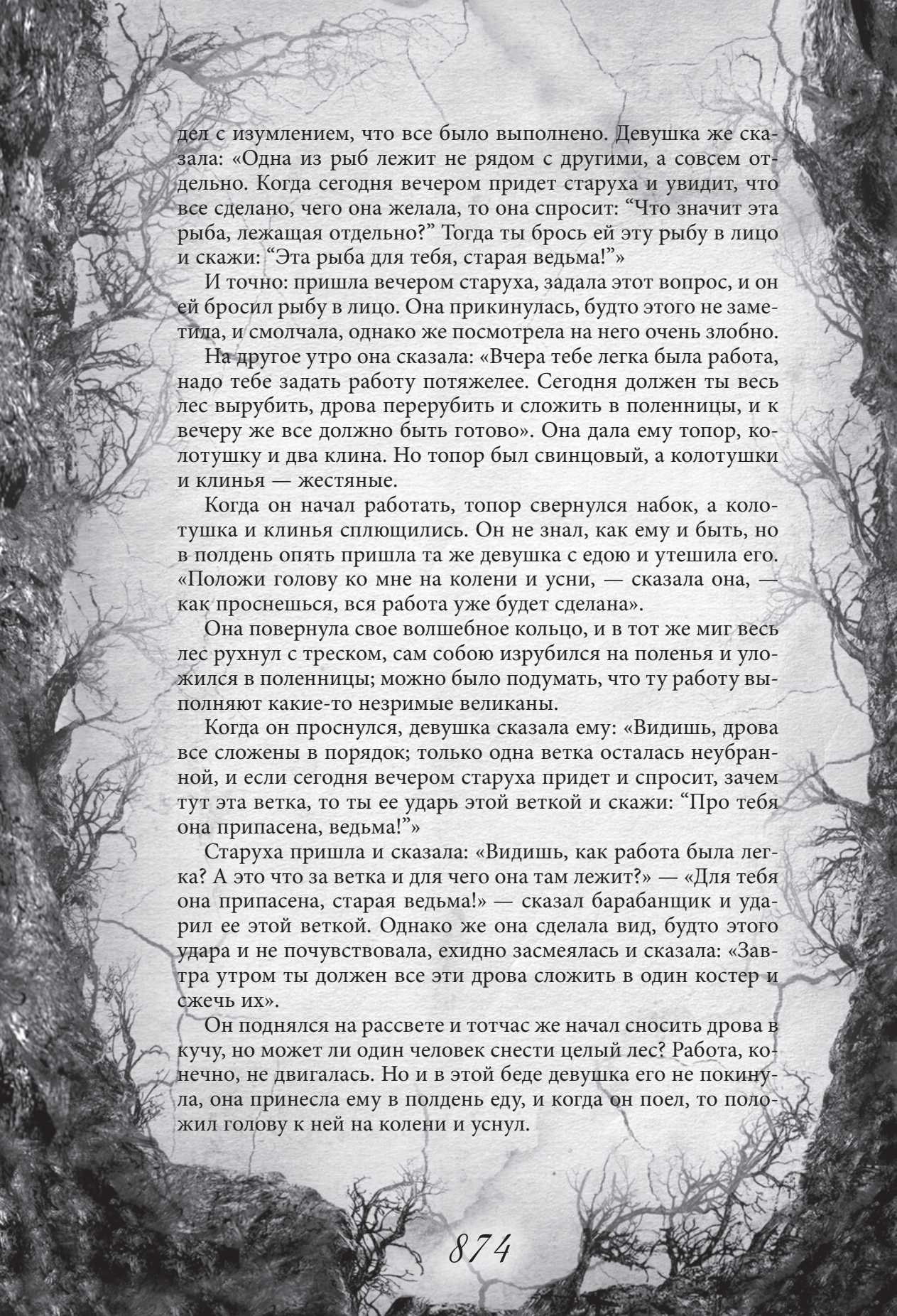

ный пруд, а позади дома — мрачный лес. Не увидел он там ни людей, ни зверей, все было тихо кругом; только ветер шумел в лесу, да облака проносились почти над головою его.

Он подошел к дому и постучал у дверей. Когда он в третий раз постучал, дверь отперла ему старуха, темнотица и с красными глазами; на ее длинном носу вздеты были очки; она пристально на него взглянула и затем спросила, чего он желает. «Желаю, чтобы меня ты впустила, накормила и спать положила», — отвечал барабанщик. «Все это ты получишь, — сказала старуха, — если за это выполнишь мне три работы». — «А почему же нет? — сказал он. — Я никакой работы не пугаюсь, как бы ни была она трудна!» Старуха его впустила, дала ему поесть, а вечером дала и хорошую постель.

Поутру, когда он выспался, старуха сняла со своего жесткого пальца наперсток, подала его барабанщику и сказала: «Ступай-ка теперь на работу и вычерпай мне весь пруд этим наперстком; до наступления ночи твоя работа должна быть окончена, а все те рыбы, которые в пруду, должны быть вынуты и разложены в порядок по их величине и породе». — «Диковинная работа!» — подумал барабанщик, однако же пошел к пруду и начал вычерпывать пруд. Он черпал все утро, да много ли наперстком сделаешь — хоть тысячу лет черпай! В полдень он подумал: «Все это я делаю впустую, и решительно все равно — буду я или не буду работать», — прекратил работу и присел.

Тут вышла к нему девушка из дома, поставила около него корзину с едою и сказала: «Что ты тут сидишь такой печальный?» Он глянул на нее и заметил, что она была дивно хороша. «Да вот, и с первой работой не могу сладить, что же будет с другими? Я вышел на поиски королевны, которая, должно быть, здесь живет; но я ее здесь не нашел и потому думаю отправиться далее». — «Останься здесь, — сказала девушка, — я тебе в беде твоей помогу. Ты, видно, устал, так положи голову ко мне на колени и усни. Когда ты проснешься, твоя работа уже будет закончена». Барабанщику это повторять не пришлось. Как только он сомкнул глаза, она повернула волшебное кольцо и проговорила: «Вода — вверх из пруда, а рыбы — сюда!» И тотчас же вода белым туманом поднялась вверх из пруда и слилась с остальными облаками, а рыбы заплескались, выскочили на берег и стали друг к дружке укладываться по величине и сортам. Когда барабанщик проснулся, то уви-

дел с изумлением, что все было выполнено. Девушка же сказала: «Одна из рыб лежит не рядом с другими, а совсем отдельно. Когда сегодня вечером придет старуха и увидит, что все сделано, чего она желала, то она спросит: “Что значит эта рыба, лежащая отдельно?” Тогда ты брось ей эту рыбу в лицо и скажи: “Эта рыба для тебя, старая ведьма!”»

И точно: пришла вечером старуха, задала этот вопрос, и он ей бросил рыбу в лицо. Она прикинулась, будто этого не замечает, и смолчала, однако же посмотрела на него очень злобно.

На другое утро она сказала: «Вчера тебе легка была работа, надо тебе задать работу потяжелее. Сегодня должен ты весь лес вырубить, дрова перерубить и сложить в поленницы, и к вечеру же все должно быть готово». Она дала ему топор, колотушку и два клина. Но топор был свинцовый, а колотушки и клинья — жестяные.

Когда он начал работать, топор свернулся набок, а колотушка и клинья сплющились. Он не знал, как ему и быть, но в полдень опять пришла та же девушка с едою и утешила его. «Положи голову ко мне на колени и усни, — сказала она, — как проснешься, вся работа уже будет сделана».

Она повернула свое волшебное кольцо, и в тот же миг весь лес рухнул с треском, сам собою изрубился на поленья и уложился в поленницы; можно было подумать, что ту работу выполняют какие-то незримые великаны.

Когда он проснулся, девушка сказала ему: «Видишь, дрова все сложены в порядок; только одна ветка осталась неубранной, и если сегодня вечером старуха придет и спросит, зачем тут эта ветка, то ты ее ударь этой веткой и скажи: “Про тебя она припасена, ведьма!”»

Старуха пришла и сказала: «Видишь, как работа была легка? А это что за ветка и для чего она там лежит?» — «Для тебя она припасена, старая ведьма!» — сказал барабанщик и ударил ее этой веткой. Однако же она сделала вид, будто этого удара и не почувствовала, ехидно засмеялась и сказала: «Завтра утром ты должен все эти дрова сложить в один костер и сжечь их».

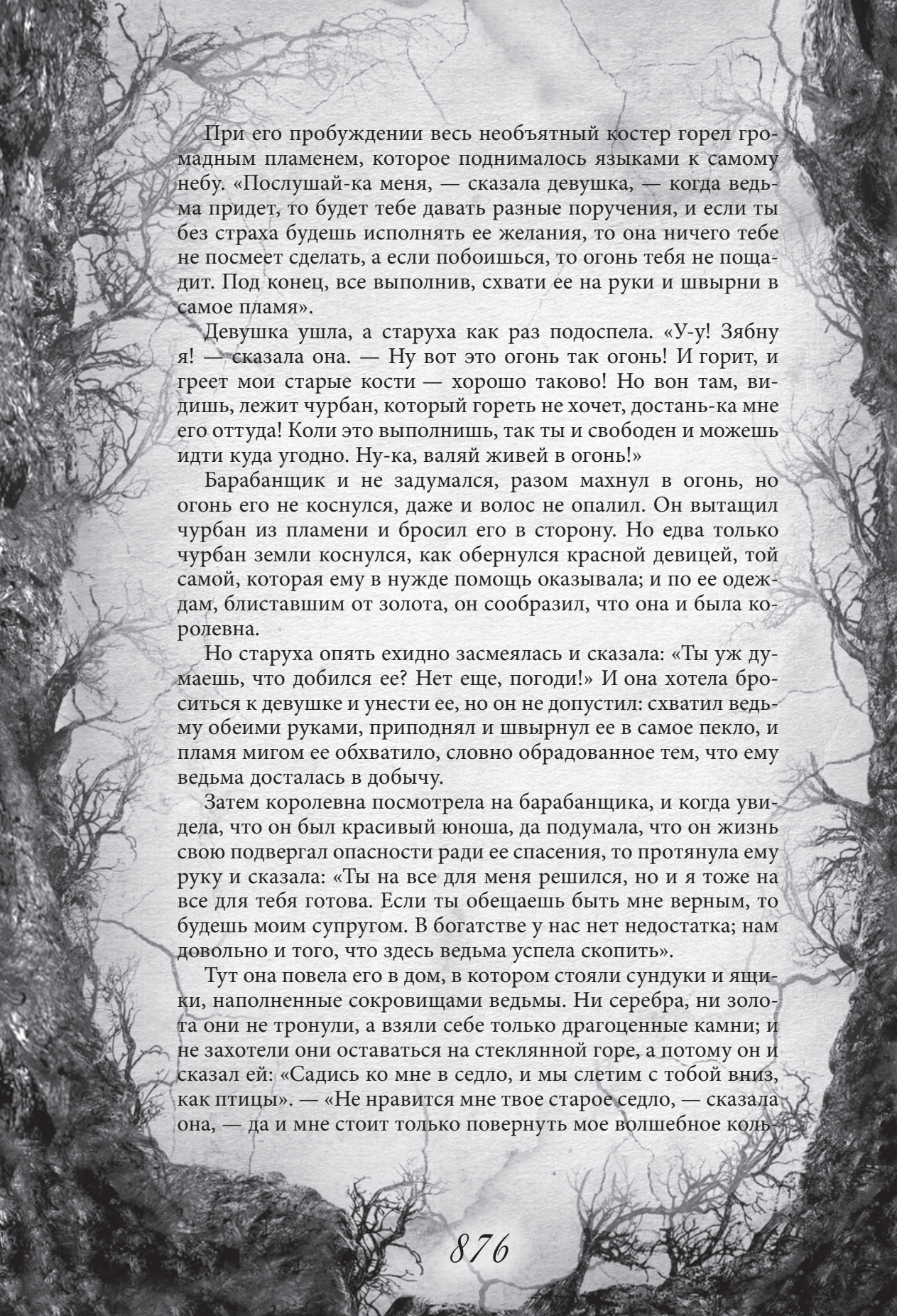
Он поднялся на рассвете и тотчас же начал сносить дрова в кучу, но может ли один человек снести целый лес? Работа, конечно, не двигалась. Но и в этой беде девушка его не покинула, она принесла ему в полдень еду, и когда он поел, то положил голову к ней на колени и уснул.

«Барабанщик».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«...схватил ведьму обеими руками,
приподнял и швырнул ее в самое пекло...»*

При его пробуждении весь необъятный костер горел громадным пламенем, которое поднималось языками к самому небу. «Послушай-ка меня, — сказала девушка, — когда ведьма придет, то будет тебе давать разные поручения, и если ты без страха будешь исполнять ее желания, то она ничего тебе не посмеет сделать, а если побоишься, то огонь тебя не пощадит. Под конец, все выполнив, схвати ее на руки и швырни в самое пламя».

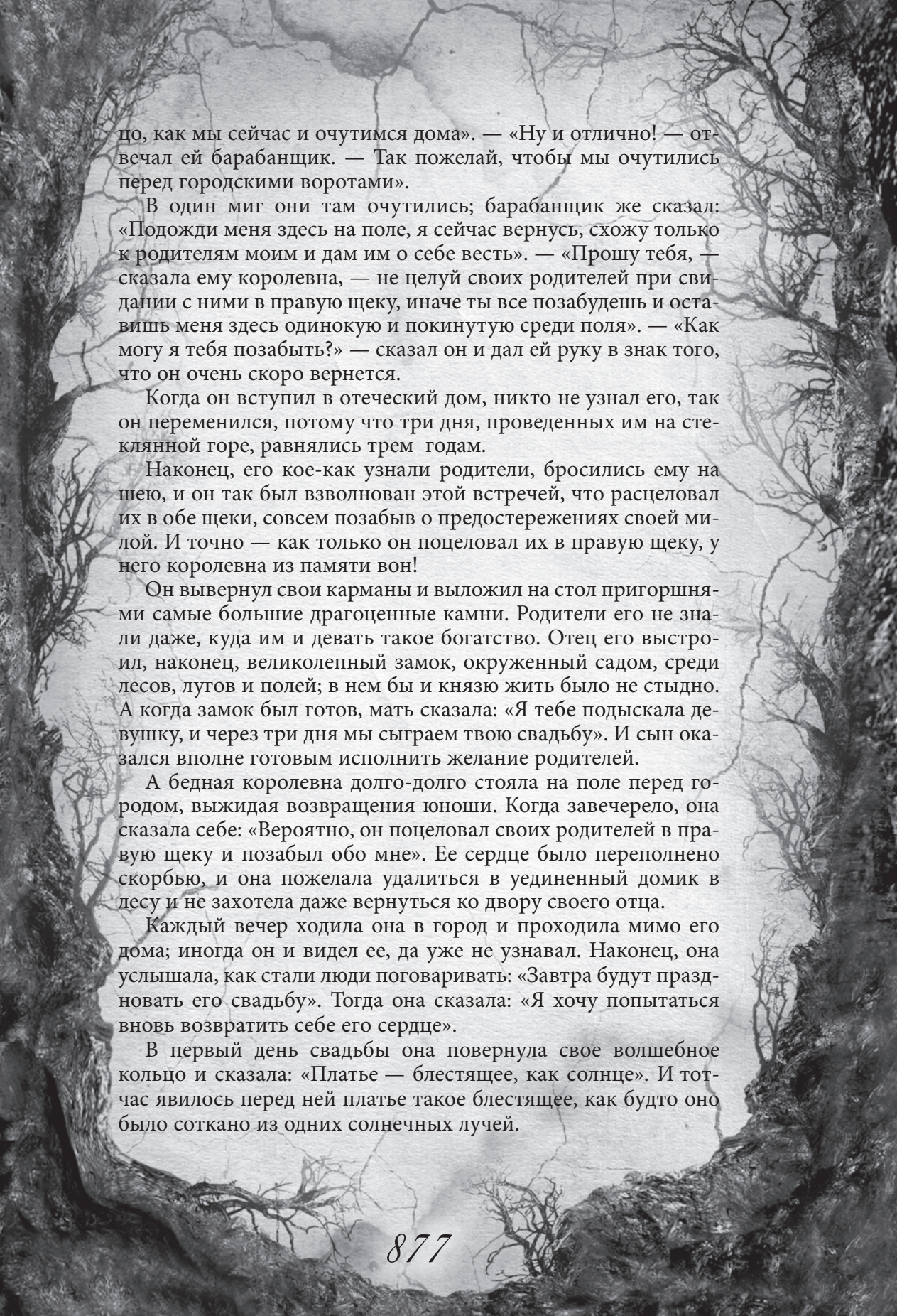
Девушка ушла, а старуха как раз подросла. «У-у! Зябну я! — сказала она. — Ну вот это огонь так огонь! И горит, и греет мои старые кости — хорошо таково! Но вон там, видишь, лежит чурбан, который гореть не хочет, достань-ка мне его оттуда! Коли это выполнишь, так ты и свободен и можешь идти куда угодно. Ну-ка, валяй живей в огонь!»

Барабанщик и не задумался, разом махнул в огонь, но огонь его не коснулся, даже и волос не опалил. Он вытащил чурбан из пламени и бросил его в сторону. Но едва только чурбан земли коснулся, как обернулся красной девицей, той самой, которая ему в нужде помощь оказывала; и по ее одежкам, блиставшим от золота, он сообразил, что она и была королевна.

Но старуха опять ехидно засмеялась и сказала: «Ты уж думаешь, что добился ее? Нет еще, погоди!» И она хотела броситься к девушке и унести ее, но он не допустил: схватил ведьму обеими руками, приподнял и швырнул ее в самое пекло, и пламя мигом ее обхватило, словно обрадованное тем, что ему ведьма досталась в добычу.

Затем королевна посмотрела на барабанщика, и когда увидела, что он был красивый юноша, да подумала, что он жизнь свою подвергал опасности ради ее спасения, то протянула ему руку и сказала: «Ты на все для меня решился, но и я тоже на все для тебя готова. Если ты обещаешь быть мне верным, то будешь моим супругом. В богатстве у нас нет недостатка; нам довольно и того, что здесь ведьма успела скопить».

Тут она повела его в дом, в котором стояли сундуки и ящики, наполненные сокровищами ведьмы. Ни серебра, ни золота они не тронули, а взяли себе только драгоценные камни; и не захотели они оставаться на стеклянной горе, а потому он и сказал ей: «Садись ко мне в седло, и мы слетим с тобой вниз, как птицы». — «Не нравится мне твое старое седло, — сказала она, — да и мне стоит только повернуть мое волшебное коль-

цо, как мы сейчас и очутимся дома». — «Ну и отлично! — отвечал ей барабанщик. — Так пожелай, чтобы мы очутились перед городскими воротами».

В один миг они там очутились; барабанщик же сказал: «Подожди меня здесь на поле, я сейчас вернусь, схожу только к родителям моим и дам им о себе весть». — «Прошу тебя, — сказала ему королева, — не целуй своих родителей при свидании с ними в правую щеку, иначе ты все позабудешь и оставишь меня здесь одинокою и покинутую среди поля». — «Как могу я тебя позабыть?» — сказал он и дал ей руку в знак того, что он очень скоро вернется.

Когда он вступил в отеческий дом, никто не узнал его, так он переменялся, потому что три дня, проведенных им на стеклянной горе, равнялись трем годам.

Наконец, его кое-как узнали родители, бросились ему на шею, и он так был взволнован этой встречей, что расцеловал их в обе щеки, совсем позабыв о предостережениях своей милой. И точно — как только он поцеловал их в правую щеку, у него королева из памяти вон!

Он вывернул свои карманы и выложил на стол пригоршнями самые большие драгоценные камни. Родители его не знали даже, куда им и девать такое богатство. Отец его выстроил, наконец, великолепный замок, окруженный садом, среди лесов, лугов и полей; в нем бы и князю жить было не стыдно. А когда замок был готов, мать сказала: «Я тебе подыскала девушку, и через три дня мы сыграем твою свадьбу». И сын оказался вполне готовым исполнить желание родителей.

А бедная королева долго-долго стояла на поле перед городом, выжидая возвращения юноши. Когда закатилось солнце, она сказала себе: «Вероятно, он поцеловал своих родителей в правую щеку и позабыл обо мне». Ее сердце было переполнено скорбью, и она желала удалиться в уединенный домик в лесу и не захотела даже вернуться ко двору своего отца.

Каждый вечер ходила она в город и проходила мимо его дома; иногда он и видел ее, да уже не узнавал. Наконец, она услышала, как стали люди поговаривать: «Завтра будут праздновать его свадьбу». Тогда она сказала: «Я хочу попытаться вновь возвратить себе его сердце».

В первый день свадьбы она повернула свое волшебное кольцо и сказала: «Платье — блестящее, как солнце». И тотчас явилось перед ней платье такое блестящее, как будто оно было соткано из одних солнечных лучей.

Когда все гости были уже в сборе, королева вступила в зал. Все дивились чудному платью, и более всего сама невеста, а так как она очень любила красивые платья, то пошла к незнакомке и спросила, не продаст ли она ей свое платье. «За деньги не продам, — отвечала та, — но если первую ночь мне дозволено будет провести у двери жениховой опочивальни, то я платье даром отдам».

Невеста должна была согласиться на ее требование, однако же примешала сонного зелья в то вино, которое жених выпивал на ночь, и барабанщик впал в глубокий сон.

Когда все кругом стихло, королева присела у двери опочивальни жениха, приотворила дверь немного и проговорила:

Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!
Неужели все, что было, ты навеки позабыл?
Вспомни, на горе стеклянной ты у ведьмы долго жил.
Вспомни, я тебя спасала от смертельного огня.
Вспомни, как ты мне поклялся не забыть вовек меня!
Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!

Но все было напрасно.

Барабанщик не просыпался, и королева с рассветом должна была уйти, не добившись своей цели.

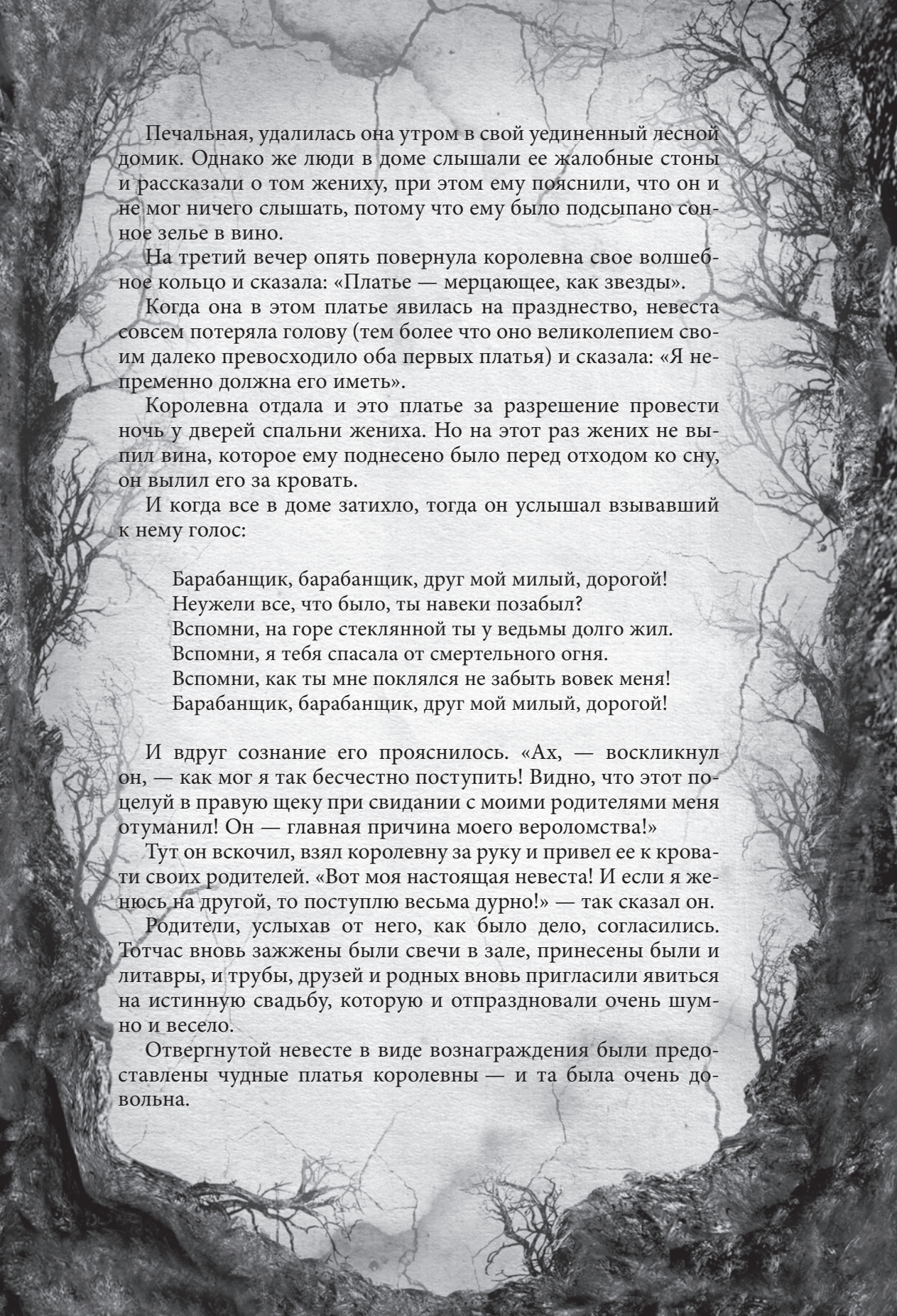
На другой день она опять повернула свое волшебное кольцо и проговорила: «Платье — серебряное, как месяц».

Когда она явилась на свадебное празднество в платье, нежном и по оттенку как лунный свет, она опять возбудила в невесте желание приобрести это платье и уступила его за разрешение и вторую ночь провести там же, где провела первую.

И вот снова стала она взывать среди ночной тишины:

Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!
Неужели все, что было, ты навеки позабыл?
Вспомни, на горе стеклянной ты у ведьмы долго жил.
Вспомни, я тебя спасала от смертельного огня.
Вспомни, как ты мне поклялся не забыть вовек меня!
Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!

Но он был опять опоен сонным зельем, и пробудить его было невозможно.

Печальная, удалилась она утром в свой уединенный лесной домик. Однако же люди в доме слышали ее жалобные стоны и рассказали о том жениху, при этом ему пояснили, что он и не мог ничего слышать, потому что ему было подсыпано сонное зелье в вино.

На третий вечер опять повернула королевна свое волшебное кольцо и сказала: «Платье — мерцающее, как звезды».

Когда она в этом платье явилась на празднество, невеста совсем потеряла голову (тем более что оно великолепием своим далеко превосходило оба первых платья) и сказала: «Я непременно должна его иметь».

Королевна отдала и это платье за разрешение провести ночь у дверей спальни жениха. Но на этот раз жених не выпил вина, которое ему поднесено было перед отходом ко сну, он вылил его за кровать.

И когда все в доме затихло, тогда он услышал взывавший к нему голос:

Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!
Неужели все, что было, ты навеки позабыл?
Вспомни, на горе стеклянной ты у ведьмы долго жил.
Вспомни, я тебя спасала от смертельного огня.
Вспомни, как ты мне поклялся не забыть вовек меня!
Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!

И вдруг сознание его прояснилось. «Ах, — воскликнул он, — как мог я так бесчестно поступить! Видно, что этот поцелуй в правую щеку при свидании с моими родителями меня отуманил! Он — главная причина моего вероломства!»

Тут он вскочил, взял королевну за руку и привел ее к кровати своих родителей. «Вот моя настоящая невеста! И если я женюсь на другой, то поступлю весьма дурно!» — так сказал он.

Родители, услышав от него, как было дело, согласились. Тотчас вновь зажжены были свечи в зале, принесены были и литавры, и трубы, друзей и родных вновь пригласили явиться на истинную свадьбу, которую и отпраздновали очень шумно и весело.

Отвергнутой невесте в виде вознаграждения были предоставлены чудные платья королевны — и та была очень довольна.

Хлебный колос

Некогда, когда Господь Бог сам жил на земле и сама земля была гораздо плодороднее, чем теперь, тогда в колосе было не пятьдесят-шестьдесят, а четыреста-пятьсот зерен. Тогда и зерна на стебле шли снизу доверху, и весь этот стебель составлял один сплошной колос.

Но, как водится между людьми, в изобилии они не придают значения благодати Божией и становятся по отношению к ней равнодушными и легкомысленными.

Однажды шла какая-то женщина мимо хлебного поля, и ее ребенок, бежавший около нее вприпрыжку, свалился в лужу и запачкал себе одежку. Тогда мать сорвала полную горсть чудных колосьев и вычистила ими платье ребенка. Когда Господь, как раз в это время проходивший мимо, увидел, что она делает, то он разгневался и сказал: «Отныне стебли хлебных растений не должны более иметь колосьев, люди недостойны ниспосылаемых им благ». Находившиеся в ту пору вблизи от Господа перепугались, пали перед ним на колени и молили, чтобы он хоть что-нибудь оставил на конце стебля у хлебных растений: «Если мы сами даже и недостойны того, то даруй ради ни в чем неповинных кур, а не то им придется помереть с голоду».

Господь, который уже вперед знал, что куры будут в зерне нуждаться, снизошел до этой просьбы. Вот наверху-то стебля и до сих пор еще остался колос в таком виде, как он тогда был.

Могильный холм

Богатый мужик стоял однажды у себя во дворе и окидывал взглядом свои поля и сады; хлеба были всюду чудесные, а плодовые деревья гнулись под множеством плодов. Зерно прошлого года еще такими гудами лежало на чердаке, что балки едва-едва выносили его тяжесть.

Потом пошел он в хлев: там стояли откормленные быки, жирные коровы и сытые гладкие лошади.

Вернулся он в свою комнату, бросил взгляд на железные сундуки, в которых лежали его деньги.

В то время как он там стоял, озирая свое богатство, вдруг кто-то сильно постучался к нему; но постучался не в дверь его комнаты, а в дверь его сердца...

И та дверь отворилась, и он услышал голос, говоривший ему: «Много ли пользы принесло твоим близким все твое богатство? Снисходил ли ты к нужде бедных? Делился ли ты своим хлебом с голодными? Довольствовался ли ты тем, чем обладал, или желал все большего?»

Сердце не замедлило с ответом на вопросы того голоса: «Да, я был жесток и неумолим и никогда не делал добра моим близким. Когда приходил ко мне бедняк, я отвращал от него взоры. О Боге я позабыл и думал только об увеличении моего богатства. И если бы даже мне принадлежало все то, что существует на свете, мне и того было бы мало...»

Услышав этот ответ сердца, мужик страшно перепугался; колени начали у него дрожать, и он должен был присесть на лавку.

Тут кто-то опять постучал, но на этот раз у дверей комнаты. То был его сосед, бедняк, у которого на руках была целая куча деток, которых он не мог прокормить.

«Знаю я, — подумал бедняк, — сосед у меня богат, но и жесток; не думаю, чтобы он мне помог, но детки мои хлеба просят — так вот надо попытаться...»

И вот он сказал богачу: «Знаю я, что ты нелегко расстаться со своим добром, но я нахожусь в положении безвыходном: дети мои голодают, ссуди ты меня четырьмя мерами ржи».

Богач долго и пристально смотрел на него, и первый луч доброты стал по капельке растоплять ледяную кору скупости. «Четырех мер взаймы я тебе не дам, — сказал он, — а подарю тебе целых восемь мер, но обязав тебя одним условием». — «Что должен я сделать?» — спросил бедняк. «Когда я умру, ты должен будешь провести три ночи на моей могиле».

Не совсем по сердцу бедняку пришлось это условие, но в той нужде, в которой он находился, он готов был на все согласиться; и поэтому он отвечал богачу утвердительно, и понес хлеб домой.

Казалось, что богач предвидел то, что его ожидало: три дня спустя он умер скоропостижно; никто не знал, как это случилось, но никто и не думал о нем горевать.

Когда богача похоронили, бедняк вспомнил свое обещание; он бы и не прочь был с этим обещанием развязаться, но он думал так: «Он оказался по отношению ко мне добрым, я насытил своих голодных деток его хлебом, да если бы этого не было — я дал обещание и должен его сдержать».

При наступлении ночи пошел он на кладбище и присел на могильный холм богача.

Кругом была тишина; только месяц светил на могилы, да изредка пролетала сова, оглашая воздух своим жалобным криком.

При восходе солнца бедняк благополучно вернулся домой; и вторая ночь прошла точно так же спокойно. Под вечер третьего дня бедняку было как-то особенно жутко: ему все казалось, что ему еще предстоит пережить что-то страшное.

Подойдя к кладбищу, он увидел у его ограды человека, совершенно ему незнакомого.

Он был уже немолод, лицо все в рябинах, а глаза острые, так и горят. Весь он был окутан в старый плащ, из-под которого были видны только сапоги со шпорами.

«Чего вам здесь надо? — спросил у него бедняк. — Или вам не страшно на пустом кладбище?» — «Ничего мне не надо, — отвечал незнакомец, — и бояться мне нечего. Я отставной солдат и собираюсь здесь провести ночь, потому что у меня нет другого приюта». — «Коли вы точно ничего не боитесь,

«Могильный холм».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

*«..прорезался первый луч солнца,
и злой дух улетел с громким воплем...»*

так проведите ночь со мною и помогите мне стеречь одну могилу». — «Стоять на страже — солдатское дело, — отвечал тот, — и что бы ни случилось с нами, хорошее или дурное, мы все поделим пополам».

Ударили по рукам и сели рядом на могилу.

Все было тихо до полуночи, а в полночь раздался вдруг в воздухе резкий свист, и оба стража увидели перед собой дьявола, который явился перед ними в своем настоящем виде.

«Прочь отсюда, негодяи! — крикнул он им. — Тот, кто лежит в этой могиле, давно уж принадлежит мне: я унесу его с собою, а если вы не отойдете прочь, то и вам обоим сверну шею!» — «Господин с красным пером, — заговорил солдат, — вы мне не начальник, и я не обязан вас слушаться; ну, а стражу я покамест еще не научился. Ступайте-ка своей дорогой, а мы здесь останемся».

Дьявол подумал: «Золотом, пожалуй, я скорее этих обрванцев сманю».

И, значительно понизив голос, спросил их по-приятельски, не согласятся ли они сойти со своего места, если он им предложит кошелек, полный золота.

«Это — другое дело! — сказал солдат. — Но ведь кошельком, полным золота, нас не удовлетворишь, вот если ты желаешь дать нам столько золота, сколько влезет в один из моих сапогов, так мы тебе очистим место и уйдем». — «Да столько-то у меня с собой не найдется, — сказал дьявол, — но я сейчас вам принесу: в соседнем городе живет у меня приятель-меняла; тот меня охотно ссудит золотом на время».

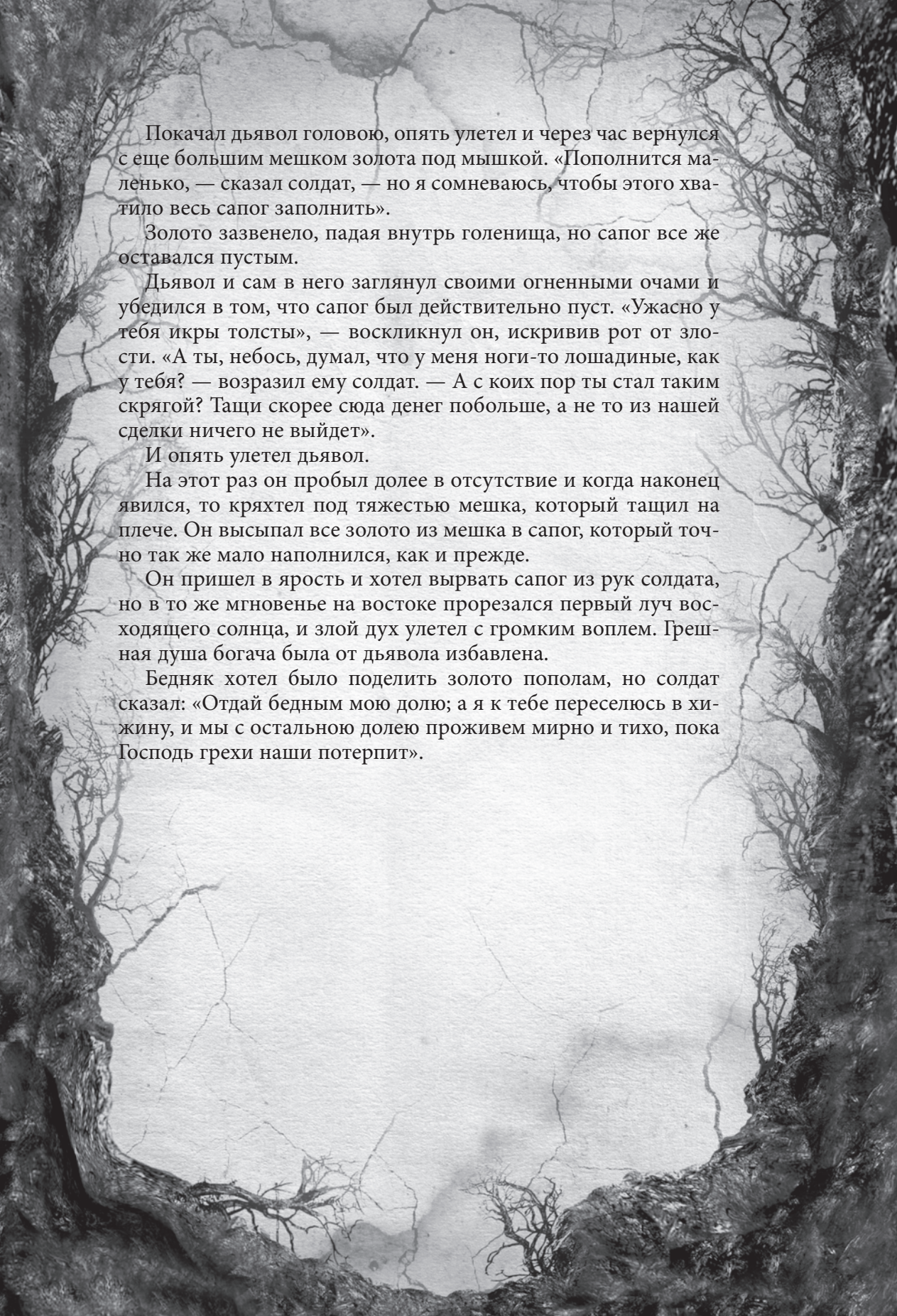
Когда дьявол исчез, солдат снял сапог с левой ноги и сказал: «Давай-ка мы натянем нос черномазому; подай сюда ножик, куманек». Он обрезал подошву у сапога и поставил сапог в высокую траву на край полузаросшей ямы.

«Вот так-то ладно, — сказал он, — теперь пускай приходит нечистая сила!»

Оба опять уселись и стали ждать, и немного спустя явился дьявол с мешочком золота в руках.

«Высыпай сюда, — сказал солдат и чуть-чуть приподнял сапог вверх, — да только этого недостаточно будет».

Дьявол опорожнил мешок, золото просыпалось сквозь сапог, а сапог оказался пустым. «Глупый дьявол! — воскликнул солдат. — Этого не хватит, разве я тебе этого тотчас же не сказал? Возвращайся обратно да больше приноси».

Покачал дьявол головою, опять улетел и через час вернулся с еще большим мешком золота под мышкой. «Пополнится маленько, — сказал солдат, — но я сомневаюсь, чтобы этого хватило весь сапог заполнить».

Золото зазвенело, падая внутрь голенища, но сапог все же оставался пустым.

Дьявол и сам в него заглянул своими огненными глазами и убедился в том, что сапог был действительно пуст. «Ужасно у тебя икры толсты», — воскликнул он, искривив рот от злости. «А ты, небось, думал, что у меня ноги-то лошадиные, как у тебя? — возразил ему солдат. — А с коих пор ты стал таким скрягой? Тащи скорее сюда денег побольше, а не то из нашей сделки ничего не выйдет».

И опять улетел дьявол.

На этот раз он пробыл дольше в отсутствие и когда наконец явился, то кряхтел под тяжестью мешка, который тащил на плече. Он высыпал все золото из мешка в сапог, который точно так же мало наполнился, как и прежде.

Он пришел в ярость и хотел вырвать сапог из рук солдата, но в то же мгновение на востоке прорезался первый луч восходящего солнца, и злой дух улетел с громким воплем. Грешная душа богача была от дьявола избавлена.

Бедняк хотел было поделить золото пополам, но солдат сказал: «Отдай бедным мою долю; а я к тебе переселюсь в хижину, и мы с остальною долею проживем мирно и тихо, пока Господь грехи наши потерпит».

Старый Ринкранк

Жил да был на свете король, а у него была дочка. И велел тот король устроить стеклянную гору и сказал, что кто на ту гору взбежит, не упавши, тот и бери его дочку в жены.

И был такой человек, который королевну очень любил, он и спросил у короля, может ли он получить руку его дочери. «Отчего же? — сказал король. — Если он может взбежать на ту стеклянную гору и не упадет, тогда он может на ней жениться».

Тогда сказала королевна, что она сама с ним хочет на ту гору взбежать, чтобы поддержать его, если он вдруг падать станет.

И вот побежали они вместе, и когда уже были на середине горы, королевна поскользнулась, упала, а гора стеклянная под ней разверзлась, и она туда провалилась; и жених даже не мог указать, где именно она через ту гору провалилась, потому что гора опять тотчас же закрылась и сгладилась.

Он стал сокрушаться, да и король-то тоже опечалился и приказал тотчас сломать стеклянную гору и думал, что ему как-нибудь удастся вытащить из-под нее дочь, но он не мог даже и найти того места, куда она под горою провалилась.

Между тем королевна-то провалилась глубоко под землю и попала в большую пещеру.

Тут повстречала она старика с большою седою бородою, и тот ей сказал, что если она хочет у него быть служанкой и все то делать, что он ей прикажет, то он ее оставит жить у себя, а если не хочет, то тут ей и конец.

Тогда она стала выполнять все, что он ей приказывал.

А старик с утра вынимал свою лестницу из кармана, приставлял ее к горе и, взобравшись по ней, уходил в гору; а лестницу свою он забирал с собою.

И вот она должна была варить ему кушанье и постилать ему постель, и всю указанную ей работу выполнять.

А когда он возвращался домой, то каждый раз приносил с собою кучу золота и серебра.

Когда она у него уже много лет прожила и он уже совсем одряхлел, то он стал называть ее госпожа Мансрот, а ей позволил называть себя Старым Ринкранком.

И вот однажды, когда его не было дома, королева ему постель постелила и посуду вымыла, а затем заперла все окна и все двери накрепко, а небольшое окошечко наверху открыла, чтобы свет через него проходил.

Когда Старый Ринкранк вернулся, то постучал у дверей и крикнул: «Госпожа Мансрот, отвори мне дверь». — «Нет, — отвечала она, — не отворю тебе двери, Старый Ринкранк».

Тогда он сказал:

Я стою больной и старый,
Похудевший и усталый,
Сердце у меня сдает.
Мадемуазель Мансрот,
Ужин ты уже готовишь?

«Нет, ужин я уже приготовила», — отвечала она.

А он опять за свое:

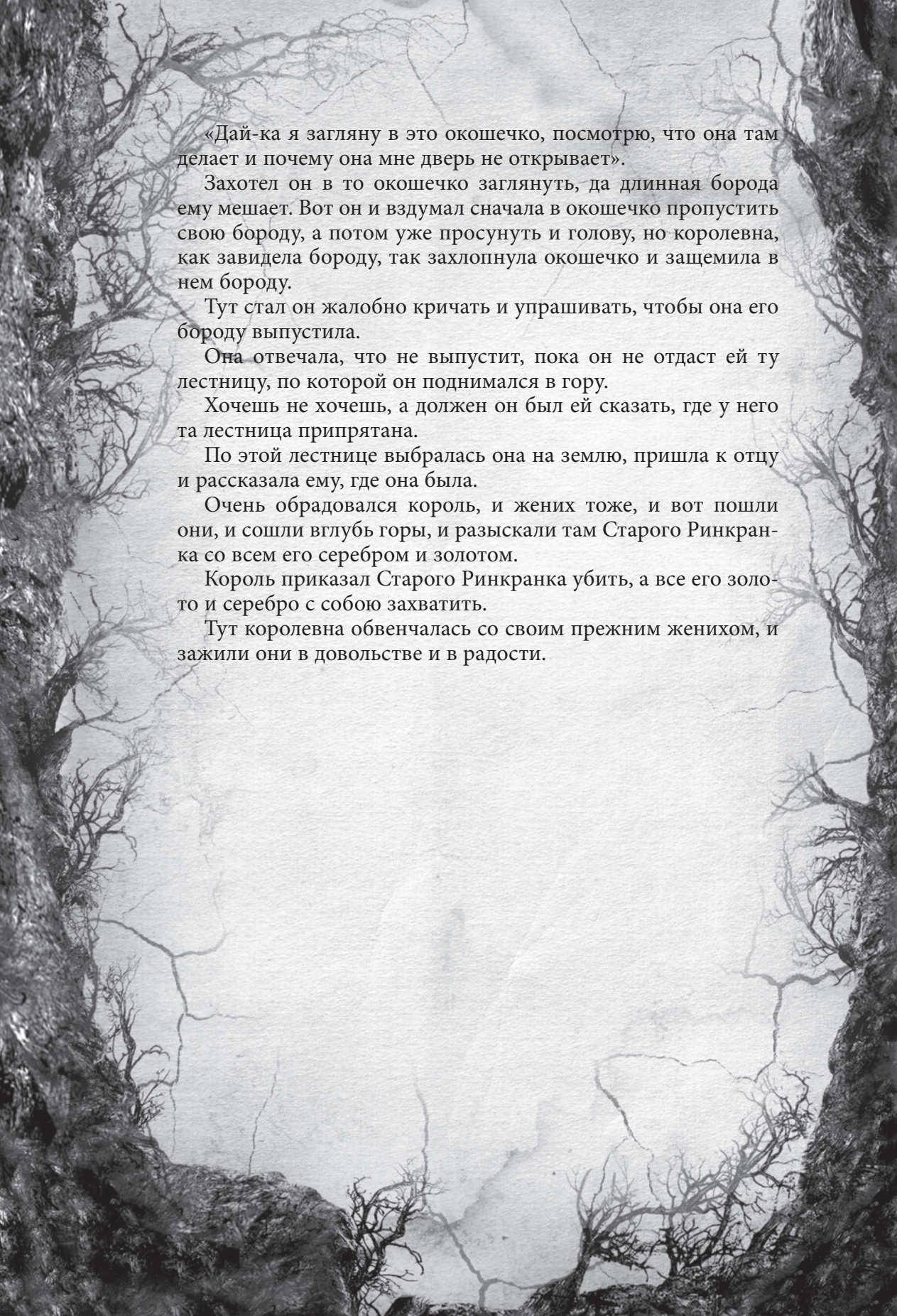
Я стою больной и старый,
Похудевший и усталый,
Сердце у меня сдает.
Мадемуазель Мансрот,
Ты постель уже готовишь?

«Нет, я постель тебе уже сготовила», — отвечала она.

А он опять ей то же:

Я стою больной и старый,
Похудевший и усталый,
Сердце у меня сдает.
Мадемуазель Мансрот,
Отворяй же дверь скорей!

А так как она все не отпирала ему, то он обежал весь свой дом кругом, увидел, что открыто наверху маленькое окошечко, да и подумал:

«Дай-ка я загляну в это окошечко, посмотрю, что она там делает и почему она мне дверь не открывает».

Захотел он в то окошечко заглянуть, да длинная борода ему мешает. Вот он и вздумал сначала в окошечко пропустить свою бороду, а потом уже просунуть и голову, но королевна, как увидела бороду, так захлопнула окошечко и защемила в нем бороду.

Тут стал он жалобно кричать и упрашивать, чтобы она его бороду выпустила.

Она отвечала, что не выпустит, пока он не отдаст ей ту лестницу, по которой он поднимался в гору.

Хочешь не хочешь, а должен он был ей сказать, где у него та лестница припрятана.

По этой лестнице выбралась она на землю, пришла к отцу и рассказала ему, где она была.

Очень обрадовался король, и жених тоже, и вот пошли они, и сошли вглубь горы, и разыскали там Старого Ринкранка со всем его серебром и золотом.

Король приказал Старого Ринкранка убить, а все его золото и серебро с собою захватить.

Тут королевна обвенчалась со своим прежним женихом, и зажили они в довольстве и в радости.

Хрустальный шар

Некогда жила на свете волшебница, и были у нее три сына, которые были связаны между собой горячею братской любовью. Но старуха-мать им не доверяла и думала, что они хотят у нее похитить ее власть.

Вот и обратила она старшего сына своего в орла, который должен был гнездиться на высокой скале.

И лишь изредка можно было видеть, как он плавал в небе широкими кругами.

Второго она оборотила китом, и жить ему пришлось в глубине морской.

И лишь изредка можно было видеть, как он всплывал на поверхность и выбрасывал мощную струю воды.

И только на два часа ежедневно им обоим возвращался их человеческий образ.

Третий сын, испугавшись того, что мать, пожалуй, и его обратит в какое-нибудь хищное животное, в медведя или волка, потихоньку ушел от матери.

А он слышал, что в Замке Ясного Солнышка сидит заколдованная королева и ждет себе избавителя.

Каждый желающий ее избавить должен был, однако же, подвергать свою жизнь опасности, да к тому же так как двадцать три юноши уже умерли из-за нее жестокою смертью, то за избавление ее мог взяться еще только один юноша — и потом уже никто никогда не смог бы ее от колдовства избавить.

А так как этот юноша обладал сердцем бесстрашным, то он и решился побывать в Замке Ясного Солнышка.

Долго пришлось ему бродить по белу свету, и все же он не мог того замка отыскать.

И вот наконец во время этих поисков он попал в большой дремучий лес и не знал, как из него выбраться.

И вдруг увидел он вдали двух великанов, которые поманили его к себе рукою.

Когда он к ним подошел, они сказали: «Мы спорим о шапке и не можем ни к какому решению прийти: мы оба одинаково сильны, и потому ни один из нас не может отнять эту шапку у другого; вы же, маленькие люди, умнее нас, а потому мы и хотим тебе предоставить решение нашей тяжбы». — «Охота же вам из-за старой шапки тягаться?» — сказал им юноша.

«Да ты не знаешь, какие у нее свойства! Ведь эта шапка не простая, а волшебная: ее только надень да пожелай где бы то ни было очутиться — в тот же миг там и будешь». — «Ну, так дайте мне эту шапку, — сказал юноша, — я пойду вперед по дороге, и когда я вас кликну, бегите ко мне взапуски, и кто первый до меня добежит, тому и волшебная шапка достанется».

Надел он шапку и пошел вперед, и, все думая о королевне, совсем забыл о великанах, и шел да шел путем-дорогою.

И вот среди горемычных дум своих он вздохнул из глубины души и воскликнул: «Ах, как бы я желал теперь быть в Замке Ясного Солнышка!» И чуть только произнес эти слова, как уже очутился на высокой горе, перед воротами замка.

Он вошел в замок и прошел через все комнаты, пока не нашел королевны в последней комнате.

Но как же он испугался, когда взглянул на нее: лицо у королевны было пепельно-серое, все в старческих морщинах, глаза мутные, волосы грязно-рыжие.

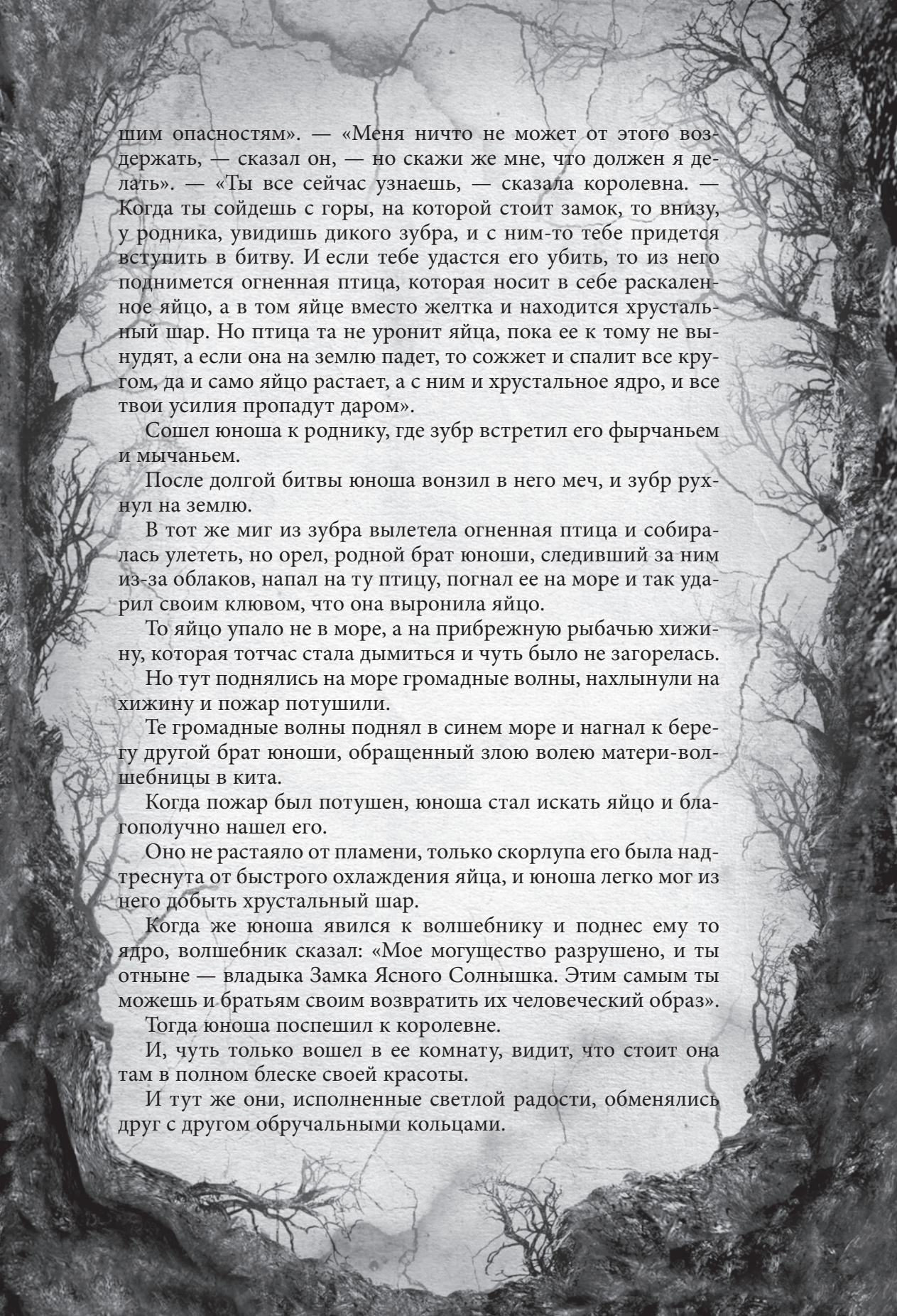
«Вы ли та королевна, о красоте которой молва во всем свете разносится?» — воскликнул он.

«Ах, — отвечала она, — эта наружность не мне принадлежит, и глазам людей я могу представиться только в таком безобразном виде; но чтобы дать тебе понятие о моей настоящей наружности, я дам тебе взглянуть на меня в зеркало, которое не обманывает и покажет меня в настоящем виде».

Она подала ему зеркало, и он увидел в нем отражение девушки дивной красоты.

Увидел и то, что с горя крупные слезы текли по щекам ее. Тут и спросил он ее: «Каким же способом можно тебя от чар излечить? Я не боюсь никакой опасности!»

Она сказала: «Кто добудет хрустальный шар и поднесет его околдовавшему меня волшебнику, тот этим самым уничтожит его силу, и я буду возвращена к моему истинному человеческому образу. Но, увы! — добавила она. — Столь многие из-за этого уже расстались с жизнью, что мне жаль тебя, юноша, если и ты вздумаешь подвергаться тем же величай-

шим опасностям». — «Меня ничто не может от этого воздержать, — сказал он, — но скажи же мне, что должен я делать». — «Ты все сейчас узнаешь, — сказала королевна. — Когда ты сойдешь с горы, на которой стоит замок, то внизу, у родника, увидишь дикого зубра, и с ним-то тебе придется вступить в битву. И если тебе удастся его убить, то из него поднимется огненная птица, которая носит в себе раскаленное яйцо, а в том яйце вместо желтка и находится хрустальный шар. Но птица та не уронит яйца, пока ее к тому не вынудят, а если она на землю падет, то сожжет и спалит все кругом, да и само яйцо растает, а с ним и хрустальное ядро, и все твои усилия пропадут даром».

Сошел юноша к роднику, где зубр встретил его фырчаньем и мычаньем.

После долгой битвы юноша вонзил в него меч, и зубр рухнул на землю.

В тот же миг из зубра вылетела огненная птица и собиралась улететь, но орел, родной брат юноши, следивший за ним из-за облаков, напал на ту птицу, погнав ее на море и так ударил своим клювом, что она выронила яйцо.

То яйцо упало не в море, а на прибрежную рыбацью хижину, которая тотчас стала дымиться и чуть было не загорелась.

Но тут поднялись на море громадные волны, нахлынули на хижину и пожар потушили.

Те громадные волны поднял в синем море и нагнал к берегу другой брат юноши, обращенный злою волею матери-волшебницы в кита.

Когда пожар был потушен, юноша стал искать яйцо и благополучно нашел его.

Оно не растаяло от пламени, только скорлупа его была надтреснута от быстрого охлаждения яйца, и юноша легко мог из него добыть хрустальный шар.

Когда же юноша явился к волшебнику и поднес ему то ядро, волшебник сказал: «Мое могущество разрушено, и ты отныне — владыка Замка Ясного Солнышка. Этим самым ты можешь и братьям своим возвратить их человеческий образ».

Тогда юноша поспешил к королевне.

И, чуть только вошел в ее комнату, видит, что стоит она там в полном блеске своей красоты.

И тут же они, исполненные светлой радости, обменялись друг с другом обручальными кольцами.

Девуца Малееен

Жил да был некогда король, у которого единственный сын задумал свататься к дочери могущественного короля, дивной красавице по имени Малееен. В сватовстве королевичу было отказано, потому что отец-король хотел выдать свою дочь за другого.

Но так как юноша и красавица-королевна крепко друг друга полюбили, то они не хотели отказаться от надежды на свой союз, и Малееен твердо сказала отцу: «Не хочу и не могу никого иного избрать себе в супруги».

Тогда отец-король прогневался и приказал построить мрачную башню, в которую бы не западал ни один луч солнечный, в которую бы и месяц светить не мог.

Когда башня была закончена, тогда король сказал дочери: «Ступай и сиди там семь лет сряду, а просидишь семь лет, так я приеду к тебе, посмотрю, будешь ли ты еще упрямитесь».

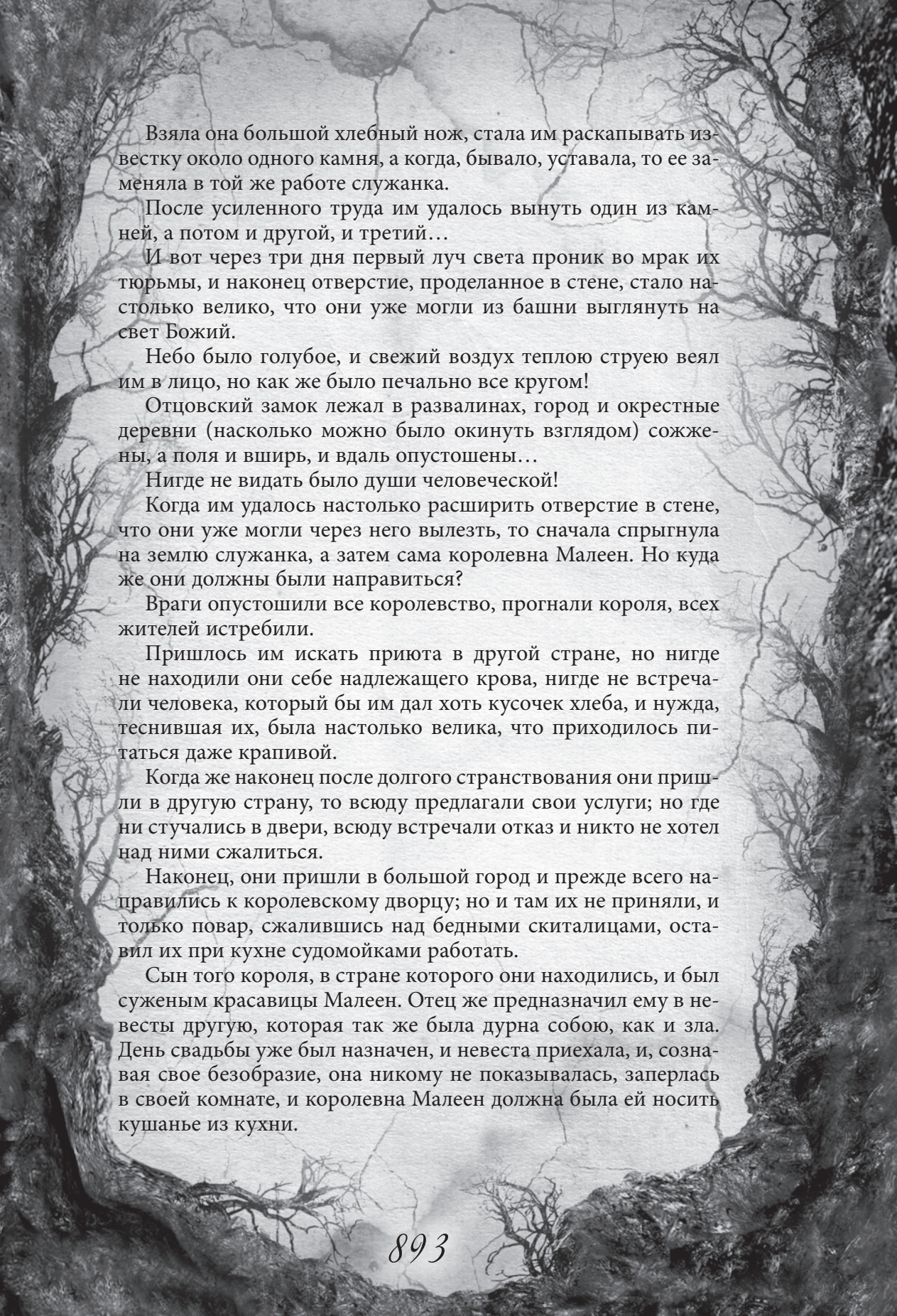
На семь лет в ту башню снесено было и пищи, и питья, а затем в нее была введены королевна и ее служанка, и были они в той башне замурованы — отлучены и от земли, и от неба.

Так и сидели они во мраке, не зная ни дня, ни ночи.

Часто ходил королевич около той башни, часто возглашал ее имя, но ни один звук извне не проникал через толстые стены. Что оставалось им, кроме стонов и слез?

А между тем время шло да шло, и узницы по уменьшению запасов питья и пищи стали замечать, что семилетие близится к концу. Они думали, что миг избавления их из страшной тюрьмы уже наступает, но, к удивлению своему, не слышали ни одного удара молотком в их стену, и ни один камень из нее не собирался выпасть; казалось, отец-король совсем и забыл о них.

Когда уж у них оставалось очень немного пропитания и ужасная смерть представлялась им близкой, тогда королевна Малееен сказала: «Мы должны решиться на последнее средство — попытаться пробить стену нашей тюрьмы».

Взяла она большой хлебный нож, стала им раскапывать известку около одного камня, а когда, бывало, уставала, то ее заменяла в той же работе служанка.

После усиленного труда им удалось вынуть один из камней, а потом и другой, и третий...

И вот через три дня первый луч света проник во мрак их тюрьмы, и наконец отверстие, проделанное в стене, стало настолько велико, что они уже могли из башни выглянуть на свет Божий.

Небо было голубое, и свежий воздух теплою струею веял им в лицо, но как же было печально все кругом!

Отцовский замок лежал в развалинах, город и окрестные деревни (насколько можно было окинуть взглядом) сожжены, а поля и вширь, и вдаль опустошены...

Нигде не видать было души человеческой!

Когда им удалось настолько расширить отверстие в стене, что они уже могли через него вылезть, то сначала спрыгнула на землю служанка, а затем сама королева Малеен. Но куда же они должны были направиться?

Враги опустошили все королевство, прогнали короля, всех жителей истребили.

Пришлось им искать приюта в другой стране, но нигде не находили они себе надлежащего крова, нигде не встречали человека, который бы им дал хоть кусочек хлеба, и нужда, теснившая их, была настолько велика, что приходилось питаться даже крапивой.

Когда же наконец после долгого странствования они пришли в другую страну, то всюду предлагали свои услуги; но где ни стучались в двери, всюду встречали отказ и никто не хотел над ними сжалиться.

Наконец, они пришли в большой город и прежде всего направились к королевскому дворцу; но и там их не приняли, и только повар, сжалившись над бедными скиталицами, оставил их при кухне судомойками работать.

Сын того короля, в стране которого они находились, и был суженым красавицы Малеен. Отец же предназначил ему в невесты другую, которая так же была дурна собою, как и зла. День свадьбы уже был назначен, и невеста приехала, и, сознавая свое безобразие, она никому не показывалась, заперлась в своей комнате, и королева Малеен должна была ей носить кушанье из кухни.

Когда наступил день свадьбы и невесте предстояло идти с женихом в кирху, то она, стыдясь своего безобразия, стала опасаться, что если покажется на улице, то ее, может быть, осмеют в толпе народа. Вот и обратилась она к красавице Малеен и сказала: «Тебе предстоит большое счастье, я себе намяла ногу и потому не могу перейти через улицу: надень мой свадебный наряд и стань на мое место. Такой-то чести тебе и во век не дождаться!»

Но красавица Малеен от этой чести отказалась и сказала: «Не желаю никакой чести, не подобающей мне».

Напрасно та даже и золото ей предлагала.

Наконец, она сказала гневно: «Если ты меня не послушаешь, то поплатишься жизнью, мне стоит только слово сказать — и голова твоя падет к твоим ногам».

Тогда Малеен должна была повиноваться и надеть свадебный наряд и убор невесты королевича.

Когда она вступила в королевский зал, все были изумлены ее красотой, и король сказал: «Вот невеста, которую я тебе избрал, ты ее должен вести в церковь».

Жених был очень этим удивлен и поражен: «Она похожа на мою красавицу Малеен, и я даже готов был бы думать, что это она сама, — но та, увы! — уже давно сидит замурованная в башне или, может быть, даже умерла».

Он взял ее за руку и повел в кирху. По пути в кирху попался им крапивный куст, и она сказала:

Крапивушка!
Крапивушка ты моя,
Что стоишь понурая?
Я, когда в беде осталась,
Лишь тобой, Крапивушка,
От голода спасалась.

«Что ты такое говоришь?» — спросил королевич. «Так, ничего. Только вот вспоминаю о Малеен».

Он удивился тому, что она знает его милую, но смолчал.

Когда они переходили по мосточку, который вел к кирхе, Малеен опять сказала:

Мостик мой, не обломись!
Ты, жених, не обманись!

«Что ты такое говоришь?» — спросил королевич. «Так, ничего. Вспомнилась мне бедная Малеев». — «Да разве ты знаешь Малеев?» — «Нет, как мне ее знать! А так, слыхала о ней».

Подойдя к дверям кирхи, она опять проговорила:

Дверь, с петельки не сорвись!
Ты, жених, не обманись!

«Да что ты такое говоришь?» — спросил жених. «Да вот только что о бедной Малеев вспомнила».

Тогда он вынул драгоценное ожерелье, повесил ей на шею и скрепил кольца его цепи. Затем они вступили в кирху, священник соединил их руки и обвенчал их.

Королевич повел ее обратно, но она во все время пути не произнесла ни слова.

По прибытии в королевский замок она поспешила в комнату невесты, сняла с себя подвенечное платье и убор невесты, надела свое серое простенькое платьице и сохранила только то ожерелье на шее, которое надел на нее королевич.

Когда наступила ночь и новобрачная должна была идти в комнату королевича, то она опустила покрывало на лицо свое, дабы он не заметил обмана.

Когда они остались одни, он сказал ей: «Что же ты такое говорила, обращаясь к крапивному кусту, что при дороге стоял?» — «К какому крапивному кусту? — спросила она. — Никогда я ни с каким крапивным кустом не разговаривала». — «Коли ты этого не делала, так, значит, ты не настоящая моя невеста», — сказал он.

Тогда она не растерялась и сказала:

Я пойду к служанке, может,
Вспомнить мне она поможет.

Она вышла из комнаты и спросила у красавицы Малеев: «Ты что это крапивному кусту говорила?» — «А только всего и сказала:

Крапивушка!
Крапивушка ты моя,
Что стоишь понурая?
Я, когда в беде осталась,

Лишь тобой, Крапивушка,
От голода спасалась».

Невеста, услышав это, прибежала обратно в опочивальню и сказала: «Знаю я, что я крапивному кусту говорила!» — и повторила только что слышанные ею слова.

«А что ты говорила мосточку перед кирхой, когда мы через него переходили?» — «Мосточку перед кирхой? — отвечала она. — Я никогда с мосточком не разговаривала». — «Значит, ты не настоящая невеста».

И опять она сказала:

Я пойду к служанке, может,
Вспомнить мне она поможет.

Выбежала и опять давай красавицу Малеен расспрашивать: «Ты что там мосточку перед кирхой сказала?» — «А только и сказала:

Мостик мой, не обломись!
Ты, жених, не обманись!»

«За это ты мне жизнью заплатишься!» — воскликнула невеста и поспешила в опочивальню королевича, и сказала: «Теперь знаю, о чем я с мосточком говорила!» — и повторила слова Малеен.

«А что ты говорила, обращаясь к двери кирхи?» — «К двери кирхи? Да я никогда с дверью не разговаривала». — «Ну, значит, ты не настоящая невеста».

Та опять вышла из опочивальни, опять стала красавицу расспрашивать: «О чем ты там с дверью кирхи говорила?» — «А только и сказала:

Дверь, с петельки не сорвись!
Ты, жених, не обманись!»

«Тебе за это шею сломить следует! — воскликнула невеста в величайшем бешенстве, однако же поспешила в опочивальню и сказала королевичу: — Знаю, знаю, что я двери кирхи говорила!» — и повторила слова королевны.

«Но где же у тебя то ожерелье, которое я тебе дал у дверей кирхи?» — спросил он. «Какое ожерелье? Ты мне никакого не давал!» — «Сам я его тебе на шею повесил, сам и застегнул: коли ты этого не знаешь, то ты не настоящая невеста».

Он сдернул ей покрывало с лица, и когда увидел ее ужасное безобразие, то отскочил от нее и сказал: «Как пришла ты сюда? Кто ты?» — «Я — твоя нареченная невеста; но так как я боялась, что люди, увидев меня, станут надо мною смеяться, то я приказала судомойке одеться в мое подвенечное платье и вместо меня идти с тобою в кирху». — «Где же она? — воскликнул королевич. — Я хочу ее видеть; ступай и приведи ее ко мне!»

Та вышла и сказала слугам: «Эта судомойка — обманщица! Сведите ее во двор и отрубите ей голову».

Слуги ухватили было красавицу Малеен, но она так громко стала призывать на помощь, что королевич услышал ее голос, поспешил из своей комнаты и приказал слугам немедленно выпустить девушку на свободу.

Принесли свечи, и тогда он заметил у ней на шее то золотое ожерелье, которое он надел на нее перед дверями кирхи.

«Ты — настоящая моя невеста! — сказал королевич. — Ты со мною и в кирху шла, приди же теперь ко мне в опочивальню».

Когда они остались наедине, он сказал ей: «Ты, в то время как мы шли к кирхе, упоминала о красавице Малеен, моей нареченной невесте; если бы я думал, что это возможно, то я готов был бы верить, что она стоит передо мною: так поразительно ты на нее похожа».

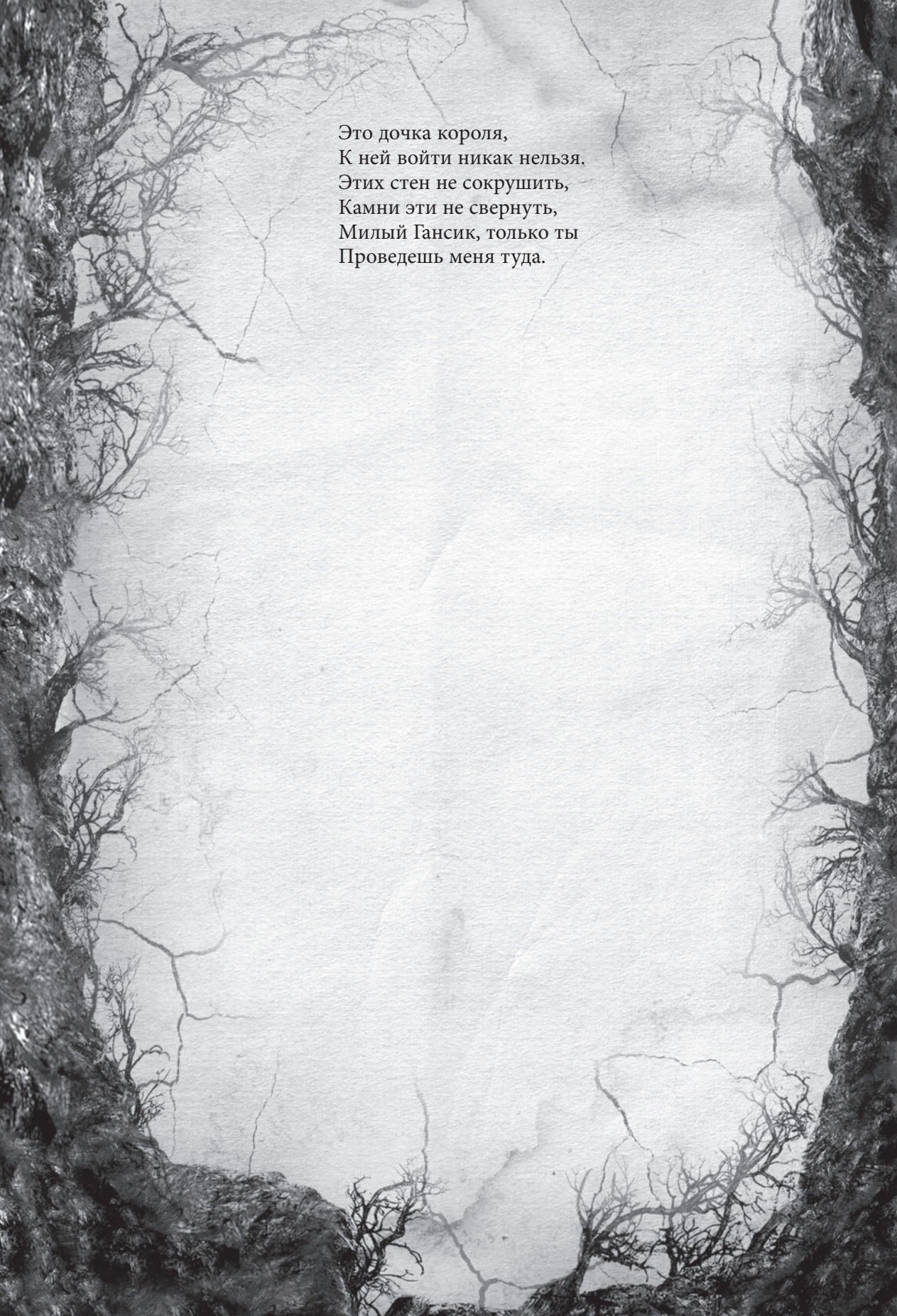
И она отвечала: «Ты и точно видишь перед собою невесту Малеен, которая из-за тебя семь лет просидела во мраке темницы, голод и жажду вынесла и долго-долго жила в нужде и бедности; но сегодня и на меня просияло солнышко красное. Я с тобой в кирхе повенчана, я тебе законная супруга».

Они поцеловались и счастливо стали поживать до конца дней своих.

А ложной невесте за ее коварство отрубили голову.

А башня, в которой сидела девица Малеен, стояла еще долго-долго, и проходившие мимо дети пели:

Дин-дон, дин-дон!
Кто в той башне заключен?

Это дочка короля,
К ней войти никак нельзя.
Этих стен не сокрушить,
Камни эти не свернуть,
Милый Гансик, только ты
Проведешь меня туда.

Гансль-игрок

Жил когда-то человек; он только и знал, что в карты играть, и прозвали его потому Гансль-игрок; а так как он, не переставая, играл, то проиграл и свой дом, и все, что у него было. И вот, как раз в последний день, когда заимодавцы хотели забрать у него и дом, явился к нему Господь Бог, а с ним вместе Святой Петр, и попросились к нему на ночлег.

Гансль-игрок и говорит: «Хотите, оставайтесь ночевать, но дать вам постель и накормить вас я не могу».

Тогда Господь Бог сказал, что пусть он только их на ночлег пустит, а еды они уж сами себе купят. Гансль на это согласился.

Вот дал ему Святой Петр три геллера, чтоб пошел Гансль к булочнику купить хлеба. Пошел Гансль-игрок, но проходил мимо дома, где обычно всякие игроки-шулеры собирались, которые у него все и повыигрывали; они подозвали его и стали ему кричать: «Гансль, поди-ка сюда!» — «Да, — говорит он им, — вы хотите у меня и эти три геллера выиграть». Но они его непустили. Вошел он к ним и проиграл эти три геллера. А Святой Петр и Господь Бог все ждут его, дожидаются, а он назад не возвращается. Вышли они тогда к нему навстречу.

Приходит Гансль-игрок и говорит, что деньги, мол, у него из кармана в дыру проскочили и он все время лазил да их разыскивал. Но Господь Бог уже знал, что тот их проиграл.

Дал ему Святой Петр еще три геллера. Ну, уж теперь Гансль не дал себя ввести в соблазн и принес Святому Петру хлеба. Вот, спрашивает Господь Бог Гансля, не найдется ли, мол, у него вина, а Гансль-игрок говорит: «Нет, сударь, бочки все у меня порожние».

Говорит тогда Господь Бог, чтоб спустился он в подвал: «Там теперь самое лучшее вино стоит».

Долго не хотел Гансль-игрок этому верить, но, наконец, сказал: «Ладно, схожу в подвал, но я-то ведь знаю, что вина там нету».

Начал он нацеживать из бочки, и вдруг потекло из нее самое лучшее вино.

Принес он Господу Богу вина, и остались они у него ночевать.

На другой день рано на рассвете говорит Господь Бог Ганслю-игроку, чтобы выпросил он у него для себя три награды. Думал Господь, что тот будет просить, чтоб пустил он его в рай, но Гансль-игрок попросил у него карты, которыми можно было бы всегда выигрывать, такую же игральную кость и дерево, на котором росли бы разные плоды и овощи, и если бы кто на то дерево взобрался, то спуститься оттуда назад не мог бы, пока он сам ему не прикажет. И дал ему Господь Бог все, что он попросил, а затем ушел вместе со Святым Петром.

Только теперь и начал Гансль-игрок играть по-настоящему и в скором времени выиграл целых полсвета.

Говорит тогда Святой Петр Господу Богу: «Дело не к добру клонится, этак в конце концов он весь свет выиграет. Надо бы нам послать к нему Смерть».

И они послали к нему Смерть. Приходит Смерть, а Гансль-игрок как раз в это время сидел за игорным столом. Вот Смерть и говорит: «Гансль, выйди-ка сюда на минутку».

А Гансль-игрок ей отвечает: «Подожди маленько, пока игра кончится, а пока что взберись на то вон дерево да что-нибудь сорви, чтобы было нам что по дороге жевать».

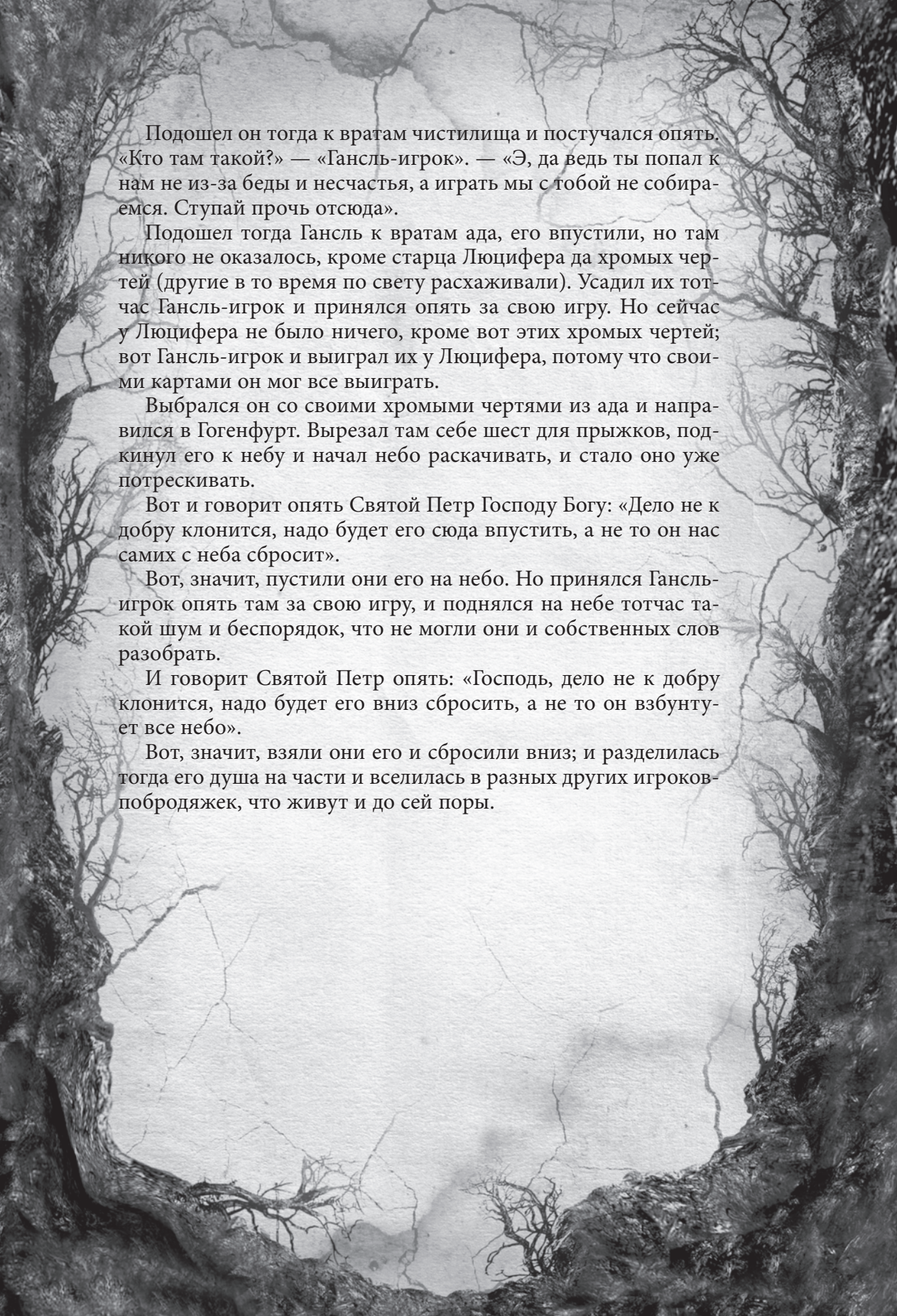
Вот Смерть и взобралась на дерево; захотелось ей вниз спуститься, но она никак не могла, и заставил ее Гансль-игрок сидеть там целых семь лет, и за это время не умер ни один человек на свете.

Говорит тогда Святой Петр Господу Богу: «Дело, Господь, не к добру клонится, теперь ведь никто не помирает, надо бы нам к нему самим сходить».

Пошли они сами, и приказал Господь Бог Ганслю-игроку, чтобы позволил он Смерти с дерева слезть. Тот тотчас пошел и сказал Смерти: «Слезай вниз!»

И Смерть тотчас схватила его и задушила. Она ушла вместе с ним оттуда и увела его на тот свет.

Вот подошел этот мой Гансль к небесным вратам и постучался. «Кто там такой?» — «Гансль-игрок». — «Ах, нам такого не надо, ступай прочь отсюда».

Подошел он тогда к вратам чистилища и постучался опять. «Кто там такой?» — «Гансль-игрок». — «Э, да ведь ты попал к нам не из-за беды и несчастья, а играть мы с тобой не собираемся. Ступай прочь отсюда».

Подошел тогда Гансль к вратам ада, его пустили, но там никого не оказалось, кроме старца Люцифера да хромых чертей (другие в то время по свету расхаживали). Усадил их тотчас Гансль-игрок и принялся опять за свою игру. Но сейчас у Люцифера не было ничего, кроме вот этих хромых чертей; вот Гансль-игрок и выиграл их у Люцифера, потому что своими картами он мог все выиграть.

Выбрался он со своими хромыми чертями из ада и направился в Гогенфурт. Вырезал там себе шест для прыжков, подкинул его к небу и начал небо раскачивать, и стало оно уже потрескивать.

Вот и говорит опять Святой Петр Господу Богу: «Дело не к добру клонится, надо будет его сюда впустить, а не то он нас самих с неба сбросит».

Вот, значит, пустили они его на небо. Но принялся Гансль-игрок опять там за свою игру, и поднялся на небе тотчас такой шум и беспорядок, что не могли они и собственных слов разобрать.

И говорит Святой Петр опять: «Господь, дело не к добру клонится, надо будет его вниз сбросить, а не то он взбунтует все небо».

Вот, значит, взяли они его и сбросили вниз; и разделилась тогда его душа на части и вселилась в разных других игроков-побродяжек, что живут и до сей поры.

Сапог из буйволово́й кожи

Бесстрашный солдат большею частью бывает и беззаботным человеком. Такой-то вот беззаботный солдат и получил однажды отставку; и так как он ничему не обучался и ничем не мог заработать, то и пришлось ему бродить по миру и просить милостыню. На плечах у него еще была накинута старая шинель, и пара кавалерийских сапог из буйволово́й кожи еще держалась у него на ногах.

Случилось ему как-то забрести далеко в поле и дойти до леса. Он и сам не знал, куда забрел, и вдруг увидел, что на пне сидит человек, одетый в приличное зеленое охотничье платье.

Солдат подал ему руку, опустился около него на траву и вытянул ноги. «Вижу я, приятель, — сказал солдат егерю, — что у тебя тонкие сапоги и вычищены важно; ну, а вот если бы тебе пришлось столько же шляться, как мне, то недолго бы они у тебя продержались. Вот посмотри на мои: они сшиты из буйволово́й кожи и давно уже служат, а все еще в них куда хочешь ступай!»

Немного спустя солдат поднялся и сказал: «Не могу здесь больше оставаться, голод меня подгоняет. Но, франт-приятель, не знаешь ли хоть ты тут в лесу дорогу?» — «Не знаю, — отвечал егерь, — я и сам заблудился в лесу». — «Так, значит, и тебе так же солоно, как и мне, приходится? Ну что же, ровня с ровнею товарищи; значит, мы оба вместе и дорогу разыскивать станем».

Егерь слегка усмехнулся, и пошли они далее вместе и шли до наступления ночи. «Вижу я, — сказал солдат, — что мы из лесу не выберемся; но вон вдали огонек — там, верно, найдется нам что поесть».

И точно, они подошли к каменному дому, постучались у дверей, и им отворила старая женщина. «Мы ищем себе ночлег, — сказал солдат, — да кой-какой подкладки для желудка, потому что мой-то пуст, как старый ранец». — «Здесь вам

нельзя оставаться, — сказала им женщина, — здесь разбойничий притон, и вы отлично сделаете, если отсюда уберетесь подобра-поздорову прежде, нежели они вернутся; если они вас здесь найдут, вам несдобровать». — «Ну, что ж за важность! — сказал солдат. — У меня уже два дня во рту маковой росинки не было, и мне решительно все равно — здесь ли погибнуть или в лесу околоть от голода! Как хочешь, а я войду!»

Егерь не хотел с ним входить, но солдат втащил его насильно, приговаривая: «Войдем, приятель! Ведь не сейчас же они до нас доберутся?!»

Старуха сжалилась над ними и сказала: «Залезайте за печку; коли от их ужина что-нибудь останется, то я вам эти остатки подам, когда они заснут».

И чуть только успели они усесться в углу, как в дом ворвались с шумом двенадцать разбойников, сели за стол, уже накрытый для них, и громко стали требовать, чтобы им подан был ужин. Старуха внесла большой кусок жареного мяса, и разбойники принялись за него очень деятельно.

Когда солдат почуял запах жаркого, он сказал егерю: «Не могу больше выдержать! Ей-ей, пойду сяду за стол и стану есть с ними вместе». — «Да ведь ты нас обоих погубишь!» — сказал егерь и стал его удерживать. Но солдат принялся громко кашлять.

Как только разбойники это услышали, они сейчас побросали вилки и ножи, вскочили из-за стола и нашли обоих незваных гостей за печкой.

«Ага, господа честные, — крикнули разбойники, — вы что тут в углу подельываете? Чего вам здесь надо? Или вы сюда разведчиками присланы? Вот погодите, мы вас научим летать, подвязав к сухой ветке». — «Ну, ну, повежливее, — сказал солдат, — я голоден, как собака, дайте мне поесть, а там делайте со мною, что вам будет угодно».

Разбойники опешили, и атаман их сказал: «Вижу я, что ты не из трусливого десятка; ладно, дадим тебе поесть, а там и в петлю». — «Ну, это еще не сейчас, — сказал солдат, присел к столу и храбро принялся за жаркое. — Франт-приятель, ступай сюда и ешь, — крикнул он егерю, — ведь и ты не меньше меня проголодался, а такого славного жаркого тебе, пожалуй, и дома не дадут!»

Однако же егерь отказался от еды. А разбойники смотрели на солдата с изумлением и говорили между собою: «Бесцеремонный малый! Нечего сказать!»

Затем солдат сказал: «Теперь, пожалуй, уж еды-то и довольно, так не дурно было бы и выпить чего-нибудь хорошенького».

Атаман расположен был даже и это допустить и крикнул старухе: «Принеси-ка нам бутылочку вина из погреба да смотри — из самых лучших».

Солдат откупорил бутылку со звоном, подошел с бутылкою к егерю и сказал: «Приметь, приятель, теперь увидишь ловкую штуку: я предложу выпить за здоровье всей шайки».

Тут он поднял бутылку над головами всех разбойников и воскликнул: «Пью за ваше здоровье, ребята, чтоб сидеть вам рот раскрывши да правую руку поднявши!»

И запил этот тост хорошим глотком вина.

И что же? Едва он произнес эти слова, как они все словно окаменели: сидят, не ворохнутся, рот открыв, правую руку вверх подняв!

Тут егеря сказал солдату: «Вижу я, что ты умеешь всякие фокусы проделывать, однако пойдем отсюда и поскорее — домой». — «Ото, приятель! Это уж значило бы слишком рано отретироваться; мы врага разгромили, так надо и добычей поживиться. Они крепко сидят, и видел, как рот открыли от изумления! А двинуться не смеют, пока я не дозволю. Ступай-ка поешь да выпей!»

Старуха должна была еще раз сбежать в погреб и принести еще одну бутылочку из лучших, и солдат не поднялся из-за стола прежде, нежели наелся на три дня.

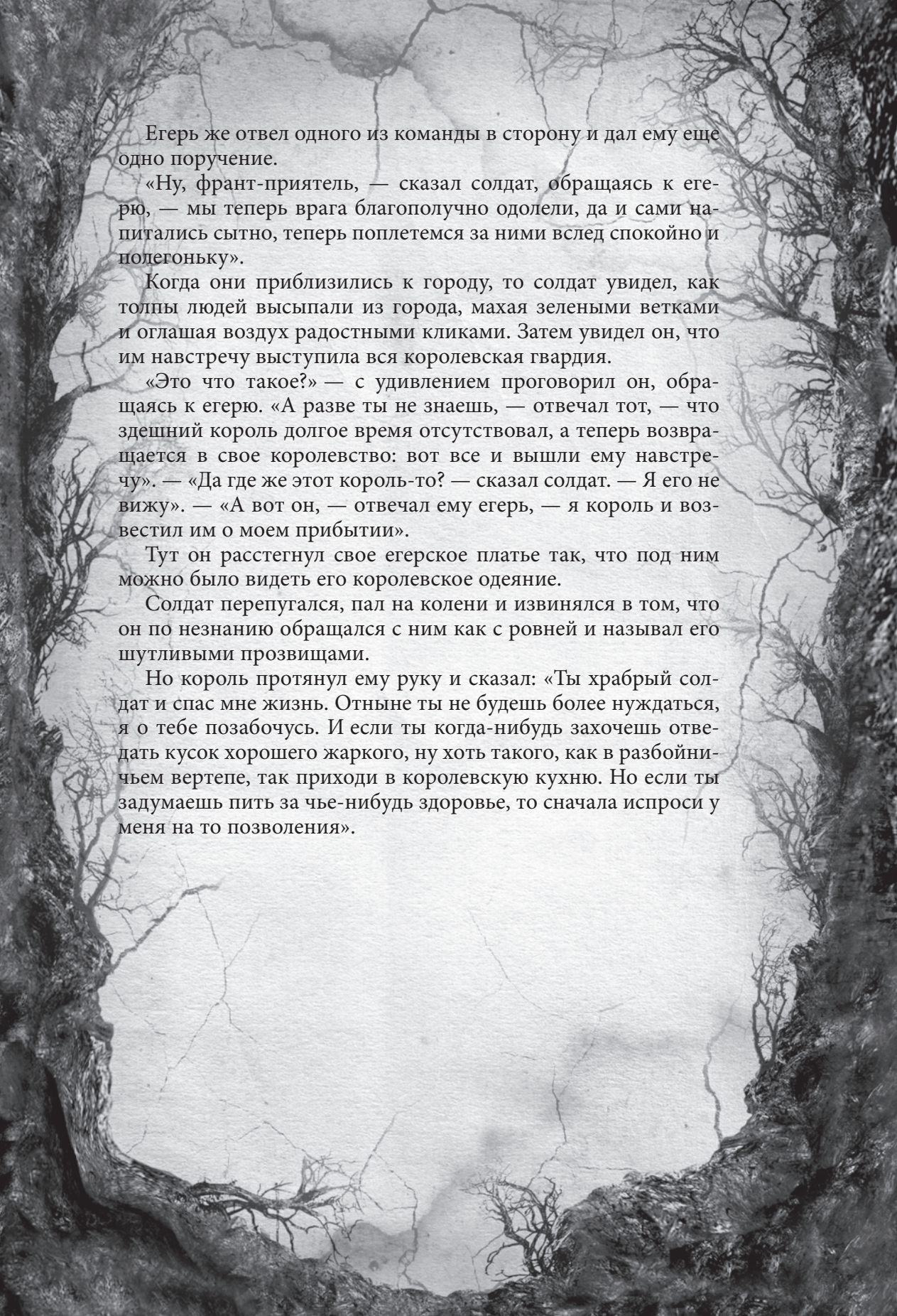
Наконец, когда уже рассвело, он сказал: «Ну, теперь пора снимать палатки, а для того чтобы подсократить поход наш, старуха должна нам указать ближайшую дорогу к городу».

Прибыв в город, солдат пошел прямехонько к своим старым товарищам и сказал им: «Я там в лесу накрыл целое гнездо висельников — пойдемте со мною разорять его».

Приведя их, солдат сказал егерю: «Пойдем с нами опять туда же, и посмотри, как они у нас в руках завертятся».

Окружив разбойников солдатами, он взял бутылку, выпил из нее глоток, потом взмахнул ею над ними и крикнул: «За ваше здоровье!» В тот же миг к ним возвратилась способность движения; но их тотчас схватили и перевязали по рукам и по ногам.

Затем солдат приказал побросать их в телегу, как мешки, и свезти в тюрьму.

Егеръ же отвел одного из команды в сторону и дал ему еще одно поручение.

«Ну, франт-приятель, — сказал солдат, обращаясь к егерю, — мы теперь врага благополучно одолели, да и сами напитались сытно, теперь поплетемся за ними вслед спокойно и полегоньку».

Когда они приблизились к городу, то солдат увидел, как толпы людей высыпали из города, махая зелеными ветками и оглашая воздух радостными кликами. Затем увидел он, что им навстречу выступила вся королевская гвардия.

«Это что такое?» — с удивлением проговорил он, обращаясь к егерю. «А разве ты не знаешь, — отвечал тот, — что здешний король долгое время отсутствовал, а теперь возвращается в свое королевство: вот все и вышли ему навстречу». — «Да где же этот король-то? — сказал солдат. — Я его не вижу». — «А вот он, — отвечал ему егеръ, — я король и возвестил им о моем прибытии».

Тут он расстегнул свое егерское платье так, что под ним можно было видеть его королевское одеяние.

Солдат перепугался, пал на колени и извинялся в том, что он по незнанию обращался с ним как с ровней и называл его шутивными прозвищами.

Но король протянул ему руку и сказал: «Ты храбрый солдат и спас мне жизнь. Отныне ты не будешь более нуждаться, я о тебе позабочусь. И если ты когда-нибудь захочешь отве-дать кусок хорошего жаркого, ну хоть такого, как в разбойни-чьем вертепе, так приходи в королевскую кухню. Но если ты задумаешь пить за чье-нибудь здоровье, то сначала испроси у меня на то позволения».

Золотой ключ

Зимой, в то время как выпал глубокий снег, один бедный малый должен был выйти из дома и на дровнях навозить дров. Когда он их набрал в лесу и навалил на дровни, то так иззяб, что задумал сначала развести огонек и около него погреться, а потом уже отправиться домой.

Вот и стал он снег сгребать и расчищать местечко до самой земли, чтоб разложить огонь, и при этой расчистке нашел маленький золотой ключик.

И пришло ему в голову, что где ключ, там и замок должен быть; и точно: стал рыться в земле и отыскал железный ларец.

«Да подойдет ли еще ключик-то? — подумал он. — Ведь в ларце-то, верно, ценные вещи».

Стал он оглядывать ларец, искать замочную скважину, наконец разыскал ее: такая малюсенькая, что чуть глазу приметна... Попробовал ключ вставить, ключ как раз пришелся. Вот он его разочек повернул, стал отпирать, а мы уж с вами будем ожидать, пока он тот ларец откроет да все в нем диковинки перероет — тогда он о них нам расскажет, а может быть, и покажет...

Оглавление

<i>Предисловие. Братья Гримм и их сказки</i>	5
Король-лягушонок, или Железный Генрих	10
Дружба кошки и мышки	15
Дитя Марии	18
Сказка о том, кто ходил страху учиться	24
Волк и семеро маленьких козлят	36
Верный Иоганн	39
Удачная торговля	48
Необыкновенный музыкант	54
Двенадцать братьев	57
Сбород оборванцев	64
Братец и сестрица	68
Колокольчик	76
Три человечка в лесу	80
Три пряжи	87
Гензель и Гретель	90
Три змеиных листика	100
Белая змея	104
Соломинка, уголек и боб	110
О рыбаке и его жене	112
Храбрый портняжка	121
Замарашка	132
Загадка	141
О мышке, птичке и жареной колбасе	145
Госпожа Метелица	148
Семь воронов	152
Красная шапочка	156
Бременские уличные музыканты	159
Поющая косточка	164
Черт с тремя золотыми волосками	167
Вошка и блошка	175
Девушка без рук	177

Разумный Ганс	184
Три языка	188
Умная Эльза	191
Портной в раю	196
Столик-Сам-Накройся, золотой осел и дубинка из мешка . .	199
Мальчик-С-Пальчик	212
Свадьба госпожи Лисицы	218
Домовые	222
Жених-разбойник	226
Господин Корбс	231
Господин Кум	233
Госпожа Труде	236
Снегурочка	237
Диковинная птица	247
О заколдованном дереве	252
Старый Султан	262
Смерть Кума	265
Путешествие Мальчика-С-Пальчика	270
Шесть лебедей	276
Шиповничек	282
Птичий найденыш	287
Король Дроздобород	290
Котомка, шляпа и рожок	296
Хламушка	303
Милый Роланд	306
Золотая птица	311
Пес и воробей	320
Фридер и Катерлизхен	324
Два брата	330
Мужичонка	356
Царица пчел	362
Три перышка	366
Золотой гусь	370
Пестрая шкурка	376
Невеста зайчика	383
Двенадцать охотников	385
Вор и его учитель	389
Иоринда и Иорингель	391
Три счастливчика	394
Вшестером целый свет обойдем	398
Волк и человек	405

Волк и лис	407
Лис и госпожа Кума	409
Лис и кошка	412
Гвоздичка	413
Находчивая Гретель	418
О смерти курочки	422
Русалка	424
Старый дед и внучек	425
Брат весельчак	426
Счастливчик Ганс	437
Ганс женится	442
Золотые дети	445
Бедняк и богач	450
Поющий и прыгающий львиный жаворонок	456
Умная дочь крестьянина	463
Лис и гуси	468
Гусятница	469
Молодой великан	477
Подземный человечек	485
Король с золотой горы	490
Ворониха	498
Три птички	505
Живая вода	510
Доктор Всезнайка	517
Дух в склянке	520
Чумазный братец черта	526
Медвежатник	530
Королек и медведь	536
Сладкая каша	540
Умные люди	541
Сказки об уже	545
Бедный батрак на мельнице и кошечка	548
Два странника	552
Ганс — мой ежик	564
Маленький саван	570
Еврей в терновнике	572
Ученый егерь	577
Двое королевских детей	584
Цеп из рая	593
О находчивом портняжке	596
От солнца ясного ничто не скроется!	599

Синяя свеча	601
Три фельдшера	607
Семеро швабов	610
Три подмастерья	615
Сын короля, который ничего не боялся	620
Осел-оборотень	626
Старушка в лесу	634
Три брата	638
Черт и его бабушка	641
Ференанд Верный и Ференанд Неверный	646
Железная печь	652
Ленивая пряха	658
Четверо искусных братьев	661
Одноглазка, двуглазка и трехглазка	666
Прекрасная Катринель и Пиф-Паф-Полтри	674
Истоптанные в танцах башмаки	677
Лис и лошадь	681
Шестеро слуг	684
Белая и черная невесты	692
Железный Ганс	697
Три черные принцессы	706
Ягненок и рыбка	709
Гора Симели	711
В пути	714
Ослик	717
Неблагодарный сын	721
Репа	722
Заново выкованный человечек	726
Сказка о небывалой стране	728
Старая нищенка	730
Петушьё бревно	732
Трое лентяев	733
Двенадцать ленивых слуг	734
Звезды-талеры	737
Пастушонок	738
Смотрины	740
Утаенный геллер	741
Воробей и его четверо деток	742
Отбросы	745
Сказка-загадка	746
Дитмарская сказка-небылица	748

Белоснежка и розочка	749
Умный слуга	756
Стеклянный гроб	757
Ленивый Хайнц	764
Птица гриф	767
Могучий Ганс	775
Тощая Лиза	782
Лесной дом	784
Радость и горе пополам	791
Королек	793
Камбала	797
Выпь и угод	798
Сова	799
Время жизни	802
Предвестники смерти	805
Гусятница у колодца	807
Неравные дети Евы	818
Русалка в пруду	821
Подарки маленьких людей	828
Великан и портной	831
Гвоздь	834
Бедный мальчик в могиле	836
Настоящая невеста	839
Заяц и еж	847
Веретено, ткацкий челнок и иголка	850
Мужик и черт	854
Морская свинка	856
Искусный вор	861
Барabanщик	870
Хлебный колос	880
Могильный холм	881
Старый Ринкранк	886
Хрустальный шар	889
Девуца Малеев	892
Гансль-игрок	899
Сапог из буйволовоу кожи	902
Золотой ключ	906

Литературно-художественное издание

Якоб Гримм, Вильгельм Гримм

**НАСТОЯЩИЕ СКАЗКИ БРАТЬЕВ ГРИММ.
ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ**

Редактор Е.О. Мигунова

Художник Е.В. Максименкова

Перевод под редакцией П. Полевого, 1893 г.

ООО «ТД Алгоритм»

Смотрите книжные новинки на сайте <https://algorithm-kniga.ru>

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 01.07.17. Подписано в печать 07.08.17.

Формат 70X100/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 57. Тираж 1500 экз. Заказ №

Геттингенская семерка — группа профессоров Геттингенского университета, выступивших в 1837 г. с протестом против отмены Конституции Королевства

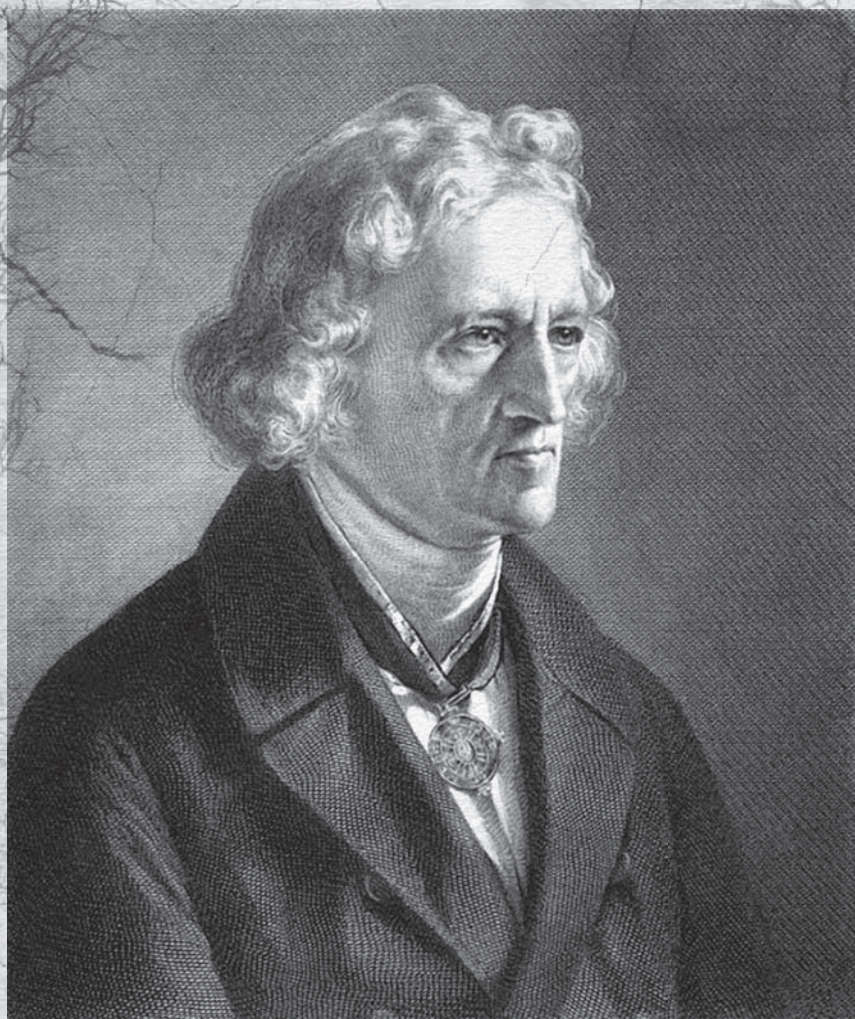
Ганновер и вследствие этого отставленных от службы
и высланных из страны.

На рисунке изображены:

Вильгельм Гримм, Якоб Гримм, Вильгельм Эдуард Альбрехт,
Фридрих Христоф Дальманн, Георг Готфрид Гервинус,
Вильгельм Эдуард Вебер, Генрих Георг Август Эвальд.

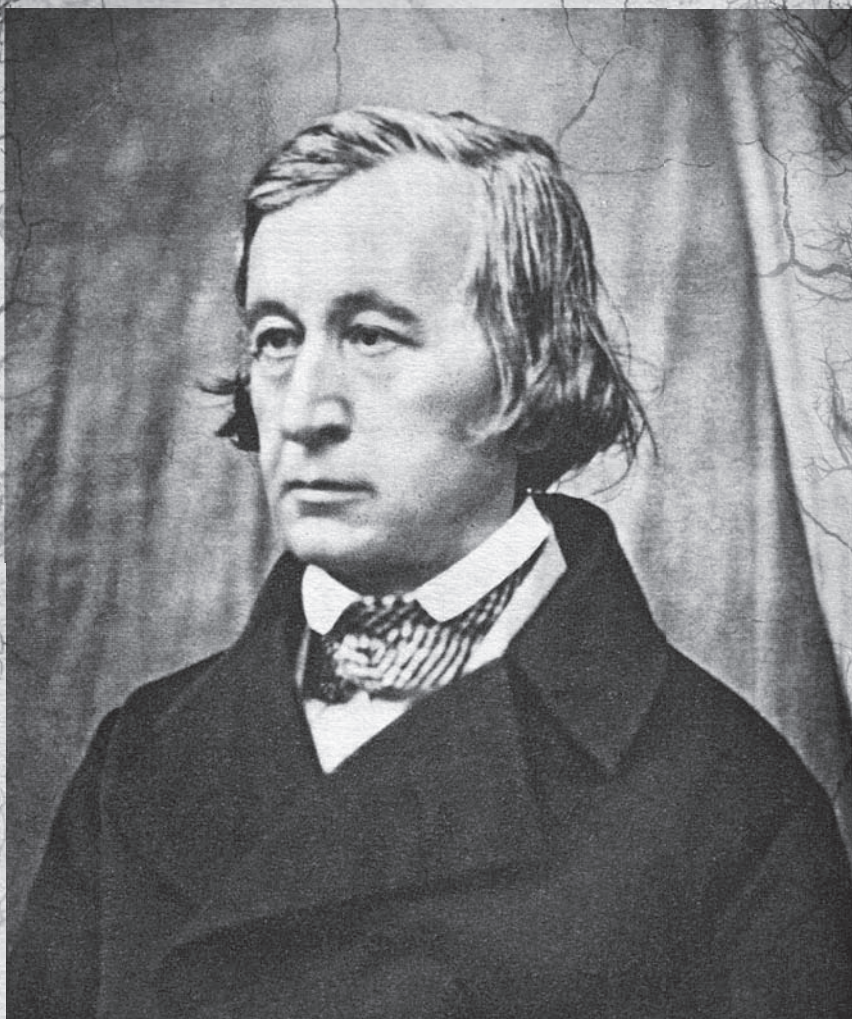
Художник — Карл Роде. 1837 г.

*«С невыразимо горькой болью я видел Германию униженной,
лишенной всяких прав, потерявшей даже свое название.
В то время у меня было такое чувство, что все надежды рухнули и
все звезды закатились... (...) Сейчас самое время собирать
и спасать старые предания, чтобы они не испарились, как роса под
жарким солнцем, не погасли, как огонь в колодезе,
не утонули навеки в тучах наших дней».*
(Якоб Гримм)

Якоб Людвиг Карл Гримм (1785—1863) —
немецкий филолог, мифолог, брат Вильгельма Гримма.

*«...Люди древности были более чистыми, высокими и святыми,
чем мы, в них и над ними разлит свет божественного исхода...
Поэтому для меня древняя, эпическая поэтическая и мифическая
история чище и лучше, я не говорю — ближе и роднее, —
чем наша, рассудочная, то есть знающая, тонкая,
составленная из частей...»
(Якоб Гримм)*

Вильгельм Карл Гримм (1786—1859) —
немецкий филолог, брат Якоба Гримма.

«С малых лет у меня было что-то от железного прилежания, а ему оно было свойственно в меньшей степени из-за ослабленного здоровья. Его трудам был присущ сердечисто-чистый взгляд на мир, недоступный для меня. Ему доставляло радость и успокоение смотреть на результаты своего труда, для меня же радость и удовлетворение были в самой работе».
(Якоб Гримм о Вильгельме)

Портрет Доротеи Виманн, народной сказительницы, по рассказам которой братья Гримм записали более семидесяти сказок. Гравюра.

Художник – Людвиг Эмиль Гримм. 1813 г.

Доротея Виманн (1755—1815) — немецкая сказительница, чьи пересказы народных преданий стали одним из важнейших источников Собрания немецких сказок, подготовленного Братьями Гримм.

«Совершенно случайно мы познакомились с одной крестьянкой из деревни Нидервирен, что под Касселем (...) Госпоже Виманн было чуть более 50 лет, она еще сохраняла бодрость и крепко держала в памяти старые саги».
(Вильгельм Гримм)

Братья Гримм слушают Доротею Виманн.
Неизвестный художник. 1890-е гг.

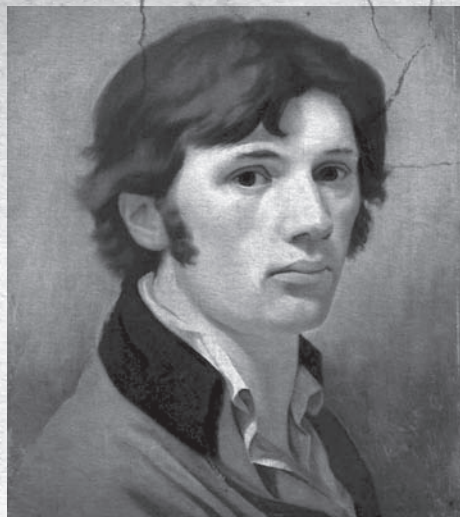
«Кто полагает, что легкие искажения при передаче сказок неизбежны, что они неизбежно хранятся рассказчиком в памяти и что поэтому, как правило, невозможно их долгая жизнь, то ему следовало бы послушать, насколько точно Доротея при повторении рассказанного; при повторении она ничего не изменяет и, если заметит ошибку, тут же сама прерывает рассказ и исправляет ее...»
(Вильгельм Гримм)

Людвиг Эмиль Гримм (1790—1863) —
немецкий художник и гравер, брат Вильгельма и Якоба Гриммов

Семейство Хассенпфлюг с детьми.
Художник – Людвиг Эмиль Гримм. 1840-е гг.
Это дружное семейство поведало братьям следующие сказки:
«Черт с тремя золотыми волосами», «Кот в сапогах»,
«Король Дроздобород» и др.

Автопортрет. Художник – Филипп Отто Рунге. 1802–1803 гг.
Филипп Отто Рунге (1777—1810) —
немецкий художник-романтик, друг Якоба и Вильгельма Гриммов,
рассказавший им сюжет сказки «О рыбаке и его жене»

Женни фон Дросте-Хюльсхофф (1795–1859) –
немецкая поэтесса и сказительница, много лет страдавшая
из-за безответной любви к Вильгельму Гримму.
Вместе со своей сестрой Аннете она поведала братьям более
двадцати сюжетов, легших в основу второго тома сказок

Портрет Якоба и Вильгельма Гриммов.
Гравюра. Художник – Людвиг Эмиль Гримм. 1843 г.

«Сказки рассказывают детям, чтобы в их чистом и мягком свете зародились и выросли первые мысли и силы сердца; и поскольку каждому приятна их поэтическая простота и подлинность их правдивость, поскольку они остаются в доме и передаются по наследству, то их еще называют "домашними сказками"». Сказка как бы отгорожена от всего мира, она уютно расположилась на добром, безмятежно спокойном месте, с которого она не стремится выглянуть в мир. Поэтому она не знает ни имени, ни местности, у нее нет определенной родины; она является чем-то общим для всего общества».

(Якоб и Вильгельм Гриммы)

«Мальчик-с-пальчик».
Художник – Гюстав Доре. 1870-е гг.

«Красная Шапочка».
Художник – Гюстав Доре. 1870-е гг.

«Снегурочка». Художник – Карл Оффтердингер. 1890-е гг.

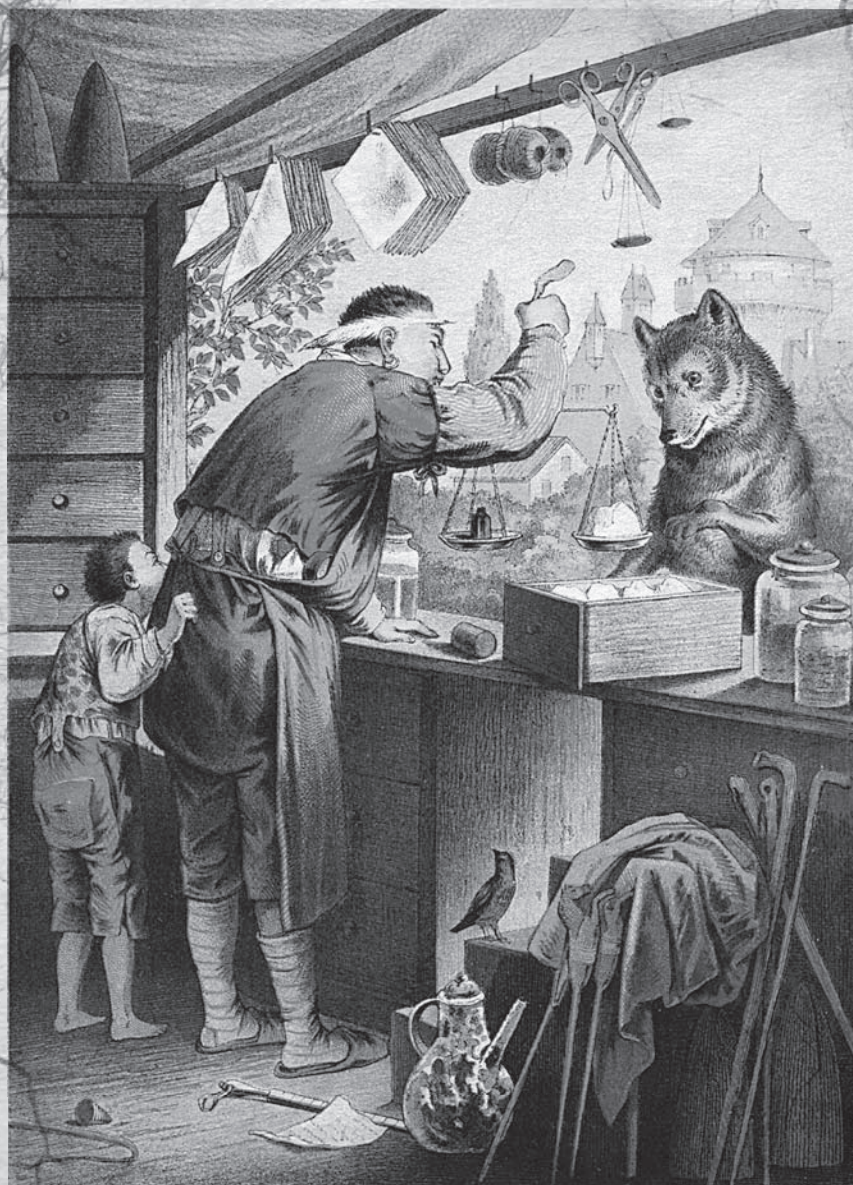
«Шиповничек». Художник – Джон Груэлл. 1890-е гг.

«Красная Шапочка». Художник – Карл Оффтердингер. 1874 г.

«Красная Шапочка». Художник – Карл Оффердингер. 1874 г.

«Волк и семеро козлят». Художник — Карл Офтердингер. 1874 г.

«Братец и сестрица». Художник – Джон Груэлл. 1890-е гг.

«Спящая красавица». Художник – Гюстав Доре. 1870-е гг.

«Замарашка». Художник – Гюстав Доре. 1870-е гг.

Яков
Гримм

Вильгельм
Гримм

*Меня мачеха убила,
Мой отец меня же съел.
Моя милая сестричка
Мои косточки собрала,
Во платочек их связала
И под деревцем сложила.
Чивик, чивик! Что я за славная птичка!*

*(Сказка о заколдованном дереве.
Яков и Вильгельм Гримм)*

Впервые в России: полное собрание сказок, собранных братьями Гримм в неадаптированном варианте для взрослых! Многие известные сказки в оригинале заканчиваются вовсе не счастливо. Дело в том, что братья Гримм писали свои произведения для взрослых, поэтому сюжеты неадаптированных версий «Золушки», «Белоснежки» и многих других добрых детских сказок легко могли бы лечь в основу сценария современного фильма ужасов.

Сестры Золушки обрезают себе часть ступни, чтобы влезть в хрустальную туфельку, принц из сказки про Рапунцель выкалывает себе ветками глаза, а «добрые» родители Гензеля и Гретель отрубают своим детям руки и ноги. Таких сказок вам еще не доводилось читать... В этом издании впервые публикуются все, включая самые мрачные и пугающие, истории оригинального сборника братьев Гримм.

Издание дополнено гравюрами и иллюстрациями XIX века.

ISBN 978-5-906979-68-1

9 785906 979681 >